This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PS law 176.25

Bd. March, 1884.

6 Oct, 1879 - 23 Jan, 1884.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

1873
1

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 1-ая.

ЯНВАРЬ, 1873.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

КНИГА 1-ая. — ЯНВАРЬ, 1873.

Стр.

I.—ПРЕДАНІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ. — I-V.—**П. И. Костомарова** 1

II.—НА ПЕРЕПУТЬИ.—Романъ.—Часть первая.—**Н. Дмитріевой** 31

III.—ПЕРЕГОВОРЫ КНЯЗЯ МЕНШИКОВА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.—По подлиннымъ документамъ.—**М. И. Богдановича** 88

IV.—РУССКІЕ ВЪ ГАЛИЦІИ. — Литературныя и политическія замѣтки.—I-II.—**М. Т—окъ** 111

V.—ПОЭЗІЯ.—Стихотв. **Я. П. Полонскаго** 153

VI.—НОВАЯ ВѢНА И ЕЯ САМОУПРАВЛЕНІЕ.—I-VIII.—**Бар. Н. А. Корфа** . . 156

VII.—ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ XIX-го ВѢКА.—Les discours de M. le Prince de Bismarck.—I-III. — **А. Б.** 191

VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Эдвардъ.—II. Про подвигъ слышалъ я.—III. Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь.—**Гр. А. К. Толстого** 257

IX.—СТРАННИКИ ИЛИ БѢГУНЫ ВЪ РУССКОМЪ РАСКОЛѢ. — III. Организація секты. — **А. П. Розова** 261

X.—ЭСКИЗЫ ИТАЛЬЯНСКАГО ОБЩЕСТВА.—I.—**Анжело Де-Губернатисъ** . . 291

XI.—КРИТИКА.—НОВАЯ КНИГА О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ КРЕДИТѢ.—Государственный кредитъ. Очеркъ возстанія государственнаго долга въ Англіи и Франціи. М. М. Алексѣенко.—**И. К—ичъ** 309

XII.—ХРОНИКА.—О ВЫСШЕМЪ ОБРАЗОВАНІИ ЖЕНЩИНЫ.—По поводу полемики пр. Бишофа съ пр. Бёмертомъ и Германомъ.—**С. П. Ловцова.** . . . 321

XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Прошедшій годъ.—Жизнь общественная и административная.—Три десятилѣтія, и отпечатокъ ихъ въ современной прессѣ.—Послѣдніе результаты крестьянской реформы, по современному положенію крестьянскаго надѣла. — Выкупная операція. — Вопросъ о выкупныхъ платежахъ и податяхъ.—Интересы земледѣлія.—Реальныя училища и земство. . 341

XIV.—ПОВАЛЬНОЕ ПЬЯНСТВО И МѢРЫ ПРОТИВЪ НЕГО.—**Н. А. Тизенгаузена.** 381

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Окружная реформа въ Пруссіи. — Министерскій кризисъ.—Письмо императора-короля. — Борьба съ католицизмомъ. — Уступки Тьера большинству.—Избирательная реформа въ Австріи.—Испанскія дѣла.—Невольничество въ колоніяхъ. — Посланіе президента Гранта къ конгрессу 401

XVI.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.—Тьеръ и „правая".—**П.** 421

XVII.—РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Наша историография. — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXII: Исторія Россіи въ царств. имп. Елисаветы Петровны, т. II, С. Соловьева 433

XVIII.—НОВЫЯ КНИГИ.—Азбука, графа Л. Н. Толстого 453

XIX.—ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Экономическіе успѣхи современной Англіи. — History of British Commerce and of the economic progress of the British nation, 1763—1870. By Leone Levi. 457

XX.—ИЗВѢСТІЯ. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. 477

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XVI стр.

Digitized by Google

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1873 г. см. на оборотѣ.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ XXXVII. — ТОМЪ CCXIII. — 1/13 ЯНВАРЯ 1873.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ

1873
1

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

Digitized by Google

PSlav 176.25
~~131.84~~
~~Slav 30.2~~

Jan. 1873.

(5)

Digitized by Google

ПРЕДАНІЯ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ

РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ

Въ послѣднее время археографическая коммиссія предприняла вновь переиздать прежде изданныя ею же лѣтописи. Это предпріятіе окажетъ наукѣ безспорно услугу, во-первыхъ, потому, что экземпляры прежнихъ изданій нѣкоторыхъ томовъ выбыли изъ продажи, во-вторыхъ, потому, что въ настоящее время предстоитъ возможность избѣгнуть тѣхъ недостатковъ и погрѣшностей, безъ которыхъ не обошлись прежнія изданія. До сихъ поръ изданы списки Лаврентьевскій и Ипатскій; въ томъ и другомъ напечатаны цѣликомъ два варіанта первоначальной лѣтописи, а затѣмъ въ первомъ изъ этихъ списковъ—Лаврентьевскомъ—лѣтопись Суздальская по списку Лаврентія Мниха, служащая продолженіемъ первоначальной лѣтописи и прерывающаяся 1377-мъ годомъ, и кромѣ того, другая Суздальская же по академическому списку отъ 1205 г. до 1419 включительно; во второмъ спискѣ—Ипатскомъ—продолженіе первоначальной лѣтописи, заключающее въ себѣ кіевскую и волынско-галицкую лѣтописи до 1305 г. съ нѣкоторымъ перерывомъ. Въ числѣ улучшеній противъ прежнихъ изданій безъ сомнѣнія слѣдуетъ поставить и то, что оба списка первоначальной лѣтописи изданы цѣликомъ, каждый особо, а не спутаны подстрочными указаніями варіантовъ, какъ то бывало прежде. Выпустивъ лѣтописи въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ могутъ быть доступны большинству, коммиссія возъимѣла желаніе удовлетворить еще требованіямъ строгихъ спеціалистовъ, а потому и кромѣ

Digitized by Google

того издаетъ первоначальную лѣтопись въ фотографическихъ снимкахъ со списковъ Лаврентьевскаго и Ипатскаго (до сихъ поръ вышелъ только послѣдній). Это даетъ коммиссіи избавиться (впрочемъ по отношенію только первоначальной лѣтописи, а не ея продолженій, которыя для историка, какъ источники, представляютъ равную важность) отъ нареканій со стороны строгихъ судей за раскрытіе титлъ, разстановку знаковъ препинанія и замѣны юсовъ и омегъ употребительными въ русскомъ правописаніи соотвѣтствующими гласными.

По поводу этихъ изданій мы рѣшились высказать нѣсколько словъ относительно одного изъ элементовъ нашей первоначальной лѣтописи,— высказать нашъ взглядъ на значеніе элемента туземнаго, своеобразнаго, и потому болѣе многаго другого для насъ драгоцѣннаго и незамѣнимаго. Мы разумѣемъ тѣ древнія сказанія, преданія и пѣснопѣнія, которыми воспользовались составители лѣтописи, какъ показываютъ ея признаки. Мы не предпринимаемъ ученаго анализа нашего лѣтописнаго свода отчасти потому, что въ нашей ученой литературѣ есть дѣятели, болѣе насъ способные и свѣдущіе, уже заявившіе себя разработкою подробностей, относящихся къ построенію такого труда, отчасти же и потому, что мы уже заявляли печатно нашъ взглядъ, при которомъ остаемся до сихъ поръ. Припомнимъ только результатъ нашихъ прежнихъ изслѣдованій: лѣтопись, называемая Несторовою, никакъ не принадлежитъ, во всемъ своемъ объемѣ, этому писателю, который былъ только лѣтописцемъ Печерскаго монастыря; она состоитъ изъ разныхъ туземныхъ и переводныхъ отрывковъ и составлена въ видѣ цѣлаго свода игуменомъ Сильвестромъ (впослѣдствіи епископомъ переяславскимъ), какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ слѣдующее послѣсловіе: «Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ надѣяся отъ Бога милость пріяти при князи Владимири княжащему въ Кіевѣ, а мнѣ въ то время игуменющю у св. Михаила въ 6624 г. индикта 9 лѣта». — Ему, вѣроятно, принадлежитъ разбивка сказаній на годы въ подражаніе византійскимъ пріемамъ лѣтописанія.

Если мы станемъ разсматривать отдѣльно ту часть первоначальной лѣтописи, которая обнимаетъ въ себѣ нашу древнюю исторію отъ начала ея до смерти Владимира, то должны будемъ признать, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ переводныхъ отрывковъ, договоровъ съ греками, да отдѣльной повѣсти о крещеніи Владимира, все остальное взято (отчасти и въ послѣднюю эту повѣсть) изъ изустныхъ преданій и пѣснопѣній. Иныхъ источ-

Digitized by Google

никовъ невозможно и вообразить. Предположеніе, что такъ какъ славянская грамота уже существовала, то и на Руси могли быть еще до Владимира грамотные люди и записывать дѣянія своего времени, не выдерживаетъ критики. Еслибы такіе грамотные люди взялись за это дѣло, то будучи, конечно, христіанами, они бы на первомъ планѣ поставили судьбы христіанства, его распространеніе, его борьбу съ язычествомъ, но въ нашей лѣтописи ничего подобнаго нѣтъ, и нашъ лѣтописецъ, повидимому, не зналъ о такомъ важномъ событіи, какъ крещеніе русскихъ въ половинѣ IX-го вѣка, о чемъ мы имѣемъ свѣдѣніе только благодаря византійскимъ извѣстіямъ. Это одно уже лишаетъ насъ права допускать возможность веденія лѣтописи или даже составленія какихъ-либо историческихъ описаній во времена господства язычества, однимъ словомъ, такихъ письменныхъ памятниковъ, которые бы послужили источниками для лѣтописи, составленной Сильвестромъ. Очевидно, что мысль вести лѣтописное повѣствованіе могла придти только уже въ такой періодъ, когда въ Кіевѣ окрѣпло христіанство, и вмѣстѣ съ нимъ къ русскимъ до извѣстной степени привились признаки, заимствованные изъ византійскаго культурнаго міра: только тогда и могли русскіе познакомиться съ пріемами лѣтописательства, которое у нихъ, при самомъ легкомъ сопоставленіи съ византійскими образцами, обличаетъ перенятое у своихъ просвѣтителей. Достойно замѣчанія, что лѣтописный трудъ Сильвестра совпадаетъ съ эпохою Владимира Мономаха, которая была самымъ виднымъ пунктомъ во всемъ періодѣ отъ смерти Владимира Святого до разоренія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ,—періодѣ, въ который Русь была близка къ византійскому міру такъ, какъ того не было никогда уже въ ея исторіи. Владимиръ Мономахъ былъ самою блестящею личностію между князьями этого періода. Сынъ греческой царевны, владѣвшій безъ сомнѣнія греческимъ языкомъ, который былъ знакомъ и многоязычному отцу его Всеволоду, Владимиръ любилъ чтеніе, самъ былъ писателемъ и покровительствовалъ книжному дѣлу. И онъ самъ, и его родные вели сношенія съ Константинополемъ. Греки, пріѣзжавшіе въ Русь и жившіе въ ней, а равно и русскіе, странствовавшіе въ византійской имперіи — кто ради благочестія, кто для торговыхъ цѣлей, кто отыскивая себѣ счастіе въ службѣ императоровъ — поддерживали умственную и нравственную связь Руси съ эллинскимъ міромъ, который, при всемъ своемъ паденіи въ односторонность, все еще заключалъ въ себѣ достаточно культурныхъ элементовъ для пробужденія интеллектуальной жизни въ варварской націи, приходившей съ нимъ въ друже-

Digitized by Google

ственное соприкосновеніе. Отъ совершенной безграмотности сѣвернаго язычества русскіе замѣчательно быстро шагнули въ духовной и литературной дѣятельности, довольно плодовитой, разумѣется сообразно вѣку и вовсе не баловавшимъ ихъ условіямъ мѣстнаго быта. При всей темнотѣ, какая теперь покрываетъ для насъ внутреннюю жизнь нашихъ предковъ XI-го и XII-го вѣковъ, благодаря послѣдующимъ опустошеніямъ, постигшимъ южную Русь, не только отъ варварства половцевъ, монголовъ, литовцевъ, крымцевъ, но и отъ латинскаго просвѣщенія (извѣстно, что во время уніатскаго фанатизма не только не берегли памятники славянской письменности православной старины, но даже умышленно истребляли ихъ съ религіозно-національными цѣлями), все еще остались кое-какіе признаки этого былого богатства, погибшаго въ большинствѣ для потомства. Не говоримъ уже о томъ, что Русь усвоила себѣ готовый запасъ славяно-болгарской письменности, ни о томъ, что по свидѣтельству, оставшемуся отъ тѣхъ временъ, русскіе могли читать и пророческія бесѣды, и евангельскія ученія, и апостольскія, и житія св. отецъ, въ Руси переводились разныя византійскія сочиненія, какъ то показываютъ слова Григорія, Пандекты Антіоха, Діоптра Филиппа пустынника. На Руси явились и свои проповѣдники и писатели, какъ Иларіонъ, Іаковъ, Кириллъ Туровскій,—люди, въ литературномъ образованіи которыхъ мы можемъ менѣе сомнѣваться, чѣмъ въ ихъ самобытномъ талантѣ. Все это, конечно, были не единичныя явленія, такъ какъ мы знаемъ о нашей древней южно-русской литературѣ только благодаря тому, что кое-что было списано на сѣверѣ. Переводныя и подражательныя сочиненія въ сферѣ византійской церковности не исчерпывали всей литературной дѣятельности русскихъ. Подобно тому, какъ въ сферѣ церковнаго управленія Русь, хотя и сознавала надъ собою законность первенства цареградскаго патріарха, но не дозволяла Византіи черезчуръ сѣсть себѣ на плечи (чему можетъ служить примѣромъ двукратное избраніе природныхъ русскихъ въ митрополиты мимо посвященія у патріарховъ), такъ и въ умственной сферѣ Русь, хотя и усвоивала образцы византійскіе, но не всецѣло приносила имъ въ жертву собственные идеалы. Рядомъ съ одностороннею богомольно-монашескою литературою, мы встрѣчаемъ слѣды литературы живой, самородной, національной. Таковы были пѣсни Бояна, которыя раздавались въ Руси именно въ эпоху Владимира Мономаха, судя по тѣмъ намёкамъ, какіе дѣлаетъ пѣвецъ Игоря о ихъ содержаніи. Этотъ послѣдній преемникъ «вѣщаго соловья» стараго времени, или вѣрнѣе, одинъ изъ неизвѣстныхъ для насъ его пре-

Digitized by Google

сиповъ, своимъ произведеніемъ показываетъ, что въ такого рода литературныхъ явленіяхъ, къ какому принадлежитъ его твореніе, русскій духъ не только не былъ рабски скованъ византійскими узами, но даже шелъ въ разрѣзъ съ византійскимъ направленіемъ, хотя и черпалъ изъ того же источника книжнаго образованія; русскій духъ не гнушался древней языческою стариной и пріемами ея поэтическаго творчества: крещеные русскіе люди услаждали свой слухъ преданіями и пѣснями, составлявшими достояніе некрещеныхъ предковъ. Пѣвцы на пирахъ и братчинахъ пѣли о старыхъ временахъ и дѣяніяхъ, въ пѣсняхъ и извстныхъ разсказахъ жила прошлая исторія, грамотные люди не стыдились, какъ должно думать, передавать ихъ и писанію. Суровые аскеты неблагосклонно относились къ пѣсни, потому что она была признакомъ мірского веселія, но не могли уничтожить пѣсни, какъ не могли всѣхъ заставить промѣнять наслажденіе жизнью на скорбь покаянія. Кіевскій князь сдѣлалъ уступку св. Ѳеодосію, удаляя отъ себя пѣвцовъ и игрецовъ, когда являлся къ нему сподвижникъ, но призывалъ ихъ опять къ себѣ, когда нравоучитель удалялся въ свою обитель. Но и благочестивые люди должны были съ своей стороны дѣлать уступки. Не всѣ стали, да и по человѣческой природѣ не всѣ могли стать на такую точку зрѣнія, чтобы считать достойнымъ вниманія только монастырь и молитву; они обращали свое вниманіе и къ мірскимъ дѣламъ, самое византійское образованіе побуждало ихъ знать, что́ дѣлалось и дѣлается въ мірѣ; и въ благочестивой Греціи видѣли они примѣръ того способа, какимъ тамъ описывали не только церковныя, но и мірскія событія; они узнали, что тамъ существовали хронографы, гдѣ излагалась исторія не только христіанскихъ, но и языческихъ царей. Естественно было желаніе приложить и эту сторону духовнаго труда къ своему отечеству, какъ прилагали къ нему то, что́ встрѣчали въ области вѣры. Если греки, учители, описывали свои старыя дѣянія, то почему и русскимъ, ихъ ученикамъ, того же не дѣлать у себя? Прочитанные въ переводѣ хронографы Амартола и Малалы достаточно могли побудить русскаго мыслящаго человѣка къ намѣренію составить нѣчто подобное для своего отечества.

Мы не беремся отвѣчать на вопросъ, первый ли Сильвестръ, составивъ свою лѣтопись, описывалъ дѣянія своихъ предковъ до водворенія христіанства, или же вписалъ въ нее уже прежде сдѣланныя другимъ кѣмъ-нибудь описанія, такъ какъ вопросъ этотъ не представляетъ въ своемъ разрѣшеніи, такъ или иначе, большой важности въ томъ отношеніи, въ какомъ мы разсматри-

Digitized by Google

ваемъ способъ обращенія лѣтописцевъ къ своимъ источникамъ. Дѣло въ томъ, что кто бы онъ ни былъ, но, будучи благочестивымъ христіаниномъ, онъ долженъ былъ обратиться именно къ тому, что̀ охуждалъ монашескій взглядъ — къ пѣснямъ и преданіямъ. Другого источника важнѣе для него не представлялось, и всѣ иные источники, письменные, могли служить ему только дополнительными или вспомогательными средствами. И онъ поневолѣ къ нимъ обратился, хотя и передавалъ ихъ содержаніе въ сокращеніи, какъ предписывало ему желаніе избѣгать тѣхъ пріемовъ, въ какихъ передавали ихъ пѣвцы и разсказчики, пріемовъ неприличныхъ для благочестиваго книжника. Такимъ-то путемъ первые русскіе книжные люди пришли къ необходимости сохранить для потомства кое-какіе слѣды нашей древней исторической поэзіи. Разсмотримъ по частямъ отдѣльно то, что̀ сообщила имъ эта самородная русская поэзія.

I.

Преданіе о переселеніи славянъ.

Преданіе самое древнее, и едва ли не самое важное во всей лѣтописи, есть преданіе о переселеніи славянъ съ береговъ Дуная въ нынѣшнюю Россію. Событіе это положило зародышъ русскому народу, всей его судьбѣ и, можно сказать, опредѣлило съ извѣстной стороны характеръ всей нашей исторіи. Событіе это намъ исторически извѣстно только изъ нашего лѣтописца. Онъ не указываетъ точно времени, когда оно совершилось; для него оно произошло въ такое отдаленное время, о которомъ онъ никакъ не могъ сдѣлать соображеній на основаніи извѣстныхъ ему фактовъ изъ хронографовъ, которые онъ могъ читать, но тѣмъ не менѣе онъ указываетъ не только самое событіе, но и его причину. На славянъ напали волохи и овладѣли ихъ землею; славяне не хотѣли быть въ порабощеніи у насильниковъ, двинулись изъ дунайскихъ странъ къ сѣверу и начали заселять западную полосу нынѣшней европейской Россіи, отъ устья Днѣстра и береговъ черноморскихъ до Ладожскаго озера и до предѣловъ Балтійскаго моря. Способъ, какимъ изложилъ лѣтописецъ это событіе, достоинъ замѣчанія и служитъ ручательствомъ, что при передачѣ его не участвовалъ вымыселъ не только лица, которое его записало, но даже и того вѣка, къ которому принадлежало это лицо. Способъ этотъ очень простъ и ограничивается самыми об-

Digitized by Google

щими чертами, въ какихъ только и могло сохраниться въ памяти многихъ поколѣній слишкомъ древнее событіе, когда уже всѣ его болѣе или менѣе подробныя черты не только дѣйствительныя, но даже и вымышленныя, какими безъ сомнѣнія оно изукрашалось прежде, изгладились или, по крайней мѣрѣ, сошли съ своего первоначальнаго фона и перемѣшались съ чертами другого рода. Что это дѣйствительно древнее преданіе, а не какое-нибудь книжное измышленіе, это подтверждаетъ для насъ и теперь значеніе Дуная въ поэтическомъ языкѣ народа; имя Дуная извѣстно Руси какъ нарицательное имя большой рѣки; это имя раздается въ хороводныхъ пѣсняхъ, носящихъ несомнѣнные признаки глубокой старины, пѣсняхъ, распѣваемыхъ одними поколѣніями за другими, на обширномъ пространствѣ и въ такихъ мѣстахъ, о которыхъ утвердительно можно сказать, что ихъ обитатели никогда не имѣли непосредственнаго соприкосновенія съ дунайскими странами. Никакъ невозможно предполагать случайнаго, позднѣйшаго занесенія; отъ эпохи лѣтописца до нашего времени прошло уже почти десять вѣковъ, и въ это долгое время русскій народъ испыталъ слишкомъ много переворотовъ, и вслѣдствіе разныхъ историческихъ и географическихъ условій подвергался измѣненіямъ въ своемъ существѣ несравненно болѣе, чѣмъ въ періодъ, прожитый имъ до времени занесенія въ лѣтопись преданія о его первоначальномъ поселеніи на русской почвѣ, какъ бы ни былъ продолжителенъ этотъ періодъ. Поэтому не удивительно, что въ настоящее время вмѣстѣ съ пѣснями, въ которыхъ народъ уже безсознательно поетъ о Дунаѣ, о родинѣ своихъ прародителей, онъ уже не выскажетъ ясно такого преданія, что эти прародители когда-то покинули берега Дуная, убѣгая отъ какихъ-то волоховъ; но въ XI-мъ и XII-мъ вѣкѣ это преданіе еще существовало, какъ видно, хотя и тогда уже отъ него оставался только скелетъ — за то эта была дѣйствительная истина, освободившаяся отъ примѣси фантазіи.

Съ древними преданіями совершается такой процессъ: по мѣрѣ удаленія отъ эпохи событія, подробности преданія принимаютъ болѣе или менѣе вымышленныя черты, иногда доходятъ до чудовищныхъ размѣровъ, смотря по свойству событія и условіямъ быта, черезъ который преданіе переходитъ. Но когда уже пройдетъ слишкомъ много времени, подробности станутъ отдѣляться, разлагаться, прирастать къ другимъ преданіямъ и образамъ, и наконецъ исчезать совершенно; и отъ всего преданія остается одно общее, такъ-сказать—скелетъ, и это-то часто бываетъ историческою истиною. Въ такомъ положеніи, намъ кажется, было и

Digitized by Google

преданіе о переселеніи славянъ, когда его записалъ лѣтописецъ, и это, можно сказать, была его свѣтлая сторона, благопріятная для объективной истины: такое положеніе избавляетъ насъ отъ вопросовъ, которые бы, возникая, способствовали не разъясненію, а затемнѣнію предмета. Теперь, напротивъ, достаточно ясно, потому что просто... Отыскивать волоховъ въ томъ или другомъ племени, народѣ, гоняться для отысканія ихъ за этимологическими сходствами, едва ли бы не было болѣе праздным педантствомъ, чѣмъ ученою пытливостію. Названіе «волоховъ» черезчуръ общеизвѣстно. Славяне этимъ именемъ издавна называли и теперь называютъ итальянцевъ, а также они перенесли это имя и на потомковъ итальянскихъ поселенцевъ въ Дакіи, образовавшихъ, чрезъ свое смѣшеніе съ иными племенами, особый народъ румыновъ. Лѣтописецъ, говоря о волохахъ, разумѣлъ не какой-либо особый неизвѣстный, можетъ быть, миѳическій народъ; это ясно изъ того, что, указывая жительство варяговъ (уже принявшихъ тогда въ народномъ способѣ русскаго выраженія значеніе западныхъ европейцевъ—нѣмцы) онъ упоминаетъ о землѣ волошской на западѣ, и подъ нею, вѣроятнѣе всего, слѣдуетъ разумѣть Италію; въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ болѣе точно хочетъ показать прежнее отечество славянъ, откуда ихъ выгнали волохи, онъ говоритъ, что въ его время въ этихъ странахъ находятся земли угорская и болгарская. Какими бы путями ни приходило слово «волохъ», откуда бы оно ни вышло, прежде чѣмъ приросло къ итальянцамъ, и наконецъ, въ какомъ бы отношеніи это слово ни находилось въ глубочайшей древности къ кельтійскому племени (по созвучію слова «волохъ» съ стариннымъ Walh, Walch, староангл. Vëalh), но, какъ намъ кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что лѣтописецъ, внося въ свою лѣтопись глубоко-древнее преданіе объ изгнаніи славянъ съ береговъ Дуная волохами, сознательно понималъ подъ этими волохами, во-первыхъ, ближе всего тѣхъ итальянскихъ колонистовъ, которые образовали румынскій народъ и спеціально получили у славянскихъ народовъ названіе волоховъ или валаховъ; во-вторыхъ же, настоящихъ итальянцевъ, отъ которыхъ произошли означенные дунайскіе поселенцы. Волохи въ смыслѣ румыновъ были одно и то же, что волохи въ смыслѣ итальянцевъ въ ту эпоху, когда славяне принуждены были убѣгать отъ ихъ насилій. По представленію, образовавшемуся у лѣтописца на основѣ народнаго преданія, пришли волохи и завладѣли землею славянскою (приняша землю словенску); славяне, не желая терпѣть насилія отъ волоховъ, уходили на сѣверъ, искать новыхъ жилищъ, однако не всѣ славяне

Digitized by Google

такимъ образомъ ушли съ береговъ Дуная; другіе остались на прежнихъ мѣстахъ, подчинившись волохамъ, и жили вмѣстѣ съ послѣдними, а когда угры, ворвавшись черезъ горы въ нынѣшнюю Венгрію, осѣлись въ ней, то имъ пришлось воевать разомъ и волоховъ и славянъ (почаша воевати на живущая ту волохи и словѣни): понятно, что лѣтописецъ, говоря такимъ образомъ, не признавалъ, чтобъ переселеніе славянъ съ Дуная, убѣгавшихъ отъ насилія волоховъ, было всеобщимъ; славяне продолжали жительствовать и размножаться въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, это событіе было никакъ не перемѣщеніе племени, а расширеніе его жительства. Нападеніе волоховъ на славянъ есть не что иное, какъ завоеваніе римлянами по-дунайскихъ странъ; когда одни славяне покорялись своей судьбѣ и оставались въ подчиненіи пришельцамъ, другіе убѣгали искать себѣ иного, независимаго отечества. Переселеніе славянъ совершалось, конечно, не за однимъ разомъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ; кто сильно почувствуетъ тягость условій на прежнемъ мѣстѣ, тотъ убѣгаетъ, побуждаемый предшествовавшими примѣрами своихъ собратій, и въ свою очередь увлекаетъ другихъ своимъ примѣромъ; впрочемъ, самое массивное переселеніе, какъ кажется, послѣдовало во время завоеванія Даціи Траяномъ, и быть можетъ нашихъ предковъ можно искать въ тѣхъ сарматахъ, ушедшихъ массами къ сѣверу, о которыхъ сохранились римскія извѣстія, подтверждаемыя наглядными изображеніями на траяновой колоннѣ. Мы не думаемъ искать славянъ вездѣ, гдѣ только ни говорилось о сарматахъ; но такъ какъ послѣднее названіе стало болѣе географическимъ, чѣмъ опредѣленно этнографическимъ, то подъ именемъ «сарматъ» могли скрываться и славяне. Во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что римское завоеваніе понуждало народы переселяться массами изъ своего прежняго отечества въ отдаленныя страны, очень важенъ для историческаго значенія преданій объ уходѣ славянъ съ Дуная въ страны нынѣшней Россіи, случившемся по поводу нашествія на нихъ волоховъ.

Намъ кажется не только не страннымъ, но даже очень естественнымъ то обстоятельство, что событіе, которымъ начиналась исторія славянъ на русской почвѣ, отпечатлѣлось въ памяти потомковъ болѣе, чѣмъ многіе послѣдующіе перевороты, постигавшіе переселенцевъ въ ихъ новомъ отечествѣ. Лѣтописецъ, какъ видно, былъ менѣе знакомъ съ письменными историческими памятниками, чѣмъ съ родными преданіями, и до него, какъ видно, не дошло ничего ни о готскомъ завоеваніи, ни о временахъ

Digitized by Google

Аттилы. У нашего лѣтописца нѣтъ ни малѣйшаго намёка на эти отдаленныя событія. Поэтому мы полагаемъ, что въ ту эпоху, когда онъ жилъ, уже не оставалось въ народѣ преданій объ нихъ, по крайней мѣрѣ въ такой степени выразительныхъ, чтобъ они могли дать лѣтописцу поводъ сказать объ нихъ два-три слова. А между тѣмъ, преданіе объ уходѣ славянъ съ Дуная было до того живо, что лѣтописецъ сообщалъ его коротко, но съ такими признаками, по которымъ есть возможность найти о чемъ говоритъ онъ. Это, главнымъ образомъ, произошло оттого, что славяне-переселенцы въ дальнѣйшей своей исторіи уже во времена своего пребыванія на русской почвѣ долго находились въ такихъ условіяхъ, что первоначальный приходъ ихъ не давалъ себя забывать, а напротивъ, многое безпрестанно и постоянно напоминало имъ о томъ, что они пришельцы въ той землѣ, гдѣ живутъ. Подвигаясь и разселяясь все далѣе и далѣе и сталкиваясь съ народами иныхъ племенъ, славяне должны были шагъ за шагомъ въ борьбѣ съ ними овладѣвать своимъ новымъ отечествомъ. Ихъ встрѣчало два рода иноземцевъ: одни осѣдлые, но слабые и духомъ и сплоченіемъ; они бѣжали отъ пришельцевъ, вымирали подъ ихъ наплывомъ, или же сливались съ ними, утрачивая свою прежнюю народность и усвоивая славянскую;—другіе, кочевые, воинственные—мѣшали славянамъ устаиваться и развиваться. Пока славяне не успѣли поглотить однихъ, покорить или отбить другихъ, сознаніе въ томъ, что они пришельцы на своей землѣ, не могло въ нихъ угаснуть. Въ послѣдующія времена оно не терялось оттого, что площадь, которую успѣли славяне занять, исключительно была уже очень обширная, массы осѣдлыхъ славянъ перестали уже видѣть вокругъ себя сторонниковъ иного племени и потому забывали, съ одной стороны, что на землѣ, гдѣ они живутъ, обитали другія племена, а съ другой,—что сами они на эту землю пришли откуда-то, забывали оттого, что ничто не поддерживало въ нихъ такихъ воспоминаній, ничто такое не бросалось имъ въ глаза, что́ бы говорило имъ постоянно, что они пришельцы. Извѣстно, что у русскаго народа и теперь есть свои понятія о Россіи: находясь въ предѣлахъ русскаго государства, русскій человѣкъ называетъ «Россіею» ту часть ея, гдѣ онъ видитъ сплошное русское населеніе, и будучи въ краѣ, гдѣ встрѣчаетъ осѣдлое значительное населеніе иного племени, не считаетъ уже этого края Россіею, и русскіе люди, тамъ живущіе, имѣютъ сознаніе о своемъ приходѣ, воспоминанія и преданія, хотя иногда и тусклыя. Такъ на сѣверѣ Россіи, тамъ, гдѣ еще есть

Digitized by Google

инородцы, курганы приписываются народу чудскому, который погибъ во время нашествія въ тотъ край русскихъ людей, слѣдовательно у тамошнихъ русскихъ оказывается преданіе о своемъ пришествіи въ этотъ край, въ которомъ они живутъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ уже русскому человѣку не бросаются въ глаза осѣдлые инородцы, тамъ съ подобными курганами соединяются преданія о панахъ или о Литвѣ, иноземныхъ врагахъ, приходившихъ безпокоить русскій народъ въ его отечествѣ, но преданія о приходѣ въ это отечество самого русскаго народа уже въ этомъ случаѣ нѣтъ. Подобно тому у малороссовъ, которыхъ колонизація широко растянулась отъ Днѣпра на востокъ, вплоть до Волги (хотя съ постепенно ослабѣвающею густотою племени), въ мѣстахъ, гдѣ они живутъ въ сосѣдствѣ или въ перемежку съ великоруссами, есть сознаніе о томъ, что они пришельцы въ странѣ своего жительства, у нихъ сохраняются преданія о томъ, какъ дѣды ихъ ушли изъ «гетманщины» или «польщи». Но въ западной Малороссіи, гдѣ малорусское населеніе сплошное, нѣтъ такого преданія, чтобы дѣды ихъ пришли откуда-нибудь въ свою землю. Точно подобное произошло и съ преданіемъ о приходѣ съ Дуная: преданіе это не угасало въ теченіи ряда столѣтій оттого, что славяне постоянно сталкивались съ населеніемъ иныхъ племенъ, и такія встрѣчи и столкновенія поддерживали у славянъ сознаніе о собственномъ значеніи пришельцевъ.

Впрочемъ, мы еще не рѣшимся вовсе отвергать того, чтобы слабые оттѣнки древнихъ преданій о волохахъ не просвѣчивали и теперь еще въ нѣкоторыхъ представленіяхъ у малороссовъ. Слово «волохъ» въ народѣ до сихъ поръ извѣстно. Оно означало молдаванъ въ тѣ времена, когда малорусскіе казаки имѣли сношенія съ ними; то же значеніе имѣетъ оно и теперь тамъ, гдѣ продолжаются народныя сношенія съ молдаванами. Но, вообще, въ большей части малорусскаго края это слово перешло на цыганъ — какъ поется въ одной пѣснѣ: «циганочка волошечко», хотя въ разговорномъ языкѣ этотъ народъ болѣе называютъ цыганами. Есть родъ цыганъ, называемыхъ плащеватыми; но кромѣ выраженія «плащеватый цыганъ», есть еще выраженіе: «плащеватый волохъ», и тутъ для насъ возникаетъ сомнѣніе: дѣйствительно ли плащеватый цыганъ и плащеватый волохъ одно и то же? Названіе волоха въ этомъ случаѣ имѣетъ для народнаго впечатлѣнія какой-то страшный, таинственный характеръ; существуетъ поговорка: «нехай тебе плащеватий волохъ визьме!» Быть можетъ, здѣсь представленіе о плащеватомъ во-

Digitized by Google

лохѣ примкнуло только къ представленію о плащеватомъ цыганѣ, а само оно—очень старое представленіе о томъ волохѣ, который нѣкогда былъ врагомъ предковъ русскаго народа. Это мы можемъ принять тѣмъ смѣлѣе, что рядомъ съ этимъ представленіемъ о плащеватомъ волохѣ существуетъ повѣрье о народѣ волохахъ, живущемъ гдѣ-то далеко за моремъ, народѣ страшномъ и не похожемъ на обыкновенныхъ людей: эти волохи—«волохатые», то-есть обросшіе шерстью; существуютъ сказочные анекдоты о томъ, какъ «наши» люди попадали къ «волохамъ», между прочимъ, одинъ разсказъ, очень характеристичный, въ такомъ видѣ: одинъ казакъ поплылъ по морю и попалъ на островъ, гдѣ жили волохи; ему приходилась бѣда, но женщина-волошка спасла его и запрятала въ земляную нору, гдѣ сама жила. Всѣ эти волохи жили въ норахъ и были покрыты шерстью, а говорили такъ, что ихъ голосъ похожъ былъ на какой-то писк. Волошка запирала казака и берегла, а потомъ, когда онъ обжился, стала выпускать; у нея отъ казака родился ребенокъ, который былъ на половину въ отца, а на половину въ мать; одна половина его была покрыта шерстью, другая—бѣлая, безъ шерсти. Волохи, узнавши, что пришелецъ уже вошелъ въ связь съ женщиною изъ ихъ народа, не трогали его. Однажды онъ увидѣлъ корабль и началъ махать; корабельщики приплыли; онъ просилъ ихъ взять его къ себѣ, былъ принятъ и поплылъ. Его жена бросилась на берегъ, и увидя, что супруга болѣе нѣтъ, растерзала своего ребенка: половину его тѣла, похожую на себя, зарыла въ землю, другую—бросила въ море и сама затѣмъ утопилась. Другіе разсказы о волохахъ или волохатыхъ людяхъ представляютъ ихъ жителями дремучихъ лѣсовъ; они ловятъ заблудившихся и загрызаютъ ихъ до смерти или заводятъ въ пропасти, въ воду и т. п., дѣлая вообще то, что приписываютъ и лѣшимъ. Мы думаемъ, что подобнаго рода представленія привились къ названію волоха именно потому, что въ глубокой древности имя это было грознымъ и напоминало постигшіе нѣкогда славянскій народъ перевороты. Если, съ одной стороны, мы обратимъ вниманіе на такого рода образы, въ которыхъ еще и теперь рисуется волохъ, а съ другой, на то, что имя Дуная до сихъ поръ не умираетъ въ поэтической рѣчи русскаго народа, то должны будемъ признать, что и теперь еще можно найти обломки древняго племеннаго преданія, переданнаго намъ лѣтописцемъ, преданія, открывающаго для насъ тайну начала существованія нашего, въ смыслѣ отдѣльной національности.

Digitized by Google

II.

Преданія объ уграхъ и обрахъ.

Лѣтописецъ нашъ изъ византійскихъ источниковъ узналъ о нѣкоторыхъ варварскихъ народахъ, имѣвшихъ въ разныя времена сношенія и столкновенія съ восточною имперіею, и пріурочилъ къ нимъ преданія, которыя слышалъ въ своемъ народѣ. Таково, во-первыхъ, его извѣстіе объ уграхъ. У него является два рода угровъ: одни—бѣлые, другіе—черные. Что послѣдніе, которыхъ лѣтопись пріурочиваетъ ко временамъ Олега, были настоящіе венгры—въ томъ не можетъ быть сомнѣнія; но что касается до угровъ бѣлыхъ, которые отнесены ко временамъ Ираклія и его войны съ персидскимъ царемъ Хозроемъ, то лѣтописецъ разумѣетъ подъ ними тотъ народъ, который, по византійскимъ источникамъ, дѣйствительно воевалъ съ персами въ то же время, какъ съ послѣдними воевали греки, и потому вошелъ въ дружескія сношенія съ имперіею. По толкованію ученыхъ, это были хозары. Назвать ихъ уграми бѣлыми, также какъ венгровъ—уграми черными, лѣтописецъ могъ только съ голоса народныхъ преданій. Представленіе объ одномъ и томъ же народѣ, который раздвояется и къ одной его половинѣ прилагается эпитетъ бѣлый, а къ другой—черный, принадлежитъ къ обычнымъ признакамъ нашего народнаго способа поэтическихъ выраженій. У малороссовъ и теперь есть представленіе объ арапѣ бѣломъ и арапѣ черномъ; съ образомъ перваго соединяется что-то могучее, угрожающее; бѣлый арапъ—въ воображеніи народа, какое-то страшное полчище въ родѣ орды Чингисъ-Хана. Не разъ распространялась въ народѣ тревога, слухъ, что «*отъ білий арапъ иде*», будетъ великая война; такой слухъ появлялся особенно въ тѣ времена, когда дѣйствительно государство находилось наканунѣ войны и по этому поводу усиливались наборы. Представленіе о бѣломъ и черномъ арапѣ переносилось даже и на французовъ послѣ войны двѣнадцатаго года. То же двоеніе на черное и бѣлое мы видимъ и въ представленіи о самомъ русскомъ народѣ: есть бѣлая Русь, есть и черная Русь. То же коренилось и въ древней языческой религіи: были бѣлые боги и черные боги. Изъ нашего лѣтописца видно, что въ древности русскіе славяне прилагали такой способъ раздвоенія къ народамъ, съ которыми сталкивались, и угры, большое племя, жившее нѣкогда на востокъ отъ славянскихъ поселеній, мало из-

Digitized by Google

вѣстное внутри своей страны, подвергались у славянъ такому раздвоенію.

Преданіе объ обрахъ еще очевиднѣе высказываетъ свое народное происхожденіе. Подъ этими обрами у нашего лѣтописца обыкновенно разумѣютъ аваровъ, и дѣйствительно самъ лѣтописецъ пріурочиваетъ ихъ къ аварамъ, какъ показываетъ именно то, что онъ ихъ относитъ ко временамъ Ираклія. Но исключительно ли къ аварамъ относился созданный народомъ образъ обровъ, объ этомъ можетъ возникать еще вопросъ. Оброъ, значитъ исполинъ (чешск. obr, польск. olbrzym). Но представленіе о великанахъ до такой степени распространено у всѣхъ народовъ, что его можно вполнѣ назвать общечеловѣческимъ; съ нимъ связано и вѣрованіе, до сихъ поръ присущее нашему народу, что въ древности люди были крупнѣе ростомъ и сильнѣе тѣломъ. Нашъ лѣтописецъ (не знаемъ, самъ ли лично или чрезъ посредство другихъ) узналъ объ обрахъ, какъ видно, изъ преданія дулѣбовъ, славянорусскаго народа, жившаго въ нынѣшней Волынской губерніи. Обры, по словамъ лѣтописи, напали на дулѣбовъ и творили насиліе женамъ ихъ; если случалось обрину ѣхать куда-нибудь, онъ запрягалъ въ телѣгу не коня, не вола, а трехъ-четырехъ, или пять женщинъ, и заставлялъ везти себя. Такъ мучили обры дулѣбовъ. Это запряганіе женщинъ въ телѣгу поработителями, намъ кажется, принадлежитъ къ ряду обычныхъ нашихъ народныхъ представленій, которыя, какъ выработанныя народнымъ воображеніемъ формы, могутъ быть примѣняемы народомъ къ какому угодно подходящему содержанію. Мы встрѣчаемъ его въ Малороссіи и теперь въ воспоминаніяхъ народа о пребываніи подъ властію польскихъ пановъ и жидовъ, неотдѣлимыхъ отъ польскаго панства въ народномъ воззрѣніи на свою прошлую судьбу. До сихъ поръ разсказываютъ, что дѣлали ляхи съ русскимъ народомъ, и кромѣ порганія религіи (въ церквахъ лошадей ставили, ризами, какъ попонами, укрывали, съ престоловъ овсомъ кормили), на первомъ планѣ въ народномъ воображеніи стоитъ то, что вмѣсто коней и воловъ запрягали женщинъ и дѣвицъ, да еще погоняли ихъ бичами, свитыми изъ ихъ же волосъ. Въ лѣтописи Величка помѣщенъ универсалъ Стефана Остранина (по всѣмъ соображеніямъ—подложный), въ которомъ разсказывается, что поляки запрягали въ плуги людей и женщинъ — матерей, сестръ и женъ, и заставляли орать по льду на рѣкѣ, а жиды подгоняли ихъ бичами. Въ фальшивой исторіи Конискаго разсказывается, будто римско-католическое духовенство разъѣзжало по Малороссіи въ длинныхъ повозкахъ,

Digitized by Google

запряженныхъ людьми. Это извѣстіе, какъ оказывается по соображенію съ существующими народными преданіями, не выдумано въ своей основѣ составителемъ этой исторіи, а вѣроятно внесено съ народнаго голоса, съ видоизмѣненіями. Въ польской Рѣчи Посполитой, странѣ всевозможныхъ панскихъ причудъ, могли быть и подобныя выходки, но уже, конечно, это были не повсемѣстные пріемы, и если народъ обобщилъ ихъ и поставилъ на первомъ планѣ, то потому, что въ его воображеніи былъ уже готовый традиціонный образъ утѣсненія народнаго. Авары въ VI-мъ и VII-мъ столѣтіи подобнымъ способомъ могли неистовствовать надъ порабощенными дулѣбами и другими народами, точно также какъ и польскіе паны надъ русскими схизматиками въ XVII-мъ вѣкѣ; но, по самому своему существу, такое событіе, за неимѣніемъ практическаго приложенія, не могло быть ни у аваровъ, ни у поляковъ,—какъ и у древняго египетскаго завоевателя, разъѣзжавшаго на плѣнныхъ царяхъ,—ничѣмъ другимъ, кромѣ какъ проявленіемъ единичнаго самодурства; оно даже легко могло возникать на дѣлѣ вслѣдствіе уже знакомаго, прежде сложившагося образа, самый же этотъ образъ въ своемъ обобщеніи есть одинъ изъ тѣхъ типическихъ образовъ, какими народъ, которому вообще легче выражать свои мысли образами, чѣмъ понятіями, передавалъ идею униженія порабощенныхъ, терпѣвшихъ подъ гнетомъ порабощителей. По отношенію къ историческимъ судьбамъ славянъ въ Россіи этотъ образъ показываетъ только, что славяне находились въ условіяхъ угнетенія и порабощенія иными племенами, но не можетъ служить характеристическимъ признакомъ, исключительно принадлежащимъ аварскимъ временамъ. Эти обры,—говоритъ лѣтописецъ,—были тѣломъ велики и умомъ горды, но Богъ потребилъ ихъ: они перемерли всѣ, такъ что не осталось ни одного обрина, и есть про нихъ поговорка на Руси: «погибоша, аки обри». Въ этомъ образѣ погибшихъ обровъ можно видѣть ни болѣе ни менѣе какъ великановъ, составляющихъ одинъ изъ признаковъ многихъ извѣстныхъ намъ миѳологій. Эти великаны представляются то какъ титаны, древнѣйшими божескими существами, низложенными и пораженными отъ боговъ новаго поколѣнія, то какъ гиганты, земными, хотя человѣкообразными, но чудовищными твореніями, ополчающимися на боговъ и уничтоженными отъ послѣднихъ. Погибель можетъ быть различная, но погибель неизбѣжна для этихъ великановъ: по старо-нѣмецкимъ представленіямъ, великаны изображаются то погибшими прежде въ борьбѣ съ богами, то долженствующими погибнуть въ концѣ міра, а все-таки погибель ихъ

Digitized by Google

удѣлъ. Наука, можно сказать, достаточно уже рѣшила, что въ этой борьбѣ погибающихъ великановъ съ новыми богами, человѣческая способность выражаться образами изобразила собственный процессъ человѣческаго развитія, заключающійся въ переходѣ отъ безсмысленнаго подчиненія матеріи къ сознанію духовнаго бытія, отъ поклоненія дикой космической силѣ къ обоготворенію человѣчно-нравственныхъ идеаловъ. И такъ какъ при всемъ разнообразіи явленій этотъ процессъ имѣетъ главныя одинакія черты, то и образы его выраженія въ главныхъ чертахъ одинаковы, и къ такимъ одинакимъ чертамъ принадлежитъ погибель великановъ. Этотъ миѳъ оставилъ до сихъ поръ слѣды въ народныхъ представленіяхъ; въ Малороссіи есть преданіе о велетняхъ, лишенное, конечно, своей выпуклости и опредѣлительности, какъ и должно было случиться съ нимъ по его древности. Оно состоитъ только въ томъ, что когда-то на землѣ проживали огромнаго роста люди, называемые велетни: иногда они представляются предками настоящихъ поколѣній, но чаще племенемъ чужимъ для нашего, и притомъ, враждебнымъ нашему. Достойно замѣчанія, что поговорка, приводимая лѣтописцемъ объ обрахъ: «погибоша, аки обри», видоизмѣнившись, до сихъ поръ слышится въ малорусской поговоркѣ: «велетню не довго въ світі жити» (ср. Укр. присказки, Номиса, стран. 113). Это сопоставленіе уцѣлѣвшихъ до нашего времени въ народномъ воображеніи велетней съ обрами, приводитъ насъ, вмѣстѣ съ другими соображеніями, къ тому заключенію, что въ сущности древніе обры и наши велетни одно и тоже: это явленіе древнѣйшаго общечеловѣческаго миѳа о великанахъ, обреченныхъ на погибель, явленіе, примкнувшее къ народному способу представлять угнетенія порабощенныхъ поработителями; къ аварамъ же этотъ сложившійся видъ преданія о погибшихъ великанахъ столько же можетъ относиться, какъ и ко всякимъ другимъ насильникамъ, угнетавшимъ порабощенные народы и ругавшимися надъ ними въ упоеніи своего могущества. Они представляются великанами, потому что съ понятіемъ о миѳическихъ великанахъ соединялось понятіе о силѣ и враждебности.

Digitized by Google

III.

Преданіе о родоначальникахъ.

Въ нашей лѣтописи есть драгоцѣнное описаніе языческихъ нравовъ русскихъ народцевъ, безъ сомнѣнія, почерпнутое, можетъ быть, отчасти изъ собственнаго наблюденія писавшаго, отчасти изъ разсказовъ другихъ: въ концѣ XI-го вѣка и началѣ XII-го, когда составлялись эти описанія, еще достаточно было язычниковъ, а языческіе обычаи были въ полной силѣ и у крещеныхъ, и въ этомъ случаѣ намъ можно руководствоваться этимъ описаніемъ, какъ голосомъ современниковъ. Но, рядомъ съ этимъ описаніемъ мы встрѣчаемъ и извѣстія о древнихъ родоначальникахъ, которыхъ источникомъ не могло быть ничто, кромѣ преданій. Такимъ образомъ, о двухъ народахъ славянской крови, радимичахъ и вятичахъ, лѣтописецъ разсказываетъ, что они происходятъ отъ двухъ братьевъ Радима и Вятка, которые вышли изъ ляшскихъ странъ. Радимъ съ родомъ своимъ сѣлъ на Сожѣ, а Вятко съ родомъ своимъ—на Окѣ, и отъ перваго прозвались радимичи, отъ другого—вятичи. Какъ ни коротко это извѣстіе и какъ ни мало оно представляетъ матеріаловъ для историческихъ изслѣдованій, но, вдумавшись въ него, мы не должны считать его лишеннымъ всякой важности для исторіи. Изъ него мы видимъ, что населеніе наплывало въ русско-славянскій міръ колонизаціею и съ запада, какъ съ юга. Вѣроятно, радимичи и вятичи представляли различія въ своихъ этнографическихъ чертахъ отъ прочихъ русско-славянскихъ народовъ, и отъ этого поддерживалось мнѣніе, что они не принадлежатъ къ славянамъ, въ смыслѣ славянъ русскихъ, а переселились изъ ляшскаго края. Радимичи и вятичи сознавали своихъ родоначальниковъ, и вѣроятно чествовали ихъ, какъ можно судить по тому, что они вообще чествовали умершихъ предковъ. Само собою разумѣется, что нельзя буквально признавать, чтобы всѣ радимичи и вятичи происходили отъ Радима и Вятка, какъ равно нельзя на этомъ основаніи признавать Радима и Вятка какими бы то ни было патріархами своего рода, такъ какъ слово родъ, судя по другимъ мѣстамъ лѣтописи, не употреблялось въ смыслѣ однозначительномъ съ тѣмъ замкнутымъ родовымъ строемъ, который представлялъ видъ государства съ деспотическою властію родоначальника. Роды нашихъ русскихъ славянъ были семьи, болѣе или менѣе многочисленныя. Преданіе о происхожденіи отъ родоначаль-

Digitized by Google

никовъ Радима и Вятка по народному смыслу не значило, чтобы всѣ, носившіе имя радимичей и вятичей, считали себя происходящими отъ ихъ крови. Радимъ и Вятко могли быть не болѣе какъ лица, которымъ народное воспоминаніе, при содѣйствіи народной фантазіи, приписывало первое заселеніе своего края, и къ тому первому приставали другія группы. Безъ особыхъ аналогій такой взглядъ подтверждается и существующимъ до сихъ поръ у насъ строемъ подобныхъ народныхъ воспоминаній и преданій, особенно тамъ, гдѣ колонизація еще не стала очень древнею, до того, чтобы совершенно быть забытою. Мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ названія селъ и даже городовъ по именамъ человѣческимъ, и съ этими названіями соединяются иногда довольно живыя преданія о первомъ поселеніи человѣка, давшаго свое имя жилой мѣстности. Такое явленіе очень обычно въ мѣстахъ малорусской колонизаціи (въ губерніяхъ Харьковской, Екатеринославской, Воронежской и т. д.), гдѣ особенно замѣтно много селъ и хуторовъ съ именными названіями и непремѣнно съ преданіями о приходѣ лица, давшаго свое имя. Такъ, между прочимъ, нынѣшній Харьковъ получилъ свое названіе отъ имени Харька (сокращен. Захарько), и какъ говоритъ уцѣлѣвшее преданіе, первый казакъ, пришедшій сюда изъ гетманщины, по имени Харько, завелъ хуторъ между рѣками Харьковомъ и Лопанью. Но въ наше время такой основатель ничего по себѣ не оставляетъ, кромѣ воспоминанія, да и то мало-по-малу изглаживаемаго временемъ. Въ языческіе вѣка былъ совсѣмъ не тотъ процессъ уклада воспоминаній въ народной памяти. Преданіе объ основателѣ совпадало съ чествованіемъ умершихъ. Основатель колоніи былъ ея всегдашній покровитель, и на этомъ основаніи всякій, кто вступалъ въ эту колонію, обращался уже съ суевѣрнымъ уваженіемъ къ памяти ея основателя. Конечно, одними радимичами и вятичами не ограничивались преданія объ основателяхъ и родоначальникахъ; лѣтописецъ, кромѣ ихъ, говоритъ еще о полянахъ въ томъ же смыслѣ. Но мы увѣрены, что не только у поименованныхъ въ лѣтописи, но и у всѣхъ вообще вѣтвей русско-славянскаго народа были свои особые родоначальники, даже въ каждой жилой мѣстности, въ каждомъ дворѣ, какъ и до сихъ поръ еще въ каждомъ домѣ есть свой домовой. Передаваемое лѣтописцемъ сказаніе объ основателѣ Кіева яснѣе высказываетъ взглядъ на этихъ родоначальниковъ. Здѣсь Кій не представляется родоначальникомъ всѣхъ полянъ вообще, а только однимъ изъ нихъ. Поляне,—говоритъ лѣтопись,—жили себѣ особенно (то-есть, отличаясь отъ другихъ вѣтвей, какъ равно и вся-

Digitized by Google

кая другая) и владѣли родами (семьями) своими, каждый жилъ съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ и было три брата: одному имя Кій, другому имя Щекъ, третьему имя Хоривъ, и сестра у нихъ была Лыбедь. Кій поселился на горѣ, гдѣ нынѣ (то-есть во время лѣтописца) увозъ Боричевъ, а Щекъ—на горѣ Щекавицѣ (нынѣ же въ XIX-мъ вѣкѣ Скавица), а Хоривъ—на горѣ Хоривицѣ, которая отъ него прозвалась Хоривицею (въ Вышгородѣ). Они построили городъ во имя своего старѣйшаго брата и назвали его Кіевъ. Около города былъ великій боръ и лѣсъ, они ловили звѣрей, были мужи мудрые и смышленые, и отъ нихъ поляне въ Кіевѣ до сего дня.

Это драгоцѣнное извѣстіе имѣетъ двѣ стороны—вымышленную и историческую. Мы не рѣшимся положительно сказать: какого происхожденія эти три брата. Число три, безспорно, общая миѳическая принадлежность преданій, и созиданіе города тремя братьями найдетъ себѣ подобіе въ преданіяхъ другихъ славянскихъ народовъ [1]). Но собственно формы Щекавица отъ Щека, и Хоривица отъ Хорива, а еще болѣе названіе рѣки Лыбеди отъ имени сестры Кія, Щека и Хорива таковы, что скорѣе побуждаютъ подозрѣвать здѣсь книжное измышленіе, подобно вымыслу трехъ братьевъ Руса, Леха и Чеха отъ имени существовавшихъ уже народовъ, или еще ближе, подобно сказкѣ о населеніи древняго Новгорода, въ которой озера и рѣки называются по именамъ людей (Ильмень по имени дочери Словена, Волховъ по имени сына, Шелонь по имени жены Словена, Волховецъ по имени меньшого сына Словенова, Жилотугъ по имени сына Волховца, городъ Руса по имени брата Словенова, Порусія по имени его жены, а Полиста по имени его сестры), по-

---

[1]) Наприм., сербская пѣсня объ основаніи Скодра приписываетъ созданіе этого города тремъ роднымъ братьямъ:

Градъ градила три брата рођена
До три брата три Мрња вчевића...
(Вука. II. 115).

Въ чешскомъ сказаніи о трехъ дочеряхъ Крока, именемъ двухъ дочерей называются тѣ мѣстности, гдѣ онѣ поселились, подобно тому, какъ въ повѣсти объ основаніи Кіева отъ Кія, Щекавица отъ Щека и Хоривица отъ Хорива:

Potom Krok jide do navi
Těi dcery múdré ostavi
Kažiu Tětku a Lubašu...
Kažie sedieše na Kažinie
A zle Tětka na Tetinie
(Dalém, 9.)

Digitized by Google

добно тому, какъ Лыбедь носитъ названіе по имени сестры трехъ братьевъ. Чисто народное преданіе, какъ намъ кажется, могло сообщить имена людей мѣстностямъ, но въ другой формѣ. Скорѣе можно допустить, что изъ существовавшихъ названій мѣстностей создались небывалыя прежде имена людей; но здѣсь-то вообще возникаетъ сомнѣніе, такъ какъ мы чаще видимъ такой процессъ, творимый болѣе путемъ книжнаго измышленія, чѣмъ народныхъ вымысловъ. Однако же, что касается до преданія о самомъ Кіѣ, помимо его братьевъ и сестры, то въ народности этого преданія едвали можетъ быть сомнѣніе, и самое названіе города Кіева могло быть только отъ имени Кія, такъ что, по нашему мнѣнію, Кій лицо не только взятое изъ народнаго преданія, но даже лицо историческое. Городъ Кіевъ остается памятникомъ бытія Кія на свѣтѣ. Замѣчательно, что о Щекѣ, Хоривѣ и Лыбеди нѣтъ ничего, кромѣ именъ, но о біографіи Кія слѣдуютъ потомъ далѣе извѣстія. Объ этомъ лицѣ существовали различныя мѣстныя сказанія: одно говорило, что Кій былъ перевозчикъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ былъ перевозъ съ одного берега Днѣпра на другой; но другое сказаніе, напротивъ, изображало его знатнымъ лицомъ; Кій былъ князь въ родѣ (народѣ) своемъ и приходилъ къ царю (византійскому), отъ котораго получилъ большую честь; возвращаясь оттуда, онъ построилъ на Дунаѣ городокъ Кіевецъ, гдѣ хотѣлъ основаться съ своимъ родомъ, но окрестные жители не допустили его. Онъ воротился въ свой Кіевъ и тамъ окончилъ жизнь. Вѣроятно, при отдачѣ преимущества послѣднему сказанію передъ первымъ, описавшій все это въ лѣтописи руководился мѣстнымъ патріотизмомъ, немирившимся вовсе съ унизительнымъ положеніемъ праотца въ званіи перевозчика. Къ сожалѣнію, это излюбленное преданіе о путешествіи Кія передается въ сокращеніи, такъ какъ самое содержаніе его — такого склада, что надобно предполагать было разныя подробности о томъ, какъ Кій былъ принимаемъ царемъ, какъ строилъ городъ на Дунаѣ и какъ ему не давали исполнить своего намѣренія тамошніе люди. Само преданіе, вѣроятно, составилось сравнительно позже, когда въ Руси развились и достигли своей высшей силы сношенія съ Византіей. Тогда естественно было перенести на праотца признаки своего вѣка.

Вымыселъ не только въ народномъ преданіи, но даже и въ издѣліи книжника не лишается исторической важности, если книжникъ, выдумывая событіе или образъ, обставляетъ его подробностями историческаго быта, потому что, свыкшись съ по-

Digitized by Google

слѣднимъ, онъ не въ силахъ иначе поступить съ своею выдумкою. Такимъ образомъ, если братьевъ Кія, Щека и Хорива не существовало на свѣтѣ, то способъ построенія тремя братьями Кіева представляется характеристическимъ явленіемъ городовъ у славянъ. Не три брата, а вообще отцы семействъ, имѣвшіе свои жительства по близости, соединялись и строили городъ для своей защиты: вотъ, по нашему мнѣнію, смыслъ, заключающійся въ трехъ строителяхъ Кіева. Слова лѣтописи, что у поляпъ каждый владѣлъ родомъ своимъ, побудили нашихъ ученыхъ видѣть въ нихъ доказательство существованія родового быта, того патріархальнаго состоянія, котораго сущность состояла въ томъ, что люди считали себя близкими и принадлежавшими къ общественному тѣлу единственно на основаніи родства по крови, и находились подъ строгимъ управленіемъ родового главы, достигавшаго этого званія по праву первородства, такъ что «предки наши не знали семьи, не имѣли отдѣльной собственности, кромѣ родовой и никакого юридическаго понятія о личности человѣка». Если когда-либо такой строй, дѣйствительно замѣчаемый у разныхъ народовъ на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, и существовалъ у нашихъ предковъ, то обстоятельства успѣли разрушить его прежде, чѣмъ народъ русскій выступилъ на поприще исторіи; по крайней мѣрѣ, наши древнѣйшіе источники убѣждаютъ насъ въ этомъ и побуждаютъ давать иное толкованіе тѣмъ неяснымъ выраженіямъ, которыя, дѣйствительно, безъ этого могутъ приводить къ признанію древняго родового быта. Въ древнѣйшемъ юридическомъ памятникѣ нашемъ — договорѣ Олега съ греками — не только не видно существованія рода въ юридическомъ смыслѣ, какъ цѣлаго тѣла, котораго нераздѣльнымъ членомъ былъ бы каждый родичъ, но положительно видно отсутствіе такого строя. По этому договору убійца отвѣчаетъ своимъ имѣніемъ за убитаго не какому-либо роду его, а только ближайшему лицу, и если онъ состоятеленъ, то въ такомъ случаѣ теряетъ свое достояніе; слѣдовательно, предполагалась уже независимая личная собственность, несовмѣстная съ родовымъ бытомъ; мало этого, договоръ, наказывая убійцу, однако щадитъ жену его и постановляетъ, что достояніе убійцы отдавалось не все, но оставлялась часть женѣ его; очевидно, и за женщиною признавалась правоспособность владѣть частною собственностью. Въ томъ же договорѣ говорится, что въ случаѣ смерти русскаго, постигшей его въ Греціи, имѣніе его возвращалось не къ роду, а ближайшимъ кровнымъ, и то въ такомъ только случаѣ, когда онъ не оставилъ завѣщанія, иначе имущество его

Digitized by Google

поступало тому, кому онъ завѣщалъ. Такія черты были бы немыслимы при господствѣ родового начала, потому что въ патріархальномъ родѣ каждый родичъ, завися отъ рода и принадлежа ему со всѣмъ своимъ достояніемъ, не имѣлъ бы права располагать имъ, какъ безусловно ему принадлежащею собственностію. Въ другомъ древнемъ памятникѣ законодательства, въ «Русской Правдѣ», гдѣ предоставляется месть близкимъ родственникамъ за убійство одного изъ нихъ, это право не доходитъ далѣе племянниковъ: о широкомъ родѣ нѣтъ помина. Единицею, связующею людей въ обществѣ была земля, и это слово въ древнемъ языкѣ перешло на значеніе самого людского общества; въ землѣ могло быть много родовъ, или фамилій, они могли помнить свою кровную связь, но соединялись съ другими не по родовымъ счетамъ, а по мѣсту жительства и по признакамъ своенародности, и однимъ изъ главныхъ признаковъ былъ языкъ. Для обозначенія народной особи у славянъ издревле было слово «языкъ», означавшее вмѣстѣ и народъ (замѣчательно, что въ св. писаніи словомъ «языцы» передалось такое понятіе, которое въ латинскомъ языкѣ передано словомъ gentes, вытекавшимъ изъ представленія о родѣ). Если составы малыхъ обществъ по своей связи назывались землями, то и единичныя сельскія общины носили такое названіе, которое указывало на ихъ связь по землѣ, а не по роду: они назывались вервьями, то-есть, веревками, очевидно оттого, что ихъ земельные участки отмежевывались отъ сосѣднихъ веревкою. Слово «родъ» употреблялось въ древнемъ языкѣ въ трехъ значеніяхъ: въ самомъ обширномъ—въ смыслѣ племени (напримѣръ: поляномъ живущимъ особѣ, якоже рекохомъ сущимъ отъ рода славянска) почти однозначительно съ словомъ «языкъ»; въ менѣе обширномъ, въ смыслѣ кровныхъ, родни; и наконецъ, всего чаще и опредѣлительнѣе, въ смыслѣ семьи, и въ этомъ значеніи надобно принимать слова о томъ, что поляне «живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Семьи могли быть то многолюднѣе, то малолюднѣе, обнимать въ своей единицѣ то большее, то меньшее число родныхъ, смотря по тому, находили ли они полезнымъ оставаться вмѣстѣ или дѣлиться, но все-таки то были не роды, а семьи. Конечно, въ смыслѣ семьи говорится въ лѣтописи о томъ, что Кій хотѣлъ, возвращаясь изъ Константинополя, основаться на Дунаѣ съ родомъ своимъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, Кій, какъ основатель города Кіева, вѣроятно, былъ тамъ чествуемъ и считался послѣдующими жителями Кіева за общаго прародителя и родоначальника. Лѣтопи-

Digitized by Google

сецъ даетъ ему это значеніе съ его измышленными братьями, говоря: «отъ нихже суть поляне въ Киевѣ и до сего дне». Конечно, нельзя признавать буквально исторически, чтобы всѣ жившіе въ Кіевѣ въ XI-мъ и XII-мъ вѣкѣ поляне были дѣйствительно потомками Кія по крови, но они были его потомки по преемству, какъ жители города, который онъ произвелъ на свѣтъ. Даже, какъ видно, въ христіанскія времена это лицо пользовалось уваженіемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ языческія—онъ былъ покровитель своего города, такъ-сказать домовой города Кіева.

IV.

Преданіе о козарахъ.

Если до сихъ поръ для приведенныхъ нами извѣстій источниками служили изустныя преданія, то теперь мы укажемъ на извѣстіе, которое, по нашему взгляду, заимствовано изъ пѣсни. Послѣ смерти братій—говоритъ лѣтопись—козары нашли полянъ, поселившихся на этихъ горахъ и въ лѣсахъ, и сказали: дайте намъ дань. Поляне подумали и дали имъ отъ дыма мечъ. Козары отнесли его къ своему князю и старѣйшинамъ, и говорятъ: мы нашли новую дань.—Откуда?—спрашиваютъ тѣ.—Въ лѣсу на горахъ надъ рѣкою днѣпровскою.—Что такое?—Они показали мечъ. Тогда сказали козарскіе старцы:—Не хороша дань, княже! мы доискались ихъ, владѣя оружіемъ острымъ съ одной только стороны, то-есть, саблями, а у нихъ оружье острое на обѣ стороны; они будутъ брать дань на насъ и на иныхъ странахъ.—Исторической правды факта, конечно, здѣсь нѣтъ ни капли. Не могли поляне дать отъ дыма по мечу, тогда какъ мечи составляли рѣдкость и драгоцѣнность, да и сама лѣтопись противорѣчитъ этому впослѣдствіи, представляя этихъ же полянъ покорно платившими дань козарамъ. Но что основаніемъ этому разсказу служила пѣсня—показываетъ тонъ разсказа и поэтическая плавность выраженія. Пѣсня эта была безъ сомнѣнія сложена уже тогда, когда Кіевъ сталъ главой земель, прежде подвластныхъ козарамъ, и послѣ того какъ русскіе одерживали побѣды надъ козарами. Такимъ образомъ и лѣтопись прибавляетъ: все это сбылось, и говорили они такимъ образомъ не по своей волѣ, а по Божію изволенію—русскіе князья владѣютъ козарами и до сего дня.

Digitized by Google

X.

Призваніе князей.

До сихъ поръ та часть лѣтописи, въ которой излагалось разсмотрѣнное нами (безспорно, составленное не ранѣе второй половины XI-го вѣка, такъ какъ въ ней видно знакомство съ половцами), обходилась безъ годовъ. Но съ половины IX-го вѣка идетъ повѣствованіе по годамъ, и лѣтописецъ сообщаетъ намъ причину. «Въ лѣто 6360 (852) индикта 15 день, когда началъ царствовать Михаилъ, начала прозываться русская земля, такъ какъ мы узнали, что при этомъ царѣ Русь приходила на Царьградъ, какъ пишется въ лѣтописаньи греческомъ: по этой причинѣ мы отсюда начнемъ и числа положимъ». Итакъ, причина состоитъ въ томъ, что русскому бытописателю попалось подъ руку греческое лѣтописаніе, изъ котораго онъ узналъ, когда Русь приходила на Царьградъ, и онъ, по примѣру греческихъ лѣтописателей, положилъ числа для событій. «Преже почали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ и по ряду положилъ числа».

Но откуда онъ положилъ ихъ? Какіе могли быть источники для его хронологіи? Въ греческихъ лѣтописаньяхъ онъ не могъ найти ничего о внутреннихъ событіяхъ въ русской землѣ. Своихъ туземныхъ историческихъ записокъ не было и быть не могло въ языческія времена. Остается только одинъ источникъ—народныя преданія въ формѣ разсказовъ, пѣсенъ, простыхъ воспоминаній, но какая тутъ могла быть хронологія? Нѣкоторыя событія, какъ, напр., походы Оскольда, Олега, Игоря, Святослава онъ могъ опредѣлить по годамъ, руководствуясь греческими извѣстіями и договорами, а затѣмъ, все прочее, собравъ изъ туземныхъ устныхъ источниковъ, слѣдуя византійской формѣ, онъ положилъ на числа приблизительно, по своему соображенію и измышленію. Иного пути едвали возможно допустить. Мы не беремся разрѣшить: самъ ли Сильвестръ составилъ свою исторію языческихъ временъ по преданіямъ, или нашелъ уже кѣмъ-нибудь составленное описаніе безъ годовъ въ родѣ того же, какое предшествовало собственно лѣтописи, и потомъ разбилъ на года. Въ томъ и другомъ случаѣ достоинство годовъ одинаково; тотъ, кто описывалъ языческія времена, жилъ все-таки не ранѣе второй половины XI-го вѣка, когда жилъ и бояринъ Чудинъ, котораго дворомъ обозначается мѣстность кіевская при Ольгѣ, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не ранѣе 1037 года, когда построена была

Digitized by Google

церковь Ирины, которою обозначается мѣсто могилы Дира. Если же признавать, что писавшій исторію, разбитую на годы, былъ одинъ и тотъ же, то и писавшій предшествовавшую исторію до призванія князей безъ годовъ писалъ спустя нѣсколько времени послѣ 1068 г., послѣ появленія половцевъ — однимъ словомъ, все-таки въ такое время, когда писать по преданіямъ о событіяхъ IX-го и X-го вѣка было совершенно то же, что, напр., въ наше время писать о событіяхъ въ Малороссіи отъ Богдана Хмельницкаго до Максима Зализняка и разрушенія Сичи, ничѣмъ другимъ не руководствуясь, кромѣ значительнаго числа ходящихъ еще въ народѣ пѣсенъ и преданій, и потомъ по своимъ догадкамъ глазомѣрно разбить собранныя извѣстія на года. По нашему убѣжденію, всѣ годы до принятія христіанства Владиміромъ имѣютъ очень слабую степень исторической достовѣрности, да и самъ разбиватель на года какъ видно становился въ тупикъ, и ставилъ передъ событіями по нѣскольку годовъ разомъ, какъ бы давая этимъ знать, что событіе, которое затѣмъ описывалось, должно было произойти около приведенныхъ годовъ. У насъ до сихъ поръ какъ будто не хотѣли замѣчать этого, относили событіе къ послѣднему изъ приведеннаго передъ тѣмъ ряда годовъ, и считали такое указаніе самымъ точнѣйшимъ. Такъ рядъ годовъ поставленъ и предъ призваніемъ князей числомъ 10, — прерываемый только подъ седьмымъ изъ этого ряда извѣстіемъ о томъ, что варяги брали дань съ чуди, славянъ, мери, веси, кривичей, а козары съ полянъ, сѣверянъ, вятичей — то-есть, что многіе изъ жителей русскаго міра были подъ данію иноплеменниковъ. Послѣ ряда годовъ, кончающагося 862-мъ годомъ, говорится, что славяне, меря, чудь, кривичи и весь изгнали варяговъ за море и не дали имъ дани, и начали владѣть сами собою; но у нихъ начались раздоры, родъ возставалъ на родъ, и поэтому они согласились положить предѣлъ такимъ безпорядкамъ призваніемъ такого князя, который бы владѣлъ ими по праву. Соединенные народы послали къ варягамъ, носившимъ имя Руси и изъ этой Руси къ нимъ пришло трое братьевъ, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, изъ которыхъ первый основался въ Ладогѣ, второй на Бѣлоозерѣ, третій — въ Изборскѣ; послѣ скорой смерти двухъ послѣднихъ (черезъ два года) ихъ владѣнія присоединилъ Рюрикъ къ своимъ и былъ обладателемъ новгородскихъ или ильменскихъ славянъ, кривичей, мери, веси и чуди до своей смерти, послѣдовавшей въ 879-мъ году. Преемники Рюрика двинулись подчинять себѣ одно за другимъ славянскія племена.

Digitized by Google

Съ трудомъ можно рѣшить, что́ это такое: старое ли преданіе о древнемъ событіи, или же сказаніе, сложившееся, по свойственному человѣческой натурѣ пріему—прилагать признаки современной ему жизни къ прошедшимъ вѣкамъ—въ тѣ времена, когда начало избиранія князей изъ единаго рода вошло въ строй русской жизни. Варягами въ XI-мъ и XII-мъ вѣкѣ у насъ называли вообще всѣхъ обитавшихъ по балтійскому побережью (Варяжскому морю), но преимущественно скандинавовъ, самыхъ многочисленныхъ и наиболѣе значительныхъ между народами; по сходству ихъ признаковъ съ другими западными народами, слово «варягъ» переходило уже вообще на западныхъ европейцевъ, и равносильно было слову нѣмецъ, въ томъ значеніи, въ какомъ оно употреблялось впослѣдствіи въ народной рѣчи. Самое слово варяги—скандинавское varingar, есть переводъ греческаго φοιδερατοι, союзники: такъ назывались въ византійской имперіи войска, составленныя изъ иноземцевъ; когда съ конца X-го и начала XI-го вѣка начали служить въ этомъ войскѣ скандинавы, то перевели греческое слово на свой языкъ, а русскіе черезъ землю которыхъ они проходили въ Грецію, усвоивъ и видоизмѣнивъ это слово, перенесли его отъ значенія сословія или званія на болѣе обширное значеніе народа и даже народовъ. Въ IX-мъ вѣкѣ, когда по нашей лѣтописи совершилось призваніе князей, слова «варяги» не существовало, и поэтому къ древнему событію приложено позднѣйшее названіе; слѣдовательно, если бы даже это было и въ самомъ дѣлѣ древнее преданіе, то оно уже не дошло до лѣтописца въ своей древней чистотѣ. Относительно дани, которую скандинавы брали съ сѣверныхъ жителей нынѣшней Россіи, мы имѣемъ нѣкоторыя подтвержденія въ скандинавскихъ памятникахъ; равнымъ образомъ извѣстія объ изгнаніи варяговъ носятъ на себѣ печать стариннаго воспоминанія. Вторичное призваніе, по смыслу лѣтописи, падало уже не на тѣхъ варяговъ, которые были изгнаны, но на другихъ, называемыхъ «Русь». На балтійскомъ побережьѣ не было иной Руси, кромѣ побережья сосѣдняго съ устьемъ Нѣмана, называвшагося по-литовски «Русъ». Слово это до сихъ поръ звучитъ въ названіи Пруссіи, которое есть не что иное какъ славянское слово «порусье». Нѣтъ ничего несообразнаго признавать, что если было призваніе изъ какой-нибудь Руси, то только изъ этой, потому что никакой иной Руси на балтійскомъ побережьѣ не было. Въ историческихъ повѣствованіяхъ, извѣстныхъ намъ по спискамъ не ранѣе XVI-го вѣка, говорится прямо и ясно, что первые князья призваны были изъ Пруссіи, такъ что вѣроятнѣе всего и болѣе старыя лѣтописи, говоря о Руси на

Digitized by Google

балтійскомъ побережьѣ, изъ которой прибыли призванные князья, разумѣли именно ту же самую Русь, и въ этомъ смыслѣ были понятны для своихъ современниковъ. Можно еще подвергать разсмотрѣнію вопросъ — кто были эти призванные: литовцы ли, или же скандинавы, которые подчиняли своей власти южные берега Балтійскаго моря; но что Руси слѣдуетъ искать тамъ, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, если только допускать историческую правду призванія князей изъ Руси. Но нѣкоторые признаки дѣлаютъ для насъ сомнительнымъ этотъ фактъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является намъ на основаніи тѣхъ извѣстныхъ лѣтописныхъ списковъ, которые мы привыкли считать авторитетными. А именно:

1) Вѣря на слово этому сказанію и держась смысла, какой дается ему въ лѣтописи, надобно признать, что имя Руси принесено къ намъ изъ прибалтійскаго края. Но въ извѣстіяхъ арабовъ X-го и даже IX-го вѣковъ слово «Русь» оказывается установившимся краевымъ названіемъ, прилагаемымъ къ различнымъ народамъ русскаго материка, а византійскія извѣстія, въ особенности бесѣды и грамота патріарха Фотія въ половинѣ IX-го вѣка, написанная по поводу крещенія русскихъ, говорятъ объ этомъ народѣ какъ объ извѣстномъ, знаменитомъ, многочисленномъ, какъ бы коренномъ въ своей странѣ, а не пришедшемъ въ нее недавно. Но болѣе всего противорѣчитъ признанію имени Руси, привнесеннымъ прибалтійскими выходцами, отношеніе той же лѣтописи къ этому имени, потому что въ этой лѣтописи, вслѣдъ за сказаніемъ о прибытіи Руси, слово Русь, въ качествѣ какого бы то ни было иного народа кромѣ нашего, исчезаетъ навсегда; оно принимается въ трехъ смыслахъ: въ самомъ тѣсномъ—въ значеніи кіевской земли, въ болѣе обширномъ—въ значеніи южнорусскаго края, наконецъ, въ самомъ обширномъ — всѣхъ славянъ русскаго материка, присоединенныхъ къ Кіеву, какъ къ средоточію и даже распространяется на земли инородцевъ, подчиненныхъ славянамъ; варяги же хотя постоянно являются въ первомъ періодѣ русской исторіи, но ни разу уже не называются Русью; трудно допустить, чтобы чужое названіе, занесенное къ намъ съ князьями и ихъ дружинами, въ короткое время до того расширилось, усвоилось и осталось преимущественно въ такой землѣ, куда эти князья и дружины подвинулись уже отчасти во второмъ поколѣніи, именно въ землѣ кіевской, тогда какъ за Новгородомъ, куда эти князья съ дружинами пришли ранѣе, это названіе въ спеціальномъ значеніи не удержалось, а та Русь, изъ которой они вышли сообщивъ ея названіе славя-

Digitized by Google

намъ, никогда не входила въ составъ новообразовавшейся націи и почти безслѣдно пропала для послѣдней. Это было бы возможно, когда бы число пришедшихъ было очень велико и они болѣе или менѣе на продолжительное время сдѣлались бы господствующимъ населеніемъ, поработивъ себѣ туземное и заявили силу своей народности, какъ собственнымъ общественнымъ строемъ, такъ и своими собственными, отличными отъ всякихъ другихъ, пріемами жизни. Но этого, рѣшительно можно сказать, не было. Если бы въ Кіевъ пришли какіе-то руссы съ своимъ особымъ языкомъ и съ своими особыми признаками народности, то договоръ Олега съ греками написанъ былъ бы не по-славянски, а на языкѣ этихъ руссовъ, и слѣды ихъ особенности проявились бы ощутительно и на послѣдующихъ временахъ. Мы же не видимъ никакого господствующаго элемента кромѣ славянскаго, и присутствіе чужого элемента вообще у насъ сколько-нибудь успѣшно доказывалось только собственными именами, изъ которыхъ бо́льшая часть непонятна оттого, что прошла черезъ греческое писанье, которое легко могло сдѣлать непонятными для насъ наши собственныя слова; а другія, если и дѣйствительно иноязычнаго происхожденія, то они указываютъ единственно только на то, что въ княжеской дружинѣ были люди инороднаго происхожденія, что́ намъ и безъ того извѣстно. Если эти руссы пришли въ землю полянъ, то, конечно, въ незначительномъ количествѣ и съ ничтожнымъ запасомъ саможизненныхъ силъ, иначе они бы свое отдѣльное отъ славянъ существованіе проявили болѣе крупными чертами; слѣдовательно, при такомъ положеніи они скорѣе бы приняли сами названіе полянъ, смѣшавшись съ ними, чѣмъ сообщили свое прозвище полянамъ, а за ними и всѣмъ славянскимъ народамъ русскаго материка.

2) Самый способъ приглашенія этихъ руссовъ возбуждаетъ сомнѣнія. Обозрѣвая послѣдующія отношенія славянскаго племени къ инородческимъ, едвали умѣстно предположить возможность соглашенія тѣхъ и другихъ между собою, съ цѣлью устройства взаимной судьбы своей и дружественнаго рѣшенія ввести единую власть надъ собою. Первые всегда и вездѣ были покорителями, подчинителями, вторые же подчиненными или сопротивляющимися, но никогда не было между ними и тѣни отношенія равныхъ къ равнымъ. Единственное объясненіе этого факта можетъ быть только то, что подъ мерею, чудью, весью разумѣлись не народы, а географическія единицы, дѣйствовали же совмѣстно въ дѣлѣ призванія не въ самомъ дѣлѣ инородцы— меря, весь, чудь, а славянскіе колонисты, поселившіеся въ землѣ

Digitized by Google

Меря, Веси, Чуди. Въ пользу такого предположенія можетъ говорить и то, что имена городовъ въ этихъ краяхъ, указываемые существовавшими уже въ IX-мъ вѣкѣ, были уже славянскія: Бѣлоозеро, Ростовъ, Изборскъ. Но допустить это можно только не иначе, какъ признавъ въ этомъ мѣстѣ лѣтописи такого рода неправильность выраженія, которая чужда вообще способу лѣтописной рѣчи. Еслибъ дѣло шло о славянскихъ поселенцахъ, то лѣтописецъ не назвалъ бы ихъ именами чужихъ народовъ, а скорѣе—или употребилъ бы названія городовъ, то-есть, вмѣсто Меря, Весь, Чудь, сказалъ бы: Ростовъ, Бѣлоозеро, Изборскъ, какъ это всегда дѣлалось, или же прямо далъ знать, что идетъ дѣло о славянахъ, а не объ инородцахъ.

3) Но еслибы даже и допустить то же явленіе, то оказывается несостоятельною и возможность призванія, вмѣсто одного, трехъ князей. Во-первыхъ, это противурѣчитъ собственной цѣли призывателей: они совѣщались избрать единаго князя, который бы владѣлъ ими всѣми для устраненія несогласій и водворенія порядка, во-вторыхъ, число три—число сказочное. Мы встрѣчаемъ его въ повѣствованіи о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ у поляковъ и въ сказаніяхъ книжнаго измышленія о трехъ родоначальникахъ трехъ славянскихъ племенъ—Лехѣ, Русѣ и Чехѣ, и во множествѣ миѳовъ и преданій разныхъ народовъ, начиная отъ троичности древнихъ главныхъ божествъ эллинскихъ—Зевса, Посидона и Аида, раздѣлившихъ между собою небо, землю и преисподнюю, трехъ сыновей Ноя у семитическихъ племенъ или трехъ родоначальниковъ эллинскихъ — Эола, Дора и Ксута, и кончая многочисленными видами сказочныхъ трехъ братьевъ, изъ которыхъ двое умныхъ, а третій дуракъ. Это одно уже внушаетъ сильное подозрѣніе тогда, какъ съ другой стороны ничто не объясняетъ случайности совпаденія дѣйствительнаго событія съ сказочными чертами.

4) При этихъ несообразностяхъ возникаетъ сильное подозрѣніе, что сказаніе собственно о призваніи есть перенесеніе признаковъ позднѣйшихъ временъ на болѣе раннія времена и составилось въ тѣ времена, когда во всѣхъ земляхъ болѣе или менѣе, при умноженіи князей, развилось понятіе, что князья должны быть избраны землею по ряду и володѣть по праву, которое заключалось въ народной волѣ. Въ Новгородѣ это стремленіе выражалось рѣзче, чѣмъ гдѣ-нибудь,—въ Новгородѣ, откуда кіевскому князю, хотѣвшему послать туда сына, раздался такой голосъ: посылай, если у него двѣ головы! Тамъ и всего легче и удобнѣе могло сложиться преданіе о томъ, что и предокъ тѣхъ князей, изъ

Digitized by Google

которыхъ новгородцы выбирали себѣ въ князья, былъ нѣкогда ими призванъ и избранъ. Фантазія приплела сюда трехъ братьевъ по привычкѣ къ сказочнымъ пріемамъ. По необходимости сложился въ воображеніи такой фактъ, который былъ собственно противенъ всему историческому строю русскаго міра — призваніе князя изъ чуждаго племени и языка. Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ впослѣдствіи, что князей избирали только изъ русскаго княжескаго дома, сначала Рюрикова, потомъ Гедиминова, но все-таки князей русской народности. Не было никогда ни малѣйшей попытки (исключая невольныхъ избраній польскаго и шведскаго королевичей въ смутное время) призывать земскимъ выборомъ къ управленію русско-славянскою землею лицо чужого племени и говорившее непонятнымъ языкомъ. И если признавать призванныхъ князей иноплеменниками—скандинавами и пруссами, даже, какъ нѣкоторые мечтали, прибалтійскими славянами — во всѣхъ видахъ, даже и въ послѣднемъ, эти князья неспособны были творить управу, не зная ни языка, ни нравовъ и обычаевъ той земли, которая ихъ пригласила. Это возраженіе, по нашему мнѣнію, достаточно сильно для поколебанія фактической правды призыва посредствомъ земскаго выбора Рюрика съ братьями, если только мы будемъ держаться того, что́ даютъ намъ источники, не вымышляя произвольныхъ вѣроятностей.

Н. Костомаровъ.

Digitized by Google

НА ПЕРЕПУТЬИ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Какая тишина послѣ дневного шума! Дѣти спятъ, передѣлавши свои маленькія дѣлишки,—набѣгавшись и нашалившись вволю. Чуть слышно изъ сосѣдней комнаты ихъ легкое дыханье, прерываемое однообразнымъ стукомъ маятника. Я одна не сплю, и вотъ уже 11 часовъ, а мнѣ спать вовсе не хочется. Это меня даже удивляетъ: прежде бывало и десяти нѣтъ, а у меня глаза такъ и смыкаются!...

Съ нѣкотораго времени мнѣ очень нравятся мои одинокіе вечера. Бывало, въ деревнѣ, въ первые годы моей замужней жизни, я терпѣть не могла оставаться одной. Мужъ уѣдетъ, бывало, куда-нибудь по дѣлу или къ знакомымъ — я сама не своя: жду не дождусь его, всѣ глаза просмотрю, а пріѣдетъ—я опять хандрю или спать мнѣ хочется... Теперь же мнѣ милѣе всего оставаться одной съ своими мыслями. У меня и нѣтъ друзей: единственный близкій мнѣ человѣкъ—мужъ—далеко отъ меня, и я думаю, что и ему *тамъ* лучше. Онъ сдѣлаетъ свое дѣло въ эскадронѣ, потолкуетъ съ товарищами, потрудится за зеленымъ столомъ, выпьетъ, закуситъ; возвратясь домой, вспомнитъ можетъ быть съ добрымъ чувствомъ меня и дѣтей, поблагодушествуетъ и заснетъ спокойный и довольный.

И право такъ лучше! Какъ-то самостоятельнѣе и свободнѣе я чувствую себя съ тѣхъ поръ, какъ прекратилось наше тягостное сожительство съ мужемъ, хотя этимъ сожительствомъ мы

Digitized by Google

неизвѣстно почему очень дорожили. Вѣдь у насъ такъ мало общаго! Почти ничего! И напрасно мы передѣлывали себя, напрасно подлаживались другъ къ другу нѣсколько лѣтъ — ничего мы не подѣлали. Только отъ этого насилія надъ собою характеръ у меня до-нельзя испортился, да къ чувству привязанности къ мужу какъ-то странно примѣшалось какое-то враждебное чувство.

Однакожъ, пора спать. Вѣдь уже поздно.

Вотъ опять спятъ всѣ мои, а я опять одна, и то же чувство свободы и покоя наполняетъ меня!... Слава Богу! Я достигла тихой пристани—тѣхъ лѣтъ, когда въ жизни женщины нѣтъ бурь и волненій, по крайней мѣрѣ въ ея внутренней жизни. Вѣдь только въ молодости человѣкъ волнуется мыслью и чувствомъ, а молодость женщины скоро проходитъ. «Сорокъ лѣтъ—бабій вѣкъ», говоритъ даже народъ. Моя молодость уже прошла, хотя мнѣ еще нѣтъ сорока лѣтъ. Я живу уже больше воспоминаніями, чѣмъ надеждами, больше прошедшимъ, чѣмъ будущимъ. И вотъ, въ эти минуты полнаго одиночества и ничѣмъ ненарушаемой тишины, какъ живо - живо встаетъ передо мной все мое прошедшее, сколько образовъ дорогихъ и несносныхъ, родныхъ и чужихъ!... Вотъ, высокая сгорбленная фигура старика отца съ добрымъ, но вѣчно озабоченнымъ лицомъ. Бѣдный отецъ! всю жизнь онъ трудился надъ чужимъ добромъ, а умеръ—и похоронить его нечѣмъ было! Наша княгиня на свой счетъ справила великолѣпные похороны. Она умѣла цѣнить его—это я чувствовала еще ребенкомъ; это сказывалось ясно и по смерти отца въ ея ласкахъ и заботахъ обо мнѣ. «Это былъ мой лучшій другъ! Я не могу слышать, когда его называютъ моимъ управителемъ!» «Qu'elle ne manque de rien!» приказывала она содержательницѣ нашего моднаго пансіона! «Ce n'est pas une pauvre fille: c'est mon enfant a moi!» И m-me Trousseau подобострастно выслушивала эти приказанія и неуклонно ихъ исполняла. Меня считали и красавицей, и умницей, лучшей пѣвицей и первой ученицей, и ужасно баловали. M-me Trousseau выставляла меня на-показъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Всѣ ждали, что княгиня оставитъ мнѣ не одинъ десятокъ тысячъ и называли меня богатой; но старушка до болѣзни боялась смерти и всего, что̀ напоминало ее, какъ напр., составленія духовнаго завѣщанія и т. п., и въ одинъ прекрасный день умерла вдругъ отъ удара, котораго никакъ не ожидалъ ея домашній докторъ при ея сухощавомъ тѣлосложеніи. Это

Digitized by Google

былъ страшный переворотъ въ моей жизни! Я была избалована отъ пеленокъ: отецъ, съ дѣтской безпечностью проживая все свое прекрасное содержаніе, не отказывалъ мнѣ ни въ чемъ; о винтикѣ ужъ и говорить нечего! А тутъ вдругъ я очутилась безъ всякихъ средствъ, даже безъ возможности окончить свое образованіе. M-me Trousseau не выгнала меня (она вѣдь называла меня славой и украшеніемъ своего заведенія), она оставила меня кончать воспитаніе gratis, но чего мнѣ стоило это благодѣяніе! Какое не-дѣтское чувство ненависти и униженія закипало во мнѣ, когда при всякомъ новомъ посѣтителѣ m-me Trousseau выставляла на-показъ «украшеніе» своего заведенія, объясняя, que c'est une pauvre fille, qu'elle élève gratis, и выражала надежду, que la pauvre enfant lui saura gré de ce bienfait!...

M-me Trousseau уговаривала меня остаться у нея классной дамой; она даже прибавляла мнѣ сто руб. сравнительно съ другими классными дамами, но я такъ ненавидѣла уже мою благодѣтельницу, что мнѣ казалось лучше быть поденщицей, чѣмъ жить у нее. Я списалась съ теткой, которую видала еще въ дѣтствѣ; она была двоюродная сестра моей матери, и при жизни отецъ много помогалъ ей въ ея убогой жизни. Послѣ выпуска я уѣхала къ ней. M-me Trousseau была поражена моей неблагодарностью!

Я пріѣхала къ тетушкѣ. Творецъ! Какъ разсказать, какое впечатлѣніе произвела тетушка, ея жилище и ея образъ жизни на меня, дѣвочку съ аристократическими привычками! Домишко ея былъ старенькій, маленькій, вросшій въ землю, съ вѣчнымъ кухоннымъ запахомъ. Комната моя была крошечная, душная, съ маленькимъ окномъ, съ старою дрянною мебелью, съ ситцевыми наволочками на подушкахъ. Тетушка моя обрадовалась мнѣ Богъ-знаетъ какъ; она смотрѣла мнѣ въ глаза, готова была повиноваться всякому моему слову, но это только тяготило меня. Тетушка на первыхъ порахъ въ моемъ мнѣніи тѣмъ только отличалась отъ пансіонскихъ прачекъ, что носила на головѣ какое-то жалкое подобіе чепца, да называла себя барыней и дворянкой. Она сама ходила на базаръ, сама стряпала съ помощью толстой работницы Марѳы, почти своими руками обработывала огородъ и держала огромное множество птицъ. Продажею овощей, откормленной птицы, масла и молока, да вязаньемъ чулокъ и теплыхъ косынокъ она и жила. Вязала она изумительно быстро, и я бывало съ удивленіемъ засматриваюсь на ея быстро-движущіеся пальцы, наскучивъ читать въ десятый разъ какую-нибудь французскую книгу въ длинный осенній вечеръ. Такая жизнь

Digitized by Google

была мнѣ невыносимо тягостна. Я видѣла ясно, что не могу такъ жить, и затѣяла идти въ гувернантки; но для этого нужно было пріискать себѣ мѣсто, а я не умѣла взяться и за это. Я, наконецъ, преодолѣла въ себѣ тягостное чувство униженія и попросила письмомъ m-me Trousseau пріискать мнѣ мѣсто, но та отвѣчала мнѣ упреками въ неблагодарности и отказала на-отрѣзъ.

Тутъ ужъ я совсѣмъ потерялась. Какъ-то разъ вечеромъ мнѣ пришла въ голову дикая мысль о самоубійствѣ, какъ объ единственномъ исходѣ изъ моего невыносимаго положенія, и съ тѣхъ поръ я съ какимъ-то наслажденіемъ стала лелѣять эту мысль. Мнѣ конечно хотѣлось умереть самымъ изящнымъ образомъ, при поэтической обстановкѣ: не даромъ же я воспитывалась въ модномъ французскомъ пансіонѣ! Не знаю, чѣмъ кончилось бы все это, еслибъ одно съ виду незначительное обстоятельство не привело неожиданныхъ послѣдствій.

У тетушки была сосѣдка-вдова, бѣдная чиновница; у сосѣдки былъ сынъ, казеннокоштный студентъ какого-то университета. Мать любила его безъ памяти и почему-то возлагала на него большія надежды,—какъ вдругъ его исключили изъ университета за какое-то дебоширство. Мать была въ отчаяніи, но сынъ не унывалъ. Тетушка просила его бывать у насъ; она кажется думала, что меня развлечетъ общество «образованнаго» человѣка, но при первомъ взглядѣ на образованнаго человѣка я пришла въ совершенный ужасъ: такого mauvais genre я еще и не видѣла! Потомъ однакожъ молодость взяла свое: онъ былъ единственный человѣкъ, который говорилъ не объ одной капустѣ, да индюшкахъ. Правда, его студенческіе разсказы своимъ ухарскимъ тономъ «шокировали» во мнѣ чувство «комильфотности», но все же это лучше моркови и вязанія носковъ, думала я, и заставила себя привыкнуть къ экс-студенту.

Какъ я теперь понимаю, это былъ разбитной малый, съ добрымъ сердцемъ и съ очень ограниченнымъ умомъ. Къ серьёзной научной дѣятельности онъ не имѣлъ ни малѣйшей охоты, любви и уваженія къ наукѣ у него вовсе не было: онъ кажется о наукѣ никогда и не думалъ. Но за то у него была необыкновенная страсть къ театру. «Я артистъ!» провозглашалъ онъ, ероша свои и безъ того взъерошенные волосы. Но у него не было также ни развитаго вкуса, ни тонкаго эстетическаго чувства. Любимою мечтою его было поступить на сцену, но онъ не дерзалъ мечтать о столичной сценѣ, о славѣ, богатствѣ и проч. Его желанія къ счастію были гораздо скромнѣе. Онъ желалъ поступить на сцену

Digitized by Google

здѣсь. Старуху мать его ужаснуло это намѣреніе: актеръ казался ей почти не человѣкомъ, а она-то мечтала прежде о блестящей будущности для сына и надѣялась видѣть его чиновникомъ, столоначальникомъ, даже секретаремъ! Тетушка вполнѣ раздѣляла мнѣніе своей пріятельницы касательно выбора ея сына, а я... я тоже не была вполнѣ несогласна съ ними. Тальма, Марсъ или Рашель—казались мнѣ людьми замѣчательными и счастливыми, но нашъ юный Иванъ Васильевичъ Моргуновъ съ его угреватымъ лицомъ и красными руками, на сценѣ нашего бѣднаго театра, къ которому я питала полнѣйшее презрѣніе, хоть и никогда его не видѣла—былъ въ глазахъ моихъ существомъ жалкимъ и совершенно ничтожнымъ.

Я, наконецъ, привыкла къ Ивану Васильевичу и даже стала скучать безъ него. Разъ, въ особенно тяжелую минуту, я дошла до того, что разсказала ему все, что̀ невыносимымъ гнётомъ давило мою молодую душу. Я объяснила ему, что мнѣ не-на-что надѣяться, нечего ждать, что мнѣ одного только и хочется—умереть. Ивану Васильевичу стало жаль меня.

— Да!—отвѣчалъ онъ,—при вашемъ воспитаніи, съ вашими привычками, да жить въ такой ямѣ — того... Мнѣ—и то здѣсь скверно... Только умирать-то вамъ зачѣмъ же? Я бы на вашемъ мѣстѣ поступилъ на сцену.

Я почти не обратила вниманія на эти слова его. Въ пансіонѣ я любила участвовать въ спектакляхъ, которые устраивала m-e Trousseau въ торжественные дни, и на которые она приглашала городскую аристократію; я всегда приводила въ восторгъ зрителей и игрой своей и красотой, но участь русской провинціальной актрисы не казалась мнѣ заманчивой. Я нѣсколько разъ была въ нашемъ театрѣ и вынесла оттуда далеко не пріятное впечатлѣніе, можетъ быть отчасти благодаря вліянію француженокъ, пренебрегавшихъ всѣмъ русскимъ. Актрисы казались мнѣ какими-то горничными, русскія пьесы—въ высшей степени тривіальными и неприличными. Но Ивану Васильевичу запало на мысль убѣдить меня поступить на сцену, и онъ толковалъ объ этомъ безъ устали. Врядъ ли это удалось бы ему, еслибъ въ то же время не пріѣхала въ городъ извѣстная петербургская артистка Н. С.

Я помню, съ какимъ тріумфомъ объявилъ мнѣ Иванъ Васильевичъ объ этомъ важномъ событіи! Я сначала никакъ не могла ни понять этой радости, ни сочувствовать ей. Ивану Васильевичу ужасно хотѣлось, чтобъ я увидѣла Н. С. на сценѣ. Не знаю ужъ, какъ онъ досталъ денегъ, но онъ взялъ ложу (въ то

Digitized by Google

время въ провинціи дамы въ кресла еще не ходили) и пригласилъ меня съ тетушкой. Мы поѣхали. Сначала мнѣ было очень совѣстно сидѣть въ такой компаніи и въ такой ложѣ, гдѣ-то подъ небесами, но въ театрѣ было довольно темно, и насъ, конечно, никто не замѣтилъ. Н. С. играла въ какомъ-то трескучемъ водевилѣ съ переодѣваньями. Мнѣ очень понравилась ея игра, а Иванъ Васильевичъ со всѣй мужской компаніей просто неистовствовалъ отъ восторга. На другой день, не помню зачѣмъ, я попала въ городъ (тетушкинъ домикъ былъ совсѣмъ въ предмѣстьи). Иванъ Васильевичъ вызвался проводить меня. Мы проходили по дворянской—самой аристократической улицѣ города.

— Вотъ квартира Н. С.—сказалъ съ чѣмъ-то въ родѣ благоговѣнія мой спутникъ, показывая хорошенькій домикъ, у подъѣзда котораго стояло нѣсколько экипажей. При насъ подъѣхалъ еще пожилой важный баринъ въ дорогой легкой коляскѣ.

— Это вице-губернаторъ!—объяснилъ Иванъ Васильевичъ, который зналъ въ лицо всѣхъ въ городѣ.

Когда мы возвращались домой, у крыльца Н. С. стоялъ только экипажъ вице-губернатора.

— Вотъ сама Н. С.—торопливо проговорилъ Иванъ Васильевичъ.

На крыльцо вышла высокая стройная брюнетка, съ лицомъ изжелта-блѣднымъ и некрасивымъ, въ простомъ изящномъ нарядѣ. Ей подали вице-губернаторскую коляску. Она сѣла одна и куда-то поѣхала.

Дома я крѣпко призадумалась.

— Ей хорошо жить!—думала я: у нея есть и средства къ жизни, и почетная извѣстность, и общество порядочныхъ людей. А я—я моложе ея, вдесятеро лучше, и, кто знаетъ, что у меня нѣтъ такого же таланта, какъ у нея?—И между тѣмъ, что у меня есть? тоска на душѣ, да нужда кругомъ. Нѣтъ, это несправедливо! Я не хочу этого!

Этотъ день рѣшилъ мою участь. Вечеромъ я объявила Ивану Васильевичу, что иду на сцену.

Дирекція нашего театра приняла меня съ восторгомъ. Директоръ—старенькій нѣмецъ, по странной игрѣ случая страстный любитель русской сцены, пришелъ въ восторгъ отъ моей наружности и отъ игры моей. Онъ очень любилъ женщинъ тою особенною старчески-невинною любовью, къ которой кажется только способны старые нѣмцы. Ради меня приняли и Ивана

Digitized by Google

Васильевича, который сталъ съ успѣхомъ исполнять второстепенныя комическія роли. Я не буду разсказывать подробностей моего перваго дебюта, скажу только, что то было такое полное, такое громкое торжество, что не могло не вскружить окончательно мою семнадцатилѣтнюю голову. Съ этого дня я дала себѣ слово посвятить всю жизнь искусству, то-есть, искусству, которое въ игрѣ моей очаровывало публику на нашей сценѣ. Въ настоящемъ искусствѣ я ничего не понимала, и если былъ во мнѣ врожденный художественный инстинктъ, ему негдѣ и нѣ-отчего было развиться.

Но только геніальные артисты производятъ въ тѣхъ высшихъ сферахъ, гдѣ они дѣйствуютъ, такой фуроръ, какой я производила въ своемъ городишкѣ. И что тутъ удивительнаго! Я была— что́ скромничать! — очень хороша собой: высокая брюнетка, съ правильными крупными чертами лица, съ античной красотой, какъ вслухъ при мнѣ восторгался Иванъ Васильевичъ; я умѣла выбирать эффектныя роли и эффектно исполнять ихъ; у меня былъ большой голосъ—contralto, немного даже обработанный. Директоръ смотрѣлъ мнѣ въ глаза и считалъ меня чудомъ. Съ товарищами своими я не якшалась; они считали меня гордячкой и терпѣть меня не могли, на что́, конечно, я не обращала вниманія. Дома я устроилась тоже довольно сносно. Сначала, узнавъ о новомъ рѣшеніи моемъ, тетушка чуть не умерла со страху, но потомъ, по привычкѣ покоряться моей волѣ, покорилась и въ этомъ. Она нашла мнѣ маленькую удобную квартирку, продала свой полуразрушенный домишко и поселилась у меня. Я, конечно, сейчасъ же облачила ее въ приличное темное платье и въ пристойный старушечій чепчикъ вмѣсто полинялаго ситцеваго капота и той безобразной каланчи, которую она носила на головѣ подъ громкимъ названіемъ чепца; но совѣстно признаться — въ первое время меня все-таки немного конфузило присутствіе старушки, когда собирались у меня мои гости—цвѣтъ городской молодежи, всѣ болѣе или менѣе мои поклонники. Тетушка однакожъ съ такимъ неожиданнымъ тактомъ и достоинствомъ заняла свою скромную роль въ моемъ домѣ, такъ добродушно стушевывалась передо мной и моимъ обществомъ, что къ ней скоро всѣ привыкли, и наконецъ, даже полюбили ее. Иванъ Васильевичъ на первыхъ порахъ тоже нѣсколько шокировалъ меня и моихъ новыхъ знакомыхъ, но у меня не стало духу запереть дверь этому доброму товарищу моей прежней горькой доли, и къ нему также всѣ привыкли. Ко мнѣ онъ чувствовалъ какое-то благоговѣніе и нешутя считалъ меня небывалымъ талантомъ, которому предстоитъ на

Digitized by Google

драматическомъ поприщѣ блестящая будущность и огромная извѣстность. Я получала огромное содержаніе, судя по средствамъ нашего театра, но этого содержанія доставало только на жизнь самую скромную. У меня нашлось столько благоразумія, чтобъ не тянуться дальше своихъ средствъ. Я жила скромно и стыдясь втайнѣ своей скромной обстановки, въ невинности души и не подозрѣвала, что она-то и возвышала меня во мнѣніи честныхъ людей. Я была неразвита, какъ ребенокъ, жизни и людей вовсе не знала, и если иногда я поступала хорошо, то это было по чисто-инстинктивному отвращенію отъ зла.

Городъ нашъ былъ довольно глухой, неслужащаго люда въ немъ было мало, а аристократію составлялъ губернаторъ съ приближенными чиновниками и разными предсѣдателями. Стояла у насъ и кавалерійская дивизія. Вся лучшая молодежь толпилась въ моей маленькой гостиной; въ числѣ поклонниковъ моихъ было два молодыхъ полковника и молодившійся генералъ. Я кокетничала на пропалую со всякимъ, кто хоть немного мнѣ нравился. Во французскихъ романахъ я много читала о любви и иногда мнѣ казалось, что и я начинаю любить кого-нибудь; но, или была я слишкомъ молода, или слишкомъ погрузилась въ суетность, или, наконецъ, «кругомъ все страсти было недостойно»—только я никого тогда настоящимъ образомъ не полюбила.

Моя жизнь была просто раемъ, въ сравненіи съ той, которую я вела у тетки, но я вовсе не чувствовала себя счастливой. Аристократическое воспитаніе въ модномъ пансіонѣ развило во мнѣ тщеславіе до ужасающихъ размѣровъ, жизнь актрисы возбуждала его еще болѣе. Мнѣ хотѣлось—до болѣзни хотѣлось—роскоши и богатства. Одна моя соученица была здѣсь замужемъ за предсѣдателемъ казенной палаты, невѣроятнымъ взяточникомъ, и жила великолѣпно. Я, бывало, никакъ не могу подавить чувства гнетущей зависти, видя ее въ ложѣ, осыпанную брильянтами или разъѣзжающую по городу въ дорогомъ экипажѣ, на тысячныхъ лошадяхъ. Но богатства à tout prix я не взяла бы и на ея мѣстѣ быть не захотѣла-бъ; и это, конечно, не потому, что ея мужъ былъ взяточникъ, а потому, что онъ былъ старъ, тривіаленъ и гадокъ.

Что касается до нея—она конечно со мною не зналась, не узнавала меня, даже встрѣчаясь со мной въ гостиной меценатки-губернаторши, которая считала долгомъ покровительствовать талантамъ и потому приглашала меня на свои литературные вечера. Какъ всегда водится въ губернскихъ городахъ, нѣкоторыя другія дамы слѣдовали ея примѣру, и я такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ имѣла доступъ въ нашъ beau-monde. На этихъ вечерахъ я читала вслухъ монологи изъ Расина и Корнеля или пѣла, возбуждая всегда общій восторгъ, выражаемый всяческими любезностями. Я однакожъ терпѣть не могла этихъ приглашеній и этихъ вечеровъ; что-то очень обидное чуялось мнѣ во вниманіи и покровительствѣ этихъ дамъ. И ихъ тоже я терпѣть не могла, особенно свою бывшую подругу. Я очень любила видѣть ее въ театрѣ при представленіи тѣхъ пьесъ, гдѣ я играла особенно удачно: ея лицо такъ замѣтно искажалось завистью, когда раздавался оглушительный взрывъ аплодисментовъ, когда партеръ неистовствовалъ отъ восторга и ея поклонники забывали о ея существованіи, отдаваясь этому восторгу. Вообще же, какъ дошло до моего свѣдѣнія, городскія дамы платили мнѣ той же монетой: также любили меня, какъ я ихъ, и съ наслажденіемъ распускали на мой счетъ разныя сплетни. Это меня мало огорчало; я даже съ удовольствіемъ разжигала эту непріязнь, отбивая у нихъ обожателей, или женіховъ у ихъ дочерей. У меня тоже были женихи: помѣщикъ 80-ти душъ, влюбившійся въ меня до глупости; уланскій ротмистръ, безъ гроша за душой, но съ надеждой быть когда-нибудь полковымъ командиромъ, а можетъ быть и главнокомандующимъ, и наконецъ надсмотрщикъ крѣпостныхъ дѣлъ въ гражданской палатѣ, пробывшій въ этой должности что-то очень долго и набившій себѣ карманъ на славу, что не мѣшало ему быть страстнымъ цѣнителемъ красоты и таланта. Тётушка молилась и гадала на карты, и несказанно огорчалась, что я всѣмъ имъ отказывала. Особенно сокрушалъ ее надсмотрщикъ.

Меня замужество не прельщало: сдѣлаться офицершей, чиновницей или помѣщицей средней руки, вовсе не казалось мнѣ заманчивымъ. Разъ только мнѣ пришла мысль о замужествѣ: въ нашъ городъ былъ присланъ по какимъ-то дѣламъ графъ Б., флигель-адъютантъ, богачъ и красавецъ. Онъ сталъ бывать у меня и усердно за мной ухаживать. Вотъ тогда-то мнѣ подумалось не разъ, что за такого жениха не дурно бы выдти замужъ. Но графъ былъ женатъ и на меня имѣлъ самаго дурного свойства виды, о которыхъ я въ простотѣ сердечной и не догадывалась; а другихъ молодыхъ людей этого сорта мнѣ не встрѣчалось, и мысль о замужествѣ не приходила мнѣ больше въ голову.

А между тѣмъ эта шумная, суетливая жизнь стала оказывать дурное вліяніе на мое здоровье. Я похудѣла и побѣднѣла, по временамъ являлся кашель. Я обратилась къ молодому док-

Digitized by Google

тору, славившемуся леченіемъ женскихъ болѣзней. Онъ разспросилъ меня, выслушалъ грудь и немного подумалъ. — Если вамъ угодно, я буду васъ лечить, объявилъ онъ; но я заранѣе объявляю, что мое леченіе не поможетъ при вашемъ образѣ жизни. Вамъ нужно совсѣмъ измѣнить его.

— Чѣмъ же я больна?—спросила я.

— Вы пока еще не больны,—отвѣчалъ онъ,—но можете заболѣть очень серьёзно. Вамъ нужно вести жизнь правильную, рано ложиться и вставать, лѣтомъ купаться, пользоваться чистымъ воздухомъ...

— А если я буду жить по-прежнему?—спросила я.

— Вамъ грозитъ серьёзная болѣзнь,—отвѣчалъ онъ.—Вамъ грозитъ чахотка!

Я не Богъ-знаетъ какъ боялась и чахотки и смерти, но совѣтъ доктора исполнила бы съ удовольствіемъ: меня самоё утомила ежедневная сумятица, неизбѣжная въ жизни актрисы, да еще такой знаменитой, какою я была здѣсь; мнѣ хотѣлось бы отдохнуть, освѣжиться чистымъ воздухомъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ, которую я знала только по слухамъ, да по дѣтскимъ воспоминаніямъ. Но въ томъ бѣда, что у меня не было другихъ средствъ, кромѣ жалованья, а этого жалованья не хватило бы на наемъ дачи. Тётушкины деньги, вырученныя ею за продажу ея имущества, были совсѣмъ ничтожны, да я и не рѣшилась бы ни за что ихъ истратить: онѣ были ея единственнымъ рессурсомъ на случай смерти моей или какого другого несчастія. Однимъ словомъ, у меня не было никакой возможности отдохнуть и поберечь свое здоровье.

Тутъ случилось одно обстоятельство, сдѣлавшее на меня ужасное впечатлѣніе.

Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей нашего театра былъ купецъ Степановъ. Это былъ пожилой толстякъ; съ лоснящеюся лысиной и съ краснымъ, вѣчно потнымъ лицомъ. Онъ сидѣлъ всегда въ первомъ ряду креселъ и, не сводя глазъ, слѣдилъ за мной. Мои знакомые, смѣясь, увѣряли, что онъ страстно влюбленъ въ меня; я тоже смѣялась. Знакома съ нимъ, конечно, я не была, но если намъ случалось встрѣчаться у подъѣзда театра или на улицѣ, онъ съ умильнымъ видомъ отвѣшивалъ мнѣ поклонъ, на который мнѣ очень противно было отвѣчать. Въ городѣ онъ слылъ страшнымъ богачемъ. Разсказывали, что его милліоны нажиты не чисто, что въ семьѣ онъ страшный варваръ, что жена его и дѣти живутъ чуть не въ нуждѣ, между тѣмъ, какъ онъ страшно соритъ деньгами, и на какую-то цы-

Digitized by Google

ганку Настю, вывезенную имъ изъ Москвы, издержалъ десятки тысячъ. Я и это все пропускала мимо ушей: какое мнѣ дѣло было до Степанова со всѣми его мерзостями!—Разъ вечеромъ я сидѣла одна въ гостиной, горничная моя отпросилась къ какой-то кумѣ своей, я велѣла ей запереть переднюю дверь и пройти черезъ кухню. Тётушка легла пораньше спать, чтобъ завтра не опоздать на базаръ. Я читала какой-то романъ Дюма. Вдругъ отворили переднюю дверь, которую я считала запертой.

— Кто тамъ?—спросила я не трогаясь съ мѣста.

— Это я-съ, барышня! не извольте безпокоиться,—отвѣчалъ незнакомый мнѣ, хриплый голосъ.

— Кто такой?—переспросила я громче, и со свѣчей въ рукахъ направилась въ переднюю.

Тамъ стоялъ Степановъ, вытирая краснымъ фуляромъ потное лицо. Въ изумленіи я не вдругъ узнала его.

— Что вамъ нужно?—спросила я, едва отвѣтивъ на его усердный поклонъ.

— Пришелъ провѣдать васъ, барышня!—отвѣчалъ онъ, умильно поглядывая на меня и противно улыбаясь.

— Съ какой стати вамъ вздумалось провѣдывать меня, да еще въ такую позднюю пору?—еще не оправясь отъ изумленія спросила я.

— Вы не серчайте, барышня!—отвѣчалъ Степановъ.—Намъ давно желательно поглядѣть, какъ вы себѣ поживаете, да не доводилось. То-то диво!—проговорилъ онъ, оглядывая гостиную, въ которую прошелъ мимо меня.—Такая вы раскрасавица, а живете бѣдненько! Такъ-ли бы вамъ жить?...

— А вамъ что за дѣло до этого?—проговорила я, разсерженная безцеремонностью, съ которою онъ коснулся моего больного мѣста—моей скромной обстановки, которой я втайнѣ стыдилась.

— Да жалко смотрѣть-то, барышня!—отвѣчалъ онъ.—Ужъ такъ-ли вамъ бы жить!.. Да дозвольте мнѣ позаботиться—я вамъ такой дворецъ предоставлю! Птичьяго молока развѣ не будетъ, а то все будетъ...

«Онъ пьянъ!»—рѣшила я въ умѣ, и отступила назадъ.

— Мнѣ не нужно вашего дворца, благодарю васъ!—сказала я тихо, чтобъ не раздражать пьянаго человѣка.

— Напрасно, барышня, брезгаете нами: мы—люди-то простые, да карманъ у насъ набитъ. А тѣ—щелкоперы-то эти, что у васъ толкутся, да все это офицерство—это вѣдь все голь перекатная.

Digitized by Google

— Покойной ночи!—проговорила я, все еще въ убѣжденіи, что передо-мною—пьяный человѣкъ, и хотѣла-было уйти.

— Нѣтъ, барышня, погоди!—отвѣчалъ онъ, удерживая меня рукою.—Въ другой разъ когда еще повижу я тебя, а ты теперь скажи напрямки—согласна, иль нѣтъ?

— Согласна, на что? Что вамъ отъ меня нужно?—испуганно проговорила я, начиная догадываться, что онъ не пьянъ и пугаясь еще болѣе.

— Ой, не брезгай нами! Я сказалъ—озолочу! Дворецъ тебѣ предоставлю, пару рысаковъ на конюшню завтра приведу. Бралліантовыя серьги, брошъ да браслетъ — вотъ тутъ у меня въ карманѣ. Хошь сейчасъ получить?

— Постойте! Я васъ не совсѣмъ понимаю: вы предлагаете мнѣ рысаковъ, дворецъ и браслеты. За что же это? Чѣмъ я вамъ за это заплачу?—спрашивала я, все еще не понимая, въ чемъ дѣло.

— Тебѣ-то есть чѣмъ заплатить! — возразилъ онъ, скверно усмѣхаясь.— Такой раскрасавицѣ-то?.. Полюби меня, барышня! сказалъ онъ подступая, и обнялъ меня рукой.

— Вы съума сошли! Убирайтесь вонъ!—едва выговорила я, задыхаясь отъ гнѣва. И вѣрно лицо мое очень явственно выразило всю силу моего омерзѣнія и ужаса: онъ быстро пошелъ къ двери.

— Ну, не хочешь — какъ хочешь! Не пожалѣй послѣ! — услышала я ужъ изъ передней.

А я не могла сойти съ мѣста, будто приросла къ нему. Чувство ужаса и омерзѣнія такъ охватило меня, что въ первыя минуты я потеряла сознаніе... Я долго простояла со свѣчей въ рукѣ, не позаботясь даже запереть дверь въ сѣни. Часы пробили 12, капля стеарина со свѣчки горячо упала мнѣ на руку. Я опомнилась и пошла къ себѣ.

Но я не могла заснуть: мнѣ было такъ гадко, стыдно, тяжело! Мнѣ казалось, что послѣ такого униженія и жить нельзя, что никакая извѣстность, никакое счастіе, никакой почетъ не смоютъ съ меня этого грязнаго пятна, не заглушатъ этого ужаснаго воспоминанія. Сказать объ этомъ кому бы то ни было — хоть тётушкѣ, я ни за что бы не рѣшилась. Но тяжесть этого униженія такъ сильно придавила мою молодую душу, что я не могла обойтись безъ опоры и помощи. Я стала на колѣни и начала горячо молиться!..

На другой день тётушка очень удивилась, что я еще въ постели; я позвала ее къ себѣ и попросила сейчасъ же разсчитать мою горничную.

Digitized by Google

Съ того дня мнѣ совсѣмъ опротивѣлъ театръ. Когда вскорѣ послѣ этого я въ первый разъ увидѣла Степанова на его обычномъ мѣстѣ въ партерѣ, я едва не упала въ обморокъ, и оправившись все-таки играла, какъ автоматъ.

Все это было въ концѣ 1853 года. Великая восточная война уже начиналась. Наша дивизія тоже выступила въ походъ. Городъ опустѣлъ, и театръ тоже. На меня все болѣе и болѣе нападала тоска; я стала чаще прихварывать. Докторъ все болѣе и болѣе настаивалъ на необходимости измѣнить образъ жизни, а невозможность исполнить этотъ совѣтъ, основательность котораго я вполнѣ сознавала, огорчала меня еще болѣе. Тётушка тоже измучилась глядя на меня. Но когда безнадежность нашего общаго горя дошла до крайнихъ предѣловъ, къ намъ будто съ неба упало неожиданное счастіе!

У тётушки была двоюродная сестра, съ которой у нея лѣтъ сорокъ назадъ вышла ссора за то, что эта сестра слишкомъ чванилась своимъ богатствомъ и съ своими бѣдными родственниками обходилась очень дурно. Потомъ обстоятельства толкнули ихъ въ разныя стороны и онѣ совершенно потеряли другъ друга изъ вида, — какъ вдругъ тётушка получаетъ извѣстіе о достающемся ей наслѣдствѣ послѣ этой самой сестры, богатство которой заключалось въ 50-ти ревизскихъ душахъ да въ 400 десятинахъ земли. Тётушка не вдругъ повѣрила этому счастію — такъ показалось оно ей и велико, и неожиданно. Но, повѣривши, она сейчасъ же стала собираться въ дорогу и черезъ нѣсколько недѣль, въ одно морозное зимнее утро, мы выѣхали въ тётушкино помѣстье.

Мое первое знакомство съ новымъ мѣстомъ нашего жительства вовсе не сдѣлало на меня пріятнаго впечатлѣнія. Домишко былъ небольшой, деревянный, съ тесовою когда-то красною, а теперь сѣрою крышей; внутри расположенъ онъ былъ тоже довольно неуютно. Старая, неуклюжая мебель скудно наполняла его маленькія, низенькія комнатки. Пахло въ немъ какъ-то особенно, какою-то сыростью вмѣстѣ съ ладономъ и сухими васильками. Насъ встрѣтила ключница, низенькая и старенькая, какъ и самый домъ; лицо у нея было доброе-предоброе и все въ морщинахъ, и пахло отъ нея тоже сыростью, ладономъ и васильками. Намъ подали самоваръ чрезвычайно страннаго допотопнаго фасона; тётушка стала разливать чай, разспрашивая въ тоже время старуху о подробностяхъ женскаго хозяйства. По этой части она осталась отмѣнно довольной: хозяйство было большое,

Digitized by Google

всего было вдоволь — и птицы, и холстовъ, и коровъ, и всякихъ запасовъ. Послѣ чаю явился староста, но съ нимъ тётушка не очень распространялась: въ полевомъ хозяйствѣ она мало смыслила. Впрочемъ, я не дождалась конца ихъ бесѣды и ушла спать.

На другой день тётушка ревизовала свое ново-пріобрѣтенное имущество, а я велѣла запречь себѣ лошадь въ сани и поѣхала кататься. Мнѣ хотѣлось ознакомиться съ мѣстностью нашей Калиновой и съ ея окрестностями. Мѣстность была некрасива — плоская, нигдѣ ни деревца; только за нашимъ домомъ спускался къ рѣчкѣ небольшой старый фруктовый садъ, изобилующій лѣтомъ плодами, но на видъ, особенно зимою, крайне неживописный. Возвратившись домой я разспросила тётушку о нашемъ сосѣдствѣ. Оказалось, что съ одной стороны въ двухъ верстахъ отъ насъ Завѣтное, большое имѣніе князей Ворскихъ, которые въ немъ, конечно, не живутъ, а съ другой стороны начинаются такъ-называемые *хуторки*, безчисленныя владѣнія мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые, впрочемъ, живутъ не однодворцами, а помѣщиками, и между которыми есть много нашихъ родственниковъ.

По окончаніи хозяйственной ревизіи, тётушка предложила мнѣ побывать у нашихъ общихъ родныхъ. Я согласилась очень охотно: жизнь въ этой непривлекательной Калиновой, да еще и безъ общества, представлялась мнѣ невозможной. Я льстила себя надеждою сойтись болѣе или менѣе съ своими кузинами и кузенами. Мы поѣхали. Родственники мои — люди простые, степняки, приняли меня не-то-что съ пренебреженіемъ, а съ какимъ-то забавнымъ недоумѣніемъ; кузины — настоящія степныя барышни, тоже поглядывали на меня не то косо, не то робко, а единственный находившійся на лицо кузенъ оказался такимъ совершеннымъ типомъ мелкопомѣстнаго барчука, со всѣми уродливыми и смѣшными его особенностями, что я отложила всякую надежду искать сближенія съ кѣмъ бы то ни было изъ нихъ. Меня очень забавляло, что въ разговорахъ со мной они всѣ избѣгали тщательно малѣйшаго намека на мое прежнее артистическое поприще, и съ боязливымъ изумленіемъ взглядывали на тётушку, когда она невзначай упоминала о немъ. Мнѣ пришло въ голову, что всѣ они пренебрегали бы мною, еслибъ не робѣли, а ужъ почему они робѣли — этого я никакъ не могла себѣ объяснить.

Мы возвратились въ Калиновую. Тётушка принялась за хозяйство съ тѣмъ рвеніемъ, котораго я отъ нея ожидала, а я стала приводить въ исполненіе совѣты своего доктора — начала вести правильную жизнь и проч.

Digitized by Google

Я скоро догадалась, однакожъ, что эта жизнь не поправитъ моего здоровья. Меня томила скука. Будучи актрисой, я привыкла быть занятой: разучиваніе ролей, репетиціи, представленія наполняли значительную часть дня. Положимъ — все это не составляло здоровой пищи для ума, но все же онъ не оставался праздными. Кромѣ того, я скучала и безъ общества, скучала безъ поклонниковъ. Я привыкла, чтобъ мною любовались, восхищались; эта привычка явилась у меня еще въ пансіонѣ и окончательно обратилась въ потребность, когда я была актрисой. Я чувствовала, что скука доймета меня сильнѣе, чѣмъ болѣзнь, чѣмъ суматоха прежней жизни. «Что мнѣ дѣлать? Чѣмъ мнѣ наполнить день?» тоскливо спрашивала я у себя самой, тоскливо слоняясь изъ угла въ уголъ. Я придумала наконецъ — читать, и выписала себѣ пропасть французскихъ книгъ: Дюма, Сю, Феваля. Сначала это меня очень занято: я пожирала книги съ жадностью неописанной, забывала ѣсть и спать, вся отдаваясь этому безплодному наслажденію, но мое настроеніе отъ того не мѣнялось, тоска не проходила. Пока я читала — меня это интересовало, но какъ только я выпускала книгу изъ рукъ—въ головѣ у меня была та же пустота, а на душѣ та же тоска, что и прежде. А эту пустоту нужно было наполнить чѣмъ-нибудь, и эту гнетущую тоску нужно было хоть чѣмъ-нибудь разогнать; а это было тѣмъ труднѣе, что и книги-то скоро мнѣ совсѣмъ опротивѣли. Чтобъ убить время, я начинала мечтать. И вспомнить-то совѣстно, какія пошлыя, пустыя то были мечты! Все это вертѣлось на богатствѣ, роскоши, высшемъ свѣтѣ, флигель-адъютантахъ, графиняхъ!.. А между тѣмъ пришла весна: разомъ сталъ глубокій снѣгъ и тысячи быстрыхъ ручьевъ наполнили нашу безводную рѣчку: она вспѣнилась и зашумѣла; земля оттаяла, зазеленѣла трава, и мою душу тихо и сладко заволновало какое-то, непонятное мнѣ, томительное и сладкое чувство. Тётушка захлопоталась: начинались полевыя работы. Я по цѣлымъ днямъ была одна въ домѣ. Мое настроеніе замѣтно измѣнилось: вмѣсто постоянной тоски стали являться припадки какого-то радостнаго чувства и потомъ глубокое уныніе. Меня все тянуло на воздухъ, но не въ этотъ пошлый садъ—огородъ, а далеко-далеко, въ поле, въ степь, одну и по незнакомымъ тропинкамъ. Бродя такъ безъ цѣли и наскучивъ своими думами и мечтами, иногда я спрашивала у себя, отчего у меня такъ тяжело на душѣ и отчего мнѣ такъ скверно жить? Найти резонный отвѣтъ на эти вопросы я не могла, но подъ вліяніемъ недавно прочитанныхъ французскихъ романовъ и прочей высокопарной чуши, наполнявшей мою голову, я рѣшала это по-

Digitized by Google

своему, т.-е. громкими фразами, въ родѣ *âme incomprise, existance brisée, vocation manquée!* Что именно я считала своимъ «vocation» — я и не знала и не знаю, но то не было поприще артистки, а что-то другое, неясное,—важное, однако, блестящее и грандіозное. Помню я хорошо, кто первый заронилъ въ мою голову мысль объ этомъ *vocation*: то былъ старый генералъ, слывшій за bel-esprit и немножко за вольнодумца въ армейскомъ обществѣ. Онъ все толковалъ мнѣ, что мнѣ не мѣсто въ глухомъ губернскомъ городѣ, а было бы дескать мнѣ мѣсто въ европейскомъ салонѣ, въ обществѣ разныхъ Гизо, Ламартиновъ и т. п. Мнѣ это казалось очень заманчивымъ. Что дѣлали бы въ этомъ салонѣ Гизо и Ламартинъ, о чемъ бы они тамъ толковали со мной — я, конечно, объ этомъ и не думала, но быть окруженной европейскими beaux-esprit было очень лестно. Живи я въ большомъ свѣтѣ, изъ меня можетъ быть выработалась бы такимъ образомъ одна изъ тѣхъ меценатокъ, которыя изъ суетности покровительствуютъ талантамъ, любятъ науку, поклоняются искусству, и подчасъ даже вольнодумствуютъ въ салонѣ...

Разъ, гуляя безъ цѣли вечеромъ, я забрела въ самое Завѣтное, когда тамъ въ церкви стали благовѣстить ко всенощной. Звучно и торжественно раздавался призывный звонъ. Передо мной все въ зелени живописно раскидывалось село; чистенькія хатки привѣтливо бѣлѣли между кущами зеленыхъ вербъ. Туда дальше, краснѣли желѣзныя крыши господскихъ строеній. Старый садъ пышно и красиво ниспадалъ къ огромному пруду. Я оглянула мѣстность съ наслажденіемъ. Какое-то давно неизвѣданное чувство зашевелилось во мнѣ: вспомнилось дѣтство, отецъ, княгиня, ея богатая Борисовка съ такимъ же огромнымъ домомъ-дворцомъ, церковь, гдѣ, бывало, по праздникамъ я стою въ свитѣ княгини и съ дѣтскимъ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ почтеніемъ, слѣжу за ея колѣнопреклоненной, молящейся фигурой... Мнѣ вдругъ захотѣлось молиться!... Я давно не молилась и не чувствовала этой потребности, пансіонское воспитаніе не только не развивало въ насъ религіознаго чувства, а даже заглушало его. Сама m-me Trousseau относилась къ дѣлу религіи съ малоскрываемой иронією и пренебреженіемъ, а единственно набожная изъ всѣхъ пансіонскихъ классныхъ дамъ возбуждала въ насъ только насмѣшку. Да, я давно не молилась,—но въ эту минуту на меня повѣяло чѣмъ-то другимъ, роднымъ и далекимъ! Я быстро направилась къ церкви и чрезъ минуту стояла уже въ углу, у лѣваго клироса. Дѣло было на Св. недѣлѣ; служили всенощную; три мальчика-семинариста, да два дьячка довольно

Digitized by Google

складно пѣли «Свѣте тихій». Простой сѣрый людъ наполнялъ церковь, запахъ ладону заглушалъ запахъ дегтю, въ открытыя окна врывались зеленыя вѣтви деревьевъ въ ихъ весеннемъ убранствѣ; свѣчи тускло теплились предъ высокимъ старинным иконостасомъ... Я опустилась на колѣни и начала горячо молиться!...

Съ этого дня начался новый періодъ моей молодой жизни—періодъ религіознаго настроенія, доходившаго до энтузіазма. Онъ продолжался всего нѣсколько мѣсяцевъ и потомъ сталъ понемногу охлаждѣвать, особенно благодаря одному знакомству, которое неожиданно мнѣ представилось. Но я живо помню эти нѣсколько мѣсяцевъ! Чуть свѣтъ просыпаешься, бывало, къ заутрени, въ воздухѣ такъ живительно прохладно, на землѣ такъ зелено и свѣжо, въ ушахъ звучатъ тысячи голосовъ, и такъ хорошо на душѣ, такъ отрадно и внушительно смотритъ на тебя божій міръ, что такъ и хочется молиться! Спѣшишь въ церковь — и такъ сладко, горячо молишься, такъ полно и слѣпо вѣруешь, съ такимъ ужасомъ гонишь изъ головы всякое поднимающееся въ мысляхъ сомнѣніе! Дома уже не хочется читать Дюма и Феваля, а между тѣмъ нужно чѣмъ-нибудь наполнить день. И вотъ, я принимаюсь за чтеніе священныхъ книгъ. Читать по-славянски я выучилась въ нѣсколько дней и безъ посторонней помощи; книги забирала у священника. Конечно, я не совсѣмъ хорошо понимала по-славянски, но это придавало моимъ чтеніямъ еще болѣе таинственной прелести.

Разъ утромъ въ воскресенье пріѣхалъ къ намъ какой-то высокій, плотный и некрасивый господинъ, который сразу показался мнѣ совсѣмъ непохожимъ на здѣшнихъ мелкопомѣстныхъ. Самый костюмъ его, небрежный и мѣшковатый, отзывался порядочностью. Онъ отрекомендовался намъ однакожъ именно здѣшнимъ мелкопомѣстнымъ, но въ то же время—профессоромъ физики при одномъ изъ университетовъ. Онъ пріѣхалъ провести лѣто у старухи-матери, нашей ближайшей сосѣдки, съ которой тетушка очень подружилась. Наше общество состояло до сихъ поръ изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ кумушекъ, священника съ сестрою, старика лекаря и нѣмца-управляющаго изъ Завѣтнаго. Илья Петровичъ—профессоръ, тоже сталъ бывать у насъ, и его посѣщенія развлекали меня немного больше, чѣмъ посѣщенія другихъ, хотя особеннаго удовольствія мнѣ не доставляли: онъ былъ дуренъ собою, за мною ухаживать не имѣлъ ни малѣйшаго расположенія, и упражняться въ веденіи французскихъ разговоровъ, съ блестками салоннаго остроумія, нисколько не былъ способенъ. Но всѣхъ другихъ въ нашемъ околоткѣ онъ просто

Digitized by Google

очаровалъ. Онъ, правда, былъ пріятный собесѣдникъ: съ лекаремъ онъ толковалъ объ аллопатіи и гомеопатіи, о нервной горячкѣ и чахоткѣ; съ управляющимъ — о земледѣльческихъ машинахъ и орудіяхъ, о качествѣ и свойствѣ почвъ и различныхъ удобреній, о невѣжествѣ и лѣности русскихъ крестьянъ; съ тетушкой о домашнемъ хозяйствѣ, наконецъ со всѣми нами о чемъ попало — о своихъ путешествіяхъ за-границей, куда онъ былъ посланъ на казенный счетъ, о войнѣ, о прелестяхъ деревни въ лѣтнее время,—и все это вовсе не съ видомъ превосходства, не съ тою снисходительностью, которая кажется такъ обидною въ обращеніи людей, считающихъ себя выше своихъ собесѣдниковъ. Несмотря, однакожъ, на эту его скромность, я скоро стала тяготиться его обществомъ, именно потому, что стала догадываться о его превосходствѣ; до сихъ поръ я считала себя высокообразованной особою; я обо всемъ судила рѣзко и смѣло, почти не встрѣчая себѣ противорѣчія въ томъ кружкѣ, гдѣ жила; я составила ужъ себѣ рядъ убѣжденій, отличавшихся своеобразностью, предполагаемымъ изяществомъ и нелѣпостью, и все, недоступное моему пониманію — астрономію или химію, Шекспира и философію, Одиссею и Космосъ—просто-на-просто обзывала чепухой. Илья Петровичъ былъ первый человѣкъ, отъ котораго я стала слышать серьёзныя возраженія, правда — возраженія эти высказывались очень вѣжливо и мягко, но тѣмъ больше я чувствовала ихъ мѣткость и основательность. Такъ же вѣжливо и мягко, и такъ же убѣдительно онъ доказалъ мнѣ наконецъ, что я ничего не знаю, ничего путнаго не читала и набиваю себѣ голову такимъ литературнымъ соромъ, который гроша не стоитъ. Я разсердилась на него, почти возненавидѣла его, но не могла не сознавать съ обидой и болью, что онъ правъ.

Разъ онъ пріѣхалъ къ намъ и засталъ меня въ припадкѣ жестокой тоски. Онъ замѣтилъ, что я въ дурномъ расположеніи духа; я отвѣчала, что мнѣ невыносимо скучно.

— Это должно быть пренепріятное состояніе,—проговорилъ онъ.—Хотя я самъ не испыталъ скуки, но думаю, что нѣтъ ничего несноснѣе ея.

— Неужели вы никогда не скучали?—съ недовѣріемъ спросила я.

— Никогда. Да когда же мнѣ скучать? У меня весь день занятъ: приготовленіе лекцій, самыя лекціи, газеты, журналы, знакомые...

— Ну, а здѣсь, въ деревнѣ, вы тоже не скучаете? — спросила я.

Digitized by Google

— Нѣтъ. Я утромъ купаюсь и гуляю, потомъ сажусь за серьёзное чтеніе, отвѣчаю на письма, пробѣгаю газеты. Въ хозяйство я не мѣшаюсь, матушка сама управляется; ей и книги въ руки. Послѣ обѣда я немножко отдыхаю, жарко—знаете вы, ужасно! Потомъ, вечеромъ, послѣ купанья и прогулки я читаю ужъ что-нибудь въ этомъ родѣ, — продолжалъ онъ, указывая на томикъ Байрона, бывшій у него въ рукахъ.

— Читать да читать — это тоже скучно! — возразила я.

— Скучно, если вы читаете пустыя вещи; но читать серьёзную книгу или такое вотъ геніальное произведеніе — это совсѣмъ другое дѣло.

Я съ недовѣріемъ покачала головой. Мы помолчали.

— Что бы мнѣ дѣлать, чтобъ не скучать?—нечаянно выговорила я вслухъ.

— Я вамъ скажу, что дѣлать. Учиться! Не по учебникамъ учиться, а съ помощью серьезнаго чтенія. Читайте и размышляйте о прочитанномъ. Старайтесь вдуматься въ каждую мысль автора; конечно, нужно выбирать дѣльныя книги. Есть и романы, которые стоитъ читать—Вальтеръ-Скотта, напр., Купера... Это очень интересно вглядываться въ каждую личность, слѣдить за развитіемъ замѣчательнаго характера. При такихъ условіяхъ чтеніе будетъ имѣть для васъ совсѣмъ иной смыслъ.

Я даже улыбнулась про себя, такъ страненъ показался мнѣ совѣтъ наполнять жизнь чтеніемъ и размышленіемъ о прочитанномъ!

Но тоска одолѣвала меня. Я все еще была въ періодѣ благочестія, но цѣлые дни молиться и читать священныя книги не было возможности. Исподоволь, мало-по-малу я надумала, что можетъ быть совѣтъ Ильи Петровича и не такъ чуденъ: вѣдь вотъ онъ самъ—живой человѣкъ, этимъ способомъ живетъ себѣ да поживаетъ. Не попробовать ли и мнѣ? И я рѣшила попробовать. Для перваго опыта мнѣ попался «Айвенго». Я принялась за него съ прилежаніемъ и самоотверженіемъ, достойнымъ лучшей участи; я останавливалась не только на всякой главѣ, на всякой страницѣ, думала-думала и ничего не надумывала. Съ геройскимъ мужествомъ, несмотря на жестокую скуку, я одолѣла «Айвенго» до конца, и никакого прока въ томъ не увидѣла. Только, когда послѣ этого я принялась за какую-то «Olympe de Clèves», которая читалась легче и скорѣе, мой любимецъ — Дюма показался мнѣ такимъ мелкимъ и пустымъ, что я начала въ душѣ соглашаться съ мнѣніемъ Ильи Петровича о его совершенномъ ничтожествѣ. Я взялась потомъ за Купера, но результатъ вы-

Digitized by Google

шелъ тотъ же, что и съ Вальтеръ-Скоттомъ: я съ такимъ же трудомъ одолѣла «Послѣднихъ Могиканъ», какъ и «Айвенго». Значитъ, я не въ состояніи оцѣнить хорошую книгу!—порѣшила я, обезкураженная двумя неудачными попытками, и готова была снова отдаться своему мучительному ничего-недѣланію, когда Илья Петровичъ предложилъ мнѣ «Кто виноватъ?»

Нужно предупредить, что я была самаго обиднаго мнѣнія объ отечественной словесности. Мнѣ нравились только «*Герой нашего времени*», кое-что (очень немногое) изъ Пушкина, нѣкоторые стихи графини Растопчиной, нѣкоторыя повѣсти гр. Соллогуба, «*Племянница*», Е. Туръ, «*Царскосельскій Лебедь*», Жуковскаго, да нѣкоторыя патріотическія стихотворенія. Остальнаго я или не признавала, или не читала. Гоголя я прочла еще бывши актрисой, пришла въ ужасъ отъ этой *непроходимой грязи*, какъ я выразилась тогда въ толпѣ своихъ обожателей, и сейчасъ же получила блистательную похвалу отъ одного элегантнаго полковника за меткость своихъ приговоровъ. Вообще, отечественная словесность поражала меня своею тривіальностью. За «Кто виноватъ?» я принялась безъ восторга и даже съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, хотя Илья Петровичъ отрекомендовалъ мнѣ его почти геніальною вещью; но читала его не съ тѣмъ уже чувствомъ, какъ В.-Скотта и Купера, и разумѣется не съ тѣмъ, какъ Дюма. Не то, чтобъ оно мнѣ особенно нравилось, но оно меня заинтересовало. Многаго и многаго я тамъ не поняла, но отъ всего произведенія вѣяло мнѣ ужъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ отъ грандіозныхъ, но подчасъ скучноватыхъ созданій В.-Скотта и Купера, или отъ фривольныхъ произведеній моего недавняго фаворита—Дюма. Я чувствовала, что это приблизительно та же жизнь, которою я живу, тѣ же интересы, которые могутъ или должны быть моими.

Мнѣ показалось, что на этотъ разъ попытка удалась, и я съ жаромъ схватилась за современную русскую беллетристику и разомъ проглотила Гончарова, Тургенева, Григоровича, Писемскаго и т. д. Кое-что мнѣ нравилось болѣе, другое—менѣе, но вообще мнѣ уже легче было *думать* о прочитанномъ, даже думалось само собой. Нынѣче принято бросать камнемъ въ этихъ дѣятелей недавняго прошлаго, добрымъ словомъ ихъ рѣдко поминаютъ, но въ то время вліяніе ихъ было и велико, и благотворно. Даже и я это скоро почувствовала: у меня какъ будто сталъ выясняться взглядъ на окружающую жизнь и людей, и громкія французскія фразы стали рѣже навертываться мнѣ на умъ, когда я думала о себѣ и о своемъ будущемъ. Я также будто чище стала и

Digitized by Google

смутно начинала понимать, что жизнь—не одна сплошная и узаконенная ярмарка тщеславія, и что жить можно не одними своекорыстными или суетными цѣлями.

Въ то же время сталъ проходить мой quasi-религіозный энтузіазмъ, конечно, мало-по-малу. Я все еще часто бывала въ церкви, но уже выбирала для этого время: я шла туда, когда была хорошая погода, когда не нужно было для этого вставать слишкомъ рано, когда, по моимъ соображеніямъ, мнѣ не предстояло задыхаться тамъ отъ жару и духоты. Мнѣ нравилась поэтическая сторона богослуженія: безмолвіе храма, тихое мерцаніе свѣчей предъ иконами, тихій, симпатичный голосъ старика-священника. Я съ умиленіемъ слѣдила за его теплой молитвой, но сама уже не молилась, а думала: я начинала относиться ко всему критически.

Разъ собралось къ намъ обычное общество: Илья Петровичъ съ матерью, управляющій, лекарь и еще сосѣдъ-помѣщикъ, человѣкъ не глупый, но желчный и всѣмъ недовольный. Разговоръ обратился на очень опасный предметъ, на такъ-называемую политику. Илья Петровичъ зналъ, что сору изъ избы не вынесутъ и охотно трактовалъ о разныхъ административныхъ безобразіяхъ, которыхъ тогда почти никто не замѣчалъ. Я была горячая патріотка, и въ этомъ не могло поколебать меня ни французское воспитаніе, ни насмѣшки надъ Россіею m-me Trousseau et C°, которыхъ я когда-то, между прочимъ, и за это ненавидѣла. Очень понятно, какого рода могъ быть мой патріотизмъ. Мнѣ нравилось то, что было громкаго и блестящаго въ прошедшемъ и настоящемъ моей родины. Блескъ военнаго могущества Россіи, который тогда видѣли въ такомъ преувеличенномъ масштабѣ, возбуждалъ сильнѣйшимъ образомъ мою патріотическую радость и гордость. Вопіющія злоупотребленія, грабежъ частныхъ лицъ во имя закона, казнокрадство, гнетъ крѣпостного права—все это, такъ нагло выставлявшееся на всеобщій позоръ и поруганіе, какъ бы и не существовало для большей части общества, и конечно, тѣмъ болѣе для меня. Всѣ были довольны настоящимъ порядкомъ вещей,—всѣ, кромѣ небольшого числа истинно просвѣщенныхъ людей, да пессимистовъ по призванію, въ родѣ нашего желчнаго сосѣда. Остальныхъ за все и про все вознаграждали—

Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразная красивость.

Мнѣ странно и больно было, при моемъ взглядѣ на вещи, слышать все то, что у насъ говорилось, и хоть я считала непри-

Digitized by Google

личнымъ для женщины вмѣшиваться въ разговоръ о политикѣ, однакожъ, не выдержала разъ и высказала, что́ у меня было на умѣ, а въ заключеніе всего рѣшила, что нашъ вѣкъ—величайшій вѣкъ въ исторіи.

— Ну, нѣтъ! на этотъ разъ позвольте мнѣ не согласиться съ вами,—сказалъ Илья Петровичъ.

— Какую же эпоху, по вашему, можно назвать великимъ вѣкомъ?—спросила я.

— Великимъ вѣкомъ я называю такой, когда сдѣлано прочное, долговѣчное благо народу или всему человѣчеству,—и такихъ людей называю великими, которымъ мы обязаны великими научными открытіями, тѣхъ, наконецъ, кто помогалъ своему государству или обществу развиваться правильно... Великими людьми я называю и Ньютона, и Колумба, и Вашингтона, и Лютера...

Но Илья Петровичъ самъ поспѣшилъ замять разговоръ: тетушка съ своей собесѣдницей, только-что переставшія толковать о какихъ-то кадушкахъ и рыжикахъ, вдругъ обернулись на него и широко раскрыли глаза...

Ну, а у меня духъ захватило отъ волненія: это было первое смѣлое слово, которое услыхала я на своемъ вѣку, и въ то время въ нашихъ благословенныхъ мѣстахъ оно было въ самомъ дѣлѣ смѣлымъ словомъ. Я была удивлена и озадачена въ высшей степени!.. Такъ ли это? Почему знаютъ, что это такъ?—спрашивала я себя, съ особеннымъ изумленіемъ вспоминая, какъ вскользь, невзначай, была сказана такая необыкновенная вещь. Я слыхала и прежде, что есть на свѣтѣ безбожники, атеисты, но прежде объ нихъ вовсе не думала, а въ періодъ моего благочестія представляла ихъ себѣ какими-то страшилищами, съ печатью отверженія на лицѣ, съ богохульствомъ на устахъ! А это же что? спрашивала я себя, недоумѣвая и пугаясь, и потомъ, неожиданно для себя самой, вдругъ неизвѣстно чему радуясь...

Какъ бы то ни было, а этотъ разговоръ далъ сильный толчекъ моей любознательности. Поразмысливъ хорошенько, я поняла причину этой, вначалѣ пугавшей меня, радости. Я поняла, что то новое, услышанное мною слово, примиряло мое горячее религіозное чувство съ сознаніемъ нелѣпости обветшалыхъ нравственныхъ понятій, основанныхъ якобы на христіанскомъ принципѣ. Но все это я поняла неясно, смутно, и тѣмъ болѣе мнѣ захотѣлось *учиться, знать*... До тѣхъ поръ я и представить себѣ не могла, чтобъ можно было страстно желать *учиться!*..

Я стала читать запоемъ; дни и ночи проводила за чтеніемъ. Мое окрѣпшее въ деревнѣ здоровье опять пошатнулось отъ уси-

Digitized by Google

ленныхъ умственныхъ занятій, но я жертвовала своимъ здоровьемъ опять по пустякамъ: отъ моего чтенія мнѣ не было почти никакой пользы. Я читала безъ всякой системы, что́ попало, и часто ужаснѣйшую чушь. Можетъ быть, Илья Петровичъ помогъ бы мнѣ совѣтомъ, но, во-первыхъ, обратиться къ нему мнѣ мѣшало мое мелкое самолюбіе, а во-вторыхъ, осенью Илья Петровичъ уѣхалъ изъ деревни.

Какъ вспомню, сколько дорогого времени, сколько молодыхъ силъ и здоровья, сколько горячей жажды знанія потрачено мною совершенно напрасно!.. Чего только не прочла я тогда! Книги мнѣ доставлялъ Карлъ Иванычъ изъ Завѣтнаго, гдѣ была библіотека, исправно пополнявшаяся и теперь по распоряженію помѣщика—покровителя русскаго просвѣщенія. Нечего и говорить, что я прочла всю русскую беллетристику, не исключая не только Вельтмана и Булгарина, но даже и какихъ-то Калашникова или Степанова, которые теперь только и извѣстны записнымъ библіофиламъ, въ родѣ Лонгинова. Послѣ всего этого я принялась за историческія книги: это — дескать — посерьезнѣе, это уже не литература только, а наука; ну, я и взялась за науку. Меня мало интересовали времена очень отдаленныя; я взялась за XVIII-е столѣтіе, за революцію и наполеоновское время. Я одолѣла разныхъ русскихъ историковъ той эпохи—Полевого, Кони и т. п., одолѣла Тьера, Бурьена, герцогиню д'Абрантесъ, какого-то Жомини, какія-то записки якобы Талейрана и много подобныхъ полезныхъ вещей. И читала я не кое-какъ: я читала со вниманіемъ, дѣлала выписки, во все вдумывалась; сумбуръ въ головѣ выходилъ страшнѣйшій, а я конечно этого и не подозрѣвала, а была искренно увѣрена, что просвѣщаюсь и развиваюсь. Но, видно, среди этого всего безобразія у меня оставалась еще въ головѣ частица здраваго смысла: я помню, что около этого времени появилась въ нашихъ мѣстахъ 2-я часть «Мертвыхъ душъ» въ рукописи. Ею восхищались, объявляя, что она выше первой. Съ Гоголемъ тогда я давно уже примирилась. Я прочла 2-ю часть, но она мнѣ понравилась меньше первой, а когда зять нашего священника отрекомендовалъ мнѣ *удивительную вещь*— «Переписку съ друзьями», и я начала читать ее,—мнѣ просто тошно стало...

Къ этому же времени относится и первая любовь моя.

Digitized by Google

Осенью того года наши патріархальныя мѣста были взволнованы небывало-страшнымъ событіемъ. Въ пяти верстахъ отъ Завѣтнаго, въ лѣсу, чрезъ который шелъ почтовый трактъ, была разграблена почта и убитъ ямщикъ и почтальонъ. Происшествіе сопровождалось страшнымъ звѣрствомъ и какою-то особенною загадочностью. Мѣстныя власти, по грознымъ настояніямъ губернатора, измучились рыская по окрестностямъ и усиливаясь открыть виновныхъ; для этой же цѣли присланъ былъ губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій. Слѣдствіе затянулось, осложнилось разными другими открытіями, и этотъ чиновникъ, можно сказать, *прожилъ* почти годъ въ Завѣтномъ. Вотъ тутъ-то и разыгралась исторія первой любви моей.

Какъ-то въ началѣ сентября я пошла ко всенощной, и опоздала,—попала, какъ говорится, на шапочный разборъ. Проходя въ своему всегдашнему мѣсту, я увидѣла вблизи новое лицо, въ которомъ тотчасъ заподозрила губернаторскаго чиновника. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, съ тѣмъ air distingué, который недавно еще я считала выше всѣхъ доблестей и который тогда не утратилъ еще для меня своего обаянія. Онъ не былъ красивъ, но очень строенъ и прекрасно одѣтъ, его смуглое лицо показалось мнѣ насмѣшливо-умнымъ. Онъ нѣсколько разъ взглядывалъ въ мою сторону съ видимымъ удивленіемъ. Я, конечно, догадывалась, что онъ мною любуется, и разумѣется была довольна: такъ вѣдь давно мною никто не восхищался и такъ скучно было въ нашемъ околоткѣ!.. Стали выходить изъ церкви. Я вышла тоже и за оградой встрѣтилась съ управляющимъ и исправникомъ. Они поклонились мнѣ и подошли къ молодому человѣку.

— Куда вы изволили скрыться, Владиміръ Сергѣевичъ? Мы васъ ищемъ-ищемъ!—проговорилъ исправникъ.

— Я пошелъ гулять и забрелъ въ церковь,—послышался мнѣ отвѣтъ.—Скажите пожалуйста...

Дальше я не разслышала, но была увѣрена, что онъ спросилъ обо мнѣ. На другой день я не пошла къ обѣдни: было пасмурно и изрядно холодно. Дурная погода всегда наводила на меня уныніе, а въ этотъ день еще больше обыкновеннаго. Мнѣ думалось все такое невеселое!.. Тетушка тоже была не въ духѣ: у нея перемолотили двѣ скирды пшеницы и не успѣли ее перевѣять, а между тѣмъ небо заволокло тучами, — того и гляди пойдетъ дождь и вымочитъ пшеницу, которая лежитъ себѣ на гумнѣ, подъ открытымъ небомъ, такъ какъ рига совсѣмъ дряхла и грозитъ обвалиться; молотить въ ней нельзя.

Digitized by Google

Я лежала на диванѣ въ гостиной съ книгой въ рукѣ и напрасно силилась заинтересоваться ею. Тётушка долго ворчала, поглядывая въ окно, но, наконецъ, успокоилась, конечно, отдавшись на волю Божію съ двумя ворохами невывѣянной пшеницы. Чтобъ окончательно разсѣять дурное расположеніе духа, она велѣла сварить кофе и два раза повторила, чтобъ сливки были какъ можно лучше и съ толстыми пѣнками. Я засмѣялась: ей хотѣлось, чтобъ я тоже повеселѣла.

Кофе подали; сливки оказались превосходными. Тетушка искоса посматривала на меня; я пила кофе съ большимъ удовольствіемъ.

— Ну, слава Богу, что ты пьешь кофе, Катя!—проговорила она.—Я уже боялась, не больна ли ты—такая ты блѣдная. И пріѣдетъся-то въ такой большой праздникъ не захотѣла!..

— Ахъ, тетушка! вы и не замѣтили до сихъ поръ, какъ я пристрастилась къ своей блузѣ,—смѣясь отвѣчала я. Она для меня лучшій и самый праздничный нарядъ. Стара уже я, чтобъ рядиться!..

— Ну, вотъ! Что за народъ сталъ! 20-ти лѣтъ еще не минуло, а ужъ старуха!.. Ахъ, Господи! кто-то къ намъ ѣдетъ!.. Вотъ подъѣзжаютъ... Карлъ Иванычъ и кто-то незнакомый, молодой... Я сейчасъ же догадалась, кто это незнакомый и молодой.

Карлъ Иванычъ представилъ намъ Владиміра Сергѣевича Захарова. Тётушка спросила у него когда онъ пріѣхалъ, долго ли пробудетъ и затѣмъ предоставила его мнѣ.

Я не помню подробностей нашего разговора: первый разговоръ всегда почти бываетъ безцвѣтенъ и скученъ; но я помню, что черезъ часъ мы говорили не стѣсняясь, какъ старые знакомые.

Тётушка изъявила рѣшительное намѣреніе не пускать гостей безъ обѣда. Захаровъ сейчасъ же согласился. Онъ видимо пришелся по душѣ и ей; окончательно же очаровалъ онъ ее тѣмъ, что съ аппетитомъ ѣлъ ея простой и вкусный обѣдъ. Передъ вечеромъ гости стали прощаться.

— Я предчувствую и вамъ предсказываю, что буду страшно надоѣдать вамъ!—смѣясь сказался заранѣе Захаровъ.

— О, пожалуйста надоѣдайте! Намъ здѣсь это вѣдь въ рѣдкость,—отвѣчала я.

Тётушка съ своей стороны объявила, что всегда будетъ рада и т. п. Захаровъ не заставилъ долго ждать себя и скоро сдѣлался у насъ домашнимъ человѣкомъ. Мы проводили цѣлые дни вдвоемъ. Тётушка поглядывала на насъ, конечно, смекая въ

Digitized by Google

чемъ дѣло и въ невинности душевной воображала себѣ, что изъ этого выйдутъ хорошіе съ ея точки зрѣнія результаты.

Какъ описать первую любовь? Я не берусь ее описывать...

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu!

Какъ разсказать прелесть этихъ дальнихъ прогулокъ въ ясные октябрьскіе дни, когда сухая трава шуршитъ подъ ногами, а паутина тихо носится въ сухомъ и свѣжемъ воздухѣ и все кругомъ дышитъ кроткою и грустною прелестью,—этихъ нескончаемыхъ разговоровъ, пустыхъ и скучныхъ для постороннято, а для насъ полныхъ смысла и значенія, этихъ долгихъ tête-à-tête рука-объ-руку, безъ словъ и почти безъ мысли, но съ томительно-сладкимъ ощущеніемъ неизвѣданнаго, непонятнаго, но могучаго и всепроникающаго чувства!... Сколько помнится, мы никогда не объяснялись другъ другу въ любви; мы и безъ словъ знали, что любимъ. Знали мы также, что любви нашей въ извѣстномъ смыслѣ слова не предстоитъ никакой будущности: чтобъ отдаться другъ другу безусловно—у насъ не хватало смѣлости и привычки, а рѣшиться на бракъ — мы могли тѣмъ менѣе. Оба мы были бѣдны, оба — бѣлоручки и въ хлопотливой и скорбной жизни бѣдныхъ тружениковъ нимало не чувствовали себя способными. Да и какъ, и надъ чѣмъ было трудиться въ тѣ времена, особенно намъ, простымъ, обыденнымъ людямъ, почерпнувшимъ запасъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ въ модныхъ учебныхъ заведеніяхъ, да въ провинціальномъ высшемъ свѣтѣ! Сначала наша привязанность давала намъ много счастія и радости. Мы были неразлучны. Только сильно-влюбленные умѣютъ такъ разнообразить для себя съ виду совершенно однообразные дни; мы гуляли, читали, разговаривали, мечтали вслухъ, вспоминали прошедшее. Захаровъ очень любилъ слушать разсказы о моей театральной жизни и часто жалѣлъ, что я бросила сцену.

— Еслибъ я ее не бросила, меня теперь не было бы въ живыхъ,—возражала я.

— Положимъ такъ, но теперь вы здоровы,—отчего бы вамъ не возвратиться на сцену! Воображаю, какъ вы хороши были, напримѣръ, въ роляхъ королевъ—съ вашей красотой, съ вашей царственной осанкой!...

— Но я теперь не могла бы быть такой актрисой, какъ тогда. Мнѣ моя тогдашняя игра теперь кажется просто шарлатанствомъ. Мнѣ кажется, я оробѣла бы на сценѣ!...

Digitized by Google

— Вы ужъ одичали въ глуши, а послѣ двухъ-трехъ представленій все пошло бы на ладъ: публика наслаждалась бы и апплодировала, а я сходилъ бы съ ума отъ восторга.

Я не давала убѣдить себя вполнѣ, но подчасъ начинала колебаться. Впослѣдствіи онъ пересталъ уговаривать меня поступить на сцену. Напротивъ, даже возставалъ противъ этого.

— Чтобъ опять окружилъ тебя рой поклонниковъ, чтобъ всякій имѣлъ право восхищаться тобой и апплодировать тебѣ, чтобъ какой-нибудь отверженный вздыхатель могъ въ видѣ возмездія оплевать тебя — да Боже сохрани отъ этого и тебя, и меня!...

Но это говорилось уже гораздо позже, — тогда, когда къ нашему счастію примѣшалось что-то горькое и тяжелое... Мы вдругъ начинали коситься другъ на друга, потомъ ссориться — и все это изъ за какой-нибудь бездѣлицы, изъ пустяковъ. Ссоры эти конечно были непродолжительны и смѣнялись минутами пущей ласки, такъ что со стороны можно было подумать, что мы и ссоримся-то для удовольствія примиренія. «А не рискнуть ли?» полу-шутя спрашивалъ онъ, намекая на законный бракъ, о которомъ мы никогда иначе, какъ шутя не говорили. «Рискнуть, да и закаяться!» прибавлялъ онъ, заглядывая мнѣ въ глаза смѣющимся и въ то же время вопросительнымъ взглядомъ. «Нѣтъ! за гробомъ нѣтъ покаянія!» отвѣчала я тоже шутя, но не шутя убѣжденная, что бракъ есть гробъ для всякой привязанности, даже и при счастливыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Вообще въ это время я страшно возставала противъ брака. Бывши въ пансіонѣ, я часто ѣздила на праздники и на вакаціи къ какимъ-нибудь подругамъ своимъ и видѣла близко нѣсколько семей. У меня есть врожденная наблюдательность, и я тогда даже, въ такой ранней молодости, понемножку наблюдала окружавшую жизнь. Бывши актрисой, я видала, конечно, только оффиціальную сторону семейной жизни, но по слухамъ, по разсказамъ моихъ гостей, я знала все касающееся замѣтныхъ лицъ въ городѣ и ихъ семей,—знала до тонкости. И я видѣла, что почти всегда въ брачной жизни женщина играетъ жалкую, унизительную роль, что страстно влюбленные женихи, послѣ короткаго медоваго мѣсяца, дѣлаются совсѣмъ равнодушны и подчасъ враждебны своимъ нѣжнымъ и влюбленнымъ женамъ. Отчего все это такъ—я не могла рѣшить, но благодаря остатку прежнихъ бредней въ головѣ моей, я нашла причину этому въ той грубой, плотской любви, которая ведетъ будто бы за собой обоюдное отвращеніе, между тѣмъ какъ другая любовь—высокая

Digitized by Google

и чистая—есть достояніе только немногихъ избранныхъ душъ, и эти избранные, пользуясь счастіемъ взаимной любви, никогда не захотятъ промѣнять его на то грубое, тривіальное и эфемерное счастіе, которое даетъ брачная жизнь. Такой взглядъ на любовь въ то время не былъ вовсе необыкновеннымъ. Онъ зарождался въ головѣ женщины еще на скамьяхъ института или пансіона и развивался съ систематическою настойчивостью всѣмъ строемъ жизни, которую вели дѣвушки тогдашняго высшаго образованія, что не мѣшало имъ современемъ развратничать явно или тайно, прикрываясь именемъ мужа: крайній и безобразный идеализмъ вовсе не далекъ отъ крайняго и безобразнаго цинизма!...

Помню я, какое отвращеніе мы возчувствовали въ пансіонѣ къ нашему учителю-французу, когда узнали, что у него родилась дочь! Какъ мы не хотѣли говорить съ нимъ, отвѣчали ему уроки не глядя на него, и какъ тѣ, которыя оставались равнодушны къ факту рожденія дочери, должны были притворяться возмущенными, подлаживаясь подъ общій тонъ. Помню я, какое негодованіе возбудило въ насъ разоблаченіе одной изъ такихъ неискреннихъ, которую поймали въ бесѣдѣ съ «виновнымъ» французомъ въ углу корридора. А до того времени французъ былъ нашимъ общимъ любимцемъ, изъ-за котораго мы между собой постоянно ссорились, такъ какъ онъ за всѣми нами порознь волочился. Наше озлобленіе противъ него было тѣмъ сильнѣе, что до тѣхъ поръ мы считали и его одною изъ этихъ âmes d'élite, которыя могутъ любить только высокою и чистою любовью,—тою любовью, для которой поцѣлуй—послѣдняя грань, ея же не прейдутъ.

Когда я встрѣтилась и сошлась съ Захаровымъ мнѣ было почти 20-ть лѣтъ, но взглядъ мой на любовь остался тотъ же, что и на школьной скамьѣ. Я конечно высказалась на этотъ счетъ и Захарову при случаѣ; онъ ласково трунилъ надъ моею невинностью, въ душѣ любуясь и восхищаясь ею. Онъ-то вовсе не раздѣлялъ моего отвращенія ни къ браку, ни къ грѣшной любви, напротивъ, онъ мало-по-малу сталъ знакомить меня съ своими любовными проказами. Въ тѣ поры, когда невинность и незнаніе извѣстныхъ вещей такъ настоятельно требовались отъ женщинъ, мужчины, сближаясь съ ними, находили особенное наслажденіе въ томъ, чтобъ разоблачать предъ ними то, что́ до тѣхъ поръ отъ нихъ скрывали. Съ любовными похожденіями Захарова я однакожъ мирилась: то были порывы молодого разгула; въ нихъ не было тривіальности и пошлости, а пошлость

Digitized by Google

и тривіальность въ моихъ глазахъ были тогда хуже всякаго преступленія...

Но были вещи, съ которыми я никакъ не могла мириться.

Иногда, наговорившись обо всемъ, мы начинали вдвоемъ мечтать вслухъ, мечтать о томъ, какъ бы мы устроили жизнь свою, еслибъ могли устроить ее по своему желанію. Любопытно, что въ этихъ мечтахъ мы не упоминали другъ о другѣ. Мнѣ хотѣлось быть богатой, жить въ Петербургѣ, конечно, въ роскошной обстановкѣ, вести дружбу съ разными знаменитостями, уже не изъ свѣтской аристократіи, какъ я мечтала прежде, а изъ аристократіи ума, таланта и знанія. Потомъ, мнѣ еще хотѣлось путешествовать часто по Европѣ, подолгу гостить въ Парижѣ, Римѣ, Венеціи и проч., перезнакомиться съ замѣчательными людьми Европы и т. д. Словомъ — эти мечты были смѣсью прежнихъ суетныхъ поползновеній съ иными лучшими стремленіями, привившимися ко мнѣ въ послѣднее время. Захаровъ смѣялся надъ такими моими затѣями; его мечты были совсѣмъ другого рода.

— Я хотѣлъ бы жить въ деревнѣ,—говорилъ онъ, — имѣть барскій домъ съ старымъ паркомъ, отличнаго повара, ловкую прислугу, щегольскихъ лошадей и—важнѣе всего—большой доходъ съ имѣнія. У меня была бы хорошенькая жена, розовая, кроткая и довѣрчивая, было бы двое дѣтокъ, славныхъ, здоровыхъ,—которыхъ жена бы боготворила. Зимою я ѣздилъ бы на мѣсяцъ-два въ Петербургъ съ добрыми тысячами въ карманѣ. Тамъ—балетъ, опера, demi-monde, всякія сласти, всякія радости... Потомъ, пожившіи этакъ въ свое удовольствіе, я возвращался бы къ домашнимъ пенатамъ, заранѣе радуясь счастію жены и радости дѣтей.

— А жена не ѣздила бы съ вами лакомиться сластями въ Петербургъ?—спрашивала я.

— Нѣтъ, она не любила бы шумной жизни и боялась бы вліянія петербургскаго климата на дѣтское здоровье. Она была бы увѣрена, что поѣздки эти для меня—не совсѣмъ пріятная необходимость, и немножко считала бы ихъ съ моей стороны за жертву ради нашихъ дѣлъ. Въ дѣлахъ она ничего бы не смыслила. Вообще она жила бы для меня и для дѣтей, не мудрствуя и не волнуясь, вѣруя и любя...

— И вы не умерли бы со скуки, блаженствуя съ ней остальные 10 мѣсяцевъ въ году въ деревнѣ?

— Со скуки? Я жилъ бы открыто, велъ бы большую игру; съѣзжались бы часто сосѣди, разумѣется, кто попорядочнѣе. Хорошенькія сосѣдки вездѣ есть. А потомъ, лѣтомъ—хороводы,

Digitized by Google

разныя тамъ завиванья вѣнковъ... Что можетъ быть лучше, напримѣръ, очень молоденькой деревенской дѣвушки, то-есть простой дѣвушки—изъ народа? Конечно, это на короткое время...

Я никогда не могла дослушать до конца такихъ мечтаній! Самыя продолжительныя ссоры наши слѣдовали за ними. Я тогда сама не понимала, почему это меня такъ возмущаетъ: вѣдь не ревновала же я его къ этимъ сосѣдкамъ и дѣвушкамъ изъ простонародья, или къ этой женѣ! И нескоро, очень нескоро я поняла, что то былъ еще безсознательный протестъ, протестъ въ зародышѣ можно сказать, противъ мужской испорченности и женскаго безправія.

За что же, и почему я полюбила Захарова—спросятъ меня. А ни за что! — Я полюбила его потому, что всякая молодая жизнь ищетъ другой, себѣ родственной, и не находя ее, хоть вообразить себѣ, что ее нашла. Я его полюбила потому, что мнѣ было 20 лѣтъ, что вокругъ меня не было никого болѣе для меня симпатичнаго, потому, наконецъ, что таковъ вѣчный законъ великой матери-природы, и никто не можетъ презрѣть и обойти его безнаказанно...

А время шло. Давно прошла осень, проходила и зима. Мы также любили другъ друга, но размолвки случались все чаще и были продолжительнѣе. Захаровъ разъ высказалъ, что оттого мы и ссоримся, что наше чувство не имѣетъ будущности; оно не нормально, и природа протестуетъ противъ него этимъ безпричиннымъ обоюднымъ недовольствомъ. Это объясненіе казалось мнѣ, конечно, клеветой и кощунствомъ... Прошла еще весна, настало лѣто.

Но все на свѣтѣ имѣетъ конецъ; и вотъ, нежданно и негаданно пришелъ конецъ, или лучше сказать — начало конца нашей любви. Губернатора, протежировавшаго Захарову, перевели на другое, лучшее мѣсто, куда долженъ былъ слѣдовать за нимъ и его protégé, и намъ нужно было разстаться. Мы прощались съ горемъ, съ болью; явились кое-какія колебанія... Но мы устояли и разстались.

Первое время я очень часто получала отъ Захарова грустныя и страстныя письма; потомъ письма стали рѣже и рѣже, и, наконецъ, совсѣмъ прекратились. А я? Я на первыхъ порахъ чуть не схватила чахотку. Этотъ годъ *высокой и чистой* любви и безъ того расшаталъ мое укрѣпившееся здоровье, а тутъ эти слезы и колебанья предъ разлукой, эта скорбь, эта тоска одиночества и безнадежности, эти безсонныя ночи съ перомъ въ рукѣ за

Digitized by Google

письмомъ къ *нему* или въ мечтахъ о *немъ*, въ воспоминаніяхъ о дорогомъ прошломъ, которое ужъ никогда не возвратится!.. Тётушка сходила съ ума, глядя на меня. Она, наконецъ, не выдержала...

— Бываютъ же такіе подлецы, какъ Захаровъ!—злобно выговорила она.—А вѣдь какимъ добрымъ казался!..

Я не вдругъ поняла суть дѣла.

— Сдѣлайте одолженіе, тётушка, не говорите такъ о Захаровѣ. Онъ передъ вами ни въ чемъ не виноватъ. Я желала бы даже, чтобъ вы никогда о немъ не вспоминали,—выговорила я, вникнувъ въ причины ея гнѣва.

Она, конечно, никогда болѣе о немъ не вспоминала; но чрезъ нѣсколько времени она робко, хотя съ очевидной надеждой на благопріятный результатъ, призналась мнѣ, что давно собирала деньги для покупки мнѣ фортепьяно, что́ было моимъ всегдашнимъ желаніемъ, и что, продавши пшеницу, она совсѣмъ въ состояніи сдѣлать эту покупку. Я и это извѣстіе приняла равнодушно. Старушка совсѣмъ опѣшила и махнула на меня рукой, поручивъ меня милосердію общей Заступницы и надѣясь на время и мою молодость.

Да, я сильно тосковала!.. Какъ теперь я понимаю Захарова, это былъ юноша въ родѣ Паншина, съ его внѣшней даровитостью и почти съ такою же самоувѣренностью и самодовольствомъ. Онъ былъ очень милъ въ обществѣ, веселъ и остеръ. Онъ прекрасно рисовалъ каррикатуры и писалъ очень забавныя пародіи высокопарныхъ стиховъ, а читалъ ихъ удивительно. Онъ не могъ не нравиться, и всѣмъ нравился. Въ губернскомъ городѣ побѣды его считались десятками. Меня онъ любилъ, какъ только могъ любить; непривычное одиночество и скука деревенской жизни благопріятствовали развитію этой привязанности такъ, что онъ и самъ ей изумлялся.

Я тогда мало интересовалась его службою. Въ то время человѣкъ и его дѣло, его обязанность, наконецъ, служба его были совсѣмъ не въ тѣхъ отношеніяхъ между собою, какъ теперь. Человѣкъ занимался своимъ дѣломъ нимало не симпатизируя ему, подчасъ даже презирая его, и сплошь да рядомъ будучи къ нему совершенно равнодушенъ. Онъ занимался имъ, или изъ честолюбія, или изъ матеріальныхъ разсчетовъ, или, наконецъ, для пріобрѣтенія вѣса въ обществѣ. *Дѣло* было прозой его жизни, печальной необходимостью; салонная жизнь, развлеченія, любовь, наконецъ, составляли ея поэзію и, конечно, любящая женщина интересовалась только этой стороной жизни. Но я знала, что

Digitized by Google

Захаровъ не былъ взяточникомъ въ тогдашнемъ смыслѣ слова; я слышала нѣсколько разъ, что въ дѣлѣ о разграбленіи почты онъ дѣйствовалъ энергично и честно; но я слышала также вскользь отъ него самого, что у него есть какіе-то безгрѣшные доходы, получаемые изъ вторыхъ рукъ... tu me dois, дескать, ça et ça... Въ этомъ, да и во всемъ прочемъ, онъ былъ человѣкъ своего времени и своего общества. Лучшіе люди того времени страдали многими его недугами, и бросать камнемъ за эти недуги въ заурядnаго человѣка—не приходится. Но мало-по-малу я начала приходить въ себя — и какъ только совсѣмъ опомнилась, я бросилась на книги съ новымъ жаромъ и съ новымъ усердіемъ.

Въ продолженіе всего періода первой любви моей безъ устали и перерыва работала моя мысль, усиливаясь вылѣзть на свѣтъ Божій изъ мрака предразсудковъ, кривыхъ понятій, отрывочныхъ знаній и всякой чепухи, засѣвшей тамъ съ болѣе или менѣе давняго времени...

То была тяжелая и неблагодарная работа, работа одинокая, безъ учителя и даже товарища, безъ руководящей нити; то было путешествіе по лабиринту безъ аріаднина клубка. Захаровъ уже никакъ не могъ сдѣлать мнѣ въ этомъ пользу: онъ самъ зналъ не больше моего, хоть и воспитывался на счетъ богатаго дяди въ высшемъ спеціальномъ заведеніи, предназначенномъ снабжать наше отечество просвѣщенными дѣятелями. Онъ не могъ быть и товарищемъ моимъ: у него не было стремленія къ истинѣ и знанію, того стремленія, которое вывело бы меня изъ торной колеи и поставило на распутьи, въ безнадежности найти новый путь, но все-таки съ горячей рѣшимостью не возвращаться на старый. Захаровъ былъ для этого слишкомъ безпеченъ и слишкомъ, слишкомъ самонадѣянъ. Ему казалось, что онъ и такъ знаетъ все, что́ ему нужно знать, и что все, недоступное ему—выспреннія фантазіи, до которыхъ практическому человѣку и дѣла-то нѣтъ. Случались у насъ съ нимъ литературныя пренія, въ которыхъ онъ поражалъ меня такими дикими мыслями, что я выходила изъ себя. Онъ, напр., высказывалъ, что ему гораздо болѣе по душѣ юморъ Сенковскаго, чѣмъ Гоголя; что Кукольникъ—выше Пушкина, и не пользуется его славою потому только, что не имѣлъ великосвѣтскихъ друзей, которые протрубили бы о его величіи, какъ друзья Пушкина. Послѣ всякаго такого пренія я давала себѣ слово никогда болѣе не начинать съ нимъ рѣчи о подобныхъ вещахъ.

Digitized by Google

Мы разстались съ Захаровымъ въ концѣ 1855 года. Насталъ 1856-й—этотъ счастливый годъ желаннаго мира, блестящихъ надеждъ и радостныхъ ожиданій. Наше общество точно выпустили на волю изъ душной клѣтки. Заговорили горячо и свободно о старыхъ злоупотребленіяхъ и безобразіяхъ, о несомнѣнныхъ и благодѣтельныхъ реформахъ, надѣялись на многое, ждали почти земного рая. У насъ, въ глуши, впрочемъ, все обстояло по-прежнему и ничего новаго отраднаго не обсуждалось и не желалось. Но будто въ воздухѣ носилось что-то новое и необычайное: всѣ будто предчувствовали, что *что-то будетъ*. Карлъ Ивановичъ, слѣдившій за политикой, выказывалъ подчасъ какіе-то тонкіе и знаменательные намеки, отъ которыхъ тётушка открещивалась. Затѣмъ все обстояло благополучно.

Я въ это время читала и читала безъ конца. «Современникъ» былъ моимъ любимымъ журналомъ, Тургеневъ—любимымъ авторомъ. Смутны были мои убѣжденія, но что-то новое и хорошее вставало въ душѣ моей, когда я съ жадностью перечитывала «*Записки Охотника*»—эти чудныя тургеневскія страницы, воспитавшія гуманное чувство въ нашемъ поколѣніи. Свое новое и хорошее чувство я называла тогда поэзіей и, конечно, придавала ей великое значеніе. Одно удивляло меня: отчего это Майковъ и Фетъ, которыхъ поэтическія строфы я съ наслажденіемъ затверживала наизусть, производятъ на меня совсѣмъ не то дѣйствіе, какъ Тургеневъ. Въ это же время попалось мнѣ какимъ-то образомъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю—первая нецензурная вещь, которую я читала, и повѣритъ-ли кто теперь, что я плакала слезами счастія надъ этимъ письмомъ, что оно показалось мнѣ какимъ-то новымъ евангеліемъ, свѣтомъ, освѣтившимъ разъ навсегда мои потемки. Повѣрятъ ли мнѣ, что до тѣхъ поръ я не слышала имени Бѣлинскаго, что я не только не возмущалась крѣпостнымъ правомъ, но даже и не подозрѣвала, что имъ можно возмущаться, хотя и негодовала при случаѣ на его злоупотребленія. Повѣрятъ ли, что я знать не знала, что тамъ гдѣ-то, далеко отъ насъ, идетъ борьба между свѣтомъ и тьмою, что тьма преобладаетъ еще, но свѣтъ пробивается уже яркими полосами, что то, что мы считали свѣтомъ прежде, есть именно непримиримый врагъ его... Тѣ же слова стали получать для меня иной смыслъ, тѣ же книги—иное значеніе, и ужъ ни одной поэзіи я въ нихъ искала. Идея прогресса засіяла передо мною и, какъ царствіе небесное, представлялись мнѣ впереди, въ недалекомъ будущемъ, золотые вѣка, которыхъ и мы дождемся!...

Digitized by Google

Славное то было время! Славныя тогда разцвѣтали надежды, славныя писались книги, славными подѣлались и люди, до тѣхъ поръ никуда негодные, да и по минованіи этого короткаго счастливаго періода тоже никуда негодные. Прогрессъ! Кто не воспѣвалъ тебя въ то золотое время! Катковъ затѣвалъ тогда журналъ, самый прогрессивный изъ всѣхъ, дотолѣ бывшихъ. Щербина, позабывъ своихъ Навзикай и Алкиноевъ, негодовалъ, что человѣкъ, въ угоду преданью, заглушаетъ въ себѣ могучій голосъ природы, и, говоря о мощи человѣческой мысли, предсказывалъ, что—

Природа, судьба и могила
Ей уступятъ, склонясь передъ ней.

И задыхаясь отъ счастья, вдругъ со всѣмъ пыломъ новообращенной, я благодарила судьбу, что мнѣ приходилось жить въ такія времена и лелѣять такія надежды. Дни быстро летѣли; пришла весна. Я почти не жила дома: съ книгой въ рукѣ бродила я по саду, въ рощѣ, въ полѣ, порой доходила до Завѣтнаго и по цѣлымъ часамъ читала гдѣ-нибудь на скамьѣ въ запущенныхъ, тѣнистыхъ аллеяхъ стараго парка. Жоржъ-Санда я не прочла, а проглотила, можно сказать, восторгаясь, волнуясь и въ то же время смутно чувствуя какую-то непонятную неудовлетворенность. Въ «Современникѣ» мнѣ попались «Очерки гоголевскаго періода русской литературы». Въ то время провинціальная публика пробавлялась одною беллетристикой; даже критическихъ статей почти не читали. Люди, восторгавшіеся Тургеневымъ, Некрасовымъ, Гончаровымъ, не знали иногда и имени Бѣлинскаго; оно получило большую извѣстность только благодаря его извѣстному письму къ Гоголю, которое, какъ вещь запрещенная, распространилось чрезвычайно; наша публика до запрещенныхъ вещей была тогда очень лакома. Мнѣ случалось читать критическія статьи въ журналахъ пятидесятыхъ годовъ, но мнѣ казались онѣ или скучными или мудреными; я ихъ не дочитывала. «Очерки гоголевскаго періода» были слишкомъ вѣскою и ясною вещью: я читала ихъ съ жадностью и наслажденіемъ.

Въ это время я стала чаще видѣться съ своими кузинами; когда я присмотрѣлась къ нимъ, онѣ оказались вовсе не такими *деревенскими барышнями*, какъ мнѣ сначала казалось. Онѣ судили обо всемъ, доступномъ имъ, довольно здраво, не сплетничали, не ругались съ горничными; читали уже не Сю или Дюма, а Диккенса, Теккерея, Тургенева и т. п. Фета они наизусть знали, и въ ихъ однообразной, бѣдной интересами жизни поэзія любви и природы казалась самымъ симпатичнымъ содержаніемъ.

Digitized by Google

Аффектація манеръ, претензіи на вкусъ въ бѣдненькомъ и плохенькомъ, но пестромъ туалетѣ, подчасъ тривіальныя выраженія въ разговорѣ и ужасный французскій языкъ съ грубыми ошибками и невѣроятными оборотами рѣчи шокировали меня гораздо менѣе: я уже эмансипировалась отъ своихъ великосвѣтскихъ замашекъ. Словомъ сказать, я перестала грустить и скучать, и это, вмѣстѣ съ жизнью на воздухѣ и съ занятіями болѣе осмысленными, повѣяло самымъ благодѣтельнымъ образомъ на мое здоровье. Когда привезли купленное тетушкой фортепьяно, я ему чрезвычайно обрадовалась, начала опять заниматься пѣніемъ, и грудь у меня оттого не болѣла, какъ тетушка боялась. Напротивъ, я пополнѣла и зарумянилась своимъ прежнимъ, до-театральнымъ румянцемъ.

Послѣ теплой и сухой осени пришелъ ненастный ноябрь; стужа и морозы чередовались со слякотью, прогулки мои прекратились. Тетушка въ это время была сильно озабочена: у нея перестраивали ригу и ставили вѣтряную мельницу, отъ которой тетушка ожидала великихъ благъ. Мельница бы еще ничего: ее строили наемные плотники, договоренные *оптомъ* и потому не требовавшіе особаго присмотра, но, кромѣ нея, сооружалась еще и рига,—сооружалась домашними средствами—своими мужиками, которые не прочь были полѣниться. Тетушка летала туда разъ десять въ сутки, несмотря ни на стужу, ни на слякоть. Разъ, вечеромъ, она возвратилась изъ послѣдней экскурсіи своей иззябшая и невеселая, выпила всего одну чашку чаю и, пожаловавшись на головную боль, слегла въ постель и приказала настоять себѣ малины. Липовый цвѣтъ, малина, да въ крайнихъ случаяхъ, горчичникъ, были у тетушки универсальными средствами отъ всѣхъ болѣзней, но теперь она всѣ ихъ испробовала и совершенно напрасно. На другой день она лежала въ сильнѣйшемъ жару, но все еще открещивалась и отплевывалась отъ доктора, а на третій день она была безъ памяти и я послала за докторомъ въ Завѣтное. Его не было дома и онъ пріѣхалъ только на другой день и, осмотрѣвъ больную, молча покачалъ головою.

— Что же вы скажете, докторъ? — тревожно спросила я.

Онъ глубокомысленно помолчалъ.

— Болѣзнь еще не вполнѣ опредѣлилась, но я боюсь горячки,—отвѣчалъ онъ и прибавилъ, что пропишетъ палліативъ.

Палліативъ не подѣйствовалъ, докторъ пріѣхалъ опять и прописалъ другое лекарство, потомъ третье. Но тетушка почти не

Digitized by Google

приходила въ себя; когда причащали ее, она тоже была безъ памяти и на двѣнадцатый день скончалась.

Не могу разсказать, какое тяжелое впечатлѣніе произвела на меня эта смерть — первая, которую я видѣла вблизи съ тѣхъ поръ, какъ лѣтъ 13 — 14 назадъ умеръ отецъ. Мнѣ жаль, страшно жаль было тетушку, эту безгранично преданную мнѣ душу, но на первыхъ порахъ я почти не сознавала и не чувствовала моей утраты, пораженная и ошеломленная новымъ для меня тягостнымъ зрѣлищемъ ея кончины и погребенія. Я сама не только не распоряжалась, но и не вмѣшивалась ни во что: пріѣхавшіе родственники, ключница и староста орудовали всею этой процедурой. Но когда она кончилась, когда родственники, причтъ и разные поминальщики разъѣхались, я вдругъ сильно и больно почувствовала свое одиночество и сиротство, свою полнѣйшую безпомощность. «Кому я нужна и дорога теперь?—спрашивала я себя.—Кто поможетъ мнѣ устроить мою жизнь сколько-нибудь сносно? Какъ я буду жить одна, — я, которая въ практической жизни смыслю не больше малаго ребенка?» Я думала, что хуже моего теперешняго положенія ничего и быть не можетъ, но скоро узнала, что это только цвѣточки, а ягодки впереди. Мои родственники не вдругъ, а постепенно, исподоволь объяснили мнѣ, что хотя тетушка и желала оставить мнѣ свое имущество, но сдѣлать нужныя распоряженія не успѣла, — слѣдовательно у меня не осталось, какъ говорится, ни кола, ни двора, ни крова, ни куска хлѣба.

Что мнѣ было дѣлать?

Идти въ актрисы? Но я — смѣю сказать — слишкомъ поумнѣла, чтобъ быть такой актрисой, какъ во времена оны. Чтобъ быть настоящей хорошей актрисой—нуженъ талантъ, а я даже не знала, есть ли онъ у меня, и почему-то сильно въ этомъ сомнѣвалась. Притомъ, куда ѣхать для дебютовъ, къ кому обратиться? Я была какъ въ потёмкахъ. Другая возможная въ то время для женщины карьера — это быть гувернанткой. Но кто же возьметъ въ гувернантки бывшую актрису? Правда, аристократическія покровительницы искусствъ бывало приглашали меня на свои литературные и музыкальные вечера, гдѣ я имъ пѣла и читала монологи Расина и стихи Гюго; но довѣрить мнѣ воспитаніе дѣтей—всякая изъ нихъ ужаснулась бы одной этой мысли! Среди этихъ недоумѣній и соображеній, я неожиданно получила письмо отъ настоящаго наслѣдника—моего кузена. Онъ писалъ не совсѣмъ грамотно, но и не безграмотно, а такъ, какъ слѣдуетъ писать гусарскому офицеру. «Милая кузина! Из-

Digitized by Google

вѣстясь о горестной кончинѣ нашей тётушки и узнавъ, что вы проживаете въ доставшемся мнѣ имѣніи, считаю долгомъ отрекомендоваться и попросить васъ жить полною хозяйкой въ имѣніи до моего пріѣзда, а пріѣду я, думаю, скоро». Мнѣ ничего больше не осталось, какъ подождать кузена. Смутная, неясная надежда шевельнулась во мнѣ: авось, дескать, великодушіе окажетъ кузенъ!.. Но мнѣ стало стыдно за эту мысль, и я рѣшилась ждать ни на что не надѣясь. Больше мнѣ ничего не оставалось.

Разъ вечеромъ, въ сильную мятель и вьюгу, наведшую пущую тоску на весь нашъ унылый комнатный штатъ, поднялась вдругъ въ домѣ небывалая суматоха и въ мою комнату ворвалась приставленная ко мнѣ горничная, съ взволнованнымъ, не то испуганнымъ, не то радостнымъ лицомъ.

— Баринъ пріѣхали — Александръ Семенычъ! Въ передней раздѣваются! — почти прокричала она.

Я поблѣднѣла и покраснѣла разомъ отъ горькаго чувства приниженности и обиды. Что гусарскій офицеръ и мелкопомѣстный помѣщикъ есть полный властитель судебъ моихъ — показалось мнѣ еще обиднѣе, чѣмъ казалось всегда. Я, однакожъ, спокойнымъ голосомъ приказала доложить себѣ, когда баринъ раздѣнется и придетъ въ гостиную, и потомъ, оправившись и завернувшись въ теплый платокъ, пошла къ кузену.

Свѣчей еще не подавали. Я отворила дверь въ залу; высокая плотная фигура, въ темной венгеркѣ, съ золотыми шнурами, двинулась ко мнѣ на встрѣчу.

— Кузина? — полувопросительно сказалъ Александръ Семеновичъ, цѣлуя мою руку.

Пока шелъ у насъ монотонный разговоръ, всегда ведущійся при первомъ знакомствѣ, я разсматривала моего кузена. Это былъ здоровый рослый парень лѣтъ 30-ти съ небольшимъ; его стройная еще, но нѣсколько уже грузная фигура, очевидно, грозила въ скоромъ времени принять почтенные размѣры. Его лицо было совершенно простое русское лицо, не красивое и не дурное, вотъ какъ у разноцикова-офеней—съ русскимъ небольшимъ, но толстоватымъ носомъ, съ сѣрыми продолговатыми глазами и темно-русыми волосами. Въ его турнюрѣ, манерахъ и костюмѣ чуть замѣтно проглядывало то гусарское ухарство, которое составляетъ pendant гусарской шикарности и комильфотности.

Александръ Семеновичъ разсказывалъ, какъ онъ ѣхалъ, какова дорога. Старуха-ключница догадалась подать намъ чаю.

Digitized by Google

— Вотъ за что спасибо, кузина!—обрадовался Александръ Семеновичъ.—Вы не можете себѣ представить, какъ это пріятно послѣ такого холода...

— Да, спасибо Марьѣ Савельевнѣ,—указала я на ключницу. — Она у насъ догадливая.

— Нѣтъ, спасибо милой хозяюшкѣ,—возразилъ кузенъ.

— Да она же и есть хозяйка,—сказала я.

Александръ Семенычъ усердно пилъ стаканъ за стаканомъ, разрумянился еще болѣе и разговаривалъ свободнѣе и непринужденнѣе. Онъ говорилъ о недавней кампаніи, о крымскихъ невзгодахъ и лишеніяхъ. Я вспомнила слова Захарова, который недавно писалъ мнѣ, что вотъ вернулись изъ похода военные, исходили пол-Европы и вынесли... различныя названія водокъ. Кузенъ мой вынесъ, казалось, не одни названія водокъ: онъ кое-что видѣлъ и наблюдалъ, и такъ какъ я въ первый разъ говорила о крымской войнѣ съ очевидцемъ, то мнѣ не безъинтересенъ былъ этотъ разговоръ, хотя, собственно говоря, *разсказывать* онъ не умѣлъ: его разсказы были слишкомъ растянуты и многорѣчивы и изобиловали преувеличеніями и эффектами: но это относилось больше къ разсказамъ чисто военнаго, такъ-сказать— батальнаго характера. За то я узнала многое, что́ мнѣ и во снѣ не снилось. Я узнала о тѣхъ горахъ ржаныхъ сухарей, которыхъ не хотѣлъ принять офицеръ-пріемщикъ, потому что въ нимъ нельзя было подойти отъ вони и которые полковой командиръ *приказалъ* принять; о невѣроятныхъ справочныхъ цѣнахъ на фуражъ, между тѣмъ какъ лошади зачастую питались по цѣлымъ днямъ однимъ сухимъ бурьяномъ; о страшныхъ ранахъ, которыя закладывались иногда паклею вмѣсто корпіи... Передо мною встала, какъ живая, картина этой вѣчно-памятной войны—встала, славная и высокая самоотверженіемъ, достойнымъ лучшей цѣли, и геройствомъ тѣхъ массъ, которыя принято считать темными, а вмѣстѣ съ тѣмъ предо мною открылась и оборотная сторона медали.

За ужиномъ опять, по поводу вкусной наливки, кузенъ пришелъ въ восторгъ отъ моихъ хозяйственныхъ распоряженій.

— Послушайте, кузенъ!—отвѣчала я:—я жила здѣсь у тетушки гостьей и гостьей живу у васъ, или—вѣрнѣе сказать—у Мавры Савельевны, потому что вы сами пока еще здѣсь гость. Въ хозяйство я никогда не мѣшалась, ничего въ немъ не смыслю и терпѣть его не могу. Такъ вы и знайте, и комплиментовъ моей хозяйственности не дѣлайте.

Digitized by Google

Онъ какъ будто почему-то этому изумился, но, впрочемъ, принялъ мои слова къ свѣдѣнію и комплиментовъ этого рода мнѣ больше не дѣлалъ.

Послѣ ужина мы сейчасъ же разошлись: Александру Семеновичу нужно было отдохнуть послѣ дороги; у него ужъ и за ужиномъ слипались глаза, тѣмъ болѣе, что съ цѣлью окончательно согрѣться онъ-таки нагрузилъ себя изрядно всякими согрѣвающими питіями. Возвратившись въ свою комнату я отослала свою горничную, и нераздѣвшись прилегла въ постель.

Чувство униженія и стыда, примолкшее-было на людяхъ, здѣсь наединѣ, съ новою, большею силою зашевелилось въ душѣ.

«Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?»—тысячу разъ спрашивала я себя въ эту безконечную зимнюю ночь. Всевозможныя предположенія, планы и мечты мелькали въ умѣ, чтобъ еще болѣе привести меня въ отчаяніе своею несбыточностью. Наконецъ, какъ утопающій хватается за соломенку — я остановилась на одномъ.

Давно уже, въ первое время послѣ пріѣзда нашего въ деревню, Иванъ Васильевичъ Моргуновъ писалъ мнѣ о смерти стараго нѣмца-директора и о новыхъ порядкахъ, замѣнившихъ въ театральной жизни старые. Иванъ Васильевичъ новыми порядками былъ недоволенъ и увѣрялъ, будто и никто ими недоволенъ. Я не отвѣтила на это письмо: мнѣ тогда тошно было и вспомнить-то о нашемъ театрѣ,—и переписка наша прекратилась. Сегодня я надумала написать Ивану Васильевичу, что я хочу вновь поступить на сцену, поручить ему условиться съ директоромъ, изъявляя заранѣе согласіе на самыя тяжелыя для меня условія, затѣмъ продать рояль (всѣмъ было извѣстно, что тётушка подарила его мнѣ) и затѣмъ ѣхать въ Н. Нечего говорить, какъ мало надежнаго было въ этомъ планѣ. Иванъ Васильевичъ можетъ быть давно уже не на Н—ской сценѣ, можетъ быть его вовсе и на свѣтѣ нѣтъ; а на Н—скомъ театрѣ можетъ быть актрисъ больше чѣмъ нужно, директоръ же видѣлъ ли еще меня на сценѣ, а приглашать незнакомую актрису не всякій согласится. Я очень хорошо понимала все это, но мнѣ было такъ тяжело, что я почувствовала что-то въ родѣ облегченія, остановясь даже на такомъ планѣ.

Потомъ мысль моя перешла къ кузену. Я разобрала его по ниточкѣ и ничего не нашла въ немъ дурного. Это былъ, казалось, неглупый, общительный человѣкъ съ веселымъ, открытымъ характеромъ. Полюбить его еще пока было не за что, но не полюбить его было бы совсѣмъ несправедливо. А между тѣмъ я

Digitized by Google

уже чувствовала къ нему что-то не то что враждебное, а такъ какъ будто непріязненное. «Зависть къ наслѣднику тетушкинаго помѣстья!» порѣшила я, чувствуя какую-то непонятную потребность самозаушенія. Но во мнѣ говорила не зависть; нѣтъ, но въ ласковомъ, словоохотливомъ кузенѣ, не знаю какъ и гдѣ, мнѣ почуялась покровительственная нотка. Его похвалы моей распорядительности и то даже возбуждали мою подозрительность: онъ будто хотѣлъ поощрить свою будущую экономку...

Въ слѣдующіе дни Александръ Семеновичъ усердно и толково знакомился съ своимъ хозяйствомъ: онъ вездѣ былъ, все высмотрѣлъ и повѣрилъ. Удостовѣрившись, что я не хочу заниматься женскимъ хозяйствомъ, онъ обревизовалъ и его и привелъ весь тетушкинъ штатъ въ изумленіе и нѣкоторый испугъ своею зоркостью. Мы сходились только за чаемъ, обѣдомъ и ужиномъ. Кузенъ былъ также веселъ и говорливъ, и также чудилось мнѣ Богъ вѣсть почему что-то покровительственное въ его тонѣ. Дней чрезъ пять онъ объявилъ мнѣ, что сдѣлалъ все, что нужно, и предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ къ родственникамъ. Я отказалась. Онъ уѣхалъ одинъ.

Онъ проѣздилъ дней пять-шесть, и я въ своемъ полномъ уединеніи, съ тѣми тоскливыми мыслями, которыхъ я не могла прогнать — чуть серьёзно не заболѣла съ тоски и безсонницы. Александръ Семеновичъ засталъ меня похудѣвшею, съ синими кругами подъ глазами; онъ заботливо освѣдомился о моемъ здоровьи и какъ будто даже немного потревожился моимъ дурнымъ видомъ, что мнѣ не только не понравилось, но даже какъ будто укололо меня. Кузенъ очень скоро перезнакомился со всѣмъ околоткомъ — у всѣхъ былъ и всѣ у него побывали. Пріѣхалъ и Карлъ Ивановичъ, которому я поручила пріискать покупателя на фортепьяно. Покупателя не находилось и даже не предвидѣлось; писемъ отъ Ивана Васильевича тоже не было, и мое положеніе со всякимъ днемъ казалось все безнадежнѣе.

А дни шли за днями. Кузенъ былъ все тотъ же; такъ же громко и самоувѣренно раздавалась рѣчь его въ домѣ, такъ же спорилось въ его рукахъ всякое хозяйственное дѣло, такъ же привѣтливо встрѣчалъ онъ меня всякій день, совершивъ свой дневной трудъ внѣ дома. Я все еще не могла примириться съ нимъ вполнѣ, но уже начинала замѣчать, что присутствіе этого живого, дѣятельнаго человѣка стало измѣнять монотонный и унылый характеръ нашего дома, и вмѣстѣ съ тѣмъ разгонялъ понемногу

Digitized by Google

мою хандру. При всемъ моемъ невниманіи къ мелкимъ подробностямъ жизни, я не могла не видѣть, что все кругомъ меня стало измѣняться къ лучшему. Комнатная прислуга пріодѣлась и пріобулась; вмѣсто пары разномастныхъ, шершавыхъ одровъ, на конюшнѣ явилась тройка добрыхъ лошадей, и кучеръ садился на козлы въ приличномъ костюмѣ вмѣсто того дрянного полушубка или сѣраго зипуна, которые при тетушкѣ наводили на меня досаду всякій разъ, что мнѣ приходилось куда-нибудь выѣхать. Въ домѣ тоже появилось кое-что новое изъ мебели, и кузенъ часто говорилъ, что при первой возможности нужно выбросить старый хламъ и замѣнить его кое-чѣмъ болѣе новымъ и удобнымъ. По вечерамъ мы всегда бывали вмѣстѣ, Марья Савельевна поила насъ горячимъ чаемъ, а мы или читали, или разговаривали. Иногда Александръ Семеновичъ уговаривалъ меня пѣть, но я замѣчала, что художественной жилки у него нѣтъ, а мнѣ не пѣлось что-то!.. Часто послѣ чтенія у насъ начинались, какъ прежде съ Захаровымъ, литературныя пренія. Вкусами и взглядами мы не сходились, но кузенъ мой, воспитанный на мѣдныя деньги и лишенный эстетическаго чутья, никогда не говорилъ такихъ нелѣпостей, какими, бывало, бѣсилъ меня Захаровъ. Въ концѣ зимы пріѣхали мои кузины. Съ недавняго времени я изрѣдка переписывалась съ ними; въ послѣднемъ письмѣ, писанномъ по пріѣздѣ Александра Семеновича, я отзывалась о немъ съ довольно ѣдкой иронією, и кузинъ моихъ очень изумило и даже привела въ недоумѣніе моя съ нимъ дружеская короткость.

Въ тотъ годъ весна у насъ была ранняя и теплая. Снѣга стаяли еще въ февралѣ; въ половинѣ марта было совсѣмъ сухо и полевыя работы начинались. Александръ Семеновичъ съ азартомъ занимался хозяйствомъ, такъ что мы даже мало видѣлись; онъ загорѣлъ страшно и какъ будто даже похудѣлъ отъ хлопотъ. Вечернія чтенія прекратились: утомленный кузенъ мой вечеромъ позѣвывалъ и ложился спать двумя часами раньше прежняго. Я была почти всегда одна, понемножку почитывала, понемножку гуляла и тосковала — тосковала тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе манила меня жизнь и чѣмъ яснѣе я начинала чувствовать ея требованія и законы!..

На Благовѣщеніе былъ ясный, теплый день; мнѣ захотѣлось проѣхаться, и мы съ Александромъ Семеновичемъ отправились въ Завѣтное къ обѣдни. Намъ было какъ-то особенно весело дорогою, мы придирались ко всякому слову, чтобъ посмѣяться. Я помню,—особенно забавляло насъ, что на пол-дорогѣ наше верхнее черное платье сдѣлалось пѣгимъ, благодаря тому обстоятель-

Digitized by Google

ству, что насъ везли сѣрыя лошади, которыя тогда линяли. Послѣ обѣдни, по обыкновенію, насъ пригласилъ къ себѣ на чай священникъ; туда же явился и Карлъ Ивановичъ.

— Покупатель находится,—сказалъ онъ мнѣ, между тѣмъ какъ кузенъ и священникъ занялись хозяйственнымъ разговоромъ.

— Слава Богу! что́ же онъ даетъ?—живо спросила я.

— Очень мало даетъ,—отвѣчалъ Карлъ Ивановичъ.—Тетушка ваша заплатила за рояль 200 р. а онъ даетъ 100 р., и то — если тонъ понравится.

— Ахъ, какъ мало!—проговорила я, и взглянувъ на кузена увидѣла, что онъ слышалъ нашъ разговоръ и, не оборачиваясь, покраснѣлъ до волосъ подъ своимъ коричневымъ загаромъ.

Послѣ завтрака мы поѣхали домой; наше веселое настроеніе покинуло насъ: я была озабочена, кузенъ—не то раздосадованъ, не то смущенъ. Я стала глядѣть по сторонамъ. Бѣлыя хатки Завѣтнаго сиротливо ютились по сторонамъ, лишенныя своего зеленаго убранства; домъ-дворецъ величественно и мрачно смотрѣлъ на едва пробуждающіяся отъ зимняго сна окрестности. Луга были еще затоплены водой, но по краямъ дороги пробивалась уже яркая зелень, а въ воздухѣ пахло совсѣмъ весной.

Вечеромъ пріѣхалъ къ Александру Семеновичу механикъ, предлагавшій ему построить въ компаніи съ нимъ мельницу, которая по его разсчетамъ должна дать огромный доходъ. Онъ былъ какъ-то прежде—и помню—за обѣдомъ объяснялъ техническія подробности дѣла Александру Семеновичу, который по этой части ничего не смыслилъ. Въ этотъ вечеръ кузенъ велѣлъ подать чаю себѣ въ кабинетъ, гдѣ, съ карандашемъ въ рукѣ, механикъ очень долго что-то разсчитывалъ и объяснялъ. Я ходила по залѣ и время отъ времени прислушивалась къ тому, что говорилось въ кабинетѣ. Сначала былъ слышенъ почти только голосъ гостя, потомъ заговорилъ кузенъ: онъ говорилъ бойко, увѣренно, возражая механику и часто заставлялъ его соглашаться съ собой. Онъ какъ видно вполнѣ овладѣлъ уже недавно совсѣмъ незнакомымъ ему предметомъ. Мнѣ еще не приходилось встрѣчать до того такіе образчики русской смѣтливости — этого опаснаго и дорогого нашего свойства, — и это показалось мнѣ чуть-чуть не геніальностью.

На другой день, послѣ скучнаго обѣда, во время котораго у насъ разговоръ совсѣмъ не клеился, я сѣла за фортепіано, и разсѣянно стала брать тихіе, безсвязные аккорды. Александръ Семеновичъ ходилъ по комнатѣ и курилъ трубку; набѣжавшая морщинка на лобъ, по моему замѣчанію, означала, что онъ или

Digitized by Google

въ затрудненіи или въ досадномъ расположеніи духа, или въ раздумьи.

— Что это вамъ вздумалось вдругъ продавать фортепіано? Вѣдь вы же любите музыку,—съ усиліемъ спросилъ онъ, вдругъ останавливаясь возлѣ меня, когда люди убрали со стола и вышли.

Я не тотчасъ отвѣтила.

— Мнѣ оно не нужно, а деньги нужны.

— Отчего же бы вамъ не взять у меня?—спросилъ онъ, стараясь скрыть свое замѣшательство.

— Оттого, что я не могу брать денегъ у кого бы то ни было, не имѣя надежды ихъ отдать,—отвѣчала я, вся вспыхнувъ.

— Но еслибъ у васъ былъ братъ, вы не считались бы... началъ-было кузенъ.

— Я не знаю, какъ бы я считалась съ братомъ,—рѣзко прервала я,—но брата у меня нѣтъ, и я ни отъ кого не приму подачки.

Кузенъ побагровѣлъ и еще усерднѣе зашагалъ по комнатѣ. Съ этихъ поръ отношенія наши стали такими натянутыми и тяжелыми, что мнѣ просто до-смерти захотѣлось уѣхать куда-нибудь, чтобъ хоть на время прервать ихъ. Я воспользовалась приближеніемъ Пасхи и рѣшилась уѣхать къ кузинамъ.

Тогда Пасха была поздняя. Въ вербную субботу я выѣхала. Прощаясь со мной, Александръ Семеновичъ проговорилъ, что и онъ также къ празднику пріѣдетъ къ тетушкѣ Авдотьѣ Марковнѣ.

Я почувствовала себя очень легко и свободно, когда добрая тройка сѣрыхъ вывезла меня за околицу и когда скрылась сѣренькая крыша нашего дома, — точно я сбросила съ себя свою тягостную зависимость или появилась у меня надежда на лучшее будущее... Около часа ѣхала я такъ, ни о чемъ не думая, и только безсознательно наслаждаясь тѣмъ чувствомъ, которое испытываетъ человѣкъ, стряхнувшій съ себя тяжелую заботу или избавившійся отъ серьёзной опасности. Потомъ мало-по-малу это настроеніе стало смѣняться другимъ: прежняя забота пробилась сквозь то безпричинное чувство успокоенія, и мысль снова занялась своимъ привычнымъ дѣломъ, исканіемъ выхода изъ невыносимаго положенія.

И было о чемъ подумать! Обѣщанный Карломъ Ивановичемъ покупщикъ не казалъ глазъ, Иванъ Васильевичъ ничего не отвѣчалъ, всѣ средства мои ограничивались 25-ю рублями, дан-

Digitized by Google

ными мнѣ тётушкой на мои надобности передъ самой ея смертью. Но это еще не все! Было обстоятельство, которое мучило меня даже болѣе всего этого. Съ моей способностью къ мелочной наблюдательности и привычкой къ внутреннему анализу, я скоро увидала, что въ мои отношенія съ кузеномъ закралось что-то новое и совершенно неожиданное. Того равнодушія, съ которымъ я встрѣтила его при первомъ знакомствѣ, и въ поминѣ не было, но не было также ни того недоброжелательства, которое я на первыхъ порахъ къ нему почувствовала, ни родственныхъ или дружескихъ отношеній; а по нѣкоторымъ едва уловимымъ признакамъ, напротивъ, я догадалась, что у насъ зарождалось чувство совсѣмъ другого рода и эта догадка, особенно при тѣхъ тягостныхъ и нелѣпыхъ условіяхъ, въ которыя поставили насъ обстоятельства, тяготила меня болѣе всего. Мое положеніе дѣлалось еще болѣе страннымъ и унизительнымъ.

Между тѣмъ я ѣхала довольно скоро. Вотъ и деревенька тётушки Авдотьи Марковны, небольшой старый садъ изъ старыхъ липъ, густой сирени и акацій, перемѣшанныхъ съ фруктовыми деревьями, сѣренькій домикъ съ балкономъ, на которомъ я разсмотрѣла обѣихъ кузинъ съ мужчиной въ штатскомъ платьѣ. Я догадалась, что то былъ сосѣдъ ихъ — Курдюмовъ, который былъ въ ополченіи, недавно возвратился и, по словамъ кузинъ въ письмахъ, бывалъ у нихъ часто. Съ этимъ господиномъ я познакомилась въ первое время нашей деревенской жизни; онъ вздумалъ-было приволокнуться за мною, но то была пора моей болѣзни и сплина, и я такъ обрѣзала его, что онъ сейчасъ же посторонился и сталъ избѣгать меня.

Мы подъѣхали къ крыльцу. Меньшая кузина — Маша, маленькая, смуглая, живая дѣвушка лѣтъ 18-ти, какъ буря бросилась мнѣ на шею.

— Неожиданно какъ! На всю Святую? А братецъ Александръ Семеновичъ? У насъ Курдюмовъ: черезъ день бываетъ! Слушай, какія у насъ платьица къ празднику!.. сыпала она, вводя меня въ домъ.

— А тётушка гдѣ?—спросила я, чувствуя себя вдругъ охваченной той патріархально-мирной атмосферой, которая—казалось мнѣ — царила въ этомъ домѣ.

— Маменька на огородѣ. Пойдемъ къ Вѣрѣ: она, знаешь, какая солидная, ни за что не броситъ гостя одного!..

Мы вышли на балконъ. Высокая, полная Вѣра подошла ко мнѣ; я отъ души поцѣловала ее и ласково протянула руку Курдюмову, къ крайнему его изумленію.

Digitized by Google

Мы усѣлись на балконѣ. Курдюмовъ сначала стѣснялся при мнѣ, но ободренный моею привѣтливостью онъ заговорилъ — запѣлъ какъ соловей. Я не помню хорошо этого разговора, да и вообще разговоры съ Курдюмовымъ трудно помнить, такъ они всегда были незанимательны. Но я помню, что я тогда сравнила его съ Александромъ Семеновичемъ. Какая разница! Оба недавно возвратились изъ Крыма, но въ первый день знакомства съ кузеномъ я уже ознакомилась съ прошедшимъ нашимъ бѣдствіемъ, съ положеніемъ нашей арміи, съ ея настроеніемъ, съ ея нуждами, радостями и невзгодами, наконецъ, отчасти съ убѣжденіями и взглядомъ на вещи его самого—кузена; здѣсь же я услышала нѣсколько плоскихъ анекдотцевъ, нѣсколько общихъ мѣстъ — и только. Но за то Курдюмовъ былъ очень красивъ. Можно было заглядѣться на его смуглое, молодое лицо, съ черными, вьющимися волосами, на его черные глаза съ паволокой, на этотъ сухощавый стройный станъ! И кузины таки-засматривались на него и, конечно, очень изумились бы, еслибъ узнали, что я сравниваю его съ нашимъ увальнемъ Александромъ Семеновичемъ, да еще сравниваю къ невыгодѣ писаннаго красавца.

На другой день Курдюмовъ неожиданно опять явился къ обѣду и провелъ здѣсь цѣлый день, къ неописанной досадѣ тётушки Авдотьи Марковны, которая терпѣть не могла гостей, хотя и сознавала необходимость принимать ихъ, коли ужъ есть двѣ дочери-невѣсты.

На страстной недѣлѣ въ деревняхъ всѣ сидятъ дома, съ бо́льшимъ или меньшимъ усердіемъ занимаясь приготовленіями къ Пасхѣ. У насъ, конечно, всю недѣлю никого не было; кузины были очень заняты: то перешивали свои убогіе наряды, то помогали матери въ хозяйственныхъ хлопотахъ; мнѣ же нечего было перешивать, а красить яйца или мѣсить бабы я не умѣла, и мнѣ чрезвычайно неловко и сиротливо было среди этого занятого люда. Мнѣ казалось, что и тётушка Авдотья Марковна косо поглядываетъ на меня, и кузины-то удивляются моей праздности. Чтобъ убить время я безпрестанно бродила въ саду или въ полѣ, сходила даже разъ пѣшкомъ въ церковь, бывшую отъ насъ въ 3-хъ верстахъ.

Въ страстную субботу, кузины, управившись со своей возней, порѣшили тоже идти пѣшкомъ въ село, гдѣ была церковь, и послѣ обѣдни возвратиться домой съ тётушкой, которая должна была пріѣхать къ заутрени. Мы вышли передъ вечеромъ въ самомъ праздничномъ настроеніи, Маша не шла, а бѣжала, болтая безъ умолку. Смеркалось, когда мы вошли въ церковный дворъ.

Digitized by Google

Мы навѣдались въ церковь: тамъ глухо раздавался голосъ дьячка, читавшаго «Дѣянія»; кое-гдѣ по угламъ набожно стояли сгорбленныя фигуры старухъ. Я вышла изъ церкви и сѣла на паперти. Тихо сіяла безчисленными звѣздами благоуханная весенняя ночь; толпы сѣраго люда мелькали передо мной: старики шли въ церковь, молодые составляли небольшія группы во дворѣ и сдержанный веселый говоръ слышался отовсюду. Я сидѣла долго. Кузины нѣсколько разъ прошли мимо меня, я не подала имъ голоса, хоть и знала, что онѣ меня искали. Мнѣ было и грустно и хорошо! Чего-чего я не передумала и не припомнила!.. Вспомнилось мнѣ живо и недавняя любовь моя, но фигура самого Захарова какъ-то неясно представлялась воображенію... «Что теперь дѣлаетъ Александръ Семеновичъ? «спросила я себя потомъ. Мнѣ жаль стало, что онъ теперь одинъ, что ему можетъ быть скучно. Впрочемъ, ему никогда не скучно: у него дѣло на рукахъ, дѣло это ему по душѣ: онъ занимается устройствомъ своихъ владѣній—и счастливъ. Счастье!.. какое великое слово! А многіе ли знаютъ, что̀ оно такое?... Я никогда не была счастлива! Я даже не жила въ настоящемъ смыслѣ слова. Пансіонская скамья, подмостки провинціальнаго театра, глухой хуторокъ и вѣчное одиночество — развѣ это жизнь, не то что счастіе? Самая любовь моя—что̀ это было? Какой-то сумбуръ—и ничего отъ него не осталось. Однѣ книги свои я вспомнила съ благодарностью, но книги — не жизнь, онѣ не могутъ дать счастія, хотя часто разжигаютъ жажду счастія... А Александръ Семеновичъ и мои къ нему отношенія?—вдругъ подумала я и вздрогнула—такъ непріятны они мнѣ показались... А народъ все прибывалъ и прибывалъ; вотъ, покручивая красивые усы и охорашиваясь прошелъ въ церковь Курдюмовъ, вотъ мелькнула высокая, сухая фигура тётушки Авдотьи Марковны, загудѣлъ колоколъ, толпа повалила въ церковь; я вошла тоже и, не пробившись къ кузинамъ, стала между народомъ.

Въ церкви было тѣсно, но когда вышли съ крестнымъ ходомъ во дворъ, началась такая давка, что я перепугалась. Я было и не хотѣла выходить, но толпа можно сказать вытолкала меня, вынесла меня на рукахъ и здѣсь во дворѣ толкала и тѣснила со всѣхъ сторонъ. Процессія остановилась; народъ сталъ то же, но давка не прекращалась; возлѣ меня какая-то худенькая дѣвчонка лѣтъ 13-ти стала уже полегоньку взвизгивать, сжатая и притиснутая народомъ; мнѣ самой хоть взвизгивать приходилось, какъ вдругъ толпа тихонько подалась—я оглянулась, и при свободномъ мерцаніи свѣчей увидѣла за собой ра-

Digitized by Google

достное и слегка озабоченное лицо Александра Семеновича. Мнѣ вдругъ стало легко и покойно...

Послѣ заутрени всѣ мы сошлись на паперти. Тётушка хотѣла быть у обѣдни, но мы, утомленныя до-нельзя, сѣли въ тарантасъ Александра Семеновича и пріѣхавши домой, какъ убитыя заснули.

На другой день я встала очень поздно; кузины, совсѣмъ одѣты, любовались передъ зеркаломъ своими новенькими платьями.

— Вставай, Катя!—проговорила Маша, замѣтивъ, что я открыла глаза.—Вставай! уже чай отпили. Курдюмовъ пріѣхалъ.—Я не скоро поднялась и вышла только къ обѣду.

За обѣдомъ всѣ были очень веселы; даже у прислуживавшихъ за обѣдомъ дѣвушекъ были такія сіяющія, праздничныя лица, что на нихъ весело было смотрѣть.

— Празднику-то великому какъ всякій радъ!—замѣтила тетушка, вслѣдъ уходившей своей Палашкѣ. — Я сегодня совсѣмъ своимъ людомъ христосовалась. Гляжу—и лица-то у всѣхъ преобразились. То-то благодать великая — Свѣтлое Христово Воскресеніе.

— Да, конечно, религіозное чувство... проговорилъ Александръ Семеновичъ.—Но, повѣрьте, много значитъ и то, что сегодня народъ нужды передъ собой не видитъ. Всякій, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, сегодня и сытъ, и сколько-нибудь одѣтъ. Потому и радуются!

— Ну, и выпивка тоже предстоитъ,—засмѣялся Курдюмовъ.

Тётушка покачала головой на такое вольнодумное толкованіе и, извинившись передъ гостями, по обыкновенію ушла спать. Мы остались однѣ и отправились въ садъ. Кузины шли впереди съ Курдюмовымъ, но черные глаза его все оглядывались на меня, все слѣдили за мною украдкой. Александръ Семеновичъ лукаво усмѣхнулся и тоже украдкой пристально взглянулъ на меня. Я, не знаю уже почему, покраснѣла.

Три дня мы провели, какъ одинъ, въ той же компаніи. Курдюмовъ уѣзжалъ домой только ночевать, и кузины ликовали! И какъ было не радоваться: у него было 150 душъ и богатый холостой дядя, при которомъ хоть и проживала толстая домоправительница съ пятью-шестью ребятишками, какъ двѣ капли воды на него похожими, но это не мѣшало племяннику ждать отъ дяди наслѣдства. Словомъ сказать, Курдюмовъ былъ аристократъ въ своемъ околоткѣ, и для бѣдной дѣвушки такой женихъ, о какихъ только развѣ во снѣ снится, да въ сказкахъ сказывается. Казалось, кузины обѣ разомъ въ него влюбились и престранно

Digitized by Google

влюбились: онѣ другъ друга не ревновали и даже будто не старались догадаться, кто изъ нихъ ему больше нравится, лишь бы кто-нибудь да нравился. Онѣ не говорили ничего о своихъ надеждахъ, но очевидно надѣялись, что будетъ хорошо. Маша восторгалась шумнѣе, откровеннѣе; Вѣра только сдержанно улыбалась сіяющей, счастливой улыбкой; даже тётушка, хмурая и суровая, какъ всегда, замѣтно надѣялась и радовалась. Только мнѣ не вѣрилось, чтобъ сбылись эти надежды; мнѣ Курдюмовъ не казался ни влюбленнымъ въ кузинъ, ни расположеннымъ въ нихъ влюбиться: ему нравилось быть въ обществѣ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ въ его сосѣдствѣ было мало, ему льстило ихъ вниманіе—и только. Я не высказывала своихъ сомнѣній на счетъ надеждъ, питаемыхъ кузинами, но онѣ видѣли, что я смотрю на дѣло не такъ, какъ имъ хотѣлось бы, и подчасъ подозрительно на меня взглядывали.

Александръ Семеновичъ уѣхалъ на четвертый день рано утромъ. Наканунѣ онъ замѣтно смутился, когда я объявила, что не поѣду съ нимъ. По отъѣздѣ его началась въ домѣ тётушки обычная будничная жизнь: днемъ кузины работали, а я читала имъ вслухъ; передъ вечеромъ онѣ шли въ садъ или огородъ, возились тамъ возлѣ своихъ цвѣтничковъ или парничковъ. Въ саду и я помогала имъ иногда, но вообще предпочитала одинокую дальнюю прогулку и пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ ускользнуть въ поле или въ рощу. По вечерамъ часто появлялся Курдюмовъ—къ вящшей радости кузинъ: у нихъ тотчасъ поднималась суета, переодѣванье и потомъ велись нескончаемые веселые разговоры. Только и слышался счастливый смѣхъ Маши, да звучный хохотъ Курдюмова, а Вѣра сіяла своей радостной улыбкой. Я большею частью держалась въ сторонѣ и не безъ удивленія замѣчала украдкой слѣдившій за мною взглядъ черныхъ глазъ Курдюмова, то робкій, то вопросительный. Скоро и кузины стали замѣчать, что неладно что-то и все чаще косо на меня посматривали. Мнѣ хотѣлось дать имъ понять, что съ моей стороны нѣтъ для нихъ опасности, и что Курдюмовъ мнѣ вовсе не интересенъ.

— Ты всегда такъ!—съ жаромъ перебила меня Маша.—Объ Александрѣ Семеновичѣ ты что́ писала? а мы глядимъ—ты ему въ душу лѣзешь.

Я подумала-подумала, и написала кузену, чтобъ онъ поскорѣе прислалъ за мною.

На другой же день за мною пріѣхали. Когда узналъ это Курдюмовъ—онъ такъ измѣнился въ лицѣ, что тётушка и ку-

Digitized by Google

зины переглянулись, и ужъ не косо только, а просто свирѣпо взглянули на меня.

Нѣкоторое время разговоръ совсѣмъ не клеился. Я думала, что мнѣ еще стѣснительнѣе будетъ теперь tête-à-tête съ Александромъ Семеновичемъ.

— Катерина Александровна! — позвольте мнѣ пріѣхать къ вамъ,—проговорилъ вдругъ Курдюмовъ.

— Ахъ, пожалуйста!—отвѣчала я, сейчасъ же сообразивъ, что всякое постороннее лицо будетъ кстати между мной и кузеномъ.

Кузины взглянули на меня еще свирѣпѣе. Меня ужъ начинала злить эта незаслуженная враждебность; мнѣ захотѣлось отистить имъ.

— Я даже прошу васъ пріѣхать,—самымъ усерднымъ образомъ прошу,—продолжала я, обращаясь къ Курдюмову.—Дайте слово, что пріѣдете, какъ можно скорѣе.

Курдюмовъ далъ мнѣ слово съ восторгомъ. Кузины такъ разобидѣлись, что почти не могли скрыть это отъ него.

— Вѣдь есть же такія женщины, что не могутъ видѣть мужчину, чтобъ не повиснуть ему на шею!—азартно проговорила Маша, туша свѣчу въ нашей комнатѣ, когда мы легли спать.

Я улыбнулась въ темнотѣ.

Александръ Семеновичъ очень мнѣ обрадовался. Я боялась, что намъ неловко будетъ свидѣться и заранѣе тяготилась этимъ, но все обошлось какъ нельзя болѣе благополучно: онъ вышелъ меня встрѣтить съ такой откровенно-счастливой улыбкой и такъ просто и ясно выказалъ свою радость, что и мнѣ стало и легко, и радостно. Мы онять зажили прежнею жизнью: днемъ всякій за своимъ дѣломъ, вечеромъ—вмѣстѣ. Но мы рѣдко читали теперь, развѣ въ ненастные дни; мы предпочитали бродить или ѣздить по окрестностямъ, и такъ славно, непринужденно болталось въ эти прогулки, такъ свободно говорилось обо всемъ, что только вспадало на умъ! Черезъ недѣлю явился Курдюмовъ. Александръ Семеновичъ нѣсколько смутился, но принялъ его какъ нельзя радушнѣе. Онъ вообще любилъ имѣть у себя чужого человѣка, даже если и не особенно ему симпатизировалъ. Это было для меня очень кстати, такъ какъ пригласивши Курдюмова я считала долгомъ его хорошо принять, а между тѣмъ мнѣ съ нимъ всегда было немножко скучно и стѣснительно. Александръ Семеновичъ отлично меня выручалъ изъ этого затрудненія, особенно послѣ того, какъ при случаѣ я, смѣясь, объяснила ему суть

Digitized by Google

дѣла. Курдюмовъ сталъ бывать у насъ такъ часто, какъ только позволяли ему его хозяйственныя дѣла, которыми онъ занимался очень усердно; въ этомъ отношеніи они съ Александромъ Семеновичемъ сходились. Онъ, то-есть Курдюмовъ, по-прежнему безпрестанно взглядывалъ на меня и со всякимъ днемъ усерднѣе за мною ухаживалъ.

— Вотъ влюбленъ онъ въ васъ, кузина!—сказалъ мнѣ разъ Александръ Семеновичъ.

— Ужъ и влюбленъ! Онъ точно также былъ влюбленъ и въ кого-то изъ кузинъ, а можетъ быть и въ обѣихъ вмѣстѣ,—возразила я.

— Ну ужъ какъ было съ кузинами—я не знаю, а въ васъ онъ рѣшительно влюбленъ,—отвѣчалъ Александръ Семеновичъ.

Я не могу сказать, чтобъ мнѣ непріятны были посѣщенія Курдюмова: не даромъ же мы жили въ такой непроглядной глуши и на такомъ безлюдьи. Но когда онъ уѣзжалъ отъ насъ, мнѣ было еще пріятнѣе. Мнѣ очень нравились тѣ отношенія, которыя установились у меня съ кузеномъ. Я уже считала неосновательными тѣ мои прежнія подозрѣнія: мы просто сошлись по-дружески, и со всякимъ днемъ сходились ближе. Мало-по-малу я разсказала ему все мое прошлое, даже исторію моей любви съ Захаровымъ. Онъ тоже кое-что поразсказалъ мнѣ изъ своей интимной жизни, но вообще онъ предпочиталъ слушать меня, чѣмъ говорить.

Я видѣла однакожъ, что внутренняя жизнь его шла безмятежно, безъ той нравственной ломки, которую я испытала на себѣ, и что въ его прошломъ не было любовныхъ драмъ съ счастливою развязкой. Не такъ давно, года два назадъ, онъ любилъ женщину, которая выказывала ему большую симпатію—и только; я читала и письма ея къ нему и подумала, что ея симпатія къ нему была именно такая же, какъ моя, то-есть, просто дружеское расположеніе.

Да, я очень подружилась съ моимъ двоюроднымъ братомъ, и сколько радости давала мнѣ эта дружба, это сознаніе, что и у меня есть близкій и преданный человѣкъ! Но были уголки въ душѣ моей, куда я его не пускала, были мысли, которыхъ я никогда бы ему не высказала. Въ строгомъ смыслѣ слова, то не были даже мысли, а скорѣе догадки...

Мнѣ очень обидно было быть женщиной; всегда и во всемъ пассивная роль женщины внушала мнѣ не жалость, а омерзѣніе. Порой являлась у меня дерзкая мысль, что такое положеніе женщины не нормально и не вѣчно; мысль эта росла, развивалась

Digitized by Google

въ головѣ моей; я лелѣяла, гордилась ею; мнѣ казалось, что я открываю Америку. Потомъ вдругъ наступала реакція: поддержки извнѣ у меня не могло быть. «Женщина! твое мѣсто у очага!» —говорили тогда лучшіе наши люди или, по крайней мѣрѣ, молчали и ничего на этотъ счетъ не высказывали.

Наталья у Тургенева шла замужъ, чтобъ пристроиться и угодить маменькѣ; женщинъ Писемскаго били мужья и любовники, возбуждая протестъ только противъ грубаго насилія. Требованія и идеалы Жоржъ-Санда тоже меня не удовлетворяли. «Свобода любви, счастіе любви—все любовь, да любовь! неужели же только и жизни, что въ любви?»—думала я, усиливаясь отыскать другой выходъ...

А между тѣмъ кругомъ все шло своимъ чередомъ. Трава поспѣвала, теряя свой ярко-зеленый цвѣтъ, хлѣба колосились, народъ готовился къ сѣнокосу, который и начался въ началѣ іюня. Александръ Семеновичъ съ утра уѣхалъ на дальніе луга, которые предполагалось скосить прежде всего. Передъ вечеромъ я собралась идти къ нему навстрѣчу, какъ неожиданно пріѣхалъ Курдюмовъ. Я и его пригласила съ собою. Мы вышли, когда солнце только что сѣло. Багряная заря покрывала западную часть неба, легкій вѣтеръ едва шевелилъ листья на верхушкахъ деревъ; вдругъ гдѣ-то вдали послышался конскій топотъ и ржанье. Мнѣ вспомнилось Фетовское: *Лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ*,—я вслухъ проговорила его.

— Какъ! какъ! пожалуйста скажите еще разъ!—взмолился Курдюмовъ.

— А вы развѣ любите Фета? — спросила я.

— Кто это-съ? — переспросилъ онъ.

— Фетъ. Я его стихи это прочла... Вы — деревенскій житель; вы природу, конечно, любите...

— Да... конечно... Въ лѣтнее время особенно хорошо по вечерамъ...

Мы помолчали. Я думала, о чемъ бы еще съ нимъ поговорить.

— Это не Александръ Семеновичъ ѣдетъ?—спросила я наконецъ, указывая на едва чернѣющуюся вдали точку.

— Нѣтъ-съ: это баба съ ребенкомъ,—отвѣчалъ Курдюмовъ, славившійся необыкновеннымъ зрѣніемъ, и слегка вздохнулъ.— Счастливецъ какой Александръ Семеновичъ! какъ вы его ждете! прибавилъ онъ.

— Что?.. Ну, чтожъ! Я и вамъ всегда рада,—нерѣшительно проговорила я.

Digitized by Google

— Нѣтъ! гдѣ ужъ мнѣ!.. отвѣчалъ онъ.—А вотъ это такъ Александръ Семеновичъ, — поспѣшно прибавилъ онъ, помолчавъ. Кузенъ дѣйствительно скоро показался на бѣговыхъ дрожкахъ, въ бѣломъ запыленномъ китель и гусарской фуражкѣ съ бѣлымъ чехломъ. Онъ сидѣлъ согнувшись, но на лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшаго утомленія; напротивъ, оно было особенно весело и бодро.

— Добрый вечеръ, кузина!—сказалъ онъ останавливаясь.—Ну, Ѳедоръ Михайловичъ! что за трава нынче! взглянуть весело,— обратился онъ къ Курдюмову. — И въ жизнь не видалъ такихъ покосовъ! Ужъ видно на мое счастіе привалило! Я цѣлый день любуюсь — оторваться не могу! Эхъ! жаль, что некому лошадь отдать: я бы съ вами прошелся. Ну, до свиданія! Я кстати велю чай скорѣе готовить.

Онъ поѣхалъ домой. Мы тоже прибавили шагу, и возвратясь застали уже въ саду подъ липою готовый самоваръ и хлопотливо перетиравшую чашки Мавру Савельевну. Я передала Курдюмова Александру Семеновичу и сама сѣла поодаль. Помѣщики наши горячо заговорили объ урожаѣ, о сѣнокосѣ, о цѣнахъ на хлѣбъ, а я взяла чашку изъ рукъ Мавры Савельевны и задумалась... Не помню именно о чемъ я думала; мысль перебѣгала отъ одного предмета къ другому, къ третьему... Помѣщики наши все еще продолжали разговаривать, т.-е. говорилъ Курдюмовъ уже о необыкновенныхъ угонкахъ какой-то Крошки; Александръ Семеновичъ слушалъ и изрѣдка будто изъ вѣжливости вставлялъ свое слово: угонки Крошки его, какъ видно, мало интересовали. Свѣтлая лѣтняя ночь ласково благоухала, сіяя міріадами яркихъ звѣздъ. Недоставало только звуковъ, тихо было кругомъ, и повѣствованіе о достоинствахъ Крошки внятно разносилось по воздуху непріятнымъ диссонансомъ съ окружающею природою... Мнѣ вдругъ захотѣлось пѣть. Я встала, вошла въ комнату и открыла рояль... Музыка Шуберта показалась мнѣ самою желательною; я пропѣла серенаду его, потомъ другое что-то, и еще, и еще. Я долго пѣла,— пѣла съ одушевленіемъ, какого не припомню!.. То пѣла во мнѣ смутная, несознаваемая надежда какого-то новаго счастія!.. Кузенъ съ Курдюмовымъ то появлялись въ дверяхъ, то исчезали; я ихъ не замѣчала. Кузенъ попросилъ-было меня ужинать въ садъ; я отказалась. Наконецъ, звякнулъ колокольчикъ у подъѣзда, и Александръ Семеновичъ съ Курдюмовымъ вошли въ комнату; кузенъ взглянулъ на меня значительно и какъ-будто усмѣхнулся.

Digitized by Google

— Я сегодня въ первый разъ слышу ваше пѣніе,—выразительно выговорилъ Курдюмовъ.

Онъ былъ немного блѣденъ, но глаза его блестѣли больше обыкновеннаго. «Вѣрно угостились изрядненько подъ липою»,— подумала я.

Курдюмовъ сѣлъ въ свой игрушечный тарантасъ и вихремъ понесся въ гору. Я постояла у открытаго окна, поглядѣла на гладкую, озаренную луннымъ свѣтомъ дорогу, и хотѣла попрощаться съ кузеномъ...

— На-дняхъ онъ предложитъ вамъ руку и сердце,—сказалъ Александръ Семеновичъ.— Вы его доканали пѣніемъ,— продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Что это вамъ вздумалось?— спросила я.

— Да, онъ сегодня совсѣмъ спасовалъ и въ откровенности со мною пустился,— отвѣчалъ онъ.

Мы помолчали и какъ-то машинально вышли въ садъ.

— И вамъ не мѣшаетъ серьёзно поразмыслить заранѣе, какой отвѣтъ дать ему,—началъ кузенъ будто шутливо, но голосъ у него дрогнулъ.

— Мнѣ нечего раздумывать,— отвѣчала я.

— Отчего же? нѣтъ, не мѣшаетъ! Такой важный шагъ...

— Мнѣ нечего раздумывать,—повторила я.—Я за него не пойду.—Мнѣ показалось, что рука, на которую я опиралась, слегка опустилась.

— Нѣтъ, вы подумайте, кузина! Курдюмовъ — отличный человѣкъ и у него хорошее состояніе!..

— Я знаю, какое его состояніе, и знаю, что онъ человѣкъ смирный и удобный; мнѣ тоже довольства и покоя хотѣлось бы,— но все же я и за нихъ себя не продамъ!..

Мы прошли еще нѣсколько шаговъ молча. Александръ Семеновичъ былъ видимо взволнованъ.

— Странная вы женщина!—выговорилъ онъ, когда я подала ему руку, прощаясь.

Н. Дмитріева.

Digitized by Google

ПЕРЕГОВОРЫ
КНЯЗЯ МЕНШИКОВА
ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

По подлиннымъ документамъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ началѣ 1853 года, князь Меншиковъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь.

При отъѣздѣ князя изъ Петербурга въ Константинополь ему поручено было, вручивъ письмо нашего государя султану, потребовать отъ Порты, чтобы турецкое правительство заключило съ Россіей конвенцію слѣдующаго содержанія:

Ст. 1. Императорскій всероссійскій дворъ и блистательная Порта, движимые желаніемъ предупредить и устранить навсегда все, что могло бы подать поводъ къ спору, недоразумѣнію, либо несогласію, насчетъ льготъ, правъ и преимуществъ, дарованныхъ и обезпеченныхъ оттоманскими падишахами, въ ихъ владѣніяхъ, православной греко-россійской вѣрѣ, исповѣдуемой всею Россіей, а равно жителями Молдавіи, Валахіи и Сербіи, и другими христіанами, подданными Турціи, постановили, на основаніи настоящей конвенціи, что православная христіанская вѣра будетъ постоянно пользоваться покровительствомъ блистательной Порты, и что министры императорскаго всероссійскаго двора будутъ, какъ и прежде, облечены правомъ ходатайствовать въ пользу церквей константино-

Digitized by Google

польскихъ и другихъ, а также въ пользу духовенства, каковыя просьбы будутъ уважены, какъ приносимыя отъ имени сосѣдней и искренно дружественной державы.

Ст. 2. Патріархи константинопольскій, антіохійскій, александрійскій и іерусалимскій, а равно митрополиты, епископы и другія духовныя лица, свободно избранные и посвященные по правиламъ и уставамъ восточной церкви и древнему обычаю, будутъ признаваемы и уважаемы сообразно своему званію, исполняя безпрепятственно обязанности занимаемыхъ ими должностей и пользуясь вполнѣ всѣми льготами и правами, дарованными имъ и утвержденными на основаніи бератовъ (граматъ), полученныхъ ими при ихъ назначеніи, согласно съ уставами блистательной Порты.

Ст. 3. Какъ патріархъ константинопольскій и прочіе патріархи, избранные свободно синодомъ, назначаются пожизненно сообразно церковнымъ уставамъ, и утверждаются также пожизненно бератами блистательной Порты, на основаніи издревле существующаго обычая, то ничто не будетъ измѣнено въ этомъ отношеніи, и смѣна патріарха не можетъ имѣть мѣста впредь, за исключеніемъ случаевъ обозначенныхъ въ жалованныхъ имъ бератахъ, гдѣ сказано: „пока не окажется, что патріархъ притѣсняетъ райевъ, либо нарушаетъ уставы ихъ вѣры, либо виновенъ въ измѣнѣ Государю, онъ остается пожизненно въ своемъ званіи“.

Ст. 4. Какъ уже признано и доказано историческими преданіями и многими документами, что православная греческая церковь въ Іерусалимѣ, а равно тамошній патріархъ и состоящіе въ его вѣдѣніи епископы, со времени калифовъ и при всѣхъ императорахъ оттоманскихъ, всегда были покровительствуемы, признаваемы и утверждаемы во всѣхъ ихъ правахъ и льготахъ, то блистательная Порта обязывается въ отношеніи императорскаго всероссійскаго двора соблюдать и поддерживать сіи самыя права и льготы, какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ прочихъ мѣстахъ, безъ всякаго ущерба для прочихъ христіанскихъ общинъ, подданныхъ, либо иностранцевъ, посѣщающихъ храмъ гроба Господня и другія святыни, какъ сообща съ греками, такъ и отдѣльно.

Ст. 5. Его величество, нынѣ благополучно царствующій султанъ, находя нужнымъ и справедливымъ утвердить и укрѣпить новымъ фирманомъ и хатти-гумаюномъ (августѣйшею граматою), обнародованными... [1]), постановленія, изданныя его славными предшественниками въ пользу патріаршей Іерусалимской церкви, съ означеніемъ святынь предоставленныхъ православному исповѣданію и

[1]) Такого-то числа, мѣсяца и года.

Digitized by Google

его служителямъ, на основаніи ихъ древнихъ правъ и тѣхъ, коими пользуются издавна духовныя лица римско-католическаго исповѣданія, блистательная Порта обѣщаетъ и принимаетъ на себя обязательство въ томъ, что помянутые фирманъ и хатти-гумаюнъ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были сообщены императорскому всероссійскому двору, будутъ буквально исполнены и впредь соблюдаемы въ точности.

Ст. 6. Россійскіе подданные, какъ свѣтскіе такъ и духовные, которымъ, на основаніи трактатовъ, дозволено посѣщать Іерусалимъ и прочія святыя мѣста, должны пользоваться покровительствомъ мѣстныхъ властей наравнѣ съ націями, коимъ наиболѣе благопріятствуетъ правительство, и какъ подданные прочихъ державъ, католики и протестанты, имѣютъ своихъ священнослужителей и свои собственныя духовныя учрежденія, то блистательная Порта обязывается, въ случаѣ, ежели того пожелаетъ россійскій императорскій дворъ, назначить удобное мѣсто въ Іерусалимѣ, либо въ окрестностяхъ сего города, для построенія церкви, посвященной богослуженію русскаго духовенства и странно-пріимнаго дома для неимущихъ и больныхъ поклонниковъ, поручивъ эти учрежденія особому надзору россійскаго генеральнаго консула въ Сиріи и Палестинѣ.

Къ этой конвенціи былъ приложенъ проектъ отдѣльныхъ секретныхъ условій (Projet d'un Acte séparé et secret), на основаніи которыхъ императоръ Николай Павловичъ обязывался, въ случаѣ ежели бы удовлетвореніе его требованій возбудило какое-нибудь неудовольствіе, либо вражду той или другой европейской державы противъ Оттоманской Порты, помогать султану своими сухопутными и морскими силами, для защиты его владѣній [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Меншиковъ получилъ инструкцію для руководства въ сношеніяхъ съ представителями великихъ державъ въ Константинополѣ.

Въ отношеніи Франціи было сказано: «Новая имперія и новый императоръ признаны нашимъ августѣйшимъ Монархомъ съ такими ограниченіями и на такихъ условіяхъ, которыя наиболѣе удобны для выказанія въ глазахъ свѣта видовъ и намѣреній русскаго правительства. Поступать дружественно, мирно, привѣтливо, но — въ то же время — осторожно и твердо; никакихъ напрасныхъ вызововъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и никакихъ

[1]) Проектъ конвенціи и отдѣльнаго секретнаго договора, хранящійся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Digitized by Google

уступокъ. Не оскорблять Лудовика-Наполеона въ его основательныхъ щекотливостяхъ (dans ses susceptibilités raisonnables), но и не спускать ему ни въ чемъ, не уступать ему въ притязаніяхъ политики и законной наслѣдственности Наполеонидовъ: такова система, которой слѣдовалъ и которой предполагаетъ и впредь слѣдовать Императоръ.

«Самая форма признанія французской имперіи нами принята въ этомъ духѣ. Она была послѣдствіемъ вызова, брошеннаго Наполеономъ съ перваго его шага державамъ, низложившимъ первую имперію, и его притязанія — поставить свой демократическій принципъ выше принципа древнихъ монархій (d'élever son principe démocratique au-dessus de celui des vieilles monarchies). Нашъ августѣйшій Монархъ, принявъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Франціею такую форму и заставя новаго императора удовольствоваться ею, не только поступилъ согласно съ своимъ искреннимъ убѣжденіемъ, но имѣлъ въ виду политическую цѣль—ослабить то обаяніе страха и силы, которое оказываетъ новое французское правительство на слабыя государства, и въ числѣ ихъ на Турцію...

«Трудно рѣшить намъ—принадлежитъ ли нынѣшній образъ дѣйствія Франціи въ Константинополѣ умышленной политикѣ Наполеона, или только его представителю... Почти невозможно сомнѣваться въ томъ, чтобы домогательства французскаго правительства отъ Турціи не были слѣдствіемъ намѣренія Наполеона принять на себя исключительное покровительство католиковъ на Востокѣ, какъ для того, чтобы утвердить тамъ свое преобладаніе надъ нашимъ, такъ и на основаніи льстивой системы (système de captation), въ отношеніи къ французскому духовенству, новаго императора, въ качествѣ главы католической церкви. Можно даже опасаться, что Лудовикъ-Наполеонъ, нуждаясь въ смутахъ для достиженія, во что бы то ни стало, своихъ властолюбивыхъ видовъ, и опасаясь возбудить противъ себя коалицію великихъ державъ, если какія-либо замѣшательства возникли бы въ Бельгіи, или на Рейнѣ, предпочитаетъ возбудить ихъ на Востокѣ, доведя тамъ дѣло до крайности... Ежели сколько-нибудь таковы его намѣренія въ дѣйствительности, то мы не можемъ ожидать отъ него никакой уступчивости въ Константинополѣ. Правда, на-дняхъ онъ предлагалъ намъ уладить вопросъ о св. мѣстахъ по частному съ нами соглашенію. Но мы не видимъ никакихъ практическихъ средствъ придти къ подобному результату, пока Тюильрійскій кабинетъ не перестанетъ ставить въ основаніе своихъ притязаній договоры, коихъ заключеніе восходитъ къ XVI-му

Digitized by Google

столѣтію, не обращая вниманія на послѣдующія событія, сперва измѣнившія прежніе договоры, а потомъ сдѣлавшія невозможнымъ ихъ буквальное исполненіе. Впрочемъ, отозваніе г. де-Лавалета и замѣщеніе его въ Константинополѣ другимъ представителемъ, быть можетъ дадутъ намъ средства судить о бо́льшей или меньшей искренности миролюбивыхъ намѣреній, изъявленныхъ намъ французскимъ правительствомъ. Дѣйствія новаго посла послужатъ вамъ указаніемъ положенія, которое вы примете...

«Касательно нашихъ политическихъ отношеній къ англійскому правительству, они хороши, но такъ еще новы, что нельзя ихъ опредѣлить въ точности. Нынѣшнее великобританское министерство едва лишь успѣло вступить въ исполненіе своихъ обязанностей. Лордъ Россель, повидимому, занимаетъ только временно мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, и потому наше политическое положеніе въ Лондонѣ еще не обозначилось. Тѣмъ не менѣе, могу вамъ сказать, что личный характеръ и прежнія дипломатическія дѣйствія лорда Эбердина, главы новаго министерства, подаютъ вѣрное ручательство въ его благоразуміи и умѣренности. Возстановленіе Наполеонидовъ во Франціи и воспоминанія первой имперіи достаточны для упроченія между нами и Англіею общности видовъ. Несмотря на неосновательную поспѣшность, съ которою великобританское правительство признало Наполеона III, не выждавъ трехъ прочихъ державъ и не условясь съ ними въ необходимыхъ ограниченіяхъ, оно не разумѣло чрезъ то отдѣлиться отъ нихъ, оно, по необходимости, пожертвовало правилами, имъ принятыми въ отношеніи первой имперіи; но Англія не питаетъ къ Франціи такого сочувствія, какое, благодаря сходству правленія, существовало между нею и конституціонною монархіею Лудовика-Филиппа. Она опасается Наполеона, не довѣряетъ ему и слѣдитъ за нимъ, рѣшась вмѣстѣ съ нами связать его трактатами 1815 года и уваженіемъ настоящаго положенія дѣлъ (respect du statu quo). Безъ сомнѣнія, еслибы на Востокѣ дѣло шло только о перемѣщеніи вліянія, то для Англіи было бы неважно преобладаніе католической Франціи надъ православною Россіей. Но она не можетъ столь же равнодушно видѣть, подъ маскою религіознаго вліянія, господство политики Франціи надъ своею собственною...

«Все это заставило насъ, при вступленіи въ должность новаго англійскаго министерства, сообщить ему съ полною откровенностью наши виды и цѣль миссіи князя Меншикова, чтобы успокоить Англію насчетъ намѣреній нашего правительства въ отношеніи Оттоманской Порты, объяснить вѣроятные за-

Digitized by Google

мыслы Лудовика-Наполеона и просить великобританское правительство дѣйствовать съ твердостью въ Парижѣ и Константинополѣ, особенно же въ Парижѣ, отнявъ у Наполеона всякую надежду на содѣйствіе Англіи, въ случаѣ, еслибы вздумалось ему вожечь войну на Востокѣ. Сколько можно судить по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Лондона, лордъ Эбердинъ усердно старается отвратить послѣдствія высокомѣрныхъ и дерзкихъ поступковъ французскаго посланника. Онъ питаетъ совершенное довѣріе къ умѣреннымъ и консервативнымъ намѣреніямъ нашего августѣйшаго монарха, которыя доказаны столь убѣдительно прежними событіями, и мы имѣемъ полное право надѣяться, что инструкціи въ такомъ же смыслѣ будутъ сообщены великобританскимъ министерствомъ англійскому резиденту въ Константинополѣ.

«Что же касается до прочихъ двухъ великихъ европейскихъ державъ, вамъ извѣстно, что мы состоимъ съ ними въ тѣсномъ союзѣ, и потому было бы излишне сообщать вамъ, что между ихъ кабинетами и нашимъ существуетъ совершенное тождество видовъ и прочность взаимныхъ обязательствъ во всѣхъ главныхъ вопросахъ европейской политики. Это относится наипаче къ Австріи, которая, по своему географическому положенію, преимущественно передъ Пруссіею, можетъ оказывать дѣятельное вліяніе на дѣла Востока. Конечно, въ спорѣ, возникшемъ по поводу св. мѣстъ, Австрія, какъ держава католическая, не можетъ слишкомъ явно поддерживать права грекороссійскаго исповѣданія противъ притязаній католиковъ. Но вѣнскій кабинетъ, руководясь свойственною ему проницательностью, легко могъ усмотрѣть, что въ этомъ вопросѣ для Франціи шло дѣло не столько о религіозномъ сомнѣніи, сколько о политической цѣли, и мы должны были заключить, что Австрія, именно какъ держава католическая, никогда не признаетъ исключительнаго покровительства, которое домогается присвоить Франція надъ всѣми христіанами одного съ нею исповѣданія. А потому, нисколько не колеблясь, мы обратились къ Австріи съ такими же объясненіями, какія сообщены были нами Англіи, и съ просьбою дѣйствовать такимъ же образомъ въ Константинополѣ и Парижѣ. Мы должны отдать справедливость австрійскому правительству въ томъ, что оно предупредило наши желанія ихъ исполненіемъ. На-дняхъ полученные нами отзывы, совершенно самопроизвольные (entièrement spontanés) съ его стороны, убѣждаютъ насъ, что вѣнскій кабинетъ совершенно понялъ тайные виды французскаго правительства... Итакъ, мы имѣемъ вполнѣ право надѣяться, что ваша свѣтлость найдете въ уполномоченномъ вѣнскаго двора, искренно намъ

Digitized by Google

союзнаго (dans le mandataire d'une Cour notre Alliée la plus intime), совершенную взаимность содѣйствія, которая происходитъ отъ стремленія къ одной цѣли и желанія достигнуть однихъ и тѣхъ же результатовъ»... [1]).

Полагаясь такимъ образомъ на обѣщанія великобританскаго и австрійскаго правительствъ, мы не приняли во вниманіе ни зависимости англійскаго министерства отъ общественнаго мнѣнія, ни всегдашней тревоги Австріи насчетъ славянскихъ областей ея, прилежащихъ Дунайскимъ Княжествамъ, которыя, въ случаѣ войны на Востокѣ, должны были первыя подвергнуться вторженію русскихъ войскъ.

Адмиралъ князь Меншиковъ прибылъ въ Константинополь, 16-го (28-го) февраля 1853 года, на военномъ пароходѣ *Громоносецъ*, съ большою свитою, въ числѣ которой были—генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Корниловъ, генералъ-майоръ Непокойчицкій и проч. При выходѣ на берегъ, онъ былъ встрѣченъ всѣми чинами русской миссіи и множествомъ грековъ и другихъ христіанъ, которые сопровождали его до приготовленнаго для него помѣщенія въ домѣ русскаго посольства. Обычный церемоніалъ требовалъ, чтобы прежде всего онъ сдѣлалъ визитъ министру иностранныхъ дѣлъ Порты; но какъ занимавшій тогда должность, Фуадъ-эфенди, явно выказалъ, по дѣлу о св. мѣстахъ, недоброжелательство къ Россіи, то князь Меншиковъ далъ знать верховному визирю, что желаетъ имѣть съ нимъ *частное*, дружеское свиданіе и проситъ назначить для того день. Визирь, вѣроятно, не понявъ намѣренія посла—видѣть его за-просто, принялъ князя Меншикова со всѣми почестями, обычными при церемоніальныхъ посѣщеніяхъ. Посолъ, не предвидя такого недоразумѣнія, поѣхалъ къ визирю во фракѣ, сверхъ котораго на немъ было необходимое по тогдашнему времени года верхнее платье (пальто), и не снималъ его въ длинномъ нетопленомъ корридорѣ, полагая, что передъ пріемною залою есть передняя, либо какая другая комната, гдѣ можно будетъ снять верхнюю одежду. Но когда онъ дошелъ до конца корридора и приподнялась завѣса изъ чернаго сукна, за которою на порогѣ стоялъ верховный визирь въ парадномъ мундирѣ, Меншиковъ, прежде, нежели подойти къ нему, снялъ пальто и перекинулъ его черезъ лѣвую руку, а потомъ, сѣвъ на предложенное ему мѣсто въ углу софы, положилъ пальто подлѣ себя. Бесѣда съ визиремъ,

---

[1]) Инструкція, хранящаяся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Digitized by Google

незнавшимъ никакого изъ европейскихъ языковъ, продолжалась не болѣе четверти часа; однакоже посолъ успѣлъ сообщить ему, что, желая исполнить успѣшно данное императоромъ порученіе, не можетъ вести переговоровъ съ Фуадомъ, котораго недобросовѣстность и двуличіе постоянно обнаруживались въ сношеніяхъ съ русскою миссіей. Когда же визирь, по выходѣ князя Меншикова, провожавшій его по корридору, поравнявшись съ комнатою министра иностранныхъ дѣлъ, указалъ чрезъ драгомана на Фуада-эфенди, стоявшаго въ мундирѣ, посолъ прошелъ мимо, какъ-бы не замѣчая турецкаго министра. Такой рѣшительный поступокъ заставилъ Фуада-эфенди подать въ отставку, на что немедленно послѣдовало соизволеніе султана: случай до того времени безпримѣрный въ Турціи. На мѣсто Фуада, министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ Рифаатъ-паша, уже исправлявшій эту должность, а также бывшій прежде посланникомъ въ Вѣнѣ.

Нѣсколько дней спустя, 24-го февраля (8-го марта), князь Меншиковъ былъ принятъ султаномъ въ Чираганскомъ дворцѣ. Въ оффиціальной аудіенціи русскій посолъ, предъявивъ свою кредитивную грамату, сказалъ: «Императоръ, повелѣвъ мнѣ предстать предъ ваше величество, поручилъ, прежде всего, выразить его дружескія чувства къ вашей особѣ, а равно принимаемое имъ участіе въ благополучіи вашего царствованія и въ прочности Оттоманской имперіи. Затѣмъ, повелѣно мнѣ заняться упроченіемъ согласія и дружескаго сосѣдства обоихъ государствъ. Ваше величество можете быть увѣрены, что съ моей стороны будетъ сдѣлано все возможное къ достиженію этой цѣли, и что я считаю за счастье порученіе мнѣ данное—передать вашему величеству такія чувства моего Государя».

За этою аудіенціей непосредственно послѣдовала другая—приватная, при которой находились только рейсъ-эфенди (министръ иностранныхъ дѣлъ) и драгоманы (переводчики). Князь Меншиковъ вручилъ султану письмо нашего государя, слѣдующаго содержанія:

«Всепресвѣтлѣйшій и державнѣйшій государь, падишахъ Оттоманскій.

«Исполняю въ отношеніи вашего величества долгъ союзника и истиннаго друга, обращаясь къ вамъ съ этимъ письмомъ и посылая къ вашей особѣ моего генералъ-адъютанта, адмирала князя Меншикова, въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла. Облеченный вполнѣ моимъ довѣріемъ, онъ передастъ вашему величеству словесно чувства прискорбія и удивленія, мною

Digitized by Google

испытанныя при полученіи извѣстій о рѣшеніи, вами принятомъ въ послѣднее время по дѣлу о св. мѣстахъ въ Палестинѣ.

«Соблюдая добросовѣстно всѣ мои обязательства и договоры съ Оттоманскою Портою, всегда готовый помогать ей и скрѣплять болѣе и болѣе искренній союзъ, завѣщанный вашему величеству вашимъ славнымъ родителемъ, я не могу вѣрить, чтобы отвѣтомъ на мои чувства и намѣренія были уклоненія отъ данныхъ обѣщаній и такіе поступки, которые мнѣ прискорбны какъ другу, обидны какъ союзнику, и кои налагаютъ на меня, какъ Государя, весьма тяжкія обязанности.

«По всей вѣроятности, неопытные, либо неблагонамѣренные министры представили вашему величеству въ ложномъ видѣ положеніе дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ скрыли послѣдствія отмѣны, либо искаженія фирмана, утвержденнаго вашимъ хатти-шерифомъ (высочайшею грамотою), документами, которые, незадолго предъ симъ, сообщены турецкимъ министерствомъ представителю Россіи въ Константинополѣ.

«Я поручилъ моему послу обратить вниманіе вашего величества на эти послѣдствія, которыя вы еще имѣете возможность отклонить; съ своей стороны, желая предупредить ихъ, прошу васъ вѣрить словамъ его и обдумать, съ свойственною вашему величеству мудростью, предметъ моего нынѣшняго отзыва и важность рѣшенія по этому дѣлу.

«Весьма далекъ я, высокій и державный другъ, отъ намѣренія подвергнуть ваше правительство распрямъ съ другими державами, либо предложить вамъ нарушеніе какого-либо условія, основаннаго на трактатѣ, состоящемъ донынѣ въ силѣ и обязательномъ для Турціи.

«Но, съ другой стороны, въ нынѣшнемъ вопросѣ я долженъ совѣтовать вамъ сохраненіе правъ, освященныхъ вѣками, признанныхъ всѣми вашими славными предшественниками и подтвержденныхъ вами самими въ пользу православной церкви, которой догматы исповѣдуютъ многіе изъ состоящихъ подъ вашимъ владычествомъ христіанъ, а равно и наибольшая часть моихъ подданныхъ.

«Ежели сохраненіе сихъ правъ и документовъ, дарованныхъ вашею волею и верховною властью, повело бы къ какому-либо замѣшательству, или, еслибы вслѣдствіе того, ваши владѣнія были угрожаемы опасностью, то подобныя событія укрѣпили бы еще болѣе вашъ союзъ съ нами и повели бы къ соглашенію, которое положило бы конецъ требованіямъ и притязаніямъ, не-

Digitized by Google

совмѣстнымъ съ независимостью вашего правительства и съ внутреннимъ спокойствіемъ вашей имперіи.

«Позволяю себѣ надѣяться, что ваше величество, убѣдясь въ справедливости этихъ замѣчаній и въ искренности словъ моихъ, устранитъ съ твердостью коварные и недоброжелательные извѣты, имѣющіеся къ разрыву дружества и добраго сосѣдства, кои столь благополучно доселѣ существовали между нами.

«Въ ожиданіи того, прошу ваше величество принять увѣреніе въ моемъ высокомъ уваженіи и ненарушимой привязанности» [1]).

Письмо нашего государя, повидимому, достигло своей цѣли, сдѣлавъ сильное впечатлѣніе на султана. Замѣтивъ его смущеніе, Меншиковъ сказалъ ему, что хотя императоръ имѣлъ поводъ къ неудовольствію на турецкихъ министровъ, однако же не измѣнилъ своего всегдашняго дружескаго расположенія къ Турціи, и даже будетъ доволенъ увеличеніемъ сухопутныхъ и морскихъ силъ султана, съ цѣлью обезпечить независимость его монархіи [2]). Султанъ отвѣчалъ нашему послу въ такомъ смыслѣ, что если и произошли какія-либо недоразумѣнія, то безъ всякаго намѣренія съ его стороны. Затѣмъ, князь Меншиковъ откланился султану, испросивъ у него дозволеніе посѣтить давнишняго своего знакомаго стараго Хозрева-пашу.

Отставка Фуада-эфенди, обнаруживъ важность вліянія Россіи на Порту, возбудила неудовольствіе англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ, полковника Роза, который, въ разговорѣ съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, г. Озеровымъ, сказалъ ему: «Намѣренія вашего правительства по дѣламъ Турціи должны были предварительно быть извѣстны и, по выраженію депеши лорда Сеймура, одобрены великобританскимъ кабинетомъ. Я такъ объяснился съ турецкими министрами». Г. Озеровъ, обративъ вниманіе полковника Роза на неумѣстный терминъ *одобренія*, неупотребительный въ сношеніяхъ дворовъ, независимыхъ одинъ отъ другого, и предположивъ, что это, по всей вѣроятности, произошло отъ описки, ограничился отзывомъ, что

---

[1]) Письмо государя къ султану, отъ 24-го января 1853 года (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

[2]) „L'Empereur—ai-je ajouté—dont les ministres malintentionnés ont cherché à dénaturer la politique par des insinuations perfides, verrait non-seulement sans jalousie toutes les mesures qui tendraient à développer le bien-être de votre empire, mais éprouverait même une satisfaction réelle à voir V. M. augmenter ses forces de terre et de mer afin d'assurer l'indépendance de sa monarchie" (Изъ письма князя Меншикова графу Нессельроду, отъ 25-го февраля (9-го марта) 1853 года. Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Digitized by Google

«всякое постороннее вмѣшательство въ предстоящіе переговоры Россіи съ Турціею не могло послужить ни къ чему, а только усложнило бы положеніе дѣла, повергнувъ турокъ въ лабиринтъ сомнѣній и проволочекъ, вредныхъ для соглашенія, мирнаго, но сообразнаго съ достоинствомъ россійскаго правительства». Когда же полковникъ Розъ выразилъ мнѣніе, что Порта должна предоставить рѣшеніе вопроса о св. мѣстахъ переговорамъ Россіи съ Франціею, тогда князь Меншиковъ, узнавъ о томъ отъ г. Озерова, поручилъ ему передать англійскому дипломату, что, по убѣжденію нашего кабинета, согласно съ мнѣніемъ лорда Росселя, мы не могли согласиться на требованія французскаго правительства. Полковникъ Розъ, недовольствуясь этими объясненіями, настаивалъ на своихъ притязаніяхъ, что̀ заставило г. Озерова напомнить ему, что представители великихъ державъ, искренно дружественныхъ Турціи, неоспоримо должны стремиться къ одной и той же цѣли, не расходясь между собою въ мнѣніяхъ на счетъ важнаго и непремѣннаго основанія—сохраненія Оттоманской имперіи, которое всегда соблюдалось русскимъ правительствомъ; но что дѣйствія различныхъ миссій совершенно свободны, и что мы не могли допустить никакого вмѣшательства по вопросамъ, касающимся особенно нашего правительства.

Великобританскій повѣренный въ дѣлахъ снова отнесся къ г. Озерову, настаивая на сообщеніи инструкцій данныхъ князю Меншикову, но встрѣтивъ такой же отпоръ, просилъ, чтобы переговоры, порученные нашему послу, были отложены до предстоящаго вскорѣ прибытія лорда Редклифа. Въ отвѣтъ на такое предложеніе, Озеровъ сказалъ ему, что напротивъ того, князь Меншиковъ долженъ стараться исполнить какъ можно поспѣшнѣе порученіе своего государя [1]).

Вслѣдъ затѣмъ, повѣренный въ дѣлахъ Франціи, г. Бенедетти, посѣтивъ князя Меншикова, старался склонить его къ соглашенію по вопросу о св. мѣстахъ и выразилъ мнѣніе, что ежели Порта, по настоянію чрезвычайнаго русскаго посла, отмѣнитъ уступки сдѣланныя въ пользу Франціи, то французское правительство будетъ поставлено въ безвыходное положеніе (dans une position inacceptable). Князь Меншиковъ отвѣчалъ, что ему не поручено вести переговоры о св. мѣстахъ съ французскимъ посольствомъ. Когда же Бенедетти завелъ рѣчь о вооруженіяхъ Россіи, которыя, по словамъ его—устрашали Порту и обезпокои-

[1]) Изъ письма князя Меншикова графу Нессельроду, отъ 25-го февраля (9-го марта) 1853 г. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Digitized by Google

или прочія державы, русскій посолъ сказалъ, что «вѣроятно,—кабинеты ихъ объяснятся о томъ между собою»,—и прибавилъ, что «движеніе Омера-паши съ 50-ю тысячами человѣкъ къ австрійскимъ границамъ [1]), присутствіе въ его арміи иностранныхъ революціонеровъ и покушеніе турокъ овладѣть Черногоріею, вполнѣ оправдывали мѣры нами принятыя для собственной безопасности».

10-го (22-го) марта, князь Меншиковъ, приступивъ къ переговорамъ, имѣлъ совѣщаніе съ Рифаатъ-пашею въ его домѣ; при этой бесѣдѣ находились логоѳетъ (патріаршій секретарь) Аристархи и драгоманъ Порты Нуреддинъ-бей. Изложивъ наканунѣ турецкому министру оскорбленія, нанесенныя его правительствомъ Россіи, Меншиковъ вручилъ ему ноту, съ приложеніемъ проекта окончательнаго рѣшенія Порты по вопросу о св. мѣстахъ; въ этомъ проектѣ были изложены слѣдующія требованія русскаго правительства: во-первыхъ, чтобы полученный католиками ключъ отъ виѳлеемской церкви не давалъ имъ права на владѣніе большимъ престоломъ храма, и чтобы не было сдѣлано никакого измѣненія въ существовавшемъ доселѣ порядкѣ богослуженія, въ часахъ на то ежедневно опредѣленныхъ и въ охраненіи главнаго входа греческимъ духовнымъ, по древнему обычаю. Во-вторыхъ, чтобы звѣзда, вновь поставленная въ виѳлеемскомъ вертепѣ, была объявлена дарованною отъ щедротъ султана и не давала католикамъ никакого новаго права. Въ-третьихъ, чтобы въ Геѳсиманіи первенство осталось за греками и очередь въ богослуженіи соблюдалась, какъ предлагалъ патріархъ іерусалимскій, именно: чтобы отъ восхода солнца первые четыре часа служили греки и армяне, а потомъ два или три часа—католики, при чемъ, когда настанетъ время католикамъ приступить къ божественной службѣ, врата храма будутъ открыты и все нужное для греческаго церковнаго служенія должно быть убрано. Въ-четвертыхъ, чтобы виѳлеемскіе сады, по точному смыслу фирмана, основанному на древнихъ и новѣйшихъ документахъ, были во владѣніи обѣихъ сторонъ, безъ всякаго преимущества въ пользу латинской церкви. Въ-пятыхъ, ежели дарованы какія-либо новыя права католикамъ, намъ неизвѣстныя, то они отмѣняются. Въ-шестыхъ, блистательная Порта исполнитъ свое обѣщаніе насчетъ разрушенія гаремовъ, загромождающихъ террасы гроба Господня. Въ-седьмыхъ, какъ хатти-шерифъ (высочайшая гра-

[1]) Незадолго предъ тѣмъ Омеръ-паша съ сильнымъ турецкимъ корпусомъ былъ направленъ противъ Черногоріи.

Digitized by Google

мота), дарованный въ сентябрѣ 1841 года, не былъ отмѣненъ никакимъ послѣдующимъ указомъ, а напротивъ, въ подтвержденіе его хатти-гумаюнъ (августѣйшая грамата), въ концѣ января ст. ст. 1852 года, то древнія права грековъ на обновленіе большого купола должны быть формально признаны. Пособіе, пожалованное на сей предметъ отъ щедротъ султана, въ пользу его православныхъ подданныхъ, долженствуетъ упрочить дарованныя имъ права, и потому надзоръ за обновленіемъ купола будетъ порученъ патріарху іерусалимскому, либо назначеннымъ отъ него лицамъ. Въ-восьмыхъ, всѣ святыни, кои, на основаніи существующаго порядка (statu quo), должны быть предоставлены грекамъ, будутъ обозначены съ такою опредѣлительностью, чтобы впредь не было повода къ какимъ-либо притязаніямъ другихъ христіанскимъ общинъ.

Князь Меншиковъ, сообщивъ этотъ документъ Рифаатъ-пашѣ, сказалъ ему, что опытъ прошедшихъ событій поставляетъ наше правительство въ прискорбную необходимость искать для сохраненія дружественныхъ сношеній съ Портою ручательство болѣе прочное, нежели обѣщанія, столь часто нарушаемыя, и увѣренія остающіяся безъ исполненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вручилъ турецкому министру, въ переводѣ на турецкій языкъ, проектъ конвенціи сообразно съ инструкціей, ему данною при отправленіи его изъ Петербурга въ Константинополь.

На слѣдующій день, Рифаатъ-паша, въ разговорѣ съ первымъ драгоманомъ нашей миссіи, г. Аргиропуло, сказалъ насчетъ вопроса о св. мѣстахъ, что по разсмотрѣніи этого дѣла въ совѣтѣ оно будетъ представлено на утвержденіе султана, и рѣшеніе его сообщено французскому резиденту. «Что же касается до конвенціи — продолжалъ Рифаатъ — то едвали намъ удастся побѣдить препятствія, которыя не позволяютъ намъ принять ее, и все-таки я принужденъ сознаться въ томъ, что, по моему искреннему убѣжденію, вы правы. Наше вмѣшательство и наши происки въ дѣлахъ греческаго духовенства, наша экспедиція противъ черногорцевъ, и проч. не могутъ быть оправданы, а неловкость Аали-паши, признавшаго силу французскаго договора, довела насъ до требованія конвенціи русскимъ правительствомъ. Меня не страшатъ предлагаемыя вами условія: они не заключаютъ въ себѣ ничего чрезвычайнаго, но будучи предложены въ такой формѣ, едвали могутъ быть нами приняты» [1]).

---

[1]) Изъ письма князя Меншикова графу Нессельроду отъ 14-го (26-го марта), 1853 г. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Digitized by Google

Въ слѣдующемъ совѣщаніи князя Меншикова съ Рифаатъ-пашею 19-го (31-го) марта, турецкій министръ изъявилъ согласіе на всѣ наши требованія по вопросу о св. мѣстахъ, за исключеніемъ слѣдующихъ: турецкія власти, согласно съ католиками, желали, чтобы въ Геѳсиманіи каждая изъ христіанскихъ общинъ пользовалась правомъ отправлять божественную службу *два дня въ недѣлю*, а князь Меншиковъ настаивалъ, чтобы соблюдалась очередь, предложенная патріархомъ іерусалимскимъ, т.-е., чтобы служба отправлялась каждою общиною, *въ извѣстные часы, ежедневно:* послѣ долгаго спора, положено принять это условіе къ рѣшенію въ будущемъ (ad referendum). Насчетъ обновленія большого купола, турецкіе министры, предлагая исполнить эту работу на счетъ султана, домогались, чтобы внутри купола не было ни образовъ, ни надписей, потому что куполъ—по словамъ ихъ — принадлежалъ вообще всему христіанству, а не греческому исповѣданію. Князь Меншиковъ не согласился на то, ссылаясь на фирманъ 1841 года, коимъ повелѣно обновить куполъ въ настоящемъ его положеніи; что же касается до права на куполъ вообще всѣхъ христіанскихъ общинъ, онъ объявилъ, что оно не отмѣняетъ издревле признаннаго права грековъ на эту святыню. Не могли согласиться тоже на счетъ надзора патріарха за работами обновленія купола. Вообще вопросъ о куполѣ остался нерѣшеннымъ. Наконецъ — послѣднее условіе, о соблюденіи точнаго statu quo (прежняго порядка) было только слегка затронуто, потому что совѣщаніе уже продолжалось около семи часовъ [1]).

Князь Меншиковъ былъ вполнѣ увѣренъ, что Порта согласится принять всѣ наши предложенія по дѣлу о св. мѣстахъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, насчетъ коихъ нетрудно будетъ сойтиться съ турецкими министрами. Не то думалъ онъ о прибывшихъ въ началѣ апрѣля новаго стиля въ Константинополь послахъ западныхъ державъ, лордѣ Стратфордѣ, Редклифѣ и де-Лакурѣ, хотя, прежде свиданія съ послѣднимъ, въ бесѣдѣ съ Редклифомъ (который посѣтилъ его на другой день по прибытіи въ Константинополь), отозвался о французскомъ посланникѣ, какъ о сговорчивомъ человѣкѣ. Редклифъ, не выразивъ на этотъ счетъ своего мнѣнія, завелъ рѣчь о св. мѣстахъ и сказалъ, что не слѣдовало бы затрогивать вопросъ о куполѣ, потому что онъ находился въ довольно удовлетворительномъ состояніи и могъ обой-

[1]) Изъ письма князя Меншикова графу Нессельроду, отъ 24-го марта (5-го апрѣля) 1853 г. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Digitized by Google

тись безъ починки лѣтъ семь. Князь Меншиковъ не принялъ этого предложенія и вскорѣ послѣ того узналъ, что Редклифъ совѣтовалъ верховному визирю угождать паче всего императору Наполеону, котораго пылкость и своенравіе могли быть весьма вредны для Порты, но и не оставлять безъ вниманія справедливыхъ требованій Россіи. Вообще же весьма замѣтно было, что Редклифъ побывалъ въ Парижѣ, гдѣ его приняли съ большимъ почетомъ. По словамъ князя Меншикова—турки были довольно сговорчивы на счетъ св. мѣстъ, но опасались связать себя конвенціею, и чтобы избѣжать того, султанъ — (какъ увѣрялъ самъ верховный визирь)—готовъ былъ писать къ нашему государю въ покорномъ тонѣ, послать миссію съ извиненіемъ и обратиться къ великодушію императора. Князь Меншиковъ, предвидя большія трудности въ исполненіи даннаго ему порученія, былъ намѣренъ дѣйствовать постепенно: сперва ограничиваясь рѣшеніемъ дѣла о св. мѣстахъ, потомъ хотѣлъ потребовать объяснительный фирманъ, стараясь включить въ сей документъ условіе объ учрежденіи русскаго странноприимнаго дома въ Іерусалимѣ, и наконецъ приступить къ переговорамъ о ручательствѣ въ будущемъ.

«По всей вѣроятности—писалъ князь Меншиковъ—мнѣ откажутъ въ сенедѣ (правительственномъ указѣ), чтобы не поссориться съ Франціей, и тогда я употреблю всевозможныя усилія, чтобы заключить конвенцію».

Затѣмъ князь Меншиковъ предложилъ на разрѣшеніе канцлера графа Нессельрода слѣдующіе вопросы: «Должно ли доводить настоянія до прекращенія дипломатическихъ сношеній съ Портою? Можно ли довольствоваться нотою, либо другимъ документомъ, вмѣсто формальнаго трактата? Въ случаѣ разрыва, согласно ли будетъ съ видами императорскаго кабинета, объявить Портѣ, что всякое нарушеніе льготъ восточной церкви, противное смыслу кайнарджискаго трактата, заставитъ Россію требовать отъ Порты удовлетвореніе средствами, кои будутъ прискорбны императору, какъ по дружбѣ его къ султану, такъ и по всегдашнему сочувствію къ Оттоманской Портѣ, но кои обязательны для него, какъ православнаго государя».

Тогда же князь Меншиковъ сообщилъ, что безъ поддержанія нашихъ требованій силою (sans une crise de contrainte), трудно императорской миссіи снова имѣть такое вліяніе на Диванъ, какимъ она пользовалась въ прежнее время [1]).

---

[1]) Изъ письма князя Меншикова графу Нессельроду, отъ 29-го марта (10-го апрѣля) 1853 г. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Digitized by Google

Какъ министерство Порты сообщило французскому посольству всѣ статьи по дѣлу о св. мѣстахъ, насчетъ коихъ Рифаатъ-паша согласился съ княземъ Меншиковымъ, то русскій посолъ счелъ нужнымъ объясниться о томъ съ де-Лакуромъ. Главные предметы совѣщанія между ними были:

Во-первыхъ, *вифлеемская церковь*. На изъявленіе французскимъ министромъ опасенія, что привратникъ изъ греческихъ духовныхъ станетъ затруднять входъ чрезъ главныя врата латинскому духовенству, при чемъ де-Лакуръ выразилъ желаніе, чтобы привратникъ былъ изъ католиковъ,—князь Меншиковъ отвѣчалъ, что вифлеемская святыня есть церковь греческаго монастыря, и потому привратникъ долженъ быть того же исповѣданія. Къ тому же—сказалъ Меншиковъ—католики не пользуются правомъ отправлять богослуженіе въ этой церкви, да и не имѣютъ въ томъ надобности, потому что у нихъ въ своемъ монастырѣ есть большая церковь.

Во-вторыхъ, *порядокъ, предложенный патріархомъ іерусалимскимъ, для отправленія божественной службы общинами разныхъ исповѣданій въ гефсиманской пещерѣ*. Коммисаръ Порты въ Іерусалимѣ Афифъ-бей, по совѣщаніи съ латинскимъ духовенствомъ, безъ участія православныхъ, постановилъ, чтобы греки, армяне и католики вели очередь между собою по днямъ, такъ чтобы на каждую общину приходилось по два дня въ недѣлю. Г. де-Лакуръ отстаивалъ это распоряженіе и не допускалъ первенства грековъ, какъ посягательства на права католиковъ. Съ своей стороны, князь Меншиковъ возразилъ, что веденіе очереди по днямъ лишило бы многихъ православныхъ богомольцевъ возможности слушать литургію ежедневно, и сократило бы число дней, въ которые отправляется служба, съ 365-ти на 120 дней въ годъ; что же касается первенства грековъ, они имѣли на то право, какъ первоначально владѣвшіе святынею, въ которую католики получили доступъ недавно. Въ подтвержденіе своихъ словъ, Меншиковъ прибавилъ, что на такомъ же основаніи мы не требуемъ первенства въ храмѣ Вознесенія, куда греки были допущены позже католиковъ. Французскій посолъ оспаривалъ князя Меншикова, ссылаясь на мнимое первенство римской церкви, на что Меншиковъ возразилъ замѣчаніемъ, что на почвѣ права мы не могли придти къ соглашенію, и что мы имѣли также права свои; поэтому—прибавилъ онъ—слѣдовало принять за основаніе факты и statu quo (настоящее положеніе дѣла), и для избѣжанія затрудненій соглашался, чтобы въ указѣ Порты было выпущено слово *первенство*, а сказано, что греки будутъ имѣть въ своемъ

Digitized by Google

распоряженіи съ восхода солнца опредѣленное число часовъ, по прошествіи котораго могутъ отправлять божественную службу католики. Французскій посолъ, не сказавъ ничего на это предложеніе, принялъ его *ad referendum*.

Въ-третьихъ, *обновленіе купола святыни гроба Господня, подъ наблюденіемъ греческаго патріарха*. Латинское духовенство постоянно противилось этому обновленію, домогаясь, чтобы нынѣшніе образа, написанные внутри купола, были замѣнены другими, католическими, съ латинскими надписями. Въ отвѣтъ на такое необычайное требованіе, князь Меншиковъ возразилъ, что неотлагательное исправленіе купола необходимо только въ кровлѣ свода, гдѣ нѣтъ ни образовъ, ни надписей. Такимъ образомъ удалось устранить это затрудненіе; напротивъ того, условіе о надзорѣ патріарха встрѣтило сопротивленіе со стороны де-Лакура, но, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ княземъ Меншиковымъ, французскій посолъ наконецъ согласился, чтобы при обновленіи купола, все осталось въ прежнемъ видѣ, и чтобы патріархъ іерусалимскій имѣлъ право не допускать никакого нововведенія въ архитектурѣ свода. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Меншиковъ продолжалъ настойчиво домогаться отъ Порты окончательнаго рѣшенія по дѣлу о св. мѣстахъ и совѣщался съ Рифаатъ-пашею насчетъ объяснительнаго фирмана, котораго черновой проектъ условлено сообщить предварительно русскому посольству. Слѣдствіемъ переговоровъ съ турецкимъ министромъ была словесная нота князя Меншикова, отъ 7-го (19-го) апрѣля, заключавшая въ себѣ слѣдующія требованія нашего правительства:

Объяснительный фирманъ, съ указаніемъ: во-1-хъ, что ключъ виѳлеемской церкви и возобновленіе серебряной звѣзды на алтарѣ Рождества Господня не даютъ католикамъ никакихъ преимуществъ надъ христіанами другихъ исповѣданій; во-2-хъ, что дозволеніе католикамъ отправлять божественную службу въ гефсиманскомъ вертепѣ не отмѣняетъ первенства (préséance) православныхъ и права ихъ отправлять первыми церковныя требы въ семъ храмѣ (et leur priorité pour la célébration du service Divin dans ce Sanctuaire), и въ-3-хъ, что греки будутъ владѣть совмѣстно съ католиками виѳлеемскими садами.

Повельніе султана—немедленно исправить, на счетъ государственной турецкой казны, куполъ храма Гроба Господня, съ участіемъ греческаго патріарха, безъ вмѣшательства уполномоченныхъ отъ другихъ христіанскихъ общинъ; заградить стѣною слуховыя окна, выходящія на эту святыню, и разрушить, если окажется удобно, гаремы прилежащіе къ храму.

Digitized by Google

Сенедъ (правительственный указъ), или конвенцію, въ обезпеченіе точнаго statu quo (соблюденія) привилегій восточной церкви и святынеи, принадлежащихъ грекамъ въ Іерусалимѣ, исключительно, либо совмѣстно съ прочими христіанскими общинами.

Въ заключеніе совѣщанія съ турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, князь Меншиковъ повторилъ, что Россія не требуетъ отъ Порты никакихъ политическихъ уступокъ, и что единственное желаніе нашего государя заключается въ томъ, чтобы успокоить религіозныя сомнѣнія своихъ единовѣрцевъ увѣренностью въ сохраненіи того, что́ есть, и что́ соблюдалось до нашего времени.

Между тѣмъ Редклифъ, при свиданіи съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ г. Озеровымъ, выразилъ ему свою радость о соглашеніи по дѣлу о святыхъ мѣстахъ между княземъ Меншиковымъ и де-Лакуромъ, и не скрылъ, что и онъ, съ своей стороны, настойчиво убѣждалъ турокъ приступить по возможности скорѣе къ заключенію, т.-е. къ фирману: «Мнѣ сказывали—продолжалъ онъ—что онъ уже готовъ и будетъ вамъ сообщенъ въ нотѣ, составленной въ самыхъ приличныхъ выраженіяхъ, которую—надѣюсь—вы примете съ довѣріемъ въ будущемъ».

Замѣтивъ невольный жестъ сомнѣнія со стороны г. Озерова, Редклифъ продолжалъ, съ видимымъ оттѣнкомъ нетерпѣнія: «Я знаю, что вы хотите развязки болѣе важной (un dénouement plus solennel): это—ни благоразумно, ни справедливо. Положеніе ваше, по сочувствію къ вамъ христіанъ, подданныхъ Турціи, всегда будетъ внушать подозрѣнія. Всякій одержанный вами на этой почвѣ успѣхъ возбудитъ недовѣріе не только Порты, но и всѣхъ насъ, людей Запада. Если вы желаете исправить какое-либо нарушеніе заключенныхъ съ вами трактатовъ, требуйте, и, безъ сомнѣнія, вы получите немедленное удовлетвореніе; но если вы домогаетесь новыхъ правъ, то встрѣтите сильное противодѣйствіе и вооружите противъ себя коалицію... Скажу вамъ прямо, слишкомъ тѣсная дружба между вами и Турціею возбудитъ столько же подозрѣній въ Европѣ, сколько разрывъ, который повлечетъ за собою войну».

Г. Озеровъ былъ совершенно готовъ къ пылкой выходкѣ англійскаго дипломата, узнавъ отъ повѣреннаго въ дѣлахъ Австріи, г. Клецля (Kletzl), о сообщенномъ ему въ откровенной бесѣдѣ Редклифомъ намѣреніи западныхъ державъ—поддерживать Турцію. Редклифъ старался вывѣдать у Клецля, какъ думаетъ поступить австрійское правительство въ случаѣ войны Англіи и Франціи съ Россіею; но Клецль прервалъ его разспросы, ска-

Digitized by Google

залъ на-отрѣзъ, что на основаніи полученныхъ имъ отъ своего двора инструкцій онъ долженъ настойчиво побуждать Порту къ согласію на наши требованія. Такимъ образомъ, Озеровъ, зная сокровенные замыслы западныхъ державъ и пользуясь коротким знакомствомъ съ лордомъ Редклифомъ, рѣшился объясниться съ нимъ откровенно, выразивъ скорбь, которую причинялъ ему образъ мыслей великобританскаго посла о нашихъ дѣлахъ съ Турціею. «Нѣтъ ничего удивительнаго—сказалъ онъ—что газеты позволяютъ себѣ язвительные отзывы о мнимыхъ захватахъ Россіи, но мы не ожидали встрѣтить такую же недовѣрчивость къ нашему правительству въ представителѣ державы, имѣющей столь несомнѣнные доводы великодушныхъ намѣреній нашего августѣйшаго Государя. Гдѣ же воспоминанія нашей послѣдней войны съ Турціей? Какія непомѣрныя выгоды получили мы по адріанопольскому трактату? Что доставили одержанные нами блистательные успѣхи? Что пріобрѣли мы отъ сочувствія православныхъ народовъ? Гораздо лучше поступили бы вы, побудивъ Турцію къ избѣжанію разрыва съ Россіею. Ежели сочувствіе къ намъ христіанъ, подданныхъ султана, наводящее столько опасеній, существуетъ въ дѣйствительности, то не безразсудно ли въ высшей степени возбуждать и усиливать его? Неужели тогда, когда чужеземное вмѣшательство въ дѣла Турціи столь очевидно, нашъ Государь будетъ лишенъ права выражать открыто свое участіе въ дѣлѣ религіи, исповѣдуемой имъ вмѣстѣ съ большею частью его подданныхъ?». Эти доводы Озерова были такъ убѣдительны, что Редклифъ принужденъ былъ сознаться въ неосновательности своихъ опасеній. Тѣмъ не менѣе, однако же, князь Меншиковъ, которому извѣстны были всѣ происки англійскаго посла, полагалъ, что «Порта, болѣе нежели когда-либо, предана слѣпо внушеніямъ лорда Стратфорда, что турецкіе министры сообщаютъ ему въ подробности все, что касается до нашихъ переговоровъ, и что великобританскій посолъ, принимая, на себя явно роль миротворца, побуждаетъ втайнѣ Диванъ противиться намъ въ самомъ важномъ изъ нашихъ требованій» [1]).

Таково было положеніе дѣлъ въ Константинополѣ при полученіи княземъ Меншиковымъ новыхъ инструкцій изъ Петербурга. Графъ Нессельродъ, сообщивъ ему волю государя—сообразаться съ точнымъ смысломъ инструкціи ему данной при отправленіи его въ Константинополь, писалъ, что императоръ все еще на-

[1]) Письмо князя Меншикова графу Нессельроду, отъ 4-го (16-го) и 14-го (26-го) апрѣля 1853 г. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Digitized by Google

дѣется получить отъ Порты должное удовлетвореніе за вѣроломство и неуваженіе къ Россіи въ дѣлѣ о св. мѣстахъ, и ручательство въ будущемъ заключеніемъ конвенціи, въ томъ видѣ, въ какомъ нашъ посолъ былъ уполномоченъ принять ее. Въ случаѣ же отказа въ удовлетвореніи и ручательствѣ, повелѣно было князю Меншикову, сообразно съ содержаніемъ данной ему при отъѣздѣ инструкціи, *назначить министрамъ султана трехдневный срокъ для принятія нашихъ предложеній, изложенныхъ въ его послѣднемъ отзывѣ Рифаатъ-паши*, и по минованіи этого срока, безъ точнаго, удовлетворительнаго отвѣта, объявить данное ему порученіе оконченнымъ и уѣхать изъ Константинополя [1]).

Еще до полученія этихъ инструкцій княземъ Меншиковымъ, Рифаатъ-паша сообщилъ ему объ утвержденіи султаномъ двухъ фирмановъ: одного объяснительнаго, по поводу хатти-шерифа 1852 года о св. мѣстахъ, на которыя изъявляли притязаніе католики, и другого, насчетъ обновленія большого купола церкви гроба Господня. На основаніи перваго изъ сихъ фирмановъ почти все, по нашему желанію, было оставлено безъ измѣненія (in statu quo). Для окончательнаго соглашенія съ Портою, оставалось намъ заключить договоръ, который обезпечивалъ бы наши права въ будущемъ. Князь Меншиковъ, убѣдясь въ рѣшительномъ нежеланіи турокъ подписать конвенцію въ такомъ видѣ, въ какомъ она была составлена въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, измѣнилъ нѣсколько ея форму и предложилъ Рифаатъ-пашѣ вновь составленный имъ проектъ, въ формѣ сенеда (указа), въ которомъ были исключены нѣкоторыя мѣста, возбуждавшія сомнѣніе въ совѣтникахъ Порты. Такъ, напр., въ этомъ проектѣ была вовсе выпущена статья 1-я, которою давалось русскимъ резидентамъ въ Константинополѣ право ходатайства въ пользу греко-россійской церкви и православнаго духовенства; а въ замѣну того, въ статьѣ 6-й, сказано, что «всѣ предшествовавшіе договоры Россіи съ Портою, утвержденные отдѣльнымъ актомъ адріанопольскаго трактата, остаются во всей своей силѣ». Слѣдовательно — по точному смыслу этой статьи — Порта «дозволила министрамъ россійскаго императорскаго двора дѣлать по всѣмъ обстоятельствамъ въ пользу какъ воздвигнутой въ Константинополѣ церкви, такъ и служащихъ оной разныя представленія, и обѣщала принимать оныя въ уваженіе, яко чинимыя

[1]) Изъ писемъ графа Нессельрода князю Меншикову, отъ 31-го марта (11-го) апрѣля ст. ст. 1853 г. (Архивъ министер. иностран. дѣлъ.)

Digitized by Google

довѣренною особою сосѣдственной и искренно-дружественной державы» (Трактата, заключеннаго въ Кучукъ-Кайнарджи, статья 7-я). Статьи 2-я и 3-я прежняго проекта, относящіяся къ порядку выбора и правамъ патріарховъ константинопольскаго, антіохійскаго, александрійскаго и іерусалимскаго, замѣнены 2-ю статьею новаго проекта, гдѣ сказано: «права и преимущества, дарованныя оттоманскимъ правительствомъ, а равно и тѣ, которыя будутъ дарованы впредь прочимъ христіанскимъ исповѣданіямъ трактатами, конвенціями и особыми распоряженіями блистательной Порты, будутъ считаться также принадлежащими православному исповѣданію». Въ статьѣ 3-й новаго проекта, замѣнившей статью 4-ю прежняго, насчетъ покровительства іерусалимской православной церкви турецкимъ правительствомъ, вмѣсто словъ: «Блистательная Порта обязывается передъ россійскимъ императорскимъ дворомъ (la Sublime Porte s'engage vis-a-vis la Cour Impériale de Russie), и проч.» сказано: «Блистательная Порта, заботясь о религіозныхъ убѣжденіяхъ своихъ подданныхъ, исповѣдующихъ это ученіе [1]), которыхъ набожность была встревожена различными событіями, обѣщаетъ и пр.». Князь Меншиковъ не отважился сдѣлать болѣе существенныхъ измѣненій въ полученномъ имъ при отъѣздѣ изъ Петербурга проектѣ конвенціи, тѣмъ болѣе, что, состоя въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ съ канцлеромъ, опасался, чтобы уклоненіе отъ составленныхъ имъ инструкцій не было выставлено предъ государемъ въ видѣ произвольнаго толкованія высочайшей воли.

Князь Меншиковъ, сообщая проектъ сенеда Рифаатъ-пашѣ, 23-го апрѣля (5-го мая), писалъ ему:

«Въ этомъ актѣ, возраженія и заключенія, сдѣланныя въ различное время его п-вомъ Рифаатъ-пашею и нѣкоторыми изъ прочихъ министровъ Порты, приняты во вниманіе, что явствуетъ изъ чернового прежняго сенеда, прилагаемаго къ настоящей нотѣ.

«Князь Меншиковъ ласкаетъ себя надеждою, что отнынѣ впредь справедливыя ожиданія его августѣйшаго Государя не будутъ обмануты, и что блистательная Порта, оставя всякое колебаніе и недовѣріе, оскорбительныя для сана и великодушныхъ чувствъ нашего Монарха, сообщитъ неотлагательно императорской миссіи верховное рѣшеніе его величества султана по сему предмету. Въ надеждѣ на то, россійскій посолъ проситъ его п-во Рифаатъ-пашу удостоить его отвѣтомъ не позже 28-го апрѣля (10-го мая). Дальнѣйшее же отлагательство онъ сочтетъ неува-

[1]) Греко-россійской церкви.

Digitized by Google

женіемъ къ своему правительству, что̀ возложило бы на него самыя тяжкія обязанности».

Въ отвѣтъ на ноту князя Меншикова послѣдовалъ, ввечеру 28-го апрѣля (10-го мая), отзывъ Рифаатъ-паши, въ которомъ турецкій министръ, изъявляя готовность султана удовлетворить требованіямъ Россіи и обезпечить права и преимущества греческой церкви, писалъ, что ручательства, въ видѣ присланнаго къ нему проекта сенеда, несовмѣстны съ верховными правами султана. Такой отзывъ былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ аудіенціи, испрошенной лордомъ Редклифомъ у султана, въ которой англійскій министръ, одобривъ возбужденное имъ самимъ сопротивленіе Дивана требованіямъ Россіи, выразилъ мнѣніе, что, по всей вѣроятности, князь Меншиковъ оставитъ со всею русскою миссіею Константинополь, и что, быть можетъ, русскія войска временно займутъ Дунайскія Княжества; но что императоръ Николай не рѣшится объявить войну, потому что это не согласовалось бы съ его торжественными увѣреніями и вооружило бы противъ него всю Европу. «Въ случаѣ же дѣйствительной опасности, сказалъ Редклифъ, — мнѣ разрѣшено потребовать отъ командующаго морскими силами ея величества въ Средиземномъ морѣ, чтобы онъ прибылъ сюда со всею своею эскадрою» [1]).

Князь Меншиковъ, сообщивъ, 29-го апрѣля (11-го мая), о непринятіи отзыва Рифаатъ-паши за отвѣтъ на посланную ему, 23-го апрѣля (5-го мая), ноту, поставилъ на видъ турецкому министру важность послѣдствій его поступка, и давъ ему новый срокъ, до 2-го (14-го) мая, для отвѣта сообразнаго съ достоинствомъ державы, которой былъ представителемъ, предупредилъ его, что, въ случаѣ отказа или замедленія въ исполненіи этого требованія, будетъ считать порученіе свое оконченнымъ и дипломатическія сношенія между Россіей и Портою прерванными [2]).

На слѣдующій день, Рифаатъ-паша предложилъ князю Меншикову съѣхаться въ пятницу 1-го (13-го) мая, для совѣщанія, на дачу верховнаго визиря. Русскій посолъ изъявилъ согласіе на это свиданіе, но потерявъ всякое довѣріе къ оттоманскому кабинету и въ особенности къ визирю, рѣшился обратиться прямо къ султану и испросить у него аудіенцію. Султанъ по пятницамъ посѣщалъ мечеть, и потому князь Меншиковъ, не надѣясь быть принятымъ прежде субботы, переѣхалъ на пароходъ *Громоносецъ*.

---

[1]) L. W. Kinglake, The invasion of the Crimea. Leipzig. 1863. Г. 171.

[2]) Нота князя Меншикова, отъ 11-го мая н. ст. 1853 г. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Digitized by Google

Но въ пятницу, около 11-ти часовъ утра, получивъ неожиданно увѣдомленіе, что султанъ ждетъ его, посолъ отправился къ нему во дворецъ. При этой аудіенціи находились только первый драгоманъ русской миссіи и адъютантъ султана Одгемъ-паша. Вначалѣ князь Меншиковъ изложилъ всѣ поводы къ неудовольствію, поданные нашему правительству Портою, и высказалъ необходимость дать его величеству императору вѣрныя ручательства въ соблюденіи преимуществъ православнаго исповѣданія турецкимъ правительствомъ. «Воля моего Государя по этому дѣлу непоколебима — сказалъ онъ — его расположеніе къ Оттоманской Портѣ, недопускающее и тѣни помышленія о преобладаніи, требуетъ формальнаго опроверженія злорадливыхъ толковъ о его намѣреніяхъ. Онъ домогается яснаго доказательства вашей довѣренности. Никогда мой августѣйшій Государь не думалъ, какъ доносили вашему величеству, мѣшаться въ дѣла между вами и вашими подданными. Какъ въ мирное, такъ и въ военное время, онъ воздерживался отъ призыва къ столь естественному сочувствію своихъ единовѣрцевъ въ Турціи. Агенты его величества всегда склоняли ихъ къ слѣпому повиновенію верховной власти, и въ настоящихъ обстоятельствахъ, мой августѣйшій Государь, желая согласить свою высокую набожность и свои религіозныя убѣжденія съ поддержаніемъ и утвержденіемъ вашей монархіи, обращается единственно къ могуществу и справедливости вашего величества, чтобы обезпечить и охранить подъ вашею защитою вѣковыя льготы и преимущества православнаго исповѣданія».

Султанъ, видимо смущенный рѣчью русскаго посла, изъявилъ свое искреннее желаніе возстановить сердечное и прочное согласіе съ своимъ августѣйшимъ союзникомъ, а равно увѣренность въ безкорыстныхъ видахъ нашего правительства.

Затѣмъ, князь Меншиковъ обратилъ вниманіе султана на опасный оборотъ, данный его совѣтниками переговорамъ, отчего дѣло, которое могло прямо уладиться между двумя дружественными государями, превратилось въ вопросъ европейскій. Онъ представилъ Турцію, подобно Греціи, Бельгіи и другимъ мелкимъ государствамъ, подчиненною оффиціально ареопагу великихъ державъ и управляемою протоколами, имѣющими силу формальныхъ трактатовъ. Султанъ, казалось, былъ пораженъ столь мрачною картиною положенія его имперіи. Въ заключеніе аудіенціи, Меншиковъ испрашивалъ опредѣлительнаго отвѣта и не скрылъ тягостныхъ послѣдствій дальнѣйшей проволочки дѣла. Султанъ, благосклонно выслушавъ его, обѣщалъ дать ему отвѣтъ на другой или на третій день. «Вы получили бы его сегодня же,—

Digitized by Google

сказалъ онъ,—еслибы отставка верховнаго визиря, данная по его прошенію, не лишила меня моего главнаго совѣтника». Но, по-видимому, визирь Мехмедъ-Али былъ отставленъ не по собственному своему желанію, а вслѣдствіе мнѣнія, выраженнаго русскимъ посломъ о совѣтникахъ Порты.

Отклонявшись султану, князь Меншиковъ возвратился на пароходъ и послалъ сказать Рифаатъ-пашѣ, что, получивъ лично отъ султана обѣщаніе немедленнаго отвѣта, считаетъ излишнимъ предположенное совѣщаніе, и потому проситъ извиненія въ томъ, что не пріѣдетъ къ визирю. Въ Буюкъ-дере, гдѣ князь Меншиковъ уже нѣсколько дней имѣлъ пребываніе на пароходѣ *Громоносецъ*, онъ узналъ вечеромъ о перемѣнахъ въ высшей администраціи Порты, именно: президентъ совѣта Мустафа-паша былъ назначенъ верховнымъ визиремъ, а прежній визирь Мехмедъ-Али — сераскиромъ (главнымъ начальникомъ регулярныхъ войскъ), на мѣсто Мехмеда-Рушди-паши, получившаго командованіе гвардіей; министерство иностранныхъ дѣлъ было поручено Решидъ-пашѣ.

На слѣдующій день, 2-го (14-го) мая, князь Меншиковъ отправился къ Решидъ-пашѣ и потребовалъ яснаго и точнаго отвѣта на свою ноту. Послѣ него пріѣхалъ лордъ Редклифъ и пробылъ у министра иностранныхъ дѣлъ цѣлые два часа. Между тѣмъ, Озеровъ, будучи посланъ въ Диванъ привѣтствовать новыхъ сановниковъ Порты — объяснился рѣшительно съ новымъ визиремъ и съ бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Рифаатомъ.

Князь Меншиковъ, прождавъ двое сутокъ отвѣта отъ Решида-паши, вмѣсто того получилъ, 3-го (15-го) мая, ноту съ просьбою новой отсрочки. Хотя русскій посолъ, въ строгомъ смыслѣ, имѣлъ право, оставя безъ вниманія эту ноту, немедленно уѣхать со всею миссіею, однакоже этого не сдѣлалъ, узнавъ, что наканунѣ въ совѣщаніи Дивана Решидъ настаивалъ на необходимости удовлетворить требованіямъ Россіи и представлялъ въ яркихъ чертахъ опасность угрожавшую Портѣ. Его доводы нашли отголосокъ въ рѣчахъ новаго визиря, а также Ахмеда-Фети-паши и Шеика-уль-Ислама, но встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны прежняго визиря и его партіи. Такое положеніе дѣлъ заставило князя Меншикова отнестись въ тотъ же день къ Решиду-пашѣ съ отзывомъ, въ которомъ писалъ, что разрывъ дипломатическихъ сношеній уже былъ совершившимся фактомъ, но что, принимая во вниманіе трудное поло-

Digitized by Google

женіе новаго министерства и личное доброхотство самого министра, русское посольство отложитъ до 6-го (18-го) мая сообщеніе оффиціальной ноты о своемъ отъѣздѣ, который послѣдуетъ въ случаѣ неудовлетворительнаго рѣшенія дѣла.

5-го (17-го) мая, по повелѣнію султана, происходило чрезвычайное собраніе верховнаго совѣта, для окончательнаго рѣшенія по *ultimatum*'у князя Меншикова. Въ этомъ совѣщаніи участвовали всѣ министры и высшіе сановники Порты, какъ состоящіе на службѣ, такъ и отставные, въ числѣ коихъ старый Хозревъ и Фуадъ-эфенди, а также Шейкъ-уль-Исламъ, главные улемы и пять областныхъ правителей, всего же 48 лицъ. Наканунѣ и утромъ въ день совѣщанія, лордъ Редклифъ посѣтилъ многихъ изъ этихъ сановниковъ, убѣждая ихъ отвергнуть требованія русскаго посла и дать ему отвѣтъ, составленный въ англійской миссіи и переданный бывшему верховному визирю Мехмеду-Али. Огромное большинство членовъ совѣта (42) подало голоса согласно съ желаніемъ Редклифа; немногіе же, отважившіеся изъявить противное мнѣніе, подверглись обвиненію въ московитизмѣ.

На другой день, 6-го (18-го) мая, Решидъ-паша, посѣтивъ князя Меншикова, сообщилъ ему словесно, что совѣтъ постановилъ: провозгласить верховное рѣшеніе, коимъ обезпечивалось *statu quo* (настоящее положеніе) іерусалимскихъ святыней, недопускавшее никакихъ измѣненій безъ предварительнаго соглашенія съ русскимъ и французскимъ дворами; даровать патріарху константинопольскому фирманъ, съ обезпеченіемъ правъ греческаго исповѣданія; сообщить князю Меншикову, въ заключеніе переговоровъ, объяснительную ноту (une note explicative), и предложить ему сенедъ, въ силѣ формальнаго трактата, объ уступкѣ мѣста на сооруженіе церкви и странноприимнаго дома для русскихъ въ Іерусалимѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, князь Меншиковъ, получивъ ноту въ смыслѣ словеснаго объясненія Решида-паши, считалъ свое порученіе совершенно оконченнымъ; однакоже, уступая желанію турецкаго министра—возобновить прерванные переговоры—и просьбѣ австрійскаго резидента отъ имени представителей четырехъ державъ, согласился на новую отсрочку, и даже на нѣкоторую уступку въ прежнихъ условіяхъ. Сообразно тому, русскій посолъ сообщилъ, 8-го (20-го) мая, Решиду-пашѣ проектъ новой ноты, въ которой была исключена статья, относившаяся къ соблюденію всѣхъ прежнихъ договоровъ, подтвержденныхъ адріанопольскимъ

Digitized by Google

трактатомъ [1]). Решидъ, не смѣвшій ступить ни шага безъ вѣдома лорда Редклифа, отправился къ нему, и сообщилъ ему проектъ ноты, умолялъ его одобрить этотъ документъ, что прекратило бы всѣ колебанія и сомнѣнія Порты. Но, вмѣсто того, Редклифъ прислалъ къ Решиду-пашѣ своего секретаря г. Алисона, съ объявленіемъ, что нота князя Меншикова, сообщенная какъ послѣднее слово уступокъ русскаго правительства, имѣетъ вполнѣ важность трактата, и потому не можетъ быть принята безъ нарушенія верховной власти Порты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, лордъ Редклифъ пригласилъ къ себѣ представителей Франціи, Австріи и Пруссіи, и склонилъ ихъ «принять рѣшеніе, совершенно тожественное съ мнѣніемъ турецкихъ министровъ». Представители великихъ державъ, подъ вліяніемъ своей мысли объ опасности, угрожавшей Турціи, подписали меморандумъ, въ которомъ объявили, что «въ вопросѣ, столь близко касавшемся свободы дѣйствій охраненія верховной власти е. в. султана, Решидъ-паша былъ лучшимъ судьею положенія дѣлъ, и что потому они не считали себя вправѣ выразить свое мнѣніе» [2]).

---

[1]) Проектъ ноты, сообщенный княземъ Меншиковымъ Решиду-пашѣ, 8-го (20-го) мая 1853 г.

Въ этомъ проектѣ были изложены слѣдующія обязательства Порты:

1) Le culte Orthodoxe d'Orient, son Clergé, ses Eglises et ses possessions, ainsi que les établissements religieux, jouiront dans l'avenir sans aucune atteinte, sous l'égide de S. M. le Sultan, des priviléges et immunités qui leur sont assurés *ab antiquo*, ou qui leur ont été accordés à différentes reprises par la faveur Impériale, et dans un principe de grosse équité participèrent aux avantages accordés aux autres rites chrétiens, ainsi qu'aux Légations étrangères accréditées, près Porte, par convention ou disposition particulière.

2) S. M. le Sultan ayant jugé nécessaire et équitable de corroborer et d'expliquer son Firman-Souverain revétu du Hatti-Houmayon le 15 de la Lune de Rébioul-Akhir 1268 (16 fevrier 1852) par son Firman-Souverain du 26 Redjib 1269 (23 avril [5 mai] 1853), et d'ordonner en sus, par un autre Firman de même date, la réparation de la Coupole du temple de St. Sépulcre, ces deux firmans seront textuellement exécutés et fidelement observés dans l'avenir, pour maintenir à jamais le *statu quo* actuel des Sanctuaires possédés par les Grecs, exclusivement ou en commun avec d'autres cultes.

Il est entendu que cette promesse s'étend également au maintien de tous les droits et immunités dont jouissent *ab antiquo* l'Eglise Orthodoxe et son Clergé, tant dans la ville de Jérusalem qu'en déhors, sans préjudice aucun pour les autres communautés chrétiennes.

3) Pour le cas ou la Cour Impériale de Russie en ferait la demande, il sera assigné une localité convenable dans la ville de Jérusalem ou dans les environs, pour la construction d'une église consacrée à la célébration du service Divin par des ecclésiastiques russes et d'un hospice pour les pélerins indigens ou malades, lesquelles fondations seront sous la surveillance spéciale du Consulat-Général de Russie en Syrie et en Palestine.

[2]) Письмо князя Меншикова графу Нессельроду, отъ 9-го (21-го) мая 1853 г. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).—Kinglake, I. 180.

Digitized by Google

Получивъ отказъ Решидъ-паши въ принятіи предложеннаго ему проекта ноты, князь Меншиковъ, 9-го (21-го) мая, отправился въ Одессу.

Князь Меншиковъ не поѣхалъ въ Петербургъ, а оставался въ Одессѣ, откуда онъ могъ возвратиться въ Константинополь въ двое сутокъ; но переговоры имъ прерванные не были возобновлены; а, вмѣсто того, графъ Нессельродъ послалъ, 19-го (31-го) мая, турецкому министру иностранныхъ дѣлъ ноту, въ коей требовалъ, чтобы послѣдній проектъ князя Меншикова былъ подписанъ и отправленъ ему въ Одессу не позже восьмидневнаго срока. Въ противномъ же случаѣ — писалъ канцлеръ — русскія войска получатъ приказаніе перейти границу, не для открытія военныхъ дѣйствій, а чтобы пріобрѣсть матеріальный залогъ до полученія отъ Турціи нравственнаго ручательства въ исполненіи требованій нашего государя. Между тѣмъ Порта, утвердивъ, 4-го іюня н. ст., новымъ фирманомъ права и привилегіи греческой церкви, отвѣчала на *ultimatum* графа Нессельрода, что «проектъ ноты князя Меншикова заключалъ въ себѣ обязательства, несовмѣстныя съ верховными правами независимаго государства; что упрекъ въ недовѣріи, сдѣланный Портѣ, можетъ быть обратно отнесенъ къ Россіи, которая, не довольствуясь самыми торжественными обѣщаніями султана, домогается утвердить ихъ формальнымъ договоромъ, и что, въ случаѣ вторженія русскихъ войскъ въ предѣлы Турціи, Порта будетъ протестовать и вооружится только для собственной защиты; но приметъ всякое условіе, не нарушающее ея верховной власти, и готова послать съ этою цѣлью въ Петербургъ чрезвычайнаго посла, ежели на то изъявитъ согласіе русское правительство» [1]).

Непосредственнымъ слѣдствіемъ угрозъ, сдѣланныхъ нашимъ правительствомъ Турціи, было появленіе англо-французской эскадры у входа въ Дарданеллы, въ заливѣ Бешика, въ началѣ іюня [2]). Предписаніе находившимся въ Средиземномъ морѣ союзнымъ адмираламъ Ласюсу и Дундасу—приблизиться къ Дарданеллamъ — было послано въ концѣ мая, тогда, когда еще не было объявлено о намѣреніи нашего правительства занять Дунайскія княжества.

М. Богдановичъ.

---

[1]) Нота Решида-паши графу Нессельроду, отъ 16-го іюня н. ст. 1853 г.

[2]) Der Krieg gegen Russland im Jahre 1854. Nach den Berichten von Augenzeugen und nach andern zuverlässigen Quellen dargestellt. Leipzig. 1855.—L. Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie, I, 9—10.

Digitized by Google

РУССКІЕ

въ

ГАЛИЦІИ

Литературныя и политическія замѣтки.

Не безъ колебаній приступаемъ мы къ передачѣ результатовъ нашихъ наблюденій надъ нѣкоторыми сторонами общественной и литературной жизни у галицкихъ русскихъ, не безъ опасеній за интересъ нашего предмета для читателей. Несмотря на громкіе толки нѣкоторыхъ кружковъ, кружковъ у насъ и въ Австріи, о «единствѣ» славяно-русскихъ интересовъ, а можетъ быть именно благодаря этимъ толкамъ, въ значительной части нашего образованнаго общества, и едва ли не въ большинствѣ его, существуетъ,—говоря словами одного изъ пропагандистовъ у насъ панславистическихъ идей, Гильфердинга,—«ледяная холодность» къ славянскимъ дѣламъ, которая по временамъ прорывается рѣшительнымъ отвращеніемъ не только отъ разсужденій о славянскомъ единствѣ, но и отъ всякаго рода разговоровъ о «нашихъ западныхъ братьяхъ», даже столь близкихъ, какъ галичане. Говоря вообще, мы сами мало-что можемъ сказать противъ этой «холодности» и противъ этого отвращенія. Дѣла западныхъ славянъ не представляютъ для насъ того общечеловѣческаго интереса, какой имѣетъ жизнь великихъ передовыхъ народовъ Европы, а въ тоже время дѣла эти — не наши домашнія дѣла, какъ бы ни близки были этнографически съ нами нѣкоторые изъ этихъ славянъ. Вовсе не потому, чтобъ у насъ было слабо чувство народности, а потому именно, что мы очень русскіе, т.-е.

Digitized by Google

очень неравнодушны къ нашимъ русскимъ, домашнимъ дѣламъ, которыя требуютъ особенно внимательной работы,—общество наше на дѣлѣ не только равнодушно къ дѣламъ западныхъ братьевъ нашихъ, по расѣ, а не по внутреннимъ задачамъ, но даже не очень и жалуетъ толки объ этихъ послѣднихъ,—такъ какъ эти толки сводятся сейчасъ же на разсужденія о «нашемъ славянскомъ призваніи», исполненіе котораго должно бы было отвлечь насъ далеко отъ нашихъ существенныхъ домашнихъ задачъ. Къ тому же толки объ этихъ славянскихъ призваніяхъ и задачахъ возникли-было у насъ и усилились вновь не въ очень-то благопріятныя для нашего внутренняго развитія минуты, и слишкомъ часто и слишкомъ удобно совмѣщаются у насъ съ не особенно благопріятными для этого развитія тенденціями. Благодаря съ одной стороны искусственности у насъ «славянскихъ тенденцій», а съ другой, благодаря упомянутому сейчасъ «совмѣщенію» ихъ, всѣ такіе толки о славянскихъ дѣлахъ и разсказы о нашихъ западныхъ братьяхъ въ нашей печати,—какъ исходящіе отъ нашихъ писателей, такъ и отъ западныхъ корреспондентовъ,—не имѣютъ своимъ послѣдствіемъ даже фактическаго ознакомленія нашего общества съ дѣлами славянства, какъ они есть, такъ какъ эти писанія по большей части состоятъ изъ общихъ фразъ или отрывочныхъ фактовъ, сопровождаемыхъ возгласами и односторонними комментаріями.

Вотъ хоть бы и сопредѣльная намъ Галиція: съ самаго 1867 года, со временъ извѣстнаго славянскаго съѣзда, у насъ напечатано не мало корреспонденцій, передовыхъ статей и даже пол-книги объ этой ближайшей намъ по географіи и этнографіи австрійско-славянской землѣ. Но почти все напечатанное представляетъ только варьяціи двухъ-трехъ фразъ въ такомъ родѣ: «вотъ-молъ несчастные соплеменники наши, оторванная плоть отъ плоти нашей, кость отъ кости нашей, страждутъ подъ польско-нѣмецкимъ гнетомъ именно потому, что они оторваны отъ насъ,—будь они съ нами, ничего подобнаго бы не было, и они, несчастные, чувствуютъ это, завидуютъ нашему положенію, а потому рвутся къ слитію съ нами, кромѣ нѣсколькихъ измѣнниковъ народу русскому, купленныхъ или отуманенныхъ коварною польскою интригою». Никакихъ фактическихъ данныхъ, ни о положеніи, ни о настроеніи народа въ Галиціи, о степени умственнаго развитія тамошней интеллигенціи, о внутреннемъ вѣсѣ тѣхъ круговъ, которые простираютъ оттуда къ намъ длани, ни тѣхъ, которые отворачиваются отъ насъ,—въ такихъ разсказахъ не найдете. Не найдете также строгаго взвѣшиванья своихъ словъ и у

Digitized by Google

тѣхъ, которые обращаются къ галичанамъ съ обнадеживаньями,—точно для того, чтобъ подать помощь сосѣдямъ, и даже передвинуть границу государства, достаточно только одного почерка пера и притомъ совершенно частнаго лица. Такимъ образомъ, разговоры о нашихъ соплеменникахъ,—продолжающіеся вотъ уже добрыхъ пять-шесть лѣтъ, если не болѣе, до сихъ поръ не дали намъ даже фактическаго знакомства съ Галиціей и вообще не произвели другого практическаго результата, кромѣ эмиграціи къ намъ на разныя служебныя мѣста нѣсколькихъ лицъ изъ Галиціи. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно сказать, что, исключая холмскаго края, куда эмигрировало нѣсколько духовныхъ галицкихъ, оказавшихся болѣе полезными тамъ, чѣмъ сильно-ополяченные туземные уніатскіе священники,—эмиграція изъ Галиціи не увеличила симпатій нашего образованнаго общества къ нашимъ заграничнымъ соплеменникамъ. По всѣмъ этимъ причинамъ мы совершенно понимаемъ не совсѣмъ благосклонное отношеніе русскаго читателя къ толкамъ объ этихъ соплеменникахъ.

И однакожъ мы рѣшаемся говорить о нихъ, но предварительно предупредивъ читателя, что не будемъ ни кавалерски относиться къ государственнымъ границамъ, ни обнадеживать, ни устрашать кого-либо,—не будемъ увлекаться фразами о русскославянскомъ единствѣ, а постараемся, насколько возможно, передать фактами политическое и литературное положеніе Галиціи, и въ критикѣ тамошнихъ дѣлъ держаться не столько субъективныхъ взглядовъ, сколько оцѣнки ихъ съ точки зрѣнія тамошнихъ интересовъ, т.-е. интересовъ тамошняго народа. Мы убѣждены, что совершенно игнорировать жизнь страны, которая прилегаетъ къ нашимъ границамъ, съ которою мы уже связаны одною прямою желѣзной дорогой и скоро свяжемся другою,—не совсѣмъ резонно. Къ тому же, мало того, что масса народа въ этой странѣ принадлежитъ къ одной народной группѣ съ нашею,—дѣла Галиціи находятся въ нѣкоторомъ соотношеніи и съ нашими домашними дѣлами, такъ какъ страна эта, населенная русскими, поляками и евреями, представляетъ въ миніатюрѣ наши западныя губерніи и царство польское. Отъ этого въ Галиціи мы можемъ наблюдать дѣйствіе многихъ тѣхъ же самыхъ общественныхъ элементовъ, что́ и у насъ, хотя и съ нѣкоторыми варьяціями. Впрочемъ, эти варьяціи дѣлаютъ тѣмъ болѣе интересными наблюденія надъ Галиціей, такъ какъ даютъ возможность по сравненію оцѣнивать значеніе многихъ нашихъ домашнихъ элементовъ и силъ, и изучить вліяніе ихъ на положеніе нашихъ обширныхъ областей на Западъ отъ Днѣпра, въ которыхъ

Digitized by Google

несомнѣнно замѣшаны наши весьма важные народные и государственные интересы.

У насъ принято жаловаться на безпомощное положеніе братьевъ нашихъ подъ давленіемъ «польской интриги» и тѣмъ самимъ косвенно призывать наше общество, и чуть не правительство, столь, по мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ, блистательно борющихся съ этой интригой у себя дома,—приняться за борьбу съ нею и за предѣлами государства нашего, но въ предѣлахъ все нашего же русскаго племени. И дѣйствительно, въ положеніи нашихъ соплеменниковъ, галицкихъ русиновъ или русскихъ, какъ они себя называютъ, есть много печальнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Австріи установилась конституціонная система, русины все больше и больше лишаются заботъ центральнаго правительства, а мѣстное правительство почти всецѣло переходитъ въ руки поляковъ, причемъ желательное для всего славянства въ Австріи и одобряемое и нашими «печальниками» галицко-русскаго народа торжество федеративной системы въ Австріи, т.-е. автономіи такъ-называемыхъ «коронныхъ земель» ея, должно еще болѣе отдать русиновъ подъ политическое господство поляковъ. Но въ то же время, если нынѣшняя конституціонная система въ Австріи и тѣ формы, къ которымъ она можетъ перейти въ ближайшемъ будущемъ, и мало благопріятствуютъ русинамъ политически-административными путями, то та же система, расширивъ поле частной и общественной дѣятельности, даетъ русинамъ для борьбы за свою народность такія могущественныя орудія, какихъ, напр., мы въ западномъ краѣ имѣть не можемъ. Отъ этого въ то время, какъ мы можемъ по справедливости гордиться въ западномъ краѣ устройствомъ поземельныхъ отношеній между русскими крестьянами и польскими помѣщиками, болѣе выгоднымъ для первыхъ, чѣмъ введенное послѣ 1848 г. въ Галиціи,—хотя перевѣсъ результатовъ нашихъ мѣръ, сравнительно съ австрійскими, и ослабляется нашей все еще старой податной системой, но за то у насъ русскій театръ существуетъ даже въ такихъ мѣстахъ, какъ Кіевъ и Вильно только благодаря казенной субсидіи, на какую мы завели въ этихъ мѣстахъ и русскія газеты,—между тѣмъ въ Галиціи,—интеллигенція которой не отличается матеріальнымъ богатствомъ, уже давно существуетъ русскій театръ, десять періодическихъ изданій почти исключительно общественными средствами. Наконецъ, послѣ 1863 г. у насъ замѣтили, что, именно подъ нашею государственною властію и послѣ сопряженнаго съ такими трудами и (какъ показываетъ напечатанная недавно въ «Вѣстникѣ Европы» статья о. Морошкина) съ

Digitized by Google

такимъ давленіемъ на духовныя лица и даже на народныя массы, упраздненія уніи въ 1839 г. въ предѣлахъ западныхъ губерній,—оставшаяся въ губерніяхъ царства польскаго унія приняла почти окончательно католическій и польскій характеръ; тогда наше правительство оказалось въ необходимости вызывать изъ той же Галиціи уніатскихъ духовныхъ съ національно-русскимъ направленіемъ и съ стремленіями охранять «чистоту восточнаго обряда», духовныхъ, которые успѣли образоваться именно въ Австріи даже подъ господствомъ системы, коей характернымъ выразителемъ былъ конкордатъ Баха съ папскимъ дворомъ. Оттуда же выписывались въ первые годы послѣ 1863 и учителя, и учебники для русско-уніатскаго населенія царства польскаго. И много бы мы могли привести фактовъ, показывающихъ, что общественная борьба за освобожденіе коренной національности отъ преобладанія польскаго меньшинства идетъ въ предоставленной повидимому всецѣло политически-административной власти поляковъ Галиціи гораздо успѣшнѣе, чѣмъ у насъ въ западномъ краѣ, и во всякомъ случаѣ стоитъ не такъ безнадежно, какъ часто говорятъ о томъ наши публицисты и корреспонденты. Если же съ развитіемъ конституціоннаго порядка въ Австріи политическое значеніе русиновъ, черезъ вліяніе на представительство мѣстное (сеймъ Галиціи) и центральное (вѣнскій рейхстагъ), вмѣсто того, чтобъ усиливаться, уменьшалось,—то этому причина не столько какая-то органическая вражда нѣмецко-мадьярской партіи, заправляющей политикой въ Австріи съ 1866 г., къ русскому племени, какъ объ этомъ часто пишутъ у насъ, сколько собственная политическая неспособность и неразвитость тѣхъ кружковъ, которые представляли въ политикѣ и литературѣ галицко-русскій народъ съ 1848 года.

I.

Очень бы много пришлось намъ писать, еслибъ мы захотѣли передать вполнѣ исторію русинскаго національнаго движенія съ 1848 г. до сихъ поръ, а потому мы только ограничимся самыми крупными фактами изъ литературнаго движенія среди русиновъ, чтобъ сдѣлать понятнымъ читателю ихъ нынѣшнее политическое положеніе и нынѣшнія стремленія въ русинскомъ обществѣ.

У поляковъ долго было въ ходу выраженіе, что «русиновъ выдумалъ», въ 1848 г., гр. Стадіонъ, намѣстникъ въ Галиціи, для парализованія польскихъ либерально-революціонныхъ стрем-

Digitized by Google

леній. Это выраженіе въ послѣдніе годы стало смѣняться мнѣніемъ, будто русиновъ выдумала уже «московско-православная (схизматицкая) интрига» для того, чтобы опять протиснуться въ послѣдній остатокъ либеральной Польши и погубить Австрію, а съ нею чуть не всю западную цивилизацію [1]). Читатель долженъ вспомнить, что у польскихъ публицистовъ и политиковъ «схизма» и «московскіе рубли» играютъ такую же роль, какъ у нашихъ «польская интрига», — а мы замѣтимъ по этому поводу, что благо тѣмъ, кто способенъ довольствоваться такими отмычками ко всякимъ труднымъ общественнымъ вопросамъ! Легко тому на свѣтѣ... писать передовыя статьи, романы, произносить рѣчи и даже писать циркуляры! Жаль только, что обществамъ и народамъ приходится нести отвѣтственность за ту путаницу и остановку въ дѣйствительномъ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, которая бываетъ послѣдствіемъ долговременной игры въ такія легкія объясненія... Но, это въ сторону! Конечно, русиновъ выдумалъ не графъ Стадіонъ, но ему пришло въ голову выдвинуть на политическую арену кружки галицко-русскихъ духовныхъ и литераторовъ, которые уже и передъ тѣмъ нечужды были національныхъ идей и стремленій, навѣянныхъ такъ-называемымъ славянскимъ возрожденіемъ, да только сами хорошо не могли формулировать своихъ идей, а особенно своихъ практическихъ стремленій. Кромѣ духовныхъ, которые по-своему были привержены къ своей двуликой церкви, и у которыхъ бродила яснѣе другихъ развѣ только идея сохраненія и очищенія по старымъ книгамъ отвергнутаго ими «восточнаго обряда»,—русинскіе патріоты были стихотворцы, незнавшіе даже на какомъ языкѣ имъ писать: на томъ ли, на какомъ писались вирши и духовныя сочиненія въ Малороссіи и Литвѣ въ XVII—XVIII в., и который съ грѣхомъ пополамъ, принимая все больше польскіе, латинскіе и нѣмецкіе элементы, а иногда и заблудившіеся «россійскіе», дожилъ до послѣднихъ дней въ духовныхъ семинаріяхъ Галичины; на «россійскомъ» ли, на которомъ доходили до Галичины столь прекрасныя для ея литераторовъ оды Ломоносова, Державина и т. д.; или на малороссійскомъ, на которомъ забрели въ Галицію думы, изданныя Максимовичемъ, стихи Метынскаго, повѣсти Квитки, и который былъ такъ сходенъ съ народно-галицкимъ (*хлопскимъ*), что г. Максимовичъ, коего правописаніе принималось галицкими

[1]) Ссылаемся на любую галицко-польскую газету 1861—66 г. и на весьма характерный романъ Захарьясевича „Святый юръ“ (Swięty Jur). Романъ этотъ для Галиціи то же самое, что наши „Мареви“ и „Панурговы стада“ для Россіи.

Digitized by Google

литераторами, совѣтовалъ галицкимъ литераторамъ именно этимъ языкомъ и писать ихъ произведенія. Немногочисленные филологи и археологи галицкіе составляли также немалую относительно часть мѣстной русской интеллигенціи. Они находили въ старыхъ книгахъ русскій народъ, русскую исторію и языкъ,— да только затруднялись найти все это въ современности, ибо видѣли у себя русскаго только, какъ говорили поляки, «по́повъ и хло́повъ», и подобно полякамъ стыдились признать «хлоповъ» за настоящій русскій народъ, а рѣчь ихъ за тотъ искомый русскій языкъ; а потому, когда они затѣвали писать «русскую грамматику» подъ стать другимъ грамматикамъ, извѣстнымъ въ школьно-ученомъ мірѣ, то заносили туда всякаго рода формы, отъ церковно-славянскихъ включительно, но всего менѣе хлопскія. А когда эти филологи или археологи хотѣли подѣлиться своими трудами съ публикой, то писали или по-нѣмецки, или по-польски, или изрѣдка «по-россійски». Въ послѣднемъ не было ничего и страннаго,—въ тѣхъ случаяхъ, когда авторы преслѣдовали исключительно научныя цѣли и по необходимости должны были искать себѣ публики за предѣлами своего народа. Но дѣло въ томъ, что тѣ, которые начинали въ Галиціи русское возрожденіе, до того сами были отрозпены отъ народа, что и на будущее время не допускали мысли о литературѣ для народа и сами съ презрѣніемъ относились къ нему какъ къ хлопамъ. Исключеніе составлялъ развѣ Маркіанъ Шашкевичъ (1811 — 1843), который не только собиралъ народныя пѣсни и подражалъ имъ, но и думалъ о воспитаніи народа, переводилъ на его рѣчь евангелія и своею приверженностью къ «хлопамъ» возбудилъ даже неудовольствіе многихъ собственныхъ земляковъ. Но Шашкевичъ рано умеръ, многое изъ его писаній и переводовъ, въ томъ числѣ евангелія, осталось въ рукописяхъ, да и ему самому не приходила въ голову возможность политической дѣятельности, опиравшейся на массу народа; даже и онъ сочинилъ оду на смерть императора Франца I-го, при которомъ господствовала вреднѣйшая для народовъ всѣхъ австрійскихъ національностей государственная система: «Печаль по смерти его величества блаж. пам. Цѣсаря намъ щастливо пановавшаго Франца I-го». А вотъ какъ относился къ народу одинъ изъ часто прославляемыхъ и у насъ дѣятелей недавней галицко-русской литературы историкъ Денисъ Зубрицкій, человѣкъ дѣйствительно трудолюбивый и ученый. Сначала онъ написалъ исторію Львова по-польски, а потомъ исторію княжества Галицко-Володимірскаго по-русски, или, какъ говорятъ въ Галиціи, «по-россійски», и вотъ что говорилъ онъ уже въ

Digitized by Google

1855 г.: «Есть мрачные изступленники, или скорѣе низкіе невѣжды, въ лѣнѣ доселѣ проживавшіе, пренебрегавшіе всякую науку собственнаго языка, употреблявшіе чуждое нарѣчіе, прислушивавшіеся только простонародному и разговору собственныхъ слугъ и работниковъ и желавшіе теперь, чтобъ мы писали свою исторію на областномъ нарѣчіи *галицкой черни*. Странное требованіе! Исторіи пишутся для образованнаго и образующагося класса народа. *Для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтиря*». Въ приведенныхъ словахъ мы считаемъ характерными особенно подчеркнутыя. Что уваженія къ народу въ нихъ не много, этого, намъ кажется, разъяснять нечего,—и ясно, что такое отношеніе къ народу приводило за собою и презрѣніе къ его рѣчи. Безъ опоры на живой народъ возможны археологія и даже, пожалуй, стихотворство (ибо пишутъ же стихи и языкомъ умершихъ народовъ), но невозможны живая поэзія и беллетристика, а еще меньше народно-политическая дѣятельность.

Понятно поэтому, что когда люди, относившіеся къ народу, какъ Зубрицкій, вызваны были событіями 1848 года на политическую сцену,—то сдѣлали не много для народа, а потому, наконецъ, остались вовсе безъ опоры передъ новыми дуновеніями въ оффиціальныхъ сферахъ. Самое существенное, и едвали не единственно-существенное, сдѣланное для народа въ Галиціи послѣ 1848 г., было прекращеніе оставшихся послѣ мѣръ Іосифа II-го видовъ крѣпостной зависимости русинскихъ крестьянъ отъ польскихъ помѣщиковъ; но это дѣло было совершено исключительно центральнымъ правительствомъ безъ всякой не только практической, но и теоретической помощи и участія русинской интеллигенціи: и до сихъ поръ въ галицко-русской литературѣ нѣтъ и одного сочиненія не только такого, которое бы приготовило общество къ эмансипаціи крестьянъ, но даже и историко-статистическаго обозрѣнія мѣръ по крестьянскому дѣлу и его теперешняго состоянія. Да и вообще до самаго послѣдняго времени, за самыми ничтожными исключеніями, представители галицко-русской интеллигенціи практическими соціальными вопросами народной жизни не занимались. Въ длинный періодъ времени съ 1848 до 1866 г., когда центральное правительство заявляло намѣренія покровительствовать русинамъ, представители этихъ послѣднихъ ничего почти не дѣлали, какъ только заявляли свою преданность правительству и поддерживали его во что́ бы то ни стало по всѣмъ вопросамъ въ сеймѣ галицкомъ и вѣнскомъ (съ 1861 г.). Представители же эти были по большей

Digitized by Google

части духовные, которые одно время даже публично высказывали, что они-то именно и составляютъ «народъ» русинскій, а не «хлоповъ». Если были ясно сознанныя стремленія у тогдашнихъ галицкихъ духовныхъ, особенно у главы ихъ, львовскаго митрополита *барона* Киръ-Яхимовича, такъ это—намѣреніе возстановить «чистоту восточнаго обряда», что́ считалось равносильнымъ возстановленію русской народности, и съ этою цѣлью—воспитаніе въ такомъ духѣ кандидатовъ на духовныя мѣста и обезпеченіе положенія духовныхъ въ экономическомъ отношеніи, съ тѣмъ чтобы поставить ихъ въ бо́льшую независимость отъ помѣщиковъ-поляковъ. Нельзя отрицать, что съ формальной и отрицательной стороны дѣятельность митрополита Яхимовича и духовно-уніатской, такъ-называемой «святоюрской» партіи (отъ монастыря святого Юрія) имѣла извѣстную заслугу для идеи русской народности въ Галиціи, но заслуга эта была формальная и отрицательная: политическіе кружки въ Австріи привыкли знать, что есть въ Галиціи, кромѣ польскаго, элементъ русскій, а духовенство уніатское, въ теченіе извѣстнаго времени подбираемое въ одномъ духѣ, составило первыя организованныя кадры русинскаго національнаго направленія. Но очень ошибаются галицкіе и наши хвалители тѣхъ временъ, когда святоюрская партія существовала, какъ довольно многочисленное, единое и нераздѣльное тѣло,—если не видятъ всей недостаточности и односторонности ея дѣятельности, которыя и привели наконецъ къ раздѣленіямъ и къ настоящей политической ничтожности этой партіи. Сосредоточивъ все свое вниманіе на дѣлахъ церковныхъ, не имѣя другого компаса политическаго, кромѣ желанія дѣйствовать во всемъ наперекоръ полякамъ и въ рабскомъ повиновеніи центральному правительству, святоюрская партія не приготовила себѣ никакой крѣпкой опоры въ краѣ, ни въ народѣ, ни даже въ слояхъ, ближе стоявшихъ къ духовенству. Не говоря о политикѣ, даже литература и школа, которыя всецѣло были въ рукахъ святоюрцевъ, не далеко подвинулись во время ихъ процвѣтанія. Съ помощью правительства и правительственныхъ кружковъ, т.-е. *служакъ* даже изъ поляковъ, какъ гр. Голуховскій,—были заведены въ Львовѣ въ 1849-мъ г. русинскій клубъ съ библіотекой и пр., «Народный Домъ» и общество «Руска Матица», которыхъ цѣлью было объявлено развитіе русинской литературы и образованія. «Матица» стала издавать «Науковый Сборникъ» и «Галицкую Зорю», — но оба изданія, кромѣ нѣсколькихъ археологическихъ и этнографическихъ статей не дали ничего сколько-нибудь живого и интереснаго,—и, чѣмъ дальше, выхо-

Digitized by Google

дили все рѣже, пока и вовсе прекратились. Для народнаго же образованія въ собственномъ смыслѣ «Матица» не сдѣлала вовсе ничего, несмотря на то, что имѣетъ капиталъ въ 20 тысячъ гульд. Не очень больше сдѣлано было ею и по части составленія учебниковъ для среднихъ школъ и для университетскаго курса, хотя въ Львовскомъ университетѣ были учреждены три русскія каѳедры, и самимъ императоромъ было обѣщано расширить участіе русскаго языка въ преподаваніи въ этомъ, какъ сказалъ императоръ, «русскомъ» университетѣ.

Мы, впрочемъ, не думаемъ обвинять личности святоюрцевъ за безплодность ихъ дѣятельности; самая главная причина этой безплодности было малое число людей русской интеллигенціи и, при этомъ числѣ, тѣ качества, какія могли выработаться при исключительно семинарскомъ образованіи. 1860-й годъ принесъ-было нѣкоторое оживленіе въ святоюрскую партію, вслѣдствіе провозглашенія конституціи въ Австріи. Святоюрскіе правящіе круги почувствовали необходимость учрежденія постояннаго періодическаго органа на русинскомъ языкѣ, и основали газету «Слово», выходящую три раза въ недѣлю. Но люди, которые были такъ долго послушнымъ орудіемъ реакціонно-абсолютистской бюрократіи нѣмецкой, не могли оказаться искусными политиками въ той сложной конституціонной борьбѣ, которая завязалась съ тѣхъ поръ въ Австріи. Когда только заявлено было правительствомъ намѣреніе созвать парламентъ имперскій,—и еще не извѣстно было, какой статутъ получитъ Галиція, а уже святоюрцы составили адресъ о довѣріи (Vertraungsadresse) къ министерству Шмерлинга, съ которымъ депутація галицкихъ духовныхъ отправилась въ Вѣну. Тамъ она принимала участіе въ выработкѣ статута галицкаго сейма,—въ которомъ избирательный законъ составленъ такъ, что русины всегда останутся въ меньшинствѣ [1]). А такъ какъ святоюрскіе политики не приготовили почвы для политической силы своей, даже въ тѣхъ предѣлахъ, какіе давалъ

[1]) Въ галицкомъ сеймѣ, кромѣ 9-ти членовъ, или назначаемыхъ, или такихъ, которые имѣютъ голоса по ихъ должностямъ въ краѣ (Virilstimmen), положено быть 141 депутату, изъ коихъ крупные поземельные собственники выбираютъ 44, города и торговыя камеры 23, сельскія общины 74. Такимъ образомъ, число депутатовъ отъ крупныхъ собственниковъ относится къ общему числу, какъ 1: 3, а къ числу депутатовъ отъ селъ,—какъ 1: 1¾. Между тѣмъ, по счетамъ 1861 г., крупные поземельные собственники платили всего 1.254,695 гульд. податей, а общины 3.293,431, т.-е. подати крупныхъ землевладѣльцевъ относились къ податямъ общинъ, какъ 1 : 2¾; слѣдовательно, если даже не брать за основу представительства число населенія, а разсчитать число голосовъ по австрійской системѣ представительства интересовъ, то на 44 депутата отъ крупныхъ собственниковъ села должны были посылать 99 депутатовъ. Го-

Digitized by Google

имъ избирательный законъ, то и могли держаться даже въ сеймѣ львовскомъ только пока того хотѣла администрація, всегда имѣющая въ Австріи большое вліяніе на выборы. А въ первые годы послѣ 1860 года администрація австрійская поддерживала святоюрцевъ такимъ образомъ, что русины имѣли обыкновенно до 40-ка депутатовъ, большею частію священниковъ, которые составляли очень часто больше трети наличныхъ депутатовъ на львовскомъ сеймѣ и хотя не могли, не вступая въ соглашеніе съ другими партіями, ничего существеннаго сдѣлать для своего народа, за то могли служить сильнымъ тормазомъ для стремленій польскихъ депутатовъ и, посылая 10—12 членовъ въ вѣнскій рейхсратъ, — могли доставлять довольно чувствительный контингентъ для нѣмецко-централистической партіи. Прибавимъ, что послѣдняя имѣла помощь и въ 12—13-ти членахъ изъ русинскаго высшаго духовенства въ палатѣ господъ. Для того, чтобъ оттѣнить всю политическую неспособность святоюрскихъ клерикаловъ, нужно замѣтить, что въ первыхъ собраніяхъ галицкаго сейма было немало депутатовъ изъ сельскихъ жителей западной, польской части Галиціи, а сельскіе классы и здѣсь не очень-то были проникнуты оффиціальнымъ польскимъ патріотизмомъ, въ нихъ еще далеко не угасли тѣ чувства, которыя выразились въ знаменитой рѣзнѣ 1846 г.,— замѣтьте, — произведенной не въ русинскихъ округахъ, а въ чисто польскихъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы русинскіе политики обратились сразу къ вопросамъ элементарнымъ, — къ экономіи, школамъ и т. п., то могли бы встрѣтить поддержку и въ польскихъ крестьянахъ. Но такіе вопросы считались святоюрцами слишкомъ уже хлопскими, и они не только

рода, въ которыхъ русины тоже мало имѣютъ силы, принадлежа развѣ къ бѣдному мѣщанству, но въ которыхъ сильны поляки и особенно евреи, тоже посылаютъ слишкомъ много депутатовъ пропорціонально несомой ими тяжести налоговъ: города платили въ 1861 году только 574,000 гульд. налоговъ, изъ коихъ высшіе налоги, т.-е. платимые тѣми, которые и имѣютъ участіе въ выборахъ (на послѣднихъ выборахъ въ Львовѣ голосовало только съ небольшимъ 3,000 человѣкъ, тогда какъ въ городѣ 70,000 жителей), составляли только 233,000 гульд.,—такъ что если взять даже отношеніе общей цифры налоговъ, платимыхъ городами, къ налогамъ всего края, то и тогда торгово-ремесленныя корпораціи и города не должны бы посылать болѣе 1/9 числа всѣхъ депутатовъ, т.-е. 16, а не 28. Очевидно, что справедливость требовала бы и иного распредѣленія налоговъ и иного распредѣленія представительства въ пользу сельскихъ классовъ. Очевидно также, что одобреніе дѣйствующаго избирательнаго статута въ Галиціи русинскими клерикальными вождями въ 1861 г., вознагражденныхъ Шмерлингомъ за поддержку мѣстами въ сеймѣ львовскомъ и въ палатѣ господъ, есть непростительная оплошность и забвеніе интересовъ народа.

Digitized by Google

не встрѣтили сочувствія у польскихъ поселянъ, но не вызвали серьёзнаго къ себѣ вниманія и у своихъ. И въ Львовѣ и въ Вѣнѣ святоюрцы занимались только оппозиціей quand même полякамъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и венграмъ, наконецъ и самимъ чехамъ, когда и эти высказались противъ Шмерлинговской конституціи, т.-е. всѣмъ разнообразнымъ конституціонно-федеральнымъ партіямъ въ Австріи, что̀, конечно, вовсе не вязалось съ тѣми славянофильскими идеями, которыя стали проникать и въ Галицію. Мы бы впрочемъ не слишкомъ строго судили дѣятельность святоюрцевъ, если бы эта помощь ихъ нѣмецко-бюрократическому и потомъ буржуазно-централистическому элементу не оказывалась совершенно платоническою. Мы очень хорошо видимъ, что въ Австріи, преимущественно между славянами, всѣ разговоры о единствѣ, систематичности, и даже,—увы,—о честности и согласіи дѣйствій съ либерализмомъ,—суть не что иное, какъ фразы, а въ существѣ дѣла каждое племя хватается за всякій случай, за всякую партію, лишь бы добыть себѣ что-нибудь [1]). Но дѣло въ томъ, что святоюрцы развѣ нѣкоторые добыли себѣ мѣста, а своему народу не добыли ничего своею услужливостію бюрократіи и нѣмцамъ.

Мы не станемъ конечно, подобно полякамъ, укорять русинскихъ политиковъ 1861 г. за ихъ оппозицію полякамъ въ принципѣ: борьба русиновъ съ поляками до извѣстной степени есть явленіе совершенно естественное, такъ какъ въ восточной Галиціи поляки составляютъ элементъ привилегированный, а русины подавленный,—но слѣпую оппозицію полякамъ во что бы то ни стало, равно какъ слѣпую вѣру и службу нѣмецко-централистическому элементу не можемъ не назвать проявленіемъ политической неспособности, неумѣнія стать въ независимое положеніе,— и за нашъ приговоръ громко говоритъ безплодность тогдашней парламентской дѣятельности русинскихъ политиковъ. Напуганные относительно немалымъ числомъ русинскихъ депутатовъ въ сеймѣ, а равно и ихъ видимымъ почетомъ у центральнаго правительства, поляки готовы были на уступки русинамъ. По крайней мѣрѣ по предложенію князя Юрія Любомірскаго, въ 1861 году, объ устраненіи изъ администраціи Галиціи нѣмецкаго языка, поляки подали голоса за то, чтобы онъ замѣненъ былъ не только польскимъ, но и русскимъ. Кромѣ того депутаты поляки угово-

[1]) Припомнимъ, какъ недавно далматинцы оставили, за обѣщанія нѣсколькихъ уступокъ, лагерь „staatsrechtlichen Opposition“, послѣ паденія Гогенвартова министерства.

Digitized by Google

рились съ русинами, что изъ послѣднихъ выберутъ депутатами въ Вѣну тѣхъ, кого сами русины захотятъ. Очевидно, что, составляй русинскіе депутаты партію людей, понимающихъ народные интересы, ставящихъ ихъ выше личныхъ и, главное, способныхъ независимо держаться, — они бы могли, заявивъ прямо свои начала и цѣли, входить въ компромиссы по частнымъ вопросамъ съ различными партіями какъ въ сеймѣ, такъ и въ имперской думѣ,—добиваться, шагъ за шагомъ, расширенія правъ своего народа. Но русинскіе депутаты слишкомъ привыкли служить и прислуживаться,—и безраздѣльно предались бюрократическо-нѣмецкой партіи, избравъ вмѣсто парламентскаго пути,—систему адрессовъ и петицій прямо министерству. Перечень нѣкоторыхъ вопросовъ, о которыхъ въ богатый адрессоноданіемъ періодъ, 1861—1863 г., подавали прошенія русинскіе депутаты правительству г. Шмерлинга, и сопоставленія прошеній съ результатами ихъ покажутъ нагляднѣе справедливость нашей оцѣнки политическихъ талантовъ русинскихъ политиковъ. Количество петицій о предметахъ народныхъ нуждъ въ числѣ другихъ, поданныхъ русскими депутатами въ 1861—63 г., весьма невелико; настойчивость ходатайствъ о такихъ нуждахъ еще меньше, результаты же ходатайствъ у центральнаго правительства равны нулю. Такъ въ 1861 г., русскіе депутаты замѣтили, что рѣшеніе вопроса о сервитутахъ (выпасахъ, лѣсахъ, водопояхъ и т. п.) совершено было вовсе не въ пользу крестьянъ, т.-е. большинства русскаго народа, въ то время, когда администрація нѣмецкая, такъ казалось, покровительствовала русинамъ и когда политическіе вожди послѣднихъ возлагали все упованіе на цесарскую администрацію. Поэтому, въ 1861 г. русинскіе депутаты послали петицію въ Вѣну о пересмотрѣ вопроса о сервитутахъ,—но петиція не имѣла вовсе никакихъ послѣдствій, такъ что мы вправѣ думать, что результаты были бы лучше, если бы русинскіе политики, обобщивъ вопросъ, съумѣли перетянуть на свою сторону въ этомъ дѣлѣ польскихъ крестьянскихъ депутатовъ. Въ томъ же году русины просили о переводѣ на русскій языкъ законовъ,—но получили отвѣтъ Шмерлинга, что съ этимъ дѣломъ надо подождать, такъ какъ у правительства нѣтъ теперь средствъ на изданіе подобнаго перевода. Такимъ образомъ, у Шмерлинга, которому русины вотировали безусловное довѣріе, не нашлось для нихъ какой-нибудь тысячи гульденовъ. Очевидно, что не стоило расходиться съ поляками, которые предложили ввести въ отправленіе публичной жизни края вмѣсто нѣмецкаго языка русинскій и польскій,—чтобъ получить такой отвѣтъ. Просьбы о предостав-

Digitized by Google

ленiи русинамъ гимназiй оставлялись тоже безъ удовлетворенiя. Даже не удовлетворена была просьба объ увеличенiи жалованья священникамъ. Только просьба о предоставленiи печатанiя и продажи первоначальныхъ учебныхъ книгъ институту Ставропигiальному была удовлетворена хотя и послѣ Шмерлинга,— но, какъ всякая монополiя, эта уступка полезна не столько обществу и народу, сколько самой лаврѣ Ставропигiальной. Между просьбами, которыя правительство обѣщало удовлетворить и тѣмъ водило за собою русинскихъ политиковъ клерикаловъ, большое количество занимаютъ такiя, какъ, напр., объ установленiи епископiи въ Станиславовѣ, о постройкѣ дома капитула въ Львовѣ, объ учрежденiи инфулатуры при клирахъ въ Львовѣ, о предоставленiи митрополиту званiя тайнаго совѣтника, объ увеличенiи жалованья львовскому владыкѣ и т. д. Но самый главный вопросъ, изъ-за котораго русинскiе депутаты пролили столько поту и чернилъ при писанiи адрессовъ и петицiй къ императору съ 1861-го по 1871-й г., былъ вопросъ объ административномъ и политическомъ раздѣленiи искусственно-сложенной грамотой, которою въ 1772 г. Станиславъ-Августъ отрекся въ пользу Австрiи отъ земель, составляющихъ нынѣ Галицiю, имперской области, называемой теперь на оффiцiальномъ языкѣ: Королевство Галицiя и Влодимiрiя (Lodomerien) съ великимъ княжествомъ Краковомъ. Дѣйствительно; Галицiя русская, восточная, т.-е. Галицiя собственно, не только отличается этнографически отъ западной, т.-е. польской, но даже Марiя-Терезiя въ свое время объявила притязанiе на Галицiю, какъ королева Венгрiи, по родству старинныхъ королей Венгрiи съ князьями-королями русскаго Галича, т.-е. Галицiи собственно. Въ 1848-мъ г., послѣ уничтоженiя тогдашней кратковременно жившей конституцiи австрiйской, Галицiя и была раздѣлена, но уже съ 1850 г. министерство вновь стало соединять обѣ области, и по октябрьскому диплому 1860 г. и Шмерлинговой конституцiи 1861 г., составленной съ согласiя и одобренiя и галицкихъ политиковъ,— Галицiя признана одною имперскою землею съ Краковомъ. Измѣнить это соединенiе теперь уже корона не могла своею властiю безъ согласiя палатъ, такъ какъ теперь конституцiи земель уже не могутъ быть октроированы, какъ было въ 1860-мъ и 1861-мъ. Очевидно, что галицкiе политики оказались крѣпки заднимъ умомъ. Не знаемъ, въ какой степени можно приписывать Шмерлингу макiавелизмъ, но, установляя съ согласiя и поляковъ и русиновъ въ 1861 г. единство Галицiи, онъ прекрасно послужилъ интересамъ централизма: раздѣленные русины и поляки занялись бы, каждый народъ своими дѣлами и,

Digitized by Google

конечно, скоро бы дошли до идей федеральныхъ; соединенные— они грызутся между собою, и, боясь господства поляковъ, русины подавали голоса за централистовъ, а за господство надъ русинами то же самое сдѣлали въ 1867 г. и поляки. Разумѣется, что, какъ элементъ аристократическій, поляки все-таки успѣваютъ больше получить и отъ федералистическихъ и отъ централистическихъ, сих въ Вѣнѣ, а русины всегда остаются въ накладѣ, какъ бы вѣрно ни служили вѣнскимъ бюрократамъ. При теперешнихъ обстоятельствахъ австрійское правительство не имѣетъ уже никакого права раздѣлять Галицію, — ни корона, ни самый рейхсратъ не рѣшится на такое дѣло, которое сдѣлаетъ изъ поляковъ непримиримыхъ враговъ той и другого,— такъ что русинамъ до времени гораздо практичнѣе было бы и не поднимать этого вопроса, а оставалось только, путемъ политической борьбы на почвѣ существующихъ установленій, добиваться огражденія своихъ національныхъ интересовъ и, главное, приготовлять свой народъ къ сознательному и твердому участію въ политической жизни. Современемъ, имѣя за себя весь свой народъ, можно будетъ подумать и о раздѣлѣ Галиціи.

Былъ еще одинъ резонъ въ 1861—1863 г., по которому австрійская бюрократія не очень-то наклонна была дѣлить Галицію, такъ чтобъ въ одной половинѣ ея русскій элементъ оказался господствующимъ. Резонъ этотъ не только не исчезъ, но, съ нѣкоторыми варьяціями, еще усилился съ тѣхъ поръ. Австрійская бюрократія боится родства Галиціи съ Россіей,—потому что близорукіе централисты-государственники въ Европѣ никакъ не могутъ взять въ толкъ, что національность тогда только есть условіе для государственнаго сепаратизма, когда населеніе извѣстной національности терпитъ ущербъ въ своихъ политическихъ правахъ или стѣсненіе своего духовнаго и національнаго развитія въ извѣстномъ государственномъ тѣлѣ. А казалось бы, если кому слѣдуетъ вполнѣ понимать это дѣло, такъ австрійцамъ, которые видятъ по сосѣдству у себя Италію и Швейцарію, видятъ, напримѣръ, что Венеція ушла отъ Австріи къ королевству Виктора-Эммануила, а Тессинскій кантонъ въ Швейцаріи (то же итальянскій) и не думаетъ присоединяться къ Италіи изъ-за одного только этнографическаго сродства, какъ и Женевскій кантонъ къ Франціи и т. д. Что же, спрашивается, это значитъ?

Несмотря на то, что со временъ Іосифа II австрійское правительство умѣренно покровительствовало русское духовенство въ Галиціи, оно всегда съ недовѣріемъ смотрѣло на попытки свѣтскаго образованія и литературы въ Галиціи (ниже

Digitized by Google

мы приведемъ примѣры, что такъ смотрѣли на эти попытки и многіе среди самого духовенства русскаго въ Галиціи). При Францѣ I-мъ печатаніе русскихъ книгъ въ Галиціи было до извѣстной степени staatsgefährlich. Въ бурныя времена 1848—1849 года пришлось бюрократіи поневолѣ «выдумать русиновъ»,—но передъ нею тотчасъ же сталъ страшный вопросъ: а что, если русины — (Ruthenen) — есть не что иное, какъ русскіе (Russen)? Еще въ 1867-мъ году гр. Бейстъ выразился весьма оригинально: «Wenn die Ruthenen Russen wären, so müsste ich es bedauern»,—точно народы обязаны справляться у австрійскихъ министровъ, чѣмъ имъ быть, — чтобъ не опечалить ихъ высокопревосходительства! На вопросъ австрійской администраціи: что такое «рутены»,—тогдашніе представители галицкой интеллигенціи сознательно отвѣчать не могли, потому что сами они не знали своего народа, да никогда о немъ серьёзно не думали. По воспитанію, по языку, на которомъ думали,—старые галицкіе литераторы, руководившіе въ 1848-мъ году «Главной русской Радой» въ Львовѣ, были, собственно говоря, поляки и нѣмцы, а вовсе не русскіе. Мы выше видѣли уже, что Зубрицкій писалъ сначала по-польски, по-польски же писали грамматикъ Лозинскій, а другой свящ. Левицкій въ книжкѣ, написанной по-польски о русской литературѣ въ Галиціи (Listy tyczą ce się pismienictwa ruskiego w Galicyi. W Przemyślu, w drukarni biskupiej obrządku grżecko-katolickiego, 1843.), даже жаловался на попытки Шашкевича, Головацкаго и Вагилевича писать по народно-русскому, защищая по-польски церковное письмо, какъ «стародавнее, принятое 50-ю милліонами», и хвалилъ начальство за то, что оно не позволило явиться альманаху упомянутыхъ литераторовъ «Русалки Днѣстровой» (1837), въ томъ видѣ, въ какомъ задумалъ ее «тріумвиратъ», — а между тѣмъ по общему признанію всѣхъ, писавшихъ сколько-нибудь серьёзно о литературѣ русской въ Галиціи, — именно съ той «Русалки» и начинается русское возрожденіе въ этой области. Изъ лицъ, которыя потомъ играли видную роль въ литературѣ и политикѣ въ Галиціи, г. Дѣдицкій потерпѣлъ даже правительственную кару за участіе въ польскихъ революціонныхъ попыткахъ; гг. Наумовичъ и Бѣлоусъ — первый очень талантливый ораторъ, издатель многихъ популярныхъ журнальцевъ и брошюръ, теперь выдающій чисто-народнымъ нарѣчіемъ ежемѣсячный популярный журналъ «Наука», гдѣ между прочимъ печатаетъ свою автобіографію;—второй былъ послѣ директоромъ гимназіи въ Коломіи, гдѣ завелъ-было русскую типографію и имѣлъ большое

Digitized by Google

вліяніе на русское общество, для парализованія котораго послѣ 1867 г. переведенъ въ чисто-польскій край въ западной Галиціи,—оба они до 1848 г. считали себя поляками, какъ говорилось тогда: «gente Rutheni, natione Poloni». Передъ 1848-мъ г., русинскіе духовные и литераторы семинарскаго образованія на свой народъ смотрѣли какъ на хлоповъ, знали о себѣ ясно только, что они люди «грецко-католицкаго обряду» и въ этомъ смыслѣ русины, то-есть, не-поляки; слыхали, что и въ Россіи живутъ люди того же обряду, съ тѣмъ же церковнымъ языкомъ; слыхали, что въ Россіи есть и литература россійская, изъ коей кромѣ Ломоносова и Державина и т. п. они и ничего не знали да и понять не могли; слыхали, что въ Россіи есть зачатки и малороссійской литературы; читали въ классификаціяхъ народовъ и у славянскихъ филологовъ, что галицкіе русины относятся къ племени русскому, а въ немъ къ вѣтви малорусской,—но чѣмъ отличается одна вѣтвь отъ другихъ, чѣмъ даже отличается языкъ русскій отъ языка, употребляемаго въ церквахъ въ Россіи и Галиціи, того не могли опредѣлить не только заурядные духовные въ Галиціи, но даже и тѣ, кто писалъ тамъ грамматики языка «русскаго», «малорусскаго», «русинскаго» и т. д., — грамматики по филологическимъ идеямъ и пріемамъ не отличающіяся отъ издѣлій XVII-го вѣка. Довольно и такого примѣра, что въ нѣмецкой, изданной въ 1837-мъ году, грамматикѣ галицко-русскаго языка (Grammatik der ruthenischen, oder kleinrussischen Sprache in Galizien) Левицкій приводилъ въ примѣръ малорусской рѣчи —стихи Державина!

И вотъ, людей съ такими ясными понятіями спрашиваетъ настоятельно трусливая и педантская австрійская администрація въ 1848-мъ году,—«что вы за народъ»? Они знаютъ только одно: «wir sind die *Ruthenen!*» да еще то, что австрійское правительство боится Россіи, — а потому прибавляютъ: «wir sind aber keine *Russen*». А замѣтимъ, что въ старой ученой латинской терминологіи очень часто и русскихъ называли Rutheni sive Russi, равно какъ и слово *русинъ* издавна въ Россіи употреблялось въ равномъ смыслѣ, какъ и *русскій*,—и есть только южно-русская, или если хотите старо-русская форма названія народа отъ слова *русь*, какъ и русскій, похожая на турчинъ, сербинъ, нѣмчинъ, гречинъ, татаринъ и т. д. Болѣе знакомые съ славянскою филолого-этнографическою терминологіею, незабывшіе воспоминаній «тріумвирата» Шашкевича и изрѣдка находившіеся въ сношеніяхъ съ нашими малорусскими филологами, напримѣръ, г. Максимовичемъ,—добавили къ слову «die Ruthenen» еще и стати-

Digitized by Google

стическія данныя, что-молъ этотъ народъ въ количествѣ 15-ти милліоновъ живетъ тамъ-то и тамъ-то въ Австріи и Россіи;— кстати же, дебютъ въ политикѣ, да еще въ виду столь претенціознаго народа, какъ польскіе патріоты, благодаря такому счету географическому и статистическому, — становился внушительнѣе. Такимъ образомъ сложился въ одно время и внушительный и на первое время совершенно успокоительный для австрійской бюрократіи отвѣтъ русинскихъ патріотовъ «Главной русской рады»:—Мы русины—самостоятельное славянское племя, отличное отъ поляковъ и русскихъ [1]). Но подъ этими словами не лежало никакихъ ясныхъ представленій ни о русскихъ, ни о малороссахъ, ни о самомъ галицкомъ народѣ, — чтобъ дальнѣйшая литературная и политическая дѣятельность была направлена къ сознательнымъ цѣлямъ и была ограждена отъ qui-pro-quo, скачковъ и недоразумѣній. Если формула галицкихъ патріотовъ 1848 года имѣла какую-нибудь цѣну и пользу, то только отрицательную: «мы не поляки», — это одно только и было ясно. А прибавка: мы—«часть племени малорусскаго», усиливала значеніе этой отрицательной формулы, составляя отвѣтъ тѣмъ полякамъ и псевдо-русинамъ, какъ, напримѣръ, гг. Добжанскій, Костецкій и др., которые собрали противъ «главной русской рады» свою «раду русскую», провозгласившую, что галицкая Русь издревле не разъ входила въ составъ польскаго государства (поляки любятъ говорить, что Владиміръ св. отнялъ-было временно «чермную русь» отъ Польши), за которымъ укрѣплена въ XIV-мъ вѣкѣ окончательно, и что *русинъ*, *русинка* и т. п. названія народныя въ Галиціи составляютъ только разновидность поляка (gente ruthenica, natione polonica), какъ мазуры. Ссылка

[1]) Вотъ подлинныя слова изъ записки „Главной рады“ отъ 31-го іюня 1848 г. (Denkschrift der ruthenischen Nation in Galizien, zur Aufklärung ihrer Verhältnisse): „Obwohl gleich den Polen dem grossen Slaven-Stamme angehörig, sind die Ruthenen von den Polen durch Sprache, Schrift, Gewohnheiten, Gebrauche und den kirchlichen Ritus verschieden; sie bewohnen einen der fruchtbarsten Sandstriche Europas, denn sie sind in gegenwärtigen Südrussland, Südost-Polen, Galizien und Nordungarn verbreitet und zählen 15 Millionen Seelen“:—Въ запискѣ отъ 21-го августа 1848 г. („Darstellung der gegenwärtigen Zustände in Galizien“) говорится: „Das ruthenische Volk bildet für sich eine eigene Nation, so wie die Russen, Czechen, Kroaten, Bulgaren, Polen und andere slavische Volksstämme“; — а въ запискѣ, посланной сейму имперскому 25-го августа 1848 г., та же мысль сказана даже въ такихъ патетическихъ выраженіяхъ: „Würde man auch die Geschichte vertilgen, alle Bücher und Schriften verbrennen, es lässt sich dennoch ein grosses Volk von 15 Millionen Seelen, dessen Theil wir 2½ M. sind, mit blossen Worten nicht wegdemonstriren“.

Digitized by Google

на малороссіянъ и признаніе, что галичане составляютъ часть послѣднихъ, была полезна какъ отвѣтъ на эти теоріи,—такъ какъ, во-первыхъ, малороссіяне сами свергли съ себя польскую власть, а во-вторыхъ, живутъ и въ такихъ земляхъ, которыя не только никогда не принадлежали Польшѣ, но даже не входили въ составъ столь часто поминаемаго поляками, но стольже мало понимаемаго ими, такъ-называемаго «вольнаго союза Польши, Литвы и Руси»,—какъ напримѣръ, малороссіяне въ губерніяхъ, образовавшихся изъ Слободской Украины, и въ краяхъ черноморскихъ.

Но во всѣхъ этихъ переговорахъ и объясненіяхъ съ правительствомъ австрійскимъ и поляками на тему: что̀ такое русины галицкіе? лежалъ одинъ существенный поровъ: это—связываніе вопроса о національности русиновъ съ внѣшними политическими отношеніями, отчего на будущее время не только государственные вопросы, какъ дѣло устройства области Галиціи, но и всѣ чисто домашнія дѣла галицкихъ русиновъ, ихъ литература, даже самое письмо, ихъ этнографическія идеи,—все это получило значеніе политическихъ вопросовъ, въ которые позволяли себѣ вмѣшиваться политическія и даже административныя власти. Пишетъ человѣкъ гражданкой,—staatsgefährlich на одинъ манеръ! пишетъ другой кулишевкой,—staatsgefährlich на другой манеръ! говоритъ одинъ, что онъ «русскій»,—москофильство! говоритъ другой, что онъ «руській»,—украинофильство! читаетъ Пушкина—измѣнникъ! читаетъ Шевченка—революціонеръ! почитаетъ землякомъ Владиміра св.—«схизматикъ», и слѣдовательно опять измѣнникъ и революціонеръ! почитаетъ Казиміра Великаго и Мицкевича—полонофилъ, и слѣдовательно революціонеръ на другой манеръ! и т. д. И вотъ надо русинамъ на всякіе случаи сочинить оффиціальныя формулы: на грамматику, исторію, этнографію, оффиціальные эстетическіе вкусы, научныя положенія и т. д.,—и сочинять эти формулы и программы будетъ имъ бюрократія, ничего основательно въ такихъ вещахъ незнающая и мѣняющаяся сообразно дуновеніямъ вѣтровъ. Произошло же это смѣшеніе областей внутреннихъ и нравственныхъ, домашне-галицкихъ вопросовъ съ областью внѣшней политики и администраціи, оттого, что русинскіе вожди сразу пустились толковать съ людьми чужими по національности и съ государственными властями и учрежденіями о такомъ совершенно домашнемъ вопросѣ, какъ-то—кто они такіе? а не заявили сразу и прямо: что объ этомъ-молъ намъ самимъ знать!—постороннимъ же людямъ и государственнымъ властямъ и собраніямъ довольно и того, что мы вѣрные подданные государственныхъ законовъ и намѣреваемся

Digitized by Google

впредь заботиться о своихъ дѣлахъ и своемъ нравственномъ и національномъ развитіи на почвѣ этихъ законовъ, и т. д. Быть можетъ, и даже навѣрное, приведенныя выше объясненія русинскихъ вожаковъ съ намѣстниками, министрами, рейхсратами на тему,— кто они такіе?—были и неизбѣжны при тѣхъ условіяхъ, при какихъ были «выдуманы русины»; — объясненія эти происходили, конечно, частію оттого, что русинскіе вожди сами не знали хорошенько, кто́ они такіе, и сами не освоились съ мыслью, что они существуютъ какъ нѣчто несомнѣнное и потому не требующее объясненій своихъ правъ на существованіе; частію отъ слабости, при которой, еслибъ русины сразу не заявили себя весьма скромными просителями, то правительство не только не помогло бы имъ стать на ноги, но еще сильно бы мѣшало. Все это такъ,—но все это мало предвѣщало добра въ будущемъ,— и мало дѣлаетъ чести проницательности русинскихъ вождей всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ то обстоятельство, что они и до сихъ поръ еще не стали на такую независимую точку зрѣнія, чтобъ устранить всякій политическій элементъ изъ обсужденій вопроса, кто они такіе? и отдѣлить свои литературные и научные вопросы и мнѣнія отъ политическихъ и административныхъ.

Какъ бы то ни было, а на первый разъ въ 1848-мъ году русинами данъ былъ отвѣтъ австрійскому правительству во всѣхъ отношеніяхъ, повидимому, удовлетворительный; «die Ruthenen» назывались «das treuste Volk, die Tiroler des Ostens»; русинскіе поэты «плели вѣнки на главѣ Габсбурговъ», и даже въ 1859-мъ году такой даровитый поэтъ, какъ г. Федьковичъ, — Шевченко галицко-буковинскій, воспѣвалъ воинство, стремившееся въ «буйную Италію съ французомъ, сардомъ воевать». Австрійское правительство точно «облагодѣтельствовало» галицко-русскій народъ, уничтоживъ остатки крѣпостного права, но очень умѣренно,— оно далеко не обидѣло и помѣщиковъ (въ восточной Галиціи поляковъ), оставивъ за ними сервитуты, право продажи водки (пропинацію). Открыто было нѣсколько школъ русскихъ, которыя, сообразно тогда царившему въ Австріи клерикализму, попали въ руки духовенства,— чѣмъ, конечно, галицкіе патріоты остались вполнѣ довольны; предусмотрительная администрація признала оффиціальнымъ шрифтомъ для русскихъ школъ и литературы церковный, потому что проникшая-было изъ Россіи, черезъ Котляревскаго и Максимовича, гражданка казалась австрійскому начальству, какъ и русинско-уніатскому впрочемъ, подозрительною. Этимъ церковнымъ шрифтомъ, или хоть правописаніемъ пошла

Digitized by Google

писаться новая русинская литература [1]). Галицкіе литераторы начали писать, какъ ни попало, переводя свои мысли съ нѣмецкой и латинской семинарщины, съ польскаго на языкъ, который каждый изъ нихъ могъ называть русскимъ, русинскимъ, малороссійскимъ, галицко-русскимъ и т. д., смотря по вкусамъ и симпатіямъ, но, который ни на какой живой человѣческій языкъ не былъ похожъ. Въ галицкихъ изданіяхъ—«Науковый Сборникъ», «Заря Галицка», «Семейная Библіотека», по недостатку своего матеріала, стали перепечатывать и статьи, стихи и разсказы, напечатанныя въ Россіи. Этнографическое сродство, память о формулѣ 1848 года и о Шашкевичѣ, котораго имя начали чтить, какъ отца литературы (всякой благопристойной литературѣ подобаетъ имѣть свой культъ), совѣты г. Максимовича, все это было причиною, что перепечатывалось большею частію малорусское; но случай и московскія славянофильскія идеи, заходившія, впрочемъ, больше всего косвеннымъ путемъ черезъ Прагу,—заносили въ галицкія изданія и стихи Хомякова, а вмѣстѣ съ ними и «Мичмана Поцѣлуева», «Солдата Перфильева» и т. п. Сколько-нибудь сознательнаго выбора ни изъ русской, ни изъ малорусской литературы галицкіе литераторы сдѣлать были не въ состояніи. Одинъ изъ нихъ, болѣе наклонный къ народному элементу, говорилъ еще въ 1848-мъ г. въ собраніи «Матицы» о Шевченкѣ, но вообще этотъ послѣдній раньше 1862 — 63 г. въ Галиціи былъ неизвѣстенъ: слишкомъ онъ былъ «хлопскій» да и вовсе неудобный для «восточнаго Тироля» писатель. Что въ русской литературѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ можно было выбрать тоже что-либо получше «Мичмана Поцѣлуева»,—само собою разумѣется. Но русской литературы и до сихъ поръ не знаютъ въ Галиціи, а старые ея литераторы, тѣ и вовсе не могли понять интересовъ русской литературы послѣ гоголевскаго періода, потому что именно съ половины сороковыхъ годовъ она стала сильно отличаться «хлопствомъ». Какъ случайны были отношенія галицкихъ издателей и литераторовъ къ русской и малорусской литературѣ видно изъ того, что издатель «Семейной Библіотеки» (1855—56) г. Шехоничъ печаталъ у себя разсказъ Основьяненка «Сердешна Овсана» въ русскомъ переводѣ. Г. Шехоничъ теперь

[1]) Въ народныхъ школахъ Галиціи и до сихъ поръ употребляется этотъ церковный шрифтъ,—а поляки и до сихъ поръ иногда поднимаютъ даже на сеймѣ рѣчь, что „гражданка“ не должна имѣть мѣста въ Галиціи, ибо она символъ „омосковленія“, какъ изобрѣтеніе Петра Великаго; русинскіе же литераторы, желая убѣлить несчастную гражданку, разыскиваютъ ее въ изданіяхъ кіевскихъ и венеціанскихъ до Петра Великаго.

Digitized by Google

пишетъ по-польски и вернулся въ число тѣхъ, которые считаютъ себя «gente ruthenica, natione polonica», а потому галицкіе малороссофилы въ такомъ поведеніи его усматриваютъ коварныя цѣли — помѣшать развитію національной литературы въ Галиціи. Вѣрнѣе всего, что г. Шеховичъ печаталъ, что̀ ему попадалось: по-малорусски, такъ по-малорусски, по-русски, такъ по-русски: тогда вѣдь, кромѣ *що* и *что*, *якъ* и *какъ*, галицкимъ литераторамъ разница между русскими языками была непонятна: для нихъ все равно читать и писать на какомъ бы то ни было русскомъ языкѣ было навѣрное му́кою. Разумѣется, имъ хотѣлось сейчасъ же сравнять свою литературу по чину съ польскою. О народномъ образованіи, о гимназическомъ даже, они не думали вѣдь съ народа довольно и псалтыря, какъ говорилъ Зубрицкій, а гимназіи тогда были нѣмецкія,—и правительство Баха, конечно, не думало заводить другихъ, а святоюрскіе же политики не смѣли идти противъ министерства. Галицкимъ литераторамъ осталось писать статьи (расправы) филологическія, философическія, историческія, памфлеты политическо-національные, и, конечно, не по-хлопски-жъ ихъ писать. Если кто не могъ вынести му́ки переводить свою мысль на дѣланный языкъ, тотъ брался за нѣмецкій, или даже опять за польскій. У иныхъ явилась мысль обратиться прямо къ русскому,— но одинъ Зубрицкій логично пошелъ по этой дорогѣ и написалъ «Исторію Галицко-Русскаго Княжества» (1852—1855) довольно хорошо по-русски. Въ частной и семейной жизни вновь, послѣ короткаго періода національнаго броженія, всецѣло воцарился польскій языкъ и польская литература.

Австрійская бюрократія, часть духовенства уніатскаго скоро начали безпокойно смотрѣть и на это развитіе свѣтской литературы въ Галиціи и на ту долю связи ея съ Россіей, какая проявлялась въ перепечаткахъ даже съ малороссійскаго. Разумѣется, что поляки не преминули раздуть подозрительность австрійской бюрократіи, и фраза, бывшая тогда въ ходу у поляковъ, что «русинъ можетъ быть только или полякомъ, или москалемъ», стала рано дѣйствовать на австрійскую бюрократію. Оффиціальный журналъ, заведенный правительствомъ для русиновъ при вѣнской уніатской семинаріи, «Вѣденскій Вѣстникъ», началъ проводить мысль объ особенномъ народѣ рутенскомъ, отдѣльномъ и отъ малороссовъ, а не только отъ русскихъ. Правительство уже въ 1850-мъ г. уничтожило политическое раздѣленіе Галиціи, а въ 1859-мъ г. уже былъ назначенъ намѣстникомъ въ Львовъ гр. Голуховскій, который хоть и былъ помощникомъ гр. Стадіона, изобрѣтателя русиновъ, но все-таки не былъ чуждъ польскихъ

Digitized by Google

національныхъ тенденцій. Гр. Голуховскій задумалъ-было устранить въ Галиціи не только «гражданку», которая стала тамъ распространяться съ тѣми приспособленіями къ южнорусскому языку, которыя, на основѣ старокіевскаго правописанія, ввелъ г. Максимовичъ, но и кирилловскую азбуку вообще, замѣнивъ ее латинскою азбукою на польско-чешскій манеръ. Этотъ трудъ раздѣлялъ съ гр. Голуховскимъ чехъ-профессоръ Иричекъ, тогда чиновникъ въ министерствѣ, потомъ членъ министерства гр. Гогенварта. Вообще чеховъ тогда было много въ Галиціи между чиновниками и педагогами: они сначала помогали германизаціи Галиціи, а потомъ стали помогать полонизаціи. Впрочемъ, благодаря оппозиціи литераторовъ, особенно духовенства галицкаго, кирилица была спасена, но гражданка утвердилась въ Галиціи только послѣ конституціи 1861 года.

1860—1863 гг. были годами, когда «новая» Россія, послѣ начала реформъ, обратила на себя большóе вниманіе за границей. Между прочимъ въ то время однимъ изъ проявленій «новой» Россіи было довольно сильное возбужденіе малорусской исторіографіи (по-русски) и беллетристики (по-малорусски). Это возбужденіе отразилось и на Галиціи, куда проникли съ этого времени печатаемыя отдѣльно въ петербургской «Основѣ» статьи, стихи, разсказы Костомарова, Шевченки, Кулиша, М. Вовчка и т. д., съ ихъ свѣтскимъ духомъ, съ рѣзкимъ демократическимъ и потому противупольскимъ и мало благопріятнымъ бюрократизму духомъ. Основанная въ 1861-мъ г. на деньги святоюрцевъ и печатаемая въ ставропигіальной типографіи, газета «Слово» стала явно высказывать украинофильскія идеи, перепечатывать статьи изъ «Основы», хотя и съ передѣлками на обычный языкъ галицкой литературы, и даже высказываться симпатично за борьбу малороссіянъ съ уніею. Противъ личности редактора «Слова» г. Дѣдицкаго былъ возбужденъ даже судебный процессъ за рѣзкія выраженія о римскомъ католицизмѣ. Основанная младшимъ поколѣніемъ литераторовъ галицкихъ, еженедѣльная газета «Вечерницы» шла еще дальше въ этомъ направленіи. Изъ тогдашнихъ польскихъ газетъ въ Галиціи можно сдѣлать много выдержекъ, показывающихъ, какъ жаловались поляки на эту украинскую хлопоманію, будто бы поощряемую московскими рублями для погубленія поляковъ на Украинѣ и даже въ Галиціи, на московскую «схизму», подъ видомъ украинизма распространяемую въ Галиціи. Начавшіеся еще раньше доносы на русиновъ изъ Львова въ Вѣну теперь еще болѣе усилились: вѣнской администраціи доносили, что «die ruthenische Litteratur hat die staatsgefährliche Richtung angenommen». «Въ-

Digitized by Google

денскій Вѣстникъ» предостерегалъ галицкихъ литераторовъ отъ «украинскаго болота» и еще настоятельнѣе сталъ развивать, въ противность малороссійской формулѣ «головной рады» 1848 года, ученіе объ особенной 3-хъ-милліонной галицко-русской народности, которой не только административныя, но и этнографическія границы лежатъ на р. Збручѣ, отдѣляющей Галицію отъ нашей Подоліи,—національности, которая не имѣетъ ничего общаго съ украинцами, всегда сопротивлявшимися уніи и обнаруживавшими непокорный демократическій духъ. Дѣла стали такъ, что украинское ли, «общерусское» ли, «великорусское» ли направленіе принимала галицкая литература, — все равно она казалась полякамъ «москалофильскою» и «схизматицкою», а австрійской бюрократіи — «сепаратистическою», staatsgefährlich. Австрійская бюрократія стала бояться, какъ бы «восточные тирольцы» не стали «восточными венеціанцами».

II.

Вотъ, по какимъ именно причинамъ австрійская бюрократія не очень-то была расположена удовлетворять такія требованія русинскихъ политиковъ, какъ требованіе административнаго раздѣла Галиціи,—а разработкой вопросовъ болѣе частныхъ, ближе касавшихся народной жизни, эти политики не занимались. Такъ простояли дѣла на одномъ мѣстѣ до самаго 1866 г., несмотря на то, что Шмерлингъ столько разъ обѣщалъ, что «die politische Theilung Galiziens wird den Ruthenen als eine reife Frucht in den Schoss fallen». Уже министерство Белькреди, при его федерализмѣ, оказалось наклоннымъ уступить польскимъ автономнымъ требованіямъ, а послѣ пораженія Австріи при Садовой и централистически-конституціонная партія въ Вѣнѣ увидѣла необходимость уступить полякамъ. На жалобы русиновъ въ Вѣнѣ отвѣчали, и при Белькреди и при Бейстѣ, или общими фразами, или совѣтомъ стараться провести свои требованія законнымъ путемъ черезъ мѣстный сеймъ. Послѣдній совѣтъ былъ и не безъ резона,—да только бѣда въ томъ, что прочное положеніе въ мѣстномъ сеймѣ пріобрѣтается прочнымъ положеніемъ и вліяніемъ среди народа,—а клерикалы русинскіе о немъ-то и не позаботились. Вторичное назначеніе графа Голуховскаго намѣстникомъ въ Галиціи въ 1866 г. обозначило, что правительство лишаетъ русинскую партію административной поддержки, — и съ тѣхъ поръ число русинскихъ депутатовъ въ львовскомъ сеймѣ все

Digitized by Google

уменьшалось, а искуснымъ подборомъ выборныхъ въ имперскій сеймъ, число русиновъ въ этомъ послѣднемъ свелось почти на нуль (на два, на три!). Гербстъ прямо сказалъ полякамъ: «wir haben ihnen die Ruthenen gedpfert». Русинскимъ политикамъ осталось, кромѣ безплоднаго средства частныхъ протестовъ, адрессовъ императору,—еще поискать другого средства, чтобы поддержать свои требованія. Такимъ средствомъ было выбрано заявленіе въ газетѣ «Слово»,—что русины составляютъ часть однороднаго великаго народа русскаго, имѣющаго въ Россіи отличное національное правительство, могущественную литературу и національно-настроенное общество, которые, — то-есть и правительство и общество, не оставятъ безпомощными своихъ братьевъ въ Австріи, отданныхъ на притѣсненіе полякамъ, венграмъ и нѣмцамъ. Такъ какъ галицкіе публицисты прежде всего археологи и филологи, то и новый политическій маневръ они тоже облекли въ археолого-филологическую форму. Они стали писать брошюры, доказывающія полное тожество всѣхъ племенъ русскихъ въ древности и ихъ нарѣчій теперь, ненужность всякихъ попытокъ писанія на другомъ русскомъ нарѣчіи, кромѣ того, какое принято въ литературѣ въ Россіи и которое, по ихъ словамъ, совершенно сходно съ ихъ собственнымъ. Языкъ, которымъ говорятъ въ Россіи, высказалъ одинъ галицкій публицистъ въ журналѣ «Боянъ», есть нашъ галицкій литературный языкъ! Всякаго, кто бы держался другого мнѣнія или даже хоть бы другого правописанія, галицкіе публицисты партіи «Слова» обзывали измѣнникомъ русскому народу, польскимъ запроданцемъ и т. п.

Это было какъ разъ во время разгара въ нашихъ журналахъ извѣстнаго сорта криковъ о сепаратизмѣ, польской интригѣ, обрусеніи, славянскихъ братьяхъ и т. п.,—а потому столь быстрый поворотъ тѣхъ самыхъ людей, которые еще за нѣсколько мѣсяцевъ писали сами статьи противъ «несытаго московскаго централизма, угрожающаго существованію Австріи, подъ покровомъ которой вольно развиваются всякія народности»,—столь быстрый и рѣшительный поворотъ не только такихъ людей, какъ редакторъ «Слова» г. Дѣдицкій, но и такихъ, какъ г. Климковичъ, редакторъ «Меты», злонамѣреннѣйшаго, по мнѣнію «Москов. Вѣдомостей», органа сепаратистовъ украинскихъ,—на стезю «обрусенія», не могъ быть привѣтствуемъ нашими обрусительными публицистами. А поворотъ былъ полный: г. Дѣдицкій издалъ брошюру: «Въ одинъ часъ малороссину выучитись по-великорусски»,—и въ ней доказывалъ, въ противность прежнимъ заявленіямъ своимъ и грамматикѣ одного изъ главныхъ руководителей «Ма-

Digitized by Google

тицы» и «рады русской», г. Головацкаго,—что Русь галицкая, угорская, кіевская, московская, тобольская и проч., во всѣхъ отношеніяхъ одна и та же Русь,—а г. Климковичъ сталъ издавать съ г. Ловчакомъ въ Вѣнѣ журналъ «Славянская Заря», въ коей не только напечаталъ открытое отреченіе отъ своей прежней литературной дѣятельности, въ статьѣ: «Быти ли малорусскому (литературному) вопросу», — но и рекомендовалъ всѣмъ славянамъ австрійскимъ писать тѣмъ языкомъ, какимъ обыкновенно пишутъ въ Россіи, и въ какомъ сама редакція «Зари» была не совсѣмъ тверда. Концертъ вышелъ умилительный. Австрійскіе русины писали жалобы нашимъ публицистамъ, расхваливали насъ, ругали Австрію,—а наши утѣшали ихъ обѣщаніемъ близкой помощи.

Благоразумный человѣкъ среди русской публики могъ находить порицанія и похвалы очень преувеличенными, надежды слишкомъ пылкими, а обѣщанія слишкомъ легкомысленными, или хотя легковѣсными (вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, редакторы нашихъ газетъ не могли же объявить войны Австріи, ни даже объявить графу Голуховскому выговоръ со внесеніемъ въ формуляръ). Но самый умѣренный человѣкъ у насъ могъ почувствовать нѣкоторое удовольствіе при видѣ того, какъ наши австрійскіе соплеменники желаютъ подкрѣпиться нашими духовными плодами на борьбу за свою народность, для своего нравственнаго развитія,—или хоть при видѣ того, что они обнаруживаютъ охоту ознакомиться съ нами, нашей литературой и языкомъ ея. Что-жъ?—пусть выучатся ему хоть въ 1/4 часа, коли могутъ, пусть пишутъ на немъ, только бы писали дѣло, только бы изъ всего этого вышелъ прокъ и для насъ, а особливо для нихъ.

Для насъ никакого прову изъ признанія галицкими патріотами единства русской литературы не вышло: кто изъ васъ, читатели, знаетъ въ эту минуту хоть пять строкъ, принадлежащихъ перу галицкаго писателя, которыя могли быть причислены къ произведеніямъ сколько-нибудь обогащающимъ нашу литературу? Несмотря на всѣ рекламы и искусственную поддержку, которую дѣлали наши извѣстные органы и кружки всѣмъ этимъ «Словамъ», «Боянамъ», «Страхопудамъ», «Зарямъ»,—они не могли найти себѣ въ Россіи и пяти добровольныхъ подписчиковъ. Нѣсколько галицкихъ литераторовъ переселились къ намъ въ послѣднее время,—что надѣлало немало шуму въ газетахъ нашихъ и австрійскихъ (въ галицкихъ газетахъ еще спеціально надѣлало шуму возведеніе одного изъ нихъ въ высокій чинъ,—такъ какъ въ отношеніи къ чинамъ и орденамъ наши галицкіе братья совершенные нѣмцы и австрійцы),—но это переселеніе

Digitized by Google

людей, бывшихъ иногда у себя и очень замѣтными, не произвело ровно никакого вліянія на нашу науку и литературу. О нихъ у насъ врядъ ли много людей и помнятъ, да и они сами не очень-то часто напоминаютъ о себѣ. Подобная безпослѣдность для нашей литературы обращенія къ намъ нѣсколькихъ галицкихъ патріотовъ клерикальнаго и полуклерикальнаго направленія совершенно естественна: чтобъ понять ее, читатель, незнавшій самъ галицкихъ журналовъ и книгъ, долженъ вообразить себѣ, что вдругъ бы воскресъ Симеонъ Полоцкій и пожелалъ написать что-либо интересное не только для читателей любого нашего журнала, хоть бы самого «Русскаго Вѣстника»... Разумѣется, что такой новѣйшій Симеонъ Полоцкій самъ, подумавъ нѣсколько серьезно, началъ бы съ того, что ничего бы не написалъ, или, еслибы и написалъ, то не нашелъ бы много читателей. Одинъ изъ галицкихъ литераторовъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ представилъ въ петербургскую дирекцію театровъ драму «Роксоляна», заявивъ даже, что не имѣетъ въ виду никакихъ выгодъ, а хочетъ только, чтобъ его пьеса была представлена на театрѣ въ Россіи, въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Разумѣется, что дирекція нашла «Роксоляну» невозможною къ представленію,—и даже сама редакція «Современной Лѣтописи Московскихъ Вѣдомостей» повторила подобное мнѣніе, не смотря на то, что въ это время она предавалась самымъ нѣжнымъ объясненіямъ и объятіямъ съ тѣми кружками въ Галиціи, гдѣ возникла «Роксоляна»,—которая, замѣтимъ, въ свое время давалась въ Галиціи съ превеликимъ успѣхомъ, восхвалялась въ «Словѣ», и даже вызвала бурю въ польскихъ газетахъ изъ-за того, что авторъ выставилъ русинкою, а не полькою, героиню, плѣнную галичанку, ставшую въ плѣну въ Турціи султаншею. А вѣдь собственно говоря всѣ писанія политическія и даже ученыя всѣхъ этихъ господъ, простиравшихъ свои длани къ Россіи, были въ своемъ родѣ Роксоляна. Гдѣ-жъ имъ возбудить интересъ, а тѣмъ болѣе прибавить богатство литературы у насъ, которые, хоть и не Богъ-знаетъ, какъ далеко ушли, а все-таки воспитались на Гоголѣ, читали лучшія вещи изъ европейскихъ литературъ то въ переводѣ, то въ подлинникѣ.

Не больше пользы принесло это братаніе галицкихъ святоюрцевъ съ нашими охранительными публицистами и для самихъ галичанъ. Начать съ того, что оно не дало даже тѣхъ послѣдствій, какія можно бы было ожидать всего скорѣе отъ этого братанія, а именно ознакомленія галичанъ съ нашей литературой и обществомъ, которое она выражаетъ. Здѣсь опять просимъ

Digitized by Google

читателя вообразить себѣ, что Симеону Полоцкому пришлось бы писать корреспонденціи изъ нынѣшней Россіи, выбирать передовыя статьи изъ русскихъ газетъ для перепечатки въ галицкія, книги для чтенія въ Галиціи и т. п.,—и затѣмъ вообразить себѣ, какое понятіе можно бы было составить о Россіи и русской литературѣ подъ руководствомъ такого истолкователя. Шовинистическія статьи «Голоса», реакціонныя завыванія «Московскихъ Вѣдомостей», культурно-историческіе афоризмы г. Погодина, компиляціи съ приправами, на сей часъ требуемыми, на толкучемъ рынкѣ русской литературы въ родѣ «Чеха Яна Гуса изъ Гусинца» какого-то Бильбасова,—вотъ чѣмъ кормили галицкую публику тѣ, кто взялся представить ей образцы литературы и мысли русской. Здѣсь кстати напомнимъ одинъ достовѣрный случай разговора русскаго съ однимъ сербомъ,—который спрашивалъ, есть ли въ Россіи свѣтская литература, потому что ни сербскіе руссофилы, ни наши славянофилы о другихъ произведеніяхъ русской литературы, кромѣ духовныхъ, сербской публикѣ не говорили. Со времени этого разговора прошло уже лѣтъ съ десять; съ тѣхъ поръ сами московскіе славянофилы значительно «разшишковались»,—а все-таки и до сихъ поръ, напримѣръ, славянскій благотворительный комитетъ въ своихъ посылкахъ книгъ русскихъ западнымъ братьямъ руководится тенденціями, довольно отзывающимися духомъ своихъ прародителей, а иногда беретъ для распространенія у братьевъ такой литературный хламъ, который у насъ никто не читаетъ и который авторы, соскучившись держать у себя въ складахъ, жертвуютъ славянскому комитету. Отъ этого наши западные братья собственно о настоящей русской литературѣ понятія не имѣютъ: имя г. Погодина, напримѣръ, всѣ знаютъ у нашихъ братьевъ, а о Бѣлинскомъ никогда не слыхали,—ужъ о Добролюбовѣ и ему подобныхъ говорить нечего. Между тѣмъ самый предрасположенный къ г. Погодину человѣкъ долженъ будетъ согласиться съ тѣмъ, что имя Бѣлинскаго надо поставить рядомъ съ именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и т. п. людей, не будь которыхъ, видъ русской литературы и общества, слѣдовательно, былъ бы какой-то иной, — тогда какъ безъ г. Погодина... не было бы развѣ «норманскаго періода въ русской исторіи». Мудрено ли поэтому, что, напримѣръ, даже чешскіе либералы удивляются, какъ это русскій могъ написать «Дымъ»; а у славянъ высказываются мнѣнія, будто всѣ, кто критически относится къ русской дѣйствительности, и кто находитъ, что намъ, прежде чѣмъ «учить и спасать другихъ», надо самимъ

Digitized by Google

поучиться многому и спастись отъ многаго, — нигилисты, т.-е. нѣмцы (!) и враги русскаго народа,—а тѣмъ кружкамъ у славянъ и у нѣмцевъ, которые враждебны сближенію славянъ съ Россіей, чтобъ напугать свою публику послѣднею, чтобъ выставить, что въ Россіи только и высказываются что шовинистическія да ретроградныя мысли,—стоитъ только указать на тѣ самыя произведенія, которыя выставляютъ на видъ наши же славянофилы и руководимые ими кружки у нашихъ западныхъ братьевъ.

Но это еще съ пол-горя, что братаніе извѣстной партіи среди галицкихъ патріотовъ съ нашими шовинистами не привело за собою даже ясныхъ представленій о насъ въ Галиціи, самая главная бѣда,—и именно съ точки зрѣнія интересовъ русскаго народа въ Галиціи,—это то, что вслѣдствіе такъ-сказать эмиграціоннаго настроенія умовъ галицкихъ патріотовъ политическое положеніе русскаго вопроса въ Галиціи сильно ухудшилось, да не улучшилось и положеніе самихъ патріотовъ, кромѣ развѣ личнаго положенія тѣхъ, которые перебрались на служебныя мѣста въ Россію. Прежде всего въ этихъ обращеніяхъ взоровъ галицкихъ патріотовъ на Россію было всегда своего рода двуличіе, или по меньшей мѣрѣ не было прямоты и послѣдовательности. А въ политической и національной борьбѣ обращеніе за помощью внѣ границъ извѣстнаго государства тогда только и приноситъ пользу, когда оно совершается открыто и послѣдовательно, и когда, конечно, за границею есть сила дѣйствительно способная и готовая доставить торжество элементу, обращающемуся къ ней за помощью и съ надеждами. Въ такомъ родѣ было, напр., отношеніе къ Австріи Венеціи и Италіи къ послѣдней: венеціанцы прямо высказали нежеланіе быть въ Австріи и, благодаря нескрываемой поддержкѣ Италіи, могли выносить тотъ застой всякаго рода положительной дѣятельности нравственной и матеріальной, который неизбѣжно сопровождаетъ состояніе протеста и отрицанія, а особенно физической или нравственной эмиграціи. Но такъ-называемые галицкіе «москвофилы» не имѣли въ прошломъ никакихъ ни Маниныхъ, ни Маццини,—они вышли изъ «treuste Volk» и никогда не переставали писать въ Вѣну самыя усердныя вѣрноподданническія заявленія на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыхъ заявляли, что русскій народъ въ Галиціи ждетъ блага только отъ Цесаря изъ Вѣны. А въ то же время въ своихъ изданіяхъ, какъ въ «Словѣ», такъ и въ популярныхъ «Листахъ до громадъ» галицкіе литераторы говорили о Россіи, какъ о единственномъ государствѣ, гдѣ русскій народъ можетъ пользоваться тѣмъ чуть не райскимъ состояніемъ, коимъ теперь уже поль-

Digitized by Google

зуется населеніе Россіи, о русскомъ государѣ, какъ о единственномъ царѣ *всего* русскаго народа и т. д. [1]).

Еще въ 1848-мъ г. несчастнымъ образомъ вопросъ о національности, языкѣ и литературѣ галичанъ получилъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ политическое значеніе и связался съ вопросомъ о вѣрноподданствѣ. Поэтому, вышеупомянутое заявленіе «Слова» и «Листовъ до Громадъ» о единствѣ русской народности и литературы отъ Карпатъ до Амура, имѣло тоже политическое значеніе, въ особенности благодаря весьма прозрачнымъ намекамъ, которыми всегда сопровождались подобныя заявленія. Еще болѣе политическій характеръ придали этимъ заявленіемъ слова г. Наумовича въ сеймѣ, гдѣ этотъ очень усердный дѣятель и весьма талантливый ораторъ, выразился въ такомъ смыслѣ: мы оставались вѣрны формулѣ 1848 г. о нашей народности и работали усердно надъ развитіемъ литературы исключительно на народныхъ началахъ,—но за это намъ заплатили отданіемъ насъ полякамъ,—а поляки не хотятъ признавать нашу народность,—теперь мы должны перемѣнить свои взгляды на свою народность и литературу и искать себѣ опоры въ шестидесяти-милліонномъ русскомъ народѣ. Нѣкоторые изъ вліятельныхъ въ русинскихъ обществахъ лицъ, какъ-то: совѣтникъ судебной палаты въ Галиціи и вице-президентъ сейма г. Лавровскій и крылошанинъ Павликовъ, которыхъ мы еще будемъ имѣть случай называть далѣе, хотѣли протестовать противъ отреченія своихъ товарищей отъ формулы головной русской рады 1848 г. и обратились къ номинату-епископу Куземскому. Это былъ тотъ самый Куземскій, котораго потомъ назначили уніатскимъ епископомъ къ намъ въ Холмъ, гдѣ онъ и восхвалялся нашими и галицкими изданіями, какъ ревностный очиститель уніи отъ ультрамонтанскихъ элементовъ, а потомъ вдругъ по какимъ-то неразъясненнымъ причинамъ (иностранныя газеты говорили, что будто бы

[1]) До чего привычка къ низкопоклонству передъ централистическими элементами въ Австріи укоренилась въ святотворскихъ кружкахъ, видно изъ слѣдующаго недавняго факта: нѣсколько мѣсяцевъ назадъ праздновалось въ Австріи совершеннолѣтіе дочери императора Гизели. Корпораціи разныхъ національностей воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ заявить свою преданность династіи,—отдѣляя ее отъ министерствъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ свои національныя стремленія. Конечно, каждая народность писала адрессы на своемъ языкѣ. Въ Галиціи представители корпорацій такъ-называемой молодой, или народной партіи,—о которой ниже,—„Русской Бесѣды“ и „Просвѣты“, „Торбана“, „Дружескаго Литвара“ послали адрессы по-русски и по-нѣмецки, а институтъ ставропигіальный, комиссія „Народнаго Дому“, „Русской Матицы“, „Русской Рады“ только по-нѣмецки. И это послѣ всѣхъ заявленій, что отъ „Запада“ и „нѣмцевъ“ не ждать русскому народу добра.

Digitized by Google

вслѣдствіе тайныхъ сношеній съ Римомъ, гдѣ онъ жаловался на насильственныя дѣйствія нашего правительства) оставилъ Россію и теперь представленъ митрополитомъ львовскимъ Сембратовичемъ, извѣстнымъ ультрамонтаномъ, въ кандидаты на должность викарія львовскаго архіепископства. Этого-то Куземскаго и просили собрать тогда «главную раду» для протеста. Въ Вѣнѣ поняли заявленія «Слова» и г. Наумовича, какъ вызовъ Австріи. Гр. Бейстъ говорилъ: «Будь дѣйствительно русины—русскіе, мнѣ было бы это очень прискорбно (?!). Но на самомъ дѣлѣ это не такъ, а потому правительство должно видѣть въ новѣйшихъ манифестаціяхъ русиновъ враждебное Австріи направленіе и не можетъ поддерживать ихъ. Мой совѣтъ былъ бы — вернуться на старый путь, честно вернуться (umkehren, ehrlich umkehren), если только точно они принимаютъ близко къ сердцу благо своего народа». Главную раду, въ виду важности положенія, собрать было необходимо, — для того, чтобъ или отвергнуть формулу провозглашенную въ газетѣ, которая служитъ органомъ института ставропигіальнаго, «Матицы», и «Народнаго Дому»,— или утвердить ее, или же объявить, что всякаго рода мнѣнія русиновъ о своей этнографической народности и литературѣ не имѣютъ ничего общаго съ политикой и вопросомъ объ ихъ отношеніяхъ къ Австріи. Въ томъ или другомъ случаѣ дѣло было бы ведено ясно и честно, — но въ томъ-то и бѣда, что политики-крылошане не хотѣли ясности, разъ потому, что все-таки мало чувствовали ее въ своихъ головахъ, а въ другой потому, что ясность помѣшала бы имъ вести двойную или тройную игру въ Вѣнѣ у нѣмцевъ, въ Львовѣ у поляковъ и въ Россіи у нашихъ славянофиловъ и обрусителей, которыхъ тогда считали за границею партіей, руководящей даже и правительствомъ нашимъ. Вотъ почему номинатъ Куземскій отвѣчалъ, что по поводу заявленій частныхъ мнѣній журналистовъ не стоитъ собирать «главной рады». Подобное двуличіе въ поведеніи галицкихъ политиковъ было столько же разсчитанное, сколько и естественное, потому что не могли же они не видѣть хоть по временамъ, когда туманъ газетныхъ фразъ нѣсколько разсѣялся, что Россія вовсе не такъ относится къ Галиціи, какъ Италія къ Венеціи, что и галицкій народъ вовсе не такъ настроенъ, какъ венеціанскій, что и общество у насъ весьма холодно къ галицкимъ соплеменникамъ, будучи слишкомъ занято своими домашними дѣлами,—и что, слѣдовательно, суть борьбы за народность русскую въ Галиціи должна быть ведена на внутреннемъ полѣ, внутренними средствами, въ условіяхъ австрійскаго политическаго строя,

Digitized by Google

а не заграничнаго, и что, поэтому, разрывать вовсе съ Австріей нельзя было. Но не практичнѣе ли было вовсе и не кричать о помощи извнѣ, если на нее мала была надежда, и заниматься своимъ дѣломъ, дѣломъ поднятія нравственной и матеріальной силы своего народа? — при этомъ каждый могъ имѣть объ этнографическихъ отношеніяхъ русскаго народа такое мнѣніе, какое вытекало изъ научныхъ познаній и изслѣдованій каждаго, и развивать литературу сообразно этимъ идеямъ этнографическимъ и филологическимъ и литературнымъ вкусамъ.

Теперь же это новое связываніе вопроса о народности и литературѣ галицко-русской съ политикой, и при этомъ неискренность и двойственность поведенія русинскихъ литераторовъ и политиковъ послѣ 1866—67 года, навлекли на русиновъ,—и, главное, на невинный ни въ чемъ народъ,—всѣ невыгодныя послѣдствія оппозиціи и не дали ни одной выгоды, какую ведетъ за собою откровенная оппозиція, которую уважаютъ и боятся, и съ которой потому по необходимости считаются и договариваются. Центральное правительство не только предоставило вопросъ объ отношеніяхъ русиновъ и поляковъ галицкому сейму,—но даже, какъ выразился графъ Бейстъ, сейму этому, то-есть польскому большинству его, предоставлено было рѣшить, насколько русины имѣютъ право быть признаны и существовать въ Галиціи (ob und wiefern die Ruthenen in Galizien zu bestehen haben). Поляки, конечно, не поцеремонились съ русинами и не только всюду, гдѣ можно было, насадили администраторами поляковъ, ввели польскій языкъ въ администрацію, въ судъ, отвергли права русинскаго языка въ тѣхъ гимназіяхъ, въ коихъ онъ былъ признанъ прежде, но и черезъ школьный совѣтъ налегли тяжелою рукою и на тѣ школы, въ какихъ еще оставался признаннымъ русскій языкъ. Центральное правительство давало согласіе на всѣ вредныя русинамъ опредѣленія львовскаго сейма. Затѣмъ, двуличіе, о которомъ мы говорили, имѣло весьма вредное нравственное вліяніе на личности и характеры въ русинскомъ обществѣ, старомъ и молодомъ, — а особенно, когда послѣ усиленія поляковъ въ сеймѣ оно превратилось у нѣкоторыхъ въ триличіе, такъ какъ въ центральныхъ кружкахъ вѣнскихъ не покинули вовсе пріема по временамъ стращать поляковъ русинами, а поляки по временамъ заявляли, что не прочь сдѣлать уступки и русинамъ, только-бъ они не дружили ни съ «Москвою», ни съ нѣмцами.

Уже и прежняя конституціонная практика австрійскихъ народовъ не способствовала развитію честности и гражданскаго

Digitized by Google

мужества, особенно у русиновъ,—а теперь состояніе слабости, дезорганизаціи и раздѣленій въ русинскомъ обществѣ открывало дорогу всякаго рода вилляніямъ и эквилибристикѣ, эксплуатаціи въ пользу личныхъ интересовъ, запутанности общественныхъ дѣлъ и т. п. Въ этихъ эквилибристическихъ упражненіяхъ и въ ловлѣ рыбы въ мутной водѣ особенно отличались именно тѣ кружки, изъ прежней болѣе компактной святоюрской партіи, которые прежней политикой покорности успѣли выдвинуться впередъ,—и въ главѣ ихъ наслѣдникъ Яхимовича, митрополитъ Литвиновичъ. Сообразно двумъ непріятнымъ для польской и нѣмецкой бюрократіи призракамъ,—революціонно-гайдамацкаго украинофильства и сепаратистическаго москвофильства,—митрополитъ и его приближенные заявляли высшимъ сферамъ, что только они могутъ удерживать спокойствіе въ краѣ и принадлежность его къ монархіи Габсбурговъ. Парламентская казуистика и обрядность—подача адрессовъ, воздержаніе отъ голосованія, выходъ изъ залы засѣданій и т. п.,—вотъ чѣмъ наполнялась дѣятельность политическихъ кружковъ русинскихъ, съ 1866 г. особенно приближенныхъ къ митрополиту, которыхъ стали звать «политиками». Черезъ нѣсколько лѣтъ Литвиновичъ умеръ, каѳедра митрополитская оставалась нѣкоторое время вакантною, каѳедра перемышльскаго епископа тоже, и святоюрская партія, въ которой замѣчалась уже и прежде деморализація и раздѣленіе, теперь осталась даже безъ видимыхъ главъ. Между тѣмъ, въ Вѣнѣ, очевидно, шансы поляковъ все поднимались: кто бы ни взялъ верхъ, централисты ли, или федералисты,—въ томъ и другомъ случаѣ поляки должны были получить требуемыя ими уступки; русины же оказывались слишкомъ слабы, чтобъ съ ними договаривались не только нѣмцы, но и сами чехи. Съ другой стороны, становилось очевиднымъ, что и на Россію надѣяться было нечего. Она и не думала вмѣшиваться во внутреннія дѣла Австріи,—и кромѣ передовыхъ статей въ газетахъ, да нѣсколькихъ сотенъ рублей, кое-кому изъ галицкихъ ораторовъ и редакціи «Слова», присланныхъ славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ, изъ Россіи ничего въ Галицію не являлось. Одни думали, что Россія холодна потому, что и галичане еще не довольно усердны въ заявленіи своей преданности, что «Слово» еще слишкомъ робко усвоиваетъ русскій литературный языкъ,—и требовали въ петербургскихъ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» радикальнаго разрыва какъ съ австрійскими властями, такъ и съ тѣмъ литературнымъ языкомъ, какой употреблялся все-таки въ святоюрскихъ изданіяхъ, и иногда даже наивно назывался настоящимъ литератур-

Digitized by Google

нымъ языкомъ, употребляющимся въ Россіи. Не знаемъ, какія бы практическія послѣдствія повело бы за собою усвоеніе такой радикальной политики, много ли бы людей пошло за такою программой, много ли бы читателей въ Галиціи нашла литература, языкомъ и духомъ не отличающаяся отъ петербургской и московской,—но несомнѣнно, что и такая программа политическая, и писаніе въ Львовѣ живымъ языкомъ, какимъ говоримъ и пишемъ мы въ Россіи, были бы, какъ говорится «что-нибудь»,—такая программа была бы, по крайней мѣрѣ, понятной. Но дѣло въ томъ, что для такой программы у святоюрцевъ нѣтъ ни характера, ни умѣнья: пишутъ же они не только у себя, но даже и къ намъ: «поздравьте», вмѣсто «пожелайте здоровья» и т. д. Гдѣ-жъ имъ издавать газеты такимъ же языкомъ, какъ «Голосъ», или «Московскія Вѣдомости»? Наконецъ, еще одинъ сортъ людей, среди святоюрцевъ, видя, что поляки все растутъ въ силѣ,—что, напр., даже министромъ-президентомъ сталъ полякъ графъ Потоцкій,—и что полякамъ одинаково не нравится ни «москвофильство», ни «украинофильство» (народовство), послѣдовательно проведенные,—надумались возвратиться къ пропагандируемой прежде «Вѣденскимъ Вѣстникомъ» строго «рутенской» программѣ, вытекавшей изъ идеи, что галичане не часть 15-ти-милліоннаго племени малорусскаго, какъ объявила въ 1848 года «рада русская», въ своемъ посланіи къ имперскому сейму отъ 25-го августа, ни часть 60-ти-милліоннаго однородного народа русскаго, какъ говорило съ 1866 г. «Слово»,—а особый трехмилліонный народъ «рутены». Къ этой программѣ и прежде и теперь наибольшую наклонность имѣли строгіе клерикалы-уніаты и то, что́ называется въ Галиціи, «политики», т.-е. собственно флюгера,—и нельзя не видѣть, что «рутенская» программа представляетъ наиболѣе шансовъ для хорошихъ отношеній съ предержащими властями, каковы бы они ни были. Высшее духовенство въ Галиціи, т.-е. крылошане (клиръ), архимандриты, самъ митрополитъ (по смерти Литвиновича — теперь Сембратовичъ) больше всего имѣютъ наклонности къ такого рода «политической» и «рутенской» программѣ. Теперь они хлопочутъ объ основаніи журнала съ рутенско-клерикальнымъ направленіемъ подъ названіемъ «Святый Юрій».

Разумѣется, что такого рода раздѣленія и колебанія въ рядахъ, руководящихъ галицко-русской политикой лицъ, не способствуютъ успѣху галицко-русскаго народа на политическомъ поприщѣ. Приведемъ для характеристики тамошнихъ нравовъ и отношеній наивный разсказъ одного изъ самыхъ старыхъ и

Digitized by Google

усердныхъ дѣятелей изъ духовенства галицкаго о томъ, какъ онъ ѣздилъ въ 1868 г. въ «Прагу» и что́ изъ этого вышло.

«Насъ — говоритъ отецъ Качала — «Слово» зоветъ *мякими* русинами, а себя—*твердыми;* насъ упрекаютъ въ томъ, что мы полономаны! Удивительное дѣло съ этимъ полономанствомъ,— потому что поляки меня, напр., зовутъ москалемъ!» И далѣе онъ разсказываетъ, какъ липился деванства за поѣздку въ Прагу на съѣздъ славянскій, по поводу заложенія театра чешскаго,—съѣздъ, который польская печать выставляла, какъ «московскую агитацію» въ Австріи. «Пришедши, по пріѣздѣ въ Львовъ, въ «Бесѣду русскую», во Львовѣ,—разсказываетъ г. Качала,—спрашиваю высокопреподобнаго крылошанина Кульчицкаго: кого посылаете въ Прагу?—потому что это дѣло меня интересовало. Высокопреподобный крылошанинъ Кульчицкій говоритъ:—«Да кого-жъ и для чего? Развѣ у насъ есть знаменитые люди? Тамъ будутъ князья и графы,—а мы развѣ хотѣли бы засвидѣтельствовать нашу миверію да нищету?»—Вижу, что нечего и слушать такія рѣчи, потому что развѣ мы виноваты и развѣ намъ слѣдуетъ стыдиться своей нищеты? Не сказавши ни слова, оборачиваюсь въ другую сторону,—а услыхавши, что выборъ представителя порученъ редактору «Слова», возвращаюсь опять въ «Бесѣду». Тутъ начали уже и деньги собирать на дорогу. Редакторъ, г. Дѣдицкій, спрашиваетъ и меня: дамъ ли я что-нибудь? Отвѣчаю: кого-жъ посылаете?—«Кого-жъ?—говоритъ—Павлевича: онъ и въ Москвѣ былъ, знакомъ съ чехами, такъ скорѣе справится и съ порученіемъ». Такое извѣстіе меня поразило. Спросилъ я еще разъ: неужели нѣтъ никого больше, кто бы могъ представлять русиновъ?[1]) и вышелъ самъ изъ «Бесѣды». Павлевича, думаю, который во время послѣдней польской революціи принималъ въ ней не совсѣмъ почетное участіе,—который (затѣмъ), по возвращеніи изъ Москвы, уже почти отказывается говорить по галицко-русски,—и такого-то человѣка галицкая Русь высылаетъ, какъ своего представителя! На другой день прихожу въ редакцію «Слова» и начинаю доказывать, что не Павлевичъ, а кто-нибудь изъ приглашенныхъ долженъ ѣхать. А приглашенными были: высокопреподобные крылошане, номинатъ Куземскій, историкъ Петрушевичъ и редакторъ «Слова», г. Дѣдицкій. Если два первые не хотятъ, можетъ быть, *ради выс-*

[1]) Г. Качала, кажется, и до сихъ поръ не догадался, что дѣло тутъ не въ князьяхъ и графахъ и не въ томъ, что г. Павлевичъ „дастъ себѣ раду", какъ человѣкъ бывалый въ дорогахъ,—а именно въ томъ, что люди покрупнѣе боялись ѣхать, а кто поѣхалъ, какъ увидимъ дальше, боялись говорить.

Digitized by Google

шихъ соображеній, — то вы, говорю редактору, должны ѣхать. Дѣдицкій, подумавши такъ и сякъ, — говоритъ мнѣ: «поѣзжайте вы»! Отвѣчаю: «я не приглашенъ». Дѣдицкій: «если вы поѣдете, и я поѣду». Я говорю: «я не имѣю позволенія и не время хлопотать объ немъ; но если бы ѣхать, такъ теперь же, потому что посмотрѣлъ бы (въ Прагѣ) и выставку хозяйственную, которая будетъ передъ заложеніемъ театра». Дѣдицкій: «я пойду къ высокопреподобному крылошанину Куземскому и позволеніе вамъ выхлопочу». Отвѣчаю: «подумаю»—и пошелъ въ городъ. Думаю такъ: позволенія не имѣю,—поѣздка не останется тайною. Желать позволенія? Но послѣ того, что писали польскія газеты о сборѣ славянъ, митрополитъ Спиридонъ никогда не позволитъ. Ѣхать противъ запрещенія—такъ лучше безъ позволенія. Какая же, думаю, дальше будетъ мнѣ кара? Прихода у меня не отнимутъ,—если что и отнимутъ, такъ развѣ деканство (благочиніе) къ великой радости поляковъ. Послѣ такого рѣшенія приходитъ Дѣдицкій и извѣщаетъ, что говорилъ съ высокопреподобнымъ крылошаниномъ офиціаломъ Куземскимъ, и что этотъ очень радъ моей готовности ѣхать... Въ Прагѣ къ торжественному обѣду на 500 человѣкъ пришелъ я нѣсколько позже другихъ. Сѣлъ у стола, гдѣ уже сидѣли Дѣдицкій и Павлевичъ съ русскими. Г. Дѣдицкій говоритъ мнѣ: «спрашивали насъ чехи, будетъ ли кто изъ насъ говорить? Мы уже условились съ проф. Ламанскимъ, и онъ будетъ говорить и именемъ галицкихъ русиновъ». Я говорю: «вы сдѣлали счетъ безъ хозяина, ибо я при этомъ не былъ. Развѣ политично, если уже мы здѣсь находимся, чтобъ великоруссъ говорилъ и именемъ австрійскихъ русиновъ?» Послѣ этого приходятъ ко мнѣ чехи съ вопросомъ: хочу ли я говорить? Видно, что чехи сами не считали приличнымъ, чтобъ на сборѣ славянъ, гдѣ каждая народность говорила своимъ языкомъ, чтобъ Малая Русь отрекалась отъ слова и давала себя представлять великоруссамъ. Подумавши такъ, я просилъ записать меня на очередь слова. Настали рѣчи. Начало сдѣлали чехи, за ними иные представители народностей. Изъ русскихъ первый говорилъ Ламанскій, и сказалъ, между прочимъ, что говоритъ не только именемъ русскихъ въ Россіи, но и русскихъ въ Австріи. На эти слова Дѣдицкій и Павлевичъ поклонились въ знакъ того, что и они согласны на то».

Какъ видимъ, гг. Дѣдицкій и Павлевичъ разсудили преосновательно: поклонъ во всякомъ случаѣ ведетъ за собою меньше отвѣтственности, чѣмъ рѣчь, при томъ же, какъ бы они и говорили: такимъ жаргономъ, какимъ пишутъ? — но вѣдь дѣло

Digitized by Google

было бы не въ Галиціи, гдѣ никто не знаетъ нашего литературнаго языка и гдѣ легко выдать всякій жаргонъ за чистый русскій. Итакъ, говорить своимъ жаргономъ передъ русскими изъ Россіи — значило бы показать и имъ и другимъ славянамъ всю легковѣсность заявленій о литетературномъ единствѣ Галиціи съ Россіею, — говорить же такимъ языкомъ, какъ г. Ламанскій и другіе «россіане», гг. Дѣдицкій и Павлевичъ не умѣютъ, потому что иначе они бы не писали такъ, какъ пишутъ въ «Словѣ». Что́же вышло однако дальше?

«Когда приближалась очередь ко мнѣ, — продолжаетъ г. Качала, — Дѣдицкій и Павлевичъ стали все больше непокойны, и наконецъ оба выходятъ изъ залы. Приглашенный говорить, я сказалъ, примѣрно, такъ: «Позвольте, господа, и мнѣ, какъ русину, говорить вамъ на *русскомъ* языкѣ. На приглашеніе ваше мы прибыли, милые братья, чтобъ вмѣстѣ съ вами присутствовать при торжествѣ, которое не только торжество чешское, но торжество вмѣстѣ съ тѣмъ и славянское, — прибыли, чтобъ показать, что мы умѣемъ цѣнить заслуги чеховъ для славянства. Потому что, по правдѣ, если теперь во всей славянщинѣ всѣ славяне знаютъ, кто они такіе, какъ сами по себѣ, такъ и по отношенію къ другимъ славянскимъ племенамъ,—такъ это заслуга вашихъ великихъ мужей, которые неутомимо работали надъ тѣмъ, чтобы славянскіе потоки и рѣки направить къ одному великому морю. Въ единствѣ наша сила, но въ единствѣ братскомъ, основанномъ на равноправности, чтобы права и наименьшей народности славянской были уважаемы. Да здравствуютъ чехи, да здравствуютъ славяне, да здравствуетъ славянская взаимность!» Послѣ такихъ словъ, Ламанскій посмотрѣлъ на меня веселѣе, и чокнулся со мной бокаломъ. Потомъ появились и Дѣдицкій и Павлевичъ. Долженъ я еще прибавить, что чехи говорили мнѣ, что понимали меня лучше, чѣмъ русскихъ изъ Россіи...

«... Прибывши въ Львовъ, спѣшу къ «Народному Дому». Тутъ нѣкоторые господа крылошане смотрятъ на меня, какъ говорится, *съ басу,* и я узнаю, что митрополитъ очень сердитъ на меня и грозитъ большими карами. Видно, что никто не хочетъ со мною слова сказать. Я подумалъ себѣ: и не требую!—и на другой день пошелъ самъ къ митрополиту. *Митрополитъ:* Что вы тутъ дѣлаете?—*Я.* Возвращаюсь изъ Праги и пришелъ извиниться.—*М.* Развѣ это правда, что вы были тамъ?—*Я.* Правда.—*М.* Что́ вы надѣлали? Что́ скажутъ поляки и Голуховскій?—*Я.* Что́ скажутъ, не знаю, но я считалъ это моею обязанностью. — *М.* Кто вамъ далъ позволеніе ѣхать? — *Я.* О позволеніи некогда было хлопо-

Digitized by Google

тать. — *М.* А вы являлись въ пражскому митрополиту? — *Я.* У меня свой митрополитъ, а другихъ я не знаю. — *М.* Такъ вы не знаете правилъ каноническихъ? А гдѣ вы были съ божіею службой въ воскресенье и гдѣ на Вознесенье? — *Я.* Въ воскресенье былъ я на службѣ божіей въ костелѣ, въ Прагѣ, самъ же не служилъ. А на Вознесенье былъ въ дорогѣ.—*М.* Такъ развѣ можно поступать священнику? — *Я.* Лгать я не умѣю съ-молоду и передъ вашимъ превосходительствомъ не буду.—*М.* А знаете, какое наказаніе ждетъ васъ? — *Я.* Я сдѣлалъ то, что считалъ своею обязанностью, а наказаніе назначитъ дѣло вашего высокопреосвященства. — *М.* Вы зачѣмъ съ рѣчью выступали? только бы газеты крику больше надѣлали?!.. Разговоръ кончился тѣмъ, что у меня было отнято деканство, чему могли порадоваться многіе поляки.

«Итакъ, львовскіе русины, а особенно наши «твердые», посылаютъ Павлевича представлять галицкихъ русиновъ на сборѣ славянъ. Дѣдицкій и Павлевичъ условливаются съ петербургскимъ профессоромъ великоруссомъ Ламанскимъ, чтобъ говорилъ именемъ галицкихъ русиновъ,—а потомъ жалуются, что на нихъ кто-то доноситъ. Я хочу этотъ неполитичный шагъ поправить,— и остаюсь наказаннымъ изъ страху: что скажутъ поляки и Голуховскій? А въ довершеніе, меня теперь зовутъ ляхоманомъ»!..

При тѣхъ нравахъ, при тѣхъ отношеніяхъ, какія рисуются въ каждомъ словѣ наивнаго разсказа г. Качалы, мудрено ли, что галицко-русскій народъ не далеко ушелъ въ политикѣ, имѣя такихъ политиковъ руководителями и представителями!

М. Т—овъ.

Digitized by Google

ПОЭЗІЯ

Пока у алтаря, въ день свѣтлый воскресенья,
Иль въ покаянный, будній день,
Ты видишь предъ собой свѣтъ въ правдѣ откровенья,
А за собой — неправды тѣнь;
Пока ты чувствуешь благоговѣйный трепетъ,
Пока молитвенный твой лепетъ
Есть вѣра страстная, а не обрядъ пустой, —
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока мечта твоя въ часы отдохновенья
О славѣ, о любви поётъ,
И дорого тебѣ твое уединенье—
И тёмный лѣсъ, и звѣздный сводъ;
Пока ты ищешь то, чего нигдѣ не встрѣтилъ,
И знаешь, какъ бы ты отвѣтилъ
Тому, кто-бъ грудь твою обжогъ своей слезой, —
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока страстями ты себя не истиранилъ,
И не поникъ отъ скорбныхъ думъ,
И никакой туманъ еще не отуманилъ
Ни глазъ твоихъ, ни свѣтлый умъ;
Пока вникаешь ты въ задачу жизни сложной,
Пока ты вѣришь въ непреложный
Законъ любви, добра и истины святой,—
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Digitized by Google

Пока въ тебѣ кипятъ и замыслы и чувства,
И можешь ты негодовать,
Пока языкъ идей и красоты искусства
Тебя способны восторгать;
Пока въ трудѣ своемъ находишь ты отраду,
Въ друзьяхъ — свой судъ, въ любви — награду,
И не страшитъ тебя съ врагами честный бой,—
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Когда же истина на вѣкъ тебя покинетъ,
И торжествующій обманъ
На міръ страдающій со всѣхъ сторонъ надвинетъ
Свой ослѣпительный туманъ,
Когда замолкнетъ все въ душѣ твоей тревожной,
И ты повѣришь въ непреложный
Законъ неволи, зла и пошлости людской,—
Поэзія тебя покинетъ, милый мой...

Я. П. Полонскій.

1872.

Digitized by Google

НОВАЯ ВѢНА

и

ЕЯ САМОУПРАВЛЕНІЕ.

Посѣтивъ осенью прошедшаго года Вѣну, въ которой я живалъ лѣтъ тринадцать тому назадъ, я былъ пораженъ происшедшею за это небольшое время перемѣною: вмѣсто старинаго города съ узкими и мрачными улицами, окаймленнаго крѣпостными стѣнами и только въ нѣкоторыхъ предмѣстьяхъ представлявшаго улицы, достойныя девятнадцатаго вѣка,—я увидѣлъ новый, роскошный городъ, въ которомъ почти теряется, по ничтожности размѣровъ, старинная часть города, напоминающая вамъ о древности Вѣны. Многихъ, очень многихъ кварталовъ я вовсе не могъ узнать: возникли улицы, состоящія изъ непрерывнаго ряда художественныхъ сооруженій; возникли въ городѣ обширные, изящные парки; появились площади, памятники, бульвары, которыхъ не было прежде. Мало того: на улицахъ такое движеніе, которое лишь мало уступаетъ парижскому; содержатся и освѣщаются улицы гораздо лучше парижскихъ, конно-желѣзныя дороги искрестили весь городъ, кофейни выросли какъ грибы; вездѣ продаютъ и читаютъ газеты, гостинницы соперничаютъ другъ съ другомъ въ роскоши и удобствѣ. Тутъ—новая улица, названная въ честь Песталоцци, тамъ—другая въ честь Фихте; начальныя училища помѣщаются чуть не во дворцахъ; политехническая школа, гимназіи и географическій институтъ, равно какъ и другія ученыя и общественныя учрежденія нашли себѣ пріютъ въ роскошныхъ зданіяхъ, которыхъ не было тринадцать

Digitized by Google

лѣтъ тому назадъ. Однимъ словомъ, я видѣлъ предъ собою *новую* Вѣну и воспользовался пребываніемъ въ ней, чтобы ознакомиться съ причинами такого преуспѣянія, бывшими извѣстными мнѣ до тѣхъ поръ лишь въ общихъ чертахъ и давно уже колебавшими во мнѣ ходячее и презрительное отношеніе нашего общества къ «разлагающейся» Австріи.

Благодаря свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ, и въ особенности благодаря недавно обнародованнымъ оффиціальнымъ документамъ, мнѣ удалось всмотрѣться въ жизнь Вѣны въ послѣдніе годы, которою объясняется ея настоящее. Мнѣ казалось при этомъ, что нашихъ читателей *новая* Вѣна можетъ интересовать преимущественно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ *результатѣ* самоуправленія, которое у насъ едва только вводится въ городахъ, и во-вторыхъ, какъ европейскій городъ, который въ текущемъ году предстоитъ посѣтить многимъ изъ соотечественниковъ моихъ ради всемірной выставки, обѣщающей превзойти всѣ бывшія до сихъ поръ. Желая оказать содѣйствіе къ расширенію и упроченію городского самоуправленія у насъ и къ ознакомленію съ Вѣною при посѣщеніи всемірной выставки,—одного изъ лучшихъ образовательныхъ средствъ,—я предлагаю читателямъ настоящій очеркъ, въ которомъ они не найдутъ адрессовъ гостинницъ и прочихъ свѣдѣній, помѣщаемыхъ въ «путеводителяхъ» и крайне необходимыхъ, но который, быть можетъ, пособитъ имъ, при посѣщеніи Вѣны, отнестись сознательно къ этому городу, украсившемуся и возросшему въ силу того, что съ него сняли административную опеку, и что онъ имѣлъ въ послѣднее время дѣла съ администраціею, ставившею пользу города выше своего личнаго самолюбія.

I.

Долгое время австрійское правительство, какъ извѣстно, стояло во главѣ реакціи въ Европѣ, всячески тормазя развитіе своихъ подданныхъ, думая основать силу правительственной власти и благосостояніе государства на угнетеніи своихъ подданныхъ и возможно бо́льшемъ отчужденіи ихъ отъ прогресса своего времени. Но въ послѣдніе годы многое въ Австріи измѣнилось, и какъ бы ни судить о политикѣ графа Бейста, вступившаго въ министерство 7-го февраля 1867-го года и оставившаго его 6-го ноября 1871-го года, однако невозможно отрицать того, что его вліянію Австрія обязана многими либеральными реформами и что его время совпадаетъ съ возрожденіемъ Австріи. Въ декабрѣ 1867 года

Digitized by Google

образовалось *первое* въ Австріи *парламентарное* министерство, т.-е. впервые правительство было поставлено въ самую тѣсную и взаимновыгодную связь съ общественнымъ мнѣніемъ, органомъ котораго служитъ парламентъ. Еще раньше началась агитація противъ конкордата съ римской куріей: уступая общественному мнѣнію, правительство принятіемъ законовъ о гражданскомъ бракѣ и о школахъ рѣшилось фактически освободить государство отъ вліянія католической іерархіи, а въ депешахъ отъ 10-го февраля и 10-го апрѣля 1870 года графъ Бейстъ возсталъ противъ права папы, называвшаго новые законы Австріи — «leges abominabiles», обнародывать въ Австріи документы, возбуждающіе подданныхъ противъ правительства; наконецъ, 30-го іюля 1870 года графъ Бейстъ сообщилъ римской куріи, что, въ виду принятія послѣднею догмата о непогрѣшимости папы, слѣдуетъ считать уничтоженнымъ конкордатъ между папою и австрійскимъ правительствомъ. Въ 1868 году состоялся новый законъ о всеобщей воинской повинности, въ основаніе котораго легло также демократическое начало, которое руководило всею внутреннею политикою австрійскаго правительства въ послѣдніе годы.

Такое направленіе правительственной системы не могло не отразиться и на самоуправленіи города Вѣны, какъ столицы имперіи, имѣющей не только оффиціальное, но и реальное значеніе, какъ средоточіе промышленности и торговли, и какъ центръ просвѣщенія. Дѣйствительно, начиная съ 1867 года самоуправленіе Вѣны *демократизируется*, такъ какъ законъ увеличиваетъ число избирателей въ городѣ, облегчаетъ условія избранія и предоставляетъ бо́льшую автономію городскому управленію, назначаемому расширеннымъ кругомъ избирателей.

Если прослѣдить исторію городского самоуправленія Вѣны за четыре года, отъ 1867 по 1870-й годъ, отчетъ о которыхъ былъ доложенъ городской думѣ въ декабрѣ 1871 года, то нельзя не замѣтить, что благодаря новой политикѣ правительства, ищущей опоры и союза въ общественномъ мнѣніи, городскому обществу въ Вѣнѣ предоставлены не только *хозяйственное* самоуправленіе и извѣстная самостоятельность въ этомъ отношеніи, но и нѣкоторое политическое вліяніе. Изучая факты указанныхъ четырехъ лѣтъ, не трудно убѣдиться въ томъ, что *на дѣлѣ*, если и не по буквѣ закона, вѣнской городской общинѣ, какъ собранію просвѣщенныхъ и благомыслящихъ собственниковъ (не вездѣ однако считаются такими горожане), принадлежитъ право контролировать дѣйствіе администраціи, предостерегать ее, высказывать свое мнѣніе по всѣмъ вопросамъ, прямо или *косвенно*

Digitized by Google

связаннымъ съ матеріальнымъ или *нравственнымъ* благомъ города. Вѣнская община обладаетъ, какъ увидимъ, весьма дѣйствительнымъ средствомъ для обнаруженія своихъ взглядовъ и огражденія интересовъ города: она имѣетъ право обращаться непосредственно къ императору чрезъ уполномоченныхъ, ею посылаемыхъ; за четыре отчетные года община не злоупотребила правомъ петиціи, но пользовалась имъ въ крайнихъ случаяхъ и съ большимъ успѣхомъ.

Такъ, еще въ 1865-мъ году императоръ австрійскій, присутствуя при открытіи одной изъ лучшихъ новыхъ улицъ города Вѣны, «Ringstrasse», пожаловалъ городу весьма цѣнный источникъ «Kaiserbrunnen», находящійся въ окрестностяхъ Вѣны, для проведенія воды изъ этого горнаго ключа въ городъ. Въ 1866 и 1867 году происходили переговоры между городскимъ обществомъ и министерствомъ финансовъ о передачѣ источника въ собственность города, но министерство обставляло дѣло такими невыгодными для города условіями, что послѣдній не могъ рѣшиться на принятіе дара его величества и нашелся вынужденнымъ послать, 29-го ноября 1867 года, депутацію къ императору австрійскому, чтобы представить о возникшихъ затрудненіяхъ. По личному повелѣнію верховной власти, министерство финансовъ составило 21-го февраля 1868 года новый проектъ контракта о передачѣ источника, вполнѣ согласовавшійся съ желаніями и интересами города.

Не разъ случалось за эти четыре года въ Вѣнѣ, что не только администрація принимала во вниманіе справедливые доводы городского общества и отступалась, вслѣдствіе представленій послѣдняго, отъ своихъ первоначальныхъ предположеній, но даже и верховная власть отрекалась отъ однажды выраженныхъ взглядовъ, убѣжденная въ ошибочности ихъ городскимъ обществомъ. 20-го декабря 1857 года состоялся первый указъ о распространеніи города Вѣны, о срытіи стѣнъ старинной части его и новыхъ сооруженіяхъ; по смыслу этого указа, огромный плацъ-парадъ, служившій для разводовъ, не только долженъ былъ оставаться въ центрѣ города, но долженъ былъ получить еще бо́льшіе размѣры, но вслѣдствіе просьбы города Вѣны, въ 1868 году было рѣшено, во вниманіе къ потребностямъ города, передать эту площадь въ собственность города, для устройства на ней парка и сооруженія ратуши, университета, зданій для судебныхъ учрежденій и другихъ построекъ. Въ 1867 году министерство выдало концессію на постройку паровой желѣзной дороги, которой предстояло шагнуть чрезъ Дунай, а городское

Digitized by Google

общество не могло не интересоваться вопросомъ, гдѣ именно будетъ устроенъ мостъ чрезъ Дунай, такъ какъ въ средѣ общества уже въ то время зрѣла мысль объ искусственномъ измѣненіи русла Дуная; поэтому городъ постановилъ обратиться съ представленіемъ къ министерству, а въ случаѣ неуспѣха *непосредственно* къ его величеству о томъ, чтобы правительство не рѣшало безъ городского общества вопроса о сооруженіи моста чрезъ Дунай. Достаточно было этого приговора для того, чтобы министерство привлекло представителей города къ вліятельному участію въ рѣшеніи возникшаго вопроса, и на этотъ разъ дѣло не дошло до депутаціи къ императору. Это не единственный примѣръ подчиненія администраціи автономіи города: 8-го марта 1867 года министерство, не совѣщаясь съ городскимъ обществомъ, выдало компаніи концессію на постройку конно-желѣзной дороги въ Вѣнѣ. Городъ вошелъ немедленно съ протестомъ въ министерство, заявляя, что городъ, какъ *собственникъ городской земли*, по которой пройдетъ желѣзная дорога, не касаясь ничьихъ имуществъ, кромѣ городской земли, имѣетъ преимущественное право на выдачу подобной концессіи; городъ, не оспаривая у министерства права обсудить сооруженіе конно-желѣзной дороги въ чертѣ города съ *государственной* точки зрѣнія, настаивалъ на томъ, что компаніи необходимо *прежде* имѣть согласіе города, какъ собственника, и узнать условія его, и затѣмъ ходатайствовать о санкціи государства; городское общество заявляло при этомъ, что не признаетъ договора, состоявшагося между австрійскимъ правительствомъ и желѣзно-дорожною компаніею. Чрезъ восемнадцать дней министерство отвѣчало городу, вполнѣ соглашаясь съ доводами представленія послѣдняго, а компанія, *не выжидая рѣшенія вопроса министерствомъ*, зная о томъ, насколько послѣднее принимаетъ въ разсчетъ общественное мнѣніе, поспѣшило войти въ сношеніе непосредственно съ городомъ, и притомъ такъ, какъ будто оно никогда не получало никакой концессіи отъ австрійскаго правительства.

Пользуясь своею автономіею, городъ Вѣна не разъ переносилъ вопросы внутренней политики на почву договора между городомъ, какъ собственникомъ, участвующимъ въ государственныхъ расходахъ, и центральнымъ правительствомъ. Въ 1868 году было задумано въ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ преобразованіе полиціи, котораго я впослѣдствіи коснусь подробнѣе; министерство сообщило проектъ новаго устава городскому обществу, *такъ какъ послѣднее, по предположенію министерства, должно было принять на себя одну треть расходовъ по*

Digitized by Google

содержанію полиціи. Городъ Вѣна изъявилъ согласіе на осуществленіе проекта и на излишекъ расходовъ, *но съ тѣмъ, чтобы самый уставъ былъ составленъ при участіи города, чтобы послѣдній не могъ быть измѣняемъ безъ согласія городского общества, которое въ противномъ случаѣ не сочтетъ себя обязаннымъ въ дальнѣйшей ассигновкѣ излишка по содержанію полиціи.* Министерство приняло эти условія, и верховная власть утвердила ихъ, и *на этихъ основаніяхъ* состоялось преобразованіе полиціи 2-го февраля 1869 года.

Иногда городское общество, сильное не столько по буквѣ закона, какъ по-недавно установившимся въ Австріи *обычаямъ* администраціи и правительства вообще, считало своимъ правомъ и своею обязанностію сказать такое слово по поводу дѣйствій правительства, которое въ другихъ государствахъ было бы названо «вмѣшательствомъ» не въ свое дѣло, посягательствомъ на область центральнаго правительства, чуть не «бунтомъ», требующимъ «усмиренія». Какъ сильно могли бы быть уязвлены въ своемъ чиновничьемъ самолюбіи иные администраторы, если бы городское или земское собраніе, созданныя какъ-бы только въ видѣ агентовъ администраціи, дерзнули продѣлать то, что произошло въ Вѣнѣ съ администраціею лѣсовъ, принадлежащихъ государству: въ 1870-мъ году до свѣдѣнія вѣнскаго городского общества доходятъ слухи о томъ, что казенные лѣса, окружающіе Вѣну, *расхищаются* въ ущербъ климату и народному здравію города, нераціональною системою лѣсного хозяйства. Городское общество тотчасъ же отправляетъ для освидѣтельствованія лѣса экспертовъ, которые объявляютъ, что «въ послѣднее время администрація придерживалась такой системы лѣсного хозяйства, которая равняется *расхищенію*, состоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ раціональнымъ хозяйствомъ, ведетъ къ уменьшенію цѣнности и оскудѣнію казенныхъ лѣсовъ». Вслѣдствіе этого въ городскомъ обществѣ возникаетъ вопросъ о пріобрѣтеніи казенныхъ лѣсовъ, окружающихъ Вѣну, въ собственность города, и какъ этимъ, такъ и всѣми предыдущимъ нимало не нарушаются добрыя отношенія между представителями города и администраціи, такъ какъ для тѣхъ и другихъ дѣло стоитъ выше личнаго самолюбія. Удивляться ли при такомъ отношеніи правительства тому, что городъ Вѣна высказывается иногда по политическимъ вопросамъ, только косвенно его касающимся, но рѣшеніе которыхъ можетъ, тѣмъ не менѣе, существенно отозваться на его нравственныхъ интересахъ? Удивляться ли послѣ всего сказаннаго тому, что для Вѣны, изъ права на самоуправленіе и нравственной зависимости правительства

Digitized by Google

отъ общественнаго мнѣнія вытекаетъ возможность высказаться даже объ отношеніи государства къ церкви? Нѣтъ, такіе логическіе выводы изъ принципа, сознаннаго правительствомъ и обществомъ, не могутъ поразить читателя, и онъ безъ изумленія узнаетъ о томъ, что вслѣдъ за провозглашеніемъ догмата о непогрѣшимости папы, вѣнское городское общество составило приговоръ, въ которомъ выразило, что городъ Вѣна «ожидаетъ отъ правительства внесенія въ рейхсратъ проектовъ законоположеній, которыя опредѣлятъ отношенія государства къ католической церкви и оградятъ австрійскихъ католиковъ отъ послѣдствій провозглашенія въ Римѣ догмата непогрѣшимости» главы католической іерархіи. Не поразитъ насъ въ Вѣнѣ и то, что городъ, задумавъ затратить значительныя деньги на устройство педагогической семинаріи для воспитанія народныхъ учителей, еще въ концѣ 1866 года заявилъ тогдашнему министерству народнаго просвѣщенія, стремившемуся въ уставѣ семинаріи ограничить вліяніе городского общества на это учебное заведеніе, что городъ предпочитаетъ вовсе не открывать учительской семинаріи, чѣмъ осуществить ее согласно проекту министра. Такой отвѣтъ города никого не привелъ въ смятеніе, всѣ остались на своихъ мѣстахъ, кромѣ министра народнаго просвѣщенія, который вскорѣ былъ замѣненъ лицомъ болѣе достойнымъ этого поста и поспѣшившимъ уступить справедливымъ требованіямъ города.

II.

Я уже успѣлъ коснуться до сихъ поръ многихъ и весьма разнообразныхъ отраслей дѣятельности вѣнскаго городского общества за четыре года; но многимъ изъ нихъ я еще возвращусь впослѣдствіи, такъ какъ упоминалъ объ отношеніи къ нимъ города лишь для того, чтобы обрисовать автономію города и, не вдаваясь въ подробное изученіе законоположеній, опредѣляющихъ его права и обязанности, ознакомиться съ тѣмъ, какою силою обладаетъ городское общество на дѣлѣ и каковы нравы австрійской администраціи въ послѣднее время. Но и сказаннаго уже достаточно для того, чтобы читателю стало очевидно, какъ разнообразна была дѣятельность городского самоуправленія подъ просвѣщеннымъ руководствомъ почтеннаго городского головы (бургомистра) Фельдера, подписавшаго отчетъ за время отъ 1867 по 1870-й годъ. Этотъ отчетъ, доложенный городскому совѣту 12-го декабря 1871 года, въ іюлѣ 1872 года вышелъ уже вторымъ

Digitized by Google

изданіемъ, несмотря на то, что составляетъ весьма объемист
томъ въ 600 страницъ, съ многими планами и безчисленны
статистическими таблицами, а потому стоитъ до семи рублей
ребромъ. Подобный отчетъ представляетъ исключительное явле
въ своемъ родѣ—настолько онъ изобилуетъ богатствомъ ста
стическаго матеріала, собраннаго по разумной системѣ, а пото
бросающаго яркій свѣтъ на многія изъ сторонъ жизни Вѣ
Предоставляя обработку матеріала другимъ, авторъ отчета д
публикѣ массу самыхъ полныхъ и точныхъ документовъ, и п
лика поспѣшила выразить ему свое сочувствіе уже быстрою р
продажею вполнѣ спеціальнаго сочиненія, чтеніе котораго
ставляетъ трудъ, но трудъ доставляющій наслажденіе. Озна
мившись до сихъ поръ только съ тѣмъ, насколько городск
общество было свободно въ своихъ дѣйствіяхъ, присмотрим
къ тому, какъ оно воспользовалось своею свободою, и только по
изученія этихъ фактовъ, на основаніи отчета Фельдера (Die
meindeverwaltung von Wien, Dr. Cajetan Felder. 1872) и д
ныхъ наблюденій, мы будемъ въ состояніи вѣрно заключить,
сколько правительство и общество выигрываютъ отъ незави
мости органовъ самоуправленія, и о томъ, какою предстан
Вѣна посѣтителю предстоящей всемірной выставки.

Предпошлемъ дѣятельности городского общества нѣскол
статистическихъ данныхъ о населеніи Вѣны. Послѣдняя перепи
произошла въ Вѣнѣ 31-го декабря 1869 года, а 1870-й г
пошелъ на приведеніе въ порядокъ статистическаго матери
слѣдующая перепись, согласна закону, должна произойти 31
декабря 1880 года. Послѣдняя перепись приняла въ расче
дѣйствительное населеніе Вѣны, между тѣмъ какъ предыду
вычисляли только число лицъ, входившихъ въ составъ общ
города Вѣны. Вѣна для переписи была нынѣ подраздѣлена на
участковъ; во главѣ каждаго изъ нихъ былъ поставленъ отъ
рода счетчикъ при двухъ и трехъ помощникахъ; перепись с
шлась городу въ 33,335 флориновъ 28 крейцеровъ [1]). По э
переписи, собственно въ Вѣнѣ, считая и 18 предмѣстій, и
средственно связанныхъ съ городомъ, оказалось всего 810,
жителя, изъ чего слѣдуетъ, что сравнительно съ 1857-мъ годо
т.-е., предшествовавшею переписью, населеніе увеличилось на
процентовъ, или возрастало на 3 процента среднимъ счет

[1]) Австрійскій флоринъ равняется приблизительно нашимъ шестидесяти копѣ
въ одномъ флоринѣ сто крейцеровъ, а потому крейцеръ нѣсколько менѣе коп
пѣйки серебромъ.

Digitized by Google

ежегодно. Въ прежнее время Вѣна подраздѣлялась въ административномъ отношеніи на внутренній городъ и 36 предмѣстій, а въ настоящее время подраздѣляется на слѣдующіе девять округовъ: Внутренній городъ, Leopoldstadt, Landstrasse, Wieden, Margarethen, Mariahielf, Neubau, Josephsstadt, Alsergrund; всѣ они занимаютъ площадь болѣе пятидесяти квадратныхъ верстъ; эта территорія занята населеніемъ, вошедшимъ въ составъ переписи 1869 года. Населеніе это значительно возросло, какъ мы видѣли, въ послѣднія 12 лѣтъ, но намъ остается еще всмотрѣться въ характеристическія причины увеличенія населенія.

Ключъ къ этому мы получимъ уже отчасти, если обратимъ вниманіе на распредѣленіе населенія по возрасту: въ Вѣнѣ болѣе всего лицъ возрастомъ отъ 16-ти до 30-ти лѣтъ, даже лицъ отъ 30-ти до 40 лѣтъ возрастомъ болѣе, нежели дѣтей моложе десяти лѣтъ. Это объясняется значительнымъ приливомъ въ Вѣну *пришлаго* населенія изъ различныхъ частей австрійской монархіи и изъ-за границы, а отъ этого прилива и происходитъ значительное увеличеніе населенія, болѣе нежели отъ числа рожденій. Если принять во вниманіе, что въ Вѣнѣ въ 1850-мъ году на 1,000 мужчинъ приходилось 1,061 женщина, и что послѣднихъ причитается лишь 1,024 въ 1869-мъ году, то и этотъ фактъ возможно будетъ объяснить себѣ лишь тѣмъ, что населеніе города ежегодно возрастаетъ благодаря приливу иногородныхъ, привлекаемыхъ развитіемъ торговли и промышленности, заработками и удобствами города. Едва ли я ошибусь, если къ причинамъ, привлекающимъ въ Вѣну иногородныхъ я причислю и внутреннюю политику австрійскаго правительства въ послѣдніе годы; меня наводитъ на это предположеніе постоянно возрастающій приливъ иностранцевъ въ Вѣну и то огромное накопленіе иногородныхъ, которое замѣчается въ нѣкоторыхъ частяхъ столицы. Такъ, напримѣръ, на 100 жителей Вѣны въ 1850 году было только 38 иногородныхъ, между тѣмъ какъ въ 1869 году населеніе Вѣны распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: *иногородныхъ*, не считая иностранцевъ, 51,7%; *меньше*, т.-е. всего 44,6% туземцевъ, и 3,7% подданныхъ иностранныхъ державъ; во второмъ округѣ города иногородныхъ *вдвое больше*, чѣмъ лицъ входящихъ въ составъ вѣнской городской общины. Вышеприведенныя цифры доказываютъ, что значительное большинство иногороднаго населенія относится къ подданнымъ австрійской имперіи, собственно же иностранныхъ подданныхъ перепись 31-го декабря 1869 года застала въ Вѣнѣ 22,218 лицъ обоего пола; въ числѣ послѣднихъ было русскихъ подданныхъ 511; большинство

Digitized by Google

иностранцевъ, живущихъ въ Вѣнѣ, составляютъ нѣмцы; за ними слѣдуютъ итальянцы (1287), швейцарцы (990), турки (907), французы (859), англичане (434) и проч. Вообще говоря, въ Вѣнѣ оказались подданные 28-ми различныхъ державъ, не считая мелкихъ государствъ Германіи, и присоединяя къ одной рубрикѣ подданныхъ разныхъ государствъ южной Америки и т. п.; изъ государствъ Европы не оказалось въ Вѣнѣ только представителей Даніи, и въ числѣ иностранцевъ были представители Европы, Азіи, Африки и Америки: сѣверо-американцевъ было 197, а жителей южной Америки только 39. Повторяю, что приливъ иногороднаго населенія, кажется мнѣ, трудно объяснять себѣ только развитіемъ торговли и путей сообщенія, и нельзя не допустить того, что именно въ послѣдніе четыре года Вѣна привлекаетъ иногородныхъ тѣмъ, что дышется въ ней свободнѣе, чѣмъ прежде. При этомъ не слѣдуетъ терять изъ виду и того, что на Руси многіе взираютъ съ завистью на иностранцевъ, какъ на людей, будто бы поѣдающихъ *русскій* хлѣбъ, хотя бы они и жили *своимъ* трудомъ. Не такъ въ западной Европѣ: тутъ всякое государство старается привлечь къ себѣ иностранцевъ, и съ ними вмѣстѣ ихъ знанія и капиталы, и возрастаніе числа *иностранцевъ* въ странѣ даже льститъ національному самолюбію туземцевъ, всегда и вездѣ отличающихся особенною привѣтливостію и предупредительностію по отношенію къ иностранцамъ. Нигдѣ въ Европѣ теперь не требуютъ отъ иностранцевъ паспорта, осмотръ вещей путешественниковъ на таможняхъ представляетъ пустую формальность, и все направлено къ тому, чтобъ облегчить международныя сношенія; не только правительство, но и общество, не исключая и *массы* народа, относится къ иностранцу съ особеннымъ вниманіемъ: попросите въ Вѣнѣ у любого прохожаго какихъ-либо указаній, и онъ дастъ вамъ обстоятельный совѣтъ, нерѣдко предложитъ вамъ даже проводить васъ до той улицы, которую вы ищете, и съ величайшею готовностію проводитъ васъ. Таковъ результатъ—образованія и цивилизаціи, сближающихъ народы, сглаживающихъ племенныя и религіозныя различія и ставящихъ особнякомъ въ человѣческомъ обществѣ только тѣхъ несчастныхъ, которые, по своей или по чужой винѣ, не подняты еще до общаго уровня элементарною школою и не воспитаны жизнію, заставившею ихъ вѣчно смотрѣть подъ ноги и потому не видѣть дальше его носа.

Обращая вниманіе на приливъ пришлаго населенія въ Вѣну, какъ на весьма характеристическій признакъ нашего времени, не было бы основанія пренебрегать и числомъ рожденій, какъ

Digitized by Google

одною изъ существеннѣйшихъ причинъ увеличенія населенія города и вѣрнѣйшихъ признаковъ народнаго благосостоянія. Но останавливаясь на числѣ рожденій въ Вѣнѣ, насъ поражаетъ не столько увеличеніе числа рожденій въ послѣдніе четыре года, какъ рѣзко выдающееся *уменьшеніе* числа случаевъ появленія на свѣтъ *незаконнорожденныхъ* младенцевъ въ Вѣнѣ; это имѣетъ не только нравственное, но и экономическое значеніе, такъ какъ обыкновенно смертность незаконнорожденныхъ вдвое больше смертности законнорожденныхъ младенцевъ. Что же говорятъ намъ цифры въ этомъ отношеніи? Въ Вѣнѣ приходилось на 100 законныхъ рожденій въ 1867-мъ году 102 незаконныхъ рожденія; затѣмъ число послѣднихъ *ежегодно*, правильно уменьшается и въ 1870-мъ году падаетъ до 77 незаконныхъ рожденій на 100 законнорожденныхъ. Такое явленіе, очевидно, не можетъ быть случайнымъ, и причинъ его слѣдуетъ искать въ увеличеніи числа браковъ и въ измѣнившихся, въ этотъ періодъ времени, отношеніяхъ католической церкви къ обществу, на что мы уже намекали въ началѣ статьи.

Въ то время, населеніе Вѣны, какъ мы то уже знаемъ, возростало ежегодно на 2 процента приблизительно, число браковъ возросло съ 1867 по 1870 годъ на 64%. Для уразумѣнія этого явленія нужно знать, что 25-го мая 1868 года состоялся въ Австріи новый законъ о бракахъ, установившій свободу совѣсти, отказавшійся отъ искусственной поддержки числа католиковъ путемъ насильственнаго крещенія дѣтей смѣшанныхъ браковъ, облегчившій заключеніе послѣднихъ и разводъ по желанію бракосочетавшихся, и установившій гражданскій бракъ. Для многихъ въ Россіи свобода совѣсти, т.-е. право для каждаго гражданина исповѣдывать ту или иную религію безъ опасенія подвергнуться уголовному преслѣдованію, еще представляется чуть не ниспроверженіемъ религіи и нравственности въ государствѣ, потому любопытно присмотрѣться къ тому, какъ отразилась свобода совѣсти на распредѣленіи населенія Вѣны по вѣроисповѣданіямъ. Правда, что въ 1864-мъ году католики составляли 91% населенія Вѣны, а въ 1870-мъ году лишь 89%, но, не говоря о томъ, что такое измѣненіе соотношенія само по себѣ незначительно, не слѣдуетъ при оцѣнкѣ его терять изъ виду увеличившійся приливъ иногороднаго населенія, въ средѣ котораго могло быть случайно меньше католиковъ, чѣмъ иныхъ вѣроисповѣданій. Вѣрнѣе обратиться въ данномъ случаѣ къ болѣе подробному изученію статистическаго матеріала, представляемаго отчетомъ Фельгера: по таблицамъ этого отчета я вычислилъ, что въ Вѣнѣ въ

Digitized by Google

1868-мъ году всего 249 лицъ вышли изъ католической церкви, а въ 1870-мъ году только 305 католиковъ измѣнили католической вѣрѣ въ пользу другого вѣроисповѣданія, т.-е. всего 305 на 550,000 католиковъ вѣнской городской общины! Это ничтожное число лицъ, оставившихъ католицизмъ послѣ трехлѣтняго существованія закона о свободѣ совѣсти въ Австріи, еще уменьшится, если вычесть изъ него 36 лицъ другихъ вѣроисповѣданій, *присоединившихся* къ католицизму въ 1870 году. Такія ничтожныя измѣненія въ числѣ католиковъ произошли при полномъ просторѣ для послѣднихъ предпочесть католическому вѣроисповѣданію иное: по смыслу закона 1868 года, магистратъ города Вѣны обязанъ, въ случаѣ надобности, содѣйствовать къ тому, чтобы каждый изъ жителей, по достиженіи четырнадцатилѣтняго возраста, могъ *свободно* избрать себѣ вѣроисповѣдяніе, а вѣроисповѣданіе дѣтей моложе четырнадцати лѣтъ, при смѣшанныхъ бракахъ, опредѣляется соглашеніемъ между родителями, и за четыре года не было *ни одного* случая, чтобы такого соглашенія между родителями не послѣдовало, и чтобы они или представители церкви обратились къ содѣйствію магистрата. При переходѣ лица 14-ти лѣтъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, магистратъ удостовѣряется лишь въ личности, возрастѣ и умственныхъ способностяхъ лица, желающаго оставить вѣроисповѣданіе, къ которому онъ принадлежалъ отъ рожденія. Тотъ же законъ опредѣлилъ и условія брака, предоставивъ судебное разбирательство по дѣламъ брачнымъ суду *свѣтскому*, и дозволилъ свѣтской власти совершеніе гражданскаго брака въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдуетъ отъ священника письменное заявленіе объ отказѣ въ совершеніи бракосочетанія по такимъ причинамъ, которыя не служатъ къ тому препятствіемъ по законамъ гражданскимъ. И что же? По сентябрь 1870 года магистратъ не имѣлъ *ни одного* случая къ заключенію подобнаго брака, такъ какъ духовенство старалось улаживать всѣ затрудненія, чтобы не допустить до вмѣшательства свѣтской власти. Послѣдней, по закону 1869 года, принадлежитъ кромѣ того право совершать браки между лицами, принадлежащими къ вѣроисповѣданіямъ, непризнаваемымъ такими по законамъ австрійскимъ, и между лицами, объявляющими, что они не принадлежатъ ни къ какому вѣроисповѣданію, равно какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда одно лицо не относитъ себя ни къ какой религіи, а другое причисляетъ себя къ вѣроисповѣданію не-христіанскому. Подобныхъ браковъ совершено магистратомъ въ послѣдніе четыре мѣсяца 1870 года всего шесть, и въ 1871 году, по августъ мѣсяцъ — пять. Итакъ, ста-

Digitized by Google

тистическія данныя доказываютъ, во-первыхъ, что въ Вѣнѣ свобода совѣсти не повела къ существеннымъ числовымъ измѣненіямъ въ составѣ населенія по вѣроисповѣданіямъ и во-вторыхъ, что установленіе гражданскаго брака не повело къ пренебреженію таинствомъ бракосочетанія, но лишь только къ уменьшенію господства церковной іерархіи надъ мірянами; еще убѣдительнѣе, въ-третьихъ, цифры свидѣтельствуютъ о томъ, какъ мало оказалось лицъ, не пожелавшихъ принадлежать къ какому бы то ни было вѣроисповѣданію несмотря на полный просторъ, предоставляемый закономъ и въ этомъ отношеніи. Оставаясь исключительно на почвѣ стастистической и экономической при обсужденіи этихъ вопросовъ, я не стану выяснять нравственнаго значенія свободы совѣсти, а ограничусь лишь указаніемъ на значительное *уменьшеніе* числа незаконныхъ рожденій въ Вѣнѣ, бывшее результатомъ увеличенія числа браковъ, которое въ свою очередь произошло, какъ мы видѣли, вслѣдствіе церковной реформы въ Австріи. Такимъ образомъ, свобода, уменьшая число незаконнорожденныхъ, послужила нравственности и въ то же время матеріальной силѣ государства, такъ какъ статистика Вѣны и другихъ городовъ доказываетъ, что между незаконнорожденными, оставляемыми, къ стыду человѣчества, крайне часто безъ призрѣнія, смертность вдвое *больше*, чѣмъ между законнорожденными, а потому вдвое ослабляется притокъ матеріальной силы *всякаго* государства и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственный капиталъ для тѣхъ государствъ, которыя заботятся не только о насущномъ хлѣбѣ, но и о психическомъ развитіи своихъ сочленовъ путемъ воспитывающаго обученія.

III.

Мнѣ остается упомянуть особо о томъ, что городъ Вѣна далъ косвенное, но весьма ясное доказательство своего сочувствія политикѣ правительства въ церковныхъ вопросахъ: послѣ обнародованія догмата непогрѣшимости папскаго авторитета, вѣнское городское общество 14-го апрѣля 1871 года поднесло архіепископу Деллингеру, ратовавшему за свободу совѣсти въ лонѣ католической церкви, адрессъ, въ которомъ выразило самое теплое сочувствіе его стремленіямъ. Но городъ, въ разсматриваемые нами четыре года самоуправленія его, не ограничивался подачею адрессовъ и вліяніемъ на разработку законовъ въ парламентѣ; онъ старался, въ интересѣ жителей, на дѣлѣ, а не на словахъ, разбивать тѣ оковы, которыя еще въ средніе вѣка католическая

Digitized by Google

іерархія наложила на всѣ сферы дѣятельности общества и которымъ придалъ новую силу конкордатъ 1855 года австрійскаго правительства съ папою. Такъ, съ древнихъ временъ духовенству въ Вѣнѣ принадлежали сборы, взимавшіеся на кладбищахъ за мѣста, для погребенія усопшихъ; вслѣдствіе этого на кладбищахъ не было порядка, а платежи обременяли родственниковъ умершихъ. До 1872 года Вѣна располагала четырьмя кладбищами, представлявшими въ совокупности только площадь около 29-ти десятинъ, площадь настолько незначительную сообразно смертности въ городѣ, что въ концѣ 1870 года оставалось на всѣхъ кладбищахъ города мѣста только для сорока тысячъ покойниковъ. Городское общество въ 1869 году заключило съ духовенствомъ договоръ, по которому кладбища перешли въ фактическое вѣдѣніе и пользованіе города, обязавшагося выплачивать ежегодно духовенству 17,141 флоринъ 25 крейцеровъ вознагражденія за то, что духовенство передавало городу права взиманія платы за мѣста. Устранивъ такимъ образомъ конкурренцію духовенства, опасавшагося, что съ устройствомъ на средства города новаго кладбища оно лишится извѣстной доли доходовъ, городское общество занялось, при помощи экспертовъ, дальнѣйшею разработкою уже прежде составленнаго проекта устройства новаго, центральнаго кладбища въ 200 десятинъ величиною. Вскорѣ была найдена такая площадь земли вблизи города, и притомъ съ грунтомъ, скоро высыхающимъ и въ то же время представляющимъ удобства для посадки деревьевъ; мѣсто необходимое для кладбища было скуплено у разныхъ собственниковъ по 2,700 флориновъ за каждую десятину земли (около 1,600 руб. сер.), а правительство пособило городу тѣмъ, что предоставило послѣднему примѣненіе къ собственникамъ права экспропріаціи въ случаѣ преувеличенныхъ требованій, или отказа въ продажѣ. Время по 1871-й годъ включительно пошло на переговоры съ землевладѣльцами и на совершеніе съ ними купчихъ крѣпостей. Назначивъ преміи въ 1200 руб. сер., 900 и 600 руб. сер. за три лучшіе проекта кладбища, которые будутъ представлены на конкурсъ, вѣнское городское общество разсмотрѣло 28 поступившихъ къ нему проектовъ, затѣмъ приняло лучшій изъ нихъ, удостоенный первой преміи, дополнивъ его, по совѣщанію съ коммиссіею экспертовъ, нѣкоторыми частностями, заимствованными у другихъ проектовъ, разсмотрѣнныхъ спеціалистами. Только послѣ множества предварительныхъ работъ, произведенныхъ на основаніи научныхъ данныхъ, приступили въ Вѣнѣ къ устройству центральнаго кладбища, причемъ обращено особен-

Digitized by Google

вое вниманіе на дешевизну и удобства такъ-называемыхъ «общихъ могилъ», такъ какъ послѣднихъ требуется ежегодно въ Вѣнѣ 14,150, а *отдѣльныхъ* могилъ для достаточныхъ классовъ только 1,365. И нужно же было городу откупиться отъ католическаго духовенства, для того, чтобы дать возможность умереть и быть погребеннымъ бѣдняку! Но, судя по отношенію городского общества къ независимости мірянъ отъ духовенства и къ авторитету въ дѣлахъ вѣры, нѣкоторые читатели заподозрятъ, пожалуй, вѣнское городское общество въ слишкомъ холодномъ отношеніи къ вопросамъ церкви и религіи. Такая точка зрѣнія возможна у нѣкоторыхъ изъ насъ—настолько еще мало распространены у насъ извѣстныя убѣжденія о свободѣ мнѣнія, составляющія на западѣ отъ насъ *ходячія понятія*. Обсуждая подобные вопросы, мы можемъ судить лишь по внѣшнимъ признакамъ, а потому я и укажу въ отвѣтъ лицамъ, для которыхъ стремленіе не допустить преобладанія одного сословія надъ другимъ, стремленіе увеличить силу убѣжденій отнятіемъ у нихъ искусственной защиты, тѣсно соединяется съ холодностію къ вѣрѣ и церкви—я укажу на то, что городомъ Вѣною за четыре года издержано на сооруженіе церквей болѣе 150,000 руб. сер.! Вдаваться въ нравственную оцѣнку этого факта значило бы оставить ту почву, на которой мы стоимъ, а потому ограничусь заключеніемъ о томъ, что цифры свидѣтельствуютъ о возможности соглашенія свободы совѣсти съ независимостію отъ духовенства и благочестіемъ.

Эти же цифры доказываютъ, что городское общество въ Вѣнѣ не только говоритъ и адрессы пишетъ, но *дѣйствуетъ* и даже не отступаетъ предъ весьма крупными денежными пожертвованіями тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о нравственномъ и матеріальномъ благѣ жителей. Мы видѣли это на устройствѣ кладбища и встрѣтимся съ этимъ явленіемъ не разъ при дальнѣйшемъ изложеніи, если перейдемъ теперь отъ устройства кладбища, косвенно затрогивающаго санитарныя условія города, къ другимъ мѣрамъ города на томъ же поприщѣ.

IV.

Стоитъ лишь пройтись по нашимъ *лучшимъ* городамъ и по любому городу западной Европы, для того чтобы убѣдиться въ томъ, что у насъ и на Западѣ совершенно различно понимаются заботы о здоровьи человѣка; только въ Петербургѣ мы становимся на европейскую точку зрѣнія, а въ матушкѣ-Москвѣ,

Digitized by Google

не говоря о губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, мы еще думаемъ, что человѣкъ только нищею питается, а о питаніи воздухомъ, о *чистотѣ* воздуха не помышляемъ, вспоминая о *предупрежденіи* эпидеміи только въ то время, что она уже стучится въ двери, или даже уже посѣтила насъ. *Предупрежденіе* болѣзней всякаго рода, возможное *недопущеніе* заболѣванія—вотъ что составляетъ краеугольный камень городского благоустройства въ западной Европѣ, отличающагося отъ нашего, даже отъ благоустройства Петербурга, одиноко стоящаго въ народѣ среди массы грязи,—тѣмъ, что мы любимъ казовый конецъ, а въ благоустройствѣ столицъ западной Европы такого конца не существуетъ, и улицы, наиболѣе отдаленныя отъ дворца и центра города, содержатся никакъ не хуже главнѣйшихъ; въ Вѣнѣ, напримѣръ, обращается тѣмъ бо́льшее вниманіе на предупрежденіе болѣзней путемъ городского благоустройства, чѣмъ болѣе въ извѣстной части города скучено населенія, чѣмъ послѣднее *бѣдные*, а такіе жители не поселяются въ нарядныхъ улицахъ, по которымъ у насъ обыкновенно судятъ о благоустройствѣ *всего* города.

Насколько санитарныя мѣры, принимаемыя вѣнскимъ городскимъ обществомъ, достигаютъ цѣли, видно ужъ изъ того, что въ періодъ отъ 1853 по 1867-й годъ на тысячу населенія умирали 38, а въ періодъ отъ 1867 года на 1870-й только 32 лица. Этотъ послѣдній періодъ времени представляетъ особенный интересъ по отношенію къ народному здравію въ Вѣнѣ, такъ какъ оно было вполнѣ нормально, при чемъ цифры и явленія одного года поразительно сходны съ статистическими данными каждаго изъ остальныхъ трехъ лѣтъ; холера была въ Вѣнѣ въ 1866-мъ году и съ тѣхъ поръ ея вовсе не было, но съ того времени непрерывно дѣйствуетъ особая коммиссія, имѣющая цѣлью предотвращеніе эпидеміи. Въ теченіе разсматриваемаго періода, *каждый* годъ населеніе страдало преимущественно катарральными болѣзнями, которыя поражали лёгкія отъ ноября по мартъ и кишечный каналъ, начиная съ апрѣля по октябрь. Чаще другихъ и постоянно встрѣчаются страданія отъ лёгочныхъ туберкуловъ, на которыя приходится и наибольшее число смертныхъ случаевъ; ежегодно число больныхъ и число смертныхъ случаевъ замѣтно возрастало отъ января по апрѣль, понижалось затѣмъ по сентябрь—самый здоровый мѣсяцъ въ Вѣнѣ, и затѣмъ вновь возрастало. Въ Берлинѣ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ въ Вѣнѣ различныя дѣтскія, а въ особенности заразительныя болѣзни въ дѣтскомъ возрастѣ, а потому въ Вѣнѣ смертность дѣтей меньше, нежели въ Берлинѣ; но смертность въ другихъ воз-

Digitized by Google

растахъ значительнѣе въ Вѣнѣ, такъ какъ тутъ ежегодно осенью, зимою и весною, благодаря неумѣренности климата, рѣзкимъ переходамъ отъ тепла къ холоду, гибнетъ много людей отъ чахотки. Августъ мѣсяцъ, въ санитарномъ отношеніи, болѣе благопріятный для Вѣны и самый неблагопріятный для Берлина. Всѣ эти выводы сдѣланы городскимъ управленіемъ Вѣны на основаніи самыхъ точныхъ данныхъ, собираемыхъ его агентами, и только при такомъ близкомъ знакомствѣ города съ санитарными условіями своей мѣстности возможны раціональныя заботы города о народномъ здравіи.

Я не стану вдаваться въ подробности организаціи больницъ въ Вѣнѣ, потому что не желалъ бы вводить читателей въ такую спеціальную область, а также потому, что участіе въ нихъ городского общества, самоуправленіе котораго насъ преимущественно занимаетъ, ограничивается въ данномъ случаѣ помѣщеніемъ на счетъ города паціентовъ въ больницы, содержимыя государствомъ и частными учрежденіями. На счетъ города устроены лишь пріемные покои при каждомъ полицейскомъ постѣ, а всего 55 пріемныхъ покоевъ въ различныхъ частяхъ города, для поданія *первой* помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Кромѣ того городъ Вѣна содержитъ 28 врачей, обязанныхъ жить въ указанномъ участкѣ и безвозмездно пользовать бѣдныхъ; ежегодно около ста пятидесяти тысячъ лицъ пользовались безвозмездно врачебными пособіями и лекарствами; послѣднія обошлись городу въ 1870-мъ году въ 11,862 флорина 36 крейцеровъ, не считая снабженія бѣдныхъ бандажами и предоставленія 488 бѣднымъ возможности посѣщенія, на счетъ города, минеральныхъ водъ на цѣлый курсъ леченія. Вѣнское городское общество, желая предупреждать, а не только излечивать болѣзни, издерживаетъ ежегодно до 3,000 флориновъ на раздачу бѣднымъ билетовъ для посѣщенія городскихъ купалень, устроенныхъ на Дунаѣ; но, указаніемъ на эту мѣру мы уже вступаемъ въ область *предупрежденія* болѣзней, на что и обращено главнѣйшее вниманіе вѣнскимъ городскимъ обществомъ: такъ, съ 1868 года городскимъ обществомъ введена гимнастика, *какъ обязательный предметъ*, во всѣ мужскія и женскія училища, и устроено для дѣтей и взрослыхъ 16 гимнастическихъ заведеній, куда приглашены 60 учителей гимнастики. Такимъ образомъ, купанье и гимнастика, которыя считаются у насъ или препровожденіемъ времени, или затѣями достаточнаго класса, благодаря вѣнскому городскому обществу, вошли въ систему воспитанія и стали удѣломъ всей массы народа, какъ существенныя мѣры къ сохраненію здоровья.

Digitized by Google

Чистота воздуха считается въ Вѣнѣ настолько важнымъ условіемъ для здоровья, что на очищеніе улицъ и водосточныхъ трубъ обращается особенное вниманіе въ Вѣнѣ; такъ какъ эта отрасль городского благоустройства находится въ первобытномъ состояніи въ большинствѣ русскихъ городовъ, то мнѣ кажется не безполезнымъ остановиться на ней нѣсколько подольше. Обязанность очистки улицъ падаетъ не только на городъ, но и на государство, насчетъ котораго содержатся нѣсколько главнѣйшихъ артерій города; нѣсколько улицъ очищаются на счетъ провинціальной кассы, а значительное большинство содержится городомъ. Что касается владѣльцевъ домовъ, то на нихъ возлагается очистка тротуаровъ, и съ 1-го апрѣля по 15-е октября ежедневная, *двукратная поливка* тротуаровъ на всемъ протяженіи дома; зимою каждый домовладѣлецъ обязанъ посыпать тротуаръ пескомъ во время гололедицы. На счетъ города очищаются и *поливаются* улицы, площади и нѣкоторые тротуары, и вывозится грязь и снѣгъ изъ города. Городское общество очищаетъ улицы на пространствѣ 738,652 квадратныхъ саженъ, для чего городъ раздѣленъ на 10 участковъ; каждый участокъ распредѣленъ между артелями, отъ трехъ до шести на участокъ; артели эти снабжены мѣтлами и работаютъ, получая отъ города около пятидесяти коп. сер. въ день, подъ наблюденіемъ артельнаго надсмотрщика. Кромѣ того, въ десяти округахъ столицы 17 особыхъ инспекторовъ для контроля надъ артелями рабочихъ, очищающихъ улицы; эти контролеры получаютъ около семидесяти пяти коп. сер. въ день; 478 рабочихъ, 52 партіонныхъ начальника и 17 инспекторовъ управляются съ очисткою и *поливкою* улицъ Вѣны, хотя слѣдуетъ не упускать изъ виду при этомъ, что по всему городу проведена вода, и что возить ее не приходится. Городское общество не только на собственный счетъ очищаетъ улицы, но, согласно закону, наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы частныя лица также дѣлали свое дѣло въ этомъ отношеніи: за четыре года городское общество усмотрѣло 4,895 случаевъ нарушенія правилъ объ очисткѣ тротуаровъ и взыскало съ виновныхъ до 7,000 руб. сер. штрафа. Не щадя никакихъ усилій къ тому, чтобы соблюденіемъ чистоты на улицахъ и во дворахъ оказать содѣйствіе къ здоровью жителей, городское управленіе рѣшилось принять на себя, съ 1868 года, очистку всѣхъ водосточныхъ трубъ, клоаковъ, помойныхъ ямъ и проч. *во всѣхъ домахъ и дворахъ* города. Въ прежнее время очищеніе трубъ и проч. въ домахъ возлагалось на домовладѣльцевъ, но никакія настоянія городского управленія не могли достигнуть того, чтобы *всегда* и во

Digitized by Google

всюду, самыхъ отдаленныхъ частяхъ города эта работа производилась съ тою отчетливостію, какой требуютъ санитарныя условія, а потому городское управленіе, внимательно изслѣдовавъ вопросъ, рѣшилось принять въ свое вѣдѣніе суммы, которыя расходовались домовладѣльцами на очистку трубъ и помойныхъ ямъ въ домахъ, производить очистку эту, на счетъ указанныхъ суммъ, рабочими, нанятыми городомъ и затѣмъ распредѣлять состоявшіяся издержки между домовладѣльцами, около семидесяти пяти тысячъ руб. сер. въ годъ; такая мѣра дала самые блестящіе результаты, такъ какъ городъ былъ распредѣленъ на участки и былъ заведенъ величайшій порядокъ и строжайшій контроль.

Парки въ окрестностяхъ города и въ самомъ городѣ, насажденіе бульваровъ и т. п. признаются настолько гигіенически-полезными въ западной Европѣ вообще, а въ Германіи въ особенности, что рѣдко можно встрѣтить нѣмецкій *городокъ* безъ древесныхъ насажденій, которыя здѣсь считаются *необходимостію*, а у насъ еще роскошью. Чтобы не быть голословнымъ, я сошлюсь на мнѣніе экспертовъ, выраженное въ Вѣнѣ въ 1870-мъ году по поводу расхищенія казенныхъ лѣсовъ въ окрестностяхъ столицы, о которомъ у насъ уже была рѣчь въ началѣ статьи. По мнѣнію лучшихъ спеціалистовъ, древесныя насажденія «содѣйствуютъ къ постепенному проникаію воды въ землю, замедляютъ испареніе воды изъ почвы и, такимъ образомъ, поддерживаютъ существованіе ключей и рѣкъ, *умѣряютъ* климатъ постояннымъ присутствіемъ влаги въ воздухѣ, ослабляютъ вредное вліяніе вѣтровъ и бурь». Къ этимъ соображеніямъ, выясняющимъ гигіеническое значеніе древоводства въ городахъ, я добавлю, что пользованіе массою народа изящными садами, при уваженіи ко всякому встрѣчающемуся въ нихъ растенію, содѣйствуетъ къ эстетическому и нравственному воспитанію массы. Неудивительно послѣ всего сказаннаго, что вѣнское городское общество обратило особенное вниманіе на общественные сады въ столицѣ съ того самого времени, когда внутренняя политика австрійскаго правительства отказалась отъ вѣры во всемогущество администраціи и призвала къ дѣятельности силы общественныя. Въ послѣднія 10-ть лѣтъ городомъ Вѣною издержано, не принимая въ разсчетъ многочисленныхъ бульваровъ, собственно на устройство новыхъ городскихъ садовъ до трехъ сотъ тысячъ руб. сер., и въ 1870-мъ году *содержаніе* древесныхъ насажденій въ городѣ обходилось приблизительно въ сорокъ тысячъ руб. сер.; въ настоящее время въ различныхъ частяхъ Вѣны размѣщено 17 общественныхъ садовъ и скверовъ, въ числѣ которыхъ есть парки,

Digitized by Google

занимающіе площадь до 10-ти десятинъ; кромѣ того Вѣна расп
лагаетъ огромнымъ знаменитымъ стариннымъ паркомъ «Прат
ромъ», расположеннымъ на островѣ, омываемомъ Дунаемъ. В
довольствуясь такимъ богатствомъ и не считая его роскошью, н
лишь только по желанію удовлетворить одному изъ существе
нѣйшихъ гигіеническихъ условій, вѣнское городское общест
приступило въ 1872-мъ году къ устройству новаго парка, разм
ромъ болѣе четырехъ десятинъ, въ самой бойкой части город
противъ императорскаго дворца, на той самой площади, кот
рая прежде служила только для производства смотра войскам
и которая, о чемъ я уже упоминалъ, вслѣдствіе просьбы
томъ города, отдана императоромъ австрійскимъ въ распоряж
ніе города. Говорить ли о томъ, что городъ, насаждая сады
интересѣ народнаго здравія, старается и успѣваетъ удовлетв
рить въ то же время эстетическому вкусу? Нѣтъ, такія вещ
разумѣются сами собою тамъ, гдѣ во главѣ дѣла стоятъ не толь
чему-нибудь учившіеся, но дѣйствительно просвѣщенные и циви
лизованные люди.

Вода для питья принадлежитъ къ числу такихъ условій н
роднаго благоденствія, которыя, къ несчастію, еще не обратил
на себя вниманія большинства русскихъ людей; даже въ столи
цахъ пьютъ иногда у насъ еще воду изъ каналовъ, въ которые сп
щены клоаки. Присмотримся же къ тому, на какія пожертвов
нія, въ интересѣ народнаго здравія, способны столицы Еврош
Я уже упоминалъ въ началѣ статьи о пожалованіи австрійским
императоромъ городу Вѣнѣ горнаго источника «Kaiserbrunnen
теперь остановлю нѣсколько дольше вниманіе читателя на этом
весьма характеристическомъ проявленіи самоуправленія Вѣн
въ періодъ отъ 1867 года по 1870-й. Источникъ, воду кот
раго, имѣющую температуру 4-хъ градусовъ тепла по Реомюр
городское общество проводитъ въ Вѣну, отстоитъ отъ послѣдне
на 90 верстъ слишкомъ; этотъ источникъ вмѣстѣ съ другим
подареннымъ городу частнымъ лицомъ, даетъ *ежедневно* от
673,000 ведеръ воды въ январѣ до 2.219,200 въ апрѣлѣ м
сяцѣ. Работы по проведенію воды въ Вѣну, при сооруженіи 5-ти зн
чительныхъ аквадуковъ, одного резервуара, объемомъ въ 235,00
кубическихъ футовъ, и другого въ 154,000 кубическихъ футов
обойдутся въ семь милліоновъ рублей сер. и должны быть окон
чены въ четыре года, считая отъ 21-го апрѣля 1870 года, к
гда императоръ австрійскій лично ударомъ поднесеннаго ему го
родомъ заступа положилъ начало работамъ. До сихъ поръ го
родъ Вѣна продовольствуется водою, проведенною во всѣ дом

Digitized by Google

изъ Дуная, но не отступаетъ, какъ мы видѣли, предъ огромными издержками, для того чтобы дать жителямъ лучшую воду въ интересѣ здоровья жителей.

V.

Отъ улучшенія воды для питья до содѣйствія города въ доброкачественности пищи одинъ шагъ; сдѣлаемъ его. Городское управленіе Вѣны съ особеннымъ стараніемъ преслѣдуетъ поддѣлку предметовъ первой потребности и подмѣсь къ нимъ вредныхъ веществъ, причемъ органами его служатъ *спеціалисты*. Такъ за четыре года было обнаружено до 2,500 случаевъ фальсификаціи молока преимущественно посредствомъ разбавленія его водою; для лучшаго сохраненія молока при перевозкѣ дозволено примѣшивать по два лота чистаго углекислаго натрія на ведро молока. Химическій анализъ и микроскопическія изслѣдованія городскихъ агентовъ, которыхъ произведено до тысячи за четыре года, часто обнаруживали фальсификацію масла, сливокъ, уксуса и проч., окрашиваніе маринованныхъ продуктовъ ярью-мѣдянкой, подмѣсь въ кофе искусственно поддѣланныхъ бобовъ, а въ муку— гипса. Въ 1869-мъ году были изслѣдованы, по порученію города, 226 поливенныхъ глиняныхъ сосудовъ, и въ 155-ти случаяхъ обнаружено присутствіе въ глазури, крайне вредной для здоровья, свободной окиси свинца. Нерѣдко агенты города открывали присутствіе мышьяка въ легкихъ матеріяхъ, окрашенныхъ въ зеленый цвѣтъ и въ цвѣтной бумагѣ; неоднократно по распоряженію городскихъ властей уничтожались различныя косметическія вещества, содержавшія въ себѣ ртуть, мышьякъ, свинцовый сахаръ и другія вещества, губительныя для здоровья. Не довольствуясь уничтоженіемъ вредныхъ припасовъ, городское общество заботится и объ удобствахъ покупки публикою здоровыхъ продуктовъ: къ 1-му августа 1871 года, на счетъ города выстроенъ изъ стекла и желѣза рынокъ для мелочной торговли. Рынокъ этотъ, занимая площадь въ 606 квадратныхъ саженъ, состоитъ изъ трехъ этажей. Нижній этажъ расположенъ на 30 футовъ подъ землею и защищенъ отъ сырости гидравлическимъ цементомъ; въ немъ помѣщаются погреба и четыре ледника, каждый въ 7 квадратныхъ саженъ; между ледниками расположена цистерна, въ которую скопляется изъ нихъ вода и изъ которой она выкачивается насосомъ. Второй этажъ, въ уровень съ улицей, представляя залу въ 562 квадратныхъ сажени, подраздѣленъ на 218 отдѣленій, въ которыхъ продаются продукты; полъ

Digitized by Google

въ этой залѣ асфальтовый и можетъ быть наводненъ въ нѣсколько минутъ для удобнѣйшаго содержанія его въ чистотѣ. Наконецъ, третій этажъ образуется стеклянною крышею, утвержденною на 42 чугунныхъ колоннахъ; вся постройка обошлась городу въ 276,790 флориновъ и окончена въ одиннадцать мѣсяцевъ; но кромѣ этого рынка городомъ сооруженъ еще другой, для оптовой торговли, обошедшійся въ 585,209 флориновъ.

Замѣтивъ, что продукты на рынкахъ Вѣны постоянно дорожаютъ и въ особенности въ 1869-мъ г. достигли огромной стоимости, городское общество, не оставаясь равнодушнымъ къ такому явленію, тотчасъ же представило министерству о необходимости смѣшанной коммиссіи изъ представителей администраціи, промышленности, сельско-хозяйственнаго общества и города, для изысканія средствъ къ уменьшенію дороговизны на предметы первой потребности и для внимательнаго изслѣдованія этого прискорбнаго явленія. 27-го августа 1869 года, состоялось означенное представленіе, а 3-го сентября министерство уже поспѣшило назначить «слѣдственную коммиссію» (Enquête-commission), которая въ 16-ти засѣданіяхъ выслушала 44 эксперта изъ землевладѣльцевъ, скотопромышленниковъ, желѣзнодорожныхъ администраторовъ, мясниковъ, ветеринаровъ и т. п. Къ несчастью, изслѣдованія спеціалистовъ выяснили, что устраненіе причинъ дороговизны превышаетъ силы города и лежитъ внѣ предѣловъ вѣдомства его. Такъ, возрастаніе цѣнъ на мясо, дошедшаго отъ 18-ти крейцеровъ за фунтъ, при раздробительной продажѣ, въ январѣ 1867 года, до 40 крейцеровъ въ декабрѣ 1870 года, объясняется наплывомъ бумажныхъ денегъ въ Австріи, паденіемъ цѣнности ихъ и уменьшеніемъ производства въ Венгріи, главномъ поставщикѣ скота въ Вѣну, причемъ потребленіе мяса въ Вѣнѣ не уменьшалось, но возросло отъ 78 до 84 фунтовъ въ годъ на жителя, среднимъ счетомъ. Лошадиное мясо стóитъ всего 16 крейцеровъ за фунтъ, но къ сожалѣнію употребленіе его лишь крайне медленно входитъ въ нравы жителей, и въ Вѣнѣ было въ 1870-мъ году всего 8 мясниковъ, которыхъ было въ 1867-мъ году, впрочемъ, только два. Огромное вліяніе на дороговизну продуктовъ имѣетъ, впрочемъ, обремененіе ихъ государственными налогами, объ отмѣнѣ которыхъ городъ вошелъ съ ходатайствомъ къ правительству, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ мѣръ къ облегченію и удешевленію доставки, на исполненіи которыхъ онъ, впрочемъ, не въ силахъ настоять. Гораздо успѣшнѣе было вмѣшательство городскихъ властей въ вопросъ объ удешевленіи печенаго хлѣба:

Digitized by Google

вслѣдствіе дороговизны сырыхъ матеріаловъ, вѣсъ хлѣба въ Вѣнѣ, продающагося по 5-ти крейцеровъ за штуку, уменьшился на $4^1/_2$ лота; въ 1870-мъ году вѣсъ хлѣба увеличился почти до своей нормы, но въ томъ же году Вѣнѣ угрожало большое бѣдствіе въ видѣ пріостановки производства хлѣбопёковъ, къ предотвращенію котораго городомъ приняты энергическія и раціональныя мѣры. Въ началѣ года, всѣ рабочіе и подмастерья вѣнскихъ булочниковъ, числомъ до 2,400, избрали изъ своей среды комитетъ, который обнародовалъ циркуляръ, угрожавшій тѣмъ, что если хозяева къ 19-му апрѣля 1870 года не надбавятъ 10% жалованья рабочимъ, не улучшатъ харчей и квартиры ихъ, не перестанутъ говорить, обращаясь къ нимъ, «*ты*», то они прекратятъ печеніе хлѣба *всѣ* въ одинъ день; такое дѣйствіе пекарей не заключало въ себѣ ничего противнаго австрійскому закону, дозволяющему всякія *добровольныя* стачки и соглашенія между гражданами; но эта угроза, въ осуществленіи которой трудно было сомнѣваться, могла окончиться для жителей Вѣны, если не полнымъ отсутствіемъ, то крайнимъ недостаткомъ въ хлѣбѣ, если бы городскимъ обществомъ *во-время* не были приняты надлежащія мѣры. Представители города обратились въ свою очередь съ циркуляромъ къ булочникамъ, въ которомъ напоминали рабочимъ о томъ, что, согласно закону, они не вправѣ оставить своихъ хозяевъ, не предувѣдомивъ ихъ за двѣ недѣли впередъ; но, не ограничиваясь этимъ, старались повліять на хозяевъ въ смыслѣ улучшенія быта рабочихъ и удовлетворенія справедливыхъ требованій ихъ и склонили послѣднихъ образовать коммиссію изъ 5-ти хозяевъ и 5-ти рабочихъ, для того чтобъ уладить возникшія недоразумѣнія. Не имѣя однако права разсчитывать съ увѣренностью на благопріятный исходъ этой мѣры, городское управленіе обезпечило себя на случай пріостановки хлѣбопеченія въ городскихъ булочныхъ, доставленіемъ изъ военнаго министерства 300 пекарей и дозволеніемъ воспользоваться печью, которая, при помощи машинъ, можетъ выпекать 120,000 хлѣбовъ ежедневно. Но до такихъ крайнихъ средствъ, равно какъ до предположеннаго городскимъ управленіемъ заказа хлѣба въ окрестностяхъ Вѣны не дошло дѣло: 16-го апрѣля состоялось засѣданіе коммиссіи изъ хозяевъ и рабочихъ, которая признала всѣ требованія, заявленныя рабочими, справедливыми, а 19-го апрѣля 1870 года, въ тотъ самый день, когда рабочіе угрожали прекратить работу, 2,400 рабочихъ собрались на митингъ; тамъ комитетъ, ими избранный, объявилъ имъ, что хозяева согласны исполнить требованіе ихъ; рабочіе тотчасъ же возвратились къ хо-

Digitized by Google

зяевамъ, принялись за работу, и съ тѣхъ поръ порядокъ бол никогда не нарушался. Такимъ образомъ австрійское пра тельство имѣло случай убѣдиться въ томъ, что ему не при дится раскаяваться въ предоставленной имъ свободѣ: свобо сама уврачевала рану, которую готова была нанести ничѣмъ в повиннымъ жителямъ свобода стачекъ, а городское самоупра леніе воспользовалось предоставленнымъ ему просторомъ, д того чтобы такъ обставить дѣло, чтобы на будущее время было основанія для недоразумѣній между хозяевами и рабочи Цѣна на хлѣбъ болѣе не повышалась, а рабочіе въ булочны перестали страдать отъ дурного содержанія и пренебрежитель обхожденія хозяевъ.

VI.

Но не такъ легко было побороть городскому управленію д роговизну квартиръ. Вслѣдствіе перестройки старинныхъ час города и сооруженія новыхъ, о которыхъ будемъ говорить ни и вслѣдствіе значительнаго прилива пришлаго населенія, о к торомъ я уже упоминалъ, недостатокъ въ квартирахъ становит съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ощутительнымъ, та какъ во-время не было принято надлежащихъ мѣръ къ устро ству *небольшихъ* квартиръ въ достаточномъ количествѣ. Прав что въ послѣднее время возникло столько новыхъ домовъ, сравнительно съ шестидесятыми годами, въ 1870-мъ году каждую квартиру приходилось нѣсколько меньшее число жи лей, но тѣмъ не менѣе, потребность въ квартирахъ въ 1870- году была еще такъ велика, что въ это время 23 проце всего населенія Вѣны живутъ не въ своихъ квартирахъ, на маемыхъ у домовладѣльцевъ, но въ частяхъ чужихъ квартир Можно составить себѣ понятіе о размѣрахъ квартиръ въ Вѣ если сличить число жилыхъ комнатъ въ квартирахъ съ числ кухонь, такъ какъ чѣмъ первыхъ больше по отношенію къ слѣднимъ, тѣмъ больше квартира и тѣмъ менѣе она приспосо лена для жизни недостаточной семьи, и тѣмъ слѣдователь дороже обойдется квартира. Самое благопріятное условіе этомъ отношеніи, представляетъ восьмой округъ города Вѣн гдѣ на 12,892 комнаты причитается 10,510 кухонь; но въ д гихъ округахъ квартиры *среднимъ счетомъ* значительно боль а потому число квартиръ меньше; такъ, напримѣръ, въ перво округѣ на 30,825 комнатъ 10,439 кухонь и 7,298 приход а присутствіе послѣднихъ уже указываетъ на стоимость ква

Digitized by Google

тиры. Городское общество внимательно слѣдило за тѣмъ, чтобы бѣдняки, которыхъ нужда и дороговизна квартиръ загоняла въ подземелья, не жили въ квартирахъ, угрожающихъ опасностію здоровью; такихъ случаевъ встрѣчалось сотни и, при помощи общественной и частной благотворительности, городскому управленію удавалось размѣстить безъ вреда для здоровья насильственно выведенныхъ изъ погребовъ и изъ-подъ чердака. Въ 1867-мъ году оказалось 230 семействъ съ 600 дѣтей безъ пристанища, за невозможностію пріискать квартиру по ихъ средствамъ. Въ 1869-мъ и 1870-мъ году были сотни случаевъ, гдѣ бѣдныя семейства, получивъ денежное вспомоществованіе, и за деньги не могли пріискать квартиры, и городское управленіе спѣшило отвести нѣсколько домовъ, въ которыхъ предоставило временный пріютъ этимъ семействамъ, до тѣхъ поръ, пока они пріищутъ квартиру. Въ новѣйшее время обращено особенное вниманіе на устройство въ домахъ квартиръ малаго размѣра въ достаточномъ числѣ, но и осенью 1872 года квартиры въ Вѣнѣ были еще очень дороги.

Чтобы исчерпать наконецъ заботы городского общества о мѣрахъ, *предупреждающихъ* заболѣваніе, предупреждающихъ обѣдненіе, которое ведетъ къ истощенію силъ и поврежденію здоровья, я укажу здѣсь на мѣры, принимаемыя въ Вѣнѣ къ доставленію работы лицамъ въ ней нуждающимся; здѣсь тѣмъ болѣе будетъ у мѣста коснуться этого вопроса, что онъ состоитъ въ тѣсной связи съ бытомъ рабочихъ въ Вѣнѣ, о чемъ мы только-что говорили. Въ Вѣнѣ существуетъ особый рабочій домъ для лицъ не по принужденію, но по собственному желанію въ немъ занятыхъ работою; въ этотъ рабочій домъ принимаются бѣдные люди, способные въ работѣ и оставшіеся безъ дѣла не по своей винѣ; они поступаютъ туда на нѣкоторое время для работы, и бываетъ ихъ въ рабочемъ домѣ до 450. Въ числѣ лицъ, заработывавшихъ въ этомъ рабочемъ домѣ, къ концу 1870 года было только 36 возрастомъ отъ 14-ти до 20-ти лѣтъ и только 40 лицъ возрастомъ отъ пятидесяти лѣтъ и старше, а всѣ остальные 379 рабочихъ состояли въ возрастѣ отъ 20-ти до 50-ти лѣтъ, т.-е. въ лучшемъ возрастѣ для работы, но не находили послѣдней и потому были приняты въ рабочій домъ. Всякій изъ этихъ рабочихъ обязанъ исполнить ежедневно извѣстную урочную работу; урокъ этотъ сообразуется съ избраннымъ работникомъ ремесломъ и оплачивается по опредѣленной таксѣ. За исполненіе урочной работы рабочій получаетъ квартиру и харчи. Если рабочій боленъ, или слабъ, то

Digitized by Google

по удостовѣренію врача на него возлагается ежедневно лишь половина урочной работы; кромѣ того, такіе рабочіе получаютъ ежедневно утромъ супъ. Нѣкоторые рабочіе не живутъ въ рабочемъ домѣ, но приходятъ туда лишь ночевать, уплачивая за право ночлега по 35 крейцеровъ (21 коп. сер.) *въ недѣлю*, не исполняя никакихъ урочныхъ работъ и не получая харчей. Въ этомъ рабочемъ домѣ заняты преимущественно производствомъ тканей, переплетнымъ мастерствомъ, шитьемъ одежды и обуви; харчи каждаго изъ постоянно живущихъ рабочихъ обошлись въ 1870 году въ $29^3/_4$ крейцера *въ день*, т.-е. около 18 коп. сер.— это можетъ служить новымъ подтвержденіемъ того, до чего дошла дороговизна въ Вѣнѣ.

VII.

До сихъ поръ мы имѣли случай присмотрѣться ко множеству точекъ соприкосновенія между городскимъ управленіемъ и самыми различными сторонами жизни общества. Для того, чтобы заботиться о чистотѣ воздуха, путемъ очистки улицъ, насажденія деревьевъ и проч., чтобы доставлять жителямъ чистую воду, здоровую пищу, возможно дешевые продукты, здоровыя квартиры, и для того, наконецъ, чтобы слѣдить за бытомъ рабочихъ и сближаться съ нуждающимися въ работѣ, — городское общество и городское управленіе должно имѣть своихъ агентовъ, а совокупность всѣхъ перечисленныхъ заботъ составляетъ предметъ вѣдомства *полиціи*. Петербургскіе жители, глядя на полицію столицы послѣднихъ лѣтъ, уже могли составить себѣ понятіе о полиціи, какъ о *слугѣ* общества, оберегающемъ послѣднее отъ всевозможныхъ бѣдъ; но въ прочихъ городахъ нашихъ со словомъ «полиція» соединяются понятія о «начальствѣ», существующемъ въ видѣ пугала, а вовсе не для оказанія услугъ обществу. Не такъ въ Вѣнѣ; но здѣсь положеніе вещей измѣнилось только съ тѣхъ поръ, что полиція, непрерывно соприкасающаяся съ обществомъ, перешла въ непосредственное вѣдѣніе города; въ началѣ статьи я уже указывалъ на состоявшееся въ Вѣнѣ преобразованіе полиціи, а теперь къ нему возвращаюсь, чтобы дополнить картину самоуправленія въ Вѣнѣ и еще разъ убѣдиться въ томъ, что плодотворная и всеобъемлющая дѣятельность городского управленія вытекла въ Вѣнѣ изъ предоставленнаго городу простора и усвоеннаго администраціею навыка помогать городу и удовлетворять законныя требованія его, безъ излишней обидчивости за свое собственное административное «я». До 1848 года

Digitized by Google

уществовала въ Вѣнѣ военнымъ образомъ организованная поли-
цейская стража; въ 1848-мъ году была организована городомъ на-
ціональная гвардія, замѣненная правительствомъ въ 1851 году, т.-е.
въ такую эпоху, когда австрійское правительство еще разсчитывало
почерпать свою силу во всеобщемъ безмолвіи и бездѣйствіи обще-
ства, — *военной* полицейской командой, входившей въ составъ
дѣйствующихъ войскъ. Эта команда вербовалась въ войскахъ;
олки наиболѣе способныхъ солдатъ старались удержать въ со-
ставѣ войскъ, а командировали въ полицейскую стражу только
аименѣе способныхъ людей, которые не умѣли освоиться ни съ
ѣстомъ дѣйствія, ни съ родомъ дѣятельности, ни съ характе-
омъ населенія. Вслѣдствіе этого полицейская команда воору-
ала противъ себя публику, ежедневно возбуждая противъ себя
еудовольствія. Въ 1864-мъ году городское общество вступило
ъ переговоры съ администраціею о преобразованіи полиціи изъ
оенной въ *гражданскую*, при полномъ подчиненіи ея городу,
аиболѣе заинтересованному въ предупрежденіи и пресѣченій
акъ преступленій, такъ и болѣзней; но до 1868 года адми-
страція, руководствуясь принципами старинной австрійской по-
итики, ревниво охраняла свою власть вмѣсто того, чтобы поза-
отиться о благосостояніи города, а потому не соглашалась на
реобразованіе полиціи; только въ октябрѣ 1868 года послѣдо-
ало согласіе правительства. Затѣмъ послѣдовали уже извѣстные
амъ переговоры между городомъ и администраціей, которыми
ородъ достигъ того, что правительство признало за городомъ
раво ассигновать на полицію деньги только до тѣхъ поръ,
ока полицейская инструкція и вся полиція вообще будутъ за-
исѣть отъ города. 31-го марта 1869 года состоялся новый по-
ицейскій уставъ, отъ измѣненія котораго *безъ участія города*
казалось правительство; къ 15-му декабря 1869 года во всей
ѣнѣ уже дѣйствовала новая *гражданская* полиція, подчиненная
онтролю городского управленія. Новая полицейская стража на-
ималась по найму изъ всѣхъ слоевъ общества, и въ 1870-мъ году
ъ составъ ея входили лица *ста четырехъ* различныхъ профес-
ій, отъ трубочистовъ до фотографовъ и скульпторовъ; всего
ольше оказывалось въ полицейской стражѣ сидѣльцевъ изъ ма-
азиновъ (107). Такой личный составъ полиціи могъ нерѣдко
казать неоцѣненныя услуги дѣлу, такъ какъ при случаѣ извѣст-
ыя порученія можно было возлагать на спеціалистовъ извѣст-
ой профессіи; кромѣ того, подобный личный составъ ручался за
егкое сближеніе полиціи съ обществомъ. По возрасту служа-
ихъ полиція была набрана не менѣе удачно: изъ 1,653 ниж-

Digitized by Google

нихъ чиновъ только 645 лицъ были моложе тридцати лѣтъ, всего 109 лицъ были старше 40-ка лѣтъ, а остальные 699 л были въ возрастѣ отъ 30-ти до 40-ка лѣтъ, совмѣщающемъ в большую опытность съ наибольшимъ физическимъ развитіе столь необходимые для сложной и утомительной полицейс службы.

Наконецъ, что касается степени образованія лицъ, шедшихъ въ гражданскую полицейскую стражу, то въ ср послѣдней находилось 330 лицъ, окончившихъ курсъ въ гим зіяхъ и реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не говоря о томъ, въ средѣ ея не было лица, не получившаго элементарнаго об зованія; въ составѣ полиціи на 2,700 лицъ было 1,480 влад щихъ иностранными языками, включая въ число послѣднихъ мынскій, венгерскій языки и славянскія нарѣчія. Изъ числа 1, чиновъ, знавшихъ кромѣ нѣмецкаго языка еще хоть одинъ и странный языкъ, владѣли англійскимъ языкомъ 4, франц скимъ 31 и итальянскимъ 322. Не довольствуясь общеобраз тельною подготовкою лицъ, поступившихъ въ составъ новой лиціи, ихъ тотчасъ же стали обучать плаванію и управле лодкой, французскому языку, поданію первой врачебной помо независимо отъ сего были организованы особые курсы для инсп торовъ полиціи, а для вновь поступающихъ существуетъ осо подготовительное училище, въ которомъ знакомятъ съ мѣстн географическими условіями и мѣстнымъ законодательствомъ. слѣ всего сказаннаго мы не удивимся тому, что публика о слась съ большимъ сочувствіемъ къ новой полиціи и что го обязанъ послѣдней образцовымъ порядкомъ. Весь личный сос полиціи, считая одного центральнаго инспектора, четырехъ с шихъ инспекторовъ, 16 окружныхъ инспекторовъ, 44 инспе ровъ частей, 182 инспекторовъ околоточныхъ и 2,453 нижн пѣшихъ и конныхъ чиновъ, представляетъ весьма незначит ную, сообразно населенію города, цифру 2,700 лицъ; го Вѣна расходуетъ на полицію всего около 210,000 руб. Просвѣщенной и неутомимой дѣятельности этой полиціи го ское управленіе и обязано достиженіемъ многаго и весьма гаго изъ того, о чемъ до сихъ поръ у насъ была рѣчь; з чательный отчетъ Фельдера представляетъ весьма интере статистическія данныя о дѣятельности вѣнской полиціи. этого отчета видно, что въ 1870-мъ году потребовалось содѣйс полиціи въ 373,998 случаяхъ, распредѣляющихся на 100 *личныхъ* категорій. Чтобы хоть сколько-нибудь обрисовать дѣятельности вѣнской полиціи, я укажу на то, что ею спа

жизнь 188-ми лицамъ, въ 80-ти случаяхъ ею подано пособіе родильницамъ на улицѣ, 973 раза ею оказана помощь при несчастныхъ случаяхъ; полиціею усмотрѣно 296 пожаровъ и въ 204 случаяхъ оказано пособіе, 241 разъ пріостановлено полиціею самоубійство, 93 раза полиція вмѣшалась въ публичное поведеніе умалишенныхъ, 213 разъ остановлены ею понесшія лошади, 445 разъ возвращены полиціею найденныя ею вещи; только 3,731 разъ въ теченіе цѣлаго года пришлось полиціи имѣть дѣло съ пьяными въ многолюдной столицѣ, но 9,243 раза полиція привлекала къ отвѣтственности за слишкомъ скорую ѣзду на улицахъ; въ Вѣнѣ было за 1870-й годъ всего 4 случая грабежа и только 4,197 случаевъ воровства, тѣхъ и другихъ кончившихся при вмѣшательствѣ полиціи. Такимъ образомъ, самоуправленіе, задавшееся преимущественно цѣлью *предупрежденія* зла, повело къ такому порядку и такой безопасности, которымъ могутъ позавидовать многія столицы Европы, въ которыхъ администрація еще не сознала своего безсилія и еще не обратилась къ содѣйствію общества, забывая о томъ, что въ средѣ чиновниковъ можетъ оказаться гораздо больше лицъ, имущественно не столь заинтересованныхъ въ спокойствіи и порядкѣ,—чѣмъ въ средѣ гражданъ.

VIII.

Для того, чтобы покончить съ заботами городского управленія о *матеріальномъ* благѣ жителей Вѣны, мнѣ остается говорить о путяхъ сообщенія въ Вѣнѣ въ разсматриваемый періодъ, о состояніи въ ней промышленности и торговли и новыхъ сооруженіяхъ, произведенныхъ на счетъ городского общества; хотя всѣ эти мѣры отражаются и на нравственномъ бытѣ населенія, но ими городъ не ограничивался, и мы еще остановимся на дѣятельности города Вѣны на пользу училищъ и скажемъ нѣсколько словъ о вспоможеніи бѣднымъ.

Несмотря на то, что мощеніе улицъ представляетъ неисчислимыя удобства, уменьшая грязь и тѣмъ самымъ содѣйствуя къ чистотѣ воздуха, облегчая перевозку тяжестей и представляя этимъ огромную экономію и уменьшая число несчастныхъ случаевъ, въ русскихъ городахъ, не говоримъ о Петербургѣ, почти не приступали къ такому мощенію улицъ, которое повсемѣстно вошло въ обычай въ городахъ западной Европы; въ числѣ послѣднихъ Вѣна отличается своими превосходными, гранитными мостовыми изъ тесаннаго камня, которыя вы встрѣтите не только

Digitized by Google

кое-гдѣ для *украшенія* города, но въ самыхъ уединенныхъ переулкахъ, какъ *необходимое* удобство. За время отъ 1867 по 1870-й годъ проложено на счетъ города 29 новыхъ улицъ, 78 улицъ вымощены вновь и въ 61 улицѣ мостовая передѣлана за-ново. Освѣщеніе улицъ газомъ обошлось Вѣнѣ въ 1870-мъ году въ 379,774 флорина 77 крейцеровъ, за 7,975 рожковъ. До 1829 года Вѣна освѣщалась масляными лампами; отъ 1839 до 1843 года австрійская компанія нѣсколько разъ ходатайствовала о дозволеніи въ *видѣ опыта* освѣтить нѣсколько улицъ газомъ; наконецъ, англійской компаніи удалось получить концессію, но компанія эта потребовала отъ города огромныхъ суммъ и согласилась на пониженіе цѣнъ на освѣщеніе только послѣ того, что городское общество выхлопотало себѣ право устроить на счетъ города газовый заводъ; въ настоящее время Вѣна освѣщается на основаніи контракта съ англійскою компаніею, срокъ которому истекаетъ въ 1877-мъ году; городское общество контролируетъ исполненіе контракта, и въ 1869-мъ году даже достигло того, что компанія значительно понизила цѣну за освѣщеніе вслѣдствіе удешевившагося производства газа. Для того, чтобы гарантировать городу возможно лучшее и дешевое освѣщеніе, городское общество уже въ 1869-мъ году постановило съ 1877 года объявить конкурсъ на освѣщеніе Вѣны, предоставивъ нынѣ освѣщающей компаніи къ тому времени представить соображенія объ улучшеніяхъ и пониженіи цѣнъ, которыя компанія сочтетъ возможными. Съ распространеніемъ города и возростаніемъ населенія его, обыкновенныхъ средствъ сообщенія, каковы улицы и тротуары для пѣшеходовъ, 3,000 извощиковъ всякаго рода и 600 омнибусовъ, стало недостаточно, и въ Вѣнѣ, была устроена конно-желѣзная дорога, принадлежащая, по изяществу и удобству вагоновъ, по качеству лошадей и образцовому порядку на линіяхъ, равно какъ и по протяженію рельсовъ, къ первымъ въ Европѣ; въ началѣ статьи я уже указывалъ на то, какъ городское общество отстояло свое право на совершеніе договора съ компаніею конно-желѣзной дороги. Въ 1867-мъ году городское общество объявило конкурсъ на сооруженіе конно-желѣзной дороги, и между тремя явившимися соискателями состоялось соглашеніе; образовалась одна компанія, принявшая условія города.

Компанія обязалась выстроить конно-желѣзныя дороги въ Вѣнѣ на протяженіи приблизительно *шестидесяти* верстъ, которыя составятъ 25 сообщающихся другъ съ другомъ линій; на всемъ протяженіи должны быть положены двойные рельсы, рельсы въ оба пути, которые должны имѣть ту же ширину, какъ рельсы па-

Digitized by Google

ровой желѣзной дороги, для того, чтобы въ случаѣ надобности вагоны послѣдней безъ перегрузки могли идти по рельсамъ конно-желѣзной дороги. Вагоны конно-желѣзной дороги должны подвигаться со скоростію 6-ти верстъ въ часъ, включая сюда и всѣ остановки на пути и за плату по 6 коп. сер. за всякую поѣздку въ предѣлахъ какой бы то ни было линіи. Вагоны должны находиться въ движеніи ежедневно отъ 6-ти час. утра до 11-ти час. вечера, и отходить отъ станціи на главныхъ линіяхъ по крайней мѣрѣ всякія *десять* минутъ; всѣ линіи должны быть выстроены въ теченіе четырехъ лѣтъ, и компанія пользуется ими 35 лѣтъ, по истеченіи которыхъ всѣ рельсы переходятъ безвозмездно въ собственность города, если городъ пожелаетъ принять дорогу, или же компанія обязана прибрать ихъ и привести всѣ улицы въ прежнее состояніе. Здѣсь не мѣсто излагать во всѣхъ подробностяхъ договоръ, съ существеннымъ содержаніемъ котораго я уже ознакомилъ читателя; но не могу не дополнить сказаннаго тѣмъ, что городское общество возложило чрезвычайно тяжелое условіе на компанію, обязавъ послѣднюю, § 37-мъ концессіи, къ уплатѣ въ пользу города *пяти* процентовъ *валового* дохода компаніи отъ конно-желѣзныхъ дорогъ. Такое требованіе повлекло за собою то, что компанія выстроила дороги лишь на самыхъ бойкихъ улицахъ и, устроивъ ихъ на протяженіи до 20-ти верстъ, пріостановилась, ходатайствуя о пересмотрѣ концессіи; городское общество, находя, что взиманіе правительствомъ налога въ десять процентовъ со стоимости билетовъ на проѣздъ на конно-желѣзной дорогѣ крайне обременительно для послѣдней, внесло ходатайство объ отмѣнѣ этого государственнаго налога, которое и было уважено; въ то же время городское общество приступило къ обсужденію вопроса о пересмотрѣ договора съ компаніею, но я не имѣю свѣдѣній о томъ, окончены ли переговоры въ настоящее время. Насколько городское управленіе устройствомъ конно-желѣзной дороги удовлетворило насущной потребности видно изъ того, что въ 1870-мъ г. выдано 12,578,515 билетовъ на проѣздъ; сравнивъ это число съ числомъ билетовъ, выданныхъ въ 1867-мъ году, я вывелъ, что въ первое время по устройствѣ дороги приходилось 233 пассажирскихъ билета на каждую сажень протяженія дороги, а въ 1870-мъ году пришлось уже по 603 пассажира на такое же пространство; значитъ, и желѣзныя дороги относятся къ числу такихъ учрежденій, каковы многія другія, съ которыми публика свыкается лишь *постепенно* и вкусъ къ которымъ *прививается* руководителями общества къ *массѣ*, если только учрежденія сами по себѣ соотвѣтствуютъ жизненнымъ условіямъ.

Digitized by Google

Не довольствуясь заботою о сухопутныхъ дорогахъ, городск
общество Вѣны заботилось также и о водяныхъ путяхъ; но
коснусь лишь важнѣйшаго изъ этого рода сооруженій, измѣнен
русла рѣки Дуная. До настоящаго времени Дунай протека
далеко отъ Вѣны, развѣтвляясь на нѣсколько рукавовъ, предста
лявшихъ мало удобствъ для судоходства и въ то же время оп
стоившихъ окрестности при разлитіяхъ. Наводненіе, происше
шее въ 1862-мъ году, побудило городское общество возобнови
уже прежде составившійся планъ искусственнаго измѣненія рус
Дуная съ тѣмъ, чтобы свести всѣ рукава въ одно большое т
ченіе, удобное для судоходства, которое подходило бы къ сам
Вѣнѣ. Но въ 1862-мъ году городское общество еще не поль
валось значеніемъ въ глазахъ администраціи, а потому только
1867 года дѣло стало подвигаться, и притомъ съ соблюденіе
интересовъ города. Тогда было постановлено прорыть каналъ
тысячу футовъ шириною для обыкновенной воды и въ двѣ тыся
четыреста футовъ для половодья; въ этотъ каналъ свести в
рукава Дуная, кромѣ такъ-называемаго «Дунайскаго канал
вся постройка обойдется въ 24,600,000 флориновъ и буде
произведена насчетъ государства, провинціи и столицы, котор
приняла на себя третью часть расхода и для этого, съ разр
шенія правительства, заключила заемъ посредствомъ выпуска пр
центныхъ бумагъ. 14-го мая 1870 года произошло торжестве
ное открытіе работъ, которыя должны быть окончены въ 1874-м
году. Вслѣдъ за открытіемъ, послѣдовавшимъ въ присутствіи им
ратора австрійскаго, дѣятельно принялись за работы на всем
протяженіи, около пяти верстъ, при помощи нарочно для это
заказанныхъ машинъ: 16 паровыхъ силъ вычерпываютъ ежедне
до 200 кубическихъ саженъ земли, которую 11 локомотив
отвозятъ по временной желѣзной дорогѣ; это сооруженіе, пр
изводимое при участіи и подъ контролемъ городского общест
будетъ принадлежать къ числу наиболѣе значительныхъ нашег
времени и отзовется неисчислимыми послѣдствіями на торговл
промышленности. Уже и въ настоящее время Вѣна имѣетъ весь
важное торговое значеніе, какъ центръ торговли между востоко
и западомъ, между Чернымъ, Адріатическимъ, Балтійскимъ м
рями и Атлантическимъ океаномъ. Въ 1870-мъ году прибли
тельно 50 процентовъ населенія Вѣны были заняты ремесле
нымъ и фабричнымъ производствомъ; до десяти процентовъ н
селенія столицы были заняты торговлею; нѣсколько цифръ могл
обрисовать характеръ промышленности въ Вѣнѣ и размѣры е

Digitized by Google

Такъ, въ 1870-мъ году было въ Вѣнѣ 150 садовниковъ, 195 фабрикантовъ машинъ, 137 каретниковъ, 137 шорниковъ, 107 оптиковъ, 335 часовыхъ мастеровъ, 117 фабрикантовъ фортепіано, 676 слесарей, 552 золотыхъ дѣлъ мастера, 295 булочниковъ, 1630 содержателей гостинницъ, 262 продавцевъ водки, 3.108 портныхъ, 588 продавцевъ бѣлья, 70 типографій, 88 литографій, 27 граверовъ, 8 словолитень, 87 книгопродавцевъ, 18 библіотекъ для чтенія, 24 музыкальныхъ магазина, 470 продавцевъ газетъ, 20 банковъ, 70 мѣнялъ, 13 желѣзно-дорожныхъ обществъ, 244 оператора, 50 аптекъ...

IX.

Не вдругъ Вѣна стала огромнымъ, оживленнымъ и промышленнымъ городомъ, но измѣнилась она однако въ чрезвычайно короткое время и измѣнилась настолько, что, какъ я уже говорилъ, трудно узнать ее тому, кто не видалъ ея лѣтъ пятнадцать. Парижъ перестроенъ и украшенъ за тотъ же періодъ времени по волѣ деспота, опасавшагося мостовыхъ, какъ матеріала для баррикадъ, и рабочихъ, какъ строителей этихъ орудій, вполнѣ негодныхъ для сокрушенія деспотизма; вотъ и перерѣзали Парижъ съ точки зрѣнія военнаго искусства шоссированными бульварами. Въ Вѣнѣ затѣяли перестройку города въ такое время, когда австрійское правительство еще не искало союза въ подданныхъ своихъ; но вскорѣ политика правительства измѣнилась, и дѣло пересозданія Вѣны перешло въ руки городского общества, которое, не имѣя на душѣ заботы о томъ, какъ бы поудобнѣе разгромить городъ пушками, могло почтить науку и искусство, могло удовлетворить эстетическимъ и экономическимъ потребностямъ населенія. 20-го декабря 1857 года состоялось императорское повелѣніе о новыхъ сооруженіяхъ въ Вѣнѣ съ цѣлью распространенія внутренняго города, т.-е. старинной части Вѣны, сообщенія внутренняго города съ предмѣстьями и украшенія города. Но городское общество, наиболѣе заинтересованное въ этомъ вопросѣ, было оставлено въ сторонѣ и была назначена по указу особая коммиссія, которой было поручено дѣло. Эта коммиссія должна была насчетъ недвижимыхъ цѣнностей, которыя должны были возникнуть вслѣдствіе разрушенія крѣпостныхъ стѣнъ, окаймлявшихъ старинный городъ, и наполненія валовъ, его окружавшихъ, и затѣмъ на суммы, выручаемыя отъ продажи старыхъ

Digitized by Google

зданій, замѣняемыхъ новыми,—произвести работы. Но городское общество не пожелало оставаться нѣмымъ и безучастнымъ зрителемъ всего совершавшагося на его территоріи, а потому уже въ 1866-мъ году достигло того, что городу были уступлены и частію проданы извѣстныя пространства земли, для сооруженія общественныхъ зданій, въ которыхъ городъ былъ наиболѣе заинтересованъ. Подъ условіемъ права на голосъ, городъ участвовалъ въ расходахъ на сооруженія, которыя признавалъ полезными, но которыя производились не подъ его контролемъ до 1868 года, когда законъ всю строительную полицію ввѣрилъ городу. Послѣ разрушенія бастіоновъ еще въ 1858-мъ году, сооруженія стали быстро слѣдовать одно за другимъ, и 1-го мая 1865 года была торжественно открыта лучшая изъ улицъ Вѣны, извѣстная «Ringstrasse», которая по размѣрамъ соперничаетъ съ знаменитыми парижскими бульварами, а въ архитектурномъ отношеніи значительно превосходитъ ихъ; за этимъ послѣдовали сооруженія цѣлаго ряда частныхъ и общественныхъ дворцовъ, устройство парковъ и садовъ, и всѣ тѣ сооруженія, о которыхъ я уже упоминалъ въ своемъ мѣстѣ. Въ 1869-мъ году возникли въ Вѣнѣ двѣ строительныя компаніи, «Австрійская» и «Вѣнская», которыя, закупивъ значительное пространство свободной земли и много домовъ, строили вновь и перестраивали, обращая вниманіе и на необходимость квартиръ малаго размѣра. Въ то же время, согласно ходатайству города, правительство предоставило свободу отъ налоговъ тѣмъ изъ домовладѣльцевъ, которые соорудятъ дома, удовлетворяющіе извѣстнымъ условіямъ, въ теченіе ближайшихъ десяти лѣтъ. Общественныя и частныя сооруженія продолжаются въ Вѣнѣ и до сихъ поръ, и посѣтители всемірной выставки 1873 года застанутъ въ полномъ разгарѣ работы на огромной площади въ самомъ центрѣ города, на которой городъ воздвигаетъ зданія ратуши и университета. По проекту, за который городъ Вѣна уплатилъ архитектору Шмидту 4000 флориновъ преміи при конкурсѣ, городская ратуша, при длинѣ въ 80 саженъ и ширинѣ въ 65 саженъ, будетъ заключать въ себѣ залу въ 250 квадратныхъ саженъ; это сооруженіе будетъ производиться отъ 8 до 10 лѣтъ и обойдется до $8^1/_2$ милліоновъ флориновъ; предъ ратушею, какъ я уже упомянулъ о томъ раньше, будетъ раскинутъ большой изящный паркъ. Городъ Вѣна не имѣлъ возможности покрыть всѣ экстраординарные расходы на сооруженія изъ обыкновенныхъ городскихъ доходовъ, а потому, въ виду производительности расхода и увеличенія имущества города путемъ новыхъ сооруженій, рѣшился прибѣгнуть къ займу въ 25 милліоновъ

Digitized by Google

флориновъ; постепенно выпускаются процентныя бумаги, по мѣрѣ необходимости въ деньгахъ. Въ періодъ времени отъ 1867 по 1870-й годъ въ Вѣнѣ выстроено и перестроено 3,000 домовъ, считая въ томъ числѣ и постройки частныхъ лицъ; трудно вычислить въ точности, сколько издержано за четыре года собственно городскимъ обществомъ на различныя сооруженія, съ которыми я уже познакомилъ читателя; но приблизительно я вычислилъ, на основаніи бюджета города Вѣны и другихъ документовъ, что вѣнскимъ городскимъ обществомъ издержано отъ 1867 по 1870-й годъ на сооруженіе общественныхъ зданій, улицъ, площадей, мостовъ, каналовъ, водопроводовъ и на устройство садовъ, всего до *семи милліоновъ* флориновъ; около *шестнадцати* процентовъ этого единовременнаго расхода издержаны на устройство *школъ:* на школы издержано въ Вѣнѣ *единовременно* отъ 1867 по 1870-й годъ 1,171,168 флориновъ. Такъ поступаетъ только такой городъ, который считаетъ народное образованіе одною изъ наиболѣе доходныхъ статей и который считаетъ фактъ, бывшій въ Вѣнѣ въ 1870-мъ году и въ предыдущіе годы, что изъ 26,069 избирателей приняли участіе въ городскихъ выборахъ только 5,875 лицъ, чрезвычайно грустнымъ явленіемъ, побороть которое можетъ только народная школа.

Городъ Вѣна, независимо отъ единовременнаго расхода на школы, издерживалъ въ 1870-мъ году на *ежегодное* содержаніе училищъ болѣе четырехъсотъ тысячъ рублей сер. (Петербургъ въ 1872-мъ г. ассигновалъ на народное образованіе 27,854 руб. сер.!!!!), и весьма наставительно то, что изъ этихъ 669,251 флорина почти *семьдесятъ процентовъ* издерживались городомъ на *начальныя* и только двадцать пять процентовъ—на среднія учебныя заведенія. Когда же, наконецъ, такія цифры и результаты подобной системы убѣдятъ руководителей городскихъ и земскихъ собраній въ Россіи, и когда же наконецъ мы перестанемъ, желая временнаго богатства, готовить себѣ разореніе въ будущемъ и, подъ видомъ экономіи, обучать *немногихъ* насчетъ всей массы, вмѣсто того, чтобы для всей этой массы открыть дверь въ школу? Когда, наконецъ, русская народная школа станетъ первою ступенью образованія, на которую дозволено будетъ вступить каждому не съ тѣмъ, чтобы сортировать публику въ сѣняхъ, провожая однихъ по классическимъ лѣстницамъ, ведущимъ въ раззолоченныя палаты, и провожая другихъ по инымъ лѣстницамъ, ведущимъ только въ мастерскія и фабрики? Когда, наконецъ, наша *начальная* школа станетъ всеобщею, и потому будетъ называться *начальною*, что она послужитъ началомъ всякаго образованія, ко-

Digitized by Google

торое будетъ спеціализироваться не съ десятилѣтняго возра
дѣтей?.. Мнѣ скажутъ городскіе и земскіе гласные, что мно
происходитъ отъ обстоятельствъ «отъ нихъ независящихъ»;
будемъ искренни: во многомъ мы сами виновны, такъ какъ
бимъ народную школу не на дѣлѣ, но *на словахъ;* чтобы у
диться въ этомъ, загляните въ бюджеты большинства наш
земскихъ собраній, которымъ ничто, кромѣ самихъ гласных
мѣшаетъ тратить деньги на школы; мы бѣдны, это правда,—
съ той минуты, что мы увѣруемъ въ школу, мы рѣшимся
жертвы и перестанемъ выжидать того времени, когда мы
демъ въ состояніи удѣлять для нея суммы изъ *избытка*. Въ ор
низаціи вѣнскихъ народныхъ училищъ весьма замѣчательно
что съ 1871 года всѣ начальныя училища Вѣны посѣщал
безвозмездно, отмѣнена плата за обученіе и еще нѣсколько ран
введено *обязательное* обученіе; *даровое, обязательное* обученіе
ставляетъ въ наше время лозунгъ всѣхъ истинныхъ друзей
свѣщенія и порядка.

Въ Вѣнѣ въ 1861 году городское общество издерживало
среднія и начальныя училища только 301,613 флориновъ,—*мен*
половины того, что̀ издерживаетъ въ настоящее время. Де
лѣтъ тому назадъ австрійское правительство еще считало
ломъ своимъ *безмолвіе* народовъ и мало заботилось о томъ,
ничто не можетъ сковать человѣческой мысли. Но въ началѣ
стоящей статьи мы уже видѣли, какъ въ шестидесятыхъ год
правительство, отказавшись отъ прежней системы, предоста
полную автономію городу по отношенію къ городской учи
ской семинаріи; такимъ же просторомъ пользуется городъ
отношенію къ учреждаемымъ имъ среднимъ и начальнымъ
лищамъ, и просторъ этотъ, какъ всегда, повелъ къ увелич
числа училищъ и улучшенію ихъ, хотя въ педагогическомъ
ношеніи, какъ я въ томъ лично убѣдился, начальныя учи
Вѣны и теперь еще во многихъ отношеніяхъ не достойны
ражанія. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ школы отъ церкви, к
раго мы уже коснулись въ началѣ статьи, австрійское правит
ство созидало новую систему надзора за народными училища
но въ началѣ 1869 года министерство, еще не осуществ
общественныхъ органовъ надзора и желая немедленно устра
отъ надзора духовенство, издало временныя правила, по котор
наблюденіе за школами переходило къ администраціи. Но в
ское городское общество объявило, что не окажетъ никак
содѣйствія къ осуществленію этого административнаго контр
и что еслибы, за упраздненіемъ стараго порядка и неосу

Digitized by Google

ствленіемъ новаго, оказалась необходимость въ особомъ органѣ для наблюденія за училищами, то городъ Вѣна готовъ принять на себя надзоръ за городскими училищами. Министерство согласилось вручить надзоръ городу и назначило временныхъ инспекторовъ, зависимыхъ отъ города, магистрату котораго было поручено наблюденіе за училищами. Сентября 15-го того же 1869 года городской совѣтъ внесъ въ министерство свое мнѣніе о наилучшей организаціи надзора за училищами, а 12-го октября 1870 года состоялся законъ о наблюденіи за народными школами. Согласно этому закону надзоръ за училищами ввѣряется тремъ коллегіямъ: а) *мѣстному* училищному совѣту (такихъ нѣсколько въ Вѣнѣ), состоящему изъ 8-ми членовъ, избираемыхъ городомъ, одного законоучителя и одного директора народной школы; б) *окружному* училищному совѣту (Вѣна образуетъ одинъ округъ), состоящему подъ предсѣдательствомъ городского головы изъ трехъ представителей учительскаго съѣзда, директора учительской семинаріи, по назначенію губернскаго училищнаго совѣта, изъ двухъ директоровъ, по выбору директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, трехъ законоучителей различныхъ вѣроисповѣданій и 15-ти членовъ, по выбору городского общества; в) *губернскому* училищному совѣту, состоящему подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ 4-хъ представителей провинціальнаго сейма, изъ 4-хъ инспекторовъ, 3-хъ священнослужителей разныхъ вѣроисповѣданій, 3-хъ депутатовъ города Вѣны и 3-хъ педагоговъ. Наблюденію губернскаго совѣта подлежатъ учительскія семинаріи и среднія учебныя заведенія; ему же принадлежитъ высшее наблюденіе за училищами, состоящими въ вѣдѣніи окружнаго совѣта; послѣдній завѣдываетъ всѣми частными и общественными начальными училищами, а мѣстные училищные совѣты наблюдаютъ лишь за общественными училищами; инспекторы народныхъ училищъ *подчинены* тѣмъ коллегіямъ, при которыхъ они состоятъ, устраненіе или удаленіе учителя невозможно безъ предварительнаго дисциплинарнаго производства, довѣряемаго *коллегіи*. Хотя и по настоящее время училища города Вѣны посѣщаются еще не такъ, какъ это желательно, потому что самые благіе *законы* лишь медленно переходятъ въ *нравы*, но нельзя не замѣтить нѣкотораго успѣха и въ этомъ отношеніи: въ общественныхъ училищахъ города Вѣны обучались въ 1865-мъ году 32,066 учащихся обоего пола, а въ 1870-мъ году 35,807; изъ нихъ 11,252 учащихся обучались въ младшемъ классѣ и только 3,703 учащихся посѣщали V-ый и VI-ой классы, т.-е. старшіе классы народнаго училища. Въ то время, когда я, въ составѣ Алексан-

Digitized by Google

дровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, завѣдывалъ народными училищами одного изъ уголковъ Екатеринославской губерніи, то не разъ огорчало меня то, что очень многимъ ученикамъ родители ихъ мѣшаютъ оканчивать курсъ, проектированный нами лишь на три года; но въ вѣдѣніи моемъ числу учениковъ старшаго класса обыкновенно составляло около 25-ти процентовъ всего числа учащихся. Сравнивая эту цифру съ вышеприведенными данными о распредѣленіи учениковъ по классамъ въ Вѣнѣ, нельзя не придти къ заключенію о томъ, что, въ виду бѣдности русскаго сельскаго населенія и обстановки русской народной школы, въ Александровскомъ уѣздѣ достигались *относительно* блестящіе результаты, такъ какъ въ Вѣнѣ въ двухъ старшихъ классахъ, представляющихъ послѣднюю треть всего учебнаго курса подобно тому, какъ третій классъ у насъ составлялъ послѣдній изъ трехъ лѣтъ обученія, оказывается менѣе 9-ти процентовъ всего числа учащихся; этимъ ученикамъ, поступающимъ въ школу 6-ти лѣтъ, въ старшихъ классахъ лѣтъ по 12-ти и 13-ти, т.-е. они въ возрастѣ дѣтей, обучавшихся въ старшемъ классѣ русскаго народнаго училища. Едва ли я ошибусь, если позволю себѣ сказать, что рановременное оставленіе учащимися въ Вѣнѣ училища зависитъ преимущественно оттого, что новая система обученія еще не вездѣ успѣла водвориться, что «старая» школа, какою она была въ рукахъ католическаго духовенства, еще памятна родителямъ и дѣтямъ, и что пересоздавать труднѣе, чѣмъ созидать вновь; я твердо увѣренъ въ томъ, что по мѣрѣ улучшенія вѣнскихъ училищъ будетъ возрастать и число оканчивающихъ въ нихъ курсъ. Понимая, что достоинство школъ зависитъ преимущественно отъ достоинства учителей, вѣнское городское общество не только основало педагогическую семинарію, въ главѣ которой поставило такого первокласснаго педагога, каковъ Диттель, но и значительно увеличило содержаніе народныхъ учителей; послѣднее обходилось городу въ 1866-мъ году въ 222,396 флориновъ, а въ 1870-мъ году — въ 296,466 флориновъ.

Кромѣ народныхъ школъ, городъ Вѣна содержитъ пять реальныхъ училищъ, къ числу которыхъ принадлежатъ двѣ «*реальныя гимназіи*»; въ послѣднихъ отводится менѣе времени древнимъ языкамъ и больше времени естественнымъ наукамъ, чѣмъ въ классическихъ гимназіяхъ. Можно составить себѣ понятіе о томъ, насколько въ послѣдніе годы *реальныя* знанія привлекаютъ учащихся по тому, что отъ 1866 года по 1870 годъ число учащихся въ *реальныхъ* учебныхъ заведеніяхъ города Вѣны возросло

Digitized by Google

ъ 1273 до 1903, т.-е. увеличилось почти на пятьдесятъ про-
ентовъ, и при этомъ эти учебныя заведенія переполнены и
увствуется живѣйшая потребность въ увеличеніи числа ихъ, не-
мотря на то, что въ Вѣнѣ немало промышленныхъ и другихъ
рофессіональныхъ школъ.

Въ заключеніе, желая обрисовать самоуправленіе города Вѣны,
возможности, со всѣхъ сторонъ, я укажу на отношеніе го-
дского общества къ вспоможенію бѣднымъ. Въ этомъ отношеніи
помощью общества соперничаетъ иниціатива частныхъ лицъ,
въ Вѣнѣ—болѣе 700 капиталовъ, пожертвованныхъ частными
щами и составляющихъ до *трехъ съ половиною* милліоновъ фло-
иновъ въ совокупности, на проценты которыхъ оказываются
особія сиротамъ, престарѣлымъ, больнымъ и бѣднымъ вообще.
ельзя не радоваться тому, что та же свобода, которая создаетъ
амоуправленіе, стремящееся предупредить бѣдность, создаетъ и
астную иниціативу, спѣшащую уврачевать то зло, которое не
алось предотвратить. Только при такомъ взаимодѣйствіи силъ,
редупреждающихъ зло и *истребляющихъ* его, и возможно отно-
иться съ полнымъ сочувствіемъ къ послѣднимъ, такъ какъ при
сутствіи первыхъ мѣры врачующія или карающія могутъ пред-
авляться несправедливостію или жестокостію.

Если будете въ Вѣнѣ, читатель, то присмотритесь къ раз-
ичнымъ сторонамъ жизни общества, къ тому, какъ тамъ все
жило или оживаетъ, благодаря тому, что правительство стало
овѣрять не только чиновникамъ, но и обществу, и пожелайте
ителямъ Вѣны, вмѣстѣ со мною, того, чтобы окрѣпло само-
правленіе въ Вѣнѣ, чтобы правительство не переставало тамъ
скать содѣйствія общества. Чѣмъ шире разливается свобода,
ри порядкѣ, тѣмъ болѣе выигрываетъ все человѣчество, кого
ы ни касалась свобода непосредственно; благія учрежденія одной
ціи составляютъ достояніе всего человѣчества. Россіи нечего
авидовать Австріи, что́ касается *законовъ* о самоуправленіи; но
й остается выработывать тѣ *нравы*, ту *практику*, которые уже
али результаты въ Австріи, благодаря тому, что администрація
общество идутъ рука объ руку вмѣсто того, чтобы подстав-
ять другъ другу ногу, радоваться ошибкамъ администраціи или
еопытныхъ органовъ самоуправленія и съ завистью взирать на
спѣхи соперника. Если и можно пожелать того, чтобы русскій
аконъ о самоуправленіи и объ отношеніи власти къ гражданамъ
вообще, оказывалъ бо́льшее довѣріе послѣднимъ,—то во всякомъ

Digitized by Google

случаѣ не воспользоваться *предоставленнымъ* просторомъ и ожидать при этомъ, чтобы рамки, ограничивающія дѣятельность общества, раздвинулись безъ того, чтобы общество умѣло вызвать уваженіе къ себѣ знаніемъ и дѣятельностію—значило бы ожидать мало вѣроятныхъ явленій, правдоподобность которыхъ въ будущемъ по крайней мѣрѣ не вытекаетъ изъ прошлаго. Для того, чтобы знаніе, вслѣдствіе котораго наростаютъ капиталы, проникла въ самоуправленіе и чтобы послѣднее могло вербовать себѣ надлежащія силы, — позаботимся прежде о народной школѣ и образовательныхъ средствахъ вообще, а уже потомъ о надзорѣ за школою. Городъ Вѣна можетъ послужить намъ въ этомъ отношеніи наставительнымъ примѣромъ, такъ какъ эта столица приглашаетъ насъ на всемірную выставку, на которой она съ гордостію можетъ указать намъ на реформы въ училищномъ дѣлѣ, на огромныя затраты общества на пользу образованія, на значеніе общества въ глазахъ правительства и на цѣлый рядъ памятниковъ самоуправленія Вѣны.

Бар. Н. Корфъ.

Digitized by Google

ПРАКТИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФІЯ XIX-го ВѢКА

Les discours de M. le Prince de Bismarck. Berl. 1872.

> On ne juge pas les hommes sur leur parole, ce serait le moien de se tromper toujours, mais on compare leurs actions ensemble, et puis leurs actions et leurs discours: c'est contre cet examen réiteré que la fausseté et la dissimulation ne pourront rien jamais.
>
> *Oeuvres de Frédéric II:* Examen du Prince de Machiavel.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ сильная монархія Фридриха II-го, испы-въ тяжкій недугъ, причиненный ей завоевательною политикою аполеона I-го, снова поднялась на нашихъ уже глазахъ и въ про-лженіе нѣсколькихъ лѣтъ видимо превратилась въ самую мо-щественную военную державу западной Европы,—стало распро-раняться мнѣніе о возможности, пожалуй даже вѣроятности аждебнаго столкновенія между двумя расами: германскою и авянскою, иными словами, между Германіею и Россіею, такъ къ эти двѣ державы являются представительницами съ одной ороны славянъ, съ другой—нѣмцевъ. Если мнѣніе это суще-вовало уже со времени поразительныхъ успѣховъ и быстраго зрастанія Пруссіи послѣ прусско-австрійской войны 1866 года, послѣ французской войны и образованія могущественной гер-анской имперіи оно пошло далѣе, и для весьма значительной

Digitized by Google

части нашего общества вопросъ о войнѣ между Россіею и Германіею превратился только въ вопросъ времени. Конечно, все это одни гаданія, одни предположенія, на которыя не стоило бы обращать никакого вниманія, еслибы они не обнаруживали такого упорства, такого замѣчательнаго постоянства. Распространенное мнѣніе о будущемъ столкновеніи двухъ первостепенныхъ державъ кажется тѣмъ болѣе удивительнымъ среди русскаго общества, что наши оффиціальныя отношенія къ Германіи находятся болѣе чѣмъ въ удовлетворительномъ состояніи. Самымъ вѣскимъ доказательствомъ дружественныхъ отношеній нашего правительства къ могущественному сосѣду можетъ служить берлинское свиданіе трехъ императоровъ, въ которомъ пессимистическіе умы думали однако видѣть возобновленіе чуть не священнаго союза. Едва ли нужно говорить, какъ глубоко заблуждались такіе политики. Новый священный союзъ между тремя державами вовсе немыслимъ въ настоящее время. Онъ предполагалъ бы собою единство не только въ принципахъ внѣшней политики, но такое же единство и въ вопросахъ и направленіи внутреннихъ вопросовъ. Въ 1816-мъ году, ни въ Австріи, ни въ Пруссіи не было представительнаго правленія, и монархи этихъ державъ могли всецѣло распоряжаться судьбою своихъ государствъ. Съ тѣхъ поръ времена перемѣнились. Какъ ни юно представительное правленіе Австріи, какъ ни шатокъ представительный порядокъ Пруссіи, тѣмъ не менѣе и тутъ и тамъ правительство должно считаться съ желаніями своихъ палатъ. Такимъ образомъ, если ни императоръ австрійскій, ни императоръ Германіи не могутъ по своему усмотрѣнію предрѣшать направленіе внутренней политики, то возобновленіе священнаго союза должно быть сочтено за химеру. Оставляя, слѣдовательно, въ сторонѣ предположеніе о возможности тѣсной связи въ дѣлахъ внутренней политики Германіи и Россіи, мы должны разсматривать дружеское берлинское свиданіе, какъ залогъ прочности отношеній между двумя кабинетами, залогъ мира и согласія между двумя сосѣдними народами.

Все это, казалось, должно было бы успокоить насъ относительно воинственнаго пыла нашего сильнаго сосѣда, все это, казалось бы, должно было разогнать мрачныя опасенія, тревожащія мирное настроеніе русскаго общества. И, однако, несмотря на очевидную близость двухъ кабинетовъ, на безчисленныя завѣренія въ любви и искренней дружбѣ, значительная часть нашего общества относится съ недовѣріемъ къ мирной политикѣ Германіи и не перестаетъ опасаться грознаго столкновенія двухъ самыхъ мощныхъ въ настоящее время народовъ. При этомъ нужно замѣтить,

Digitized by Google

о само русское общество вовсе не находится въ воинственномъ
строеніи, что оно вовсе не падко до военной славы, и что
вры, пожатые Германіей въ двухъ поразительныхъ по успѣху
йнахъ, сами по себѣ вовсе не причиняютъ ему безсонныхъ
чей. Деритесь-молъ себѣ сколько угодно, дѣлайте что можете,
здавайте цѣлыя горы труповъ и цѣлыя моря крови, можетъ
азать русское общество, намъ до васъ нѣтъ никакого дѣла, и
ъ васъ у насъ довольно заботы, на нашъ вѣкъ хватитъ! Если
, несмотря на такое миролюбивое настроеніе русскаго обще-
ва, какъ грозное видѣніе Макбета возстаетъ передъ нимъ мысль
войнѣ съ Германіей, то источникъ ея, очевидно, лежитъ въ убѣж-
, что Германія не остановится въ своихъ завоевательныхъ
ремленіяхъ, и что поваливъ въ двухъ схваткахъ, изъ которыхъ
на страшнѣе и внушительнѣе другой, два еще недавно сильныхъ
рода, и чтобъ употребить любимое выраженіе Фридриха II-го,
ругливъ свои границы, она захочетъ помѣряться и съ своимъ
етьимъ и послѣднимъ сосѣдомъ. Конечно, и это разумѣется
мо собою, съ цѣлію при счастіи округлить свои восточныя
аницы.

Насколько подобныя опасенія серьёзны, насколько вообще
ысль о будущемъ кровавомъ столкновеніи двухъ самыхъ много-
сленныхъ народовъ въ Европѣ сумасбродна или основательна;—
о другой вопросъ. Но нельзя отвергать факта, что такая мысль
иветъ среди русскаго общества, что никакія заявленія дружбы
въ силахъ разсѣять ее, и что мысль эта кроется не въ воин-
венномъ азартѣ Россіи, а въ предположеніи, что въ побѣдо-
сной Германіи втайнѣ и на-досугѣ куются злыя козни про-
въ спокойствія и цѣлости русской земли. Мы охотно готовы
ли бы допустить, что всѣ подобныя опасенія суть только бредни
лкаго воображенія, результатъ того, что называется «у страха
аза велики», что всѣ такого рода предчувствія общества или
ачительной части его въ концѣ концовъ окажутся такъ же не-
новательны, какъ бо́льшая часть предчувствій отдѣльныхъ людей.
о опять случается, что и предчувствіе человѣка оправдывается
дѣйствительности; а вѣдь съ предчувствіемъ общества нужно
носиться куда осторожнѣе. Цѣлое общество далеко не такъ
егко поддается суевѣрнымъ опасеніямъ, суевѣрному страху, какъ
дѣльный человѣкъ. Предчувствіе общества подкладкою своею,
ольшею частью, имѣетъ извѣстныя совершившіяся событія, факты,
кто не знаетъ, что лучшимъ руководителемъ будущаго служитъ
се-таки прошедшее. Изъ фактовъ этого прошедшаго выводятся
акты будущаго, и если такая система доказательства не всегда

Digitized by Google

отличается вѣрностью, то иногда, и довольно часто, она все-т
приводитъ къ основательнымъ результатамъ.

Но развѣ есть, можно спросить, въ прошедшемъ Герм
такіе факты, развѣ въ исторіи ея встрѣчаются такія собы
которыя указывали бы на враждебное отношеніе этого госуд
ства къ Россіи? Можно съ увѣренностью сказать только то, что Г
манія никогда еще не была искреннею союзницею Россіи и ниг
не заявила на дѣлѣ особенно дружественныхъ къ ней отноше
Чувства, выходившія наружу въ этой странѣ, не доказывали ник
особеннаго расположенія къ русскому народу; напротивъ, эти ч
ства отличались необыкновеннымъ высокомѣріемъ, къ русск
обществу нѣмецкое всегда относилось,—и я не думаю, что б
бы большою ошибкою сказать,—и относится съ большою над
ностью. На русскихъ смотрѣли да и продолжаютъ смотрѣть к
на народъ, стоящій весьма близко къ народу-варвару, нар
котораго слѣдуетъ опасаться, который нужно держать въ «р
пектѣ», который долженъ быть благодаренъ, если ему броса
крохи образованности съ барскаго стола народа, воплощающ
въ себѣ высшую цивилизацію, высшее развитіе.

Что это не басня, что нѣмцы давно смотрѣли на насъ какъ
варваровъ, въ этомъ можетъ убѣдить насъ одинъ изъ лучш
представителей нѣмецкаго народа, великій государь и филосо
который около ста лѣтъ тому назадъ такъ говорилъ о Россіи
«Histoire de mon temps»: «Изъ всѣхъ сосѣдей Пруссіи, русс
имперія заслуживаетъ самаго большого вниманія, такъ какъ эт
сосѣдъ самый опасный: онъ могущественъ и онъ сосѣдъ..
тѣхъ, которые въ будущемъ будутъ управлять Пруссіею, леж
необходимость поддерживать дружбу съ этими варварами. Кор
(Фридрихъ II-й имѣлъ обыкновеніе писать про себя всегда
третьемъ лицѣ) не столько опасается численности ихъ войс
сколько этого роя казаковъ и татаръ, которые сожигаютъ стра
убиваютъ жителей или уводятъ ихъ въ рабство; они наполня
развалинами тѣ страны, которыя они наводняютъ». Единствен
исключеніе въ этой варварской странѣ, по мнѣнію великаго Ф
дриха, составлялъ только Петръ III-й, у котораго было и «
восходное сердце», и «самыя благородныя и возвышенныя ч
ства», человѣкъ, «добродѣтели котораго составляли исключеніе
политическомъ мірѣ». Итакъ, только одинъ человѣкъ, и то тол
благодаря его преклоненію передъ могущественнымъ прусскимъ
ролемъ, получилъ похвальный отзывъ. Вся остальная Россія, это
варвары, варвары и еще разъ варвары! Но, положимъ, что Фридр
II-й былъ и правъ въ своемъ сужденіи о Россіи; положимъ, что с

Digitized by Google

тѣтъ тому назадъ Россія дѣйствительно была варварскою стра-
ною, но неужели же съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось? Не-
ужели ничуть не подвинула впередъ Россію эпоха Александра I-го;
неужели не въ счетъ пошла богатая плеяда литературныхъ дѣя-
телей послѣднихъ тридцати лѣтъ; неужели, наконецъ, дѣло оста-
лось въ томъ же положеніи, какъ оно было и прежде, несмотря
на нѣкоторыя коренныя реформы послѣднихъ пятнадцати лѣтъ?
Если вѣрить тому, что́ теперь говорится и пишется въ Германіи,
то должно быть такъ, потому что настоящіе отзывы нѣмцевъ о
русскомъ современномъ обществѣ мало чѣмъ разнятся отъ отзы-
вовъ Фридриха II-го.

Не станемъ впрочемъ доискиваться, гдѣ лежатъ причины,
гдѣ кроются основанія тѣхъ опасеній значительной части нашего
общества, которыя выдвигаются впередъ въ виду необыкновеннаго
усиленія нашего нѣмецкаго сосѣда. Не станемъ придавать зна-
ченіе мнѣніямъ, высказываемымъ насчетъ Россіи различными нѣ-
мецкими газетчиками и журналистами, забудемъ ихъ, сдѣлаемъ
видъ, какъ будто ихъ и не существовало. Предположимъ, что
страхъ будущей грозы ни-на-чемъ рѣшительно не основанъ, что
въ настоящую минуту нѣтъ никакихъ задатковъ для столкновенія
между двумя народами, и что страхъ этотъ есть только страхъ
призрачный, эфемерный. Но даже и въ такомъ случаѣ, какъ бы
онъ и былъ неосноваленъ этотъ, скажемъ пожалуй, инстинктив-
ный страхъ, или вѣрнѣе инстинктивное опасеніе будущаго столк-
новенія между Россіей и Германіей, все-таки на нашей обязан-
ности лежитъ неусыпно слѣдить за каждымъ движеніемъ нѣмец-
каго общества, за каждымъ шагомъ возставшей изъ болѣе нежели
шестидесятилѣтняго слоя пыли—нѣмецкой имперіи. Изученіе нѣ-
мецкой политики, близкое ознакомленіе съ людьми, дающими ей
тонъ, направленіе, внимательное отношеніе къ правиламъ ихъ
политической мудрости, ихъ практической философіи — вотъ что
существенно важно для того, чтобы не быть застигнутыми врас-
плохъ. Еслибы французское общество болѣе внимательно слѣ-
дило за тѣмъ, что́ говорилось, и что́ писалось въ Германіи, хотя
бы съ минуты вступленія въ управленіе дѣлами Бисмарка, то,
кто знаетъ, быть можетъ оно не поплатилось бы такъ страшно
въ рѣшительную минуту, можетъ быть оно съумѣло бы предот-
вратить грозу. Франція наказана тѣмъ, чѣмъ она всегда такъ
грѣшила: высокомѣрнымъ отношеніемъ къ сосѣднимъ народамъ,
такимъ отношеніемъ, которое исключало строгое наблюденіе за
всѣмъ тѣмъ, что́ дѣлалось въ другихъ государствахъ. Не станемъ
же слѣдовать примѣру Франціи и не станемъ полагаться на наше

Digitized by Google

всевѣдѣніе въ то время, когда мы знаемъ такъ мало, такъ мало. Не подлежитъ сомнѣнію, и это давно высказывалъ еще Фридрихъ II-й въ своихъ «Considérations sur l'état présent du corps politique de l'Europe», что «каждое событіе должно имѣть основаніе для своего существованія, и что причина событій лежитъ въ другихъ событіяхъ, которыя имъ предшествовали; а отсюда необходимо вытекаетъ, что каждый фактъ въ политикѣ есть послѣдствіе другого политическаго факта, который ему предшествовалъ, и который такъ сказать подготовилъ его появленіе». Вотъ почему слѣдуетъ почаще останавливаться на томъ, что совершилось, какъ и при какихъ обстоятельствахъ,—чтобы на основаніи прошедшаго опыта съ большею или меньшею достовѣрностью можно было судить о будущихъ событіяхъ. Одного этого соображенія было бы уже совершенно достаточно, чтобы объяснить причину, по которой мы не можемъ считать безполезнымъ обращеніе вниманія на такой фактъ, какъ полное собраніе рѣчей князя Бисмарка, и разобрать ихъ со всею подробностью, со всею тщательностью и тѣмъ вниманіемъ, котораго требуетъ громадное значеніе этого замѣчательнаго государственнаго человѣка нашего времени.

Но, помимо высказаннаго соображенія, есть еще и другое, дѣлающее изученіе политическихъ рѣчей князя Бисмарка весьма интереснымъ. Идеи и взгляды этого самаго крупнаго государственнаго дѣятеля современной эпохи важны не только въ практическомъ отношеніи, не только потому, что они могутъ доставить намъ полезныя указанія на то, чего можно надѣяться и чего слѣдуетъ опасаться со стороны нашего могущественнаго сосѣда; нѣтъ, изученіе политической мудрости, такъ-сказать, практической философіи устроителя Германіи представляетъ интересъ и съ теоретической точки зрѣнія, какъ замѣчательный образчикъ вообще практической философіи нашего вѣка. Этотъ теоретическій интересъ заключается въ наблюденіи надъ рѣзкимъ движеніемъ общества западной Европы, совершившимся на нашихъ глазахъ, въ наблюденіи общества, ступевывающагося передъ волей и энергіей одного человѣка, и тѣхъ изгибовъ или извилинъ, къ которымъ прибѣгаетъ общество, чтобы выдти на прямую дорогу или, по крайней мѣрѣ, которую оно считаетъ прямою. Казалось бы, что общество, преслѣдующее извѣстныя цѣли, желающее устроиться такъ или иначе, должно идти для осуществленія своихъ стремленій по такому-то пути, который одинъ кажется цѣлесообразенъ, одинъ представляется самымъ достойнымъ и вмѣстѣ самымъ легкимъ,—смотришь, общество выбираетъ такой путь, который ему

Digitized by Google

казалось бы долженъ быть ненавистенъ, выбираетъ его отчасти противъ общей воли, подъ давленіемъ единичной воли, и не только примиряется съ этимъ путемъ, но приходитъ къ мысли, что это былъ и единственно возможный. Стройте послѣ этого теоріи общественнаго движенія, доказывайте, что общество неотступно идетъ по пути, опредѣленному отысканными законами, когда движеніе человѣческаго общества, постройки, созидаемыя имъ, даютъ такъ часто опроверженія тому. Но, конечно, какъ бы чувствительны ни были эти опроверженія заранѣе созданныхъ теорій, они все-таки не опровергаютъ существованія извѣстныхъ законовъ движенія человѣческаго общества. Они доказываютъ только, что далеко не всѣ законы построенія и движенія человѣческаго общества уже открыты, и что будущему предстоитъ еще открыть законы этого движенія, которые, можетъ быть, блистательно докажутъ, какъ велико самомнѣніе тѣхъ оригинальныхъ философовъ, которые съ напускною важностью и какою-то авторитетною рѣшимостью берутъ на себя рѣшеніе вопроса: какая нація находится въ періодѣ застоя, какая въ періодѣ прогресса, и какая въ періодѣ регресса. Опроверженія, которыя дѣлаются тѣмъ или другимъ движеніемъ, не опровергая всѣхъ законовъ или возможности законовъ, должны убѣдить только всѣхъ и каждаго, что самая трудная изъ всѣхъ наукъ—это наука человѣческаго общества, которая именно и трудна тѣмъ, что она допускаетъ много пустыхъ разглагольствованій, вовсе не основанныхъ на опытѣ. Надъ человѣческимъ же обществомъ, какъ цѣлымъ, нельзя производить экспериментовъ, оно ускользаетъ отъ опыта, его нельзя по произволу ставить въ такое положеніе, которое необходимо изслѣдователю для произведенія опыта, производимаго при одинаковыхъ условіяхъ, при данномъ положеніи. Надъ движеніемъ человѣческаго общества, надъ его развитіемъ сдѣланы только нѣкоторыя наблюденія, но наблюденія эти еще крайне бѣдны, крайне малочисленны, настолько скудны, что изъ нихъ нельзя еще сдѣлать твердыхъ, несомнѣнныхъ выводовъ, на которые претендуютъ философы, рубящіе съ плеча.

Впрочемъ, въ извиненіе философовъ, рубящихъ съ плеча, должно сказать, что самыя наблюденія надъ движеніемъ человѣческаго общества стали еще слишкомъ недавно укладываться въ научныя рамки, и что слишкомъ недавно было впервые со смысломъ произнесено слово: «наука человѣческаго общества»; лучшіе умы до законовъ общественнаго движенія добираются ощупью, медленно, съ большимъ трудомъ, завоевывая каждый шагъ впередъ на этомъ трудномъ, не расчищенномъ пути. Но можетъ, или не мо-

Digitized by Google

жетъ быть признано, что твердые законы развитія, движенія, жизни человѣческаго общества уже открыты, что совокупность этихъ законовъ составляетъ науку человѣческаго общества,—во всякомъ случаѣ люди не должны отказываться собирать матеріалы для такой науки, не должны отказываться накоплять наблюденія надъ общественнымъ движеніемъ, потому что чѣмъ больше будетъ такихъ наблюденій, тѣмъ скорѣе облегчается дѣло науки, тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ въ дѣлѣ движенія человѣческаго общества можно говорить: таковъ законъ жизни человѣческаго общества.

Среди матеріала, необходимаго для науки человѣческаго общества, довольно важное мѣсто должны занимать наблюденія надъ такими періодами, надъ такими моментами развитія извѣстнаго народа, когда жизнь точно выходитъ изъ береговъ, когда она съ особенною энергіею бьетъ ключомъ, когда въ общественномъ организмѣ сказывается выходящее изъ ряду напряженіе всѣхъ жизненныхъ силъ общества. Эти періоды преимущественно сбиваютъ изслѣдователей человѣческаго общества, такъ какъ во время ихъ господства выходятъ наружу, и кажется только для того, чтобы черезъ нѣсколько времени снова скрыться подъ землю, явленія, начала, идеи, для осуществленія которыхъ, или вѣрнѣе для того, чтобы они вошли въ жизнь, требуется большая, напряженная работа не одного поколѣнія.

Жизнь нѣмецкаго народа за послѣднія десять лѣтъ представляетъ собою именно такой бурный періодъ, когда въ движеніи общества нельзя не чувствовать крайняго напряженія всѣхъ жизненныхъ силъ. Наблюденія, касающіяся этого движенія, представляютъ значительный интересъ и могутъ быть не безполезны для науки человѣческаго общества. Сколько бы эти наблюденія ни противорѣчили другимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ иное время, это не бѣда, лишь бы наблюденія были сдѣланы вѣрно, безъ натяжекъ и предвзятыхъ идей. Сравните Германію, какъ она была десять лѣтъ назадъ, съ тѣмъ, что она представляетъ теперь, и вамъ бросится въ глаза, повидимому, такой скачокъ, который невольно поражаетъ. На первый взглядъ все, кажется, перевернуто вверхъ дномъ. Десять лѣтъ назадъ въ Германіи насчитывалось до сорока штукъ отдѣльныхъ, независимыхъ государствъ, весьма слабо связанныхъ между собою Германскимъ союзомъ, до сорока штукъ мелкихъ государствъ, имѣвшихъ весьма ничтожное вліяніе на ходъ событій или, вѣрнѣе, вовсе неимѣвшихъ никакого вліянія. Это былъ оркестръ, въ которомъ одинъ музыкантъ нисколько не стѣснялся тѣмъ, что́ играетъ другой, и преспокойно тянулъ свою пѣсню. Франкфуртскій сеймъ былъ

Digitized by Google

преплохимъ капельмейстеромъ, и какъ онъ, бѣдный, ни тру-
дился, а проку все не было: Германія не устанавливалась, кто
въ лѣсъ, кто по дрова. Капельмейстеръ выбивался изъ силъ,
го вручалъ первую скрипку Австріи, то отнималъ у нея, и хва-
тала ее Пруссія, а ладу все не было, и Европа, ухмыляясь, съ
нѣкоторымъ довольствомъ могла говорить: «какъ ни садитесь, а
съ музыканты не годитесь»! Среди этихъ государствъ были двѣ
державы, которыя то и дѣло грызлись между собою.—Я первая!
оворила Австрія, я—имперія, я—послѣдняя представительница
Германской имперіи! давно ли я сняла императорскую нѣмецкую
орону, кто можетъ равняться со мною!—И гордая своимъ преж-
имъ величіемъ она поддерживала свою старую систему угнетенія
ародностей, входящихъ въ ея составъ и никакъ не желала раз-
статься съ тою патріархальною системою управленія государ-
твомъ, которая такъ любезна была доброй памяти старичку
Меттерниху. Она знать не хотѣла ни о какихъ желаніяхъ, ни
какихъ претензіяхъ подвластныхъ ей племенъ и народовъ,
акусила себѣ удила и мчалась во всю прыть по протоптанной
орожкѣ, на которой въ 1849-мъ году помогли ей удержаться рус-
кія войска. Хватилась она объ стѣну Ломбардіи въ 1859-мъ
оду, тяжелъ былъ ударъ Сольферино, а все не хотѣла выпу-
тить она удилъ, все не хотѣлось ей сворачивать съ дороги.

Пруссія въ свою очередь не разъ восклицала: я хочу быть
ервой! Но традиціонное уваженіе къ представительницѣ старой
ерманской имперіи и какой-то страхъ вступить на революціон-
ый путь, долго сдерживали ее, и она, недовольная, посто-
нно ворча и внутренно раздраженная плелась по стопамъ Ав-
тріи. Если Пруссія продолжала считаться первостепенною
ержавою, то только изъ уваженія къ памяти Фридриха-Ве-
икаго и во имя воспоминанія о ея минутномъ могуществѣ,
озданномъ геніемъ этого государя. Въ сущности же она должна
ыла считаться державою второстепенною, голосъ ея не имѣлъ
икакого значенія, вліяніе ея на крупныя европейскія собы-
ія равнялось почти нулю. Она держала себя скромно, въ сто-
онкѣ, не вмѣшиваясь ни во что изъ опасенія, чтобы не мѣ-
ались въ ея внутреннія дѣла. Она не могла еще оправиться
тъ страха, нагнаннаго на нее Наполеономъ I-мъ, она не могла
се еще подняться изъ униженія, нанесеннаго ей битвой при
енѣ. Жажда мщенія, стремленіе охраниться, окрѣпнуть и выдти
зъ своего изолированнаго положенія она хранила про себя, въ
ишн обучая свою армію, вооружая ее усовершенствованнымъ
ружіемъ и накопляя золота въ свою, войнѣ предназначенной,

Digitized by Google

резервную казну. Если Пруссія не блистѣла въ дѣлахъ внѣшней политики, то не блистѣла и своими внутренними дѣлами. Монархія, запуганная на минуту движеніемъ 1848 года, готовая было прикрыть свою королевскую корону красною фригійскою шапкою, она скоро пришла въ себя, и держась того начала, что правительство не рабъ, а господинъ своего слова, она еще разъ не сдержала его, и какъ послѣ войны за освобожденіе, такъ и теперь, поспѣшила взять назадъ свои обѣщанія и не сдѣлала тѣхъ конституціонныхъ уступокъ, которыя настойчиво требовались общественнымъ мнѣніемъ. Не даромъ же Пруссія отказалась отъ императорской короны, предложенной ей «революціоннымъ» франкфуртскимъ собраніемъ, — съ красными она очевидно не желала имѣть никакого дѣла. Чтобы не уклоняться отъ правды, слѣдуетъ рѣшительно сказать, что Фридрихъ-Вильгельмъ IV октроировалъ конституцію, парламентъ собирался въ Берлинѣ; но на эту октроированную конституцію и на этотъ парламентъ прусская монархія не переставала смотрѣть враждебно, точно это были ея нелюбимыя, незаконныя дѣти, плоды не любви, а порока, и держала ихъ въ строгомъ повиновеніи, никогда не разставаясь съ хлыстомъ, съ ежовыми рукавицами.

Таково было положеніе дѣлъ. Но прошло десять лѣтъ,—и какая перемѣна! Германскій Союзъ, при самомъ рожденіи разбитый уже параличемъ, отошелъ въ вѣчность, одни изъ мелкихъ государей потеряли свои владѣнія, отойдя къ Пруссіи, другіе, не утрачивая владѣній, утратили право распоряжаться въ нихъ какъ господа и сдѣлались покорными вассалами могущественнаго сюзерена, владѣвшаго Пруссіей. Австрія была выброшена изъ Германіи и предоставлена своей собственной судьбѣ — раздѣлывайся-молъ какъ знаешь съ твоими разношерстными племенами, но помни, что Германія никогда не откажется благосклонно принять въ свое лоно твое нѣмецкое населеніе, хотя бы и съ примѣсью славянскаго элемента! Таковы были напутственныя слова, сказанныя Австріи при прощаньи. Пруссія же изъ второстепеннаго скромнаго государства, несмѣвшаго «свое сужденіе имѣть», превратилась въ первостепенную европейскую державу, голосъ которой имѣетъ первенствующее значеніе. Воля ея сдѣлалась чуть не закономъ, и всю Европу заставила она преклониться передъ своимъ могуществомъ. Отмстивъ за Ольмюцъ Садовой, за Іену Седаномъ и Парижемъ, она раздавила свою старую соперницу и придушила своего когда-то мощнаго повелителя. Увѣнчанная лаврами, Пруссія можетъ гордо и высокомѣрно взирать на весь міръ. Она чувствуетъ, что на-

Digitized by Google

роды трепещутъ при ея имени и вкушаетъ сладость господства и власти. Императорская корона сдѣлалась наслѣдственнымъ добромъ дома Гогенцоллерновъ. Вмѣстѣ съ возстановленіемъ Германской Имперіи рушилось болѣе чѣмъ когда-либо политическое равновѣсіе Европы: Германія сильно перетянула вѣсы. Такова была внѣшняя перемѣна, происшедшая въ центральной Европѣ. Неменѣе радикальна была перемѣна, послѣдовавшая внутри нѣмецкихъ государствъ и преимущественно Пруссіи. Вся Германія вмѣстѣ и каждый нѣмецъ по одиночкѣ подняли голову. Прежде нѣмцы гордились только своею литературою и наукою, но и то гордились въ тиши, не чванясь своими заслугами передъ человѣчествомъ. Нѣмцы прежде могли считать себя выше своего правительства, они могли говорить про него, что оно обмануло ихъ, не сдержавъ тѣхъ обѣщаній, которыя такъ щедро были даны въ ту минуту, когда по всей Германіи раздался крикъ: «отечество въ опасности!» Нѣмцы и попрекали правительство, что оно обмануло ихъ, но попреки дѣлались впрочемъ съ такой мягкостью, покорностью, которыя, казалось, были природными свойствами нѣмцевъ. У нѣмцевъ, среди которыхъ было такъ много разрозненности и политической и философской, была одна общая идея—это идея единой, свободной Германіи, о которой они всѣ мечтали, которую они видѣли въ пѣсняхъ Арндта и Кернера, но осуществить которую у нихъ не хватало энергіи и рѣшимости. Они видѣли, что дѣла ихъ съ каждымъ днемъ принимали все худшій и худшій оборотъ, ихъ тѣснили со всѣхъ сторонъ, они съ грустью смотрѣли, какъ по военному распоряжаются ихъ берлинскимъ парламентомъ. Они перестали надѣяться на правительство и относились къ нему съ покорностью, но съ дурно скрываемою антипатіею. Они съ отчаяніемъ сопротивлялись военнымъ преобразованіямъ, потому что привыкли къ мысли, что сильная армія направлена будетъ противъ нихъ самихъ. Тяжелыя минуты переживалъ нѣмецкій народъ. И вдругъ перемѣна! Они, казалось, шли въ военной славѣ, и лишь только почувствовали ея первое обаяніе, воспрянули духомъ, гордо подняли головы, разбили своихъ старыхъ боговъ и поклонились до земли восходящему солнцу: сильной военной державѣ. Болѣе рѣзкаго преобразованія, болѣе быстраго превращенія, чѣмъ то, какое случилось съ нѣмцами, едва ли знаетъ исторія. Мы были глупы,—стали говорить нѣмцы,—мы были идеалистами, мы воображали, что въ мірѣ достигается что-нибудь орудіемъ идей! Нѣтъ, въ мірѣ торжество принадлежитъ силѣ, будемъ же сильны! Событія оправдывали ихъ. Желанное ими единство осуществилось, осуществилось въ иной формѣ

Digitized by Google

и при другихъ условіяхъ, чѣмъ они воображали будучи идеа
стами, но тѣмъ лучше, это единство сдѣлало ихъ самымъ ме
щественнымъ народомъ въ Европѣ, и они, такъ недавно п
хенькіе, покорные, забитые, теперь во всеуслышаніе объявляли:
первый народъ въ Европѣ, въ мірѣ, наша воля должна бы
закономъ; горе, кто сопротивляется намъ! Гордость и высо
мѣріе, которыя стали обнаруживать нѣмцы, не должны быть
ставлены имъ въ вину. Какой народъ можетъ поручиться, ч
онъ не угорѣлъ бы въ такомъ чаду побѣдъ, успѣховъ, военна
торжества, выпавшихъ на долю нѣмцевъ. Нѣмецкій народъ
справедливости можетъ обратить слова Христа въ свою пол
и сказать всѣмъ народамъ: кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ пу
первый броситъ въ меня камнемъ! Камень выпалъ бы изъ ру
народовъ.

Но не въ этомъ дѣло. Какъ бы то ни было, но перемѣна
самая рѣзкая перемѣна, произошла и снаружи и внутри Герма
наступило не только единство нѣмцевъ, но единство ихъ съ п
вительствомъ, къ которому такъ долго они питали ненавис
Пророчество Берне исполнилось. Пруссія стала велика и могу
ственна.

Какъ ни рѣзко кажется измѣненіе, происшедшее въ то
или другомъ народѣ, можетъ ли, спросимъ, оно названо быть ск
комъ? Можно ли допустить, чтобы въ исторіи, въ жизни, въ д
женіи того или другого народа возможны были скачки? Возмож
ли допустить, что не все совершается послѣдовательно, пос
пенно? И да, и нѣтъ. Нѣтъ, потому что какъ ни быстро по
димому совершилась извѣстная перемѣна въ жизни цѣлаго
рода, зародышъ ея, основаніе, всегда скрывается въ предшеству
щемъ періодѣ. Возьмемъ для примѣра Францію и Германі
Если бы первая не была приготовлена къ пораженію, нанесе
ному ей послѣднею, приготовлена внутреннею деморализаціе
вызваннаго второю имперіею, которая въ свою очередь мог
утвердиться лишь потому, что ей предшествовалъ цѣлый дл
ный періодъ внутренней борьбы, въ которой всѣ партіи измучили
потеряли необходимую силу сопротивленія, то, разумѣется, Герма
встрѣтила бы въ этой странѣ болѣе серьёзный отпоръ. Но втор
имперія не могла его оказать, потому что въ постоянныхъ заб
тахъ о собственномъ охраненіи она разстроила финансы, осл
била узы, связывающія каждаго человѣка съ его родиною и
поддерживала въ арміи того духа, того начала, которое соста
ляетъ истинную силу ея, начала, заключающагося въ созна
обязанности защищать свою родину до послѣдней капли кров

Digitized by Google

отно жертвуя ей своею жизнію. Этого начала, этого духа, ко-
ымъ такъ преисполнены были арміи большой революціи, не-
ставало Франціи 1870 года, и всѣ усилія, какъ бы достойны
и ни были отдѣльныхъ личностей, подобныхъ Гамбеттѣ, не
гли привести ни къ какому результату. Франція обречена на
одолжительный миръ, потому что потребуется много времени,
обы пробудить этотъ духъ, чтобы вдохнуть въ населеніе ту
бовь къ своей родинѣ, которою сильна была Франція конца
III-го столѣтія.

Германія, напротивъ, и со стороны правительства, и со
роны народа представляла вовсе иное зрѣлище. Правитель-
о, при своемъ презрительномъ отношеніи къ народному пред-
вительству, при крайнемъ стѣсненіи политической свободы
рода, во всемъ что́ касается экономической сферы его дѣя-
ьности, во всемъ что́ касается военной организаціи, упо-
ебляло всѣ свои усилія, чтобы сдѣлать страну сильною и непо-
димою. Оно прежде другихъ поняло, что грамота, просвѣще-
удесятеряетъ силу, и потому прилагало всѣ свои заботы о
спространеніи образованія. Оно помнило политическое завѣща-
Фридриха II-го и старалось выполнить его волю. Фридрихъ
й завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ всѣ свои заботы обращать
состояніе финансовъ и на содержаніе хорошей арміи, потому
о, какъ говорилъ онъ, слабый всегда становится жертвою силь-
го. Онъ говорилъ имъ: не надѣйтесь никогда на союзниковъ,
всчитывайте только на себя, держась того начала, что сильные
егда держатъ сторону сильныхъ. И Германія выполнила завѣ-
аніе своего великаго Фридриха, она привела свои финансы и
ою армію въ цвѣтущее состояніе. Германія, или вѣрнѣе Прус-
, составившая оплотъ Германіи, не упустила даже совѣта
ридриха, имѣть постоянно особую резервную казну для войны,
зну, которую бы, какъ говоритъ онъ въ своемъ: «Essai sur les
rmes du gouvernement et sur les devoirs des souverains», никогда
льзя было расходовать на другіе предметы и которая должна
ѣть назначеніемъ облегчать первыя военныя дѣйствія. Мы зна-
ть въ самомъ дѣлѣ, что Бисмаркъ хвалился этою резервною
азною, говоря, что безъ нея Германія не въ состояніи была бы
акъ быстро сдвинуть свои войска на границѣ Франціи, и что
езъ нея, быть можетъ, первыя военныя дѣйствія должны были
ы разыграться на священной почвѣ нѣмецкой родины. А еще
ридрихъ говорилъ, что «завоевательная политика установила
инципъ, что первый шагъ къ завоеванію страны—это занести
ь нее ногу, и это самое трудное; остальное уже рѣшается

Digitized by Google

судьбою оружія и правомъ болѣе сильнаго». Нѣмецкое пр
тельство помнило эти правила практической философіи XVI
вѣка и не отступало отъ своихъ дорогихъ традицій. Такимъ
разомъ, нѣмецкое правительство было готово, оно выжидало
мента, чтобы произвести перемѣну въ исторіи своего народ

Съ своей стороны, нѣмецкій народъ точно также давно
подготовлялся къ происшедшей перемѣнѣ въ его судьбахъ.
давно уже вздыхалъ по единству, въ которомъ видѣлъ е
ственный оплотъ противъ возможности повторенія чужезем
нашествія, оплотъ противъ новаго 1806 года. Правда, это е
ство представлялось ему какимъ-то абстрактомъ, оно преде
лялось ему только въ идеѣ, и при томъ идеѣ довольно ту
ной, практическое осуществленіе которой онъ не представ
себѣ совсѣмъ ясно, но тѣмъ не менѣе идея эта вошла въ
плоть и кровь, она сохранялась въ немъ непрерывно со
мени войны за освобожденіе, даже наперекоръ правитель
которое первоначально такъ много содѣйствовало, чтобы вызват
наружу. Наступившая за 1815-мъ годомъ реакція, продолжавш
съ небольшими перерывами вплоть до пятидесятыхъ годовъ,
только не ослабила ее, но содѣйствовала ея укрѣпленію. Нѣ
стали смотрѣть на нее какъ на всеобщую панацею. Един
должно было защитить его какъ отъ внѣшняго врага, такъ и
внутренняго, отъ правительственнаго абсолютизма. Всѣ лу
умы Германіи, всѣ радикальные писатели, которые дѣйству
такъ обаятельно на молодыя силы ума, какъ Берне, какъ
саль, поддерживали эту идею своею неутомимою пропаган
Идея единства заключала въ себѣ для нихъ такую чарую
силу, что когда антипатичное и ненавистное имъ реакціо
прусское правительство написало на своемъ знамени магиче
слово: «единство»,—общество, не останавливаясь надъ вопрос
насколько это слово произнесено было искренно, преклони
передъ прусскимъ правительствомъ и слѣпо послѣдовало за н
Вотъ, конечно, самое достойное объясненіе той поспѣшности
которой всѣ оппозиціонные элементы склонились передъ в
нымъ торжествомъ Пруссіи. Другое оправданіе едва ли возмо
найти, не посягая на достоинство нѣмецкой націи. Эта идея
лала народъ сильнымъ, она внушала ему ту энергію въ бор
ту пламенную любовь къ родинѣ, которой такъ недоста
большинству французскаго народа. Такимъ-то образомъ, и
вительство, и народъ давно подготовлялись къ перемѣнѣ, со
шившейся въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ, а пот

Digitized by Google

ельзя, повидимому, сказать, чтобы въ движеніи нѣмецкаго обще-
тва послѣдовалъ скачокъ.

Несмотря однако на то, что основаніе для совершившейся
еремѣны скрывалось въ предшествующемъ періодѣ, нельзя не
ризнать, что перемѣна эта въ данное время могла и не прои-
йти, что она могла быть отсрочена на неопредѣленное время.
ля того, чтобъ эта перемѣна послѣдовала необходимо было
теченіе благопріятныхъ обстоятельствъ, которыми съумѣли бы
оспользоваться, необходимо было появленіе той или другой силь-
ой личности, того или другого замѣчательнаго государственнаго
еловѣка. Безъ этого какъ бы народъ ни былъ приготовленъ къ
звѣстной перемѣнѣ, онъ все-таки могъ бы только тщетно ожи-
ать ея наступленія. Умѣть уловить благопріятныя обстоятель-
ва, умѣть подчасъ создать ихъ, съумѣть направить ихъ для
остиженія цѣли, для доставленія торжества своему дѣлу,—это
еликая задача, на которую способенъ только человѣкъ, далеко
ыдающійся изъ общаго уровня. Вотъ отчего, какую бы правиль-
ость, какую бы послѣдовательность ни признавать въ движеніи
еловѣческаго общества, извѣстнаго народа, едва ли возможно
рицать вліяніе отдѣльной личности на ходъ событій, на уско-
еніе или замедленіе извѣстнаго переворота. Быть можетъ и на-
упитъ когда-нибудь эпоха, когда общественный строй получитъ
акую правильность, такое раціональное основаніе, что значеніе
тдѣльной личности, ея вліяніе на историческій ходъ событій
станетъ вовсе незамѣтно; но тѣ, которые отрицаютъ такое зна-
еніе и такое вліяніе отдѣльной личности для нашей старой
вропы, тѣ, надо полагать, глубоко заблуждаются. Богъ знаетъ
акъ повернулась бы исторія Россіи, исторія Германіи, исторія
ранціи, если бы въ одной не было Петра Великаго, въ дру-
ой Фридриха II, въ третьей Наполеона I-го.

Близкое ознакомленіе съ идеями, принципами, мнѣніями, воз-
рѣніями, наконецъ дѣйствіями такой выдающейся личности, ко-
орая кладетъ печать на свое время и на свой народъ, появле-
іе которой составляетъ эпоху въ исторіи, представляетъ инте-
есъ не только потому, что мы удовлетворяемъ нашему есте-
твенному любопытству: какъ думалъ и какія идеи проводилъ въ
изнь такой человѣкъ,—но также и потому, что по его идеямъ,
озрѣніямъ, принципамъ, по его системѣ дѣйствій можно су-
ить объ уровнѣ нравственнаго развитія того общества, среди
отораго является подобная личность. Связь, и самая тѣсная связь
ежду обществомъ и человѣкомъ, дѣйствующимъ среди его, не
ожетъ не существовать. Какъ бы онъ ни выдавался изъ общаго

Digitized by Google

уровня, какъ бы онъ ни возвышался надъ современнымъ ему обществомъ, онъ тѣмъ не менѣе остается его продуктомъ, онъ испытываетъ на себѣ силу его нравственнаго давленія. Къ такимъ выдающимся личностямъ, къ такимъ государственнымъ людямъ, которые оставляютъ по себѣ глубокій слѣдъ въ исторіи своего народа и существенно вліяютъ на общественное движеніе, давая ему то или другое направленіе, долженъ быть причисленъ и послѣдній графъ, сдѣлавшійся первымъ княземъ Бисмаркомъ.

II.

Какого бы кто ни былъ мнѣнія о князѣ Бисмаркѣ, какъ бы ни смотрѣли на его дѣятельность, считать ли ее полезною или вредною, ускоряющею или замедляющею движеніе нѣмецкаго народа, во всякомъ случаѣ, не будучи слѣпымъ, нельзя отрицать, что Бисмаркъ представляется человѣкомъ, выдвинувшимся на историческую сцену не только для того, чтобы дать сильный толчокъ нѣмецкому обществу, но также и встряхнуть всю остальную Европу. Никто, конечно, не сомнѣвается, что подобный человѣкъ не можетъ дѣйствовать на-обумъ, какъ попало, какъ Богъ пошлетъ, не держась въ своемъ воззрѣніи какой-нибудь опредѣленной системы,—такой способъ дѣйствій составляетъ удѣлъ мелкихъ, ничтожныхъ государственныхъ людей. Не таковъ суровый князь Бисмаркъ. У него есть свои правила, свои убѣжденія, свои принципы, у него есть свой кодексъ политической мудрости, кодексъ, которымъ онъ руководится во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, и этотъ-то кодексъ, оказавшійся, если судить по результатамъ, какъ нельзя болѣе подходящимъ къ духу нашего времени, мнѣ кажется, можно безъ особенной ошибки назвать кодексомъ практической философіи XIX-го вѣка. Въ Германіи, въ этой обѣтованной землѣ теоретической философіи, государственная практическая философія, блестящимъ представителемъ которой является князь Бисмаркъ, пришлась какъ нельзя болѣе по-сердцу общества, къ которому онъ принадлежитъ.

Кодексъ правилъ практической государственной мудрости, такъ удачно примѣненный къ дѣлу княземъ Бисмаркомъ, не можетъ тѣмъ не менѣе считаться его собственностью, его достояніемъ, не можетъ быть признанъ оригинальнымъ произведеніемъ этого замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ современныхъ государственныхъ людей. Практическая философія XIX-го вѣка вытекаетъ изъ практической философіи XVIII-го вѣка, и вся заслуга

Digitized by Google

нязя Бисмарка состоитъ въ томъ, что онъ мастерски усвоилъ е себѣ, содѣйствовалъ ея обработкѣ и затѣмъ имѣлъ смѣлость ромко провозгласить ея основныя начала. Различіе практической философіи XVIII-го вѣка и практической философіи XIX-го вѣка лучше всего обнаружится изъ сравненія правилъ политической мудрости, насколько они раскроются передъ читателемъ ослѣ того, что передъ нимъ пройдетъ собраніе рѣчей канцлера ерманской имперіи, съ правилами политической мудрости такого нестящаго представителя политическихъ дѣятелей XVIII-го вѣка, акимъ представляется намъ Фридрихъ Великій. Бисмаркъ долженъ быть признанъ продолжателемъ дѣла Фридриха, его прямымъ послѣдователемъ, и мы думаемъ, что тѣнь великаго короля е оскорбится сравненіемъ его съ Бисмаркомъ. Такое сравненіе, акъ бы высоко оно ни показалось для послѣдняго, не можетъ ыть названо несправедливымъ. Спросите себя, въ самомъ дѣлѣ, ьи имена ярче всѣхъ блещутъ въ исторіи Пруссіи, чья дѣятельность оставила по себѣ такіе поразительные результаты, и ы волей-неволей должны будете произнести имена Фридриха и исмарка. Такое сопоставленіе, рѣжущее ухо на первый разъ, думавшись въ роль того и другого человѣка, перестаетъ поражать васъ. Сравненіе Бисмарка съ Фридрихомъ, оставляя разумѣется въ сторонѣ значеніе послѣдняго какъ геніальнаго, по райней мѣрѣ такъ говорятъ спеціалисты въ военномъ дѣлѣ, олководца,—самое естественное, какое только можно сдѣлать. исмарка сравнивали со Штейномъ, но это сравненіе, мнѣ кажется, вовсе не идетъ къ дѣлу. Значеніе Штейна, этого безспорно замѣчательнаго государственнаго человѣка, вовсе иное, ѣмъ значеніе Бисмарка. Штейнъ, если можно такъ выразиться, еоретическій государственный дѣятель, Бисмаркъ же по преимуществу дѣятель практическій. Задача Штейна была вдохнуть овыя начала въ политическое государственное тѣло, задача же исмарка была «сдѣлать» новое государство. Штейнъ былъ поставленъ такъ сказать въ оборонительное положеніе, Бисмаркъ же съ перваго раза занялъ позицію наступательную.

Самый наглядный способъ оцѣнивать значеніе государственнаго человѣка, это—методъ сравнительный. Поэтому-то и въ разговорномъ языкѣ такъ часто прибѣгаютъ къ этому методу, говоря: такой походитъ на такого-то, а такой на такого. Вотъ почему и для Бисмарка искали сравненій. Между прочимъ сравнивали его также съ однимъ изъ современныхъ или почти современныхъ государственныхъ людей, такъ какъ онъ умеръ всего десять-одиннадцать лѣтъ тому назадъ, — съ графомъ Кавуромъ.

Digitized by Google

На первый взглядъ сравненіе это чрезвычайно удачно. Одинъ объединитель, или по крайней мѣрѣ такимъ прославляется онъ, Италіи; другой объединитель, такимъ признаютъ его,—Германіи; у одного средствомъ объединенія служила война, война же была средствомъ и другого. Тотъ и другой были признаны великими дипломатами; наконецъ, какъ у Бисмарка, такъ и у Кавура есть нѣкоторые общіе имъ обоимъ принципы. Слѣдуетъ точно также сказать, что въ исторіи ихъ дѣятельности есть нѣкоторыя общія черты, на которыя интересно обратить вниманіе. Изъ многочисленныхъ біографій Бисмарка извѣстно, съ какою яростью относился онъ къ революціонному движенію 1848 года; точно также и графъ Кавуръ былъ крайне недоволенъ народнымъ движеніемъ 1848 года. Надъ Бисмаркомъ, когда онъ говорилъ въ ту эпоху въ парламентѣ, большинство громко смѣялось и свистало ему; такой же точно участи подвергался и Кавуръ, и его рѣчи въ 1848-мъ и 1849-мъ годахъ подвергались свисткамъ. Кромѣ того,—и эта общая черта двухъ объединителей Германіи и Италіи весьма характерна,—какъ Бисмаркъ, что хорошо извѣстно и что мы увидимъ дальше, былъ прикованъ къ династическимъ интересамъ дома Гогенцоллерновъ, точно также и Кавуръ, по выраженію Мадзини, «приковалъ себя къ одному интересу — къ династическому интересу Савойскаго дома». Наконецъ, какъ для Бисмарка, особенно въ первый періодъ его министерской дѣятельности, до войны 1866 года, Германія была средствомъ, Пруссія цѣлью,—точно также и для Кавура, по выраженію того же писателя, Италія была средствомъ, а не цѣлью, и «настоящіе планы Кавура никогда не переступали за предѣлы программы, неудавшейся въ 1848-мъ году — о королевствѣ Сѣверной Италіи». Я не покину этой параллели между Кавуромъ и Бисмаркомъ, не упомянувъ еще объ одной общей чертѣ ихъ характеровъ. Одинъ изъ біографовъ итальянскаго министра говоритъ о немъ слѣдующее: «Кавуръ понимаетъ себя и понимаетъ людей, его окружающихъ; онъ цѣнитъ ихъ очень мало, и дурно дѣлаетъ, что даетъ имъ это чувствовать. Онъ не терпитъ равныхъ себѣ, не привыкши встрѣчать ихъ много. Все, чего онъ касается, должно сгибаться передъ нимъ, должно согласиться быть окаменѣлымъ въ этой могучей рукѣ. Самъ король уступаетъ его магнетическому вліянію. А кто не хочетъ уничтожиться передъ Кавуромъ, тотъ рѣшительно становится его врагомъ, или, лучше сказать, противникомъ». Только самые пристрастные біографы не согласятся, что это опредѣленіе характера можетъ цѣликомъ быть перенесено съ Кавура на Бисмарка, такъ вѣрно оно по отношенію

Digitized by Google

къ обоимъ. По поводу манеры держать себя въ парламентѣ, тотъ же біографъ говоритъ: «Въ парламентѣ Кавуръ держитъ себя совершенно какъ будто бы лѣвой стороны не существовало, какъ будто бы онъ находится въ своемъ салонѣ, среди своихъ,— особенно когда ему скучно. Онъ разговариваетъ, смѣется, обо-рачивается спиной къ своимъ сочленамъ, зѣваетъ, скоблитъ по столу своимъ куп-папье, отпускаетъ эпиграммы; если бы онъ имѣлъ американскія привычки, онъ бы клалъ ноги на министер-скій столъ... Онъ видитъ въ парламентѣ только большинство, то-есть, своихъ преданныхъ друзей». И эта черта точно также будто бы выкрадена изъ біографіи кн. Бисмарка. Какъ онъ обра-щается съ палатой, съ какимъ высокомѣріемъ онъ относится къ ней, мы это знаемъ отъ его біографовъ; наконецъ, мы убѣдимся въ этомъ поразительномъ сходствѣ, останавливаясь на нѣкото-рыхъ изъ его рѣчей. Несмотря однако на такія обильныя черты сходства между графомъ Кавуромъ и княземъ Бисмаркомъ, мы все-таки должны устранить сравненіе между этими двумя государ-ственными людьми нашего времени. Мы устраняемъ это сравненіе, потому что считаемъ его несправедливымъ по отношенію къ Бис-марку, признавая его человѣкомъ бо́льшаго калибра, чѣмъ Ка-вуръ. Положеніе этихъ двухъ людей было крайне различно, и вся выгода была на сторонѣ государственнаго человѣка Италіи. Ка-вуръ, чтобы имѣть успѣхъ, долженъ былъ плыть по теченію, въ то время когда Бисмаркъ долженъ былъ идти противъ теченія. Задача послѣдняго въ силу этого представляется несравненно болѣе трудною. Путь, по которому двигался Кавуръ, былъ хо-рошо утоптанъ, глаза всей Италіи были съ любовью обращены исключительно къ Пьемонту. Викторъ-Эммануилъ былъ лозунгомъ всей Италіи, это былъ всѣми желанный, всѣми призываемый ко-роль. Даже тѣ, которые были врагами монархическаго принципа, даже тѣ склонялись передъ сардинскимъ королемъ и его именемъ, покоряли царства и подводили ихъ подъ его скипетръ. Склоненіе Наполеона къ войнѣ съ Австріей, чтобы тамъ ни говорили, должно быть признано заслугою Кавура и пріобрѣло ему право быть причисленнымъ къ замѣчательнымъ дипломатамъ; но, помимо этой услуги Италіи, услуги, безъ сомнѣнія весьма крупной, роль графа Кавура заключалась, главнымъ образомъ, въ сдерживаніи народнаго движенія, направленнаго къ достиженію единства Ита-ліи. У Кавура не было той энергіи, той рѣшительности, безъ которой не можетъ быть дѣйствительно высокозамѣчательнаго го-сударственнаго человѣка, онъ вездѣ и во всемъ искалъ золотой середины, и всѣ его принципы, всѣ его идеи носили этотъ ха-

Digitized by Google

рактеръ, характеръ половинчатый, посредственный. Вотъ от нельзя и признавать графа Кавура за политическое свѣтило вой величины.

Напротивъ, путь, по которому шелъ Бисмаркъ, былъ покрытъ терніемъ, который ему приходилось безостановочно к бать. На Пруссію нѣмцы не только не смотрѣли съ любовью уже гораздо скорѣе съ ненавистью; на Пруссію не возлагали чихъ надеждъ, но ее боялись и страшились. Бисмаркъ дол былъ заставить нѣмцевъ принять Пруссію, долженъ былъ за вить подчиняться ей и признать ея гегемонію, что́ пред ляетъ задачу несравненно болѣе тяжелую. Онъ не только дос своей цѣли, но перешелъ за нее. Онъ не только заглушил навись и заставилъ принять Пруссію,—онъ принудилъ, если не бить, то уважать ее. Мудрено разумѣется сочувствовать средствамъ, которыми онъ достигалъ своей цѣли и шелъ редъ, но въ его поступи было столько смѣлости, энергіи, шимости, что онъ по неволѣ внушалъ къ себѣ страхъ, пер шанный съ уваженіемъ, тотъ страхъ, который, по словамъ кіавеля, можетъ внушать къ себѣ образцовый правитель, не возможности достигнуть своей цѣли кротостью и любовью, страхъ, который, по мнѣнію знаменитаго автора «Il Princi такъ разнится отъ ненависти, возбуждаемой къ себѣ безра ными деспотами.

Обращаясь же къ сравненію Бисмарка съ Фридрихом мы думаемъ, что сравненіе это можетъ выдержать критику въ отношеніи той роли, которую Пруссія играла въ то в среди Германіи и какую она заняла на нашихъ глазахъ; въ отношеніи того личнаго, могущественнаго вліянія на ходъ бытій, какое оказывалъ Фридрихъ II, и одинаково могущест наго вліянія Бисмарка; такъ наконецъ и потому, что как Фридрихѣ II-мъ воплощалась практическая философія XVI вѣка, примѣненная къ государственному механизму, такъ Бисмаркѣ, по нашему мнѣнію, воплощается та же практиче философія, но только въ теченіе вѣка сдѣлавшая значитель успѣхъ. Что касается до кодекса правилъ политической мудр князя Бисмарка, то какъ уже было сказано, мы найдемъ его томъ собраніи рѣчей, изданномъ въ Берлинѣ на французск языкѣ,—рѣчей, обнимающихъ десятилѣтнюю дѣятельность Бисмарка, начиная отъ 1862 г. до 1872 г., т.-е. весь бур періодъ, прошедшій передъ глазами смущенной и растерявше Европы, десятилѣтній періодъ, въ который осуществилась, и въ иной формѣ и иными средствами, завѣтная мечта нѣм

Digitized by Google

го народа—идея нѣмецкаго единства. Въ этомъ собраніи рѣй, заключающемся въ четырехъ томахъ, и изданныхъ по всей роятности не безъ вѣдома князя Бисмарка, заключается все, о намъ нужно для опредѣленія практическихъ правилъ полиической мудрости, которою такъ прославился ихъ авторъ.

Что же касается до практической философіи коронованнаго уга Вольтера, то онъ самъ позаботился тщательно сохрать ее для потомства, изложивъ ее въ нѣсколькихъ своихъ соненіяхъ. Мы находимъ ее въ мемуарахъ Фридриха II-го, пинныхъ по-французски какъ и все, что̀ писалъ этотъ страстй поклонникъ французскаго генія, и въ другихъ его произвеніяхъ. Въ этихъ мемуарахъ особенно драгоцѣнна для нашей ли «Histoire de mon temps» и нѣкоторые отрывки, касаюеся политическихъ соображеній его «Семилѣтней войны». Замъ взгляды этого замѣчательнаго монарха на систему госуственнаго управленія весьма ярко освѣщаются уже названми нами статьями, какъ «Essai sur les formes de gouvernent et les devoirs des princes», «Considérations» etc., такъ, и это авнымъ образомъ, его критикой Макіавеля, носящей названіе Examen du «Prince» de Machiavel». Всѣ эти сочиненія весьма ьефно обрисовываютъ государственно-философскіе принципы и зрѣнія Фридриха II, но только тогда они могутъ принести льзу, если умѣешь ихъ читать. Умѣнье же читать заключается лько въ томъ, чтобы ни на минуту не упускать изъ виду, какъ ступалъ и дѣйствовалъ геніальный основатель могущества Герніи,—чтобы, однимъ словомъ, въ умѣ читателя рядомъ со «слоъ» Фридриха было и его «дѣло». Отличительнымъ свойствомъ актической философіи XIX-го вѣка служитъ, безъ сомнѣнія, бо́льшая искренность, которая иногда доводится до ея послдняго предѣла, до цинизма. Изучая рѣчи князя Бисмарка, рпая въ его кодексѣ правилъ политической мудрости, мы увимъ, что онъ весьма мало стѣсняется громко провозглашать инципы, очевидно, служащіе прямымъ отрицаніемъ того соеменнаго духа, о которомъ обыкновенно такъ много говорится. ъ не поцеремонится посмѣяться надъ представительнымъ равленіемъ, онъ не остановится передъ тѣмъ, чтобы бросить смѣшкой въ приверженцевъ демократіи, онъ не стѣснится правдать завоеваніе чужихъ областей, насильственное приединеніе нѣсколькихъ милліоновъ людей простыми словами: ы считаемъ это для себя выгоднымъ, а такъ какъ мы болѣе льные, то мы и поступаемъ такъ, какъ указываетъ намъ наша ичная выгода! Какой бы упрекъ нельзя было сдѣлать практи-

Digitized by Google

ческой философіи, олицетворяемой въ такомъ человѣкѣ какъ Бисмаркъ, но никогда его нельзя упрекнуть въ іезуитизмѣ, въ томъ, что онъ дѣлаетъ прямо противоположное тому, что онъ говоритъ. Нѣтъ, то, что онъ говоритъ, то онъ и дѣлаетъ. Только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ скрываетъ свою игру, и это относится главнымъ образомъ къ новѣйшей политикѣ, онъ прибѣгаетъ къ старымъ пріемамъ и увѣряетъ прямо въ противоположномъ тому, что онъ думаетъ и на что надѣется. Онъ пользуется подобнымъ пріемомъ, когда ему нужно кому-нибудь отвести глаза, увѣрить въ дружбѣ, успокоить насчетъ своихъ намѣреній. Большею же частью, когда планъ его созрѣлъ, когда онъ приступаетъ къ его осуществленію, онъ выкладываетъ карты на столъ, произнося съ гордостью: таковъ я, и я не намѣренъ для васъ въ чемъ-нибудь измѣнять своимъ привычкамъ! Мнѣніе общества, потомства, исторіи для него какъ будто бы не существуетъ, онъ не хочетъ казаться лучше и мягче, чѣмъ онъ является на самомъ дѣлѣ; какъ бы дико ни звучало его возрѣніе, онъ смѣло проводитъ его, нисколько не безпокоясь о томъ, что о немъ подумаютъ какъ о деспотѣ, какъ о человѣкѣ, держащемся рутинныхъ и реакціонныхъ взглядовъ. Ему все равно. Онъ какъ будто и не сомнѣвается, что исторія должна будетъ его оправдать. Человѣческое общество—машина, которою слѣдуетъ вертѣть по произволу, нисколько не справляясь о томъ, что ему нравится, что оно хочетъ или не хочетъ, что оно считаетъ своимъ достояніемъ, своимъ правомъ. Большое презрѣніе къ нему на дѣлѣ, большое презрѣніе на словахъ, если только это нужно — таково одно изъ основныхъ положеній современной политической теоріи, увѣнчавшейся полнымъ успѣхомъ. Смѣшно же въ самомъ дѣлѣ обвинять за нее тѣхъ, которые смотрятъ на нее какъ на самую раціональную теорію, когда практика совершенно ее оправдываетъ.

Совершенно другихъ началъ держится XVIII-й вѣкъ, и потому его практическая философія носитъ иной характеръ. Говорить не то, что думаешь и дѣлать не то, что говоришь — вотъ ея положеніе, которое на каждомъ шагу встрѣчается у того, кого мы приняли для сравненія съ Бисмаркомъ за образецъ политическаго дѣятеля прошлаго столѣтія. Объ искренности нѣтъ и помину, всюду красивыя фразы, блестящія побрякушки, прикрывающія вовсе не красивыя дѣйствія, либерализмъ на словахъ и отсутствіе его въ дѣйствительной жизни. Нужно только не забывать, что здѣсь говорится о той практической философіи, которая была въ ходу у политическихъ дѣятелей. XVIII-й вѣкъ

Digitized by Google

былъ вѣкомъ самыхъ возвышенныхъ идей, это былъ вѣкъ, положившій начало либерализму; возвышенныя идеи и весьма пышныя слова сдѣлались модою, и то, что у весьма немногихъ было убѣжденіемъ и являлось какъ плодъ глубокихъ думъ и неутомимыхъ поисковъ за правдою, какъ было то у Ж. Ж. Руссо, то у другихъ, и даже у такихъ людей, какъ у Фридриха, было болѣе, если не модною игрушкою, то пріятнымъ препровожденіемъ часовъ досуга.

Политическая философія Фридриха Великаго, начала которой развиваются въ его произведеніяхъ, весьма либеральна и какъ нельзя болѣе гуманна до тѣхъ поръ, пока она наполняетъ собою бѣлую бумагу, но какъ только ей нужно перейти къ дѣлу, то тутъ мы встрѣчаемъ разительное превращеніе. Фридрихъ II-ой энергически защищаетъ народъ, его права, его вольности, онъ проповѣдуетъ, что правители должны быть первыми слугами земли, онъ восторгается всемірной конституціей и громитъ деспотовъ и завоевателей, которые удовлетворяютъ своему славолюбію, своимъ прихотямъ и порокамъ. Читая его невольно иногда скажешь: счастлива страна, имѣвшая своимъ правителемъ такого человѣка! Чтобы дать примѣръ философскихъ разсужденій Фридриха, мы приведемъ нѣсколько образцовъ, которые важны для насъ въ томъ отношеніи, что допускаютъ прекрасное сравненіе между тѣмъ, что говорилъ великій король въ Германіи XVIII-го вѣка и тѣмъ, что по тому же поводу, какъ мы увидимъ далѣе, высказывается замѣчательнымъ представителемъ Германіи XIX-го вѣка. Излагая свои воззрѣнія на обязанности государей, Фридрихъ II-ой между прочимъ говоритъ: «Пусть они знаютъ, что ихъ ложные принципы составляютъ отравленный источникъ всѣхъ бѣдствій Европы. Вотъ заблужденіе большей части монарховъ. Они думаютъ, что Богъ изъ особеннаго вниманія къ ихъ величію, ихъ блаженству и ихъ гордости нарочно создалъ эту массу людей, спасеніе которыхъ ввѣрено имъ, и что ихъ подданные предназначены судьбою быть только орудіемъ и средствами ихъ необузданныхъ страстей. Какъ только принципъ, изъ котораго они исходятъ, ложенъ,—послѣдствія не могутъ быть иными какъ порочными до безконечности: и отсюда эта необузданная любовь къ ложной славѣ, отсюда—это страстное желаніе все захватить, отсюда тяжесть налоговъ, которыми народъ обремененъ, отсюда лѣность монарховъ, ихъ гордость, ихъ несправедливость, ихъ безчеловѣчность, ихъ тиранніи и всѣ тѣ пороки, которые унижаютъ человѣческую натуру. Если бы монархи могли отдѣлаться отъ этихъ ложныхъ идей, и если бы они пожелали дойти до

Digitized by Google

источника ихъ учрежденія, они бы увидѣли, что то званіе, к которому они такъ ревнивы, что ихъ возвышеніе есть только пр изведеніе народовъ; что эти милліоны народовъ, которые и ввѣрены, не сдѣлались вовсе рабами одного человѣка толь для того, чтобы сдѣлать его болѣе грознымъ и болѣе могущ ственнымъ; что они не подчинились одному гражданину, чтоб быть мучениками его капризовъ и забавою его фантазій, н что они выбрали одного изъ своей среды, котораго считали б лѣе справедливымъ, чтобы управлять ими, лучшаго, чтобы он служилъ имъ отцомъ, самаго человѣчнаго, чтобы онъ умѣлъ с носиться сочувственно къ ихъ несчастіямъ и могъ облегчать их самаго мужественнаго, чтобы онъ защищалъ ихъ отъ враго самаго мудраго, для того чтобы онъ опрометчиво не втягива ихъ въ разорительныя и разрушительныя войны; наконецъ, чел вѣка, который былъ бы болѣе другихъ способенъ быть предст вителемъ государства, и верховная власть котораго служила опорой законамъ и справедливости, а не средствомъ безнаказан совершать преступленія и предаваться деспотизму». Либерализм я скажу даже, радикализмъ этой тирады изъ «Considérations s le corps politique de l'Europe» говоритъ самъ за себя. Труд кажется проповѣдывать болѣе смѣло отрицаніе начала бож ственнаго права, трудно придумать болѣе грозную филиппи противъ злоупотребленій власти; такой человѣкъ, который написа эти слова, долженъ разумѣется быть самымъ либеральнымъ, н роднымъ правителемъ. Бисмарку, безъ сомнѣнія, извѣстенъ к кой философскій взглядъ Фридриха Великаго на королевску власть, но ему нечего было смущаться имъ, потому что он зналъ, прекрасно понимая систему своего учителя, что основ ніемъ практической философіи XVIII-го вѣка было говорить так а думать и дѣлать иначе. И Бисмарку не трудно было въ этом убѣдиться, ему стоило только спросить себя: каковъ же былъ дѣйствительности этотъ лучшій изъ королей, являющійся на б магѣ такимъ демократомъ и рѣшительнымъ сторонникомъ наро ныхъ правъ? На этотъ вопросъ одинъ изъ самыхъ уважаемы и безпристрастныхъ нѣмецкихъ историковъ отвѣчалъ бы ем «Въ семилѣтнюю войну онъ уничтожилъ благосостояніе Саксон страшными контрибуціями, опустошалъ Франконію, поступалъ Мекленбургомъ будто съ непріятельскою завоеванною страно и не постыдился отнять пушки у имперскаго города Нюрнберга». «И у себя дома,—продолжалъ бы онъ читать,—Фридрихъ распор жался часто по примѣру своего отца, потому что ни самъ онъ, н его истые пруссаки не имѣли никакого понятія о конституціи,—

Digitized by Google

да и теперь, не безъ злости прибавляетъ Шлоссеръ,—судя по рѣчамъ въ прусскихъ палатахъ и по прусскому Junkerthum'у, у истинныхъ пруссаковъ нѣтъ понятія о ней». Затѣмъ Бисмаркъ точно также могъ прочесть у того же историка, да и у весьма многихъ другихъ, что авторъ чисто демократической тирады, приведенной нами, поступалъ на практикѣ, далеко не слѣдуя собственнымъ своимъ поученіямъ. Въ поученіяхъ народъ все, въ поступкахъ народъ—ничто, грубая масса, chair à canon. «По окончаніи семилѣтней войны, Фридрихъ давалъ льготы дворянству, владѣвшему помѣстьями, стѣснялъ промышленность и отнималъ послѣднее удовольствіе у бѣдняка». Образованіе для народа онъ считалъ излишнимъ, въ арміи ввелъ такой порядокъ, что «даже тѣ офицеры изъ простолюдиновъ, которые въ семилѣтнюю войну вѣрно служили королю изъ энтузіазма, по окончаніи войны нашли удобнѣйшимъ покинуть армію». Такъ поступалъ Фридрихъ II-ой во всѣхъ вопросахъ какъ внутренней политики, такъ и внѣшней — говорить одно и дѣлать другое, это было главнымъ положеніемъ практической философіи того времени. Въ томъ же самомъ трудѣ, изъ котораго извлечена вышеприведенная тирада, встрѣчается у Фридриха и такая мысль: «однимъ словомъ, позоръ и безчестіе терять свои владѣнія: завоевывать же тѣ, на которыя не имѣешь законнаго права, составляетъ несправедливость и преступную хищность!» Какъ ни рѣшительна подобная сентенція, она однако нисколько не помѣшала ея автору захватить Силезію и сдѣлаться душою раздѣла Польши, на которую онъ и самъ сознавалъ, что не имѣлъ никакого права. Впрочемъ, стоитъ ли останавливаться на подобныхъ противорѣчіяхъ; ихъ у Фридриха слишкомъ много и съ нѣкоторыми изъ нихъ мы еще встрѣтимся, обращаясь иногда къ сравненію князя Бисмарка съ этимъ замѣчательнымъ государемъ, который, несмотря на его коварную политическую систему, все-таки былъ однимъ изъ немногихъ государей, не думавшихъ «что люди сотворены Богомъ только для его удовольствія. То, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ по крайней мѣрѣ не для себя лично, а для пользы государства...» Часто эта польза, конечно, понималась не вѣрно, но важно то, что была забота о пользѣ. Многое должно быть прощено, если намѣренія историческаго человѣка честны и хороши. Это такъ рѣдко бываетъ!

Но ни одно изъ сочиненій Фридриха II, изъ которыхъ мы желаемъ извлечь правила его политической мудрости, такъ не любопытно, какъ его критика на Макіавеля. Въ этомъ трактатѣ Фридрихъ II весьма подробно разсуждаетъ объ обязанно-

Digitized by Google

стяхъ монарха; онъ посвящаетъ цѣлыя главы тому, какъ должен вести себя монархъ, въ вопросахъ ли касающихся внутренне политики, въ вопросахъ ли касающихся внѣшней политик нѣтъ никакого сомнѣнія, что Фридрихъ никогда и не думал чтобы его разсужденія были пригодны для дѣйствительности, что такой идеальный монархъ, какимъ онъ рисуетъ его въ своем трактатѣ, былъ бы возможенъ. Если онъ тѣмъ не менѣе созн тельно писалъ подобную книгу, то, разумѣется, исходя изъ одно точки зрѣнія: люди глупы, и повѣрятъ! Заставить же людей д мать такимъ образомъ о правителяхъ, какъ желалъ того Фри рихъ, входило въ его систему: говорить и увѣрять въ одном а дѣлать другое. У Фридриха было весьма сильное желаніе пр вести человѣчество и прослыть въ его мнѣніи за новаго Марк Аврелія, и его разборъ Макіавеля былъ направленъ къ эт цѣли. На повѣрку же оказалось только одно, а именно, что гос дари въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ должны бы болѣе осторожны, чѣмъ всѣ остальные смертные, которымъ, к нечно, гораздо удобнѣе высказывать самыя возвышенныя иде такъ какъ въ практической жизни имъ не приходится на ка домъ шагу опровергать ихъ своими дѣйствіями и поступкам Сочиненіе Фридриха появилось подъ прикрытіемъ авторите Вольтера, который рекомендовалъ его обществу такими словам «Знаменитый авторъ этого опроверженія (Макіавеля) принадл житъ къ тѣмъ людямъ, обладающимъ великою душою, которы небо ниспосылаетъ иногда, чтобы возвратить родъ человѣчес на путь добродѣтели «ихъ поученіями и ихъ примѣромъ». Вол теръ, желая быть пріятнымъ своему коронованному другу, пр возглашаетъ книгу Макіавеля опаснымъ ядомъ и радуется, ч отнынѣ рядомъ съ этимъ ядомъ всякій можетъ легко пріобрѣс себѣ противоядіе въ сочиненіи Фридриха. Самъ авторъ, въ пр дисловіи къ своему разбору Макіавеля, разыгрываетъ варьяц на ту же тему, варьяцію одѣтую въ необыкновенную поми «Я рѣшаюсь принять на себя защиту человѣчества—говори Фридрихъ—противъ этого чудовища, которое желаетъ его п гибели; я рѣшаюсь противопоставить разумъ и справедливос софизму и преступленію, и я рѣшился разобрать «Монарха» М кіавеля, главу за главою, чтобы противоядіе неразрывно слѣдова за ядомъ». Онъ смотритъ на книгу Макіавеля, какъ на од изъ самыхъ вредныхъ произведеній, брошенныхъ въ міръ, ос бенно по тому вліянію, которое эта книга можетъ оказать правителей. «Наводненія,—восклицаетъ этотъ учитель Бисмарка, опустошающія страны, огонь молній, превращающій города

Digitized by Google

епелъ, ядъ заразы, поселяющій ужасъ въ странѣ, не настолько па-
убны для міра, какъ опасная мораль и безумныя страсти ко-
олей; небесные бичи появляются временно, они опустошаютъ
олько нѣкоторыя страны, и эти потери, какъ онѣ ни печальны,
се-таки исправимы; но преступленія правителей заставляютъ
олго страдать цѣлые народы». Возставать болѣе энергично про-
ивъ опасной морали Макіавеля довольно мудрено.

Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку знаменитаго произведенія
тальянскаго писателя XVI вѣка, но нельзя не сдѣлать одного
амѣчанія. На сочиненіе Макіавеля можно смотрѣть весьма раз-
ично. Одни, какъ Фридрихъ вмѣстѣ съ Вольтеромъ, смотрятъ
а него какъ на какое-то произведеніе ада, и полагаютъ, что
Макіавель продалъ свою душу чорту и старается только лучше
аслужить его благоволеніе. Другіе полагаютъ, что Макіавель
огъ весьма искренно написать это произведеніе, думая, что
учше пусть будетъ монархъ суровый и сильный, чѣмъ слабый,
егко попадающійся въ руки интригановъ, причиняющихъ больше
ла, чѣмъ самый жестокій государь. Третьи думаютъ, что про-
зведеніе Макіавеля есть не что иное какъ плодъ глубокой иронія,
что своею книгою онъ произноситъ анаѳему. Наконецъ, можно
опустить, что книга эта явилась какъ результатъ гигантскаго
жесточенія противъ чужеземнаго владычества, подъ давленіемъ
отораго чахла Италія, ожесточенія, вселившаго въ Макіавеля
ысль, что для монарха нужна прежде всего сила, потому что
олько силою можно было спасти Италію и освободить ее. Пус-
ай, думалъ Макіавель, монархъ будетъ жестокъ, пускай будетъ
ъ вѣроломенъ, пускай онъ заставляетъ дрожать передъ собою,
ишь бы только сильный внутри онъ могъ быть настолько мо-
ущественъ, чтобы побѣдить врага. Въ пользу послѣдняго мнѣнія
оворитъ, нужно сказать, послѣдняя глава его «Il Principe», въ
оторой онъ высказываетъ мысль, что наступила пора освобож-
енія Италіи и что Медичисы должны совершить его. Но какъ
ы ни смотрѣть на произведеніе Макіавеля, слѣдуетъ все-таки
ризнать, что онъ нарисовалъ въ немъ такой типъ сильнаго
онарха, который до сихъ поръ служитъ образцомъ для всѣхъ
ильныхъ и энергичныхъ правителей. Философскія размышленія
Макіавеля вошли въ значительной степени въ составъ практи-
еской философіи самого Фридриха и его послѣдователя и уче-
ика князя Бисмарка. Какъ ни горячо нападаетъ на него Фрид-
ихъ, но тѣмъ не менѣе, при внимательномъ чтеніи его разбора
роизведенія итальянскаго писателя, нельзя не видѣть, что самъ
онъ, предавая проклятіямъ поученія Макіавеля, въ душѣ согла-

Digitized by Google

шается съ нимъ, и много разъ, и въ самыхъ крупныхъ вопросахъ, это единомыслiе выходитъ наружу. Фридрихъ, повидимому, со всею энергiею возстаетъ противъ той главы Макiавеля, въ которой онъ разрѣшаетъ своему монарху не держать слова и разрывать трактаты. «Тѣ, которые пренебрегаютъ ролью лисицы— пишетъ Макiавель,—ничего не понимаютъ въ своемъ дѣлѣ, другими словами, осторожный монархъ не можетъ и не долженъ держать своего слова какъ только въ томъ случаѣ, если это не можетъ ему принести вреда, и если обстоятельства, при которыхъ онъ заключилъ трактатъ, продолжаютъ существовать. Я, конечно, остерегся бы дать такое наставленiе, еслибы всѣ люди были добры; но такъ какъ всѣ они злы и всегда готовы измѣнять своему слову — продолжаетъ этотъ глубокiй знатокъ человѣческаго общества,—то онъ не долженъ заботиться о томъ, чтобы быть вѣрнымъ своему; и это нарушенiе честнаго слова всегда легко оправдать. Я могъ бы дать десять доказательствъ противъ одного и показать, сколько соглашенiй и трактатовъ было нарушено вѣроломствомъ монарховъ, изъ которыхъ самый счастливый оказывается тотъ, который лучше другихъ умѣлъ прикрыться лисьею шкурою. Главное заключается въ томъ, чтобы хорошо сыграть свою роль и умѣть во-время представляться и скрытничать; люди же такъ просты и такъ недалеки, что тотъ, который желаетъ обмануть, всегда легко найдетъ простаковъ». Фридрихъ мечетъ громы и молнiи противъ Макiавеля за эти слова, справедливость которыхъ подтверждается не только всею исторiею, но подтверждается просто обыденною жизнiю людей. Что на простомъ, обыденномъ языкѣ называется жить счастливо? Жить счастливо называется имѣть хорошее состоянiе, хорошее положенiе въ свѣтѣ, ворочать капиталомъ, властью и т. д. и т. д. Большой ли, спрашивается, процентъ людей, обладающихъ счастьемъ, достигъ его, никогда не измѣняя своего слова, никогда не одѣваясь въ лисью шкуру, никогда не притворяясь, а дѣйствуя всегда прямо и открыто? Нужно много лицемѣрiя, чтобы на этотъ вопросъ отвѣчать утвердительно.

У Фридриха не было недостатка въ лицемѣрiи, и потому онъ съ бо́льшею смѣлостью произноситъ: «Не стыдно ли этому учителю преступленiй такимъ образомъ внушать уроки нечестiя?» Макiавелю мало того, разсуждаетъ Фридрихъ II, что онъ доказываетъ легкость преступленiя, онъ еще увѣряетъ въ счастiи обмана, вѣроломства. Фридрихъ за подобные совѣты готовъ казнить Макiавеля, онъ не находитъ достаточно бранныхъ словъ, чтобы заклеймить ими итальянскаго писателя, который первый

Digitized by Google

такъ ярко изобразилъ политическую «практическую философію; но если мы вникнемъ въ послѣднія слова главы, посвященной разбору такого рода совѣтовъ, то увидимъ, что въ сущности, въ тайнѣ души своей, онъ соглашался съ Макіавелемъ: «Я сознаюсь, впрочемъ,—говоритъ онъ,—что встрѣчаются такія печальныя обстоятельства, когда монархъ поставленъ въ необходимость нарушить трактаты и союзы...» Правда, онъ быстро спохватился, и къ этимъ словамъ прибавляетъ: «но никогда не слѣдуетъ прибѣгать къ этимъ крайностямъ безъ того, чтобы къ этому не вынуждали спасеніе народовъ и большая необходимость»,—что и требовалось доказать. «Спасеніе же народовъ» и «большая необходимость», это такія эластичныя выраженія, что всегда ихъ можно приводить въ свое оправданіе. Изъ-за пустяковъ вѣдь и Макіавель не рекомендуетъ нарушать свое слово или трактаты. «Спасеніе народовъ» и «большая необходимость» хорошо были знакомы Фридриху, а отъ него по наслѣдству перешли и къ Бисмарку.

Эта «печальная необходимость», о которой говоритъ тутъ Фридрихъ, является въ продолженіе почти всего его разбора. Макіавель говоритъ о завоеваніяхъ, о присоединеніи чужихъ областей; Фридрихъ прекрасно возражаетъ, убѣждаетъ читателя, что завоеванія, насильственныя присоединенія гнусны, но въ концѣ концовъ является въ заключеніе «печальная необходимость» прибѣгать къ завоеваніямъ. Макіавель рекомендуетъ войну, говоритъ, что безъ нея нельзя обойтись; Фридрихъ и тутъ возстаетъ противъ него, говоритъ, что это бичъ, злодѣяніе, чуть не преступленіе, что пролитая кровь падетъ на главу того, кто начинаетъ войну, но въ результатѣ опять является «печальная необходимость», которая заставляетъ его говорить такимъ образомъ: «Печальная необходимость принуждаетъ монарховъ прибѣгать къ другому пути, несравненно болѣе жестокому (чѣмъ разумъ); бываютъ случаи, когда нужно оружіемъ защищать свободу народовъ, которыхъ угнетаютъ несправедливостью, когда насиліемъ нужно добиться того, въ чемъ подлость отказываетъ мягкости, когда монархи должны ввѣрить участь ихъ націи судьбѣ сраженій. Въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ, парадоксъ, что хорошая война даетъ и утверждаетъ добрый миръ,—становится истиною». Нельзя не замѣтить, что въ подобныхъ оговоркахъ Фридрихъ II-й всегда выбираетъ самыя растяжимыя слова; чего нельзя разумѣть подъ «свободою народовъ!» Злоупотреблять этими словами научились, какъ видно, прежде насъ. XIX-й вѣкъ не можетъ требовать себѣ привилегіи на это изобрѣтеніе. Что

Digitized by Google

особенно любопытно въ приведенныхъ нами словахъ, это поразительное ихъ сходство съ другими словами, сказанными сто лѣтъ спустя: «великіе вопросы рѣшаются не рѣчами и подачею голосовъ, а желѣзомъ и кровью!» Бисмаркъ только выразилъ мысль Фридриха въ болѣе рѣзкой и энергической формѣ.

Не останавливаясь долѣе на разборѣ Фридрихомъ произведенія Макіавеля и ограничиваясь въ настоящую минуту только тѣми образчиками, отрывками изъ кодекса его политической мудрости, которыя уже приведены, слѣдуетъ сказать, что чтеніе какъ этого разбора, такъ и другихъ произведеній Фридриха вселяетъ невольное убѣжденіе, что самъ Фридрихъ, какъ ни грызетъ онъ Макіавеля, былъ самъ глубоко проникнутъ его воззрѣніями. Когда видишь передъ собою то идеальное представленіе монарха, которое изображаетъ Фридрихъ, какъ противоядіе реальному представленію Макіавеля, тогда невольно останавливаешься на словахъ послѣдняго, относя ихъ къ первому: «Онъ долженъ особенно заботиться о томъ, чтобы ничего не говорить такого, что не дышало бы добротою, справедливостью, правдивостью и благочестіемъ; но особенно важно, чтобы всѣмъ казалось, что онъ обладаетъ послѣднимъ качествомъ, потому что люди вообще судятъ гораздо болѣе глазами чѣмъ какимъ-нибудь другимъ изъ своихъ чувствъ. Каждый человѣкъ можетъ видѣть, но весьма немногіе люди умѣютъ исправлять ошибки, которыя они дѣлаютъ глазами. Легко видѣть, какъ человѣкъ кажется, но трудно—какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, и небольшое число не смѣетъ противорѣчить толпѣ, которая на своей сторонѣ имѣетъ блескъ и силу правительства». Слѣдовательно, главное условіе успѣха это «казаться», потому что «чернь», какъ выражается Макіавель, судитъ все только по тому, какъ оно «кажется»; чернь же, по мнѣнію итальянскаго писателя, это всѣ, за весьма немногими исключеніями, которые видятъ не только то, что кажется, но также то, что есть въ дѣйствительности.

Если даже въ томъ, что говорилъ и писалъ Фридрихъ II, сквозитъ, хотя и тщательно скрываемое, единомысліе съ Макіавелемъ, за то въ его дѣйствіяхъ уже не сквозитъ, а блеститъ яркимъ свѣтомъ та политическая теорія, которую проповѣдывалъ знаменитый итальянскій писатель. Способъ управленія государствомъ внутри, его внѣшняя политика, полная лукавства, хитрости, порванныхъ трактатовъ, нарушенныхъ словъ, обращеніе съ присоединенными провинціями, наконецъ, его личное поведеніе, все доказываетъ истиннаго ученика того учителя, котораго онъ побиваетъ каменьями. Но какъ бы ни достойны были дѣйствія

Digitized by Google

ридриха съ точки зрѣнія принципа, какъ бы ни привлека-
ельна казалась его практическая, а не та идеальная государ-
твенная философія, которую онъ силился проповѣдывать,—все
ли по крайней мѣрѣ многое должно быть отпущено за то
стинное стремленіе служить благу своего народа, которое было
Фридриха.

И нужно сказать, какъ ни грустно это можетъ показаться,
—если бы Фридрихъ осуществлялъ на дѣлѣ ту идеальную по-
итическую философію, за представителя которой ему такъ хо-
ѣлось прослыть, то тогда, конечно, не достигъ бы той цѣли, къ
оторой онъ упорно стремился и которая вполнѣ достигнута
ыла только на нашихъ глазахъ, въ самые послѣдніе годы, но
остиженію которой онъ такъ много содѣйствовалъ. Цѣль эта
аключалась въ томъ, чтобы сдѣлать Пруссію первостепеннымъ
огущественнымъ государствомъ и предоставить ей навсегда
егемонію въ Германіи. То, къ чему стремился Фридрихъ II-ой,
о исполнено его послѣдователемъ и продолжателемъ княземъ
исмаркомъ.

Стремленія Фридриха Великаго были какъ нельзя болѣе ясны.
му ненавистно было старое устройство нѣмецкой имперіи, онъ
е могъ помириться съ тою второстепенною ролью, которую
грала въ ней Пруссія съ трехмилліоннымъ населеніемъ при
го вступленіи на престолъ, и онъ желалъ поэтому измѣнить какъ
го устройство, такъ и роль своего государства. Для этого ему
ужна была прежде всего хорошая армія, которою онъ могъ
ы импонировать нѣмецкой имперіи; затѣмъ, заручившись силою,
круглить свои владѣнія, потому что онъ понималъ, что до тѣхъ
оръ пока Пруссія останется маленькимъ государствомъ, ему
ельзя и думать объ измѣненіи существовавшаго порядка нѣ-
ецкой имперіи. Вотъ почему его первая забота была увеличить
вою армію, и это увеличеніе онъ доводитъ до того, что весьма
коро у него образуется армія въ 150,000 человѣкъ, что́ не
олько въ то время, но даже и въ наше представляетъ весьма
очтенную цифру. Съ такою арміею онъ могъ весьма быстро
овершить переворотъ въ Германіи. Фридрихъ былъ не изъ той
ороды людей, которые откладываютъ на завтра то, что они мо-
утъ сдѣлать сегодня. Почти съ первыхъ дней его вступленія
а престолъ начинаются заботы объ округленіи Пруссіи, кото-
ыя прекращаются для него только со смертью. Для Фридриха
уженъ былъ только поводъ, чтобы объявить войну, захватить
ъ свою власть какую-нибудь провинцію и уже потомъ не вы-
ускать ее болѣе изъ рукъ. Первый такой поводъ представился

Digitized by Google

въ самый годъ его вступленія на престолъ, когда скончался императоръ Карлъ VI и на престолъ вступила, въ силу прагматической санкціи, дочь его Марія-Терезія. Фридрихъ тотчасъ же объявилъ свои притязанія на Силезію, и прежде чѣмъ война была объявлена формальнымъ образомъ, войска Фридриха заняли уже эту богатую австрійскую провинцію. Не даромъ же Фридрихъ выставлялъ какъ правило политической мудрости, что важнѣе всего «поставить ногу» въ странѣ. Нужно, впрочемъ, сказать, что едва ли Фридрихъ имѣлъ бы возможность такъ быстро начать свою завоевательную политику, если бы отецъ его, суровый Фридрихъ-Вильгельмъ, не оставилъ ему богатой казны и отлично дисциплинированной 80-ти тысячной арміи. Другой король могъ бы и не воспользоваться такимъ выгоднымъ положеніемъ, но Фридрихъ не могъ упустить удобнаго случая. Въ «Исторіи моего времени» Фридрихъ самъ говоритъ: «главное—это воспользоваться удобнымъ случаемъ и рѣшиться на предпріятіе, когда оно представляется благопріятнымъ, но не насиловать этого случая, дѣйствуя на удачу. Есть минуты, которыя требуютъ, чтобы все было пущено въ ходъ, чтобы успѣть и пріобрѣсти выгоду, но есть другія минуты, когда осторожность требуетъ, чтобы оставаться въ бездѣйствіи». Каждое дѣйствіе Фридриха было строго обдумано и разсчитано, онъ во всемъ требовалъ только спокойнаго разсудка, преслѣдуя страсть. «Если не одинъ только разумъ, заставляетъ на что-нибудь рѣшаться, а примѣшивается также и страсть, тогда невозможно ожидать, чтобы счастливый успѣхъ былъ результатомъ подобнаго предпріятія. Политика, выражаетъ Фридрихъ политическое правило,—требуетъ терпѣнія, и высшее искусство ловкаго человѣка заключается въ томъ, чтобы каждую вещь дѣлать въ свое время и кстати». И Фридрихъ дѣйствительно каждую вещь дѣлалъ въ свое время и кстати, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, не обращая вниманія на какое-нибудь нарушеніе трактатовъ и договоровъ. «Потомство,—пишетъ онъ въ предисловіи къ «Исторіи моего времени»—увидитъ быть можетъ съ удивленіемъ въ этихъ мемуарахъ разсказъ о заключенныхъ и нарушенныхъ трактатахъ. Хотя такіе примѣры бываютъ сплошь и рядомъ, но это все-таки не оправдало бы автора этого произведенія, если бы у него не было болѣе сильныхъ доводовъ, чтобы оправдать его поведеніе. Интересъ государства,—прибавляетъ онъ, уже въ полномъ согласіи съ Макіавелемъ,—долженъ служить правиломъ монарховъ». Исходя изъ того начала, которое практиковалось и практикуется его прямымъ продолжателемъ, что цѣль оправдываетъ средства, Фрид-

Digitized by Google

рихъ II весьма убѣдительно доказываетъ такое положеніе практической философіи въ политикѣ: «Слово частнаго лица влечетъ за собою только несчастіе одного человѣка; слово же монарховъ (тутъ идетъ рѣчь о томъ, слѣдуетъ ли держать слово или нѣтъ) влечетъ за собою всеобщія бѣдствія цѣлыхъ народовъ. Такимъ образомъ все сводится къ такому вопросу: что́ лучше: чтобы погибъ народъ, или чтобы государь нарушилъ договоръ? Какой глупецъ станетъ колебаться въ разрѣшеніи этого вопроса?» Ничего другого не говорилъ и Макіавель, а между тѣмъ тотъ же Фридрихъ призывалъ на него за эти слова всяческія проклятія. Вооружившись такими политическими правилами, Фридрихъ очень быстро сталъ «округлять» свою Пруссію, которую онъ принялъ отъ своего отца, какъ жалуется онъ самъ, въ самомъ невыгодномъ положеніи. «Бѣдныя и отсталыя провинціи, говоритъ онъ про Пруссію,—еще со времени бѣдствій, испытанныхъ во время тридцатилѣтней войны, онѣ были не въ состояніи доставлять хорошіе доходы королю; однимъ источникомъ для него оставались его сбереженія: покойный король (отецъ Фридриха) ихъ дѣлалъ, и хотя средства не были очень велики, ихъ хватало на случай надобности, чтобы не упустить представлявшійся удобный случай... Что же было самое печальное,—говоритъ Фридрихъ, и его слова не разъ повторялъ кн. Бисмаркъ,—это то, что государство не имѣло правильной формы. Провинціи недостаточно широкія, и такъ сказать разбросанныя, тянулись отъ Курляндіи до Брабанта. Это перерѣзанное положеніе увеличивало число сосѣдей государства, не давая ему плотности, и дѣлало то, что оно имѣло гораздо болѣе враговъ, которыхъ оно должно было опасаться, чѣмъ имѣло бы ихъ, если бы было округлено».

Фридрихъ II, какъ ни нападалъ онъ на завоевательную политику, слѣдовалъ ей безостановочно, и эта завоевательная политика, благодаря генію Фридриха, благодаря его постояннымъ заботамъ о величіи своего народа, а не своего собственнаго, не привела къ тѣмъ необходимымъ результатамъ, которые онъ самъ предсказывалъ завоевателямъ. «Постоянный принципъ монарховъ,—говоритъ онъ,—это увеличивать свое государство насколько только позволяетъ имъ ихъ сила... государи никогда отъ него не отступаютъ: дѣло идетъ объ ихъ такъ-называемой славѣ, однимъ словомъ, нужно, чтобы они возвышались». Какъ далекъ теперь Фридрихъ, во время самаго разгара своихъ войнъ, имѣвшихъ цѣлію округленіе Пруссіи, отъ тѣхъ словъ, отъ той идеальной философіи, которую онъ проповѣдывалъ, говоря: «Я спрашиваю, что́ можетъ заставить человѣка стремиться увеличить свои вла-

Digitized by Google

дѣнія? и въ силу чего онъ можетъ составить планъ воздвигнут
свое могущество на несчастіи и разореніи другихъ людей?
какъ можетъ онъ воображать, что онъ прославится, дѣлая толь
несчастныхъ. Новыя завоеванія государя не дѣлаютъ его гос
дарства болѣе могущественнымъ и болѣе богатымъ, его народ
ничего не выигрываютъ и онъ заблуждается, думая, что он
станетъ болѣе счастливымъ». Такая теорія хороша для другихъ
но не для Фридриха. Фридрихъ II гораздо искреннѣе, когда, уж
при самомъ концѣ своей обильной событіями жизни, высказы
ваетъ мысль, что «истинное достоинство хорошаго государя за
ключается въ искренней привязанности къ общественному благу
въ любви къ своей родинѣ и къ славѣ: я говорю славѣ,—при
бавляетъ увѣнчанный ею Фридрихъ,—потому что счастливы
инстинктъ, вселяющій въ людей желаніе хорошей репутаціи,—эт
истинное основаніе героическихъ дѣйствій; это нервъ души, ко
торый пробуждаетъ ее изъ летаргіи, чтобы побудить ее къ пред
пріятіямъ полезнымъ, необходимымъ и достойнымъ похвалы».

Такимъ-то образомъ, Фридрихъ съ принципами политическо
философіи, весьма шаткими съ точки зрѣнія нравственности, н
съ большою любовію къ своей странѣ и страстнымъ желаніем
возвысить Пруссію, округливъ ея границы, совершилъ то, чт
маленькая Пруссія сдѣлалась однимъ изъ самыхъ могуществен
ныхъ государствъ того времени и разрушила рукою Фридриха
какъ и въ наше время рукою Бисмарка, существовавшее поли
тическое равновѣсіе. Начало того единства, которое предста
ляетъ теперь Германія, слѣдуетъ искать не въ движеніи, пред
шествовавшемъ и сопровождавшемъ войну за освобожденіе, а в
томъ величіи Пруссіи, которое создалъ Фридрихъ, не останавли
ваясь ни передъ какими средствами. Всѣ для него были хороши
чтобы достигнуть цѣли, и мы должны повторить еще разъ, чт
если эти средства не помрачаютъ славы Фридриха, то тольк
потому, что цѣль его заключалась не въ личномъ, не въ дина
стическомъ интересѣ, а въ дѣйствительной любви къ своей ро
динѣ и желаніи ей добра. Если исторія, признавая многія дѣй
ствія Фридриха достойными самаго рѣшительнаго порицанія, тѣм
не менѣе не только оправдала его, но высоко поставила ег
имя, то только потому, что она признала, что въ основѣ всѣх
этихъ дѣйствій лежала все-таки одна мысль—мысль о благ
своей страны. Нужно было грозой пронестись Наполеону, чтоб
ввергнуть могущество Пруссіи, созданное стараніями и геніем
Фридриха, въ пропасть, изъ которой послѣ длиннаго період
времени снова вытащилъ ее князь Бисмаркъ.

Digitized by Google

Рѣшаясь провести параллель между Фридрихомъ II-мъ и княземъ Бисмаркомъ, между практическою философіею одного и практическою философіею другого, между способомъ дѣйствія перваго и способомъ дѣйствія послѣдняго, мы должны обратить вниманіе и на то, что время, положеніе Европы, при которомъ дѣйствовалъ Фридрихъ, имѣетъ не одну общую черту съ временемъ и положеніемъ, среди котораго дѣйствуетъ Бисмаркъ.

«Никогда—говорилъ Фридрихъ — общественныя дѣла не заслуживали до такой степени вниманія Европы, какъ въ настоящее время. Послѣ окончанія большихъ войнъ, положеніе государствъ мѣняется и ихъ политическія стремленія мѣняются въ то же время: новые проекты вырабатываются, новые союзы заключаются и каждый въ частности принимаетъ тѣ мѣры, которыя считаетъ наиболѣе цѣлесообразными для выполненія своихъ честолюбивыхъ замысловъ». Въ другомъ мѣстѣ одного изъ своихъ сочиненій Фридрихъ повторяетъ свою жалобу на политическое состояніе Европы, и выражаетъ свою жалобу въ такихъ словахъ, которыя почти цѣликомъ можно отнести къ нашему времени. «Политическій организмъ Европы носитъ какой-то насильственный характеръ, онъ точно вышелъ изъ своего эквилибра и находится въ такомъ состояніи, которое, безъ большого риска, не можетъ продолжаться долго... Насиліе съ одной стороны, слабость съ другой; у одного желаніе все захватить, у другого невозможность тому воспрепятствовать; болѣе сильный диктуетъ законы, болѣе слабый обязанъ имъ подчиняться; наконецъ, все содѣйствуетъ тому, чтобы увеличить безпорядокъ и смятеніе, самый сильный, точно стремительный ручей все заливаетъ и уноситъ, подвергая несчастный политическій организмъ самымъ пагубнымъ переворотамъ». Какъ въ этихъ словахъ, обрисовывающихъ положеніе Европы въ XVIII-мъ столѣтіи, не узнать положенія Европы въ XIX-мъ! Тотъ же нарушенный эквилибръ, то же сосредоточеніе силы съ одной стороны, та же слабость съ другой, та же наконецъ опасность еще новаго переворота въ Европѣ, переворота, вызваннаго новымъ порядкомъ вещей. Для того, чтобы предугадывать будущее, или вѣрнѣе для того, чтобы принять извѣстныя предосторожности противъ ударовъ этого будущаго, необходимо глубоко проникнуть въ тѣ начала, которыя составляютъ краеугольный камень самаго сильнаго государства.

Разрушеніе эквилибра въ политическомъ организмѣ современной Европы произошло въ послѣднія десять лѣтъ, и оно какъ разъ совпадаетъ съ началомъ дѣятельности князя Бисмарка, какъ перваго министра Пруссіи. Весь этотъ смутный пе-

Digitized by Google

ріодъ европейской исторіи какъ нельзя лучше отражается въ рѣчахъ князя Бисмарка. Не было ни одного сколько-нибудь политическаго событія, не было ни одного сколько-нибудь серьёзнаго вопроса, чтобы князь Бисмаркъ не высказался по его поводу, чтобы онъ не произнесъ одной или двухъ рѣчей. Послѣднія десять лѣтъ точно въ зеркалѣ отражаются въ его своеобразныхъ рѣчахъ.

Но для того, чтобы войти въ положеніе князя Бисмарка, для того, чтобы понять его поведеніе при самомъ вступленіи его въ управленіе политикою Пруссіи, для этого необходимо припомнить хоть въ самыхъ общихъ чертахъ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ положеніе Европы, положеніе европейскихъ государствъ въ минуту его настоящаго серьёзнаго появленія на историческую сцену.

Положеніе Европы при появленіи Бисмарка менѣе всего могло бы быть названо спокойнымъ и прочнымъ. Двѣ войны, разразившіяся въ пятидесятыхъ годахъ, крымская и итальянская, произвели большой переполохъ въ политическомъ организмѣ Европы. Три самые могущественные сосѣда Пруссіи испытывали какой-то malaise, который былъ конечно какъ нельзя болѣе на руку монархіи Фридриха II-го. Россія, потрясенная весьма глубоко восточною войною, почувствовала, что для того, чтобы она могла крѣпко стать на ноги, ей необходимо измѣнить всю свою внутреннюю систему и на мѣсто стараго порядка воздвигнуть новый, который болѣе обезпечивалъ бы возможность широкаго развитія народныхъ силъ. Старыя балки оказались совсѣмъ плохими, всюду въ глаза бросалась неурядица, накопившаяся долгими годами; крымская кампанія, несмотря на мужество, съ которымъ русская армія боролась противъ непріятеля, была только зловѣщимъ предзнаменованіемъ громового крушенія, если только энергическія мѣры не будутъ приняты для предупрежденія его. Съ этой стороны, пожалуй, крымскую войну можно считать выгоднымъ урокомъ, потому что безъ нея, кто́ знаетъ, спохватились ли бы во́-время и удалось ли бы предотвратить болѣе тяжкія бѣдствія, чѣмъ не совсѣмъ удачный парижскій миръ. Россія послѣ него замкнулась, «ушла въ себя», и новое царствованіе спѣшило набрасывать одинъ проектъ реформы за другимъ, желая съ самаго основанія, т.-е. съ освобожденія крестьянъ, перестроить старое, потрясенное и мрачное зданіе. Къ несчастію, въ благородномъ порывѣ русскаго правительства и прежде чѣмъ зданіе было выведено, прежде чѣмъ всѣ его слабыя части были снесены, должна была послѣдовать остановка, вызванная въ значи-

Digitized by Google

тельной степени печальнымъ событіемъ польскаго возстанія. Хотя новая война противъ Россіи и была предотвращена съ одной стороны благодаря достойной всякой похвалы энергіи, выказанной нашимъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ, съ другой благодаря тому, что среди западныхъ государствъ существовала уже подозрительность и раздоръ, мѣшавшій имъ дѣйствовать сообща, тотъ раздоръ, который посѣянъ былъ самою крымскою войною и затѣмъ усилившійся только вслѣдствіе итальянской, тѣмъ не менѣе польское возстаніе послужило точно помѣхой въ той перестройкѣ, которой подвергалось русское царство. Недовольные реформами новаго царствованія поспѣшили воспользоваться польскимъ возстаніемъ, чтобы поселить предубѣжденіе и недовѣріе къ той части русскаго общества, которая наиболѣе пламенно и безкорыстно сочувствовала и желала по мѣрѣ силъ своихъ содѣйствовать благимъ предначертаніямъ правительства, съ такою силою обнаружившимся во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Расколъ среди русскаго общества, столь незамѣтный при началѣ, точно всякое противодѣйствіе старалось скрыться подъ землю, теперь поднялъ голову и разрушилъ то единство, съ которымъ Россія ринулась впередъ послѣ окончанія восточной войны. Такимъ образомъ, во внутренней жизни Россіи вмѣсто дружнаго натиска впередъ явилось теперь колебаніе. Съ одной стороны она двигалась впередъ по пути реформъ, съ другой поселившееся недовѣріе подрывало ихъ силу и заставляло иногда въ новую стѣну вставлять старые, оказавшіеся негодными, кирпичи. Этотъ расколъ среди русскаго общества не могъ подчасъ не имѣть ослабляющаго вліянія на правительство, парализуя до нѣкоторой степени его силы, заставляя его чаще озираться на избранномъ имъ первоначально пути. Пруссія, которая зорко приглядывается ко всему тому, что происходитъ въ жизни сосѣдей, и съ одной стороны полагая, что правительство, занятое внутренними хлопотами, не легко можетъ рѣшиться на внѣшнее вмѣшательство въ политическія дѣла Европы, съ другой твердо — не безъ основанія разсчитывая на тѣсныя родственныя узы — въ точности знакомая съ состояніемъ военныхъ силъ Россіи, хорошо чувствовала, что съ этой стороны ей опасаться нечего, что съ восточной границы считала свои руки вполнѣ развязанными.

Другой ея сосѣдъ находился гораздо въ худшемъ положеніи. Австрія, разбитая въ итальянской войнѣ, потерявъ Ломбардію, почуявъ опасность, съ одной стороны потерять свои послѣднія владѣнія въ Италіи, свою закованную въ цѣпи невольницу Венецію, съ другой быть исключенною изъ состава Германіи,

Digitized by Google

дѣлаетъ теперь отчаянныя попытки, чтобы сохранить за собою значеніе нѣмецкой державы, части старой нѣмецкой имперіи. Эти попытки только вредятъ ей, такъ какъ возбуждаютъ Венгрію, этотъ оплотъ Австріи, къ болѣе рѣшительной съ нею враждѣ. Австрія бросается во всѣ стороны, постоянно колеблется, не зная на что ей, бѣдной, рѣшиться. Потерпѣвъ пораженіе со стороны внѣшней политики, постоянно видя передъ собою двухъ враговъ: Италію, добивающуюся Венеціи, Пруссію, стремящуюся къ первенству, къ гегемоніи,—Австрія была не болѣе спокойна и въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Либерализмъ смѣнялъ собою реакцію и наоборотъ, въ то время, когда Венгрія и другія національности такъ и рвались воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ монархіи Габсбурговъ, чтобы выгадать себѣ автономію и поставить себя въ болѣе независимое положеніе по отношенію къ австрійскимъ нѣмцамъ. Австрія находилась теперь почти въ такомъ же критическомъ положеніи, какъ по смерти Карла VI-го, когда Фридрихъ поспѣшилъ нанести ей первый серьёзный ударъ. Третій сосѣдъ Пруссіи, Франція, несмотря на весьма блестящее, повидимому, внѣшнее положеніе, несмотря на счастливое окончаніе восточной и итальянской войнъ, несмотря на тѣ лавры, которыми покрыло себя императорское правительство, страдалъ все-таки одною болѣзнію, которая должна была парализовать его силу. Болѣзнь эта заключалась во внутренней неурядицѣ, которая выражалась въ томъ, что правительство, опасаясь за свое существованіе, не снимало съ страны осаднаго положенія. Нужно сказать, что и внѣшнее положеніе не было уже такъ красиво, какъ оно казалось на другой день послѣ Сольферино. Правительство, разсчитывая военною славою усыпить страстные порывы французовъ къ политической свободѣ, думая навсегда унять опасные для власти эти схватки и пароксизмы, неутомимо искало для Франціи новаго и новаго поля битвы, а слѣдовательно, думало оно, и славы. При Наполеонѣ I-мъ въ Египтѣ на французскую армію съ высоты пирамидъ смотрѣли сорокъ столѣтій, пускай же, думало правительство Наполеона III-го, старая слава Франціи зальетъ своимъ блескомъ новый свѣтъ, пускай будетъ сказано, что во всѣхъ частяхъ свѣта прогремѣло французское оружіе. Въ попыхахъ, не долго думая и соображая, рѣшенъ былъ походъ въ Мексику, скомпрометтировавшую прежнюю славу Франціи и покрывшую вторую имперію позоромъ. Вмѣсто того, чтобы усыпить французовъ, Мексика помогла пробудить ихъ, такъ какъ большинство понимало насколько сумасбродно, обременительно и дорого стоило это глупо-фантастичес-

Digitized by Google

е и вовсе не либеральное предпріятіе. Этотъ походъ въ Мек-
ку былъ первымъ серьёзнымъ неуспѣхомъ во внѣшней поли-
кѣ второй имперіи, если не считать до нѣкоторой степени
успѣхомъ быстрое заключеніе Виллафранкскаго мира, остано-
вшаго дѣло Италіи на полпути. Довершн тогда французское
авительство это дѣло отобраніемъ Венеціи, Пруссія семь лѣтъ
устя не нашла бы себѣ союзника въ Италіи, и быть можетъ
ропейскія событія получили бы вовсе иное направленіе. Вслѣдъ
Мексикой, внѣшняя политика Франціи скоро получила но-
й и довольно чувствительный щелчокъ по поводу польскаго во-
оса. Свѣтлая звѣзда второй имперіи видимо закатилась, точно
кая-то Немезида преслѣдовала ее со времени мексиканской
спедиціи,—что ни шагъ, то новый ударъ. Франція не знала бо-
е военныхъ успѣховъ. Во внутреннемъ управленіи дѣла шли
лучше того. Если при Фридрихѣ II-мъ Франція была въ ру-
хъ куртизанокъ, то теперь она находилась въ рукахъ всевоз-
жныхъ интригановъ, которые нисколько не совѣстились воро-
ть, грабить, набивать себѣ въ попыхахъ карманы, но вовсе не
мавшихъ о благѣ страны. Правительственная система не мо-
а остаться безъ вліянія на самое общество, на народъ; демо-
лизація наверху стала спускаться ниже, обхватывая все больше
больше пространство политическаго организма страны. Фран-
и перестала быть страшною. Пруссія не могла этого не ви-
ть, она, которая такъ неусыпно слѣдила за всѣмъ, что дѣла-
сь у ея сосѣдей.

Кто же оставался? Англія и Италія; но первая все болѣе
болѣе слѣдовала теоріи Кобдена и Брайта, проповѣдывавшихъ
орію невмѣшательства въ политическія дѣла континентальной
ропы, и дошла въ своемъ систематическомъ невмѣшательствѣ
къ далеко, что вовсе потеряла значеніе первостепенной дер-
авы, конечно, въ политическомъ отношеніи. Пруссія могла быть
ѣрена, что на какія бы предпріятія она ни рѣшилась, Англія
танется хладнокровною зрительницею. Кто сомнѣвался еще въ
омъ, тотъ могъ убѣдиться послѣ Датской войны, въ которой
а маленькая, но достойная всякаго уваженія страна была без-
лостно принесена въ жертву ненасытному аппетиту союзниковъ.
твѣтственность за эту несправедливую и неравную борьбу, въ
торой Данія, какимъ бы геройскимъ сопротивленіемъ она ни
ладала, могла быть только раздавлена, въ самой значительной
епени падаетъ на англійскій кабинетъ.

Что же касается до Италіи, то не она, конечно, могла слу-
ить помѣхой для осуществленія плановъ Пруссіи, для выпол-

Digitized by Google

ненія политическаго завѣщанія Фридриха II-го. Преслѣдуя тѣ же цѣли, добиваясь единства, съ тяжелымъ чувствомъ негодованія смотрѣла Италія на господство Австріи, надъ ея Венеціею, и конечно, она могла быть, въ случаѣ какого-нибудь переворота, только союзницею Пруссіи. Къ тому же она занята была теперь внутреннимъ устройствомъ своего новаго королевства; она переваривала Ломбардію и другія итальянскія земли, которыя Гарибальди бросилъ въ объятія Сардинскаго королевства.

Итакъ, всѣ были заняты, всѣ безпокоились, всѣ возились и устраивались, заваленные по-горло домашними хлопотами; всѣ, наконецъ, устали и требовали отдыха послѣ восточной и итальянской войнъ, въ которыхъ участвовала почти вся Европа. Одна только Пруссія, неподвижная пол-вѣка, одна она не нуждалась въ томъ, чтобы залечивать свои раны. Старыя раны, полученныя въ борьбѣ съ Наполеономъ, уже давно зажили, и она не безъ лукавства смотрѣла на своихъ измученныхъ сосѣдей. Она чувствовала себя бодрою и здоровою и отъ удовольствія потирала руки, повторяя себѣ слова Фридриха: «политика требуетъ терпѣнія». Пруссія была терпѣлива, высматривала, организовала свою армію и выжидала того человѣка, который долженъ былъ доказать справедливость словъ Фридриха, что «тотъ, который лучше разсчиталъ свое поведеніе, тотъ одинъ только можетъ взять верхъ надъ тѣми, которые дѣйствуютъ менѣе послѣдовательно, нежели онъ». Одно было неладно въ Пруссіи—это та борьба, которая происходила во внутренней жизни между парламентомъ и правительствомъ, борьба энергическая, которая должна была скоро окончиться торжествомъ власти надъ представителями народа.

Во время-то этой борьбы выступаетъ князь Бисмаркъ, стягиваетъ бразды правленія въ свои мощныя руки и скоро... затрещала земля, побагровѣло небо и послышались въ Европѣ грозные громовые раскаты.

III.

Такъ-какъ цѣль наша заключается въ томъ, чтобы показать политическую систему князя Бисмарка, чтобы опредѣлить главныя положенія практической философіи одного изъ типическихъ государственныхъ людей XIX-го вѣка, то намъ нѣтъ надобности останавливаться на біографическихъ подробностяхъ жизни князя Бисмарка, нѣтъ надобности тѣмъ болѣе, что о жизни его было говорено уже много разъ и недавно еще читатель имѣлъ случай прочесть подробную исторію Бисмарка въ нашемъ журналѣ.

Digitized by Google

вдаваясь слѣдовательно въ біографическія подробности, въ
кдотическую сторону жизни канцлера Германской имперіи,
должны все-таки передать читателю, по возможности при-
я всюду собственныя изреченія князя Бисмарка, то полити-
ское міросозерцаніе, тотъ небольшой запасъ политическихъ
авилъ и воззрѣній, съ которыми онъ явился на арену поли-
ческой жизни Европы уже какъ главное дѣйствующее лицо
рманіи.

Извѣстно, что первый шагъ Бисмарка въ политической жизни
носится къ 1847 году, когда онъ былъ избранъ дворянами
ей мѣстности, какъ представитель, въ созванные королемъ
идрихъ-Вильгельмомъ IV-мъ Etats-généraux. Въ этомъ собраніи
смаркъ заявилъ себя какъ смѣлый сторонникъ реакціи и на-
а божественнаго права королевской власти, утверждая, что
на за освобожденіе вовсе не дала права народу требовать
ѣ конституціи, и что нація исполнила только свой долгъ,
ставъ противъ чужеземнаго господства и затопивъ въ своей
ви позоръ, который наносила ей Франція. Безъ всякаго сму-
нія Бисмаркъ высказывалъ мысль, что если король созвалъ
раніе представителей, то на это была только его добрая воля,
ъ какъ король не имѣлъ никакихъ обязательствъ по отно-
нію къ своему народу, и что короли прусскіе получили свою
сть отъ Бога, и потому отвѣтственны только передъ Богомъ.
это время Бисмаркъ былъ весьма далекъ отъ тѣхъ идей,
орыя, какъ мы видѣли, проповѣдывалъ Фридрихъ. Король
дѣлялъ повидимому воззрѣнія Бисмарка, такъ какъ, лишь
ько ему не понравились разсужденія, которыя позволяли себѣ
дставители, онъ распустилъ Etats-généraux, не находя въ
ъ никакой нужды. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, впрочемъ,
го марта 1848 года, появился указъ короля, которымъ снова
ывались Etats-généraux, но на этотъ разъ созваніе основы-
ось не на доброй волѣ короля, а на требованіи народа, от-
кнувшагося на парижскую февральскую революцію. Бисмаркъ
былъ въ средѣ представителей, иначе, разумѣется, отъ этой
хи сохранились бы точно также нѣкоторыя его изреченія.
трибуна ненадолго была лишена одного изъ самыхъ су-
ыхъ представителей феодальной партіи. Собраніе было рас-
дено въ декабрѣ 1848 года, и король, не довѣряя предста-
ельному началу, самъ начерталъ конституцію и на основаніи
созвалъ въ февралѣ 1849 года прусскій парламентъ. Бис-
къ избранъ былъ депутатомъ. Революція еще болѣе озлобила
и онъ съ желчью говорилъ, что «единственное средство по-

Digitized by Google

кончить съ революціей — это сжечь всѣ города, составляю революціонное ядро». Въ прусской палатѣ онъ возставалъ п тивъ длинныхъ рѣчей, безконечныхъ разсужденій, онъ жел уже тогда, чтобы все дѣлалось по военному, безъ умствова безъ лишнихъ словъ. Подъ послѣдними же онъ разумѣлъ то, что говорилось по поводу народныхъ правъ, нужд т. под. «Ни однимъ выраженіемъ—говорилъ онъ не безъ бо шой доли правды—такъ не злоупотребляли въ послѣднее вре какъ словомъ: народъ; каждый даетъ ему тотъ смыслъ, кото болѣе подходитъ для него; его употребляютъ, обыкновенно, зумѣя небольшое число лицъ, которыхъ ораторъ надѣется за вить раздѣлить его собственныя мнѣнія». Бисмаркъ требов строгаго преслѣдованія демократической партіи и съ негод ніемъ говорилъ объ амнистіи участникамъ мартовской револю «18-го марта 1848 года прусскій король помиловалъ мятеж ковъ: такой поступокъ не слѣдуетъ повторять, такъ какъ он распространится среди народа ложная идея, что источник всякаго политическаго права служитъ воля націи. . Борьба пр циповъ—съ полною откровенностью высказывалъ Бисмаркъ,— торая потрясаетъ Европу въ самыхъ ея основаніяхъ, не до каетъ примиренія: эти принципы покоятся на противоположн и несовмѣстимыхъ основаніяхъ. Для одного, повидимому, пр вытекаетъ изъ воли народа, но въ дѣйствительности основыва на побѣдахъ силы и торжествѣ баррикадъ; другой призна что власть установлена Богомъ и существуетъ волею Бога связываетъ ея развитіе съ органическими измѣненіями к ституціоннаго права. Съ точки зрѣнія одного изъ этихъ пр циповъ, мятежники всякаго рода представляются поборник правды, свободы, справедливости; съ точки зрѣнія другого— только мятежники. Парламентскія разсужденія не приведутъ къ чему въ этой борьбѣ принциповъ: рано или поздно, но нуж чтобы Богъ сраженій желѣзомъ разрѣшилъ этотъ вопросъ». кимъ образомъ, уже въ 1849-мъ году высказывается впер политическое правило, которое впослѣдствіи сдѣлалось одн изъ основныхъ положеній практической философіи Бисмарк пріобрѣло такую громадную извѣстность. Это правило вы жается двумя словами: огонь и желѣзо!

Тѣ федеративные планы, которые сочинялись во франкф скомъ парламентѣ, выводили Бисмарка изъ себя, потому ч еслибы они осуществились, то Пруссія, хотя и увѣнчанная ператорскою короною, должна была бы утонуть въ единой Г маніи. Большей безсмыслицы въ то время не существовало

Digitized by Google

Бисмарка, желавшаго видѣть Пруссію сильною, могущественною военною державою подъ властью абсолютнаго монарха. Бисмаркъ, отличавшійся всегда въ вопросахъ внутренней политики большою откровенностью, весьма наглядно выражалъ свою мысль, говоря: «Въ этой палатѣ очень часто толкуютъ о политикѣ Фридриха Великаго, и ее сравниваютъ съ попыткою федеративнаго соглашенія. Я думаю, что Фридрихъ II-й, главнымъ образомъ, принялъ бы во вниманіе господствующія качества прусской націи, военный духъ ее отличающій, и онъ бы не имѣлъ причины раскаяваться въ томъ». Бисмаркъ полагаетъ, или, вѣрнѣе полагалъ, что Фридрихъ II-й послѣ того, что онъ разорвалъ бы связь съ франкфуртскимъ парламентомъ, или соединился бы съ Австріей, чтобы отсѣчь главу общему врагу — революціи, или, еслибы остался одинъ, то «принудилъ бы Германію принять такое устройство, которое было бы въ гармоніи съ его воззрѣніями, подъ угрозой бросить на вѣсы всю тяжесть своей шпаги. Это была бы истинно національная и прусская политика. Она дала бы Пруссіи, отдѣльно ли или въ соглашеніи съ Австріей, необходимое положеніе, чтобы доставить Германіи могущество, которое она должна имѣть, и вліяніе, которое должно быть обезпечено ей въ Европѣ. Проектъ федеральнаго союза уничтожаетъ, напротивъ, то, что зовется собственно пруссіанизмомъ».

И тутъ Бисмаркъ не забываетъ своего любимаго аргумента — желѣза, и тутъ говоритъ онъ о шпагѣ, которую Фридрихъ бросилъ бы на вѣсы Пруссіи; въ это время, какъ и долго потомъ, было одно только на умѣ у Бисмарка, и ни о чемъ другомъ кромѣ Пруссіи онъ не хотѣлъ ни думать, ни говорить. То, что онъ желалъ чтобы было, то онъ считалъ существующимъ, и никакая сила въ мірѣ не могла бы его разубѣдить въ томъ, что онъ забралъ себѣ разъ что-нибудь въ голову. Онъ былъ убѣжденъ, что если что-нибудь спасло его страну и избавило отъ торжества революціи, то это истинный, какъ онъ выражается, пруссіанизмъ. Истинный же пруссіанизмъ, это «прусская армія, прусская казна, плоды администраціи, издавна разумно направляемой, взаимная симпатія правительства и націи; привязанность народа къ царствующей династіи; старыя прусскія добродѣтели, честь, вѣрность, повиновеніе, храбрость, которыя воодушевляютъ цѣлую армію, начиная отъ офицеровъ и кончая самыми молодыми рекрутами. Армія не знаетъ трехцвѣтныхъ вдохновеній; она не испытываетъ болѣе, чѣмъ и весь народъ, потребности возрожденія. Она довольствуется именемъ прусской арміи. Эти

Digitized by Google

войска слѣдуютъ за знаменемъ чернымъ и бѣлымъ, а вовсе не трехцвѣтнымъ; подъ знаменемъ чернымъ и бѣлымъ они умираютъ съ радостью за отечество; они научились видѣть въ трехцвѣтномъ знамени знамя ихъ враговъ... Народъ, изъ котораго вышла эта армія, вѣрное изображеніе котораго она собой представляетъ, нисколько не желаетъ, чтобы старая прусская монархія исчезла въ нечистомъ нѣмецкомъ броженіи южной необузданности. Мы пруссаки и желаемъ оставаться пруссаками; я знаю, что этими словами я выражаю мнѣніе прусской арміи и наибольшаго числа моихъ соотечественниковъ, и съ Божіею помощью я надѣюсь, что мы еще останемся пруссаками долго, послѣ того, что этотъ клочокъ бумаги (федеральная конституція Германіи) канетъ въ вѣчность и исчезнетъ, какъ исчезаетъ мертвый листъ».

Слова эти нужно помнить не потому, чтобы они заключали въ себѣ что-нибудь необыкновенное, чтобы они отличались особенно глубокою мыслію, вовсе нѣтъ; подобныя разсужденія вписаны въ катехизисъ феодальной партіи, которая можетъ развѣ похвалиться ограниченностью своихъ политическихъ воззрѣній, но слова эти важны потому, что они хорошо обрисовываютъ настроеніе того времени кн. Бисмарка, а также и потому, что тѣ же самыя ноты мы слышимъ и гораздо позже, когда кн. Бисмаркъ сдѣлался министромъ-президентомъ: Какъ ни измѣнился кн. Бисмаркъ подъ вліяніемъ событій, появленію которыхъ онъ такъ много способствовалъ, но тѣмъ не менѣе эти первыя идеи его вовсе не изгладились и не разъ мы видимъ, какъ онѣ вырываются наружу въ его рѣчахъ. Тѣ же самыя чувства, тотъ же тонъ, почти тѣ же слова, которыя онъ произносилъ въ палатѣ представителей, Бисмаркъ громко заявилъ и въ томъ жалкомъ мертворожденномъ эрфуртскомъ парламентѣ, созванномъ королемъ прусскимъ для составленія новой союзной конституціи. Бисмаркъ былъ противъ такого союза, который имѣлъ своею цѣлію служить противовѣсомъ Австріи. «Я не могу понять, какимъ образомъ можно оспаривать у Австріи право именоваться германской державой. Не прямая ли она наслѣдница Германской Имперіи, и развѣ много разъ не прославила она меча Германіи». Онъ не понималъ еще въ это время Пруссіи безъ Австріи, и прусскій духъ, старый прусскій духъ, столь близкій сердцу Бисмарка, возмущался при мысли о той единой Германіи, о которой мечтали тогда нѣмецкіе демократы. «Горечь моего чувства—говорилъ онъ въ эрфуртскомъ парламентѣ—усилилась при открытіи настоящей сессіи, когда глаза мои остановились на украшеніяхъ этой залы, гдѣ посмѣли вывѣсить трехцвѣтное

Digitized by Google

мя, которое никогда не было знаменемъ нѣмецкой имперіи, которое давно уже считается знаменемъ революціи и бар-адъ, цвѣтами, которыя носятъ только демократы и солдаты: и потому, что они служатъ эмблемой ихъ мнѣній, другіе изъ орности, которая ихъ печалитъ. Если вы не желаете сдѣлать упокъ прусскому духу, старому прусскому духу, называйте прусскимъ шовинизмомъ, если вамъ это сколько-нибудь нра-ся, если вы не окажете ему болѣе почтенія, чѣмъ оказано этой конституціи. Я не думаю, чтобы она когда-нибудь по-ила практическое осуществленіе; и если вы только попро-те заставить принять ее этотъ старый прусскій духъ, вы да встрѣтите въ немъ благороднаго коня, съ радостью нося-о на себѣ своего господина, своего постояннаго сѣдока, но орый сброситъ на землю нежданнаго наѣздника съ его крас-, черною и золотою бронею». Судьба эрфуртскаго парла-та извѣстна. За попытку эманципироваться изъ-подъ крѣ-тной зависимости Австріи, Пруссія заплатила стыдомъ Оль-да. Монархія Фридриха II-го преклонила колѣно передъ мо-хіей Маріи-Терезіи. Какое горькое чувство долженъ испы-ать теперь Бисмаркъ при одномъ воспоминаніи, что въ то мя онъ торжествовалъ этотъ стыдъ. Правда, это горькое ство могло помереть въ вендеттѣ, устроенной имъ самимъ. въ первенствѣ въ нѣмецкихъ дѣлахъ полагалъ въ то время маркъ честь Пруссіи, нѣтъ; онъ полагалъ ее въ то время въ ьбѣ съ «постыдною демократическою партіею».

Тотъ же самый «старый прусскій духъ», который заставилъ Бис-ка держаться за устарѣвшее устройство Германіи, при которомъ, выраженію Штрауса, Пруссія шла на буксирѣ за Австріей, едѣлялъ его воззрѣнія на королевскую власть и на роль дво-ства въ странѣ. Про первую онъ говорилъ: «Прусская ко-евская власть не должна допускать, чтобы ее превратили въ ую же безсильную форму, какъ англійская королевская власть, орая коронуетъ зданіе какъ изящный куполъ, наша же—это ъ центральный столбъ, который поддерживаетъ тяжесть всего нія». Это воззрѣніе на королевскую власть сохранилъ Бис-къ и въ то время, когда онъ явился въ прусскія палаты ъ министръ-президентъ, и въ одной изъ первыхъ своихъ рѣ-обращенной къ палатѣ депутатовъ, произнесъ: «Королев-я власть въ Пруссіи еще не выполнила всей своей миссіи; еще не дошла до того, чтобы служить только простымъ ашеніемъ вашего конституціоннаго зданія, или еще не сдѣ-

Digitized by Google

лалась безполезнымъ колесомъ въ механизмѣ парламентск
устройства».

Что касается до его воззрѣній на прусскую дворянс
касту, то онѣ достаточно ярко обрисовываются въ его горд
сознаніи, что онъ принадлежитъ «къ этой партіи среднихъ
ковъ и мрака, какъ ее называютъ», и что онъ «всосалъ
предразсудки съ молокомъ матери». Бисмаркъ ставилъ ей
великую заслугу, что она «подавила—какъ онъ выражался—а
хію, и спасла Пруссію отъ самой постыдной изъ тиранній—
ранніи народныхъ классовъ. Во время недавнихъ волненій,—
бавлялъ онъ,—она не отдыхала на розахъ». Ничего такъ
боялся Бисмаркъ какъ идеи французскаго равенства, про к
рую онъ говорилъ, что это «химерическая дочь зависти и
ности, фантомъ, который народъ, богато одаренный приро
преслѣдуетъ въ продолженіе шестидесяти лѣтъ среди крови и
зумія и котораго все-таки никакъ не можетъ настичь».
предостерегаетъ Пруссію, что она не должна вмѣшиваться
эту охоту, подъ тѣмъ предлогомъ, что она популярна».

Вотъ и всѣ тѣ идеи, которыми заявилъ себя кн. Бисма
въ періодъ своей депутатской дѣятельности, вотъ и всѣ тѣ
вила политической мудрости, которыя онъ успѣлъ высказат
это время съ трибуны. Хотя и не великъ этотъ запасъ, но
вполнѣ достаточенъ, чтобы составить себѣ ясное представл
о политическомъ міросозерцаніи Бисмарка въ до-министерскій
періодъ дѣятельности. Міросозерцаніе это было весьма пр
сильная абсолютная королевская власть, опирающаяся на вѣр
дворянство, презрѣніе ко всему тому, что̀ зовется народн
правами, ненависть къ демократіи, борьба до послѣдней к
крови со всѣми политическими идеями, занесенными фран
скою революціею въ Германію и нашедшими здѣсь, благо
высокой умственной культурѣ страны, достаточно удобрен
почву. Вотъ, для внутренней политики! Что касается до внѣш
— безконечное уваженіе къ традиціямъ нѣмецкой имперіи,
клоненіе Австріи и желаніе, чтобы Пруссія вмѣстѣ съ
старою соперницею монархіи Фридриха II управляла дѣ
Германіи! Другихъ задачъ въ это время не зналъ еще Бисма
Зная это прошедшее, кто могъ бы предсказать, чтобы этотъ
ловѣкъ, съ подобными идеями и подобными правилами пол
ческой мудрости, могъ когда-нибудь играть ту роль, кот
должна была дать ему такое высокое мѣсто въ исторіи
маніи; кто могъ бы подумать, что ему предстоитъ слава, ид
стопамъ Фридриха II, «расправить крылья прусскаго орла

Digitized by Google

дать ему возможность еще разъ «своимъ полетомъ поразить удивленіемъ весь свѣтъ». На этотъ разъ, продолжая эффектное сравненіе Штрауса, орелъ французской имперіи не заключилъ прусскаго орла въ клѣтку, и надо думать, что со смертью знаменитаго канцлера орелъ этотъ не упадетъ съ опущенными крыльями на землю, какъ упалъ онъ послѣ смерти Фридриха II. Работая «своими когтями и клювомъ», орелъ этотъ навсегда вырвался изъ чужеземной неволи.

Идеи и правила Бисмарка, высказанныя имъ въ собраніяхъ представителей, нашли отголосокъ въ сердцѣ короля Фридриха-Вильгельма IV, который въ 1851-мъ г. назначилъ его, какъ читателю уже извѣстно изъ исторіи Бисмарка, сначала старшимъ секретаремъ посольства, а потомъ и посланникомъ при франкфуртскомъ сеймѣ. Мы не имѣемъ за это время его рѣчей, мы не имѣемъ оффиціальныхъ документовъ, по которымъ можно было бы судить о тѣхъ новыхъ идеяхъ, которыя явились у него вслѣдствіе болѣе близкаго знакомства съ положеніемъ Германскаго Союза и той роли, которую среди его играла его дорогая Пруссія; но мы знаемъ изъ біографій, и изъ тѣхъ писемъ Бисмарка, которыя приводятся въ нихъ, что перемѣна, и перемѣна весьма рѣзкая произошла въ его умѣ, перемѣна, казавшаяся не его идеей относительно внутренней политики, но только идеей объ отношеніи Пруссіи къ Австріи и обѣихъ названныхъ державъ къ Германскому Союзу. «Франкфуртскій Сеймъ—говоритъ знаменитый философъ Штраусъ,—былъ тѣмъ мѣстомъ, съ котораго Бисмаркъ лучше всего могъ проникнуть въ глубину бѣдствій Германіи».

Болѣе одиннадцати лѣтъ проходитъ съ тѣхъ поръ, что Бисмаркъ высказывалъ свои реакціонныя идеи съ парламентской трибуны. Это время посвящено, какъ извѣстно, его дипломатической дѣятельности въ Франкфуртѣ, Петербургѣ, Парижѣ. Послѣ такого длиннаго перерыва онъ снова появляется въ прусскихъ палатахъ, но уже не въ качествѣ депутата, а какъ министръ-президентъ прусскаго кабинета. Съ этой минуты и въ продолженіи десяти лѣтъ, и какихъ десяти лѣтъ! онъ уже не сходитъ съ парламентской сцены. Эти десять лѣтъ, съ 1862 по 1872-й г., составляющія великую эпоху въ исторіи Германіи и до основанія потрясшія Европу, рельефно выходятъ наружу въ ораторской дѣятельности князя Бисмарка, въ его многочисленныхъ рѣчахъ, четырехтомное собраніе которыхъ лежитъ передъ нами. Въ этихъ четырехъ томахъ сжато и рѣзко выражена вся практическая политическая философія XIX-го вѣка. Выраженная од-

Digitized by Google

нимъ изъ самыхъ типическихъ ея представителей, она имѣетъ право требовать, чтобы къ ней относились со вниманіемъ и съ подобающимъ такой силѣ уваженіемъ. Въ политической дѣятельности князя Бисмарка, въ послѣдній десятилѣтній періодъ, весьма нетрудно различить два періода, рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга. Первый періодъ это тотъ, когда Бисмаркъ идетъ «противъ теченія», когда онъ встрѣчаетъ себѣ сильный отпоръ какъ въ палатѣ представителей, такъ и среди огромнаго большинства нѣмецкаго общества. Это періодъ борьбы по преимуществу, и тутъ его практическая философія сказывается въ необыкновенно рѣзкихъ формахъ, жесткихъ изреченіяхъ, и чѣмъ упорнѣе борьба, тѣмъ онъ становится круче и надменнѣе. Къ этому періоду относятся по преимуществу всѣ его столь извѣстныя опредѣленія политической мудрости; среди борьбы онъ бросаетъ въ своихъ противниковъ «огнемъ и желѣзомъ», «желѣзомъ и кровью»; среди возбужденнаго имъ самимъ негодованія его противниковъ онъ обливаетъ ихъ, точно ушатомъ ледяной воды, словами: я не признаю ваши права, сила—вотъ право! Часто онъ не владѣетъ собою, и мысль его выливается болѣе рѣзко, чѣмъ онъ самъ того желаетъ, часто она получаетъ такую циническую откровенность, отъ которой онъ самъ потомъ открещивается. Такъ было съ одною изъ первыхъ его рѣчей, въ которой онъ вызывалъ на бой палату депутатовъ. «Вы хотите со мной бороться,—поборемся; но помните, что тотъ, который въ своихъ рукахъ имѣетъ власть, силу, тому не для чего отступать». Когда вся рѣчь его была резюмирована однимъ изъ либеральныхъ членовъ палаты и бывшимъ министромъ графомъ Швериномъ въ двухъ словахъ: «сила подавляетъ право»! князь Бисмаркъ съ энергіею возсталъ противъ такого политическаго правила, выраженнаго такъ категорично; и хотя это изреченіе какъ нельзя болѣе вѣрно передавало его мысль, онъ все-таки долго не могъ забыть его, и въ собраніи его рѣчей мы находимъ, что въ различное время, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ пять разъ протестовалъ противъ подобнаго опредѣленія его политической системы. Князь Бисмаркъ въ разгарѣ борьбы бываетъ часто болѣе откровененъ, чѣмъ онъ желалъ бы, и ему не всегда удается удерживать въ границахъ сдержанности свою мысль. Такіе прорывы чаще всего случались съ нимъ именно въ первый періодъ, когда онъ долженъ былъ вести такую же ожесточенную борьбу внутри страны, какую во второмъ періодѣ онъ велъ противъ стѣснявшихъ его замыслы сосѣдей. Бисмаркъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ борьба, энергическое сопротивленіе, быть можетъ и уто-

Digitized by Google

нія, раздражаютъ все болѣе и болѣе. Онъ ничего не боится, ничего не пугается; тѣмъ сильнѣе противникъ, тѣмъ смѣлѣе онъ на него наступаетъ. Онъ не пойдетъ на компромиссы, онъ не станетъ сгибаться передъ тѣми, которые хотятъ нанести ему ударъ, онъ не походитъ на тѣхъ мелкихъ государственныхъ людей, въ родѣ Тьера, которые, чѣмъ противникъ сильнѣе, тѣмъ они становятся мягче. Во время борьбы отъ Бисмарка нечего ждать уступокъ; чѣмъ дальше длится борьба, тѣмъ онъ становится все рѣзче, все болѣе вызывающимъ. Уступки онъ готовъ сдѣлать только тогда, когда онъ достигнетъ предположенной цѣли, когда онъ заставитъ согнуться передъ собою враговъ.

Вотъ отчего въ первомъ періодѣ своей политической дѣятельности, когда онъ плыветъ противъ теченія, Бисмаркъ представляется необыкновенно рѣзкимъ, высокомѣрнымъ и на всей его политической философіи замѣтна пѣна разбѣшеннаго человѣка. Когда же онъ сломилъ внутреннюю оппозицію, когда Пруссія увидѣла въ немъ своего пророка, своего Магомета, когда она преклонилась передъ его силою, Бисмаркъ становился несравненно мягче, уступчивѣе, его рѣчи теряютъ тотъ рѣзкій и необыкновенно жестій характеръ, которымъ отличаются рѣчи его перваго періода. Сущность его политическихъ воззрѣній, его философіи мѣняется мало, но отливаясь, при отсутствіи борьбы, въ несравненно болѣе спокойныя формы, кажется на первый взглядъ что измѣнилась и самая сущность. Это особенно замѣтно по отношенію Бисмарка къ представительному правленію. Читая его рѣчи перваго періода, вы на каждомъ шагу чувствуете, что онъ ни въ грошъ не ставитъ конституцію, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на палату депутатовъ, къ которой онъ не относится никогда иначе, какъ съ глубокимъ презрѣніемъ, что онъ охотно готовъ уничтожить ее, если она выведетъ его изъ терпѣнія, что онъ знать не хочетъ свободы трибуны и смѣется надъ всѣми либеральными притязаніями. Во второмъ—можно подумать, что взглядъ его на представительное правленіе мѣняется, онъ уже не относится къ палатѣ депутатовъ съ презрѣніемъ, напротивъ, онъ постоянно выказываетъ передъ ней свое почтеніе, въ отношеніи его къ ней, въ выраженіяхъ, которыя онъ употребляетъ, преобладаетъ тонъ по крайней мѣрѣ внѣшняго уваженія. Такъ какъ періодъ борьбы уже окончился, я говорю о внутренней борьбѣ, то ноты раздраженія слышатся уже гораздо рѣже, и Бисмаркъ охотно соглашается на уступки, на которыя прежде онъ никогда бы не пошелъ. Свобода трибуны его уже болѣе не пугаетъ, она не страшна для него, сохраненіе всего

Digitized by Google

конституціоннаго ритма ему уже не въ тягость, потому что онъ не опасается, что она въ чемъ-нибудь можетъ стѣснить его. Чѣмъ должна быть объяснена перемѣна въ тонѣ, смягченіе, уступчивость Бисмарка во второмъ періодѣ? Тѣмъ ли, что его воззрѣніе на конституціонную жизнь, его практическая философія нѣсколько измѣнилась подъ давленіемъ событій, и онъ въ дѣйствительности отступился отъ нѣкоторыхъ узко-феодальныхъ началъ политической системы, или только тѣмъ, что послѣ побѣды надъ внутреннею оппозиціею онъ уже понималъ, что весь конституціонный порядокъ будетъ довольно послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ, и что онъ будетъ гнуться въ ту или другую сторону смотря по его собственному желанію? Мнѣ кажется, что при опредѣленіи этой перемѣны должно быть допущено какъ одно, такъ и другое объясненіе. Сущность его практической философіи, его понятій о королевской власти, о представительномъ правленіи, различныхъ внутреннихъ вопросахъ, касающихся правъ отдѣльной личности и цѣлаго народа, осталась та же, но только его воззрѣнія потеряли свою рѣзкость, свою угловатость, свой абсолютизмъ. Онъ не бросилъ своихъ политическихъ правилъ, но подъ вліяніемъ времени, быстраго хода событій, они видоизмѣнились. Бисмаркъ вовсе не гордится тѣмъ, что онъ упорно держится однихъ и тѣхъ же убѣжденій, онъ охотно сознается, что онъ мѣняетъ свои убѣжденія и не разъ громко заявлялъ объ этомъ въ палатѣ. Онъ не принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые изъ упрямства не хотятъ сойти съ мѣста, хотя бы они и убѣдились, что мѣсто это не заключаетъ въ себѣ ничего привлекательнаго. «Мало-ли что я могъ говорить нѣсколько лѣтъ назадъ»!—нѣсколько разъ восклицалъ Бисмаркъ въ палатѣ депутатовъ. Замѣтимъ вообще мимоходомъ, что въ практической философіи XIX-го вѣка, какъ она представляется Бисмаркомъ, слова, высказанныя убѣжденія имѣютъ весьма мало значенія и дѣйствительно нисколько не стѣсняютъ и не связываютъ рукъ на будущее время. Макіавель еще три вѣка назадъ, излагая свою практическую философію, говорилъ, что въ политикѣ только дураки стѣсняются своимъ словомъ.

Рядомъ, однако, съ этимъ дѣйствительнымъ видоизмѣненіемъ понятій Бисмарка во второмъ періодѣ его дѣятельности, многія отклоненія отъ первоначально выраженныхъ имъ правилъ должно быть объяснены просто его уступчивостью, снисходительностью и великодушіемъ побѣдителя. Пока дѣло касается пустяковъ, онъ мягокъ, охотно отступается отъ своего повелительнаго тона, но лишь только подымается вопросъ серьезный и въ какой-

Digitized by Google

нибудь части палаты онъ замѣчаетъ упорство, непослушаніе, тотчасъ же изъ-за мягкаго Бисмарка выходитъ опять Бисмаркъ рѣзкій, надменный, однимъ словомъ, Бисмаркъ перваго періода. Грань между двумя періодами обозначается очень легко. Грань эта — 1866-й годъ, Садова.

Если между двумя періодами дѣятельности князя Бисмарка существуетъ рѣзкое различіе въ отношеніи обращенія его съ представителями страны, если есть нѣкоторое различіе и въ самыхъ правилахъ его политической мудрости, то какъ въ томъ, такъ и въ другомъ періодѣ остается одно неизмѣннымъ, это—ораторская манера нѣмецкаго канцлера. Эта манера какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ содержанію той практической философіи, которая открывается въ рѣчахъ князя Бисмарка; эта манера какъ нельзя болѣе дорисовываетъ обзоръ самаго замѣчательнаго государственнаго человѣка современной Европы. Вотъ почему мы и должны остановиться на князѣ Бисмаркѣ, какъ ораторѣ.

Бисмаркъ произнесъ безсчетное количество рѣчей; онъ говоритъ легко, выражаетъ свою мысль ясно, опредѣленно, слово его не лишено силы, скорѣе напротивъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ ораторъ весьма плохой, въ томъ смыслѣ, въ какомъ слѣдуетъ понимать это слово — ораторъ. Ораторъ предполагаетъ собою человѣка, обладающаго даромъ краснорѣчія, что не слѣдуетъ смѣшивать съ краснобайствомъ, это съ одной стороны, и съ другой — запасомъ общечеловѣческихъ идей. Ни того, ни другого нѣтъ у Бисмарка. Читая четыре тома его рѣчей, вы никогда не почувствуете себя увлеченнымъ ни формой ихъ, ни содержаніемъ. Существенныя черты внѣшней формы его рѣчей заключаются въ большой сжатости, лаконичности, опредѣленности; онъ употребляетъ всегда то именно слово, то выраженіе, которое нужно, чтобы вѣрно выразить свою мысль. При этомъ, разумѣется, у него ни тѣни напыщенности, фразерства; напротивъ, его рѣчь проста, такъ проста, какъ только возможно себѣ представить. Онъ любитъ сильныя опредѣленія, въ видѣ «огня и желѣза», «сила подавляетъ право», «право держится штыкомъ» и т. п., и довольно часто прибѣгаетъ къ нимъ. Вслѣдствіе этихъ сильныхъ выраженій, которыя окрашиваютъ всю рѣчь, придавая ей энергичность, въ рѣчахъ его слышатся шпоры, которыя онъ старается точно вонзить въ своихъ противниковъ. Та же сила преобладаетъ у него во всѣхъ возраженіяхъ, онъ не ищетъ словъ и отвѣтъ его большею частью живъ и находчивъ. Большая находчивость — это одно изъ отличительныхъ свойствъ ораторскаго искусства Бисмарка. Намъ придется, конечно, еще много разъ встрѣтиться

Digitized by Google

въ рѣчахъ нѣмецкаго канцлера съ примѣрами его энергическихъ выраженій, находчивыхъ возраженій, остроумныхъ отвѣтовъ; но и теперь уже мы можемъ привести здѣсь нѣсколько образцовъ внѣшней манеры рѣчей князя Бисмарка, которая является такою подходящею оболочкою для ихъ внутренняго содержанія. Какъ на одинъ изъ примѣровъ парламентской энергіи и находчивости, можно указать на то объясненіе, которое произошло между Бисмаркомъ и Вирховымъ по поводу доклада послѣдняго по вопросу о герцогствахъ. Это было еще въ то, теперь кажется далекое время, когда борьба между министромъ и прогрессивною партіею находилась въ острóмъ періодѣ, когда прогрессивная партія, несмотря на нѣкоторый уже залогъ, все-таки не увѣровала еще въ крутого вождя нѣмецкаго народа. Однимъ словомъ, это было до Садовой, это было въ 1865 году. Бисмарку не понравились нѣкоторыя энергическія выраженія въ докладѣ и онъ возражалъ: «Г. докладчикъ посвятилъ большую часть своей длинной рѣчи критикѣ моего личнаго поведенія. На этой почвѣ я не послѣдую за нимъ во всѣхъ его разсужденіяхъ. Я весьма мало нуждаюсь въ похвалахъ и отношусь съ достаточнымъ равнодушіемъ къ критикѣ. Допустите даже, что послѣднія событія были чисто результатомъ случая, что прусское правительство въ нихъ неповинно, что мы были игрушкою иностранныхъ интригъ и внѣшняго вліянія, волны котораго бросили насъ, къ нашему собственному удивленію, на берегъ Киля,—допустите это, если вамъ только оно нравится,—для меня совершенно достаточно то, что мы находимся въ Килѣ; что же касается до того, что вы ставите это намъ въ заслугу или нѣтъ, то для меня это рѣшительно безразлично. Что касается до критики нашего поведенія,—продолжалъ Бисмаркъ все въ томъ же тонѣ пренебреженія и насмѣшки,—то я въ свою очередь позволю себѣ критику на нее одною фразою, употребленною докладчикомъ. Онъ упрекаетъ насъ въ томъ, что мы повернули руль, когда вѣтеръ перемѣнился. Но я спрашиваю, можно ли поступать иначе, когда находишься въ плаваніи, какъ повертывать руль смотря по вѣтру, если только самъ не хочешь болтать на вѣтеръ (Wind machen). Мы это предоставляемъ другимъ. Впрочемъ, я не для того просилъ слóва, но чтобы отвѣтить на нападеніе чисто личнаго свойства, направленнаго противъ меня. Докладчикъ сдѣлалъ замѣчаніе, что если я дѣйствительно читалъ докладъ, то онъ не знаетъ, что думать о моей правдивости. Докладчикъ достаточно жилъ въ свѣтѣ, чтобы знать, что онъ употребилъ по отношенію ко мнѣ такой оборотъ фразы, технической, спеціальной, которая служитъ обыкновенно

Digitized by Google

едствомъ для того, чтобы перенести споръ на почву чисто
чную и заставить того, правдивость котораго подверглась со-
нію, требовать извѣстнаго удовлетворенія. Господа!—воскли-
етъ Бисмаркъ,—поставивъ вопросъ ребромъ, куда мы придемъ,
одолжая наши дебаты въ такомъ тонѣ? Желаете ли вы, чтобы
рѣшали наши политическіе споры на манеръ Гораціевъ и Ку-
аціевъ? Если вы этого желаете, мы можемъ объ этомъ потол-
вать. Если же нѣтъ, то что же мнѣ остается какъ только
вѣчать на грубое слово, употребляя еще болѣе грубое? Это
инственное средство, такъ какъ мы не имѣемъ права привле-
ть васъ въ судъ, доставить себѣ извѣстное удовлетвореніе; но
бы не желалъ, чтобы вы поставили меня въ необходимость при-
гать къ такому средству. И какъ же—прибавляетъ Бисмаркъ—
докладчикъ доказываетъ недостатокъ моей правдивости? Если
хорошо припоминаю его длинную рѣчь, онъ ставитъ мнѣ въ
оръ, какъ противорѣчіе докладу, тѣ слова, которыми я обви-
лъ либеральную партію въ томъ, что ея симпатіи къ флоту
набѣли, и чтобы доказать мнѣ, что это неправда, онъ приво-
ть всѣ тѣ красивыя фразы, которыя употреблялъ въ своемъ
кладѣ въ пользу флота, заключеніе котораго однако то, что
не даете намъ денегъ. Да, безъ сомнѣнія, господа,—съ ирО-
й произноситъ Бисмаркъ,—если бы слова ваши были изъ се-
бра, намъ оставалось бы только выразить вамъ наше благо-
рное удивленіе за ту щедрость, которою вы награждаете пра-
тельство».

Въ этомъ отвѣтѣ Бисмарка мы находимъ всѣ его обыч-
я достоинства; какъ читатель видитъ, этотъ отвѣтъ рѣзокъ,
атъ, силенъ, фактиченъ и далеко не лишенъ остроумія, пере-
шаннаго съ пренебреженіемъ. Онъ не только не отступаетъ
редъ натискомъ противника, но дѣлаетъ еще шагъ впередъ,
воря, что его нисколько не интересуетъ, какого мнѣнія будутъ
немъ люди. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ сказать, что въ своихъ
чахъ Бисмаркъ нетерпимъ; себѣ онъ позволяетъ весьма много,
языкѣ у него всегда въ запасѣ презрительная фраза, но самъ
ь не допускаетъ, чтобы ему выражали презрѣніе. Думайте
о меня что хотите, мнѣ до того нѣтъ никакого дѣла, но не
йте выказывать мнѣ явнаго неуваженія!—вотъ что звучитъ въ
рѣчахъ. Реплика Вирхову тѣмъ еще любопытна, что она по-
ла за собою послѣдствія, также довольно хорошо обрисовы-
щія личность Бисмарка. На слова министра-президента Вир-
въ отвѣчалъ, что онъ не беретъ назадъ словъ, сказанныхъ имъ
рѣчи. Тогда Бисмаркъ всталъ и повторивъ еще разъ, что

Digitized by Google

Вирховъ обвиняетъ его въ недостаткѣ правдивости, прибавилъ: «Мнѣ было бы желательно не встрѣтить этого оскорбленія въ стенографическомъ отчетѣ». Вирховъ не согласился измѣнить своихъ словъ, и Бисмаркъ въ тотъ же день послалъ Вирхову своихъ секундантовъ, но послѣдній отказался принять вызовъ, и такимъ образомъ дуэль не состоялась. Очевидно, что Бисмаркъ спрашивая, не желаютъ ли покончить распри на подобіе Гораціевъ и Куріаціевъ, вовсе не шутилъ, когда говорилъ: «если вы желаете, мы не прочь!» Изъ этого читатель можетъ видѣть, что смѣлость Бисмарка такова, что свое слово онъ всегда готовъ поддержать дѣломъ, даже рискуя своею жизнію, какъ ни странно кажется политическіе дебаты въ парламентѣ переносить на загородное поле поединка.

Когда въ другой разъ вопросъ былъ перенесенъ на личную почву и Бисмарка упрекнули въ томъ, что онъ говоритъ «прусскимъ» языкомъ, непонятнымъ для палаты, тогда онъ съ вызывающимъ тономъ произнесъ: «Господа, я горжусь тѣмъ, что говорю прусскимъ языкомъ, и вы еще часто услышите его изъ моихъ устъ». Такимъ образомъ, Бисмаркъ никогда не остается въ долгу и возвращаетъ сдѣланный ему упрекъ всегда съ процентами. Одинъ изъ депутатовъ въ своей рѣчи бросилъ въ него, какъ укоръ, его «юнкерскія» тенденціи. «Вы меня упрекаете въ «юнкерствѣ»; но что вы понимаете подъ этимъ словомъ? Я не хочу—говорилъ Бисмаркъ—вдаваться въ подробныя опредѣленія, но я думаю, что невозможно отдѣлять идеи «юнкерства» отъ надменныхъ притязаній на вліяніе и господство, отъ злоупотребленія привилегіями, которыми владѣешь въ силу закона; въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ своихъ парламентскихъ «юнкеровъ». Касты не вѣчны, онѣ исчезаютъ и создаются новыя—и я утверждаю, что образовался такой «юнкерскій» парламентскій элементъ, бороться противъ котораго составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ обязанностей прусской королевской власти». Вся оппозиція противъ антиконституціоннаго министра была, слѣдовательно, по его словамъ, ничѣмъ инымъ, какъ «юнкерскимъ» элементомъ. Еще лучше выражается его манера защищаться противъ нападеній, система заключающаяся въ томъ, что онъ не защищаетъ себя, а самъ дѣлаетъ нападеніе, въ отвѣтѣ, сдѣланномъ имъ графу Шверину, упрекнувшему его однажды, по поводу шлезвигъ-голштинскаго вопроса, въ боязни демократіи. «Я думаю,—говоритъ Бисмаркъ съ большою самоувѣренностью,—что ораторъ меня знаетъ слишкомъ давно, чтобы быть увѣреннымъ, что боязнь демократіи мнѣ неизвѣстна. Если бы у меня была

Digitized by Google

одобная боязнь, я не былъ бы на этомъ мѣстѣ и считалъ бы
артію проигранною; словъ я не цѣню; не спорьте о словахъ,
порьте о фактахъ;—нѣтъ, я не боюсь такого противника; я убѣж-
енъ, что я одержу надъ нимъ побѣду, и это убѣжденіе, что я
держу надъ нимъ верхъ, я думаю, господа, что вы не далеки
ть того, чтобы раздѣлить его со мною». Если подобныя слова
е показываютъ въ Бисмаркѣ особенно глубокаго мыслителя,
а то они показываютъ въ немъ такую самоувѣренность, и при-
омъ выраженную такъ рельефно, что онъ невольно озадачиваетъ,
пока не привыкнешь къ его тону, къ его манерѣ, то онъ
мпонируетъ ею. Никогда, конечно, ни одинъ министръ такъ ча-
то и съ такою самоувѣренностью не произносилъ: я одинъ все
наю, я одинъ понимаю что́ дѣлаю; всѣ ваши разсужденія ни-
уда не годятся, потому что вы дилетанты въ политикѣ, и
ольше ничего. «Думать, что въ политикѣ можетъ быть рас-
рыто политическимъ дилетантамъ при посредствѣ простого со-
браженія то, чего не видятъ опытные въ этомъ дѣлѣ люди,
го—нѣсколько разъ повторялъ Бисмаркъ—весьма опасная ошибка,
о очень распространенная въ настоящее время».

Если манера Бисмарка заключается, главнымъ образомъ, въ
аконичности и рѣзкости, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ его рѣчахъ
ельзя не видѣть подчасъ неподдѣльнаго остроумія. Такъ, возра-
ая однажды графу Шверину, назвавшему себя хорошимъ прус-
акомъ, Бисмаркъ отвѣчалъ: «Когда онъ говоритъ, что онъ хоро-
ій пруссакъ, и никто, конечно, не откажется отдать ему въ
гомъ справедливость, то я совершенно согласенъ съ нимъ; я
ду даже далѣе; я считаю, что внутри своего сердца онъ прус-
акъ монархическій, но объ его отношеніи къ своему королю
ожно сказать то же, что Гёте заставляетъ сказать доктора Фау-
та, обращаясь къ королю королей: «По истинѣ, онъ служитъ
амъ страннымъ образомъ»; точно также я думаю, что партія,
оторую представляетъ г. депутатъ, кончитъ и даже въ нѣкото-
ыхъ частяхъ кончила какъ драма доктора Фауста, т.-е., что
на останется при первой части; что касается до того, будетъ
и она имѣть также вторую часть, которая составитъ продол-
еніе первой, также по аналогіи съ Фаустомъ, это покажетъ
амъ только будущее». Въ другой разъ одинъ изъ депутатовъ
азвалъ другого депутата «жемчужиной»; Бисмаркъ подхватилъ
ю выраженіе и отвѣчалъ: «Я вполнѣ раздѣляю эту оцѣнку, но
ля меня цѣнность жемчужины много зависитъ отъ ея цвѣта, а
ъ этомъ отношеніи меня довольно трудно удовлетворить». По-
обныхъ остроумныхъ отвѣтовъ множество разбросано въ собра-

Digitized by Google

нiи рѣчей Бисмарка, и намъ нужно было бы цитировать ихъ н
нѣсколькихъ страницахъ, если бы мы желали ихъ перечислит
Но это не важно, намъ нужно было только указать на эту черт
чтобы быть справедливыми къ Бисмарку, какъ оратору. Призна
вая за Бисмаркомъ остроуміе, силу, удачное и точное выраже
ніе мысли, слѣдуетъ однако сказать, что аргументація его всегд
чрезвычайно поверхностна; держась извѣстнаго факта, онъ н
проникаетъ въ его глубину, а потому онъ гораздо болѣе оше
ломляетъ, нежели убѣждаетъ. Онъ утверждаетъ извѣстный факт
утверждаетъ съ необыкновенною энергіею, но онъ не анализи
руетъ его, не углубляется въ него. Вотъ отчего, о чемъ бы н
говорилъ Бисмаркъ, онъ всегда одинаковъ: будетъ ли онъ дер
жать свою рѣчь объ единствѣ Германіи, объ основаніяхъ кон
ституціи, о присоединеніи въ силу права войны цѣлыхъ населенiй
или будетъ разсуждать о томъ, гдѣ лучше выстроить дворецъ дл
помѣщенія палаты представителей,—его манера всегда неизмѣнна
Самый важный вопросъ и самый ничтожный онъ отстаиваетъ с
одинаковою силою, потому что онъ видитъ передъ собою извѣст
ный фактъ, въ справедливости котораго онъ убѣжденъ; а разъ
что онъ въ чемъ-нибудь убѣжденъ, ему нужно настоять на своем
Не нужно и говорить, что объ увлеченіи, теплотѣ въ рѣчах
Бисмарка не можетъ быть и помину. Нѣтъ въ его рѣчахъ такж
и обстоятельнаго развитія какой-нибудь мысли, нѣтъ обобщенiй
и потому бо́льшая часть его рѣчей коротки, сухи. Онъ бросает
свою мысль такъ, какъ она отлилась въ его головѣ, но развит
ее онъ и не умѣетъ, да кажется и не считаетъ нужнымъ. Он
остается вѣренъ тому, что онъ высказывалъ еще въ молодых
годахъ, говоря: «Я гдѣ-то читалъ, въ какой-то старой книгѣ, чт
сеймъ, собранный въ Эрфуртѣ въ 1290-мъ году императором
Рудольфомъ Габсбургскимъ, былъ зачумленъ болтунами, тарато
рившими безъ зазрѣнія совѣсти; я припоминаю это обстоятел
ство въ надеждѣ, что настоящее собраніе не будетъ подверг
нуто тому же бичу». Онъ вовсе не считаетъ справедливою фран
цузскую пословицу: du choc des opinions jaillit la vérité; его кр
тая, деспотическая натура внушаетъ ему постоянно одну мысл
я рѣшилъ такъ, значитъ должно быть такъ, о чемъ же тутъ
болтать! Подтвержденіе истины нашего мнѣнія мы находимъ в
многихъ рѣчахъ князя Бисмарка, и между прочимъ въ одно
изъ послѣднихъ уже его рѣчей, когда онъ обратился къ прус
ской палатѣ депутатовъ и наставническимъ тономъ произнес
«если, наконецъ, этотъ человѣкъ одного мнѣнія съ вашим
если этотъ человѣкъ, стоящій во главѣ правительства и видя

Digitized by Google

всѣ вещи въ ихъ цѣломъ, не можетъ все-таки возвыситься той же высоты здороваго разсудка, на которой стоитъ тотъ, орый въ продолженіе большей части года вовсе не занимается ударственными дѣлами, тогда давно была бы уже пора, какъ оворю, отдѣлиться отъ столь близорукаго человѣка, который высоты правительственной башни не видитъ также далеко, ь тотъ, который смотритъ съ равнины, и самые способные ны той же партіи должны быть на столь добры, чтобы какъ ню скорѣе смѣстить его, такъ какъ внутри партіи, въ концѣ довъ, слѣдуетъ быть твердо увѣреннымъ въ вопросѣ, кто изъ ь самый способный, самый опытный, самый полезный, кто дол- ъ стоять въ нашей главѣ. И я повторяю, обязанность состоитъ въ ь, чтобы не откладывать этого. Сидѣть спокойно у себя, fruges umere, читать журналы и потомъ, когда является какая-нибудь а, принятая правительствомъ, возбуждать рѣзкую и страстную тику противъ правительства, общее положеніе котораго не въ ахъ даже судить—бросать камень въ его колеса, я говорю, что не есть патріотическое дѣло». Безъ всякаго сомнѣнія, гро- ный успѣхъ политики князя Бисмарка, громадныя услуги, ко- ыя онъ оказалъ дѣлу нѣмецкаго народа, даютъ ему право быть ма высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, но самая заслуга полу- ъ въ глазахъ людей большую несравненно цѣну, когда тотъ, орый оказалъ ее, менѣе гордится ею и во всякомъ случаѣ ѣе говоритъ о ней. Впрочемъ, приведенныя нами слова про- скаютъ быть можетъ не столько изъ гордаго самовосхваленія, лько изъ существа его деспотической сильной натуры, въ силу ораго даже тогда, когда онъ не оказалъ еще ровно никакихъ угъ нѣмецкому обществу, когда онъ былъ пугаломъ, которымъ ь не стращали дѣтей, онъ все-таки постоянно твердилъ: я нъ все знаю, вы не знаете ничего, слѣдовательно, вашъ го- ь не имѣетъ никакого значенія и вамъ лучше всего молчать! мъ мы отчасти, и только отчасти, объясняемъ характеръ рѣ- князя Бисмарка, который можно опредѣлить такъ: упомя- ь о фактѣ, высказать въ весьма энергическихъ и весьма сжа- ъ выраженіяхъ свое мнѣніе и затѣмъ уже не входить въ робное развитіе своей мысли, своего воззрѣнія.

Главная же причина такого характера рѣчей князя Бис- ка, главная причина отсутствія въ нихъ истиннаго ораторс- го достоинства лежитъ въ свойствахъ его таланта, его спо- ностей, всей его природы. Князь Бисмаркъ, и это уже не ь было высказано, практическій дѣятель по преимуществу; ставить передъ собою извѣстную цѣль, стремится къ ней

Digitized by Google

изъ всѣхъ своихъ силъ, но за этою цѣлію онъ, судя по его р
чамъ, уже ничего не видитъ. Читая его рѣчи, нигдѣ не видиш
чтобы князь Бисмаркъ когда-нибудь въ своей жизни останавл
вался на общечеловѣческихъ идеяхъ, чтобы онъ ими интерес
вался, чтобы онъ думалъ о нихъ. Существующее общество, с
ществующій общественный порядокъ онъ признаетъ единствен
разумнымъ не потому, чтобы сравнивалъ его съ тѣми, котор
отжили свое время, или съ тѣмъ, который встрѣчается толь
набросаннымъ въ идеяхъ немногихъ великихъ мыслителей, и о
потому отдавалъ бы существующему порядку пальму первенства п
редъ другими; нѣтъ, онъ считаетъ его единственно разумнымъ, п
тому что о другихъ онъ вовсе и не думаетъ, считая ихъ химеро
о которой не стóитъ и говорить. Въ его практической философ
нѣтъ мѣста общечеловѣческимъ идеямъ и тѣмъ вопросамъ о на
болѣе разумномъ устройствѣ общества, которые занимаютъ н
значительное меньшинство человѣческаго общества. Онъ смотри
не далеко, кругозоръ его не широкъ, онъ никогда не выходи
изъ существующаго; ему и въ голову не приходитъ, по крайн
мѣрѣ, судя по четыремъ томамъ его рѣчей, что тотъ обществе
ный порядокъ, при которомъ живетъ онъ, князь Бисмаркъ, н
все не есть вѣчный порядокъ; онъ не задается мыслію, что м
жетъ наступить когда-нибудь другой порядокъ, когда совреме
ное устройство его страны, вся нынѣшняя конституція, все ра
предѣленіе власти покажется черезъ извѣстный періодъ време
какимъ-то далекимъ преданіемъ, о которомъ потомство буде
вспоминать такъ, какъ мы теперь вспоминаемъ о безправномъ вр
мени среднихъ вѣковъ. Скажите князю Бисмарку, что наступи
когда-нибудь эпоха, которая не будетъ знать тѣхъ отвратите
ныхъ арѣлищъ, въ которыхъ онъ самъ игралъ главную роль, ч
наступитъ эпоха, когда сожженіе городовъ, деревень, умерщвл
ніе женщинъ, дѣтей, истребленіе тысячами самыхъ свѣжихъ, зд
ровыхъ, работящихъ силъ страны покажется такимъ же воп
щимъ варварствомъ, какимъ кажется намъ бой гладіаторовъ д
забавы праздной и звѣрской толпы,—скажите это князю Бисмарк
онъ засмѣется, отвернется отъ васъ и не захочетъ говорить
вами, называя васъ сумасброднымъ фантазёромъ. Вопросы буд
щаго его не интересуютъ, отъ игнорируетъ ихъ, онъ живет
только настоящимъ, но за то въ этомъ настоящемъ онъ—сила

Вслѣдствіе этого отсутствія въ ораторѣ общечеловѣческихъ и
тересовъ, общечеловѣческихъ идей, рѣчи князя Бисмарка пора
жаютъ узкостью своею содержанія; вслѣдствіе отсутствія этих
интересовъ и этихъ идей, Бисмаркъ, хотя бы онъ обладалъ не

Digitized by Google

авненно бо́льшимъ талантомъ краснорѣчія, не могъ бы все-таки
ть замѣчательнымъ ораторомъ. Истинный ораторъ непремѣнно
падаетъ этими общечеловѣческими идеями и интересами, иначе
я его дѣятельность будетъ мертворожденною. Бисмаркъ, впро-
мъ, никогда и самъ себя не считалъ ораторомъ, да въ этомъ,
авда, ему и трудно было ошибиться. Читая его рѣчи, вы двад-
ть разъ поражаетесь бѣдностью ихъ содержанія, узкимъ раз-
ромъ мысли, отсутствіемъ всякихъ признаковъ того, что взоръ
ого человѣка устремленъ далеко, что работая для настоящаго,
ь вмѣстѣ съ тѣмъ работаетъ для будущаго. Будущее для него
существуетъ, и не потому, почему оно не существуетъ ино-
а для другихъ, подобныхъ какому-нибудь Наполеону, которые
ворятъ: après nous le déluge! нѣтъ, примѣнить это къ Бис-
рку было бы глубоко несправедливо, натура его возвышается
дъ этимъ низменнымъ эгоизмомъ; если онъ не смотритъ въ
дущее, то только потому, что онъ весь поглощенъ настоящимъ и
тому, чтобы заглядывать въ будущее, нужна теоретическая мысль,
звитіе ея, а этого-то развитія и нѣтъ у Бисмарка. Безъ сом-
нія, онъ могъ бы его пріобрѣсть, но онъ чуждается его, не
четъ знать о немъ, какъ бы говоря: зачѣмъ, къ чему? Читая
о рѣчи, невольно задаешься вопросомъ: да возможно ли, чтобы
мѣчательный государственный дѣятель, человѣкъ, который сдѣ-
лся идоломъ, кумиромъ цѣлой страны за то, что осуществилъ
мую завѣтную мечту цѣлаго народа, за то, что онъ создалъ то,
чему стремился этотъ народъ, который обезпечилъ за собой
кое крупное историческое значеніе, возможно ли, чтобы го-
зонтъ этого человѣка былъ такъ узокъ, чтобы мысли, идеи
о были такъ бѣдны и такъ ограниченны? Теорія, казалась бы,
ижна сказать: нѣтъ! практика еще разъ въ лицѣ Бисмарка,
воритъ: да!—преклонимся же передъ практикою.

Но если не широкъ горизонтъ устроителя Германіи, если
глядъ его не проникаетъ далеко, за то ужъ то, что онъ ви-
тъ, онъ видитъ съ поразительною ясностью, и ничто кажется
можетъ укрыться отъ его взора. Слѣдя за его рѣчами, вы
но видите, какъ онъ намѣчаетъ передъ собою цѣль, всегда
вольно близкую, и какъ онъ стремится къ ея достиженію. Онъ
мить, гнетъ все, что попадается ему на пути; онъ придавли-
етъ все, что возстаетъ противъ него, на все, что стремится по-
шать ему въ достиженіи намѣченной цѣли, онъ налагаетъ свою
лѣзную руку. Не ждите отъ него пощады, если разсчетъ не
дскажетъ ему, что пощада можетъ быть выгодна для него са-
го, онъ не пощадитъ изъ великодушія. Великодушія въ его

Digitized by Google

характерѣ нѣтъ и тѣни, сердце молчитъ въ немъ, говоритъ только разсудокъ и притомъ разсудокъ какъ разъ ограниченный цѣлью, къ которой онъ стремится. Но если при достиженіи цѣли онъ не щадитъ никого, то не пощадитъ онъ и себя; какъ ни высокъ онъ въ своемъ собственномъ мнѣніи, но онъ не принадлежитъ къ тѣмъ мелкимъ натурамъ, у которыхъ на первомъ планѣ спокойствіе и безопасность ихъ собственной личности. Нѣтъ, если бы ему для достиженія цѣли потребовалось размозжить себѣ голову, пустить себѣ пулю въ лобъ, то я мало сомнѣваюсь, чтобы онъ остановился передъ этимъ средствомъ для достиженія цѣли. Не дорожа особенно своею собственною жизнію, онъ такъ же мало и еще меньше дорожитъ жизнію другихъ; отсюда смѣлость во всѣхъ его замыслахъ, отсюда необыкновенная рѣшительность. Если онъ не дорожитъ жизнію, то еще менѣе, конечно, станетъ онъ дорожить своимъ словомъ, своимъ убѣжденіемъ, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, сходясь съ своимъ учителемъ и предшественникомъ Фридрихомъ II-мъ. Понятіе о правѣ, законѣ, конституціи, все обусловливается у него тѣмъ, подходитъ ли это право, этотъ законъ, эта конституція къ намѣченной имъ цѣли. Подходитъ — прекрасно, онъ будетъ уважать ваше право, вашъ законъ, вашу конституцію; не подходитъ! не прогнѣвайтесь: ваше право, вашъ законъ, ваша конституція полетятъ за тридевять земель. Я думаю, что если бы какимъ-нибудь чудомъ случилось, что его цѣли стала бы мѣшать сама королевская власть, которой онъ служитъ и которой онъ преданъ прежде всего, то несмотря на всю его привязанность къ ней, несмотря на то, что не можетъ себѣ представить Германіи безъ этой власти, онъ все-таки не смутился бы и пожертвовалъ ею. Повторяю, я дѣлаю невозможное предположеніе, такъ какъ Бисмаркъ самый преданный слуга королевской власти; но, предполагая невозможное, я хочу только этимъ показать степень его рѣшимости и упорства въ достиженіи цѣли. Вотъ исходная точка его практической философіи, исходная точка общая и Макіавелю, и Фридриху, и Бисмарку. Когда читатель увидитъ развитіе этой философіи въ его рѣчахъ, онъ не долженъ забывать этой исходной точки, онъ припомнитъ эту краткую характеристику политической личности Бисмарка.

Если природныя свойства Бисмарка дѣлали изъ него, главнымъ образомъ, практическаго государственнаго человѣка, сильнаго, рѣшительнаго, но съ ограниченнымъ кругозоромъ, то его длинная политическая карьера, его политическая опытность только укрѣпляли его въ природныхъ свойствахъ его ума. Какъ умъ

Digitized by Google

актическій, онъ довольно легко поддавался давленію событій, и
образно ходу этихъ событій мѣнялись его взгляды, его поли-
ческія понятія о томъ или другомъ вопросѣ. Въ этомъ послѣд-
мъ отношеніи чрезвычайно любопытны его собственныя слова,
азанныя по поводу упрека, обращеннаго къ Бисмарку по по-
ду перемѣны его мнѣній: «Я явился въ Эрфуртъ—говорилъ
ъ въ 1867-мъ году, слѣдовательно уже послѣ того, что звѣзда
о взошла высоко—съ политическими идеями, которыя я вынесъ,
гъ бы сказать, изъ родительскаго дома, — и возбужденный въ
у эпоху, борьбою противъ движенія 1848 года, которое напало
дорогой для меня строй. Въ слѣдующемъ году, въ 1851-мъ
вошелъ въ практическую политику, и съ тѣхъ поръ я имѣлъ
зможность, въ продолженіи шестнадцати лѣтъ, проведенныхъ
различныхъ положеніяхъ, въ которыхъ я непрерывно зани-
лся большою политикою и именно нѣмецкою политикою —
зможность, говорю я, пріобрѣсти политическую опытность. Тогда
убѣдился, что на мѣстахъ зрителя — и я не говорю только о
атральной сценѣ, гдѣ разыгрывается комедія человѣческой
изни — политическій свѣтъ представляется совершенно инымъ,
мъ для того, который находится за кулисами, и что различіе
ечатлѣній происходитъ не исключительно отъ освѣщенія. Я
налъ на себѣ, что политику судишь иначе, до тѣхъ поръ пока
ѣшиваешься въ нее въ качествѣ простого дилетанта, не будучи
ременень тяжестью отвѣтственности, и только въ минуты от-
ха, оставляемыя своими профессіональными работами, судишь
совершенно иначе, нежели тогда, когда въ ней принимаешь
астіе съ полною отвѣтственностію послѣдствій каждаго изъ ея
товъ. Въ то время, когда я отправлялъ свои обязанности во Франк-
ртѣ, я долженъ былъ признать, что многіе изъ элементовъ, съ
торыми моя эрфуртская политика считалась, не существовали
дѣйствительности, и что тѣсный союзъ съ Австріей — какою
споминанія священнаго союза, переданныя мнѣ традиціями
редшествовавшихъ поколѣній, представляли ее мнѣ — былъ не-
зможенъ, потому что Австрія, та, на которую мы разсчиты-
ли — это была эпоха князя Шварценберга — вовсе не существо-
ла. Я ограничиваюсь этимъ простымъ ретроспективнымъ взгля-
мъ, прибавляя только, что я считаю себя счастливымъ не при-
длежать къ тѣмъ людямъ, которыхъ ни время, ни опытность
чему не научаютъ». Время же и опытность утвердили князя
исмарка въ убѣжденіи, что для успѣха въ политикѣ не нужно
даваться отдаленными цѣлями, но къ намѣченной нужно стре-
иться со всею энергіею, со всею силою, шагая черезъ людей,

Digitized by Google

нарушая законы, трактаты, употребляя всѣ средства, которыя только ведутъ къ цѣли, съ заднею мыслію бросить ихъ какъ только онѣ станутъ лишними, рубить тамъ, гдѣ нельзя распутать, ампутировать тамъ, гдѣ нельзя исцѣлить. Большая проницательность ума и большая смѣлость — вотъ были его лучшіе спутники.

Мы закончимъ общую характеристику Бисмарка словами, которыми въ одной изъ своихъ рѣчей онъ опредѣляетъ самого себя. «Я не такой человѣкъ,—говоритъ онъ,—который по своей натурѣ испытываетъ надобность быть управляемымъ, т.-е. пассивный въ высшей степени; но вмѣстѣ съ тѣмъ я не чувствую надобности управлять, и я охотно оставляю другимъ ихъ свободу движеній». При этомъ Бисмаркъ позабылъ только сказать, что за то, если онъ управляетъ, то управляетъ круто и требуетъ себѣ безусловнаго подчиненія. Надъ всѣми качествами князя Бисмарка, безспорно, возвышается одно, которое не разъ уже сопровождалось успѣхомъ, но за то, которое и попадается не такъ часто. Качество это—*смѣть!* Въ спряженіи этого глагола Бисмаркъ великій мастеръ, и никто съ такимъ правомъ какъ онъ не можетъ взять себѣ девизомъ слова Макіавеля: ... «Фортуна принадлежитъ къ тому полу, который уступаетъ только силѣ и отталкиваетъ отъ себя всякого, кто не умѣетъ смѣть».

А. Б.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

I

ЭДВАРДЪ

НАРОДНАЯ ШОТЛАНДСКАЯ БАЛЛАДА.

1.

— Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагрилъ,
Эдвардъ, Эдвардъ?
Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагрилъ?
Зачѣмъ ты глядишь такъ сурово?
— То сòкола я, разсердяся, убилъ,
Мать моя, мать,
То сóкола я, разсердяся, убилъ,
И негдѣ добыть мнѣ другого!

2.

— У сóкола кровь такъ красна не бѣжитъ,
Эдвардъ, Эдвардъ!
У сóкола кровь такъ красна не бѣжитъ,
Твой мечъ окровавленъ краснѣе!
— Мой конь краснобурый былъ мною убитъ,
Мать моя, мать,
Мой конь краснобурый былъ мною убитъ —
Тоскую по добромъ конѣ я!

Digitized by Google

3.

— Конь старъ у тебя, эта кровь не его,
Эдвардъ, Эдвардъ!
Конь старъ у тебя, эта кровь не его,
Не то въ твоемъ сумрачномъ взорѣ!
— Отца я сейчасъ закололъ моего,
Мать моя, мать!
Отца я сейчасъ закололъ моего —
И лютое жжетъ меня горе!

4.

— А грѣхъ чѣмъ тяжелый искупишь ты свой,
Эдвардъ, Эдвардъ?
А грѣхъ чѣмъ тяжелый искупишь ты свой?
Чѣмъ сымешь ты съ совѣсти ношу?
— Я сяду въ ладью непогодой морской,
Мать моя, мать,
Я сяду въ ладью непогодой морской,
И вѣтру всѣ паруса брошу!

5.

— А съ башней что будетъ и съ домомъ твоимъ,
Эдвардъ, Эдвардъ?
А съ башней что будетъ и съ домомъ твоимъ,
Ладья когда въ море отчалитъ?
— Пусть вѣтеръ и буря гуляютъ по нимъ,
Мать моя, мать!
Пусть вѣтеръ и буря гуляютъ по нимъ,
Доколѣ ихъ въ прахъ не повалятъ!

Digitized by Google

6.

— Что́-жъ будетъ съ твоими съ дѣтьми и женой,
Эдвардъ, Эдвардъ?
Что́-жъ будетъ съ твоими съ дѣтьми и женой
Въ ихъ горькой, безпомощной долѣ?
— Пусть по́-міру ходятъ за хлѣбомъ съ сумой,
Мать моя, мать!
Пусть по́-міру ходятъ за хлѣбомъ съ сумой —
Я съ ними не свижуся болѣ!

7.

— А матери что́ ты оставишь своей,
Эдвардъ, Эдвардъ?
А матери что́ ты оставишь своей,
Тебя что́ у гру́ди качала?
— Проклятье тебѣ до скончанія дней,
Мать моя, мать!
Проклятье тебѣ до скончанія дней:
Ты въ уши мнѣ грѣхъ нашептала!

II

Про подвигъ слышалъ я Кротонскаго бойца:
Какъ юнаго взваливъ на плечи онъ тельца,
Чтобъ силу крѣпкихъ мышцъ умножить постепенно,
Вкругъ городской стѣны ходилъ, подъ нимъ согбенный,
И ежедневно трудъ свой повторялъ, пока
Телецъ тотъ не дорось до тучнаго быка.
Въ дни юности моей, съ судьбой въ отважномъ спорѣ,
Я какъ Милонъ взвалилъ себѣ на плечи горе,
Не замѣчая самъ, что бремя тяжело;
Но съ каждымъ днемъ оно невидимо росло,
И голова моя подъ нимъ ужъ посѣдѣла —
Оно же все ростетъ безъ мѣры и предѣла.

Digitized by Google

III

Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь,
Ночь на зе́млю все гуще ложится,
Но я знаю, я вѣрю: живетъ гдѣ-нибудь,
Гдѣ-нибудь да живетъ царь-дѣвица!

* * *

— Какъ достичь до нея — не ищи, не гадай,
Тутъ разсчетъ никакой не поможетъ;
Не догадка, не умъ, но безумье въ тотъ край,
Но удача принесть тебя можетъ!

* * *

Я не ждалъ, не гадалъ, въ темнотѣ поскакалъ
Въ ту страну, куда нѣту дороги,
Я коня разнуздалъ, на-удачу погналъ
И въ бока ему втиснулъ остроги!

Гр. А. К. Толстой.

Digitized by Google

СТРАННИКИ или БѢГУНЫ

въ

РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.

III. Организація секты *).

Секта странниковъ, получившая свое начало еще въ прошедшемъ столѣтіи, но открытая не далѣе какъ въ пятидесятыхъ годахъ нашего вѣка, не только раскинулась въ настоящее время широко по восточной Россіи отъ Архангельска до Астрахани и далѣе за Уралъ, но и выработала себѣ въ извѣстномъ отношеніи столь же дикую, сколько и опредѣленную внутреннюю организацію и догматику. Въ основѣ организаціи секты положено раздѣленіе всѣхъ ея членовъ на три степени. Первую степень составляютъ такъ-называемые «страннопріимцы», «христолюбцы», или что то же «жиловые христіане»; вторую — «дѣйствительные странники»; третью, самую высшую степень, такъ-сказать іерархію и администрацію всего общества, занимаютъ «наставники».

Подъ именемъ «*страннопріимцевъ*» или пристанодержателей разумѣются: одни—участвующіе уже въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ и вѣрованіяхъ и какъ-бы всматривающіеся и испытующіе себя — могутъ ли соблюдать содержимое странниками — словомъ, нѣчто въ родѣ «оглашенныхъ»; они принимаютъ къ себѣ странниковъ по религіознымъ убѣжденіямъ и называются отъ нихъ «христо-

*) Происхожденіе секты и ея распространеніе описаны были авторомъ еще прежде, въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ за 1872-й г., ноябрь и декабрь. — *Ред.*

Digitized by Google

ообщани»,—такъ какъ Христа ради принимаютъ и успокоиваютъ
странниковъ; другіе не имѣютъ никакого участія въ мнѣніяхъ
вѣрованіяхъ странниковъ, и даютъ пристанище имъ изъ ко-
истолюбивыхъ видовъ. Тѣ и другіе не оставляютъ ни своихъ
омовъ, ни семействъ, ни брачнаго сожитія.

Странноприимцы *перваго рода*, какъ тайные благожелатели
единомысленники странниковъ, для того, чтобы удобнѣе скры-
ться отъ наблюденій начальства, большею частію пишутся въ
ковскихъ спискахъ православными, и хотя не исполняютъ об-
ядовъ, установленныхъ церковію, и не принимаютъ причастія,
е нерѣдко пишутся бывшими у исповѣди, и бываютъ дѣйстви-
ельно, несутъ общественныя повинности и наружно подчиняются
сѣмъ узаконеніямъ правительства [1]), но за то, до выхода въ
транство, они не имѣютъ общенія ни въ молитвѣ, ни въ пищѣ
ъ дѣйствительными странниками. Дѣтей своихъ они первона-
ально крестятъ въ церкви, но потомъ, считая крещеніе это
совершеніемъ (послѣ крещенія и муропомазанія), дабы не «пахло»
ть младенца муромъ, тотчасъ обмываютъ и обтираютъ его тща-
ельно, или же совершенно перекрещиваютъ по своему обряду.
Непринявшіе еще крещенія и значащіеся предъ правительствомъ
равославными, вѣнчаются въ православной церкви, но дѣлаютъ
го только для виду, и послѣ выдерживаютъ за это строгую эпити-
ію. Впрочемъ, ревностные приверженцы страннническихъ мнѣній,
орячіе фанатики проповѣдуютъ, что лучше блудъ, нежели бракъ
ъ грекороссійской церкви, ибо бракъ, по ихъ мнѣнію, произво-
итъ тотъ же грѣхъ блуда, только дѣлаетъ его удобнѣе и извини-
ельнѣе передъ людьми и даже передъ собственной совѣстью.
оэтому дѣвицы изъ подобныхъ семействъ, дочери странноприим-
евъ, почти никогда не выходятъ замужъ и предаются разврату;
мужчины, нуждаясь въ хозяйкахъ, выбираютъ невѣсть изъ
ольноотпущенныхъ, или же изъ крестьянокъ другихъ селеній,
отя бы изъ православныхъ семействъ, вообще не изъ своей
екты, съ цѣлью современемъ обратить въ свою секту, и вѣн-
аются съ ними въ православныхъ церквахъ. Подъ конецъ жизни,
ли въ случаѣ тяжкой болѣзни, такіе странноприимцы перекре-
иваются и уходятъ въ странство; если же по слабости здо-
овья они не въ состояніи будутъ уйти, то ихъ выносятъ изъ
ому для того, чтобы ихъ зачислить въ бѣгахъ и дать имъ
озможность умереть (какъ будто) въ странствѣ подъ скрытіемъ.

---

[1]) См. показаніе странника Ѳедора Андреева въ книгахъ, находящихся при
ыѣ св. синода.

Digitized by Google

хотя въ томъ же селеніи, но въ чужомъ домѣ. Въ такомъ случаѣ родственники ихъ подаютъ объявленія объ ихъ побѣгѣ потому что быть записаннымъ въ бѣгахъ—значитъ быть исключеннымъ изъ гражданскаго общества, разорвать съ нимъ связь, получить, такъ сказать, дипломъ на священный титулъ бѣглаго. Нѣкоторые уходятъ такимъ образомъ нерѣдко со всѣмъ семействомъ, такъ что домъ ихъ заколачивается, какъ запустѣвшій. Бываетъ и такъ, что и принявшіе странническое крещеніе, по обстоятельствамъ, остаются въ своемъ домѣ, но все-таки по начальству подаются объявленія объ ихъ побѣгѣ, и новокрещенецъ, хотя живетъ у себя дома, но потаенно скрывается въ собственномъ же домѣ, и въ своей же избѣ живетъ «подъ скрытіемъ» и въ «душеспасительномъ страхѣ».

Странноприимцы *второго рода*, не раздѣляющіе религіозныхъ мнѣній странниковъ, бываютъ и изъ явныхъ и изъ тайныхъ раскольниковъ, но бо́льшею частію изъ людей, которые видятъ въ этомъ ремеслѣ выгодную торговлю. Хозяинъ дома пускаетъ къ себѣ жить бѣглаго непремѣнно съ соблюденіемъ выгоды, взявъ съ него или деньгами или имуществомъ. А такъ какъ странники, убѣгая изъ домовъ родительскихъ, всегда захватываютъ съ собою что́ получше и поцѣннѣе изъ платья или вещей, то, не имѣя мѣста куда дѣть все это на первый разъ, они охотою ввѣряютъ свой багажъ услужливому пристанодержателю, который уже съумѣетъ извлечь изъ этого свою пользу. Странникъ, далѣе, получаетъ подаянія отъ богатыхъ людей для своего содержанія; подаянія эти тоже бываютъ не бѣдны, и они поступаютъ тоже въ кассу хозяина. Такъ какъ странноприимство развилось прежде всего въ с. Сопѣлкахъ (гдѣ прежде всѣ хлопотали люди о выгодахъ болѣе, чѣмъ о религіозныхъ убѣжденіяхъ), то это и было причиною того, что Сопѣлки изъ бѣднаго села сдѣлались богатыми, потому что здѣсь принимали странники изъ корыстныхъ видовъ [1]).

Обязанности пристанодержателей состоятъ въ томъ, что приготовлять въ домахъ своихъ, или въ придомашнихъ служба или въ подъизбицахъ, тайники съ секретными входами и выходами, для принятія и успокоенія странниковъ; перевозить съ мѣста на мѣсто; приготовлять и доставлять имъ пищу, одежду и всѣми мѣрами предохранять отъ вѣдѣнія и наблюденія правительства, за что обѣщается имъ по молитвамъ стран

---

[1]) См. показаніе странника Ѳедора Андреева въ выпискахъ при дѣлѣ синода.

Digitized by Google

ь, которымъ они служатъ, прощеніе во всѣхъ грѣхахъ, пре-
щественно же въ тѣхъ, которые, по мнѣнію странниковъ,
станодержатели содѣваютъ, находясь въ мірскихъ отношеніяхъ
ластію антихриста — какъ-то: повинуются властямъ, платятъ
ати, несутъ повинности, состоятъ на службѣ общественной,
равляютъ рекрутчину и проч.; предоставляется имъ также и
ежда получить царство небесное, каковой надежды всѣ прочіе,
мѣющіе съ ними общенія, отчуждаются. Для поощренія при-
одержателей къ исполненію лежащихъ на нихъ обязанностей
ія устраненія недостаточности въ потребностяхъ для стран-
овъ, поступающіе въ странничество обязываются сколько
ожно болѣе забирать съ собою имущества и передавать его
полное владѣніе и распоряженіе пристанодержателей. Во
ъ таковыхъ сношеніяхъ и общеніи съ міромъ странники
няютъ какъ себя, такъ и своихъ пристанодержателей край-
ію; такъ какъ въ настоящее «антихристово», повсемѣстное
ычество, нельзя обойтись безъ таковыхъ христолюбцевъ, иначе
нники должны бы были оставаться безъ необходимыхъ житей-
ъ потребностей и не могли продолжать свое существованіе [1]).
Принявшій на себя обязанность «странноприимца» приста-
ржатель устраиваетъ и домъ свой по особой архитектурѣ.
ь его состоитъ изъ безчисленнаго множества дверей, ходовъ,
олій, келій, сообщающихся въ разныхъ направленіяхъ съ
ими келіями, съ сосѣдственнымъ домомъ, съ огородомъ и
.; есть здѣсь и подземные ходы, къ сосѣду напримѣръ, или
спаханное поле или въ ближній лѣсъ и проч. — и все это
етъ цѣлію способствовать побѣгу скрывающагося странника:
неуловимъ для человѣка, неизучившаго тщательно эту остро-
придуманную и подземную архитектуру. «Въ селѣ Сопѣл-
—говоритъ одинъ чиновникъ министерства [2])—я видѣлъ боль-
домъ, построенный въ видѣ лабиринта и состоящій изъ
кества келій и еще бо́льшаго числа ходовъ и выходовъ;
лъ въ немъ и тайники такого рода: въ стѣнѣ сдѣланъ
фъ, котораго полки заставлены большими горшками; поднявъ
нюю полку, здѣсь открывается щель, ведущая въ довольно
рную подземную комнату. Въ другомъ домѣ лавка придѣ-
къ полу и поднимается вмѣстѣ съ доскою пола, подъ ко-
й входъ въ большую комнату; или же выдвигается ступенька

---

[1]) См. отчетъ каргопольскаго благочиннаго о. протоіерея Виноградова въ дѣлѣ
инода.

[2]) Чиновникъ особыхъ порученій министерства внутреннихъ дѣлъ графъ Чапскій.

Google

въ лѣстницѣ, и подъ ней открывается тайникъ. Въ деревнѣ Дудкинѣ у одного крестьянина устроена была на дому двойная крыша такъ, что въ промежуткѣ между крышами могутъ спокойно жить (и жили) десятки бѣглыхъ. Во всѣхъ этихъ тайникахъ найдены были бѣглые». Вотъ еще подробное описаніе одного подобнаго же тайника, найденнаго въ селѣ Сошѣлкахъ, въ домѣ крестьянской дѣвицы Соломониды Михайловой Здобниковой, находящееся въ дѣлѣ министерства (см. стр. 118): «Къ наружной стѣнѣ сѣней придѣланъ шкафъ шириною 1 аршинъ 2 вершка, глубиной $8^1/_2$ вершковъ, вышиною два аршина 11 вершковъ; передъ шкафомъ уставлены кадки съ разными хозяйственными припасами; онъ раздѣленъ на двѣ половины и каждая изъ нихъ затворяется маленькими створчатыми дверцами; внутри шкафа устроены полки, на которыхъ разставлена разная посуда; низомъ для шкафа служитъ полъ сѣней, внутри его подлѣ пола къ лѣвому боку прибита однимъ гвоздемъ маленькая планочка, повидимому, для бо́льшей устойчивости шкафа; но между тѣмъ она прибита съ цѣлью, чтобы маскировать подъемную доску, длиною 1 аршинъ, шириною 8 вершковъ, которая составляетъ полъ сѣней и въ то же время низъ шкафа. По вынутіи изъ шкафа посуды и полокъ, и оторвавъ вышеозначенную планочку, можно лишь усмотрѣть, что полъ въ шкафѣ поднимается и что изъ него входъ въ яму глубиною и длиною въ $1^1/_4$ аршина, шириною 10 вершковъ; изъ этой ямы проходъ въ другую яму, длиною въ два аршина 12 вершковъ, шириною и глубиною 1 аршинъ 5 вершковъ, и выходящую уже во дворъ. Яма эта, или тайникъ, обложена внутри досками, а снаружи надъ нею сдѣланъ навѣсъ въ такомъ видѣ: къ наружной стѣнѣ избы наклонно поставлены жерди и покрыты соломой; боковыя стѣны этого навѣса устроены тоже изъ жердей и въ одной изъ нихъ находится дверь, выходящая на дворъ; есть и другой выходъ изъ этой ямы, потаенный — онъ идетъ подъ навѣсъ двора, гдѣ хранятся припасы для скота—солома, мякина и проч.».

Нужно замѣтить, что устройство тайниковъ вещь не настолько простая, чтобы каждый крестьянинъ-плотникъ могъ это сдѣлать себѣ и другому; нѣтъ, у странниковъ есть свои особые, привилегированные мастера на то, чтобы работать ихъ по искусно-придуманной, ломанной ихъ архитектурѣ. Такъ, напримѣръ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ занимается этимъ ремесломъ крестьянинъ троицкаго прихода деревни Варварской, Егоръ Ивановъ Корбуевъ, который устроилъ тайникъ у Друганина для Саввы и всѣ другіе, сколько ихъ находится у другихъ приста-

Digitized by Google

ержателей разныхъ приходовъ. Онъ, Корбуевъ, изучилъ это терство бывши въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ, тамошнихъ мастеровъ этого дѣла, занимающихся устройствомъ никовъ, видѣлъ какъ они устроиваются и бывалъ въ нихъ, ершенно уже устроенныхъ [1]).

«*Дѣйствительными странниками*» называются всѣ тѣ, кото- уклонились отъ повиновенія всякой власти, какъ отъ слу- нія антихристу, разорвали всякія житейскія связи и отношенія— кали отъ своихъ семействъ и обществъ, къ которымъ до того надлежали, и живутъ частію по лѣсамъ въ кельяхъ, землян- ъ и другихъ сокровенныхъ мѣстахъ, наиболѣе же по дерев- ъ, селамъ и городамъ — въ подпольяхъ и при домашнихъ никахъ, или же, наконецъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто, ьзуясь содержаніемъ отъ пристанодержателей. При поступ- іи въ странничество не требуется отчета о прежней жизни отъ ающаго поступить въ братство: здѣсь принимаются люди безъ каго разбора — бѣглые крестьяне, мѣщане, солдаты и даже ы и разбойники. Отъ желающаго поступить въ секту тре- тся только, чтобы онъ а) былъ бѣглый изъ того общества, къ орому принадлежалъ; б) чтобы истребилъ свой паспортъ или ументъ на свое званіе, потому-что такой документъ считается ушкою антихриста; в) чтобы онъ принялъ новое крещеніе, и предъ вступленіемъ выдержалъ положенную эпитимію. Поэтому, поступающіе въ странничество, изъ православныхъ ли или другихъ раскольническихъ сектъ, должны имѣть на то раз- шеніе отъ страннических наставниковъ; по полученіи этого рѣшенія, вступающій въ секту, если онъ принадлежалъ къ ому-нибудь обществу, сперва долженъ, для прикрытія своихъ мѣреній и избѣжанія людскихъ наблюденій, а наипаче пра- ельственныхъ, взять на отлучку билетъ или паспортъ; потомъ но скрыться изъ дому и готовиться въ продолженіи 40 дней вступленію въ секту, снявъ съ себя носимые прежде—крестъ поясь, соблюдая опредѣленный на это время постъ, питаясь ько хлѣбомъ и водою, за исключеніемъ дней субботнихъ и кресныхъ, въ которые разрѣшается имъ вареная постная пища, полняя положенные поклоны и слушая наставленія наставни- ъ, которые научаютъ вновь поступающаго «оглашеннаго» литвамъ и вообще знакомятъ его съ догматами секты. Самое

[1]) См. отчетъ преосвященнаго Аркадія, архіепископа олонецкаго за 1857-й годъ, 8-го марта 1857 года, представленный св. синоду при донесеніи за № 1298-мъ, мѣлѣ св. синода.

Digitized by Google

вступленіе въ секту начинается перекрещиваніемъ. Перекрещ
ваніе совершается обыкновенно въ ночное время, преимуществен
въ лѣсу или въ пустынѣ и непремѣнно въ рѣкѣ или озерѣ,
примѣру Спасителя. Только въ случаѣ неудобства, напр.,
слишкомъ холодное время, или въ случаѣ болѣзни адепта, д
лается исключеніе: перекрещиваніе совершается въ новомъ чан
А для больныхъ и слабыхъ дѣлается еще большее снисхожден
для нихъ сокращается и самый срокъ приготовленія къ кр
щенію, ихъ крестятъ или въ сараяхъ или въ подвалахъ.
этомъ случаѣ купель или чанъ приготовляется странниками, п
участіи пристанодержателей; но послѣдніе при крещеніи не м
гутъ присутствовать. Вообще же, по уставу секты странніко
перекрещиваніе совершается такъ: кладутъ на рѣкѣ или озе
доски четырехугольникомъ, новопоступающаго раздѣваютъ до-на
ставятъ его лицомъ къ востоку, вмѣстѣ съ нимъ поставляю
двоихъ воспріемниковъ, такъ, чтобы готовящійся стоялъ при к
пели среди ихъ, или же въ случаѣ невозможности имѣть дву
воспріемниковъ, когда крестятъ мужчину, то долженъ прису
ствовать крестный отецъ, а при женщинѣ — крестная мать;
томъ наставникъ читаетъ заключительныя молитвы, въ которы
проклинаетъ вмѣстѣ съ діаволомъ всѣхъ извѣстныхъ еретико
также православныхъ, подъ именемъ никоніанъ, преимуществен
же власти — свѣтскую, духовную и вообще всякую, проклинае
вмѣстѣ съ тѣмъ и современныхъ раскольниковъ прочихъ толковъ;
тѣмъ заставляетъ проклинать все это и самого готовящагося
крещенію; въ это время разрывается имъ взятый билетъ и
пирается ногами, особенно гербъ, въ знакъ того, что онъ сбе
гаетъ съ себя всякую власть, какъ антихристову; потомъ пер
вязываютъ его полотенцемъ и, наконецъ, троекратно погружаю
въ воду, оборачивая его по солнцу трижды съ произнесеніе
словъ: «во имя Отца,—аминь, и Сына—аминь и св. Духа, ны
и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь». Въ это время новокр
щенному нарицается и новое имя; затѣмъ надѣвается на не
новый осьмиконечный кипарисный крестъ, который обыкновен
бываетъ въ оловянной или жестянной оправѣ [1]), и новое бѣл

---

1) Этотъ крестъ всегда долженъ быть издѣлія страннническаго и имѣетъ нѣкотор
особенности. Онъ бываетъ кромѣ деревяннаго, обложеннаго оловомъ или жестью,
мѣдный литой. На лицевой сторонѣ того и другого креста дѣлается рѣзное изоб
женіе осьмиконечнаго креста, съ копіемъ и тростію по бокамъ. Надъ тростію букв
надъ копіемъ буква к, у подножія креста Адамова голова. Надъ крестомъ надпи
Цр҃ь сл҃вы Їс҃ Хс҃. Надъ верхнимъ краемъ правой стороны креста: Сн҃х, надъ

Digitized by Google

яніе, изготовленное самимъ крещающимся изъ холста, длин-
старинnаго покроя, и поясъ; затѣмъ обходятъ вмѣстѣ съ
пріемниками вокругъ купели (когда это совершается по нуждѣ,
ану) трижды по-солонь. Сряду за симъ новокрещенный по-
гается въ иночество, называясь произвольнымъ инокомъ и
едается .воспріемникамъ для руководства въ новой жизни.
лѣ крещенія опять заповѣдуется ему строгій постъ, сухо-
іе, и затѣмъ обязуется онъ въ продолженіе всей жизни имѣть
требленіе только постной пищи. Послѣ сего перекрещенный
знается за дѣйствительнаго странника.

Вступившій такимъ образомъ въ секту странниковъ, съ этого
ени, даетъ обязательство (нѣчто въ родѣ присяги): 1) нака-
власти, ни духовной, ни свѣтской, какъ антихристовой, не
иноваться; 2) всѣхъ живущихъ въ обществахъ признавать
ами, преданными антихристу; 3) избѣгать всякихъ сношеній
ластію, и потому никогда болѣе не только не принимать пас-
овъ самому, но и другимъ данныхъ не брать въ руки; по-
й не платить, никакихъ повинностей общественныхъ не ис-
нять и объ исполненіи ихъ за себя другихъ не просить; 4)
избѣжанія какихъ бы то ни было вліяній правительства упо-
лять всякую ложь и обманъ и пользоваться всеможною хит-
ію и притворствомъ, даже видимымъ нарушеніемъ и отступ-
емъ отъ положеній своей секты; 5) пищею и содержаніемъ
зоваться отъ пристанодержателей, которые и обязываются
лѣ ихъ никому не подавать; 6) для облегченія способовъ со-
канія, предоставляемаго имъ пристанодержателями, способ-
нимъ изъ странниковъ поставляется въ обязанность, при по-
ствѣ пристанодержателей, ходить и ѣздить по городамъ и
мъ для расположенія въ свою секту преимущественно людей
тыхъ, чтобы чрезъ нихъ во всякое время возможно было
ть довольство въ жизненныхъ потребностяхъ со всѣми нахо-
имися въ странничествѣ. Относительно же вѣроученія, на-
никами внушается своимъ адептамъ слѣдующее: такъ какъ
антихристъ царствуетъ въ мірѣ видимо во властяхъ и
ь нихъ все ему въ мірѣ покорено и владычествомъ его
ернено, то, 1) чтобъ они исповѣдывали, что спастись
но только въ ихъ вѣрѣ; 2) что церковь православная есть
лище антихриста, мѣсто главнаго ему служенія, мерзость

Бѣ; надъ нижнимъ краемъ правой стороны креста ни, а надъ лѣвымъ на, оротѣ же креста вырѣзываются слова воскресной молитвы: „да воскреснетъ Богъ идутся врази его“ и проч.

Digitized by Google

запустѣнія; 3) что богослуженіе, таинства, обряды и вообще в
святыни христіанскія—суть осквернение для «истиннаго христ
нина»; 4) что проповѣдники слова Божія—суть лжепророки а
тихристовы,—а потому требуется отъ наставляемыхъ, чтобы о
не только избѣгали всякаго общенія съ живущими въ мірѣ и
ществахъ, но и презирали все, что тѣми (нечестивцами, еретика
признается, почитается и уважается какъ священное; 5) что м
литься должно только въ своихъ тайникахъ и предъ свои
иконами, не возжигая предъ ними ни масла, ни свѣщи; 6) ч
ни за кого Бога молить не должно, не исключая и родителей, кро
тѣхъ, которые занимаются пристанодержательствомъ; 7) бра
почитать скверною, смертнымъ грѣхомъ, и жить безбрачно,
впадшихъ въ блудодѣяніе не считать великими грѣшниками
исправлять ихъ только поклонами,—потому, что сожитіе съ
конною женою, по ученію странниковъ, не осуждаютъ, и съ н
удобнѣе грѣшить, а блудъ осуждаютъ, и тѣмъ уменьшается
жесть этого грѣха; 8) приготовляя больныхъ и престарѣлыхъ
смерти, заботиться лишь о томъ, чтобы умереть имъ въ от
ченіи отъ обществъ, а не при своихъ домахъ, и погребены
быть въ лѣсу или пустыхъ мѣстахъ; 9) никого не помина
кромѣ тѣхъ, которые умерли въ ихъ сектѣ; и, наконецъ 10)
ставниками въ богоугодной жизни признавать только своихъ
ставниковъ и почитать ихъ какъ отцовъ, понимать и исповѣд
вать вѣру такъ, какъ они по своему мудрованію объясняют
толкуютъ; имъ только исповѣдываться въ грѣхахъ своихъ и вѣ
учиться только отъ нихъ, или отъ тѣхъ, которые ими буду
признаны къ тому способными.

Такимъ образомъ — семейный бытъ для странника не суп
ствуетъ: со дня вступленія въ секту мужъ и жена чужіе дру
другу; всѣ принявшіе крещеніе «странники» обязаны странст
вать, подражая будто Христу и Апостоламъ, не знавшимъ
паспортовъ, ни документовъ и переходившимъ изъ мѣста
мѣсто, изъ одной страны въ другую. При этомъ, кромѣ ки
риснаго креста на шеѣ—отличительнаго признака каждаго «стра
ника»—у каждаго изъ нихъ должна быть своя икона, обык
венно мѣдно-литая, складная, своя лѣстовка, подручникъ, чаш
и ложка (что́ они обыкновенно и носятъ съ собою въ мѣшечк
Впрочемъ, лицамъ одного согласа не запрещается ѣсть и пи
изъ одной чашки. Строго выполняя предписываемыя имъ правила,
одни изъ странниковъ ходятъ безъ всякихъ письменныхъ видо
другіе съ фальшивыми видами, третьи — съ такъ-называемы
духовнымъ паспортомъ, «подписаннымъ царемъ царей, про

Digitized by Google

имъ въ полиціи вольной, въ градѣ Вышнемъ Іерусалимѣ»[1]).
гда попадаются, то стараются скрывать свое происхожденіе,
гда спрашиваютъ ихъ: кто они и откуда? то обыкновенно
му не даютъ о себѣ точнаго свѣдѣнія, по господствующему
лу: «аще кто вопроситъ тя, откуда родомъ» — отвѣтствуй:
да настоящаго не имѣю, но грядущаго взыскую» [2]); тѣ же
анніи Христовы люди» или «христіане по новой благодати»
ь называютъ также себя странники, которые поселяются на
льство у странноприимцевъ) кромѣ того, что складываютъ
хъ все сносимое или при побѣгѣ имущество, пріобрѣтенное
а воровствомъ, и проч., но и помогаютъ пристанодержате-
въ домашнихъ работахъ. Есть странницы, дочери зажиточ-
крестьянъ, о которыхъ нарочно подавались объявленія, что
бѣглыя, слѣдовательно, подлежали преслѣдованію правитель-
— между тѣмъ онѣ оставались дома, только скрываясь въ
какъ родительскихъ избъ,—и находя для себя отраду сколько
ключеніи себя изъ общества невѣрующихъ, по ихъ мнѣнію,
ристовыхъ гражданъ, столько же «въ стѣсненіи, скрытіи и
іи», когда, впрочемъ, никто ихъ не гналъ и не преслѣдо-
Такъ какъ санъ странника есть санъ иноческій, налагаю-
на пріемлющаго обѣты цѣломудрія, поста, молитвъ и по-
въ, то странникамъ воспрещено употребленіе мяса, вина,
и проч., и поэтому они не пользуются пищею приготовляе-
даже странноприимцами, но сами готовятъ для себя особую
въ кельяхъ, гдѣ проживаютъ. Обильныя подаянія отъ бо-
ъ купцовъ и покровителей страннической секты деньгами
пасами дѣлаютъ жизнь ихъ не только безбѣдною, но даже
льною. Кромѣ того они имѣютъ обыкновеніе ѣздить осенью,
борку хлѣба, по деревнямъ, гдѣ «христолюбцы» щедро на-
аютъ «христовыхъ людей» хлѣбомъ и разными припасами,
ѣе уже для нихъ приготовленными. Странники иногда и
ъ подаянія достаютъ себѣ деньги — собственными трудами.
іе изъ нихъ знаютъ разныя ремесла: грамотные переписы-
ь старопечатныя книги и духовные стихи для раскольниковъ,
е же — иконописцы, или переплетчики, или столяры, или
ные, или сапожники, литейщики мѣдныхъ образовъ, дѣлатели

---

[1]) Образчикъ такого паспорта приложенъ къ дѣлу министерства въ подлинникѣ; ъ же видѣ онъ напечатанъ и у г. Вескинскаго на стр. 333 „Прав. Обозр.“ за 64 г., и у Кельсіева въ IV вып. стр. 294.

[2]) См. показанія странниковъ Ивана Васильева и Ѳедора Андреева—выписка в. синода.

Digitized by Google

крестовъ, восковыхъ свѣчъ и проч., снабжающіе своихъ собратій нужными для нихъ вещами, и всѣ они, благодаря странноприимцамъ, въ работѣ не имѣютъ недостатка. При всемъ томъ большинство странниковъ живутъ на чужой счетъ, предпочитая эту бездѣльную жизнь какимъ бы то ни было занятіямъ, а тѣмъ болѣе трудной работѣ.

Такимъ образомъ, странничество, по своему принципу, есть строгій аскетизмъ; въ самомъ основаніи его, какъ мы видѣли, лежитъ мысль о первоначальномъ раскольническомъ аскетизмѣ: странники наружно всѣ монахи, — подъ этимъ только условіемъ они и принимаются въ странничество. Идеаломъ для нихъ въ этомъ отношеніи служитъ старо-поморскій скитскій уставъ, или, что то же, уставъ соловецкаго монастыря (т.-е. уставъ старцевъ, бѣжавшихъ изъ этого монастыря) [1]; но уставъ этотъ весьма строгъ. За разныя преступленія и уклоненія полагаются различныя, не легкія эпитиміи. Больше всего наказывается блудъ и общеніе съ мірскими [2].

Разумѣется,—строгость этихъ эпитимій не всегда соблюдается съ точностію. Тѣ изъ сектаторовъ, которые свободно относятся къ строгости устава, придумываютъ разныя оправданія «для слабости и немощи» человѣческой. По этому поводу, въ народѣ такіе странники, несмотря на строгіе уставы о постѣ, называются «сладкоѣжками». Есть однако и строгіе исполнители устава во всей его полнотѣ:—это старики и старухи, которые отличаются точнымъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ о числѣ земныхъ поклоновъ и молитвъ. Бываютъ примѣры, что и нестарые странники изумляютъ своимъ подвижничествомъ. Въ разсказѣ г. Мельникова «Гриша», говорится объ одномъ странникѣ, который въ продолженіи ночи положилъ 6000 земныхъ поклоновъ. По правиламъ устава, принимаемаго странниками, странники-мужчины называются между собою братіями и старцами, а женщины сестрами и старицами, и подчиняются въ своей мнимо-монастырской или келейной жизни руководству такъ-называемыхъ настоятелей, или наставниковъ.

«*Наставники*» въ страннической сектѣ составляютъ третій, высшій разрядъ ея членовъ. Они представляютъ собою и власть

---

[1]) См. показаніе странницы Ирины Никифоровой—въ дѣлѣ св. синода, въ запискѣ пр. Филарета.

[2]) Такъ, за первый грѣхъ противъ 7-й заповѣди налагается строгій постъ, и сверхъ его налагается на виновнаго эпитимія въ 1000 земныхъ поклоновъ въ теченіе 20-ти братскихъ трапезъ, по 50 во время каждой,—за грѣховное паденіе въ постъ полагается 12,500 поклоновъ, а за „годичный грѣхъ“ 50,000.

Digitized by Google

овную, родъ іерархіи, и власть административную. Наставникъ
ты совершаетъ и таинства (крещеніе и покаяніе), и богослуже-
и всѣ обряды; онъ же представляетъ и судью при разбиратель-
ѣ возникающихъ дѣлъ между странниками. Изъ наставниковъ же
тоитъ и самый «верховный совѣтъ» всего согласія странни-
ь. Въ случаѣ какихъ-либо жалобъ или разрѣшенія вопросовъ
ѣрѣ, всѣ наставники, а съ ними и болѣе начитанные старцы,
раются на «совѣтъ» и рѣшаютъ дѣла по голосамъ. Въ Со-
кахъ, этомъ центрѣ бѣгуновъ, нѣсколько разъ бывали подобныя
ранія; тамъ и до сихъ поръ существуетъ «верховный совѣтъ
го согласія», — туда и донынѣ собираются представители
зныхъ притоновъ странничества. — Наставники избираются
анниками изъ среды себя, болѣе начитанные, энергичные къ
у пропаганды и способные «въ словѣ». Наставникъ осѣд-
ъ быть не можетъ; всякій желающій имѣть какое-нибудь влія-
на братію долженъ находиться въ странствіи. Кромѣ того,
наставникахъ лежитъ прямая и главная обязанность объѣз-
ь принадлежащихъ къ ихъ сектѣ, толковать священное пи-
іе и преподавать вѣроученіе секты; далѣе — отправлять бого-
женіе въ молельняхъ, крестить, исповѣдывать, погребать умер-
къ и производить судъ. И вотъ, пользуясь такими обширными
вами, начитанные, хитрые и ловкіе наставники, странствуя изъ
та въ мѣсто по своимъ сектантамъ, умѣютъ пользоваться на-
нностію и православнаго простого народа къ разъясненію во-
совъ вѣры, и настраиваютъ его умственную дѣятельность по-
ему, представляя въ изувѣрномъ свѣтѣ весь современный поря-
ь вещей какъ созданіе антихриста; такимъ образомъ, съ по-
дію народнаго невѣжества и простоты, они утверждаютъ въ
ковѣрныхъ то искреннее убѣжденіе, что царство антихриста
тало и что повиновеніе его власти гибельно для души. Есте-
енно, что крестьянинъ, въ особенности если еще онъ раскольъ, слушая подобныя внушенія отъ такого же, какъ самъ онъ,
стьянина, человѣка не разорвавшаго съ нимъ связи единства
ни и духа, несравненно болѣе довѣряетъ ему, чѣмъ всякому
ому лучшему проповѣднику изъ другого сословія, а потому и
инаетъ смотрѣть на все такъ, какъ научитъ его фанатикъ.
юда становится понятнымъ и распространеніе раскола между
вославнымъ населеніемъ обширнаго нашего отечества. — Въ
тѣ странниковъ въ наставники иногда избираются и женщины,
ьзующіяся вліяніемъ на дѣла секты; онѣ отправляютъ даже
жбы, только въ мелкихъ собраніяхъ, за отсутствіемъ настав-
овъ и по ихъ назначенію, а въ крайнихъ случаяхъ совер-

Digitized by Google

шаютъ и погребеніе умершихъ и прочія требы. Наставники и наставницы странниковъ, совершая у нихъ обряды и требы, получаютъ весьма значительное вознагражденіе за свой трудъ,—обыкновенно это бываетъ не по расположенію хозяина, а по волѣ и желанію самого наставника: оттого всѣ наставники странническіе наживаютъ большія деньги. Бываютъ случаи, что имѣя въ виду почетъ и деньги, корыстолюбивый начетчикъ всѣми мѣрами старается попасть въ наставники, и когда достигаетъ цѣли своего искательства, предается вполнѣ своимъ дурнымъ наклонностямъ и служитъ въ тягость самимъ сектантамъ, оттого нерѣдко случается, что по рѣшенію «верховнаго совѣта» лишаютъ такихъ званія наставника и изгоняютъ изъ своего общества совершенно [1]). Подобныхъ случаевъ въ исторіи бѣгуновъ бывало не мало. Встрѣчаются и такіе наставники, которые сами себѣ присвояютъ это званіе произвольно и заводятъ сначала свою особую паству, а послѣ или присоединяются къ общей страннической семьѣ, или дѣлаются «отщепенцами вѣры»—смотря по тому, что удобнѣе для нихъ и выгоднѣе.

Въ дѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, между прочими показаніями странниковъ, особенною полнотою и оригинальностію отличается показаніе самого Никиты Семенова. Задумавъ обмануть и правительство и церковь своимъ мнимымъ обращеніемъ, онъ съ видимымъ чистосердечіемъ и откровенностію открывалъ всѣ закулисныя тайны своей секты. Здѣсь же онъ сообщаетъ и много интересныхъ свѣдѣній и замѣчаній о своихъ собратьяхъ-наставникахъ. Поименовавъ не только тѣхъ, которыхъ онъ видѣлъ, но и тѣхъ, о которыхъ слышалъ, описавъ ихъ примѣты, характеръ, способности и мѣста дѣйствій, онъ весьма справедливо замѣчаетъ потомъ, что и секта наиболѣе развита тамъ, гдѣ пристаютъ наставники. Онъ подраздѣляетъ современныхъ наставниковъ страннической секты на *первостатейныхъ* и *второстепенныхъ*. Вотъ его отзывъ объ одномъ изъ первостатейныхъ учителей, Ѳедорѣ Ивановѣ:

«Ѳедоръ Ивановъ изъ кантонистовъ, родомъ изъ Костромской губерніи, (объ немъ у насъ уже была рѣчь),—даровитъ и начитанъ, уменъ и разсудителенъ; болѣе всего онъ проживалъ въ полдневой сторонѣ, т.-е. къ югу отъ Сопѣлокъ, а особенно въ деревнѣ Мутовкахъ. Въ Костромской губ. мы вмѣстѣ съ нимъ были верстахъ въ 20-ти отъ Плёса у Ивана Тимоѳеева, достаточнаго крестьянина среднихъ лѣтъ; съ нами были Прокопій

[1]) См. август. книжку „Прав. Обозрѣнія“ за 1864 г. стр. 329.

Digitized by Google

сильевъ и Сергѣй Шадринъ изъ-подъ Краснаго, Костромского
зда; тутъ нашли мы Степана Яковлева, брата Антипы, съ ко-
рымъ желалъ свести насъ Васильевъ, нарочно пріѣхавшій за
ми въ Ярославль. Здѣсь было разсужденіе объ антихристѣ;
кій остался при своемъ мнѣніи. Слышалъ я, что Ѳедоръ
ановъ знался съ какими-то Кобелевыми въ Кинешемскомъ
здѣ, но самъ я въ той сторонѣ не бывалъ. Теперь онъ, какъ
шно, въ Плёсовской сторонѣ».

Потомъ Никита Семеновъ подробно исчисляетъ мѣста, гдѣ
истаютъ странники, называя по именамъ всѣхъ пристанодер-
телей. Это настоящій адрессъ-календарь бѣгуновъ.

Относительно догматики этой безобразной секты можно замѣ-
ь прежде всего, что согласіе странниковъ принимаетъ всѣ
вныя начала русскаго раскола вообще, и въ особенности глав-
начала безпоповщины, а именно ученіе объ антихристѣ. Но
то же время секта странниковъ отличается отъ всѣхъ раскольни-
ческихъ сектъ, обличая ихъ въ разныхъ заблужденіяхъ и ере-
съ, преимущественно же за сближеніе ихъ съ русской церковью
одчиненіе ихъ гражданской власти. Отличается она и отъ без-
ловщины въ самомъ ученіи объ антихристѣ: тогда какъ вообще
поповщина вѣруетъ, что антихристъ, пришедшій на землю,
ствуетъ невидимо и печать его есть употребляемое православ-
ми троеперстное сложеніе для крестнаго знаменія,—странники
поповѣдуютъ, что антихристъ царствуетъ видимо, а печатію
ихриста признаютъ повиновеніе правительству. Вся сущность
нія странниковъ состоитъ въ томъ, что они признаютъ себя
лами единой истинной церкви Христовой, какая существовала
Россіи со временъ св. Владиміра до патріарха Никона, и
орая теперь сохраняется только въ ихъ обществѣ. Потому
не называютъ себя ни раскольниками, ни по имени основа-
я секты ефимовцами, какъ называются раскольники другихъ
ласій — филипповцы, ѳедосѣевцы и проч., а именуютъ себя
гда только «христіанами».

Въ отношеніи къ православной церкви,—странники назы-
ютъ отступленіями русской церкви отъ догматовъ истиннаго
авославія тѣ же предметы, какіе проповѣдуетъ и весь русскій
сколъ. Эти отступленія, или, какъ они называютъ, *вины*, кратко
числены въ исповѣданіи вѣры наставника ихъ Александра
сильева, и суть слѣдующія: 1) исключеніе слова *истиннаго*
8-го чл. символа вѣры; 2) служеніе на пяти просфорахъ вмѣсто

Digitized by Google

семи; 3) принятіе троеперстнаго сложенія для крестнаго знаменія, вмѣсто двуперстнаго; 4) измѣненіе имени Господа: *Іисусъ* въ *Іисусъ*; 5) принятіе четвероконечнаго креста наравнѣ съ осьмиконечнымъ; 6) употребленіе трегубой аллилуіи, вмѣсто сугубой; 7) хожденіе во время крещенія противъ солнца, а не посолонь; 8) оставленіе въ новопечатныхъ книгахъ слово «Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго»; 9) дозволеніе брить бороду; 10) употребленное въ розыскѣ св. Димитрія Ростовскаго выраженіе о Спасителѣ: «имать распинатися за нѣкое прегрѣшеніе» (гдѣ будто бы безгрѣшный Сынъ Божій нарицается грѣшнымъ); 11) хулы и проклятія, произнесенныя противъ молящихся двуперстнымъ крестомъ, которыя, по мнѣнію странниковъ, доказываютъ совершенное отреченіе великороссійской церкви отъ словесъ Христовыхъ и наступленіе злополучныхъ временъ власти антихристовой. Соотвѣтственно такому взгляду на русскую церковь, странники убѣждены, что всѣ таинства, совершаемыя ею по новымъ книгамъ, суть не таинства, а только осквернения, и потому она неизбѣжно ведетъ всѣхъ чадъ своихъ къ вѣчной погибели; потому же странники не имѣютъ никакого общенія съ православными ни въ молитвѣ, ни даже въ пищѣ. Очевидно, что въ ученіи объ отступленіяхъ русской церкви странники согласны вообще съ раскольниками какъ поповщинскихъ, такъ преимущественно безпоповщинскихъ толковъ, и не представляютъ никакихъ особенностей.

Въ отношеніи къ гражданской власти, странники учатъ и признаютъ, что всякая власть и есть самый антихристъ, всѣ лица подвѣдомственныя ей — слуги антихриста, и всѣ распоряженія власти — велѣнія антихриста, и кто признаетъ надъ собою такую власть, тотъ отступаетъ отъ Бога. Въ ученіи объ антихристѣ послѣдователи Евѳимія во всемъ согласны съ его пропагандой, а именно, что антихристъ воцарился на землѣ въ лицѣ Петра I-го, какъ только принялъ онъ названіе императора, и проч. На ревизію и на паспорты они смотрятъ какъ на хитрое желаніе антихриста включить въ число своихъ подданныхъ послѣдователей древняго благочестія, заклеймить ихъ названіемъ гражданъ общества, управляемаго антихристомъ, и наложить на личность каждаго печать своего владычества. Во всѣхъ узаконеніяхъ послѣдующихъ государей, касательно раскольниковъ и вообще во всѣхъ мѣрахъ и распоряженіяхъ правительства они видятъ постоянное стремленіе къ наложенію на всѣхъ печати антихриста. Мнѣніе это до того укоренилось между странниками, что они самое устройство запасныхъ сельскихъ магазиновъ, какъ признакъ спасенія

Digitized by Google

урожаевъ и скудости земли, считаютъ хитростью антихриста, мѣревающагося во время голода раздавать хлѣбъ за своею петью. У раскольниковъ странническаго согласія существуетъ ртина, изображающая Петра I-го въ видѣ антихриста, въ вѣнцѣ порфирѣ. Сатана, подавая ему свѣчу, говоритъ: «Твори волю ю; одного Іуды мнѣ нынѣ мало, а чрезъ тебя я привлеку къ бѣ много людей». Подлѣ Петра I-го изображена православная рковь въ видѣ блудницы. Посему-то странники убѣждены, что тинные христіане для спасенія своей души должны или на ань вступить противъ антихриста, или, по невозможности боться съ нимъ, бѣжать далѣе отъ его власти, укрываться гдѣ то ни было, странствовать, и что для нихъ въ настоящія емена не должно быть ни семьи, ни общества, и никакихъ ныхъ властей, а есть только на небеси одинъ Отецъ и Влака, отпустившій ихъ на волю, Христосъ. Соотвѣтственно этому ранники называютъ себя только Христовыми людьми, рабами кьими, и больше ничьими.

Наконецъ въ отношеніи къ прочимъ раскольникамъ, странники, держась мысли, что всякое сближеніе съ никоніанами и рковію, хотя бы неискреннее, а только наружное, и всякая кое притворная покорность земной власти могутъ налагать на тинныхъ христіанъ печать антихристову, — сильно осуждаютъ скольниковъ другихъ сектъ за тѣ ихъ дѣйствія, которыми они олько-нибудь показали повиновеніе гражданской власти или ниженіе съ православною церковію. Такъ, Никита Семеновъ своемъ сочиненіи: «Малый образъ ересей» называетъ всѣ кія дѣйствія *ересями*, и насчитываетъ 30 такихъ ересей. Онъ оряетъ раскольниковъ въ томъ, что они а) преслушали запоѣдь писанія бѣжать отъ власти антихриста и чрезъ-то приняли себя его печать; б) записавшись въ ревизію, включили себя число его подвластныхъ; в) не соблюдаютъ сказаннаго въ пиніи, что должно жить безбрачно и внѣ мірскихъ попеченій въ тихристовы времена; г) признаютъ будто въ настоящемъ мірѣ, е. въ *падшемъ Вавилонѣ*, еще можетъ быть церковь, тогда къ по пророчествамъ въ наши антихристовы времена слово жіе въ церквахъ не услышится, а истинные христіане должны гать; д) платятъ подати антихристу; е) согласились писать себя скольниками и чрезъ то отреклись отъ имени христіанскаго; ложно толкуютъ, будто печать антихристова заключается въ оеперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія (называемомъ ми щепотью) и въ употребленіи ими четвероконечнаго креста, гда какъ печать эта полагается исполненіемъ воли антихри-

Digitized by Google

стовой; з) часто, оставаясь тайными раскольниками, пишутся православными, и вмѣстѣ съ «еретиками-никоніанами» исповѣдуются и участвуютъ въ дѣлахъ мірскихъ; и) молятся за «нечестивую» земную власть, какъ бы за благочестивую; і) допускаютъ между собою браки, тогда какъ правильнаго священства болѣе нѣтъ на землѣ, и потому браковъ правильныхъ быть не можетъ; к) поступаютъ на службу царскую и даютъ съ цѣлованіемъ Евангелія присягу земной власти; л) наймомъ за себя рекрутовъ подвергаютъ нечестивому воинскому игу и другихъ; м) угощаютъ въ домахъ своихъ еретиковъ (т.-е. православныхъ христіанъ); н) въ царскіе дни, вмѣстѣ съ нечестивыми зажигаютъ въ знакъ торжества плошки и дома свои освѣщаютъ; о) кровь животныхъ ѣдятъ въ сахарѣ и колбасахъ; п) носятъ нѣмецкое платье; р) платятъ священникамъ за исповѣдь и погребеніе; с) живутъ не похристіански, и проч. Поэтому-то съ раскольниками другихъ сектъ, точно также какъ и съ православными, странники не имѣютъ общенія ни въ пищѣ, ни въ молитвѣ, и въ случаѣ принятія ихъ въ свой толкъ, перекрещиваютъ ихъ какъ и православныхъ. Только съ ѳедосѣевцами и филипповцами, а всего болѣе съ самокрещенцами они живутъ въ нѣкоторомъ согласіи, но и тѣхъ считаютъ злыми еретиками за то, что они берутъ иногда паспорты. Вообще же взглядъ странниковъ на прочія исповѣданія и толки раскола самый безобразный. Это яснѣе всего видно въ «Тюменскомъ Странникѣ», гдѣ, говоря объ «обновленіи антихриста», какъ обзываютъ странники священное коронованіе, авторъ такъ описываетъ процессъ присяги: «пойдутъ къ нему на поклоненіе, сирѣчь подъ присягу... лютые демоны, сирѣчь митрополиты, потомъ злочинные, а по сихъ пустопопы... потомъ богоотчужденная рать поганая, бѣси, всякіе полки, по нихъ богомерзкія разныя секты, сирѣчь дѣти діаволовы: первая пойдетъ Никонова, по ней старообрядцы, потомъ проклятые армяне, по сихъ Богомъ ненавистная поморская секта, по нихъ богоубійцы жидове, потомъ татарове и калмыки и прочія богомерстіи секты»...

Современная система странническаго вѣроученія по новѣйшимъ произведеніямъ ихъ богословской литературы, кромѣ обыкновенныхъ въ расколѣ голословныхъ положеній и апокалипсическихъ примѣненій, представляетъ и особенныя основанія ихъ вѣры и дѣятельности, приводимыя ими будто изъ св. писанія,—основанія, весьма курьезныя по ихъ новости и оригинальности. Сочиненіе «Разглагольствованія тюменскаго странника» служитъ въ этомъ отношеніи лучшимъ представителемъ современной догма-

Digitized by Google

и странниковъ. Основныя положенія его хотя одни и тѣ же, ъ и въ сочиненіяхъ Евѳимія — взглядъ на правосл. церковь правительство остается тотъ же; но въ немъ есть и замѣча- ьныя особенности въ постановкѣ вопросовъ и въ доказатель- ахъ, характеризующихъ чисто религіозныя стремленія «стран- овъ».

Согласно съ ученіемъ Евѳимія и вообще съ ученіемъ дру- ь раскольническихъ толковъ, «Тюменскій странникъ» утверж- ть, что православная церковь со временъ патріарха Никона алась еретическою, — что въ 17 гл. Апокалипсиса именно разумѣется подъ женою любодѣйцею, и что словами 18-й вы: «изыдите изъ нея людіе мои, да не причаститеся грѣхомъ и отъ язвъ ея да не вредитеся» [1]) самъ Богъ повелѣваетъ принимать ея ученія. Далѣе онъ утверждаетъ, что современи же патр. Никона и «благодать взята на небо», такъ что нѣтъ теперь болѣе ни въ церкви, ни въ правительствѣ. На ъ основаніи «Тюменскій странникъ» и таинства церкви счи- ъ осквернѣніемъ, говоря, что объ нихъ такъ сказано въ Апо- ипсисѣ: «имущи чашу злату въ рущѣ своей, полну мерзости квернъ любодѣянія ея [2]), и яко отъ вина ярости любодѣянія напои вся языки» [3]); поэтому-то, заключаютъ бѣгуны, и всѣ тановленія церкви и узаконенія правительства, какъ лишен- благодати, противны Богу и необязательны къ исполненію тѣхъ, которые хотятъ спастися.

Вслѣдствіе такого взгляда на св. церковь, авторъ не именуетъ даже церковію, а обзываетъ «смущеннымъ жидовскимъ собра- ъ».

О таинствахъ церкви «Тюменскій странникъ» разсуждаетъ ъ:

а) *Крещеніе*, не только совершаемое въ православной церкви, аже и раскольниками другихъ сектъ, не исключая и само- ценской, есть еретическое: крещеніе же еретическое нѣсть щеніе, но паче осквернѣніе. О крещеніи, совершаемомъ дру- и раскольническими толками, говорится: «во единой рѣкѣ ку- тся, сирѣчь, крестятъ, какъ пустопопы (то-есть, православ- священники), такъ и сентоводцы, и крестятъ они равно въ безаконную троицу, во отца-діавола, сына погибельнаго и духа аваго [4]). На этомъ основаніи странники будтобы и перекре-

[1]) Апок. XVIII—4.
[2]) Апок. XVII—4.
[3]) Апок. XVIII—3.
[4]) „Разглагольствованія Тюменскаго странника".

Digitized by Google

щиваютъ всѣхъ приходящихъ въ ихъ согласіе. Крестятъ же они или въ водѣ дождевой, или въ собранной у самаго выхода родника, на томъ основаніи, что будто такая вода (скопная вода), не протекая по землѣ, подвластной антихристу, еще не осквернилась.

б) *Мѵропомазанія* странники не принимаютъ потому, что имъ не слѣдуетъ, они говорятъ, помазываться мѵромъ, сваренным людьми; ибо объ нихъ, какъ о «записанныхъ въ книги животныя», говоритъ Апостолъ: «вы помазаніе имате отъ святаго и и вѣсте вся» [1]).

в) *Покаяніе* и въ настоящее время они приносятъ своимъ наставникамъ, подобно всѣмъ другимъ безпоповщинскимъ толкамъ.

г) *Причащеніе* отвергаютъ на томъ основаніи, что такъ какъ они одни суть сыны истинной Христовой церкви, то для нихъ одного желанія пріобщиться достаточно. Къ этому общему для всей безпоповщины мнѣнію, «Тюменскій странникъ» присоединяетъ слѣдующее: «принимаю на каждый день тѣло Христово и безсмертнаго источника вкушаю, сирѣчь каждый день трапезу поставляю и въ показанное время обѣдаю. Законнику свято есть какую пищу ни поставитъ, хотя быше и зеліе крѣпко, и то въ тѣло и кровь Христову обращается, а беззаконнику и богопротивнику вся пища обращается въ уголь горящій, и червь кипящій и въ смрадъ зловонный изъ адова сокровища» [2]).

д) *Священства* странники не имѣютъ потому, что теперь, во времена антихриста, нѣтъ болѣе проручествующей благодати св. Духа, и что объ нихъ, какъ истинныхъ христіанахъ и «праведникахъ» сказано: «сотворилъ есть насъ цари и іереи Богу и Отцу своему» [3]).

е) *Браки*, совершенные не только въ церкви, но даже и по обрядамъ другихъ толковъ, отвергаютъ. «Тюменскій странникъ» на нѣсколькихъ страницахъ распространяется о томъ, что родители, вѣнчающіе дѣтей, «ихъ своими руками закалаютъ и къ седмиглавому змію отсылаютъ на съѣденіе»; что «земля на 30-ть саженей въ глубину осквернилась отъ свадебъ и вопіетъ къ Богу, прося повелѣнія пожрать родъ человѣческій» и проч. Блудное сожитіе вмѣсто брака странники дозволяютъ на томъ основаніи, что будто бы теперь, во времена пришествія антихриста, они

---

[1]) I. Іоанна, 11—20.

[2]) „Разглагольствованія Тюменскаго странника“.

[3]) Апок. 1—6.

Digitized by Google

праведны; а апостолъ Павелъ говоритъ, что праведнику
нъ не лежитъ [1]).

ж) *Елеосвященіе* странники считаютъ совершенно лишнимъ
енужнымъ обрядомъ.

Выходя изъ такого понятія о св. церкви и ея таинствахъ,
нники составили свое особое, дикое, но оригинальное міро-
рцаніе. Вотъ, какъ разсуждаетъ «Тюменскій странникъ» по
у предмету: съ паденія благочестія въ Россіи, въ мірѣ, го-
ть онъ, все раздѣлилось на двое—Божіе и сатанинское.

Въ мірѣ Божіемъ:	Въ мірѣ сатанинскомъ:
Богъ, истиный творецъ всея тва- ждитель, вседержитель, пастырь, одитель и всему міру хранитель ситель.	1) Противникъ Божій, антихристъ, діаволъ, сынъ погибельный, седмиглавый, змій древній, клеветникъ, истовый пакостникъ, судія сатанинъ, титинъ, пресподній, бѣсъ.
Духъ святый истинный животво- й.	2) Духъ ложный, противный, погибельный и убивательный.
Градъ небесный, Сіонъ, вышній алимъ й райскія свѣтлицы въ	3) Великій градъ падшій, темный Вавилонъ и адовы темницы въ немъ.

Во градѣ небесномъ:	Въ Вавилонѣ:
Благовѣрные.	4) Зловѣрные.
Благочестивые.	5) Злочестивые.
Священники.	6) Люты демоны.
Благочинные.	7) Злочинные.
Попы.	8) Пустопопы, кони сатанины, только во адъ души возятъ къ отцу своему діаволу.
Благородные.	9) Злородные.
Слуги Божіи.	10) Слуги діаволовы.
Столпы Божіи.	11) Столпы діаволовы, какіе столпы, такія и стѣны.
Праздники торжественные.	12) Праздники табельные, сирѣчь табачные.

Міръ Божій тѣсенъ, міръ же сатанинъ просторенъ и обши-
; міръ Божій бѣденъ, міръ сатанинъ богатъ, гордъ и роско-
. Въ Вавилонѣ (то-есть, въ Россіи), по мнѣнію «Тюменскаго
нника», управляетъ всѣми людьми антихристъ, который господ-
ъ не духовно, какъ полагаютъ послѣдователи другихъ ра-
ническихъ толковъ, а «тѣлесно и видимо».

По ученію ихъ, антихристъ пришелъ на землю, когда въ лѣ-
сленіи исполнилось число имени его 666, то-есть, въ 1666-мъ
когда соборомъ вселенскихъ патріарховъ утверждено было
авленіе книгъ, совершенное Никономъ. Они говорятъ, что
ождествѣ Христовѣ сатана былъ связанъ 1000 лѣтъ, и по-
получилъ свободу; а когда исполнилось 666 лѣтъ его сво-

I. Тим. 1—9.

Digitized by Google

боды, то онъ воплотился. Они усиливаются въ самыхъ именахъ правителей отыскать число звѣрино, о которомъ сказано въ апокалипсисѣ: «иже имать умъ, да почтетъ число звѣрино, число бо человѣческо есть, и число его, шестьсотъ шестьдесять шесть» [1]). Для сего они то прибавляютъ буквы къ именамъ государей, то убавляютъ, то измѣняютъ нѣкоторыя изъ буквъ.

Сначала антихристъ воплотился во образѣ беззаконной троицы: царя Алексѣя Михайловича, патріарха Никона и справщика книгъ Арсенія.

Кончину царя Алексѣя Михайловича и воцареніе Петра Великаго они называютъ первымъ обновленіемъ антихриста. Для сего они пропускаютъ царствованіе царя Ѳедора Алексѣевича, утверждая, будто Петръ Великій наслѣдовалъ престолъ прямо послѣ своего родителя. О принятіи Петромъ I-мъ императорскаго титула,—сочинитель «Сказанія объ антихристѣ еже есть Петръ I-й» говоритъ: «преемникъ хищный волкъ, скрыся въ овчью кожу и скры пагубное свое имя по литерою М, а прочіе въ слоги по азбуцѣ содержатъ число имени его 666. Императоръ — въ ономъ словѣ, кромѣ излишнія оныя литеры, замыкается число 666 пагубнаго имени его, яко же свидѣтельствуетъ апокалипсисъ, яко имать писати имя свое тойжде въ куплѣхъ и продажахъ, его же никто, отъ земныхъ и мятущихся въ вещѣхъ житейскихъ, не увѣдаетъ сими словесы: 666». Второе обновленіе антихриста было, по разсужденію странниковъ, при воцареніи императора Петра III-го [2]).

Третьимъ обновленіемъ антихриста они признаютъ воцареніе императора Александра I-го, и въ наименованіи его «Благословенный» усиливаются отыскать тоже число звѣрино. Въ довѣренности, которую имѣлъ императоръ Александръ I-й къ графу Аракчееву странники опять признаютъ присутствіе антихриста. Также какъ соединили они имена царя Алексѣя Михаиловича, Никона и Арсенія, соединяютъ они имена императора Александра I-го и графа Аракчеева, но пишутъ послѣднее по простонародному произношенію *Аракчеавъ*, и въ этихъ соединенныхъ именахъ отыскиваютъ число звѣрино.

Наконецъ, въ воцареніи императора Николая I-го странники признаютъ четвертое воплощеніе антихриста и опять всячески искажаютъ самое имя государя для своихъ исчисленій, чтобы и въ

---

[1]) Апок. XIII—18.

[2]) Въ словѣ „Голстейнъ“ они находятъ число „звѣрино:“ Г=3, О=70, Л=30, С=200, Т=300, Е=5, И=8, Н=50; итого=666.

Digitized by Google

отыскать число звѣрино. Они говорятъ, что ни одного святого, завшагося Николай не было, что святитель муръ-ликійскій вался *Никола*, и что такъ назывались и другіе, соименные святому, угодники. По паденіи благочестія въ Россіи, го-ъ они, имя *Никола* исказили прибавленіемъ слога: *ай*,—и или еретическое имя *Николай*, въ память еретика «Нико-Нѣмчина», ересь котораго обличалъ преподобный Максимъ ь.

Все православное правительство, по «Тюменскому Страннику», собраніе слугъ антихриста, который въ первомъ своемъ леніи въ лицѣ Петра I-го устроилъ «иносказательный духо-ый судъ» и въ немъ поставилъ «богоотчужденное нѣкое зер-.. а въ зерцалѣ написанъ богопротивный человѣкъ, сирѣчь ь Первый, ихъ законодавецъ и пастырь и новый христосъ, нь антихристъ [1]). Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ,—го-ъ далѣе тотъ же странникъ — судятъ и распоряжаютъ по похоти, сирѣчь по злату и по сребру, по мѣшкамъ и по амъ, и промежду судей пребываетъ и распространяетъ зло ивникъ Божій, отецъ ихъ діаволъ [2]). Гражданскіе законы менскій Странникъ» называетъ «Богомъ ненавидимыми, крово-тельными, духоборными книгами» [3]). Святѣйшій сунодъ— овскимъ синедріономъ» [4]), правительствующій сенатъ—«анти-говымъ совѣтомъ», и въ словѣ сенаторъ усиливается отыс-также число звѣрино 666, почему пишетъ не сенаторы, а рі...

Странники отвергаютъ всякое подчиненіе власти и прави-тву, осуждая допускаемое другими раскольниками наружное лаваніе законной власти и проклиная ихъ за это. Слѣдуя му лжеучителю Евѳимію, они говорятъ, что съ Антихристомъ, санію, слѣдуетъ или «брань творити» [5]), или бѣжати «въ горы стыни», ссылаясь при этомъ на слѣд. мѣста св. пис. (Матѳ. —16): «тогда сущіи во Іудеи да бѣжатъ на горы, и даны

---

[1]) „Разглагольст. Тюменск. Стр."

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Въ рукописи „О антихристѣ, еже есть Петръ I-й" сказано слѣд.: „устави или жидовскій синедріонъ, содержащій въ себѣ правленіе духовн. дѣлъ и въ себѣ 12 челов.: 4 ассесора, 4 совѣтника, 2 президента, 2 вице-президента, ерди ихъ единлятвенною присягою, дабы кромѣ его единаго никакихъ дѣлъ рили, но имѣли бы его единаго главою, и судіею всея церкви, и тако, по ату, совершенъ соборъ... ученикъ себѣ пріятъ по образу 12-ти Апостоловъ овыхъ, а самъ единая безславная глава, превозносяйся надъ всѣми..."

[5]) Апок. XIII—7.

Digitized by Google

была женѣ два крила орла великаго, да нарить въ пустыню... отъ лица зміина». (Апокалипс. XII—14). Они также ссылаются на 105-е слово Ефрема Сирина, на слово Ипполита папы Римскаго «о знаменіяхъ пришествія антихриста», и др. мѣста святоотеческихъ писаній.

Братися съ антихристомъ открытою силою—говорятъ странники,—до времени нельзя; но когда придетъ время, тогда всякій «записанный въ книги животныя» долженъ ополчиться на антихриста, и если въ этой борьбѣ кто будетъ убитъ, то получитъ такой мученическій вѣнецъ, какого никто изъ Христовыхъ мучениковъ не получалъ. Ссылаясь на «Кирилову книгу» Лаврентія Зизанія, они говорятъ: «первые мученики съ человѣки брашеся, а иже при антихристѣ—съ самимъ сатаною братися имутъ... и которые постраждутъ доблественно, паче всѣхъ мучениковъ первыхъ и начальнѣйшими будутъ, ибо не съ простымъ человѣкомъ, но съ самимъ діаволомъ побіются» [1]).

Но до времени открытой борьбы съ антихристомъ подобаетъ братися съ нимъ «неисполненіемъ и противленіемъ его закономъ»; поэтому послѣдователи сопѣлковской секты:

1) *Бѣгаютъ изъ домовъ*, разорвавъ всѣ связи съ обществомъ, чтобы исполнить слова евангельскія: «сущіи во Іудеи да бѣгутъ на горы». Всякій «записанный въ книги животныя», долженъ укрыть странника по слову св. писанія: «стараго и младаго между стѣнами твоими сокрый» [2]). Поэтому, всякій, для спасенія души, долженъ или бѣжать, или по крайней мѣрѣ скрывать бѣгуновъ. «Удалятися и бѣгати — говорится въ «сказаніи о антихристѣ, еже есть Петръ Первый»—подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, «понеже писано въ откровеніи Іоанна Богослова въ главѣ 12-й, яко и церковь побѣжитъ въ пустыню отъ рода прелестника, а церковь — православніи христіане, истиннія раби Христови, они побѣжатъ въ горы и въ вертепы и пропасти земныя отъ антихристовы прелести и спасутся; аще не такъ, то вси уловлены будутъ злокозненнымъ антихристомъ и погибнутъ вѣчною погибелью».

2) *Незаписываются въ ревизію* и ни въ какія переписи. По понятіямъ странниковъ, ревизія есть учрежденіе противное Богу. Хотѣлъ—говорятъ они—царь Давидъ по діавольскому искушенію ввести его въ народѣ Израильскомъ, но былъ за то наказанъ

---

[1]) „Разглагольствованія Тюм. Странника“ гдѣ, кромѣ Ефрема Сирина, дѣлается ссылка и на слово Ипполита Папы Римскаго въ недѣлю сыропустную.

[2]) Третья книга Ездры, XX—22.

Digitized by Google

Господа моромъ; установилъ же ревизію антихристъ по при-
твіи въ міръ въ первомъ своемъ обновленіи (Петръ Великій),
провидѣлъ это св. Меѳодій Патарскій. Они говорятъ: «Мы
ста Бога Спаса нашего законъ и повелѣнія соблюдаемъ,
ради въ книги законопреступнаго повелѣнія писатися не
емъ, и въ силу указа вашего Іператора и его законопо-
енія и ревизіи не пишемся, понеже видимъ во святомъ пи-
яко прежде бывшіе въ Россіи благочестивые цари... на-
аго исполненія отъ мала до велика, мужеска пола и женска,
ихъ и мертвыхъ, и всего вообще человѣчества описанія не
или, и оставляли то въ судьбы правительства Всемогущаго
... Той же лже-христосъ (Петръ Великій) сіе содѣла отъ гор-
живущаго въ немъ духа, учини народное писаніе, исчисляя
ужеска пола и женска, и старыхъ и младенцевъ, живыхъ
ртвыхъ, возвышаяся надъ ними и изыскуя всѣхъ, дабы ни
ъ могъ скрытися рукъ его... И мы таковому лже-христу въ
шество отдатися не хощемъ, и въ книги его законопре-
ныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хо-
мъ спастися никому не совѣтуемъ. Творите съ нами, что
е, ибо есьмы христіане единаго исповѣданія у вселенскихъ
овъ св. отецъ и св. страдальцевъ соловецкія обители, постра-
ихъ за древнее благочестіе; того исповѣданія и мы дер-
я, и въ книги ваши законопреступныя описи... не пишемся;
ы отъ святаго крещенія записаны есмы въ книги живот-
у Царя Небеснаго»... [1])

) Незаписываясь въ ревизію, они не платятъ податей, говоря,
нтихристъ «души людей подушнымъ окладомъ себѣ подчи-
». Укоряя раскольниковъ другихъ толковъ, платящихъ го-
ственныя подати, «Тюменскій Странникъ» говоритъ: «мнятся
осити службу Богу, а сами не зрятъ кое время достигли,
о въ области находятся и сами себѣ въ область предашася
лятвою и присягою обложишася и души своя отдаша, сирѣчь
зный окладъ и оброкъ въ смущенную жидовскую церковь:
ридесять рублей, овъ шестьдесятъ рублей, овъ сто рублей,
тіи отцы приносили Богу окладъ душевный: овъ тридесять
ъ и пр.» [2]). Въ учрежденіи подушнаго оклада странники ви-
величайшее мученіе: «таково тиранство учини: и съ мерт-
дани востребова, чего и въ древнія времена мучители не
ли» [3]).

Сказаніе о антихристѣ, еже есть Петръ Первый".
Разлагольствованіе Тюменскаго Странника".
Сказаніе о антихристѣ, еже есть Петръ Первый".

Digitized by Google

4) Они не берутъ паспортовъ и всякій письменный видъ называютъ печатью антихриста, перетолковывая по-своему изреченіе Апокалипсиса: «дастъ имъ начертаніе на десницѣй рукѣ ихъ или на челахъ ихъ, да никтоже возможетъ ни купити, ни продати, токмо кто имать начертаніе, или имя звѣря, или число имени его» [1]). Числомъ имени его называютъ они императорскій титулъ, въ плакатныхъ паспортахъ употребляемый,—«начертаніе» видятъ въ государственномъ гербѣ. Но такъ какъ двуглавый орелъ былъ употребляемъ и до Никона патріарха, какъ гербъ государства русскаго, то странники, вмѣстѣ съ раскольниками другихъ безпоповщинскихъ толковъ, утверждаютъ, что теперь гербъ измѣненъ, и такъ объясняютъ употребляемое нынѣ изображеніе орла съ распростертыми крыльями и лавровыми вѣнками въ лапахъ: «орелъ отъ тяжести людскихъ беззаконій крылья свои опустилъ и держитъ онъ не скипетръ и державу, крестами увѣнчанные, какъ прежде во время благочестія, а змѣй антихристовыхъ». Нѣкоторые изъ странниковъ, подобно скопцамъ, имѣютъ свои паспорты, начинающіеся словами: «Господь покровитель и Спаситель мой, кого ся убою? Данъ сей паспортъ изъ града Бога вышняго, изъ Сіонскаго правленія, изъ вольной полиціи» и т. д. Къ такому паспорту прикладывается печать съ изображеніемъ креста и надписью кругомъ: «се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи всего міра» [2]).

5) Странники избѣгаютъ военной службы и охотно принимаютъ въ свое общество бѣглыхъ солдатъ. Для сего приводятъ они слова св. писанія: «на немъ же аще мѣстѣ воя соберутъ, не иди тамо: уклонися же отъ нихъ и измѣни, не уснутъ бо аще зла не сотворятъ» [3]). Укоряя раскольниковъ другихъ согласій, «Тюменскій Странникъ» говоритъ: «дѣтей ему своихъ в полки бѣсовски провожаютъ и снаряжаютъ, какъ и прочіе языки не знающіе Бога». Замѣчательно, что въ обществахъ странниковъ едва ли не третья часть бѣглыхъ солдатъ, до отдачи в военную службу бывшихъ раскольниками разныхъ полковъ, весьма нерѣдко и православными.

6) Наконецъ, странники неистово возстаютъ на молящихся за царя, почему въ особенности ненавидятъ бѣглопоповщину, по слѣдователи которой иногда молятся за государя. «Собираются,— говорятъ они,—въ свое богомерзкое собраніе за него Бога мо

[1]) Апок. XIII—16, 17.

[2]) Такая печать была представлена министру внутр. дѣлъ чиновникомъ особ поручений г. Мельниковымъ, при рапортѣ отъ 3-го октября 1853 г. за № 312.

[3]) Притчи IV. 15. 16.

Digitized by Google

открываютъ святоотеческія книги и молютъ за богоотка антихриста, поютъ молебны и читаютъ тропарь: Госпаси державнаго царя нашего и подаждь ему побѣду на ивнаго. Зрите богоотчужденные, о какой побѣдѣ молитеся... хъ, кои, по священному писанію, крыются въ горахъ и въ ахъ и въ земляныхъ пропастяхъ отъ лица его, и нейдутъ му подъ присягу и не даютъ ему своей души и душевный и оброкъ въ смущенную жидовскую церковь? О нихъ вы итеся, чтобы ихъ побѣдилъ и плѣнилъ, и въ свою область окупилъ и къ вашему богоотчужденному собранію, просто о слуги антихристовы и діаволовы поборницы и седми- змія защитницы!» [1]).

мъ остается упомянуть о нѣкоторыхъ частныхъ догматахъ ваніяхъ «странниковъ». Въ этомъ случаѣ особенно замѣно ихъ ученіе о Новомъ Іерусалимѣ. Странники вскорѣ отъ *перваго воскресенія* [2]), утверждая, что близко то время, Спаситель на бѣломъ конѣ пріидетъ съ небеси, сотворить съ антихристомъ и что въ это время всѣ странники бу- въ рядахъ его воинства [3]); тогда всѣ они пріимутъ часть овомъ воскресеніи и «будутъ іереи Богу и Христу и во- я съ Нимъ тысячу лѣтъ» [4]). Тысячелѣтнее царство будетъ, ъ мнѣнію, на землѣ обновленной, о которой говорится въ главѣ Апокалипсиса: «Новый Іерусалимъ для жилища стран- спущенъ будетъ Богомъ съ небеси на то мѣсто, гдѣ моря къ тому» [5]). Это будетъ, по ихъ вѣрованію, на мѣстѣ нынаго Каспійскаго моря; почему бѣгуны изъ всѣхъ губерній емятся преимущественно въ Астраханскую губернію и другикаспійскія мѣста.

обще нужно замѣтить, что секта странниковъ въ отношеоего вѣроученія подраздѣляется еще на мельчайшіе толки. ней есть свои раскольники и отщепенцы. Объ этихъ-то енцахъ съ особенною рѣзкостію отзывается самъ Никита овъ въ своихъ показаніяхъ. По его изъясненію, въ странной сектѣ есть нѣкоторые догматы и правила основныя и у всѣхъ толковъ; таковы, напримѣръ, признаніе великоской церкви, таинствъ и духовенства еретическими, и всѣхъ льниковъ, осѣдлыми въ мірѣ — также еретиками и отступ-

---

Разглагольствованія Тюменскаго Странника".
пок. XX — 5.
пок. XIX.
пок. XX — 6.
пок. XXV — 1.

Digitized by Google

никами; избѣжаніе записи въ ревизіи, отверженіе властей и неповиновеніе имъ и законамъ, потому что, повинуясь имъ, невозможно исповѣдать свою вѣру открыто и безбоязненно; признаніе настоящаго времени послѣднимъ, антихристовымъ временемъ и необходимость бѣгства изъ міра для сохраненія истинной вѣры. Другіе догматы и правила составляютъ принадлежность нѣкоторыхъ особыхъ толковъ, каковы напримѣръ:

Толки Ивана Петрова въ Пошехонскомъ уѣздѣ и Антипа Яковлева въ плёсовской сторонѣ [1]). Согласно съ Евѳиміемъ, они признаютъ въ лицѣ Петра Великаго дѣйствительнаго, чувственнаго антихриста или олицетвореніе сатаны, престолъ или верховную власть его данною не отъ Бога, а отъ діавола, почему считаютъ его хуже, чѣмъ всѣ цари невѣрные и еретическіе, получавшіе власть отъ Бога; молиться за него то же, что молиться за сатану. На этомъ основаніи и послѣдователи сихъ толковъ повиновеніе властямъ отвергаютъ безусловно и безъ всякаго ограниченія, даже и въ такихъ случаяхъ, когда онѣ требуютъ чего-либо и непротивнаго вѣрѣ. Всѣ начальники—бѣси и слуги антихриста; воинство царское — бѣсовскія полчища; всадникъ въ гербѣ — антихристъ Петръ. Изреченіе Евѳимія: «глаголъ *мое свое* — проклятый и скверный, вся бо вамъ *общая* сотворилъ есть Богъ»—относятъ не только къ размежеванію земель и раздачѣ ихъ господамъ (какъ Евѳиміи), но и вообще ко всякой собственности: на этомъ основаніи въ обоихъ толкахъ требуется общинное укрѣпленіе и совершенное отреченіе отъ правъ собственности. Деньги отвергаются въ первомъ какъ грѣховная вещь, въ послѣднемъ потому, что на нихъ имѣется гербъ съ изображеніемъ антихриста или имя его; почему и все то, на чемъ есть даже одна буква, также отвергается. По ученію толка Антипы, работать и трудиться не должно, а только молиться и учить; учитель долженъ кормиться безмездно.

Толкъ Сопѣлковскій признаетъ таинства великороссійской церкви вообще негодными, особенно крещеніе не очищеніемъ, а осквернеміемъ, духовныхъ—лжепророками и лжеучителями. Евѳиміеву ученію объ антихристѣ-Петрѣ хотя и нынѣ буквально слѣдуютъ всѣ простые и несвѣдущіе въ писаніи сопѣлковцы, какъ слѣдовалъ и самъ Никита Семеновъ, доколѣ не постигъ «глубину разума и премудрости изъ св. писанія»; но бо-

---

[1]) Подъ мѣстнымъ названіемъ: „Плёсова сторона", разумѣются окрестности города Плёса, простирающіяся довольно далеко въ окружности, такъ что захватываютъ собою три уѣзда Костромской губерніи.

Digitized by Google

лѣе свѣдущіе въ этомъ догматѣ согласились съ прочей безпоповщиной: что антихристъ есть вообще отступленіе отъ вѣры, что всѣ еретики и отступники отъ истинной вѣры—антихристы, и что Петръ есть антихристъ по преимуществу, потому что имѣетъ преимущество власти. Подъ печатью антихриста разумѣютъ помраченіе ума и житіе не-христіанское, т.-е. мысли по мыслямъ антихриста, дѣла и жизнь по волѣ его; подъ именемъ чувственныхъ бѣсовъ—власти и всякаго рода лицъ, посылаемыхъ для отысканія скрывающихся отъ записи въ ревизію и убѣгающихъ въ пустыню, понимая подъ этимъ словомъ не одну пустыню чувственную или лѣса, какъ толкъ Антипы, но и укрывательство въ собственныхъ домахъ своихъ, почему въ сопѣлковскомъ толкѣ есть дѣйствительные странники не странствующіе по пустынямъ и чужимъ селеніямъ. Далѣе, сопѣлковцы, разумѣющіе писаніе, отвергаютъ повиновеніе царю и прочимъ властямъ только въ такихъ случаяхъ, когда они принуждаютъ дѣлать то, что противно закону, т.-е. вѣрѣ странниковъ. Сіе-то неповиновеніе царю и властямъ и почитается *бранію* съ антихристомъ и властями его, по слову Златоустаго: «воздадите всѣмъ должная: проповѣди (вѣры) точію ради да будетъ ти брань ко властемъ», т.-е. не покоряйся, если заставляютъ дѣлать противное закону. Паспортовъ не допускаютъ потому, что паспортъ представляетъ записавшагося въ ревизію, постояннаго жителя какого-либо мѣста, а всякій житель долженъ или ходить въ церковь, или числиться раскольникомъ: то и другое есть отступничество отъ вѣры; впрочемъ, бо́льшая часть сопѣлковцевъ отвергаютъ паспорты именно потому, что они напоминаютъ имъ о властяхъ и подданствѣ, и потому они не принимаютъ иначе въ секту, какъ по истребленіи всѣхъ бумагъ, напоминающихъ объ этой зависимости. Сопѣлковцы, какъ и всѣ странники, называются «христіанами и рабами Божіими», потому что они, поступивъ въ секту, перестаютъ быть рабами земныхъ господъ: «по вѣрѣ моей,—говоритъ Никита Семеновъ,—господиномъ моимъ былъ только Господь І. Христосъ». Апостольское выраженіе: «христіане *свободны*»,—по ученію сопѣлковцевъ, означаетъ свободу отъ работы вражіей, а врагомъ считается не только діаволъ, но и всякая власть, приводящая къ тому, что противно вѣрѣ.

Изъ прочихъ толковъ особенно замѣчательны тѣ, которые стремятся къ слитію съ безпоповщиной и всѣми другими сектами, даже съ западными идеями. Таковъ, напримѣръ, толкъ Ѳедора Иванова, господствующій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Яро-

Digitized by Google

славскаго уѣзда и въ Шаготи [1]); толкъ сей не допускаетъ перекрещиванія, признавая крещеніе во всякомъ толкѣ одинаково святымъ; учитъ, что во всякой сектѣ есть церковь и можно получить спасеніе; не признаетъ ни исповѣди предъ человѣкомъ, ни эпитиміи; вѣруетъ, что непокаявшіеся и неисправившіеся здѣсь могутъ получить милость Божію по смерти; ереси и разногласія въ мнѣніяхъ осуждать не дозволяетъ.

Въ своемъ богослуженіи странники ничѣмъ почти не отличаются отъ прочихъ безпоповщинскихъ сектъ филипповцевъ, ѳедосѣевцевъ и проч.; также какъ и въ этихъ сектахъ, и у странниковъ оно совершается мірянами — непосвященными наставниками и даже наставницами, по уставу соловецкихъ старцевъ (бѣжавшихъ во время осады соловецкаго монастыря). Изъ таинствъ, какъ сказано выше, странники принимаютъ только крещеніе и покаяніе, которые также совершаются мірянами. Что касается обрядовой стороны при совершеніи этихъ таинствъ и при разныхъ другихъ требоисправленіяхъ, то здѣсь замѣчаются нѣкоторыя особенности у странниковъ. Какъ совершается *таинство крещенія*—мы уже говорили въ прежнемъ отдѣлѣ. Здѣсь слѣдуетъ сказать только о *таинствѣ покаянія*. Таинство покаянія совершается у странниковъ слѣдующимъ образомъ: кающійся излагаетъ грѣхи свои на бумагѣ и эту письменную исповѣдь, выраженную со всевозможными подробностями, оскорбляющими иногда нравственное чувство, предлагаетъ на разрѣшеніе наставнику или наставницѣ, заступающимъ мѣсто священника. Такая исповѣдь имѣется въ дѣлѣ подъ именемъ исповѣди странническаго наставника дезертира Александра Васильева Лубенцова, которая не могла быть напечатана даже въ сборникѣ Кельсіева... такъ много въ ней грязнаго, отвратительнаго и богохульнаго! Замѣчателенъ еще обрядъ погребенія. Онъ совершается у странниковъ слѣдующимъ образомъ: когда кто изъ странниковъ умираетъ, то всѣ имѣющіеся на лицо странники собираются въ домъ умершаго, надѣваютъ на него новый саванъ, — а въ это время наставникъ или наставница читаютъ молитвы; потомъ завертываютъ покойника въ новую рогожу и зарываютъ въ землю, лѣтомъ въ рощѣ или въ полѣ, а зимою — въ придомашнихъ сараяхъ и даже на дворахъ. Весь этотъ церемоніалъ обыкновенно производится ночью [2]). Относительно великихъ праздниковъ, напр., Пасхи, Рождества Христова и др.,

---

[1]) Вотчина Демидовскаго лицея въ Романоборисоглѣбскомъ уѣздѣ.

[2]) См. показаніе странника Ивана Васильева и ѳедора Андреева въ дѣлѣ св. синода, въ запискѣ пр. Григорія.

Digitized by Google

стно, что къ этимъ праздникамъ странники обыкновенно сбись въ Сопѣлки. Въ эти дни и особенно въ первый день Пасхи нники отправляли свое богослуженіе раньше, а послѣ того, вида, ходили въ православную церковь. Вообще же, при ихъ богослужебныхъ собраніяхъ въ Сопѣлкахъ соблюдалась я полицейская мѣра: когда пріѣзжалъ въ село какой-либо вникъ, то десятскій спѣшилъ повѣстить всѣхъ жителей, чтобы если въ то время совершалась божественная служба, шли равославную церковь для вида [1]).

Изъ обыкновенныхъ церковныхъ службъ у странниковъ отняются вечерня, полунощница, утреня; часы и всѣ другія бы, кромѣ литургіи, совершаются въ молельняхъ, устрояемыхъ особыхъ комнатахъ страннопріимцевъ. На родинѣ «странниа», въ Сопѣлкахъ, молельни устроены были двоякаго рода: для странниковъ, другія для страннопріимцевъ; иногда, немъ, и тѣ и другіе отправляли свою службу въ одной и же молельнѣ, только не въ одно время, потому что странноцы, какъ живущіе еще во власти антихристовой, признаются бющими права молиться вмѣстѣ съ настоящими страннии.

Внѣшній видъ и порядокъ общественнаго и повседневнаго луженія странниковъ не представляетъ ничего особеннаго, ригинальнаго, ни интереснаго: это толпа народа, мужчинъ нщинъ, безъ всякой торжественной или благолѣпной обста-, собравшаяся въ простой деревенской избѣ, болѣе другихъ рной. Въ переднемъ углу и около его по полкамъ стоятъ лько образовъ, передъ которыми горятъ свѣчи; передъ обми въ этомъ же углу стоитъ аналой, покрытый какой-нибудь ріей, на немъ лежатъ книги; передъ аналоемъ, впереди всѣхъ, ь наставникъ или старшій и читаетъ положенное уставомъ. кихъ священныхъ облаченій при этомъ не употребляется; тобы отличить хоть чѣмъ-нибудь этого предстоятеля, ему но надѣвать во время богослуженія особый, нарочно для того енный, синій длинный кафтанъ. За наставникомъ, или уставмъ стоятъ мужчины, а позади ихъ женщины. За женщи у порога, а нерѣдко и за порогомъ стоятъ находящіеся эпитиміею. Каждый приходитъ въ молельню съ своею иконою. иконы устанавливаются по стѣнамъ на нарочно устроенныхъ хъ отъ передняго угла, каждый передъ своею иконою за-

[1]) См. показаніе Ивана, Ирины и Вассы, странниковъ, въ дѣлѣ сѣ. синода въ ѣ.

Digitized by Google

жигаетъ и свою свѣчку. Кромѣ иконы, каждый странникъ приноситъ съ собою и свою лѣствовку, или четки, свой подручникъ или тонкую подушечку, которая подкладывается подъ руки и подъ голову при земныхъ поклонахъ. Время для богослуженія обыкновенно назначается ночью, а для безопасности со стороны непринадлежащихъ къ ихъ обществу во время совершенія богослуженія, ставятся около дома сторожевые, которые при появленіи посторонняго человѣка или проѣзжающихъ стучатъ въ окно молельни, тогда чтеніе и пѣніе на время прекращается.

Иконы у странниковъ употребляются только древнія, или же если и новыя, то непремѣнно работы и письма самихъ странниковъ, а большею частію мѣдно-литыя. Свѣчи странники употребляютъ изъ желтаго воска и собственнаго издѣлія, въ томъ соображеніи, что церковныя свѣчи, продаваемыя въ лавкахъ, дѣлаются слугами антихриста и катаны противъ солнца. Изъ богослужебныхъ и учительныхъ книгъ употребляются только печатанныя при патріархѣ Іосифѣ; уважаются также книги изданныя и при другихъ патріархахъ — до Никона, равно перепечатанныя въ польскихъ типографіяхъ въ прошломъ столѣтіи. Много книгъ, печатанныхъ въ Почаевѣ, Супраслѣ и Гродно; но что всего важнѣе въ страннической богословской литературѣ — это письменные ихъ сборники и цвѣтники. Главными мѣстами фабрикаціи рукописей и книгъ раскольническихъ вообще, и въ частности книгъ страннических, служатъ Даниловскій монастырь въ Олонецкой губерніи и пошехонскіе лѣса съ окрестностями, гдѣ ихъ списываютъ въ большомъ числѣ почти всѣ странники, даже дѣвушки, умѣющія писать полууставомъ. Но болѣе всего уважаются даниловскіе списки, извѣстные подъ названіемъ поморскихъ, какъ по правильности, такъ и по красотѣ письма. Богатый запасъ подобныхъ рукописей и книгъ хранится, по словамъ Никиты Семенова, у кинешемскихъ купцовъ Миндовскихъ. Изъ этихъ рукописей особеннымъ уваженіемъ у странниковъ пользуются произведенія новѣйшей страннической литературы, какъ-то: поученія Никиты Семенова, его же «Малый образъ ересей или 30-ти ересей», «Разглагольствіе Тюменскаго странника» Василья Родіонова Овчинникова, «Сказаніе объ антихристѣ, еже есть Петръ I-й» неизвѣстнаго писателя; большимъ почетомъ пользуются также «Поморскіе отвѣты», «Лицевой апокалипсисъ» и «Цвѣтникъ» Евѳимія, и «Поморскій лицевой свитокъ», который будто бы спущенъ былъ съ колокольни Ивана Великаго въ Москвѣ.

Въ своей практической жизни, странники, какъ отшельники, правилами своими обязываются вести жизнь безбрачную, цѣло-

Digitized by Google

мудренную, постническую и строгую во всѣхъ отношеніяхъ; но эти правила странникамъ не указъ. Они живутъ не подчиняясь имъ, живутъ какъ кому хочется. Между ними встрѣчаются пороки всякаго рода: видны нарушенія поста, пьянство, воровство, грабительство и т. п. Всего же болѣе у нихъ замѣтно распространеніе блуда. Всѣ странники большею частію имѣютъ любовницъ, а странницы любовниковъ [1]). Многочисленныя показанія самихъ сектантовъ ясно свидѣтельствуютъ, что этому пороку у нихъ безъ всякаго зазрѣнія предаются мужчины и женщины, и особенно молодыя дѣвицы, которыхъ между странниками повсюду очень много. Кстати припомнить, что говоритъ странникъ Иванъ: «кто хочетъ спастися, тотъ долженъ идти въ слѣдъ Христовъ, оставить все, домъ, семейство и идти странствовать. Оставишь одинъ домъ, Богъ дастъ тебѣ 99; оставишь одну жену, Богъ дастъ тебѣ 40». Наставники стараются, кажется, служить въ этомъ примѣромъ для другихъ, потому что имѣютъ у себя въ одно время по нѣсколько любовницъ въ разныхъ мѣстахъ, въ которыхъ бываютъ для совершенія требъ. Вслѣдствіе этихъ преступныхъ связей странники отъ порока легко переходятъ къ преступленію. Чаще всего въ ихъ безнравственной жизни совершаются слѣдующія преступленія: *поджидываніе* младенцевъ къ такимъ домамъ, въ которыхъ не знаютъ о подкинутыхъ, и подкинутые, долго оставаясь безъ призора и пищи, умираютъ; *дѣтоубійства* иногда еще въ самой утробѣ матери, и вообще многоразличныя смертоубійства. Наставникъ Александръ Васильевъ самъ въ своемъ показаніи говоритъ, что онъ, дабы скрыть беременность одной изъ своихъ любовницъ, употреблялъ по согласію съ нею средства къ истребленію плода ея, и два раза подкидывалъ незаконно прижитыхъ имъ младенцевъ. Достаточно прочитать одну исповѣдь этого наставника, чтобы видѣть всю грязь безнравственныхъ поступковъ, совершающихся въ кругу странниковъ; ее нельзя читать безъ омерзѣнія. Переходя отъ преступленія къ преступленію, странники ругаются надъ всякою властію и правосудіемъ. Многоразличныя свѣдѣнія объ отвратительныхъ порокахъ и преступленіяхъ странниковъ собраны въ дѣлѣ въ одну статью, подъ заглавіемъ: «Извлеченіе изъ показаній и постановленій слѣдователей о нравственности наставниковъ и сектаторовъ странническаго согласа».

Мы приведемъ только отзывъ одного крестьянина, хорошо знавшаго странническую секту и удачно ее охарактеризовавшаго въ нравственномъ отношеніи. Когда одинъ изъ странниковъ хва-

[1]) См. показаніе странника Ѳедора Андреева, въ дѣлѣ.

Digitized by Google

лилъ свою секту, этотъ крестьянинъ отвѣчалъ ему: «Ваши подпольники не похожи на древнихъ отшельниковъ: тѣ трудились и жили нищенски, а ваши подпольники спятъ мягко, ѣдятъ сладко, живутъ блудно» [1]).

Нужно, впрочемъ, замѣтить, какъ величайшую аномалію, что примѣры разврата, встрѣчающіеся между странниками, не всегда доказываютъ неискренность ихъ религіозныхъ убѣжденій. Были случаи, что странники, извѣстные своимъ распутнымъ поведеніемъ, при преслѣдованіяхъ правительства становились строгими и ожесточенными фанатиками. Раскольникъ страннической секты Дементій Петровъ, проводившій жизнь, хотя въ бѣгахъ, но довольно изнѣженно и распутно, виновный даже въ убійствѣ одного изъ сектаторовъ, взятый подъ стражу, рѣшился оправдать себя въ глазахъ своихъ собратій твердыми отвѣтами предъ судомъ, и, отвергая всякую пищу, довелъ себя до истощенія силъ и умеръ. Другой бѣглый крестьянинъ Емельянъ, по перекрещенью Меѳодій Герасимовъ, любовникъ странницы Марьи Пановой, тоже на допросѣ предъ слѣдователемъ явилъ примѣръ твердости и смѣлости, достойной лучшаго дѣла [2]). Вотъ что разсказываетъ про него очевидецъ: «Меѳодій, къ которому я ходилъ въ острогъ для полученія нѣкоторыхъ данныхъ по части раскола, разъ, когда пришелъ при мнѣ къ нему прокуроръ, не всталъ и не оказалъ ему должнаго почтенія. Прокуроръ спросилъ его: развѣ онъ не видитъ, что всѣ арестанты встали, отчего же онъ не дѣлаетъ этого?—На это ему Меѳодій отвѣчалъ: «Св. писаніе запрещаетъ намъ покланяться антихристовымъ послушникамъ»,—и когда прокуроръ сказалъ ему на это,—чтобъ онъ не смѣлъ такъ выражаться, подъ страхомъ наказанія,—Меѳодій отвѣчалъ, что «принудить его не мудрено»... Этотъ же Меѳодій, пойманный съ распутными женщинами въ кабакѣ, по заключеніи въ острогъ готовился умереть съ голоду, и уже 5 дней не ѣлъ, покуда ему не отдали отнятой у него ложки и иконы. На мой вопросъ: почему онъ не молится висящей въ углу иконѣ? онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, батюшка, ужъ я твоимъ иконамъ не стану молиться» [3]).

---

[1]) См. показаніе странницы Ѳеодосіи Прокофьевой, въ запискѣ пр. Григорія, въ дѣлѣ св. синода.

[2]) См. показаніе его въ дѣлѣ.

[3]) См. записку о ярославскомъ расколѣ графа Чапскаго, стр. 104, при дѣлѣ министерства.

Digitized by Google

Ограничиваясь внѣшнимъ очертаніемъ секты странниковъ, мы оставляемъ въ сторонѣ изслѣдованіе причинъ, которыя могли породить въ нашемъ обществѣ такую печальную язву, какою безъ сомнѣнія представляется каждому эта безобразная секта. Непроглядная тьма народныхъ массъ, конечно, окажется первою причиною и начáла, и дальнѣйшихъ успѣховъ подобной секты. Съ другой стороны, затрудненія прежняго времени къ изученію этой язвы также были скорѣе благопріятны для подпольныхъ ея успѣховъ, а секретъ, съ которымъ прежде велись подобныя дѣла въ канцеляріяхъ, лишалъ общество возможности оказать свою самодѣятельность въ борьбѣ со зломъ. Если въ будущемъ можно ожидать конца этой жестокой и отвратительной душевной болѣзни, какою является секта бѣгуновъ, по крайней мѣрѣ, въ искреннихъ ея адептахъ, — то честь начáла такого подвига будетъ принадлежать нашему времени, которое, какъ врачъ, безбоязненно прикоснулось къ язвѣ, не опасаясь заразы, и вынесло ея мерзости изъ мрачныхъ логовищъ на свѣтъ божій.

А. Розовъ.

Digitized by Google

ЭСКИЗЫ
ИТАЛЬЯНСКАГО ОБЩЕСТВА

I.

Если иностранцы даютъ себѣ слишкомъ много труда восхищаться Италіею и всѣмъ итальянскимъ, и затѣмъ на изученіе остается у нихъ мало времени, то намъ, итальянцамъ, ничего не остается, какъ взять на себя ознакомленіе съ итальянскимъ обществомъ настоящей минуты. И вотъ, я дѣлаю опытъ. Со времени знаменитаго стихотворенія Гёте, въ которомъ онъ воспѣлъ лимонныя деревья Италіи, много гимновъ раздавалось въ честь послѣдней за-границей. Нѣтъ такой лести, какой бы намъ не высказали. И наши лимонныя деревья чаруютъ своимъ запахомъ, и наши апельсины такъ ароматны! Даже вредныя испаренія, порождаемыя той нечистоплотностью, которая присуща итальянцамъ, и о которой наши хвалители не могутъ достаточно наговориться, не мѣшаетъ воздуху Италіи быть вѣчно душистымъ, какъ въ сказкахъ. Апельсинныхъ рощъ Неаполя и Сициліи достаточно, чтобы напоять сладкимъ ароматомъ весь этотъ волшебный край и породить весь этотъ рой описательныхъ поэмъ, дышащихъ новизной, оригинальностью, и то безумнымъ упоеніемъ, то злоязычіемъ, и слывущихъ вообще за путевыя впечатлѣнія по Италіи!

— Ахъ! что за мягкій и очаровательный климатъ, — разумѣется, когда пронзительный вѣтеръ не дуетъ съ сѣвера, когда сосѣдняя Африка не насылаетъ на насъ тучи песку! Дворецъ дожей и каналъ Grande, Palazzo Vecchio и Santa Maria del Fiore, Колизей и соборъ св. Петра, Везувій и Pausilippe! Сколько

Digitized by Google

бы ими ни любовались, а описаніе ихъ никогда не будетъ исчерпано. Всегда окажется что-нибудь проскользнувшее незамѣченнымъ и дожидающееся своего Колумба для того, чтобы быть открытымъ міру. Послѣдній туристъ всегда найдетъ возможность упрекнуть тѣхъ, которые, ничего не видя, ничего не понимая, дерзнули опередить его и обогнать его пѣснопѣнія, которыя безъ того были бы сочтены за оригинальное произведеніе высокаго поэтическаго вдохновенія! А итальянскіе нищіе?! Съ какой обаятельной граціей просятъ они подаянія, въ которомъ, впрочемъ, въ послѣднее время привыкли имъ отказывать, чтобы насладиться новымъ и еще болѣе увеселительнымъ зрѣлищемъ, а именно: какъ они богохульствуютъ, ругаются, проклинаютъ! Но языкъ итальянскій такъ звученъ, и ругань раздраженнаго итальянца — настоящая музыка! Возьмемъ опять итальянскихъ разбойниковъ! Возможно ли ихъ забыть? Развѣ они не великолѣпны, по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ обыкновенно рисуютъ для иностранцевъ? А итальянки, съ черными какъ смоль волосами (за исключеніемъ блондинокъ), съ дивными глазами, стройной таліей, дивнымъ голосомъ, — конечно, нѣсколько глупенькія! А главное — цвѣточницы, которыя однако въ концѣ концовъ имѣли глупость состариться, проведя около полу-вѣка за прилавкомъ! А маріонетки, а паяцы, которымъ новая итальянская полиція запрещаетъ — такая, право, безжалостная! — показывать свои представленія на публичныхъ площадяхъ, къ великому неудовольствію нашихъ блистательныхъ посѣтителей! А дивныя головы стариковъ, которыя приводятъ нашихъ живописцевъ въ отчаяніе, потому что исчезли безъ слѣда! Всякій заранѣе знаетъ, что онъ встрѣтитъ здѣсь всѣ эти чудеса и даже съ избыткомъ. Къ намъ являются потому съ душой, открытой для впечатлѣній и считаютъ долгомъ сознаться, что дѣйствіе, произведенное этимъ Эльдорадо, превзошло всѣ ожиданія.

Но не всѣ путешествующіе по Италіи поддаются подобной слабости. Не мало нашихъ посѣтителей состоитъ изъ серьёзныхъ личностей, дѣлающихъ намъ честь посѣщать Италію съ цѣлью изученія. Французы при этомъ воображаютъ, что насъ угадываютъ; англичане констатируютъ насъ и самолично убѣждаются въ томъ, что у насъ все стоитъ на томъ мѣстѣ, какъ указано въ гидахъ; нѣмцы насъ изслѣдуютъ; одни русскіе настолько любезны, что задаютъ намъ вопросы, но опять рѣдко выслушиваютъ отвѣты.

Въ Италію пріѣзжаютъ черезъ *Corniche* или черезъ Венецію; мимоходомъ осматриваютъ ее и спѣшатъ въ Римъ, Неаполь — и вотъ вамъ вся Италія! Италія во всей своей красѣ, во всей

Digitized by Google

своей прелести, во всей своей пошлости, которую старател
отмѣчаютъ. Я не говорю про тѣхъ дикихъ путешественник
которые негодуютъ на Виктора-Эммануила, потому что имъ
встрѣчается больше на пути романическихъ приключеній, им
визованныхъ серенадъ въ честь ихъ и на ихъ собственный ко
религіозныхъ процессій и шаекъ разбойниковъ, которые заде
ваютъ путешественниковъ почти съ рыцарской вѣжливос
Желѣзныя дороги изгнали у насъ, какъ и вездѣ, средніе вѣ
грозятъ занести во всѣ уголки Италіи современную проза
скую цивилизацію. Придется слѣдовательно такимъ путешест
никамъ, у которыхъ воображеніе разыгрывается заднимъ чис
направить свои стопы въ иное мѣсто.

Эта злополучная страна, которая уже такъ развращена,
нятно, не остановится на пол-пути въ своемъ развращен
наступитъ день, когда въ Италіи не будутъ больше встр
ничего историческаго, ни даже ея лохмотьевъ. То будетъ в
момъ дѣлѣ великое бѣдствіе!

Но къ счастію для насъ, Италія живая, которую пыл
остроумное краснорѣчіе Марка Монньѣ неоднократно рис
французамъ, и которую нѣсколько лѣтъ спустя Тэнъ велико
очертилъ своимъ чуднымъ перомъ, какъ артистъ и какъ
софъ, и которую профессоръ Адольфъ Штаръ достойно и
зилъ нѣмцамъ,—не сосредоточивается въ нашихъ большихъ
рическихъ городахъ. Развалины великаго народа могутъ, ко
порою возбуждать грандіозныя идеи въ нѣсколькихъ избран
умахъ, особенно когда для изученія ихъ являются издалек
чаще всего, долгое ожиданіе портитъ удовольствіе неожидан
а безъ того восторгъ становится весьма подозрительнымъ.

Точно такъ отъ привычки созерцать развалины всѣ он
новятся похожи на холодные памятники, разставленные въ
и зачисленные въ каталогъ. Такой музей поучителенъ, есл
тите, для добросовѣстныхъ иностранцевъ, но не возбуждае
какого впечатлѣнія въ массѣ туземцевъ, которые родил
воспитались среди этихъ почтенныхъ гробницъ. Воздухъ
бища не изъ самыхъ здоровыхъ въ мірѣ, и было бы убійст
если бы въ нашихъ археологическихъ городахъ приходило
шать только этимъ воздухомъ. Римъ былъ нашей Спартой; Ф
ція—нашими Аѳинами; одинъ былъ представителемъ силы, дру
граціи; но оба теперь на старости лѣтъ почти позабыли о
стяхъ и дѣйствительныхъ добродѣтеляхъ своей юности. Он
нятъ имена, но утратили сознаніе ихъ значенія. Они в
не забыли трибуновъ и пріоровъ, но лишь потому, что

Digitized by Google

много жестикулирующихъ гражданъ, которые прикидываются Цицеронами, но на дѣлѣ не что иное какъ *Stenterelli*.

Иностранецъ, говоря по правдѣ, всегда бываетъ пріятно изумленъ, если встрѣтитъ въ флорентинцѣ или въ римлянинѣ нашихъ дней какія-нибудь древнія черты; а флорентинцу и римлянину, повидимому, льститъ счастливое открытіе иностранца.

— Обратите вниманіе, миссъ Мэри, на профиль этого нищаго; это чистѣйшій Юлій Цезарь!

Миссъ Мэри спѣшитъ достать изъ кармана неизбѣжный альбомъ, приглашаетъ Юлія Цезаря стать на колѣни, въ позѣ человѣка, готовящагося упасть навзничь. Сэръ Вальтеръ, отецъ миссъ Мэри, готовъ достать изъ кармана ножъ и просить миссъ Мери соблаговолить признать въ немъ Брута, готовящагося приколоть Цезаря. Миссъ Мэри на седьмомъ небѣ, и не спѣша набрасываетъ свой первый итальянскій эскизъ. «Юлій Цезарь» на этотъ разъ получитъ милостыню отъ бѣлокурой дочери Альбіона.

Но я долженъ сознаться, что все это возмущаетъ меня до глубины души, и если бы всей этой канители суждено было протянуться еще долѣе, то для того, чтобы не видать подобныхъ римлянъ, я предпочелъ бы никогда не слыхать ни о Римѣ, ни объ его исторіи.

Впрочемъ, это не можетъ продлиться, или пришлось бы пропѣть *De profundis* надъ Римомъ и Флоренціею. Духовенство, Вѣчный городъ, Медичи, Макіавелли и общество Сен-Венсенъ-де-Поль въ городѣ Данта, въ теченіе долгихъ столѣтій, производили страшныя опустошенія: безпечная изнѣженность итальянскаго народа и узкая, корыстолюбивая политика флорентинскаго народа—ихъ отвратительное дѣло. Совсѣмъ тѣмъ, не взирая на пагубное вліяніе нѣсколькихъ людей и нѣсколькихъ вѣковъ, я не настолько скептиченъ, чтобы опасаться, какъ-бы эти города не остались навсегда неподвижными и безплодными въ дѣлѣ прогресса. Къ тому же я не могу забыть, что величіе древняго Рима явилось, главнымъ образомъ, при содѣйствіи *всей* Италіи да еще Греціи. Грецію, конечно, увы! не окажетъ намъ больше никакого благодѣянія. Скорѣе наступилъ нашъ чередъ отблагодарить ее за прошлое, если бы только память народовъ не отличалась такой ненадежностью. Но за то, вмѣсто Греціи,—да простятъ насъ классики,—у насъ есть по сосѣдству остроумная Франція и ученая Германія, есть цивилизованный міръ, да и сама Италія въ сущности гораздо больше насчитываетъ жизненныхъ силъ въ одной изъ своихъ провинцій, чѣмъ могла насчитать въ своемъ цѣломъ объемѣ въ вѣкъ Августа.

Digitized by Google

Говорили, что піемонтцы — это пруссаки Италіи. Французы, по всей вѣроятности, оскорбились бы подобнымъ наименованіемъ; піемонтцы имѣютъ слабость находить его лестнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, для француза каждый пруссакъ представляется какимъ-то чудовищемъ-педантомъ. Для піемонтца, каждый пруссакъ представляется идеаломъ силы и мудрости. Истина по всей вѣроятности находится посреди̇нѣ. Что касается меня, то я просто повторяю это опредѣленіе, потому что не нахожу его ложнымъ; я не могу къ тому же придумать для піемонтцевъ болѣе краткой и болѣе рѣзкой характеристики,—а въ иныхъ случаяхъ предпочитаешь именно рѣзкую характеристику, чтобы избавить себя отъ труда слишкомъ обстоятельнаго анализа. Впрочемъ, я объясню, почему нахожу справедливой характеристику, о которой только что упомянулъ, и если читатель все-таки найдетъ нѣкоторое несходство между портретомъ, который я ему набросаю, и оригиналомъ, что́ зовется итальянскимъ, то я прошу его не забывать осторожную оговорку,—а именно, я допускаю возможность исключеній изъ моей характеристики.

Если бы мы пожелали представить себѣ въ одномъ рѣзкомъ типѣ характеръ піемонтскаго народа, то должны были бы остановиться на теперешнемъ министрѣ финансовъ въ Италіи, Квинтино Селла. Итальянская пословица, которую къ нему примѣняютъ—«Scarpe grosse, cervel soltete» (грубая обувь, тонкій умъ)—отлично къ нему подходитъ. Изъ живительнаго воздуха своихъ горъ и изъ примѣра своихъ трудолюбивыхъ горцевъ, Селла почерпнулъ и удесятерилъ свои силы, во-первыхъ, физическую, безъ которой рѣдко удается развить большую энергію въ характерѣ, и затѣмъ ту непобѣдимо упорную волю, которая помогла ему много трудиться и пріобрѣсти богатство и знанія. Этотъ грубый «Біельскій мужикъ» (оппозиціонныя газеты любятъ называть его такимъ образомъ) не ограничился тѣмъ, что научился хорошо считать собственныя деньги, чтобы съумѣть современемъ безжалостно урѣзывать бюджетъ соединеннаго королевства Италіи, но сразу понялъ, что ни единая страна не могла бы въ настоящее время безъ содѣйствія достаточнаго общаго образованія осуществить свои честолюбивыя мечты о величіи, и что эти мечты становятся законными лишь въ тотъ день, когда владѣешь средствами, пригодными къ ихъ осуществленію. Поэтому Селла, на ряду съ живымъ интересомъ, съ которымъ онъ относился къ развитію промышленности въ своемъ маленькомъ округѣ, копался, какъ ученый геологъ, въ нѣдрахъ земли своей отчизны, чтобы открыть сокровища, которыя въ нихъ были зарыты. Онъ пред-

Digitized by Google

инималъ экскурсіи, зачастую рискованныя, по Альпамъ, чтобы лѣдовать неизвѣданные пути и взвѣсить рессурсы, которые они гутъ современемъ представить, какъ оплотъ независимости альянской, если бы пришлось разставить на нихъ часовыхъ, предостереженія страны отъ иноземнаго нашествія съ этой роны Альпъ. Изъ архивовъ маленькихъ итальянскихъ горо-въ онъ доставалъ ихъ старинныя конституціи, отчасти перво-тнаго характера, но болѣе разумныя и раціональныя, чѣмъ огія изъ новѣйшихъ конституцій—болѣе ученыхъ, чѣмъ прак-ческихъ. Въ сорокъ лѣтъ онъ снова принялся за указку и ступилъ въ ученики экономиста Феррари, чтобы освѣтить те-ей свои обширныя практическія познанія. Наконецъ, онъ тупалъ въ диспутъ съ Манцони, охраняя права провинціаль-хъ нарѣчій при окончательной выработкѣ итальянскаго языка. вся эта культура не смогла сгладить угловатости Селлы. ъ остался рѣзкимъ и жесткимъ, какъ и его родные утесы. первый взглядъ никто бы не повѣрилъ, что подъ этой жест-й оболочкой кроется столько жизни, столько ума и столько броты. Въ былое время Піемонтъ считали итальянской Віо-й, и эти віотійцы часто доказывали, что у нихъ душа пылкая, смѣлость и умъ Эпаминонда.

Піемонтецъ не краснорѣчивъ, но его слово зачастую пора-етъ своей колкостью, и какъ стрѣла, пробиваетъ насквозь. ъ не энтузіастъ, но готовъ жизнь положить за идею. Онъ не доренъ, но не знаетъ страха. Онъ привыкъ къ труду, онъ оренъ въ немъ. Ему вкусенъ лишь тотъ хлѣбъ, который онъ мъ заработалъ. Піемонтъ та часть Италіи, гдѣ всего менѣе зграмотныхъ. Въ прошломъ столѣтіи эта провинція дала намъ лучшаго критика и самаго замѣчательнаго трагическаго пи-теля: дерзкаго, но мѣткаго и правдиваго Баретти и грознаго фьери. Въ нашемъ столѣтіи она дала достойнаго ученика Та-ту въ Цезарѣ Бальбо, первокласснаго государственнаго чело-ка въ графѣ Кавурѣ и въ маркизѣ Массимо д'Азеліо, который йствовалъ перомъ, какъ кистью и какъ шпагой. Баретти, Аль-ери, Бальбо, Кавуръ, д'Азеліо вполнѣ характеризуютъ піемонт-ую литературу.

Въ здѣшнемъ мірѣ, мірѣ падшихъ ангеловъ или обезьянъ, стре-щихся уподобиться Богу (смотря по точкѣ зрѣнія), всякое доброе чество носитъ въ себѣ и свой недостатокъ, а потому зачастую сь вопросъ сводится къ болѣе или менѣе удачному примѣне-о науки притворства. Вотъ почему піемонтцы со всѣми ихъ до-одѣтелями, на мой взглядъ, стремятся къ слишкомъ большому

Digitized by Google

совершенству, чтобы желаніе подражать имъ могло соблазнить простыхъ смертныхъ. Они постоянны, и доходятъ въ своемъ постоянствѣ до упрямства; они любятъ порядокъ, и доводятъ эту любовь до педантизма; они честны, и требуютъ, чтобы всѣ были пуританами; они вѣрны, и какъ рабы подчиняются установленной власти; они серьезны, и охотно считаютъ ребячествомъ всякую невинную забаву, которая не подходитъ къ ихъ программѣ. Изъ нихъ во всякомъ случаѣ выходятъ отличные работники, смѣлые солдаты, добросовѣстные жандармы и отличные сборщики податей. Очевидно, что для Италіи цѣломудренный и мужественный Піемонтъ, умѣющій читать и драться, мыслить и трудиться, уважать законы и заставить другихъ ихъ уважать, является драгоцѣнной силой. Къ несчастію, у каждаго піемонтца есть свой конёкъ. Нѣтъ такого мелкаго чиновника, который бы не воображалъ, переселяясь изъ Турина во Флоренцію, Римъ, Неаполь, что на него возложена миссія. Эта миссія заключается въ передѣлкѣ нравственнаго характера итальянцевъ, въ стремленіи объитальянить ихъ: это быть можетъ очень честно, очень благоразумно, очень похвально даже, но еще болѣе скучно.

За то не существуетъ человѣка болѣе симпатичнаго и общительнаго, какъ ломбардецъ. Почва Ломбардіи одна изъ богатѣйшихъ, и ея жители отличаются своимъ великодушіемъ. Въ ихъ характерѣ нѣтъ ничего мелочного, узкаго, педантическаго. Они богаты и щедры. Сердце у нихъ открытое и горячее; они любятъ и ненавидятъ съ одинакимъ пыломъ. Если піемонтцы являются итальянскими пруссаками, то ломбардцевъ я готовъ назвать итальянскими французами, что, къ счастію, не означаетъ, чтобы піемонтцы и ломбардцы взаимно ненавидѣли другъ друга и желали бы вредить другъ другу. Тессино — нашъ Рейнъ въ миніатюрѣ; провинція Ломеллина — нашъ Эльзасъ; провинція Оссола могла бы представлять Лотарингію. Она составляетъ нейтральную почву между Піемонтомъ и Ломбардіей, но не только не разлучаетъ ломбардцевъ отъ піемонтцевъ, но служитъ для нихъ связью. Піемонтецъ выигрываетъ въ борьбѣ, благодаря своей силѣ и терпѣнію; такимъ образомъ ему удается молча пробить свои горы. Ломбардецъ беретъ верхъ своей силой и возвышенностью своего энтузіазма. Піемонтецъ — это вода, которая тихо течетъ, но при этомъ размываетъ мосты, по которымъ проходитъ непріятель. Ломбардецъ—это огонь, который легко вспыхиваетъ и сожигаетъ все на своемъ пути. Оба вмѣстѣ, если они одушевлены одной и той же идеей, образуетъ непреодолимую силу.

Digitized by Google

Арнольдъ Брешіанскій, Ломбардская Лига, первая коммуна
ланскій соборъ, Паррини, Беккаріа, Манцони, Каттаніо,
ари и «пять миланскихъ дней» могли быть лишь произведе-
ъ ломбардскаго характера и ломбардской исторіи. Ломбар-
смѣлъ, а кто смѣлъ, да при этомъ не лишенъ сердца
а, тотъ часто достигаетъ высокихъ результатовъ. Ломбар-
краснорѣчивъ; краснорѣчіе его не натянутое, не принуж-
ое, способное популяризировать собственныя идеи и чужія.
почти всегда умѣетъ ловко ассимилироваться. Можно утверж-
что еслибы столицей Италіи назначенъ былъ Миланъ, то
диненіе нашей страны совершилось бы можетъ быть го-
проще, потому что Миланъ, болѣе чѣмъ какой-либо дру-
тальянскій городъ обладаетъ организаторскими элементами
шей жизни, то-есть умѣніемъ и охотою усвоивать хорошія
ства, присущія другимъ городамъ и провинціямъ. Способ-
ассимиляціи есть одно изъ существенныхъ условій, кото-
слѣдуетъ принимать во вниманіе при выборѣ столицы, когда
вуется потребность въ таковой. Обитатель Турина, повидимому,
ть бы пересоздать всѣхъ итальянцевъ *ad imaginem suam*.
вный «китаецъ» Флоренціи отнюдь не хочетъ подчиняться
му бы то ни было вліянію другихъ итальянцевъ. Римлянинъ
ихъ поръ только терпитъ столицу, которую ему навязали
ачай. Будемъ надѣяться на будущее, потому что надежда,
сказалъ Фосколо, послѣдняя изъ богинь, покидающихъ насъ,
тому что намъ необходимо нужно соединенное королевство,
оставаться добрыми итальянцами.

Совсѣмъ тѣмъ Миланъ вовсе не Эльдорадо всѣхъ человѣ-
ихъ, или хотя бы итальянскихъ совершенствъ. Миланцы под-
ы, а потому первые соорудили храмъ модѣ, символъ под-
ости, которой они гордятся быть лучшими представителями
Италіи. Они создаютъ себѣ съ лихорадочнымъ рвеніемъ
въ, которыхъ сами же низвергаютъ съ чудовищной непо-
вательностью. Они очень понятливы и обладаютъ замѣча-
ымъ талантомъ къ импровизаціи, но съ достоинствомъ ини-
вы они не всегда соединяютъ необходимую твердость, для
чтобы докончить и усовершенствовать свое дѣло. Они пуще
ненавидятъ монотонность и часто впадаютъ въ противопо-
ую крайность, увлекаясь удовольствіемъ мѣнять свои при-
ности и ненависти, сообразно послѣднему полученному ими
атлѣнію или въ силу страстной среды, въ которой они дѣй-
отъ. Хорошія чувства, то, что они зовутъ простымъ милан-
ъ здравымъ смысломъ, въ концѣ концовъ получаетъ пере-

Digitized by Google

вѣсъ у нихъ, но порою фантазія беретъ верхъ и, благодаря необдуманности, имъ не разъ приходится ломать себѣ шею.

Какъ пріятно слушать болтовню хорошенькой венеціанской дамы! Какое увлеченіе! Какой жаръ! Какое остроуміе! Какъ она мило распоряжается своими фразами, взглядами и улыбками! Сколько ласки, сколько любезности, сколько увлекательности даже въ ея злорѣчіи. Она хороша со всѣми, и всѣ у ней желанные гости; но горе отсутствующимъ! Когда двѣ венеціанскія дамы разговариваютъ другъ съ другомъ, подумаешь, что они замышляютъ заговоръ противъ правительства, а между тѣмъ онѣ невинно сплетничаютъ о своей милой сосѣдкѣ, которая въ другомъ углу предается тому же развлеченію. Этотъ особый родъ забавы, напоминающій намъ самыя комическія сцены нашего старика Гольдони, очень любимъ въ Венеціи и довольно интересенъ для зрителя подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы папеньки и мужья не путались въ дѣло. У венеціанцевъ въ высшей степени развиты остроуміе, изящество и грація. Еслибы они могли замѣнить лишней дозой энергіи излишекъ своихъ любезныхъ качествъ, то много выиграли бы отъ этого; и еслибы они посвятили труду тѣ часы, которые они проводятъ въ забавной, но безплодной болтовнѣ, то имъ не пришлось бы такъ много жаловаться на мелкія невзгоды жизни. Куда дѣвались, увы! Поло и Дандоло, Пизани и Морозини? Имъ не нужно было, этимъ героямъ, получать въ двадцать лѣтъ хорошія мѣста отъ правительства, чтобы рѣшиться выдти изъ своего бездѣйствія и покинуть родительскій кровъ. Зачастую они наталкивались на первомъ же своемъ шагу на безвыходныя положенія; вмѣсто того, чтобы обратиться вспять, они шагали черезъ препятствія и пробивали себѣ царскую дорогу. При рожденіи имъ доставалось въ наслѣдство одно только море, и изъ своихъ мореплаваній они возвращались славными, богатыми и могущественными. То же наслѣдство вмѣстѣ съ опытомъ ихъ предковъ и преимуществами новѣйшей науки досталось на долю и остроумнымъ венеціанцамъ нашего времени. Пусть они воспользуются имъ по примѣру своихъ смѣлыхъ братьевъ, генуэзцевъ. Востокъ все еще пустъ и золотое руно возобновляется въ немъ по мѣрѣ того, какъ его эксплуатируютъ.

Пойдемъ дальше. У подошвы Апеннинскихъ горъ живетъ мощное населеніе. Можно подумать, что это разсѣянные остатки тѣхъ воиновъ, которые образовали первые легіоны республиканскаго Рима; но католицизмъ погрузилъ ихъ въ непроглядную тьму невѣжества. Это населеніе дало самый обыкновенный типъ

Digitized by Google

ьянскаго разбойника, который, будучи образованъ, легко мо-
ъ превратиться въ героя или святого. Франсуа д'Ассизъ,
рый вдыхалъ воздухъ Апеннинскихъ горъ, началъ свою жизнь
ъ звѣрь, а кончилъ какъ богъ. Если горы и не алтари, какъ
валъ ихъ Руссо, то они возносятся и насъ возносятъ вы-
надъ землей.

Апеннины изящно окаймляютъ прекрасную раковину, въ ко-
й, какъ драгоцѣннѣйшая жемчужина, красуется тотъ цвѣту-
и прекрасный уголокъ земли — Тоскана. Здѣсь, послѣ па-
Аѳинъ и Рима, избрали свое жилище граціи, чтобы на-
ъ этотъ народъ звучному языку и вселить въ него пониманіе
оты и вкусъ. Народъ научился языку и отлично воспользовался
ами. Своимъ словомъ онъ вдохнулъ душу живую въ средне-
вую Италію. Поэмой Данта онъ повергъ вселенную въ восторгъ
вердилъ нравственное единство Италіи. Мелодіями Петрарки
доказалъ, что итальянцамъ нечего завидовать соловьямъ.

Но зачѣмъ надо было, чтобы этотъ энтузіазмъ подернулся
дной и циничной иронією автора *Mandragora* и *Principe*.
ъ сатанинскій геній, которому новѣйшіе политики создали
еозъ, дабы оправдать крайности дерзкихъ узурпаторовъ, —
ъ демонъ, двуличный и двуязычный, резюмировалъ въ себѣ
дурныя наклонности, искавшія выхода въ вѣкъ пресыщен-
свободой и славой, завѣщанными ему предыдущимъ столѣ-
. Свобода всегда является бременемъ для тѣхъ, кто ея не-
инъ, да и слава также, благодаря ея многочисленнымъ
ваніямъ, становится невыносимымъ игомъ для тѣхъ, кто ея
аслужилъ. Какъ скоро въ Тосканѣ стали поднимать на смѣхъ
ное величіе, то, естественно, оно перестало проявляться на
А такъ какъ все въ здѣшнемъ мірѣ, какъ въ сферѣ добра,
и въ сферѣ зла, осуждено на упадокъ, коль скоро не дѣ-
я никакихъ усилій, чтобы поддержать или развить его, то
училось такъ, что сатанинская иронія Макіавели, великая
и своими сторонами, измельчала, размѣнявшись на пустяки,
лилась, сдѣлавшись достояніемъ слишкомъ многаго числа
менныхъ тосканцевъ. Этотъ умъ, бездушный и лишенный
безсильный создать самъ по себѣ что-либо, имѣетъ однако
тво своимъ скептичнымъ и зловреднымъ вліяніемъ леденить
це тѣхъ людей въ Тосканѣ, которые еще помнятъ о Дантѣ
икель-Анжело, и которые напоминаютъ своими стремленіями
произведеніями этихъ двухъ чудесныхъ титановъ человѣчес-
мысли. Можно сказать, впрочемъ, что большинство тоскан-
забавляется этой игрой уже многіе вѣка; эти граціозные

Digitized by Google

карлики (согласно теоріи дарвиновской о возвратѣ), порожда
иногда дивныхъ гигантовъ и пугаются ихъ, словно чудови
Подобно отцамъ легендарной эпохи, они боятся быть раздав
ными своими новорожденными, и какъ скоро они замѣча
что ребенокъ грозитъ перерости обыкновенный ростъ; они
требляютъ всѣ усилія, чтобы погубить его; но это не вс
имъ удается. Такимъ образомъ, Данте и Леонардо-да-Винчи
нуждены были покинуть свое отечество, и оно, это отечес
страна Петра Каппони, Микель-Анжело и Франсуа Фер
была продана Медичи. Такимъ же образомъ допустили св
инквизицію пытать Галилея. Все, что въ этой прекрасной ст
родится съ печатью силы — изгоняется. Въ блаженной Тос
охотно обходятся безъ нервовъ и мускуловъ!

Всѣмъ, что еще римскій народъ сохранилъ великаго и
краснаго,—онъ обязанъ своимъ языческимъ предкамъ. Все,
въ немъ есть порочнаго—является продуктомъ миѳической
ріи Вавилона, описаннаго каноникомъ Петраркой. Въ отсут
папъ въ Римѣ немедленно раздавались голоса его прежн
трибуновъ, вызванныхъ къ жизни Колой Ріензи и Чичеровек
Итакъ, римскому народу, для того, чтобы снова подняться
праха, нужно только отказаться отъ своей новой историче
костюмировки, которая рѣшительно къ нему нейдетъ. Его с
все еще мощно, а жестъ величественъ. Вмѣсто того, ч
пользоваться этими дарами природы, чтобы величественно
сить милостыню или съ достоинствомъ преклоняться передъ
жившими авторитетами, онъ могъ бы заявить о своихъ пра
и вернуть свое утраченное могущество. Этотъ народъ пере
нетъ побираться и воровать лишь въ тотъ день, когда ста
самъ себѣ господинъ и займетъ новую страницу въ исторіи
не думаю, чтобы ему недоставало силы, но сомнѣваюсь, ч
онъ сознавалъ ее. Пусть только проснется левъ и мы можемъ
увѣрены, что съ первымъ рыканіемъ онъ разобьетъ путы, к
рыя лишали его свободы въ вѣка суевѣрія. Оборона Рим
1849 г. была не болѣе какъ проблескомъ; но, возбудивъ у
леніе въ побѣдителѣ, она убѣдила насъ, что древній Римъ
не совсѣмъ погребенъ подъ землей, и что та же самая п
могла бы еще производить героевъ, еслибы каждый граждан
давалъ себѣ трудъ изучать исторію своего родного города.
зумѣется, преподаваніе этой исторіи не слѣдуетъ поручать
семинаріямъ, ни коллегіи пропаганды, ни ватиканскому уни
ситету. Разъ Римъ станетъ вторично очагомъ, центромъ и
момъ силы, останется пожелать одного только, чтобы онъ съум

Digitized by Google

ять отъ соблазна злоупотребить ею. Быть сильнымъ и за-
ть это—есть право. Быть сильнымъ и не давить другихъ—
обязанность. Быть сильнымъ и пренебрегать своей силой—
грѣхъ смертный, а одного смертнаго грѣха (такъ учатъ
ь патеры) достаточно, чтобы лишить вѣчнаго блаженства.
Южныя провинціи Италіи отличаются весьма разнообразной
іономіей. Живость и изящество, самодовольство спеціально
актеризуютъ населеніе восточной области. Калабріецъ за-
о восторженъ, безстрашенъ и бѣшенъ; неаполитанецъ кро-
ь, впечатлителенъ и лѣнивъ; тамъ-и-сямъ сверкаютъ про-
ски ума эллинскаго, сарацинскаго, норманскаго, швабскаго,
ванскаго, албанскаго и испанскаго. Всѣ эти элементы
анным образомъ перемѣшались въ итальянскомъ южномъ
ествѣ и производятъ личности по-истинѣ изумляющія своими
тиворѣчіями. Такъ, напримѣръ, въ умѣ Жанъ-Батисто-Вико,
гинальнѣйшаго изъ итальянскихъ философовъ, замѣчается гре-
ое вдохновеніе и германская форма. Отецъ схоластики ро-
я въ южной Италіи, и тамъ также наши первые свободные
мители вступили въ борьбу съ схоластикой. Самый слѣпой
отизмъ царилъ въ теченіи вѣковъ въ Неаполѣ, и въ Неаполѣ
проявился самый прекрасный типъ революціонера—Мазаніелло,
о какъ позднѣе на эшафотахъ Неаполя пали благороднѣй-
мученики итальянской свободы. Южныя провинціи несом-
но самыя невѣжественныя и въ нихъ всего менѣе развить
ъ. А между тѣмъ самый тонкій изъ нашихъ критиковъ,
ческо-де-Санктисъ, уроженецъ этихъ провинцій. Въ южныхъ
винціяхъ наблюдаешь обыкновенно полнѣйшее отсутствіе вся-
пониманія практической жизни, а между тѣмъ юрискон-
тъ и экономистъ Филанжіери и его школа появились тамъ.
и въ настоящее время нашъ первый адвокатъ, нашъ самый
ый юристъ, депутатъ Манчини—неаполитанецъ. Неаполи-
ы породили слишкомъ извѣстную поговорку о *dolce far niente*.
ъ Фіорелли, неаполитанецъ, съумѣлъ, благодаря своей дѣя-
ности и чуть ли не своими единичными усиліями, воскресить
города, которые оставались погребенными въ землѣ почти
ихъ девятнадцать столѣтій. Ружіеро Бончи перевелъ съ гре-
аго бесѣды Платона, редактировалъ разомъ три политиче-
газеты, преподавалъ древнюю исторію въ университетѣ, гово-
рѣчи въ парламентѣ, принималъ участіе въ трудахъ много-
енныхъ коммиссій и находилъ при этомъ время заниматься
ными дѣлами. Поэтому, трудно оцѣнить въ точности значеніе.
равственную силу, которую южныя провинціи могли бы дать

Digitized by Google

Италіи. Очевидно, что еслибы занялись усерднѣе ихъ просвѣщеніемъ, то онѣ могли бы подготовить намъ чрезвычайные сюрпризы.

Наконецъ, наши острова отличаются своимъ особымъ характеромъ, особенно Сицилія. Греки на востокѣ, арабы на западѣ—сицилійцы всегда будутъ стоять особнякомъ. Въ состояніи варварства они импровизировали сицилійскія вечерни; цивилизуясь—они могутъ намъ повѣствовать о нихъ съ талантомъ и знаніемъ Микеля Амари или же пѣть намъ прелестные оды Мези и безсмертныя аріи Беллини.

Куда бы мы, такимъ образомъ, ни направились въ Италіи, вездѣ мы встрѣтимъ не только жизнь, но и оригинальность. Тотъ отдѣлъ, который въ естественной исторіи человѣка зовется итальянцемъ,—самый разнообразный и богатый по своимъ видамъ. Желать подвести всѣ эти виды подъ одинъ общій и однообразный уровень—значитъ желать невозможнаго и мучиться надъ искусственнымъ произведеніемъ чудовища. Есть много интересовъ связующихъ насъ, и нѣтъ сомнѣнія, что для того, чтобы изгнать изъ общаго муравейника всякаго чужеземнаго пришлеца, сициліецъ и піемонтецъ—эти два противуположныхъ по разстоянію и характеру полюса итальянскаго общества, соединили бы свои усилія, позабывъ о своихъ антипатіяхъ и вчерашнихъ обидахъ и распряхъ. Но на другой же день побѣды надъ чужеземцемъ ревнивыя видовыя особенности заставили бы ихъ желать и искать полнѣйшей свободы дѣйствія. Между тѣмъ, эта свобода становится призрачной, если форма дѣйствія навязывается, опредѣляется, регламентируется во всѣхъ своихъ деталяхъ, посредствомъ однороднаго, строгаго закона, противнаго всѣмъ жизненнымъ силамъ, которыя поддерживаютъ общую гармонію не тѣмъ, что уничтожаетъ всякую личную энергію, но помощью ассоціаціи, взаимной и произвольной, всѣхъ элементовъ жизни.

Suprema lex римскаго права былъ разрушенъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія провозглашеніемъ правъ человѣка, которыя, само собой разумѣется, отвергаютъ всякое слишкомъ абсолютное однообразіе. Новая Италія такъ же прекрасна и очаровательна, какъ и знаменитая Венера греческаго художника; именно различныя стороны ея красоты могутъ придать всему цѣлому характеръ привилегированнаго существа, достигающаго идеальнаго совершенства. Дѣло идетъ вовсе не объ искусственной амальгамѣ, скомканной, сдавленной учеными Зевсами въ очкахъ, у которыхъ существуетъ одна мѣра и одни вѣсы для всѣхъ.

Флоренція.
30-го ноября, 1872 г.

Анджело Де-Губернатисъ.

Digitized by Google

НОВАЯ КНИГА

О

ГОСУДАРСТВЕННОМЪ КРЕДИТѢ

Государственный кредитъ: очеркъ наростанія государственнаго долга въ Англіи и Франціи. М. М. Алексѣенко. Харьковъ, 1872.

Государственному кредиту у насъ особенно счастливится: въ короткое время наша литература обогатилась двумя изслѣдованіями, касающимися этого предмета. Можно было бы подумать, что у насъ податной вопросъ и въ теоріи и на практикѣ уже давно рѣшенъ, или что наша государственно-долговая практика преимущественно предъ податною волею-неволею вызываетъ на размышленіе. Но это врядъ ли бы признали вѣрнымъ и г. Алексѣенко. Отчего же мы обогатились двумя монографіями о финансовомъ кредитѣ и въ теченіе того же времени ничѣмъ не обогатились по части налоговъ вообще и, въ частности, предстоящей у насъ реформѣ ихъ? Оттого ли, что первая тема для изслѣдованія легче другой? Или оттого, что связь между наукою и жизнью у насъ еще слишкомъ слаба?

Конечно, критика можетъ только весьма осторожно касаться вопроса, отчего изслѣдователь поставилъ себѣ ту, а не иную задачу. Но — книга представляетъ цѣнность, разсчитанную на сбытъ, какъ вещественный, такъ и невещественный. А сбытъ всегда въ свою очередь предполагаетъ запросъ, потребность. Въ разборѣ цѣнности, разсчитанной на сбытъ, не могутъ быть поэтому обойдены и вопросы о томъ, насколько ея внутреннія ка-

Digitized by Google

чества дѣйствительно ей обезпечиваютъ необходимый сбытъ, дѣйствительно ли ей соотвѣтствуютъ потребность и запросъ, на которые она могла бы разсчитывать? И книга г. Вредена о финансовомъ кредитѣ наводила уже на сомнѣнія въ ея успѣхѣ у публики. Встрѣчаясь съ новою книгою о томъ же предметѣ, мы не можемъ не усилить нашихъ сомнѣній, ибо со времени появленія книги г. Вредена въ условіяхъ нашей государственно-хозяйственной жизни не произошло значительной перемѣны.

Было время, когда наши изслѣдователи не могли брать предметомъ своихъ сочиненій живые интересы текущей общественной жизни, когда они должны были останавливаться у препятствія, представлявшагося подчиненнымъ положеніемъ и пассивною ролью печати и науки. Но это время, кажется, миновало. Съ другой стороны, еще не настало у насъ то время, когда о текущихъ вопросахъ заботится масса изслѣдователей и публицистовъ, и когда отдѣльный ученый можетъ выдѣлиться изъ всей массы и работать не на текущія нужды, а на будущіе запасы. Конечно, это доказываетъ, что культурныя условія нашей жизни предоставляютъ нашимъ ученымъ меньше свободы, сравнительно съ заграничными. Но свобода дѣятельности и возможность направлять ее въ различныя стороны по собственному выбору зависитъ не отъ одного только отсутствія внѣшнихъ препятствій: для нея необходима разносторонность самой общественной жизни, разнообразіе потребностей, въ связи съ накопленными средствами для удовлетворенія этихъ потребностей. Тамъ, гдѣ жизнь не выработала себѣ разносторонность или гдѣ она бѣдна средствами, волею-неволею возникаетъ антагонизмъ интересовъ между представителями науки и жизнью: или ученые болѣе дорожатъ своими интересами, своею свободою—тогда они отрѣшаются отъ жизни, отворачиваются отъ нея и игнорируютъ ее,—или они подчиняютъ себя жизни и посвящаютъ себя служенію ея интересамъ: тогда имъ приходится жертвовать своею свободою.

Само собою разумѣется, что теперешнія условія далеко не благопріятствуютъ тому, чтобы критика имѣла основанія требовать жертвъ отъ разбираемыхъ писателей. Мы живемъ въ такое время, когда всеобщая скромность дѣлаетъ каждаго отдѣльнаго человѣка наклоннымъ предоставить другимъ великую честь готовности принести первую жертву. И современная критика тѣмъ менѣе имѣетъ права быть требовательною, что изслѣдователь, не пожелавшій жертвовать своею свободою, вѣдь не Богъ-вѣсть сколько и выигрываетъ. Это разъ. Во-вторыхъ, готовность жертвовать всегда зависитъ отъ предполагаемой плодотворности ея

Digitized by Google

ультатовъ и парализуется всегда обстоятельствами, которыя авляютъ думать, что эта плодотворность будетъ меньше той, орая ожидается отъ дѣятельности, несопряженной ни съ ими жертвами.

Во всякомъ случаѣ предметъ, который избралъ себѣ г. Алек-нко, несомнѣнно одинъ изъ самыхъ интересныхъ въ экономи-кой наукѣ. И еще болѣе интереса онъ долженъ былъ пріо-сти отъ того пріема, съ которымъ за него взялся г. Алексѣенко. емъ этотъ—историческій.

Методологическій вопросъ о значеніи индукціи въ обществен-ъ и политическихъ наукахъ, какъ извѣстно, одинъ изъ са-ъ спорныхъ. Если исходить изъ опыта, то должно будетъ знать, что индукція и въ этихъ наукахъ оказывала и ока-аетъ неоцѣненныя услуги,— когда дѣло заключается въ кон-тированіи фактовъ, и притомъ возможно болѣе разрозниваю-ъ, котораго цѣль индивидуализированіе отдѣльныхъ явленій, бы сдѣлать возможнымъ изученіе ихъ внутренней природы. ротивъ, какъ только дѣло изслѣдованія переходитъ въ даль-шую стадію и вопросъ касается связи между явленіями, при-наго ихъ соотношенія другъ къ другу, индукція становится кою и даетъ уже далеко не одни только безспорные резуль-ы. Всякій, занимавшійся исторіею или статистикою, знаетъ адное количество примѣровъ произвольности прагматическихъ троеній и т.-наз. статистическихъ доводовъ, употребляемыхъ, ъ доказательныя средства, для самыхъ противуположныхъ ей. Отсюда одинаковая нелюбовь, какъ у строгихъ истори-ъ, такъ и у строгихъ статистиковъ, выходить за пре-ы индивидуализирующаго констатированія изслѣдуемыхъ ими ній.

Понятно поэтому, что если кто-либо берется за исторію или тистику, какъ за вспомогательное средство для теоретическихъ троеній, то онъ можетъ разсчитывать на успѣхъ только тогда, да ему благопріятствуетъ несложность изслѣдуемаго вопроса связи съ особенно счастливою полнотою матеріала фактиче-го, не страдающею вовсе никакими пробѣлами, насчетъ ко-ыхъ возможны были бы предположенія о неизвѣстныхъ и ытно-дѣйствующихъ причинахъ. Въ области политическихъ и ественныхъ наукъ, однако, съ одной стороны вопросы наи-ьшей сложности все еще чрезвычайно сложны, съ другой—пол-а матеріала, необходимая для индуктивнаго синтеза, всегда остав-ъ еще желать весьма многого. Неполнота фактическаго мате-ла, препятствующая строгой точности теоретическихъ постро-

Digitized by Google

ній по вопросамъ соціально-политической жизни и обусловливающая произвольность и часто безконечное разнообразіе во взглядахъ по этимъ вопросамъ, далеко не случайная. Она зависитъ далеко не отъ одного только прилежанія ученыхъ собирателей фактическаго матеріала. Степень полноты послѣдняго находится въ тѣсной зависимости отъ того, насколько онъ былъ сознанъ эпохою, которой жизнь въ немъ выражается. Она обусловливается характеромъ и цѣльностью самосознанія эпохи. Слѣдовательно, полнота фактическаго матеріала о какомъ-либо разрядѣ явленій зависитъ прежде всего отъ высоты умственнаго развитія той эпохи, къ жизни которой относятся означенныя явленія. Но и высота умственнаго развитія, и цѣльность самосознанія, разносторонность и полнота его, тоже всего менѣе случайныя явленія. Субъективное самосознаніе эпохи зависитъ отъ объективной природы того возраста, который представляется данною эпохою въ ростѣ политическаго или соціальнаго организма. Низшій возрастъ отличается невыясненностью составныхъ частей организма, его органовъ и ихъ отправленій, проблематическимъ характеромъ однихъ и другихъ и проблематичностью, обусловливающеюся неустойчивостью, какъ-бы случайностью явленій, къ нимъ относящихся. Понятно, что невыясненность и проблематичность не могутъ идти рука объ-руку съ полнотою и цѣльностью самосознанія. Дефицитъ и характеръ самосознанія выражаютъ дефицитъ и характеръ того, что̀ въ сознаніи только отражается, какъ въ зеркалѣ. Только съ высшими степенями развитія и позднѣйшими возрастами, когда отдѣльные органы пріобрѣтаютъ достаточно крѣпости и силъ, чтобъ на ихъ основаніи упрочить свою самостоятельность, они опредѣленно и четко выражаются въ ясныхъ послѣдствіяхъ, ими вызываемыхъ. Тогда есть чему дѣйствовать достаточно напряженно и на сознаніе; матеріалъ, имъ перерабатываемый, разростается, становится разнообразнымъ, теряетъ свою безпорядочность и укладывается въ извѣстный строй, отличающійся цѣльностью; тогда и самосознаніе получаетъ возможность стать полнымъ и цѣльнымъ, и тогда наука можетъ взяться за свое дѣло съ полною увѣренностью въ успѣхѣ.

Вопросъ о методѣ вообще и историческомъ или статистическомъ синтезѣ въ частности, такимъ образомъ, представляетъ собою далеко не одинъ только вопросъ о научной цѣлесообразности, разрѣшаемый спорами ученыхъ между собою. Степень совершенства жизни имѣетъ весьма важное вліяніе на степень возможнаго совершенства знаній о ней. Пути, которыми складываются и образуются отдѣльныя явленія и группы ихъ, имѣютъ

Digitized by Google

лорное вліяніе на пути, которыми образуются понятія о нихъ, этому и на методы научнаго осознаванія жизни. Вотъ по- недостаточно одного только того, чтобъ ученый, недоволь- ходомъ предшествовавшихъ изслѣдованій, *пожелалъ* дать ѣдованіямъ новый ходъ по новому направленію и съ по- ью новыхъ методовъ. Недовольство ученаго можетъ быть нѣ законно. Но желаніе, которое ему будетъ сопутствовать, оно не будетъ обставлено вполнѣ созрѣвшими условіями для еденія его въ исполненіе, будетъ свидѣтельствовать объ одной ко научной неопытности выражающаго его.

Г. Алексѣенко знаетъ, что государственный кредитъ пред- яетъ совокупность явленій весьма и весьма сложныхъ. Ему стно, что въ этой области экономическаго знанія еще далеко не приведено въ надлежащій порядокъ одно только дѣло ранія голаго фактическаго матеріала. Чисто индуктивное и итическое установленіе отдѣльныхъ фактовъ оставляетъ еще ть весьма многого. Понятно, что въ такомъ случаѣ всего е удобоисполнима такая задача, которая соединяетъ въ себѣ аналитическаго констатированія фактовъ съ дѣломъ индук- аго построенія теоріи о нихъ. Изъ книги г. Алексѣенко но усмотрѣть, какую собственно задачу онъ себѣ поставилъ. предисловія его, въ которомъ указывается на разнообразіе зглядахъ, высказанныхъ по различнымъ вопросамъ о госу- твенномъ кредитѣ, можно было бы заключить, что разно- іе онъ считаетъ выраженіемъ несовершеннаго состоянія этой сти финансовой науки. Такъ какъ тутъ же съ нѣкоторымъ сомъ объявляется, что при такомъ сильномъ разнорѣчіи своихъ шественниковъ авторъ взялся за обработку ученія о государ- номъ кредитѣ, а въ примѣчаніи говорится о второй части а,—то надобно думать, что г. Алексѣенко считалъ возмож- взяться за дѣло, не дробя его на части и не стѣсняясь объемомъ. Мы не считаемъ себя вправѣ говорить о по- ьности намѣреній г. Алексѣенко, и потому остановимся только ѣхъ средствахъ, которыми г. Алексѣенко располагаетъ для еденія своихъ намѣреній въ исполненіе.

Отдѣльныя ученія, какъ экономической науки такъ и финан- й, хотя они иногда отзывались и весьма грубымъ эмпириз- , до сихъ поръ по большей части строились съ помощью да дедуктивнаго. Даже приверженцы такъ-называемыхъ исто- скихъ и статистическихъ или индуктивныхъ пріемовъ до сихъ всегда ограничивались тѣмъ, что къ теоретическимъ по- еніямъ, которыя находились готовыми, они *прибавляли* въ

Digitized by Google

видѣ иллюстрацій и дальнѣйшихъ доказательствъ болѣе или менѣе обширный фактическій матеріалъ; теоретическія построенія они оставляли въ покоѣ и совершенно удовлетворялись, если ихъ прибавленія бросали новый свѣтъ на ученія, прежде установленныя, расширяли или съуживали эти ученія. Г. Алексѣенко не объясняетъ точно, съ какою собственно цѣлью онъ обратился къ историческому изслѣдованію. Онъ говоритъ просто, что «прежде теоретическаго разсмотрѣнія вопроса рѣшился обратиться къ фактической сторонѣ дѣла, изъ области научныхъ комбинацій спуститься на почву дѣйствительности». Первоначально ему это было нужно, чтобъ «посмотрѣть, какія государственныя потребности вызвали къ жизни примѣненія государственнаго кредита въ финансовой исторіи Англіи и Франціи», и провѣрить идеи новѣйшихъ теоретиковъ о производительности цѣлей государственныхъ займовъ. Характеръ матеріала, собраннаго г. Алексѣенко и совершенно его удовлетворившаго, доказываетъ однако, что нашъ авторъ далеко не имѣлъ виду—исторически изслѣдовать объективныя (соціальныя, политическія и экономическія) условія, вызвавшія государственные долги. Ему казалось совершенно достаточнымъ, если онъ наведетъ возможно больше справокъ о субъективныхъ финансовыхъ мотивахъ и цѣляхъ, которыми *объясняли* заключеніе долговъ. Г. Алексѣенко совершенно забылъ, что ученый не можетъ взяться за разборъ явленій съ точки зрѣнія цѣлесообразности и критически относиться къ эмпирическимъ объясненіямъ, прежде чѣмъ изслѣдована причинная связь между даннымъ явленіемъ и другими, его сопровождавшими, ему предшествовавшими и за нимъ слѣдовавшими. Точка зрѣнія цѣлесообразности принадлежитъ къ области искусства, практики и примѣненія, а не къ области научнаго изслѣдованія началъ, лежащихъ въ основѣ явленія. Г. Алексѣенко забылъ, что ученый не имѣетъ права принимать на вѣру и считать послѣднимъ словомъ то объясненіе даннаго явленія, которое ему давали лица, стоявшія къ нему въ непосредственныхъ отношеніяхъ, активныхъ или пассивныхъ. Ученое изслѣдованіе обыкновенно и начинается съ сомнѣнія въ этихъ ходячихъ объясненіяхъ. Г. Алексѣенко врядъ-ли станетъ оспаривать, что только съ появленія книги Дитцеля (составившей и по его мнѣнію эпоху въ наукѣ) оказалась хоть какая-нибудь теорія внутреннихъ причинъ и основаній государственнаго кредита. До Дитцеля единственное объясненіе, которое умѣли давать этому явленію, представлялось дефицитомъ и отсутствіемъ иныхъ средствъ на войны. Вся заслуга Дитцеля, главнымъ образомъ, въ томъ и заключалась, что онъ усомнился въ научности

Digitized by Google

сненія важнаго явленія причинами, закономѣрность которыхъ
не изслѣдована, что онъ постарался какъ дефициты, такъ
йны подвести подъ извѣстныя экономическія начала о влія-
прогресса производительности на превращеніе однихъ видовъ
тала въ другіе виды. Можно спорить противъ аргументовъ,
рыми Дитцель руководствовался при этомъ подведеніи; можно
ждать, что Дитцель подвелъ изслѣдованныя имъ явленія не
тѣ начала, которыя ими на самомъ дѣлѣ заправляютъ. Но
этого недостаточно одного только повторенія задовъ и топ-
на общихъ мѣстахъ въ родѣ увѣренія, что дѣло гораздо
е и вовсе не заключается въ превращеніи однихъ капита-
въ другіе, а въ войнахъ, на которыя не хватаетъ подат-
средствъ. Грубому эмпиризму только можетъ казаться, что
объясненіе проще. Но съ научной точки зрѣнія то объя-
е проще, которое основывается на какомъ-либо законѣ,
жающемъ постоянно дѣйствующую причину, съ необходи-
ью вызывающую данное явленіе, лишающую его случайнаго
ктера, дѣлающую излишними толки о его зависимости отъ
ективнаго произвола. Ибо только такое объясненіе явленія
возможность его предусматривать и предсказывать, даетъ
жность знать, когда можно ожидать съ увѣренностью его
упленія или непаступленія, даетъ, наконецъ, возможность
сообразно къ нему относиться. Суть не въ томъ, что Дит-
считалъ войны производительными цѣлями. Во-первыхъ, онъ
всѣ войны считаетъ производительными. Во-вторыхъ, и г.
сѣенко не будетъ считать всѣ войны непроизводительными.
третьихъ, категорія производительности сама сильно зави-
отъ весьма разнообразныхъ условій экономическихъ, по-
ческихъ и вообще всякаго рода культурныхъ. Дѣло, стало
заключается въ томъ, въ какомъ отношеніи государствен-
займы находятся къ цѣлямъ, совокупность которыхъ состав-
идеалъ даннаго времени и мѣста. Всякая эпоха имѣетъ свои
тія о производительности, обусловливаемыя степенью успѣш-
и ея силъ и отношеніемъ этой успѣшности къ потребностямъ
и, или къ тому, что́ она считаетъ своими потребностями.
ая эпоха имѣетъ свои взгляды на то, что́ для нея важнѣе
мъ для чего ей всего болѣе нужно жертвовать, какіе именно
виды капиталовъ для нея дороже другихъ видовъ. Эпоха
етъ ошибаться и считать капиталомъ то, что́ вовсе не есть
талъ. Но вѣдь эта ошибка имѣетъ культурныя или антикуль-
ыя послѣдствія, и ее обходить нельзя. Она дѣлаетъ болѣе или
ѣе неуспѣшными трудъ и жертвы, соединенныя съ превра-

Digitized by Google

щеніемъ однихъ цѣнностей въ другія; но сама оттого она не перестаетъ быть формою, въ которой проявляется общій законъ экономическаго прогресса. Сколько бы г-ну Алексѣенко ни удалось собрать данныхъ о томъ, что займамъ предшествовали дефициты и неестественныя напряженія податныхъ источниковъ, что имъ войны всегда сопутствовали или что они предшествовали, или слѣдовали войнамъ, эти данныя ни на волосъ не подвигаютъ дѣла впередъ. Ибо вся задача собственно и заключается въ объясненіи этихъ дефицитовъ и войнъ въ ихъ роли причинъ, которыми займы вызываются, и объясненіи экономическомъ, которое прежде всего требуется отъ экономиста. Вотъ почему Дитцель, Шеффле, Штейнъ и Вагнеръ и считали необходимымъ подвергнуть экономическому анализу различныя категоріи, которыя прежде считались относящимися къ одной только области политики. Можно быть недовольнымъ ихъ анализами, но нельзя считать дѣло благополучно доведеннымъ до пристани, когда оно снова возвращается въ то состояніе, которымъ началось движеніе. Изъ изложенія г. Алексѣенко можно было бы заключить, что онъ думаетъ будто до него на факты, имъ сведенные, не обращали вниманія. Но, онъ забылъ въ такомъ случаѣ, что эти-то факты и послужили исходнымъ пунктомъ для прогресса теоріи финансоваго кредита. Эти факты повторялись цѣлое столѣтіе и считались достаточнымъ объясненіемъ, тогда какъ прогрессъ самымъ положительнымъ своимъ послѣдствіемъ имѣетъ именно скептическое отношеніе къ вопросу о достаточности означеннаго объясненія. Еслибъ г. Алексѣенко разобралъ внутреннія качества скептицизма новѣйшей школы и доказалъ его неосновательность, то можно было бы признать за нимъ и извѣстный результатъ. Вмѣсто того, однако, мы у него находимъ одно только голословное сомнѣніе, не подкрѣпленное никакими доводами и только поставленное рядомъ съ фактами, которые никому никогда и на мысль не приходило ни отрицать, ни игнорировать. Прочитавъ всю книгу г. Алексѣенко до конца, поневолѣ спрашиваешь: какое же отношеніе имѣетъ фактическая часть книги къ тѣмъ сомнѣніямъ въ состоятельности новѣйшихъ ученій о кредитѣ, которыя авторъ высказываетъ въ началѣ ея?

Если г. Алексѣенко обратился къ историческому и статистическому матеріалу для того, чтобъ на его основаніи провѣрить новѣйшее ученіе объ основаніяхъ государственныхъ займовъ, то онъ тѣмъ только доказалъ, что онъ далеко не совершенно сознательно относился какъ къ означенному ученію, такъ и къ природѣ фактическаго матеріала, съ которымъ ему пришлось

Digitized by Google

ъ дѣло. Этотъ матеріалъ не годится для построенія на его
ваніи какой-либо теоріи причинъ, вызывающихъ займы, какъ
ходимое свое послѣдствіе. Онъ констатируетъ только эмпи-
ческій фактъ, сомнѣваться въ которомъ никто никогда и не
шлялъ: тотъ именно фактъ, что войны и исчерпанность по-
ыхъ источниковъ шли объ руку съ государственными дол-
. Но этотъ матеріалъ ничего не говоритъ ни о внут-
ей связи, связывающей войны именно съ кредитомъ, ни
мъ, необходимая ли причина кредита—исчерпанность подат-
источниковъ, то-есть, эмпирическій матеріалъ ничего не
ь ни для характеристики природы причинъ, ни для характе-
ики природы послѣдствій. Онъ грубъ, какъ всякій эмпиризмъ.
веденный мотивъ одинаково не единственный, по которому
лексѣенко занялся историческимъ матеріаломъ.
«Чѣмъ *дальше* (?) — говоритъ г. Алексѣенко—я входилъ въ
еніе фактовъ, тѣмъ *дальше* (?) раздвигались рамки изслѣдова-
Если эти слова и доказываютъ, что авторъ хорошаго мнѣ-
о широтѣ своихъ изслѣдованій и считаетъ необходимымъ
ерживать ихъ достоинство, то сами его изслѣдованія взаим-
ью далеко ему не отплачиваютъ. «Разсматривая наростаніе
дарственнаго долга, я слѣдилъ за историческими фактами
сительно долга въ связи съ выработкою налоговой системы
звитіемъ политическаго устройства, и въ связи съ примѣне-
ь другихъ формъ покрытія чрезвычайныхъ расходовъ». Это
итаемъ у г. Алексѣенко въ предисловіи. Иное мы узнаемъ
него же самого, когда мы его видимъ за дѣломъ. «Не вда-
ь въ подробное разсмотрѣніе средствъ, къ которымъ въ Англіи
ѣгали для покрытія чрезвычайныхъ надобностей», онъ даетъ
ткій очеркъ развитія государственныхъ доходовъ Англіи до
8 года, предоставляя читателю ставить излагаемые факты въ
съ развитіемъ другихъ сторонъ общественной и государ-
нной жизни». Читатель, конечно, можетъ спросить, какое
еніе имѣетъ краткій очеркъ государственныхъ доходовъ въ
іальной монографіи о государственномъ кредитѣ? Если г. Алек-
ко критически относился къ своимъ предшественникамъ по
боткѣ вопроса и предъявлялъ претензіи на самостоятель-
ь, то надобно думать, что онъ разсчитывалъ на читателей,
бы настолько подготовленныхъ, чтобъ они не нуждались въ
ткомъ очеркѣ» и т. д. Если же г. Алексѣенко имѣлъ въ
всю массу нашей публики, то отчего же кстати онъ не
бавилъ и краткаго очерка элементарныхъ началъ, которыя
ходимы для сознательнаго усвоенія сообщаемыхъ имъ фак-

Digitized by Google

товъ? Отчего онъ считалъ элементарный очеркъ фактовъ болѣе необходимымъ, чѣмъ элементарный очеркъ началъ? Нашей публикѣ нужно одинаково и то, и другое. Да и мало ли чего нашей публикѣ недостаетъ? Мы не думаемъ однако, чтобъ г. Алексѣенко разсчитывалъ на массу публики: онъ сообщаетъ матеріалъ свой въ слишкомъ сыромъ видѣ, и для приведенія его въ надлежащую ясность полагается слишкомъ много на читателя, чтобъ можно было думать о доступности его книги для всѣхъ и каждаго. «Краткій» очеркъ остается, слѣдовательно, объяснить тѣмъ, что на полный у автора не хватало средствъ. Почему г. Алексѣенко не считалъ необходимымъ вдаваться въ подробности о средствахъ, которыя замѣняли въ Англіи государственные долги до ихъ возникновенія, хотя въ предисловіи имъ указано было, что расширеніе изслѣдованій привело его къ разсмотрѣнію этихъ средствъ,—трудно понять. Фактъ остается тотъ, что въ главѣ о Франціи г. Алексѣенко даетъ очеркъ суррогатовъ государственныхъ займовъ. Отчего же этотъ очеркъ оказался возможнымъ для одной страны и не оказался таковымъ для другой? Надѣемся, что не отъ отсутствія матеріала въ одномъ случаѣ и отъ существованія его въ другомъ: г. Алексѣенко этого утверждать не станетъ. О существованіи матеріала онъ, конечно, знаетъ. Но имѣется ли этотъ матеріалъ въ его собственномъ распоряженіи, это вопросъ, относительно котораго несовпаденіе слова съ дѣломъ у г. Алексѣенко наводитъ на нѣкоторыя сомнѣнія. Фактомъ, далѣе, остается то, что г. Алексѣенко не только что не всегда слѣдилъ за развитіемъ государственнаго кредита «въ связи съ примѣненіемъ другихъ формъ покрытія чрезвычайныхъ расходовъ», но и вовсе не слѣдилъ за своимъ предметомъ «въ связи съ развитіемъ политическаго устройства», «предоставляя *читателю* ставить излагаемые факты въ связь съ развитіемъ другихъ сторонъ общественной и государственной жизни». Это, можетъ быть, и любезно со стороны автора, но для читателя не всегда удобно. Видно, г. Алексѣенко самъ не попробовалъ дѣла, если онъ его считаетъ столь легкимъ. Г. Алексѣенко приводитъ въ предисловіи мнѣніе Рау, что исторія государственнаго кредита, въ строго-научномъ смыслѣ слова, еще не существуетъ. Но это мнѣніе означаетъ совсѣмъ не то, что еще не сведены данныя «о наростаніи государственныхъ долговъ, объ условіяхъ ихъ заключенія, процентности, погашенія» и т. д. Г. Алексѣенко могъ составить свою книгу, не обратившись ни къ одному первоначальному источнику и черпая полными пригоршнями нужный матеріалъ изъ сочиненій, въ которыхъ задача его сведенія давно

Digitized by Google

разрѣшена, которыя всегда имѣются въ распоряженіи инте-
ующагося государственнымъ кредитомъ, и знакомство съ кото-
и всегда составляло исходный пунктъ для интересующагося
ансами вообще, а не для однихъ только спеціалистовъ по
росу о государственномъ кредитѣ. Если, несмотря на су-
твованіе этихъ сочиненій, все-таки говорилось объ отсутствіи
оріи предмета, вполнѣ научной, то это было, во-первыхъ, по-
у, что предметъ разработанъ только по отдѣльнымъ стра-
ь, а не во всей его цѣлости. Во-вторыхъ, это говорилось
потому, что предметъ изслѣдовался и излагался чисто внѣш-
ь образомъ, что сопоставленіе фактовъ развитія государствен-
кредита, въ отдѣльности взятыхъ и въ общей системѣ го-
рственныхъ доходовъ, было механическое, такъ сказать. Какъ
ты располагались въ пространствѣ и времени, такъ они рас-
агались и въ книгѣ. А наука требовала, чтобъ изслѣдованы
и ихъ внутреннія основанія, то-есть именно ихъ «связь съ
итіемъ другихъ сторонъ общественной и государственной
ни», открытіе которой г. Алексѣенко считалъ возможнымъ
едоставить» читателю. Вѣроятно, г. Алексѣенко при этомъ
лъ въ виду читателя-спеціалиста. Но въ такомъ случаѣ онъ
«предоставилъ» слишкомъ мало для труда, съ недовѣріемъ
сящагося къ результатамъ, которые онъ находитъ готовыми.
ъ самомъ дѣлѣ, г-ну Алексѣенко осталось не болѣе, какъ изла-
свои «краткіе очерки» и такое же механическое перечисленіе
товъ въ хронологическомъ порядкѣ. Г. Алексѣенко увѣряетъ
, что онъ «слѣдилъ за историческими данными относительно
дарственныхъ долговъ въ связи съ выработкою налоговой си-
ы». Но онъ даже и не попытался объяснить, что̀ онъ соб-
енно понимаетъ подъ этою «связью». На дѣлѣ она въ его
гѣ означаетъ то, что механическое перечисленіе фактовъ
осительно долговъ идетъ параллельно съ такимъ же перечис-
іемъ фактовъ относительно налоговъ. Но мы въ книгѣ не
ли ровно ничего о внутренней связи, соединяющей эти явле-
Вмѣсто того мы нашли только неумѣстную высокомѣрную
мѣшку надъ Штейномъ за то, что этотъ писатель на отдѣль-
ъ примѣрѣ выясняетъ, какъ историку нужно будетъ изслѣ-
ать связь между развитіемъ налоговой системы и кредитной
темы.

Г. Алексѣенко приводитъ мнѣніе Рау объ отсутствіи исторіи
ударственнаго кредита въ подтвержденіе своихъ словъ, что еще не
ествуетъ въ финансовой литературѣ книги, которая задава-
ь бы такими цѣлями, какими онъ задался. Изъ этого можно

Digitized by Google

заключить, что онъ писалъ свою книгу съ цѣлью пополнить пробѣлъ, существующій въ литературѣ. Мы позволимъ себѣ однако усумниться, чтобъ и по появленіи книги г-на Алексѣенко существовавшій до того пробѣлъ былъ пополненъ. Наше сомнѣніе мы основываемъ на томъ, что изъ книги г-на Алексѣенко читатель не узнаетъ ничего такого, чего онъ не могъ бы знать изъ существовавшихъ до того сочиненій. Какъ уже замѣчено выше, г. Алексѣенко съ первоначальными источниками исторіи своего предмета дѣла не имѣлъ. Матеріалъ его весь почерпнутъ изъ книгъ, въ которыхъ онъ былъ сведенъ и до г. Алексѣенко, хотя книги и не всегда называются исторіею государственнаго кредита. Если исключить сочиненіе Мадокса, не относящееся непосредственно къ его предмету, всѣ остальныя сочиненія, которыми пользуется г. Алексѣенко, принадлежатъ къ общедоступнымъ и ходячимъ. Книги Синклера, Гамильтона не составляютъ рѣдкости, извѣстной однимъ только спеціалистамъ, а книги Бакстера, Леви, Фоке, принадлежатъ даже къ весьма ходячимъ. Это относительно Англіи. Относительно Франціи г. Алексѣенко не имѣлъ даже надобности обращаться и къ такимъ сочиненіямъ, каковы книги Мадокса и Синклера. Сочиненія Кламажерака, де-Нерво, Боато, Бальи, сочиненія объ Ло, исторія рабочихъ классовъ Левассера, монографіи Пьера Клемана, все это вещи, знакомства съ которыми со свѣчею искать не приходится. При такомъ знакомствѣ съ предметомъ только изъ вторыхъ рукъ, г. Алексѣенко все-таки мечтаетъ о пополненіи пробѣловъ въ наукѣ. Видно, нашъ авторъ смѣшалъ пробѣлы въ собственныхъ знаніяхъ съ пробѣлами въ наукѣ и позабылъ, что не все, чѣмъ онъ могъ себя обогатить, должно было обогащать и науку. Приведенныя выше слова его, что прежде теоретическаго изслѣдованія вопроса онъ рѣшился обратиться къ фактической сторонѣ дѣла, доказываютъ видимо, что фактическая сторона дѣла даже изъ вторыхъ рукъ ему еще вовсе не была знакома, когда онъ уже былъ готовъ со своими теоретическими взглядами. Г. Алексѣенко, конечно, хорошо сдѣлалъ, что постарался пополнить важный пробѣлъ въ своихъ фактическихъ знаніяхъ и прочесть необходимыя книги. Но это можно было сдѣлать съ меньшимъ шумомъ и безъ претензій обогащать науку. Во всякомъ случаѣ, конечно, г-на Алексѣенко можно поблагодарить за то, что онъ содержаніе прочитанныхъ книгъ изложилъ письменно и напечаталъ. Для незнающихъ иностранные языки и готовыхъ удовлетвориться краткостью, трудъ г. Алексѣенко будетъ несомнѣнно полезенъ, за исключеніемъ конечно тѣхъ частей, которыя «предоставляютъ» работу

Digitized by Google

телю. Сюда должно причислить и «редукцію» денежныхъ
ъ, относящихся къ предыдущимъ эпохамъ, на современное
значеніе: вмѣсто того чтобы въ нѣсколькихъ строкахъ со-
ить своимъ читателямъ результаты изслѣдованій объ осно-
яхъ, на которыхъ возможно исчисленіе, г. Алексѣенко пе-
ечаталъ въ своей книгѣ сырой матеріялъ, «предоставляя»
ье свѣдущей части своихъ читателей собственнымъ умомъ
и до результатовъ.

Для теоріи государственнаго кредита историческія и стати-
ескія изслѣдованія имѣютъ, безспорно, важное значеніе. Но
лексѣенко располагаетъ еще слишкомъ необширными сред-
ми, чтобъ въ его рукахъ историческій и статистическій пріе-
могли привести къ какимъ-либо новымъ результатамъ. Еслибъ
мность претензій г. Алексѣенко была обратно пропорціо-
на его средствамъ, онъ удовлетворился бы ясною и простою
нею — составить выборку существеннѣйшихъ фактовъ изъ
ріи государственнаго кредита въ ея современномъ состояніи.
своемъ теперешнемъ же видѣ книга свидѣтельствуетъ только,
у г. Алексѣенко «больше амбиціи, чѣмъ аммуниціи». За-
у него расплылась въ неопредѣленномъ желаніи все пере-
ть: и исторію государственнаго кредита, и его теорію. Исторія
го излагается безъ вниманія къ необходимости различать
основные вида государственныхъ долговъ, текущихъ и отверж-
ыхъ. Изложеніе фактовъ, тѣхъ и другихъ долговъ касаю-
ся, у него сливается въ одну безразличную массу. Отсюда
ослѣдствіе, что значительный практическій интересъ, кото-
книга могла бы получить, совершенно потерянъ. Вопросъ
рмальной организаціи текущаго долга и о вредныхъ по-
ствіяхъ его неустроенности весьма удобно укладывался въ
ки историческаго изслѣдованія о кредитѣ. Опытъ Англіи и
нціи одинаково важенъ и краснорѣчивъ въ этомъ отношеніи.
лать этотъ опытъ доступнымъ пониманію и нашей публики
несомнѣнно важною и благодарною задачею для г. Алек-
ко. Но онъ прошелъ мимо, даже не задѣвъ ея. Въ исторіи
дарственнаго кредита Англіи г. Алексѣенко имѣлъ случай
мотрѣть единственный примѣръ страны, съумѣвшей ради-
но излечиться отъ той финансовой болѣзни, которая пред-
ляется большимъ неотвержденнымъ долгомъ; здѣсь ему пред-
лялся также единственный случай разсмотрѣть примѣръ фи-
совой администраціи, которая исправляетъ порчу, причинен-
ею кредитному циркуляціонному механизму страны. Но
упустилъ изъ виду эти случаи. А г. Алексѣенко врядъ-

Digitized by Google

ли станетъ оспаривать, что болѣе подробный очеркъ исторіи билетовъ казначейства и того періода, когда билеты англійскаго банка были неразмѣнны, въ его книгѣ былъ бы болѣе умѣстенъ, чѣмъ «краткій очеркъ» государственныхъ доходовъ до 1688 года и отрывочныя свѣдѣнія о нихъ за послѣдующее время.

Врядъ ли г. Алексѣенко руководствовался научными соображеніями, остановившись въ изложеніи своемъ на 1815 годѣ. Во-первыхъ, періодъ консолидированія неотвержденнаго долга Англіи затянулся далеко за этотъ годъ. Во-вторыхъ, на какомъ основаніи можно поставить на одну доску Англію и Францію по отношенію къ государственному кредиту? Г. Алексѣенко знаетъ, что Франція только съ 1815 года собственно и начинаетъ свою исторію развитія государственнаго кредита на современныхъ началахъ. Именно съ исторической точки зрѣнія факты англійскіе и французскіе до 1815 года существенно различнаго свойства, они представляютъ совершенно разнородныя степени развитія государственнаго хозяйства. Еслибъ г. Алексѣенко, вмѣсто того, чтобъ свысока смотрѣть на Штейна, болѣе внимательно отнесся къ идеямъ этого писателя о связи между государственно-долговыми и вообще государственно-хозяйственными источниками съ одной стороны, и различными формами политическихъ и общественныхъ укладовъ съ другой, онъ, быть можетъ, не поспѣшилъ бы напечатаніемъ своей книги и сдѣлалъ бы это по изученіи исторіи французскаго государственнаго кредита въ текущемъ столѣтіи. Правда, это изученіе нѣсколько труднѣе, потому что готовыхъ сочиненій, въ которыхъ весь матеріалъ былъ бы обработанъ, существуетъ уже меньше, потому что матеріалъ обширнѣе, условія, при которыхъ происходило развитіе, усложненнѣе, наконецъ потому, что для ознакомленія со всѣми этими условіями пришлось бы справиться съ большею массою книгъ: но это, конечно, не такія препятствія, которыми останавливаются научныя стремленія. Врядъ ли также серьезныя соображенія побудили г. Алексѣенко ограничиться только Франціею и Англіею. Чѣмъ исторія государственнаго кредита въ Австріи и Россіи менѣе важна и интересна? Не обойди г. Алексѣенко этихъ странъ, а также Соединенныхъ-Штатовъ и Германіи, книга его по крайней мѣрѣ хоть отличалась большею разносторонностью, чѣмъ обыкновенно встрѣчаемые очерки фактическаго матеріала развитія государственнаго кредита.

Въ заключеніе, мы не можемъ не возвратиться къ предисловію разбираемаго сочиненія. Авторъ здѣсь «лишь въ самыхъ общихъ чертахъ» очерчиваетъ современное положеніе своего во-

Digitized by Google

оса: указавъ на писателей, отрицательно относившихся къ го-
дарственному кредиту, г. Алексѣенко затѣмъ перечисляетъ писа-
лей,измѣнившихъ направленіе теоріи этого предмета, и приводитъ
которыя выдержки изъ книги Дитцеля. Штейнъ и Вагнеръ,
тя они и причисляются къ лучшимъ силамъ науки, характе-
зуются при этомъ тѣмъ, что «Вагнеръ *открылъ*, какъ съ по-
щью войнъ матеріальные капиталы превращаются въ немате-
альные, а Штейнъ показывалъ, какъ погашеніе долга равняется
разованію новаго капитала изъ занятаго». Читателямъ, нуж-
ющимся въ «краткихъ очеркахъ» г-на Алексѣенко, «предостав-
ется» отсюда заключить, до какихъ безобразій чуть-чуть не
вели теорію лучшія силы науки. «Дальше идти въ этомъ на-
авленіи было некуда», восклицаетъ вслѣдъ затѣмъ авторъ, и
гъ же чрезъ нѣсколько строкъ объявляетъ: «при такомъ поло-
еніи вопроса я взялся за обработку ученія о государственномъ
едитѣ». Рискуя вызвать недовольство г. Алексѣенко, мы тѣмъ
менѣе позволимъ себѣ ему напомнить, что прогрессъ науки
ень легко уживается съ взаимнымъ уваженіемъ ея дѣятелей
угъ къ другу. Заслуги г. Алексѣенко для науки вообще ни
ло не потеряли бы, еслибъ онъ призналъ за Штейномъ и Ваг-
ромъ и немного болѣе, чѣмъ доведеніе науки до такихъ вещей,
альше которыхъ уже идти некуда». Что же касается заслугъ
Алексѣенко для русской науки въ частности, то смѣемъ ду-
ть, что и онѣ бы не пострадали, еслибъ онъ не сдѣлалъ
да, будто до него за вопросъ о кредитѣ никто у насъ и не
ался. Изслѣдованія гг. Бунге и Вредена, которыя вѣроятно
безъизвѣстны г-ну Алексѣенко, равно какъ и кое-что изъ нашей
тературы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, могли бы, кажется,
зсчитывать на нѣкоторое упоминаніе въ спеціальной монографіи
государственномъ кредитѣ, хотя бы какъ на намекъ на то,
о автору приходится стоять на почвѣ, не совсѣмъ еще у насъ
тронутой. Игнорированіемъ русской литературы г. Алексѣенко
казалъ только, что въ числѣ многихъ пробѣловъ, которые ему
ще нужно постараться пополнить, находится и пониманіе нѣко-
рыхъ требованій литературнаго долга.

И. К—нъ.

Digitized by Google

О

ВЫСШЕМЪ ОБРАЗОВАНІИ

ЖЕНЩИНЫ.

Всѣмъ еще памятна полемика о врачебномъ образованіи женщины, возникшая въ половинѣ прошлаго года между профессоромъ анатоміи и физіологіи въ мюнхенскомъ университетѣ Бишофомъ [1]) и профессорами цюрихскаго университета Бёмертомъ [2]) и Германомъ [3]). Починъ въ этой полемикѣ принадлежитъ профессору Бишофу, который въ своей брошюрѣ „Изученіе медицины женщинами“ является крайнимъ противникомъ врачебнаго образованія ихъ и вообще не считаетъ женщину способною, по ея тѣлеснымъ и психическимъ качествамъ, къ высшему и спеціальному образованію. Отвѣтомъ на брошюру Бишофа были приведенныя нами статьи профессора Бёмерта и профессора Германа, на которыя Бишофъ возражалъ указанною нами статьей во „Всеобщей газетѣ“.

Не ограничиваясь вопросомъ только о врачебномъ образованіи женщины, мы бросимъ взглядъ на высшее ея образованіе вообще и способность къ нему, на зависимость его отъ положенія женщины въ разныя времена, и приведемъ нѣкоторые историческіе факты въ подкрѣпленіе нашего мнѣнія о занимающемъ насъ предметѣ.

---

[1]) Das Studium und die Ausübung der Medicin durch Frauen, v. D-r Th. von Bischoff, Professor d. Anatomie und Physiologie zu München. 1872. Отвѣтъ Бишофа профессору Бёмерту въ №№ 233—234 „Приложеній“ къ газетѣ „Allgemeine Zeitung“, подъ тѣмъ же заглавіемъ.

[2]) „Das Studium der Frauen mit besonderer Rücksicht auf das Studium der Medicin. Beilage zur „Allgemeine Zeitung“ №№ 205, 207, 208, 1872.

[3]) Das Frauenstudium und die Interessen der Hochschule Zürich, von Prof. D-r Hermann in Zürich (Neue Züricher-Zeitung, 1872).

Digitized by Google

Культура нашего времени представляетъ то отрадное явленіе и
ть въ особенности отличается отъ культуры предшествовавшихъ
олѣе близкихъ къ намъ вѣковъ, что великія идеи, возникшія въ
еніе послѣднихъ, бывшія тогда достояніемъ только небольшого
ла умовъ и не выходившія изъ сферы теоріи и утопій, въ на-
мъ вѣкѣ перешли въ сознаніе массъ и стали твердою ногою на
вѣ *практическаго* примѣненія: изъ слова онѣ воплотились въ
ло, въ факты. Къ такимъ фактамъ относятся, между прочими,
кращеніе торга невольниками, освобожденіе негровъ въ Сѣверо-
ериканскихъ-Штатахъ и уничтоженіе крѣпостного состоянія въ
ссіи, уничтоженіе мѣстами смертной казни и тѣлеснаго наказанія,
орма тюремъ, домовъ для умалишенныхъ, стремленіе къ улучше-
положенія рабочихъ, заботы о раненыхъ на поляхъ сраженій и
ч. Всѣ эти факты, повидимому, разнообразные, относящіеся къ
личнымъ національностямъ и разнымъ составнымъ частямъ обще-
а, служатъ выраженіемъ одного и того же принципа,—признанія
въ человѣка. Естественно, что прежде всего взгляды гуманистовъ
атились на самое основаніе общественной пирамиды, гдѣ наи-
ьшее давленіе требовало скорѣйшей и болѣе дѣятельной по-
щи. Къ этой же категоріи гуманныхъ идей, ставшихъ фактами,
относимъ и *возвышеніе умственнаго уровня женщины*. Въ ней дѣло
тъ тоже о признаніи правъ половины человѣческаго рода,—жен-
нъ, объ ихъ правахъ на общее и спеціальное образованіе и во-
ще на совершенствованіе, на трудъ, на различныя профессіи въ
ударствѣ, объ ихъ имущественныхъ правахъ и проч. Въ настоя-
е время, женщина выступаетъ на сцену какъ *личность*, со всѣми
бованіями, связующимися съ этимъ понятіемъ.

Вопросъ о правахъ женщины, не есть что-либо случайное, вне-
но появившееся, своевольная идея извѣстной части общества,
ъ многіе полагаютъ, но составляетъ необходимый результатъ все
ѣе и болѣе распространяющейся культуры человѣчества. Его
никновеніе и ходъ подчинены также законамъ, управляющимъ
знью и развитіемъ обществъ. Люди, намѣренно игнорирующіе его,
ще болѣе издѣвающіеся надъ современнымъ стремленіемъ жен-
ны къ образованію, къ труду, къ усвоенію надлежащаго значе-
и мѣста въ обществѣ, прежде всего незнакомы съ исторіею во-
ще, съ исторіею цивилизаціи въ частности и съ законами ея раз-
ія. Мы, конечно, уже и не говоримъ здѣсь о тѣхъ, которые, по
ему полному невѣжеству, до сихъ еще поръ смотрятъ на жен-
ну, какъ на существо созданное ради пользы и удовольствія
чинъ, но за то тѣмъ болѣе поражаетъ насъ непріязненное отно-
ніе къ праву женщинъ на высшее умственное образованіе со сто-

Digitized by Google

роны людей, пріобрѣвшихъ себѣ извѣстность въ научномъ мірѣ, особенно же въ области опытныхъ наукъ. Къ такимъ противникамъ высшаго женскаго образованія принадлежитъ и профессоръ физіологіи и анатоміи въ мюнхенскомъ университетѣ Вишофъ.

Доводы, приводимые имъ противъ современнаго стремленія женщины къ изученію медицины и другихъ наукъ, могутъ быть резюмированы въ двѣ группы: одни изъ нихъ заимствованы имъ изъ самой природы женщины, другіе почерпаются изъ исторіи вѣкового опыта, будто бы свидѣтельствующихъ о томъ, что женщина никогда не была способна къ серьезному умственному развитію и что ей ничто не мѣшало идти рядомъ въ этомъ отношеніи съ мужчинами. Въ этомъ порядкѣ мы и разсмотримъ доводы Вишофа.

Въ своей брошюрѣ онъ задаетъ себѣ вопросъ: „Способны ли женщины по своимъ качествамъ и силамъ, которыми одарила ихъ природа, выполнить трудныя и многочисленныя задачи изученія медицины и обязанности практическаго врача",—и рѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: „Здѣсь у мѣста снова напомнить накопившіеся въ теченіе вѣковъ, почерпнутые изъ опыта факты и свѣдѣнія о тѣлесныхъ и умственныхъ *различіяхъ* обоихъ половъ, и замѣтить, что эти различія простираются не только на внѣшнія формы и половые органы, но, можно сказать, *на каждую кость, каждую мышцу, каждый органъ, каждый нервъ, каждое волокно* (?), такъ что если сколько-нибудь справедливо положеніе, что одинаковые результаты могутъ быть достигнуты только одинаковыми факторами, то уже отсюда безъ дальнѣйшихъ доказательствъ само собою слѣдуетъ, что *женщины не могутъ производить того, что въ состояніи произвести мужчины, и наоборотъ*. При этомъ, безпристрастное и добросовѣстное анатомико-физіологическое изслѣдованіе показало, что женщина положительно гораздо слабѣе мужчины, что *вся организація ея представляетъ менѣе высокую степень развитія* (?), и во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ближе къ организаціи дитяти, чѣмъ мужчины".

Затѣмъ Вишофъ подробно излагаетъ различія между строеніемъ *черепа* и вѣсомъ *головного мозга* у обоихъ половъ, указывая въ особенности на то, что величина черепа мужчины *абсолютно* больше величины черепа женщины, и что у всѣхъ народовъ и расъ, *абсолютный вѣсъ всего мозга мужчинъ всегда бываетъ больше абсолютнаго вѣса мозга женщинъ*. Относительному вѣсу мозга (по отношенію къ вѣсу тѣла), который, по свидѣтельству многихъ авторовъ, у обоихъ половъ одинаковъ, даже нѣсколько больше у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, Вишофъ почти не придаетъ значенія. Къ этому изложенію различій черепа и мозга у обоихъ половъ онъ присовокупляетъ

Digitized by Google

къ (состоящій изъ 20-ти строкъ) психическихъ различій между
чиною и женщиною, и основываясь на всѣхъ этихъ, приведен-
ь имъ, различіяхъ между мужчиной и женщиной въ тѣлесномъ
ственномъ отношеніяхъ, заключаетъ, что *„женщины неспособны
теоретическому и практическому изученію наукъ и въ особенности
щины“*.

Какъ ни значителенъ авторитетъ Бишофа въ наукѣ о человѣкѣ,
все-таки должны сказать, что всѣ эти доводы не выдерживаютъ
тики: они частью пристрастны, частью же невѣрны, какъ будетъ
но изъ слѣдующаго. Сказавъ о различіи у мужчинъ и женщинъ
ей, мышцъ, нервовъ, даже волоконъ, Бишофъ не приводитъ ни-
хъ доказательствъ, которыми подтверждались бы эти слова; да
возможно было бы привести ихъ, такъ какъ, по крайней мѣрѣ
наукѣ, не существуетъ положительныхъ данныхъ, по которымъ
но было бы отличать мужскіе мышцы, нервы и проч. отъ жен-
ъ. Такимъ образомъ, сказанное объ этихъ различіяхъ Бишо-
ъ есть только фраза, отъ которой долженъ былъ бы предосте-
ся такой ученый, какъ Бишофъ. Сдѣланный имъ затѣмъ вы-
, что степень развитія всего организма женщины ниже развитія
низма мужчины, уже совершенно ошибоченъ; въ эмбріологіи и
оміи подъ *низшею степенью развитія* понимается не *слабое* раз-
, а *остановка, задержка* въ развитіи, чего отнюдь не существуетъ
рганизмѣ женщины. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что
ще организмъ мужчины сильнѣе, крѣпче организма женщины.
съ другой стороны, сколько можно встрѣтить мужчинъ, у кото-
мышцы очень слабо развиты, и которые вслѣдствіе этого мало
обны къ физическому труду, и наоборотъ, — женщинъ, отличаю-
ся крѣпкимъ сложеніемъ тѣла и далеко превосходящихъ мно-
мужчинъ своею способностью къ физическимъ трудамъ.

Говоря о женскомъ черепѣ, Бишофъ пользуется тѣмъ, что̀ ему
дно, и поэтому направляетъ факты по своему усмотрѣнію; утверж-
что женскій черепъ *абсолютно* меньше мужского черепа, онъ
ается на изслѣдованія Экера и Велькера; но изслѣдованія
ера произведены только на 25-ти мужскихъ и женскихъ черепахъ,
слѣдованія Велькера на 60-ти черепахъ, и потому еще нельзя
ть выводы изъ такихъ малочисленныхъ изслѣдованій. Сколько из-
но до настоящаго времени объ *относительной* величинѣ черепа
остальному тѣлу), оказывается, что, по словамъ Зёммеринга, че-
мужчинъ относится къ прочимъ частямъ его тѣла какъ 1:8 или
а мозгъ ихъ (по словамъ Гёмфри) какъ 1:37½; у женщинъ же
пъ относится къ остальному тѣлу какъ 1:6, а мозгъ—какъ 1:35;
мъ образомъ, выходитъ, что у женщинъ какъ черепъ, такъ и

Digitized by Google

мозгъ относительно *больше* и слѣдовательно, если это явленіе имѣетъ значеніе, преимущество оказывается на сторонѣ женщинъ, а не мужчинъ.

Бишофъ говоритъ, что въ женскомъ черепѣ лицевая часть по отношенію къ собственно-черепной части меньше, чѣмъ у мужчинъ, и что поэтому и величина полости рта и зубовъ у женщинъ меньше. Но, какъ извѣстно, у обезьянъ и другихъ животныхъ лицо относительно черепа больше, чѣмъ у человѣка, и Фохтъ говоритъ, что „человѣческое строеніе черепа выражается въ возвышеніи мозгового черепа надъ лицевымъ, тогда какъ у обезьянъ обѣ эти части лежатъ одна за другою". Извѣстно также, что выступаніе впередъ челюстей есть слѣдствіе сильнаго выступленія зубного аппарата, что́ обыкновенно бываетъ сопряжено съ большею величиною полости рта. Значитъ, если это явленіе не лишено значенія, то относительную малость лицевой части у женщинъ можно объяснить только возвышеніемъ мозгового черепа надъ лицевымъ, меньшимъ развитіемъ у нихъ зубного аппарата, что́ можетъ указывать развѣ только на относительно большее развитіе у женщинъ мозга (т.-е. органовъ мышленія) и на меньшее развитіе зубного аппарата (т.-е. органовъ растительной жизни), что́ опять же говоритъ въ пользу женщинъ.

Далѣе, Бишофъ полагаетъ, что у женщинъ черепной сводъ относительно превышаетъ основаніе черепа, что черепной сводъ у нихъ вообще представляется болѣе плоскимъ и что у женщинъ высота черепной полости меньше, нежели у мужчинъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Бишофъ самъ же приводитъ числа, полученныя Велькеромъ и Эккеромъ, объ отношеніи длины черепа къ его высотѣ у мужчинъ и женщинъ, по которымъ оказывается, что числа этого отношенія, найденныя Эккеромъ у женщинъ (100:72,4), больше найденныхъ Велькеромъ у мужчинъ (100:73,9). Можно было бы привести другіе примѣры, показывающіе, что два изслѣдователя, измѣрявшіе одни и тѣ же черепа, приходили къ совершенно различнымъ результатамъ, напр. Велькеръ и Люце, Коперницкій и Проценко и проч.

Наконецъ, Бишофъ, со словъ Эккера, приводитъ въ отличіе женщинъ отъ мужчинъ то, что у женщинъ замѣчается вертикальное положеніе профиля лица (ортогнатизмъ); того же мнѣнія и Вейсбахъ; но Велькеръ, напротивъ, увѣряетъ, что у женщинъ всегда замѣчается расположеніе къ выступленію челюстей впередъ (прогнатизмъ) [1]), между тѣмъ Бишофъ уже основываетъ заключеніе на явленіи еще спорномъ.

---

[1]) Указаніемъ приведенныхъ нами подробностей, относящихся къ мужскимъ и женскимъ черепамъ, мы обязаны любезности бывшаго профессора анатоміи въ казанскомъ университетѣ П. Ф. Лесгафта.

Digitized by Google

Вообще, въ анатомической литературѣ не существуетъ еще изслѣ-
аній, основанныхъ на измѣреніяхъ *большого* числа мужскихъ и
скихъ череповъ, принадлежавшихъ индивидамъ, жившимъ при
наковыхъ условіяхъ, преданныхъ одинаковымъ физическимъ и ум-
нымъ занятіямъ, получившихъ одинаковое воспитаніе; существую-
же теперь измѣренія и изслѣдованія полового различія чело-
ескихъ череповъ не позволяютъ сдѣлать какіе-либо выводы, а
ь болѣе на основаніи этихъ изслѣдованій нельзя заключать о
юсобности женщинъ къ высшему умственному образованію, какъ
ючаетъ Бишофъ. І. Ф. Блюменбахъ замѣчаетъ, что на женскомъ
епѣ встрѣчается „мало особенно замѣтныхъ и постоянныхъ раз-
й".

Дѣйствительно, нельзя провести строгаго различія между муж-
ми и женскими черепами, въ особенности если тѣ и другіе пред-
ляются наблюдателю въ большой массѣ: до такой степени часто
знаки, приписываемые мужскимъ черепамъ, встрѣчаются на жен-
ъ, и наоборотъ, такъ разнообразны форма, величина, бугрова-
и тѣхъ и другихъ череповъ, что, конечно, каждый добросовѣст-
анатомъ, безъ предвзятой мысли въ головѣ, откажется отъ рас-
ыванія мужскихъ и женскихъ череповъ.

Сказанное о значеніи сравнительныхъ измѣреній череповъ можетъ
также примѣнено и къ взвѣшиваніямъ головного мозга. И здѣсь
ѣчаются тѣ же колебанія цифръ, тѣ же разногласія между изслѣ-
телями, та же малочисленность изслѣдованій, та же невозмож-
ъ сдѣлать изъ нихъ окончательные выводы, какъ и при измѣре-
ъ череповъ.

Единственный аргументъ, приводимый здѣсь Бишофомъ, какъ уже
ано выше, тотъ, что *абсолютный вѣсъ* мозга у женщинъ меньше,
ь у мужчинъ, причемъ онъ не придаетъ значенія относительному
мозга. Но вотъ что говоритъ Дарвинъ объ относительной и аб-
отной величинѣ мозга [1]): „Никто не усомнится въ томъ, что от-
тельно большій объемъ (сравнительно съ тѣломъ) мозга у чело-
а, въ сравненіи съ мозгомъ гориллы или оранга, тѣсно связанъ
его болѣе высокими умственными способностями; но никто не по-
аетъ, чтобъ умственныя способности двухъ какихъ-нибудь живот-
ь можно было измѣрить кубическимъ содержаніемъ ихъ череповъ.
ѣстно, что можетъ существовать чрезвычайная умственная дѣя-
ность при *„крайне малой абсолютной величинѣ нервнаго вещества"*,
р., у муравьевъ и проч.

Въ такомъ же смыслѣ возражаетъ Бишофу и профессоръ физіо-

[1]) Происхожденіе человѣка и проч. Изд. Черкесова, 1871 г. Т. I, стр. 161.

Digitized by Google

логіи въ цюрихскомъ университетѣ Германъ [1]). „Бишофъ, говоритъ онъ, въ особенности ссылается на извѣстные результаты сравненій черепа и мозга у обоихъ половъ. Но я долженъ назвать попытку разрѣшить предлежащій вопросъ при помощи *этого* средства, въ высшей степени смѣлою. Изъ всѣхъ этихъ результатовъ слѣдуетъ въ точности только то, что абсолютный вѣсъ женскаго мозга меньше мужского, тогда какъ относительный (по отношенію къ тѣлу) вѣсъ мозга у обоихъ половъ приблизительно одинаковъ. Но каждому анатому и физіологу извѣстно, какъ непостоянна пропорціональность между вѣсомъ мозга и умственными способностями. Извѣстно, что при одинаковомъ вѣсѣ мозга, количество коркового, сѣраго его вещества, которое особенно важно (по отношенію къ умственнымъ способностямъ) можетъ быть очень различно вслѣдствіе неравнаго развитія развѣтвленій извилинъ мозга, и наоборотъ. Даже еслибы было возможно съ точностью примѣнить то же самое положеніе, высказанное Бишофомъ объ абсолютномъ вѣсѣ мозга, и къ вѣсу массы сѣраго вещества большого мозга, то и тогда только немногіе физіологи осмѣлились бы судить о степени умственныхъ способностей по количеству сѣраго вещества мозга. Можно съ полнымъ правомъ только заключить о вѣроятной связи между *дознанною* низкою степенью умственныхъ способностей и *дознаннымъ* уменьшеніемъ количества сѣраго вещества мозга. Еслибы могло быть допущено заключеніе объ умственныхъ способностяхъ по абсолютному вѣсу мозга, то спрашивается, должны ли 134 грамма, на которые, по утвержденію Бишофа, мужской мозгъ, среднимъ числомъ, тяжелѣе женскаго, составлять то именно количество мозговой массы, котораго недостаетъ у женщинъ и безъ котораго онѣ не могутъ изучить медицину? Такое предположеніе произвольно еще болѣе потому, что отнюдь еще не дознано, находятся ли содержаніе нашего мышленія и число воспоминаній въ прямой связи съ усиленнымъ упражненіемъ психической дѣятельности; я полагаю, что число образовъ, возникающихъ въ воспоминаніи, болѣе увеличивается отъ ученія, чѣмъ отъ обыкновенной практики чувствъ; впрочемъ, и это сомнительно. Преобладающая жизнь чувствъ, приписываемая Бишофомъ женщинѣ, также требуетъ усиленной психической дѣятельности,— слѣдовательно и соотвѣтственной массы функціонирующаго органа, которую, согласно словамъ Бишофа, долженъ былъ бы терять мужчина. Наконецъ, защитники ученыхъ занятій женщинъ могутъ не безъ основанія сдѣлать то возраженіе противъ сравнительныхъ взвѣшиваній мозга, что ростъ мозгового вещества вѣроятно увеличивается, подобно часто упражняемой мышцѣ, отъ

[1]) Das Frauenstudium, и проч., стр. 7.

Digitized by Google

непрестаннаго обученія, какимъ пользовались до сихъ поръ въ теченіе вѣковъ только мужчины; поэтому возможно, что вѣсъ мозга женщинъ, при измѣненіи условій ихъ воспитанія, будетъ современемъ тоже больше".

Приводимыя Бинго фомъ вторичныя различія между обоими полами, большею частію, утратили свое прежнее значеніе *постоянныхъ* признаковъ, смыслъ этихъ различій измѣнился.

Еще недавно въ зоологіи была въ полной силѣ система животнаго царства, въ которой каждый видъ животныхъ занималъ отведенное ему мѣсто, составлялъ самобытное существо, которое было строго отличаемо, по извѣстнымъ признакамъ, отъ другихъ видовъ того же рода, и, главное, каждый видъ считался неподвижнымъ, неизмѣняющимся. Всѣ животныя, въ силу этой системы, были обособлены; каждый родъ ихъ считался совершенно различнымъ по происхожденію отъ другихъ, стоящихъ выше или ниже его на ступеняхъ зоологической лѣстницы, и споконъ существующимъ statu quo. Это ученіе, хотя еще многими раздѣляемое до сихъ поръ, защитникомъ котораго были Линней, Кювье и проч., потрясено въ своихъ основахъ ученіемъ Дарвина о происхожденіи видовъ въ царствѣ животныхъ и растеній, при посредствѣ полового и естественнаго подборовъ,—ученіемъ, примѣненнымъ имъ впослѣдствіи и къ происхожденію человѣка. Дарвинъ доказалъ, что виды животныхъ *измѣняются*, что признаки животныхъ, въ томъ числѣ вторичныя половыя различія, *крайне измѣнчивы* и не представляютъ чего-либо установившагося на вѣчныя времена.

Человѣкъ, по Дарвину, и въ настоящее время подверженъ множеству измѣненій: нѣтъ двухъ личностей изъ одной и той же расы, совершенно похожихъ другъ на друга; огромное различіе существуетъ въ разныхъ частяхъ тѣла, напр., въ формѣ череповъ, въ ходѣ и развѣтвленіи артерій, въ мышцахъ, какъ оказывается въ особенности изъ изслѣдованій нашего извѣстнаго профессора В. Грубера, въ длинѣ ногъ и проч. Равнымъ образомъ, разнообразны и также измѣнчивы умственныя способности у людей.

Измѣнчивость организма человѣка и животныхъ обусловливается, по Дарвину, однѣми и тѣми же общими причинами, происходитъ по тѣмъ же самымъ законамъ, и однѣ и тѣ же признаки измѣняются у нихъ совершенно одинаковымъ образомъ. Къ этимъ причинамъ между прочими относятся: измѣненіе условій жизни и продолжительное вліяніе такихъ измѣненныхъ условій; вліяніе продолжительнаго упражненія или неупражненія части тѣла, напр., на длину рукъ, на объемъ челюстей, на органы внѣшнихъ чувствъ; сліяніе гомологовъ (однородныхъ частей), задержка развитія, появленіе вновь утра-

Digitized by Google

ченныхъ свойствъ, куда, напр., относится нахожденіе у человѣка частей тѣла, свойственныхъ ниже его стоящимъ животнымъ (такъ наз. животныя образованія); соотношеніе измѣненій, напр., соотношеніе между развитіемъ мышцъ и бугроватостями костей, къ которымъ онѣ прикрѣпляются. По тѣмъ же самымъ законамъ и отъ тѣхъ же условій измѣняются величина черепа, форма лица, вѣсъ мозга, вѣсъ котораго, напр., увеличивается съ постепеннымъ развитіемъ умственныхъ способностей.

Профессоръ Брока нашелъ, что черепа изъ могилъ Парижа XIX-го столѣтія были больше череповъ изъ склеповъ XII-го столѣтія, и относились одни къ другимъ какъ 1484 : 1426. Э. Ларше, сравнивая между собою черепа современныхъ млекопитающихъ и млекопитающихъ третичнаго періода, принадлежащихъ къ одной и той же группѣ, пришелъ къ замѣчательному заключенію, что вообще у новѣйшихъ млекопитающихъ мозгъ больше и извилины его болѣе сложны. Дарвинъ нашелъ, что мозгъ у домашнихъ кроликовъ гораздо меньше по объему мозга дикихъ кроликовъ или зайцевъ, и это онъ объясняетъ ихъ жизнью въ неволѣ въ продолженіе многихъ поколѣній, причемъ они лишь слабо упражняли свой разумъ, инстинкты, чувства и произвольныя движенія.

Различная мягкость или плотность лицевого скелета составляетъ одно изъ главныхъ условій, отъ которыхъ зависятъ *разности въ формѣ лица*; изъ этого очевидно, какое большое вліяніе можетъ оказывать на образованіе лица состояніе *культуры почвы;* отъ него именно зависятъ количество встрѣчающихся въ костяхъ землистыхъ частей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, степень измѣнчивости костей; поэтому обитатели одной и той же страны или обитатели разныхъ странъ, но сходныхъ между собою по условіямъ ихъ почвы, вообще представляютъ сходство въ скелетѣ лица. Если же измѣняются условія почвы, или если племя выселяется изъ своей родины, то наступаетъ постепенно измѣненіе племеннаго и семейнаго типовъ.

Родъ пищи и ея *приготовленіе,* отъ котораго зависитъ большее или меньшее поступленіе въ организмъ известковыхъ солей, должно производить не меньшее вліяніе на образованіе лица; такимъ образомъ, при различной культурѣ племенъ и расъ развивается также совершенно иной типъ лица. Уподобленіе или потребленіе организмомъ входящихъ въ него съ пищею землистыхъ веществъ сопряжено еще со множествомъ *климатическихъ вліяній*, которыя существенно содѣйствуютъ разностямъ въ формѣ лица.

Весьма важный моментъ въ образованіи лица составляетъ *расходъ мышечной силы*, которую употребляютъ разные индивиды *при жеваніи* и вообще при движеніи челюстей; этотъ расходъ опять-таки

Digitized by Google

обусловливается способомъ приготовленія пищи, твердостью ея, и проч. Такимъ образомъ пріобрѣтается племенной и фамильный типъ, именно потому, что типы племени, семейства жили нѣкоторое время въ однородныхъ внѣшнихъ условіяхъ; такимъ образомъ, человѣкъ связанъ съ почвой, прикрѣпленъ къ ней [1]).

Вторичныя половыя различія между мужчиной и женщиной, крайне измѣнчивы даже у людей одной и той же расы, весьма различны у разныхъ расъ; напр., Шерцеръ и Шварцъ, наблюдавшіе ростъ австралійцевъ и яванцевъ, нашли, что у послѣднихъ различіе въ ростѣ между полами почти втрое больше, чѣмъ у первыхъ.

Измѣнчивость половыхъ вторичныхъ различій подтверждается еще тѣмъ, что нерѣдки случаи, гдѣ тѣло мужчины принимаетъ, въ большей и меньшей степени, типъ женскаго тѣлосложенія; кому не извѣстны такъ-наз. женоподобные мужчины, у которыхъ сильно развитъ подкожный слой жира, вслѣдствіе чего формы ихъ тѣла становятся округлыми, полными, цвѣтъ кожи болѣе бѣлымъ. Еще рѣзче этотъ переходъ въ женскій типъ замѣчается у скопцовъ, у которыхъ тазъ, по наблюденіямъ д-ра В. Мержеевскаго, вслѣдствіе оскопленія становится даже болѣе широкимъ, чѣмъ у женщинъ, и грудныя желѣзы достигаютъ такого развитія, какое замѣчается у послѣднихъ. Женщины, равнымъ образомъ, могутъ принимать типъ, подходящій къ мужскому—такъ-наз. мужеподобныя женщины (viragines), форма грудной клѣтки у которыхъ подходитъ къ мужской; у нихъ ростутъ усы, даже борода, голосъ становится грубымъ и проч. Наконецъ, встрѣчаются случаи, гдѣ трудно бываетъ рѣшить, есть ли данный индивидъ мужчина или женщина, судя по его наружнымъ половымъ частямъ; это — случаи такъ-наз. гермафродитизма; положимъ, что въ нихъ мы видимъ остановку, неправильности развитія половыхъ органовъ, но для насъ важно то, что здѣсь исчезаетъ даже первичное наружное половое различіе между женщиной и мужчиной.

Итакъ, изъ всѣхъ приведенныхъ нами примѣровъ видно, что отнюдь нельзя считать навсегда установившимися, неподвижными вторичныя половыя различія между мужчиною и женщиною; мы видимъ, что эти отличительные признаки, подъ вліяніемъ разныхъ условій, могутъ быть утрачиваемы однимъ поломъ, пріобрѣтаемы другимъ, могутъ измѣняться и быть одинаковы у обоихъ половъ.

Карлъ Фохтъ, въ своемъ сочиненіи о человѣкѣ [2]), говоритъ слѣдующее: „Разстояніе половъ относительно полости черепа увеличи-

[1]) D-r Joseph Engel, Das Knochengerüste des menschlichen Antlitzes. Wien, 1850, стр. 96—97.

[2]) Человѣкъ. Мѣсто его въ мірозданіи и въ исторіи земли. Лекціи Карла Фохта, пер. съ нѣмецкаго А. Кашинъ. Спб. 1865 г. стр. 69.

Digitized by Google

вается съ совершенствомъ расы, такъ что европеецъ гораздо болѣе превосходитъ (по степени развитія черепа) европеянку, нежели негръ негритянку. Вельверъ подтвердилъ это положеніе, высказанное Гуике, примѣрами надъ неграми и нѣмцами; но нужно еще много разнообразныхъ изслѣдованій, чтобъ придать ему общее значеніе. Если это положеніе справедливо, то оно должно служить интереснымъ указателемъ развитія расъ посредствомъ цивилизаціи и жизненныхъ условій. Давно уже замѣчено, что у *народовъ, успѣвающихъ въ цивилизаціи*, мужчина опережаетъ женщину, между тѣмъ какъ у тѣхъ народовъ, которые отступаютъ назадъ отъ усвоенной ими прежде высшей культуры, *женщина стоитъ впереди мужчины*. Такимъ образомъ, форма женской головы указываетъ на прежнюю культуру, изъ которой высвободилась раса, или въ которую она снова впала. Этимъ же отчасти объясняется фактъ, что *неравенство половъ увеличивается съ дальнѣйшимъ ходомъ цивилизаціи*". Къ этому мы прибавимъ, что если цивилизація будетъ удѣломъ только однихъ мужчинъ и не будетъ въ одинаковой степени распространяться на женщинъ, то, конечно, неравенство половъ, въ тѣлесномъ и умственномъ отношеніяхъ, можетъ достигнуть громадной степени, и наоборотъ, при одинаковой цивилизаціи мужчинъ и женщинъ, это неравенство между ними будетъ постоянно уменьшаться, при несомнѣнныхъ задаткахъ къ совершенствованію со стороны женщинъ. Что касается прошедшаго, то грустно было бы предположить вмѣстѣ съ К. Фохтомъ, что именно цивилизація провела грань въ умственномъ развитіи между мужчиной и женщиной, что именно она оставила женщину позади мужчины.

Нѣкоторые историческіе факты какъ будто бы указываютъ на то, что у первобытныхъ народовъ женщина по своимъ психическимъ и тѣлеснымъ качествамъ, дѣйствительно не только стояла наравнѣ съ мужчиной, но даже опережала его. Лекки въ своей „Исторіи нравовъ, въ Европѣ" говоритъ (т. I-й стр. 228 нѣмец. изд.): „Въ исторіи нравовъ Греціи встрѣчается замѣчательный фактъ, и для многихъ писателей одинъ изъ самыхъ непонятныхъ, состоящій въ томъ, что въ древнія времена,—времена дикости, грубости народовъ, женщины несомнѣнно занимали наивысшее положеніе, и что ихъ типъ представлялъ наивысшее совершенство; можно съ достовѣрностью сказать, что женскіе типы самаго древняго времени, сохранившіеся въ поэтическихъ произведеніяхъ грековъ, принадлежатъ къ совершеннѣйшимъ типамъ въ литературѣ человѣчества". Въ примѣръ Лекки приводитъ Андромаху, Пенелопу, Альцесту, Антигону, Поликсену, Ифигенію, Навзикаю. Замѣчательно, что еще Платонъ (Respubl. lib. V) высказалъ мнѣніе, что женщина, въ физическомъ и нрав-

Digitized by Google

енномъ отношеніяхъ, можетъ сравняться съ мужчиной. Вирей [1]) водитъ тоже заимствованные имъ у разныхъ авторовъ примѣры обладанія женщинъ надъ мужчинами у разныхъ народовъ, напри-ъ, у древнихъ египтянъ (по словамъ Діодора Сицилійскаго), у лайцевъ; Ванкуверъ видѣлъ на сѣверо-западномъ берегу Америки, ю 55° широты, женщинъ почти превосходившихъ силою и смѣ-стью мужчинъ; женщины воинственны и пользуются большою стью также у многихъ дикихъ народовъ Америки и Африки; на-ецъ, въ этомъ отношеніи извѣстны амазонки, повидимому, жившія берегахъ Дона.

Различіе, приводимое Бишофомъ, между умственными способно-и мужчинъ и женщинъ, конечно, тоже не говоритъ въ пользу лѣднихъ; женщина, по его мнѣнію, непослѣдовательна, дѣйствуетъ ю убѣжденіямъ, а подъ диктовку чувствъ; сужденіе ея поверх-но, воля слаба и проч. Проф. Германъ (l. c.) справедливо замѣ-ъ, что этотъ очеркъ умственныхъ половыхъ различій и слабо-женщины, приводимыхъ Бишофомъ, нисколько не убѣдителенъ; предположить, что онъ даже и вѣренъ, то во всякомъ случаѣ сится только къ современнымъ женщинамъ, умственное развитіе рыхъ есть результатъ теперешней системы ихъ воспитанія; сверхъ , этотъ очеркъ относится къ *среднему* индивиду.

Бокль въ своей лекціи, прочитанной имъ въ 1858-мъ году, дока-лъ (въ противуположность Бишофу), что женщины способны дви-впередъ науку тѣмъ, что онѣ отъ природы предпочитаютъ индук-ному методу дедуктивный, или другими словами, переходятъ отъ , существующихъ въ ихъ умѣ, къ объясненію фактовъ, вмѣсто , чтобы собирать послѣдніе и при помощи ихъ доходить до выс-истинной идеи. Этотъ идеалистическій методъ, не стѣсняемый ами, налагаемыми фактически-существующимъ, ускоряетъ про-съ въ знаніяхъ человѣка. По мнѣнію Бокля, женщины на этомъ могутъ оказать наукѣ большія услуги. Но мы полагаемъ, что настоящемъ направленіи опытныхъ наукъ, въ особенности при нности современныхъ женщинъ къ изученію этихъ наукъ, напри-ъ медицины, имъ все-таки нельзя довольствоваться дедуктивнымъ одомъ, если онѣ не желаютъ отстать отъ мужчинъ въ изученіи ченныхъ наукъ

Что касается способности женщинъ къ изученію опытныхъ наукъ, совершенно противуположное Бишофу, о способностяхъ женщинъ практическому изученію анатоміи, говоритъ нашъ извѣстный про-

---

[1]) De la femme etc. Paris, 1852, стр. 6.

Digitized by Google

фессоръ Груберъ въ своей отвѣтной рѣчи [1]), съ которою онъ обратился къ женщинамъ, занимавшимся подъ его руководствомъ въ анатомическомъ институтѣ медико-хирургической академіи: „Институтъ практической анатоміи, по моему мнѣнію, говоритъ онъ, есть учебное мѣсто не только для мужчинъ, но также и для женщинъ, предполагая, что женщины, приходящія туда учиться, обладаютъ, подобно мужчинамъ, надлежащими предварительными знаніями. Я всегда свободно выражалъ это мнѣніе и продолжаю выражать его; принявъ въ соображеніе труды женщинъ, которые были наблюдаемы мною, и которые не меньше трудовъ мужчинъ, я вынужденъ этимъ еще болѣе поддерживать мое мнѣніе и тѣмъ самымъ, какъ всегда, защищать женщинъ. Я не нахожу *съ анатомической точки зрѣнія ничего такого, что препятствовало бы женщинамъ быть способными къ такимъ же ученымъ трудамъ, къ какимъ способны мужчины.* Не говоря о другихъ наукахъ, русскія женщины доказали на дѣлѣ свою способность также и къ трудамъ въ области медицины".

Слова проф. Грубера, у котораго уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ женщины весьма успѣшно занимаются практическою анатоміею, имѣютъ для насъ несравненно больше авторитета, чѣмъ голословное мнѣніе проф. Бишофа, не допускающаго въ свою аудиторію женщинъ и боящагося прослыть *„дѣвичьимъ учителемъ"* (Mädchenlehrer).

Въ заключеніе разсужденія о различіи умственныхъ способностей у мужчинъ и женщинъ приведемъ взглядъ на него Дарвина. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи: „Происхожденіе человѣка" [2]), онъ говоритъ, что болѣе совершенныя умственныя способности развились у мужчины путемъ полового и естественнаго подборовъ, въ *зрѣломъ* возрастѣ, вслѣдствіе чего пріобрѣтенныя особенности должны были передаваться *мужскимъ* потомкамъ полнѣе, чѣмъ женскимъ. Отсюда развилось, наконецъ, превосходство мужчины надъ женщиной. Для того, чтобы женщина достигла одного уровня съ мужчиной, ей приблизительно, въ *зрѣломъ* же возрастѣ, слѣдовало бы развивать въ себѣ энергію и настойчивость и упражнять до высшей степени разумъ и воображеніе; въ такомъ случаѣ она бы вѣроятно передала эти качества преимущественно взрослымъ дочерямъ. Но вся масса женщинъ могла бы, конечно, подняться въ своемъ умственномъ уровнѣ только въ томъ случаѣ, еслибы въ теченіе многихъ поколѣній женщины, отличавшіяся такими достоинствами, вступали въ бракъ и производили больше потомковъ, чѣмъ другія женщины". Но, конечно,

[1]) Feier des fünfundzwanzigjährlichen Dienst-Jubiläums des D-r Med. et Chir. Wenzel Gruber, Professor u. Director des Institutes d. praktischen Anatomie u. d. Medico-Chirurgischen Akademie in St.-Petersburg, 4/16-ten April 1872.

[2]) Томъ II, стр. 364—365.

Digitized by Google

онѣ при этомъ должны также принимать участіе въ борьбѣ за существованіе, для поддержанія себя и своихъ семействъ, иначе настоящее неравенство между полами сохранится.

Итакъ, изъ всего сказаннаго нами по поводу приведенныхъ Бишофомъ тѣлесныхъ и умственныхъ различій между мужчинами и женщинами, мы можемъ заключить, что эти различія не выражены въ такой степени, въ какой принимаетъ ихъ Бишофъ; далѣе, что многія изъ этихъ различій или вовсе не существуютъ, или требуютъ дальнѣйшаго подтвержденія, или даже говорятъ въ пользу женщинъ; что вторичныя половыя различія очень измѣнчивы, зависятъ отъ многихъ внѣшнихъ условій, и въ будущемъ, при измѣненіи этихъ условій, могутъ измѣниться въ благопріятномъ смыслѣ для женскаго пола; что при шаткости, непостоянствѣ тѣлесныхъ и умственныхъ половыхъ особенностей, на которыхъ Бишофъ основалъ свое заключеніе о неспособности женщинъ къ *высшему* умственному образованію вообще, само собою *рушится* и это послѣднее его заключеніе; наконецъ, мы съ полнымъ правомъ можемъ заключить, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, что способность женщинъ къ умственному труду должна еще болѣе увеличиться, если онѣ будутъ получать соотвѣтственное высшее умственное образованіе, которое равнялось бы образованію мужчинъ. Мы полагаемъ, что наше заключеніе достаточно подтверждается приведенными нами выше доводами, число которыхъ мы могли бы значительно умножить.

Перейдемъ теперь къ другой группѣ доказательствъ Бишофа. Въ своей отвѣтной статьѣ профессору Бёмерту, онъ снова повторяетъ многое изъ сказаннаго уже въ брошюрѣ, и между прочимъ развиваетъ слѣдующія мысли: „Нельзя привести ни малѣйшаго доказательства въ пользу того, что какія-либо внѣшнія обстоятельства, насиліе или хитрость, препятствовали женщинамъ принять участіе въ умственномъ трудѣ въ одинаковой степени съ мужчинами; не существовало даже возможности къ препятствіямъ этого рода. Всѣ примѣры необыкновенныхъ умственныхъ способностей у женщинъ и ихъ умственнаго труда, приводимые въ исторіи, не только не доказываютъ одинаковости способностей женщинъ и мужчинъ къ умственному труду, но, напротивъ, подтверждаютъ противное; здѣсь можетъ быть примѣнено въ строжайшемъ смыслѣ правило: „excepti firmat regulam“. Тысячелѣтній опытъ и наблюденіе показываютъ, что ничто не преграждало и не могло преградить пути женщинамъ, желавшимъ или желающимъ предаться изученію наукъ, если только онѣ были способны къ тому; то же самое должно сказать и о нашемъ времени,—ничто не препятствовало и не могло воспрепятствовать имъ сравняться съ мужчинами, или даже стать выше ихъ въ

Digitized by Google

области наукъ или въ практической дѣятельности, въ церкви, государствѣ, въ сферѣ гигіены и проч., если бы у нихъ были къ тому отъ природы такія же способности, какъ у мужчинъ. Это доказывается вѣками и опытомъ".

Говоря это, Бишофъ показываетъ свое незнаніе политической исторіи и исторіи цивилизаціи вообще. Тотъ же вѣковой опытъ, тѣ же вѣковыя наблюденія, на которыя ссылается Бишофъ, неопровержимо доказываютъ намъ, что преградами къ умственному образованію женщинъ стояли многія условія, а именно: семейныя, общественныя (обычаи и предразсудки), народныя, государственныя, религіозныя. Мы, конечно, не можемъ приводить здѣсь, in extenso, въ опроверженіе Бишофа, доказательствъ изъ исторіи, которыми подтверждается, что *положеніе женщины* вообще было важнымъ препятствіемъ къ ея умственному образованію. Для наглядаго доказательства приведемъ здѣсь краткое извлеченіе изъ сочиненія Лекки: „Исторія нравовъ въ Европѣ" [1]).

„Весьма естественно,—говоритъ Лекки,—что во времена полнаго варварства людей, когда они вели кочующую жизнь, когда война и охота составляли единственныя ихъ занятія, и единственнымъ мѣриломъ совершенства человѣка были качества, необходимыя для охоты и войны, женщина цѣнилась тогда меньше мужчины, и ея положеніе должно было быть очень низкое. Женщина была тогда только рабыней мужчины и служительницей его страстямъ; жизнь ея въ качествѣ рабыни состояла изъ непрерывной, черной, невознаграждаемой работы; въ своемъ второмъ качествѣ она подвергалась всѣмъ запальчивымъ выходкамъ, которыя появляются у грубыхъ людей вслѣдъ за удовлетвореніемъ ихъ животной страсти".

Первыми двумя ступенями къ возвышенію женщинъ служили уничтоженіе обычая покупать женщинъ и введеніе моногаміи, благодаря которой греческая цивилизація взяла перевѣсъ надъ предшествовавшими ей цивилизаціями азіатскихъ народовъ. Но, несмотря на то, что типы женщинъ древнѣйшаго (миѳическаго) времени, существующіе въ поэтическихъ произведеніяхъ грековъ, принадлежатъ къ совершеннѣйшимъ типамъ въ литературѣ всего человѣчества; положеніе женщины въ то же время было низкое: обычай, въ силу котораго женихъ уплачивалъ деньги отцу своей невѣсты, былъ всеобщій; въ сильной степени былъ распространенъ обычай держать наложницъ, и онъ не заслуживалъ порицанія; съ плѣнницами высшаго сословія обращались грубо. Женщина считалась существомъ

[1]) W. E. Lecky's Sittengeschichte Europa's von Augustus bis zu Karl d. Grossen. Übersetzt v. D-r Jolowicz, 1870, 1-er Band, стр. 225—307.

Digitized by Google

щинъ ниже мужчины и подчиненнымъ ему, что́ доказывалось и
тверждалось страннымъ физіологическимъ понятіемъ, что произ-
деніе исключительно есть заслуга мужчины, такъ какъ женщины
этомъ играютъ только очень ограниченную и второстепенную
; объ этомъ обстоятельно говорятъ, кромѣ греческихъ писате-
индійскіе, римскіе и христіанскіе писатели.

Въ историческое время Греціи, положеніе женщинъ улучшилось
нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но на сцену является и начинаетъ
ть видную роль, конечно, благодаря мужчинамъ, — публичная
щина; мѣтко и гуманно выражается про нее Лекки: „вѣрованія
ивилизаціи рождаются и исчезаютъ; остается одна она—эта
ца человѣчества, падающая жертвой за грѣхи народа". Жены
овъ вели чрезвычайно обособленную жизнь, въ отдаленной осо-
части дома. Умственное развитіе ихъ было крайне ограниченно,
какъ онѣ жили почти только въ сообществѣ своихъ невольн-
ь, были лишены образовательнаго вліянія мужчинъ и не имѣли
упа къ публичнымъ зрѣлищамъ и играмъ, которыя были глав-
и средствами аѳинскаго образованія. Не безъ основанія Афро-
представлялась стоящею на черепахѣ! Правда, о домашнемъ
ществѣ не было почти рѣчи, но за то значеніе женщины въ до-
немъ быту не шло дальше роли экономки. Но уже Плутархъ
уетъ взаимности обязанностей между мужемъ и женою и ум-
ннаго образованія женщинъ до высшей степени. Вообще поло-
е греческой женщины, не-гетеры, было очень низкое; она нахо-
ась подъ постоянной опекой: родителей, мужа, сыновей. Един-
нная свободная женщина въ Аѳинахъ была гетера. Изъ выше-
аннаго достаточно ясно, почему въ Греціи, изобиловавшей, пе-
прочими странами, великими мужами, было такъ поразительно
великихъ женщинъ.

Римская цивилизація значительно улучшила положеніе женщины;
ко, въ теченіе долгаго времени положеніе римской женщины
крайне низкое. Римское семейство зиждилось на принципѣ не-
ниченной власти его главы, мужа, который по закону распола-
жизнью и смертью жены и дѣтей, и могъ по произволу про-
ь первую. Но при языческихъ римскихъ императорахъ женщина
чила такую свободу и пользовалась такими правами, которыхъ
потомъ почти никогда снова не пріобрѣтала, утративъ ихъ по-
енно; жена стала тогда равноправною съ мужемъ; юридическое
женіе женщины сдѣлалось совершенно независимымъ, обществен-
же — весьма уважаемымъ. Въ то время умственное образованіе
весьма распространено между женщинами. Законы римской
еріи были всегда направлены на устраненіе правовыхъ ограни-

Digitized by Google

ченій женщины, и это, благопріятное женщинамъ, законодательное движеніе продолжалось, не ослабляясь, отъ Константина до Юстиніана, и вошло въ нѣкоторые старые законы варварскихъ народовъ. Но во всемъ феодальномъ законодательствѣ женщины были поставлены гораздо ниже, не пользовались тѣми правами, какія имъ были предоставлены въ языческой римской имперіи. Положеніе женщины въ феодальномъ государствѣ было унизительное. Бомануаръ говоритъ: „Каждый мужъ можетъ бить свою жену, когда она не хочетъ повиноваться его приказаніямъ, однако, долженъ бить ее умѣренно, такъ чтобъ она не умерла“ (Легуве, стр. 148). Вмѣстѣ съ личными ограниченіями, которыя необходимо проистекали изъ католическихъ ученій о разводѣ и о подчиненіи слабѣйшаго пола сильнѣйшему, встрѣчаются многія строгія законоположенія, лишающія женщинъ права обладанія значительнымъ состояніемъ и почти только оставляющія имъ выборъ между бракомъ и монастыремъ. Законы постоянно ограничивали ихъ права: напримѣръ, права наслѣдованія; подтверждали, что женщина стоитъ ниже мужчины; въ особенности былъ таковъ смыслъ законовъ, основанныхъ на каноническомъ правѣ. „Ни одно государство,—говоритъ Мэнъ (Ancient Law, стр. 158),—законы котораго имѣютъ христіанскій колоритъ, не рѣшится дать замужнимъ женщинамъ ту личную свободу, которую предоставляло имъ римское право во времена языческихъ императоровъ. Но ограниченія имущественныхъ правъ замужнихъ женщинъ были основаны не на личныхъ слабостяхъ женщинъ, а на другихъ мотивахъ, и сторонники канонической права, поддерживая эти ограниченія и укрѣпляя ихъ, тѣмъ самымъ *сильно повредили цивилизаціи.*

Вотъ въ общихъ и главныхъ чертахъ, очеркъ положенія женщины съ древнѣйшихъ временъ до французской революціи. Посмотримъ, что сдѣлала она для женщинъ и каково было положеніе французской женщины до и послѣ революціи. Э. Легуве въ началѣ своего сочиненія, [1]) предназначеннаго для разсмотрѣнія положенія женщинъ во Франціи въ силу законовъ и обычаевъ, очерчиваетъ ихъ положеніе слѣдующимъ образомъ: „Ни въ одной исторіи нѣтъ столькихъ несправедливыхъ предразсудковъ, ожидающихъ своего уничтоженія, столькихъ тайныхъ ранъ, требующихъ излеченія, какъ въ исторіи женщинъ. Что̀ мы видимъ въ прошедшемъ? Женщины, претерпѣвая не только оскорбленія ихъ тѣлу, но и душѣ, уму, достоинству, лишенныя, въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, права на дѣятельность и жизнь, осуждены исполнять въ качествѣ второстепенныхъ лицъ роли дочерей, женъ и матерей; и кѣмъ же осуждены?

[1]) Histoire morale des femmes. 3-me édition. Paris (1857?)

Digitized by Google

естественными покровителями: отцы лишали ихъ наслѣдства,
ья угнетали, братья обкрадывали, даже сыновья управляли ими.
мы видимъ въ настоящемъ, вчера, скажу болѣе, сегодня?
„Для дѣвицъ нѣтъ общественнаго воспитанія, нѣтъ профессіональ-
о образованія, для нихъ жизнь невозможна безъ брака, бракъ не-
ожень безъ приданаго. Замужнія женщины не владѣютъ по за-
у своимъ имуществомъ, не располагаютъ своею личностью. Онѣ
могутъ отдавать, не могутъ получать и находятся подъ гнётомъ
наго запрета. Матери не имѣютъ законнаго права направлять
питаніе своихъ дѣтей, не могутъ ни женить, ни отдавать ихъ
ужъ, ни воспрепятствовать ихъ браку, ни удалить ихъ изъ ро-
ельскаго дома, ни удержать ихъ тамъ. Будучи гражданками, онѣ
могутъ быть опекуншами какого-либо другого сироты, кромѣ сво-
сына или внука, не могутъ участвовать въ семейномъ совѣтѣ,
быть свидѣтельницами въ завѣщаніи. Онѣ не имѣютъ права за-
ть полиціи о рожденіи ребенка. Какой классъ въ рабочемъ со-
зіи наибольше бѣдствуетъ? Женщины. Кто получаетъ 18 су за
часовъ работы? Женщины. На кого падаютъ заботы о незаконно-
денныхъ дѣтяхъ? На женщинъ. Кто несетъ весь стыдъ заблуж-
ій, содѣянныхъ подъ вліяніемъ страсти? Женщины. Счастливѣе
женщины въ имущихъ классахъ общества? Не всегда. Большею
тью, будучи неспособны, по своему незначительному образованію,
питывать своихъ дѣтей, или принимать участіе въ занятіяхъ сво-
мужей, онѣ впадаютъ въ скуку, которая ихъ мучитъ, и въ
здность, которая ихъ убиваетъ; разныя мелкія страсти, порож-
ныя этою праздностью, содѣлываютъ ихъ мелочными; рабыни по-
ду, рабыни нищеты, богатства, невѣжества, онѣ могутъ остаться
нкими и чистыми только благодаря врожденному благородству и
ти сверхъ-человѣческой добродѣтели. Можетъ ли продолжаться
ое подчиненіе женщинъ? Очевидно, нѣтъ. Оно падаетъ предъ
нципами естественной справедливости, и настало время требо-
ь для женщинъ ихъ доли правъ и въ особенности обязанностей;
мя показать, чего лишаетъ ихъ подчиненіе и что должна возвра-
ть имъ справедливая свобода,—наконецъ, показать то добро, ко-
аго онѣ не дѣлаютъ, и то добро, которое онѣ могутъ дѣлать".
Французская революція, говоритъ Легуве, которая все возобно-
а ради освобожденія мужчины, можно сказать, ничего не сдѣ-
а для эмансипаціи французской женщины. Это объясняется влія-
ть философовъ XVIII-го столѣтія: Монтескьё, Руссо, Вольтеръ,
рб отнеслись враждебно къ развитію женщинъ, и были индиф-
ентны къ нимъ. Кондорсе, Сіэсъ требовали домашней и полити-
кой свободы для женщинъ, но ихъ протесты были заглушены мо-

Digitized by Google

щественнымъ голосами Мирабо, Дантона и Робеспьера. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Франціи высшее умственное образованіе было почти недоступно женщинамъ [1]).

Изъ этого краткаго очерка положенія женщинъ до нашего времени очевидны тѣ препятствія, которыя онѣ должны были преодолѣвать, и съ которыми онѣ и теперь еще борятся при своихъ стремленіяхъ и попыткахъ къ умственному образованію. Между тѣмъ исторія показываетъ, что эти стремленія женщинъ проявлялись въ большей или меньшей степени, несмотря на препятствія, о которыхъ мы говорили выше, во всѣ времена, начиная съ самой глубокой древности; въ особенности обнаруживаются въ наше время, и указываютъ на призваніе женщинъ къ культурѣ наукъ и искусствъ, въ которомъ имъ также отказываетъ Бишофъ.

Склонность женщинъ заниматься врачебнымъ искусствомъ извѣстна уже издревле: указанія на женщинъ, занимавшихся медициной, мы встрѣчаемъ въ Иліадѣ (XI, 739), Одиссеѣ (IV, 227), у Эврипида. Профессоръ Блэки, переводчикъ Иліады на англійскій языкъ, говоритъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что у женщины есть призваніе къ изученію нѣкоторыхъ медицинскихъ наукъ. Врачебныя знанія женщинъ въ древнемъ мірѣ были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ".

Существуютъ историческія свидѣтельства о женщинахъ въ Греціи, славившихся своими медицинскими познаніями, напр., объ Олимпіи, жившей въ Ѳивахъ (Плиній), Аспазіи, написавшей сочиненіе о женскихъ болѣзняхъ, ссылки на которое сохранились у месопотамскаго врача Аэція. Любопытенъ разсказъ римскаго писателя Гигинуса о томъ, какъ было разрѣшено въ Аѳинахъ, во времена республики, заниматься женщинамъ врачебнымъ искусствомъ: тамъ былъ изданъ законъ, запрещавшій женщинамъ изучать медицину подъ страхомъ смертной казни; многія женщины, изъ стыдливости не желавшія обращаться за пособіемъ къ врачамъ, умерли отъ родовъ и свойственныхъ ихъ полу болѣзней. Желая помочь своимъ соотечественницамъ, аѳинянка, по имени Агнодика, одѣлась въ мужское платье и стала изучать медицину у извѣстнаго въ то время врача—Гіерофила. Окончивъ свое ученіе, она начала лечить больныхъ женщинъ и въ коротное время, благодаря своему искусству въ леченіи женскихъ болѣзней, пріобрѣла большую извѣстность между женщинами. Но въ то же время открылось, что она — женщина, и за нарушеніе закона ее хотѣли предать смерти. Знатныя аѳинянки, придя толпой

[1]) Въ настоящее время уже открыты въ Collège de France публичные курсы для мужчинъ и женщинъ. Женщинамъ дозволено посѣщать лекціи медицинскаго факультета и держать экзаменъ. Въ 1869 г. три женщины учились въ парижской медицинской школѣ.

Digitized by Google

реопагъ, объявили судьямъ, что если они осудятъ на смерть ту,
ая возвращала здоровье и спасала жизнь ихъ женамъ, то онѣ
утся отъ своихъ мужей и умрутъ вмѣстѣ съ Агнодисой. Этотъ
стъ вынудилъ правительство уничтожить прежній законъ и из-
новый, въ силу котораго женщинамъ было разрѣшено изучать
дину и заниматься леченіемъ женскихъ болѣзней. Сверхъ того,
тельство назначало награды тѣмъ женщинамъ, которыя съ осо-
мъ успѣхомъ занимались медицинской практикой. Благодаря
закону, многія женщины стали изучать медицину и даже пре-
али ее въ академіяхъ во все время процвѣтанія наукъ въ Аѳи-
[1]).

ъ Римѣ, во времена республики существовали *женщины-врачи*
iæ medicæ), которыхъ не должно смѣшивать съ повивальными
ми. О женщинахъ-врачахъ говорятъ Марціалъ и Цельсъ, и имена
ихъ изъ нихъ сохранились въ надписяхъ. Въ X-мъ или XI-мъ
(въ точности неизвѣстно), въ южной Италіи, въ городѣ Са-
образовалась извѣстная медицинская школа, которая существо-
почти три вѣка. Замѣчательнымъ явленіемъ въ ней было то,
ъ числѣ профессоровъ медицины этой школы были многія жен-
, пріобрѣвшія большую извѣстность своими лекціями и меди-
кими сочиненіями. Изъ числа ихъ извѣстны слѣдующія: *Абелла,*
уріада, Ревекка, Тротта или *Троттула.* Послѣдняя занима-
не только женскими болѣзнями, но и другими отраслями ме-
ны и написала, по всей вѣроятности, полное руководство къ
ногіи и терапіи, отъ котораго сохранились трактаты о болѣз-
глазъ и ушей, о страданіяхъ десенъ и зубовъ, о рвотѣ и проч.
и замѣчательная изъ профессоровъ медицины въ Салернской
ѣ была *Констанція* или *Констанціелла Календа,* извѣстная по
учености.

удя по заглавіямъ сочиненій, написанныхъ женщинами-профес-
ми въ Салерно, видно, что эти сочиненія относились къ ме-
нѣ въ полномъ ея объемѣ. Сверхъ того, въ Салерно практико-
еще многія женщины-врачи, которыя были очень уважаемы
ессорами школы.

ъ настоящее время трудно объяснить условія, благопріятство-
ія образованію женщинъ-врачей въ Салерно; вѣроятно, что
было подготовлено тѣмъ положеніемъ, которымъ пользовались
дины во времена римскихъ императоровъ. Гезеръ, въ своей исто-
медицины, объясняетъ это явленіе еще натурою итальянокъ,

Woman's work and Woman's culture, by Josephine Butler. London, 1869,
35.

Digitized by Google

которыя еще и теперь далеки отъ изнѣженности, свойственной
щинамъ болѣе сѣверныхъ частей Европы. Образовавшіеся послѣ
денія Салернской школы университеты въ Италіи, напр., въ Бол
Падуѣ, Миланѣ, Павіи и проч., были также открыты для женщ
Приведемъ извѣстные намъ примѣры, относящіеся къ болонс
университету, старѣйшему изъ итальянскихъ университетовъ (
ванъ въ 1119-мъ г.) и извѣстному преимущественно своимъ юр
ческимъ факультетомъ. Въ числѣ его профессоровъ было нѣско
женщинъ, занимавшихъ каѳедры правъ, философіи, анатоміи и
ургіи. Въ 1209-мъ году была удостоена въ этомъ универси
степени доктора правъ Бетизія Гоццаддини; въ 1380-мъ году М
лена Буонсиньори была профессоромъ правъ; въ XIV-мъ стол
Новелла читала лекціи вмѣсто своего отца, и, по разсказу Хрис
Пизанской, „для того, чтобъ красота ея не развлекала студен
она читала лекціи за небольшой занавѣской"; въ началѣ X
вѣка, Доротея Букка была профессоромъ медицины; въ предан
университета сохранилось имя Александры Гигліони, которая
ранѣе того изучала анатомію; въ 1733-мъ году Лаура Басси
профессоромъ философіи; въ 1740-мъ году Клотильда Тамб
была профессоромъ греческаго языка; въ 1750-мъ году Га
Агнези была профессоромъ математики. Около этого же вре
каѳедра анатоміи въ болонскомъ университетѣ была занята А
Моранди Мацколини; ея превосходные анатомическіе препар
сдѣланные изъ воску, составляютъ гордость болонскаго музея.
дичи, въ своихъ запискахъ о болонской анатомической школѣ,
минаетъ о ней съ глубокимъ уваженіемъ и говоритъ, что она
чалась рѣдкими дарованіями и огромною ученостью. Она ум
въ 1779-мъ году; дочь профессора анатоміи въ Феррарѣ Марія
траччини, Цаффина Феретти училась медицинѣ въ болонскомъ
верситетѣ и занималась преимущественно хирургіей. Въ особенн
была извѣстна Марія дела-Донне, также учившаяся въ болонс
университетѣ и получившая тамъ степень доктора медицин
1806-мъ году. Она была назначена Наполеономъ I-мъ на каѳ
акушерства въ болонскомъ университетѣ, считалась одною изъ
менитостей Болоньи и умерла въ 1842-мъ году.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что ученые труды женщин
классической почвѣ Италіи продолжались въ теченіе среднихъ и
выхъ временъ почти до нашего времени [1]).

---

[1]) Послѣ того, какъ эта статья была уже написана, мы узнали, что Бишоф
ражалъ лорду Джиффорду, защищавшему миссъ Джексъ Блекъ противъ сена
канцлера эдинбургскаго университета, говоря, что женщины не допускались
итальянскіе, ни въ другіе древніе университеты, причемъ Бишофъ ссылается

Digitized by Google

Въ заключеніе приведемъ извлеченія изъ весьма любопытной книги Менажа: *„Исторія женщинъ-философовъ“* [1]), которую мы нашли въ здѣшней публичной библіотекѣ.

Авторъ начинаетъ свое сочиненіе слѣдующими словами: „Такъ велико число женщинъ-писательницъ, что только перечень ихъ именъ составилъ бы огромный томъ [2]). Изъ числа ихъ многія посвящали свои труды изученію философіи. Менажъ самъ нашелъ въ сочиненіяхъ древнихъ писателей свѣдѣнія о 65-ти женщинахъ-философахъ. Всѣхъ именъ женщинъ-философовъ, приведенныхъ въ указателѣ его книги, 70. Авторъ сперва перечисляетъ тѣхъ женщинъ-философовъ, о которыхъ неизвѣстно къ какой школѣ онѣ принадлежали; такихъ оказалось 19. Изъ числа ихъ мы упомянемъ о слѣдующихъ:

Аспазія, родомъ изъ Милета, учила риторикѣ Перикла, риторикѣ и философіи Сократа. Ее называли впослѣдствіи—eloquentiae magistra. Ученики сократовской школы приводили на лекціи къ ней женщинъ.

Св. Екатерина, родомъ изъ Александріи, жившая при императорѣ Максенціѣ, была очень свѣдуща въ философіи, весьма основательно опровергала ученіе языческихъ философовъ, занималась изученіемъ риторики, философіи, геометріи и другихъ наукъ. Профессора философіи парижскаго университета избрали св. Екатерину своею покровительницей (patrona); въ день ея не читалось лекцій въ парижскомъ университетѣ; этому примѣру слѣдовали и другіе университеты.

Анна, дочь императора Алексѣя Комнина, и *Евдокія*, жена Константина Палеолога-деспота.

Затѣмъ слѣдуетъ перечень женщинъ-философовъ, принадлежавшихъ къ школѣ Платона (6 жен.). Изъ нихъ Ластенія и Аксіотея были ученицами Платона. Самая замѣчательная изъ нихъ—Ипатія, жившая въ Александріи, дочь и ученица Теона Александрійскаго,—философа, геометра и математика. Она была чрезвычайно свѣдуща въ философіи и математикѣ, даже ученѣе своего отца и учителя (patre et magistro doctior). Писатель Сократъ въ своей исторіи церкви (Historia ecclesiastica, lib. 7, cap. 15) говоритъ о ней слѣдующее: „Ипатія была такъ свѣдуща, что значительно превосходила

въ болонскій университетъ. Приведенные нами достовѣрные факты опровергаютъ возраженіе Бишофа; мало того, что въ предшествовавшія столѣтія былъ открытъ доступъ женщинамъ какъ въ болонскій, такъ и въ другіе итальянскіе университеты, но, сверхъ того, женщины были въ нихъ и профессорами; примѣра послѣднему мы еще не видимъ въ современныхъ университетахъ.

[1]) Historia mulierum philosopharum. Scriptore Aegidio Menagio Lugdine. MDCXC.

[2]) „Tam magnus est feminarum, quae scripsere, numerus, ut de earum solis nominibus ingens volumen conscribi posset“.

Digitized by Google

по своимъ свѣдѣніямъ всѣхъ философовъ своего времени и объясняла всѣ философскія ученія своимъ слушателямъ. Со всѣхъ сторонъ къ ней стекались занимавшіеся философіей; сверхъ того, она отличалась особенною скромностью, но не стыдилась появляться въ обществѣ мужчинъ" [1]).

Женщинъ принадлежавшихъ къ школѣ діалектиковъ, оказалось 5; къ школѣ киренейской принадлежала одна; къ школѣ могарской—одна; къ школѣ циниковъ—одна,—извѣстная *Гиппархія*.

Менажъ нашелъ двухъ женщинъ принадлежавшихъ къ школѣ перипатетиковъ, трехъ—къ школѣ эпикурейской, и не нашелъ ни одной женщины, которая бы принадлежала къ школѣ стоиковъ. Какъ о женщинахъ, отличавшихся стоицизмомъ, онъ упоминаетъ о Порціи—дочери Катона и женѣ Брута и еще о пяти женщинахъ. Но за то было много женщинъ послѣдовательницъ ученія Пиѳагора, такъ что аѳинскій грамматикъ Филохоръ написалъ объ нихъ цѣлый томъ. Менажъ нашелъ двадцать четыре женщинъ-философовъ, принадлежавшихъ къ пиѳагорейской школѣ. Самою извѣстною изъ нихъ считалась Теана, много написавшая. Нѣкоторые авторы говорятъ, что она была жена Пиѳагора. По смерти его, она управляла его школою вмѣстѣ съ своими двумя сыновьями, прижитыми ею отъ Пиѳагора. Къ этой же школѣ принадлежали четыре дочери и сестра этого философа.

Можно было бы привести еще множество примѣровъ, свидѣтельствующихъ о способности и призваніи женщинъ къ умственной дѣятельности и объ ихъ ученыхъ трудахъ. Эти факты разсѣяны въ разнородныхъ сочиненіяхъ, и было бы желательно, чтобъ они послужили матеріаломъ къ составленію *исторіи цивилизаціи женщины*.

Но и послѣ всего сказаннаго нами мы вправѣ заключить, что Бишофъ сталъ на очень шаткую почву, силясь *доказать* неспособность женщины къ высшему образованію ея природою и вѣковымъ опытомъ, такъ какъ и природа женщины и вѣковой опытъ, при болѣе внимательномъ ихъ изученіи, приводятъ прямо къ противоположнымъ результатамъ.

С. Ловцовъ.

---

[1]) О печальной судьбѣ Ипатіи см. „Исторію умственнаго развитія въ Европѣ" Дрэпера. Часть I, стр. 265, изд. 1-ое.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое января, 1873.

дшій годъ.—Жизнь общественная и административная въ 1872 году.—Три тлѣтія, и отпечатокъ ихъ въ современной имъ прессѣ.—Послѣдніе резуль- крестьянской реформы, по современному положенію крестьянскаго на- -Выкупная операція.—Вопросъ о выкупныхъ платежахъ и податяхъ.— Интересы земледѣлія.— Реальныя училища и земство.

астоящее обозрѣніе было уже заключено нами въ тотъ день, всѣ узнали о тяжкой болѣзни Государя Наслѣдника. Съ напря- мъ ожиданіемъ облегченія Августѣйшему больному Россія воз- а въ эти дни надежду на Провидѣніе, ожидая, что ему угодно ъ сохранить жизнь и возстановить силы, драгоцѣнныя для рус- народа, а намъ въ эту минуту возможно только искреннѣйше ть, чтобы такая святая надежда оправдалась до конца.

водя счеты къ концу года, оглядываясь на ближайшее прошед- на только-что прожитый нами условный періодъ двѣнадцати цевъ, мы имѣемъ обыкновеніе повѣрять состояніе нашего обще- наго барометра, спрашивать себя: поднялось ли въ нашей жизни ое серебро" или понизилось? Исходной точкою для опредѣленія совъ такого возвышенія или пониженія естественно служитъ намъ ая, плодотворная мысль сказавшаяся въ осуществленныхъ и на- ъ въ Россіи реформахъ. Барометръ общественнаго сознанія ука- етъ намъ, преуспѣвало ли наше общество на томъ же пути. Отъ о обычая мы всего менѣе можемъ отказаться за тотъ годъ, въ ко- й мы праздновали двухвѣковой юбилей коренного начала всего движенія Россіи впередъ, вслѣдъ за Европою, память нашего да изъ египетской неподвижности, вступленія нашего на путь ой обѣтованной землѣ, которая, конечно, еще остается далеко

Digitized by Google

впереди, однимъ словомъ, нарожденіе въ Россіи перваго Преобразователя.

Сопоставленіе историческихъ чиселъ *1672* года и *1872* года, какъ бы оживившее въ умѣ русскаго человѣка всю исторію странствованія его со времени первоначальной реформы, невольно увлекаетъ и насъ при нынѣшнемъ обзорѣ во времена болѣе отдаленныя, чѣмъ то время, которому были посвящены двѣнадцать предшествующихъ нашихъ бесѣдъ съ читателемъ. Въ одной изъ нихъ, особо посвященной воспоминанію о дѣлахъ и начинаніяхъ Петра, мы имѣли случай показать, какъ различенъ былъ первоначальный смыслъ многихъ изъ этихъ начинаній, положившихъ начало нашему европейскому развитію, отъ того смысла, какой былъ приданъ имъ впослѣдствіи многими изъ преемниковъ Преобразователя, до настоящаго царствованія, когда мысль реформы вновь пробудилась и произвела великое преобразованіе въ положеніи крестьянства, единственное великое дѣло, за которое не могъ приняться Петръ въ свое время. Мы напоминали, что Петръ создалъ у насъ службу государству, а не лицу, что выше всего онъ ставилъ законъ, что онъ хотѣлъ дать Россіи самостоятельныя корпораціи для управленія, корпораціи какъ административныя, такъ и выборныя, земскія; что ему дорогъ былъ принципъ самоуправленія сословій, и что земскому элементу онъ хотѣлъ дать широкое участіе во всемъ внутреннемъ управленіи. Изобразивъ затѣмъ систематическую ломку и изглаженіе самыхъ слѣдовъ, которому все это подверглось впослѣдствіи, мы съ отраднымъ чувствомъ останавливались на исторіи русскаго общества за послѣднее двѣнадцатилѣтіе, когда свобода и самоуправленіе были даны крестьянству, бо́льшая самостоятельность городамъ, облегченіе печатному слову, полная независимость власти судебной, а земскому элементу вновь предоставлено было участіе въ мѣстномъ управленіи.

Естественно, что подъ вліяніемъ такихъ великихъ шаговъ нашего времени впередъ, самый размѣръ требованій, предъявляемыхъ общественнымъ сознаніемъ къ современности, долженъ былъ возвыситься; масштабъ нашъ измѣнился, и такое явленіе, которое казалось бы намъ большимъ успѣхомъ лѣтъ двадцать тому назадъ, теперь уже кажется меньшимъ успѣхомъ, а иногда даже и вовсе успѣхомъ не кажется. Такъ всегда и вездѣ бывало въ періодахъ реформъ, и потому, еслибы мы и были принуждены, при взглядѣ на тотъ или другой современный фактъ, сознаться, что въ немъ сказалась малоуспѣшность или даже уклоненіе отъ пути, на который мы вышли, то не слѣдуетъ забывать, что такой отзывъ нашъ не есть осужденіе, по сравненію съ прошедшимъ, не заключаетъ въ себѣ ничего обиднаго для нашей современности, а есть, наоборотъ, только доказательство того высо-

Digitized by Google

уваженія, съ какимъ мы относимся къ дѣламъ послѣдняго двѣ-
дцатилѣтія. Этимъ дѣламъ, этимъ реформамъ мы привыкли давать
ь высокую цѣну, что самая требовательность наша по отношенію
сому или другому факту общественной жизни, не оправдавшему
ихъ ожиданій, невполнѣ насъ удовлетворившему,—вполнѣ есте-
нна и неизбѣжна, и представляетъ, повторяемъ, не что иное
ь только свидѣтельство, какъ высоко мы цѣнимъ то, что уже до-
было сдѣлано.

Обращаясь въ частности къ фактамъ и вопросамъ нашей обще-
нной жизни за истекшій годъ, мы остановимся сперва на явле-
ъ въ тѣсномъ смыслѣ общественнаго характера, потомъ на во-
сахъ административныхъ. Такъ какъ мы пишемъ не исторію года,
олько очеркъ теченія нашей общественной жизни, то обозрѣніе
по краткости, разумѣется будетъ имѣть характеръ простого
ечисленія. Вслѣдъ за Петровскимъ юбилеемъ и въ связи съ нимъ
о другое замѣчательнѣйшее явленіе 1872 года—политехническая
авка въ Москвѣ, продолжавшаяся два мѣсяца, съ іюля по сен-
ь. Выставка эта была, по мысли учредителей, нѣчто среднее
ду промышленной выставкой и временнымъ промышленнымъ му-
ъ. Отсюда произошли въ одно время и богатство ея и непол-
а. Нѣкоторые изъ ея отдѣловъ не имѣли ничего общаго съ по-
хническимъ назначеніемъ, а за то главные, техническіе отдѣлы
были достаточно полны. Въ томъ, что выставка эта представляла
льнаго, она подтвердила результаты выставки 1870 года въ Пе-
ургѣ, именно обнаружила еще разъ, что наиболѣе успѣховъ
ала у насъ въ послѣднее время техника разныхъ отраслей же-
наго и механическаго дѣла: артиллерійская, литейная, желѣзно-
жная и т. д., а также и техника свеклосахарнаго производства.
мъ, въ августѣ представилось Петербургу еще никогда не ви-
ное имъ зрѣлище: въ русской столицѣ происходила восьмая
ія международнаго статистическаго конгресса. Сессія эта про-
калась около десяти дней; существеннымъ результатомъ ея было
торое преобразованіе самой дѣятельности международнаго ста-
ическаго учрежденія, если можно такъ назвать конгрессы; кон-
съ въ Петербургѣ учредилъ постоянную коммиссію, которая бу-
служить постояннымъ его органомъ и звеномъ между его от-
ными сессіями, облегчая вмѣстѣ съ тѣмъ и работу будущихъ
организаціонныхъ коммиссій. Другой, нравственный результатъ
ѣшняго конгресса представлялся въ ближайшемъ ознакомленіи
ительнаго числа ученыхъ иностранцевъ съ Россіею, которой
хамъ отдана была справедливость рѣчами гг. Корренти, Фарра,

Digitized by Google

Левассёра, Энгеля и другихъ замѣчательныхъ представителей европейскаго просвѣщенія.

Мы отпраздновали столѣтіе петербургскаго Воспитательнаго дома, а вслѣдъ за нимъ и столѣтіе здѣшняго Коммерческаго училища, первоначально возникшаго при московскомъ Воспитательномъ домѣ и въ послѣдній годъ прошлаго столѣтія переведеннаго въ Петербургъ; юбилеями прошлый годъ былъ, стало-быть, всего богаче, въ нравственномъ смыслѣ, конечно. Холера, возобновлявшаяся лѣтомъ и въ Петербургѣ, гдѣ она прекратилась къ концу сентября, продолжаетъ уже третій годъ держаться въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ имперіи, не прекращаясь и зимою. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, какія мы имѣемъ передъ глазами въ настоящую минуту, холера, не прекратившись еще вполнѣ и на сѣверо-востокѣ, въ губерніяхъ Пермской, Казанской, Олонецкой, на западѣ и въ особенности на югѣ, начиная отъ Астрахани до австрійской границы, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ все еще значительна; крупнѣйшія цифры (около 250 больныхъ на уѣздъ) относятся къ двумъ уѣздамъ Волынской губерніи. Другая эпидемія—оспа, до сихъ поръ болѣе всего замѣтная въ Петербургѣ, гдѣ ею переболѣло до 4½ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ третья часть умерли, въ послѣднее время была особенно сильна въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ царства польскаго; такъ, въ Яновскомъ уѣздѣ Люблинской губерніи въ теченіе первой недѣли декабря заболѣло 847 человѣкъ. Въ истекшемъ же году мы прошли чрезъ нѣкоторый денежный кризисъ, выразившійся въ томъ, что государственный банкъ на нѣсколько дней прекратилъ учетъ векселей. Отсюда произошелъ переполохъ въ торговомъ мірѣ, особенно въ Москвѣ, Ригѣ и Петербургѣ. Если, мы говорили, государственный банкъ хотѣлъ дать этимъ урокъ банкамъ частнымъ, чтобы они не слишкомъ зарывались въ своихъ ссудныхъ операціяхъ, то надо надѣяться, что урокъ этотъ послужитъ имъ въ пользу; но если справедливо, что для прекращенія кризиса было выпущено вновь какое бы то ни было количество ассигнацій, то урокъ этотъ во всякомъ случаѣ обошелся слишкомъ дорого, и учителю нельзя не пожелать и меньшей строгости къ младшимъ, и большей твердости по отношенію къ другимъ требованіямъ. Сумма, на которую обращалось въ 1872 году кредитныхъ билетовъ, была почти равна 752 милліонамъ рублей, то-есть превосходила даже ту сумму ассигнаціоннаго обращенія, какая была достигнута послѣ восточной войны, когда она составляла (въ 1857-мъ году) до 735-ти милліоновъ. Въ теченіи прошлаго года основано множество частныхъ банковъ и размноженію ихъ были наконецъ положены нѣкоторыя затрудненія, въ видѣ ограничительныхъ постановленій для учрежденія новыхъ банковъ. По этимъ постановле-

Digitized by Google

ніямъ, имѣющимъ, впрочемъ, характеръ временныхъ, пріостановлено учрежденіе новыхъ акціонерныхъ коммерческихъ банковъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ уже существуетъ хотя бы одинъ такой банкъ, а земельныхъ банковъ должно быть не болѣе двухъ въ одной губерніи. Сверхъ того, новый законъ установилъ еще нѣкоторыя ограничительныя условія для самыхъ дѣйствій акціонерныхъ банковъ и усилилъ контроль надъ ними правительства. Въ свое время мы указали тѣ изъ этихъ постановленій, которыя представлялись намъ цѣлесообразными и упомянули о прочихъ. Мы напомнили объ этомъ законѣ здѣсь потому, что коснулись „банковой лихорадки“ истекшаго года; о другихъ же важнѣйшихъ административныхъ отношеніяхъ къ экономическому положенію страны упомянемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ условіяхъ экономическаго быта народа весьма замѣтное явленіе представилось быстрымъ умноженіемъ крестьянскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которыхъ къ 1-му мая, т.-е. по послѣднему свѣдѣнію, числилось уже 72, а къ концу года должно было быть гораздо больше, такъ какъ въ теченіе года послѣдовало много новыхъ разрѣшеній. Само собою разумѣется, что одни ссудныя товарищества, сколько бы ихъ ни было, не будутъ въ состояніи отвратить тотъ кризисъ, который можетъ угрожать современемъ нашему крестьянскому земледѣлію. Но объ этомъ, то-есть, именно о положеніи крестьянства подъ бременемъ обязательныхъ платежей, мы будемъ говорить отдѣльно, во второй половинѣ настоящей статьи. Въ числѣ вопросовъ, имѣющихъ важное значеніе для быта массы народа, мы должны упомянуть здѣсь и вопросъ объ отмѣнѣ или сохраненіи сословнаго волостного крестьянскаго суда, вопросъ, который въ истекшемъ году изучался особою коммиссіей, и предрѣшается ею, сколько извѣстно, скорѣе въ пользу сохраненія волостного суда.

Наконецъ, изъ круга общественныхъ явленій въ тѣсномъ смыслѣ, наиболѣе обратившихъ на себя вниманіе въ прошломъ году, достаточно будетъ упомянуть о безпорядкахъ въ Харьковѣ и объ извѣстномъ „мясниковскомъ“ процессѣ. Харьковскіе безпорядки сами по себѣ не имѣли никакого значенія, кромѣ какъ свидѣтельство о склонности къ безотчетному произволу, еще живущей въ нѣкоторыхъ чинахъ провинціальной полиціи. Они были дѣломъ случайности, и высшая администрація отнеслась къ нимъ просвѣщеннымъ взглядомъ, отказываясь видѣть въ нихъ что-либо болѣе случайной драки, какъ то нерѣдко бывало встарь, и какъ то было бы по-сердцу и нынѣ нѣкоторымъ ревнителямъ, поспѣшившимъ даже въ печати высказать предположеніе объ „агитаторахъ“, которыхъ вовсе не оказалось. По „мясниковскому“ дѣлу состоялся дважды оправдательный вердиктъ

Digitized by Google

присяжныхъ и послѣ второго замолкли и въ обществѣ т
которые, еще не привыкнувъ отличать фактъ ипотетическій
юридическаго, единственнаго подлежащаго рѣшенію суда,
торымъ возбужденіемъ относились къ первому оправданію.

Изъ круга административныхъ мѣръ и вопросовъ, подле
обсужденію высшей администраціи, важнѣйшій, по своимъ ра
вопросъ о преобразованіи въ Россіи условій воинской по
а въ связи съ нимъ и самаго устройства нашихъ вооруженн
въ теченіе прошлаго года далеко еще рѣшенъ не былъ. Унас
этотъ важный вопросъ отъ своего предшественника, 18
передалъ его своему преемнику. Хотя работы коммиссій
вѣдомства по этому дѣлу и окончены, но обсужденіе его в
ныхъ правительственныхъ установленіяхъ должно еще з
малое время, и чѣмъ многостороннѣе будетъ его разсмотрѣ
лучше, потому именно, что самый вопросъ этотъ касается в
ронъ и народнаго и государственнаго быта. Въ учебно
за прошлый годъ состоялось нѣсколько замѣтныхъ мѣроп
томъ числѣ и нѣкоторыя такія, которыя ведутъ къ главн
ственной цѣли—умноженія школъ и вообще средствъ къ обр
Учреждены женскіе курсы при медицинской академіи въ
бургѣ, при чемъ, впрочемъ, медицинское преподаваніе для
было спеціализировано начальствомъ академіи такъ, чт
имѣло ограниченный, преимущественно практическій кругъ с
акушерства.

О мѣрахъ принятыхъ по министерству народнаго просвѣ
ихъ совокупности, мы говорили въ предыдущей книгѣ, то-ес
комъ недавно, чтобы была нужда теперь напоминать о н
жемъ только, что въ теченіе прошлаго года было обнародова
женіе объ учительскихъ семинаріяхъ, учреждаемыхъ по
учебный округъ и новый законъ о реальныхъ училищахъ.
слѣдній законъ разсчитываетъ на содѣйствіе земства и общ
дѣлѣ учрежденія и содержанія реальныхъ училищъ, но пр
къ сожалѣнію, предоставляетъ земству, если оно поставило
лище въ распоряженіе министерства, только одно номинал
ніе на дальнѣйшія судьбы училища. Ниже, во второй поло
стоящей статьи, мы указываемъ на нѣсколько признаковъ о
обществъ къ условіямъ, введеннымъ въ уставъ реальныхъ
Здѣсь же замѣтимъ, что хотя по уставу реальныя учи
предполагаются, какъ полныя, самостоятельныя заведенія
циркулярѣ министра, послѣдовавшемъ за обнародованіемъ
примѣнена къ практикѣ мысль, что тамъ, гдѣ имѣются дру

Digitized by Google

учебныя заведенія, реальныя училища могутъ быть учреждаемы
зъ низшихъ классовъ. Одна московская газета впослѣдствіи
дно совѣтывала земству, если есть сомнѣніе, какое среднее учи-
е могло бы быть основано на наличныя средства — предпочитать
но прогимназію, такъ какъ изъ нея ученики удобно могутъ пе-
дить безъ экзамена въ высшіе классы реальныхъ училищъ, въ
й изъ сосѣднихъ губерній, или же учреждать и реальныя учи-
, но только безъ низшихъ классовъ. Если такая мысль на прак-
будетъ осуществлена, то понятно, что законъ объ учрежденіи
ьныхъ училищъ не осуществится и вмѣсто „полной системы
няго образованія", мы получимъ только классическія школы, съ
домъ для малоуспѣвающихъ учениковъ ихъ—въ отдѣльно суще-
ющіе высшіе, то-есть именно спеціальные реальные классы. При
омъ проведеніи этой мысли не осуществится вполнѣ не только
ть о реальныхъ училищахъ, но и самый циркуляръ объяснявшій
ъ томъ смыслѣ, что цѣль реальныхъ училищъ — давать *общее*
зованіе въ *практическомъ* направленіи. Существуя безъ низ-
классовъ, спеціальные классы реальныхъ училищъ и будутъ
ь только практическое направленіе, а все *общее* образованіе и
ось бы исключительно замкнутымъ въ классическія школы. Въ
ящее же время, какъ мы уже говорили, министерствомъ вне-
въ одно изъ высшихъ учрежденій проектъ усиленія инспекціи
начальными народными школами и преобразованія училищныхъ
овъ, въ смыслѣ полнаго подчиненія этихъ учрежденій, въ кото-
участвуютъ представители земства — инспекторамъ мини-
тва.

ь истекшемъ же году опубликованы правила о примѣненіи го-
ого положенія 1870 года къ столицамъ и къ городу Одессѣ.
бургъ предположено выдѣлить въ особое градоначальство, и всѣ
отовительныя мѣры къ тому въ настоящее время уже окончены.
толицамъ и Одессѣ примѣняется учрежденіе губернскихъ при-
вій по городскимъ дѣламъ. Городскія думы должны состоять въ
бургѣ изъ 252-ти, а въ Москвѣ изъ 180-ти гласныхъ. Город-
голова въ столицахъ утверждается верховной властью изъ
выборныхъ кандидатовъ. Онъ предсѣдательствуетъ въ думѣ,
не назначенъ прямо особый предсѣдатель.

ь числѣ финансовыхъ или экономическихъ мѣръ прошлаго года
а замѣтною было составленіе новыхъ смѣтъ и раскладокъ го-
ственныхъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе съ 1872 года.
я смѣты не уменьшили суммы государственнаго земскаго сбора,
противъ увеличили ее на слишкомъ $2^3/_4$ милл. р. въ годъ; но
преобразованія нашихъ подушныхъ сборовъ вообще важенъ пре-

Digitized by Google

цедентъ, допущенный въ той раскладкѣ, о которой мы говорим: часть исчисленной суммы снесена съ подушнаго сбора и обращена на землю, то-есть обращена безразлично на всѣхъ землевладѣльцевъ, а не на однихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, хотя въ конечномъ результатѣ эта мѣра представляетъ для крестьянъ облегченіе незначительное, именно около полумилліона, или примѣрно по 2½ к. на душу, но въ ней, въ этой мѣрѣ важно не непосредственное облегченіе податного бремени, а шагъ къ тому пути уравненія налоговъ, который одинъ можетъ повести къ такому облегченію. Измѣненіе положенія объ акцизѣ и пошлинѣ съ сахара составило другую значительную финансовую мѣру прошлаго года. По новому закону, размѣръ акциза съ туземнаго сахарнаго песку оставленъ прежній, съ опредѣленіемъ однако условій, при которыхъ онъ долженъ быть возвышенъ на 20 коп. съ пуда, но нормы заводской выработки для исчисленія акциза увеличены; пошлина же съ сахарнаго песку, привозимаго моремъ, 3 рубля, уменьшена на будущій годъ на 50 коп. и затѣмъ должна уменьшаться на 10 коп. ежегодно, такъ чтобы въ 1878-мъ году она дошла до 2-хъ рублей. Въ общемъ результатѣ это преобразованіе нельзя не признать полумѣрою, въ виду положительныхъ данныхъ, удостовѣряющихъ, что наша свеклосахарная промышленность, которая развилась и окрѣпла до того, что вывозитъ уже свои продукты даже на заграничные рынки, могла бы перенесть бо́льшій размѣръ акциза, и въ особенности допустить рядомъ съ своими продуктами сахаръ привозный по болѣе дешевой цѣнѣ, то-есть съ бо́льшимъ пониженіемъ пошлины. Первоначально и предполагалось уменьшить нынѣшнюю пошлину вдвое.

Годъ 1872-й въ финансовомъ отношеніи былъ замѣчателенъ и тѣмъ, что въ немъ появилась у насъ впервые государственная роспись *безъ дефицита*. Конечно, роспись — только предположеніе, а предположеніе еще не фактъ. Но вотъ утѣшительный финансовый фактъ, который оказался въ концѣ прошлаго года: изъ отчета государственнаго контроля по дѣйствительному исполненію предшествующей росписи, то-есть бюджета 1871 года, усматривается, что общая сумма расходовъ 1871 года была менѣе противъ суммы поступившихъ доходовъ почти на 8.500,000 руб. Хотя въ балансѣ на покрытіе доходовъ и показано при этомъ 9¾ милл. изъ „особыхъ рессурсовъ“, но все-таки такой результатъ, если кромѣ него нѣтъ иныхъ, которые бы ослабляли его значеніе, весьма удовлетворителенъ.

Положеніе дѣлъ на нашихъ европейскихъ окраинахъ въ прошломъ году мало измѣнилось, хотя и въ Финляндіи и относительно царства польскаго обсуждались весьма важныя реформы. Въ Фин-

Digitized by Google

ляндіи происходила третья, въ продолженіе настоящаго царствованія, сессія сейма. Въ совокупности результатъ ея не былъ особенно удовлетворителенъ, такъ какъ сеймамъ было представлено большое число такихъ петицій, которыя отклонены. Относительно царства польскаго въ прошломъ году уже приближалось къ окончанію обсужденіе судебной реформы. Хотя проектъ въ томъ видѣ, какъ о немъ было извѣстно по слухамъ, и не предполагалъ устранить карательное право, предоставленное мѣстнымъ административнымъ органамъ, однако въ немъ заключалось, на ряду со многими, быть можетъ, слишкомъ большими отступленіями отъ общаго духа судебныхъ уставовъ, одно весьма умное учрежденіе, именно учрежденіе всесословнаго волостного суда, вполнѣ соотвѣтствовавшее основному принципу, на которомъ было поставлено крестьянское дѣло въ Польшѣ покойнымъ Н. А. Милютинымъ. Проектъ на этотъ разъ не прошелъ, и возвращенъ вновь для обсужденія на мѣстѣ. По слухамъ, сомнѣнія возникли именно относительно этой, послѣдне-упомянутой части проекта.

Для полноты нашего бѣглаго обзора, упомянемъ о замѣтной, но безуспѣшной сессіи московскаго дворянства, бывшей въ началѣ года. Считаемъ излишнимъ въ настоящее время напоминать подробно объ извѣстномъ ходатайствѣ московскаго дворянства, тѣмъ болѣе, что и вслѣдъ за самымъ фактомъ мы откровенно признались въ затруднительности обсуждать съ достаточной, соотвѣтствующей важности дѣла полнотой, вопросъ объ административныхъ карахъ. Но это приводитъ насъ прямо къ положенію за 1872-й годъ нашей печати. Въ 1872-мъ году мы начинали первое же, январьское наше обозрѣніе слѣдующими словами: „Истекшій годъ (1871-й) по всей вѣроятности заключилъ собою переходное время перваго испытанія для нашей печати въ новомъ ея положеніи, которое было временно опредѣлено закономъ 6-го апрѣля 1865 года; наступающій годъ (1872-й) безъ сомнѣнія послужитъ въ этомъ отношеніи новою эрою, съ которой начнется то или другое, но во всякомъ случаѣ новое положеніе для печатнаго слова". Предвидѣнія наши сбылись только отчасти, такъ что новаго періода для положенія нашей печати собственно говоря не наступило, хотя въ немъ нѣкоторое измѣненіе, опять временное, все-таки послѣдовало въ силу закона 7-го іюня. Этимъ закономъ предоставлено было министерству внутреннихъ дѣлъ представлять въ комитетъ министровъ, на окончательное разрѣшеніе, о воспрещеніи выпуска въ свѣтъ такихъ книгъ или нумеровъ журналовъ (до газетъ этотъ законъ не касается), которые министерствомъ будутъ признаны вредными и подвергнуты предварительному задержанію. За этимъ измѣненіемъ прежняго порядка, суду предоставляется уже только опредѣленіе виновности авторовъ, въ случаѣ воз-

Digitized by Google

бужденія противъ нихъ преслѣдованія, но не вопросъ о недопу
книги въ обращеніе.

Что́ сказать, въ заключеніе, о состояніи нашего обществе
настроенія за прошлый годъ, объ отношеніи общества къ на
щему и объ ожиданіяхъ возлагаемыхъ имъ на будущее,—ибо т
естественно должно быть заключеніе обзора истекшаго года
прошломъ году, въ этотъ же день, мы высказывали въ закл
твердую увѣренность, что будущность принадлежитъ той м
которая выразилась въ осуществленіи великихъ преобразован
слѣдняго двѣнадцатилѣтія, и что отступленіе въ смыслѣ поворо
задъ отъ дѣла реформъ невозможна. Истекшій нынѣ годъ не по
балъ въ насъ этой увѣренности и не принесъ ничего замѣтна
укрѣпленія ея. Это былъ годъ не особенно крупныхъ фактовъ
особенно смѣлыхъ шаговъ, тѣмъ онъ и отличался отъ нѣкото
неближайшихъ изъ своихъ предшественниковъ. Такіе годы, са
бою разумѣется, неизбѣжны въ періоды переходнаго времени.
нія прошлаго года наиболѣе крупныя, наиболѣе обратившія на
вниманіе, повторяемъ, былъ двухсотлѣтній юбилей Петра Вели
выставка въ Москвѣ. Но изъ такихъ, не особенно богатыхъ по
шагами впередъ годовъ не слѣдуетъ выводить мысли, что и
постепенное движеніе впередъ можетъ когда-либо остановиться.
общественнаго развитія неудержимъ, хотя повременамъ какъ
и незамѣтенъ, или самое развитіе представляется какъ будто
щающимся то впередъ, а то и назадъ, вокругъ какой-то пред
гаемой неподвижною точки.

Мудрое правило велитъ для правильной оцѣнки настоящ
для сужденія о будущемъ обращаться—къ прошедшему. Оно с
житъ въ себѣ богатый запасъ примѣровъ, который позволяетъ
жаться при предвидѣніи будущаго на почвѣ не гадательной, а
тической, на почвѣ опыта уже пережитаго нами. На этотъ раз
намѣрены для новаго 1873 года, погадать въ такое зеркало на
прошлаго, и, такимъ образомъ, узрѣть въ немъ отжившія лица
шественниковъ 1873 года, за три десятилѣтія, то-есть, годовъ:
1853 и 1843.

Обратимся сперва всего десять лѣтъ назадъ и припомнимъ
какъ мы встрѣчали день „новаго“ 1863 года. Отъ себя мы сдѣл
только нѣсколько замѣтокъ, а затѣмъ предоставимъ слово тог
нему современному голосу, такъ какъ только само тогдашнее
можетъ представить намъ и нынѣ живой отголосокъ изъ ур
тогдашняго настроенія общества. Въ 1862 году уже были обн
дованы основныя положенія о судебномъ преобразованіи, а та

Digitized by Google

сновныя черты земскихъ учрежденій. Тѣ и другіе разбирались
печати. Крестьянская реформа была уже совершившимся фактомъ.
дню „новаго“ 1863 года никто еще не предвидѣлъ польскаго
станія, которое началось именно въ январѣ этого года. Извѣстный
анъ Тургенева „Отцы и дѣти“ явился въ 1862 году, и слово „ни-
исты“, съ тѣмъ значеніемъ, какое придали ему, уже существо-
о. Пожары 1862 года въ Петербургѣ подали поводъ эксплуати-
ать это слово и соединенныя съ нимъ представленія для дости-
ія разныхъ побочныхъ цѣлей. Съ 1863 года начинали свою
тельность въ петербургской печати новая редакція „С.-Петер-
гскихъ Вѣдомостей“, а въ Москвѣ гг. Катковъ и Леонтьевъ въ
ествѣ ежедневныхъ публицистовъ „Московскихъ Вѣдомостей“.
ывая голосъ изъ того недавно прошедшаго, но уже далекаго отъ
ь по духу времени, мы обратимся не къ одному изъ крайнихъ
равленій, но къ заявленіямъ вполнѣ умѣренной, старавшейся
оситься къ своему дѣлу съ самой добросовѣстной объективностью
ой редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, и у нея справимся
омъ, въ какомъ настроеніи образованная часть нашего общества
рѣчала 1863-й годъ.

Изъ перваго же нумера этой газеты, вышедшаго на Новый годъ,
видимъ, что опасеніе какой-то реакціи уже въ то время было
суще общественной мысли, и что общество хотя и не отвергало
словно подобныхъ слуховъ, но утѣшало себя надеждою, что они
орѣ пройдутъ. „Минувшій годъ“,—говорили „С.-Петербургскія Вѣ-
ости“ въ первомъ нумерѣ 1863 года,—„былъ годомъ тяжелыхъ
ытаній. У тысячелѣтняго ребенка *прорѣзывались зубы*. Дѣло не
плось безъ воспаленія мозга, боли и упадка силъ. Кризисъ до
ь поръ (то-есть до 1 января 1863 года) еще продолжается, но
тный врачъ, глядя на широкое сложеніе и здоровенные нервы
енка, можетъ съ увѣренностью сказать, что болѣзнь не опасна;
кція, основанная на случайномъ, мгновенномъ испугѣ, не въ си-
ь остановить развитіе столькихъ силъ, пробужденныхъ и вы-
ныхъ къ жизни... Воротиться назадъ невозможно, корабли всѣ до
ого сожжены окончательно. Волей и неволей, мы должны проби-
ься впередъ, къ обѣтованному простору... Впередъ! не слѣдуетъ
ать духомъ“... Съ этими словами и мы, въ наше время въ 1873
, согласны и готовы повторить ихъ. Въ дѣйствительности мы
и повторили, доказывая, что реакція, въ смыслѣ отмѣны про-
денныхъ реформъ, невозможна. Но странно, что 1-го января 1873
все доказываемъ то же самое, что доказывалось съ такой увѣ-
ностью 1-го января 1863 года.

Digitized by Google

„Воротить насъ на покинутый берегъ не можетъ уже никакая человѣческая сила“, говорили тутъ же „Спб. Вѣдомости“. Это было совершенно вѣрно. Но столь же ли вѣрно было другое ихъ выраженіе, именно, что корабли всѣ до одного сожжены окончательно?... Или вѣрнѣе было въ то время сказать объ общественномъ настроеніи, что хотя корабли и сожжены, но отъ нихъ уцѣлѣли видные остовы, на которыхъ хотя и нельзя пуститься вплавь „къ покинутому берегу“, но которые тѣмъ неменѣе стоятъ и внушаютъ однимъ ободреніе, а другимъ страхъ. Или, быть можетъ, и вся аллегорія о корабляхъ была излишня, и никакихъ кораблей не только окончательно сожжено, но и вовсе сожигаемо не было, а просто нѣзачѣмъ было ѣхать къ тому берегу, потому что и на этомъ оказалось удобно?

Припомнимъ, что въ 1863-мъ году всѣ газеты и журналы подлежали цензурѣ и—какъ водится—на нее жаловались.

„Возможно-бо́льшая замѣна администраціи судомъ,— говорила тогда та же газета,— вотъ что существенно необходимо для нашей печати, если мы дѣйствительно не желаемъ оставить ее на произволъ судьбы“. Итакъ, въ то время считался убѣдительнымъ такой аргументъ, какъ необходимость нѣкоторымъ образомъ лелѣять печать, войти въ ея положеніе и въ значеніе ея для общества. Въ числѣ аргументовъ, казавшихся въ то время убѣдительными для доказательства необходимости „замѣнить администрацію судомъ“, мы находимъ въ тогдашнихъ „Спб. Вѣдомостяхъ“ и такой аргументъ, что печать „должна быть самостоятельною“.

Предварительная цензура была дѣйствительно большимъ стѣсненіемъ. Но вѣдь духъ времени, общее направленіе важнѣе самыхъ учрежденій и видоизмѣняетъ самое дѣйствіе ихъ. Такъ, при предварительной цензурѣ, въ январѣ 1863 года, цитируемая нами газета разсуждала такимъ образомъ, что мы и теперь, не безъ нѣкоторыхъ пропусковъ, приведемъ изъ нея еще образчики. Напомнивъ въ одной статьѣ выраженіе манифеста 1801 года о тайной экспедиціи, что еще Екатериной первою „судилище сіе признано было несвойственнымъ образу правленія въ Россіи установленному“, газета замѣчаетъ далѣе, „что съ тѣхъ поръ прошло шестьдесятъ лѣтъ, а означенное судилище“,—составляющее, по оговоркѣ употребленной газетою, „*принадлежность* каждой полицейской власти, каждаго станового пристава и квартальнаго надзирателя — осталось непоколебимо и, повидимому, все болѣе и болѣе укрѣплялось“. На судебную реформу газета возлагала надежду, что при содѣйствіи общества она, эта реформа, сдѣлаетъ то, что „громкое учрежденіе падетъ само собою, тихонько, незамѣтно, но тѣмъ не менѣе рѣшительно и безвозвратно“.

Digitized by Google

ъ въ такихъ-то безусловныхъ приговорахъ объ „окончательно“, ѣшительно“ и „безвозвратно“ и сказывается оптимизмъ первыхъ стидесятыхъ годовъ, когда все дышало такой юношеской увѣрен-тью, и было полно такихъ свѣтлыхъ ожиданій, времени, отъ ко-раго и теперь, когда мы коснулись его, долетаетъ до насъ живи-льный запахъ сочной, пышной растительности, хотя мы и переби-мъ теперь въ рукахъ—даже и не поблекшіе, высохшія листья де-а, сохраненные на память, а просто пожелтѣвшіе, въ прямомъ слѣ этого слова, листы старыхъ, забытыхъ газетъ.

Вообще надо сказать, что мы, въ 1873-мъ году, убѣленные опы-ъ, умудренные дальнѣйшимъ теченіемъ жизни, можемъ разсматри-ь эти воспоминанія 1863 года такъ, какъ дворянинъ Санинъ въ ешнихъ водахъ“, постарѣвъ, разсматривалъ коробку, въ которой зался забытый подарокъ Джеммы. Извѣстно, что Санинъ послѣ го открытія укатилъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, а впослѣдствіи ке въ Америку. И мы не останемся неподвижно на одномъ мѣстѣ, вѣрно; и мы „укатимъ“, пойдемъ впередъ, станемъ жить такъ иначе далѣе. — Но продолжаемъ гадать въ зеркалѣ нашего шлаго.

Мы видимъ въ немъ теперь уже совсѣмъ иной образъ: блѣдный, ожженный ликъ другого десятилѣтія, ликъ 1853 года. Какъ встрѣ-а наша печать „новый“ 1853-й годъ, что́ находила возможнымъ зать по поводу его наступленія. Въ одномъ изъ первыхъ январь-хъ нумеровъ „Русскаго Инвалида“, за 1853-й годъ, мы находимъ ъ какое размышленіе по поводу прошедшаго, настоящаго и бу-щаго Россіи: „Старый 1852-й годъ безвозвратно канулъ въ вѣчность, овѣчество постарѣло еще тремястами шестьюдесятью пятью ми. Наступилъ новый 1853-й годъ“. Затѣмъ, газета замѣчаетъ, этотъ годъ есть 7361-й отъ сотворенія міра и 991 отъ основа-Россійской монархіи“... и больше ничего! Авторъ фельетона (въ годы передовыхъ статей вовсе не было, и газеты высказывались фельетонахъ и смѣси) замѣчательнѣйшими событіями 1852 года ываетъ: раннюю зиму, три бури и три выставки. „Въ историчес-ъ отношеніи — продолжаетъ авторъ — 1852 годъ былъ замѣчате-ъ открытіемъ памятника Петру Великому на берегу Плещеева ра. Наконецъ, важнѣйшимъ историческимъ событіемъ 1852 года) было празднованіе въ Петербургѣ столѣтняго юбилея морскаго етскаго корпуса.“ Отъ себя мы не можемъ прибавить ничего, что́ личивало бы рѣзкость контуровъ этого образа. Въ приведенной рактеристикѣ „Русскаго Инвалида“ нѣтъ впрочемъ ничего забав-го, по крайней мѣрѣ для насъ; выше мы сами назвали замѣча-льнѣйшими явленіями 1872 года тоже празднованіе памяти Петра

Digitized by Google

Великаго, выставку и столѣтній юбилей двухъ воспитательныхъ заведеній.

За справкой о 1853-мъ годѣ мы обратились не произвольно прежде всего къ „Русскому Инвалиду"; дѣло въ томъ, что характеризовать тѣ года и можетъ лучше другихъ газетъ именно „Русскій Инвалидъ". Въ нумерѣ этой газеты, вышедшемъ въ день новаго года, помѣщенъ фельетонъ (тогдашняя передовая статья), и въ немъ приводится выдержка изъ одной книги, которую редакція рекомендуетъ „съ особеннымъ удовольствіемъ". Въ ней „мастерски схвачены и изображены многія оригинальныя и чудесныя черты русскаго солдата". Между прочимъ рекомендуется изъ этой книги слѣдующее мѣсто: „Въ службѣ шутить не любятъ, начальство съ добрыми ласково и снисходительно, а съ негодяями разсчетъ короткій: баталіонъ въ двѣ шеренги, руки къ прикладу и изволь себѣ прогуливаться по лозовой дорожкѣ"... Или еще: „Казалось бы не важность, что у одного рядоваго былъ разстегнутъ крючокъ на воротникѣ; попробуй же ты простить ему: завтра у десяти будутъ воротники разстегнуты... А вотъ если у молодца это не пройдетъ даромъ, такъ онъ завтра пять разъ ощупаетъ крючки (!), да и товарищи сдѣлаютъ то же самое"... „Страхъ Божій",—говорится далѣе,—„первое, преданность—второе, повиновеніе — третье, а четвертаго уже нѣтъ, *да и не нужно* — довольно съ васъ и этихъ трехъ. Слѣдуйте имъ и будете тѣмъ, чѣмъ всегда была побѣдоносная русская армія". Редакція, цитировавшая эти слова съ сочувствіемъ, конечно, не предвидѣла, что тотъ же 1853-й годъ, который она ими какъ-бы привѣтствовала, начнетъ полнѣйшее фактическое ихъ опроверженіе; въ крымскую войну вскорѣ стало очевиднымъ, что кромѣ *трехъ* необходимо было именно и четвертое: то-есть, умѣнье, основанное на умственномъ развитіи.

Вотъ каково было состояніе нравственной атмосферы къ 1853-му году. Она тяжело висѣла надъ современниками, и они чуяли приближеніе чего-то необыкновеннаго. Но надеждъ на ближайшее непосредственное будущее они не возлагали. Вспомнимъ, что въ 1852-мъ году только-что установилась по всей Европѣ политическая реакція. Вотъ какъ привѣтствовали день новаго года тогдашнія „С.-Петербургскія Вѣдомости", тоже въ фельетонѣ: „Поздравляемъ васъ... вы думаете съ новымъ годомъ? Нѣтъ! Поздравляемъ васъ съ тѣмъ, что 1852 годъ кончился. Поздравляемъ васъ, слѣдовательно, съ старымъ годомъ... Если, чего Боже сохрани, прошедшій годъ былъ для васъ *тяжелымъ* (курсивъ въ подлинникѣ) годомъ, то слава Богу, что онъ прошелъ, поздравляемъ васъ съ этою радостью!... Страшно поздравлять съ новымъ годомъ. Что если поздравленіе это обратится современемъ въ сарказмъ. Вѣдь никто же не поздравляетъ отправ-

Digitized by Google

ляющагося на кораблѣ въ какое-нибудь далекое странствованіе. Море опасно, думаетъ каждый, дунетъ сильный вѣтеръ, набѣгутъ черныя тучи, потемнѣетъ небо и вода, подымутся и запрыгаютъ сѣдыя волны; зареветъ и застонетъ буря... оплошаетъ кормчій (!) и... и Богъ знаетъ что̀ можетъ случиться". Такъ-то говорили тогдашніе писатели, и подъ цензурою по своему утѣшали хотя намекомъ живого сочувствія наболѣвшую душу общества.

Война дала мыслямъ его исходъ, великая война, въ которой наша армія хотя и не оказалась побѣдоносною при той чрезмѣрной важности, какую придавалъ „Русскій Инвалидъ" крючкамъ на воротникѣ, но постояла со славою за честь Россіи, пока для нея не настала иная эра, явившаяся отчасти и вслѣдствіе опытовъ той же войны.

Намъ, конечно, не угрожаетъ война въ настоящее время. Но безусловно отрицать возможность войны для насъ въ будущемъ, само собою разумѣется, нельзя. И теперь уже нерѣдко слышатся въ обществѣ, даже въ печати предположенія насчетъ возможнаго когда-нибудь — будемъ надѣяться не въ близкомъ будущемъ — столкновенія Россіи съ громадною, организованною именно на „*четвертомъ*" условіи, то-есть на умѣньи, силою побѣдоносной Германіи. Утверждать безусловно, что такое столкновеніе невозможно потому только, что ни Россія, ни Германія не имѣютъ въ настоящее время поводовъ къ войнѣ, что ни наше, ни германское общество ея не желаютъ, конечно нельзя. Національныя страсти сильно воспламенились въ Европѣ именно въ послѣднее время. А подъ вліяніемъ ихъ и самая точка зрѣнія, самая оцѣнка своей правоты или неправоты въ спорѣ первоначально хотя бы и неважномъ, способны сильно измѣняться. Вспомнимъ настроеніе хотя не всего, но бо́льшей части нашего общества въ эпоху восточной войны. Въ одномъ изъ январьскихъ нумеровъ „Journal de St.-Pétersbourg" 1855 года, мы находимъ письмо изъ Харькова, присланное въ газету ветераномъ 1812 года. Приводимъ изъ него одно мѣсто, чтобы показать, какъ различенъ былъ тогдашній взглядъ части общества съ тѣмъ взглядомъ, какого мы всѣ нынѣ держимся по отношенію къ войнѣ, возникшей „изъ-за святыхъ мѣстъ". — „Если бы императоръ Николай — писалъ почтенный ветеранъ — дѣйствительно питалъ властолюбивыя намѣренія, которыя приписываетъ ему западная министерская партія (?), то могъ ли бы онъ найти для исполненія ихъ лучшій случай, какъ время, когда всѣ германскія правительства боролись со своими возставшими народами, когда Франція находилась подъ ярмомъ республиканизма и одна Россія, какъ утесъ, о который разбиваются разъяренныя бурею волны, стояла на своихъ непоколебимыхъ основа-

Digitized by Google

ніяхъ и возвышала голосъ свой только для того, чтобы умиротворить Европу... Надобно по справедливости сказать, что повсюду, куда проникало русское вліяніе, оно производило благословенные плоды. Поэтому, когда я слышу, какъ всѣ эти министры разглагольствуютъ, въ парламентѣ и на публичныхъ банкетахъ, противъ властолюбивой политики Царя, я спрашиваю самъ себя, дѣйствительно ли эти люди думаютъ то́, что́ они разсказываютъ, и тогда говорю себѣ: если они дѣйствительно убѣждены въ этомъ, то ихъ надобно отправить въ Бедламъ (!); если же они дѣлаютъ всѣ эти обвиненія безъ убѣжденія, только для того, чтобы возбудить массы, о! тогда... тогда... это просто политика людоѣдовъ, потому что вся драгоцѣнная кровь, которая въ этой несчастной войнѣ, возбужденной ими, истекаетъ ежедневно потоками, проливается собственно только для того, чтобы удовлетворить тщеславію нѣсколькихъ недобросовѣстныхъ людей..."

Вотъ какъ измѣняются взгляды подъ вліяніемъ національныхъ страстей; а можемъ ли мы утверждать, что мы нынѣ отъ нихъ свободны, и что поэтому въ будущемъ и на насъ, и на нашихъ сосѣдей не нападетъ подобное же ослѣпленіе? И теперь уже говорятъ, что на новую войну мы пошли бы не съ завоевательной цѣлью, а въ силу особаго призванія Россіи, для исполненія ея исторической миссіи, и слышатся иногда уже теперь гаданія о томъ, каковъ бы могъ быть исходъ нашей войны съ Германіею? Нѣтъ сомнѣнія, что война отразилась бы весьма замѣтно и на внутреннемъ нашемъ положеніи, каковъ бы ни былъ внѣшній ея исходъ. Исходъ этотъ могъ бы быть или побѣда, или пораженіе. Въ первомъ случаѣ фактъ самъ по себѣ былъ бы такъ великъ, что намъ кажется едва ли тогда можно было бы опасаться именно наступленія реакціи въ сторону хотя бы 1853 года. Самое величіе результата быть можетъ скорѣе просвѣтлило бы нашъ горизонтъ, скорѣе устранило бы опасенія, чѣмъ омрачило бы этотъ горизонтъ новыми тучами, которыя обыкновенно нагоняются вовсе не сознаніемъ собственной силы. Въ случаѣ пораженія, мы, конечно, понесли бы тяжелую утрату, хотя бы въ тѣхъ драгоцѣнныхъ жертвахъ, которыя уноситъ всякая война, а тѣмъ болѣе неудачная. Но, вмѣстѣ, мы прошли бы черезъ новый опытъ, который, безъ сомнѣнія, также послужилъ бы намъ и въ пользу. Однимъ словомъ, такъ или иначе, результатъ выходитъ одинъ, а именно оказывается то́, что́ само по себѣ несомнѣнно, то-есть, что Россія не погибнетъ и развитіе ея будетъ идти впередъ, тѣмъ или другимъ путемъ.

Правда, войны можетъ и вовсе не быть весьма долгое время, а развитіе наше все-таки можетъ долго замедлиться и собственной

Digitized by Google

нашей опасливостью. Это предвидѣніе было бы, конечно, всего хуже. Мы хотимъ вѣрить, продолжаемъ вѣрить, что этого не будетъ, что развитіе наше пойдетъ впередъ и безъ новыхъ испытаній, и безъ новыхъ остановокъ. А воротиться назадъ? Но, возвращаясь назадъ, еслибы это было возможно, къ чему же пришли бы мы? Какимъ же это призракомъ могутъ манить насъ къ прошлому сторонники реакціи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и вмѣстѣ окончить наше гаданье, взглянемъ въ послѣдній разъ въ зеркало прошлаго, гдѣ мы увидимъ время еще на десять лѣтъ болѣе отдаленное, и которое потому мы можемъ смѣло назвать прошлымъ. Каково же изъ себя это прошлое? Посмотримъ.

Мы видимъ въ немъ теперь пергаментное, безжизненное лицо 1843 года. Какъ встрѣчали этотъ годъ въ тѣ дни, когда онъ былъ „новый?“ Въ дворянскомъ собраніи назначенъ балъ особо для дворянства и маскарадъ „вмѣстѣ для дворянства и для купечества“. Самый день новаго года 1-го января 1843 ознаменовался, по выраженію тогдашней оффиціальной газеты, „рѣдкимъ по случаю и единственнымъ по празднованію своему торжествомъ“. Праздновалось 50-лѣтіе службы министра двора, князя Волконскаго, и предсѣдателя государственнаго совѣта князя Васильчикова; трехмѣсячная внука кн. Волконскаго пожалована была во фрейлины; младшій сынъ кн. Васильчикова былъ переведенъ въ гвардію. Газеты того времени перепечатываютъ одни такія оффиціальныя извѣстія, а отъ себя говорятъ только о явленіяхъ литературныхъ, о театрахъ, объ „Аскольдовой могилѣ“ и „Русланѣ и Людмилѣ“, недавно поставленныхъ, о Гризи, Тамбурини, Маріо и Лаблашѣ, пѣвшихъ уже въ то время, о привозѣ свѣжихъ устрицъ, о которыхъ аккуратно извѣщаетъ „Сѣверная Пчела“, перемѣшивая такія извѣстія порою доносами. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ того времени, выходившія тетрадками уже подъ редакціею Очкина, имѣли единственнымъ убѣжищемъ для жизни — „Смѣсь“. Но для какой жизни! Тутъ болѣе всего описываются красоты Неаполя; удобства разныхъ минеральныхъ водъ въ Россіи (дающихъ возможность и больнымъ не ѣздить за-границу). Въ „Сынѣ Отечества“, который выходилъ съ разрѣшенія *четырехъ* цензоровъ, имена которыхъ украшали вторую его страницу, мы находимъ и привѣтствіе на новый годъ, свѣдѣніе, что̀ обѣщало Россіи начало 1843 года. На 1843-й годъ вышелъ альманахъ „Утренняя Заря“ Владиславлева, отпечатанный въ типографіи III-го отдѣленія Собственной канцеляріи. Вотъ что̀ говорилъ „Сынъ Отечества“ въ первой своей книжкѣ 1843 года: „На горизонтѣ нашей словесности, въ началѣ новаго года, явилась прекрасная заря. Теперь извѣстная русская форма, поздравленіе: съ новымъ годомъ, съ новымъ

Digitized by Google

счастіемъ,—необходимо должна быть дополнена. Позвольте намъ, почтенные наши читатели, поздравить васъ съ новымъ годомъ и отъ души пожелать сколько можно болѣе такихъ прекрасныхъ книгъ, какъ Утренняя Заря". Въ январьской же книжкѣ „Сына Отечества" была уже возвѣщена комедія „Сей и Этотъ", статья о необходимости реформъ по части... словъ: „сей, оный, поелику, понеже и поколику". Устряловъ уже предпринялъ писать свою исторію Петра, и въ торжественномъ засѣданіи академіи собирался читать вступленіе къ ней, о состояніи Россіи до Петра, въ которомъ все это „состояніе" сводилось къ такимъ фактамъ, что правленіе московскихъ государей, несмотря на соборы, было вполнѣ неограниченное и что основными элементами европейскаго общества служатъ монархія и церковь,—фактамъ, которыми, какъ бы несомнѣнны они ни были, конечно не исчерпывалось все значеніе московскаго періода. Уваровъ уже десять лѣтъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія и президентомъ академіи наукъ. Отчетъ его по министерству, въ которомъ поставленъ на главное мѣсто и извѣстный его девизъ: „православіе, самодержавіе и народность" — печатался въ газетахъ.

Но, перечисливъ всѣ эти наружные признаки, если мы спросимъ себя: *вся ли* умственная жизнь тогдашней Россіи въ нихъ заключается, то должны будемъ дать неизбѣжный отвѣтъ: нѣтъ! препятствіе какъ ледъ покрываетъ рѣку, а рѣка все-таки течетъ. Вспомнимъ, что тогда уже давно писалъ Гоголь, и хотя русскихъ книгъ выходило мало, но изъ того же отчета Уварова узнаемъ, что за 1842-й годъ ввезено было въ Россію 600 тысячъ экземпляровъ иностранныхъ книгъ! При такомъ фактѣ понятно, что умственная жизнь и въ то время не была удержана, несмотря на крайнее стѣсненіе русской печати, которая въ то время если и отражала хотя бы въ своихъ извѣстіяхъ интересы политическіе, то только—политическіе интересы иностранныхъ государствъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1843 года въ сущности сами чрезвычайно похожи на тѣ же „С.-Петербургскія Вѣдомости", какъ они были при самомъ началѣ своего изданія, т.-е. въ двадцатыхъ годахъ XVIII-го столѣтія. И мы нынѣ, приводя заявленія печати старыхъ временъ, быть можетъ пишемъ невольно пародію на современную нашу печать, то-есть на самихъ себя, какъ то сдѣлали „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1843 года, перепечатавъ на своихъ столбцахъ текстъ двухъ нумеровъ „С.-Петерскихъ же Вѣдомостей" 1720 года. Всѣ заявленія этой, первобытной русской прессы ограничивались извѣстіями въ родѣ слѣдующихъ: что царь и царица еще пребываютъ въ Петергофѣ, „а князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, Таїнои Совѣтнїкъ и Презїдентъ Ревїзїонъ коллегіи умре". За то наша пресса 1720 года сообщала извѣстія все больше

Digitized by Google

аграничныхъ дѣлахъ. Изъ Копенгагена, что „королева весьма сво-
на отъ своей послѣдней болѣзни“; или оттуда же, что король
аловалъ кому-то шпагу съ алмазами; изъ Ганновера, что „Вели́ко-
танскій король пріѣдучи изъ Пирмонта забавляется въ Герренгау-
ѣ лѣтнимъ временемъ“; и что предвидится бракъ сына принца
ьскаго съ дочерью прусскаго короля, но что „обаче сіе еще не
аздо подлинно“. Изъ Варшавы даже сообщался просто такой фактъ,
„король еще здѣсь обрѣтается, и не вѣдно, чтобъ е. в. вскорѣ
халъ въ иное мѣсто“.

Такъ и въ русской печати 1843 года главную роль играетъ, кто
—Абдэль-Кадеръ, Тьеръ, Гизо, Шангарнье, Ремюза... Но пропи-
ъ эти имена, мы подъ близкій и намъ звукъ ихъ готовы спро-
ъ себя, о какомъ же годѣ мы говоримъ: о 1843-мъ или о 1873-мъ?
ти этими же самыми именами и теперь пересыпается политиче-
отдѣлъ нашихъ органовъ. Но нѣтъ, предъ нами дѣйствительно
3-й годъ, къ которому мы и поспѣшимъ возвратиться отъ его
прадѣда, 1843-го года, разсуждавшаго о необходимости реформъ
ласти „сей и этотъ“.

Серьезныя и колоссальныя реформы нашего времени, съ которыхъ мы
ачнемъ нашу рѣчь, приступая къ текущимъ дѣламъ, всѣ ведутъ свое
ало отъ реформы крестьянской, первой и главной изъ нихъ. Обни-
бѣглымъ взглядомъ наше прошедшее и сводя счеты къ будущему
, естественно справиться, въ какомъ же положеніи находится
ѣ дѣло поземельнаго устройства крестьянъ. Правительственныя
ы по исполненію крестьянскаго надѣла приближаются къ окон-
ю. Изъ вѣдомости о положеніи выкупной операціи къ 1-му ноя-
усматривается, что выкупныхъ сдѣлокъ и актовъ утверждено
начала операціи болѣе 75-ти тысячъ, что число ревизскихъ душъ
стьянъ, приступившихъ къ выкупу составляетъ до 6-ти милліон.
тысячъ, а количество выкупленной земли болѣе 23-хъ милліон.
тысячъ десятинъ. Изъ отчета о работахъ по поземельному уст-
ству государственныхъ крестьянъ за 1871-й годъ видно, что
готовительныя работы по этому предмету исполнены уже повсе-
тно, а по отношенію къ огромному большинству крестьянъ окон-
ы уже и всѣ работы, съ выдачею крестьянамъ владѣнныхъ за-
ей. Выдача владѣнныхъ записей еще не окончена только въ нѣ-
ькихъ губерніяхъ и въ незначительномъ числѣ селеній прочихъ
ерній, а также у колонистовъ; въ общности же работы эти можно
знать почти оконченными.

Такимъ образомъ, изъ 24 мил. душъ муж. пола всѣхъ сельскихъ
новій европейской Россіи, слѣдуетъ считать собственниками около

Digitized by Google

19 мил. душъ, а именно 11 мил. 345 тыс. государственныхъ крестьянъ, 862 т. удѣльныхъ и государевыхъ, 217 т. колонистовъ и 6 мил. 793 т. бывшихъ помѣщичьихъ, выкупившихъ свои надѣлы отъ помѣщиковъ. Затѣмъ, остаются около 4 мил. временно-обязанныхъ крестьянъ. Но само собою разумѣется, что эти цифры представляютъ собою только тѣ условія, въ которыя надѣлъ поставленъ приведеніемъ въ исполненіе Положенія 19-го февраля и послѣдовавшихъ за нимъ мѣръ въ томъ же смыслѣ, а не картину дѣйствительнаго и полнаго владѣнія крестьянъ землею въ Россіи въ настоящее время,—*постановку* дѣла, а не окончательное его осуществленіе, которое наступитъ только тогда, когда выкупъ будетъ уплаченъ крестьянами государству, т.-е. черезъ 49 лѣтъ по приступленіи къ выкупу. Владѣлецъ, который пріобрѣлъ землю въ долгъ, какъ бывшіе помѣщичьи крестьяне, станетъ полнымъ собственникомъ своей земли только тогда, когда уплатитъ долгъ. Арендаторъ, который получилъ владѣнную запись на землю, но остался подъ бременемъ *безсрочнаго* за нее оброка, какъ бывшій государственный крестьянинъ, станетъ окончательнымъ собственникомъ своей земли развѣ тогда, когда оброку его опредѣленъ будетъ конецъ. Дѣйствительными собственниками своихъ надѣловъ въ настоящее время могли бы быть признаны только тѣ крестьяне, которые впередъ уплатили уже слѣдующіе съ нихъ выкупные платежи, но едва ли есть такіе крестьяне; хотя изъ отчетовъ государственнаго контроля и оказываются такія уплаты крестьянъ впередъ на значительныя суммы, но едва ли были примѣры, что крестьяне уплачивали впередъ полностью всю сумму выкупа. Что касается государственныхъ крестьянъ, то изъ нихъ въ выкупѣ участвуютъ только казенные крестьяне западнаго края; для нихъ выкупная операція окончится и полное пріобрѣтеніе земли въ собственность наступитъ по истеченіи 49-ти лѣтъ, также какъ и для бывшихъ крестьянъ помѣщичьихъ. Для остальныхъ же государственныхъ крестьянъ, хотя они и называются собственниками—никакого выкупа не положено, и оброчную подать за свою землю они должны платить безсрочно, причемъ размѣръ оброка для нихъ, какъ и для крестьянъ временно-обязанныхъ, можетъ подлежать измѣненію чрезъ каждыя 20-ть лѣтъ.

Теперь спрашивается: исправно ли поступаютъ выкупные платежи отъ крестьянъ, и не слишкомъ ли они обременительны? На этотъ вопросъ наводитъ и одна изъ послѣднихъ правительственныхъ мѣръ за истекшій годъ, а именно циркуляръ, разосланный министромъ внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, о недоимкахъ по выкупнымъ платежамъ. Циркуляръ сообщаетъ, что по имѣющимся въ министерствѣ финансовъ свѣдѣніямъ, одна изъ главныхъ причинъ на-

Digitized by Google

ленія недоимокъ по выкупнымъ платежамъ „заключается въ не-
влетворительной распорядительности сельскихъ начальствъ по
манію сборовъ и въ слабомъ со стороны ихъ наблюденіи за сбор-
ками податей, вслѣдствіе чего нерѣдко собранныя деньги растра-
ваются". На этомъ основаніи циркуляръ приглашаетъ начальни-
въ губерній разъяснить мировымъ посредникамъ, что они обязаны
клонно настаивать на своевременномъ исполненіи сельскими
авленіями постановленій „по взысканію общихъ денежныхъ сбо-
ъ и выкупныхъ платежей, подвергая неисполняющихъ оныя над-
жащей отвѣтственности". Какую бы роль ни играли въ накопленіи
оимокъ указанныя министерствомъ финансовъ второстепенныя
чины, не можетъ быть сомнѣнія, что главной причиной недои-
въ въ выкупныхъ платежахъ, какъ и во всякихъ иныхъ, является
осильность ихъ для недоимщиковъ.

Еслибы чрезмѣрная обременительность, непосильность выкупныхъ
тежей оказались фактомъ общимъ, повсемѣстнымъ или хотя бы
обладающимъ, то, очевидно, выкупное дѣло представило бы со-
менемъ такую альтернативу: или выкупная операція, вслѣдствіе
опленія массы недоимокъ безнадежныхъ къ поступленію, не могла
вовсе окончиться, не состоялась бы; или же, бывъ проведена
ого, неуклонными, усиленными мѣрами взысканія, она въ теченіе
устолѣтія разоряла бы земледѣльческое сословіе, заставляя его
тами уплачивать за землю цѣну, которой она не стоитъ, и въ
ке время прикрѣпляя его къ землѣ, съ той единственной мыслью,
бы оно, во что бы то ни обошлось, стало сословіемъ владѣю-
ъ землею, хотя и совершенно разореннымъ. Изъ двухъ термі-
ъ этой альтернативы бѣдственнымъ представляется второй, по-
у что и самая цѣль обезпеченія крестьянъ землею не была бы
имъ образомъ достигнута: какое же обезпеченіе представляла бы
я, на которой въ теченіе полувѣка постоянно уменьшалось бы
ичество скота, а затѣмъ на бо́льшей части пространства Россіи
ало бы и земледѣліе, немогущее поддерживаться безъ удобренія;
е обезпеченіе представлялъ бы надѣлъ земли въ тѣхъ мѣстно-
ъ, гдѣ крестьяне бросили бы земледѣліе и выкупили бы только
посторонних промысловъ настоящіе пустыри бывшей пашни и
ому ненужные луга? Вѣдь этимъ путемъ не только не была бы
игнута цѣль надѣла крестьянъ землею—обезпеченіе крестьянина
стоятельнымъ хозяйствомъ, устраненіе пролетаріата, но наобо-
: на пролетарія, живущаго отхожими промыслами, взвалена была
плата безплодной земли въ видѣ какой-то повинности. Вмѣстѣ
тѣмъ земледѣліе въ чертѣ государства окончательно бы пало.
такъ настаиваемъ на бѣдственномъ смыслѣ такого исхода для

Digitized by Google

того собственно, чтобы доказать невозможность допущенія его
сударство ни въ какомъ случаѣ не должно разсчитывать на в
ность, посредствомъ однихъ мѣръ взысканія, осуществить вык
операцію въ первоначально установленныхъ условіяхъ и разм
во что бы то ни стало. Ясно, что еслибы непосильность выку
платежей оказалась фактомъ общимъ, повсемѣстнымъ, то сл
предпочесть первый терминъ указанной выше альтернативы, а име
отказаться отъ полнаго осуществленія выкупной операціи. Но
отказъ, разумѣется, долженъ явиться не въ смыслѣ отмѣн
стьянскаго надѣла. Мысль о надѣлѣ крестьянъ землею, о пред
леніи земли въ собственность тѣхъ, кто ее обработываетъ и тр
своимъ кормитъ остальныя сословія государства, коренная
великой мѣры 19-го февраля сама по себѣ такъ раціональна
сущности своей такъ благотворна, что отъ нея отказаться н
Да, наконецъ, отказаться отъ нея послѣ того, какъ выкупъ
крестьянами уже начался, какъ часть уплаты за землю съ крес
уже поступила—невозможно уже и фактически. Нельзя же обр
всю массу выкупающихъ свои надѣлы въ государственныхъ
стьянъ, обложенныхъ оброчной податью безъ срока, послѣ того
эта масса въ теченіе двухъ или хотя бы одного десятковъ
считала собственностью землю, за которую уплачивала капи
Стало быть, отказъ можетъ имѣть мѣсто не отъ самого выку
только отъ нѣкоторыхъ его условій, и долженъ явиться имен
видѣ дополнительнаго пособія со стороны государства для
ченія выкупной операціи, не нарушая ея хода.

Намъ уже не разъ случалось намекать, что вѣроятно такая и
мѣра окажется необходимою. Въ первый разъ мы упомянули
тогда, когда обсуждался, по приглашенію министерства финан
вопросъ о преобразованіи подушныхъ сборовъ. Какъ извѣстно,
всѣ земства при обсужденіи этого вопроса превратили его в
просъ о замѣнѣ подушныхъ податей подоходнымъ налогомъ. Н
этомъ высказались различные взгляды относительно допущенія
недопущенія „минимума“ дохода, подлежащаго обложенію. Многіе,
лаясь на иностранные примѣры, требовали, чтобы низшая кате
доходовъ, опредѣленная примѣрно 150—300 рублями, изъята
отъ налога, что и было бы равносильно освобожденію отъ него с
ской массы. Мы не раздѣляли этого мнѣнія по двумъ соображені
Во-первыхъ, намъ казалось нелогично изъ вопроса о преобразов
подушныхъ сборовъ выводить заключеніе объ освобожденіи м
народа отъ прямыхъ податей; мы доказывали, что при недоста
въ Россіи и капиталовъ и потребленія предметовъ, подлежащих
вому обложенію, государство не имѣетъ возможности отказаться

Digitized by Google

налога на трудъ, какимъ въ дѣйствительности представляется налогъ съ низшей категоріи доходовъ, все равно, какъ и подушная подать. Во-вторыхъ, освобожденіе сельской массы отъ прямыхъ податей, которыя падали бы на всѣ сословія, намъ представлялось мѣрою не только не вполнѣ логично вытекавшею изъ первоначальной постановки вопроса, но и менѣе существенною для самихъ крестьянъ, чѣмъ мѣра иная, а именно—облегченіе имъ уплаты выкупныхъ платежей. Дѣло въ томъ, что выкупные платежи несравненно тяжеле податей, и обремененіе крестьянъ въ настоящее время, если его признать какъ фактъ общій, зависитъ главнымъ образомъ отъ павшихъ на нихъ выкупныхъ платежей. Въ среднемъ размѣрѣ выкупные платежи составляютъ тягость *вдвое* бо́льшую, чѣмъ подати, то-есть, примѣрно съ десятины 2 руб. 50 коп., между тѣмъ какъ подушные сборы составляютъ съ десятины около 1 руб. 10 коп. Но, сверхъ того медицинское правило о леченіи специфическомъ вполнѣ примѣнимо и къ законодательнымъ мѣрамъ улучшенія быта. Если больной одержимъ лихорадкою, а мы будемъ лечить его крѣпкимъ бульономъ, то этимъ мы, конечно, окажемъ паціенту ту помощь, что поддержимъ его силы, но отъ лихорадки мы его бульономъ не вылечимъ: здѣсь необходимо употребить хининъ. Въ экономической терапевтикѣ, конечно, нѣтъ столь рѣзкаго различія, и если мы сохранимъ крестьянину, посредствомъ законодательной мѣры, лишній рубль въ годъ, то этотъ рубль будетъ все-таки рубль, откуда бы онъ прощенъ ни былъ: изъ подушныхъ ли или изъ выкупныхъ платежей. Но указанное различіе до нѣкоторой степени все-таки есть и здѣсь: если обремененіе произошло прямо отъ выкупныхъ платежей, то и леченіе должно явиться въ специфической формѣ облегченія выкупныхъ платежей. Конечно, для крестьянина было бы облегченіе и въ томъ, еслибы государство, напримѣръ, подарило ему подушную подать или приняло на себя часть нынѣшняго оклада земскихъ повинностей, падающихъ на крестьянина, или уменьшило размѣръ виннаго акциза, то-есть, главный косвенный налогъ, падающій на крестьянъ. Сбереженіе, пріобрѣтенное крестьяниномъ тѣмъ или другимъ изъ этихъ путей, имѣло бы экономическое достоинство совершенно равное, рубль все былъ бы рублемъ.

Но въ общности было бы вовсе не все равно, а напротивъ, произошло бы смѣшеніе и несправедливость. Убавивъ размѣръ виннаго акциза, мы болѣе облегчили бы того, кто болѣе потребляетъ вина, менѣе того, кто потребляетъ вина менѣе, и вовсе не облегчили бы того, кто вовсе вина не пьетъ. Принявъ въ государственный бюджетъ часть земскихъ повинностей, мы не облегчили бы крестьянство тѣхъ мѣстностей гдѣ земства нѣтъ. Изъявъ отъ подоходной подати

Digitized by Google

всѣ доходы, не превышающіе опредѣленной цифры, мы этимъ равно облегчили бы и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, платящихъ выкупъ, и государственныхъ крестьянъ, которые выкупа не платятъ (за исключеніемъ западнаго края) и сверхъ того пользуются земельными надѣлами гораздо бо̀льшими, стало быть имѣющихъ и бо́льшее хозяйство, хотя быть можетъ и ихъ доходъ по условіямъ ценза не превзошелъ бы установленный минимумъ. А вѣдь равное облегченіе для массы болѣе обремененныхъ и менѣе обремененныхъ произвело бы то, что самый размѣръ облегченія былъ бы малъ, такъ что въ дѣйствительности облегченіе оказалось бы незначительнымъ.

Вотъ потому-то мы и говоримъ, что законодательныя мѣры леченія или улучшенія должны быть специфическія: лечить надо того, кто заболѣлъ, и отъ того именно, чѣмъ заболѣлъ. Обремененіе крестьянъ и допускаемое многими даже явное обѣдненіе крестьянъ, уменьшеніе количества крестьянскаго скота, упадокъ земледѣлія, ничѣмъ объяснены быть не могутъ, какъ именно наложеніемъ на крестьянъ выкупныхъ платежей, которые мѣстами таковы, что, бывъ прибавлены къ податямъ, превышаютъ доходъ отъ земли, превышаютъ наемную плату за землю, существующую въ тѣхъ мѣстахъ. Условія сбыта и запросъ хлѣба изъ-за границы въ теченіе послѣдняго двѣнадцатилѣтія сдѣлали успѣхи громадные. Условія сбыта улучшились постройкою болѣе чѣмъ на десятокъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ; что же касается спроса хлѣба за границу, то достаточно сказать, что въ 1861-мъ году нашъ отпускъ хлѣба за границу достигалъ всего съ небольшимъ 68 мил. рублей, а нынѣ, какъ видно изъ „Обзора внѣшней торговли за 1871-й годъ“, достигъ суммы 183 милліоновъ рублей. Если при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, возникшихъ послѣ 1861 года, крестьяне у насъ обременены, если крестьяне бѣднѣютъ, то невозможно, кажется, и сомнѣваться въ томъ, что съ тѣхъ поръ возникло и такое какое-либо новое условіе, которое прямо производитъ это явленіе. Такимъ условіемъ, очевидно, могутъ представляться только выкупные платежи. Стало быть ихъ нужно облегчить и притомъ такъ, чтобы въ мѣстностяхъ поставленныхъ въ наиболѣе неблагопріятныя условія, сохранить ихъ только въ видѣ незначительнаго, номинальнаго сбора, или сдѣлать переоцѣнку земли и опредѣлить ихъ размѣръ вновь.

Скажутъ: а какъ же долгъ государства по выкупнымъ займамъ, представляющій ссуду выданную крестьянамъ? На это можно сказать прежде всего, что вѣдь будетъ совершенно все равно государству понесть когда-нибудь потерю въ видѣ сложенія массы накопившихся безнадежныхъ недоимокъ, или теперь же разсчитать и опредѣлить впередъ свое пожертвованіе въ видѣ облегченія выкупныхъ платежей.

Digitized by Google

Послѣднее, очевидно, лучше, и во всякомъ случаѣ никакая финансовая система не можетъ проводиться посредствомъ обѣдненія десятка милліоновъ людей. Само это обѣдненіе могло бы современемъ представить такую тягость, которая была бы хуже необходимости новаго займа или новыхъ налоговъ для уплаты старыхъ. Во всякомъ случаѣ прямымъ недостаткомъ финансовыхъ средствъ у государства мы въ этомъ важнѣйшемъ случаѣ отговариваться не можемъ: государственный доходъ нашъ ежегодно возрастаетъ милліоновъ на тридцать (по дѣйствительному исполненію смѣтъ). Стало быть, прямое средство могло бы быть. Правда, въ той же мѣрѣ возрастаютъ и государственные расходы. Но это, по важности дѣла, о которомъ мы говорили, не можетъ быть принято въ смыслѣ безусловной невозможности новаго пожертвованія для облегченія выкупныхъ платежей. Еслибы какой-нибудь завзятый формалистъ думалъ такимъ возраженіемъ о возрастаніи расходовъ окончательно рѣшить дѣло въ смыслѣ невозможности облегчить выкупные платежи,—то тогда представился бы уже слѣдующій вопросъ: возможно ли намъ въ финансовомъ отношеніи *одновременно*—успѣвать за Европой въ ея вооруженіяхъ, отставать отъ нея въ реформахъ, догонять ее въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, и вмѣстѣ перегонять ее въ устройствѣ крестьянскаго сословія съ надѣломъ землею?

Между тѣмъ, это послѣднее дѣло уже давно начато, и хорошо что оно было начато въ то время, когда бюджетъ одного главнаго артиллерійскаго управленія еще не достигалъ 25.000.000. Оно начато и къ счастью не можетъ уже не быть продолжаемо теперь, потому именно, что было начато. О сущности его, стало быть, теперь нечего и толковать, и затѣмъ выходитъ несомнѣнно одно изъ двухъ: или одна изъ *другихъ* государственныхъ потребностей должна непремѣнно посторониться передъ этою, или государство должно прибѣгнуть къ новому общему пожертвованію путемъ новаго налога,—а облегчить тягость выкупныхъ платежей все-таки необходимо.

Присмотримся теперь поближе къ самымъ цифровымъ даннымъ выкупной операціи и къ свѣдѣніямъ о положеніи крестьянъ. Доселѣ мы все говорили: „если окажется“; что́ же оказывается въ дѣйствительности? Изъ совокупности данныхъ, представляемыхъ съ одной стороны отчетами государственнаго контроля, а съ другой частными свѣдѣніями о положеніи крестьянъ въ разныхъ мѣстностяхъ, газетными корреспонденціями и статьями нѣкоторыхъ публицистовъ, близко стоящихъ къ земскому дѣлу,—между которыми мы назовемъ князя Васильчикова,—слѣдуетъ вывесть такое заключеніе, что казна получитъ съ крестьянъ почти всю сумму выкупныхъ платежей, какая

Digitized by Google

слѣдуетъ съ нихъ по окладамъ; недоимка хотя и есть и составляла въ 1871-мъ году около 18¾ мил. руб., т.-е. около половины годового оклада, но за то крестьянами вносятся деньги по недоимкамъ прежнихъ годовъ, такъ что въ общей сложности сумма поступаетъ съ нихъ почти вся. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ недоимка наросла такъ, что становится почти безнадежною къ полученію. Сверхъ того, чрезмѣрное напряженіе податной силы въ уплатѣ выкупныхъ платежей выказывается фактомъ, что неурожай 1868 года повлекъ за собой образованіе значительнѣйшей части всей накопившейся недоимки, стало быть всякое колебаніе въ экономическомъ быту крестьянъ должно будетъ вызывать и новое наростаніе недоимки. Нѣкоторыя же губерніи уже и теперь оказываются рѣшительно неблагонадежными къ пополненію когда-либо своей недоимки: ихъ недоимка поглощаетъ всю выгоду, весь остатокъ отъ выкупной операціи, который долженъ бы былъ образоваться изъ лишнихъ ½% платимыхъ крестьянами на сумму ссуды; такимъ образомъ, за эти мѣстности платятъ другія мѣстности, и въ остаткѣ нѣтъ никакого запаса, на который можно бы разсчитывать для облегченія выкупныхъ платежей. Съ другой стороны, напряженіе, сопровождающее взносъ этихъ платежей, сказывается многими фактами дѣйствительнаго упадка земледѣлія и обѣдненія крестьянъ, если не повсемѣстно, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и притомъ не только въ такихъ, которыхъ земля была неплодородна. О тѣхъ губерніяхъ, т.-е., напримѣръ, сѣверо-западныхъ, а также Псковской, Могилевской, Витебской, Смоленской, Новгородской, Петербургской уже и говорить нечего: съ уменьшеніемъ количества скота тамъ земледѣліе становится все затруднительнѣе, и посторонніе промыслы все болѣе и болѣе становятся главнымъ источникомъ уплаты податей. Но и въ нѣкоторыхъ изъ плодородныхъ губерній—въ Симбирской, Рязанской, Нижегородской замѣчается истощеніе почвы. Необходимо было бы улучшить систему хозяйства; уже самое возростаніе населенія указываетъ на необходимость примѣненія улучшенной системы распредѣленія полей, такъ чтобы цѣлая треть ихъ не лежала втунѣ и были травы для скота.

Стало быть, облегченіе выкупныхъ платежей во всякомъ случаѣ необходимо, если не повсемѣстно, то для многихъ мѣстностей. Правительство само уже вступило на этотъ путь, понизивъ выкупные платежи именно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерній Симбирской и Нижегородской. Но неужели же, напримѣръ, Смоленская губернія и впредь можетъ оставаться съ окладами выкупныхъ платежей въ 1.385,000 р., когда на ней уже состоитъ недоимка по этимъ платежамъ въ 2.247,000 рублей? Неужели Могилевская губернія и впредь

Digitized by Google

ется съ окладомъ въ 1.500,000 руб., когда на ней уже состоитъ
оики по нимъ гораздо болѣе 2.000,000 руб.? Какъ неравно-
а тягость выкупныхъ платежей оказывается изъ того факта,
/6 всей суммы недоимки приходится на долю 6-ти губерній
енской, Могилевской, Новгородской, Черниговской, Петербург-
и Псковской), причемъ цѣлыя 2/6, даже почти цѣлая треть
суммы недоимки падаетъ на долю только двухъ первыхъ изъ
съ перечисленныхъ губерній.

овторяемъ, что самая сумма недоимки съ крестьянъ, состав-
дая всего около 18 3/4 мил. руб., невелика въ сравненіи со всею мас-
ыкупныхъ платежей, которые подлежали полученію съ крестьянъ
маго начала операціи, а именно составляетъ немного болѣе де-
процентовъ. Но этотъ результатъ, въ виду прочихъ данныхъ,
ываетъ только одно, именно, что крестьяне напрягаютъ всѣ
силы для взноса этихъ платежей, что уже и теперь выкупные
жи взыскиваются съ возможной строгостью, причемъ экономи-
е положеніе во многихъ мѣстахъ именно по этой причинѣ и
ается, а стало быть доказываетъ еще и то, что напрасно
бы ожидать пополненія недоимки болѣе строгими мѣрами взы-
и или видѣть главную причину недоимки въ нерадѣніи крестьянъ
ьскихъ начальствъ къ взносу этихъ платежей. Что самый вы-
хотя и собирается съ крестьянъ вмѣстѣ съ другими прямыми
ями, но сохраняетъ для народа свое особое значеніе, обнару-
тся изъ факта, что тамъ, гдѣ средства позволяютъ, крестьяне
ваютъ часть выкупа въ счетъ капитальнаго долга впередъ;
ъ уплатъ впередъ поступило въ теченіе девяти лѣтъ на сумму
2.000.000. Но самая незначительность этой суммы въ сравне-
ь суммою долга показываетъ только, что желаніе, радѣніе у
ьянъ и есть, да средствъ нѣтъ, и во многихъ мѣстахъ нѣтъ
твъ и на уплату годового оклада. Сумма недоимокъ въ первый
операціи составляла 81% оклада; съ тѣхъ поръ она, при уси-
хъ мѣрахъ взысканія, постоянно понижалась, и пониженіе это
алось только въ 1868-мъ году, когда вслѣдъ за неурожайными
и она вдругъ возвысилась съ 48% оклада до 55% его. Въ настоя-
время она опять понизилась менѣе чѣмъ на половину оклада.
о отчету контроля за 1871-й годъ, срочныхъ выкупныхъ плате-
ожидалось въ томъ году на 35.000,000 руб.; крестьянами вне-
было около 35.200,000 руб., то-есть даже больше оклада; но
какъ эти взносы шли частью на пополненіе недоимки, то не-
а все-таки осталась, и какъ уже объяснено выше, недоимка
два ли и можетъ быть погашена, такъ какъ цѣлая половина
остоитъ за такими губерніями, въ которыхъ сумма недоимки

Digitized by Google

превышаетъ сумму годового оклада. Удешевленіе денегъ — вотъ панацея для облегченія податного бремени, которая можетъ утѣшить многихъ. Если цѣны вообще въ періодъ съ 1861 года по 1873-й годъ возросли въ полтора раза, то вѣдь и подати платить въ полтора раза легче, а между прочимъ и выкупные платежи; современемъ же, при еще болѣе значительномъ возвышеніи цѣнъ, тягость выкупныхъ платежей значительно облегчится. Это такой аргументъ, который всего скорѣе можетъ подѣйствовать въ Россіи: такъ-таки ничего и дѣлать не надо, потому что дѣло устроится само наилучшимъ образомъ. Иной быть можетъ такъ и понимаетъ „самодѣятельность“ вообще, что дѣло „само дѣлается“ и что ему только мѣшать не слѣдуетъ своимъ трудомъ.

Но утѣшать себя надеждою на облегченіе податной массы удешевленіемъ денегъ, значитъ странно ошибаться на счетъ смысла этого экономическаго явленія, и принимать удешевленіе денегъ за обиліе ихъ. Обиліе капитала обращающагося въ странѣ есть вещь реальная, оно возвышаетъ заработки дѣйствительнымъ образомъ, то-есть даетъ рабочему возможность удовлетворять большее число потребностей, или составляетъ сбереженіе. Удешевленіе же денегъ, происходящее отъ постепеннаго паденія цѣнности бумажнаго рубля, есть явленіе въ экономическомъ смыслѣ призрачное, потому что рабочій при немъ хотя и пріобрѣтаетъ за свой трудъ бо́льшую нарицательную сумму денегъ, но за то же и платитъ бо́льшую сумму для удовлетворенія тѣхъ же, прежнихъ своихъ потребностей. Цѣна на хлѣбъ возвышается, это правда; но за то дорожаетъ и лошадь, и корова, и колесо, и ножъ, и гвозди, и лѣсъ. Подать уплачивать дѣйствительно легче, когда деньги подешевѣли, если окладъ ихъ остался прежній. Но, во-первыхъ, на крестьянъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія упали и новыя подати — земскія. Во-вторыхъ, какъ бы дешевы ни были деньги, ихъ добывать труднѣе, когда самое хозяйство приходитъ въ упадокъ. Слишкомъ многочисленныя свидѣтельства убѣждаютъ, что податное бремя слишкомъ велико для крестьянъ *теперь*, несмотря на удешевленіе денегъ. Если допустить, что подъ вліяніемъ этого бремени хозяйство будетъ постепенно падать, то-есть самый источникъ изсякать, то и удешевленіе денегъ не облегчитъ взноса податей. Несостоятельность опредѣляется не высотою дѣйствительной суммы обязательствъ, а невозможностью ихъ исполнить. Нищій и теперь такой же нищій, какимъ онъ былъ десять лѣтъ назадъ, хотя деньги и подешевѣли.

Въ первые два года поступленія выкупныхъ платежей недоимка составляла отъ 61-го до 81-го процента оклада; теперь она составляетъ только 48 процентовъ его. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя мѣст-

Digitized by Google

сти теперь вошли въ такую недоимку, которую едва ли когда-
бо будутъ въ состояніи погасить. А между тѣмъ, подъ вліяніемъ
ръ взысканія, хозяйство страдаетъ болѣе и болѣе. Замѣтимъ, что
доимка въ срочныхъ платежахъ въ 1871-мъ году возросла: за
70-й годъ она составляла менѣе 15½ мил. руб., къ 1-му же
варя 1872 года она составляла болѣе 18¾ мил.

Недоимка представляется намъ важною собственно какъ доказа-
льство, что тягость выкупныхъ платежей не только потребовала
айняго напряженія силъ со стороны крестьянскаго хозяйства для
есенія ихъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и совершенно пре-
ошла его силы. Затѣмъ, если намъ будутъ говорить, что сумма
доимки сама по себѣ все-таки не такъ велика, чтобы выкупная
ерація не могла хотя бы и простить ее почти всю — то это все-
ки не измѣнитъ существеннаго положенія дѣла, не измѣнитъ
ременительности нынѣшняго оклада платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ,
ѣ земля была оцѣнена слишкомъ высоко, а стало быть не остано-
ъ постепеннаго упадка крестьянскаго хозяйства. Сама по себѣ
ма 18¾ мил. руб., дѣйствительно, составила бы не разорительно
ю потерю для выкупной операціи, если бы эту сумму простить
чти полностью. Изъ отчета контроля за 1871-й годъ видно, что
этой суммѣ числятся 6 мил. 111 т. р., которые, вслѣдствіе пе-
вѣрки крестьянскихъ выкупныхъ актовъ въ западныхъ губерніяхъ,
ренесены съ крестьянъ на помѣщиковъ, то-есть крестьянамъ за-
ено было 6 слишкомъ милліоновъ, признанныхъ излишне-внесен-
ми, и эти 6 мил. въ настоящее время числятся въ недоимкѣ не
крестьянахъ, а на помѣщикахъ. Стало быть, сумма недоимки, ожи-
емой къ поступленію съ крестьянъ, составляетъ только 12¾ мил.
ежду тѣмъ, лишніе полпроцента, взимаемые при выкупной операціи
крестьянъ для составленія запаснаго капитала, составили бы въ
стоящее время не далеко отъ сейчасъ названной суммы.

На этотъ запасный капиталъ въ печати нѣкогда разсчитывали
я облегченія тягости выкупныхъ платежей. Но изъ отчета контроля
1870-й годъ оказалось, что такого капитала въ наличности не су-
ествуетъ, или иными словами, что онъ весь поглощенъ недоимкой.
купная операція могла бы и простить всю нынѣшнюю недоимку
крестьянъ, отказавшись въ то же время отъ начисленной до сихъ
ръ суммы запаснаго капитала; осталось бы непокрытыхъ затѣмъ
его милліона два рублей, которые вскорѣ покрылись вновь лиш-
мъ полупроцентомъ, собираемымъ съ крестьянъ. Но этотъ способъ
несправедливъ и не рѣшалъ бы ни вопроса финансоваго, ни во-
оса экономическаго. При этомъ способѣ оказалось бы, что за не-

Digitized by Google

доимщиковъ крестьянъ уплатили другіе крестьяне же, посредствомъ внесеннаго ими полупроцента. Но ужъ если за однихъ должны платить другіе, то—*всѣ* другіе, то-есть всѣ сословія въ государствѣ, а не одни какіе-нибудь 4—5 милліоновъ за два милліона. Сверхъ того, разъ простить недоимку не значитъ устранить ее на будущее время; если тягость слишкомъ велика, то недоимка накопится вновь—вѣдь еще до истеченія 49-ти лѣтъ выкупа далеко! Наконецъ, прощеніемъ недоимки все-таки не устранилась бы тягость самого оклада для тѣхъ мѣстностей, которымъ онъ не по силамъ, и въ нихъ крестьянское хозяйство будетъ постепенно приходить все въ бо́льшій упадокъ, и чѣмъ несостоятельнѣе станутъ крестьяне, тѣмъ быстрѣе будетъ наростать недоимка.

По нашему убѣжденію, единственный исходъ изъ такого положенія слѣдующій: въ мѣстностяхъ наиболѣе обремененныхъ, въ губерніяхъ Смоленской, Могилевской, Новгородской, сѣверо-восточныхъ и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ другихъ губерній произвесть перевѣрку не выкупныхъ сдѣлокъ, но нормы выкупныхъ платежей. Необходимо произвесть въ тѣхъ мѣстахъ повѣрку оцѣнки земли, на основаніи существующей наемной платы земли за трехлѣтіе. Затѣмъ, опредѣливъ, на какую сумму уменьшится вслѣдствіе того окладъ въ сложности, этотъ ежегодный дефицитъ разложить на всѣ сословія въ государствѣ, причтя его къ суммѣ подлежащей развесткѣ въ видѣ подоходнаго налога, которымъ предполагается замѣнить подушные сборы; если же такой замѣны сдѣлано не будетъ, то упомянутый дефицитъ покрыть какимъ-либо новымъ налогомъ на потребленіе. Такое рѣшеніе вопроса было бы и справедливо и представляло бы не паліативное, а радикальное, специфическое средство. Оно одно можетъ облегчить тягость оклада для мѣстностей, гдѣ крестьянскому хозяйству грозитъ упадокъ и тѣмъ отстранить дальнѣйшее прогрессированіе упадка, а вмѣстѣ и дальнѣйшее возникновеніе недоимокъ. Для употребленія этого средства мы уже имѣемъ примѣръ тѣхъ западныхъ губерній, далеко не бѣднѣйшихъ, какъ, напр., Волынская, гдѣ перевѣрка выкупныхъ актовъ была произведена. Разница предлагаемой перевѣрки съ тою состоитъ въ томъ, что тамъ того, что́ было сбавлено съ крестьянъ, лишились помѣщики, а здѣсь то, что́ было бы снято непосильнаго бремени съ крестьянъ, не упало бы на однихъ мѣстныхъ владѣльцевъ, но было бы внесено всѣми гражданами государства, которые всѣ положительно заинтересованы въ томъ, чтобы среди его не образовалось современемъ милліонное сословіе пролетаріевъ, безвыходно работающихъ не силою своей земли, а за безплодное право на безплодную землю.

Digitized by Google

Въ заключеніе нынѣшняго обозрѣнія коснемся еще разъ одного проса, котораго такая или иная постановка тоже весьма не безлична для будущности Россіи. Мы хотимъ упомянуть объ одной ронѣ дѣла: объ учрежденіи реальныхъ училищъ. Какъ извѣстно, нистерство народнаго просвѣщенія предполагаетъ въ будущности но учредить нѣсколько реальныхъ училищъ, казенныхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Объ уставѣ для будущихъ реальныхъ учищъ мы въ свое время говорили, и коснемся теперь только одной его стороны, такой, которая стала особенно обнаруживаться уже ерь, когда дѣло объ учрежденіи казенныхъ реальныхъ училищъ е принадлежитъ именно будущности. Министерству хорошо было ѣстно, что въ нашемъ земствѣ существуетъ сочувствіе къ реальшколѣ; сочувствіе это было доказано уже фактами. Поэтому въ авѣ для реальныхъ училищъ министерство, имѣя такіе факты въ у, пришло къ свѣдѣнію, что общества и частныя лица могутъ открывать реальныя училища на свои средства, съ содѣйіемъ его или безъ содѣйствія. Въ такомъ предвидѣніи въ уставъ льныхъ училищъ включена была статья 6-я, которая гласитъ, реальныя училища, содержимыя земствами, обществами, сословіями и частными лицами, но *съ должностными лицами утвержденными въ должностяхъ правительствомъ*, существуютъ на одинаковомъ основаніи (т.-е. даютъ равныя права) съ учебными заведеніями этого рода, получающими содержаніе отъ казны; реальныя же училища, содержимыя земствомъ, обществами, сословіями или частными лицами, и съ должностными лицами *отъ нихъ самихъ назначаемыми*, подчиняются общимъ узаконеніямъ о *частныхъ* учебныхъ заведеніяхъ (т.-е. правъ не даютъ). Другая статья устава (7-я) постановляетъ, что при всякомъ реальномъ училищѣ, казенномъ или общественномъ, состоитъ попечительство изъ нѣсколькихъ лицъ, которыя въ училищѣ перваго рода назначаются на три года министромъ изъ мѣстныхъ почетныхъ лицъ, а въ училищѣ второго рода избираются на три года обществомъ, но утверждаются въ своемъ званіи министромъ же.

Выразившееся въ первой изъ приведенныхъ статей желаніе причислить училища, учреждаемыя земствомъ, въ прямое завѣдываніе министерства и подаетъ въ настоящее время поводъ къ нѣкоторой „турбаціи“ въ отношеніяхъ общества къ дѣлу учрежденія реальныхъ училищъ.

Такъ, харьковская дума, послѣ переговоровъ съ мѣстнымъ попечителемъ относительно желанія своего принесть жертву для учрежденія въ Харьковѣ реальнаго училища, выразила недавно желаніе имѣть удобное мѣсто для такого училища и пожертвовать на его

Digitized by Google

устройство единовременно изъ прибылей городского банка 10,000 р. но при этомъ поставило въ числѣ другихъ такое условіе, чтобы го родскому обществу предоставлено было право избирать изъ свое среды въ попечительство училища не менѣе половины всего числ его членовъ. Будетъ ли принято это условіе—неизвѣстно, но досел въ Харьковѣ дѣло реальнаго образованія, насколько это зависѣл отъ общества, поставлено благополучно: городъ уже пожертвовал 50,000 руб. для основанія технологическаго института, а тепе жертвуетъ еще 10,000 руб. и мѣсто для реальной гимназіи. Дѣл только за министерствомъ: если оно будетъ довольно, то и всѣ бу дутъ довольны.

Менѣе благопріятно пошелъ вопросъ объ учрежденіи реальнаг училища въ Кіевѣ. Князь П. П. Демидовъ-Санъ-Донато, будуч кіевскимъ городскимъ головою, желалъ пожертвовать *городу* капи талъ до 70-ти тысячъ р. на какое-либо полезное дѣло, нѣкоторое врем колебался избраніемъ такого дѣла и, наконецъ, предоставилъ дум выборъ между устройствомъ на эти деньги ночлежныхъ помѣщені основаніемъ больницы или учрежденіемъ *ремесленной* школы. Коммис сія думы предпочла реальное училище, и князь Санъ-Донато на эт согласился, и тогда дума, имѣя въ виду, что городъ будетъ имѣт свое реальное училище, положила назвать его въ честь жертвовател „Демидовскимъ". Это постановленіе состоялось всего 30-го марта, осенью бывшій городской голова, не внеся своего обѣщаннаго по жертвованія въ думу, передалъ его попечителю кіевскаго округа, с процентами. Когда учрежденіе реальной гимназіи было такимъ обра зомъ изъято изъ вѣдѣнія города и передано въ руки учебнаго вѣ домства, то городская дума положила не разсчитывать впредь н капиталъ князя Демидова-Санъ-Донато, но все-таки ходатайство вать отъ себя объ открытіи въ Кіевѣ реальнаго училища, предлага дать подъ помѣщеніе его большой заново-отдѣланный, двухъ-этаж ный домъ, но уже подъ условіемъ, что училище это будетъ назван „Петровскимъ", то-есть въ честь Петра Великаго, а не князя Де мидова-Санъ-Донато. Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ жертвующія сторон могли давать своимъ пожертвованіямъ назначеніе какое каждой изъ нихъ было угодно; городъ Кіевъ, въ настоящее время отказываяс отъ капитала г. Демидова, имѣетъ полное право предпочитать ем въ видѣ патрона для училища Петра Великаго; въ такой замѣнѣ даже нѣтъ ничего обиднаго, напротивъ. Съ своей стороны, г. Деми довъ или учебное вѣдомство, которому онъ передалъ дальнѣйшее распоряженіе дѣломъ, имѣютъ безспорное право предпочитать имя г. Демидова. Но никакъ нельзя обвинять кіевскую думу въ томъ что она по капризу измѣнила свое отношеніе къ его пожертвованію

Digitized by Google

надо помнить приведенную статью, надо помнить, что при прежнемъ условіи реальное училище состояло бы въ распоряженіи города, а теперь оно будетъ въ распоряженіи министерства. Чѣмъ это любопытное дѣло рѣшится: будутъ ли въ Кіевѣ два реальныхъ училища или только одно, и въ такомъ случаѣ, который изъ патроновъ одержитъ побѣду надъ своимъ соперникомъ—П. П. Демидовъ или Петръ Великій—также еще неизвѣстно. Но мы находимъ здѣсь опять фактъ, что общество, сочувствующее реальному училищу, весьма неохотно уступаетъ свое право распоряженія имъ спеціальному вѣдомству.

Тотъ же самый вопросъ представился въ послѣднее время и въ средѣ елисаветградскаго уѣзднаго земства по поводу земскаго высшаго реальнаго училища. Училище это существуетъ уже два года, имѣетъ около 200 учениковъ, изъ всѣхъ сословій: 85 дворянскаго и служащаго, 54 купеческаго, 46 мѣщанскаго и крестьянскаго. Преподаваніе неуспѣло еще установиться и успѣхи учениковъ не были вполнѣ удовлетворительны. Съ этимъ согласны обѣ стороны, между которыми завязалась распря. Распря же произошла оттого, что причины невполнѣ удовлетворительнаго хода дѣла понимаются различно двумя сторонами. Училище имѣетъ педагогическій совѣтъ, директора и правленіе изъ лицъ избранныхъ земствомъ. Устройство и направленіе собственно учебной части зависитъ отъ педагогическаго совѣта. Между тѣмъ директоръ, какъ самостоятельное лицо и членъ правленія, повидимому, не всегда воздерживался отъ односторонняго вмѣшательства, и не пользуясь своимъ правомъ опротестовывать рѣшенія педагогическаго совѣта, просто жаловался на совѣтъ правленію. Возникли личности; въ средѣ правленія одни члены находили, что директоръ неспособенъ, а другіе поддерживали директора и усматривали причину малаго успѣха не въ его неумѣньи поставить себя, а въ какомъ-то недостаткѣ „подчиненности“ со стороны педагогическаго совѣта, и особенно одного изъ его членовъ, учителя русскаго языка. Мы не станемъ входить во всѣ подробности этого дѣла, отражающаго въ себѣ столь обыкновенное у насъ явленіе неумѣнья сдерживаться въ точныхъ предѣлахъ своихъ правъ и обязанностей, изобиліе мелочного самолюбія, неодолимо влекущаго на борьбу, и вмѣстѣ недостатокъ истиннаго сознанія своего достоинства, которое удерживало бы обѣ стороны по крайней мѣрѣ отъ впаденія въ область смѣшного. Въ правленіи составилось большинство изъ трехъ членовъ, въ томъ числѣ предсѣдателя г. Дикова, и меньшинство изъ двухъ членовъ. Большинство устремило свои силы прежде всего на учителя русскаго языка г. Деркачева, котораго подозрѣвало въ присылкѣ корреспонденцій въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“; за недостатокъ подчиненности его не пригласили на сѣ-

Digitized by Google

дующій годъ въ училище, и сверхъ того, въ оффиціальномъ от
правленіе полемизируетъ съ г. Деркачевымъ, прописываетъ ч
пропущенныхъ имъ уроковъ и удостовѣряетъ, что въ дни св
пропусковъ онъ былъ видѣнъ на гуляньи, въ театрѣ и т. п. І
вина отчета посвящена обвиненію уволеннаго уже учителя и у
камъ со стороны трехъ членовъ правленія двумъ другимъ и в
педагогическому совѣту. Увольненіе г. Деркачева и было, такъ
зать, сигналомъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ; между тѣмъ, въ
лищѣ уменьшилось число учениковъ, да и сами учителя очути
въ неловкомъ положеніи, такъ какъ большинство правленія п
заявляетъ, что управленіе „помощію педагогическаго совѣта н
можно“ и хочетъ подчинить все дѣло правленію, то-есть боль
ству его, то-есть предсѣдателю, котораго сторону держатъ два ч
Спѣшимъ оставить въ сторонѣ вопросъ о личностяхъ и устра
его слѣдующими замѣчаніями: болѣе всѣхъ неправъ, очевидно,
предсѣдатель г. Диковъ. Онъ самъ вступилъ въ полемику въ га
съ учителемъ, а между тѣмъ устранилъ учителя въ сущности з
зетныя статьи властью правленія. Съ той провинціальной велер
востью, которая прикрываетъ дрязги примѣненіемъ къ нимъ ни
ненужныхъ и даже вовсе не существующихъ „общихъ вопрос
въ отчетѣ приводится противъ необходимой самостоятельности
дагогическаго совѣта въ учебномъ дѣлѣ такое соображеніе, что „
извѣстно (?) ни одна замкнутая корпорація (?) никогда назнач
своего удовлетворительно не исполняла“, и ставитъ вопросъ:
сколько коллегіальному учрежденію удобно управлять школою“
бывая, что само правленіе есть не что иное какъ коллегіальное
учрежденіе, что предсѣдатель отдѣльно отъ этого учрежденія н
кихъ правъ не имѣетъ, и что если уже полюбилось выраженіе „
кнутая корпорація“, то всего примѣнимѣе оно именно къ правле
въ которомъ три лица хотятъ подчинить себѣ все дѣло руковод
училищемъ, намѣреваясь даже устранить изъ среды этой „корп
ціи“ и директора.

Но вотъ гдѣ личная распря пріобрѣтаетъ уже обществен
интересъ. Толкуя о необходимости, чтобы земское училище упра
лось земскими членами, то-есть правленіемъ, авторы отчета пр
дятъ къ такому заключенію: не слѣдуетъ ли пріобрѣсть для учил
права, то-есть не слѣдуетъ ли просить объ утвержденіи администр
тивнымъ путемъ директора и преподавателей училища? Короче,
необходимости полной свободы для представителей земства уп
лять училищемъ, которое принадлежитъ земству, г. Диковъ и
товарищи въ правленіи вывели предположеніе о томъ, что не с
дуетъ ли отдать училище въ распоряженіе министерства народн

Digitized by Google

просвѣщенія? Само собою разумѣется, что когда директора и учителей будетъ назначать министерство, когда въ училище будетъ введена программа принятая министерствомъ, то „подчиненность" вполнѣ будетъ осуществлена, но только подчиненность не земская. Однако, даже рѣшаясь на такое самопротиворѣчіе, большинство правленія такъ сказать „испускаетъ вздохъ", въ видѣ слѣдующаго замѣчанія: „программа, какъ извѣстно, послужила уже поводомъ къ тому, что мы отказались отъ *правъ*, но тогда предстоялъ выборъ между классицизмомъ и реализмомъ, или лучше сказать выборъ между правами и кускомъ насущнаго хлѣба; теперь же для насъ хотя и не предстоитъ столь рѣзкаго выбора, однако же нельзя не желать, чтобы изданная для правительственныхъ реальныхъ училищъ программа была нѣсколько измѣнена, такъ какъ по ней ученики должны употреблять по 35-ти часовъ въ недѣлю для черченія и рисованія, что по нашему мнѣнію чрезвычайно много. Такимъ образомъ, весь вопросъ сводится къ тому, что *употребляя на черченіе и рисованіе времени больше нежели слѣдовало бы, ученики пріобрѣтаютъ права;* если же взять отъ черченія нѣкоторую часть времени и употреблять его на изученіе *болѣе полезныхъ* предметовъ, ученики *лишаются* правъ, что въ виду всеобщей воинской повинности имѣетъ особенное значеніе". Этотъ послѣдній аргументъ пущенъ авторами въ дѣло вѣроятно потому, что они боялись возраженія насчетъ „куска насущнаго хлѣба", который все-таки лучше правъ. Противъ этого убѣдительнаго „куска хлѣба" и пущенъ аргументъ воинской повинности, который не менѣе убѣдителенъ, по мнѣнію авторовъ, да и едва ли такой разсчетъ былъ въ виду у однихъ только тѣхъ лицъ, которыя въ Елисаветградѣ писали отчетъ о состояніи земскаго реальнаго училища: будете знать черченіе и рисованіе лучше исторіи и русскаго языка— получите льготу въ военной службѣ; будете знать исторію и русскій языкъ лучше рисованія и черченія—служите полный срокъ, наравнѣ съ безграмотными; аргументъ вѣскій. Вопросъ въ томъ: дадутъ ли еще ему оправдаться. Что казенная программа собственно для елисаветградскаго реальнаго училища измѣнена не будетъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; но спрашивается, какъ еще будетъ въ дѣйствительности опредѣлена льгота въ законѣ о военномъ преобразованіи.

Въ виду такого предположенія большинство правленія, которое, чтобы не уступить никому изъ своихъ же земскихъ сотрудниковъ, готово подчинить все дѣло администраціи, одинъ изъ членовъ правленія, къ большинству непринадлежащихъ, г. Зеленый, высказалъ, что по его „глубокому убѣжденію, елисаветградское реальное училище (реальная гимназія)—какъ было *земскимъ*, такъ и должно имъ

Digitized by Google

остаться, по программѣ средне-учебнаго, *общеобразовательнаго* заведенія. Такимъ желало его имѣть земство, ходатайствуя о разрѣшеніи открытія, такимъ оно открылось, привѣтствуемое общественнымъ мнѣніемъ, такимъ должно и оставаться". Что же касается вѣскаго аргумента о правахъ въ виду воинской повинности, то г. Зеленый основательно замѣчаетъ, что „еще самыя условія льготы неизвѣстны, и что пока не обнародованъ законъ объ этой повинности, нѣтъ нужды задавать праздные вопросы и въ виду предполагаемаго только ихъ разрѣшенія ломать то, что такъ недавно построено и съ такимъ трудомъ". Для защиты своего мнѣнія, г. Зеленый издалъ брошюру подъ названіемъ: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи елисаветградскаго земскаго высшаго реальнаго училища", въ которой помѣстилъ и отчетъ подписанный большинствомъ правленія и всѣ относящіеся сюда документы.

Для разбора распри земство уже однажды назначало коммиссію, въ которой вопросъ, несмотря на рядъ шахматныхъ ходовъ пѣшками, не разрѣшился согласно желанію большинства, потомъ новую коммиссію; наконецъ, 10-го декабря должно было происходить особое собраніе уѣзднаго земства для обсужденія этого дѣла. Сдавая эти страницы въ наборъ, мы еще не знаемъ, чѣмъ дѣло кончилось, и предоставлены ли цѣлыя поколѣнія учениковъ на занятіе черченіемъ и рисованіемъ „болѣе, чѣмъ слѣдовало бы", изъ-за того собственно, что между гг. Диковымъ и Деркачевымъ происходила газетная полемика, въ которой первый, должно быть, не сознавъ себя достаточно сильнымъ, такъ какъ пришелъ къ заключенію, что „нужно власть употребить".

ПОВАЛЬНОЕ ПЬЯНСТВО И МѢРЫ ПРОТИВЪ НЕГО.

Я прибѣгаю къ предисловію не для того, чтобы доказывать, въ чемъ всѣ давно согласны, не для повторенія общихъ мѣстъ „о вредѣ пьянства" и о „пагубной склонности нашего народа къ пьянству". Со временъ Ивана III и до настоящаго времени періодически раздаются возгласы о пьянствѣ нашего народа, и издаются соотвѣтствующіе имъ указы и постановленія. За послѣднія девять-десять лѣтъ, т.-е. со времени уничтоженія откуповъ, вопросъ объ искорененіи пьянства, сѣтованія на ужасающіе его размѣры стали одною изъ излюбленныхъ темъ нашей періодической печати. Въ настоящее время споровъ по существу дѣла нѣтъ. И печать, и земство, и гу-

Digitized by Google

бернаторы,—всѣ единогласно рѣшили: пьянство настолько сильно развивается, что мѣшаетъ успѣхамъ народнаго развитія въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, и на этомъ пути отечество чуть не въ опасности.

За то, насколько всѣ согласны въ необходимости принять мѣры къ искорененію этого общественнаго зла, настолько всѣ разногласны въ выборѣ предполагаемыхъ мѣръ. Нѣкоторыя изъ предложенныхъ мѣръ однако были приняты: такъ, напримѣръ, увеличенъ размѣръ акциза съ спирта и вина и уменьшенъ съ пива и меда; увеличенъ размѣръ патентнаго сбора; установлены нѣкоторыя ограниченія по открытію питейныхъ заведеній; установлены правила объ устройствѣ этихъ заведеній и т. п., но принятыя мѣры не произвели желаннаго дѣйствія, пьянство не ослабѣло, почему общественное мнѣніе, какъ неудовлетворенное, продолжало и продолжаетъ заботиться объ изысканіи болѣе дѣйствительныхъ мѣръ. Такъ, въ 1870-мъ году появилась брошюра А. П. Шипова, подъ заглавіемъ: „Наше земство и наша винно-акцизная система", предлагающая уничтожить настоящую акцизную систему и возвратиться къ временамъ питейно-откупного коммиссіонерства, причемъ роль откупщиковъ поручается земству. Я не думаю, чтобы такое несостоятельное предложеніе, даже поддержанное, какъ видно изъ брошюры А. П. Шипова, Обществомъ содѣйствія промышленности и торговлѣ, а также земскими дѣятелями и органами, могло оставить по себѣ какой-нибудь слѣдъ, кромѣ брошюры. Но я совсѣмъ другого мнѣнія о тѣхъ началахъ, для установленія которыхъ А. П. Шиповъ такъ радушно предлагалъ услуги земства. Я, впрочемъ, уже говорилъ, что по этому вопросу всѣ согласны. Насколько ясно А. П. Шиповымъ изложены эти начала, настолько неясны, говоря скромно, его доводы, а именно, что предлагаемыя имъ мѣры приведутъ къ желаннымъ результатамъ. Одновременно съ брошюрою г. Шипова появилась брошюра Д. Димана, о вліяніи нашей винно-акцизной системы на нравственность и благосостояніе народа. Кромѣ того, въ періодической печати и почти въ каждомъ земскомъ собраніи продолжаютъ возвышаться голоса противъ этого всѣми признаннаго народнаго недуга; наконецъ, прошлымъ лѣтомъ, при судебномъ разбирательствѣ въ С.-Петербургѣ по обвиненію одного изъ прусскихъ подданныхъ въ покушеніи на поджогъ, обнаружилось, что этотъ индивидуумъ, сдѣлавшій попытку покушенія на поджогъ съ цѣлью, подвергнувъ себя аресту, избѣжать угрожавшей ему голодной смерти, былъ авторомъ брошюры: „О мѣрахъ противу распространенія пьянства", гдѣ онъ между прочимъ, въ видахъ уменьшенія его, совѣтовалъ завести книжки по 365-ти листовъ и продавать ихъ въ казначействахъ; каждому дню въ году принадлежитъ особый ли-

Digitized by Google

стокъ, за который и только въ соотвѣтствующій день владѣлец книги можетъ пріобрѣсть изъ питейнаго заведенія не болѣе штоф Въ приведенномъ примѣрѣ меня интересуетъ не наивность сам мѣры, а то, что иностранецъ, ради спасенія жизни рѣшающійся по вергнуть себя уголовному преслѣдованію, наканунѣ пробуетъ св счастье на литературномъ поприщѣ и темою избираетъ нашу н родную болѣзнь, и понятіе сложившееся у него о гомерическ размѣрахъ нашего пьянства, если онъ, въ видахъ уменьшенія е предлагаетъ вышивать ежедневно не болѣе одного штофа или ведеръ въ годъ. Иностранецъ, также какъ и А. П. Шиповъ, поня что дѣло не въ томъ, *сколько* народъ пьетъ, а *какъ* онъ пьетъ; не понимая, какими путями предлагаемые А. П. Шиповымъ земск коммиссіонерные складчики, кабаки, харчевни, черные и бѣлые тра тиры съ вольною въ нихъ продажею вина, помогутъ въ этомъ, прибѣгаетъ къ радикальной мѣрѣ, запретить вынивать въ день б лѣе штофа, справедливо полагая, что и это количество совершен достаточно удовлетворитъ потребность самаго здороваго человѣка.

Приведенныя предложенія А. П. Шипова и автора-иноземца д статочно и совершенно наглядно удостовѣряютъ въ разнообраз предлагаемыхъ мѣръ. Но, несмотря на легіонъ предложеній край разнообразныхъ, задача вызвавшая ихъ такъ и осталась не рѣше ною. Эта неудача не должна насъ останавливать, напротивъ, о должна насъ побуждать искать другихъ мѣръ и не давать намъ поко пока мы не рѣшимъ задачи или не найдемъ ключа къ ея рѣшени Всякое предложеніе, какъ бы оно ни было мало практично, долж быть выслушано. Дѣло общее; послѣдствія его одинаково тяже ложатся на всѣхъ.

Приводя предложеніе о книжкахъ въ 365 штофовъ, я не дума надъ нимъ глумиться; авторъ дѣйствовалъ честно и предлагалъ мѣр которая, по его крайнему разумѣнію, должна была привести къ цѣл Пусть каждый поступитъ также, и, быть можетъ, между тысячам средствъ найдется одно или нѣсколько дѣйствительныхъ, за которы потомство скажетъ спасибо.

Каждый предлагающій мѣру вправѣ надѣяться, что имен его предложеніе и послужитъ дѣлу, потому что иначе, конечно, не стоитъ ее предлагать; но далеко не каждый, даже предлагающ дѣйствительное средство, можетъ разсчитывать на успѣхъ; разочар ванные, которымъ конечно не будетъ числа, да утѣшатся тѣм что и по этому общественному вопросу они сдѣлали все, что съумѣл утѣшенный заранѣе и неудачею, я рѣшаюсь приступить къ изл женію мѣръ, которыя не мечтаютъ объ искорененіи пьянства, только о противоборствѣ ему. Искоренить пьянство можетъ толь

Digitized by Google

олгое время, съ помощью мѣръ ослабляющихъ пьянство. Дѣйстви-ельною мѣрою къ ослабленію пьянства, безспорно, служитъ распро-граненіе въ массѣ народа нравственнаго и экономическаго развитія, о такъ какъ это развитіе подрывается пьянствомъ, или самое ьянство служитъ ему помѣхой, то должны быть приняты мѣры, на-равленныя противу средствъ, способствующихъ пьянству.

Въ основаніе проектируемыхъ мною мѣръ, приняты слѣдующія оложенія:

1) Народъ пьянствуетъ болѣе въ кабакахъ, нежели дома, гдѣ нъ сдерживается присутствіемъ семьи.

2) Запрещеніе продажи въ кабакахъ чаю и вообще горячихъ за-усокъ усиливаетъ пьянство.

3) Отсутствіе въ кабакахъ пива тоже вліяетъ на увеличеніе ьянства.

4) Высокая цѣна патентовъ и сопряженныхъ съ ними сборовъ, ысокая цѣна квартиръ для кабаковъ или платы за право питей-ой продажи, соединенныя съ запрещеніемъ торговать чѣмъ-либо нымъ, необходимо побуждаютъ виноторговцевъ къ различнаго рода бманамъ въ ущербъ ихъ потребителямъ.

5) Продажа неочищеннаго вина и слабыхъ низкаго сорта водокъ игіенически вредна и способствуетъ скорѣйшему опьяненію.

6) Запрещеніе при составленіи мірскихъ приговоровъ объ отдачѣ ому-либо правъ питейной торговли выговаривать за то плату, въ йствительности нигдѣ не соблюдается.

На основаніи этихъ положеній, справедливость которыхъ едва ли ожетъ быть отвергаема, я рѣшаюсь предложить три мѣры: a) введе-іе въ продажу *простого* пива; b) реформу питейныхъ заведеній, съ ѣлью уменьшить представляемый ими нынѣ соблазнъ, и c) запре-ценіе продажи неочищѣннаго спирта и водокъ низкихъ сортовъ.

I.

Введеніе въ продажу простого пива.

Всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что, вслѣдствіе существующихъ ак-изныхъ постановленій и дозволенія крестьянамъ на храмовые празд-ики, свадьбы и помоги во время полевыхъ работъ варить пиво езакцизно, въ продажѣ простого легкаго пива не существуетъ. акже не безъизвѣстно, что крестьянами вываривается пиво очень урного качества и что оно не только не служитъ къ развитію резвости, не замѣняетъ вина, а напротивъ, еще сильнѣе побуждаетъ рестьянина выпить его, такъ какъ на праздникахъ или свадьбахъ ьютъ пиво въ громадномъ количествѣ, и подгулявшій дома, или

Digitized by Google

въ гостяхъ, крестьянинъ идетъ довершить свое опьяненіе въ кабак
Между тѣмъ, хорошее пиво, представляя собою здоровый и пит
тельный напитокъ, при умѣренномъ употребленіи, войдя въ наро
ныя привычки, можетъ и должно уменьшить кругъ неумѣренны
потребителей водки. Боязнь, что привычка къ пиву можетъ умен
шить акцизный доходъ съ спирта, по меньшей мѣрѣ, неосновательн
во-первыхъ, потому, что при уменьшеніи потребленія спирта и п
увеличивающемся народномъ благосостояніи, увеличеніе размѣра а
циза будетъ возможно и легко покроетъ дефицитъ, могущій образ
ваться при уменьшеніи количества потребленія; во-вторыхъ, пото
что извѣстно, что трезвый состоятельный человѣкъ, употребляя ум
ренно водку, выпьетъ ее гораздо болѣе, нежели пьяница, и въ-трет
ихъ, потому, что тоже неопровержимо, что пьетъ водку карманъ,
не желудокъ; слѣдовательно, чѣмъ толще будетъ карманъ у народ
тѣмъ болѣе гарантій въ прочности акцизнаго дохода, и наконец
въ хозяйствѣ не такъ важенъ родъ дохода, лишь бы самый доход
былъ больше, а главное вѣренъ; вѣрнѣйшій же доходъ тотъ, кот
рый дѣлится на бо́льшее число вѣтвей. При существующей нын
акцизной системѣ, не только размѣръ акциза, но и притомъ, гла
нымъ образомъ, формальности, соединенныя съ пивовареніемъ, н
примѣръ, взносъ впередъ акциза, взятіе на каждую варь пива ос
баго разрѣшенія и т. п., не могутъ не вліять губительно на развит
выдѣлки простого пива, котораго, впрочемъ, акцизный уставъ н
имѣлъ въ виду, такъ какъ уставомъ предоставлено въ деревнях
безакцизное вареніе пива и браги въ корчагахъ и копилахъ дл
домашняго обихода, съ тѣмъ однакоже, чтобы для сего не бы
возводимо особыхъ постоянныхъ построекъ, чтобы вываріваемое пив
не было выпускаемо для распитія въ другихъ деревняхъ, и чтоб
пивовареніе въ котлахъ производилось только для храмовыхъ празд
никовъ, для свадебъ и помочей во время полевыхъ работъ.

Изложенное узаконеніе, дозволяющее въ деревняхъ приготовлені
пива и браги безакцизно, покровительствуетъ старинному обычаю
Но есть ли надобность въ подобномъ покровительствѣ; существуютъ л
тѣ условія, въ силу которыхъ возникъ и держался этотъ обычай
Кто жилъ въ деревнѣ, кто знакомъ съ нею, тотъ не обинуясь под
твердитъ, что обычай этотъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе ис
чезаетъ; пиво продолжаютъ еще варить, но качество и количеств
вываріваемаго пива годъ отъ году слабѣютъ; если крестьяне н
перестаютъ на праздники и свадьбы варить пиво, то отчасти из
нежеланія нарушить первому дѣдовскій обычай, отчасти по потреб
ности въ пивѣ и неимѣнію его въ продажѣ. Явись законъ, запре
щающій домашнее приготовленіе пива, крестьянинъ не будетъ им

Digitized by Google

собенно пораженъ, такъ какъ законъ не принесетъ ему особыхъ
ишеній, въ особенности если ему будетъ доставлена возможность
окупать дешево здоровое и хорошо приготовленное пиво. Не под-
ежитъ сомнѣнію, что обычай приготовлять пиво домашнимъ спо-
обомъ возникъ еще въ тѣ времена, когда сельскіе жители по
еобходимости, вытекавшей изъ условій сельской жизни, довольт-
твовались только продуктами своей земли и мѣстными издѣліями
зъ нихъ.

Въ настоящее время этихъ условій нѣтъ; освобожденіе крет-
тынъ, улучшеніе путей сообщенія, ежегодно строящіеся по тыся-
амъ верстъ желѣзные пути, внесли новый духъ въ сельскую жизнь;
азрушивъ старыя, создали новыя условія его быта; нынче поселя-
инъ уже недовольствуется собственными издѣліями, онъ уже при-
ыкъ для своего обихода покупать много такихъ предметовъ, въ
оторыхъ прежде не нуждался. Посмотрите теперь деревню: въ
ѣдкой изъ нихъ вы не найдете лавку или двѣ, а чуть побольше
ело и на бойкомъ мѣстѣ—насчитаете ихъ и съ десятокъ. Словомъ,
оселянинъ нынѣ привыкъ къ куплѣ и продажѣ, и пиво, которое
нъ дома варитъ, онъ уже оцѣниваетъ на деньги, ему извѣстна
ѣна, за которую онъ могъ бы сбыть ячмень, изъ котораго выва-
аетъ пиво; сверхъ того ему часто случается даже покупать этотъ
родуктъ; во всякомъ случаѣ, при настоящихъ условіяхъ сельскаго
озяйства, домашнее приготовленіе пива не представляетъ поселя-
ину особыхъ выгодъ и стбитъ если не прямымъ, то косвеннымъ пу-
емъ денегъ. Пока трудъ поселянина цѣнится дешево, а женскій,
ь зимнее время года, вовсе не цѣнится, конечно, домашнее при-
отовленіе пива обойдется дешевле покупного, но въ дѣйствитель-
ости выгода домашняго приготовленія пива болѣе чѣмъ сомни-
ельна и, по моему мнѣнію, только кажущаяся. Платя дороже за
окупное пиво, поселянинъ, во-первыхъ, избавленъ отъ риска при
еудачной вари пива; во-вторыхъ, вслѣдствіе усиленія запроса на
чмень для пивоваренныхъ заводовъ, сбываетъ дороже не только
отъ ячмень, который бы онъ употребилъ на пиво, но и все коли-
ество предназначенное для сбыта; оба эти послѣдствія могутъ воз-
аградить поселянина за большій расходъ при покупкѣ готоваго
ива, если принять во вниманіе способы домашняго приготовленія
го, неизбѣжно связанные съ излишнею затратою матеріаловъ и
астымъ рискомъ приготовить никуда негодное пиво.

Наконецъ, развитіе пивоваренаго производства внесетъ новую
ѣстную промышленность, увеличитъ сбытъ продуктовъ на мѣстѣ и
ожетъ повліять на улучшеніе скотоводства, а съ нимъ вмѣстѣ
лучшитъ земледѣліе. Послѣ всего этого, мнѣ кажется, нельзя от-

Digitized by Google

ставать обычай, пережившій условія его установившія и тѣсно связанный съ преданіемъ о лаптяхъ.

На основаніи того я считаю возможнымъ предложить: *a*) уничтожить право безакцизнаго приготовленія пива и сусла, какими бы то ни было домашними способами, и *b*) разрѣшить устройство пивоваренныхъ заводовъ для приготовленія простого пива, браги и сусла.

По послѣднему предложенію я считаю необходимымъ разъяснить слѣдующія положенія:

Должны ли быть постановлены отличія между пивоваренными заводами, приготовляющими пиво высшихъ сортовъ и выдѣлывающими только пиво-брагу, и въ чемъ оно должно заключаться?

Кому слѣдуетъ предоставить право учрежденія заводовъ для простого пива?

Должны ли подобные пивоваренные заводы подлежать патентному и акцизному сборамъ, и если должны, то указаніе размѣра ихъ?

Если заводы эти будутъ подлежать платежу акциза, то указать правила въ огражденіе интересовъ казны.

Наконецъ, необходимо указать правила для продажи простого пива.

1. *Отличія между пивоваренными заводами высшихъ и низшихъ народныхъ сортовъ* должны быть строго опредѣлены, чтобы оградить интересы заводчиковъ, выдѣлывающихъ высокіе сорта пива и платящихъ за него соразмѣрный акцизъ.

Чтобы указать, какія должны быть отличія, слѣдуетъ имѣть въ виду цѣль установленія заводовъ, выдѣлывающихъ простое пиво, а также мѣстность, гдѣ устроиваются такіе заводы, размѣры ихъ и различіе въ способахъ выдѣлки того и другого сорта пива. Цѣль установленія заводовъ для простого пива—доставить одному *сельскому* населенію простой и здоровой напитокъ; а главное различіе въ способѣ приготовленія простого или высшаго сорта составляетъ броженіе, которое при вываривайіи высшихъ сортовъ пива несравненно продолжительнѣе и требуетъ отъ 7 до 14 и болѣе дней. Принимая всѣ эти основанія, слѣдовало бы: 1) разрѣшить повсемѣстно устройство пивоваренныхъ заводовъ съ простымъ пивомъ, за исключеніемъ городовъ. 2) Установить, чтобы при подобныхъ заводахъ, допускался только одинъ бродильный чанъ, который по истеченіи 24-хъ часовъ, по окончаніи вари, долженъ быть опорожненъ; и 3) ограничить высшій размѣръ ёмкости посуды такихъ заводовъ (т.-е. ёмкость заторнаго чана и пивоваренаго котла). По соображеніямъ, которыя я выскажу при разрѣшеніи третьяго положенія, высшій размѣръ посуды можетъ быть опредѣленъ въ сто ведръ.

Digitized by Google

2. *При разрѣшеніи вопроса: кому слѣдуетъ предоставить право устройства пивоваренныхъ заводовъ съ простымъ пивомъ*, слѣдуетъ имѣть въ виду, кромѣ цѣли устройства подобныхъ заводовъ, еще устраненіе монополіи.

Земство, почти всѣхъ губерній, неоднократно являлось ходатаемъ по принятію мѣръ противъ пьянства; почему можно разсчитывать, что и къ дѣлу устройства пивоваренныхъ заводовъ оно отнесется сочувственно,—почему я полагалъ бы право разрѣшенія устройства пивоваренныхъ заводовъ предоставить земству на извѣстныхъ опредѣленныхъ основаніяхъ.

3. *По вопросу о патентномъ и акцизномъ сборахъ*, я знаю на основаніи собранныхъ мною въ Новгородской губерніи свѣдѣній, что на храмовыхъ праздникахъ, бывающихъ повсемѣстно по крайней мѣрѣ разъ въ году, а въ иныхъ мѣстахъ и болѣе, заготовляется пива отъ 20-ти до 30-ти ведръ на каждаго домохозяина; прибавивъ къ этому количество пива, изготовляемаго на свадьбахъ и помочахъ, можно съ достовѣрностью полагать, что на каждаго домохозяина придется во всякомъ случаѣ не менѣе 20-ти ведръ, или на каждую душу мужескаго пола до 11-ти ведръ. Чтобы провѣрить дѣйствительно ли въ каждой деревнѣ вываривають до 20-ти ведръ на каждаго домохозяина, мною собраны были свѣдѣнія, сколько на каждую деревню вообще въ годъ вываривается пива, причемъ среднее количество оказалось въ 300 ведръ; въ губерніи слишкомъ 9-ть тысячъ деревень, почему общее количество вываріваемаго пива оказывается 2 мильона 700 тыс. ведръ, что на каждую душу составитъ до шести ведръ. Считая и эту цифру слишкомъ высокою, наконецъ, предполагая, что съ запрещеніемъ выдѣлки пива домашній обиходъ его на первыхъ порахъ значительно понизится, я считаю достаточнымъ опредѣлить размѣръ потребленія простого пива по 4 ведра на крестьянина, или 7 ведръ на каждаго домохозяина, или 160 ведръ на каждое селеніе, или на каждаго жителя 1,01 ведра; тогда количество пива, которое потребуется для той же губерніи, составитъ 1 м. 500 т. ведръ; для выварки такого количества слабаго пива потребуется не менѣе 2-хъ м. ведръ посуды (т.-е. заторнаго чана и пивного котла). Принимая во вниманіе громадность территоріи губерніи, слѣдуетъ предположить устроить для выварки пива не менѣе одного завода на волость, т.-е. около 200 заводовъ на губернію; тогда каждый заводъ будетъ употреблять для выварки пива посуды 10.000 ведръ; затѣмъ предположивъ, что заводъ въ теченіи октября, ноября, декабря, января, февраля и марта будетъ работать чрезъ день, и что затѣмъ въ остальное время онъ произведетъ еще 25 заторовъ, оказывается всѣхъ заторовъ—100; почему заводъ въ 100 ведръ при работѣ въ сто дней можетъ совершенно удовлетворить мѣст-

Digitized by Google

ной потребности. Не встрѣчая ничего противъ обложенія патен
нымъ и акцизнымъ сборомъ простого пива или браги, я полагалъ, ч
по справедливости размѣръ акцизнаго и патентнаго сборовъ, въ вид
цѣли введенія этого напитка, долженъ быть возможно ниже; а в
виду пріисканія охотниковъ устроить такіе заводы, вообще всѣ а
цизныя правила и самый размѣръ акцизныхъ сборовъ должны бы
утверждены впередъ по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ, съ ручател
ствомъ, что въ теченіе этого времени никакихъ существенныхъ п
ремѣнъ не произойдетъ.

Возвращаясь къ размѣру акциза, мнѣ кажется, самое удобное в
этомъ случаѣ будетъ принятіе прогрессивнаго увеличенія этого сбор
если казна найдетъ невозможнымъ допустить акцизъ въ 1 или 2 к.
ведра ёмкости посуды; такой акцизъ, предполагая, что въ употреблен
будетъ 2,000,000 ведръ посуды, дастъ по Новгородской губерніи от
20,000 до 40,000 руб. Конечно, увеличеніе пивоваренной промышле
ности потребуетъ увеличенія расходовъ, надзора, но надо полагать, ч
увеличеніе расходовъ надзора по губерніи не достигнетъ и половин
сбора. Если издержки взиманія въ 50% будутъ признаны несосто
тельными, то увеличеніе размѣра акциза можетъ быть допущено пр
слѣдующихъ условіяхъ:

1	и	2	годы	по 1	копѣйкѣ
3	„	4	„	2	„
5	„	6	„	3	„

и начиная съ 7-го года по 4 копѣйки; далѣе этого, въ виду акциз
6-ти копѣекъ на пиво высшихъ сортовъ, идти бы не слѣдовало; пр
4-хъ-копѣечномъ акцизѣ ежегодный доходъ казны, если даже пиво
вареніе не будетъ увеличиваться, по губерніи опредѣлится въ 80,00
руб. Полагая, что потребленіе пива вовсе не будетъ увеличиваться
причемъ каждый житель будетъ потреблять по 1-му ведру, приняв
предлагаемый размѣръ акциза и считая, что каждая копѣйка взимае
мая съ каждаго ведра посуды составитъ на ведро пива акцизъ в
1 1/3 коп., получимъ: что при 70 милл. жителей при акцизѣ 1 ко
съ ведра посуды сборъ достигнетъ 900 тысячъ; при 2-хъ копѣйках
до 1.800,000; при 3-хъ коп. 2.700.000 и при 4 коп. до 3.600.000 ру
Патентный сборъ можно опредѣлить также прогрессивно:

въ	1	и	2	годы	5	коп. съ ведра посуды	
„	3	„	4	„	10	„	„
„	5	„	6	„	20	„	„
„	7	„	—	годъ	30	„	„

причемъ патентный сборъ можетъ дать при 5-ти копѣйкахъ д
42.000 руб. и т. д.; во всякомъ случаѣ въ первые годы патентны

Digitized by Google

оръ долженъ быть самый умѣренный, чтобы избѣгнуть увеличенія
тратъ по первоначальному устройству заводовъ.

4. *При установленіи контрольныхъ акцизныхъ правилъ* слѣдуетъ
араться избѣжать всякихъ напрасныхъ формальностей, сопряжен-
хъ для заводчиковъ съ тратою и гарантировать казнѣ цѣльность
вѣрность поступленія въ казну дохода съ пива.

Въ такомъ случаѣ пивоваренные заводы для выдѣлки простого
ва должны быть устроены такъ, чтобы совокупная ёмкость затор-
го и пивовареннаго котла была не менѣе 50-ти и не болѣе 100
дръ.

Правила относительно описанія, измѣренія и клейменія посуды,
также относительно починки и измѣненій въ посудѣ, установлен-
я для пивоваренныхъ заводовъ, выдѣлывающихъ высшіе сорта пива,
гутъ примѣняться и къ пивовареннымъ заводамъ для выдѣлки
остого пива, съ тою разницею, что описаніе и измѣреніе посуды
жетъ быть произведено и однимъ должностнымъ лицомъ акциз-
го управленія.

На варепіе простого пива могутъ быть употребляемы: солодъ,
есъ, хмѣль и прочіе припасы, по усмотрѣнію самихъ заводчиковъ,
тѣмъ однако, чтобы припасы были свѣжіе и добротные и чтобы
было вредной для здоровья примѣси.

На производство одной вари, включая сюда время приготовленія
суды къ вари и время потребное для очистки посуды послѣ вари,
жно назначать 24 часа, т.-е., отъ снятія печатей съ пивова-
ныхъ котла и заторнаго чана, до наложенія вновь на ту же по-
у печатей, должно протечь времени не болѣе 24-хъ часовъ.

Заводчикъ, желающій производить пивовареніе, обязанъ наканунѣ
сдѣланія вари пива, въ имѣющейся у него на заводѣ, выдавае-
й отъ акцизнаго управленія на каждый мѣсяцъ, талонной затор-
й книгѣ вписать какъ на талонѣ, такъ и на дубликатѣ его всѣ
жныя свѣдѣнія.

Талонъ вырѣзывается и вывѣшивается на видномъ мѣстѣ на
одѣ.

Заводчикъ, въ назначенный имъ для начала вари часъ, въ при-
ствіи пивовара снимаетъ печати съ заторнаго чана и пивоварен-
го котла, и о снятіи печатей отмѣчаетъ на оборотѣ дубликата и
онной пивоваренной книги. По окончаніи же вари, т.-е. чрезъ
часа, заводчикъ изъ другой талонной посудной книги, выда-
мой ему акцизнымъ управленіемъ на одинъ годъ и долженствую-
й постоянно находиться на заводѣ и быть припечатанной акциз-
мъ надзирателемъ къ одной изъ внутреннихъ стѣнъ завода, вырѣ-
ть листки для опечатанія заторнаго чана и пивоваренаго котла;

Digitized by Google

вписываетъ въ оставленныхъ для сего на листкахъ пробѣлахъ: мѣсяцъ, число и часъ опечатанія каждой посуды, затѣмъ листки эти, способомъ указаннымъ акцизнымъ управленіемъ, припечатываетъ къ посудѣ. На оставшихся дубликатахъ прописываются тѣ же свѣдѣнія. Дубликаты и талоны утверждаются подписью заводчика или его повѣреннаго и пивовара, причемъ часъ и число должны быть обозначены прописью.

Само собою разумѣется, что при непрерывномъ, т.-е. ежедневномъ производствѣ варей пива, нѣтъ надобности опечатывать посуду; но въ такомъ случаѣ часъ начала новой вари долженъ совпадать съ часомъ окончанія предыдущей.

Непроизводство одной или нѣсколькихъ объявленныхъ числа варей ни въ какомъ случаѣ не избавляютъ заводчика отъ платежа въ казну установленнаго акциза.

Подобными правилами достаточно гарантируется цѣльность дохода, и онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ не представляютъ для заводчика затрудненій.

Правилъ о продажѣ съ заводовъ простого пива или браги на вынось, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ никакихъ устанавливать. Чѣмъ болѣе въ этомъ отношеніи будетъ предоставлено свободы, тѣмъ болѣе можетъ развиваться пивоваренье.

Но найдутся ли у насъ охотники устроивать подобные заводы? И если на первыхъ порахъ такіе и найдутся, то можно ли быть увѣреннымъ въ сбытѣ пива и въ дальнѣйшемъ развитіи пивоваренія?

Первый вопросъ, мнѣ кажется, зависитъ отъ земства. Если среди земства предлагаемая нами мѣра встрѣтитъ симпатію и земство охотно приметъ въ ней участіе, то нѣтъ сомнѣнія, охотниковъ найдется достаточно, тѣмъ болѣе, что незатѣйливое устройство небольшихъ пивоваренныхъ заводовъ обходится недорого и во всякой мѣстности, гдѣ есть вода, сподручно. Недостатка въ пивоварахъ тоже не можетъ быть, въ виду извѣстности и несложности пріемовъ пивоваренія; но и этому горю, еслибы оно встрѣтилось, а также самому устройству пивоваренныхъ заводовъ могутъ помочь популярныя руководства, по изданію которыхъ правительство можетъ назначить конкурсъ. Но заводы, положимъ, устроются: будетъ ли сбытъ пива? Отъ рѣшенія этого вопроса, къ которому я сейчасъ перейду, главнымъ образомъ зависитъ удовлетворительное рѣшеніе перваго вопроса. Будетъ-ли сбытъ пива, т.-е. будутъ ли крестьяне потреблять его? Удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса должно быть основано на цифрахъ, которыми бы опредѣлилось количество пива, нынѣ крестьянами по деревнямъ потребляемаго. Потребленіе пива по Нов-

Digitized by Google

городской губерніи мною принято въ 4 ведра на каждаго крестьянина, или въ 1,01 ведра на каждаго жителя.

Считая масляницу, Святую, Рождество, свадьбы, храмовые праздники, у себя и сосѣдей, продолжающіеся всегда неменѣе трехъ дней, а часто и болѣе, наконецъ, время помочей при полевыхъ работахъ, можно съ увѣренностію minimum числа дней, въ которые крестьянинъ, праздничая, пьетъ пиво, опредѣлить въ 20 дней; отсюда несомнѣнно, что цифра 4 ведра на каждаго крестьянина гораздо ниже дѣйствительности, потому что въ этомъ случаѣ на каждый праздничный день на каждаго крестьянина придется только два штофа, между тѣмъ и до сихъ поръ выпить ведро пива въ одинъ присѣстъ дѣло обыденное; посему я полагаю, что и послѣдующій выводъ средняго количества потребляемаго пива на каждаго жителя по 1-му ведру въ годъ вѣренъ и во всякомъ случаѣ не преувеличенъ.

Домашнее приготовленіе пива требуетъ много времени собственно по проростанію и приготовленію солода, почему крестьяне и потребляютъ его только въ извѣстныхъ случаяхъ, заранѣе ими предвидимыхъ. Понятно, что при существованіи продажнаго пива они будутъ употреблять его чаще, напримѣръ, на именинахъ, крестинахъ, похоронахъ, на посидѣлкахъ, наконецъ, въ воскресные и праздничные дни, почему слѣдуетъ полагать, что количество ежедневнаго потребленія съ введеніемъ продажнаго пива уменьшится, но за то число дней потребленія значительно увеличится, такъ что въ сущности потребленіе пива все-таки увеличится. Въ западной Европѣ производство пива значительно развито и по свѣдѣніямъ, заимствованнымъ у Вагнера и Тенгоборскаго, на каждаго жителя приготовляется: въ Англіи по 5,2 ведръ; во Франціи по 1,70 ведръ; въ Бельгіи по 2,4 ведръ; въ Баваріи 8,6 ведръ; въ Австріи по 2,4 ведръ и въ Швейцаріи по 1,6 ведра пива; самое незначительное потребленіе пива приходится на Францію, богатую виноградниками, и Швейцарію, страну трезвую и умѣренную. Принимая во вниманіе нашъ суровый климатъ, требующій потребленія согрѣвающихъ напитковъ, можно смѣло желать расширенія производительности нашихъ пивоваренныхъ заводовъ до 2-хъ ведръ на каждаго жителя и въ тоже время быть увѣреннымъ, что такое количество потребленія можетъ идти рука объ руку съ самою строгою трезвостью.

Всегда ли въ Россіи разрѣшено было крестьянамъ домашнее безакцизное приготовленіе пива? Нѣтъ. Правда, оно никогда не было прямо запрещено; но разрѣшеніе варить пиво только за явками и съ платежемъ пошлинъ было равносильно прямому запрещенію. Уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ 1654-мъ году послѣдовалъ указъ, которымъ разрѣшалось крестьянамъ варить пиво и медъ въ

Digitized by Google

праздникамъ, свадьбамъ, родинамъ, крестинамъ и родительскимъ днямъ, но за взятіемъ на то явокъ и платежемъ пошлинъ.

Этотъ указъ въ 1696-мъ году былъ подтвержденъ Петромъ I-мъ, распространеніемъ силы его на Сибирь. Имъ же, Петромъ I-мъ, въ 1705-мъ году изданъ указъ, которымъ въ городахъ, пригородахъ и уѣздахъ всѣ сусленые, квасные и уксусные промыслы повелѣно было сдать на откупъ; а въ царствованіе Анны Іоанновны, въ 1730-мъ году, состоялся указъ, запрещавшій продавать подсыченные квасы и бузу, и только со времени Елизаветы Петровны, въ 1749-мъ году, послѣдовало повелѣніе, которымъ разрѣшено было крестьянству, по прежнимъ обыкновеніямъ къ праздникамъ для собственныхъ своихъ расходовъ, варить въ домахъ *пива и браги корчажное.*

При настоящемъ положеніи поселянъ и условіи ихъ быта, указъ о запрещеніи домашняго приготовленія пива не можетъ быть для нихъ тягостнымъ; почему какія-либо опасенія въ этомъ отношеніи невозможны. Но не тѣ условія были въ XVII-мъ столѣтіи; тогда, напротивъ, самыя условія крестьянскаго быта, отсутствіе промышленности, отсутствіе путей, требовали предоставленія имъ права домашняго и безакцизнаго пивоваренія. Но, не взирая на то, изданный указъ просуществовалъ столѣтіе и не вызвалъ со стороны крестьянъ никакихъ активныхъ сопротивленій; пассивныя вѣроятно были, такъ какъ онѣ не могли не быть, что доказывается впрочемъ тѣмъ, что несмотря на то, что со временъ Елизаветы Петровны питейный налогъ постоянно подвергался разнымъ измѣненіямъ, но ни при откупахъ, ни при казенномъ управленіи, право крестьянъ на домашнее безакцизное пивовареніе не было болѣе ни разу нарушено, потому что нарушеніе этого права было бы въ тѣ времена величайшею несправедливостью; но крестьянскій бытъ измѣнился, промышленность годъ отъ году все болѣе и болѣе развивается, крестьянство сжилось съ желѣзными дорогами и успѣшно ими пользуется, почему и условія, создавшія это право и крѣпко и долго державшіяся, стали быстро исчезать; часъ ихъ пробилъ.

II.

Реформа питейныхъ заведеній.

Съ тѣхъ поръ, когда въ царствованіе Бориса вино стало продаваться отъ казны и къ слову „кабакъ“ присоединился эпитетъ *царевъ*, охота пить въ русскомъ народѣ дошла до поразительнаго размѣра, и пьянство стало всеобщимъ качествомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта охота пить и побудила царя Бориса учредить винный налогъ;

Digitized by Google

но нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Костомарова, что царское покровительство кабакамъ могло и должно было увеличить число ихъ посѣтителей. Съ первыхъ годовъ царствованія Михаила Ѳеодоровича появились шайки бродягъ, или воровскихъ казаковъ, какъ ихъ тогда называли. Борьба правительства съ этой вольницею продолжалась почти въ теченіе всей первой половины XVII-го вѣка. Въ ней Стенька Разинъ нашелъ своихъ сподвижниковъ, и она же въ одной современной пѣснѣ названа „кабацкою голью". Я не хочу этимъ сказать, что кабаки породили эту вольницу; но нельзя однако же отрицать, что въ дѣлѣ голытьбы кабаки играли видную роль; въ нихъ голытьба воспитывалась; кабакъ для нихъ былъ школою.

Это значеніе кабака какъ школы, какъ народнаго воспитателя, такъ и осталось за нимъ, съ тою только разницею, что въ настоящее время въ немъ воспитывается не вѣчевая вольница, а пьяницы, лѣнтяи и бродяги; чтобы ослабить вредное вліяніе сельскаго кабака, надо противупоставить ему сельскую школу и, наконецъ, самый кабакъ преобразить въ трактиръ. Хотя отъ преображеннаго трактира еще долго будетъ нести кабакомъ, но если трактиры будутъ устроиваться только въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ школы, то, безъ сомнѣнія, цивилизующее вліяніе и сосѣдство сельской школы мало-по-малу уничтожатъ слѣды кабака, и быть можетъ намъ или близкимъ нашимъ потомкамъ удастся встрѣтить въ сельскихъ трактирахъ: чистоту, опрятныхъ и мирно бесѣдующихъ посѣтителей, быть можетъ, газету и кругомъ ея кружокъ любопытствующихъ. Такая картина несравненно отраднѣе и желательнѣе, чѣмъ тѣ, которыми нынѣ насъ дарятъ кабаки: грязь, безтолковый шумный говоръ, драка, крѣпкія слова и разбитыя лица — это нашъ селѣскій кабакъ, наша народная школа, отвергающая и христіанство и человѣчество. Кабакъ—это разсадникъ народной тьмы и невѣжества; всякому слуху, всякой нелѣпости, пущеннымъ въ ходъ въ кабакѣ, вѣрятъ свято, какъ въ былое время вѣрили у насъ всему печатному. А. П. Шиповъ, въ рѣчи произнесенной имъ въ засѣданіи перваго отдѣленія комитета общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, говоритъ: „что въ кабакъ идутъ или для того, чтобы погулять въ компаніи пьяницъ, или для того, чтобы напиваться въ одиночку безъ всякаго стыда, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Тамъ никто его не остановитъ, никого ему несовѣстно, никто его не осудитъ, напротивъ того, тамъ приглашаютъ, убѣждаютъ пить больше и больше". Словомъ, кабакъ по свидѣтельствамъ современниковъ разсадникъ, воспитатель пьянства и пьяницъ, почему, чтобы нанести ударъ пьянству, надо его направить на кабакъ. Но уничтожить кабакъ въ томъ видѣ, какъ мы его понимаемъ, указы или распоряженія, конечно, не могутъ: ка-

Digitized by Google

банъ уничтожится только тогда, когда нравы нашего простого народа станутъ на такую высоту, что кабакъ въ настоящемъ его видѣ будетъ казаться имъ грязнымъ, то-есть тогда, когда въ кабакахъ не будетъ потребности. Но тутъ опять является дилемма, по справедливости А. П. Шиповымъ названная грозной: съ одной стороны противъ пьянства лучшее оружіе образованіе, зажиточность; съ другой ни то, ни другое не можетъ быть достигнуто безъ денегъ, которыя народъ относитъ въ кабакъ. Какъ развязать этотъ гордіевъ узелъ? Я предлагаю разсѣчь его. Разрѣшите устроивать кабаки или трактиры только тамъ, гдѣ существуетъ сельская школа и дѣйствительная потребность въ нихъ, а плату за право питейной торговли употребляйте на содержаніе школъ. Такъ какъ предлагаемая мѣра повлечетъ за собою ограниченіе мѣстъ питейной продажи, то не трудно предвидѣть возраженія, которыя она вызоветъ; это—возвращеніе къ монополіи и уменьшеніе акцизнаго дохода.

Противъ монополіи въ томъ видѣ, какъ она процвѣтала при откупахъ, существуютъ два средства: 1) свободный, повсемѣстный провозъ вина, 2) свободное открытіе штофныхъ лавокъ и оптовыхъ складовъ, съ продажею на вынось. При нихъ возвращеніе къ блаженной памяти откупамъ немыслимо. Монополисты же, въ рукахъ которыхъ сосредоточено по 100 и болѣе питейныхъ заведеній, существуютъ и теперь. Третій п. примѣч. къ 310-й статьѣ питейнаго устава, по которому приговоры объ отдачѣ питейныхъ заведеній, выданные за деньги или предоставляющіе право питейной торговли исключительно одному лицу, должны считаться недѣйствительными, нигдѣ не соблюдается и, нисколько не мѣшая процвѣтанію нашихъ монополистовъ, наноситъ потерю только интересамъ сельскихъ обществъ, поставленныхъ закономъ въ невозможность отыскивать убытки въ случаѣ нарушеній условій со стороны монополистовъ, весьма обыденныхъ; почему и самая плата, вслѣдствіе ея негласности и обычнаго снаиванья при заключеніи условій, не приноситъ крестьянамъ ни малѣйшей пользы. Въ мартовской книжкѣ прошедшаго года „Вѣстника Европы“, была помѣщена статья мирового судьи В. Н. Назарьева: „Современная глушь“. Вотъ что говоритъ этотъ наблюдатель во-очію о 310-й ст.: „На практикѣ, безграмотность, простота и податливость нашихъ крестьянъ на водку, неутомимая дѣятельность сидѣльцевъ, цѣлыя волости, цѣлыя сотни питейныхъ заведеній, поступившихъ въ исключительное пользованіе и болѣе или менѣе продолжительное распоряженіе одного лица, на основаніи приговоровъ, которыхъ никто изъ крестьянъ не только разъяснить, но даже прочитать не въ состояніи, наконецъ, точно съ неба свалившіяся бочки испорченной воды, продаваемой подъ именемъ бѣ-

Digitized by Google

лосладкой водки, все это, вмѣстѣ взятое, даетъ монополистамъ нашимъ не только выгодную поживу, но превращаетъ для нихъ, и только для нихъ, нашу глухую сторону въ какое-то бездонное золотое дно, изъ котораго черпай, сколько душа потребуетъ". Но кромѣ этого свидѣтельства, кромѣ другихъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ, можно найти много оффиціальныхъ свѣдѣній, убѣждающихъ въ несоблюденіи 3-го п. примѣчанія къ 310-й ст. Вотъ одно изъ нихъ, которое я привожу потому, что оно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. 28-го сентября 1872 года, во второмъ отдѣленіи с.-петербургскаго окружнаго суда, при разбирательствѣ дѣла о бывшемъ волостномъ старшинѣ и о сельскомъ старостѣ, обвинявшихся: первый въ ненаблюденіи за правильностью учетовъ сельскихъ старостъ, и второй въ растратѣ мірскихъ суммъ по своему усмотрѣнію—оказалось, что, изъ числа растраченныхъ суммъ, 445 р. были получены съ крестьянина Петрова, за содержанный имъ кабакъ, и пропиты всѣмъ міромъ въ кабакѣ Петрова. Сколько мнѣ помнится, президентъ американскихъ штатовъ Грантъ, въ одной изъ своихъ рѣчей выразился приблизительно такъ: что самый неудобный законъ долженъ строго и точно выполняться, такъ какъ только тогда онъ скорѣе всего можетъ быть отмѣненъ. Мы воспитаны совсѣмъ въ другихъ правилахъ, и у насъ въ обычаѣ неудобный законъ обходить. Но если уже извѣстно, что такой-то законъ неудобенъ и обходится, то его, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы уничтожать, потому что онъ, не принося тѣхъ результатовъ, ради которыхъ онъ постановленъ, несомнѣнно долженъ давать обратные результаты; что́ мы и видимъ на п. 3-мъ примѣчанія къ 310-й ст. устава о питейномъ сборѣ.

Итакъ, ввести въ узаконеніе плату за право питейной торговли, не значитъ ввести монополію, а только регулировать существующій обычай и учредить контроль надъ гражданскими интересами людей мало или вовсе безграмотныхъ.

Уменьшеніе или увеличеніе числа кабаковъ, какъ не разъ было уже доказано, не состоитъ въ прямой зависимости отъ акцизнаго дохода. Сила акцизнаго дохода въ количествѣ потребленія вина; количество потребленія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ народъ пьетъ умѣреннѣе. Я это сейчасъ постараюсь доказать: въ Россіи жителей 79 милліоновъ; исключимъ изъ нихъ 59 милліоновъ на женщинъ, больныхъ и непьющихъ, и допустимъ, что остальные 20 милліоновъ будутъ потреблять вино умѣренно, не болѣе чарки или $^1/_{100}$ въ день; что́ въ годъ на человѣка составитъ 3,65 ведеръ; на всѣхъ же 73 милліона ведеръ вина въ 40% или 29 милліоновъ ведеръ безводнаго спирта, котораго въ настоящее время выпивается

Digitized by Google

ежегодно не болѣе 25-ти милліоновъ, притомъ водку пьютъ нынче и женщины, и больные и даже дѣти. Наконецъ, въ подкрѣпленіе я сошлюсь на исторію питейнаго налога въ Россіи; въ началѣ XVIII-го столѣтія (1722 г.) выкуривалось и выпивалось вина всего около 2-хъ милліоновъ ведръ или менѣе 1-го милліона ведръ безводнаго спирта, доходъ съ которыхъ едва достигалъ 1-го милліона рублей на ассигнаціи; въ настоящее время выпивается 25 милліоновъ ведръ, доходъ съ которыхъ приноситъ до 150 милліоновъ рублей, т.-е. потребленіе вина было въ 25 разъ менѣе, а доходъ чуть не въ 500 разъ менѣе; если смотрѣть обратно, т.-е. по силѣ дохода заключать о степени трезвости или пьянства въ данную эпоху, то окажется, что наши предки въ XVIII-мъ столѣтіи были самыми трезвыми людьми въ мірѣ; между тѣмъ въ дѣйствительности и въ то время пьянство было сильно развито; уже съ начала XV-го вѣка дари русскіе (Иванъ III, Василій III и Иванъ IV) находили необходимымъ издавать указы и принимать мѣры противъ пьянства. Костомаровъ, повѣствуя о народномъ бытѣ въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ, и указавъ, что пьяницы, пропившіеся до ниточки, размножились, приводитъ разсказъ очевидца, какъ вошелъ въ кабакъ пьяница и пропивши кафтанъ вышелъ въ рубахѣ, но встрѣтивъ пріятеля, воротился снова, пропилъ рубаху и прочія принадлежности и уже вышелъ совершенно голый, но веселый, некручинный, распѣвая пѣсни и отпуская крѣпкія выраженія.

Эти случаи были часты въ Москвѣ и другихъ городахъ; и въ деревняхъ и селахъ, вездѣ можно было видѣть людей упившихся, лежащихъ безъ чувствъ въ грязи или снѣгу.

Разсказъ Костомарова относится къ XVII-му столѣтію, когда доходъ казны былъ еще менѣе, нежели въ XVIII-мъ; но вотъ оффиціальное свидѣтельство XVIII-го столѣтія. Въ именномъ указѣ Петра II-го, отъ 25-го августа 1728 года, приводится донесеніе адмирала Сиверса, о способахъ увеличить въ Кронштадтѣ питейный доходъ, гдѣ между прочимъ выражено: „сборъ питейный весьма умножить возможно, для того, что данныя на работы работникамъ деньги, повидимому, кромѣ третьей части, всѣ остаются въ пропоѣ, по вольнымъ домамъ (т.-е. тайнымъ кабакамъ), также морскіе и сухопутные служители будутъ всегда оное вино и пиво покупать изъ казны, а не изъ винныхъ домовъ, и отъ того данныя на работу деньги, такъ и жалованная, многія возвращаться будутъ въ казну, а не постороннимъ". Еще болѣе можно представить свидѣтельствъ о повсемѣстномъ пьянствѣ въ теченіе нашего вѣка, но мы ограничимся указаніемъ на отмѣну откупа въ 1817 г., посредство котораго, какъ сказано было въ манифестѣ, „оказалось не только неудобно, но даже

Digitized by Google

вредно во многихъ отношеніяхъ, и сопряженнымъ, по существу своему, съ крайнимъ для народа отягощеніемъ", и на представленіе графа Киселева комитету министровъ, послѣдовавшее послѣ ревизіи государственныхъ крестьянъ въ 1836-мъ году.

Въ этомъ представленіи графъ Киселевъ, предлагая мѣры къ ограниченію откупщиковъ въ дѣлѣ *народнаго развращенія*, говоря о повсемѣстномъ пьянствѣ, обѣдненіи, развратѣ, указывалъ, что кабаки стали пристанищемъ мірскихъ сходокъ и судовъ, гдѣ пропивались не только собственныя деньги, но и подати; въ кабакахъ же чинили судъ и расправу и тутъ же пропивали наложенные штрафы. Между тѣмъ, въ 1836-мъ году, доходъ казны достигалъ только 36-ти милліоновъ, т.-е. былъ въ четыре раза менѣе настоящаго; но можно ли отсюда вывести, что и пьянство съ 1836 года учетверилось; фактовъ, свѣдѣній о томъ, какъ нынѣ народъ пьетъ, мы имѣемъ много; но они доказываютъ только то, что положеніе дѣла въ этомъ отношеніи со временъ графа Киселева не измѣнилось, и если измѣнилось, то къ лучшему; напримѣръ, въ числѣ многихъ голословныхъ обвиненій нашего народа въ пьянствѣ, принадлежало также обвиненіе во взяточничествѣ и пьянствѣ его суда; между тѣмъ недавно въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" помѣщены были свѣдѣнія о результатахъ трудовъ коммиссіи, назначенной для ревизіи волостныхъ судовъ; изъ нихъ оказывается, что коммиссія должна была придти къ убѣжденію, „что ходячее мнѣніе о безобразіи волостныхъ судовъ, по меньшей мѣрѣ, крайне преувеличено. Напротивъ, коммиссіи, во время ея поѣздки, попадалось нѣсколько такихъ судовъ, которые правильностью рѣшеній и добросовѣстнымъ отношеніемъ судей къ своему дѣлу могли бы послужить полезнымъ примѣромъ для весьма многихъ представителей провинціальнаго мирового института". Итакъ, между результатами ревизій графа Киселева и настоящею ревизіею, разница оказалась, но разница говорящая скорѣе въ пользу большей трезвости, чѣмъ въ пользу увеличенія пьянства. Стало быть, увеличеніе потребленія вина не вызвало увеличенія пьянства. Приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы согласиться съ тѣмъ, что развитіе пьянства скорѣе можетъ вліять на уменьшеніе количества потребляемаго вина, нежели на его увеличеніе; а такъ какъ при настоящей акцизной системѣ, величина акцизнаго дохода находится въ прямой зависимости отъ количества потребленія, то развитіе трезвости вліять на уменьшеніе акцизнаго дохода не можетъ; скорѣе отъ развитія трезвости можно ожидать увеличенія его, такъ какъ трезвый народъ дѣлается зажиточнѣе и народонаселеніе его увеличивается, т.-е., при трезвости народъ можетъ выдержать болѣе высшій налогъ и увеличивать число платель-

Digitized by Google

щиковъ. Несомнѣнно, что уменьшеніе числа питейныхъ заведеній можетъ и должно способствовать развитію трезвости, что́ однако же, какъ уже доказано, вліять на уменьшеніе акцизнаго дохода не можетъ.

Наконецъ, если доводы мои противъ напраснаго страха уменьшенія акцизнаго дохода, въ концѣ концовъ, окажутся мало убѣдительными, если въ дѣлѣ разрѣженія питейныхъ заведеній будутъ видѣть рискъ, то предлагаемыя мною мѣры могутъ быть введены постепенно, и рѣшить пользу или рискъ ихъ предоставить опыту. Примѣненіе предлагаемыхъ мѣръ встрѣтитъ на практикѣ не мало затрудненій, почему законопроектъ ихъ долженъ быть тщательно обдуманъ. Моимъ дѣломъ я считаю только доказать, что акцизный доходъ не пострадаетъ, и набросать основанія, на которыхъ могутъ быть примѣнены мои предложенія. Вотъ они:

1) Внѣ городовъ питейная продажа распивочно и на выносъ можетъ быть производима только изъ трактирныхъ заведеній и постоялыхъ дворовъ, и только на выносъ изъ оптовыхъ складовъ и штофныхъ лавокъ.

2) Продажа пива, портеру и меду внѣ городовъ разрѣшается изъ поименованныхъ въ 1-мъ п. заведеній и изъ портерныхъ лавокъ, только на выносъ.

3) Трактирныя заведенія могутъ открываться только въ деревняхъ, при волостныхъ правленіяхъ, если тамъ существуетъ школа, съ разрѣшенія волостныхъ сходовъ, съ взысканіемъ платы по договору на содержаніе сельской школы.

Въ волостяхъ, гдѣ, по многолюдности или обширности ихъ района, одного трактирнаго заведенія будетъ мало, открытіе бо́льшаго числа трактирныхъ заведеній, на основаніяхъ вышеизложенныхъ, дозволяется только по особому ходатайству сельскихъ обществъ, съ разрѣшенія уѣздныхъ земскихъ управъ. Причемъ въ ходатайствѣ должно участвовать не менѣе трети обществъ, составляющихъ волость, и въ селеніи, гдѣ предположено открыть трактиръ, должна существовать школа.

4) Постоялые дворы съ питейною продажею могутъ открываться только въ незаселенныхъ мѣстахъ, неиначе какъ на переправахъ, пристаняхъ и на проѣзжихъ дорогахъ, съ разрѣшенія губернскихъ земскихъ собраній; причемъ право открытія постоялыхъ дворовъ принадлежитъ лицамъ на чьей землѣ они открываются, съ платою, однако же, опредѣленнаго уѣздными управами сбора на народное образованіе, причемъ сборъ не долженъ превышать стоимости патентнаго сбора въ казну.

Digitized by Google

Губернскія управы разъ навсегда дѣлаютъ росписаніе тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ предстоитъ необходимость въ постоялыхъ дворахъ, о чемъ и объявляютъ владѣльцамъ земель по принадлежности. Въ случаѣ надобности измѣнить росписаніе, таковое можетъ послѣдовать только съ разрѣшенія губернскаго собранія.

5) Оптовые склады и штофныя лавки открываются лицами по закону имѣющими на то право, съ разрѣшенія владѣльца помѣщеній, или въ собственномъ домѣ, только въ населенныхъ мѣстахъ, гдѣ не менѣе десяти дворовъ и притомъ только въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ помѣщаются или камера мирового судьи, или квартиры мировыхъ посредниковъ и становыхъ приставовъ, или волостное правленіе, съ платою въ пользу народнаго образованія по усмотрѣнію уѣздныхъ земскихъ управъ, не свыше однако же 50% патентнаго сбора.

6) Портерныя лавки должны быть открываемы въ тѣхъ же мѣстностяхъ, какъ и оптовые склады и штофныя лавки, но безъ всякой за то уплаты въ пользу народнаго образованія.

7) Суммы за открытіе питейныхъ заведеній, какъ опредѣленныя приговорами, такъ и взыскиваемыя по стоимости патентовъ, вносятся при покупкѣ патентнаго бланка въ казначейства, въ депозитъ мѣстной земской управы, и суммы эти тѣми управами зачисляются въ число суммъ имѣющихъ спеціальное назначеніе и могутъ расходоваться: опредѣленныя приговорами только на школы въ приговорахъ указанныя, взыскиваемыя же со стоимости патентовъ, только на предметы народнаго образованія вообще въ уѣздѣ.

8) Само собой разумѣется, закономъ должны быть начертаны главные признаки школы; напримѣръ, minimum числа учениковъ, классовъ, особое зданіе или помѣщеніе опредѣленнаго размѣра, съ извѣстными приспособленіями и т. п.

9) Въ виду нравственныхъ цѣлей и рѣзкаго взаимнаго отличія проектируемыхъ сельскихъ питейныхъ заведеній, должны быть выработаны и введены въ законъ правила объ устройствѣ ихъ и торговлѣ въ нихъ.

10) Питейныя заведенія съ продажею только на выносъ и портерныя лавки въ проектѣ предположено разрѣшать только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ представляются удобства надзора за ними. Такой надзоръ, въ видахъ предупрежденія обращенія этихъ заведеній въ кабаки, необходимъ. Съ тою же цѣлью я полагалъ бы расширить право возбужденія дѣлъ, по обвиненію въ неправильной или безпатентной торговлѣ питьями; такое право, по моему мнѣнію, кромѣ полиціи и акцизнаго надзора, должно быть предоставлено еще: мировымъ судьямъ и посредникамъ, волостнымъ старшинамъ и

Digitized by Google

сельскимъ старостамъ, въ предѣлахъ ихъ вѣдомства, земскимъ гласнымъ—уѣзднымъ въ предѣлахъ уѣзда и губернскимъ на всемъ пространствѣ губерніи.

Теперь, въ заключеніе, я позволю себѣ указать насколько дѣйствительна можетъ быть помощь народному образованію, при учрежденіи предлагаемыхъ пошлинъ за право открытія питейной торговли. Для примѣра приведу Новгородскую губернію: въ ней 235 волостей; по числу ихъ допустимъ—235 трактировъ, 300 штофныхъ лавокъ и 40 постоялыхъ дворовъ; если съ каждаго трактира за право торговли будетъ взиматься среднимъ числомъ 500 руб., съ каждаго постоялаго двора по стоимости патента и съ каждой штофной лавки по половинѣ стоимости патента, то получимъ всего слишкомъ 130,000 руб.; въ настоящее же время, новгородское земство тратитъ на народное образованіе въ сельскихъ школахъ менѣе $^1/_3$ этой суммы—около 40,000 руб. Легко можетъ случиться, что при полученіи такой значительной субсидіи, земства сократятъ или даже вовсе прекратятъ свои по этому предмету расходы, что было бы крайне прискорбно; во избѣжаніе этой крайности слѣдовало бы сдѣлать для уѣздныхъ земствъ расходъ на народное образованіе обязательнымъ въ размѣрѣ одной четвертой части получаемыхъ ими субсидій: что въ данномъ случаѣ составитъ всего около 32,000 руб., т.-е. сумму менѣе нынѣ новгородскимъ земствомъ ассигнуемой. Подобное правило, съ одной стороны, побудитъ земство продолжать внимательно относиться къ дѣлу народнаго образованія; съ другой стороны оно устранитъ какъ увеличеніе числа питейныхъ заведеній, такъ и несоразмѣрно высокое требованіе за право разрѣшенія питейной продажи.

Несоразмѣрно высокая цѣна за разрѣшеніе питейной торговли можетъ вынуждать содержателей заведеній на обманъ и другія злоупотребленія.

III.

Запрещеніе продажи неочищеннаго вина и низкопробныхъ водокъ.

Питейный уставъ установилъ обязательную крѣпость вина въ 40% по Траллесу, т.-е. нѣсколько выше прежняго полугара, соотвѣтствующаго 38% Траллеса. Этому правилу подчиняется все вино, выпускаемое изъ подваловъ винокуренныхъ заводовъ и оптовыхъ складовъ; вино же, выпускаемое подъ именемъ разныхъ названій водокъ, обязательной крѣпости не подлежитъ. Почему, чтобы обойти законъ, многіе изъ содержателей оптовыхъ складовъ поспѣшили обзавестись водочными заводами только для фирмы, чтобы

Digitized by Google

подъ его печатями и этикетами выпускать низкопробное вино. Это зло существуетъ почти повсемѣстно и съ каждымъ годомъ принимаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры. Для примѣра, я снова сошлюсь на Новгородскую губернію; въ ней въ 1870-мъ году было водочныхъ заводовъ 18; въ 1871-мъ же—24; на выдѣлку водокъ употреблено было въ 1870-мъ году—26,537 ведръ безводнаго спирта; въ 1871-мъ — 38,625 ведръ; продажа водокъ къ продажѣ вина, въ его первоначальномъ видѣ, въ 1870-мъ году относилась какъ 1 къ 8; въ 1871-мъ же какъ 1 къ 5. Изъ числа 24 водочныхъ заводовъ только 7 приготовляютъ напитки, крѣпость которыхъ въ средней сложности не ниже 40%; всѣ остальные 17 заводовъ приготовляютъ только низкопробное вино и изъ нихъ 5 заводовъ выпускаютъ вина или водки въ средней сложности ниже 35% и одинъ ниже 32%. Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ шнуровыхъ заводскихъ книгъ.

Продавать низкопробную водку дѣло выгодное, потому всякій по всей вѣроятности спѣшитъ разсыропить свое вино и окрестивъ его бѣлосладкой или амурской и т. п. водкой, пускаетъ по-бѣлу свѣту. Дешевый товаръ, хотя бы и гнилой, у насъ въ провинціи все-таки болѣе находитъ покупателей, нежели хорошій, но дорогой. Это вѣрно въ отношеніи большинства потребителей вообще, тѣмъ болѣе вѣрно въ отношеніи крестьянства, постоянно нуждающагося и неразборчиваго на вкусъ. Въ этой истинѣ и въ томъ, что пьетъ не желудокъ, а карманъ, и заключается успѣхъ бѣлосладкой дешевки.

Я не думаю, чтобы доказавъ, что бѣлосладкія и имъ подобныя низкопробныя водки, представляютъ дешевизною своею потребителю соблазнъ, слѣдовало еще доказывать, что существованіе ихъ въ продажѣ усиливаетъ пьянство.

Но на мнѣ лежитъ обязанность доказать, что изгнаніе ихъ не принесетъ ущерба акцизному доходу. Поговорка, что пьетъ не желудокъ, а карманъ, совершенно вѣрна. Казенное ли управленіе, откупщики ли сбираютъ акцизный доходъ, и то и другіе должны стремиться къ возможно бо́льшему опорожненію кармановъ потребителей; но выполненіе этихъ обоимъ имъ присущихъ стремленій, какъ просто для откупщика, такъ сложно для казеннаго управленія. Откупщикъ ничего общаго съ потребителями кромѣ ихъ кармановъ не имѣетъ; чѣмъ болѣе онъ взялъ, тѣмъ лучше онъ выполнилъ свою задачу. Другое дѣло казна, ея задача гораздо шире и сложнѣе; ей также надобенъ возможно бо́льшій акцизный доходъ, но онъ не долженъ истощать народъ, или выражаться въ недоимкахъ по другимъ налогамъ, иначе она теряетъ болѣе, нежели выигрываетъ; откупщикъ

Digitized by Google

впереди себя видѣлъ годъ, четыре, много свой вѣкъ; казна обязана обладать прозорливостью на сотни лѣтъ впередъ, зная, что ея потребности не уменьшатся, а расширятся, почему въ ея выгодахъ беречь народъ отъ пьянства, помогая ему развиваться въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ: чѣмъ болѣе въ этомъ она успѣетъ, тѣмъ болѣе проченъ ея доходъ и тѣмъ болѣе надежды удовлетворить прогрессивно увеличивающіеся расходы казны. Дефицитъ въ акцизномъ доходѣ для откупщика положительный убытокъ; для казны иногда барышъ. У насъ 79 милліоновъ жителей; предположимъ, что изъ нихъ только 40 милліоновъ заняты производительнымъ трудомъ, причемъ каждый изъ нихъ вырабатываетъ въ день 20 коп. и работаетъ въ году всего 200 дней; тогда общая сумма производительности Россіи въ годъ составитъ 1.600 милліоновъ; допустимъ что, вслѣдствіе усиленія пьянства, акцизный доходъ повысился на 10 милліоновъ, чрезъ что въ то же время 10% работъ будутъ не выполнены: будетъ ли въ барышахъ казна, богатство которой находится въ прямой зависимости отъ народнаго богатства? Съ одной стороны, 10 милліоновъ болѣе, съ другой стороны—160 милліоновъ менѣе, такъ что въ дѣйствительности видимый барышъ въ 10 милліоновъ въ сущности представляетъ чистаго убытка въ 150 милліоновъ; или наоборотъ, видимый акцизный дефицитъ — въ сущности можетъ быть результатомъ невидимаго барыша, изъ котораго однако же казна, съ удобствомъ и съ лихвою, можетъ вознаградить свой кажущійся дефицитъ. Теперь кажется ясна задача казеннаго управленія; я ее формулирую такъ: *стремиться къ возможно большему доходу, устраняя однако же всѣ средства, могущія мѣшать народному развитію и вызывая всѣ силы, могущія ему способствовать.* Задача трудная, но при настоящей акцизной системѣ выполнимая. Къ настоящей системѣ Россія пришла путемъ долгихъ и горькихъ опытовъ. Въ началѣ, при установленіи ея при нашей мнительности ко всякимъ реформамъ, при зоркихъ глазахъ откупщиковъ, тогда все еще не вѣрившихъ, что добыча у нихъ отнята окончательно, задача казны ограничивалась только доказательствомъ состоятельности системы въ отношеніи размѣровъ дохода; теперь эта состоятельность доказана блистательно, и казенному управленію единодушнымъ общественнымъ мнѣніемъ указана другая задача: идти рука объ руку съ народнымъ развитіемъ. Мы не думаемъ, чтобы эта задача была менѣе важна, нежели первая; напротивъ, мы увѣрены, что она несравненно важнѣе первой, что она еще болѣе будетъ способствовать нравственному возвышенію акцизной системы и ея исполнителей, и мы убѣждены, что съ нами вмѣстѣ каждый пожелаетъ на этомъ пути акцизному управленію возможно полнаго

Digitized by Google

успѣха. Стало быть, въ тѣхъ случаяхъ, когда казенному управленію будетъ доказано, что существующія акцизныя правила приносятъ нравственный вредъ или способствуютъ усиленію пьянства, тогда въ выгодахъ казеннаго управленія отказаться отъ этихъ правилъ, строго взвѣсивъ предварительно, повлечетъ ли этотъ отказъ за собою убытокъ акцизнымъ доходамъ, и если повлечетъ, то введеніемъ новой мѣры, строго обдуманной, парализовать или вовсе уничтожить предстоящій убытокъ. Въ дѣлѣ изгнанія изъ продажи низкопробныхъ водокъ я не предвижу для казны какихъ-либо убытковъ; несмотря на развивающуюся изъ года въ годъ продажу низкопробныхъ водокъ, общее количество потребленія спирта въ Новгородской губерніи, въ водкахъ и винѣ, остается неизмѣннымъ. Быть можетъ, частное наблюденіе по одной губерніи не оправдается общимъ наблюденіемъ по всей Россіи; тѣмъ не менѣе можно навѣрное предсказать, что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ вмѣстѣ съ увеличеніемъ продажи сѣлосладкихъ водокъ увеличилось и общее потребленіе спирта, такое увеличеніе оказалось незначительнымъ. Но если бы даже мѣра эта могла нанести акцизному доходу ущербъ, то самый способъ примѣненія ея, способъ, который одинъ только и можетъ достигнуть цѣли, въ состояніи вознаградить акцизный доходъ, если бы даже онъ, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, и потерпѣлъ убытокъ, такъ какъ самою раціональною мѣрою будетъ въ этомъ случаѣ установленіе умѣреннаго поведернаго налога съ напитковъ, выпущенныхъ въ продажу съ водочныхъ заводовъ. Налогъ въ 50 коп. на ведро не повліяетъ на количество потребленія напитковъ, продающихся по 10-ти и 20-ти руб. и дороже за ведро, но уничтожитъ торговлю напитками въ 2 р. 60 или 70 коп. ведро, т.-е., уничтожитъ низкопробную, нездоровую дешевку. Второю, палліативною, въ этомъ случаѣ, мѣрою можетъ быть установленіе правила продажи только очищеннаго вина; мѣра эта можетъ быть выполнена закономъ, по которому весь спиртъ, выкуриваемый на заводахъ, прежде сдачи его въ заводскій подвалъ долженъ быть очищенъ механическимъ способомъ, т.-е., посредствомъ костей, угля и т. п.

Обѣ эти мѣры, не только могутъ вліять на уменьшеніе пьянства, но и полезны въ видахъ народной гигіены.

Кромѣ мѣръ, мною здѣсь предложенныхъ, найдется еще много другихъ; но я говорилъ только о такихъ, которыя вытекаютъ изъ акцизныхъ правилъ.

Къ числу солидныхъ мѣръ другого рода, по которымъ въ нашей литературѣ или ничего не было высказано или очень мало, я при-

Digitized by Google

числю: а) изысканіе средствъ къ уменьшенію числа праздничныхъ дней; б) преобразованіе нашихъ ярмарокъ въ городахъ и деревняхъ въ такой видъ, чтобы на нихъ пряники и водка не играли первенствующихъ ролей, чтобы посѣтители ихъ, кромѣ головной боли съ похмѣлья, выносили еще запасъ знаній; чтобы вмѣсто гнилого ситцу и росписныхъ фаянсовыхъ чашекъ крестьяне могли на нихъ покупать предметы улучшающіе ихъ производства или сберегающіе ихъ трудъ. Эти обѣ мѣры, повторяю, очень солидны.

Въ Америкѣ, негоціантъ Альбертъ-Де, руководясь мыслью, что на пьяницъ должно смотрѣть какъ на падшихъ братьевъ, для обращенія которыхъ нужна посторонняя помощь, устроилъ для нихъ пріютъ, который достигъ успѣшныхъ результатовъ: $^2/_3$ всѣхъ туда добровольно поступившихъ совершенно излечились отъ пьянства. Теперь въ Америкѣ такихъ спеціальныхъ пріютовъ три. Въ статьѣ „Больницы для пьяницъ въ Соединенныхъ Штатахъ", помѣщенной въ январьской книжкѣ „Revue Britannique" 1867 года, подробно говорится объ учрежденіи и администраціи этихъ пріютовъ. Отчего бы, по благому примѣру нашихъ заатлантическихъ друзей, не завести и намъ подобные пріюты? Вѣдь существуютъ же дома для умалишенныхъ? По крайней мѣрѣ можно надѣяться, что если бы у насъ образовалось общество, съ цѣлью устройства подобныхъ пріютовъ, то недостатка въ учредителяхъ и членахъ не было бы, и оно было бы поддержано сочувствіемъ всего общества.

Н. Тизенгаузенъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е января 1873.

Окружная реформа въ Пруссіи.—Министерскій кризисъ.—Письмо императора-короля. — Борьба съ католицизмомъ. — Уступки Тьера большинству. — Избирательная реформа въ Австріи. — Испанскія дѣла. — Невольничество въ колоніяхъ. — Посланіе президента Гранта къ конгрессу.

Феодальной партіи въ Пруссіи нанесенъ ударъ, хотя и далеко не смертельный, но тѣмъ не менѣе чувствительный: законъ объ устройствѣ самоуправленія въ округахъ или уѣздахъ прошелъ, подписанъ императоромъ-королемъ и съ 1-го января 1874 года вступитъ въ дѣйствіе, а палата господъ „усилена“ 25-ю новыми членами. Отвергнувъ первоначально проектъ окружной реформы, верхняя палата не только не воспрепятствовала его осуществленію, но еще вызвала такую крайне непріятную ей мѣру, какъ назначеніе новыхъ 25-ти членовъ. „Мы натянули лукъ не по силамъ,—сказалъ въ этой палатѣ графъ Мюнстеръ,—и неудивительно, что стрѣла, которую мы направляли въ нашихъ противниковъ, поразила насъ самихъ“. Окружная реформа непріятна „господамъ“ главнымъ образомъ тѣмъ, что она отнимаетъ у крупныхъ землевладѣльцевъ, у собственниковъ Rittergüter личные голоса (Virilstimmen) и такимъ образомъ заставляетъ ихъ сливаться въ окружномъ представительствѣ со всѣмъ поземельнымъ сословіемъ. Мы уже говорили, что верхняя палата, отвергнувъ окружную реформу, когда убѣдилась, что правительство для приведенія этого закона готово въ самомъ дѣлѣ рѣшиться даже на такую „крайнюю“ мѣру, какъ назначеніе нѣкотораго числа новыхъ „пэровъ“, была сама не рада своей смѣлости. Вожди оппозиціи взяли отпускъ, чтобы не участвовать въ преніяхъ по тому же предмету при сессіи, готовясь же возобновившейся, а между тѣмъ обратили всѣ свои усилія на закулисную борьбу противъ предполагавшагося Pairsschub. Они обѣщали пол-

Digitized by Google

ную покорность, если только эта послѣдняя „чаша минуетъ“ ихъ, но старанія ихъ были безуспѣшны въ томъ смыслѣ, что все-таки состоялось назначеніе новыхъ „пэровъ“, хотя и успѣшны въ томъ смыслѣ, что новыхъ „пэровъ“ назначено было менѣе, чѣмъ сперва предполагалось.

Здѣсь будетъ умѣстно разъяснить, откуда происходитъ выраженіе Pairsschub и насколько удовлетворительны сравненія прусской верхней палаты съ такими же палатами въ Англіи и въ прежнемъ французскомъ королевствѣ. Выраженіе ein Pairsschub есть вольный переводъ выраженія une fournée de pairs, придуманнаго во времена орлеанской монархіи. Назначеніе новыхъ членовъ въ верхнюю палату не въ видѣ королевской милости главамъ знатныхъ фамилій или награды за великія заслуги, а прямо съ политической цѣлью, съ цѣлью имѣть въ верхней палатѣ защитниковъ для правительства, иногда же съ цѣлью просто открыть министрамъ доступъ въ верхнюю палату, практикуется издавна и въ Англіи. Во Франціи при Людовикѣ-Филиппѣ, когда дѣйствіе англійскихъ учрежденій почиталось идеаломъ вполнѣ примѣнимымъ и къ Франціи, правительство воспользовалось и этимъ англійскимъ пріемомъ парламентаризма: назначать новыхъ пэровъ съ цѣлью политической. Но въ Англіи существовала не только палата пэровъ, въ ней существовала въ дѣйствительности и могущественная, независимая аристократія, которой верхняя палата служитъ представительствомъ, между тѣмъ, какъ ни во Франціи, ни въ Пруссіи сословія подобнаго англійской аристократіи не существовало. Вотъ почему и тотъ пріемъ, который въ Англіи по необходимости всегда былъ употребляемъ короною умѣренно, несмотря на безусловное ея право жаловать сколько угодно пэровъ, во Франціи тотчасъ повелъ къ злоупотребленію. Мыслимое ли дѣло, чтобы въ Англіи, всякій разъ, когда верхняя палата отнеслась враждебно къ проекту какого-либо министерства, корона „испекала“ вновь столько пэровъ, сколько было бы нужно для составленія министерскаго большинства? Очевидно, нѣтъ, такъ какъ такое злоупотребленіе возмутило бы могущественное, вполнѣ независимое отъ короны сословіе, аристократію, которой до избирательной реформы 1832 года и въ палатѣ общинъ принадлежало гораздо болѣе половины голосовъ. Во Франціи было не то: пэры были частью главы древнихъ знаменитыхъ фамилій, частью — знаменитости въ разныхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, не только въ политикѣ, но и въ службѣ, въ наукѣ, литературѣ и торговлѣ. Списокъ членовъ французскихъ пэровъ былъ въ самомъ дѣлѣ блестящій; онъ заключалъ въ себѣ имена извѣстныя всему міру или изъ исторіи, или изъ современной жизни. Но никакой самостоятельности, ни однородности

Digitized by Google

такая палата не нужна, и не была органомъ никакой реальной силы, ни ея существующей. Въ собраніе, состоявшее изъ членовъ назначенныхъ правительствомъ, ничто не мѣшало правительству назначать новыхъ членовъ сколько ему было угодно, при малѣйшей надобности. Отсюда и произошла та манера „печь новыхъ пэровъ какъ пироги", которая нашла себѣ названіе въ словахъ une nouvelle fournée de pairs. Эти частыя измѣненія состава палаты сообразно потребностямъ минуты вовсе не представляли, какъ говорилось въ то время, одного изъ тѣхъ восточныхъ пріемовъ, которые представляютъ въ самой Англіи исходъ конституціоннымъ затрудненіямъ. Совсѣмъ напротивъ, этотъ пріемъ во Франціи доказывалъ только, что верхняя палата въ этой странѣ было учрежденіе лишенное смысла, ненужное, если можно было такимъ образомъ лишать его даже и тѣни самостоятельности.

Прусская палата господъ представляетъ опять нѣчто особенное: она не похожа на палату лордовъ, но и несовсѣмъ похожа и на палату пэровъ французской монархіи. Палата господъ состоитъ изъ членовъ частью наслѣдственныхъ, частью пожизненныхъ. Но отъ англійской палаты она отличается настолько, насколько прусское дворянство отличается отъ англійской аристократіи, а отъ прежней французской палаты пэровъ она отличается тѣмъ, что не состоитъ ни изъ историческихъ, ни изъ современныхъ знаменитостей. Имена знаменитыхъ современныхъ заслугами или хотя бы окруженныхъ исторической славою въ ней не наберется и десятой части всего ея состава. Даже сама феодальная оппозиція въ ней не имѣетъ и отдаленнѣйшей мысли управлять въ дѣйствительности судьбою страны. Все свое право на привилегированное положеніе дворянства въ странѣ она основываетъ на такомъ принципѣ, что дворянство было всегда „надежнѣйшею опорою престола". И вотъ, когда ей угрожаетъ мѣра непріятная, она вступаетъ въ борьбу съ этой мѣрой какимъ образомъ? — она идетъ ко двору жаловаться на министровъ. Другого средства для борьбы у нея дѣйствительно нѣтъ. Прусскіе „господа" во всякомъ случаѣ не лорды; но они не совсѣмъ похожи и на французскихъ пэровъ; они совершенно своеобразный, мѣстный продуктъ. Палата господъ получаетъ значеніе только тогда, когда министерству нужно сослаться на нее, чтобы отказывать палатѣ представителей въ исполненіи какого-либо требованія этой послѣдней. Иного значенія прусская верхняя палата не имѣетъ, и когда она начинаетъ упрямиться противъ правительственной мѣры, то она можетъ надѣяться не на что иное, какъ только на долготерпѣніе правительства.

Тѣмъ не менѣе, общественное мнѣніе въ Пруссіи громко требуетъ преобразованія верхней палаты, справедливо считая ее силою вра-

Digitized by Google

дебною развитію общества, хотя сила эта и можетъ быть сильною не иначе, какъ съ допущенія правительства. Общество ненавидитъ палату господъ по воспоминанію о томъ времени конституціоннаго столкновенія (1862—1866), когда эта палата была дѣйствительною силою, потому что служила въ рукахъ правительства орудіемъ для системы реакціи. Но общество отчасти и боится палаты господъ, потому что ожидаетъ теперь осуществленія, вслѣдъ за Kreisordnung, еще нѣкоторыхъ важныхъ мѣръ улучшенія, какъ-то: введенія обязательности гражданскаго брака, предоставленія метрическихъ книгъ въ руки свѣтскихъ властей, новыхъ мѣръ въ борьбѣ съ католическими клерикалами, дальнѣйшихъ преобразованій въ училищномъ дѣлѣ и т. п., и предвидитъ, что изъ палаты господъ возникнетъ и матеріальное замедленіе хода этихъ дѣлъ и нравственное давленіе, посредствомъ двора, на министерство — противъ ихъ осуществленія. Вотъ почему преобразованіе палаты господъ — любимѣйшая тема либеральныхъ партій въ Пруссіи, тема, въ отношеніи которой и «національные» либералы согласны съ либералами настоящими, т.-е. съ прогрессистами. Есть слухъ, что и самъ князь Бисмаркъ считаетъ преобразованіе палаты господъ необходимымъ нынѣ, хотя она ему же, въ періодъ, о которомъ только-что упомянуто, сослужила вѣрную службу. Но дѣло въ томъ, что князь Бисмаркъ задался теперь мыслью о необходимости подавить католическую іерархію въ Германіи, видя въ этой іерархіи единственную дисциплинированную силу, которая можетъ мѣшать видамъ правительства, а отчасти и полному осуществленію самого единства. Палата представителей не воспротивится никакимъ мѣрамъ, направленнымъ противъ клерикаловъ. Но палата господъ можетъ затруднить проведеніе тѣхъ изъ новыхъ мѣръ въ этомъ смыслѣ, которыя, подобно недавно утвержденному законо о правительственномъ надзорѣ надъ училищами, имѣли бы характеръ антиклерикальный вообще, то-есть затрогивали бы и интересы лютеранскаго духовенства.

Какъ бы то ни было, въ ожиданіи преобразованія верхней палаты, либеральныя партіи были готовы удовольствоваться въ настоящее время назначеніемъ въ нее такого числа министерскихъ членовъ, чтобы проходъ ближайшихъ реформъ чрезъ верхнюю палату былъ обезпеченъ. Первое голосованіе по окружной реформѣ показало такое распредѣленіе голосовъ, что для составленія надежнаго министерскаго большинства признавалось нужнымъ „усилить“ палату господъ 40-ка новыми членами. Вождь феодальной оппозиціи г. Клейстъ-Рецовъ и его единомышленники при дворѣ, когда имъ стало извѣстно, что отверженіе окружной реформы верхней палатой прогнѣвило императора-короля, что реформа будетъ немедленно внесена

Digitized by Google

вновь, и что для проведенія ея назначено будетъ нужное число новыхъ членовъ въ палату господъ, сдѣлали все что могли для того, чтобы успокоить и умилостивить власть. Они ручались, что теперь окружная реформа пройдетъ и безъ всякаго назначенія новыхъ членовъ, такъ какъ палатѣ достаточно было убѣдиться, что такова воля короля, преданность которому она ставитъ выше всего. Но притомъ феодалы, хорошо сознавая, что князь Бисмаркъ не такой человѣкъ, чтобы съ нимъ можно было „безнаказанно шутить", знали, что какъ бы правительство ни было теперь убѣждено въ возможности провести свой проектъ и безъ назначенія новыхъ членовъ въ верхнюю палату, оно все-таки не проститъ палатѣ и прежнюю ея выходку и все-таки назначитъ нѣсколько новыхъ членовъ, хотя бы въ видѣ исправительной мѣры наказанія. Вотъ поэтому, напрягая всѣ свои усилія противъ назначенія вообще новыхъ членовъ, феодалы въ то же время допускали мысль, что въ видѣ „сатисфакціи" для себя, пусть правительство и назначило бы новыхъ членовъ человѣкъ десять, но никакъ не болѣе. Итакъ, вопросъ стоялъ между цифрами 40 и 10; назначить 40 членовъ значило—измѣнить составъ палаты въ ожиданіи полнаго ея преобразованія; назначить 10 новыхъ членовъ значило состава палаты не измѣнять, такъ какъ она заявляла покорность, но наказать ее отечески, такъ чтобы она впредь „чувствовала и понимала". Итакъ, здѣсь былъ вопросъ не только о цѣлесообразности (Zweckmässigkeit) того или другого числа, но и нравственный вопросъ о томъ, какимъ образомъ *отнестись* къ органу упрямаго, но преданнаго дворянства. Вопросъ этотъ породилъ разногласія въ самомъ министерствѣ. Министры фонъ-Роонъ и фонъ-Зельховъ полагали, что необходимо полное снисхожденіе; графъ Эйленбургъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, котораго проектъ былъ отвергнутъ палатою, полагалъ, что во всякомъ случаѣ наказать надо, хотя бы отечески. Неизвѣстно, какое мнѣніе было прислано изъ Варцина. Но даже допустивъ, что никакого мнѣнія оттуда прислано не было, и императору-королю и другимъ его совѣтникамъ не могло не быть ясно, что въ Варцинѣ живетъ такой человѣкъ, который никогда въ своей жизни безъ „сатисфакціи" не обходился, и на всякое карательное число готовъ будетъ сказать „*мало* имъ" (noch lange nicht genug). Результатомъ всѣхъ такихъ требованій съ одной стороны, просьбъ съ другой и соображеній съ третьей, былъ слѣдующій пріемъ: взяли крайнія числа 40+10, сложили ихъ, и раздѣлили, въ родѣ того, какъ при казенныхъ подрядахъ выводится средняя сложная цѣна за два года. Вышла цифра 25—и въ Reichsanzeiger появилось назначеніе въ палату господъ 24-хъ новыхъ членовъ.

Digitized by Google

Такимъ среднимъ результатомъ, какъ водится, всѣ остались недовольны. Либеральныя газеты не скрыли своего разочарованія; феодальная „Крестовая“ газета напечатала статью подъ заглавіемъ „Abschied vom Herrenhause“, въ которой прощалась съ палатою господъ въ значеніи независимаго собранія. Министры фонъ-Роонъ и фонъ-Зельховъ заявили желаніе успокоиться отъ понесенныхъ ими трудовъ, т.-е. выдти въ отставку. Затѣмъ, внеся вновь проектъ окружнаго закона въ верхнюю палату, графъ Эйленбургъ категорически заявилъ, что всякое измѣненіе его текста палатою будетъ равносильно вторичному отклоненію закона. Тогда палата господъ, въ засѣданіи 9-го декабря, приняла проектъ безъ измѣненія. При этомъ голоса раздѣлились, если можно такъ выразиться, „*остроумнымъ образомъ*“, что, конечно, зависѣло не отъ одной случайности: за проектъ подано было 116 голосовъ, противъ 91; то-есть проектъ былъ принятъ большинствомъ одного голоса *прежнимъ составомъ* палаты: въ большинствѣ 25-ти заключались голоса 24-хъ новыхъ членовъ и 1 голосъ изъ прежняго состава. Такимъ образомъ, говоря языкомъ феодаловъ, „вѣрная палата, падая подъ нанесеннымъ ей ударомъ, доказала въ то же время, что ударъ этотъ былъ совершенно ненуженъ, что она и такъ приняла бы законъ, что, стало-быть, этой преданной опорѣ ударъ нанесенъ былъ даромъ.“

Во время преній, предшествовавшихъ принятію закона, члены феодальной оппозиціи горько жаловались на этотъ ударъ, который, по ихъ словамъ, „убилъ свободу палаты и оставилъ вмѣсто прежней прусской палаты господъ—*французскій сенатъ*“. Такое сравненіе могло казаться обиднымъ прусской палатѣ, вѣроятно, развѣ только въ нравственномъ, но не въ политическомъ и даже не въ умственномъ отношеніи. Дѣйствительно, въ сенатѣ второй имперіи сидѣли такіе сообщники 2-го декабря, которыхъ просто нельзя было признавать порядочными людьми. Но политическая роль сената мало отличалась отъ роли палаты господъ: онъ, какъ и она, былъ вѣрной опорой и съ непоколебимой преданностью поддерживалъ всѣ реакціонерныя мѣры правительства съ 1852 до 1860 года, точно такъ, какъ палата господъ съ 1862 до 1871 года. Либеральныя же уступки встрѣчали въ сенатѣ съ 1860 и по 1870 годъ всякія затрудненія, точно такъ какъ въ палатѣ господъ съ 1871 года. Въ сенатѣ произносились даже такія оппозиціонныя рѣчи, которыя ужъ никакъ не уступали новѣйшимъ рѣчамъ въ палатѣ господъ. Наконецъ, въ умственномъ отношеніи, сенатъ, въ которомъ были такіе люди какъ Мишель Шевалье и Сентъ-Бёвъ, стоялъ положительно выше уровня гг. фонъ-Клейстъ-Рецова, фонъ-Крёхера и т. д.

За то, самъ монархъ, съ которымъ имѣетъ дѣло палата господъ,

Digitized by Google

самъ императоръ Вильгельмъ I-й, по своимъ личнымъ качествамъ, стоитъ выше всякого сравненія съ тѣмъ цезаремъ, которому служитъ французскій сенатъ. Во время послѣднихъ преній объ окружномъ законѣ, въ прусскихъ газетахъ появилось извлеченіе изъ частнаго письма императора-короля, написаннаго по поводу этой реформы и напечатаннаго въ заграничныхъ газетахъ. Дѣло въ томъ, что старѣйшій изъ членовъ палаты господъ, г. фонъ-Франкенбергъ-Людвигсдорфъ написалъ императору письмо, въ которомъ убѣждалъ его не осуществлять „пагубную“ реформу окружнаго управленія. На это императоръ отвѣчалъ ему тоже письмомъ, которое излагается въ „Кёльнской“ газетѣ такъ: „Императоръ благодаритъ своего корреспондента за его благонамѣренное, откровенное заявленіе, но по зрѣломъ размышленіи убѣжденъ въ необходимости реформы окружнаго устройства. Онъ напоминаетъ, что во времена реформъ Штейна и Гарденберга также не было *при дворѣ* и двухъ человѣкъ, которые не предсказывали бы, что послѣдствіемъ реформъ будетъ паденіе крупнаго землевладѣнія и самого прусскаго государства. Онъ самъ (императоръ) сознается, что въ то время тоже думалъ нѣчто подобное, а теперь убѣжденъ, что *на тѣхъ реформахъ основано все нынѣшнее величіе Пруссіи*. Такъ и при введеніи поземельнаго налога были заявлены (по словамъ императора) опасенія въ томъ же родѣ, и опасенія эти не оправдались. Въ Пруссіи въ настоящее время числится (говоритъ императоръ), если онъ не ошибается, 62,000 чиновниковъ, то-есть полныхъ два армейскихъ корпуса, по военному составу. Всѣ они получаютъ жалованье недостаточное (sind schlecht besoldet) и требуютъ возвышенія своихъ окладовъ. Съ каждымъ годомъ является необходимость все въ бо́льшемъ числѣ чиновниковъ. Вотъ и въ этомъ отношеніи онъ (императоръ) ожидаетъ помощи отъ устройства окружнаго самоуправленія, а потому проситъ г. фонъ-Франкенберга оказать содѣйствіе лично и посредствомъ своихъ друзей къ осуществленію такой реформы“. Письмо это дѣлаетъ величайшую честь высокой добросовѣстности и уму монарха, котораго уже навѣрно никто не заподозритъ въ „увлеченіяхъ“. Это письмо стоило бы начертать золотыми буквами и выставить въ видѣ „зерцала“ во всѣхъ совѣтахъ министровъ, дабы оно напоминало, что если бы правленіе соразмѣрялось съ слухами и предположеніями ходящими при дворахъ, то никакихъ реформъ никогда осуществляемо бы не было, а между тѣмъ на своевременныхъ великихъ реформахъ, подобныхъ тѣмъ, которыя проведены были Штейномъ и Гарденбергомъ, основывается все величіе страны въ будущемъ.

„Прощаніе съ независимостью палаты господъ“—эта тема письменныхъ нѣснопѣній „Крестовой“ газеты, какъ уже сказано выше,

Digitized by Google

послужила и для устныхъ варьяцій въ самой палатѣ. Г. фонъ-Кёхеръ даже изобразилъ въ своей рѣчи такую аллегорію: отъ свободной палаты господъ остались однѣ развалины; на этихъ развалинахъ сидитъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Эйленбургъ и куритъ сигару (sic). Графъ Эйленбургъ, который дѣйствительно сидѣлъ тутъ, хотя и не на развалинахъ, всталъ и напомнилъ, что въ настоящій день онъ „не сигару куритъ", а празднуетъ какъ разъ десятилѣтіе своего исправленія должности министра внутреннихъ дѣлъ, во время котораго ему представились трудныя задачи, неразрѣшимыя иначе, какъ съ консервативной точки зрѣнія, при консервативномъ образѣ дѣйствій, и что, стало-быть, его въ либеральничаньи заподозрить нельзя, а между тѣмъ онъ убѣжденъ, что настало время дать странѣ бо́льшую свободу движенія: „Прусское государство возмужало,—говорилъ министръ:—не думаю, что достаточно будетъ въ томъ платьѣ, которое оказывается слишкомъ узко, только распустить швы; скроимъ ему новое платье (подразумѣвается самоуправленіе) достаточно просторное, чтобы кости и мускулы могли свободно двигаться въ немъ".

Военный министръ Роонъ, авторъ военнаго преобразованія, организаторъ той системы, которая такъ славно оправдалась въ большія войны, предсѣдательствовалъ доселѣ въ совѣтѣ прусскихъ министровъ, по году вступленія своего въ должность (1859). Послѣднія событія расположили его къ желанію успокоиться. Съ нимъ заявилъ такое же желаніе и министръ сельскаго хозяйства фонъ-Зельховъ. Такимъ образомъ, произошелъ отчасти министерскій кризисъ, и въ Берлинѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія князя Бисмарка для разрѣшенія этого дѣла. Бисмаркъ пріѣхалъ 14-го декабря, совсѣмъ поправившись, но вмѣсто того, чтобы прежде всего окончить министерскій кризисъ, наоборотъ — усложнилъ этотъ кризисъ, подавъ императору докладъ объ увольненіи его, Бисмарка, отъ предсѣдательства въ совѣтѣ прусскихъ министровъ. Бисмаркъ, въ самомъ дѣлѣ, заваленъ былъ работою: предсѣдательствуя въ прусскомъ совѣтѣ министровъ, а стало быть болѣе или менѣе входя въ дѣла всѣхъ вѣдомствъ, онъ въ то же время — имперскій канцлеръ, предсѣдательствующій въ союзномъ совѣтѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ въ Пруссіи, министръ управляющій Лауэнбургомъ; сверхъ того, высшему руководству его, въ качествѣ канцлера же имперіи, поручены дѣла управленія въ „имперскихъ земляхъ" Эльзасѣ и Лотарингіи; наконецъ, онъ же спеціально занятъ всѣми вопросами, которые возникаютъ по какому бы то ни было вѣдомству, по поводу борьбы съ католической іерархіею. При такихъ условіяхъ, понятно, что поправленіе здоровья не можетъ быть прочнымъ, и врачи настаивали, чтобы Бисмаркъ отказался отъ нѣкоторой части работы и соединенной съ нею отвѣт-

Digitized by Google

ственности. На докладѣ послѣдовала резолюція, что императоръ готовъ предоставить канцлеру всякое облегченіе, требуемое состояніемъ его здоровья, и затѣмъ появился указъ, которымъ Бисмаркъ уволенъ отъ должности президента совѣта, но оставленъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Пруссіи, съ правомъ даже и по этимъ дѣламъ занимать себя въ засѣданіяхъ совѣта г. Дельбрюкомъ, начальникомъ имперской канцеляріи, но „подъ своей отвѣтственностью“. Предсѣдательствованіе же въ совѣтѣ министровъ возложено на старѣйшаго въ должности министра.

Само собою разумѣется, что оставаясь членомъ прусскаго министерства, канцлеръ, по прежнему, будетъ имѣть на него все то вліяніе, какое ему нужно, то-есть ничего не лишается, а только выигрываетъ болѣе свободы. Досугомъ этимъ, какъ полагаютъ, онъ воспользуется для усиленія борьбы съ католическою іерархіею. Самъ папа, впрочемъ, идетъ навстрѣчу его желаніямъ усилить ходъ этой борьбы, и въ аллокуціи, произнесенной наканунѣ сочельника Рождества, отнесся къ мѣрамъ германскаго правительства съ полнымъ осужденіемъ. Готовность, съ какою слова папы были „подхвачены“ „Сѣверо-германскою“ и „Шпенеровою“ газетами, доказывала, что въ Берлинѣ были рады случаю. Бисмаркъ любитъ доводить всякую борьбу до крайности, и привыкъ одерживать побѣды. Но не надо думать, что онъ всегда былъ правъ доходя именно до крайностей. Въ отношеніи Даніи, Австріи и Франціи онъ дѣйствительно не отступилъ ни шагу назадъ отъ крайней точки, на какую всегда становился. Но то ли же было въ его отношеніяхъ къ парламентаризму? Развѣ онъ осуществилъ въ концѣ концовъ ту крайнюю политическую систему, какую проповѣдывалъ прежде? Нѣтъ; самъ же онъ теперь находитъ, что нужнѣе всего преобразовать палату господъ, а нижней палатѣ принесъ уже въ жертву двухъ министровъ (Линце и Мюлеръ).

Въ настоящее время на него, на того же Бисмарка, который нѣкогда самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергалъ существованіе въ Пруссіи правленія парламентскаго, со всѣми его „фикціями“, либералы возлагаютъ непосредственныя свои надежды. Министерскій кризисъ они считаютъ разрѣшеннымъ теперь только временно увольненіемъ Бисмарка отъ президентства въ прусскомъ министерствѣ, и отказомъ короля принять отставку Роона. За этимъ, говорятъ они, вскорѣ послѣдуетъ образованіе Бисмаркомъ однороднаго, либеральнаго министерства въ Пруссіи. Вотъ какъ отступилъ Бисмаркъ, въ общемъ мнѣніи, отъ прежнихъ своихъ плановъ управленія, которые, стало-быть, онъ самъ долженъ былъ признать неосуществимыми. Въ борьбѣ съ Даніей, Австріей, Франціей Бисмарку не пришлось отказываться отъ крайней точки, на которую онъ становился; онъ осу-

Digitized by Google

ществлять въ ней именно крайнія, послѣднія свои требованія. Почему же въ дѣлахъ внутреннихъ, въ основномъ политическомъ принципѣ внутренняго управленія онъ могъ ошибиться и долженъ былъ отказаться отъ своихъ крайнихъ возврѣній? Потому, что тамъ, гдѣ дѣло рѣшалось матеріальною силой, человѣкъ въ высшей степени практическій, великій дипломатъ Бисмаркъ совершенно вѣрно оцѣнивалъ всѣ наличныя данныя и условія, никакой ошибки не сдѣлалъ и крайняя его точка не заходила за предѣлы дѣйствительной возможности. Но тамъ, гдѣ сущность вопроса имѣетъ характеръ нравственный, вообще въ вопросахъ по преимуществу нравственныхъ, такіе люди какъ Бисмаркъ, несмотря на свою практическую проницательность, способны ошибаться; нравственнымъ условіямъ, общественнымъ стремленіямъ они склонны давать слишкомъ мало значенія и преувеличивать значеніе силы матеріальной въ такихъ дѣлахъ, которыя одной этой силою опредѣлены быть не могутъ. Вспомнимъ, что и Наполеонъ I-й, величайшій мастеръ въ предугадываніи и устройствѣ всѣхъ комбинацій, основанныхъ на матеріальной силѣ, геній, который умѣлъ самыя силы эти возсоздавать какъ бы волшебствомъ, почти всегда ошибался во всемъ, что зависѣло отъ общественныхъ стремленій, отъ силы нравственной и условій, создаваемыхъ ею. И всѣ главныя ошибки Наполеона были именно таковы, что преувеличивая значеніе матеріальной силы, онъ вносилъ ее туда, гдѣ она ничего не рѣшала, отвергая даже всякое содѣйствіе себѣ общественнаго духа.

Если Бисмаркъ теперь сознаетъ свою ошибку по отношенію къ либеральнымъ стремленіямъ прусскаго общества, то это дѣлаетъ, во всякомъ случаѣ, честь его уму. Но за то теперь и въ новой борьбѣ его съ клерикалами, едвали онъ не впадаетъ въ новую ошибку, становясь на слишкомъ крайнюю точку. Въ этомъ дѣлѣ, насколько онъ уклонится отъ принципа Кавура: «свободная церковь въ свободномъ государствѣ», отъ единственнаго вѣрнаго принципа полнаго отдѣленія государства отъ церкви, настолько и ошибется. Государство, отражая всякія покушенія на свои права, къ которымъ всегда неудержимо стремится католицизмъ, не только совершенно право, но и можетъ разсчитывать на вѣрную побѣду, потому что въ дѣйствительности вся сила католическаго ига надъ государствомъ основывалась вездѣ только на слабости, на попущеніи со стороны самого государства. Но свѣтская власть ничего полезнаго для себя сдѣлать не можетъ и никакой побѣды не можетъ себѣ обѣщать, когда вторгается, въ свою очередь, въ область ей совершенно чуждую, начинаетъ признавать одни догматы, а другіе отвергать, требовать, чтобы такое-то богослуженіе непремѣнно совершалось, подъ

Digitized by Google

пасеніемъ свѣтскихъ каръ, или не совершалось, смотря по госу-
дарственнымъ видамъ. На этомъ пути свѣтская власть неизбѣжно
придаетъ своимъ первоначально справедливымъ мѣрамъ противъ
клерикальныхъ захватовъ смыслъ преслѣдованія вѣры и приходитъ,
наконецъ, къ крайне-неловкимъ „необходимостямъ“. Предпринявъ
борьбу съ клерикалами, въ самыхъ церквахъ, придется непремѣнно
кончить *закрытіемъ церквей*. Такъ недавно уже и было сдѣлано въ
Познани. Архіепископъ гнѣзненскій предписалъ особое богослуженіе,
имѣвшее значеніе демонстраціи. Тогда правительство закрыло по
всей Познани церкви, принадлежащія государству. Но на этомъ дѣло
остановиться не можетъ. Ясно, что государство, принявъ мѣру, не
можетъ допустить ослушанія гдѣ бы то ни было. Стало быть, въ
случаѣ новыхъ демонстрацій въ церквахъ придется закрыть и всѣ
католическія церкви, безъ всякаго различія, или допустить, что за-
прещенное въ одной будетъ дѣлаться въ двухъ, въ десяти. Но такъ
какъ ясно, что пока треть населенія Германіи будетъ держаться
католицизма, церкви этого исповѣданія не могутъ оставаться за-
крытыми, несмотря на то, что у правительства есть достаточно ма-
теріальной силы, чтобы держать ихъ закрытыми, — то изъ этого
слѣдуетъ, что отъ крайности самому правительству въ концѣ кон-
цовъ придется отказаться и, стало-быть, сознаться въ своей ошибкѣ.
Противъ католицизма есть другое, болѣе надежное средство, сила
нравственная—школа. Чѣмъ болѣе прусское правительство сдѣлаетъ
для освобожденія школы отъ всякихъ клерикальныхъ требованій,
чѣмъ многочисленнѣе, доступнѣе и совершеннѣе оно сдѣлаетъ школу,
чѣмъ вѣрнѣе оно поразитъ того врага, противъ котораго безсильны
одни полицейскія мѣры. Къ сожалѣнію, само общественное мнѣніе въ
германской имперіи не вполнѣ сознаетъ фальшивость крайностей, въ
которыя склонно впасть теперь правительство въ своей борьбѣ съ за-
хватами и притязаніями католической іерархіи. Дѣло въ томъ, что
всякія мѣры противъ католическаго клерикализма, а вмѣстѣ и про-
тивъ католицизма, популярны въ протестантскомъ большинствѣ
страны. Но полное единство Германіи едвали можетъ быть ускорено,
если къ политическимъ разногласіямъ присоединится возжиганіе
старинныхъ религіозныхъ страстей. Единству можетъ быть благо-
пріятно только примиреніе и терпимость, для осуществленія кото-
рыхъ слѣдовало бы строго держаться системы Кавура, не уступая
ни въ твердости относительно клерикаловъ, но и не заходя далѣе
того, въ лѣсъ вѣроисповѣдныхъ, церковныхъ препирательствъ.

Затрудненія, встрѣченныя учредительными планами Тьера со
стороны монархическаго большинства собранія, оказались значитель-

Digitized by Google

нѣе, чѣмъ предполагала печать, особенно печать не-французская, которая довольно дружно предсказывала Тьеру, при возобновленіи сессіи, легкую побѣду. Такой оптимизмъ на дѣлѣ не оправдался, хотя, насколько можно судить о положеніи дѣлъ издали, намъ и теперь представляется вѣроятнѣйшимъ результатомъ борьбы—побѣда президента республики надъ правой стороной. Общій смыслъ положенія Франціи приводитъ къ такому заключенію и теперь, какъ мѣсяцъ тому назадъ, такъ какъ положеніе самой страны съ тѣхъ поръ въ сущности не измѣнилось. Но хотя основныя черты положенія издали быть можетъ и виднѣе, чѣмъ вблизи, или, по крайней мѣрѣ, менѣе заслоняются текущими, мелкими явленіями, но совокупность этихъ второстепенныхъ явленій можетъ быть предусмотрѣна съ нѣкоторой вѣрностью только вблизи, на самомъ мѣстѣ. Это различіе и объясняетъ почему побѣда Тьера надъ собраніемъ, *хотя* ее слѣдуетъ признавать вѣроятною и нынѣ, все-таки еще далеко не состоялась, вопреки предвидѣніямъ почти всей не-французской печати. Въ настоящую же минуту, то-есть въ то время, когда мы пишемъ эти строки, нельзя отрицать факта, что со времени возобновленія сессіи палаты, съ того времени, какъ Тьеръ въ посланіи своемъ объявилъ республику „не подлежащею уже обсужденію“ и заявилъ учредительные планы, до сихъ поръ преимущество въ борьбѣ принадлежало скорѣе большинству собранія, чѣмъ главѣ республики. Общій смыслъ парламентской исторіи Франціи за истекшій мѣсяцъ заключается въ томъ, что правительство, начавшее борьбу весьма рѣшительнымъ, значительнымъ шагомъ, принуждено было затѣмъ сдѣлать нѣсколько мелкихъ шаговъ назадъ, уступая правой сторонѣ собранія. Нѣтъ сомнѣнія, что его шаги назадъ, его уступки большинству, смиренныя оговорки и нѣкоторое „кокетничанье“ съ большинствомъ, дѣлаются все-таки для достиженія прежней цѣли; что Тьеръ отступаетъ только съ тѣмъ, чтобы все-таки увлечь потомъ большинство за собою впередъ; но вотъ эти-то перепетіи борьбы и доказываютъ, что побѣда дастся ему въ концѣ концовъ не такъ легко, какъ то многіе думали въ ноябрѣ.

Убѣдившись, что смѣлость, „берущая города“, на этотъ разъ не привела къ разрѣшенію всего вопроса однимъ тѣмъ штурмомъ, какой былъ произведенъ президентскимъ посланіемъ, Тьеръ принужденъ былъ предпринять болѣе сложные маневры. Коммиссія для разсмотрѣнія учредительныхъ предположеній была назначена собраніемъ; но этой „коммисіи тридцати“, въ которой правая сторона имѣетъ 20, а лѣвая 10 членовъ, предоставлено было во главѣ всякихъ учредительныхъ проектовъ обсудить проектъ объ установленіи министерской отвѣтственности, проектъ направленный къ устраненію Тьера

Digitized by Google

отъ парламентской трибуны и къ доставленію правой сторонѣ, то-есть большинству, рѣшительнаго вліянія на самый составъ правительства. Тьеръ сдѣлалъ этому требованію уступку, которою думалъ отчасти и отпарировать его: онъ отчасти измѣнилъ свой кабинетъ. Вслѣдствіе осужденія, выраженнаго большинствомъ въ засѣданіи 29-го ноября министру внутреннихъ дѣлъ, по вопросу о присылкѣ правительству членами департаментскихъ совѣтовъ адрессовъ въ смыслѣ распущенія собранія, Тьеръ, строго соблюдая парламентскій обычай, избралъ себѣ трехъ министровъ изъ состава большинства 29-го ноября, но, какъ замѣчаетъ „Indépendance“, „съ той грани большинства“, которая отдѣляетъ его отъ меньшинства. Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ де-Гуляръ, министромъ финансовъ бывшій префектъ Сены Леонъ Сэ, министромъ публичныхъ работъ де-Фуртý. Это было уступкой, а между тѣмъ самая эта уступка какъ будто имѣла цѣлью сказáть большинству: чего же вамъ еще надо? Вотъ-молъ вамъ доказательство, что отвѣтственность министерства и ваше вліяніе на составъ исполнительной власти фактически уже существуютъ и теперь. Къ чему же еще законъ о министерской отвѣтственности, да еще составленный въ такомъ смыслѣ, чтобы устранить отъ трибуны главу правительства, какъ будто онъ лишился довѣрія Франціи?

Монархическое большинство не могло не признать уступку уступкой, но никакого удовольствія не выразило. Наоборотъ, какъ первая комиссія имъ назначенная, комиссія имѣвшая своимъ докладчикомъ Батбú, высказала требованіе объ учрежденіи „правительства борьбы“ (gouvernement de combat), разумѣя борьбу съ радикализмомъ, такъ новая комиссія, „комиссія тридцати“, избравъ своимъ президентомъ герцога Одиффрè-Пакьè, тѣмъ самымъ вступила на путь „борьбы“. Въ этой борьбѣ, которой предметомъ долженъ служить радикализмъ, но служитъ пока — правительство, Тьеръ имѣетъ вождями противъ себя „цвѣтъ французскаго дворянства“. Герцогъ Одиффрè (титулъ его: графъ д'Одиффрè, герцогъ Пакьè) состоитъ президентомъ новой комиссіи; герцогъ Брольú избранъ предсѣдателемъ одного изъ отдѣленій палаты взамѣнъ Фуртý, ставшаго министромъ; герцогъ Ларошфукò (титулъ его: г. де-Ларошфукò, герцогъ Бизаччіа) громитъ правительство въ общихъ собраніяхъ; герцогъ Омальскій своимъ голосомъ рѣшилъ въ первой комиссіи выборъ Батбú докладчикомъ; князь Жуанвильскій своимъ голосомъ рѣшилъ теперь избраніе герцога Брольú въ отдѣленіи палаты. Итакъ, la fleur de la chevalerie и съ нею — орлеанскіе принцы, вотъ кто предводительствуетъ „деревенскимъ большинствомъ“, „мѣховыми фуражками“ (les bonnets à poil; это разумѣется въ смыслѣ „мужики“), въ борьбѣ противъ старика Тьера. Онъ былъ нѣкогда однимъ изъ столповъ той монархіи, ко-

Digitized by Google

торая теперь на него возстала, подъ хоругвями столь же „благородными“, сколько и разнообразными. Послѣднее свойство принадлежитъ знаменамъ большинства еще несомнѣннѣе, чѣмъ первое, такъ какъ посреди нихъ виднѣется и обезславленное седанское знамя. Монархистскія фракціи въ своей общей ненависти къ „установителю республики“, Тьеру, не гнушаются союзомъ съ бонапартистами.

Преобразованіе министерства не было единственной уступкой Тьера. Вслѣдъ за рѣшеніемъ 29-го ноября, онъ предписалъ префектамъ сдерживать движеніе „адрессовъ“; затѣмъ, онъ предоставилъ полиціи запрещать собираніе въ кофейняхъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ подписей подъ петиціи въ пользу распущенія собранія. Наконецъ, онъ предоставилъ своему министру юстиціи Дюфору, который въ послѣднее время сталъ пользоваться „снисходительнымъ вниманіемъ“ большинства—произнесть такую рѣчь, которая должна была окончательно удовлетворить разгнѣванную правую сторону. Эта рѣчь Дюфора была въ связи съ „движеніемъ петицій“; но обо всемъ этомъ предоставимъ ниже сказать нашему корреспонденту.

Въ Венгріи министерскій кризисъ окончился все-таки тѣмъ, что министръ-президентъ графъ Лоньяй вышелъ въ отставку. На его мѣсто назначенъ, по рекомендаціи Деака—г. Слави. Ожидали, что Лоньяй, съ досады, что Деакъ недостаточно поддержалъ его, произведетъ расколъ въ средѣ большинства, послушнаго Деаку, образовавъ собственную партію. Но это ожиданіе пока не сбылось и Лоньяй объявилъ, что намѣренъ поддерживать новое министерство. Въ Цислейтаніи, т.-е. въ наслѣдственныхъ земляхъ Габсбургской короны, дѣла въ настоящее время клонятся къ полному устраненію попозновеній федерализма, къ логическому проведенію системы дуализма, какъ она установлена была соглашеніемъ съ Венгріею въ 1867-мъ году. Для полнаго приведенія дуализма было, разумѣется, необходимо дать центральному австрійскому представительству, рейхсрату, полную независимость отъ областныхъ сеймовъ королевствъ и земель. Для этого необходимо, чтобы представители, члены этого центральнаго сейма, избирались не областными сеймами, а прямо населеніемъ. По выработанному теперь — какъ говорятъ, самимъ императоромъ— проекту избирательной реформы, вводятся такіе непосредственные выборы: число представителей въ рейхсратѣ увеличивается на 120; число представителей землевладѣнія и сельскихъ обществъ увеличивается еще на половину противъ прежняго. Способъ избранія въ сельскихъ обществахъ будетъ двустепенный, то-есть, что населеніе избираетъ электоровъ, которые избираютъ депутатовъ. Въ прочихъ избирательныхъ коллегіяхъ избраніе депутатовъ будетъ произво-

Digitized by Google

диться непосредственно населеніями; избраніе производится посредствомъ записокъ; избраннымъ признается получившій большее число голосовъ, безъ всякой нормы; депутаты избираются на 6-ть лѣтъ; каждый австрійскій гражданинъ, имѣющій не менѣе 30-ти лѣтъ отъ роду, можетъ быть избираемъ во всѣхъ земляхъ, стало быть въ самомъ принципѣ отрицается представительство по національностямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при такихъ условіяхъ правительство можетъ легче добиться, наконецъ, столь долго искомаго полноправнаго центральнаго представительства, а шестилѣтній срокъ избранія дастъ, наконецъ, возможность установить хоть какое-нибудь правильное конституціонное правленіе. Правда, противъ нынѣшняго проекта можно привесть очень вѣскіе аргументы, какъ вообще противъ всей системы дуализма. Но надо сказать правду, что соглашеніе между всѣми національностями Австріи, послѣ высказанныхъ ими крайнихъ требованій и полной исключительности, ожидать было довольно трудно. Замѣтимъ только, что проведя нынѣшній избирательный законъ и въ силу его обративъ національные сеймы въ нѣчто похожее на провинціальные ландтаги, на земскія собранія, австрійское правительство заявляетъ, что монархія несовмѣстима съ федерализмомъ, между тѣмъ какъ многіе мыслящіе люди въ Европѣ именно и надѣялись отъ Австріи рѣшенія этого вопроса въ смыслѣ утвердительномъ. Бюджетъ на 1873-й годъ въ Австріи впервые предусматриваетъ излишекъ доходовъ предъ расходами, на $3^1/_2$ милліона гульденовъ.

Итальянскій парламентъ занятъ разсмотрѣніемъ проекта закона о секуляризаціи имуществъ духовныхъ корпорацій въ Римѣ; обсужденіе пока происходитъ еще только въ коммиссіи. По отчету за текущій годъ, итальянскій министръ финансовъ показалъ возвышеніе доходовъ сравнительно съ 1871-мъ годомъ на 130-ть милл. фр.

Различныя возстанія составляютъ, какъ извѣстно, главное дѣло, которымъ занимается Испанія. Карлистское возстаніе еще не было усмирено, какъ вдругъ на разныхъ пунктахъ территоріи возникло возстаніе республиканцевъ-федералистовъ. По послѣднимъ объясненіямъ президента совѣта Руиса Сориллы, то и другое возстаніе слѣдуетъ считать уже подавленными, но и послѣ этого заявленія наши газеты получили телеграмму о пораженіи разныхъ шаекъ. Республиканское возстаніе отозвалось въ самомъ Мадридѣ, гдѣ при усмиреніи бунта было убито и ранено около 20-ти человѣкъ. Теперь важнѣйшимъ политическимъ вопросомъ въ Испаніи признается вопросъ объ отмѣнѣ невольничества, къ стыду ея все еще существующаго въ ея колоніяхъ. Относительно

Digitized by Google

Кубы правительство рѣшило этотъ вопросъ весьма просто: отложить отмѣну невольничества на Кубѣ, пока тамъ не будетъ усмирено возстаніе. Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что и возстаніе-то въ значительной степени держится именно благодаря существованію невольничества; инсургенты давно обѣщали рабамъ свободу. Что касается другой испанской колоніи Порторико, то правительство внесло въ кортесы проектъ закона объ отмѣнѣ тамъ невольничества въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Во внутреннемъ управленіи Сориллья продолжаетъ выказывать тѣ способности, въ силу которыхъ его можно признать единственнымъ министромъ, который можетъ поправить дѣла Испаніи. Онъ внесъ въ кортесы проектъ реформы общиннаго управленія въ смыслѣ предоставленія общинѣ полнаго самоуправленія. Его проектъ закона о введеніи всеобщей воинской повинности уже почти прошелъ въ кортесахъ. Онъ возобновилъ уплату пенсій изъ государственнаго казначейства, выплативъ и всѣ задержанныя доселѣ у пенсіонеровъ суммы, а провинціямъ роздалъ 100 милліоновъ реаловъ для образованія основныхъ фондовъ сельскаго кредита. Финансовый міръ хотя и встревоженъ намѣреніемъ Сориллы отмѣнить невольничество на Порторико, однако ему одному довѣряетъ. Это доказывается успѣхомъ новаго займа въ 250 милліоновъ песетовъ (франковъ), который при подпискѣ былъ покрытъ въ три раза бо́льшимъ предложеніемъ. По увѣренію министерскихъ газетъ, и самый бунтъ въ Мадридѣ былъ произведенъ врагами правительства вовсе не съ республиканской цѣлью, а просто чтобы помѣшать успѣху займа. Но политическое положеніе вообще весьма еще неудовлетворительно. Правда, министерство имѣетъ за себя большинство въ кортесахъ; вслѣдъ за объясненіями, какія далъ недавно Сориллья по главнымъ политическимъ вопросамъ (о мятежахъ и отмѣнѣ невольничества), палата выразила ему довѣріе большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 6-ти. Но такой результатъ объясняется тѣмъ, что передъ тѣмъ оппозиція, имѣя въ главѣ Сагасту, вся удалилась изъ собранія.

Между тѣмъ испанскому правительству не мѣшало бы поспѣшить дѣйствительною отмѣною невольничества на Кубѣ, хотя бы потому, что оно торжественно осуждается въ новомъ посланіи президента великой Сѣверо-Американской республики къ ея конгрессу. Избраніе Гранта послѣдовало уже и формальнымъ порядкомъ, около того самого времени, когда соперникъ Гранта Орасъ Грили умеръ, убитый горемъ о смерти жены и разочарованіемъ въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ. Грантъ съ вице-президентомъ Вильсономъ и прежнимъ вице-президентомъ Кольфаксомъ ѣхали за гробомъ Грили. Въ пос-

Digitized by Google

ланія къ конгрессу президентъ выразилъ удовольствіе по случаю добрыхъ отношеній, существующихъ между Соединенными-Штатами и всѣми державами, между которыми онъ особо назвалъ Россію, Францію — «старѣйшую нашу союзницу» — и Германію. Онъ выразилъ и соболѣзнованіе о смерти мехиканскаго президента Хуареса и свое довѣріе къ преемнику его Лерде-де-Текада. Говоря о возстаніи на Кубѣ, Грантъ высказалъ, что возстаніе это вѣроятно не восторжествуетъ, но при этомъ осудилъ невольничество, справедливо приписывая существованію его и силу самаго возстанія. «Къ стыду нашему,—сказалъ президентъ,—и многіе американскіе граждане владѣютъ еще на Кубѣ рабами». Осужденіе невольничества на Кубѣ со стороны президента могущественнаго сосѣдняго государства имѣетъ не одно нравственное значеніе.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

12 (24) декабря, 1872.

Тьеръ и «правая».

Если не ошибаюсь, — я уже очертилъ вамъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ состояніе умовъ и партій наканунѣ возвращенія національнаго собранія. Всѣхъ вообще озабочивала предстоявшая сессія, не потому чтобы предвидѣлись такія задорныя пренія, какъ тѣ, которыя происходили на самомъ дѣлѣ, но потому что чувствовалось, что эта сессія могла быть послѣдней и невольно спрашивалось: воспользуется ли собраніе, избранное въ февралѣ 1871 г., тѣмъ срокомъ, какой ему еще остается жить, чтобы учредить нѣчто положительное, или же разойдется, оставивъ за собой грозную неизвѣстность? Для громаднаго большинства умѣренныхъ людей во Франціи это „нѣчто“, которое имѣло учредиться, было, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ республикой. Промышленность, торговля, вообще буржуазія считала, что такъ-называемый договоръ въ Бордо, то-есть временный порядокъ дѣлъ, отжилъ свое время и необходимо остановиться на чемъ-нибудь окончательномъ или, какъ у насъ любятъ выражаться, обезпечить будущее. Между тѣмъ республика существовала на дѣлѣ, а монархія была или казалась невозможной, и слѣдовательно оставалось только регулировать, развить, продлить какимъ-нибудь способомъ существующій порядокъ дѣлъ, такъ, чтобы онъ могъ пережить настоящее собраніе.

Digitized by Google

Это настроеніе, повторяю, было и остается господствующимъ у громаднаго большинства умѣренныхъ людей, но хотя оно и благопріятно для республики, однако только на половину раздѣлялось радикалами. Этимъ послѣднимъ, дѣйствительно, мало того, чтобы республика существовала; имъ хочется создать ее по своему образу и подобію, согласно ихъ страстямъ и фантазіямъ, посредствомъ собранія спеціально для этого созваннаго и въ которомъ бы имъ принадлежало большинство. Отсюда происходитъ то, что радикальная партія вотъ уже почти около года преслѣдуетъ только одну политику, задается однимъ только лозунгомъ: распустить возможно скорѣе національное собраніе. Между тѣмъ умѣренные республиканцы и консерваторы, обратившіеся къ республикѣ, стремятся напротивъ того продлить дни настоящаго собранія, но чувствуютъ, что это возможно лишь въ томъ случаѣ, если настоящее собраніе согласится откровенно признать существующій порядокъ вещей и организовать его.

Настроеніе „правой“ могло быть, конечно, лишь отрицательное; графъ Шамборъ, не задолго до открытія сессіи, сообщилъ свой лозунгъ легитимистамъ, и этотъ лозунгъ требовалъ, чтобы они ничѣмъ не содѣйствовали, ни прямо, ни косвенно, основанію республики. Легитимисты далеко не образуютъ всей правой, и еслибы они были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ, то образовали бы почтенное меньшинство, абсолютно и постоянно безсильное. Но они нашли многочисленныхъ союзниковъ въ орлеанистахъ. Эта послѣдняя партія не можетъ чувствовать къ республиканскому порядку такой же непреодолимой антипатіи, какъ легитимисты. Между конституціонной и либеральной монархіей и честной и умѣренной республикой разстояніе не такъ велико, чтобы его нельзя было перешагнуть, и нѣкоторые выдающіеся орлеанисты, и, главнѣйшій между ними, Казиміръ Перье весьма рѣшительно перешагнули его нѣсколько времени тому назадъ. Но по разнымъ причинамъ главная масса партіи скорѣе поддалась къ правой. Въ числѣ этихъ причинъ я назову, во-первыхъ, естественное раздраженіе умовъ, которые могли одну минуту убаюкивать себя надеждой, что событія сложатся въ ихъ пользу, и которые увидѣли противное; затѣмъ глубокую вражду къ Тьеру, котораго орлеанисты считаютъ дезертиромъ; наконецъ, отвращеніе, весьма искреннее, но мѣсволько ребяческое къ радикализму, который они отожествляютъ съ республикой. Вотъ, полагаю, главные мотивы, заставившіе орлеанистовъ примкнуть къ легитимистамъ, то-есть именно къ тѣмъ людямъ, которые окончательно разрушили всѣ шансы конституціонной монархіи своимъ отрицаніемъ трехцвѣтнаго знамени. Бонапартисты, весьма немногочисленные въ собраніи, но ловкіе дѣльцы и нахалы, присоединились къ монархической коалиціи и не встрѣ-

Digitized by Google

тили, долженъ сказать, презрѣнія, котораго бы заслуживали. Они дѣйствовали разумно, потому что всякій монархическій успѣхъ долженъ послужить имъ на пользу, потому что, благодаря безумной политикѣ графа Шамбора, никакая другая монархія, кромѣ бонапартистской, невозможна. Дилемма заключалась въ томъ, чтобы сохранить республику или же подпасть подъ бонапартовское иго.

Между тѣмъ монархическая коалиція могла выступить въ походъ не иначе какъ подъ личиной, во-первыхъ, потому что въ ней прикрываются подъ однимъ знаменемъ три короны, во-вторыхъ, потому что республиканскій напоръ идей слишкомъ силенъ, чтобы противъ него можно было открыто бороться. Итакъ, рѣшено было выступить въ поле во имя порядка, скомпрометтированнаго, толковалось, снисходительностью Тьера къ радикаламъ, и во имя парламентской свободы, которую грозило задушить чрезмѣрное личное преобладаніе президента и его слишкомъ частое вмѣшательство въ пренія собранія. Дѣло шло о томъ, чтобы подъ предлогомъ установленія настоящей министерской отвѣтственности воспретить Тьеру доступъ къ трибунѣ, сдѣлать министерство вполнѣ преданное правой, представителемъ правительства, въ палатѣ и, такимъ образомъ, завладѣть руководствомъ всѣхъ дѣлъ, главнымъ образомъ въ виду выборовъ, которые постарались бы послѣ этого направить въ пользу престола и алтаря.

Этотъ планъ атаки былъ довольно ловко задуманъ. Онъ затрогивалъ Тьера съ той стороны, съ которой онъ дѣйствительно могъ заслужить порицаніе. Президентъ въ самомъ дѣлѣ могъ быть обвиненъ въ томъ, что щадитъ радикаловъ болѣе, чѣмъ это нужно и прилично. Что касается его чрезмѣрнаго преобладанія надъ правительствомъ и надъ собраніемъ, то оно несомнѣнно и, какъ я уже кажется говорилъ вамъ, уже повлекло за собой пагубныя послѣдствія, а именно въ вопросахъ о военной реорганизаціи и новыхъ налогахъ. Въ сущности, у Тьера мало приверженцевъ въ палатѣ, которые бы раздѣляли его идеи. Ихъ находятъ, и не безъ основанія, запоздалыми и даже ретроградными во многихъ отношеніяхъ. Ему уступаютъ, потому что не могутъ обойтись безъ него; онъ это знаетъ и обращаетъ во зло.

Нѣтъ сомнѣнія, что президентъ прекрасно зналъ о тѣхъ чувствахъ, которыя, къ концу послѣднихъ парламентскихъ каникулъ, одушевляли страну и партіи. Онъ зналъ, что общественное мнѣніе не только республиканцевъ стараго закала, но также и большинства буржуазіи, требовало упроченія республиканскихъ учрежденій, и это движеніе согласовалось съ его собственными намѣреніями. Онъ предалъ республикѣ по многимъ причинамъ; во-первыхъ, потому, что въ настоящее время республика—это онъ самъ, подобно тому какъ при

Digitized by Google

Людовикѣ XIV государство — это былъ король. Во-вторыхъ, вслѣдствіе антипатіи, о которой долго не подозрѣвали, но которая теперь обнаружилась къ монархистамъ, и въ особенности къ орлеанистамъ. Въ-третьихъ, потому что республика представляется ему единственной формой правленія, возможной при существующихъ условіяхъ во Франціи. Другими словами: честолюбіе, чувство, разумъ—все содѣйствуетъ тому, чтобы сдѣлать его искреннимъ и преданнымъ приверженцемъ республиканскихъ учрежденій. Нѣтъ причины, слѣдовательно, удивляться, что онъ откровенно поставилъ этотъ вопросъ въ своемъ посланіи. Онъ могъ и долженъ былъ это сдѣлать. Но, что можетъ изумить на первый взглядъ, такъ это то, что онъ дѣйствовалъ такъ рѣзко и словно торопился вызвать коалицію, которая образовалась противъ него, словно ему пріятнѣе было возбуждать партіи одну противъ другой, чѣмъ примирять и умиротворять ихъ. Конечно, если были монархисты, которые приняли серьезно бордоскій договоръ, и повѣрили, что Франція въ одинъ прекрасный день, безъ всякой надобности и единственно, чтобы доставить имъ удовольствіе, будетъ приглашена выбирать между различными формами правительства,—которые не поняли, что республика мало-по-малу получитъ свое *raison d'être* и узаконится черезъ самое свое существованіе,—то эти монархисты были очень наивны. Тѣмъ не менѣе справедливо, что Тьеръ доставилъ имъ поводъ къ жалобамъ тѣмъ, что не достаточно смягчилъ переходъ и не далъ себѣ труда объяснить имъ, почему, съ теченіемъ времени, бордоскій договоръ необходимо долженъ былъ обветшать. Благодаря тому, что онъ не далъ такого объясненія, которое ему бы ничего не стоило, Тьеръ придалъ себѣ видъ человѣка, нарушившаго свои обязательства и перешедшаго на сторону республики послѣ того, какъ обѣщался равно щадить какъ республику, такъ и монархію. По той самой причинѣ, по которой онъ раздражилъ правую, онъ привелъ въ восторгъ лѣвую, начиная съ крайнихъ радикаловъ и кончая самыми умѣренными оттѣнками, и на другой же день послѣ того, какъ прочитано было посланіе, поведеніе партій стало болѣе страстнымъ, чѣмъ оно когда-либо было.

Я полагаю, что Тьеръ легко могъ бы избѣгнуть этого взрыва, еслибы захотѣлъ. Но онъ не захотѣлъ. Еслибы вмѣсто того, чтобы бросить партіямъ, подобно яблоку раздора, заявленіе о правѣ республики на существованіе, онъ бы скромно удовольствовался указаніемъ собранію необходимости упрочить существующій порядокъ вещей, помощью нѣкоторыхъ органическихъ учрежденій, и именно посредствомъ учрежденія второй палаты, такъ какъ, повидимому, онъ этого желаетъ всего сильнѣе, то у правой было бы менѣе основаній

Digitized by Google

разъяриться, и давленіе общественнаго мнѣнія на собраніе быть можетъ было бы не столько велико, чтобы вызвать немедленное выраженіе большинства въ пользу правительственныхъ предложеній. Почему Тьеру непремѣнно захотѣлось поднять шумъ такой постановкой вопроса о выборѣ между монархіей и республикой, которая была самой отвлеченной и самой задорной? Настоящаго отвѣта надо, сколько мнѣ кажется, искать въ нѣкоторыхъ особенностяхъ его натуры. Этотъ государственный человѣкъ, замѣчательный во многихъ отношеніяхъ, не лишенъ также и слабостей: онъ забіяка и буянъ, не взирая на свои преклонныя лѣта. Онъ любитъ, чтобы партіи грызлись между собой, и я увѣренъ, что его забавляетъ играть съ ними, какъ кошку съ мышкой. Въ немъ есть черты Мазарини и кардинала Ретца. Къ тому же, если онъ ненавидитъ нѣкоторыя партіи въ собраніи, то презираетъ ихъ всѣхъ, не признавая никакого значенія, никакой талантливости за кѣмъ-либо, кромѣ самого себя. Онъ желалъ бы, чтобы непопулярность собранія все увеличивалась, и если онъ составилъ свое посланіе такъ, чтобы вызвать самыя бурныя пренія, то безъ всякаго сомнѣнія для того, чтобы дать общественному мнѣнію поводъ къ еще сильнѣйшему раздраженію противъ собранія вообще, а монархистовъ въ особенности. Я полагаю, по правдѣ сказать, и не безъ основанія, что онъ былъ бы радъ довести дѣло до крайности и быть, напримѣръ, вынужденну подать въ отставку, дабы насладиться затруднительнымъ положеніемъ своихъ противниковъ въ виду общественнаго негодованія и вернуться къ дѣламъ черезъ недѣлю, въ силу народнаго желанія и невозможности найти ему преемника. Чтобы поясинть мою мысль, скажу, что Тьеръ слишкомъ честенъ и слишкомъ пропитанъ парламентскимъ духомъ, чтобы замыслить государственный переворотъ, но что онъ былъ бы не прочь воспользоваться результатами такого переворота, произведеннаго не имъ самимъ. Лица, знакомыя съ нашей политической закулисной жизнью, знаютъ, что адрессы муниципальныхъ совѣтниковъ, высказывающіеся за президента и противъ собранія, не только поощрялись, но можно сказать вызывались совѣтниками и приближенными президента.

Пропаганда въ пользу распущенія собранія, послѣдовавшая вслѣдъ за поздравительными адрессами къ Тьеру, о которой я буду говорить ниже, была одобрена въ принципѣ самимъ президентомъ, или по крайней мѣрѣ лицами, близко къ нему стоящими и которыя, конечно, побоялись бы неугодить ему.

Если вы удѣляли хоть какое-нибудь вниманіе первымъ засѣданіямъ собранія, то должны были замѣтить, что враждебныя дѣйствія были открыты съ жаромъ обѣими сторонами, то-есть, Тьеромъ

Digitized by Google

и правой. Президентъ дѣлаетъ вызовъ въ своемъ посланіи; правая немедленно поднимаетъ перчатку и тутъ же, не прерывая засѣданія, добивается назначенія коммиссіи, которой поручается обсудить этотъ революціонный документъ и обдумать, какого рода отвѣтъ можно на него дать. На другой день она въ свою очередь дѣйствуетъ наступательно и довольно недобросовѣстно привлекаетъ правительство на скамью подсудимыхъ, по поводу демагогическихъ рѣчей, говоренныхъ въ провинціи Гамбеттой. Тьеръ выходитъ изъ себя и отказывается въ сущности основательно, но въ слишкомъ рѣзкой формѣ, дать какое-либо удовлетвореніе по этому вопросу. Лѣвая, включая сюда и радикаловъ, рукоплещетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Правая, раздраженная до послѣдней степени, рѣшительная, сплоченная выражаетъ свои чувства назначеніемъ коммиссіи, которой поручаетъ разсмотрѣть посланіе.

Почти всѣ члены коммиссіи враждебны Тьеру. Докладъ, составленный ими, свидѣтельствуетъ о непримиримыхъ чувствахъ. Докладъ требуетъ министерской отвѣтственности, что, повторяю, значитъ для правой образованіе кабинета внолнѣ ей преданнаго и удаленіе Тьера изъ собранія и отъ трибуны, то-есть, другими словами, уничтоженіе его политическаго вліянія. Изъ оппозиціи правительству Тьера, обвиненному въ потачкѣ радикаламъ, докладъ требуетъ боевого правительства, то-есть необузданной реакціи. Если этотъ докладъ будетъ одобренъ собраніемъ, президентъ подастъ въ отставку, и быть можетъ этого исхода онъ именно и добивается въ глубинѣ души, какъ я уже и говорилъ. Но правая, оказавшаяся въ большинствѣ въ коммиссіи, остается въ меньшинствѣ во время публичныхъ преній. Правительство торжествуетъ благодаря поддержкѣ республиканцевъ крайней лѣвой, лѣвой умѣренной и лѣваго центра, къ которому пристало и нѣсколько человѣкъ изъ праваго центра, испугавшихся кризиса, который вызвала бы отставка Тьера. Однако правая побѣждена не вполнѣ, потому что правительство соглашается съ нимъ, что стоитъ заняться министерской отвѣтственностью: оно проситъ только, чтобы этотъ вопросъ разсматривался не въ отдѣльности, но въ связи съ остальными вопросами, имѣющими цѣлью регулировать отношенія общественныхъ властей между собою, то-есть организовать республику, какъ это требовалось въ посланіи. Коммиссіи изъ тридцати членовъ поручено выработать эту организацію, но при назначеніи этой коммиссіи правая снова овладѣваетъ всѣми своими преимуществами: значительное большинство членовъ снова явно враждебны правительству, и не взирая на формальную постановку вопроса, сдѣланную собраніемъ, они настаиваютъ на идеѣ отдѣлить отъ другихъ вопросовъ вопросъ о министерской отвѣтственности и поставить его на

Digitized by Google

первомъ планѣ. Въ самомъ собраніи выгода оказывается на сторонѣ правой; она вынуждаетъ министра внутреннихъ дѣлъ удалиться въ отставку и даетъ понять, что намѣрена свергнуть, одного за другимъ, всѣхъ членовъ кабинета. Но, начиная съ этого момента, декораціи перемѣняются. Настроеніе, повидимому, смягчается съ обѣихъ сторонъ, но въ особенности со стороны правительства. Перемѣна въ министерствѣ, вызванная отставкой министра внутреннихъ дѣлъ, совершается въ духѣ благопріятномъ для правой. Новые министры принимаютъ нѣсколько мѣръ, которыя могутъ быть объяснены желаніемъ угодить и преслыть за залогъ примиренія. Но это не все: во время самыхъ ожесточенныхъ преній, вызванныхъ правой, въ отвѣтъ на радикальныя петиціи, правительство совершенно переходитъ на сторону своихъ вчерашнихъ противниковъ. Тьеръ не вмѣшивается въ пренія, но его главный министръ, Дюфоръ, высказывается въ такомъ духѣ, что приводитъ въ восторгъ не только консерваторовъ, но и самыхъ ярыхъ реакціонеровъ и, напротивъ того, повергаетъ въ недоумѣніе и даже раздражаетъ умѣренныхъ республиканцевъ, а съ ними вмѣстѣ и радикаловъ. Со своей стороны, коммиссія тридцати тоже нѣсколько измѣнила свое отношеніе, хотя и не отвѣчала съ полной откровенностью на любезности правительства, по истинѣ изумительныя.

Чтобы объяснить эту перемѣну, которая должна была стоить большихъ усилій Тьеру, я могу пуститься лишь въ догадки, но эти догадки кажутся мнѣ довольно вѣроятными. Я полагаю, во-первыхъ, что глава правительства былъ удивленъ и нѣсколько встревоженъ чрезвычайными размѣрами, которыя приняла въ какихъ-нибудь нѣсколько дней пропаганда о распущеніи, вызванная и направляемая радикалами. Само по себѣ и какъ пугало, годное на то, чтобы напугать или раздражить правую, это движеніе не могло ему не нравиться, но подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы оно не становилось слишкомъ серьёзнымъ и не влекло за собой немедленныхъ послѣдствій. Тьеръ, повторяю еще разъ, очень доволенъ непопулярностью, которую навлекаетъ на себя собраніе; совсѣмъ тѣмъ онъ отнюдь не желаетъ, чтобы оно разошлось раньше, чѣмъ успѣетъ что-нибудь организовать. Къ тому же онъ далеко неспокоенъ насчетъ собранія, по всей вѣроятности радикальнаго, которое ему наслѣдуетъ. Между тѣмъ радикалы, которые уже неоднократно, хотя и тщетно пытали общественное мнѣніе насчетъ распущенія и которые, быть можетъ, не ожидали особеннаго успѣха отъ своей новой кампаніи, нашли великолѣпно подготовленную почву.

Общественное мнѣніе было до такой степени раздражено противъ собранія, что едва были пущены петиціи въ обращеніе, какъ по-

Digitized by Google

крылись безчисленными подписями. Это явленіе не ослабѣваетъ, хотя органы правой не отрицаютъ его притворно. Я имѣю на этотъ счетъ самыя точныя свѣдѣнія и долженъ заявить о немъ, хотя и безъ всякаго удовольствія, потому что, по моему мнѣнію, оно доказываетъ положительное отсутствіе здраваго смысла и односторонній взглядъ у нашей публики. Можно право подумать, что французскій умъ неспособенъ разсматривать вещи съ нѣсколькихъ сторонъ разомъ. То, что теперь происходило, то, что будетъ продолжаться быть можетъ по поводу распущенія, совершенно напоминаетъ мнѣ то, какъ относилось общественное мнѣніе къ вопросу о войнѣ, которая окончилась такъ бѣдственно для насъ. Въ ту эпоху французы чувствовали себя неловко возлѣ расширившейся Пруссіи. Они жаловались на состояніе вооруженнаго мира и кончили тѣмъ, что принялись толковать о необходимости выхода и о томъ, что война предпочтительнѣе такому непрочному и безпокойному состоянію. Но, разсуждая такимъ образомъ о войнѣ, французы имѣли въ виду лишь расходы и жертвы, которыя повлечетъ за собой борьба, необходимо побѣдоносная. Никто не задавался вопросомъ о томъ, что война можетъ кончиться несчастно и повлечь за собой порядокъ дѣлъ несравненно худшій, чѣмъ тотъ, который объявлялся нестерпимымъ. Ни у кого не нашлось ни силы воли, ни присутствія духа, необходимыхъ на то, чтобы взвѣсить за-одно всѣ шансы побѣды и пораженія. То же самое повторяется въ настоящую минуту и съ собраніемъ: оно непопулярно не по заслугамъ; его признаютъ несноснымъ и зловреднымъ. Радикалы упрекаютъ его въ томъ, что оно замедляетъ окончательное основаніе республики, но, что еще важнѣе, негоціанты, промышленники упрекаютъ его въ томъ, что оно тормозитъ и губитъ дѣла; денежные интересы стали пособниками радикализма. Они усматриваютъ лишь настоящій моментъ, настоящее зло; имъ не приходитъ и въ голову позаботиться о завтрашнемъ днѣ, о томъ, что станется съ дѣлами во время кризиса общихъ выборовъ и подъ управленіемъ радикальнаго собранія, которое примется вертѣть страной по-своему. Я полагаю, что Тьеръ, болѣе проницательный, испугался и захотѣлъ остановить движеніе. Но ему нужно беречься! Правая до того пала низко въ общественномъ мнѣніи, что онъ рискуетъ утратить часть своей популярности, сближаясь съ ней. Впрочемъ, еще невозможно судить о дѣйствіи, какое произведетъ новое поведеніе правительства на вышеупомянутое движеніе.

Я вдаюсь въ новую догадку и готовъ допустить, что нѣкоторые совѣты извнѣ вызвали президента на размышленіе. Президентъ, подготовляя взрывъ своимъ посланіемъ, впалъ въ ту самую ошибку, въ которую поочередно впадали всѣ партіи по окончаніи войны. Погло-

Digitized by Google

щенный, ослѣпленный своимъ желаніемъ восторжествовать надъ правой и основать республику, онъ позабылъ, что мы еще не вполнѣ вольны въ своихъ движеніяхъ и что намъ приходится еще принимать во вниманіе нѣмцевъ, пока они занимаютъ часть нашей территоріи. Я вполнѣ убѣжденъ, что нѣмцы, каковы бы ни были ихъ чувства, ихъ ненависти и ихъ опасенія относительно Франціи, не желаютъ никакого зла настоящему правительству; напротивъ того, они желаютъ, я увѣренъ, чтобы оно просуществовало по меньшей мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока они не взыщутъ всѣ свои мильярды. Я полагаю даже, что Бисмаркъ питаетъ къ Тьеру нѣкоторую личную симпатію, которая впрочемъ обоюдна, и которая проявлялась неоднократно съ обѣихъ сторонъ, насколько то допускали обстоятельства. Но, несмотря на все это или скорѣе по тому самому, то-есть потому именно, что нѣмцы принимаютъ весьма понятное участіе въ нашемъ правительствѣ,—весьма возможно, что нѣсколько рискованная игра, затѣянная Тьеромъ, возбудила тревогу въ Берлинѣ, и что ему дружески посовѣтовали оттуда умѣрить свои порывы.

Какъ бы то ни было, но тотъ моментъ, въ который я вамъ пишу, представляется моментомъ перемирія, ожиданія и нерѣшимости. Собраніе взяло двухнедѣльный отпускъ, который по всей вѣроятности выгодно отразится на святочной торговлѣ, потому что несомнѣнно, дѣла сильно пострадали во время этихъ бурныхъ преній. Какъ пойдутъ дѣла по возобновленіи парламентской сессіи? Вотъ чего совершенно невозможно предвидѣть. Нужно было бы съ одной стороны знать, насколько искренно новое настроеніе Тьера, съ другой стороны, какія уступки согласится сдѣлать ему правая, потому что Тьеру ни въ какомъ случаѣ нельзя будетъ капитулировать безъ всякихъ условій. Нужно было бы также предвидѣть, чѣмъ разыграется движеніе, преслѣдующее распущеніе собранія.

Судя по внѣшности, Тьеръ въ самомъ дѣлѣ готовъ пожертвовать правой своимъ ораторскимъ краснорѣчіемъ и чаще посылать за себя на трибуну своихъ министровъ, что̀ естественно разовьетъ ихъ отвѣтственность на счетъ его собственной и поставитъ ихъ въ болѣе непосредственную и тѣсную зависимость отъ большинства. Взамѣнъ того онъ потребуетъ учрежденія второй палаты, которой онъ приписываетъ быть можетъ преувеличенное значеніе. Этой-то палатѣ желалъ бы онъ предоставить право произносить, въ случаѣ необходимости, распущеніе собранія, непосредственно созданнаго всеобщей подачей голосовъ. По моему мнѣнію, эта идея нѣсколько химерична, потому что никакъ нельзя ожидать, чтобы всеобщая подача голосовъ измѣнила своему выбору въ угоду верхней палатѣ; въ случаѣ столкновенія, по всей вѣроятности, побѣжденной осталась бы эта

Digitized by Google

послѣдняя. Все, конечно, зависитъ отъ того, какой составъ получитъ верхняя палата; но вотъ въ этомъ-то самомъ и заключается все затрудненіе. Какъ найти въ странѣ, нивеллированной до послѣдней степени революціей и въ которой вполнѣ и невозвратно исчезло уваженіе къ авторитету,—элементы для такой палаты, которая могла бы противодѣйствовать могуществу всеобщей подачи. Я боюсь, что составители конституцій даромъ потратятъ свой трудъ. Тьеръ, которому, по правдѣ сказать, некогда изучать конституціонныя задачи, остановился, не долго думая, на мысли весьма простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ неподходящей и нѣсколько комичной. Онъ вздумалъ просто на-просто избрать извѣстный процентъ старѣйшихъ членовъ собранія и учредить изъ нихъ сенатъ. Онъ не подумалъ при этомъ, что ему во всякомъ случаѣ понадобится согласіе всѣхъ этихъ старцевъ, котораго бы они ему конечно не дали. Эта странная идея была пущена нѣсколькими газетами стараніями президента, но она возбудила смѣхъ, и я полагаю, что о ней больше не будетъ и рѣчи. Другой замыселъ заключается въ томъ, чтобы избрать сенатъ или верхнюю палату путемъ департаментскихъ генеральныхъ совѣтовъ. Онъ представляется довольно раціональнымъ, но все же не далъ бы палаты, пользующейся значительнымъ авторитетомъ.

Когда всѣ согласятся въ способѣ избранія второй палаты, тогда все же останется еще одинъ вопросъ, относительно котораго Тьеру и правой будетъ весьма трудно поладить другъ съ другомъ. Будетъ ли эта палата учреждена немедленно и вступитъ въ силу на ряду съ существующимъ собраніемъ, или же слѣдуетъ вызвать ее къ жизни лишь въ эпоху распущенія собранія? Тьеръ, повидимому, крѣпко стоитъ за первое рѣшеніе, именно потому, что онъ разсчитываетъ воспользоваться второй палатой, чтобы распустить собраніе въ тотъ самый моментъ, въ какой онъ найдетъ это наиболѣе удобнымъ. Собраніе или по крайней мѣрѣ большинство собранія, которое желаетъ жить какъ можно дольше, не желаетъ имѣть дѣла съ палатой, которая будетъ облечена правомъ распускать его и кромѣ того возражаетъ довольно основательно, что оно не уполномочено ограничивать, въ пользу другого собранія, власть, врученную ему избирателями. На этомъ вопросѣ, хотя и кажется второстепеннымъ, всего труднѣе будетъ столковаться въ эпоху, когда вторая палата призвана будетъ къ дѣятельности.

Среди всѣхъ этихъ споровъ одно мнѣніе пробивается въ средѣ умѣренныхъ республиканцевъ, и быть можетъ призвано восторжествовать, а именно то, что называется системой дополнительныхъ выборовъ, которая должна положить конецъ всякимъ вопросамъ о распущеніи и учрежденіи второй палаты. Въ пользу этой системы вы-

Digitized by Google

тавляютъ то обстоятельство, что собраніе, періодически возобновляемое по частямъ, а не созванное за-разъ, путемъ всеобщей подачи голосовъ, будетъ менѣе бурно, менѣе перемѣнчиво, и слѣдовательно менѣе будетъ нуждаться въ томъ, чтобы его дѣйствія сдерживались и регулировались второй палатой. Вопросъ о распущеніи тоже устранится, потому что, съ одной стороны, собраніе получитъ характеръ неизмѣняемости, а между тѣмъ общественное мнѣніе найдетъ полную возможность заявлять о себѣ ежегодно, путемъ дополнительныхъ выборовъ. Эта система соблазнительна своей простотой, и быть можетъ, повторяю, она восторжествуетъ въ концѣ концовъ, за отсутствіемъ иного, болѣе удовлетворительнаго рѣшенія.

Противъ нея говоритъ ея новизна и то, что она не примѣняется ни въ одномъ въ государствѣ.

За нѣсколько дней до того, чтобы разойтись на святочные каникулы, собраніе было награждено одною изъ своихъ коммиссій весьма толстымъ томомъ in 4°, за которымъ послѣдуетъ много другихъ. Это начало публикаціи коммиссіи, которой поручено было изслѣдовать причины и слѣдствія революціи 4-го сентября. Главныя лица, показанія которыхъ красуются въ этомъ первомъ томѣ, суть: Тьеръ, маршалъ Макъ-Магонъ, маршалъ Лебёфъ, бывшій посланникъ Бенедетти, герцогъ Граммонъ, маркизъ Талуэ, графъ Паликао, Жюль Фавръ, Гамбетта, Эрнестъ Пикаръ и проч. Быть можетъ эти имена, столь громкія, наведутъ васъ на мысль, что эта книга надѣлала много шума. Представьте, нисколько! О ней почти не говорили, не взирая на важность и интересъ документовъ. Дѣло въ томъ, что она нѣсколько запоздала, что событія, о которыхъ она повѣствуетъ, не только отошли отъ насъ, но и послужили предметомъ многочисленныхъ сочиненій, изданныхъ раньше. Нѣкоторыя изъ самыхъ значительныхъ лицъ уже обнародовали свои мемуары, такъ что ихъ показанія въ коммиссіи представляютъ лишь резюме. Жюль Фавръ, герцогъ Граммонъ, графъ Паликао, Бенедетти и многіе другіе объяснялись и оправдывались передъ коммиссіей, насколько это было имъ возможно. 4-ое сентября, бунтъ 31-го октября, бѣдствія и безумство парижской осады, война въ провинціи—все это уже много разъ было разсказано, такъ что публикаціи слѣдственной коммиссіи не могутъ представлять большого интереса новизны, сохраняя свое документальное значеніе. Я приведу, какъ самое привлекательное, показаніе Тьера, который далъ отчетъ о своей дипломатической одиссеѣ по Европѣ. Давно уже было извѣстно изъ предварительныхъ заявленій Тьера, что Франція могла бы заключить болѣе выгодный миръ, съ меньшими денежными и территоріальными жертвами, 31-го октября, во время переговоровъ о перемиріи. Тьеръ съ особеннымъ удовольствіемъ

Digitized by Google

напираетъ на это обстоятельство, но совершенно напрасно, потому что правительство 4-го сентября и никакое иное, даже самъ Тьеръ, если бы онъ находился въ ту эпоху во главѣ управленія, не могли бы рискнуть ни на какія пожертвованія. Общественное мнѣніе было на этотъ счетъ неумолимо. Всего замѣчательнѣе въ показаніяхъ Тьера доброжелательный тонъ, съ какимъ онъ относится ко всѣмъ, за исключеніемъ имперіи, что впрочемъ и понятно. Тьеръ равно доволенъ и Англіей, и Россіей, и Австріей и даже Италіей, хотя нѣкоторое нравственное содѣйствіе было оказано ему только со стороны Россіи. Онъ извиняетъ и охотно ослабляетъ ошибки правительства 4-го сентября. Онъ почти болѣе нежели любезенъ относительно Пруссіи, что одинаково объясняется какъ дипломатическими требованіями, такъ и личной симпатіей къ Бисмарку. Онъ, напримѣръ, допускаетъ полную невинность Пруссіи въ гогенцеллернскомъ вопросѣ, что уже мнѣ кажется излишнимъ. Мнѣ кажется невозможнымъ снять съ Пруссіи всякую отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ.

Особенно жалкое впечатлѣніе производитъ поведеніе императорскаго правительства и законодательнаго корпуса, которое можно прослѣдить шагъ за шагомъ въ томѣ документовъ, изданныхъ коммиссіей. Правительство не знаетъ чего оно хочетъ, и его нерѣшительность столько же толкаетъ его на погибель, какъ его иллюзіи. Законодательный корпусъ, я говорю про его большинство, состоявшее изъ оффиціальныхъ кандидатовъ, вело себя просто безумно, равно какъ и нѣкоторые члены оппозиціи, жаждавшіе популярности. Повѣрите ли, что коммиссія, которой поручено было высказаться о военномъ кредитѣ, то-есть рѣшить окончательно этотъ страшный вопросъ, даже не дала себѣ труда прочитать собственными глазами тѣ документы, которые долженствовали просвѣтить ея мнѣніе и повѣрила на-слово вѣтрянному и самонадѣянному Граммону? Повѣрите ли, что коммиссія, выполнивъ такъ плохо свои обязанности, тѣмъ не менѣе ручалась за все и высказалась за правительство передъ законодательнымъ корпусомъ? Но этого мало: одинъ изъ членовъ этой злополучной коммиссіи имѣлъ наглость объявить слѣдственной коммиссіи, что по совѣсти не находитъ поводовъ къ войнѣ, порицалъ и осуждалъ правительство in petto, но что политическое волненіе и общее увлеченіе не позволили ему высказать своего мнѣнія. А между тѣмъ этотъ самый членъ всего яростнѣе отказывалъ законодательному корпусу во всякомъ объясненіи, которое могло бы пролить свѣтъ на весь вопросъ. Вотъ собственныя слова этого члена, который не кто иной, какъ Дреоль: ....„Документы, взятые сами по себѣ не могли бы убѣдить, по моему мнѣнію, человѣка, стоявшаго внѣ царствовавшаго движенія, внѣ политической агитаціи, въ которой мы жили въ эту

Digitized by Google

минуту. *Ничего не было, что бы могло оправдать объявленіе войны.* Таково было мое мнѣніе тогда, таково оно и теперь... Въ законодательномъ корпусѣ поднялись пренія объ этомъ вопросѣ! Дайте намъ документы! посмотримъ, что сообщено коммисіи! *Тогда для коммиссіи возникъ вопросъ чести.* Или палата довѣряетъ намъ, и нашего заявленія для нея достаточно, или же она намъ не довѣряетъ, и намъ слѣдуетъ объявить, что мы просимъ отставки. Герцогъ де-Граммонъ былъ готовъ показать депеши. Мы ему сказали: „вы не должны этого дѣлать".

Но, что вѣнчаетъ все это, такъ это то, что знаменитыхъ документовъ, которыхъ требовала одна часть законодательнаго корпуса, и въ которомъ имъ отказала коммиссія, по правдѣ сказать, вовсе не существовало. Единственный фактъ, который могло сообщить правительство коммиссіи, сталъ извѣстенъ наканунѣ, благодаря депешѣ, опубликованной газетами. Эта депеша гласила, что король прусскій найдя, что ему нечего больше сказать о дѣлѣ Гогенцоллерна г-ну Бенедетти, отказался принять послѣдняго. Коммиссія съ своей стороны не нашла ничего другого въ сообщеніи министра иностранныхъ дѣлъ, но такъ какъ она приняла на себя какой-то таинственный видъ и толковала о документахъ, которыхъ будто бы неудобно сообщить, то многіе депутаты должны были подумать, что случилось еще нѣчто такое, что имъ неизвѣстно, и война была вотирована съ трескомъ.

Одинъ изъ пунктовъ, на который слѣдственная коммиссія обратила особенное вниманіе—это столь спорный вопросъ о союзахъ, на которые мы могли или не могли разсчитывать. Какъ вамъ извѣстно, бонапартисты съ яростью утверждаютъ, что вся Европа помогла бы намъ, еслибы имперія не была низвергнута. Безполезно говорить, что коммиссія не открыла слѣда какого-нибудь союза. Австрія, конечно, желала бы вмѣшаться, но не могла; Италія быть можетъ могла бы, но не хотѣла. Я долженъ упомянуть по этому поводу, что герцогъ Граммонъ совсѣмъ еще недавно и въ первый разъ заявилъ положительно о существованіи союза съ Австріей, заключеннаго до войны и въ виду этой послѣдней. Но эта личность, характеръ которой, повидимому, представляетъ смѣсь глупости съ нахальствомъ, утратила всякій авторитетъ. Къ тому же, еслибы союзъ этотъ дѣйствительно существовалъ, то не было бы никакого резона скрывать его при объявленіи войны.

Возможно только одно, а именно: что князь Меттернихъ, бывшій въ то время австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ и вполнѣ преданный Наполеону, подавалъ нѣкоторыя надежды, но разумѣется не былъ уполномоченъ на это ни графомъ Бейстомъ, ни графомъ Ан-

Digitized by Google

драши. Само собой разумѣется, что австрійское правительство поспѣшило опровергнуть запоздалыя открытія герцога Граммона; но само по себѣ это опроверженіе ничего бы не доказывало, потому что вѣнскому кабинету вовсе неудобно объявлять въ настоящее время о томъ, что онъ замышлялъ противъ Пруссіи въ 1870-мъ году. Союзъ съ Австріей, о которомъ заявляетъ Грамонъ, кажется мнѣ немыслимымъ въ силу существовавшихъ условій, а вовсе не въ силу австрійскихъ опроверженій.

Возвращаясь къ тому документовъ, изданныхъ слѣдственной коммиссіей, замѣчу, что, естественно, эта коммиссія, будучи составлена по большей части изъ монархистовъ, и весьма враждебная, слѣдовательно, лѣвой, употребила всѣ старанія, чтобы доискаться въ революціи 4-го сентября слѣдовъ дѣятельнаго участія оппозиціи, засѣдавшей тогда въ законодательномъ корпусѣ и изъ которой вышло правительство народной обороны. Она ничего не могла открыть въ этомъ смыслѣ, и революція 4-го сентября вышла изъ этого слѣдствія облеченная своимъ истиннымъ характеромъ, то-есть какъ фактъ вполнѣ неподготовленный. Конечно, были вожаки, люди, которые дали пароль и назначили толпѣ собраться передъ законодательнымъ корпусомъ. Такіе люди всегда водятся въ Парижѣ, да по всей вѣроятности и въ другихъ столицахъ, и готовы во всякую минуту и при всякихъ обстоятельствахъ низвергнуть существующее правительство. Но если они успѣли это сдѣлать 4-го сентября, то потому, что имперія распалась сама собой, всѣ приверженцы покинули ее, императоръ былъ въ плѣну, а министрамъ некому и нечего было приказывать. Вотъ истина, которую не слѣдуетъ дозволять затемнять. Правда, генералъ Паликао осмѣлился-было объявить въ слѣдственной коммиссіи, что онъ уловилъ признаки сообщничества между Гамбеттой и людьми, наводнившими палату; но его свидѣтельство было опровергнуто кучей другихъ показаній, и изъ дѣла выяснилось совершенно, что Гамбетта не только не поощрялъ толпу, но изъ всѣхъ силъ убѣждалъ ее удалиться и предоставить палатѣ спокойно обсудить положеніе вещей.

Весьма интересно показаніе маршала Макъ-Магона, не потому чтобы въ немъ заключались какіе-нибудь новые факты, но вслѣдствіе честности, которымъ оно проникнуто. Я думаю, что этотъ славный воинъ принялъ на себя изъ чистѣйшаго рыцарства отвѣтственность за пагубное движеніе, которое привело послѣднюю армію имперіи къ Седанской катастрофѣ, хотя она падаетъ вовсе не на него. Извѣстно, что эта армія должна была сначала возвратиться въ Парижъ и прикрывать столицу, но такъ какъ она влачила за собой императора, а по мнѣнію императрицы возвращеніе импера-

Digitized by Google

тора въ Парижъ должно было непремѣнно вызвать революцію, то правительство регентши послало контръ-ордеръ и предписало походъ на Метцъ, подъ предлогомъ оказанія помощи маршалу Базену. Маршалъ Макъ-Магонъ, который сначала признавалъ необходимымъ, и заявлялъ объ этомъ, вести армію къ Парижу, объявилъ въ коммиссіи, что онъ самъ перемѣнилъ мнѣніе, и слѣдовательно правительственные приказы не могли повліять на его рѣшеніе. Я позволяю себѣ усомниться въ правдивости этого показанія, которое приписываю рыцарскому побужденію маршала, одного изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые способны на такія побужденія въ наше время.

Отъ маршала Макъ-Магона къ маршалу Базену переходъ объясняется лишь одинаковостью ихъ званія, потому что различіе между этими двумя людьми громадно и въ отношеніи характера, и въ отношеніи положенія. Процессъ Базена ведется медленно, очень медленно, и я не изумлюсь, если судебныя пренія откроются не раньше шести мѣсяцевъ. Эта медленность объясняется не только громадностью самаго процесса, но и вліяніемъ президента республики, котораго тревожитъ этотъ процессъ, и который бы желалъ спасти маршала, или по крайней мѣрѣ выиграть время, въ надеждѣ на какое-нибудь непредвидѣнное событіе. Подробности слѣдствія почти не доходятъ до публики, но то, что узнается время отъ времени звучитъ очень худо для маршала. Я полагаю, что его трудно будетъ спасти. Что касается симпатіи Тьера, то она упорна и объясняется съ одной стороны почтеніемъ, которое онъ питаетъ къ военной іерархіи, а съ другой стороны высокимъ уваженіемъ, какое онъ питаетъ къ военнымъ талантамъ маршала.

Переходя изъ области политики въ область литературную, я могу указать вамъ лишь на одно изданіе, но которое весьма важно и приноситъ величайшую честь своему автору. Я говорю про *Лексиконъ французскаго языка* Литтрé, твореніе поистинѣ монументальное и изумительное какъ по терпѣнію, которое на него пришлось затратить, такъ и по совершенству исполненія. Знаменитый ученый посвятилъ ему двадцать лѣтъ труда, и многіе сомнѣвались, чтобы онъ дожилъ до радости окончить его. Не слѣдуетъ также забывать заслуги издателя, то-есть книгопродавца Гашетта, который имѣлъ мужество пожертвовать восемьсотъ тысячъ франковъ на такое медленное предпріятіе. Та же самая фирма приготовляетъ съ еще бо́льшими издержками *Географическій словарь*, размѣровъ тоже монументальныхъ и такого же достоинства, который долженъ, наконецъ, оправдать насъ въ традиціонномъ невѣжествѣ въ этой сферѣ знанія.

Произведенія чисто литературнаго характера все болѣе и болѣе оскудѣваютъ, и театръ, который никогда особенно не процвѣталъ,

Digitized by Google

окончательно сталъ ареной двусмысленныхъ и безнравственныхъ произведеній. Толпа, то-есть толпа свѣтскихъ людей, а также и честные буржуа не утомляются созерцать на сценѣ раздѣтыхъ женщинъ, выслушивать куплеты, исполненные двусмысленностей и сальностей, каковы, напр., въ пьесѣ *Элоиза и Абеляръ*, сюжетъ котораго ясенъ и весьма мало прикрытъ! Уважающіе себя театры тоже съ успѣхомъ ведутъ свое дѣло, но такихъ меньшинство, и шутовскій жанръ и двусмысленная оперетта съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ новыхъ поклонниковъ. Вы скажете, что существуетъ цензура, но послѣдняя безсильна. Писатели отлично умѣютъ обходить цензуру, а публика, ихъ сообщница, понимаетъ ихъ на полусловѣ, и зараза, хотя и замаскированная и утонченная, проникаетъ въ умы. Кромѣ театровъ существуетъ цѣлый міръ спектаклей, называемыхъ кафе-концертами, съ которыми я лично незнакомъ, но въ которыхъ, какъ меня увѣряютъ, даются вещи просто невѣроятныя. Эти заведенія, весьма многочисленныя, посѣщаются, главнымъ образомъ, рабочими классами, и мнѣ кажется, что правительство могло бы, еслибы захотѣло, учредить за ними надзоръ и сдерживать ихъ. Но надо сознаться, что въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, правительство выказываетъ скорѣе вялость старческой власти, чѣмъ энергію власти молодой, которая стремится создавать и сознаетъ, что это возможно лишь путемъ возрожденія націи.

Съ нѣкоторыхъ поръ число самоубійствъ, болѣе или менѣе романическихъ и скандалёзныхъ, возросло у насъ. Всего болѣе шума надѣлало убійство молодого Дюваля, сына мясника, разбогатѣвшаго на многочисленныхъ и дешевыхъ ресторанахъ, заведенныхъ имъ и носящихъ его имя. Его сынъ пожелалъ фигурировать въ большомъ свѣтѣ и въ полусвѣтѣ съ своими милліонами. Онъ сдѣлался *спортсменомъ* и кутилой, и нашелъ нужнымъ содержать старую куртизанку, весьма извѣстную въ Парижѣ и пользовавшуюся лѣтъ десять тому назадъ благосклонностью принца Наполеона, Кору Пирль. Когда кошелекъ Дюваля-сына истощился, куртизанка пожелала выгнать его за дверь; онъ выстрѣлилъ въ себя изъ пистолета въ ея будуарѣ, и по всей вѣроятности не переживетъ своей раны. М-lle Пирль выслали изъ Парижа. Объ этой исторіи много говорятъ, но она не исправитъ ни блудныхъ сыновей богатыхъ отцовъ, ни куртизанокъ.

Н.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Наша историография.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. XXII. Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Т. II. Соч. *Сергѣя Соловьева*. Москва. 1872.

Мѣрно, спокойно, невозмутимо, изъ году въ годъ, вотъ уже 23-е лѣто подвигается безостановочно „*Исторія Россіи*“, и въ книгѣ прошедшаго года доходитъ до половины прошедшаго столѣтія (1748 г.). Можно сказать, что исторія Россіи сдѣлалась журналомъ работъ нашего почтеннаго историка и годовымъ отчетомъ предъ публикою въ его кабинетныхъ трудахъ надъ нашими домашними, преимущественно оффиціальными документами; разсѣянные по разнымъ изданіямъ, а въ большей части случаевъ до сихъ поръ вовсе неизданные, эти документы широко воспроизводятся теперь и составляютъ, такъ сказать, личный архивъ С. М. Соловьева, которымъ онъ и дѣлится съ публикою, по мѣрѣ его очистки и приведенія въ тотъ или другой порядокъ. Если кто найдетъ, что личный архивъ историка какъ-бы онъ ни былъ богатъ, все же еще не составляетъ *исторіи* ни страны, ни ея общества, то на это можно замѣтить, что въ ожиданіи подобной *исторіи* нельзя не быть благодарнымъ и признательнымъ и за архивъ, особенно когда онъ составляется и ведется съ такою неутомимостью и добросовѣстностью, какія давно уже доказалъ нашъ историкъ. Ограничиваясь воспроизведеніемъ несомнѣнныхъ памятниковъ, отбрасывая сравнительную провѣрку изъ иностранныхъ сочиненій, избѣгая обобщеній и художественныхъ представленій, многообъемистый и многолѣтній трудъ С. М. Соловьева дѣйствительно представляетъ *слѣдованную лѣтопись*, характеру которой историкъ не измѣнилъ, даже когда государственная и общественная жизнь Россіи радикально измѣнилась со времени Петра. Прибавимъ, что самыя примѣчанія, или скорѣе выноски, даже и тѣ не имѣютъ характера ни оправдательныхъ, ни дополнительныхъ, ни разъяснительныхъ статей, представляя длинный столбецъ перечневыхъ, инвентарныхъ указаній.

Древняя лѣтопись ненарушимо и непрерывно прошла черезъ всю русскую исторію, начиная съ Нестора до конца смутнаго времени,

Digitized by Google

чуть не до самаго Петра, отнявшаго чернильницы у монашествующихъ бытописцевъ. Частныя замѣтки туземнаго происхожденія составляли въ ней рѣдкое явленіе, а потому и послѣ великаго преобразованія лѣтопись можно продолжать по оффиціальнымъ документамъ, которые и по настоящее время наполняютъ „Сенатскія Вѣдомости“ и имъ подчиненные, имъ сходственные, различные указатели, по минованіи надобности сдающіе весь свой многообильный матеріалъ въ Полное Собраніе Законовъ. Серьёзныя попытки для составленія осмысленной и настоящей исторіи Россіи были сдѣланы Татищевымъ и Карамзинымъ и ихъ немногими подражателями или противниками, но отнюдь не продолжателями, такъ что никто изъ этихъ дѣятелей не достигъ желаемаго конца, остановившись на полпути, или и того менѣе. С. М. Соловьевъ, какъ-бы опасаясь участи своихъ предшественниковъ, далъ своему труду форму, при которой можно впередъ опредѣлить, когда онъ будетъ доведенъ до конца, разумѣется, въ предѣлахъ возможной человѣческой жизни; и дѣйствительно наша исторіографія еще никѣмъ не была доведена такъ близко и въ такой полнотѣ, какъ то удалось С. М. Соловьеву. Новѣйшіе архивокопатели отыскиваютъ множество документовъ, записокъ, писемъ, замѣтокъ, памятей, разумѣется, не далѣе какъ съ XVII-го столѣтія; но весь этотъ богатый, нерѣдко драгоцѣнный хламъ составляетъ лишь историческій сырой матеріалъ. Въ итогѣ выходитъ, что наше общество совершенно бѣдствуетъ въ отношеніи историческихъ сочиненій. Еще Петръ, спустя два столѣтія, не дожилъ до своего историка, и какой бы ни былъ опытъ Устрялова, такъ онъ и остается непродолженнымъ. Казенно-оффиціальное, сухое изложеніе Лефорта составляетъ единственный трактатъ о знаменательномъ царствованіи Екатерины II-й. Трудъ генерала Богдановича объ Александрѣ I-мъ не столько составляетъ исторію этого государя, сколько изложеніе политическихъ событій Россіи въ продолженіе его жизни. Если такія крупныя личности не возбудили трудолюбія и творчества изыскателей и разработывателей, то остальныя и подавно остались нетронутыми, неразъясненными. Правда, за послѣднее время историческія монографіи стали учащаться и начинаютъ получать серьёзность, добросовѣстность и занимательность, такъ что ихъ можно считать чѣмъ-то въ родѣ начала нашей исторической литературы, но все же она такъ скудна, что заставляетъ краснѣть при самомъ поверхностномъ сравненіи съ любою историческою библіотекою самомалѣйшаго европейскаго государства. Равнодушіе ли публики, или безсиліе писателей и изслѣдователей виноваты въ этомъ рѣзкомъ пробѣлѣ? Или одинаково дѣйствуютъ обѣ причины вмѣстѣ съ другими обстоятельствами „не предусмотрѣнными“, какъ выразился не-

Digitized by Google

давно „Гражданинъ“, возвѣщая о возвращеніи комедіи г. Писемскаго ея автору, — насъ это не занимаетъ въ настоящую минуту.

22-й томъ исторіи С. М. Соловьева начинается съ 1745 года. Едва минуло столѣтіе съ воцаренія Алексѣя Михайловича; еще не прошло четверти столѣтія послѣ смерти преобразователя; не хватало еще до полнаго полустолѣтія съ тѣхъ поръ какъ молодой, любознательный царь, довольный успѣхами азовскихъ походовъ, но вовсе недовольный стародавними московскими порядками, совершилъ безпримѣрное трудовое паломничество по Европѣ не только чуждой для Москвы, но ей ненавистной, въ силу болячки своего самопрельщенія. А между тѣмъ новорожденная Русь утратила многое, что сто лѣтъ назадъ служило ей неподдѣльнымъ отпечаткомъ. Россія XVII-го вѣка также мало походила на Россію XVIII-го столѣтія, какъ минувшая Римская имперія на средневѣковую Европу, вылѣпившуюся изъ матеріаловъ имперіи Карла Великаго, отпечатокъ которой все-таки перешелъ въ столь ей чуждую имперію Карла V-го. Почти апокалипсически можно было сказать, что явилось новое небо, новая земля, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже не было, т.-е., другими словами, явились новые порядки, новыя понятія, необычныя воззрѣнія, и старинная косность расшаталась. Но все человѣчество, т.-е. историческое, дѣятельно и дѣйствительно существующее, а не призрачное, воображаемое и грёзовое развивается въ крайней послѣдовательности, въ непреложномъ сродствѣ послѣдующаго съ предыдущимъ. Самое явленіе или осуществленіе дѣйствія не иное что какъ борьба прошлаго съ настоящимъ, которое, какъ бы оно ни было сильно и выразительно, долго препирается съ косностью того, что выработалось вѣками, и самое лучшее новшество если не подстрекается, то упорно задерживается заматорѣвшею массою старины.

Борьба съ прошлымъ, заявленная Петромъ, велась имъ такъ энергично, что вызвала около него бездну птенцовъ и вольныхъ, и невольныхъ, хотя бы пигмеевъ въ сравненіи съ его колоссальностью: не менѣе того они были неоспоримыми результатами великаго его почина. Борьба упорно продолжалась имъ цѣлую четверть столѣтія при самыхъ исключительныхъ условіяхъ. Небывалая, широко раскинувшаяся 21-лѣтняя война не помѣшала Петру категорически измѣнить управленіе государствомъ во главѣ и въ членахъ; онъ перестроивалъ бытъ экономически и фискально; онъ сочинялъ разнородные регламенты, указы и предписанія; устраивалъ Сенатъ и Синодъ; ограничивалъ права монастырей, предназначая ихъ на пользу государству; заводилъ школы и отсылалъ въ иноземную науку праздныхъ служилыхъ людей, слишкомъ пріобыкшихъ къ отнѣкиванію и московской

Digitized by Google

волокитѣ; онъ упоительно строилъ новую столицу чуть не на тундрѣ, подъ напоромъ безпокойныхъ волнъ; онъ оживлялъ и обстановлялъ торговлю, заводилъ фабрики и заводы, пролагалъ пути сообщенія, счислялъ свой народъ, вводилъ рекрутчину, наконецъ, начерталъ планъ Де-сьянсъ Академіи, когда еще некому было учить, некому было учиться. Такой громадный обвалъ, скатившійся на вѣковую дремоту Москвы, проявившій такую неслыханную и всестороннюю неумолкающую дѣятельность, по необходимости долженъ былъ ошеломить современниковъ, которые хотя-нехотя пошатнулись въ своей косности, и не имѣя времени, ни сроку для отдыха, по привычной давнишней косности, безсознательно косно понеслись какъ хвостъ за ядромъ кометы. Никакое міровое явленіе, ни даже все разившая и все оглушившая французская революція не представляла такой послѣдовательности, которая выказалась бы еще ошеломительнѣе, еслибъ судьбѣ угодно было дать Петру достойныхъ его преемниковъ. Практика, приводящая къ непреложному закону, что всякое дѣйствіе имѣетъ соотвѣтствующее себѣ противодѣйствіе, доказываетъ до очевидности, что за рядомъ потугъ и усилій слѣдуетъ отдыхъ, прогулъ послѣ нѣкоторой продолжительности дѣйствованія, отчего прямолинейное фиктивное движеніе постоянно обращается въ криволинейное, даже двоякой кривизны, то сомкнутое, то раскрытое. Если за прогрессомъ не всегда слѣдуетъ регрессъ, то постоянно послѣ его размашистой дѣятельности настаетъ застой, передержка, которыми тѣмъ удобнѣе пользуется отжившая старина, чѣмъ это такъ-называемое отрицательное или обратное движеніе менѣе стойко, менѣе терпко. Старина, имѣющая за себя давность, слѣдовательно и raison d'être, немедленно вступаетъ въ свои права, лѣзетъ изъ кожи, чтобъ ослабить дѣйствіе даннаго толчка и измѣнить его направляющую линію. Но инерція, присущая движущемуся тѣлу, не позволяетъ вполнѣ пропасть данному толчку, несмотря на всѣ сопротивленія и возможныя пертурбаціи.

Законность и откровенность были постоянными стимулами, которыми руководствовался великій Петръ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, подчиняясь имъ самъ безусловно, а потому безмилосердно, безжалостно караль всѣхъ тѣхъ, которые издавна привыкли обходить всякую законность и волочить дѣла далеко отъ дневного свѣта. Напротивъ, въ продолженіе послѣднихъ трехъ четвертей XVIII-го столѣтія въ новой Россіи, послѣ крутого нововводителя утвердилось женское царствованіе, и интриги забушевали, когда еще великій Петръ не испустилъ своего мощнаго дыханія. Новыя хитросплетенія не были похожи на былыя татарскія крамолы мѣстниковъ (хотя мѣстничество не пропало послѣ сожженія кичливыхъ разрядовъ московскаго

Digitized by Google

боярства разнороднаго происхожденія), а были плодомъ еще юной, непонятой цивилизаціи — отчаянною борьбою между закоснѣлымъ старымъ и далеко еще не окрѣпшимъ новымъ. Съ другой стороны, новое такъ было органически введено, такъ солидарно съ выгодами общества, что никоимъ образомъ не могло допустить возврата стариннаго безобразія, вслѣдствіе чего не въ дальнемъ времени должны были появиться Ломоносовъ, Радищевъ, Новиковъ и многіе другіе извѣстные и гораздо многочисленнѣйшіе неизвѣстные дѣятели, которымъ непосчастливилось сохраниться на памяти людей.

Потому-то нельзя не сожалѣть, что наша исторіографія не измѣняетъ своего характера, хотя бы со времени Петра, когда запахло новою, необычною, усиленною жизнью. Если лѣтописное изложеніе и статейное дробленіе могли приличествовать при обслѣдованіи судебъ древней Руси на всѣхъ ея ступеняхъ, во всѣхъ оттѣнкахъ и видоизмѣненіяхъ, то въ годину по просвѣщеніи слѣдовало основаться на новыхъ, болѣе живыхъ, естественныхъ, а слѣдовательно, болѣе интересующихъ началахъ. Передъ нами пять главъ царствованія императрицы Елисаветы, отъ 1745 до 1748 г. включительно, и каждая глава, несмотря на свои несомнѣнные и достовѣрные факты, представляется перечнемъ или скорѣе инвентаремъ, въ которомъ матеріалъ расположенъ по единожды принятымъ и утвержденнымъ рубрикамъ. Сначала коротенькое обозрѣніе внутренней дѣятельности, преимущественно почерпнутой изъ общаго собранія законовъ, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ эпизодовъ (Грюнштейнъ, Татищевъ, Брауншвейгское семейство и т. д.). Затѣмъ, болѣе обстоятельное и распространенное изложеніе внѣшнихъ сношеній, опять на основаніи документовъ вырванныхъ или поднятыхъ изъ родимыхъ архивовъ, съ присоединеніемъ немногихъ туземныхъ записокъ. Достовѣрность вполнѣ упрочена, но чувствуется крайній недостатокъ въ сравнительной оцѣнкѣ на основаніи иностранныхъ источниковъ, которыми такъ богато XVIII-е столѣтіе. Такъ составлены первыя четыре главы, въ заключеніе которыхъ приложено общее обозрѣніе состоянія образованности за первыя семь лѣтъ елисаветинскаго правленія.

Но лѣтопись самая точная, самая плодовитая, самая добросовѣстная и достовѣрная, какъ уже замѣчено, никогда не была и не будетъ исторіею. Послѣдняя требуетъ характеристикъ, картинъ, разъясненій, обобщеній, заключеній, которыя не анатомически выказывали бы намъ организмъ государства, но воспроизводили бы передъ нами всю жизненную дѣятельность въ естественномъ сравненіи съ прошедшимъ, съ наведеніями на будущее; словомъ, нужны духъ времени и его исторически выработавшіяся возможности.

Digitized by Google

Значительная доля разбираемаго 22-го тома „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, занята политикою, т.-е. сношеніями съ иноземными державами и вмѣшательствами послѣднихъ въ интриги тогдашняго двора, который раздѣлялся между всемогущимъ Бестужевымъ, вселюбимымъ Разумовскимъ и всехитрѣйшимъ Воронцовымъ, подъ сурдинку котораго медленно, но прочно вырабатывалась партія Шуваловыхъ.

Европа втягивалась въ наслѣдственныя войны и находила вовсе не лишнимъ притянуть къ себѣ молодую Россію, которая потому должна была выдти изъ выжидательнаго и нейтральнаго положенія, предначертаннаго ей осторожнымъ и прозорливымъ Петромъ, уже предвидѣвшимъ, что сосѣдняя, безурядная Польша надолго будетъ вѣрнымъ залогомъ такой выжидательной политики. Канцлеръ Бестужевъ, превосходно постигая войнолюбивыя стремленія юной Пруссіи, искалъ ей противувѣса въ союзѣ съ Австріею и Швеціею; между тѣмъ какъ его товарищъ Воронцовъ стоялъ за Францію и за ея совершенно случайнаго, далеко не естественнаго союзника Фридриха II, тогдашняго заклятаго Герострата Европы. Не успѣвши вóвремя поддержать Августа саксонскаго и польскаго въ его неравной и неожиданной борьбѣ съ Пруссіею, Бестужевъ, послѣ неминуемаго торжества Фридриха II, доставилъ подмогу Маріи-Терезіи, которая, благодаря простору произведенному появленіемъ русскихъ на берегахъ Рейна, успѣла заключить выгодный миръ съ Франціею, сохранивши цѣлость своихъ владѣній согласно съ прагматическою санкціею, такъ назойливо навязанною ея отцомъ всѣмъ европейскимъ кабинетамъ. Фридрихъ вполнѣ оцѣнивалъ значеніе Россіи, если она перейдетъ на другую сторону. Угадывая его уловки, австрійскій канцлеръ Улефельдъ откровенно сообщалъ нашему посланнику въ Вѣнѣ Лонгинскому, что въ концѣ концовъ „Фридрихъ II-й доберется до польской Пруссіи, потомъ до Курляндіи, а потомъ получитъ аппетитъ и на Лифляндію“. Французскій кабинетъ, по интригамъ совершенно необдуманно дѣйствовавшій противъ Австріи, замышлялъ тройной союзъ, причемъ выставлялъ: „еслибъ Россія вступила съ Франціею и Пруссіею въ такой тѣсный союзъ, чтобъ были три головы подъ одной шапкой, то ей нечего бояться никакой державы. Воронцовъ, путешествовавшій въ это время по Европѣ, сильно стоялъ за осуществленіе такого сближенія, но бдительный канцлеръ предупредилъ его козни, убѣдительно доказывая императрицѣ, что „на дружбу Фридриха отнюдь нолагаться нельзя“, а добрая Елисавета, соглашалась съ его доводами, называла Фридриха „шахомъ Надиромъ прусскимъ“. Воронцовъ обратился-было къ бывалому интригану Лестоку, но Бестужевъ восторжествовалъ, и отцвѣтшій Монкъ былъ сосланъ въ Устюгъ.

Digitized by Google

Кронпринцъ шведскій, бывшій епископъ любскій, женившись на сестрѣ Фридриха II-го, всего болѣе старался о союзѣ прусскомъ и объ ослабленіи русскаго вліянія. Ловкій Корфъ, устроившій удовлетворительно голштинскія дѣла, переведенный въ Стокгольмъ, употребляя тогдашніе обычные подкупы, поддерживалъ партію шапокъ и крестьянство, убѣждая настойчиваго кронпринца, что: „государи не всегда имѣютъ возможность узнать людей окружающихъ ихъ, ибо эти люди показываютъ лишь только свою хорошую сторону". Но упорный кронпринцъ, надѣясь съ помощью Франціи и Пруссіи утвердить въ Швеціи самодержавіе, беззастѣнчиво отвѣчалъ: „когда я былъ любскимъ епископомъ, то нуждался въ помощи русской императрицы; а теперь, будучи кронпринцемъ шведскимъ, долженъ самъ себѣ помогать". И дѣйствительно, сила наслѣдника все возрастала, особенно когда, пользуясь болѣзнью короля, ему удалось удалить ректора упсальскаго университета Окерхельма, главнаго сторонника Россіи. Корфъ снова воротился въ Данію, уступивши мѣсто своему преемнику Н. И. Панину.

Пруссія не бездѣйствовала и на Востокѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Франціею интриговала противъ Россіи въ Турціи, откуда нашъ посолъ Вешняковъ, хорошо извѣщенный о разслабленіи Турціи и о симпатіи къ Россіи ея славянскихъ и вообще христіанскихъ подданныхъ, сообщалъ: что „отъ разрушенія Турецкой имперіи, отъ основанія на ея мѣсто сильной христіанской державы много выиграютъ и Россія и Европа. Такимъ образомъ, равновѣсіе Европы зависѣло бы отъ этого государства на Балканскомъ полуостровѣ". Смерть Вешнякова остановила всякое разсужденіе о Турціи, занятой въ то время безпокойною войною съ Персіею, гдѣ противъ интересовъ Россіи дѣйствовала на Каспіи уже и тогда опасливая и завистливая Англія. Смерть Надиръ-шаха открывала удобное время для вмѣшательства Россіи; но отвлеченная европейскими дѣлами, она возобновила дружбу съ новымъ шахомъ.

Новая Россія, всего болѣе навострившаяся въ дипломатическихъ сношеніяхъ, которыя далеко оставляли за собою опаску, волокиту и мелочную неуступчивость московскихъ пословъ, заняла видное мѣсто среди европейскаго семейства. Признавая благія послѣдствія, вышедшія изъ усиленной дѣятельности Бестужева, одного изъ самыхъ юнѣйшихъ, а все-таки послѣдовательнѣйшихъ птенцовъ Петра, мы вполнѣ должны проникнуться мыслью, что внутреннее развитіе молодого государства наиболѣе можетъ и должно обратить наше особенное вниманіе на изложеніе жизни такъ нечаянно обновленнаго общества. Интересно прослѣдовать, какъ жило это общество, только-что оторванное отъ своихъ закорузлыхъ привычекъ долго тяготѣвшей старины. Въ этомъ отношеніи указанія С. М. Соловьева довольно скудны, ограничены и

Digitized by Google

голословны. А стоило посондировать это странное общество, которое едва къ новому пристало, а далеко еще отъ стараго не отстало. Соединяя разсѣянные фрагменты изъ всей книги С. М. Соловьева, мы поражаемся солидарностью и назойливою стойкостью этой московской старины, которую такъ безостановочно подстригалъ нетерпѣливый Петръ. Невольно приходитъ на умъ, что читаешь не исторію, а смѣхотворные листки изъ альбома свистуновъ подъ исключительной редакціей маіора Бревнова:

„Товары не пропускаютъ, а *бьютъ*.

„Пока взятокъ не поднесутъ—*бьютъ*.

„Наниматься не пускаютъ народъ, а *бьютъ*.

„Воевода Шепшинъ напивается пьянъ, велитъ ударить въ набатъ и *бьетъ*.

„Епископъ Варлаамъ наѣзжаетъ въ монастырь и *бьетъ* казначея.

„Посолъ Неплюевъ схватываетъ самозванца Ѳедора Иванова и велитъ его *бить* нещадно плетьми.

„Прапорщикъ Кучинскій *бьетъ* полицейскаго дубьемъ и пробиваетъ ему голову.

„Ямской управитель Сиверцовъ велитъ полицейскихъ *бить* до смерти.

„Полицеймейстеръ Воейковъ *бьетъ* плетьми купца Тимоѳеева до смерти.

„Управитель, прикащикъ да староста *бьютъ* священника кнутомъ и дубинами.

„Грузинскій царевичъ велитъ схватить кн. Назарова, *бить* и волочить его.

„Президентъ Юсуповъ въ присутствіи сената *бьетъ* солдата по щекамъ.

„Безприходныхъ священниковъ хватаютъ на рынкахъ и *бьютъ* ихъ плетьми".

Вездѣ одинъ тонъ, одни пріемы; можно бы сказать, что это весьма смѣшно, если бы не было такъ грустно. Такъ вотъ она хваленая старина, заявлявшая себя среди смягченія нравовъ, завѣщанныхъ пресловутымъ Домостроемъ. Татарская закваска надолго должна была остаться, несмотря ни на какія реформы, законоположенія, примѣры и наставленія!

Но и дальнѣйшая картина мало позволяетъ забыться, что Русь выдвинута за околицы московскія. По обычаю завѣщанному искони отъ предковъ горятъ села, горятъ города, выгораетъ чуть не огуломъ вся Москва, а полиція бездѣйствуетъ или отнѣкивается. По прежнему продолжаются давно-обычные разбои, а нѣтъ людей для поимки или для конвоя. Героемъ такой голытьбы является Ванька-

Digitized by Google

Канъ, который въ первопрестольной Москвѣ за-разъ выполняетъ двѣ немудрыя должности: то онъ атаманъ городскихъ разбойниковъ, то сыскной полицейскій чиновникъ, ловящій слишкомъ знакомыхъ ему мошенниковъ; наконецъ, послѣ рецидива безобразія онъ выноситъ плети, ссылку, каторгу.

Не прекращаются давно выгодные побѣги отъ рекрутчины, отъ повинностей, отъ побоевъ, отъ голода; бѣгутъ толпами на Донъ, на китайскую границу, въ Персію, въ Турцію, и подавно бѣгутъ въ Польшу.

Падаютъ городскія стѣны, на которыя обращаютъ вниманіе когда они подавили довольно народу.

Необходимая доставка соли съ Строгоновскихъ варницъ постоянно замедляется за недостаткомъ возчиковъ, капиталовъ, лѣсу, рабочихъ рукъ; ищутъ подспорья въ Елтонѣ, выписываютъ соль изъ-за границы. Шуваловъ, для обезпеченія государственныхъ доходовъ, не колеблется предлагать одинаковую цѣну и на соль и на вино по всему государству. Винокуреніе терпитъ значительный ущербъ отъ самаго наглаго корчемства, которое укрывается въ недосязаемыхъ трущобахъ, а команды, высылаемыя для прекращенія, дерзко побиваются, по причинѣ ихъ малочисленности.

Ревизія тянется годы, терпитъ отъ укрывательства, отъ побѣговъ, отъ наглаго самодурства, а при назначеніи рекрутскаго набора выказываетъ свою несостоятельность въ статистическихъ пріемахъ, открывши недочетъ въ 15,000 душъ.

Недостатокъ въ деньгахъ чувствуется постоянно, и сенату вмѣняется въ особую заботу доставленіе денегъ.

Духовенство, сдерживаемое Петромъ, находившееся въ загонѣ при Аннѣ, начинаетъ свободно дышать при Елисаветѣ; теперь оно уклоняется отъ содержанія госпиталей, и оберъ-прокуроръ Шаховской ведетъ сильную борьбу съ синодомъ, за что возбуждаетъ противъ себя неудовольствія и доносы; хотя императрица не утверждаетъ его распоряженій, онъ все-таки удерживаетъ свое мѣсто.

Далѣе такихъ отрывочныхъ чертъ пережитаго, большею частью отрицательнаго характера, мы напрасно ищемъ воспроизведенія лицъ и общества въ его различныхъ средахъ—придворной, шляхетской, городской и сельской. Самыя приведенныя данныя ускользаютъ отъ полнаго вниманія, такъ какъ по принятому плану они слишкомъ однообразно расположены по всѣмъ главамъ. Самоуправство Грюнштейна съ Климовичемъ, шуриномъ временщика Разумовскаго, и бѣдственная судьба трудолюбиваго историіографа, но не безупречнаго администратора Татищева, безспорно, характеризуютъ общество и эпоху, и желательно было поболѣе такихъ эпизодовъ; но все-таки они должны

Digitized by Google

вытекать изъ обстоятельствъ дѣла, изъ смысла самаго разсказа, а не попадаться вставочно, какъ въ лѣтописи, и не носить такого протокольнаго характера, который маскируетъ самое значеніе приводимыхъ фактовъ. Судьба брауншвейгскаго семейства далеко неполна и прибавляетъ мало, сравнительно съ другими болѣе популярными сочиненіями.

Какъ уже сказано, въ завершеніе первыхъ семи лѣтъ царствованія Елисаветы, С. М. Соловьевъ прилагаетъ особую главу о состояніи тогдашней образованности въ Россіи, гдѣ, по словамъ автора, произошло смягченіе нравовъ, что плохо вѣрится тому, кто пробѣжалъ весь предыдущій скорбный листъ возмутительныхъ и грустныхъ явленій. Что полстолѣтіе, прожитое при иныхъ условіяхъ, при необычныхъ примѣрахъ, произвело на общество своего рода вліяніе, набросило хотя бы только поверхностный лоскъ на его представителей или тогдашней интеллигенціи, все это, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но для убѣдительности и для вразумленія недостаточно одного голословнаго заявленія, а крайне необходимо было привести тому ощутительныя доказательства, которыя напрасно станемъ искать въ „Исторіи Россіи".

Подъ вліяніемъ энергическаго новшества, Россія становится грамотною, и уже съ той поры устанавливаются наша литература и нашъ письменный, т.-е. грамматическій языкъ. Непривычное образованіе принимается медленно и какъ-бы нехотя. Гасильниковъ просвѣщенія встрѣчаемъ въ той средѣ, которой Петръ указалъ, какъ на самое прямое ея назначеніе, заботиться объ обученіи и распространеніи свѣдѣній. Архангельскій епископъ Варсонофій прямо и весьма категорически изъясняется: „чего ради такая по здѣшней епархіи школа построена? Да и школамъ въ здѣшней скудной епархіи быть не надлежитъ". А между тѣмъ заботливый архипастырь, священнодѣйствуя, заставляетъ поповъ и дьяконовъ „стоять босыми на снѣгу; жестоко онъ прибилъ своими руками соборнаго ключаря и велѣлъ водить его вокругъ монастыря на цѣпи въ жестокій морозъ; ставилъ священниковъ моложе 20-ти лѣтъ, волочилъ ставленниками, бралъ съ нихъ взятки". Вѣроятно, проникнувшись принципами архангельскаго архіерея, москóвскій купецъ Азбукинъ преслѣдуетъ ученаго дьякона, который принужденъ спасаться отъ побоевъ въ самый алтарь. Между тѣмъ, по свидѣтельству самихъ архіереевъ, во всей Москвѣ не болѣе 40 ученыхъ священниковъ, а остальные *„ничего не знаютъ"*. Семинаріи, пересаженныя по образцу югороссійскому, несмотря на сильныя возраженія Ѳеофана Прокоповича, продолжаютъ быть дебелыми средоточіями самой дикой, самой вычурной схоластики, которая, удерживая научные предметы, сохранила въ нихъ всѣ нелѣпые

Digitized by Google

предразсудки средневѣкового невѣжества. Да къ тому же преподавателями допускаются одни монахи; а свѣтскіе подвергаются самымъ оскорбительнымъ и безобразнымъ преслѣдованіямъ, хотя по регламенту префектъ семинаріи *„долженъ быть не весьма свирѣпый и не меланхоликъ“*.

Не много впередъ ушла отъ такой узкой рутины, средоточіе и разсадникъ образованія, *„Де-сьянсъ Академія“*, основанная Петромъ по совѣту великаго Лейбница. Съ самаго открытія Шумахеръ самолично и почти самовольно заправлялъ всѣмъ ходомъ дѣятельности академіи и мало стѣснялся въ продолженіе царствованія Анны, когда нѣмцамъ была привилегія дѣлать все по своему норову. Въ началѣ новаго правленія Нартовъ, бывшій токарь Петра Великаго, и знаменитый математикъ и путешественникъ Делиль подали въ сенатъ жалобы на несправедливости и злоупотребленія Шумахера; вслѣдъ за ними подали также челобитную всѣ члены академіи, между которыми большинство было все нѣмцы. Несмотря на всѣ вѣскіе доводы, сенатъ оправдалъ Шумахера, который при новомъ президентѣ Кириллѣ Разумовскомъ достигъ того, что по новому регламенту академіи, 1747 года, канцелярія стала выше профессоровъ. Главная цѣль и назначеніе академіи заключались въ приготовленіи молодыхъ людей съ университетскимъ образованіемъ. Но такое важное дѣло шло весьма неудовлетворительно по скудоумію преподавателей и по неподготовкѣ слушателей, которые трудно или вовсе непонимали нѣмецкаго языка. Немногіе русскіе, съ трудомъ пробивавшіеся изъ адъюнктовъ въ профессора, приносили несомнѣнную и единственную пользу. В. Тредьяковскій занималъ мѣсто профессора элоквенціи по сенатскому утвержденію, помимо академическаго синедріона, очень нерасположеннаго къ русскимъ, для которыхъ они были выписаны и содержались, и для которыхъ именно сама академія была основана. Къ соблазну нѣмцевъ, въ академіи появилась звѣзда первой величины въ лицѣ Ломоносова, который работалъ неутомимо и разнообразно и положилъ начало всестороннему русскому знанію, несмотря на пагубное *шальство* и на безпрестанное отрываніе отъ дѣла для присяжнаго написанія хвалебныхъ одъ на всевозможные радостные, торжественные и казусные случаи.

Остальными разсадниками образованія были шляхетскій кадетскій корпусъ, академія морская, инженерная и артиллерійская, которыя всѣ имѣли характеръ общеобразовательныхъ заведеній, сродный съ лицеями; и въ нихъ преподаватели за недостаткомъ туземныхъ пополнялись большею частью выписными иностранцами. Медицинская школа въ Москвѣ приходила въ упадокъ за недостаткомъ воспитанниковъ, для пополненія которыхъ синодъ запретилъ выпускать воспитанни-

Digitized by Google

ковъ семинаріи, такъ что правительство принуждено было открыть входъ для разночинцевъ, которые, какъ незнакомые съ латинскимъ языкомъ, оказывались несостоятельными. Также при Де-сьянсъ Академіи находилось художественное отдѣленіе, которое напрасно Нартовъ хлопоталъ сдѣлать самостоятельнымъ заведеніемъ. Художники не могли успѣвать, потому что по регламенту они пополнялись *негодными* учениками. Все-таки за это время являются достойными художниками Вешняковъ, Каравакъ и Растрелли; да и вообще говоря, исторіографія нашего XVIII-го вѣка могла бы смѣло выступить изъ формъ архивнаго бытія и вступить въ новый фазисъ существованія. Почтенный трудъ С. М. Соловьева окажетъ къ тому не малое содѣйствіе и во всякомъ случаѣ послужитъ самымъ надежнымъ руководителемъ.

Азбука, графа *Л. Н. Толстаго*. 4 книги. Москва, 1872.

Доброе и святое дѣло—забота о разъясненіи, облегченіи и должномъ направленіи народнаго образованія, которое въ только-что пройденное нами десятилѣтіе куда недалеко подвинулось впередъ. Предпринимая важный подвигъ просвѣщенія массы, прежде всего надо имѣть въ виду цѣлесообразность, для достиженія которой необходимо стать прочно на почву, то-есть, предварительно изучивши дѣйствительныя потребности разсматриваемой среды, всю свою систему почерпнуть изъ самой почвы и изъ самаго дѣла, а не изъ кабинетныхъ иллюзій, или праздныхъ самовоздыханій, большею частью почерпнутыхъ изъ заграничныхъ книжечекъ, несомнѣннаго достоинства, а не то что сомнительной репутаціи. Пожалуй, многія изъ такихъ руководящихъ книжицъ имѣютъ свою долю пользы, если онѣ вытекли изъ органическихъ потребностей общества, для котораго онѣ предназначались. Но при всей такой категоричной состоятельности, такія чужеземныя произведенія далеко непригодны для каждаго и всякаго, и въ концѣ концовъ могутъ лишь служить вѣрнымъ источникомъ, назидательнымъ примѣромъ, къ которымъ отчего же не прибѣгать, приступая къ мудреному и важному дѣлу руководствованія народнымъ образованіемъ. При всѣхъ такихъ аксессуарахъ надо неослабно помнить, что каждая почва своеобразна, а потому имѣетъ свои свойства, свои особенности, свои потребности, словно собственную индивидуальность. Попытки Ушинскаго, Корфа, Столпянскаго, Водовозова вышли изъ самаго дѣла, а потому, несмотря на ихъ многія неизбѣжныя несовершенства и невольные промахи, все-таки условно являются пригодными, разумѣется, при достаточной педагогической сноровкѣ преподающаго.

Digitized by Google

Мы имѣемъ передъ собою четырехчастный трудъ гр. Л. Н. Толстаго, распространенный болѣе чѣмъ на 800 страницахъ, стоющій не дешевле двухъ рублей, прозванный *Азбукою*, хотя скорѣе можно считать его руководствомъ для неполнаго первоначальнаго обученія, что-то въ родѣ своеобразной хрестоматіи, въ назиданіе россійскому юношеству.

Очень жаль, что для полнаго уразумѣнія всей *Азбуки* и ея системы авторъ не предпослалъ своему труду введенія, которое разъяснило бы, почему нужно Азбуку разбить на четыре части, а не на 2, на 5 или болѣе книжекъ? Во-вторыхъ: какъ учителю прилагать на дѣлѣ эту четырех-актную мистерію для возращенія любознательности молодежи? Въ-третьихъ: для какого слоя общества авторъ преимущественно предназначалъ свой трудъ?

Рѣшеніе такихъ основныхъ и многихъ другихъ вопросовъ хорошо разъяснило бы пониманіе значенія разсматриваемой *Азбуки*. Если четыре книги обозначаютъ четыре курса, года или полугодія, то постепенность въ нихъ оказывается развѣ въ отдѣлѣ о счисленіи. Коегдѣ, вскользь намекается на что-то похожее на грамматическія рубрики; но онѣ до того скудны, неполны, фрагментарны и разбросаны, что вѣроятно, какъ нерѣдко ссылается гр. Л. Н. Толстой, эта существенная часть при изученіи русской рѣчи вполнѣ зависитъ опять отъ состоятельности учителя, то-есть, отъ его *знанія* и *умѣнія*. Такъ, мы не находимъ нигдѣ даже и намека на предложеніе, то-есть, на самый существенный элементарный пріемъ всякаго преподаванія. Далѣе, изъ всего изложенія никоимъ образомъ невозможно угадать мысль автора, какъ послѣдовательно долженъ учитель соединять трудно соединяемыя три или четыре части, на которыя подраздѣляется каждая книга *Азбуки*. Или и это вполнѣ зависитъ отъ качественности преподавателя, то-есть, опять отъ его *знанія* и *умѣнія*?

Правда, авторъ заканчиваетъ каждую свою книжку послѣсловіемъ, предназначеннымъ въ руководство учителю, особенно распространяясь въ концѣ первой книги. Но эти напутственныя рѣчи слегка лишь касаются механизма самаго употребленія разсматриваемаго труда, и нѣсколько обширнѣе и распространеннѣе касательно счисленія.

По всей вѣроятности, гр. Л. Н. Толстой имѣлъ въ виду чисто народныя школы, то-есть, сельскія и городскія. Въ такомъ случаѣ большинство матеріала, какъ это ниже постараемся доказать, и странно и смѣшно. Если, напротивъ, четырехкнижная *Азбука* предназначена для среднеобразовательныхъ заведеній, или для домашняго обученія, то признаемся, что объемъ такъ великъ и растянутъ, что напрасная затрата непроизводительнаго времени слишкомъ краснорѣчиво говоритъ противъ плодовитой *Азбуки*.

Digitized by Google

Потому очень мудрено разъяснить себѣ отчетливо цѣль, которую предполагалъ авторъ при составленіи объемистой, дорогой и разнокалиберной *Азбуки*. Главнѣйшимъ образомъ, онъ бьетъ шибко на мораль, которая до оскомины пріѣлась въ фабрикаціяхъ іезуитскаго пошиба плаксивой сантиментальности, гдѣ употребляется для того обычный запасъ басней, присказокъ, сказокъ, сентенцій и нравоучительно-невинныхъ или уморительно-смѣхотворныхъ разсказовъ.

Гр. Л. Н. Толстой, по обыкновенію русскаго человѣка вообще, погнался за нѣсколькими зайцами разомъ, и не мудрено что промахнулся на всѣхъ. Обучивши своеобразно грамотѣ, авторъ предположилъ научить по-русски лѣтописному и славянскому языкамъ; такое языкоученіе, чисто почти беллетристическое, онъ заканчиваетъ объясненіемъ счисленія.

Составитель *Азбуки* предлагаетъ наглядно изучать и изображать буквы, отвергая фонетическій, общепринятый, самый естественный методъ, останавливается на только-что покинутыхъ *бе, ве, ке, ре, фе, хе, ше* и т. п., увѣряя, что предлагаемый способъ легче для обучающихъ и для обучающихся, а если послѣдніе будутъ запутываться въ складываніи *бе, ве, же* и т. п., то гордіевъ узелъ разрубится рутинною привычкою, лихою смекалкою, причемъ авторъ не обинуясь прибавляетъ, что *понятливый ученикъ выучитъ всѣ буквы въ одинъ урокъ* (можетъ быть, при такой быстротѣ пониманія и воспріимчивости, всѣ четыре книжки легко исчерпаются въ четыре семестра обученія). Научивши читать и изображать буквы, авторъ подкрѣпляетъ пріобрѣтенныя знанія очень нехитрыми рисунками, между которыми вздѣтая иголка сильно напоминаетъ кнутъ; хомутъ—что-то широкое съ прорѣхою, и многое другое; вѣроятно въ подкрѣпленіе своего требованія, чтобъ изображенія давали возможность *ученику безошибочно называть предметъ*, авторъ сажаетъ школьника на прадѣдовскую зубристику слоговъ отъ *ба* до *вспы* съ компаніей. Несравненно счастливѣе мысль упражненія въ по-слоговомъ чтеніи по пословицамъ, которыя безспорно составляютъ самую утѣшительную, практическую, истинно полезную, но крайне гомеопатическую долю многословнаго и разнороднаго сочиненія. Далѣе слѣдуютъ упражненія надъ иначе произносимыми звуками, и для наглядности обозначены надстрочныя буквы, что окончательно собьетъ учащихся, пріучая ихъ къ помочамъ, которыя впрочемъ скоро и навсегда отымаются, слѣдовательно, оказываются несостоятельными и излишними, не говоря уже о томъ, что они много поспособствуютъ и такъ у насъ прихрамывающему правописанію. Раціональнѣе начертаніе неудобоваримой буквы *ъ* особеннымъ, утолщеннымъ шрифтомъ; она обращаетъ на себя постоянное вниманіе учащихся, отчего, понятно, правильная ея постановка обратится въ навыкъ.

Digitized by Google

Что́ сказать о самодѣльныхъ нравственныхъ разсказахъ, въ которыхъ: *собачонка съ крысу не можетъ прокусить сапога*? изъ этого выводится мораль—*бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ;* или: *мальчику дали книгу — непонятно; другую — скучно;* а вотъ заключеніе: *бабѣ дали холстъ — толстъ; дали потонъ — дай боль.* Признаться надо, требуется великая изобрѣтательность, чтобъ учитель могъ какъ-нибудь склеить предыдущее съ послѣдующимъ. Упражненія на знаки препинанія (. : ; , ? ! ( )) далеко неполны, а что касается до—: и ; ,—постановка огульно ошибочна, и при объясненіи окончательно поставитъ въ тупикъ преподавателя, который напрасно будетъ спрашивать себя, почему же вмѣсто выставленныхъ знаковъ не употреблять другіе? Невольно задаешь себѣ вопросъ: къ чему и для кого понадобились такіе странные непривычные разсказы какъ: *Слонъ, Китайская царица Силина, Бухарцы, Эскимосы* и многіе имъ однородные. За то несравненно сподручнѣе стоитъ народное сказаніе *Дурень*, удобопонятное, какъ взятое изъ обиходной жизни и изъ неистощимаго юмора русскаго народа.

Исчерпавши своеобразно и разнообразно всю грамотность, подслащенную сомнительною моралью, графъ Л. Н. Толстой переходитъ къ изученію славянской азбуки безъ азбуки, которая, по его мнѣнію, отрывочно, но основательно и притомъ наглядно заучится изъ труднопонимаемой Несторовой лѣтописи, на этотъ разъ напечатанной русскимъ шрифтомъ, съ вставками въ разбродъ нѣкоторыхъ славянскихъ буквъ, пока всѣ онѣ не истощатся. Такой сравнительный методъ только и можетъ произвести путаницу и безтолковіе. Но оставимъ это, пожалуй, второстепенное обстоятельство: можетъ статься, *понятливый ученикъ* при пособіи учителя *съ знаніемъ и умѣніемъ* совладаетъ съ такимъ мытарствомъ; но скажите, къ чему начинать изученіе славянскаго языка съ лѣтописи, съ которою малому никогда не придется повстрѣчаться по узкому пути своей горемычной жизни! Вѣдь не станете же вы съ нимъ проходить по Буслаеву зависимость русскихъ формъ отъ славянскаго словопроизводства и словосочиненія. А время потратится изрядно; а на что вступительное Несторово бытописаніе, въ которомъ именъ и не перечесть, и врядъ ли сельскій учитель съумѣетъ имъ пріискать современныя мѣстонахожденія. Послѣ такого безпослѣдовательнаго, тяжкаго, безтолковаго труда, авторъ переходитъ къ четьѣ-минеи (разумѣется, позднѣйшей редакціи) и на первый разъ подчуетъ житіями малоизвѣстныхъ и далеко незанимательныхъ Филарія и Давида. Между тѣмъ изъ той же минеи можно было привести житіе общеизвѣстнаго и популярнаго Николая мирликійскаго. Изъ Бытія приводится первая глава о сотвореніи (почему бы не занять было

Digitized by Google

изъ книги Числъ, въ pendant Несторовому бытописанію, представляющей такую вереницу именъ); далѣе, начало изъ Матвѣя о любви къ Богу и къ ближнему, и все заканчивается обыденными молитвами, съ которыхъ, кажется, и слѣдовало бы начать. Удовлетворивши славянофильству, авторъ переходитъ къ излюбленному своему предмету, къ счисленію (по крайней мѣрѣ такъ сдается, судя по обширности и мелочности изложенія и по усиленнымъ наставленіямъ для учителя). Нумерація предлагается въ трехъ видахъ: славянскихъ, римскихъ и арабскихъ цифрахъ, съ упражненіями на счетахъ, на бумагѣ и наизусть. Изъ всей такой гимнастики выводится слѣдующее заключеніе: *какъ можно больше заставлять учениковъ считать по-римски*; нагляднѣе-де и вразумительнѣе, особенно безъ сокращеній. Или это новый шагъ къ дальнѣйшему возможному долбленію латинской грамматики въ нашихъ народныхъ школахъ?

Таково содержаніе первой книги, на которой мы долѣе останавливаемся, чтобы дать читателю болѣе ясное понятіе объ общемъ планѣ построенія азбуки. Послѣдующія три книги весьма однообразнаго состава, за исключеніемъ прогрессирующаго отдѣла о счисленіи, и всѣ начинаются quasi-хрестоматіей, сложенной изъ басней Эзоповыхъ, сказокъ, нравоучительныхъ и нравоописательныхъ разсказовъ и изъ былинъ; затѣмъ, слѣдуютъ: славянскій отдѣлъ, заключающій Несторову лѣтопись, выборки изъ минеи, Бытія, евангелистовъ и псалтыря, наконецъ, изъ счисленія.

Величайшая ошибка всего труда произошла отъ недостатка предпосланнаго плана и въ отсутствіи практической почвы. Кромѣ грамоты, чему авторъ думалъ научить, питая учениковъ годы своимъ четырехкнижіемъ? Казалось бы, слѣдовало, во-первыхъ, подумать о драгоцѣнномъ времени, которое слишкомъ на счету у простолюдина, а потому обрывочно удѣляемый имъ досугъ для обученія долженъ быть производительно употребленъ, т.-е. съ прямою, неподдѣльною пользою. Затѣмъ надлежало позаботиться, въ виду той же пользы, о практическомъ или научномъ матеріалѣ, который учащіе должны вынести изъ школы для прямого примѣненія къ обиходной жизни. Не видать изъ четырехъ книжекъ „Азбуки", какую себѣ предположилъ конечную цѣль графъ Л. Н. Толстой; но изъ того же четырехкнижія до очевидности убѣдительно и ясно, что научность не имѣлась въ виду: даже прямо оговорено, что не слѣдуетъ вести рѣчь объ извѣстныхъ доступныхъ предметахъ. Изъ всего множества статей: „Тепло, вѣтры и пары, магнитъ, сырость, ледъ, вода и паръ, удѣльный вѣсъ, вредный воздухъ, аэронавтика и электричество" (очень смутное) вскользь и далеко неудовлетворительно исчерпываютъ весь кругъ естествознанія, которое, должно быть, менѣе

Digitized by Google

римскихъ цифръ заслужило симпатію автора. А между тѣмъ, какъ всякому человѣку, а уже и подавно простолюдину, не ознакомиться съ подлежащею природою, съ ея явленіями, съ ея законами. Она съ нимъ органически связана, живетъ, питаетъ и грѣетъ его и, наконецъ, на каждомъ шагу вразумляетъ его. Чтобы ни говорили благодушествующіе противники реализма, одна природа и ея законы осмысляютъ общежитіе и даютъ возможность къ улучшенію домашняго быта. Что же касается до отечественнаго бытописанія, оно предлагается сырьемъ, цѣликомъ, подъ рядъ изъ Несторовой лѣтописи отъ библейскаго Ноя до смерти равноапостольнаго Владиміра, т.-е. ограничивается однимъ смутнымъ героическимъ періодомъ, котораго и слѣды-то только остались въ былинахъ да въ пѣснях. Исключительно вставлены два разсказа: о подвигахъ Ермака и о легендѣ про Петра въ Онежскомъ краѣ. А между тѣмъ куда бы хорошо было вмѣсто безполезныхъ разсказовъ: «Святогоръ, Акула, Камбизъ и Псаметихъ, Основаніе Рима, Гуси спасшіе Римъ, Поликратъ», и многихъ другихъ статей вовсе не-историческаго содержанія, поговорить о великомъ Новгородѣ, о татарщинѣ, о Грозномъ царѣ, о Мининѣ, о Великомъ Петрѣ, о двѣнадцатомъ годѣ, о Севастополѣ, объ отмѣнѣ крѣпостничества, о гласномъ судѣ. Да мало ли что́ можно предложить нашему простолюдину и даже горожанину, которые страдаютъ безвыходно совершеннымъ незнаніемъ не только былого, но всего ихъ окружающаго. Возставая противъ космографіи, какъ совершенно излишней и даже вредной для школы (видите, для простолюдина несравненно цѣлесообразнѣе знать, что земля покоится на китахъ, нежели то, что она вертится вокругъ солнца), графъ Л. Н. Толстой совершенно исключилъ землевѣдѣніе, т.-е. познаніе мѣста, почвы, производительности, замѣнивши все это описаніемъ какихъ-то невѣдомыхъ эскимосовъ (добро бы уже своихъ самоѣдовъ!) и болѣе наглядным очеркомъ Кавказскаго плѣнника. Или это нужно было для уравненія съ интеллигенціею, которая у насъ сплошь и рядомъ съ неба звѣзды хватаетъ, и храбро игнорируетъ все, что касается до нашего самообразнаго, обширнаго, богатаго и поучительнаго отечества?!

Зато какое преизобиліе басней, сказокъ, разсказовъ почерпнутыхъ у Эзопа, индійцевъ, американцевъ, арабовъ, персіянъ, турокъ и tutti quanti. Сказочный, вычурный и вообще болтливый элементъ какъ ни привлекателенъ для молодого ума, рѣшительно разжижаетъ лишь нервы, т.-е. дѣйствуетъ патологически, пріучая къ замѣнѣ несообразности, неестественности, небывальщинѣ, неправдѣ, поощряя дѣдовскіе предразсудки и закоснѣлое суевѣріе, и такъ черезъ-чуръ прирожденные намъ, не исключая доброй доли и

Digitized by Google

пресловутой интеллигенціи. Мораль трудно и неохотно выводится изъ несообразныхъ дѣйствій, а потому плохо вознаграждаетъ ихъ тлѣтворное дѣйствіе; напускная же мораль, извѣстно, производитъ одну нестерпимую тошноту. Нечего говорить, что всѣ нравственные разсказы, по примѣру пресловутаго аббата Готье и слезоточивой Дезулье, всего достигаютъ, но не нравственности, которая преподается жизнію, обществомъ и собственнымъ пониманіемъ. Бытовые разсказы гораздо прямѣе дѣйствуютъ на впечатлительность и на правильное сужденіе; потому нельзя не указать на дѣйствительную цѣлесообразность немногихъ разсказовъ, какъ „Солдатскаго житья“, „Булька“, „Аксеновъ“, „Кавказскій плѣнникъ“. Но такихъ здравыхъ разсказовъ не много, и ихъ усиленно приходится искать въ слишкомъ объемистомъ трудѣ.

Спросятъ насъ, почему такая незадача почти всѣхъ нашихъ сборниковъ, предназначаемыхъ для назиданія нашего юношества вообще, а нашего простолюдина въ особенности? Авторы всего болѣе хлопочутъ объ оригинальничаніи: имъ во что бы то ни стало хочется всецѣло провести собственное міровоззрѣніе, нерѣдко изъ рукъ вонъ какое узенькое и тщедушное. Для достиженія этой завѣтной мысли они неустанно фабрикуютъ безчисленныя статьи собственнаго, домашняго, нетребовательнаго издѣлія. Утомившись такою отчаянною самопроизводительностью, они охотно прибѣгаютъ къ хорошимъ иностраннымъ книжечкамъ, безъ устали черпаютъ изъ нихъ, передѣлываютъ, коверкаютъ, окуцываютъ, разжижаютъ, т.-е. неузнаваемо переработываютъ. А не проще ли, не естественнѣе ли, не полезнѣе ли и уже гораздо цѣлесообразнѣе, на общую пользу составлять просто сборникъ или хрестоматію изъ русскихъ пѣсней и былинъ, изъ лѣтописей, изъ нашихъ образцовыхъ писателей—Гоголя, Тургенева, Аксакова, Рѣшетникова, Успенскихъ, Марко-Вовчка и многихъ другихъ, болѣе или менѣе удачно схватывавшихъ завѣтную жизнь народа и всего общества. Для естествовѣдѣнія слишкомъ много переводныхъ и иностранныхъ превосходныхъ книжекъ, гдѣ все затрудненіе лишь въ удачномъ, подходящемъ выборѣ. Зачѣмъ также изгонять поэзію, которая, если существуетъ въ самой средѣ народа, всегда ему будетъ сочувственна въ стихахъ Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Кольцова, Никитина, и переводныхъ. Пожалуй, если авторское себялюбіе уже черезъ чуръ щекочетъ, можно въ пазахъ вклеить и свои думы и изворотъ, предоставляя ихъ вполнѣ терпѣнію или суду общества, которому они могутъ пойти въ прокъ или пропасть. Соблюдая такія простыя, немудреныя правила, мы представили бы меньше оригинальности, за то не было бы и фальшивыхъ тѣней, которыя у насъ тормазятъ, пожалуй, въ основѣ и доброе дѣло.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Экономическіе успѣхи современной Англіи.

History of British Commerce and of the economic progress of the British nation, 1763—1870. By *Leone Levi*, barrister-at-law, professor of the principles and practice of commerce and commercial law in King's College, London, doctor of political economy in the university of Tübingen, etc. London, 1872. *(Исторія британской торговли и экономическаго прогресса британской націи въ періодъ 1763—1870 г. Соч. Леона Леви).*

Сочиненіе Леона Леви о британской торговлѣ и экономическомъ прогрессѣ британской націи—одно изъ наиболѣе крупныхъ явленій въ иностранной литературѣ прошлаго года, какъ по предмету, котораго онъ касается, такъ и по дѣльному исполненію поставленной авторомъ задачи. Матеріальное развитіе Англіи въ послѣднее столѣтіе представляетъ собою явленіе едва ли менѣе интересное, чѣмъ политическое развитіе Пруссіи. Правда, это развитіе Англіи произошло не такъ у всѣхъ на глазахъ, оно не произвело ни одного *coup de théâtre*, оно совершилось мало-по-малу, въ тиши, — его не рѣдко отвергали въ гнѣвныхъ выраженіяхъ, надъ нимъ смѣялись; — но между тѣмъ оно постоянно дѣлало новые успѣхи, и въ книгѣ Леви эти успѣхи стоятъ уже передъ вами въ формѣ несомнѣнныхъ фактовъ и неоспоримыхъ выводовъ изъ неоспоримыхъ, статистическихъ данныхъ.

Политическое развитіе какой-либо націи насъ занимаетъ своею грозною стороною: мы начинаемъ опасаться этого развитія, какъ вреднаго для нашей собственной безопасности, и какъ явленія, которое указываетъ, что человѣческія общества все еще находятся на столь низкомъ уровнѣ нравственнаго развитія, что даже дѣломъ своего умственнаго образованія злоупотребляютъ въ пользу такого незавиднаго счастья, какъ политическая или военная слава.

Великія, кровопролитныя битвы нашихъ дней, блестящіе успѣхи русскаго оружія, ловкіе маневры прусскихъ армій и другіе военные подвиги сбили съ толку общественное мнѣніе цѣлыхъ націй, такъ что вездѣ явились мечтанія о пріобрѣтеніи такой же славы, какою покрылись нѣмецкія знамена въ послѣднюю войну съ Франціей. Эти мечтанія заслонили собою другія, болѣе существенныя основія человѣческаго счастья, и въ Европѣ повсюду раздаются насмѣшки — даже изъ устъ очень умныхъ людей — надъ „жир-

Digitized by Google

нымъ" счастьемъ матеріальнаго довольства, которое противополагается счастью славной смерти на полѣ національной чести. *Жирное* счастье дѣйствительно заслуживаетъ осмѣянія, но только съ жирнымъ счастьемъ націи не слѣдуетъ смѣшивать ея матеріальнаго развитія вообще. Подъ „жирнымъ счастьемъ" слѣдуетъ разумѣть такое обогащеніе націи, отъ котораго одни классы ея жирѣютъ на счетъ другихъ, какъ это было, напримѣръ, во Франціи, гдѣ буржуазное сословіе, хлопоча объ обогащеніи лишь своего собственнаго класса, не только не думало объ улучшеніи быта рабочихъ, но лизало преступную руку своевольнаго цезаря ради того исключительно, чтобы она держала рабочіе классы въ невѣжествѣ и употребляла всѣ усилія къ воспрепятствованію рабочимъ развиваться своими собственными силами. Европейскіе соціалисты и большинство европейскихъ ретроградовъ хотѣли видѣть въ матеріальномъ развитіи Англіи то же самое явленіе, и Англію, поэтому, весьма часто сравнивали съ Карѳагеномъ, предвѣщая ей ту же самую участь. Сопоставляя отдѣльные, случайные факты рѣзкаго контраста страшной нищеты и страннаго богатства въ Англіи, эти наблюдатели старались убѣдить своихъ читателей или слушателей, что Англія—лучшій, совершеннѣйшій типъ буржуазной страны, и что въ ней самымъ очевиднымъ образомъ сбываются будто бы ихъ печальныя предсказанія надъ основнымъ принципомъ буржуазнаго господства: *laissez faire, laissez aller*. Но, въ дѣйствительности, было совсѣмъ другое: подъ наружностью буржуазно-аристократическаго парламентаризма вотъ уже 50 лѣтъ какъ развивается и крѣпчаетъ тамъ серьёзное демократическое движеніе, которое въ наше время даетъ себя знать во всѣхъ отрасляхъ правительственной дѣятельности, не исключая и внѣшней политики. Само матеріальное развитіе Англіи шло, поэтому, не къ обогащенію однихъ лишь зажиточныхъ классовъ на счетъ трудящихся, но къ улучшенію быта всѣхъ. Правда, что Англія все еще имѣетъ среди себя значительную массу пауперизма, но онъ не такъ великъ, какъ прежде, а рабочіе классы между тѣмъ пріобрѣли всѣ гражданскія права, при помощи которыхъ и собственныхъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ, они могутъ уже довольно успѣшно бороться съ злоупотребленіями и насиліями капитала. Это большой успѣхъ, во всякомъ случаѣ. Матеріальное развитіе страны, совершающееся въ этомъ направленіи, никакъ не способствуетъ „ожирѣнію" націи; напротивъ, при такомъ развитіи богатства страна становится способною дѣлать успѣхи въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, то-есть съ бо́льшимъ знаніемъ устроивать благосостояніе и счастье всѣхъ своихъ обитателей.

Леви, въ своемъ сочиненіи, не дѣлаетъ никакихъ общихъ, фило-

Digitized by Google

софскихъ выводовъ изъ успѣховъ матеріальнаго развитія Англіи, но тѣмъ не менѣе, прочитывая со вниманіемъ въ его книгѣ ясное изложеніе всѣхъ судебъ британской промышленной индустріи въ послѣднее столѣтіе, подъ вліяніемъ внутренняго законодательства и внѣшнихъ давленій, а также природныхъ условій страны,—нельзя не придти именно къ тому заключенію, что экономическіе успѣхи британской націи могутъ имѣть лишь хорошее вліяніе на развитіе ея умственныхъ и нравственныхъ силъ. Тѣмъ интереснѣе, поэтому, становится сама „исторія британской торговли", ибо въ фактахъ этой исторіи заключаются причины того „здороваго" обогащенія націи, при которомъ и лучше живется, и охотнѣе совершается трудъ. Англіи далеко еще до совершенства, но она находится на пути къ нему, она движется по этому пути все быстрѣе и быстрѣе: въ ней слабѣютъ сословные предразсудки, образованіе становится доступнымъ для всѣхъ, трудъ пріобрѣтаетъ почетъ въ общественномъ мнѣніи, въ людяхъ усиливается чувство общественной солидарности и исчезаетъ мало-по-малу эгоистическое отношеніе къ другимъ народамъ.

Матеріальное развитіе Англіи въ послѣднія сто лѣтъ коснулось не общественныхъ сторонъ жизни только, но и увеличило домашній комфортъ большинства британской націи, дало этому большинству возможность улучшить какъ свое физическое существованіе, такъ и моральное, развивъ въ немъ стремленіе къ бережливости и независимости. Какихъ-нибудь 50 лѣтъ тому назадъ во всемъ Соединенномъ Королевствѣ не было ни одной сберегательной кассы, и все рабочее населеніе жило, какъ говорятъ англичане, „отъ руки до рта" — что̀ получитъ, то и съѣстъ. Въ 1830-мъ году было уже 412,217 человѣкъ, которые имѣли въ сберегательныхъ кассахъ до 13½ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а въ 1870-мъ число вкладчиковъ простиралось уже за 2½ милліона, и сумма вкладовъ простиралась до 53 милліоновъ фунтовъ. Въ 1830-мъ году сумма вкладовъ сравнительно съ числомъ населенія равнялась 12—13 шиллинговъ на человѣка, въ 1870-мъ она доходила до 34—35 шиллинговъ. Отчеты подоходнаго налога съ своей стороны показываютъ, что число лицъ подлежащихъ этому налогу, какъ лица получающія менѣе 300 фунтовъ (около 2,000 руб.) ежегоднаго дохода, возросло съ 1854 года по 1870-й годъ на 47 процентовъ, а число лицъ платящихъ налогъ съ своего ежегоднаго дохода въ 300 до 1000 фунтовъ стерлинговъ увеличилось на 61 процентъ, и наконецъ, число людей, имѣющихъ болѣе 1000 фунтовъ ст. ежегоднаго дохода, возросло на 63 процента. Цифра заработной платы, которую получили всѣ рабочіе въ Британскомъ королевствѣ, достигала до 300 милліоновъ фунтовъ (около 2 мильярдовъ руб.), а рабочихъ семействъ, считая по 4 души на

Digitized by Google

каждое, опредѣляется тамъ до 5 милліоновъ; слѣдовательно, на каждую семью приходится по 60 ф. ст. (около 400 руб.). Что положеніе рабочихъ классовъ положительно улучшается, — это доказывается еще вѣрнѣе увеличеніемъ потребленія предметовъ первой потребности жизни. Леви представляетъ опять сравненіе 1840 года съ 1870. Потребленіе коровьяго масла возросло съ 1,05 фунта на человѣка—до 4, 15; потребленіе сыра съ 0, 92 фунта—до 3, 67; потребленіе хлѣба съ 42, 47 ф.—до 124, 39; чая—съ 1, 22 ф.—до 3, 81; сахара—съ 15, 20 ф.—до 41, 93 фунт. въ годъ.

Всѣ эти экономическіе результаты, благопріятные рабочему классу, достигаются, главнымъ образомъ, широкимъ развитіемъ британской промышленности и торговли, которое поддерживаетъ заработную плату на довольно высокомъ уровнѣ. Развитіе торговли шло въ послѣднія сто лѣтъ поистинѣ чудовищными шагами. Въ 1763-мъ году, съ котораго нашъ авторъ начинаетъ свое историческое изложеніе, число жителей въ Соединенномъ-Королевствѣ было не болѣе *10* милліоновъ; въ 1870-мъ оно простиралось уже за 31 милліонъ, — населеніе увеличилось, слѣдовательно, втрое, между тѣмъ ввозъ иностранныхъ товаровъ увеличился въ 30 разъ (съ 10 милл. фунт. ст. до 303 милліоновъ), а вывозъ почти въ 20 разъ (съ 13 милл. фунт. ст. до 244 милліоновъ); навигація портовъ въ 15 разъ (съ 1½ милл. тоновъ до 36 милліоновъ), число судовъ, принадлежащихъ королевству, въ 14 разъ (съ 550 тысячъ тоновъ вмѣстимости до 7.100,*000* тоновъ). Всѣ эти цифры торговли даютъ довольно хорошее понятіе о той громадной дѣятельности, которой предается это 31-*милліонное* населеніе, и о томъ огромномъ накопленіи богатства, которое совершилось среди него въ одно столѣтіе. Леви приводитъ всѣ крупныя цифры сырыхъ матеріаловъ, потребляемыхъ англійскими фабриками, но о нихъ уже достаточно говоритъ сама цифра заработной платы. Мы прибавимъ здѣсь только нѣсколько статистическихъ свѣдѣній, указывающихъ на обширность торговыхъ сдѣлокъ и торговыхъ сношеній внутри страны, чтобы еще ближе и рельефнѣе показать тотъ людской муравейникъ, который въ наше время наиболѣе разумно приспособленъ къ пріобрѣтенію изъ человѣческаго труда наибольшей массы продуктовъ, полезныхъ для общежитія всѣхъ странъ свѣта. Возьмите, прежде всего, почту: въ 1839-мъ году число писемъ, разнесенныхъ по всему Соединенному Королевству, простиралось до 76 милліоновъ, по три письма на каждаго жителя; лѣтъ 30 спустя число писемъ дошло уже до 863 милліоновъ, по 27 писемъ на человѣка, и кромѣ того, въ томъ же 1870-мъ году было разослано 13 милліоновъ пакетовъ съ книгами, газетами и фабричными образцами. Въ послѣднюю недѣлю марта 1870 года Лондонъ послалъ по 126 п

Digitized by Google

семъ на каждую сотню своихъ жителей, Манчестеръ по 159 писемъ, Ливерпуль по 109, Лидсъ по 71, Брадфордъ по 67, Глазгоу по 81. Обращеніе денегъ тоже ускорилось: такъ, въ 1844-мъ году 5-фунтовая нота англійскаго банка оставалась въ обращеніи 105 дней, а въ 1871 только 79 дней. Биржа дѣлаетъ дѣла въ одинъ годъ на 300 милл. ф. стерлинговъ, и на такую же сумму Англія имѣетъ иностранныхъ фондовъ. Желѣзныя дороги приносятъ болѣе 40 милліоновъ фунтовъ за провозъ товаровъ, а число пассажировъ увеличилось съ 1845 года по 1870-й почти въ 12 разъ: съ 33,791 тыс. до 380 милліоновъ.

Представленныхъ нами данныхъ достаточно для того, чтобы доказать, что улучшеніе жизни въ странѣ возможно лишь при широкомъ развитіи производительной дѣятельности ея жителей, и что, поэтому, всѣ тѣ обстоятельства и условія жизни, которыя такъ или иначе будятъ и вызываютъ человѣка къ разработкѣ естественныхъ богатствъ страны и къ превращенію произведеній природы въ предметы, полезные для существованія людей, а также тѣ условія и обстоятельства, которыя устраняютъ или уничтожаютъ всѣ преграды къ личной и общественной дѣятельности гражданъ, — что всѣ подобныя обстоятельства и условія заслуживаютъ серьёзнаго вниманія и изученія не только государственныхъ людей, но и каждаго разумнаго патріота вообще. Книга Леви въ этомъ отношеніи представляетъ весьма много поучительнаго, и почтенный авторъ имѣетъ полное право рекомендовать ее „иностраннымъ государственнымъ людямъ и министрамъ финансовъ", чтобы они научились изъ нея, „что Британія достигла своего нынѣшняго высокаго положенія не стѣсненіями и вмѣшательствомъ въ торговлю и промышленность, не противоборствомъ съ законами природы, но посредствомъ удаленія всѣхъ преградъ и открытія всѣхъ путей въ законной дѣятельности личной энергіи людей". Такіе уроки дѣйствительно полезны всѣмъ.

Леви дѣлитъ свою исторію на пять періодовъ, изъ которыхъ первый — отъ 1763 г. по 1792-й—замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ и наука, въ лицѣ Адама Смита, и политика, въ лицѣ Уилліяма Питта, бросаютъ первыя семена процвѣтанія британской торговли и промышленности. Второй періодъ—отъ 1792 по 1820—это періодъ войны и полнаго застоя. Въ третьемъ періодѣ начинается новая эра въ англійскомъ законодательствѣ, въ вопросахъ промышленности и торговли, быта рабочихъ и финансоваго управленія страною. Въ четвертомъ періодѣ—съ 1842 по 1857-й годъ—реформы идутъ за реформами во всѣхъ отрасляхъ финансоваго управленія: вся дѣятельность Роберта Пиля и начало дѣятельности нынѣшняго перваго министра Англіи, Уилліяма Гладстона, относится къ этому пе-

Digitized by Google

ріоду. Наконецъ, въ новѣйшее время, начиная съ 1860 года, принципъ англійскаго торговаго и промышленнаго законодательствъ достигаетъ того, что его принимаетъ мало-по-малу весь цивилизованный міръ; причемъ въ самой Англіи даже самыя „утопическія" теоріи Адама Смита получаютъ признаніе со стороны государственныхъ практиковъ.

Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ его изложеніи каждаго изъ этихъ періодовъ, но ограничимся лишь описаніемъ главныхъ двигателей матеріальнаго развитія Англіи; всѣхъ ихъ можно привести къ четыремъ принципамъ: свобода торговли, равномѣрное распредѣленіе податей, обезпеченность труда, сохраненіе мира внутренняго и внѣшняго.

Сто лѣтъ тому назадъ Англія была воинственною державою; тогда только-что окончилась семилѣтняя война, изъ которой Англія вышла побѣдительницею, увѣнчанною славными лаврами,—чуть ли не первою державою въ Европѣ. Но внутри ея было еще многое не устроено, безпорядки процвѣтали въ разныхъ отрасляхъ управленія, хотя законъ укрѣпился уже на прочныхъ конституціонныхъ основахъ. Но парламентъ былъ тогда представителемъ интересовъ аристократіи и капиталистовъ, и во внутренней политикѣ Англіи господствовалъ, поэтому, духъ монополій и привилегій, который захватывалъ въ свою область даже дѣло религіи и образованія. Тогда очень важнымъ, выгоднымъ и непредосудительнымъ съ христіанской точки зрѣнія дѣломъ считалась торговля невольниками: большинство торговаго флота занималось именно этою постыдною торговлею. Понятно, что бѣдный и беззащитный человѣкъ въ самой Англіи, въ тѣ времена, тоже пользовался не Богъ-знаетъ какими правами: онъ не былъ избирателемъ, онъ былъ стѣсненъ въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто; ему не дозволяли даже выѣзжать изъ родины, чтобы поискать другой, болѣе гостепріимной страны; его принуждали работать безъ отдыха: его самого, его жену и дѣтей. Всякое нововведеніе, каждую новую идею принимали тогда съ большимъ недовѣріемъ. Леви приводитъ возраженія тогдашнихъ консерваторовъ даже противъ проведенія каналовъ: „распространите водяныя сообщенія— говорили мудрецы — и вы уменьшите коневодство, повредите прибрежной торговлѣ и ослабите флотъ; предпринимая подобныя сооруженія, вы вложите въ нихъ огромныя суммы денегъ, разрушите значительныя пространства земли, способной производить хлѣбъ и скотъ, и въ то же самое время естественное плаваніе по рѣкамъ останется въ пренебреженіи". Впослѣдствіи, когда изобрѣтены были желѣзныя дороги и пароходы, тѣ же возраженія и жалобы раздавались со стороны „установленныхъ интересовъ" и противъ нововведеній.

Digitized by Google

Вообще говоря, истинные источники богатства и процвѣтанія страны оставались въ то время еще неизвѣстными, и въ высшемъ обществѣ Англіи хлопотали лишь о томъ, чтобы удерживать за собою разныя монополіи и привилегіи. Это направленіе отпечатлѣлось, разумѣется, и на законодательствѣ тѣхъ временъ и на внѣшней политикѣ Англіи. „*Милый идеалъ* правительственной власти того времени—говоритъ Леви—состоялъ повидимому въ томъ, чтобы имѣть извѣстный отеческій надзоръ надъ общественными отношеніями, стараться искусственными мѣрами восполнять недостатки частной предпріимчивости, и даже вмѣшиваться, если окажется нужнымъ, въ управленіе частными дѣлами въ видахъ поощренія разныхъ интересовъ, которые признавались заслуживающими государственной поддержки. Къ счастію, не всегда защитники подобныхъ мѣръ пользовались удачею. Долгое время взимали налоги со всякой вещи сдѣланной изъ хлопка, или изъ хлопка въ смѣси со льномъ; но противъ этихъ налоговъ поднялись жалобы... и налоги были отмѣнены. Хлопчато-бумажная промышленность родилась не въ атмосферѣ протекціонизма и никогда не была любимымъ баловнемъ правительства и парламента, и тѣмъ не менѣе выросла и процвѣла самымъ могучимъ образомъ. Шерстяная промышленность, напротивъ, предметъ столькихъ законодательныхъ заботъ, долго развивалась крайне слабо и медленно. Шерстяные фабриканты держались самой самоубійственной политики. Они не довольствовались тѣмъ, что устранили на британскомъ рынкѣ всѣ шерстяныя издѣлія, они пошли дальше. Нѣкоторые сорта англійской шерсти оказались превосходными для фабричныхъ цѣлей, и вотъ парламентъ провелъ самые строгіе законы, запрещавшіе вывозъ англійской шерсти. Этого мало. Въ 1788 году былъ проведенъ законъ противъ вывоза живыхъ овецъ изъ Англіи, вводившій разныя затрудненія въ перевозкѣ шерсти изъ одной части страны въ другую, и даже запрещавшій стричь овецъ на разстояніи цѣлыхъ пяти миль отъ морского берега. Протекціонизмъ, однимъ словомъ, былъ полный, но каковы были его послѣдствія? Торговля и промышленность были стѣснены или развивались въ ложномъ направленіи; интересы потребителя оставались въ пренебреженіи, въ тщетной надеждѣ доставить покровительство производителю, и даже самые процессы земледѣлія подлежали административному вмѣшательству... Это были времена, когда во всѣхъ отрасляхъ производствъ предписывали содержаніе „учениковъ“, когда рабочихъ силою удерживали въ странѣ и когда законы противъ стачекъ и артелей находились въ полномъ дѣйствіи. Неудивительно, поэтому, что рабочіе страшно бѣдствовали и въ разныхъ частяхъ страны безпрестанно происходили такъ-называемые *food riots*—мя-

Digitized by Google

тежи изъ-за хлѣба, то-есть противъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ". Тою же законодательною политикою объясняются и постоянныя войны тогдашней Англіи съ разными европейскими державами, особенно съ Голландіей, и возстаніе американцевъ, и безсмысленное вмѣшательство британскаго правительства въ дѣла Франціи во время первой революціи. У Леви подробно изложены всѣ нелѣпыя мѣры, которыя предпринимала Англія противъ иностранныхъ державъ съ цѣлью предоставить англійскимъ купцамъ и промышленникамъ разныя торговыя и промышленныя монополіи, и съ цѣлью ослабить благосостояніе странъ, которыя находились въ конкурренціи съ британскими капиталистами. Британскимъ законодателямъ и въ голову не приходила такая простая мысль, что ослабляя благосостояніе иностранцевъ, они сокращаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ средства иностранцевъ для покупки у британскихъ же купцовъ британскихъ произведеній, то-есть, уменьшаютъ сбытъ британскихъ фабрикъ! Съ американскими колонистами англійское правительство поссорилось изъ-за того, что вздумало налагать на нихъ подати волею одного лишь лондонскаго парламента, въ которомъ не было ни одного прямого представителя интересовъ колоній. Напрасно лучшіе государственные люди того времени, въ родѣ Питта и лорда Кэмдена, говорили, что „плата налоговъ и представительство нераздѣльны"—къ этому политическому правилу нынѣшней Англіи министры Георга III-го остались глухими. Они знали, что въ странѣ „нѣтъ такой травки, растущей даже въ какомъ-нибудь захолустьѣ королевства, которая не пользовалась бы представительствомъ съ тѣхъ поръ, какъ началась конституція",—они знали, что „нѣтъ такой травки обложенной податью, которая была бы обложена безъ согласія собственника", но продолжали упорствовать въ своемъ правѣ сильнаго, и кончили тѣмъ, что американцы рѣшились лучше умереть, чѣмъ покориться подобной несправедливости.

Весьма незавидною страною кажется намъ теперь тогдашняя Англія. Конечно, если посмотрѣть на нее сравнительно съ другими государствами той эпохи, она, быть можетъ, приметъ болѣе привлекательный видъ, но въ сравненіи съ нынѣшнею Англіей она представляется почти совсѣмъ не тою страною. Вездѣ въ ней стѣсненія, монополіи и привилегіи, рабочіе классы придавлены и унижены, народнаго образованія вовсе нѣтъ, люди бунтуютъ изъ-за куска хлѣба, а высшіе классы мечтаютъ лишь о войнахъ съ разными державами для защиты своихъ привилегій или „высокихъ идей", лишенныхъ всякаго научнаго значенія.

Но наука уже въ то глухое время даетъ государственнымъ людямъ такую замѣчательную книгу, какъ „Изслѣдованіе сущности и

Digitized by Google

причинъ богатства народовъ", которая впервые правильно опредѣляетъ единственный источникъ богатствъ; этотъ источникъ — говоритъ Адамъ Смитъ—*трудъ*. Распространеніе его теоріи уничтожило финансовую политику прошлаго вѣка, которая покоилась на ложномъ убѣжденіи, будто бы богатство заключается въ изобиліи золота и серебра. Ученіе Смита имѣло уже нѣкоторое вліяніе на первое министерство Питта въ періодъ 1783 по 1792 годъ, когда 23-лѣтній первый министръ Англіи, со дня своего вступленія въ должность, тотчасъ же принялся за реформы въ финансахъ королевства. „Прежде всего онъ объединилъ таможенный тарифъ, который былъ тогда въ столь запутанномъ видѣ, что для объединенія его пришлось представить парламенту слишкомъ 3,000 разныхъ резолюцій. Затѣмъ Питтъ заключилъ торговый договоръ съ Франціей, причемъ обѣ стороны пожертвовали нѣкоторыми изъ коньковъ протекціонизма. Еще позже онъ старался положить какіе-нибудь предѣлы торговлѣ невольниками и деспотизму Ост-Индской компаніи въ ея управленіи Индіею, но вскорѣ война съ Франціей положила конецъ этимъ благимъ начинаніямъ, и Питтъ забылъ наставленія Смита. Еще разъ онъ, повидимому, вспомнилъ ихъ, когда ввелъ налогъ на доходы, но вообще финансовая политика Питта не принесла Англіи ничего добраго: въ продолженіе полустолѣтія, несмотря на замѣчательныя открытія въ области промышленности и искусства, на изобрѣтенія Гаргривса, Аркрайта, Люисъ-Поля, Лоренса Ирншо и Кромптона въ хлопчатобумажной индустріи и въ ткацкомъ дѣлѣ вообще, Генри Корта въ желѣзномъ дѣлѣ, Джозіа Уэджвуда въ глиняномъ производствѣ, несмотря на открытіе Уатта, торговля Англіи въ 1820-мъ году представляетъ, сравнительно съ прошлымъ вѣкомъ, успѣхи весьма ничтожные, а рабочіе классы находились и тогда, какъ прежде, въ крайне затруднительномъ положеніи:—не имѣя никакого понятія въ экономическихъ вопросахъ, рабочіе приписывали всѣ свои бѣдствія введенію машинъ, и съ голоднаго отчаянія бросались на фабрики ломать машины, ткацкіе станки и т. п. Но, къ счастію, въ это именно время ученія Адама Смита о свободѣ торговли и труда успѣли уже столь широко распространиться въ обществѣ и до того глубоко укорениться въ умахъ просвѣщенныхъ купцовъ и фабрикантовъ, что послѣдніе сами явились къ правительству, съ банкиромъ Беринговъ въ главѣ, съ своею знаменитою петиціей о необходимости основать финансовую политику страны на началахъ свободы торговли. Пятьдесятъ лѣтъ до петиціи купцовъ и фабрикантовъ, извѣстный политическій ораторъ Боркъ сказалъ Смиту: „Вы, докторъ Смитъ, съ вашей профессорской каѳедры можете распространять теорію о свободѣ торговли также просто, какъ будто бы читали

Digitized by Google

чистую математику; но законодатели должны подвигаться впередъ постепенно, такъ какъ имъ препятствуютъ треніе интересовъ и треніе предразсудковъ". Въ 1820-мъ году о введеніи свободы торговли просятъ уже сами представители торговаго интереса и торговыхъ предразсудковъ, и ихъ отношеніе становится дѣйствительнымъ импульсомъ къ важнымъ реформамъ въ законодательствѣ. Это прошеніе сдѣлалось, поэтому, важнымъ историческимъ фактомъ. Оно свидѣтельствуетъ о способности англійскаго общества того времени здраво обсуждать финансовые вопросы страны. Какъ же они разсуждаютъ, и чего просятъ?..

Лондонскіе купцы идутъ съ того основнаго принципа политической экономіи, что иностранная торговля превосходно способствуетъ развитію богатства и процвѣтанію страны, давая ей возможность ввозить вещи, для производства которыхъ лучше приспособлены почва, климатъ, капиталъ и промышленность другихъ странъ, и вывозить въ уплату такіе предметы, къ производству которыхъ лучше приспособлено ихъ собственное положеніе. Они говорятъ, далѣе, что свобода даетъ крайнее развитіе иностранной торговлѣ и наилучшее направленіе капиталу и промышленности страны; что правило: купить на самомъ дешевомъ рынкѣ и продать на самомъ дорогомъ, принятое каждымъ купцомъ въ его личныхъ дѣлахъ, строго приложимо, какъ лучшее правило, и къ торговлѣ цѣлой націи, и что политика, основанная на такихъ началахъ, превратитъ торговлю всего міра въ обмѣнъ взаимныхъ выгодъ и распространитъ обильныя богатства и наслажденія среди жителей каждаго государства. Далѣе, просители жалуются, что правительства всѣхъ странъ, не исключая и Англіи, придерживались до сихъ поръ политики прямо противоположной свободѣ торговли, что всѣ они только старались объ устраненіи произведеній чужихъ странъ съ своего рынка, съ благонамѣренною цѣлью покровительствовать своимъ собственнымъ произведеніямъ, подвергая такимъ образомъ большинство своихъ подданныхъ — всѣхъ потребителей — необходимости приносить жертвы то въ количествѣ, то въ качествѣ пріобрѣтаемыхъ ими вещей; при этомъ то, чему слѣдовало бы быть источникомъ взаимныхъ выгодъ и гармоніи между государствами, становится постоянно предметомъ зависти и вражды. Просители утверждаютъ еще, что господствующіе предразсудки въ пользу покровительственной или запретительной системы исходятъ изъ того ошибочнаго предположенія, будто бы каждый ввозъ иностранныхъ товаровъ производитъ уменьшеніе внутренняго производства въ размѣрахъ этого ввоза, между тѣмъ можно ясно показать, что хотя нѣкоторые роды производства не выдерживаютъ неограниченной конкурренціи

Digitized by Google

съ иностранцами, но такъ какъ никакой ввозъ не можетъ долго продолжаться безъ соотвѣтствующаго ему вывоза, прямого или косвеннаго, то конкурренція непремѣнно даетъ толчекъ вывозу другихъ продуктовъ, наиболѣе приспособленныхъ къ приготовленію въ Англіи, и тѣмъ доставляетъ англійскимъ капиталу и труду равное, или можетъ быть и бо̀льшее, и во всякомъ случаѣ болѣе выгодное употребленіе. Лондонскіе купцы доказывали, наконецъ, что протекціонная политика невыгодна тѣмъ самымъ интересамъ, которымъ она покровительствуетъ. Искусственное покровительство одной отрасли промышленности, одного источника производства, противъ иностраннаго соперничества, вызываетъ въ другихъ отрасляхъ просьбы о такомъ же покровительствѣ, такъ что, придерживаясь неуклонно и послѣдовательно началъ протекціонизма, слѣдовало бы устранить Англію отъ всякой иностранной торговли, и что затѣмъ, примѣняя тѣ же начала къ самому Соединенному Королевству, слѣдовало бы обставить заставами каждое изъ королевствъ, изъ которыхъ состоитъ Британія, и наконецъ, каждое изъ графствъ, изъ которыхъ состоитъ каждое королевство. Эдинбургскіе купцы тоже подавали подобную же петицію, въ которой между прочимъ прямо сказано, что развитіе британской торговли и морскихъ силъ, подобно всѣмъ другимъ благамъ, которыми пользуется англійскій народъ, является какъ „результатъ свободныхъ началъ счастливой конституціи, подъ сѣнью которой мы живемъ и которая, охраняя личную свободу и безопасность собственности, и предоставляя блестящія награды успѣхамъ и заслугамъ въ промышленности, возбуждала энергію на всѣхъ путяхъ человѣческой дѣятельности, ободряла геній и вызывала къ труду всѣ силы честолюбиваго, просвѣщеннаго и предпріимчиваго народа“.

Въ прошеніяхъ купцовъ, лондонскихъ и эдинбургскихъ, мы видимъ, что уже въ 1820-мъ году сами сословія, заинтересованныя въ протекціонизмѣ, превосходно понимали весь вредъ покровительственной системы, слабые аргументы которой столь удачно уничтожены доводами петицій. Между тѣмъ, протекціонизмъ, въ своихъ главныхъ частяхъ: хлѣбныхъ законахъ и законахъ о морской торговлѣ съ Англіей, длился еще цѣлую четверть столѣтія, пока наконецъ усиленная внѣ-парламентская агитація Кобденовой „лиги“ и страшный голодъ въ Ирландіи не вызвали къ реформѣ главу тогдашней консервативной партіи, Роберта Пиля. 1846-й годъ — годъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ — останется навсегда памятнымъ въ исторіи Англіи, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ закономъ протекціонизмъ лишился послѣдней опоры въ британскомъ законодательствѣ. Нельзя сказать, чтобы британскій тарифъ не подвергался значительнымъ измѣненіямъ къ лучшему и въ періодъ 1820 — 46 года, особенно во

Digitized by Google

время финансоваго управленія Госкиссона, но всѣ эти измѣненія были лишь полумѣры: принципъ протекціонизма все еще оставался въ законодательствѣ. Но когда погибли хлѣбные законы, за ними тотчасъ же (въ 1849-мъ году) пала и другая главная основа протекціонизма: навигаціонный актъ, а затѣмъ и пошлина на бумагу и цѣлый рядъ другихъ пошлинъ, такъ что изъ 1,098 предметовъ, подлежавшихъ въ 1820-мъ году таможеннымъ пошлинамъ, только 65 продолжали подлежать имъ въ 1870-мъ году. Въ законодательствѣ послѣдняго десятилѣтія Леви придаетъ большое значеніе торговому договору 1860 года съ Франціей, такъ какъ этотъ договоръ былъ какъ-бы первымъ торжествомъ принципа свободы торговли на материкѣ Европы. Честь заключенія этого торговаго договора принадлежитъ Ричарду Кобдену и Гладстону, который былъ въ то время министромъ финансовъ въ кабинетѣ Пальмерстона.

Какъ бы то ни было, столь сильныя перемѣны въ таможенномъ тарифѣ Англіи не удовлетворяютъ нашего автора, и онъ находитъ въ оставшихся пошлинахъ сильное препятствіе къ развитію иностранной торговли. „Какъ ни велики — говоритъ онъ — нынѣшніе итоги международнаго обмѣна, мы не можемъ сказать, что онъ достигаетъ такъ или иначе своего конечнаго развитія. Принявъ число всего населенія на земномъ шарѣ свыше одной тысячи милліоновъ человѣческихъ существъ, и допустивъ въ минимумѣ, что имъ необходимо пищи и платья на 10 фунтовъ ежегодно каждому, и что въ ихъ собственныхъ странахъ производится лишь половина истребляемаго ими количества, весь ввозъ долженъ представлять продукты и товары на сумму свыше пяти тысячъ милліоновъ фунтовъ,—между тѣмъ весь ввозъ всѣхъ торговыхъ государствъ не достигаетъ въ наше время и одной тысячи милліоновъ. Производительная сила міра велика, но истребительная еще больше. Такимъ образомъ, поле международной торговли, нынѣшней и будущей, весьма широко, и прогрессъ ея, видимый нами, даетъ лишь слабую идею о ея возможномъ расширеніи. Есть лишь одно крупное препятствіе успѣхамъ международной торговли — это сохраненіе таможенныхъ пошлинъ какъ части государственныхъ доходовъ. Въ Соединенномъ Королевствѣ таможня доставляла въ 1870-мъ году около 20-ти милліоновъ фунтовъ изъ 70-ти всего бюджета доходовъ, или около 28 процентовъ... Пусть же Соединенное Королевство само пойдетъ впереди великаго движенія отмѣны на вѣчныя времена этой финансовой преграды всемірной торговлѣ, и ея примѣръ дастъ свѣжій толчекъ распространенію либеральной торговой политики“ (стр. 474).

Не слѣдуетъ забывать, что вмѣстѣ съ таможенными пошлинами отмѣнялись и акцизы и разные патенты на дозволеніе ремеслъ. Въ

Digitized by Google

наше время, въ Англіи подлежатъ фискальнымъ стѣсненіямъ лишь очень немногія отрасли производства, соотвѣтствующія тѣмъ, которыя обложены таможенными пошлинами, и акцизы тоже приносятъ слишкомъ 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ государственной казнѣ. Подоходный налогъ приноситъ лишь 6 — 7 милліоновъ, остальное пріобрѣтается чистымъ доходомъ съ почтъ и телеграфовъ и штемпельными пошлинами, значительную часть которыхъ составляетъ налогъ съ наслѣдствъ. Главнымъ орудіемъ, главною опорою всѣхъ министровъ финансовъ въ ихъ таможенныхъ и акцизныхъ реформахъ являлся постоянно подоходный налогъ: Пиль и Гладстонъ пользовались имъ явно для этой цѣли. Поддерживая подоходный налогъ на извѣстномъ уровнѣ, англійскіе министры получаютъ въ своихъ государственныхъ смѣтахъ излишки доходовъ противъ расходовъ, и эти излишки потребляютъ постоянно на отмѣну таможенныхъ пошлинъ и соотвѣтствующихъ пошлинамъ акцизовъ. Въ продолженіе послѣднихъ 28-ми лѣтъ, со времени главныхъ таможенныхъ реформъ, въ 22 бюджетахъ получились „излишки“, которые употреблены на отмѣну стѣснительныхъ для торговли и промышленности государственныхъ сборовъ.

Подоходный налогъ исполняетъ еще другую функцію въ государствѣ: его подымали всякій разъ, когда Англія находилась съ кѣмъ-нибудь въ войнѣ или готовилась къ ней, вооружалась. Абиссинская война, напримѣръ, была ведена на счетъ повышенія подоходнаго налога. Всякая война, такимъ образомъ, отзывается тяжелымъ бременемъ не на бѣдныхъ классахъ, но именно на тѣхъ, которые въ остальной Европѣ такъ любятъ тщеславиться военными подвигами, „славою отечества“. Благодаря иной финансовой политикѣ новѣйшихъ британскихъ министровъ, британскіе „рыцари“ потеряли, повидимому, охоту къ военному кровопролитію. Когда началась крымская война, потребовавшая громадныхъ издержекъ, представители капиталистовъ и аристократіи весьма желали покрыть эти издержки займами, какъ бывало въ прежнія времена, въ періодъ Питта, и въ старой Англіи, но Гладстонъ первый протестовалъ противъ этихъ желаній сложить бремя нынѣшнихъ бѣдствій на будущія поколѣнія. Желательно, полагалъ онъ, чтобы нація тотчасъ почувствовала въ сокращеніи своего комфорта всѣ ужасы войны. „Военныя издержки, — сказалъ Гладстонъ въ парламентѣ, — это нравственная узда, которую Всемогущій соблаговолилъ наложить на честолюбіе и страсть къ завоеваніямъ, врожденныя столь многимъ націямъ. Война окружена своего рода великолѣпіемъ и блескомъ, славою и восторгами, которые, несмотря на всѣ бѣдствія войны, придаютъ ей прелесть въ глазахъ общества, такъ что ослѣпленные

Digitized by Google

люди не видятъ ея страшныхъ и опасныхъ золъ. Необходимость уплачивать ежегодно расходы войны даетъ имъ почувствовать, что значитъ воевать, и побуждаетъ ихъ сосчитывать стоимость того блеска, на который они разсчитываютъ".

Если бы большинство лондонскаго парламента оцѣнило тогда также правильно всѣ выгоды и невыгоды войны съ Россіей, какъ оцѣнили ихъ радикалы Кобденъ и Брайтъ, то Англія не отправила бы своихъ войскъ въ Крымъ, и ей не пришлось бы ни терпѣть нѣкотораго застоя въ своей торговлѣ, ни растратить безполезно многіе милліоны фунтовъ стерлинговъ и многія тысячи своихъ солдатъ. Но высшимъ сферамъ въ Англіи желательно было ослабить вліяніе Россіи въ Европѣ и Азіи, а либералы радовались, что Англія стремится разбить силы такой державы, которая казалась имъ враждебною либеральнымъ учрежденіямъ. Оттого-то, по мнѣнію Леви, война съ Россіей пользовалась такимъ сочувствіемъ во всей Англіи; только люди, въ родѣ Кобдена и Брайта понимали безполезность подобной войны. Въ настоящее время мнѣнія Кобдена и Брайта стали уже чисто англійскими мнѣніями, и изъ внѣшней политики британскаго правительства совершенно исчезло стремленіе къ вооруженному вмѣшательству въ европейскія дѣла. Даже въ своихъ собственныхъ спорахъ съ иностранными державами, даже въ вопросахъ территоріальныхъ Англія не прибѣгаетъ болѣе къ рѣшеніямъ меча, но ищетъ своихъ правъ въ третейскихъ приговорахъ. Подобное направленіе во внѣшней политикѣ правительства имѣетъ, разумѣется, громадное вліяніе на развитіе промышленности и торговли.

Сохраненіе мира внутри самого государства имѣло тоже весьма важное значеніе въ прогрессѣ матеріальнаго развитія Англіи. Съ этою цѣлью новая эпоха британской исторіи дала нѣсколько весьма энергическихъ мѣръ, измѣнившихъ положеніе рабочаго человѣка въ обществѣ, отношенія рабочаго къ хозяину. Невольничество въ англійскихъ колоніяхъ уничтожено лишь въ 1838-мъ году. Законы, установившіе и поддерживавшіе рабство негровъ въ Вестъ-Индіи, не могли, разумѣется, не отзываться на духѣ всего англійскаго законодательства, и Леви находитъ въ статутахъ о трудѣ, существовавшихъ еще въ 20-хъ годахъ нашего вѣка, „порядочную долю древняго закона о крѣпостномъ правѣ" (servitude), много препятствовавшаго установленію человѣческихъ отношеній между рабочими и хозяевами и возбуждавшаго въ рабочихъ сильную зависть и ненависть къ нанимателямъ. Эти старые статуты налагали тяжкія кары на рабочихъ, отказывавшихся работать по установленнымъ цѣнамъ, которыя бывали нерѣдко ниже рыночныхъ. Рабочему запрещали уѣзжать за-границу. Стоило только какому-нибудь доносчику объ-

Digitized by Google

явить мѣстному мировому судьѣ, что въ ихъ округѣ появился рабочій, пробирающійся за-границу, и судья могъ тотчасъ же заключить бѣглеца въ тюрьму и держать его тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не представитъ суду значительнаго обезпеченія въ томъ, что онъ не покинетъ страны. Законы противъ стачекъ были тоже крайне стѣснительны. Статутъ 1800 года, напримѣръ, давалъ мировому судьѣ право безапелляціонно приговорить рабочихъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію за всякія сдѣлки между ними касательно повышенія заработной платы, или уменьшенія часовъ ежедневнаго труда на фабрикахъ, или ограниченія правъ фабриканта въ его распоряженіяхъ и надзорѣ внутри своего заведенія, или понужденія другихъ рабочихъ вступать въ союзъ противъ хозяина.

Само собою разумѣется, что подобные законы, заключавшіе въ себѣ, по справедливому замѣчанію Леви, „порядочную долю крѣпостного права", не могли нравиться рабочимъ, такъ какъ они были не только несправедливы въ силу принципа равенства всѣхъ людей передъ закономъ, но и непосредственно отзывались на матеріальномъ благосостояніи рабочаго человѣка. Рабочіе получали за свой трудъ не то, что́ они могли бы получать въ силу экономической конкурренціи между фабрикантами, но гораздо меньше; имъ давали лишь столько, чтобы можно было жить „отъ руки до рта". Понятно, что при такомъ положеніи вещей никакая бережливость не могла спасти рабочаго отъ тѣхъ „черныхъ дней", когда онъ, голодный и разъяренный безвыходностью своего горемычнаго положенія, бросался на фабрики ломать машины и даже поджигать самыя зданія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти періодическіе бунты имѣли свою убѣдительную силу на фабрикантовъ, когда они рѣшились отмѣнить несправедливые законы, написанные въ духѣ крѣпостного права. Однако фабриканты много спорили о томъ, что въ бунтахъ видна мятежная рука „радикаловъ" тѣхъ временъ; но когда радикалъ Юмъ (Hume) потребовалъ слѣдственной коммиссіи, и коммиссія представила свой отчетъ,—разсужденія и факты этого отчета были столь убѣдительнаго свойства касательно вреда „стачковыхъ законовъ", combination laws — что парламентъ тотчасъ же провелъ билли (въ 1825-мъ и 1826-мъ году), основанные на требованіи Юма, чтобы „собственность, которую каждый человѣкъ имѣетъ въ своемъ трудѣ, какъ первоначальная основа всякой другой собственности, была признана самою священною и ненарушимою".

Что́ же нашла слѣдственная коммиссія? Отчетъ ея говоритъ прежде всего, что несмотря на строгое примѣненіе закона, и въ Англіи, и въ Шотландіи и въ Ирландіи происходили безпрестанно тайныя соглашенія между рабочими для всѣхъ тѣхъ цѣлей, противъ

Digitized by Google

которыхъ ратуетъ старое крѣпостное законодательство. Такія соглашенія происходили даже во время работъ самой коммиссіи. Эти соглашенія вели за собою общественные безпорядки и продолжительныя пріостановки въ фабричныхъ работахъ, вредныя какъ для хозяевъ, такъ и для самихъ рабочихъ. Далѣе, было доказано, что хозяева тоже нерѣдко входили во взаимныя соглашенія съ цѣлью то пониженія заработной платы, то сопротивленія противъ прибавокъ, требуемыхъ рабочими, то увеличенія числа часовъ дневного труда рабочихъ, то удаленія съ своихъ фабрикъ всѣхъ рабочихъ, несоглашавшихся принять какія-либо унизительныя или варварскія условія, послѣдствіемъ чего бывали тоже бунты и разнаго рода насилія. Имѣя передъ собою эти факты хозяйскихъ стачекъ, члены коммиссіи замѣтили, что всѣ они проходили для хозяевъ безнаказанно, между тѣмъ какъ рабочіе подвергались за тѣ же проступки разнымъ тяжкимъ карамъ. „Совершенно очевидно,—говоритъ отчетъ,—что законы не только оказывались несостоятельными предупредить стачки ни хозяевъ, ни рабочихъ, но напротивъ, даже по мнѣнію обѣихъ сторонъ, имѣли стремленіе производить между ними взаимное раздраженіе и недовѣріе, и придавать стачкамъ мятежный характеръ, чѣмъ сами стачки становились крайне опасными для общественнаго спокойствія". Въ заключеніе отчетъ приходитъ, на основаніи всѣхъ этихъ наблюденій, къ необходимости отмѣнить всѣ узаконенія противъ стачекъ, оставивъ лишь карательныя мѣры противъ тѣхъ рабочихъ, которые, составивъ стачку, прибѣгаютъ къ какимъ-либо насиліямъ для понужденія своихъ нестакнувшихся сотоварищей присоединиться къ стачкѣ.

Парламентъ призналъ справедливыми и разумными совѣты коммиссіи, но въ законахъ 1825—26 годовъ все еще оставались нѣкоторые пробѣлы, которые окончательно уничтожены лишь очень недавно—въ 1871-мъ году, когда особымъ закономъ всѣ рабочіе союзы, служившіе съ 1826 года главнымъ орудіемъ рабочихъ для борьбы съ капиталистами, признаны, наконецъ, такими обществами, которые имѣютъ право жаловаться въ судахъ королевства, какъ законныя, юридическія личности. Другой законъ того же года защищаетъ личность и собственность обѣихъ сторонъ во время споровъ. Онъ караетъ всѣхъ, кто угрожаетъ кому-либо такимъ образомъ, что мировая юстиція находитъ возможнымъ принудить угрожающаго къ внесенію денежнаго залога въ знакъ своего согласія отказаться отъ угрозъ; онъ караетъ всѣхъ хозяевъ, которые принимаютъ какія-либо мѣры понужденія противъ одного изъ нихъ съ цѣлью заставить его прогнать отъ себя того или другого рабочаго, или вступить въ какую-либо хозяйскую стачку, или отказаться отъ предложенія труда, или

Digitized by Google

измѣнить правила на своей фабрикѣ и сократить число рабочихъ; точно также законъ преслѣдуетъ и рабочихъ, если они принимаютъ противъ своихъ сотоварищей какія-либо мѣры понужденія съ цѣлью достиженія тѣхъ или другихъ стачковыхъ цѣлей.

Доставивъ такимъ образомъ обѣимъ сторонамъ полную свободу въ взаимныхъ сдѣлкахъ и обезпечивъ свободу соглашенія каждой личности въ каждомъ сословіи, парламентъ въ томъ же 1871-мъ году далъ имъ еще одинъ примирительный законъ о третейскихъ судахъ въ вопросахъ опредѣленія уровня заработной платы; суды эти состоятъ изъ равнаго числа представителей обоихъ сословій, но рѣшенія ихъ не имѣютъ понудительнаго характера.

Другая важная реформа въ законодательствѣ объ отношеніи между рабочими и хозяевами, имѣвшая тоже громадное значеніе на бытъ рабочихъ, совершилась около того же времени, когда были отмѣнены стачковые законы. Мы говоримъ объ узаконеніяхъ фабричной системы, проведенныхъ парламентомъ въ 1832-мъ году. Въ Англіи тогда уже убѣдились, что фабрики, замѣнивъ кустарную промышленность, приносятъ важные результаты въ экономическомъ отношеніи, но въ соціальномъ и нравственномъ онѣ являются чѣмъ-то въ родѣ агентовъ общественной деморализаціи, противъ которыхъ государство должно принять серьёзныя мѣры. Злыя послѣдствія фабричной системы замѣчены были уже при самомъ началѣ введенія ея въ разныхъ городахъ королевства. Еще въ 1796-мъ году, Эйкенъ и Персиваль, два знаменитыхъ врача того времени, обратили вниманіе на многіе печальные факты, вызванные замѣною домашняго труда фабричнымъ: они говорили о вредныхъ вліяніяхъ фабрики на семейную жизнь рабочихъ, объ истощеніи женщинъ и дѣтей, о дурной вентиляціи фабричныхъ зданій и т. п. И вотъ въ 1802-мъ году, Робертъ Пиль уже вноситъ предложеніе объ ограниченіи дневного труда на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ, и предложеніе его становится закономъ страны, который требовалъ, чтобы во всѣхъ хлопчато-бумажныхъ и шерстяныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ болѣе 20-ти взрослыхъ рабочихъ или болѣе трехъ учениковъ, послѣдніе получали бы ежегодно двѣ полныхъ смѣны одежды, — чтобы число часовъ ежедневнаго труда простиралось тамъ не свыше 12-ти часовъ въ сутки, съ исключеніемъ трехъ часовъ на ѣду,—чтобы ученики въ первые четыре года своего пребыванія на фабрикѣ обучались ежедневно чтенію, письму и ариѳметикѣ, — чтобы мужчины и женщины работали въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ,—чтобы въ каждой постели спало не болѣе двухъ лицъ,—чтобы мастерскія были хорошо провѣтриваемы и чтобы два раза въ году ихъ мыли негашеною известью съ водою,— чтобы каждая фабрика подвергалась осмотру двухъ инспекторовъ,

Digitized by Google

которые обязаны представлять свои отчеты, и чтобы законъ былъ вывѣшенъ въ каждой фабрикѣ на видномъ мѣстѣ.

Въ 1816-мъ году, тотъ же консерваторъ, Робертъ Пиль, снова успѣлъ убѣдить парламентъ въ необходимости назначить комиссію для изученія фабричной системы, и затѣмъ въ 1819-мъ году онъ внесъ билль объ устройствѣ дѣтскаго труда на Йоркширскихъ фабрикахъ шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій. Затѣмъ, до 1832 года парламентъ не предпринималъ никакихъ мѣръ для ограниченія дурныхъ вліяній фабричной организаціи труда. Въ 1832-мъ году является на сцену новый другъ рабочаго класса изъ консервативнаго лагеря — лордъ Эшли, нынѣшній графъ Шэфтсбюри. Королевская комиссія, назначенная по ходатайству лорда, доказала, что дѣти на фабрикахъ работаютъ по 14—15-ти часовъ въ сутки, что подобный трудъ и дурное обращеніе съ дѣтьми производятъ среди молодого фабричнаго населенія разнаго рода уродства, ослабленіе мышцъ и многія болѣзни. Коммиссія раскрыла, сверхъ того, такія деморализаціонныя вліянія и жестокости въ обращеніи между хозяевами и рабочими, что они „навели ужасъ даже на самыхъ твердыхъ защитниковъ политики *laissez faire*“. Ясно было, что существующіе законы недостаточно охраняли интересы рабочихъ людей, и результатомъ этого убѣжденія явились новые законы—*factory acts*, которые запретили употреблять дѣтей до 18-ти-лѣтняго возраста на ночныя работы; только на шелковыхъ фабрикахъ законъ дозволялъ работать дѣтямъ не достигшимъ 9-ти лѣтъ отъ роду; число часовъ ежедневнаго труда опредѣлено двѣнадцать, включая сюда полтора часа на отдыхъ и обѣдъ; назначены праздники для дѣтей и приказано, при вступленіи на фабрики, подвергать ихъ медицинскому свидѣтельствованію о способности къ работѣ. Кромѣ этихъ узаконеній о дѣтскомъ трудѣ, законъ назначилъ особыхъ инспекторовъ для наблюденія за исполненіемъ фабричныхъ законовъ на фабрикахъ всего королевства. Впослѣдствіи женскій трудъ былъ приравненъ къ дѣтскому, а въ 1867-мъ г. законы о дѣтскомъ трудѣ были распространены на мелкія мастерскія. Леви столь сильно недоволенъ организаціей женскаго труда на фабрикахъ, что желалъ бы парламентскимъ актомъ запретить пріемъ замужнихъ женщинъ въ фабричныя работницы.

Около того же времени, въ 1830-мъ году, была приведена еще одна мѣра для обезпеченія рабочихъ отъ эксплуатаціи капиталистовъ,—это законъ противъ такъ-называемой *truck-system*, то-есть понужденія рабочихъ принимать взамѣнъ заработной платы товары изъ лавокъ, учреждаемыхъ хозяевами.

Всѣ эти мѣры способствовали развитію нѣкотораго благосостоянія среди рабочихъ: стали учреждаться сберегательныя кассы, об-

Digitized by Google

щества взаимнаго вспомоществованія, и наконецъ, разнаго рода артели или кооперацій: потребительныя, кредитныя, производительныя, которыя всѣ признаны учрежденіями законными въ силу *law of partnership*, проведеннаго въ 1851-мъ году.

Съ 30-хъ же годовъ британское правительство стало заботиться о распространеніи образованія среди рабочихъ, и эти заботы съ теченіемъ времени все усиливались, такъ что въ 1870-мъ году парламентъ провелъ, наконецъ, законъ, который даетъ возможность сдѣлать народное образованіе въ Англіи и обязательнымъ и даровымъ. Но нашъ авторъ не сообщаетъ въ своей исторіи никакихъ данныхъ объ этомъ важномъ вопросѣ: Леви до того углубленъ въ вопросы чисто-экономическіе, что забываетъ значеніе народнаго образованія въ дѣлѣ матеріальнаго развитія Англіи. Въ этомъ пренебреженіи къ столь важному вліянію на экономическій бытъ страны нельзя не видѣть крупнаго недостатка книги, тѣмъ болѣе, что Леви не упускаетъ изъ виду, напримѣръ, значенія промышленныхъ выставокъ на развитіе изящнаго вкуса среди рабочихъ, и выражаетъ желаніе создать въ странѣ „коммерческое образованіе“ для среднихъ классовъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ, что англійскій работникъ отличается многими превосходными качествами, и что именно этимъ качествамъ Англія обязана своимъ промышленнымъ и торговымъ превосходствомъ надъ другими націями. Распространеніе солиднаго образованія среди нихъ немало способствовало развитію этихъ главныхъ качествъ въ прошедшемъ и разовьетъ ихъ еще лучше и выше въ будущемъ.

Леви ничего не говоритъ также о вліяніи важныхъ политическихъ фактовъ на экономическій прогрессъ британской націи. Между тѣмъ вліяніе ихъ несомнѣнно, напримѣръ,—парламентской реформы 1832 года. Еще одинъ упрекъ слѣдуетъ сдѣлать ученому автору: онъ подробно разсказываетъ объ участіи капиталистовъ въ благодѣтельномъ для всего общества движеніи во имя принципа свободы торговли и труда, и только изрѣдка упоминаетъ объ агитаціи рабочихъ;—даже такой важный фактъ,—фактъ экономическій — какъ начало кооперацій въ Рочдэли, вовсе не упомянутъ нашимъ авторомъ, и вообще въ его книгѣ очень мало данныхъ, по которымъ можно было бы судить объ экономическихъ силахъ британскихъ рабочихъ. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ, „Исторія торговли и экономическаго прогресса британской націи“ представляетъ массу важныхъ фактовъ, превосходно изложенныхъ и весьма искусно сгруппированныхъ.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 22-го октября 1872 года.

1) Выдано 100 р. въ пособіе писателю, находящемуся временно въ затруднительномъ положеніи.

2) Выдано 25 р. вдовѣ писателя на нетерпящіе отлагательства расходы по содержанію ея семейства, и опредѣлено собрать о положеніи ея дополнительныя свѣдѣнія.

3) Отклонены ходатайства трехъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.

4) Выдано 150 руб. писателю, лишенному всякихъ средствъ къ жизни.

5) Выдано 100 р. въ пособіе писателю, находящемуся въ самой крайней бѣдности.

6) Выдано 250 руб. писателю на леченіе послѣ тяжкой операціи.

7) Отклонено ходатайство одного студента о предоставленіи ему стипендіи Общества, такъ какъ проситель не удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, при существованіи лишь которыхъ предоставляется право пользоваться стипендіей Общества.

8) Назначена стипендія въ 120 р. студенту 1-го курса с.-петербургскаго университета, М. Ѳ. Чистякову.

9) Изъявлена благодарность Общества: А. А. Карасеву за содѣйствіе его комитету и типографіи А. И. Мамонтова и К° за пожертвованіе 100 р.

Общее собраніе членовъ Общества,

22-го октября 1872 года.

Собраніе было открыто слѣдующею рѣчью предсѣдателя Общества А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго:

„Предъ открытіемъ нынѣшняго засѣданія, мнѣ предстоитъ напомнить вамъ, милостивые государи, о горестныхъ потеряхъ, понесенныхъ нашимъ Обществомъ. Послѣ послѣдняго нашего собранія, смерть похитила многихъ нашихъ членовъ: А. Ѳ. Жохова, Ѳ. Ѳ. Кейзера, С. Н. Палаузова, М. Ѳ. Ростовскую, И. Б. Штейнмана; но въ особенности тяжка намъ потеря Б. И. Утина и П. П. Пекарскаго.

Digitized by Google

Б. И. Утинъ былъ въ числѣ учредителей Общества, въ теченіе многихъ трехлѣтій состоялъ членомъ комитета и въ разное время, по нѣскольку лѣтъ несъ многотрудную и отвѣтственную обязанность казначея; эту послѣднюю обязанность онъ исполнялъ до самаго отъѣзда своего за границу, несмотря на тяжкую болѣзнь, которая свела его такъ скоро и неожиданно въ могилу. Не считаю умѣстнымъ въ настоящую минуту говорить о его почтенной и, конечно, не безслѣдной ученой и педагогической дѣятельности въ университетѣ и училищѣ правовѣдѣнія, о его участіи въ журналистикѣ, о его служебной дѣятельности въ государственной канцеляріи и по судебному вѣдомству; я остановлюсь только на той сторонѣ его жизни, которая могла быть извѣстна лишь ближайшимъ сотрудникамъ его по комитету Общества, — на участіи, которое онъ принималъ въ дѣятельности нашего Общества вообще и въ занятіяхъ комитета въ особенности. Участіе это было самое горячее; дѣятельность его не ограничивалась здѣсь только тѣмъ, чего нельзя было не исполнить: онъ, глубоко сочувствуя мысли, положенной въ основу Общества, посвящалъ себя ему со всею теплотою своей честной и благородной натуры. Трудно было найти человѣка, который былъ бы глубже его проникнутъ идеею долга; ей онъ былъ преданъ во всѣхъ дѣлахъ своей жизни, эту идею онъ проводилъ и въ обществѣ. Доброе, сострадательное сердце его живо отзывалось на нужды и страданія искавшихъ помощи отъ нашего Общества; съ полною готовностью онъ всегда принималъ на себя трудную и деликатную обязанность посѣщенія нуждающихся и оказанія имъ, когда было необходимо, немедленной помощи. Память о Борисѣ Исаковичѣ должна остаться въ Обществѣ наряду съ именами тѣхъ, которые его основали, честно для него трудились и его упрочили.

П. П. Пекарскій поступилъ въ число членовъ Общества съ самаго его основанія (въ декабрѣ 1859 года) и въ теченіе трехъ лѣтъ (1864—1866 годовъ) былъ членомъ комитета. По своему призванію и положенію Петръ Петровичъ былъ, по преимуществу, человѣкомъ науки и кабинетной работы; труды его по отечественной исторіи и по исторіи русской литературы всѣмъ извѣстны. Что касается до практической дѣятельности, то она, главнымъ образомъ, принадлежала нашему Обществу, трудамъ и успѣхамъ котораго онъ постоянно и горячо сочувствовалъ; во время состоянія своего членомъ комитета, онъ въ теченіе лѣта несъ обязанности предсѣдателя; заслуга его предъ Обществомъ состоитъ главное въ томъ, что онъ въ это время велъ дѣла Общества съ свойственною ему осмотрительностью и осторожностью, и тѣмъ вполнѣ пріобрѣлъ право на

Digitized by Google

особую нашу признательность. Воздавая должное памяти нашихъ умершихъ сочленовъ, съ грустью останавливаемся мыслью на томъ, что достойнѣйшіе изъ нихъ сходятъ въ могилу преждевременно, въ полномъ развитіи своихъ силъ, столь необходимыхъ для Общества. Но благо тѣмъ, кто дѣйствуя различно на пользу нашего благотворительнаго учрежденія, каждый, сообразно съ своимъ характеромъ и личнымъ положеніемъ, вноситъ въ него свою ленту вещественную и невещественную, и тѣмъ увеличиваетъ не только матеріальныя его средства, но—что гораздо важнѣе—нравственный капиталъ Общества".

Послѣ того, секретарь и казначей прочли слѣдующіе отчеты:

„Мм. гг. Съ 23-го апрѣля, для послѣдняго общаго собранія членовъ Общества, по текущій мѣсяцъ комитетъ Общества имѣлъ 12 засѣданій. Въ засѣданіяхъ этихъ были оказаны слѣдующія единовременныя пособія: одному лицу выданы 225 р.; одному 200 р.; одному 150 р.; тремъ по 125 р.; одному 115 р.; одному 105 р.; четыремъ по 100 р.; шести по 75 р.; двумъ по 60 р.; девяти по 50 р.; четыремъ по 40 р.; одному 35 р.; тремъ по 30 р.; шести по 25 р.; одному 15 р. На воспитаніе сына учителя отпущено 75 р. и положено отпускать такую же сумму на воспитаніе дочери вдовы писателя, начавъ отпускъ этихъ денегъ съ 1-го сентября 1873 г., такъ какъ въ настоящемъ году уже оказано пособіе на этотъ предметъ. Кромѣ того, уплачено 49 р. 69 к. за воспитаніе пансіонерки Общества, окончившей въ текущемъ году курсъ ученія. Независимо отъ денежныхъ пособій, были оказаны еще слѣдующія: Комитетъ входилъ съ ходатайствомъ о назначеніи пенсіи въ усиленномъ размѣрѣ вдовѣ скончавшагося въ нынѣшнемъ году писателя и о назначеніи ей пенсіи изъ суммъ комитета заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Съ содѣйствіемъ комитета, сынъ той же вдовы помѣщенъ въ учебное заведеніе. Комитетъ хлопоталъ о помѣщеніи въ больницу дочери покойнаго писателя, но хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ. По просьбѣ комитета, морскимъ министерствомъ назначено ежегодное пособіе дочери извѣстнаго русскаго мореплавателя. По ходатайству же комитета, сынъ покойнаго археолога опредѣленъ пансіонеромъ въ одну изъ с.-петербургскихъ гимназій. Наконецъ, сдѣлано сношеніе о предоставленіи должности повивальной бабки вдовѣ писателя, но отвѣта еще не получено. По просьбѣ одного писателя, сообщено редакціи газеты, въ которой помѣщены были статьи просителя, объ удовлетвореніи его. Ходатайства девятнадцати лицъ о пособіи были отклонены комитетомъ. Одна просьба оставлена безъ разрѣшенія впредь до представленія просительницею свѣдѣній о трудахъ ея мужа.

Отчетъ казначея съ 1-го апрѣля по 1-е октября.

Къ 1-му апрѣля состояло на лицо 54,702 р. 65 к.; въ теченіи полугодія поступило 5,438 р. 85 к. въ томъ числѣ: 1) пожалованные

Digitized by Google

Ея Императорскимъ Величествомъ 300 р.; 2) проценты съ капитала Общества 1,197 р. 85; 3) пожизненные и годовые взносы 74-хъ голосовъ Общества 1,540 р.; 4) единовременныя пожертвованія двухъ лицъ 20 р.; 5) возвратъ одного пособія 20 р.; 6) выручка отъ одного концерта и одной публичной лекціи 2,361 р.—Въ теченіе 6 мѣсяцевъ израсходовано 5,699 р. 69 к., въ томъ числѣ: на пенсіи 2,000 р., на воспитаніе 569 р. 69 к., на единовременныя пособія 49 лицамъ 3,130 р.—Къ 1-му октября состоитъ на лицо: 54,441 р. 81 к.; въ томъ числѣ процентными бумагами 53,140 р. по текущему счету 1,300 р., деньгами 1 р. 81 к.

Въ заключеніе была произведена баллотировка лицъ предложенныхъ въ члены Общества, причемъ выбраны единогласно: Василій Григорьевичъ Имшенецкій, Николай Александровичъ Чаевъ, Алексѣй Алексѣевичъ Карасевъ, Алексѣй Алексѣевичъ Имбергъ, Ѳедоръ Ивановичъ Колесовъ и Дмитрій Александровичъ Миропольскій.

Засѣданіе комитета 6-го ноября 1872 года.

1) Выдано 50 руб. въ пособіе вдовѣ писателя, находящейся въ затруднительномъ положеніи.

2) Отклонены ходатайства четырехъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ тѣмъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда, и двухъ лицъ— о ссудѣ, такъ какъ никто изъ членовъ комитета Общества не принялъ на себя ручательства въ вѣрности возвращенія просимыхъ ссудъ.

3) Выдано 50 руб. писателю въ пособіе на выѣздъ изъ С.-Петербурга.

4) Слушали прошеніе Ѳ. М. Уткина о помѣщеніи въ извлеченіяхъ изъ журналовъ комитета статьи о дѣлѣ просителя съ редакціею «Петербургской Газеты».

Справка. 28-го августа 1872 года Ѳ. М. Уткинъ просилъ содѣйствія комитета къ полученію слѣдующаго ему съ редакціи «Петербургской Газеты» гонорара, по 3 к. за печатную строку напечатанныхъ въ этой газетѣ корреспонденцій его отъ 28-го іюня, 21-го іюля и 3-го августа, и къ высылкѣ ему тѣхъ нумеровъ газеты, въ которыхъ помѣщены эти корреспонденціи. О ходатайствѣ г. Уткина было сообщено названной редакціи 4-го сентября 1872 г. за № 197, но отвѣта не получено.

Опредѣлено согласно §§ 4 и 5 утвержденныхъ 2-го февраля 1872 г. общимъ собраніемъ членовъ Общества правилъ о посредничествѣ комитета Общества между писателями, съ одной стороны и издателями ихъ сочиненій, книгопродавцами и редакторами повременныхъ изданій съ другой, о существѣ дѣла Ѳ. М. Уткина съ редакціею „Петербургской Газеты“ помѣстить статью въ извлеченіяхъ изъ журналовъ комитета, съ означеніемъ именъ обѣихъ сторонъ.

5) Внесено въ университетъ, въ уплату за слушаніе лекцій однимъ бѣднымъ студентомъ 35 р.

6) Изъявлена благодарность Общества Д. Н. Свербѣеву за пожертвованіе имъ въ пользу Общества 78 р.

Digitized by Google

Отчетъ казначея Общества за октябрь.

Къ 1-му октября состояло на лицо 54,441 р. 81 коп. — Въ теченіи мѣсяца поступило 31,150 р. 31 коп.; въ томъ числѣ: а) пожалованные изъ кабинета Его Императорскаго Величества 1,000 руб., б) отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государей Великихъ Князей Владиміра Александровича 200 руб. и Алексѣя Александровича 100 руб.; в) взносы 6-ти членовъ Общества 225 р.; г) единовременныя пожертвованія 228 р.; д) полугодовые проценты съ капитала 1,397 р. 31 коп. Въ теченіи мѣсяца израсходовано 1,007 р. 25 коп., въ томъ числѣ: пенсіи 4-мъ семействамъ 210 руб.; пособія на воспитаніе 92 р. 50 к.; единовременныя пособія 6-ти лицамъ 675 р.; Государственному Банку за храненіе процентныхъ бумагъ 29 р. 75 коп.—Къ 1-му ноября на лицо: 56,584 р. 87 к., въ томъ числѣ процентными бумагами 53,140 руб., на текущемъ счету 3,150 р. 24 к. и деньгами 294 р. 63 к.

Отъ Редакціи. — Вторая половина семейной исторіи П. Альминскаго: «Алексѣй Слободинъ», возобновится печатаніемъ съ февральской книги.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

...стика русскихъ банковъ. По порученію Центр. Стат. Комит. обработалъ *И. И. Кауфманъ*. Ч. I. Спб. 1872. Стр. 355.

...рвая, вышедшая нынѣ, часть посвящена од... Государственному Банку, его конторамъ и ...еніямъ, и заключаетъ въ себѣ обзоръ дѣя...ности нашихъ старыхъ кредитныхъ учреж...й до 1859 года, исторію ихъ ликвидацій, ...ченную и по настоящее время, и наконецъ, ...еніе всѣхъ совершённыхъ казначейскихъ ...мерческихъ операцій Государственнаго ...а. Все это пока одинъ матеріалъ, но ма...лъ драгоцѣнный, такъ какъ издателю его ...открыты источники статистики Государ...наго Банка; а объяснительный текстъ къ ...щему тому обѣщается вскорѣ. Обзоръ дѣ...ности частныхъ акціонерныхъ банковъ со...итъ содержаніе второй части сборника. ...той важности, какую представляютъ въ на...время банки, и при великой зависимости отъ ...ъ и государственнаго и народнаго благосо...нія, настоящее изданіе можно разсматри...ть, какъ первый и сознательный шагъ къ то..., чтобы со временемъ поставить у насъ бан...ое дѣло на раціональныхъ и общихъ съ за...ными банками началахъ. Одного этого сооб...женія достаточно, чтобъ отнести порученіе ...нтральнаго Стат. Комитета, выполненное г. ...рфманомъ весьма тщательно и всесторонне, ...числу замѣчательныхъ явленій въ нашей об...ственной жизни, такъ какъ оно, мы надѣемся, ...служитъ основательною посылкой для вывода ...избѣжныхъ умозаключеній.

...выраженіи ощущеній у человѣка и у животныхъ. *Чарльзъ Дарвинъ*. Пер. подъ ред. проф. А. Ковалевскаго. Спб. 1872. Стр. 335. Ц. 3 р.

Новый трудъ Ч. Дарвина является въ рус...омъ переводѣ почти одновременно съ ориги...аломъ, такъ какъ сдѣланъ съ корректурныхъ ...стовъ, присланныхъ авторомъ. Гадательную ...режде связь физіогноміи съ внутренними дви...женіями духа Дарвинъ дѣлаетъ теперь предме...омъ научнаго изслѣдованія связи ея съ дыха...тельными движеніями и т. д., присоединяя къ ...тому наблюденія надъ міромъ животныхъ. Мы ...можемъ обѣщать читателямъ въ непродолжитель...номъ времени познакомить ихъ ближе съ резуль...татами изслѣдованія Дарвина въ особой статьѣ, ...потому ограничиваемся пока однимъ указані...емъ на выходъ его въ свѣтъ и въ подлинникѣ, ...въ русскомъ переводѣ, снабженномъ весьма ...удовлетворительно выполненными рисунками.

Историческій очеркъ нашего законодательства о печати. *О. Нотовича*. Спб. 1873. Стр. 63.

Брошюра г. Нотовича есть небольшая часть ...цѣльнаго труда по сравнительной исторіи цен...туры въ различныхъ государствахъ, а издаетъ онъ ее отдѣльно „въ виду предстоящей реформы въ нашемъ цензурномъ законодательствѣ". Брошюра ограничивается исторіею нашей цензуры „только до нынѣ дѣйствующаго законодательства, такъ какъ, авторъ находитъ, невозможно писать исторію настоящаго". По изслѣдованію автора, оказывается, что до 1742 г. у насъ существовала одна духовная цензура, и только въ 1742 г. Елисавета Петровна положила начало свѣтской цензурѣ по случаю ложнаго извѣстія въ „Россійскихъ Вѣдомостяхъ" о пожалованіи ордена д. т. с. Бестужеву. Но настоящая и полная организація цѣлаго цензурнаго вѣдомства принадлежитъ послѣднему году царствованія Екатерины Великой. Брошюра ограничивается преимущественно фактическою стороною предмета, предоставляя, вѣроятно, главной части труда объясненіе ея сравненіемъ съ законами о печати въ другихъ странахъ.

Малоголовые. *Карла Фохта*. Пер. А. Бера и Карабановича, подъ ред. проф. Н. П. Вагнера. Спб. 1873. Стр. 284. Съ атласомъ. Ц. 2 р. 75 к.

Изслѣдованіе К. Фохта о малоголовыхъ, микрокефалахъ, т.-е. вышедшихъ уже изъ утробы матери съ мозгомъ значительно уменьшеннымъ и измѣненнымъ въ своихъ формахъ, представляетъ много любопытныхъ данныхъ не только для натуралиста, но и для этнографа, психолога, психіатра, имѣющаго часто дѣло съ идіотизмомъ, явленіемъ, быть можетъ, переходнымъ къ микрокефализму. Предисловіе къ переводу К. Фохта, написанное проф. Н. П. Вагнеромъ, увеличиваетъ интересъ этого спеціальнаго предмета тѣми соображеніями, которыя нашъ ученый присоединяетъ отъ себя. Конечно, ближайшую оцѣнку всѣхъ этихъ ученыхъ мнѣній по этому любопытному предмету мы должны предоставить спеціалистамъ.

Очерки Крыма. Картины крымской жизни природы и исторіи. *Евгенія Маркова*. Спб. 1873. Стр. 506. Ц. 3 р.

Наши читатели знакомы отчасти съ авторомъ, его манерою изложенія и даромъ наблюдательности по напечатанному въ нашемъ журналѣ этюду: „Пещерные города Крыма", вошедшему нынѣ, какъ небольшая часть, въ „Очерки Крыма". Авторъ въ своихъ „Очеркахъ" соединяетъ характеръ дневника съ трудомъ изслѣдователя, а потому у него встрѣчаются вмѣстѣ и живописныя изображенія природы, современной жизни, и изученіе слѣдовъ жизни давно прошедшей, какъ человѣка, такъ и природы, рядомъ съ личными наблюденіями, добытыми авторомъ на мѣстѣ, также и наблюденія другихъ временъ. Однимъ словомъ, этотъ трудъ отличается и всѣми достоинствами научнаго знакомства съ описываемымъ предметомъ, и интересомъ дня.

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“
ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

I.—**Въ С.-Петербургѣ:** 1) *Безъ доставки* на домъ **15** руб. **50** коп.—2) *Съ доставкою* по городской почтѣ **16** р.

II.—**Въ Москвѣ:** 1) Съ пересылкою *чрезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева* **16** р. 2) Съ пересылкою *чрезъ Газетную Экспедицію* **17** р.

III.—**Въ губерніи:** Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію **17** р.

IV.—**Заграницею:** За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: a) **2** руб.—въ *Германію* и *Австрію*; b) **3** р.—въ *Бельгію, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества*; c) **4** р.—во *Францію и Данію*; d) **5** р.—въ *Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію* и *Грецію*; e) **6** р.—въ *Швейцарію*; f) **7** р.—въ *Италію*.

1.—*ПОДПИСКА* принимается: a) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; b) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ исключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчества, фамиліи и того *почтоваго учрежденія*, его губерніи и уѣзда, гдѣ имъ выдача газетъ и журналовъ.

2.—*ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣстіе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ и новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе.—По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переѣхавъ въ иногородные, оплачиваютъ 1 р. 50 к., а иногородніе—въ городскіе 50 коп.

3.—*ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно доставляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою безъ свидѣтельства Почтовой Конторы. Газетная Экспедиція должна быть предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворяетъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.—Точно также Редакція не можетъ удовлетворять жалобъ тѣхъ подписчиковъ, которые, въ противность первому условію подписки, требуютъ высылки журнала на такія станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ *нѣтъ* почтовыхъ учрежденій.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.

Экземпляры 1872-го года разошлись всѣ по подпискѣ.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

Eighth year Book 2nd

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 2-ая.

1873
2

ФЕВРАЛЬ, 1873.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин. 7.

ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 2-ая. — ФЕВРАЛЬ, 1873.

Стр.

I.—АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ. — Семейная исторія. — Часть четвертая. — **П. Альминскаго** 90

II.—ПРЕДАНІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ. — VI-XII.—**Н. И. Костомарова** 173

III.—НА ПЕРЕПУТЬИ.—Романъ.—Окончаніе первой части .—**Н. Дмитріевой** . . 420

IV.—НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ. — Часть вторая.—Новый міръ.—I.—**С. М. Соловьева** 675

V.—МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЮРЕМНЫЙ КОНГРЕССЪ И АНГЛІЙСКІЯ ТЮРЬМЫ.—I-X.—**М. Н. Анненкова** 705

VI.—ПРОМЕТЕЙ.—Изъ Байрона.—**В. В. Маркова** 708

VII.—РУССКІЕ ВЪ ГАЛИЦІИ. — Литературныя и политическія замѣтки.—III.—**М. Т—овъ** 709

VIII.—ХРОНИКА.—ПИСЧЕБУМАЖНОЕ ПРОИЗВОДСТВО и его современное положеніе.—**W.** 799

IX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Государственная роспись на 1873-й годъ.—Вопросъ объ издержкахъ взиманія.—Возрастаніе доходовъ и расходовъ.—Обложеніе податныхъ сословій.—Экономическое положеніе податной массы. — Балансъ росписи.—Отчетъ контроля за 1871-й годъ. — Сверхсмѣтныя ассигнованія.—Экстраординарные рессурсы.—Необходимость возстановленія денежной системы.—Мнѣніе адмирала Мордвинова о паденіи бумажныхъ денегъ . 820

X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Князь Бисмаркъ и графъ Роонъ.—Современное положеніе католицизма и протестантизма.—Пасторъ Кокрель.—Пасторъ Шантръ.—Пасторъ Зидовъ.—Епископъ Воганъ.—Архіепископъ Маннингъ.—Епископъ Дюпанлу. — Законъ о совѣтѣ просвѣщенія во Франціи. — Побѣды Ж. Симона.—Смерть Наполеона III. 844

XI.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Политическій кризисъ въ Пруссіи.—**К.** 864

XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.—Географическія изслѣдованія въ Италіи.—**D. G.** 889

XIII.—РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Екатерина II, по ея письмамъ.—Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. IX и X. 898

XIV.—НОВЫЯ КНИГИ. — Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. А. фонъ-Фрикенъ. — Корабль „Ретвизанъ". Годъ въ Европѣ и на европейскихъ моряхъ. Путевыя впечатлѣнія и воспоминанія Д. В. Григоровича. 910

XV.—ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Литературная дѣятельность во время французской революціи. — Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution, 1789—1794, v. Lotheissen. 916

XVI.—НОВЫЯ КНИГИ.—Leçons élémentaires d'hygiène à l'usage des établissements d'enseignement secondaire, par V. Cornil 930

XVII.—НОВѢЙШАЯ ПОЛЬСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА.—Письмо къ редактору.—**Л. Л.** 932

XVIII.—НЕКРОЛОГЪ.—Дмитрій Ивановичъ Каченовскій. — **Я. Б.** 948

XIX.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—II. Подписка на памятникъ Пушкину. 953

XX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—IV стр.

Digitized by Google

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1873 г. прилагается особо.

XIII.706

1879. Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. consul at
Birmingham, Eng.

АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ

Семейная исторія.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I *).

Схоронивъ отца, Алексѣй остался главою семьи, единственнымъ ея радѣльцемъ и кормильцемъ,—а средствъ къ жизни никакихъ; приходилось добывать все это въ ущербъ своей будущности. «Трудно ли мнѣ будетъ, легко ли, объ этомъ разсуждать нечего; такъ надо!» — Съ университетомъ приходилось распрощаться и прямо искать хлѣба, — то-есть, казеннаго, или частнаго мѣста. И онъ съ суровою рѣшимостью обратился къ практической сторонѣ жизни: подыскалъ нѣсколько выгодныхъ кондицій, заручился работою въ какой-то купеческой конторѣ, — и по наружности спокойно шелъ на жизнь, полную лишеній, обезпечивавшую только возможность не умереть съ голода;—а о себѣ— о своихъ личныхъ стремленіяхъ и потребностяхъ приходилось забыть... Но вдругъ онъ неожиданно остановился съ исполненіемъ этого смертнаго приговора лучшимъ своимъ надеждамъ.

Любящій глазъ матери подмѣтилъ, что подъ личиною спокойствія въ сынѣ происходитъ что-то неладное, онъ насилуетъ и страдаетъ. Она очень осторожно напомнила ему о сумасбродномъ завѣщаніи дѣдушки. Алексѣй только покачалъ головою. Анна Ѳіевна однако не оставила этой мысли и со слезами не разъ

*) См. выше: ноябрь, 98; декабрь, 437.

Digitized by Google

умоляла сына написать дѣду, — если не просить о помощи, то по крайней мѣрѣ узнать, живъ ли онъ—и тогда она съ дочерью поѣдетъ къ нему на знакомую ей жизнь въ деревенской избѣ... «Вѣдь мы, дармоѣдки, тебѣ руки связываемъ...»

Разстаться съ матерью было ему тяжело, но загубить Алёнушку въ деревенской глуши, отнять у нея возможность образованія, — казалось просто преступленіемъ. Послѣ долгихъ мучительныхъ колебаній, Алексѣй пришелъ къ тому выводу, что отказаться отъ помощи дѣда было-бы пустымъ фанфаронствомъ; вѣдь онъ возьметъ у него деньги не для прихотей праздной жизни; — а черезъ три года занятій въ университетѣ возвратитъ сторицею этотъ долгъ если не дѣдушкѣ, то обществу... «Три года, только три года!—и я не безсмысленный добыватель куска хлѣба, а сознательный работникъ на пользу общую!...» Такъ мечталъ юноша.

И онъ написалъ прямое, откровенное письмо дѣдушкѣ Дмитрію Логиновичу. Письмо Алексѣй адрессовалъ въ городъ N на имя купца Конникова, прося его передать дѣду, или извѣстить о судьбѣ его.—Около двухъ мѣсяцевъ прошло въ томительномъ ожиданіи отвѣта.—Живъ ли старикъ и какъ-то онъ теперь обрѣтается?—Хоть онъ и предлагалъ когда-то отцу «представить тыщи», но это было такъ давно, а положеніе крестьянина, состоящаго въ полнѣйшей зависимости отъ самодура-купца, не представляетъ никакой прочности...

Наконецъ, отвѣтъ пришелъ. Мы приведемъ его въ подлинникѣ, сдѣлавъ правописаніе удобочитаемымъ и оставивъ грамматику на отвѣтственности неизвѣстнаго грамотѣя, строчившаго посланіе со словъ Дмитрія Логиновича:

«Милому и любезному моему внучку, Алёшенькѣ.

Письмецо твое, пущенное 24-го ноября мѣсяца, до насъ дошло. Изъ онаго освѣдомился я о преставленіи твоего папеньки, Петра Ивановича. Сколь мнѣ это прискорбно было, ну что-жъ?—на все власть Божія. А какъ я усматриваю изъ того же письма, что онъ, вашъ папенька, царствіе ему небесное, никакого имѣнія вамъ не оставилъ, и на чужой сторонѣ ты долженъ съ матерью и малыми ребятами всякую нужду претерпѣвать;—и мнѣ доподлинно извѣстно, что господинъ онъ былъ души доброй и никого по хрестьянству не притѣснялъ и не изобидѣлъ. Помня его благодѣянія и то, что завсегда бывши готовъ моей послугой на по-

Digitized by Google

мочь въ тѣснотѣ, то посылаю тебѣ, любезный внучекъ, при семъ письмѣ моемъ тысячу рублей ассигнацій; прими Бога для и не осуди за малое, ибо на предбудущее время я также вѣрно присылать буду каждое полугодіе; мнѣ не надо, лишь бы тебѣ препятствія не произошло. А о себѣ скажу вамъ, что я изволеніемъ Вседержителя живъ и здоровъ. Лѣтошній годъ, по великой милости благодѣтеля нашего Гаврилы Федулыча, срубилъ себѣ новую избу совсѣмъ въ лѣсу и тамъ обрѣтаюсь во славу Господа нашего Исуса Христа, а мірскимъ дѣломъ не занимаюсь, тѣмъ паче, что на лѣвый глазъ совсѣмъ ослѣпъ. Памятуй всегда, Алёшенька, что по нонѣшнимъ временамъ соблазны многи въ міръ входятъ. Науки произойди собственно, чтобы большихъ чиновъ достигнуть, а ты все остерегайся, блюди свою внутреннюю, ради спасенія души и живни вѣчной. Будешь большой господинъ не забудь и насъ темныхъ, ибо сказано: юже мѣрою мѣрите, тако воздастся и вамъ. А чего недописано въ семъ, и все то объявитъ тебѣ оный вѣрный человѣкъ, тотъ самый, кой сіе подастъ. Не сумнѣвайся въ немъ. Матери твоей Аннѣ и всему дому благодать. — Твой богомолецъ Дмитрій Лоцановъ».

Эту грамотку принесъ Слободину какой-то мѣщанинъ, подслѣповатый, съ морщинистымъ лицомъ и рѣденькой бородкой. Письмо было запечатано, но безъ вложенія денегъ; податель вынулъ изъ-за пазухи завернутыя въ платокъ ассигнаціи и вручилъ ихъ особо, прося пересчитать.

Алексѣй былъ крайне смущенъ, — помощь дѣда превзошла всѣ самыя смѣлыя его ожиданія. Мѣщанинъ тоже затруднялся и усиленно мигалъ глазами.

Разговоръ не клеился. Послѣ нѣсколькихъ совершенно пустыхъ вопросовъ и лаконическихъ отвѣтовъ, мѣщанинъ сталъ прощаться, пообѣщавъ черезъ три дня зайти за отвѣтомъ, который настоятельно рекомендовалъ не посылать по почтѣ «для вѣрности».

— Вы стало быть изъ тѣхъ мѣстъ?—спросилъ Алексѣй.

— Нѣтъ, мы здѣшніе, а только имѣемъ постоянное сообщеніе, такъ какъ тоже состоимъ при лѣсной торговлѣ Гаврилы Федулыча, при здѣшней ихней, значитъ, конторѣ.

— Позвольте узнать, какъ васъ зовутъ и гдѣ живете?

— Въ Ямской живемъ. Прозываюсь я Тихонъ Ѳедосѣевъ. Да вы не извольте безпокоиться, вѣрно зайду-съ. Приготовьте письмецо. Просимъ, батюшка, прощенія!

Необыкновенность происшествія, воскресшія надежды, радость матери, совсѣмъ сбили съ толку Алексѣя. Въ рукахъ у

Digitized by Google

него осталось письмо и порядочная пачка денегъ, — по этимъ только признакамъ онъ сознавалъ, что появленіе мѣщанина не сонъ.

Приготовляя отвѣтъ дѣдушкѣ, Алексѣй обратилъ вниманіе на нѣкоторыя странности его письма, которыхъ онъ истолковать былъ не въ силахъ и обдумалъ цѣлую систему вопросовъ Ѳедосѣеву. Черезъ три дня мѣщанинъ явился, но такъ искусно повелъ дѣло, что самъ забросалъ Алексѣя вопросами, съ наивнымъ участіемъ вошелъ во всѣ подробности его жизни и даже его плановъ на будущее.

— Что-жъ, ученіе—это похвально-съ. Нынче ученію дастся большая привилегія и даже по службѣ государственной ходъ вольнѣе. Ну, а покамѣстъ значительныхъ чиновъ достигнете, нужна поддержка, чтобы въ пустякѣ какомъ домашнемъ недостатка не терпѣть, — вотъ и слава Господу-Богу, что дѣдушка можетъ вамъ въ этомъ дѣлѣ поруководствовать!

— Да скажите пожалуйста, откуда у дѣдушки такія большія деньги?

— А никто какъ Богъ-съ. Онъ, Вседержитель, невидимо намъ посылаетъ за правильную жизнь... Объ этомъ вы тоже не безпокойте себя: я отъ старика имѣю такой наказъ, коли что вамъ занадобится, чтобы это сейчасъ же удовлетворять. Онъ у насъ старикъ именитый; вотъ ужъ почитай пятнадцать годовъ служитъ хозяину. Чего-нибудь это, сударь, стоитъ!—Я по временамъ навѣдываться къ вамъ буду-съ. Желаю всякаго благополучія.

И въ этотъ разъ Ѳедосѣевъ ушелъ, избѣжавъ самыхъ существенныхъ вопросовъ.

Алексѣй пріискалъ приличную квартирку на Васильевскомъ островѣ около Малаго проспекта, въ деревянномъ отдѣльномъ флигелькѣ, угождая вкусамъ матери, питавшей какую-то неодолимую боязнь къ огромнымъ многолюднымъ домамъ.—«Точно ты въ казармѣ живешь, а не у себя дома,—говаривала она,—содомъ-содомомъ! А такъ-то особнячкомъ лучше, въ сторонкѣ, да въ тишинѣ. Можно и птицу свою домашнюю завести, выгодно;—да, признаться, я и люблю-таки, когда на дворѣ насѣдка клокчетъ, или вечерней порой собачка подъ окномъ тявкаетъ,—ну и кажется, что въ своемъ углу живешь».

Анна Дмитріевна набожно хранила любовь свою къ простой жизни и пережитой старинѣ, не поддавалась она петербургской выправкѣ, какъ смолоду не поддалась грамотѣ.—И сынъ съ сердечною теплотою уважалъ въ ней всю уцѣлѣвшую простоту при-

Digitized by Google

вычекъ и, такъ-сказать, непосредственность натуры крестьянской дочери. Онъ самъ, какъ мы видѣли, созрѣвалъ въ прямыхъ отношеніяхъ къ простымъ людямъ; эти отношенія дали ему слишкомъ много, такъ что теперь, выйдя на широкій просторъ умственнаго развитія, онъ опирался на основы, выработанныя въ немъ прошлою жизнію,—разрывъ съ ними былъ для него немыслимъ...

А работалъ онъ очень много помимо профессорскихъ лекцій;—отъ всѣхъ кондицій отказался: единственною его кондиціей были занятія съ сестрой Алёнушкой — и сколько наслажденій доставляли ему эти занятія! Дѣвочка оказалась несовсѣмъ обыкновенной ученицей: она рѣшительно не вѣрила тому, что написано въ книжкѣ, требовала чтобы братъ доказалъ ей, что это дѣйствительно такъ, сущая правда; за то, когда братъ докажетъ, то ужъ не было силы, которая могла бы заставить ее хоть на мигъ усомниться въ доказанной истинѣ. Оставивъ книжку, она съ большимъ умѣньемъ помогала матери въ управленіи ихъ маленькимъ хозяйствомъ, въ которомъ не было не только никакихъ прорѣхъ, а замѣчалось даже скромное благосостояніе. Вообще, послѣ смерти Петра Иваныча, жизнь Слободиныхъ потекла ровнѣе, спокойнѣе; каждый занимался своимъ дѣломъ, зналъ куда и зачѣмъ идетъ; надъ семьею не висѣлъ угрожающій призракъ неизвѣстности о завтрашнемъ днѣ, нелѣпой случайности—завтра стать богачемъ или пойти по-міру. Алексѣй даже сжегъ всѣ оставшіеся послѣ отца лотерейные билеты.

— Хорошо намъ теперь Алёшенька,—говорила Анна Дмитріевна;—кабы отецъ-то послушался меня, да заѣодя обратился къ дѣдушкѣ, не узнали бы мы столько слезъ и горя... Теперича мы хоша и успокоены, а еще лучше стало бы, если намъ совсѣмъ переѣхать къ дѣду... Не люблю я этого Петербурга, точно въ клѣткѣ сидишь запертая.—Вотъ только что ученье твое требуетъ, а то бы я съ великой душой уѣхала... Но Алексѣй таилъ какую-то тревожную мысль насчетъ дѣдушки.

— Нѣтъ, мамочка, это не годится. Старика мы стѣснимъ, будемъ ему въ тягость... Потомъ, не одинъ я долженъ учиться, вѣдь у насъ ростетъ Алёнушка... Вы не думайте, чтобы я такъ ужъ и возложилъ всѣ упованія на дѣдушкинъ сундукъ... Теперь —дѣлать нечего—вынужденъ имъ пользоваться, да и то весьма осторожно; сами видите, трачу ли я лишнее,—а вѣдь могъ бы, пожалуй, барскіе тоны задавать... Только было ли бы это честно?—Вотъ постойте, кончу курсъ, перейдемъ на свои хлѣба,—и дѣдушку утѣшимъ, что не зря пошла его помощь.

Digitized by Google

Однажды Алексѣй спросилъ:

— Какъ вы думаете, маменька, что бы это значило, что дѣдушка въ лѣсу совсѣмъ поселился, мірскимъ дѣломъ не занимается и о соблазнахъ проповѣдуетъ?

— А что-жъ,—старый человѣкъ,—извѣстно, надо и о душѣ подумать. По нашимъ мѣстамъ это не рѣдкость, — еще иной схиму приметъ, да молчальникомъ въ кельи сидитъ. Объ этакомъ дѣлѣ и судить не слѣдуетъ,—грѣшно!

Алексѣй, конечно, не удовлетворился этимъ объясненіемъ.

Таинственный Тихонъ Ѳедосѣевъ навѣщалъ Слободина довольно часто и вмѣсто писемъ отъ дѣдушки приносилъ его благословеніе.—«За болѣзнью и недосугомъ не пишетъ; да правду сказать, у нихъ тамъ и писать-то не сподручно—иной разъ и человѣка такого нѣтъ, чтобы написалъ какъ слѣдуетъ,—и что-жъ въ этихъ письмахъ-то? — Одно пустословіе...» Деньги Ѳедосѣевъ доставлялъ аккуратно.

Молодой студентъ встрѣчалъ его сперва съ любопытствомъ, какъ психіатръ встрѣчалъ интереснаго субъекта; мало-по-малу къ этому любопытству примѣшался интересъ болѣе серьёзный...

Къ его приходу покупался медъ—Тихонъ чай пилъ съ медомъ, считая сахаръ скоромнымъ. Затворившись въ своей комнатѣ, Алексѣй бесѣдовалъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ. Какъ ни скрытенъ былъ Тихонъ Ѳедосѣевъ, а черезъ полгода знакомства, Алексѣй, опираясь на письмо дѣдушки, успѣлъ добиться отъ него нѣсколькихъ хотя косвенныхъ полупризнаній.—Тихонъ ничего прямо не говорилъ, но для Алексѣя стало ясно, что дѣдушка принадлежитъ къ обширной раскольничьей сектѣ, во главѣ которой стоялъ богатѣйшій купецъ Конниковъ...

Это открытіе смутило Слободина не на шутку. Догадокъ своихъ онъ не сообщалъ даже матери: въ подобныхъ случаяхъ вообще ни съ кѣмъ не совѣтуются,—особенно такіе характеры, какъ Алексѣй Слободинъ, привыкшій съ дѣтства быть верховнымъ судьею и рѣшителемъ всѣхъ задачъ своей личной жизни. На этотъ разъ задача была крупнѣе и сложнѣе: предстояло или разорвать всѣ связи съ дѣдушкой, или оставаться въ двусмысленномъ и небезопасномъ положеніи... Онъ зналъ, что можно пострадать не за активное участіе въ дѣлѣ, а за недоведеніе о немъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ...

Но какъ же разорвать съ дѣдушкой?—Вѣдь тутъ дѣло шло не объ однихъ его личныхъ интересахъ и безопасности, а о благосостояніи матери и сестры, которыхъ онъ любилъ больше всего на свѣтѣ... Но и это еще не такъ важно,—для себя лично

Digitized by Google

Алексѣй ставилъ вопросъ гораздо серьёзнѣе, и совершенно на другую почву: не будетъ ли этотъ разрывъ поступкомъ дряннымъ, малодушнымъ и безчестнымъ, если я разорву съ дѣдомъ потому только, что сношенія съ нимъ не безопасны?... Убѣжденъ ли я въ томъ, что онъ вредный членъ общества? — Да и что такое «вредный» членъ,—не вѣрнѣе ли назвать его болѣзненнымъ продуктомъ даннаго, можетъ быть, даже патологическаго состоянія общественнаго организма?...

Голова его горѣла отъ множества неотвязныхъ вопросовъ, рождавшихся одинъ изъ другого — и изъ нихъ всѣхъ вытекалъ цѣльный, совершенно-естественный выводъ... Не трудно угадать какой выводъ.

Чѣмъ больше вдумывался Алексѣй въ странную судьбу мужика-дѣдушки, тѣмъ глубже убѣждался, что ему и не было иного выхода. Бездомный, забитый дворовый человѣкъ, которымъ до того помыкали, что онъ даже не сознавалъ себя личностью, имѣющею какія-нибудь права;—случайно и по чужому капризу нападаетъ онъ на какой-то слѣдъ къ заколдованному кругу, въ которомъ худо ли, хорошо ли, а живутъ все люди вольные. Онъ смышленъ, способенъ, чуетъ, что и тамъ былъ бы не хуже другихъ; но бѣдняка только дразнятъ этою заманчивой волей, ставя ее въ зависимость все отъ того же безсердечнаго каприза, и пуще раздражая наболѣвшія раны... и вдругъ является возможность стать рядомъ съ этими вольными людьми, сознать себя братомъ во Христѣ самого даже Гаврилы Федулыча, — принять извѣстныя обязанности во славу «правой вѣры», словомъ, изъ ничего стать личностью, радѣющею о преуспѣяніи своей общины, и притомъ, когда эта община сильна, могущественна, обладаетъ громадными средствами постоять за своихъ всегда и вездѣ... Развѣ возможенъ былъ выборъ для темнаго бѣдняка-дѣдушки?

А тутъ еще этотъ боръ сосновый съ его суровымъ говоромъ, одинокая избушка, — не слыхать ни женской рѣчи съ ея веселымъ смѣхомъ да взглядомъ ласковымъ, ни дѣтскаго лепета, разгоняющаго на старомъ лицѣ сердитыя морщины; — кругомъ все мрачно, однообразно, таинственно,—все вгоняетъ мысль внутрь, нашептываетъ человѣку плачъ «о грѣсѣхъ міра сего» и исканіе мистическаго пути къ спасенію... а отсюда до самаго мрачнаго изувѣрства одинъ шагъ...

Алексѣй, развивавшійся не столько подъ вліяніемъ школы, сколько подъ могучими впечатлѣніями природы и дѣйствительности, всегда отыскивалъ гармоническія отношенія человѣка со всѣмъ его окружающимъ. По дѣтскимъ воспоминаніямъ, дѣдушка

Digitized by Google

въ его представленіи скорѣе подходилъ къ типу американскаго поселенца, чѣмъ религіознаго фанатика.

Не одну ночь провелъ Алексѣй въ глубокой думѣ о своемъ дѣдушкѣ...

При скупомъ свѣтѣ нагорѣвшей свѣчи сидитъ юноша у своего рабочаго стола; — передъ нимъ разбросаны тетради, лекціи, замѣтки, и лежитъ книга,—мудреная нѣмецкая книга—«Kritik der reinen Vernunft»; но мысль его далека отъ начатой работы... Встряхнувъ отяжелѣвшею головою, онъ принимается читать раскрытую страницу, — вдругъ нахмуренныя брови его дрогнули, усмѣшка скользнула по лицу... Онъ уже не читаетъ книги, а просто глядитъ на нее пристально, вопросительно. Еще мгновеніе,—и громкій, отрывистый смѣхъ раздался на всю комнату...

Встревоженная Анна Дмитріевна неслышно заглянула къ сыну.

— Ничего, маменька... это я такъ... спите спокойно... И поцѣловавъ мать, Алексѣй выпроводилъ ее изъ комнаты, а самъ зашагалъ большими шагами, отчаянно взъерошивая свои непокорные вихры и продолжая смѣяться...

— Да-съ... вотъ я пріобрѣлъ эту книгу на раскольничьи деньги!—подумалъ онъ вслухъ.—Да-съ, вотъ и сижу-то я тутъ, сытый, спокойный, умственное развитіе добываю,—изучаю Канта, Гегеля и другихъ, какъ говаривалъ Сіонскій, важныхъ нѣмцевъ... запасаюсь могучимъ оружіемъ и пойду—предполагается, что непремѣнно пойду—разбивать въ прахъ всѣ ложные кумиры, всѣ заблужденія и глупости человѣчества, — и все это на дикія раскольничьи деньги, сколоченныя не вѣсть какими темными путями и ужъ конечно не для этихъ цѣлей!... Ха-ха-ха! — Вотъ она иронія-то, злѣйшая иронія!... и гдѣ-жъ это возможно, кромѣ русской жизни, которая не любитъ стѣснять себя узенькимъ формализмомъ, не хочетъ знать разсчитанной послѣдовательности, а сломя шею рвется на просторъ, не разбирая средствъ, не считая жертвъ?... И нужно же, чтобы съ минуты рожденія жизнь моя проходила черезъ рядъ странныхъ противорѣчій, мучительныхъ недоумѣній, — чтобы самые сильные и плодотворные толчки въ развитіи моего пониманія получались только при встрѣчѣ съ житейскими уродливостями, съ несчастіями, почти съ преступленіями... Отчего это такъ? — Не можетъ быть, чтобы это была простая случайность... Не дѣйствуютъ ли тутъ причины общія, постоянныя? Ахъ ты дорожка моя—не даромъ еще въ дѣтствѣ прозвалъ я тебя «воровскою!»... Куда-то ты меня выведешь? Теперь вотъ начиняю голову этою премудростью — (Алексѣй

Digitized by Google

насмѣшливо швырнулъ книгу) — а что я стану съ нею дѣлать?— Не будетъ ли она моимъ несчастіемъ, моимъ проклятіемъ?... Опять иронія,—жестокая, безпощадная иронія русской жизни!..»

II.

Университетскіе годы протекли для Алексѣя очень тихо; онъ примкнулъ къ тому кружку своихъ сотоварищей, который пришелъ въ университетъ за тѣмъ, чтобы работать. Это были большею частью бѣдняки, жившіе кое-какъ кондиціями и твердо знавшіе, что кромѣ труда и устойчиваго характера никто ихъ въ жизни не выручитъ. Студенты-аристократы, — тогда ихъ было не мало,—питали къ нимъ сухое, нѣсколько брезгливое уваженіе, а студенты-гуляки, искренно признавая ихъ превосходство, считали ихъ немного педантами, немного филистерами. Всѣ эти фракціи университетской молодежи шли рѣшительно врозь, у нихъ не было и не могло въ то время быть никакихъ общихъ интересовъ.

Въ семейной жизни Слободиныхъ тоже не произошло ничего замѣчательнаго, если не считать проводы Коли на Кавказъ, куда онъ былъ отправленъ по распоряженію начальства юнкеромъ. Не дождался онъ исполненія своихъ завѣтныхъ помысловъ — улыбнулись ему издалека офицерскіе эполеты, улыбнулось и богатство почтеннаго дядюшки.—Странная судьба постигла этого мальчика!... Отдѣленный отъ партикулярнаго міра чисто-выбѣленными стѣнами кадетскаго корпуса, Коля не принималъ почти никакого участія въ перипетіяхъ судьбы своего семейства. Приходя домой по праздникамъ, онъ и видѣлъ только одну показную сторону жизни. Умеръ отецъ,—ему жалко стало не видѣть больше человѣка, который его ласкалъ, баловалъ, какъ своего любимца, но не пришло въ голову спросить, — а какъ-то теперь будетъ жить семья?—Вообще, корпусную жизнь онъ предпочиталъ домашней,—тамъ все готовое, какъ сегодня, такъ и завтра; коли что не хорошо, такъ можно шумѣть и кричать; за скверный обѣдъ забросать экономa картофелемъ; — если же за такія протестаціи и поведутъ въ цейхгаузъ для извѣстной расправы,—и то не бѣда,—за пострадавшимъ всегда остается одобреніе товарищей: «молодцомъ, братъ, выдержалъ; только съ десятой розги крикнулъ».—Самая скучная вещь тамъ—классы;—уроки зубрить нужно единственно для того, чтобы не получить единицы со всѣми ея непріятными послѣдствіями. Главнѣйшею заботою Коли

Digitized by Google

было поддерживать репутацію «молодца» между товарищами. «Молодецъ» долженъ быть, во-первыхъ, коренастый фрунтовикъ, выкидывающій ружейные пріемы съ особенно-щегольскимъ темпомъ;—во-вторыхъ, одѣваться онъ долженъ нѣсколько неряхой, носить фуражку на затылкѣ, куртку съ неестественнымъ перехватомъ въ тальи—и непремѣнно выкривить ноги колесомъ, такъ чтобы колѣни не сходились, какъ у стараго кавалериста; въ третьихъ, бить «лясниковъ» [1]), выносить отъ обѣда гречневую кашу въ карманѣ, и никогда не выдавать товарищей, хотя бы за это приходилось каждый день ложиться подъ розги.—Съ такими принципами предполагалось прожить въ корпусѣ лѣтъ шесть и потомъ надѣть прапорщичьи эполеты, чтобъ имѣть право невозбранно курить трубку, пить вино и рѣзаться съ товарищами въ картишки. Коля въ совершенствѣ выкроилъ изъ себя по этому шаблону давно уже исчезнувшій типъ стараго кадета.

Насчетъ своей будущности онъ питалъ самыя блистательныя надежды и предполагалъ выдти непремѣнно въ кавалерію. Годъ спустя послѣ смерти Петра Ивановича, Колинъ благодѣтель-дядюшка пріѣзжалъ въ Петербургъ; навѣстилъ Слободиныхъ всего на полчаса, потужилъ съ ними о потерѣ деверя, но съ особенной осторожностью избѣгалъ войти въ подробности ихъ положенія, какъ будто опасаясь, чтобъ они не попросили у него помощи. Алексѣй, въ душѣ посмѣялся надъ этими неловкими обходами и поспѣшилъ успокоить майора, что имѣетъ много уроковъ и вполнѣ обезпеченъ своими заработками. Въ другое время старый драбантъ ни за что бы не повѣрилъ, что можно обезпечить себя такимъ пустячнымъ занятіемъ, какъ преподаваніе наукъ, которымъ всѣмъ-то цѣна мѣдный грошъ, но теперь онъ охотно принялъ это объясненіе,—и ложь Алексѣя пошла за чистую монету.

Майору совсѣмъ не до того было; его сильно озабочивали собственныя дѣла весьма непріятнаго свойства: на него сдѣланъ былъ доносъ за злоупотребленія въ командованіи частью. Доносъ этотъ былъ состряпанъ негоднымъ писаришкой Пустопорожневымъ, знавшимъ всѣ хозяйственные секреты своего отца-командира,—и теперь майоръ явился для личныхъ объясненій передъ начальствомъ, которое назначило по этому дѣлу слѣдствіе. Къ любимцу своему Николашѣ дядя заѣзжалъ нѣсколько разъ, далъ ему пять рублей, но не сдѣлалъ и намёка на свое пошатнувшееся положеніе, оставивъ мальчика въ полномъ убѣжденіи, что

---

[1]) Т.-е. тѣхъ кто „точитъ лясы“ предъ начальствомъ.

Digitized by Google

выйдя въ офицеры, онъ заполучитъ все майорское состояніе, выросшее изъ солдатскихъ копѣекъ...

Эта увѣренность придавала Колѣ нестерпимую надменность въ отношеніяхъ къ его скромной, бѣдной семьѣ. Онъ былъ совсѣмъ отрѣзанный ломоть, — и семья не находила возможнымъ посвящать его въ интимную сторону своей жизни. Онъ ничего не зналъ объ отношеніяхъ брата къ дѣдушкѣ Дмитрію Логинычу и не задавался вопросомъ—на какія средства мать и сестра живутъ, ни въ чемъ не нуждаясь, и еще очень часто снабжаютъ его пирожками и апельсинами.

Мать онъ любилъ, но къ брату не чувствовалъ никакой нѣжности и не могъ даже оцѣнить его качествъ. Въ умственномъ развитіи онъ стоялъ неизмѣримо ниже сестры Алёнушки; она отъ души хохотала, когда Коля разсказывалъ, что ариѳметику у нихъ проходятъ *безъ доказательствъ*...

Въ непродолжительномъ времени Слободины узнали, что майоръ Ермолинъ отрѣшенъ отъ должности и подвергся огромному начету, вслѣдствіе чего на все его состояніе наложенъ секвестръ. Майоръ самъ написалъ имъ письмо, начинавшееся такъ: «Всевышнему угодно было испытать насъ новымъ несчастіемъ...» На Колю это извѣстіе произвело странное, рѣзкое впечатлѣніе: онъ страшно озлился, обругалъ дядю дуракомъ и скотиной, и махнулъ рукой на все. Придя въ семью, онъ глядѣлъ настоящимъ дикобразомъ, раздражался всякой мелочью, находилъ во всякомъ словѣ, особенно въ словѣ брата—язвительные намёки, желаніе кольнуть его самолюбіе,—и тогда только унимался буянить, когда доводилъ мать и сестру до слезъ. Увидя слезы, онъ какъ будто становился довольнѣе самимъ собою,—точно сдѣлалъ то, чего желалъ, и уходилъ въ корпусъ, какъ сытый волкъ въ свое логовище. Алексѣй не могъ оставаться спокойнымъ свидѣтелемъ этихъ безобразій брата; онъ сперва пробовалъ дѣйствовать на него мягкими средствами, убѣжденіями, сердечными совѣтами,—но онъ не имѣлъ въ глазахъ Коли никакого авторитета; вслѣдствіе застарѣлой несчастной вражды, не могъ вызвать его на откровенную бесѣду и на свои теплыя слова получалъ такой отпоръ:

— Пошелъ ты прочь, мужикъ сиволапый!

Алексѣй, выведенный изъ терпѣнія, не разъ хотѣлъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ—онъ былъ сильнѣе брата,—но плачущая мать останавливала его руку...

— Я пойду въ корпусъ и попрошу командира, чтобы тебя выдрали хорошенько.

Digitized by Google

Но Коля смѣялся надъ этой угрозой: въ корпусѣ его стали драть и такъ, безъ всякой посторонней просьбы. Онъ началъ постоянно грубить начальству, ходилъ весь оборванный, попадался безпрестанно съ папироской и нюхательнымъ табакомъ, и за нули въ классахъ всегда сидѣлъ за чернымъ столомъ. Его въ наказаніе перестали отпускать къ матери—это нѣсколько обрадовало Алексѣя, но нисколько не изцѣлило Колю, страдавшаго какими-то мрачными припадками дикаго озлобленія, какою-то страстью къ разрушенію, къ поступкамъ даже безсмысленнымъ, лишь бы они только шли наперекоръ всѣмъ установленнымъ порядкамъ...

А въ самомъ дѣлѣ, не былъ ли онъ боленъ? Не слѣдовало ли его лечить? Кто-жъ объ этомъ думалъ! съ нимъ и говорить-то не хотѣли по-человѣчески, по-дѣтски... Карцеръ, голодъ, розги—больше никакихъ лекарствъ для него не придумали. Наконецъ, пойманный съ бутылкой скверная вина, отъ котораго его тошнило, — онъ былъ наказанъ передъ всѣмъ корпусомъ и одѣтъ въ сѣрую арестантскую куртку. Боль и позоръ не произвели никакого улучшенія въ его нравственномъ состояніи; Коля въ сѣрой курткѣ глядѣлъ изъ-подлобья недобрыми глазами... Начальникъ корпуса, извѣстный своею суровостью и давно уже принявшій радикальную методу «очищать заведеніе отъ зловредныхъ элементовъ», порѣшилъ очистить корпусъ отъ Николая Слободина, выпустивъ его юнкеромъ въ одинъ изъ кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ.

Коля какъ будто торжествовалъ. Мать плакала по немъ, какъ по покойникѣ. Алексѣй постарался сдѣлать все, чтобы дальняя дорога была не тяжела бѣдному брату, и чтобы, прибывъ въ баталіонъ, онъ не встрѣтился прямо съ горькою солдатскою нуждой.

— Эхъ братъ, Коля—горько мнѣ! Не попрекну я тебя,—въ эту минуту попрекнуть языкъ не повернется,—а подумай о себѣ, ты еще ребенокъ, пропадешь тамъ...

— Что мнѣ думать?—Не пропаду... вотъ только жаль, стрѣлять не умѣю, надо поскорѣе выучиться...

— Что, стрѣлять?.. надо выучиться жить... а онъ стрѣлять!

— Нѣтъ, стрѣлять нужно... Черкесовъ буду подстрѣливать, разбойниковъ,—всѣхъ, кого велятъ.—Ежели тебя велятъ—и тебя пристрѣлю... не бось, братъ, не помилую!..

Алексѣю дѣйствительно было горько провожать брата въ солдаты. Вѣдь и Личарду-бѣдняка провожать было страшно-тяжело—и еще при какихъ условіяхъ!.. а все не такъ горько,—

Digitized by Google

тамъ душа ныла и плакать хотѣлось, — а тутъ нѣтъ... Плакала только ты одна—горемычная мать...

И опять побѣжало время законной чередой, залечивая свѣжія раны. Въ мирный уголокъ Слободиныхъ никто не заглядывалъ,—развѣ товарищъ-студентъ забѣжитъ къ Алексѣю за лекціями. Изъ прежнихъ знакомыхъ раза два въ годъ заѣзжалъ Косолаповскій управляющій г. Буровъ, сколько по старинному своему расположенію къ покойному Петру Иванычу, столько же и по порученію своего патрона—навѣдаться, какъ живетъ бѣдное семейство совѣтника, и деликатнымъ образомъ предложить, не можетъ ли великій человѣкъ быть чѣмъ-нибудь имъ полезенъ. Анну Дмитріевну трогало такое вниманіе милліонера, а Алексѣй очень сухо отклонялъ всѣ предложенія, говоря, что онъ пока еще не служитъ, стало быть въ протекціи не встрѣчаетъ надобности.

— Вы бы, Алексѣй Петровичъ, хоть изрѣдка по высокоторжественнымъ днямъ жаловали къ намъ... Кириллѣ Егорычу было бы пріятно... Притомъ же у насъ вся знать бываетъ; балы даемъ на весь Петербургъ. Для молодого человѣка это важно: вѣдь тутъ встрѣчается цвѣтъ высшаго общества... любопытно даже просто посмотрѣть! Да оно, я вамъ скажу, и не безполезно: молодого человѣка могутъ замѣтить, потомъ привыкнутъ всегда его видѣть, будутъ считать *своимъ*... а вѣдь на этомъ строится иногда вся наша карьера-съ. Право,—и маменьку утѣшили бы...

Анна Дмитріевна, улыбаясь, соглашалась съ Буровымъ. Алексѣй тоже улыбнулся по-своему и вскользь спросилъ о семействѣ Косолапова.

— Да всѣ слава Богу-съ. Александръ Кириллычъ уже гусарскій корнетъ,—молодецъ! Въ прошломъ году тысячъ до тридцати долговъ его заплатили... не безъ ироніи ввернулъ Буровъ. Агата Кирилловна за границей поправилась,—стала такая великолѣпная! Женишка бы пора, да не слыхать что-то.

И вотъ это пошленькое «не слыхать женишка»—самымъ сумасброднымъ образомъ втесалось въ обычный строй воззрѣній Слободина, отчуждавшихъ его рѣзко, даже враждебно отъ того міра, къ которому принадлежали всѣ Косолаповы на земномъ шарѣ.

— «А любопытно видѣть, какая она стала теперь,—и почему у богатой и красивой дѣвушки не слыхать жениха?..»

Но онъ вовсе не собирался надѣть новенькій студентскій мундиръ и въ одинъ изъ высокоторжественныхъ дней явиться въ разволоченныхъ гостиныхъ Косолапова. Ему даже смѣшно было

Digitized by Google

вообразить себя въ этой роли. Однако находили на Алексѣя такія минуты, когда онъ до глупости желалъ и искалъ случая съ нею встрѣтиться. На балахъ, концертахъ, въ театрахъ, на этихъ выставкахъ богатыхъ нарядовъ и красивыхъ женщинъ, онъ не бывалъ, не имѣя на то ни времени, ни средствъ,—но часто совсѣмъ не по дорогѣ сворачивалъ въ ту улицу, гдѣ жили Косолаповы, и идя медленно, не спускалъ глазъ съ зеркальныхъ оконъ ихъ дома. Видно, рыцарь Тоггенбургъ, какъ психическій моментъ, очень живучъ... Это было, конечно, смѣшно и безполезно, — за то никто не имѣлъ права укорить его, что хоть минуту подобострастно подышалъ онъ тѣмъ воздухомъ, въ которомъ, несмотря на тончайшій ароматъ тропическихъ растеній, украшающихъ залу, чуется запахъ отвратительной сивухи и крѣпкое слово мужика, пропившаго послѣднюю рубашку...

III.

Въ университетской залѣ готовился большой концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Концертомъ управлялъ старикъ Давидъ, нѣкогда знаменитый пѣвецъ, теперь пріѣхавшій въ Петербургъ передавать дилеттантамъ свое arte divina del canto, по 15-ти рублей въ часъ. Всѣ великосвѣтскія его ученицы, разумѣется, приняли участіе въ концертѣ. Для студентовъ это былъ необыкновенный праздникъ,—ихъ праздникъ—какъ заявленіе сочувствія публики къ ихъ семейнымъ дѣламъ; зала была набита биткомъ, за билеты давали огромныя деньги; кромѣ того, студентамъ не-аристократамъ любопытно было взглянуть на уголочекъ невѣдомаго для нихъ міра, богатаго, знатнаго, талантливаго...

Алексѣй съ своими близкими товарищами нерѣшительно подумалъ: идти ли на концертъ? Между ними слышалось мнѣніе, что восторгаться особенно тутъ нечѣмъ—публика ломится, совершенно не помышляя о трудномъ положеніи бѣднякa-студента, ей просто хочется видѣть, какъ передъ нею на подмосткахъ будутъ показывать себя, робѣть и улыбаться всѣ эти недоступныя графини и княгини.

— Дай-ка сюда программу, — спросилъ Слободинъ,—и пробѣжавъ листокъ, больно прикусилъ губу, чтобы скрыть яркую улыбку.—Я непремѣнно пойду.

Въ программѣ два раза было напечатано: m-lle Kossolapof. Алексѣй помѣстился въ уголку залы у входа и слѣдилъ, какъ

Digitized by Google

нѣкоторые франты-товарищи, завитые, раздушенные, въ свѣжихъ перчаткахъ, встрѣчали на лѣстницѣ великолѣпно закутанныхъ участницъ концерта, помогали имъ распутываться и ловко провожали на эстраду... Одна, другая, третья... а вотъ и она!.. У него сердце перестало биться.

Она прошла мимо, близехонько отъ Алексѣя, толпа передъ нею разступилась;—платье ли на ней шелестило, шопотъ ли кругомъ пронесся, разобрать было ничего нельзя. А она шла спокойно и какъ-то послушно-дѣтски, не глядя ни на кого и чуть замѣтно улыбаясь; въ этой улыбкѣ сквозила шаловливая, едва уловимая смѣсь увѣренности въ себѣ и простосердечной снисходительности ко всему окружающему... Она въ этотъ мигъ непремѣнно думала: «Я не знаю, куда меня ведутъ, не знаю кто такіе эти люди, что вокругъ меня,—но это все равно,—я знаю, что черезъ полчаса брошу вамъ двѣ-три ноты — и вы всѣ сойдете съ ума... Не смотрите, что я такая тихонькая...» Взойдя на эстраду, она съ холодной живостью подавала на-право и налѣво свою маленькую ручку; старичокъ Давидъ подошелъ къ ней съ торжествующимъ и серьёзнымъ лицомъ, сказалъ что-то, взявъ за обѣ руки по-пріятельски, и она, медлительно выпрямившись и приложивъ къ губамъ кончикъ вѣера, окинула залу взглядомъ быстрымъ, немного-нахмуреннымъ, сообразившимъ мгновенно все, что ей было нужно.

Алексѣй не спускалъ съ нея глазъ, все искалъ въ ней прежней Агаши, также внезапно готовой дать пощечину, какъ и кинуться на шею. Лицо ея, при вечернемъ освѣщеніи казавшееся матово-бѣлымъ, было спокойно, строго.

Онъ узнавалъ это смугленькое лицо, красиваго восточнаго типа, но оно ужъ не сверкало бывалыми рѣзкими переливами суровости и ласки; оно какъ будто застыло въ одну какую-то случайную минуту безучастнаго покоя, только черные, горячіе глаза напоминали прежнюю petite tigresse. Одѣта она была очень просто—въ голубомъ шелковомъ платьѣ,—на рукѣ гладкій браслетъ въ античномъ вкусѣ и затѣмъ ни одной булавки, намекавшей на папенькины милліоны.

Бѣдный Алексѣй простодушно глядѣлъ на нее, любовался ею, не понималъ да и не пытался понять, что такое онъ видитъ. Онъ не зналъ, что каждый этотъ жестъ, каждое движеніе, начиная отъ робкаго входа въ двери до генеральскаго взгляда, которымъ пѣвица окинула величину и резонансъ залы, было артистическое мастерство, старательно усвоенная копировка, образцовъ которой надобно искать въ Миланѣ, въ Римѣ, въ Неаполѣ—въ клас-

Digitized by Google

сической фигурѣ какой-нибудь недоступной патриціанки, удостоившей снизойти на подмостки, для того чтобы спѣть арію въ пользу дѣла, благословеннаго святѣйшимъ отцомъ, — или въ царственной повадкѣ знаменитой примадонны, дочери народа, избалованной всесвѣтными восторгами и готовой всегда съ одинаково-горячимъ сердцемъ явиться передъ публикой, въ пользу ли своего собрата, безголосаго и бездарнаго бѣдняка, или за кругленькую сотню тысячъ франковъ... или на вооруженіе легіона патріотовъ... Не даромъ же Агаѳья Кирилловна три года широкою рукой разсыпала по Европѣ русскіе рубли, — Европа въ свою очередь дала обильную пищу ея русской даровитой переимчивости.

Даже простой туалетъ Агаты былъ простъ обдуманно, замысловато простъ: во-первыхъ, смуглой брюнеткѣ надѣть голубое платье — шагъ отчаянно-смѣлый: это значитъ признать себя замѣчательною красавицей; а во-вторыхъ, явиться на университетскомъ концертѣ въ голубомъ цвѣтѣ — необходимо, потому что это цвѣтъ студенческаго воротника; какъ ни щепетильно это соображеніе, но въ немъ сквозитъ какая-то тенденція, занесенная тоже изъ Европы.

Могли ли придти въ голову внуку Дмитрія Логинова такія рафинированныя хитросплетенія? Онъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза, кромѣ нея ничего не видѣлъ и не слышалъ... Да и ея-то онъ хорошенько не слышалъ. Какъ она спѣла? Должно быть великолѣпно, потому что зала тряслась отъ неистовыхъ криковъ и рукоплесканій...

Послѣ первой части концерта стулья задвигались; толпа мужчинъ потянулась къ эстрадѣ, но тамъ позиція была уже занята студентами. Молодежь не могла угомонить своихъ искреннихъ восторговъ.

Всѣ дилеттантки-пѣвицы склоняли смущенныя головки, улыбались и вопросительно поглядывали на маменекъ. Агата, стоявшая одиноко на самомъ краю эстрады, вдругъ сдернула перчатку и по-товарищески протянула руку первому студенту, который былъ къ ней ближе. Это движеніе было такъ внезапно, такъ неподготовлено, сопровождалось такою симпатичною улыбкою, — что высокорожденныя дѣвицы и ихъ маменьки просто остолбенѣли, — а студенты съ неистовыми криками наперерывъ спѣшили прикоснуться къ прекрасной горячей ручкѣ пѣвицы.

Алексѣй все это видѣлъ, и не тронулся съ мѣста.

Во второй части концерта, вслѣдъ за вычурной Паччиніевской кабалеттой, — еще не умолкли «brava! bis!» и трескотня

Digitized by Google

рукоплесканій, Агата сѣла за рояль,—зала замерла и полились задушевные, почти-рыдающіе звуки родной пѣсни:

Сладко пѣлъ душа-соловушка
Въ зеленомъ моемъ саду;
Много-много зналъ онъ пѣсенокъ, —
Слаще не было одной.
Ахъ, та пѣснь была завѣтная,
Рвала бѣлу грудь тоской,
А все слушать бы хотѣлося...

Она не могла кончить и, быстро вставъ, скрылась съ эстрады въ боковую дверь.

Что́ было потомъ, Алексѣй ничего не слышалъ, не замѣтилъ; онъ твердымъ шагомъ прошелъ сквозь бѣсновавшуюся толпу и остановился въ полутемной комнатѣ передъ Агатой, упавшей въ кресло.

Подлѣ нея суетился старичокъ Давидъ и какъ-то смѣшно подергивалъ своимъ острымъ носикомъ.

— Portate mi del'aqua, ma fredda... fredda...

Старикъ побѣжалъ-было, но вдругъ остановился, сурово взглянувъ на вошедшаго Алексѣя.

— Lasciate... non ho piu bisogna... lasciate, — questo é un amico!—нетерпѣливо крикнула дѣвушка и встала энергически во весь ростъ.

Давидъ побрелъ дирижировать финальнымъ хоромъ.

— Алёша, ты!.. и ты здѣсь?—прошептала она, протягивая ему обѣ руки.

Онъ стоялъ передъ нею блѣдный, растерянный; на губахъ его беззвучно шевелилось ея имя...

— Здравствуй!.. Онъ не владѣлъ собою, ничего не сознавалъ, полъ подъ нимъ колебался...

Агата тихонько опустилась въ кресло и приложивъ платокъ къ губамъ, промолвила:

— Я устала... ой, какъ я устала!..

Но это былъ уже совсѣмъ другой голосъ, не тотъ, которымъ она его встрѣтила.

— «Зачѣмъ все это?.. Зачѣмъ?.. Вѣдь тутъ нѣтъ смысла», промелькнуло у него въ умѣ, и онъ едва не прибавилъ: «Видишь, я погибаю...»

— Концертъ очень удаченъ... Гдѣ вы сидѣли, Алексѣй Петровичъ? Я васъ не замѣтила... впрочемъ, оно было бы и трудно... Не слѣдуетъ мнѣ пѣть въ концертахъ... Этакъ не надолго меня станетъ... И глупо, согласитесь,—вѣдь глупо?—для боль-

Digitized by Google

шой публики *такъ* пѣть не слѣдуетъ... Вотъ княжна Лили—счастливая—промяучитъ кое-какъ даже не совсѣмъ исправно своего вѣчнаго Crocciato — и потомъ только что не облизывается, какъ сытая кошечка... ха-ха!—А, вотъ maman идетъ... какъ я рада! Достанется вамъ отъ нея, что у насъ не бываете, дикарь этакой!—Ужъ достанется! Ухъ, какъ я рада! — Еще отъ себя подбавлю... чтобы вамъ стыднѣе было... гадкій!..

Все это прощебетала она залпомъ, не переводя духа, — ей нужно было наполнить чѣмъ-нибудь мучительное молчаніе; ея горячая натура не могла бы вынести этого молчанія.

Алексѣю почему-то стало ужасно смѣшно.

Массивная madame Косолапова ввалилась въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ людей. Она заботливо приложила ладонь ко лбу дочери.

— У тебя лихорадка, — поздравляю! — Охъ ужъ эти мнѣ... благотворительныя разныя затѣи! — Да по мнѣ *гораздо* легче дать пять тысячъ — вотъ и благотвореніе; а то себя мучить... разкудахталась откупщица.

— Очень нужны ваши пять тысячъ!—Такъ ихъ и возьмутъ! Публика богаче васъ — она дастъ въ сто разъ больше, чтобы только меня послушать... я послѣ умру... что-жъ такое? — Кому печаль? За то вотъ это настоящая жертва... съ злою шуткой сказала Агата.

— Полно пожалуйста, глупости! Вотъ Иванъ Александрычъ тебѣ букетъ подноситъ, а ты и не замѣчаешь.

— Mademoiselle, — je me permets de vous feliciter... un succès fou!.. mais tout est faible... après tout... mon admiration... mon enthousiasme... такъ рапортовалъ круглолицый, краснощекій господинъ съ узенькимъ ртомъ и замѣтною наклонностью къ солидности. Онъ еще съузилъ ротъ, сердечкомъ, въ знакъ улыбки и преподнесъ Агатѣ громадный букетъ.

—. Mercі monsieur, — небрежно сказала Агата и даже не понюхавъ, положила душистый вѣникъ на столъ.

—Maman,—вдругъ оживилась она,—позволь тебѣ представить неисправимаго дикаря... (она вѣеромъ указала на Алексѣя). — Узнаёшь? Побрани его хорошенько,—да смотри же, хорошенько, чтобъ почувствовалъ...

— Ахъ, батюшки,—Алёшенька Слободинъ! — и Прасковья Семеновна напала на преступника съ жестокостью добросердечной купчихи.

Изъ окружавшихъ Агату франтовъ, одинъ, гладко остриженный, съ длинными висячими бакенбардами, надѣвъ pince-nez, прис-

Digitized by Google

тально всматривался въ Алексѣя, и наконецъ высвободилъ его изъ объятій Прасковьи Семеновны.

— Ба!—вотъ встрѣча!.. Слободинъ... vous ne voulez plus me reconnaitre?...

— Я васъ узналъ Каширинова... очень радъ!

— Ты непремѣнно заходи ко мнѣ,—вотъ моя карточка.— И ничемъ не смѣй отговариваться... вѣдь товарищи!—Я, братъ, служу въ .....мъ министерствѣ... ничего, пока везетъ! — А помнишь старое?—Alia tempora!—болталъ Кашириновъ.

Алексѣй совсѣмъ растерялся и какъ-то глупо смотрѣлъ на огромную карточку Каширинова съ гербомъ и адресомъ на двухъ языкахъ.

— Прасковья Семеновна, возобновимте-ка наши танцовальные уроки!—расходился Кашириновъ.—Теперь всѣ на лицо.

— А Кетти?—прошепталъ Алексѣй.

— Не вспоминай, братъ... умерла... злѣйшая чахотка... А славное было время?—Не воротится...

— Да, не воротится... машинально проговорилъ Слободинъ.

— Ну ужъ какъ хотите, а мы обязаны васъ сдѣлать ручнымъ... свойскимъ гусемъ!—сострила Косолапова.

«Непремѣнно сдѣлаете»,—подумалъ Алексѣй.

— Не надо, не надо!—вмѣшалась Агата,—такъ я его больше люблю... Слышите,—я васъ люблю... повторила Агата не то съ насмѣшкою, не то съ простодушіемъ маленькой дѣвочки, и ударила его по плечу вѣеромъ.

«Да ужъ сдѣлаете, сдѣлаете!» — вертѣлось въ головѣ Алексѣя.

— Ну, дитя, отдохнула; пора домой. Намъ еще нужно съ княгиней проститься, она, кажется, не уѣхала.

— Да, поѣдемъ... почти зѣвнула Агата.

— Смотрите-жъ, если не явитесь, я за вами карету пришлю, а въ каретѣ Сашу—онъ ужъ привезетъ васъ живого, или мертваго,— на прощаньи полюбезничала съ Алексѣемъ Прасковья Семеновна, и направилась къ двери; всѣ послѣдовали за нею.

Агата даже не простилась съ Алексѣемъ; въ дверяхъ она обернулась какъ будто поправить платье, но опять-таки не взглянула на него.

Толпа студентовъ проводила Косолаповыхъ до кареты, и еще тамъ, у подъѣзда что-то кричала;—имя Агаты было рѣшительно у всѣхъ на губахъ. — Чудесный голосъ, сильный талантъ, красота и плебейское русское имя—это все, что было нужно, чтобъ вскружить головы доброй молодежи по крайней мѣрѣ на 24 часа.

Digitized by Google

Алексѣй не пошелъ провожать; въ полутемной комнатѣ онъ видѣлъ, какъ вбѣжалъ еще разъ Каширинов захватить букетъ, забытый на столѣ Агатой, — что-то пробормоталъ, чего Алексѣй не слышалъ и не понялъ;—онъ упорно глядѣлъ вслѣдъ за удалявшимся голубымъ платьемъ.—Ему кто-то насмѣшливо шепталъ: «Нѣтъ, это не твое, не твое... слышишь,—не твое!... пойми это, глупый человѣкъ!...»

Домой Слободинъ поплелся пѣшкомъ; движеніе ему было необходимо, и мокрый снѣгъ, хлеставшій въ лицо, казался пріятенъ. Дома онъ почувствовалъ непобѣдимую потребность, больше чѣмъ потребность, — припадокъ непремѣнно видѣть мать, — зашелъ къ ней; Анна Дмитріевна давно уже спала: въ спальной горѣла лампадка; сынъ тихонько поцѣловалъ ея руку, поцѣловалъ спящую Алёнушку и на цыпочкахъ пошелъ къ себѣ, вздохнувъ полной грудью: «Спите милыя покойно, для васъ я живу, и васъ ни на кого не промѣняю...»

IV.

Въ одномъ многоэтажномъ домѣ у Семеновскаго моста, квартиру № 10 занималъ Григорій Васильичъ Рудковскій. По отзывамъ управляющаго домомъ старика-нѣмца, это была развеселая квартира во всемъ Петербургѣ: «Придешь—говорилъ онъ—за полученіемъ денегъ, всегда застанешь пріятную компанію, и хоть частенько денегъ въ срокъ не получишь, за то нахохочешься вдоволь; угостятъ водочкой, папироской, шутки шутятъ,—но все это благороднымъ манеромъ; Боже сохрани, чтобы кого-нибудь обидѣли,—славные молодые господа!»

Квартира была записана въ долговой книгѣ на имя коллежскаго ассесора Рудковскаго, а жили въ ней постоянно двоетрое его пріятелей, не считая случайныхъ посѣтителей, гостившихъ иногда по нѣскольку дней. Въ 10-мъ нумерѣ часто раздавались звуки скрипки, віолончеля, фортепьяно — экзерциціи какого-нибудь юнаго таланта, еще неизвѣстнаго, но обладавшаго задатками громадной будущности. Пѣніе слышалось постоянно, потому что жильцы были горячіе поклонники Рубини, Віардо и Тамбурини, сводившихъ тогда съ ума всю петербургскую публику. Въ одной комнатѣ набрасывались на бумагу бойкіе эскизы будущихъ картинъ, или мѣткія каррикатуры на пріятелей и на лицъ, почему-либо извѣстныхъ всему Петербургу; въ другой — дописывалась повѣсть, фельетонъ, или скан-

Digitized by Google

дировались звучныя строфы новоиспеченнаго стихотворенія... И все это тутъ же сообщалось на всеобщее обсужденіе, — живая юность била ключемъ, обмѣнъ мыслей и впечатлѣній ничѣмъ не стѣснялся: дружеское, горячее ободреніе раздавалось также свободно, какъ и веселый хохотъ надъ неудачною, даже иногда нелѣпою вещью завравшагося товарища. Кодексомъ, разрѣшавшимъ всѣ споры и недоразумѣнія, были статьи одного знаменитаго критика, ставшаго тогда во главѣ литературнаго движенія, которое Москва называла «западничествомъ», а беззубые петербургскіе противники окрестили (очень впрочемъ удачно) «натуральною школой».

Какъ ни восхищалъ старичка управляющаго домомъ этотъ артистическій и беззаботный характеръ квартирантовъ № 10-го, но обаяніе его исчезало въ виду полицейскихъ порядковъ, которые съ каждымъ днемъ становились сложнѣе и требовались строже, такъ что Рудковскій вынужденъ былъ дать домовой конторѣ точныя свѣдѣнія о своихъ сожителяхъ и предъявить ихъ документы для прописки въ кварталѣ. Съ нимъ записаны были ученикъ Академіи Художествъ Иванъ Дмитричъ Купянцовъ и поручикъ .....скаго полка Андрей Николаичъ Морицъ.

— Больше нѣтъ у меня никого; не вѣрите, такъ обыщите,—если найдете хоть пол-человѣка, тащите меня прямо въ кутузку.

— Знаю, знаю, уважаемый Григорій Васильичъ,—хе-хе-хе! Я не посмѣлъ бы и безпокоить,—требуютъ!—Но теперь все въ порядкѣ и ужъ мы будемъ смотрѣть такъ (нѣмецъ зажмурился), глаза запремъ.

— Вотъ это напрасно, Карлъ Иванычъ, напрасно!—не запирайте глазъ, а то васъ самихъ, пожалуй, запрутъ... Вы знаете, что часто ко мнѣ кто-нибудь изъ-за-города заѣдетъ на денёкъ—другой, или зайдетъ пріятель съ Выборгской, напримѣръ, стороны, да заночуетъ,—вѣдь не гнать же ихъ въ шею?—Объ этомъ я заявляю вамъ формально, и если понадобится, всегда могу дать доказательства, что это не безпашпортный народъ, а самыя что ни-есть легальныя личности. Вы это напрасно, красавецъ мой, такъ небрежно относитесь... Я глубоко уважаю будочника, подчиняюсь всѣмъ его требованіямъ, да и вамъ рекомендую тоже...

Рудковскій говорилъ съ невозмутимою серьёзностью, а нѣмецъ покатился со смѣха; дѣйствительно, въ этой серьёзности было что-то необыкновенно-комичное.

Рудковскому въ это время было лѣтъ за тридцать; смуглый, съ замѣтною сѣдиною на вискахъ, безъ малѣйшаго признака

Digitized by Google

мускульной силы, — грудь впалая, движенія осторожныя, какъ будто изнѣженныя, неумѣренное угощеніе носа изъ простой табакерки и скептическое, отчасти даже циническое отношеніе къ сердечнымъ дѣлишкамъ молодежи, — онъ казался преждевременнымъ старцемъ. Но, съ другой стороны, нервная горячность въ спорѣ, энтузіазмъ передъ смѣлымъ проявленіемъ ума, таланта и воли, гдѣ бы и въ чемъ бы они ни проявлялись, трогательная, почти женская сочувственность къ чужому страданію и, наконецъ, непримиримая ненависть къ лицемѣрію, защищавшему всякія житейскія неправды, — все это обличало въ Рудковскомъ «душу живу» и ставило на видное мѣсто среди окружавшей его молодежи.

Обратимся къ его прошлому, чтобы вѣрнѣе понять всю типическую сторону этой личности.

Заказной біографъ сказалъ бы о Рудковскомъ такъ:—Онъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, не богатой, но имѣвшей въ Петербургѣ обширныя связи, чиновную и богатую родню. Получивъ хорошее домашнее воспитаніе и потомъ кончивъ курсъ въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, Рудковскій поступилъ на службу прямо въ канцелярію такого-то министерства. Передъ молодымъ человѣкомъ открывалась блестящая служебная карьера; родные не безъ гордости толковали, какъ будетъ идти Грегуару камеръ-юнкерскій мундиръ, и которая изъ видныхъ петербургскихъ *партій* для него болѣе прилична. Отецъ его давно скончался на какомъ-то безполезно почетномъ мѣстѣ, а мать, рожденная княжна Мытищенская, со дня рожденія одержимая хроническимъ испугомъ передъ знатностью своего рода, успѣла даже надоѣсть всѣмъ знатнымъ дядюшкамъ мелочными докучливыми просьбами о судьбѣ единственнаго сына. Рудковскій окончилъ курсъ и вступилъ въ свѣтъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ; какъ и вся тогдашняя свѣтская молодежь, принявшая своимъ прототипомъ изящный образъ Евгенія Онѣгина, толкавшаяся на раутахъ, балахъ и спектакляхъ,—Рудковскій являлся всюду, одѣтый по послѣдней модѣ, остроумный, веселый, замѣтный въ кругу своихъ пансіонскихъ товарищей. Тогда было сильное повѣтріе на такъ-называемый «демонизмъ», конечно, весьма легкаго разбора, заключавшійся собственно въ томъ, чтобы являться въ великосвѣтскихъ гостинныхъ какимъ-то неразгаданнымъ страдальцемъ, съ лицомъ унылымъ, взглядомъ мрачнымъ, съ рѣчью, звучащею усталостью, разочарованіемъ; но это модное дурачество не коснулось Рудковскаго: въ его натурѣ было много правдивости, искренности и насмѣшливости. Его свѣтское шатанье

Digitized by Google

длилось всего года четыре по выпускѣ изъ пансіона; и вотъ на этомъ-то пунктѣ казенный біографъ сталъ бы въ-тупикъ.

Безъ всякаго внѣшняго толчка, не встрѣтивъ ни одной неудачи, Рудковскій бросаетъ всѣ приманки разсѣянной жизни, запирается дома, разъ десятокъ въ годъ навѣщаетъ мать, не хочетъ знать многочисленную, всѣми уважаемую родню и даже чуждается тѣхъ изъ своихъ школьныхъ товарищей, которые успѣли достичь камеръ-юнкерства, или стотысячнаго приданаго за женой.

Никто не могъ тогда дать сколько-нибудь раціональнаго объсненія такому рѣзкому повороту въ жизни молодого человѣка, положенію котораго до сихъ поръ можно было позавидовать; пробовали объяснить обиженнымъ честолюбіемъ, но онъ подвигался наравнѣ съ своими титулованными товарищами; искали какой-нибудь тайной и несчастной любви, но онъ всегда чуждался свѣтскихъ красавицъ, язвительно подсмѣивался надъ ихъ поклонниками и жилъ въ мирѣ только съ одною семидесятилѣтнею старухой; да и съ тою постоянно бранился за вистомъ.

Никому не приходило въ голову поискать причинъ въ атмосферѣ не только того исключительнаго круга, въ которомъ вращался Рудковскій, но вообще всей русской жизни того времени, неотразимыхъ причинъ тому, что каждая энергическая, дѣятельная личность бросалась во всѣ нелегкія — отъ мрачнаго мистицизма до полудикаго бреттёрства, отъ Чаадаевскаго отрицанія всей нашей исторической жизни до бѣгства къ отцамъ іезуитамъ, отъ помѣщичьихъ жестокостей до безпросыпнаго пьянства...

Не крупные факты, не радикальные катаклизмы въ общественной или личной нашей жизни ужасны,—напротивъ, въ нихъ есть всегда нѣчто освѣжающее, какъ въ разразившейся грозѣ,— ужасны ежедневныя, будничныя пошлости и подлости, опутывающія цѣпкою сѣтью всѣ общественныя отношенія, пріобрѣтающія силу авторитета, заслоняющія собою благородные человѣческіе идеалы...

Рудковскому примелькались маленькія, повседневныя уступочки такимъ требованіямъ, въ которыхъ онъ не находилъ разумныхъ основаній. Сперва онъ считалъ ихъ случайностями неважными, не мѣшающими прямымъ цѣлямъ жизни, и подчинялся имъ, подсмѣиваясь: «Зачѣмъ противорѣчить блажному старику?—пусть тѣшится; все-таки онъ человѣкъ почтенный».—Или: «Отчего же не исполнить пустого каприза доброй старушки!»— Скоро однако онъ замѣтилъ, что вся жизнь *порядочнаго* молодого человѣка слагается изъ такого рода уступокъ, что эти кажущіяся

Digitized by Google

мелочи составляютъ довольно стройный кодексъ и что, наконецъ, за ними нѣтъ ничего,—пустота... О разумныхъ идеалахъ жизни можно было мечтать—и то втихомолку, а жить слѣдовало такъ, какъ указываютъ старшіе, и отнюдь не сбиваться съ указанной дорожки, иначе рискуешь потерять ихъ благосклонность, а съ нею и всѣ шансы на блестящую карьеру. Да, наконецъ, что́ такое сама эта пресловутая блестящая карьера? — и точно ли эти старички почтенные, а старушки добрыя?

Попробовалъ Рудковскій сообщить свои сомнѣнія свѣтскимъ товарищамъ, — тѣ выслушали его съ двусмысленнымъ одобреніемъ и пошли своей дорогой,—и это были еще лучшіе, а большинство поспѣшило отвернуться отъ опаснаго проповѣдника, полагая, что слушать его составляетъ уже проступокъ весьма предосудительный.

Въ натурѣ Рудковскаго не имѣлось настолько донъ-кихотизма, чтобы одинокому выдти на борьбу съ цѣлымъ обществомъ; онъ ясно сознавалъ, что находится на ложной дорогѣ, съ которо́й требовалось свернуть во что́ бы то ни стало. — Но возникъ вопросъ:—Куда идти, что́ дѣлать?—Рудковскій еще наткнулся на новую бѣду: онъ увидѣлъ, что съ его блестящимъ образованіемъ онъ годится только на службу, и внѣ службы ни на что не годится... Да и въ самомъ обществѣ не существуетъ запроса ни на какія силы, кромѣ опредѣленныхъ табелью о рангахъ... И онъ свернулъ не по указаніямъ разума, а куда попало, — подъ вліяніемъ накипѣвшей злобы и горячаго темперамента: онъ засѣлъ дома въ халатѣ, подъ предлогомъ болѣзни, и—по однимъ показаніямъ—принялся за чтеніе какихъ-то вредныхъ книжекъ, по другимъ — предался горькому и угрюмому пьянству въ одиночку...

Въ обоихъ этихъ показаніяхъ лежала доля правды: онъ и читалъ очень много, преимущественно энциклопедистовъ, ярыхъ отрицателей XVIII-го вѣка, и частенько напивался до-пьяна всеотрицающей отечественною сивухой...

Родные забили тревогу, ахали, ужасались, даже бѣгали по начальству, чтобы оно приняло благодѣтельныя мѣры для спасенія молодого человѣка. Начальство отнеслось къ погибающему съ отеческою строгостью: длинное кабинетное объясненіе началось выговорами, что «вотъ-де вы, молодой человѣкъ, не цѣните нѣжныхъ заботъ и жертвъ, принесенныхъ вашею матушкой, пренебрегаете вниманіемъ почтенныхъ дядюшекъ и даже недостаточно признательны къ благодѣяніямъ правительства. Вамъ дано блестящее воспитаніе, вы хорошо поставлены на службѣ и въ об-

Digitized by Google

ществѣ — чѣмъ платите за все это? — Вы бросили то общество, къ которому принадлежите по праву рожденія, — и которое одно хранитъ добрые нравы, поучительные примѣры; вы, сударь пренебрегаете самыми священными обязанностями, наконецъ, манкируете службой!.. Этого потерпѣть нельзя; мы пошлемъ васъ годика на три въ глухую провинцію, авось она васъ исправитъ!»

Это объясненіе ничего Рудковскому не уяснило и кончилось тѣмъ, что онъ подалъ въ отставку и былъ уволенъ съ награжденіемъ слѣдующимъ чиномъ, въ задатокъ, авось молъ образумится со временемъ.

Къ своей матери онъ сталъ являться рѣже и рѣже, — а въ ея домѣ было шумно, весело: двѣ сестры Рудковскаго, вышедшія изъ института, вытанцовывали себѣ выгодныхъ жениховъ, въ чемъ и успѣли совершенно. Оставшись одинокою, мать предложила сыну переселиться къ ней, но онъ рѣшительно отказался: — «Я васъ стѣсню и вы меня стѣсните; что за радость!» — Денежныя средства его были очень скудны; кромѣ банковскихъ процентовъ съ маленькаго капитала, оставленнаго отцомъ, ему тайкомъ и очень деликатно помогалъ одинъ превосходительный дядя, старый, богатый холостякъ, человѣкъ умный, по старому очень образованный, участвовавшій даже когда-то въ извѣстномъ литературномъ кружкѣ «Арзамасѣ».

Дядя этотъ потерпѣлъ жестокія и незаслуженныя неудачи по службѣ, вслѣдствіе чего былъ постоянно раздраженъ, бушровалъ на современный порядокъ вещей въ Россіи и ядовито шипѣлъ надъ личностями самыми видными въ служебной іерархіи, находя въ ихъ дѣйствіяхъ рядъ ошибокъ и сплошное легкомысліе.

Въ толпѣ племянниковъ отличивъ Рудковскаго, какъ умнаго и остраго молодого человѣка, праздный и скучающій старикъ любилъ съ нимъ бесѣдовать на распашку. Надобно замѣтить, что превосходительный дядюшка, по старой памяти, подъ большимъ секретомъ подписывалъ стишки и всегда находилъ въ племянникѣ внимательнаго слушателя, снисходительнаго цѣнителя. Это обстоятельство не мало способствовало ихъ сближенію. Старикъ, привыкшій, чтобы младшіе родственники являлись къ нему на поклонъ, измѣнилъ даже этому важному обычаю и самъ навѣщалъ Рудковскаго очень часто.

Оригинальны были эти визиты дяди: передъ обѣдомъ въ квартиру Рудковскаго являлся ливрейный лакей съ огромнымъ блюдомъ, на которомъ покоилась жирная кулебяка съ сигомъ, — это значило, что дядюшка явится къ обѣду, — кулебяка была для него

Digitized by Google

верхомъ гастрономическаго наслажденія, онъ не хотѣлъ вводить племянника въ лишніе расходы, и притомъ его поваръ былъ художникъ въ этой спеціальности. Наконецъ, приходилъ нѣкомъ самъ превосходительный дядюшка, одѣтый очень щеголевато, съ нѣсколькими ленточками въ петлицѣ сюртука, а племянникъ встрѣчалъ его въ чемъ попало, чуть не въ халатѣ, нисколько не помышляя извиняться и стѣснять себя въ привычкахъ. Послѣ кулебяки, сдобренной тарелкой супа и залитой добрымъ Раулевскимъ портвейномъ, бесѣда часто затягивалась до поздней ночи.

Повидимому, въ ихъ взглядахъ на жизнь существовало полнѣйшее согласіе, но оппозиціонное превосходительство все выводило изъ своихъ личныхъ счетовъ съ обществомъ и порицая современные порядки, казалось, было не прочь съ затаенною радостью принять всякую крупную должность, если бы только ему предложили ее; а радикальный племянникъ шагалъ дальше,—онъ совершенно забывалъ о себѣ и, при извѣстныхъ данныхъ, отвергалъ всякую возможность принести какую-либо пользу обществу; а потому неудивительно, что послѣ двухчасового разговора въ униссонъ, собесѣдники вдругъ приходили къ полнѣйшему непониманію обсуждаемаго предмета и глядѣли другъ другу въ глаза съ самымъ комическимъ недоумѣніемъ.

Въ этихъ бесѣдахъ съ по-своему умнымъ старикомъ Рудковскій замѣчательно развилъ въ себѣ способность къ тонкой діалектикѣ и познакомился съ анекдотическими и біографическими подробностями той эпохи; дядя былъ товарищемъ и когда-то пріятелемъ почти со всѣми тогдашними тузами и любилъ похвастать близкимъ знакомствомъ съ малѣйшими аксессуарами ихъ интимной жизни. Эти разсказы дяди Рудковскій пожиралъ съ жадностью, усвоивалъ ихъ и даже перенялъ самую манеру дяди передавать ихъ съ легкою французскою насмѣшкой. Вообще, племянникъ, можетъ быть и преднамѣренно, нѣсколько подражалъ дядѣ во внѣшнихъ пріемахъ, даже изъ подражанія сталъ нюхать табакъ;—однако и тутъ между ними оказалась разница—и очень характеристичная: дядя нюхалъ душистый рапе изъ золотой табакерки, а племянникъ—просто бобковый изъ берестовой тавлинки... .

Утоливъ свою потребность побудировать и истощивъ запасъ causticité, старикъ успокоивался и неоднократно наводилъ племянника на разговоръ о томъ, что какъ бы то ни было, а ему слѣдуетъ перемѣнить образъ жизни, доказывая, что молодому человѣку праздникъ быть не слѣдуетъ,—употребленіе сивухи дядя

Digitized by Google

очень щепетильно игнорировалъ... что, наконецъ, сохраняя свои убѣжденія, можно и даже должно сдѣлать нѣкоторыя уступки обществу. Племянникъ ловко ловилъ его на противорѣчіяхъ и уклонялся отъ рѣшительнаго отвѣта. Однажды разговоръ въ этомъ направленіи зашелъ слишкомъ далеко; дядя ударился въ полнѣйшую откровенность.

— Ты долженъ узнать, да ужъ вѣрно и замѣтилъ, что я глубоко презираю всю нашу почтенную роденьку; они за мною ухаживаютъ, но слишкомъ неловко: видно, что ждутъ моей смерти, то-есть—наслѣдства, за которое навѣрно погрызутся... Мнѣ хотѣлось бы это дѣло устроить поумнѣе,—и я былъ бы счастливъ назвать тебя, cher Gregoir, моимъ наслѣдникомъ, только при условіи—чтобъ ты занялъ въ свѣтѣ солидное положеніе. Это оправдало бы ту несправедливость, которую я хочу сдѣлать въ твою пользу.

— Вы не могли меня убѣдить, такъ хотите подкупить, mon oncle,—отвѣтилъ Рудковскій.—Кушъ—очень соблазнителенъ; вѣдь около двухсотъ тысячъ! Да жаль, подкупить-то меня нельзя... Убѣдите, что я долженъ жениться на свѣтской дурѣ и торчать въ передней у начальника, такъ я и безъ наслѣдства соглашусь; а не можете убѣдить, то зачѣмъ же хотите лишить меня святого человѣческаго права уважать самого себя? Полноте дядюшка, вѣдь и вы перестали бы уважать меня!...

Отвѣтъ былъ рѣзокъ; разговоръ этотъ никогда не возобновлялся.

Въ одинъ обыкновенный день превосходительный дядюшка умеръ отъ апоплексическаго удара; въ бумагахъ его найдено нѣсколько замѣтокъ, обнаруживавшихъ положительное его намѣреніе оставить все состояніе Рудковскому, однако въ формальномъ завѣщаніи, составленномъ гораздо раньше, наслѣдникомъ оказался одинъ дальній родственникъ покойнаго, человѣкъ и безъ того богатый и весьма чиновный. Дѣлая это распоряженіе, старикъ имѣлъ въ виду водворить семейный миръ и создать могущественнаго главу для всей мелкой многочисленной родни. Рудковскому завѣщена библіотека, «какъ единственному члену фамиліи, обладавшему литературнымъ образованіемъ». Онъ очень дорожилъ этимъ наслѣдствомъ и досадовалъ только на замѣтки, подавшія поводъ къ самымъ грязнымъ на его счетъ пересудамъ милыхъ родственниковъ. Съ ними окончательно перервалъ онъ всѣ сношенія,—и это опять старались объяснить озлобленіемъ, вслѣдствіе несбывшихся надеждъ получить жирное наслѣдство.

Тяжелый и мрачный годъ провелъ Рудковскій. Съ какою-то злою преднамѣренностью онъ предавался всѣмъ циническимъ

Digitized by Google

излишествамъ: любилъ сидѣть въ грязномъ трактирѣ съ неизвѣстными, темными личностями; шлялся по петербургскимъ танцклассамъ; одѣвался кое-какъ, донашивая платья эпохи своего прежняго дендизма; ѣлъ что попало, а пилъ предпочтительно одну водку. Въ квартирѣ его, меблированной нѣкогда весьма изящно, завелось какое-то неряшество: на всемъ лежали густые слои пыли, матерія на мебели висѣла въ лохмотьяхъ, стулья валялись поломанные, фортепьяно никогда не открывалось, а на письменномъ столѣ самое видное мѣсто занималъ зеленый штофъ и корочка ржаного хлѣба.

Благочестивые и приличные родственники оплакивали его поведеніе, порицали его упорство, негодовали на его отсутствіе на свадьбахъ сестеръ,—но не было мѣры ихъ негодованію, когда онъ не явился на похороны матери... А онъ ни въ чемъ не упрекалъ себя, потому что былъ только послѣдователенъ. Толкаясь по разнымъ закоулкамъ, Рудковскій пріобрѣлъ много знакомыхъ, даже пріятелей, которыхъ не зналъ ни имени, ни общественнаго положенія. Все это были большею частію люди огорченные; они дѣлились съ нимъ повѣствованіями о своихъ горемычныхъ странствованіяхъ по житейскому морю, а онъ выслушивалъ ихъ съ любознательностью, и изъ частныхъ фактовъ дѣлалъ общіе выводы, конечно, нисколько неутѣшительные, но отвлекавшіе всякаго горемыку отъ безвыходнаго созерцанія своего собственнаго убожества. Въ этой злополучной средѣ Рудковскій пріобрѣлъ даже нѣкоторую популярность: многіе стали являться къ нему на квартиру; онъ всѣхъ принималъ — если только не былъ пьянъ, — помогалъ совѣтомъ и мѣдными грошами своего тощаго кошелька; писалъ бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ прошенія о пенсіи, или объ опредѣленіи дѣтей въ казенныя заведенія. Одному крѣпостному портному помогъ выкупиться на волю; одного бѣднякa, отыскивавшаго права дворянства, разругалъ и убѣдилъ, что ему этихъ правъ вовсе не нужно. «Для дѣтей-съ», — робко вымолвилъ проситель.—«И для дѣтей это лишняя мебель. Вы отдайте ихъ лучше въ обученіе столяру, сапожнику,—дѣти потомъ спасибо вамъ скажутъ».—Особенно комичны были его отношенія къ петербургскимъ салопницамъ (являлись къ нему и эти типичныя особы); оказавъ посильную помощь, Рудковскій вдругъ огорошивалъ какую-нибудь разчувствовавшуюся старуху такою рѣчью:—«А вы бы, сударыня, лучше въ кухарки нанялись, или позанялись бы калачами, чѣмъ кофеи-то распивать да по панихидамъ шлёндать. Вы полагаете, что казна единственно про васъ припасена, — мало ли у нея, у нашей матушки, расходовъ! —

Digitized by Google

всякому служащему жалованье подай; ну, а тѣмъ, кто повыше — награды за ихъ великіе труды тоже давай, притомъ еще строй разныя заведенія, больницы, казармы и проч.,—досугъ ей заниматься такою дрянью, какъ вдова титулярная совѣтница!— Съ неба тоже не ждите,—напрасно; вѣдь вы, матушка, не лилія полевая,—сами кусокъ хлѣба промышляйте».—Можно себѣ представить, какой сумбуръ поднимался въ старушечьихъ головахъ, когда отъ хорошаго человѣка приводилось слушать такія неподобныя рѣчи!

Въ этотъ годъ у Рудковскаго посѣдѣли виски, впала грудь— и былъ онъ на одинъ шагъ отъ кабака, или отъ сумасшедшаго дома... Случайная встрѣча спасла его.

V.

Екатерингофское гулянье 1-го мая 1845 года было особенно замѣчательно необыкновенною стужей. День былъ сѣренькій; солнце показалось въ полдень на полчаса, только для порядка, и потомъ закуталось въ свою шинель сѣренькаго цвѣта, которую легковѣрные люди согласились называть петербургскимъ небомъ. Къ вечеру съ этого неба брызнуло что-то въ родѣ дождя, но и дождь показался тоже только для порядка—вотъ и я молъ тутъ готовъ;— спрыснулъ слегка пыльное шоссе и потянулся куда-то къ Финскому Заливу. Несмотря на эти маленькія неудобства, весь Петербургъ собрался встрѣчать весну. Петербургскій житель — молодецъ; неизбалованный нѣжностями матери-природы, онъ весело игнорируетъ погоду, торопливо бѣжитъ туда, гдѣ видѣнъ кустикъ зелени, кучка народа и музыка, и только на другой день скверно кашляетъ, хмурится отъ ломоты и съ подвязанной щекой плетется отъ доктора въ аптеку.

По шоссе до тріумфальныхъ воротъ медленно тянулись ряды всевозможныхъ экипажей;- между ними галопировали статскіе франты съ англійской посадкой и блестящіе гвардейскіе кавалеристы; все это движеніе было стройно, красиво, но безжизненно, точно процессія. Дамы въ экипажахъ зябли и старались мило улыбаться, кавалеристы тоже зябли и кое-какъ любезничали; а жандармы, точно вылитые изъ бронзы, стояли неподвижно на извѣстныхъ пунктахъ и регулировали порядокъ шествія. По сторонамъ шоссе картина была оживленнѣе: тамъ чуйки, кафтаны, пальто и даже шубы смѣшивались въ пеструю толкучку; крикъ, пѣсня, хохотъ, шарманка;—чиновницы ѣдятъ мороженое,

Digitized by Google

мѣщанки щелкаютъ орѣхи;—нѣмцы мастеровые водятъ и носятъ крошечныхъ дѣтей, и сосутъ скверныя сигары; — тутъ поймали неловкаго карманщика, тамъ ахаютъ, ищутъ потерявшагося ребенка; — мѣстами вырываются хлесткія фразы, угрожающія близкой дракой, или доброй выпивкой на примиреньи; — молодые парни упражняются на гармоникѣ; гвардейскіе солдаты цѣлуются троекратно съ кумами, пачкая ихъ раскраснѣвшіяся щеки своими нафабренными усами и предлагая зайти въ «заведеніе». Гуще всего народъ скучивался около этихъ заведеній, да вокругъ полковыхъ оркестровъ, да возлѣ раёшниковъ, гдѣ остритъ писливый Пульчинелло, единственный неаполитанецъ, пріобрѣвшій всероссійскую популярность подъ именемъ «Петрушки».

Недалеко отъ вокзала вдругъ выросла толпа вокругъ какой-то исторіи. Въ срединѣ толпы, словно два боевыхъ пѣтуха, наступали другъ на друга синяя чуйка и оливковое пальто; между ними стояла потупясь красивая бабёночка въ атласномъ салопѣ, какъ видно, послужившая яблокомъ раздора.

— Сказалъ — смажу, ну и смажу!—Побоюсь, что ли?—Ты не больно себѣ позволяй! — горячилась чуйка.

— Мерзавецъ ты!—Какъ же ты смѣешь такъ съ благороднымъ человѣкомъ разговаривать? — съ достоинствомъ возражало пальто.

— Какой же ты благородный человѣкъ?—Слушайте братцы: подшелъ я пряниковъ купить для нихъ вотъ, для моей супруги; только этто отвернулся, слышу «ай!»—Это онѣ, то-есть, супруга моя закричали. Глядь-поглядь, а этотъ баринъ пристаетъ къ ней съ срамными словами; въ давкѣ-то тѣсно, а онъ руку-то сейчасъ въ обхватъ скрозь салопъ. Подскочилъ я тутъ—«прочь, говорю, не то я-те рыло смажу. Какъ же долженъ я поступать?—Нешто это имъ такъ полагается?

— Какъ можно! — Срамъ какой! — Да еще мало! — Жаль, что не смазалъ! — загудѣла толпа. — Вотъ было бы ловко!

— Знаешь ли съ кѣмъ разговариваешь, свинья ты!

— И знать-то не хочу. Ты самъ свинья.

— Ахъ ты бестія дерзкая! — Знаешь ли, что я тебя въ тюрьму упрячу. Я — чиновникъ!

Пальто распахнулось и обнаружило гербовыя пуговицы, разсчитывая на несомнѣнный эффектъ.

Толпа, вмѣсто испуга, разразилась громкимъ хохотомъ.

— Чего смѣетесь, сволочь! — А ты, любезный, пойдемъ-ка, пойдемъ къ надзирателю. Тамъ тебя выучатъ вѣжливости.

— Позвольте васъ остановить. Вы гдѣ изволите служить?—

Digitized by Google

спросилъ смуглый, худощавый господинъ въ енотовой шубѣ, стоявшій все время въ двухъ шагахъ отъ дѣйствующихъ лицъ этой сценки.

— Вамъ угодно знать, гдѣ я служу? — Въ управѣ благочинія-съ! — побѣдительно воскликнуло пальто.

Толпа разразилась еще пущимъ смѣхомъ.

— Это для васъ, милостивый государь, можетъ кончиться очень скверно. Какое же это такое благочиніе вы затѣваете на гуляньи?

— А вы что вмѣшиваетесь, какое вамъ дѣло?

— А такое дѣло, красавецъ мой, что васъ завтра изъ службы выгонять,—спокойно понюхавъ табаку, сказалъ господинъ въ шубѣ.

Пальто струсило и, озираясь вокругъ, приняло нѣкоторыя мѣры къ бѣгству; но кружокъ сдвинулся плотнѣе и послышались возгласы:

— Э, нѣтъ, нѣтъ, ваше благородіе! — Постой! — Вотъ господинъ пущай разсудитъ! — Такъ нельзя! — Старичокъ пущай разберетъ!

— Вы вѣроятно сами чувствуете потребность извиниться передъ этой женщиной? — сказалъ импровизованный старичокъ, въ которомъ читатель вѣроятно узналъ Рудковскаго.

— Я?—Извиниться... Вы это кажется вольнодумство хотите тутъ проповѣдывать?.. язвительно прошипѣлъ чиновникъ.

— Эге, — такъ вы еще вотъ куда закидываете! — Извольте сейчасъ извиниться — и пусть это послужитъ вамъ урокомъ. — Рудковскій принялъ грозный тонъ. — Иначе я завтра же при свиданіи разскажу... (онъ назвалъ имя, отчество и фамилію одного изъ лицъ высшей полиціи).

— Ну, извините, извините, мадамъ... виноватъ, больше не буду! — съ жалостной ироніей пробормоталъ чиновникъ и юркнулъ въ толпу, провожаемый смѣхомъ и свистками.

— А вы, почтенный другъ, вѣроятно мастеровой? — обратился Рудковскій къ чуйкѣ.

— Съ Битепажа фабрики.

— Вы будьте осторожнѣе. Слава Богу, что тутъ не случилось квартальнаго; стащи онъ васъ, еще неизвѣстно кто вышелъ бы правъ... Да и супругѣ вашей замѣтьте дома—ужъ вѣрно она раза два передъ чиновникомъ хихикнула...

— Благодаримъ покорно!—Нашему брату, вѣстимо, вѣры не дадутъ. Какъ-ни-какъ, а безъ выкупа тоже не выпустятъ. Ишь ты, дура!—насмѣшливо хлопнулъ фабричный по плечу свою супругу; — все черезъ тебя; — пойдемъ Устинья!

Digitized by Google

Сыгравъ роль мирового судьи, Рудковскій направился къ вокзалу. Толпа разбрелась, толкуя о чудномъ старичкѣ, который хоть и въ старенькой енотовой шубѣ, а должно быть лицо значительное.

— Вишь какъ пугнулъ — и ума палата, всѣхъ разсудилъ!..

Въ продолженіе всей предыдущей сцены и послѣ нея, три человѣка съ живымъ интересомъ слѣдили за Рудковскимъ; одинъ въ широкой альмавивѣ, зеленомъ рейтъ-фракѣ и очкахъ—фигура въ то время многимъ знакомая, являвшаяся всюду, гдѣ собиралась публика. Онъ былъ неизвѣстнаго происхожденія и неизвѣстной профессіи, выдавалъ себя за странствующаго фокусника, хотя странствованія его совершались только въ районѣ петербургскихъ кофеенъ и трактировъ, а самыми лучшими фокусами были внезапныя измѣненія его не-русской физіономіи: сегодня онъ является чисто-выбритый, завтра показываетъ красивые усы и эспаньолку, а послѣ завтра однѣ только безподобныя бакенбарды. — Очки носились тоже ad libitum.

Въ публикѣ онъ все молчалъ и слушалъ; изрѣдка разыгрывалъ роль шута, гаденькаго и совершенно безвреднаго. При встрѣчѣ съ полицейскими чиновниками онъ отворачивался, будто гнушаясь даже возможностью знакомства съ ними. На происшествіе, въ которомъ принялъ участіе Рудковскій, онъ смотрѣлъ съ безпечностью хорошо пообѣдавшаго барина, которому нужны какія-нибудь развлеченія собственно для гигіеническихъ цѣлей.

Другіе двое — худенькій, стройный офицеръ и статскій съ суковатой дубинкой, въ мягкой войлочной шляпѣ, изъ-подъ которой разсыпались по плечамъ золотистыя кудри, оба хорошенькіе, еще совсѣмъ зеленые юноши. Стояли они рука съ рукой, какъ можно ближе къ Рудковскому и слѣдили за всѣмъ происходившимъ съ серьёзнымъ, до наивности серьёзнымъ вниманіемъ. Лицо офицера носило печать задумчивости, почти печали;—онъ особенно жадно ловилъ слова Рудковскаго; а кудрявый его товарищъ смотрѣлъ рѣшительнымъ эпикурейцемъ; прищурившись и наклонивъ голову немного на бокъ, онъ какъ-будто хотѣлъ сказать всей грушѣ:—Постойте такъ, господа, — не двигайтесь... такъ вы очень хороши!..

Оба они вошли въ вокзалъ слѣдомъ за Рудковскимъ. Онъ сѣлъ къ столику и спросилъ рюмку коньяку; — юноши переглянулись, сѣли къ тому же столику и потребовали чаю. — Наконецъ, офицеръ, пощипавъ чуть пробившійся усъ, обратился къ Рудковскому:

— Ужъ позвольте намъ съ вами быть знакомыми, m-r Рудковскій!

Digitized by Google

ковскій... Мы такъ давно и почти каждый день встрѣчаемся... Право, иной разъ невольно хочется поклониться вамъ и протянуть руку... Я—Моричъ, а это мой двоюродный братъ, художникъ Купянцовъ. Извините нашу самонадѣянность...

Голосъ его дрожалъ отъ волненія,— точно онъ въ любви признавался...

— Очень радъ, господа... Рудковскій пожалъ имъ руки.— Дѣйствительно, мы сосѣди, живемъ, кажется, въ одномъ домѣ...

— Да-съ,—подхватилъ Моричъ,—мы въ пятомъ этажѣ надъ вами, по одной даже лѣстницѣ...

— И встрѣчались часто, но гдѣ?—Хоть убейте, не помню.

— Въ танцъ-классѣ, у мадамъ Кессенихъ... улыбнувшись и покраснѣвъ, подсказалъ художникъ.

— А!— точно, въ семъ почтенномъ домѣ... да—да!

Черезъ пять минутъ новые знакомые вмѣстѣ пили чай и вели самую задушевную бесѣду. Разговоръ вертѣлся, разумѣется, около скандала съ чиновникомъ. Рудковскій, по своему обыкновенію, дѣлалъ очень широкія обобщенія и крайніе выводы.

— Вѣдь это я съ разсчетомъ назвалъ N. N. по имени... Вы конечно повѣрите, что я съ его превосходительствомъ вовсе не имѣю чести быть знакомымъ. Но что дѣлать!— ужъ мы такой народъ: не боимся ни совѣсти, ни срама, ни суда, ни даже закона, ничего... а начальства боимся.— Такъ воспитаны.

— А меня особенно поразило въ этой исторіи наше грубое отношеніе къ женщинѣ,—сказалъ Моричъ.—Ахъ, когда же мы будемъ смотрѣть на нее, какъ на человѣка!..

— Эге, да вы, батюшка, должно быть по бабской части, господинъ Сердечкинъ?.. безцеремонно кольнулъ Рудковскій новаго знакомца.— А я вамъ скажу, милый мечтатель, это придетъ тогда, когда женщина не будетъ стоять лупоглазой коровой въ ту минуту, когда ее оскорбляютъ, вотъ какъ эта самая мадамъ.— Замѣтили, какъ нелѣпо она улыбнулась?— И закричала-то она свое «ай» вовсе не изъ чувства оскорбленнаго достоинства, а такъ — съ дуру.

— Пожалуй, и вступаться за нее не стоило?

— Да-таки и не стоило. Ни жуиръ - чиновникъ, ни эта толстомясая Устинья не стоятъ вниманія. Важна публичность, развязка этого происшествія,—мораль сей басенки;— авось кто-нибудь и воспользуется...

— Да вотъ я первый непремѣнно воспользуюсь,—отозвался художникъ.— Очень оригинальный жанрикъ выйдетъ. Придя домой, сейчасъ же набросаю нѣкоторыя вещи, чтобы не забыть.

Digitized by Google

— Меня пожалуйста не забудьте; да посмѣшнѣе изобразите.

— Какъ можно безъ васъ! — Безъ «старичка» въ картинѣ и смысла не будетъ... Вѣдь вы «старичокъ», такъ народъ васъ назвалъ. Притомъ ваша енотовая шуба — весьма характерный аксессуаръ на весеннемъ петербургскомъ гуляньи!..

Весело болтая, молодые люди не замѣтили, что рядомъ съ ними помѣстились купцы тоже на чаепитіе. Около купцовъ увивался тотъ фокусникъ въ альмавивѣ и потѣшалъ ихъ, проглатывая чайныя ложечки.

— Позвольте мнѣ трехрублевую депозитку, — просилъ купцовъ профессоръ магіи; но дать деньги купцы посумнились. — Только на время, — убѣждалъ онъ, — на подержаніе. А не хотите, такъ я свою достану. Вотъ! — Айнъ, цвай, драй — пассé сюда! — и депозитка исчезала и появлялась гдѣ угодно. Наконецъ, она очутилась въ волосахъ стараго купца; фокусникъ взялъ ее осторожно, деликатно, двумя пальцами, чтобы не оскорбить почтенныя сѣдины; а купецъ сцапалъ его за пальцы всей пятерней и отнялъ бумажку.

— Подай-ка сюда, мусье, это моя.

— Какъ ваша?

— Моя, коли на мнѣ оказалась, — сурово отрѣзалъ купецъ. Это какъ-нибудь ребятёнки дома баловали да въ шляпу засунули, вотъ она въ волосахъ и застряла. Твоя давно ужъ пропала, алé-маршъ! — Проваливай!

Сконфуженный фокусникъ обратился къ компаніи Рудковскаго, безмолвно, съ видомъ насмѣшливаго сожалѣнія о необразованности купцовъ, сѣлъ и сдѣлалъ нѣсколько покушеній вступить въ разговоръ; но Рудковскій взглянулъ на него такъ неласково, что покушенія оборвались, и онъ сунулся опять къ купцамъ выручать свою депозитку, а молодая компанія встала, торопливо расплатилась и вышла изъ вокзала.

— Можете себѣ представить, господа, — эта гадина меня всюду преслѣдуетъ какъ тѣнь... Даже фамилію мою знаетъ. Ужъ я когда нибудь отважу его!..

Рудковскій былъ замѣтно раздосадованъ; а молодые друзья, казалось, совсѣмъ и не подозрѣвали въ чемъ дѣло, какъ можно досадовать изъ такого пустяка...

Домой они пошли пѣшкомъ. Длинной дорогой Купянцовъ тоскливо присматривался къ каждому извощику, но Рудковскій и Моритъ до того увлеклись горячимъ разговоромъ о литературѣ, что не обратили никакого вниманія на усталость юнаго товарища.

Digitized by Google

— Ну, сломали мы походецъ изрядный! — Уфъ! — вздохнулъ художникъ, садясь на тумбу у воротъ дома.

— А отдохнуть зайдемте ко мнѣ, — предложилъ Рудковскій. Только не знаю, чѣмъ буду васъ угощать, я дома не обѣдаю, а ѣсть чертовски хочется, вѣрно и вамъ тоже. — Можете себѣ представить, какое это несчастье — «ѣсть хочется»?

— Да, подкрѣпиться не мѣшаетъ.

— Григорій Васильевичъ, будемте безъ церемоніи, какъ подобаетъ хорошимъ людямъ, — вызвался Морицъ. — Ѣсть намъ всѣмъ хочется, а у меня должны быть битки съ лукомъ. Мой деньщикъ, Иванъ, кромѣ битковъ ничего стряпать не умѣетъ, за то довелъ эту спеціальность до совершенства. — Ваня, ты иди съ Григорьемъ Васильевичемъ, а я распоряжусь и сейчасъ явлюсь къ вамъ съ походной кухней.

Юный офицеръ обнаружилъ чрезвычайную общительность и такую скорость вдругъ мелькнувшаго рѣшенія, что Рудковскій не успѣлъ еще ничего путемъ сообразить, а тотъ уже летѣлъ на свой пятый этажъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ квартирѣ Рудковскаго сонный Иванъ гремѣлъ тарелками, а господа съ великолѣпнымъ аппетитомъ уничтожали чуть-теплые битки.

— А вотъ у насъ еще и хересъ есть! — торжественно воскликнулъ Морицъ, осматривая бутылку, въ которой оставалось не болѣе трехъ рюмокъ.

— Ну, Андрюша, я боюсь, напоишь ты насъ до положенія ризъ. Хересовъ-то у насъ ужасть-сколько! Какъ котъ наплакалъ въ бутылку!.. шутилъ художникъ.

— У меня есть еще одна бутылочка припрятана, — фамильярно вмѣшался деньщикъ Иванъ; — не знаю, какое въ ней вино-то: я изъ двухъ бутылокъ слилъ. Да сыру кусочикъ, только онъ никакъ засохъ, ровно камень... Аль подать?

— Тащи, Иванъ! — Ты геніальный человѣкъ, — тащи! — Ха-ха-ха!.. Скудное угощеніе приправлялось веселыми шутками, промахи метрдотеля-деньщика покрывались дружнымъ звонкимъ хохотомъ. Простота манеры и сердечная откровенность хлопотавшаго Морица были восхитительны, какъ сама его насквозь ясная юность.

Весенняя, бѣлая петербургская ночь глядѣла въ окна; пламя свѣчи было назойливо-непріятно, какъ-то покойника напоминало. Подъ этимъ впечатлѣніемъ Купянцовъ не вытерпѣлъ — потушилъ свѣчи и усѣлся у окна съ бумагой и карандашомъ, набрасывая вчерашнюю екатерингофскую сценку. Морицъ и Рудковскій воз-

Digitized by Google

лежали на широкой софѣ; юный офицеръ съ наслажденіемъ потягивалъ дымокъ папироски. Черные глаза Рудковскаго пытливо вглядывались въ него съ боку,—они и любовались и завидовали...

— А вѣдь я ужасно радъ, что съ вами познакомился,—началъ Морицъ.

— Почему-жъ вы такъ рады?

— Такъ. — Ваня отличный малый, только онъ не въ силахъ объяснить то, что мнѣ нужно... Вѣдь я пишу... съ дѣтскою важностью прошепталъ Морицъ.

— Что же вы пишете?

— Да вотъ видите ли, я вышелъ изъ корпуса, стало быть, знаю очень мало. Кажется и хорошо учился, а вижу, что надо еще много учиться... Я и учусь. — Хотѣлъ-было въ военную академію, да разочаровался: науки, въ ея философскомъ значеніи, тамъ нѣтъ. — Писателю нужно знать многое, а потому я теперь пока писать что-нибудь свое, оригинальное не могу,— выходитъ плохо и глупо... Я перевожу, и выбралъ Андре Шенье, люблю его — хотите, прочту вамъ кое-что изъ моихъ переводовъ?

— Пожалуйста прочтите.

Прочтя стихотвореніе, Морицъ съ искреннею грустью сказалъ:

— Вѣдь это плохо, очень плохо!.. Только вы не говорите мнѣ этого, — совсѣмъ обезкуражите... Вы тоже пишете, ваше имя я встрѣчалъ въ журналахъ. — Прочтите-ка что-нибудь свое.

— Ваши стихи очень милы; есть неточности въ выраженіяхъ, неровности, ну да это не бѣда, сгладится; за то свѣжесть въ нихъ какая-то неподдѣльная, точно здоровый румянецъ... А своего я читать вамъ не буду; пробовалъ ямбы Барбье переводить, да давно ужъ забросилъ... Объ этомъ мы когда-нибудь послѣ.

— Видите, какой вы недобрый!.. А я давно зналъ, что вы пишете для журналовъ, — вотъ славная-то работа, благородная!

— Вообще, я пишу плохо и мало.—Посмотримъ лучше, что сочинилъ нашъ художникъ.

Купянцовъ бойко скомпоновалъ группу, въ центрѣ которой поставилъ жуира-чиновника, только-что распахнувшаго свое пальто, но уже срѣзаннаго вмѣшательствомъ Рудковскаго, который вышелъ чрезвычайно похожъ, съ характерной своей понюшкой табаку, недонесенной до носа.—Но лучше всѣхъ оказалась баба— жертва происшествія; она начерчена была совершенно по мысли Рудковскаго: круглолицая, улыбающаяся,—сложа руки на животѣ, она безучастно глядитъ, будто передъ ней собачья комедія разыгрывается.

Digitized by Google

Рудковскій смѣялся до слезъ и просилъ художника подарить ему этотъ эскизъ, на память первой встрѣчи.

— Охотно, только постойте—надо еще кое-что додѣлать.

Опять завязался разговоръ о литературѣ.—Морицъ оказался восторженнымъ почитателемъ Жоржъ-Занда, особенно—романовъ его первой эпохи,—страстныхъ, жгучихъ, полныхъ необузданнаго лиризма и нервнаго женскаго протеста; — Рудковскій, не стѣсняясь, обдалъ юношу раза два-три холодной водой трезваго логическаго разсужденія, и наконецъ овладѣлъ разговоромъ, выставляя безпощадную пошлость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неодолимую силу «настоящей» дѣйствительности, и безполезность (онъ даже сказалъ—глупость), идеальныхъ порываній въ міръ фантазіи, близкій къ бѣлой горячкѣ. Юноша не поддавался, — онъ слишкомъ дорожилъ своими идеалами и не вѣрилъ въ черноземную силу грязной дѣйствительности; онъ еще не зналъ ея могущества,—наконецъ, просто надулся, ушелъ въ себя, замолкъ, предоставивъ противнику проповѣдывать въ пустынѣ.

Синевато-молочный свѣтъ ночи уступалъ еще слабому розовому трепету утра,—точно на мертвомъ лицѣ вдругъ жизнь заиграла. Рудковскій ходилъ по комнатѣ, ожесточенно нюхалъ табакъ и изощрялся въ діалектикѣ, не обращая уже вниманія на собесѣдника, который съ погасшею папироской лежалъ на диванѣ. У самыхъ умныхъ людей бываетъ иногда слабость слушать самихъ себя. Онъ остановился съ какимъ-то существеннымъ вопросомъ и увидѣлъ, что Морицъ заснулъ... Рудковскій не только не оскорбился, но даже полюбовался сонnымъ молодымъ лицомъ; на немъ лежалъ такой счастливый, сладкій покой, что будить рука не подымалась... Хозяинъ пошелъ къ другому гостю, но и тотъ, положивъ кудрявую голову на руки, какъ сидѣлъ надъ рисункомъ, такъ и заснулъ, слегка похрапывая... Эскизъ былъ конченъ и подъ нимъ разгулявшійся карандашъ подмахнулъ: «Благочиніе»—и сломался, закрутивъ бойкій росчеркъ.

Долго ходилъ Рудковскій по комнатамъ, раздумывая о новыхъ знакомцахъ. Честная, скромная простота ихъ привычекъ и понятій, безпечная легкость сближенія, талантливость—все въ нихъ было ему до крайности симпатично...

«Даже и то, что они заснули у меня,—и то дѣтски-прелестно... Какъ бы глупо и пошло было, еслибъ они изъ одного только приличія сидѣли, жмурились, и зѣвая притворялись бы заинтересованными въ разговорѣ... Однако, что они такое? вѣдь для меня это совсѣмъ новая порода людей...»

Digitized by Google

Дѣйствительно, припоминая всѣхъ своихъ пансіонскихъ товарищей, Рудковскій видѣлъ, что между ними и этими юношами нѣтъ ничего общаго... «Тѣ—или салонные денди, ловкіе чиновники, глубокомысленные карьеристы, или отчаянные забулдыги;—а эти простые, веселые и вмѣстѣ серьёзные ребята, ничѣмъ еще нетронутыя натуры, они какъ будто гордятся своимъ невѣдѣніемъ житейской грязи и вѣрятъ, что уцѣлѣютъ... Точно кто-то кто свыше сказалъ, что непремѣнно уцѣлѣютъ... Да, ихъ вынесетъ какая-то новая волна...»

Эта ночь съ ея малѣйшими подробностями сильно впечатлѣлась въ сознаніи Рудковскаго, она отмѣтила переломъ въ его грустной жизни.

Онъ задумался объ нихъ, объ этихъ юношахъ, а между тѣмъ и не примѣтилъ, что «новая волна» плеснула и на него, освѣтила его безполезно и безпутно надорванныя силы.

Утромъ новые пріятели вмѣстѣ пили чай; потомъ разошлись каждый къ своему дѣлу. Обѣдали опять вмѣстѣ, соединивъ свои маленькія холостыя хозяйства. Такъ было день и два, и десять дней,—и наконецъ какъ-то сама собою созрѣла мысль жить имъ всѣмъ вмѣстѣ, на одной квартирѣ. Замѣчательно, что при этомъ имъ даже и въ голову не пришло сдѣлать какія-либо условія относительно экономической стороны ихъ совмѣстной жизни. Моритъ и Купянцовъ переселились въ квартиру Рудковскаго, перенесли свои скромные пожитки, между которыми мольбертъ и холсты художника занимали самое видное мѣсто.—Иванъ притащилъ на кухню самоваръ, мѣшочекъ угля, двѣ кострюли, три сковороды, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ духа принялся рубить котлеты.

Каждый изъ сожителей наперерывъ старался нести свой грошъ въ общее хозяйство. Казалось бы, что при такомъ странномъ экономическомъ устройствѣ ихъ быта и при соревнованіи не отстать отъ товарищей,—молодые люди могли совсѣмъ запутаться въ своихъ денежныхъ дѣлахъ; вышло совсѣмъ напротивъ: жизнь каждому изъ нихъ стала обходиться дешевле; копѣечныхъ счетовъ они совсѣмъ не вели; въ нихъ не могли еще развиться буржуазные вкусы къ обожанію всѣхъ прелестей собственности,—расходы ихъ регулировались чрезвычайно скромными и нескрываемыми достатками каждаго товарища, и потомъ спартанскою ограниченностью ихъ потребностей, да прибавьте къ этому молодость—святую безсребренницу, вѣрующую, что «утрій о себѣ печется»,—и станетъ понятно, что они устроились превосходнымъ образомъ.

Digitized by Google

VI.

Вокругъ Рудковскаго зашевелилась дѣятельная, молодая жизнь. Ваня Купянцовъ каждый день, несмотря ни на какую погоду, путешествовалъ въ Академію Художествъ и работалъ для разныхъ иллюстрированныхъ изданій. Андрюша Морицъ, кромѣ занятій по службѣ, очень въ то время утомительныхъ, не пропускалъ публичныхъ лекцій,—хоть онѣ были въ то время очень не утомительны,—успѣвалъ брать уроки въ языкахъ, ходилъ къ учителю пѣнія, и не прочь былъ проплясать всю ночь на балѣ, или въ маскарадѣ дворянскаго собранія. Рудковскій, глядя на нихъ, и самъ замѣтно пріободрился, хоть и не могъ совершенно разстаться съ своимъ дырявымъ халатомъ, но рѣже сталъ прибѣгать къ спасительной рюмочкѣ; передъ молодыми пріятелями ему было какъ-то стыдно показаться во всемъ безобразіи распущенности. Онъ принялся даже за свои брошенныя литературныя занятія.

Отношенія Рудковскаго къ юнымъ сожителямъ долгое время колебались; онъ наблюдалъ ихъ характеры и привычки,—изучалъ ихъ. Увы, въ немъ уже не оказывалось молодой, смѣлой довѣрчивости, онъ не поддавался слѣпо первому впечатлѣнію... Полюбилъ онъ ихъ одинаково—братски, но мягкая, ровная, болѣе пассивная натура Вани сразу ему подчинилась;—художникъ, мало упражнявшійся въ умственной гимнастикѣ и сосредоточенный на любви къ своему искусству, смотрѣлъ на Рудковскаго какъ на оракула. Андрюша, болѣе развитый, нервный и самолюбивый, какъ будто чувствовалъ зародыши своей силы, горячо отстаивалъ свои иллюзіи и часто обнаруживалъ упрямство избалованнаго ребенка.

Онъ былъ, какъ мы уже знаемъ, восторженный поклонникъ Жоржъ-Занда, посвящалъ даже свои стихотворенія этой далекой звѣздѣ какого-то новаго, чудеснаго міра, и не только проповѣдывалъ, но даже практиковалъ свободу сердечныхъ отношеній, то-есть, по-просту сказать, очень часто влюблялся въ дѣвицъ и замужнихъ женщинъ безъ разбора, и охладѣвалъ къ своимъ идоламъ очень скоро. Смѣшная сторона его легкости значительно смягчалась полнѣйшею искренностію—онъ не умѣлъ себя принуждать и актерствовать,—но все-таки его поведеніе давало неистощимую пищу юмору Рудковскаго, который прозвалъ молодого пріятеля новоизобрѣтеннымъ словомъ «бабникъ». Но у бабника, независимо отъ всѣхъ мимолетныхъ увлеченій, была одна

Digitized by Google

неизмѣнная привязанность въ лицѣ нѣкоей молоденькой швейки—Наденьки.

Эта Наденька — очень бѣдная, малограмотная и весьма немудреная дѣвочка—привязалась къ своему Андрею Николаевичу съ такою силой, съ такимъ самозабвеніемъ, что было порой жаль ее, а еще больше его — искренняго, но безвольнаго мучителя, мучившаго себя съ одной стороны безплодною погоней за отысканіемъ воплощеннаго женскаго идеала по Жоржъ-Занду, а съ другой—сознаніемъ, что подлѣ него безропотно вянетъ такое любящее, безъ конца преданное существо, готовое цѣловать его руки, ноги за одинъ взглядъ ласковый, за одно слово любви и возврата къ ней.

Такая рабская любовь дѣвушки значительно портила характеръ Морица... Вѣдь онъ иногда считалъ себя маленькимъ божкомъ, которому и подобаетъ поклоненіе.

Эти отношенія, разумѣется, стали извѣстны Рудковскому и заняли серьёзно его вниманіе. Онъ видѣлъ необходимость образумить Андрюшу и вылечить глупенькую дѣвочку,—но, по складу своего пониманія, выбралъ для этого средства черезъ-чуръ рѣшительныя, какъ доктора говорятъ—героическія, а пожалуй и лошадиныя.

— Здравствуйте, Дульцинея Кирбитьевна!—привѣтствовалъ обыкновенно Рудковскій приходившую Наденьку.

— Здравствуйте, Григорій Васильевичъ!—что это вы меня такъ называете?—это обидно...

— Я васъ люблю, моя красавица, а потому обижаться вамъ не слѣдуетъ. Вашего возлюбленнаго Андрея Николаевича дома нѣтъ, гдѣ-нибудь ферлакурничаетъ. Въ какую-то генеральшу втюрился.

— Вы это почемъ знаете?

— Какъ не знать!—передъ всякой юбкой таетъ. И охота же вамъ привязаться къ этакому вѣтрогону! Право, подумайте-ка, да выйдите скорѣе замужъ, покойнѣе будетъ. Можетъ, вамъ жениха подыскать?

— Нѣтъ, ужъ я замужъ не пойду. Жениховъ-то много было, да я... ну, разъ сказала не пойду—и не пойду...

— Ужъ будто и много? Вы никакъ прихвастнули душенька?

— Ей Богу много! Вотъ еще недавно одинъ слесарь сватался, тысячу рублей въ ламбартѣ имѣетъ.

— Слесарь и тысяча рублей! О, да это дѣло прочное, благонадежное!.. Да вы совсѣмъ дурафья будете, моя милая, если откажетесь сдѣлаться мадамъ-слесаршей, да еще съ тысячью рублями въ *ламбартѣ!*

Digitized by Google

— Я отказала на-отрѣзъ. Маменька плакала-плакала, потомъ съ шуриномъ даже бить меня собиралась.

— И жаль, что она васъ порядкомъ не отшлёпала!... Вѣдь понимаете ли вы, красота моя, какую глупость-то вы себѣ въ голову вбили? Ну какой вамъ прокъ изъ Андрюшиной любовишки?

— Сама знаю, что проку никакого, да что дѣлать-то — не могу!... Авось, Богъ дастъ, это пройдетъ.

— Давай Богъ!—А какъ онъ вдругъ вздумаетъ жениться на другой, на высокоблагородной барышнѣ...

— Онъ никогда не женится!—увѣренно перебила дѣвушка.

— Конечно, это было бы изъ рукъ вонъ глупо... однако мало ли нелѣпостей бываетъ... Ну, вдругъ,—а у васъ на ту пору дурь-то еще не пройдетъ,—что́ вы станете дѣлать? Еще пожалуй скандалъ выйдетъ—въ церкви коровой заревете... куда красиво! А слесаршей быть самое любезное дѣло. Ужъ и я бы на старости лѣтъ потанцовалъ на вашей свадьбѣ...

Наденька разсмѣялась, но упорно отстаивала свою рѣшимость.

Разъ какъ-то Рудковскій повелъ съ нею такого рода разговоръ.

— Послушайте, моя герцогиня,—а вѣдь вы маху дали, что выбрали себѣ *въ предметъ* такую фитюльку! Ну что въ немъ хорошаго? такъ—какой-то жиденькій нѣмчикъ... и за душой кромѣ вышитаго мундира ничего нѣтъ. Вотъ я вамъ представлю человѣка, такъ ужъ мое почтеніе!—съ тѣмъ возьмите!...

— Кого это такого?—простодушно спросила Наденька.

— Да ужъ останетесь довольны! И влюбленъ въ васъ какъ кошка... человѣкъ солидный, профессоръ, жалованье получаетъ большое... словомъ — Теофилъ Осипычъ...

— Панъ?! — со смѣхомъ вскрикнула Наденька.

Въ кругу знакомыхъ Рудковскаго «паномъ» звали Теофила Осипыча Горжельскаго, преподавателя въ одномъ учебномъ заведеніи, человѣка не первой молодости, весьма умнаго, но милѣйшаго чудака и ужаснаго тоже «бабника». Онъ встрѣчалъ нѣсколько разъ у Морица Наденьку, сдѣлалъ ей нѣжные глазки и съ тѣхъ поръ сталъ носить голубые галстухи.

— Да, подумайте объ этомъ, моя прелесть, серьёзно... Нашъ панъ хоть и не купидонъ, за то мужчина въ комплектѣ...

— Онъ смѣшной такой... ха-ха... съ нимъ весело шутить, а полюбить — какъ можно?

— Полюбите, какъ онъ для васъ раскошелится, да еще похваливать станете!...

Digitized by Google

— Стыдно вамъ говорить это, Григорій Васильичъ! Вѣдь вы дружны съ Андреемъ Николаичемъ,—развѣ это честно?...

— И, мать моя, да я ему въ глаза говорилъ тысячу разъ то же самое!... Вѣдь онъ за свободу любви горой стоитъ, глаза готовъ всякому выцарапать,—ну, и будь же послѣдователенъ... Любишь кататься, люби и саночки возить!

На этотъ разговоръ вошелъ Андрюша. Рудковскій съ невозмутимымъ спокойствіемъ повторилъ передъ нимъ всѣ свои наставленія Наденькѣ.

— Григорій Васильичъ, я просилъ бы тебя прекратить эту мистификацію,—обидѣлся Морицъ. Если это шутка, то она не смѣшна—слишкомъ долго продолжается; а если серьёзно, то...

— Что—*то?* На дуэль меня вызовешь, что ли? Изволь. Ужъ послѣ дуэли насъ прямо въ сумасшедшій домъ.

— Я смотрю на эти вещи серьезно.

— Да, серьезно глупо... Ты съ нею какой-то романъ продѣлываешь, и романъ выходитъ препотѣшный... Думаешь ее развивать, стихи свои ей читаешь, а она въ это время въ носу ковыряетъ. То ли дѣло, какъ панъ поведетъ ее на Крестовскій, мантильку ей модную построитъ,—и она повеселѣетъ,—даже кашлять перестанетъ... а вѣдь теперь, посмотри, она очень гадко кашляетъ. Ты бы хоть бифстексомъ, что ли, почаще кормилъ эту незабудку, выросшую на Козьемъ Болотѣ...

Подобные разговоры, благодаря юмору Рудковскаго, оканчивались веселымъ дружескимъ смѣхомъ. Но въ голову Андрюши закрадывалась тревожная мысль: «а вѣдь Рудковскій-то, пожалуй, и правъ...» Эта мысль оставляла въ сознаніи молодого человѣка горькій осадокъ;—вѣдь онъ поставилъ задачею своей жизни искренность,—искренность во что́ бы то ни стало... а тутъ приходилось вилять передъ самимъ собою.

Но этотъ маленькій сердечный романъ Морица былъ далеко не первостепеннымъ эпизодомъ въ квартирѣ № 10-й. Онъ пропадалъ въ хоровой жизни нашихъ друзей.

Вмѣстѣ съ Морицомъ и Купянцовымъ въ квартиру № 10-й нахлынула толпа молодежи—ихъ пріятелей, въ особенности пріятелей Морица, который чрезвычайно легко сходился съ людьми, а потому имѣлъ обширное знакомство. Тутъ были студенты, офицеры, учителя, художники, музыканты, медики, юные чиновники (только юные). Читатель немножко знаетъ, какая развеселая, съ сильнымъ артистическимъ пошибомъ, жизнь угнѣздилась въ квартирѣ № 10-й.

Всѣ эти молодые люди прежде рѣдко и случайно забѣгали,

Digitized by Google

въ разсыпную, къ Морицу и Купянцову,—ихъ и дома-то застать было не легко;—теперь, когда эти господа поселились въ просторныхъ четырехъ комнатахъ и изъ трехъ хозяевъ всегда хоть одинъ дома, явилась возможность заходить къ нимъ почаще, не только не рискуя найти дверь запертою, но съ пріятною увѣренностью встрѣтить старыхъ пріятелей, или завязать новое знакомство, всегда болѣе или менѣе интересное, такъ какъ молодежь тутъ собиралась добрая, даровитая. Здѣсь всегда можно было добыть новую книгу, надѣлавшую много шума въ читающемъ мірѣ, найти свѣжій нумеръ любимаго журнала, даже всегда открытое фортепьяно — и то имѣло значительную долю привлекательности. Но помимо этихъ, такъ-сказать, практическихъ удобствъ, многихъ туда тянула весьма естественная потребность сближенія, живого обмѣна мыслей, привлекательность непринужденной бесѣды, — особенно если еще принять въ соображеніе отупляющую пошлость окружавшей ихъ среды, заѣденной чинолюбіемъ, преферансомъ и узкою подозрительностью благонамѣренныхъ людей извѣстнаго въ то время типа,—благочестивыхъ гонителей всякой новизны, наживщихъ деньгу, или насидѣвшихъ теплое мѣстечко.

Черезъ какіе-нибудь полгода Рудковскій сталъ центральнымъ нервомъ знакомой молодежи. Его всѣ полюбили и по невольному побужденію называли всегда именемъ и отчествомъ, будто въ особенное исключеніе изъ общаго правила молодежи называть другъ друга просто по фамиліи. Не одни только сѣдые виски, да перегорѣвшая въ житейскихъ передрягахъ опытность, дали Григорію Васильичу право на общую симпатію; нельзя даже сказать, что онъ былъ умнѣе всѣхъ, или богаче знаніями,—напротивъ, въ его образованіи были изрядные пробѣлы и частенько ему недоставало самыхъ элементарныхъ свѣдѣній; но это не мѣшало ему увлекательно говорить обо всемъ и заставить себя слушать даже того, кто съ нимъ вовсе не соглашался. Случалось, что кто-нибудь, подмѣтивъ его промахи, завязывалъ споръ.

— Я съ вами согласенъ, Григорій Васильичъ, но... и тутъ осторожный оппонентъ, поправляя ошибки товарища, развивалъ свою собственную мысль, ни въ чемъ несогласную съ тѣмъ, что говорилъ Рудковскій.

— Ваше *но* ни къ чорту не годится! — отрѣжетъ безцеремонно Григорій Васильичъ,—и если не выйдетъ изъ спора побѣдителемъ, то расположитъ къ себѣ слушателей оригинальностью рѣчи, и его выраженія въ родѣ «ваше *но* ни къ чорту не годится»—пріобрѣтаютъ права гражданства.

Digitized by Google

Кажется, вся сила Рудковскаго заключалась въ чуткомъ пониманіи ближайшей истины, которая стояла на очереди, въ умѣньи найти ея корни въ дѣйствительности,—да въ его манерѣ говорить съ неподдѣльною, часто грубою оригинальностью.

Онъ не потакалъ всѣмъ модянымъ тогдашнимъ увлеченіямъ, не поклонялся эфемернымъ знаменитостямъ минуты и былъ непримиримымъ врагомъ идеалистической нѣмецкой философіи, туманъ которой застилалъ въ то время почти всѣ головы и доводилъ лучшихъ людей до пафоса передъ такими вещами, которыхъ прелесть болѣе чѣмъ сомнительна... Тутъ онъ былъ остеръ, забавенъ, а юморъ его безобидно-циниченъ; но тамъ, гдѣ дѣло шло о сознательной подлости, поклоненіи маммонѣ (любимое его выраженіе), лицемѣріи, измѣнѣ убѣжденіямъ изъ личныхъ видовъ,—тамъ онъ становился ругательски-грубъ, безпощаденъ до пѣны у рта... И этотъ же самый человѣкъ, суровый циникъ, порою расплачется какъ ребенокъ при встрѣчѣ съ истиннымъ несчастіемъ, нищетой и горькимъ паденіемъ ближняго. Онъ готовъ былъ бѣгать, просить, поднять кого нужно на ноги, протестовать,—наконецъ, отдать послѣднюю рубашку... Факты этого рода были мало кому извѣстны,—онъ, конечно, объ нихъ не говорилъ,—но всякій сознавалъ, что такіе факты непремѣнно были въ его жизни...

Теперь мы, кажется, достаточно уяснили личность Рудковскаго, соединявшую въ себѣ многія типическія черты людей того времени, о которомъ идетъ рѣчь.

Въ квартирѣ у нашихъ друзей появлялись иногда весьма извѣстные и видно поставленные люди, отнюдь не причислявшіе себя къ поколѣнію тогдашней молодежи;—да, Боже мой, кто тамъ не перебывалъ!—Блистательно начавшій литераторъ; самородокъ-пѣвецъ, или скрипачъ, всесвѣтный странствователь, изнывавшій въ петербургскомъ бездѣйствіи, знаменитый композиторъ, вернувшійся изъ цвѣтущей Андалузіи къ роднымъ сугробамъ... Вѣдь что-нибудь да тянуло же ихъ заглянуть въ скромную холостую квартирку, къ людямъ незначительнымъ, невліятельнымъ, совершенно безвѣстнымъ?...

Дѣло въ томъ, что тутъ, въ этой маленькой квартиркѣ личные интересы стушевывались, исчезали въ широкихъ симпатіяхъ къ наукѣ и искусству; притомъ здѣсь не было кружковой замкнутости, всегда почти страдающей односторонностью и нетерпимостью...

Да и могъ ли образоваться замкнутый кружокъ, когда двери Рудковскаго были радушно открыты для каждаго случайнаго по-

Digitized by Google

сѣтителя?—Дѣйствительно, новая волна несла эту молодежь, но куда—они сами не знали. Имъ незачѣмъ было запираться, не о чемъ секретничать, не отъ кого таиться,—напротивъ, они страдали можетъ быть излишнею говорливостью, чувствуя потребность пріобщить и другихъ къ одушевлявшимъ ихъ честнымъ убѣжденіямъ.

Но въ человѣческой натурѣ лежитъ могучее, роковое стремленіе къ практическимъ цѣлямъ жизни. Развитіе индивидуальныхъ силъ — дѣло хорошее, однако нужно же къ чему-нибудь приложить это развитіе, иначе оно не имѣетъ смысла. Выдумать этого никакъ нельзя: надо чтобы сама жизнь указала, что̀ дѣлать;—а когда жизнь не указываетъ, то люди создаютъ себѣ нелѣпыя, фантастическія цѣли, или идутъ въ разбродъ, сознавая, что вмѣстѣ имъ дѣлать нечего.

Этотъ послѣдній исходъ подкарауливалъ и нашу милую молодежь; года черезъ два сильно порѣдѣлъ пріятельскій кружокъ. Одинъ поѣхалъ хозяйничать въ деревню, другого услали на службу въ губернію; двухъ-трехъ снесли на Волково кладбище; одинъ счастливецъ выхлопоталъ заграничный пассъ; кое-кто погнался за выгоднымъ мѣстечкомъ, или за богатою невѣстой, а кто и самъ не зная зачѣмъ погнался, лишь бы только вертѣться на глазахъ у сильныхъ міра сего... Да, много было горестныхъ утратъ и досадныхъ разочарованій. Рудковскій злобно нахмурился, а всѣ оставшіеся поддались глубокому унынію, которое Морицъ выразилъ въ слѣдующей импровизаціи послѣ разлуки съ однимъ изъ лучшихъ друзей, уѣхавшимъ куда-то на Уралъ:

И одного еще мы проводили...
И молча, долго мы сидимъ;—и очи
Потупили съ какимъ-то страхомъ тайнымъ...
Всѣ головы печальныя поникли.
Какъ будто мы боимся перечесть
Оставшихся,—какъ будто мы заранѣ
Перебираемъ рядъ прощаній горькихъ,—
И нашей мирной, молодой семьѣ
Мы шопотомъ «отходную» читаемъ...
Ахъ, тяжело!—такъ тяжело, что слово,
Въ сію минуту сказанное громко,
Намъ кажется нахальнымъ святотатствомъ...
Молчимъ. И это важное молчанье,
Какъ черная монашеская ряса,
Покрыло насъ—и съ міромъ разлучило...
А въ комнатѣ какъ будто кто-то ходитъ
И вѣютъ только-что умолкнувшія рѣчи...

Digitized by Google

Но жизнь и молодость взяли свое. На выбывшія мѣста явились свѣжіе люди.

Лѣто наши три пріятеля провели въ Полюстровѣ на дачѣ, то-есть, въ очень невзрачномъ домишкѣ; но подъ бокомъ у нихъ шумѣлъ великолѣпный паркъ, въ который по вечерамъ выползали дачники подышать воздухомъ, поглазѣть другъ на друга и послушать музыку, впрочемъ, весьма порядочную. Полюстрово тогда было самое скромное, глухое и самое дешевое изъ петербургскихъ загородныхъ гуляній. Тутъ не было аристократическихъ претензій, да не было также и простонароднаго разгула, какимъ щеголяетъ, напримѣръ, Крестовскій островъ. Народъ тутъ жилъ тихій, разсчетливый, семейный и строгихъ нравовъ. Въ сущности было очень скучно. Наши молодые люди и не искали веселья; ни съ кѣмъ не знакомились; каждый изъ нихъ воображалъ, что въ теченіе лѣта предастся «вдохновенному труду»— и наработаетъ пропасть хорошихъ вещей; на дѣлѣ однако оказалось совершенно противное ихъ предположеніямъ: они всѣ лѣнились самымъ поэтическимъ образомъ. Ваня еще кое-какъ успѣлъ сдѣлать съ десятокъ этюдовъ—кустиковъ, деревьевъ, пней и всякой Охтенской болотины; а тѣ двое не дѣлали ровно ничего, радуясь, что удалось вырваться изъ городской жизни.

Отъ нечего дѣлать, Морицъ однажды пошелъ въ заведеніе минеральныхъ водъ, гдѣ изрѣдка устроивались танцовальные вечера. Народа тамъ было немного, и народъ все незнакомый. Между танцующими вниманіе его остановила одна очень молоденькая дѣвушка, одѣтая до крайности просто: въ пестренькомъ кисейномъ платьицѣ,—ни цвѣтка, ни ленты, ни какой-нибудь изысканной прически; будто она, какъ сидѣла дома, такъ и пришла сюда по внезапному капризу; ей захотѣлось попрыгать, безъ всякихъ замысловъ явиться въ общество одѣтою если не лучше, то и не хуже другихъ. Она не обращала ни малѣйшаго вниманія ни на свое платьице, ни на блестящіе туалеты другихъ дамъ. Весело танцовала со всѣми—знакомыми и незнакомыми; говорила безъ умолку и при этомъ вся улыбалась, охваченная какимъ-то дѣтскимъ, рѣзвымъ счастьемъ, точно танцовать ей привелось въ первый разъ и все съ самыми хорошими, близкими людьми. Лицо ея не поражало красотою: остренькій, чуть вздернутый носикъ, сѣренькіе глазки, быстрые, задорные, но на этомъ личикѣ нельзя было не остановить вниманія: такое оно было умненькое, полное жизни, откровенное...

— А вѣдь это не петербургская барышня—подумалъ Андрюша, любуясь ею издали.

Digitized by Google

Онъ пошелъ наводить справки, кто такая, — оказалось, что ее никто почти не знаетъ; наконецъ ужъ какой-то военный медикъ, самъ заинтересованный ею, съ большимъ трудомъ добылъ требуемыя свѣдѣнія: это сестра какого-то профессора, или учителя Слободина. Послѣ этого вечера Морицъ уже не встрѣчалъ въ Полюстровѣ эту дѣвушку; на танцовальный вечеръ она должно быть попала случайно изъ города. Онъ даже ни слова не сказалъ товарищамъ объ этой дѣвушкѣ;—придавать какое-нибудь значеніе мимолетной встрѣчѣ,—это и ему даже показалось отчаяннымъ романтизмомъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Много времени спустя, уже осенью, когда Петербургъ переселился съ холодныхъ дачъ на теплыя квартиры, Морицъ напалъ на слѣдъ хорошенькой незнакомки. Ему привелось быть на вечерѣ у одного бывшаго своего корпуснаго учителя. Эти вечера у педагоговъ совсѣмъ не похожи на вечеринки у мелкаго петербургскаго чиновничества, гдѣ хозяева стараются немедленно усадить гостей за преферансъ и зорко наблюдаютъ, чтобы какъ можно больше требовалось новыхъ картъ, такъ какъ этимъ безгрѣшнымъ доходомъ должны быть покрыты всѣ издержки на освѣщеніе, чай и незатѣйливый ужинъ. Тутъ о картахъ не было и помина: дамы группировались около старенькаго фортепьяно, мужчины засѣдали съ сигарами въ кабинетѣ хозяина и трактовали больше о предметахъ своей профессіи; — это раздѣленіе половъ только и было характеристическою чертою, общею всякому собранію русскихъ людей. Несмотря на свое отъявленное «бабничество», Морицъ, по усиленной просьбѣ хозяйки, спѣлъ два романса и убѣжалъ въ кабинетъ, гдѣ, пріютившись въ уголкѣ, слушалъ съ живымъ и жаднымъ вниманіемъ какого-то господина еще молодого, но къ которому всѣ, даже маститые педагоги, относились уважительно. Этотъ молодой человѣкъ спокойно и съ глубокою силою независимости отстаивалъ значеніе и заслуги «натуральной школы» и въ особенности того ея направленія, которое обратилось къ крестьянскому быту. Блѣдное, серьёзное лицо его оживлялось необыкновенно доброю улыбкою въ тѣ моменты, когда съ его доводами соглашались, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: «Видите, господа, какъ это просто и ясно...» Когда же противники его горячились, онъ умолкалъ, глядѣлъ пристально имъ въ лицо, и только часто проводилъ рукою по непокорнымъ вихрамъ, придававшимъ его головѣ какую-то оригинальную, своеобразную красоту.

— Это богатый и плодотворный матеріалъ,—говорилъ онъ;— знакомство съ народомъ теперь на очереди; — да его и обойти

Digitized by Google

нельзя,—безъ него съ мѣста не двинешься... Натуральная школа открыла намъ міръ бѣдняковъ всякаго рода и неизбѣжно пришла къ мужику, потому что мужикъ у насъ самый великій бѣднякъ. Теорія дѣленія предметовъ на высокіе и низкіе—никуда не годится. Не въ томъ дѣло, что писатели изображаютъ такъ-называемые «низкіе» предметы, а въ томъ-съ, что въ изображеніяхъ ихъ видно малое знакомство съ русскимъ крестьяниномъ,—идиллія, фальшь, неумышленная, положимъ... Вотъ это такъ!—Ну, да вѣдь это оттого, что всѣ мы на крестьянскій бытъ смотримъ барскими глазами... Надо знать мужика...

— Такъ, какъ вы его знаете,—подсказалъ кто-то изъ собесѣдниковъ. Отчего вы не попробуете написать что-нибудь въ этомъ родѣ?—Сразу стали бы замѣчательнымъ писателемъ...

— Нѣтъ-съ, за славой я не гонюсь и ничего не напишу.

— Почему же?

— Потому что мои писанія пока невозможны...

Къ концу вечера Морицъ уже крѣпко пожималъ его руку.

Воротившись домой часа въ два ночи, Андрюша перебудилъ своихъ товарищей для того только, чтобы сказать имъ, что онъ, сверхъ ожиданія, чрезвычайно пріятно провелъ вечеръ.

— А чтобъ чортъ тебя побралъ!—проворчалъ Ваня, и повернулся на другой бокъ.

Вѣрно еще отыскалъ какую-нибудь бабу—Индіану, или Валентину въ законномъ супружествѣ съ титулярнымъ совѣтникомъ?—зѣвая сказалъ Рудковскій.

— Не то, братъ, не то!—Съ какимъ человѣкомъ я познакомился! Ахъ, еслибъ ты зналъ, какая голова, какое свѣтлое и трезвое пониманіе жизни!...

— Да кто-жъ онъ такой?—Что за феноменъ?—Откуда?

— Алексѣй Петровичъ Слободинъ. Онъ изъ здѣшняго университета... Ахъ, что за привлекательная личность!—И какъ Россію знаетъ—заслушаешься!...

Едвали энтузіастъ Морицъ заснулъ въ эту ночь хоть на полчаса... Кровь его стучала въ виски, а въ головѣ бродили самыя невѣроятныя, обольстительныя фантазіи, въ которыхъ Слободинъ и его сестра занимали далеко не послѣднія роли.

Digitized by Google

VII.

У Рудковскаго собралось человѣкъ шесть уцѣлѣвшихъ товарищей. Нѣкоторые усѣлись вокругъ чайнаго стола, за которымъ президировалъ Григорій Васильевичъ, по обыкновенію пившій чай въ прикуску и, тоже по обыкновенію, трунившій надъ любовными похожденіями Горжельскаго. Милѣйшій «панъ» очень остроумно доказывалъ, что поклоненіе красотѣ должно быть культомъ всякаго раціонально развитаго человѣка; что физическая красота непремѣнно предполагаетъ совершенство интеллектуальное...

— Это непремѣнно такъ должно быть,—заключилъ онъ.

— Мало ли что должно быть!—а развѣ нѣтъ красивыхъ дураковъ и дуръ?—

— Почти нѣтъ. Всмотритесь хорошенько — и вы откроете, что они вовсе не глупы: въ нихъ есть всѣ зачатки для великолѣпнаго умственнаго развитія—но виноваты ли они, что вслѣдствіе нелѣпаго нашего воспитанія, зачатки такъ и остались зачатками... Это я могу подтвердить многочисленными наблюденіями.

— Надъ кѣмъ это?—Ужъ не надъ тѣмъ ли квартальнымъ надзирателемъ, которымъ вы на-дняхъ въ Пассажѣ любовались?... Вообразите, господа, гдѣ нынче Адонисы отыскиваются — въ полицейскомъ мундирѣ!—Послѣдовалъ дружный хохотъ.

— Ай да Теофилъ Осипычъ! въ квартальнаго влюбился!... Ну, а какъ онъ на счетъ головы—тоже, чай, великолѣпные зачатки?

— Вы шутите, господа, а я говорю серьёзно. Конечно, квартальный—это смѣшно... и онъ навѣрное глупъ, какъ пробка, но вѣдь онъ же и не красавецъ: видный, статный мужчина, годится въ гвардію и только;—а глаза у него совсѣмъ бараньи. Это нисколько не опровергаетъ моего положенія; я говорю о совершенной красотѣ... гармонической...

— Слышали господа—Воробьевъ сутки на гауптвахтѣ высидѣлъ?

— По какому случаю?

— А по случаю фельетона, въ которомъ онъ что-то на счетъ театра сбрендилъ...

— Вотъ чепуха-то!—А цензоръ что?

— Отъ трусости заболѣлъ; піявки ставилъ.—Да и помаралъ же онъ мою злополучную повѣстушку съ перепуга-то.—

Digitized by Google

Піявки его сосутъ, больно, а онъ знай-маракаетъ!... Просто, узнать ничего нельзя: изъ монаха сдѣлалъ доктора, изъ замужней барыни сотворилъ послушную дщерь, а бульдога съ ошейникомъ совсѣмъ похерилъ,—это, говоритъ, личности, а у меня жена и дѣти;—мнѣ, батенька, до пенсіона всего восемьнадцать мѣсяцевъ осталось... Я ужъ посовѣтовалъ: вы возьмите піявку, да такъ и выцѣдите ее сплошь на корректуру,—оно легче.—Засмѣялся;—это, говоритъ, вашъ сумасшедшій Виссаріонъ кричитъ, что не красныя чернила, а его дескать собственная кровь проливается... Анъ выходитъ на повѣрку, не его кровь, а грѣшная моя... Вы влѣзьте-ка въ мою кожу...

— Потѣха!

Вошли два новыхъ лица: одинъ коренастый, съ безпорядочной бородой, огромнымъ лбомъ и блестящими черными глазами. Онъ былъ угловатъ, торопливъ и ужасно близорукъ, что вмѣстѣ съ скороговоркой придавало его небольшой фигурѣ характеръ постоянной озабоченности, возбужденности.—Войдя, онъ со всѣми поздоровался, какъ старый знакомый, и, бросивъ на окно пачку газетъ, подсѣлъ къ Рудковскому.

Другой вошедшій былъ Слободинъ, котораго Морицъ встрѣтилъ въ дверяхъ съ горячимъ радушіемъ и немедленно перезнакомилъ со всѣми собесѣдниками.

— Давно васъ не видать, Дмитрій Сергѣичъ,—что новаго?—спросилъ Рудковскій бородастаго гостя.

— Да новостей нынче тьма... Дѣло о банкетахъ принимаетъ довольно серьёзный оборотъ. Читали вы?—Я полагаю, что Гизо и Дюшатель въ эту минуту ужъ слетѣли; а дальше все будетъ зависѣть отъ того, кто овладѣетъ движеніемъ.

— И вся суматоха кончится перемѣной министерства,—замѣтилъ кто-то.

— Ну, нѣтъ-съ... этимъ едвали удовлетворятся... задумчиво и какъ-бы про себя сказалъ Дмитрій Сергѣичъ. Подготовка шла дѣятельная нѣсколько лѣтъ... Я такъ скажу: если партія «Реформы» одолѣетъ, то шагъ будетъ сдѣланъ рѣшительный. Тамъ Луи Бланъ, Рибейролль, Флоконъ,—люди толковые,—они знаютъ, что̀ нужно народу... Это не то, что буржуазный «Нацьональ», который непремѣнно подпакоститъ, увидите.

— Да, люди плохи,—но настоящіе-то явятся впослѣдствіи;—теперь ихъ никто не знаетъ, да и они сами себя не знаютъ...

Разговоръ сдѣлался общимъ, всякій высказывалъ свои предположенія, вѣроятный конецъ парижскихъ событій; большинство, мало знакомое съ передовыми личностями парижскаго народа и

Digitized by Google

съ безустанною подземною работою клубовъ, слушало Дмитрія Сергѣича, которому эти вещи, кажется, были близко извѣстны.

— А что вы думаете,—вдругъ Луи-Филиппъ къ намъ убѣжитъ — откроетъ женскій пансіонъ на Выборгской сторонѣ и меня возьметъ инспекторомъ... разразился хохотомъ Горжельскій; и посыпались со всѣхъ сторонъ остроты и шутки, какъ будто всѣ рады были перервать разговоръ, ставшій слишкомъ серьёзнымъ.

Видя, что молодежь кинулась въ другую сторону, Рудковскій и Дмитрій Сергѣичъ обратились къ Слободину, молча сидѣвшему въ сторонкѣ.

— Вы какого мнѣнія, — ужели это все кончится вздоромъ?

— Можетъ, и вздоромъ... Я долженъ вамъ сказать откровенно: политическіе вопросы меня слишкомъ мало занимаютъ,— со спокойной ясностью отвѣтилъ Слободинъ.

— Да-съ... но вѣдь это нельзя же... вѣдь на парижскихъ улицахъ рѣшаются общечеловѣческія побѣды и пораженія,— кто же можетъ оставаться равнодушнымъ?...

— Мнѣ по-истинѣ все равно, кто у нихъ будетъ — Луи-Филиппъ, или какой-нибудь Бурбонъ, или даже хоть и республика... Кому отъ этого будетъ легче? — Народъ выиграетъ нѣсколько громкихъ фразъ, причтетъ нѣсколько новыхъ именъ къ своему мартирологу и пойдетъ на ту же самую работу, прибыльную только для одного буржуа,—а стало быть и жить ни на волосъ не будетъ лучше...

— А, такъ вотъ вы какой!—Постойте, объ этомъ надо говорить основательно...

— Предупреждаю васъ, что я хоть и готовлюсь на каѳедру исторіи, или вѣрнѣе сказать, потому именно, что изучаю исторію, я не вѣрю въ полезность игры въ старыя политическія формы... Зачѣмъ повторять зады? — Задачи новой исторіи, или тѣхъ людей, которые дѣлаютъ исторію, гораздо проще, скромнѣе и плодотворнѣе...

И между ними завязался горячій разговоръ.— Замѣчательно, что Рудковскій, нападавшій сначала на Слободина, потомъ незамѣтно перешелъ на его сторону, а третій собесѣдникъ подсмѣивался надъ его идеализмомъ, совѣтовалъ забыть политическія идилліи и не обходить исторической грубой поденщины,— «а то она сама васъ обойдетъ»...

Въ заключеніе онъ крѣпко пожалъ руку Слободина и просилъ его къ себѣ.

Digitized by Google

— У меня по пятницамъ кое-кто бываетъ, приходите, коли нечего дѣлать.

А въ другой комнатѣ составился кружокъ около одного пьяниста, исполнявшаго съ замѣчательнымъ смысломъ и вкусомъ Шопеновскія вещи; — потомъ заставили спѣть что-то Морица, потомъ затянули хоровую. Уже поздно отыскавъ въ темной передней калоши и шубы, высыпали гурьбой гости Рудковскаго и разбрелись по домамъ.

— Умница этотъ Слободинъ, — сказалъ Григорій Васильичъ Морицу, оставшись наединѣ. — Мнѣ онъ очень понравился, — знаешь, такъ у него все просто, ясно, а между тѣмъ сколько самостоятельности,—видно, что самъ безъ указки додумался...

— Я говорилъ тебѣ, что личность замѣчательная. — Завтра звалъ меня къ себѣ. Надо бы пойти, да не знаю, буду ли свободенъ... схитрилъ Морицъ, весь просвѣтлѣвшій отъ этого приглашенія.

— Пойди, непремѣнно пойди.—Нѣтъ, это не фразеръ, какъ многіе изъ насъ грѣшныхъ... Я увѣренъ, что его личная исторія полна глубокаго интереса... Это не мыльный пузырь.

Слободинъ, идя домой, тоже находился подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ. Ему особенно понравился Рудковскій: — «Съ нимъ мы столкуемся... а вотъ тотъ, — какъ его — Дмитрій Сергѣичъ, кажется,—ну, съ тѣмъ надо погрызться... Обозвалъ меня идеалистомъ, а вѣдь самъ такой ярый идеалистъ, какихъ мало... Пропасть у него энергіи, — не знаетъ куда ее дѣвать — вотъ и распинается за успѣхъ французскихъ реформистовъ... А въ пятницу надо къ нему».

Эти новыя знакомства совпали какъ разъ съ такимъ моментомъ въ его нравственной жизни, когда человѣку необходимы какіе-нибудь общіе и живые интересы. Они всегда необходимы, но когда нелѣпая случайность разобьетъ тѣсную скорлупу нашихъ личныхъ и семейныхъ дѣлъ,—когда человѣкъ запутается, увидя, что всѣ нити, прикрѣплявшія его къ извѣстной точкѣ на земномъ шарѣ, оборвались,—тогда потребность общихъ интересовъ, потребность солидарности съ міровою вакханаліей чувствуется больнѣе, жгуче...

Кончивъ университетъ кандидатомъ, Слободинъ разстался и съ тѣмъ небольшимъ кружкомъ товарищей, которые шли съ нимъ объ руку въ трудахъ и убѣжденіяхъ. Онъ остался совсѣмъ одинокъ. Между тѣмъ труда впереди еще предстояло много; надо было готовиться на ученую степень, а онъ почувствовалъ уста-

Digitized by Google

лость, упадокъ силъ,—необходимость, какъ онъ выражался, промотать весь мертвый капиталъ на толкучемъ рынкѣ.

Въ двадцать пять лѣтъ здоровому человѣку нельзя быть аскетомъ. Каковы бы ни были серьёзныя цѣли жизни, а природа неумолима въ своихъ законныхъ требованіяхъ. Трудно сказать, влекла ли Слободина сумасбродная, чарующая сила Агаты, или просто въ немъ заговорила общая всѣмъ потребность женской любви, — только черезъ недѣлю послѣ извѣстнаго концерта онъ явился въ домѣ Косолаповыхъ. Но сближеніе съ Агатой не дало ему спокойной полноты наслажденія... Онъ испытывалъ странное чувство любящей ненависти,—то чувство, котораго сильнѣйшее, страстное раздраженіе намъ извѣстно по кровавымъ пятнамъ уголовной лѣтописи.

Слободинъ являлся къ Косолаповымъ не въ тѣ дни, когда у нихъ толпился весь праздный и нарядный Петербургъ, — и это была капитальная ошибка молодого человѣка—тутъ онъ могъ бы быть простымъ, незамѣтнымъ наблюдателемъ людской суеты, глупости и тщеславія, и вынесъ бы много замѣтокъ, если не полезныхъ, не новыхъ, то во всякомъ случаѣ забавныхъ и безвредныхъ для своего нравственнаго здоровья.

Онъ сдѣлалъ хуже: сталъ будничнымъ посѣтителемъ ихъ дома, человѣкомъ близкимъ къ ихъ внутренней семейной жизни. И тутъ его нравственное чувство на всякомъ шагу подвергалось грубымъ царапинамъ, то отъ мѣщанскаго чванства родителей, то отъ залихватской удали кутилы-сынка, то отъ безсердечныхъ, кошачьихъ замашекъ самой Агаты.

Иногда казалось, что она любитъ его съ сумасшедшимъ женскимъ увлеченіемъ — и это оскорбляло Алексѣя, требовавшаго отъ любви сознательной разумности; изрѣдка она обращалась къ нему серьёзно, обдуманно, раздѣляя его убѣжденія, послушно слѣдуя его совѣтамъ, становясь объ руку съ нимъ въ критическія отношенія къ окружающей ихъ жизни;—такъ безусловно раскрываться можно только передъ истиннымъ другомъ, передъ лучшимъ человѣкомъ; затѣмъ вдругъ этого лучшаго человѣка она начинаетъ дразнить своею дѣтски-страстною привязанностью къ безсмысленнымъ пустякамъ свѣтской жизни, безъ которыхъ она будто и жить не можетъ, ради которыхъ она ужъ порѣшила пожертвовать собою,—отдаться безъ любви тому, кто предложитъ болѣе широкое удовлетвореніе ея прихотямъ.

— Вы замѣтили Ивана Александровича?—вотъ, что все букеты мнѣ подноситъ; ужасно глупое лицо, неправда ли?—А, кажется, придется быть его женой?.. охъ, да, придется!..

Digitized by Google

Она произносила это такимъ тономъ, какъ будто ей придется поѣхать на какой-нибудь скучнѣйшій званый вечеръ, или надѣть платье, котораго терпѣть не можетъ.

— Что вы говорите — опомнитесь! Мнѣ слушать стыдно...

— Это оттого, что вы ничего въ этомъ не понимаете... Да вы за себя-то не бойтесь — мы останемся съ вами на всю жизнь такими, какъ теперь.

Алексѣй, задыхаясь, убѣгалъ отъ нея съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться, а на другой день какъ школьникъ спѣшилъ по бархатному ковру лѣстницы и пробирался въ ея маленькій одуряющій будуарчикъ; онъ зналъ, что отвратительное вчерашнее настроеніе прошло,—а въ какомъ настроеніи будетъ она сегодня—не зналъ...

Но она, эта избалованная богачка, умѣла переносить и его подъ-часъ деспотическія выходки.

Онъ иногда бывалъ въ оперѣ, въ ложѣ Косолаповыхъ. Разъ, когда вся зала была заколдована нечеловѣческимъ горломъ примадонны, а Прасковья Семеновна не спускала бинокля съ красавца-тенора, Алексѣй долго, сосредоточенно глядѣлъ на обнаженное, чуть колыхавшееся плечо сидѣвшей передъ нимъ Агаты. Должно быть въ немъ проснулось то же ощущеніе, съ которымъ онъ еще ребенкомъ шелъ поджигать домъ,—онъ слишкомъ близко наклонился къ ней...

Агата вся дрогнула, но не поворотила головы... а черезъ пять минутъ взглянула на сумасшедшаго не съ жеманствомъ обиженной провинціальной барышни, а съ изумленіемъ гнѣвной богини, стоящей неизмѣримо выше дерзости простого смертнаго,—готовой наградить отвагу его любви — любовью или, пожалуй, смертью.

Любила ли она его, или тѣшила свою капризную страстность, или только производила опыты, экзерциціи для другихъ болѣе громкихъ подвиговъ?—этого вопроса не могъ бы рѣшить не только самъ Алексѣй, но даже посторонній хладнокровный наблюдатель.

Какъ бы то ни было, но отношенія ихъ въ такомъ видѣ долго тянуться не могли; они были слишкомъ мучительны въ особенности для Алексѣя.

Міръ Косолаповыхъ втянулъ бѣднаго юношу и въ другія знакомства, отъ которыхъ онъ въ иное время преспокойно бы посторонился.

Нѣсколько разъ заходилъ онъ къ Каширинову. Этотъ «правильный» дворянинъ велъ въ Петербургѣ такую жизнь, которая

Digitized by Google

для самостоятельнаго человѣка показалась бы хуже каторги, до такой степени вся эта жизнь была подчинена условіямъ чисто-внѣшнимъ, унизительнымъ, безсмысленнымъ. Съ такими условіями, пожалуй, можно мириться иной совѣсти только тогда, когда ими достигаются какія-нибудь крупныя, очень крупныя цѣли.

Каширинов получалъ отъ отца очень скромный пенсіонъ и самое мизерное жалованье по службѣ, а тянулся вслѣдъ за богатою и знатною молодежью. Онъ готовъ былъ три дня не ѣсть, чтобы достать приглашеніе на балъ къ посланнику. Нанималъ холодную и скверную квартиру, — но квартира эта была въ Большой Морской; бралъ обѣдъ въ самой грошовой кухмистерской, но имѣлъ абонированное кресло въ оперѣ, отличнаго бобра на шинели и свѣжія перчатки; усчитывалъ своего крѣпостного человѣка на каждой копѣйкѣ, уплаченной прачкѣ,—а съ знатными барынями игралъ въ преферансъ по пятачку и участвовалъ въ сторублевыхъ пикникахъ.

Къ нему заходили иногда самые фешіонебельные франты; они бросали на его шаромыжную обстановочку сожалительные взгляды, а онъ лгалъ передъ ними, увѣряя, что готовъ бросить какія угодно деньги, лишь бы устроиться прилично, но къ несчастью до сихъ поръ не можетъ подыскать ничего подходящаго.

У него Слободинъ слышалъ глубокомысленныя разсужденія о новѣйшихъ покрояхъ фраковъ и панталонъ, занимательныя подробности объ интимныхъ путяхъ, которыми N. N. достигъ камеръ-юнкерства, а М. М. посланъ на казенный счетъ за-границу для изученія новой формы канцелярскихъ пакетовъ. Эта блестящая молодежь строго относилась къ обязанности являться непремѣнно каждое воскресенье къ обѣднѣ въ домовую церковь графини Z, и даже собиралась сдѣлать этой высокопочтенной старушкѣ сюрпризъ, составивъ между собою пѣвческій хоръ, чтобы пѣть на клиросѣ ту недѣлю, когда она говѣетъ. Хотя у Каширинова голосъ былъ столь же пріятный, какъ у годовалаго козленка, но онъ до глубины души обрадовался этому предложенію, заранѣе смакуя всю прелесть тѣхъ милыхъ фразъ, которыя разсыплетъ вліятельная старушка передъ почтительною молодежью.

Очевидно, Каширинов чего-то добивался упорно и во чтобы то ни стало.

При этомъ Слободина поражала въ правильномъ молодомъ человѣкѣ какая-то безпощадная сухость сердца. О покойницѣ Кетти онъ говорилъ такъ: «Смерть для нея была самый лучшій исходъ, потому что при ея отличномъ образованіи и высокихъ

Digitized by Google

душевныхъ качествахъ, она находилась все-таки въ ложномъ положеніи—у нея не было имени,—ея неправильное происхожденіе могло стать неодолимымъ препятствіемъ между нею и любимымъ человѣкомъ. Это предразсудокъ, конѣчно,—mais helas!—пока онъ существуетъ, нельзя его бравировать»... Съ омерзѣніемъ выслушалъ Слободинъ profession de foi правильнаго господина,—и едва не сказалъ:—Прощайте; между нами лежитъ тоже неодолимое, по вашему, препятствіе,—но не вы меня, а я васъ отталкиваю...' Замѣтьте это!..

Къ Косолаповымъ онъ относился насмѣшливо, не пропуская однако ни одного ихъ обѣда или бала;—и относился-то онъ такъ вовсе не потому, чтобы находилъ въ ихъ милліонахъ какое-нибудь противо-общественное значеніе,—до такихъ премудростей онъ не доходилъ, а еслибы дошелъ, то самъ бы не радъ былъ своей храбрости,—а просто потому, что графъ Х смѣется надъ мѣщанскимъ домомъ Косолаповыхъ и очень смѣшно разсказываетъ, какъ Прасковья Семеновна сидитъ въ золотой гостиной одна-одинехонька и щелкаетъ орѣхи.

— Зачѣмъ же вы тамъ бываете?—спросилъ Алексѣй, устранявшій безцеремонное «ты» въ сношеніяхъ съ Каширіновымъ.

— Странный вопросъ!—всѣ тамъ бываютъ.—Поваръ у нихъ безподобный... Ну, и весь этотъ декóрумъ...

— А я вамъ замѣчу, что вашъ графъ Х можетъ быть очень смѣшно разсказываетъ вещи самыя плоскія, но внѣшность Косолаповскаго дома не уступитъ никакой аристократической внѣшности, да можетъ быть еще и перещеголяетъ, потому что тутъ денегъ много; а внутренняя сторона жизни... не знаю, которая лучше,—вѣрнѣе, что обѣ хуже.

— О, что касается интимной ихъ жизни,—я съ вами спорить не буду... Каширіновъ взглянулъ на него лукаво.

Алексѣй подумалъ: «Вотъ еще этотъ дуракъ разчувствуется, да пуститъ слезетню»...

— Вы все еще пишете стихи?—процѣдилъ онъ съ такою умышленною небрежностью, что Каширіновъ даже немного обидѣлся.

— Эхъ, батенька,—кто съ молоду не грѣшилъ этимъ вздоромъ!—Моя поэзія теперь вся ушла въ канцелярію... Пора намъ трезвѣе смотрѣть на жизнь...

Когда Каширіновъ вспомнилъ о своемъ давнемъ обѣщаніи покровительствовать товарищу и предложилъ ввести его въ два-три знатныхъ дома, убѣждалъ даже пѣть на клиросѣ у графини

Digitized by Google

Z,—то Слободинъ ничего не отвѣтилъ, а сталъ при встрѣчѣ съ нимъ переходить на другую сторону улицы.

Какъ же было Слободину послѣ этого не радоваться знакомству съ Морицомъ, Рудковскимъ и ихъ пріятелями?

Да кромѣ того почти наканунѣ знакомства съ ними онъ перенесъ такую утрату, передъ которой человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ твердъ, чувствуетъ свое горькое безсиліе... Разница въ томъ, что слабая, дряблая натура носится съ своимъ личнымъ горемъ, холитъ его и не замѣчаетъ, что до него никому нѣтъ дѣла,—а сильный человѣкъ, опомнившись отъ удара, стучится во всѣ двери—и выходитъ въ ту, которая шире...

Алексѣй только-что бросилъ горсть земли въ могилу матери... Эта могила была вырыта рядомъ съ отцовской,—но какая страшная разница въ смыслѣ этихъ двухъ могилъ для бѣднаго Алексѣя!.. Въ одной зарытъ добрый человѣкъ, пострадавшій отъ собственнаго безсилія;—онъ никогда не могъ подняться до смѣлаго отрицанія тѣхъ условій жизни, въ которыхъ запутался, — и не имѣлъ настолько характера, чтобы стать хищникомъ, обратить эти условія въ свою личную пользу, безпощадно попирая неумѣстную стыдливость... Въ другой могилѣ схоронено существо, умѣвшее сберечь свою простую, добрую природу среди растлѣвающей среды, въ которой вырабатываются пошлыя, крикливыя и злыя тиранки-барыни... Существо глубоко-честное,—женщина неразвитая, неграмотная даже, но чутко понимавшая правду жизни, находившая всегда въ богатой душѣ своей сочувственный отзывъ всему угнетенному, страждущему. Эта свѣжая могила вызвала Алексѣя на глубокое раздумье о самомъ себѣ, потребовала строгой повѣрки — куда онъ зашелъ и куда ему идти слѣдуетъ...

Съ мѣсяцъ Алексѣй никуда не выходилъ изъ дома,—и первый выходъ его былъ къ Рудковскому.

VIII.

— Ахъ, маркграфиня! — извините, что я васъ такъ принимаю,—говорилъ Рудковскій, запахиваясь своимъ дырявымъ халатомъ и приглашая Наденьку садиться. — Ахъ, какъ вы похорошѣли!.. Но это еще ничего, — а какъ поумнѣли, Боже мой! — Какая на васъ шляпочка,—очарованіе!—И, парй держу, что это панъ подарилъ...

— Хоша бы и онъ, — вамъ что за дѣло?—лукаво отвѣчала

Digitized by Google

дѣвушка. — А вотъ это узнайте, что такими пустяками прельстить меня невозможно...

— Какіе это пустяки, помилуйте! — Бантики, цвѣточки, кружевца, — да эта штучка по малой мѣрѣ двадцать цѣлкачей стóитъ... а вы говорите—пустяки.

— Скажите Андрею Николаичу, что я все узнала доподлинно и настолько много его любила, что поперегъ дороги ему стать не желаю... вотъ и все! Прощайте, милый Григорій Васильичъ, позвольте васъ поцѣловать...

— Охотно, моя красавица, охотно... и понюхавъ съ особеннымъ аппетитомъ бобковаго, Рудковскій троекратно облобызалъ хорошенькое личико.

Наденька вдругъ заплакала.

— Какой вы хорошій, Григорій Васильичъ... Какой умный!— Ахъ, кабы я васъ давно послушалась!..

— А что, вѣрно слесарь-то за умъ схватился?.. Экая скотина! — А впрочемъ... знаете что? — Откройте-ка вы какое-нибудь швейное, или прачешное заведеніе,—это для васъ лучшее лекарство... А я денегъ дамъ; хоть у меня гроша нѣтъ, но достану;—вотъ этотъ халатъ заложу, а достану!..

И Рудковскій съ-горяча чуть не распахнулъ халатъ болѣе чѣмъ слѣдовало.

— Умный вы человѣкъ, только зачѣмъ все шутите со мной, съ бѣдной дѣвушкой?.. Я, глупая, не могу понять вашей политики... анъ выходитъ правда...

— Что̀ правда?

— А то, что я совсѣмъ погибла... Зло теперь во мнѣ кипитъ... и еслибъ Андрей Николаичъ тонулъ, то я... Наденька захлебнулась слезами.—Нѣтъ, пустяки,—я сама скорѣй бы утонула, только бы его спасти... и спасу, безпремѣнно спасу!..

Наденька, рыдая, упала лицомъ на диванъ...

Рудковскій глядѣлъ на нее, нюхалъ табакъ, а слезы, нежданныя слезы капали на его дырявый халатъ...

— Ну, теперь прощайте,—встрепенулась Наденька. Не говорите ему, что я тутъ разревѣлась, а такъ-молъ—даже оченно довольна... да что это?—вы никакъ сами плакали!..

Наденька повисла на его шеѣ...

— Голубчикъ, — шептала она,—приглядите за нимъ, чтобъ онъ и эту бѣдную барышню Слободину не обманулъ, какъ обманулъ меня, дуру простоволосую... Прощайте!

— Наденька! — Наденька! — закричалъ ей вслѣдъ Рудковскій.—Въ томъ-то и несчастье, что онъ тебя не обманулъ...

Digitized by Google

А въ это время на Васильевскомъ Острову въ маленькомъ деревянномъ домикѣ Андрюша сидѣлъ возлѣ хорошенькой дѣвушки, которой полное жизни личико казалось еще живѣе отъ чернаго шерстянаго платья, напоминавшаго недавнюю панихиду.

Слободинъ ходилъ тутъ же по комнатѣ и съ наслажденіемъ глядѣлъ на зарождавшуюся любовь этихъ дѣтей. Они еще не договорились до этого слова, но Алексѣй зналъ, что завтра, послѣзавтра, роковое слово будетъ сказано, — и онъ въ душѣ благословлялъ ихъ на ясную, не запретную, не воровскую любовь, которой ему не суждено было узнать...

— Елена Петровна, а вѣдь вы не знаете съ котораго дня началось наше знакомство...

«То-есть, съ котораго дня я полюбилъ тебя»,—подумалъ братъ.

— Вотъ ужъ скоро мѣсяцъ... сегодня ровно двадцать девятый день,—сосчитала сестра.

«Эге, и ты тоже?»—шевельнулось въ головѣ Алексѣя.

— Ошибаетесь, ужъ болѣе полугода... и Морицъ разсказалъ, какъ она танцовала въ Полюстровѣ.

— Ахъ, да, это было еще при жизни маменьки... грустно проговорила Алёнушка.—Теперь ужъ я такъ танцовать не буду... Однако, скажите, какая я замѣчательная фигура,—вотъ ужъ и не воображала!

— Знаешь что, замѣчательная фигура,—поди-ка ты приготовь намъ чай. Сегодня пятница, мы пойдемъ на вечеръ, а я, по мужицкой привычкѣ, не могу пить чай въ гостяхъ, дома все кажется вкуснѣе.—Вѣдь мы пойдемъ, Андрей Николаичъ?

— О да, непремѣнно!—Панъ обѣщалъ намъ сегодня прочесть лекцію о политической экономіи. Положимъ, это не особенно ново и интересно, но вы замѣтили его оригинальную манеру— въ очень серьёзное разсужденіе онъ вдругъ неожиданно вклеитъ ходячій вчерашній анекдотъ; научную мысль изобразитъ въ лицахъ всѣмъ знакомыхъ, или крупному общественному факту подставитъ самое юмористическое объясненіе...

— Популяризаторъ! — Это особый талантъ; въ извѣстныя эпохи онъ имѣетъ большую цѣну... Вотъ я не гожусь на это; по мнѣ гораздо завиднѣе доля скромнаго кабинетнаго работника. Это зависитъ отъ склада ума, а больше отъ темперамента. Скажу откровенно, мнѣ антипатична всякая трескучая общественная дѣятельность... и будь я теперь въ Парижѣ, непремѣнно удралъ бы куда-нибудь въ самый тихій уголокъ...

— Да гдѣ онъ теперь, этотъ тихій уголокъ? Страшная ломка вездѣ... Даже вонъ нѣмцы проснулись...

Digitized by Google

— Ну, значитъ, нашему брату теперь и дѣлать нечего... усмѣхнулся Слободинъ.

Да вѣдь общему дѣлу можно служить всѣмъ, чѣмъ кто можетъ,—горячо возразилъ Морицъ: — стихотвореніемъ, романомъ, ученымъ трактатомъ, даже картиной, даже музыкальной пьесой... Надо только проникнуться разумной идеей общаго движенія впередъ, а главное — любовью къ страждущимъ братьямъ, потому что въ любви тайна всеобщаго возрожденія,—тогда чтобы вы ни дѣлали, все пойдетъ въ прокъ... Мы давно уже поняли это и потому намъ смѣшны всякіе цеховые разряды дѣятелей, всѣ клички, формы, мундиры, — застрѣльщики всегда идутъ въ разсыпную.

Слободинъ посмотрѣлъ на юнаго офицера во всѣ глаза; его задорная горячность и особенно это дѣтски-хвастливое «мы»— немного покоробило Алексѣя; пройдясь по комнатѣ, онъ остановился передъ Морицомъ и съ доброю улыбкой положилъ руки ему на плечи:

— Ахъ, Андрей Николаевичъ,—какой вы славный юноша!.. Дайте, я васъ братски поцѣлую... А скажите, много этихъ *васъ?*... Извините пожалуйста за нескромный вопросъ, — подтрунилъ Алексѣй.

— Да вы что думаете? — Можетъ быть я не такъ выразился... Ха-ха!—въ самомъ дѣлѣ, это смѣшно!... Иной разъ я говорю точно полководецъ какой... ха-ха! Разумѣется, подъ словомъ «мы» я разумѣю все наше поколѣніе вообще...

Алексѣю припомнились — Каширинова, Саша Косолапова, князекъ Хвалынцевъ и иные,—всѣ эти благонравные носители свѣжихъ перчатокъ и элегантные пѣвчіе на клиросѣ у графини Z.

— При васъ ничего—продолжалъ покраснѣвшій Андрюша,— а вотъ досадно, что иногда чортъ знаетъ при комъ брякнешь... Ужъ Григорій Васильичъ меня иногда такъ распекаетъ!

— И по дѣломъ!—Зачѣмъ ребячиться?

— Что-жъ дѣлать? — натура такая... чистокровный сангвиникъ. А впрочемъ, что-жъ?—Я не боюсь,—могу смѣло сказать; далъ подписку не принадлежать къ тайнымъ обществамъ, и свято держу ее... Да вѣдь оно мнѣ ничего и не стоитъ, потому что я глубоко убѣжденъ, что тайныя общества нелѣпы и вредны. Вѣдь и вы также думаете?

— О, разумѣется!—Честное дѣло не боится свѣта.

— Ну, вотъ именно, это мое убѣжденіе! — обрадовался Морицъ.

— Только и честному человѣку надо быть осторожнымъ.

Digitized by Google

Вѣдь не всякій васъ пойметъ, — иной по глупости, а иной совсѣмъ ужъ не по глупости.

Алёнушка стояла у двери, изподлобья поглядывая на экспансивнаго юношу; каждое слово ихъ разговора она какъ будто прятала въ самый глубокій уголокъ своего сердца; — она, какъ воспитанница брата, думала его головой, и въ эту минуту отъ всего сердца поцѣловала бы... разумѣется, не его, а Морица...

Она его уже любила...

IX.

У Дмитрія Сергѣича народа было много; накурено до сизыхъ облаковъ. Гости сновали по тремъ большимъ комнатамъ, отдѣльными группами, когда вошли Слободинъ и Морицъ.

Хозяинъ встрѣтилъ ихъ радушно, особенно Слободина, явившагося къ нему въ первый разъ. Онъ усадилъ его на диванъ и предложилъ чаю.

— А вотъ сейчасъ я угощу васъ кое-чѣмъ другимъ.—Сегодня господинъ Горжельскій обѣщалъ намъ побесѣдовать кое-о-чемъ. Оно можетъ быть многимъ скучно покажется, такъ я говорю... да что-жъ дѣлать-то?—вѣдь не въ карты же играть! — Извините, я сію минуту... и онъ юркнулъ къ другимъ гостямъ.

Оглядѣвшись кругомъ, Слободинъ увидѣлъ Рудковскаго, Купянцова, Горжельскаго; остальныя лица были все незнакомые.

— Это кто?—спросилъ Алексѣй Морица, кивнувъ на кого-то.

— Не знаю.

— А вотъ этотъ?

— Тоже не знаю?—Дмитрій Сергѣичъ чудакъ, не заботится о томъ, чтобы перезнакомить.—Есть личности, которыхъ нельзя не знать;—вотъ это авторъ статей о пролетаріатѣ; а вонъ тотъ—мой другъ, симпатичный поэтъ; вы вѣрно знаете его:

Въ кумирахъ мнѣ бога не видѣть,
Предъ ними главы не склонить;
Мнѣ все суждено ненавидѣть,
Что рабски привыкла ты чтить...

Остальныхъ не знаю. — Еще если иной скажетъ два-три умныхъ слова, ну и поинтересуешься узнать кто такой; а вонъ эти, что по угламъ сидятъ—молчальники,—кто ихъ знаетъ,—я думаю, самъ хозяинъ путается въ ихъ фамиліяхъ... а увѣряетъ, что все это его близкіе пріятели, или, по крайней мѣрѣ, хорошіе люди.—Ужасный чудакъ!

Digitized by Google

Горжельскій, сидя у стола, досасывалъ сигару; его обступили съ вопросами, о чемъ именно онъ намѣренъ говорить.

— Да я хотѣлъ бы поговорить о политической экономіи.

Такой неопредѣленный, уклончивый отвѣтъ его возбудилъ даже нѣкоторое неудовольствіе; слышались возгласы: «Это къ чему?—стóитъ ли заниматься мертвечиной!—A bas! — Не нужно! За кого онъ насъ считаетъ?...»

Хозяинъ шепнулъ ему,—и Горжельскій, откашлявшись, началъ вступительное слово, какъ водится, прося извиненія, что не приготовился. Шумъ не унимался, словъ Горжельскаго не было слышно. Шиканье нѣкоторыхъ не имѣло никакого успѣха.

Чтобы ободрить сконфуженнаго лектора, хозяинъ началъ шутить надъ нашей славянской горластой неурядицей, и смѣясь сказалъ:

— А что, если мы учредимъ нѣкоторый порядокъ? Я скажу такъ. Пусть кто-нибудь будетъ предсѣдателемъ и возьметъ колокольчикъ.

— Мысль недурная, — замѣтилъ Рудковскій, — только это смѣшно будетъ.

— Дѣйствительно смѣшно... ха-ха!—а чтобъ было еще смѣшнѣе, выберемъ въ предсѣдатели вонъ этого старичка, — черезъ пять минутъ онъ заснетъ—и мы позвонимъ, чтобъ призвать его къ порядку, т.-е. разбудить... ха-ха-ха!...

Всѣ окружающіе расхохотались.

Сѣдой старичокъ, очень важной наружности, не замѣтилъ смѣха и не понялъ шутки,—черезъ пять минутъ онъ очень степенно сѣлъ къ столу и произвелъ внушительный звонъ. Это вступленіе настроило всѣхъ на веселый шутливый тонъ, однако тишина водворилась.

Милѣйшій панъ скоро овладѣлъ вниманіемъ слушателей. Онъ не сказалъ ничего новаго для тѣхъ, кто знакомъ съ наукой, но всѣхъ поразило то, что каждое его положеніе было полнѣйшимъ отрицаніемъ того предмета, о которомъ говорилъ, — послѣднимъ его словомъ было — ассоціація, какъ та искомая формула, въ которой разрѣшатся современемъ всѣ теперь неразрѣшимыя противорѣчія... При этомъ его юмористическія выходки возбуждали смѣхъ и одобреніе. — Каждое «браво» какъ будто пришпоривало оратора, юморъ его разыгрывался до фарса, до школьничества, — и онъ всталъ покрытый общими рукоплесканіями.

Старичокъ тоже всталъ съ приличною важностью и потиралъ руки, какъ будто сдѣлалъ ужасно трудное дѣло.

Digitized by Google

— Ай да панъ—молодецъ! даже въ утопіяхъ не утонулъ,— сьострилъ Рудковскій!

— Ну вотъ видите ли—и вечеръ прошелъ весело, да и не совсѣмъ безполезно... Такъ я говорю... повторялъ хозяинъ.

Ужинъ былъ отличный; каждый, запасшись провизіей и стаканомъ вина, помѣстился какъ попало, на всѣхъ столахъ; кому не достало стола, тотъ устроился на собственныхъ колѣняхъ.

Во всѣхъ кружкахъ разговоры шли оживленные; уже не было помина объ абстрактныхъ научныхъ истинахъ, трактовались предметы «конкретные», близкіе къ жизни и положенію каждаго.

Горжельскій ушелъ въ уголокъ съ Морицомъ. Усталый, но счастливый панъ ѣлъ за четверыхъ, а Андрюша отказался отъ ужина и объяснялъ собесѣднику что-то очень важно и тихо, будто исповѣдывался. Въ заключеніе они крѣпко пожали другъ другу руки, и Мориць отошелъ къ тому столику, гдѣ сидѣли Слободинъ, Рудковскій и еще человѣка три.

Алексѣй былъ въ необыкновенно-говорливомъ расположеніи; онъ заинтересовалъ всѣхъ окружающихъ разсказами о жизни крестьянъ въ приволжскихъ мѣстахъ, припоминалъ эпизоды изъ своихъ путешествій «на долгихъ»; тутъ онъ чувствовалъ себя дома, и обнаружилъ близкое знакомство съ такими сторонами русской жизни, о которыхъ и не снилось людямъ, проведшимъ свое дѣтство въ районѣ разныхъ Мѣщанскихъ, Подъяческихъ, и совершавшимъ путешествія не дальше Малаго Парголова въ одну сторону и Павловска въ другую. Какъ-то незамѣтно бесѣда соскочила на довольно скользкую въ то время дорожку: кто-то завелъ рѣчь—какіе вопросы должны стоять на ближайшей очереди для развитія силъ русскаго народа, его богатства и благосостоянія?

Подобная матерія теперь невозбранно трактуется чуть-ли не всякимъ канцелярскимъ служителемъ, получающимъ 25 руб. въ мѣсяцъ жалованья. Тогда было не такъ... Одни грудью стояли за гласное судопроизводство; другіе видѣли все спасеніе въ свободѣ печатнаго слова; третьи провозглашали выборное начало... и т. д. Среди горячей сшибки разныхъ предположеній Слободинъ тихо и медленно сказалъ:

— Освобожденіе крестьянъ несомнѣнно будетъ первымъ шагомъ въ нашей великой будущности...

Эти слова, сказанныя спокойнымъ тономъ давно уже воспринятаго и отстоявшагося убѣжденія, сильно подѣйствовали на разгоряченныхъ спорщиковъ, примирили всѣ мнѣнія. Но, по-

Digitized by Google

коряясь силѣ импульса, молодежь, какъ разбѣжавшаяся лихая тройка, не могла уже остановиться,—вопросы скрещивались, не ожидая отвѣтовъ,—только и слышалось:—Какъ?—Когда?—Какимъ образомъ?

Слободинъ опять тихо и спокойно, царапая вилкой по тарелкѣ, съ полу-печальною, полу-ироническою улыбкою, промолвилъ:

— Успокоимся, господа, на томъ, что это будетъ... всего вѣроятнѣе, что мы съ вами не увидимъ... бѣда не велика!

Задорные вопросы его осаждали; Слободинъ чувствовалъ, что сказать ему больше нечего, но дѣло шло уже не о томъ, чтобы сказать дѣльное, вѣское слово, — а приходилось осаживать чужія самолюбія, чтобы отстоять неприкосновенность своего;—суть дѣла исчезала, на губахъ кипѣла одна азартная игра смѣлой діалектики.

Въ этотъ моментъ Слободинъ замѣтилъ прямо предъ собою двухъ человѣкъ, какъ будто изучавшихъ не только каждое его слово, но каждый взглядъ, каждую пуговицу его сюртука.

Одинъ былъ молодъ; на лицѣ его выражалась низменная застѣнчивость канцеляриста, таскающаго изподтишка пока только одну казенную бумагу;—другой пожилой и какъ будто запаленный излишнею бѣготнею, съ мигающими глазами и ястребиною готовностью клюнуть всякую добычу.

Эти двѣ едва замѣтныя, молчаливыя фигуры страннымъ образомъ поразили Слободина. — Онъ пошелъ отыскивать свою шапку.

Выйдя на улицу вмѣстѣ съ Рудковскимъ и его двумя сожителями, Алексѣй вызвался проводить ихъ до дома.

— Э, красавецъ мой, вамъ не по дорогѣ!—Лучше мы васъ проводимъ.

— А развѣ вамъ болѣе по дорогѣ, чѣмъ мнѣ?—Не все ли равно!—Я охотно пройду теперь верстъ пятокъ; мнѣ необходимо движеніе.

— Это другое дѣло.—Я все пѣхтурой, — не люблю ѣздить на извозчикахъ; во-первыхъ, трепещу за исправность ихъ колесницъ: того гляди, шею сломаютъ; а во-вторыхъ, скучно,—везутъ тебя точно кладь какую. Отъ скуки я всегда вступаю съ извозчиками въ собесѣдованія; — забавные попадаются.

— Больно ужъ однообразны,—замѣтилъ Купянцовъ;—молодой парень непремѣнно разскажетъ, какъ онъ возилъ купчиху, или чаще генеральшу — точно сказку Боккачіо слушаешь, переложенную на петербургскіе нравы.... А старикъ все ряхтитъ да

Digitized by Google

жалуется на плохое житье и на шаромыжниковъ — «возишь-возишь его, а онъ, гляди, шмыгнетъ въ домъ съ двумя воротами —и про-оцалъ пятиалтынный»...

Слободинъ слушалъ разсѣянно, онъ хотѣлъ заговорить съ Рудковскимъ совсѣмъ о другомъ и искалъ слова.

— Вы давно знакомы съ Дмитріемъ Сергѣичемъ?

— Да... а что?

— Ничего.—Онъ хорошій человѣкъ.

— Я его уважаю—вмѣшался Морицъ. — Онъ даже не человѣкъ, а олицетворенное... ну, какъ бы это сказать?—самопожертвованіе... вѣчно хлопочетъ, — только не о себѣ. При большомъ состояніи живетъ какъ попало, все у него идетъ зря, точно онъ на станціи...

— И приглашаетъ къ себѣ тоже зря?

Отвѣта не послѣдовало. Пройдя нѣсколько кварталовъ, Рудковскій заговорилъ.

— Я назвалъ бы помѣшаннымъ того человѣка, который не отдаетъ себѣ отчета въ своихъ поступкахъ... Можетъ быть, Дмитрій Сергѣичъ заблуждается, но заблужденіе его совершенно логично; онъ стоитъ на почвѣ легальности — замѣтьте — формальной легальности... Мнѣ извѣстны нѣкоторые факты изъ его жизни;— все это, коли хотите, странно, эксцентрично, а придраться не къ чему... Приглашаетъ онъ къ себѣ дѣйствительно зря, да какое же намъ-то дѣло? Тутъ ничего нѣтъ общаго; всякій отвѣчаетъ самъ за себя—и виноватъ ли я въ томъ, что мой гость доврется до чортиковъ? Конечно, онъ можетъ подвергнуться нѣкоторымъ непріятностямъ...

— Ага,—вы сказали!

Рудковскій опять умолкъ.—Пройдя еще кварталъ, онъ началъ нерѣшительно:

— Читали вы процессъ de la rue Menilmontant.

— Читалъ. Ну, такъ что же?

— Дѣло ихъ — чистѣйшая идиллія, экзальтація во вкусѣ Морица,—извини, мой дружокъ,—процессъ вышелъ важнѣе самого дѣла... И представьте себѣ, у Дмитрія Сергѣича въ головѣ гвоздемъ засѣла идея этого процесса...

— Я васъ понимаю... Но развѣ мы живемъ въ тѣхъ же условіяхъ?

— Тутъ ужъ начинается ошибка, пожалуй помѣшательство... но развѣ можно его не уважать?—Ужели въ самомъ дѣлѣ честный человѣкъ до того долженъ беречь собственную шкуру, что

Digitized by Google

не смѣй и выказать своихъ симпатій? — Вѣдь это сводится на деморализацію...

Рудковскій долго говорилъ въ этомъ направленіи; — Алексѣю стало неловко за свою осторожность.

— А на счетъ гостей его, я самъ затрудняюсь, что̀ сказать вамъ... Конечно, все можетъ быть...

— Не знаете вы кто это?—и Алексѣй описалъ наружность двухъ поразившихъ его физіономій.

— Молоденькій—это дрянцо; заискиваетъ общее благоволеніе, приглашалъ даже къ себѣ... квартируетъ онъ съ однимъ отличнымъ человѣкомъ, несмотря на то, никто къ нему не пошелъ,—ужъ больно малый-то плохъ!.. Забылъ его фамилію, — какая-то итальянская.—А другого совсѣмъ не знаю.—Нѣтъ, вотъ со мной была исторія: привязался ко мнѣ какой-то фокусникъ, какъ банный листъ...

Рудковскій разсказалъ объ извѣстномъ намъ фокусникѣ.

— Теперь слава Богу, отсталъ... давно его не вижу.

Слободинъ расхохотался.

— А знаете, Григорій Васильичъ, всякій фокусникъ можетъ дѣлать только фокусы, не превышающіе его ловкости; чуть дѣло коснется высшей «бѣлой магіи» — онъ уступаетъ честь и мѣсто другому, болѣе ловкому профессору...

Рудковскій въ свою очередь расхохотался.

— Ну, прощайте, Григорій Васильичъ,—вотъ и домъ вашъ.

— Зайдите къ намъ ночевать. — Шутка вамъ тащиться на Васильевскій Островъ?

— Не могу-съ; — у меня тамъ сокровище... она встревожится,—моя Алёнушка встревожится.—А вѣдь правда, Морицъ,—сокровище?

— Поцѣлуйте ея сонную головку.

— По вашему порученію?

— Да, коли хотите,—пускай, по моему...

Слободинъ горячо обнялъ пріятелей и пошелъ своей дорогой.

X.

Слободинъ много думалъ о вечерѣ, на который попалъ невзначай; онъ припомнилъ, что вездѣ, гдѣ случалось ему бывать, если встрѣтятся два-три развитыхъ человѣка, разговоръ непремѣнно принималъ то же направленіе,—онъ старался уяснить себѣ смыслъ этого знаменательнаго явленія, но сразу ставши къ нему

Digitized by Google

слишкомъ близко, не могъ ничего распознать, и самъ находился подъ вліяніемъ какой-то роковой силы, которая неотразимо тянула его въ этотъ водоворотъ.

Дѣятельная работа общественнаго сознанія, начавшаяся гораздо раньше, вслѣдствіе историческихъ условій, не могла развиваться свободно и правильно, а потому пріобрѣла неестественную напряженность, ушла въ меньшинство и вмѣстѣ съ нимъ погибла. Преемственность развитія была нарушена, образовался перерывъ, въ темнотѣ котораго люди бродили ощупью, стараясь опознаться гдѣ они, въ какихъ мѣстахъ, и что такое они сами... Начались робкія, неумѣлыя попытки опредѣлить свое *я*, поставленное на метафизическія подмостки мудреной нѣмецкой работы... Всѣ схватились за Гегеля и комментировали его по-своему. Это направленіе привело насъ къ замѣчательнымъ тонкостямъ психологическаго анализа и къ разъѣдающей рефлексіи, парализовавшей каждый смѣлый шагъ въ сторону отъ торной дороги.

Среди повсюдной тишины едва слышались воркованья бездѣльнаго эпикуреизма и одинокія, подавленныя жалобы личныхъ страданій...

Въ этой ночи народилось и выросло поколѣніе людей, на долю которыхъ выпало много тяжелыхъ дней и горькихъ упрековъ. Они еще дѣтьми зорко присматривались къ торжествовавшей кругомъ ихъ безсознательности и, ставъ юношами, увидѣли, что на родной почвѣ имъ дѣлать нечего. Отсюда начинается блѣдный, худосочный типъ «лишнихъ людей» въ одну сторону, и тоже ненормальныхъ проповѣдниковъ далекаго идеала въ другую... Разумѣется, всѣ они прошли искусъ идеалистической философіи,—и въ ту минуту, когда съ Гегелемъ въ рукахъ добивались отвѣтовъ «на проклятые вопросы»,—до ихъ слуха долетали другія рѣчи. Въ нихъ не было холода абстрактныхъ умозрѣній, а кипѣла ключомъ живая человѣческая кровь и слышался тяжелый вопросъ труженика: «Насколько же обокралъ меня лавочникъ одинъ разъ при разсчетѣ за мою работу, и въ другой, когда я на этотъ заработанный грошъ купилъ у него фунтъ хлѣба по установленной таксѣ?»

Этого было довольно.

Вся сила молодыхъ умовъ ушла туда, на усвоеніе этого вновь открывшагося передъ ними міра, — міра насущныхъ вопросовъ, энергическихъ протестовъ, растравленныхъ ранъ настоящаго горя и обольстительныхъ построеній всеобщаго будущаго счастія человѣчества... Загорѣлась страстная отвага мысли... А газеты изъ

Digitized by Google

Парижа, начиная съ 24-го февраля, приносили какое-то нервическое раздраженіе... Онѣ читались на расхватъ во всѣхъ петербургскихъ кофейняхъ; доходило часто до того, что кто-нибудь одинъ овладѣвалъ листкомъ, становился на столъ, окруженный толпою, и во всеуслышаніе читалъ декреты временнаго правительства и рѣчи Луи Блана въ Люксембургскомъ дворцѣ... Домашніе газетчики тоже, кажется, дали слово поддерживать недоразумѣніе: вмѣсто простой передачи фактовъ, они—думая, что такъ и надобно дѣйствовать — издѣвались и глумились не только надъ событіями, но даже надъ именами, называя, напримѣръ, Барбеса—балбесомъ...

Теперь, оглядываясь на это далекое прошлое, позволительно спросить — нормальна ли была тогдашняя атмосфера, нормально ли было состояніе молодыхъ головъ и могло ли быть нормально сужденіе объ ихъ заблужденіяхъ?

Четверть столѣтія, двадцать пять лѣтъ—и еще какихъ лѣтъ! отдѣляютъ насъ отъ описываемой эпохи;—перспектива довольно почтенная для того, чтобы современный зритель могъ спокойно разобрать спутанныя линіи одного какого-нибудь частнаго факта,—распознать слои налѣпленныхъ на немъ красокъ, опредѣлить настоящіе его размѣры и найти настоящую точку зрѣнія.

Но для полной картины хотя бы одного момента изъ жизни цѣлаго общества двадцатипятилѣтняя давность, конечно, никѣмъ не признается достаточною.

Чувствуемъ настоятельную необходимость оговориться.

Мы предлагаемъ читателю отнюдь не подлинные, тщательно записанные мемуары о маленькихъ происшествіяхъ и небольшихъ, но дѣйствительно когда-то жившихъ людяхъ. Этой претензіи мы и не могли имѣть по многимъ уважительнымъ причинамъ, наконецъ, просто по чувству приличія. Нашъ разсказъ, вымышленный, несвязанный никакими условіями, кромѣ условій, такъ сказать, обще-литературныхъ,—вѣрнѣе всего могъ бы быть названъ прихотливо набросанными иллюстраціями къ серьёзному тексту, котораго еще нѣтъ и который намъ не по силамъ, да, пожалуй, и не современенъ...

Читатель проститъ намъ эти весьма существенныя для насъ объясненія. Люди могутъ понимать другъ друга лишь тогда, когда знаютъ о чемъ говорятъ.

Обратимся къ нашему разсказу.

Слободинъ чаще посѣщалъ Рудковскаго, чѣмъ Дмитрія Сергѣича. Тутъ онъ сознавалъ себя свободнѣе, проще; атмосфера

Digitized by Google

вокругъ него была теплѣе; онъ любилъ этихъ людей—какъ людей, а не какъ представителей извѣстныхъ мнѣній, почерпнутыхъ изъ «очень умныхъ книжекъ»; онъ чувствовалъ горячій пульсъ ихъ индивидуальной жизни, а отношенія его къ Морицу съ каждымъ днемъ становились откровеннѣе, очищались отъ ненужныхъ и спутывающихъ привычекъ житейскаго формализма... И въ одинъ прекрасный день Андрюша и Алёнушка вмѣстѣ вошли въ комнату брата и стали передъ нимъ молча, счастливые, озаренные какою-то самоувѣренной и вызывающей улыбкой...

— Ну!—Морицъ тронулъ локтемъ Алёнушку.

— Ну!.. разсмѣялась она, бросивъ шаловливый взглядъ на своего милаго.

— Такъ и я скажу: ну! — поддразнилъ Алексѣй.—Значитъ, законнымъ бракомъ... съ чѣмъ и имѣю честь васъ поздравить! Это ваше дѣло,—а коли пришли ко мнѣ, то я прямо скажу: дѣла вашего одобрить не могу.

— Это почему?—испугались оба.

— А потому, что вы ребятишки...

— Прошу васъ, Алексѣй Петровичъ, не дурачиться!—обиженно сказала Алёнушка.—Мы очень хорошо все обдумали, столковались—и знаемъ, что̀ дѣлаемъ, куда идемъ...

— Это любопытно,—подѣлитесь пожалуйста!

— Мы открываемъ школу.

— Я выхожу въ отставку;—и принимаемся за работу вмѣстѣ. Да еще литература мнѣ дастъ.

— Отлично, отлично! — А если черезъ годъ вы ее разлюбите? то-есть, не литературу, а вотъ эту дѣвицу...

— А если я, вы, она—кто-нибудь изъ насъ умретъ?—горячо возразилъ Морицъ.—Жизнь и смерть организма, также какъ и чувства, обусловливаются однимъ питаніемъ.

— А питаніе у насъ, не бойтесь, будетъ хорошее... увлеклась Алёнушка, и сама не зная почему, покраснѣла до бѣлковъ глазъ. — Я хочу сказать здоровое, разумное...

— И превосходно!—завершилъ Алексѣй.—Чего же вы отъ меня хотите?—Требуйте, я бобыль—и весь вашъ.

— Ничего не требуемъ. Мы пришли подѣлиться съ тобой нашимъ счастьемъ, а ты какъ будто недоволенъ... Ваше ученое благородіе! благоволите сойти съ каѳедры и удостойте поцѣловать простыхъ, глупыхъ, но счастливыхъ людей...

Надо было видѣть съ какою плутовскою миной проговорила Алёнушка эту тираду!..

Къ обѣду пришли Рудковскій и Купянцовъ. Разговоръ, ра-

Digitized by Google

зумѣется, сосредоточился на устройствѣ жизни молодого супружества. Братъ настаивалъ на томъ, чтобы предоставить имъ полнѣйшую свободу:

— Пусть покажутъ себя съ самаго начала самостоятельными людьми. Наше вмѣшательство и помощь будутъ положительно имъ вредны;—конечно, никто изъ насъ не станетъ подставлять ножку — это ужъ другое дѣло; а чужими руками жаръ загребать—пусть не пріучаются.

Рудковскій искренно радовался счастью молодого товарища, выражался по обыкновенію шутливо, но въ шуткѣ его сквозила какая-то жилка недовѣрія и, пожалуй, даже насмѣшки...

— Вы, Елена Петровна, наканунѣ свадьбы пожалуйста примите самыя благонадежныя мѣры,—квартиру, напримѣръ, наймите въ 6-мъ этажѣ, ключи отъ всѣхъ выходовъ припрячьте, а я вамъ тоже посодѣйствую — отберу отъ жениха не только шляпу, сапоги даже сниму, — а то вѣдь нашъ герой, пожалуй, разыграетъ роль Подколесина—шмыгнетъ такъ, что его потомъ и съ гончими не отыщешь!..

— Этого я меньше всего боюсь, пускай бѣжитъ!—Куда бы ни убѣжалъ, непремѣнно ко мнѣ воротится... Опасность съ другой стороны—вотъ если я изъ дому сбѣгу, такъ ужъ прощай! и слѣдъ замету...

Говоря это, Алёнушка крѣпко сжимала руку своего жениха: дескать, «не бойся!» а въ то же время сѣренькіе глазки лукаво смотрѣли въ его глаза и вся она смѣялась, будто предсказывая, что въ одинъ прекрасный день это можетъ случиться—и я молъ буду смѣяться вотъ какъ теперь смѣюсь, а ты, милый мой, заплачешь...

Въ ней проглядывалъ тотъ чертенокъ, который сидитъ въ каждой энергической женщинѣ.

Братъ восхищался дѣтскими дурачествами влюбленной четы; въ нихъ онъ старался утопить, забыть всѣ печали о своихъ личныхъ дѣлахъ.

Дѣла его въ это время оказались такъ безпорядочно разбросанными, что онъ не могъ сообразить, за какой узелокъ слѣдуетъ прежде всего схватиться: нужно было писать диссертацію на магистра, необходимо было покончить сношенія съ дѣдушкинымъ эмиссаромъ Ѳедосѣевымъ, — они начинали уже тяготить его,— Алексѣй чувствовалъ, что переступаетъ черту, за которой дѣдушкина субсидія становится дармоѣдствомъ, а тутъ еще мучительныя отношенія къ Агатѣ, совершенно однородныя съ отношеніями пьяницы къ кабаку, — все это разъѣдало внутренній міръ бѣднаго Слободина...

Digitized by Google

Къ Косолаповымъ однакожъ онъ являлся рѣже, — и являлся всегда недовольнымъ, раздражительнымъ, грубымъ. Агата тоже становилась зла, неуступчива; не разъ онъ былъ свидѣтелемъ безпричинныхъ слезъ, нервическихъ припадковъ... Кромѣ сознанной уже розни ихъ моральнаго развитія и соціальнаго положенія,— они боялись даже самимъ себѣ сознаться, что страдаютъ, какъ и всѣ люди, въ которыхъ течетъ не рыбья кровь. Съ каждымъ днемъ сильнѣе чувствовалась неизбѣжность катастрофы. И вотъ, однажды Агата придралась къ ничтожнѣйшему пустяку, вспылила, какъ настоящая тигрица, и выгнала друга изъ своего будуара.

Онъ какъ-то безумно обрадовался этой нелѣпой развязкѣ; нѣсколько дней ходилъ въ лихорадочномъ состояніи... Безъ всякой надобности посѣтилъ такихъ знакомыхъ, съ которыми по годамъ не встрѣчался; обѣдалъ у Рудковскаго и принесъ туда съ собою двѣ бутылки шампанскаго, чтобы залить знаменитые битки деньщика Ивана; вечеромъ у Дмитрія Сергѣича озадачилъ всѣхъ необыкновеннымъ задоромъ; а послѣ вечера, отославъ Морица домой спать, — отправился съ Рудковскимъ и Купянцевымъ докончить день самымъ глупымъ образомъ...

На утро онъ едва припоминалъ гдѣ былъ вчера,—что говорилъ, что дѣлалъ...

Непривычное напряженіе силъ разрѣшилось очень счастливо— только двухнедѣльною болѣзнью. Здоровый, выносливый организмъ взялъ свое, а нѣжная, умная заботливость Алёнушки и Морица обратили возстановленныя силы брата на обычную дѣятельность; онъ исподоволь входилъ въ кругъ своихъ кабинетныхъ занятій и маленькихъ интересовъ обыденной жизни.

Былъ великій постъ; Морицъ хлопоталъ объ отставкѣ и переписывался съ родными о полученіи небольшой суммы денегъ для устройства школы и при ней теплаго гнѣзда для своей птички Алёнушки. Свадьба казалась имъ самымъ послѣднимъ, неважнымъ дѣломъ.

— Что тутъ готовиться? — Когда все главное будетъ готово, тогда сходимъ въ церковь и перевѣнчаемся,—повторялъ Морицъ.

Алёнушка съ нимъ соглашалась, но выказывала гораздо болѣе практическаго смысла по части постановки ихъ главнаго дѣла.— Оказалось, что ни женихъ, ни она не могли получить разрѣшенія на открытіе школы; необходимо было въ этомъ случаѣ подставить Алексѣя, который не только согласился быть номинальнымъ учредителемъ школы, но даже принялъ дѣятельное участіе въ обсужденіи плана педагогической части. Среди этихъ мирныхъ и серьезныхъ занятій, Слободину показалось, что онъ со-

Digitized by Google

вершенно излечился отъ сумасшедшей страсти; и дѣйствительно, на Святой недѣлѣ съ самымъ оффиціальнымъ расположеніемъ духа явился съ визитомъ къ Косолаповымъ; сердце его билось ровно; его не пугала мысль о встрѣчѣ съ Агатой, онъ желалъ этой встрѣчи и былъ увѣренъ, что выдержитъ ее блистательно. И можно поручиться, что человѣкъ сей явилъ бы примѣръ самаго трезваго (какъ тогда говорили) самообладанія; — но случилось совсѣмъ не то, къ чему онъ приготовился: онъ вовсе не встрѣтилъ Агаты,—она не выходила изъ своихъ комнатъ и даже не сказалась больною, а просто не обратила никакого вниманія, когда ей плутоватая горничная доложила, что въ гостиной Алексѣй Петровичъ.

Кое-какъ скомкавъ банальный разговоръ съ Прасковьей Семеновной, Слободинъ поспѣшилъ выдти. Ему какъ-то стыдно стало за свои приготовленія,—назвавъ себя школьникомъ, котораго еще слѣдуетъ драть за уши, онъ хотѣлъ смѣяться, но смѣхъ вышелъ совсѣмъ неудаченъ, — въ душѣ кипѣла досада, злоба.—«Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!»—твердилъ онъ, а придя въ свою комнату, готовъ былъ заплакать.

Въ субботу на Святой онъ получилъ по городской почтѣ письмо; прочтя его, Алексѣй съ полчаса не выходилъ изъ своего кабинета.

— Братъ, иди завтракать,—постучалась къ нему Алёнушка.

Онъ вышелъ необыкновенно веселый, шутливый. Морицъ ему замѣтилъ:

— Ты сегодня, братъ, счастливъ точно статскій совѣтникъ, произведенный въ дѣйствительные...

— То-есть, глупъ, какъ... ты хочешь сказать? — Это уже давно сказано Рудковскимъ.

— Этого не знаю; а только рѣзвости въ тебѣ что-то много.

— Ну да, я хочу дурачиться и приглашаю васъ завтра въ маскарадъ, въ дворянское собраніе.

— Вотъ фантазія!.. началъ-было Морицъ, но Алёнушка зажала ему ротъ и вскрикнула:

— Браво!—браво!—я съ роду не была въ маскарадѣ,—ахъ, какъ это будетъ весело!—Она даже захлопала въ ладоши.

— Чортъ знаетъ что выдумали!—брюжжалъ Морицъ.—И что тебя туда тянетъ?

— Разумѣется, тянетъ; — хоть я и *дѣйствительный*, а все-таки не считаю васъ за такихъ дураковъ, которыхъ можно увѣрить, что въ маскарадъ я ѣду для спасенія души — ха-ха-ха! Напротивъ-съ, имѣю положительныя цѣли быть тамъ... Да что

Digitized by Google

тебѣ говорить!—Сытый голоднаго не поймет... Ѣдемъ, и кончено. Я васъ угощу ужиномъ, шампанскимъ. А ты, женщина,—сваргань на скорую руку домино, купи маску и завтра же, для перваго дебюта, одурачь своего возлюбленнаго, чтобъ человѣкъ не зазнавался.

Алёнушка кинулась на шею брату и разглаживая его вихры, приговаривала пѣвучимъ и вкрадчивымъ голоскомъ:

— Миленькій братишка, славненькій братишка! — скажи, очень она тебя любитъ? или вы съ ней въ куклы играете, глупенькій ты мой профессоръ?..

— Въ куклы! ха-ха!.. Знаешь, есть дѣти, которыя играютъ-играютъ въ куклы, да вдругъ глядишь и оторвутъ голову самой хорошенькой куколкѣ... У тебя была эта замашка.

— Жалко мнѣ тебя, бѣ-ѣдненькій!.. вытянувъ губки, продолжала пѣть Алёнушка.—Жалко, если она, негодная, свернетъ эту разумную головушку...

— Алёнка-чертёнокъ! — крикнулъ Алексѣй. — Что ты дразнишь меня?—А въ уголъ,—хочешь?

Сестра вдругъ отскочила, съ притворнымъ смиреніемъ потупилась, сдѣлала церемонный реверансъ и съ хохотомъ убѣжала хлопотать о своемъ домино.

Алексѣй и Андрюша поглядѣли другъ на друга и расхохотались, сознавая всю прелесть этого бѣсенка-дѣвочки.

Въ тотъ же день вечеромъ явился Тихонъ Ѳедосѣичъ, рѣдкій гость въ послѣднее время.

— Ба-ба-ба! — Другъ любезный, — насилу-то обо мнѣ вспомнили!..

— Христосъ воскресъ,—Алексѣй Петровичъ!—съ праздничкомъ!—Богъ милости прислалъ!

— Ну, какъ живете-можете?

— Слава-те, Христосъ, живемъ помаленьку. — Какъ вы?

— Да ничего.—Пойдемъ въ мой кабинетъ, чаи хлѣбать.

— И то ладно-съ.

Въ кабинетѣ, ведя степенныя рѣчи, Ѳедосѣевъ все вскидывалъ глазомъ на Алексѣя Петровича, словно особыя примѣты въ немъ отыскивалъ.

— Что вы на меня такъ смотрите,—аль перемѣна есть?

— Не то-съ, а... насъ здѣсь никто не слышитъ?

— У меня въ домѣ не имѣется ни длинныхъ ушей, ни длинныхъ языковъ.

— Такъ-съ.—Да вѣдь это такое дѣло...

— Да ну, валяйте,—что намъ церемониться!

Digitized by Google

Ѳедосѣевъ все-таки нагнулся къ уху Слободина и нашептывалъ ему необыкновенные, удивительные слухи.

— Можетъ ли это быть?! — едва выговорилъ поблѣднѣвшій Алексѣй.

— Вѣрно-съ. Кому же ближае знать? — Да вы чего такъ?— Нешто есть прикосновенность какая?—Али знакомство?—Тихонъ почесалъ затылокъ.—Э-эхъ, Алексѣй Петровичъ, кабы это знамо да вѣдомо, все бы прахомъ разсѣялось... а таперича шабашъ!— больно далеко залѣзло, тутъ ужъ и деньги никакія не властны... а спервоначала-бы можно...

Алексѣй даже не улыбнулся простодушному вранью Тихона, онъ какъ убитый шепталъ:—Боже мой, Боже мой!—что же тутъ дѣлать?..

— Первое дѣло, коли писанія какія—въ огонь.

— Ничего у меня нѣтъ... и ничего я не сдѣлалъ...

— А коли такъ, батюшка, будьте спокойны-съ... Тѣмъ паче, что тутъ можетъ и дѣло-то выйдетъ пустяшное... обнаковенно, господа... то-есть, якобы одинъ передъ другимъ отличія хочетъ... А то и такъ зря баютъ,—для острастки...

— Тихонъ Ѳедосѣичъ, на всякій случай пишите къ дѣду,— потому Алёнка одна...

Слободинъ, не договоривъ, упалъ головою на столъ...

Оставшись одинъ, Алексѣй рѣшилъ, что хныкать глупо; одѣлся на-скоро, захватилъ Морица, не говоря ему ни слова, и поѣхалъ къ Рудковскому.

Григорій Васильичъ въ своемъ рубищѣ-халатѣ благодушествовалъ за стаканомъ пунша въ кругу нѣсколькихъ юныхъ пріятелей, хохотавшихъ отъ его разсказовъ.

— А, красавецъ мой!—дайте себя расцѣловать... встрѣтилъ онъ Слободина. Вотъ супризъ! — какъ говорила одна чиновница, когда ея мужа хватилъ Кондрашка.—Садитесь.—Иванъ, подайка намъ еще этого съ ногъ-сшибательнаго...

Алексѣй сидѣлъ какъ на ножахъ и не прикоснулся къ стакану.

Улучивъ удобную минуту, онъ вызвалъ Рудковскаго въ другую комнату.

Послѣ недолгихъ переговоровъ, Григорій Васильичъ зарядилъ носъ двойною порціей бобковаго, покряхтѣлъ и сказалъ совершенно спокойно:

— Давно ужъ объ этомъ говорятъ... все это гиль!—Повѣрьте, люди не такъ глупы... вѣдь изъ ничего и не выйдетъ ничего... А что за мною двадцать глазъ присматриваютъ, это

Digitized by Google

вѣрно. Да мнѣ какое дѣло! — Смотри пожалуй, кромѣ дыръ на халатѣ ничего не усмотришь! — Напрасно вы, душа моя, такъ встревожились.—Пустяковина!

— Однако не мѣшало бы сказать Дмитрію Сергѣичу....

— Совсѣмъ лишнее!—да еще и хуже выйдетъ, — не совѣтую.—Первое, вы себя объявите трусишкой,—а второе,—согласитесь, вѣдь источникъ-то, душа моя, больно ненадежный... курамъ на смѣхъ!—Вообще, не надо. Ну что же, наконецъ, можетъ выдти?—Призовутъ, дадутъ нотацію,—положимъ даже кому-нибудь и пропишутъ кое-что... Эка бѣда!—Все вздоръ; пойдемъ лучше допивать нашъ пунштикъ.

И усѣвшись съ ногами на свое мѣсто, Рудковскій продолжалъ:

— Такъ вотъ-съ, вижу я, сидитъ на канапѣ дама толстѣйшая, отъ жиру еле дышетъ. Мадамъ, говорю, позвольте освѣдомиться, отчего это васъ такъ расперло? Представьте себѣ, эта туша самымъ тоненькимъ голоскомъ и по-дѣтски шепелявя отвѣчаетъ: «я все польтель пиля!» Можете себѣ представить! Ха ха! портеромъ наливалась, а тоже нѣжничаетъ, Сильфида этакая!..

Послѣдовалъ взрывъ самаго задушевнаго хохота.

Веселая безпечность собесѣдниковъ подѣйствовала на Слободина успокоительно. «Въ самомъ дѣлѣ, — спохватился онъ,—съ чего это я вспоролъ горячку?—И изъ какого источника? Темный, простой мужикъ... Онъ все привыкъ съ своей точки зрѣнія... Вѣдь какой-нибудь самый послѣдній писаришко наболтаетъ ему, чтобы рубль сорвать, — а ему кажется дѣломъ страшной важности... Притомъ несообразностей куча. Можетъ быть, дѣло совсѣмъ не объ насъ... Мало ли?—теперь время такое...» И онъ поѣхалъ домой, думая только объ одной теплой постели.

XI.

Маскарадъ въ дворянскомъ собраніи только-что начался.

Недалеко отъ входа въ залу, у колонны стояли двѣ маски; ихъ черные непроницаемые капуцины съ голубыми лентами были совершенно одинаковы; маски обшиты густымъ кружевомъ, даже въ глазныхъ прорѣзахъ; — замѣтно было, что тутъ строго обдуманы и приняты всѣ предосторожности остаться неузнанными. Онѣ были одного роста, одинаковой походки, и вмѣсто обычной непріятной пискотни говорили просто, очень тихо; говорили онѣ пока между собою и съ спокойнымъ достоинствомъ выдерживали

Digitized by Google

нецеремонные взгляды и вопросы искателей маскарадныхъ приключеній.

Вошелъ Морицъ съ Алёнушкой, которую развѣ только слѣпой не узналъ бы, даже свѣтло-русые начесы волосъ ея преспокойно падали со лба на маленькую маску. Она крѣпко уцѣпилась за руку своего жениха и не говорила ни слова,—все всматривалась, въ чемъ тутъ люди находятъ веселье? — Шедшаго въ нѣсколькихъ шагахъ за ними Алексѣя остановили двѣ маски-близнецы.

— Выбери изъ насъ которую хочешь,—это все равно; насъ не двѣ, а одна... и пойдемъ.

Онъ разсмѣялся и выбралъ ту, которая молчала.

— Я рада, что ты не ошибся,—заговорила своимъ голосомъ Агата. Точно тебѣ кто подсказалъ; это добрый знакъ.

— Агата!—ахъ какая ты...

— Сумасбродка? — Неправда. — Начнемъ съ того, что я не Агата, а Розина, — ну-съ, это первое. А второе, я здѣсь совсѣмъ не для того, чтобы одурачить кого-нибудь, то-есть, тебя... Маскарадныя шалости — глупость; глупость забавная, но въ эту минуту она совсѣмъ не въ моемъ вкусѣ. Я здѣсь за дѣломъ.

— Ого! — намъ нужны серьёзныя объясненія подъ маской, для того чтобы снова приняться за обидныя мистификаціи безъ маски...

— Нѣтъ, такихъ объясненій намъ не нужно;—есть другія, поважнѣе. Давай-ка, возьмемся за умъ и будемъ счастливы...

— Ахъ, какъ это мудрено!

— Совсѣмъ не мудрено. Посмотримъ хорошенько. Что раздѣляетъ насъ?—Знаю, что тебѣ противно мое теперешнее положеніе; — но чѣмъ же я виновата, что я дочь моего отца? — А мое воспитаніе, привычки, обстановка, — что я могла съ ними сдѣлать?—Не всѣ же могутъ, какъ ты, напримѣръ, жить трудомъ, честно добывать кусокъ хлѣба...

Алексѣя словно кто по лбу ударилъ... «А раскольничьи деньги?» Онъ вздрогнулъ; — ему за что-то хотѣлось просить прощенія у Агаты...

— Этимъ, конечно, можно гордиться, — продолжала она; — пожалуй себѣ гордись!—Но вспомни, что-жъ тебѣ было дѣлать?— Мое положеніе гораздо труднѣе...

— Оставимъ это... вѣдь ни ты, ни я не можемъ измѣнить нашихъ положеній...

— И это вздоръ! — Слушай: за тебя меня не отдадутъ, то-есть, не меня, а пятьсотъ тысячъ моего приданаго.

Digitized by Google

— Да я и не возьму ихъ.—Хорошо же ты меня понимаешь!

— Это изъ рукъ вонъ глупо! — Но... положимъ, — хоть бы и хотѣлъ взять, не дадутъ. Одну меня ты взялъ бы, но я сама не пойду, потому что я боюсь и ненавижу бѣдность... Это ужъ такъ, — и толковать мнѣ не трудись, — напрасно. Такъ что-жъ, мы ничего уже и дѣлать не можемъ?—Будущее не наше, что-ли?— Подумай-ка, господинъ философъ.

— Самое простое средство—разстаться... но я не знаю... я съ ума схожу...

— И все онъ о себѣ!—да вѣдь я,—я люблю тебя, проклятый человѣкъ! — Не видишь ты, что я ужъ сошла съ ума?— (голосъ ея дрогнулъ слезами). Я вѣдь совсѣмъ измучилась... Но, довольно, брось и забудь свою дрянную Агашу, — передъ тобой Розина, знаменитая примадонна... Вообрази, что ей отбою нѣтъ отъ приглашеній; она диктуетъ контракты, слушаетъ любезности королей и утираетъ слезы бѣдняковъ... и она—твоя, вся твоя... Надѣюсь, я чего-нибудь стою! — А талантъ мой... О, мой талантъ! — еще никто его не знаетъ...

— Такъ ты рѣшилась...

— Бѣжать, все кинуть, — но бѣжать съ тобой... Теперь понялъ?

— Ровно ничего не понялъ... Это какая-то сказка...

— Ну, прощай, довольно... Вотъ идетъ Розина № 2-й, передаю тебя ей; авось она растолкуетъ тебѣ, что нужно.

Алексѣй очутился подъ руку съ ея двойникомъ.

— А ты мнѣ что скажешь? — насмѣшливо спросилъ онъ, чувствуя, что это просто мистификація, забава праздной и избалованной барышни.

— Завтра ты ступай къ генералъ-губернатору и выхлопочи три заграничныхъ паспорта, — себѣ и двумъ дѣвушкамъ, псковскимъ мѣщанкамъ; вотъ ихъ виды и деньги на паспорты;— возьми.

Она подала ему пакетъ изъ-подъ капюшона.

— Это ужасно глупо, наконецъ! — взбѣсился Алексѣй.—Не возьму я.

— Трусъ!—презрительно уязвила маска.

— Вѣдь ты ничего даже и не смыслишь въ этомъ: тутъ надо время, явиться лично... мало-ли хлопотъ!

— Все намъ извѣстно. Двѣ дѣвушки завтра будутъ ждать тебя на панели противъ подъѣзда, Маша и Ольга. Онѣ войдутъ съ тобой въ канцелярію, что нужно объявятъ, подпишутъ. Ты долженъ понять, что уѣдутъ-то не онѣ; — обмануть необходимо,

Digitized by Google

безъ этого нельзя. Чего ты боишься?—Ха-ха... Трусишка!—Этакого пустяка не хочетъ сдѣлать для бѣдныхъ дѣвушекъ,—для нихъ въ этомъ, можетъ, вся судьба!..

Алексѣй, не сознавая, что̀ дѣлаетъ, взялъ пакетъ и положилъ въ карманъ.

— Вотъ такъ; теперь ступай къ ней—я свое сдѣлала.

Розина № 1-й взяла его за руку. Она глядѣла на него змѣиными глазами и пустилась разсказывать о той заманчивой жизни въ центрахъ европейской цивилизаціи, среди роскошной природы, среди всѣхъ условій не только для личнаго счастія, но для развитія, для самой всесторонней дѣятельности... Какъ будто утомясь, она вдругъ передала его опять своему двойнику,—а эта практическая маска объяснила ему всѣ мельчайшія подробности исполненія смѣлаго плана.

Игра была задумана очень хитро и искусно. У Слободина закружилась голова,—и встрѣтясь съ Агатой, онъ повелъ ее въ дальнюю залу, гдѣ они усѣлись въ уголкѣ на диванѣ;—разговоръ ихъ... но мы воздержимся отъ передачи ихъ разговора,—для третьяго лица онъ очень скученъ.

Наша Алёнушка уже присмотрѣлась къ маскараду, на который спѣшила съ какимъ-то ожиданіемъ, волненіемъ.

— Вотъ выдумали удовольствіе!—Гдѣ-нибудь, въ другомъ мѣстѣ оно должно быть такъ да не такъ... Бродятъ, словно, вчерашняго дня ищутъ; да какіе всѣ подозрительные, боятся другъ друга, иные въ самомъ дѣлѣ будто шпіонятъ.

— Очень невинное шпіонство—просто высматриваютъ дурака, на счетъ котораго можно бы поужинать,—просвѣщалъ Морицъ свою подругу.—А подъ этими масками еслибы ты знала какія старыя, скверныя физіономіи,—ухъ!—намъ съ тобой ненужно масокъ, Алёнушка моя...

Къ Морицу подошла маленькая, совсѣмъ не элегантная маска и безцеремонно взяла его за руку.

— Видишь, что я не одинъ... извини... сконфузился Морицъ.

— Передай ее кому-нибудь, вотъ хоть этому. (Она указала на проходившаго Горжельскаго). Долго я тебя не задержу.

— Теофилъ Осипычъ! позвольте поручить вашей охранѣ эту даму. Только не уходите далеко, я сію минуту.

Горжельскій догадался, кто была эта дама. Онъ пріосанился и брякнулъ:

— Мой другъ Морицъ чертовски счастливъ въ женщинахъ.

— Вы это почемъ знаете?—Алёнушка не могла даже выговорить маскарадное «ты».

Digitized by Google

— Потому что ты любишь его, прекрасная маска.

«Вотъ дуракъ-то!» — подумала Алёнушка, и умолкла. Горжельскій лучше ее зналъ, что сказалъ глупость — и поникъ головою. Закоснѣлый холостякъ чувствовалъ, что совсѣмъ не умѣетъ говорить съ такъ-называемыми порядочными женщинами и боялся провраться.

Имъ было невесело.

— Итакъ, слушай Андрюша, не ходи больше *туда*... Одному тебѣ это говорю, а ты хоть никому не передавай, пусть всѣ пропадаютъ, мнѣ не жалко,—лишь бы ты не пострадалъ... шептала Наденька.

— Да съ чего ты взяла?—Что за дичь такая?

— Ужъ вѣрь мнѣ... Въ ихнемъ домѣ есть табачная лавочка; ну вотъ, мой шуринъ, Илья Павлычъ, скорнякъ, въ нее часто заходитъ,—друженъ съ хозяиномъ,—и своимъ ушамъ слышалъ... Страсти, что такое!—Брось,—теперича такое ли твое дѣло, чтобы путаться... А скоро свадьба-то?

— Не знаю... скоро... Ты меня совсѣмъ съ толку сбила...

— Да я бы послѣдняя скотина была, еслибъ знамши что ни на есть, умолчала! — Нарочно сюда пришла! два цѣлковыхъ за домино заплатила... Горжельскій проговорился, что ты будешь, вотъ я и пришла. Тебя нынче и видѣть-то нигдѣ нельзя, все у нея сидишь... Добрая ли она? — Пусть только любитъ, какъ я тебя любила... Ступай же, ступай къ ней, — вижу, что я надоѣла...

— Ахъ, Надя, Надя!—и жаль мнѣ тебя, и...

— Да ужъ полно, ступай! Я свое мѣсто знаю. Какъ бы кто о нашей сестрѣ ни воображалъ, а завсегда я останусь честная. Прощай, голубчикъ! — И подведя его къ Алёнушкѣ, Наденька прибавила церемонно-смѣшнымъ, тривіальнымъ тономъ:

— Извольте вамъ его, сударыня; сдаю съ рукъ на руки, а ужъ дальше сами берегите, какъ знаете...

И схвативъ Горжельскаго, скрылась.

Алёнушка долго смотрѣла ей вслѣдъ и изорвала зубами кружево своей маски, чтобъ воздержаться отъ вопроса, неумѣстность котораго царапала ей сердечко.

— Милый, поѣдемъ домой. Гдѣ братъ? — Что ты такъ задумался?

— Да, я спать хочу. Все это глупо, безтолково... Вѣроятно, мы съ тобой уже никогда въ жизни не сдѣлаемъ этой глупости...

— Какъ знать?—Инымъ очень весело... вонъ братъ, смотри, идетъ какимъ цезаремъ... точно весь міръ у ногъ его...

Digitized by Google

Алексѣй съ Розиной № 1-й подошелъ къ нимъ.

— Господа, подпимитесь на верхъ и закажите ужинъ. Я провожу эту даму и черезъ полчаса явлюсь.

Агата пристально смотрѣла на сестру Алексѣя и протянула ей руку. Въ движеніяхъ ея замѣтна была усталость, почти безсиліе, въ голосѣ какая-то сладострастная вибрація.

— Какъ мнѣ хотѣлось бы поцѣловать тебя! — протянула Агата, и не успѣла опомниться, Алёнушка уже обхватила рукой ея шею, какъ будто шептала что-то на ухо, а губы ея искали губъ незнакомки. Она никогда не видѣла Агаты и слышала отъ брата такіе отрывистые, раздразнивающіе о ней отзывы, что представляла себѣ ее въ какомъ-то обаятельномъ сіяніи.

— Полноте, на васъ всѣ смотрятъ, — подсказалъ Морицъ.

— А пускай смотрятъ! — Для меня только эта минута и останется на память объ нынѣшнемъ глупѣйшемъ вечерѣ... Прощайте! — вѣдь когда-нибудь встрѣтимся?

— Когда-нибудь!.. Агата кивнула головой и торопливо пошла съ Алексѣемъ...

Они почти бѣжали къ выходу, будто кто гнался за ними. На маленькомъ боковомъ подъѣздѣ Алексѣй усадилъ Агату въ извощичью карету, вскочилъ проворно за нею и изъ окна отдалъ приказаніе Розинѣ № 2-й.

— Вы, Паша, воротитесь и ждите барышню въ зеленой залѣ.

— Ахъ, сумасшедшіе! — Вотъ бѣда-то!.. едва могла выговорить озадаченная горничная, и поднялась по лѣстницѣ на дежурство въ зеленую залу.

Морицъ и Алёнушка сидѣли за столомъ; имъ подали заказанный ужинъ. — Давно прошли условленные полчаса. Морицъ злился, былъ совсѣмъ разстроенъ и уговорилъ свою подругу ѣхать домой. — «Теперь мы ему совсѣмъ не нужны».

Пробило четыре часа: на дворѣ брежжилъ разсвѣтъ; въ залахъ становилось просторно, когда Слободинъ явился въ зеленую залу одинъ и отпустилъ съ караула злополучную горничную. — Онъ обошелъ всѣ верхнія галлереи и, не найдя своихъ, сѣлъ къ первому свободному столику; слуги еще не успѣли убрать объѣдки ужина, окурки сигаръ, пролитое вино, скомканныя салфетки, — всю грязь, какую обыкновенно оставляетъ послѣ себя пирующая жизнь. — Гусарскій офицеръ воротился къ столику, онъ забылъ свой портъ-сигаръ.

— Слободинъ! — Здравствуйте! — обрадовался изрядно подвыпившій Саша Косолаповъ. — Кой-чортъ! — Какъ это мы до сей минуты не столкнулись?—Впрочемъ, я какъ засѣлъ здѣсь, такъ

Digitized by Google

хоть пожаръ случись,—не двинулся бы... Жаль, что васъ не было, а какія женщины,—ф-фа! Человѣкъ, подай рѣдереру.—Неправда ли, мы выпьемъ?

— Выпьемъ. — Я тутъ съ сестрой, да потерялъ — видно уѣхала.

— Да ужъ эти барышни, ну ихъ! — Вотъ и моя сестрица сегодня тоже взбударажилась... Только ради Бога,—между нами—вѣдь здѣсь была... Каково?

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Пожалуйста, никому... Дражайшіе родители узнаютъ, — бѣда! — Я помогъ ей, только проку не вышло: черезъ четверть часа испугалась и удрала домой. Къ вамъ не подходила? — Она съ этакими красными, огненными лентами...

— Съ красными лентами? — Нѣтъ, съ красными не подходила.

Алексѣй хлебнулъ изъ стакана и, прищурившись, взглянулъ на Сашу.—Ему плотоядно захотѣлось сдѣлать гусарчику какую-нибудь дерзость.

— Дура! — Ну, ихъ ли это дѣло! — Тутъ надо настоящихъ женщинъ, а не эту пуганую дичину!

Саша болталъ всякій вздоръ. Алексѣй спросилъ еще вина и жадно выпивалъ стаканъ за стаканомъ, — но опьяненія не добился... за то гусаръ переполнился къ нему величайшимъ благоговѣніемъ.—Послѣ шестой бутылки, Саша потребовалъ брудершафта и лѣзъ обниматься, — Алексѣй всталъ рѣзко, грубо.

— Довольно.—Пора по домамъ! — За все я плачу, — обратился онъ къ слугѣ и бросилъ на столъ крупную ассигнацію.

Косолаповъ кричалъ ему что-то вслѣдъ во все пьяное горло,— кажется, даже ругался, — но тотъ не поворотилъ головы и нахлобучивъ шляпу, удалился блѣдный и безсмысленный, какъ до нитки проигравшійся понтёръ.

Дома онъ засталъ сестру и Андрюшу за чаемъ.

— Вотъ это превосходная идея.—Давайте мнѣ чаю. Какой теперь сонъ?—на дворѣ бѣлый день.—А вы хороши—не могли подождать? — Впрочемъ, вы правы... правы...

Онъ задумался, нахмурился. Мысль объ этомъ совершенно пустомъ обстоятельствѣ, что они не подождали его, — разрослась въ его головѣ до размѣровъ какого-то рокового, неумолимаго закона...

«Да, вотъ они меня оставили, когда я сдѣлалъ только первый шагъ на этой дорогѣ... а потомъ, дальше, когда я буду *тамъ* съ нею, можетъ быть, годъ, можетъ-быть два, почемъ

Digitized by Google

знать?—тогда ужъ непремѣнно не только они,—*все* меня оставитъ... и наука, и друзья, и родина... да, и родина отвернется, не захочетъ признать своимъ сыномъ этого жалкаго авантюриста, пришпиленнаго къ театральной мантіи примадонны, для которой ubi bene, ibi patria... Все это такъ... а мнѣ-то какое дѣло? — Развѣ лучше съ честными мыслями и сложенными руками благонравно гнить въ своемъ болотѣ? — Однако, нѣтъ, я дичь порю. Это не то!.. Развѣ черезъ два-три года, сорвавши съ жизни все, что можно сорвать, я не могу воротиться на родину не блуднымъ сыномъ, а отрезвившимся работникомъ? — Нѣтъ, опять и это не то!.. Все это чепуха, головная работа, тонкости, подленькая изворотливость... А вотъ что: вѣдь этой сумасшедшей ночи ужъ нельзя вычеркнуть,—никакъ нельзя!.. Еще въ дѣтствѣ я задавалъ вопросъ, — «нешто можно сдѣлать такъ, чтобы не было того, что́ взаправду было?» — А вѣдь эта ночь была въ самомъ дѣлѣ... я еще чувствую ея горячую реальность... Да! — ну вотъ это другое дѣло, — теперь я знаю, что дѣлать!..»

И въ 10-ть часовъ утра онъ былъ въ Большой Морской, у генералъ-губернаторскаго подъѣзда. Какъ условлено, двѣ дѣвушки ожидали его на панели. Вѣроятно, во всей внѣшности его было что-нибудь неладное: чиновники въ канцеляріи, выслушавъ его, переглянулись и обращались къ нему съ тою предупредительною вѣжливостью, какая употребляется въ обращеніи съ человѣкомъ больнымъ, ненормальнымъ. Онъ никакъ не могъ понять, что заграничные пассы могутъ быть выданы только послѣ троекратной публикаціи въ газетахъ; а намекъ на необходимость собрать нѣкоторыя служебныя справки принялъ просто за личную обиду.

XII.

И всѣ разноцвѣтныя нити многихъ молодыхъ жизней вдругъ подрѣзаны... Карточные домики полетѣли,—и на лицахъ озадаченныхъ дѣтей внезапный испугъ еще борется съ разгорѣвшимся румянцемъ недавняго смѣха...

Апрѣльская ночь пробѣгала надъ Петербургомъ; ночь коротенькая, съ легкимъ морозцемъ и полнымъ комплектомъ тифозныхъ удовольствій. Зачѣмъ же ей и оставаться долго на Невскихъ берегахъ? Въ какихъ-нибудь полчаса она успѣетъ сдѣлать все, что нужно: выдастъ безпріютнымъ бѣднякамъ сотни подороженъ на Смоленское кладбище; пошлетъ нищетѣ и голоду нѣсколько минутъ «сладкаго забытья и отрадныхъ сновидѣній»

Digitized by Google

въ родѣ чужой горячей пищи и найденнаго на мостовой двугривеннаго, который оказался фальшивымъ; затравленному хищнику дастъ возможность обдѣлать опасное дѣльце, а пьяному гулякѣ предоставитъ даровое освѣщеніе, то-есть, возможность добраться изъ кабака домой, не попортивъ своей благородной физіономіи. И все то благо, все добро!

Этимъ глупѣйшимъ капризамъ предавался Рудковскій, потому собственно, что ему не спалось. Онъ вставалъ, ходилъ, опять ложился въ постель — и все было тщетно. Ужъ онъ предалъ анаѳемѣ непредусмотрительнаго Ивана за то, что не только въ зеленомъ полуштофчикѣ, но даже ни въ одной бутылкѣ не оказалось искомаго содержанія. Оно можетъ быть помогло бы... А бѣлесоватый свѣтъ глядѣлъ сквозь сторы и слышалась отдаленная трескотня экипажей.

Рудковскій заглянулъ къ товарищамъ — оба они спали глубокимъ передъутреннимъ сномъ. Почему-то ему живо припомнилась та ночь, когда они, въ первый разъ зайдя къ нему, въ этихъ же комнатахъ заснули такъ же сладко, безмятежно,—и онъ завистливо любовался ихъ здоровою молодостью...

— Однако если я не усну—вотъ скверность-то! — ворчалъ Рудковскій, кутаясь въ одѣяло.—А тутъ еще эта ѣзда... и чего они, черти, разъѣздились?—Видно, съ бала, или съ картежнаго побоища...

Стукъ колесъ выдѣлялся рѣзче изъ ночного гула. Рудковскій невольно прислушивался... вотъ экипажъ ближе, — вотъ остановился тутъ, подъ окнами... Въ передней завизжалъ колокольчикъ; въ комнатахъ зашаркали, забрянчали саблями; надъ самой головой Рудковскаго осиплый голосъ, съ очевиднымъ стараніемъ взять тонъ какъ можно мягче, назвалъ его, проговорилъ формальное приглашеніе встать, одѣться и слѣдовать куда будетъ нужно... Все это совершалось одно за другимъ, безъ промежутковъ...

Сухощавый, скорчившійся въ своей постелѣ, человѣкъ, измученный безсонницей,—потерялъ сознаніе времени, послѣдовательности, — онъ сознавалъ только одно — свое полнѣйшее безсиліе... Онъ не шевелился и лишь черные глаза упорно остановились на фигурѣ необыкновеннаго посѣтителя. Опять неизвѣстно, минуту или часъ глядѣли его глаза, и зачѣмъ они глядѣли, какой смыслъ имѣлъ этотъ взглядъ,—какой смыслъ былъ вообще во всемъ этомъ?...

Вдругъ Рудковскій быстро вскочилъ и сѣлъ на кровати.

— Ага!—сію минуту полковникъ,—я весь въ вашемъ распоряженіи... Только пожалуйста не будите моихъ товарищей, я самъ...

Digitized by Google

Опять стукъ кареты, шаги, бряцанье оружія.

— Господинъ Купянцовъ?

По комнатамъ ходили люди, шелестѣли сбрасываемыя въ кучу бумаги. Иванъ тутъ тоже какъ-то разсѣянно суетился, помогалъ одѣваться, искалъ какую-то веревочку. Онъ заботливо притворилъ дверь въ комнату спящаго своего барина.

— Поручикъ Морицъ здѣсь? — раздался новый вѣжливый голосъ.

Андрюша проснулся уже среди всеобщей суматохи. Онъ какъ-то по-дѣтски обрадовался, увидавъ въ толпѣ своего товарища, полкового адъютанта, и крѣпко сжимая его руку, твердилъ:

— Ничего, братъ, не безпокойся... Это недоразумѣнія!.. Тутъ что-нибудь да не такъ... Я убѣжденъ, что завтра увидимся... Иначе и быть не можетъ!—До скораго свиданья!—Не выпьемъ ли мы по стакану чая?—предложилъ онъ съ блаженнѣйшею наивностью всей собравшейся публикѣ.

— Не долго ли это будетъ? — Тѣмъ болѣе, что тамъ къ услугамъ вашимъ будетъ чай и все, что только угодно потребовать,—получился успокоительный отвѣтъ.

Черезъ полчаса опустѣла развеселая квартира № 10-й; двери заперты, опечатаны; — въ распоряженіи Ивана оставлена только одна кухня, въ которой уже не для кого было отбарабанивать скорый маршъ на доскѣ съ знаменитыми битками... Онъ только хлопнулъ объ полы руками и горько заплакалъ...

Много такихъ сценъ видѣло это холодное, пасмурное утро...

Алексѣя разбудила Алёнушка. Онъ больше всего хлопоталъ о порядкѣ въ своихъ бумагахъ, какъ о самой величайшей драгоцѣнности; — связанный тюкъ опечаталъ своею печатью и вообще выказалъ спокойное самообладаніе, молчаливое мужество. Его настроеніе сначала сообщилось и сестрѣ, — но потомъ молодая дѣвушка, долею оттого, что не могла уяснить себѣ важности дѣла, долею отъ привычки всѣхъ русскихъ женщинъ считать себя внѣ тѣхъ общихъ условій, которымъ подчинены мужчины,—стала вдругъ необыкновенно высокомѣрна и даже дерзка съ нежданными гостями. Въ одной юбочкѣ, въ туфляхъ на босую ногу и черной теплой кофточкѣ, она расхаживала какъ принцесса, оскорбленная въ своемъ достоинствѣ, высказывала вслухъ обидныя предположенія, рѣзкіе протесты, вызывавшіе улыбку на лицахъ безотвѣтныхъ исполнителей своего долга... Наконецъ, хватила какую-то безумно-горячую фразу... всѣ испугались, а она, скрестивъ на груди руки, спокойно сказала:

Digitized by Google

— Что-жъ вы, господа?—берите ужъ и меня... Теперь я въ вашихъ рукахъ. Будьте же послѣдовательны,—не стыдитесь!...

Мина прискорбнаго сожалѣнія и двусмысленное пожатіе плечъ, обремененныхъ эполетами,—были единственно-возможнымъ отвѣтомъ на ея сумасбродный вызовъ.

Она захохотала...

Обнявъ въ послѣдній разъ брата, Алёнушка нашла довольно силы прошептать: «Андрюшу непремѣнно увидишь... Поцѣлуй.— Я васъ найду».

— Не робѣй, сестра!—Будемъ живы!—увидимся!

Карета съѣхала со двора. Постоявъ нѣсколько минутъ у окна, Алёнушка повернулась; лицо ея было сурово, неподвижно; взглядъ искалъ на чемъ-бы остановиться—и остановился на запечатанной двери братова кабинета. Пустота, молчаніе... Тутъ силы Алёнушкѣ измѣнили, она упала на полъ...

Сидя въ каретѣ, Алексѣй придумывалъ, какимъ путемъ извѣстить Агату.

— Славно бы теперь заснуть, — зѣвая промычалъ сидѣвшій съ нимъ полковникъ.—Вчера прямо изъ Большого театра—и вотъ какъ видите... хоть бы бѣлье перемѣнить. Самъ не знаешь, когда и дома быть придется...

Это партикулярное вступленіе должностного лица ободрило Алексѣя.

— Кажется,—попробовалъ онъ,—мы поѣдемъ мимо одного дома... Тамъ живетъ извѣстный откупщикъ Косолаповъ...

— Кирилла Егорычъ?

— Вы его знаете?

— Еще бы! — да и съ вами вѣдь мы старинные знакомые. Батюшку вашего я душевно уважалъ...

Алексѣй ободрился еще на градусъ; онъ вопросительно глядѣлъ на полковника.

— Я — Шпицъ. Можетъ помните, въ С*? — Жалко мнѣ васъ, Слободинъ... Какъ это вы такъ? — Эхъ! — Впрочемъ, не отчаявайтесь; дѣло ваше будетъ въ хорошихъ рукахъ... Вѣрьте, намъ также тяжело, какъ и вамъ... Мы тоже люди...

— Благодарю васъ, полковникъ... Какъ же!—я помню васъ... и очень радъ... въ такую минуту, поймите, какъ дорого мягкое, человѣческое слово... А вотъ насчетъ Косолаповыхъ-то...

— Гмъ, да-да!—Ужъ не зазнобушка ли это? — игриво подмигнулъ полковникъ,—что-то такое мнѣ помнится... да.

— Мнѣ теперь все равно: жеманиться не къ чему! — Скажите пожалуйста Агафьѣ Кирилловнѣ, только ей одной, по се-

Digitized by Google

крету,—что я ничего не боюсь, и что́ бы ни случилось со мною,—я всегда и вездѣ буду ждать ея слова... Пожалуйста, буквально это передайте: жду ея слова...

— Avec grand plaisir! — отозвался полковникъ развязнымъ тономъ свѣтскаго шалуна и добраго товарища.

Въ большой залѣ Алексѣй увидѣлъ множество фигуръ, блѣдныхъ, испуганныхъ, ошеломленныхъ самымъ разнообразнымъ образомъ;—но ни одного знакомаго лица. Это его успокоило; ему показалось несомнѣннымъ, что все это — недоразумѣніе, путаница; — онъ чуть не улыбнулся при мысли, что вотъ сейчасъ спросятъ его имя, еще два-три вопроса, — и отпустятъ съ миромъ, даже извинившись за причиненное безпокойство... Но зала все наполнялась вновь прибывающимъ народомъ, — стали мелькать и знакомыя физіономіи. Алексѣй подошелъ къ Рудковскому и Морицу.

— Что́ Алёнушка? — дрожащими губами прошепталъ Андрюша.

— Цѣлуетъ тебя. Она молодцомъ!

— Ахъ, кабы поскорѣе разъяснилось—и къ ней!

— Но что все это значитъ?

— Хоть убей—ничего не понимаю...

— Вы всѣхъ тутъ знаете?

— Никого.—Ахъ, вотъ несчастье-то!—вдругъ затужилъ Рудковскій,—забылъ табачку насыпать... Смерть хочется!—какъ-бы достать?—и онъ горестно заглядывалъ въ свою пустую тавлинку.

Когда человѣкъ хоть немного освоится съ своимъ даже самымъ неудобнымъ положеніемъ,—онъ сейчасъ же становится наблюдателемъ. Алексѣй, Рудковскій и Морицъ тихо, и мѣстами даже смѣясь, передавали другъ другу свои наблюденія.

Дмитрій Сергѣичъ вошелъ съ нѣкоторою торжественностью; на немъ сверхъ сюртука накинутъ былъ какой-то шелковый теплый халатъ, а подъ мышкою онъ держалъ книгу. Морицъ даже по переплету узналъ эту давно-знакомую книгу «Théorie des quatre mouvements...» Онъ церемоніально прошелъ въ слѣдующую комнату; дверь за нимъ затворилась...

— Помните, Алексѣй Петровичъ,—шепнулъ Рудковскій, — что я говорилъ вамъ о procés de la rue Menilmontant?

Какой-то пожилой господинъ съ геммороидальнымъ цвѣтомъ лица, выражавшаго и суровую озабоченность театральнаго машиниста, и сдержанное удовольствіе неузнаннаго именинника,

Digitized by Google

проворно появлялся и исчезалъ, дочитывая налету бумаги съ незасохшими еще чернилами, похожими на фантастическія черныя слезы.

Вотъ скромный господинъ, аккуратненько причесанный, съ небольшимъ узелкомъ какихъ-то ученическихъ тетрадокъ, между которыми, для очистки совѣсти, всунута даже грифельная доска;—онъ только разводитъ руками, заявляетъ о своей душевной невинности и какъ будто умоляетъ, чтобы его сейчасъ же обыскали.

Другой маленькій человѣчекъ хитро, замысловато ухмыляется и готовъ дать самыя откровенныя объясненія о томъ, какъ онъ разливалъ чай на вечерахъ у Дмитрія Сергѣича, а больше онъ дѣйствительно ничего не зналъ и не знаетъ.

А вотъ и величественный старецъ, такъ знаменито и потѣшно предсѣдавшій съ колокольчикомъ. — Онъ сѣменитъ и шаркаетъ ножкой передъ гемморoидальнымъ носителемъ свѣженькихъ бумажекъ — лицомъ, какъ видно, ему знакомымъ; — старается объяснить что-то очень резонное, прибавивъ:

— Pourtant,—soumission!—soumission complète!

— Ну, да ужъ разумѣется!—что-жъ дѣлать-то!—небрежно и не безъ иронiи отвѣчаетъ ему господинъ, не отводя глазъ отъ бумаги—и бѣжитъ дальше.

— Вотъ этотъ... вотъ кто заварилъ всю кашу... чортъ бы его побралъ!—насъ всѣхъ съ ногъ сбилъ...

Эти слова прошепталъ кто-то сзади Слободина; онъ обернулся: полковникъ Шпицъ задумчиво крутилъ свой красивый усъ, и разсматривалъ фасонъ собственнаго сапога, точно онъ до сей минуты не догадался обратить вниманіе на этотъ интересный предметъ.

Не въ одномъ домѣ въ этотъ день за семейнымъ обѣдомъ оставалось праздное мѣсто... Не въ одномъ домѣ всѣ говорили въ полголоса и цѣпенѣли при каждомъ звонкѣ въ передней...

Алёнушка слегла въ постель; въ головѣ ея точно растопленная мѣдь клокотола и лилась въ какія-то формы, но формы эти лопались, и вмѣсто стройныхъ фигуръ отливались безобразныя уродливыя глыбы... Она разметалась и босыя ножки, покрытыя холодной влагой, тянулись, искали опоры и судорожно прятались опять подъ одѣяло.

— Барышня, Иванъ пришелъ,—донесла горничная.

— Сюда, Иванъ!—Поди сюда, Иванъ!—закричала Алёнушка.—Ну что, голубчикъ какъ твой баринъ?

Digitized by Google

— Бѣда!—возопилъ Иванъ; глаза его были мокры.

— Что онъ... упалъ духомъ? оробѣлъ?

— Извѣстно, радости тутъ нѣтъ никакой; а чаво робѣть?— господамъ не дюже страшно... ихъ даже пальцомъ не замай,—а не то что... Тронуть никто не смѣетъ господское тѣло.

Молчаніе.

— А что онъ, Иванушка, ничего не говорилъ?

— Какъ не говорить!—говорилъ... Я одѣвалъ его.

— Говорилъ?—что же, что? — Алёнушка широко раскрыла глаза, полныя мучительнаго ожиданія.

— Иванъ, говоритъ,—подай носки...

Вечеромъ, въ той же большой, едва освѣщенной залѣ группы людей двигались въ разныхъ направленіяхъ.

Незнакомцы поневолѣ знакомились; разсказывали свои семейныя обстоятельства, даже анекдоты, совсѣмъ неподходящіе къ данной минутѣ; — мѣстами даже слышался откровенный смѣхъ.

— А славное угощеніе!—сказалъ Горжельскій, утирая губы салфеткой.—И бифстексъ, какъ слѣдуетъ, недожаренный. Я попрошу чашку чернаго кофе.

— Панъ, не обжирайтесь, мой красавецъ, — стыдно! Подумаютъ, что вы съ роду ничего порядочнаго не жрали,— усовѣщевалъ Рудковскій.

— Напротивъ, я ѣмъ потому, что у меня хорошій аппетитъ,—чѣмъ я виноватъ? А впереди—кто знаетъ — придется ли еще быть человѣкомъ, то-есть обѣдать? — Вѣдь вы знаете, что человѣкъ отличается отъ животнаго только тѣмъ, что онъ обѣдаетъ, а животное питается... И многіе обступили говорливаго весельчака, совершенно забывши, зачѣмъ они тутъ собраны.

Уже поздно вечеромъ эти необыкновенные гости стали разъѣзжаться, исчезать... Всѣ призадумались... Разговоры умолкли; каждый почувствовалъ необходимость углубиться въ самую глубь своего внутренняго міра и вынести оттуда какой-нибудь талисманъ, который далъ-бы силу стать въ уровень съ серьёзнымъ смысломъ настоящаго положенія...

Дошла очередь до Слободина, — «извольте отправляться» — сказано ему.—Сходя съ лѣстницы, онъ столкнулся съ Шпицомъ, который подкрѣплялся въ своей компаніи стакономъ вина.

— Куда мы?—спросилъ Алексѣй.—Ужели?...

Digitized by Google

— Да вамъ тамъ будетъ гораздо удобнѣе и покойнѣе!— съ добродушною наивностью утѣшилъ добрый полковникъ. А *ей* я все передамъ,—soyez tranquil!—Не хотите-ли? — Онъ подалъ ему стаканъ.

Алексѣй выпилъ залпомъ.—Они крѣпко обнялись...

Послѣ безконечнаго переѣзда по темнымъ улицамъ, площадямъ и мостамъ,—карета вдругъ вкатилась подъ какой-то длинный, низенькій сводъ;—колеса застучали глухо, точно удары молотка въ крышу дубоваго гроба...

— Ну, прощай!—прошепталъ Слободинъ, самъ не зная кому онъ посылаетъ свое прощанье. — Жалкіе бѣдняки! — вѣдь наша жизнь еще не начиналась—и уже никогда не начнется!... Прощай, прощай!—Погибшіе мы люди!

Передъ распахнувшейся дверью маленькой сводчатой кельи, освѣщенной чадившею плошкой, — Алексѣй содрогнулся, отшатнулся...

Дверь за нимъ захлопнулась; — ржавые замки защелкали какъ-то нестерпимо обидно.—Онъ остался одинъ...

Подъ окномъ перекатывалось протяжное «слу-ша-ай!»; потомъ кто-то зѣвалъ громко и апатично; потомъ два голоса разсуждали о старыхъ портянкахъ.

— А кольво къ намъ господъ таперича навезли,—страсть!

— О?!—Эхъ братецъ ты мой, поди чай жалко?...

— Д-да, молодые, извѣстно съ глупостевъ...

— А головы имъ, поди, чай сейчасъ забрили?

— На что!—этого не полагается.

— Э, рабята, значитъ, еще ничево!—Слуш-ша-ай!.

П. Альминскій.

Digitized by Google

ПРЕДАНІЯ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ

РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ

VI *).

Переворотъ въ Кіевѣ.

По извѣстіямъ византійцевъ, въ десятое лѣто царствованія Михаила, что́ приходится въ 866-мъ году, русскіе, отмщая за несправедливое убійство одного изъ своихъ соотечественниковъ, напали на Константинополь нежданно, произвели большія опустошенія въ окрестностяхъ, навели страхъ на жителей столицы, но буря разсѣяла ихъ суда. Греки приписали свое избавленіе заступничеству Пресвятой Богородицы вслѣдствіе того, что патріархъ Фотій погрузилъ въ море ея ризу, хранившуюся во Влахернскомъ дворцѣ. Нашъ лѣтописецъ не помѣстилъ объ этомъ событіи ничего изъ своего обычнаго источника—изъ народныхъ преданій, а заимствовалъ свѣдѣніе о немъ изъ болгарскаго перевода лѣтописи Георгія Амартола, въ которомъ предводители русскихъ названы Оскольдомъ и Диромъ. Русскій лѣтописецъ—что́ удивительно—не зналъ самаго важнаго. По византійскимъ источникамъ, русскіе, пораженные бурею, усомнились въ своихъ богахъ и изъявили желаніе принять христіанство, но когда къ нимъ прибылъ проповѣдникъ, то они, желая удостовѣриться въ божественности Евангелія, требовали, чтобъ онъ бросилъ въ

*) См. выше: кн. 5 стр.

Digitized by Google

огонь книгу, которую онъ имъ читалъ. Проповѣдникъ, помолившись, исполнилъ ихъ требованіе. Книга не сгорѣла. Русскіе крестились. Окружная грамота Фотія удостовѣряетъ насъ, что русскіе дѣйствительно въ это время приняли крещеніе: патріархъ извѣщалъ всѣхъ православныхъ христіанъ, что русы народъ свирѣпый, извѣстный и знаменитый, обратились къ истинной вѣрѣ. Византія съ этихъ поръ считала водвореніе христіанства въ Руси, и съ тѣхъ поръ существовали епископы, носившіе титула грековъ. Событіе это было такъ громко, что для грековъ совершенно затмило второе крещеніе Руси при Владимирѣ, которое по нашимъ лѣтописямъ представляется первымъ. За то лѣтописецъ передалъ намъ другое преданіе объ Оскольдѣ и Дирѣ. Они представляются принадлежащими къ дружинѣ Рюрика, они ушли отъ него на югъ и овладѣли Кіевомъ. Но по смерти Рюрика Олегъ съ малолѣтнимъ сыномъ Рюрика двинулся изъ Новгорода, овладѣлъ Смоленскомъ, Любечемъ, наконецъ достигъ Кіева. Хитро заманивъ Оскольда и Дира къ себѣ въ ладью, онъ показалъ имъ сына Игорева, упрекнулъ ихъ, что они не княжескаго рода и приказалъ убить обоихъ. Самъ Олегъ безпрепятственно дѣлается княземъ въ Кіевѣ и нарекаетъ Кіевъ матерью городовъ русскихъ. Этотъ разсказъ носитъ на себѣ печать не только преданія, но старинной пѣсни, въ которой однако явно вымыселъ взялъ верхъ надъ историческою правдой.

Въ запутанной и неясной исторіи этихъ событій, по нашему мнѣнію, можетъ нѣсколько наводить насъ на путь польскій историкъ Длугошъ (XV в.), который излагалъ событія исторіи Южной Руси, пользуясь нашими древними лѣтописями. Передавая извѣстія о древнѣйшихъ событіяхъ нашей исторіи, онъ, очевидно, не имѣлъ для нихъ подъ руками ничего кромѣ первоначальной лѣтописи, но онъ представляетъ ихъ нѣсколько иначе и тѣмъ самымъ даетъ основательный поводъ заключить, что въ тѣхъ спискахъ, которыми онъ пользовался (а эти списки были если не древнѣе, то и не моложе тѣхъ, которые мы считаемъ древними), эти событія изложены были не такъ, какъ дошли до насъ. Онъ не знаетъ никакой Руси, призванной изъ-за моря, напротивъ у него это имя споконъ вѣковъ присуще той землѣ, къ которой мы видимъ его приросшимъ неизмѣнно въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ. Но онъ говоритъ о призваніи варяговъ. Поводомъ къ этому призванію было слѣдующее: Оскольдъ и Диръ, два брата, княжили въ Кіевѣ; они были потомки древнихъ князей кіевскихъ, которыхъ родоначальниками были Кій, Щекъ и Хоривъ. Часть русскихъ, по причинѣ многолюдства переселившаяся въ другой

Digitized by Google

край, была недовольна ихъ властію и призвала противъ нихъ варяговъ (но никакъ не Русь), которые и пришли подъ начальствомъ Рюрика, Синеуса и Трувора. Они стали князьями, такъ какъ призывавшіе не могли согласиться насчетъ выбора княжескаго изъ своей среды. Послѣ ихъ смерти сынъ Рюрика, Игорь, умертвилъ коварно Оскольда и Дира и положилъ начало господству новаго княжескаго рода въ Руси. Существенной разницею разсказа Длугоша есть то, что по нашей лѣтописи убійство Оскольда и Дира приписывается Олегу, прибывшему съ Игоремъ, а у Длугоша самому Игорю. Произошло ли это отъ сокращенія, такъ какъ Длугошъ въ своей исторіи передаетъ извѣстія о Руси, почерпнутыя изъ русскихъ лѣтописей, очень сокращенно, какъ-бы мимоходомъ и выпуская все, что не имѣло непосредственнаго отношенія къ главной нити его повѣствованія, или же у Длугоша былъ такой списокъ лѣтописи, изъ котораго онъ могъ приписать убійство Оскольда и Дира Игорю—(который, по извѣстнымъ намъ спискамъ, былъ тогда еще малолѣтенъ)—мы не беремся рѣшать. Главное для насъ то, что у Длугоша, во-первыхъ, нѣтъ Руси за моремъ, варяги отдѣляются отъ Руси, и Русь есть названіе искони принадлежащее тому краю, который мы называемъ этимъ именемъ; во-вторыхъ, Оскольдъ и Диръ не варяги, какъ мы думаемъ, а кіевляне; въ третьихъ, намъ указывается причина призванія иноземцевъ, такая причина, какая вполнѣ совмѣстима съ историческою правдою. Эти черты у Длугоша заимствованы изъ такихъ списковъ нашей же первоначальной лѣтописи, какіе остались намъ неизвѣстными. Былъ у него списокъ, въ которомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нашихъ спискахъ сказано «поидоша къ варягамъ къ Руси»,—слова «къ Руси» не было, и это очень естественно, такъ какъ и въ нашихъ же спискахъ это слово явно кажется прибавленнымъ, отчего и происходитъ въ нихъ безсмыслица. О призывающихъ варяговъ говорится: «рѣша Русь, Чудь, Кривичи» и пр., и призываемые варяги именуются Русью: «поидоша къ варягамъ къ Руси». Такимъ образомъ и выходитъ двѣ Руси: одна зоветъ, другая на зовъ идетъ. Поэтому слова: «рѣша Русь» признавали неправильностію вмѣсто «рѣша Руси», но такое толкованіе основывалось на заранѣе предвзятомъ мнѣніи, что къ намъ извнѣ непремѣнно приходила какая-то Русь; напротивъ, если мы посмотримъ болѣе безпристрастно, то окажется возможность скорѣе признать обратное, что «поидоша къ варягамъ къ Руси» неправильность, что «къ Руси» прибавлено послѣ, такъ какъ мы знаемъ, что Русь призывавшая и впослѣдствіи называлась Русью, а Русь пришедшая изъ-за моря появилась въ одномъ

Digitized by Google

только мѣстѣ и исчезла потомъ безслѣдно. Въ Никоновскомъ сводѣ, куда вошли, хотя не вездѣ толково, неизвѣстные для насъ теперь списки, тамъ, гдѣ говорится о призваніи князей, нѣтъ слова «къ Руси», приставленнаго къ слову «варягамъ»: «пріидоша словѣни рекше Новгородци и Меря и Кривичи варягомъ рѣша: земля наша велика и обильна» и проч. Это мѣсто разомъ съ Длугошемъ убѣждаетъ насъ въ существованіи такихъ древнихъ списковъ, въ которыхъ извѣстіе о призваніи варяговъ передавалось не такъ, чтобъ изъ него слѣдовало непремѣнно выжимать заключеніе, будто варяги были Русью и имя Руси привнесено было къ намъ варягами. То же подтверждается памятникомъ, который цѣлымъ вѣкомъ древнѣе Лаврентьевскаго списка: отрывкомъ изъ хронографа въ харатейной рукописи Софійскаго Номоканона (Лавр. сп. П. С. Л. изд. I. т. I. 252—254). Тамъ коротко перечисляются всемірныя событія отъ Адама до княженія сына Александра Невскаго Димитрія, представляемаго еще живымъ. Когда перечень эта доходитъ до греческаго царя Михаила — вслѣдъ затѣмъ помѣщается извѣстіе о призваніи князей въ такомъ видѣ: «при его царствѣ придоша Русь, Чудь, Словѣни, Кривичи, къ варягомъ, рѣша: земля наша велика и обильна, а наряда в неи нѣтуть, поидѣте княжитъ и володѣтъ нами, и избрашася три браты съ роды своими, старѣй Рюрикъ сѣде Новѣгородѣ, Синеусъ на Бѣлоозерѣ, Труворъ въ Изборскѣ». Здѣсь нѣтъ и тѣни намека на то, чтобъ варяги призваны были Русью, напротивъ, Русь (очевидно кіевская) представляется призывающею варяговъ въ числѣ другихъ народовъ.

Впрочемъ, признавая, что въ древности существовали такіе списки лѣтописи, гдѣ стояло слово къ варягамъ безъ прибавленія слова «къ Руси», мы еще не вправѣ положительно утверждать, что въ другихъ древнихъ спискахъ, и даже можетъ быть въ самой первичной редакціи не было этого прибавленія, то-есть не написано было «поидоша къ варягомъ къ Руси»; но и тогда можно считать вполнѣ правильнымъ слова: «рѣша Русь» и пр., дающія событію такой смыслъ, что одна Русь вмѣстѣ съ другими народами призывала къ себѣ другую Русь. Нужно только откинуть дальнѣйшія объяснительныя приписки (о которыхъ скажемъ ниже), явно прибавленныя позже; тогда изъ одного выраженія «къ варягомъ къ Руси» не будетъ слѣдовать, что наша Русь, приглашая варяговъ изъ страны, которая носила также названіе Руси (совершенно случайно по отношенію къ нашей), непремѣнно отъ послѣдней получила свое названіе; все равно, какъ если бы изъ испанской Галиціи пріѣхали переселенцы въ австрійскую Га-

Digitized by Google

лицію, или изъ сербскаго Бѣлграда пріѣхали на переселеніе сербы въ нашъ курскій Бѣлгородъ, то изъ этого бы не слѣдовало, что австрійская Галиція получила свое названіе отъ испанцевъ, а нашъ Бѣлгородъ отъ сербовъ. Очень можетъ быть, что первый составитель лѣтописи написалъ просто «къ варягамъ», не говоря ни о какой Руси заморской, а послѣ него книжные переписчики, замѣчая, что нигдѣ не видно начала названія Руси нашей, и слышавъ, что на варяжскомъ побережьѣ есть Порусье— отъ литовскаго названія Нѣмана Русомъ, вообразили себѣ, что призванные варяги пришли именно изъ этой Руси; но также могло быть, что и первый, записавшій миѳъ о призваніи князей, на томъ же основаніи наименовалъ призванныхъ варяговъ Русью, не думая, однако, этимъ указывать, что варяги первые принесли названіе Руси въ тотъ край, куда пришли. Но въ чемъ мы ни мало не сомнѣваемся, такъ это въ томъ, что въ нашихъ лѣтописныхъ спискахъ дальнѣйшія объясненія о томъ, что Русь только со временъ прибытія варяговъ начала называться Русью, сдѣланы впослѣдствіи и обличаютъ сами себя своею крайнею нелѣпостію, напр.: «И отъ тѣхъ варягъ прозвася руская земля новгородцы, ти суть людье новгородцы отъ рода варяжска преже бо бѣша Словѣни». Нелѣпость этого мудрованія черезъ-чуръ очевидна: мы знаемъ, что спеціальное названіе Руси оставалось не за Новгородомъ, а за Кіевомъ, и конечно осталось бы за первымъ, еслибъ тамошнее населеніе все было пришлое. Съ другой стороны, мы, къ счастію, настолько знаемъ внутренній строй нашей исторіи, что не можемъ повѣрить, чтобы новгородцы были происхожденія не славянскаго, а варяжскаго, т.-е. скандинавскаго, словѣне же обитали на мѣстѣ скандинавовъ прежде и куда-то пропали. Также нелѣпо и другое свѣдѣніе, будто въ городахъ Полоцкѣ, Ростовѣ, Бѣлозерѣ, вмѣсто прежнихъ туземцевъ жили пришлые варяги: «и по тѣмъ городомъ суть находницы варяги, а первыи насельницы Новѣгородѣ Словѣни, Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлоозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома». Если бы во всѣхъ этихъ городахъ истреблены были прежніе обитатели, а вмѣсто нихъ засѣли иноплеменники, то національные признаки послѣднихъ были бы настолько сильны, что не только заявляли бы о своемъ существованіи въ продолженіе многихъ вѣковъ, но сдѣлались бы господствующими и уцѣлѣли бы до позднѣйшаго времени. Точно также мы считаемъ нелѣпымъ прибавленіемъ слова о полянахъ: «отъ варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словѣне», тѣмъ болѣе что эти слова противорѣчатъ другимъ, именно сообщающимъ, что по прибытіи Олега въ

Digitized by Google

Кіевъ Русью прозвались пришедшіе съ нимъ варяги, словѣни и другіе. (Сѣдѣ Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: се буди мати градомъ русскимъ. И бѣша у него Варяги и Словѣни и прочіе прозвашася Русью). Мы не рѣшимся всѣхъ этого рода нелѣпостей приписать первому составителю лѣтописи, потому что при всей дѣтскости и простодушіи въ характерѣ нашей первоначальной лѣтописи, въ ней все-таки видно, что составитель ея зналъ настолько свое отечество, чтобы не приписывать цѣлымъ населеніямъ чужеземнаго происхожденія.

У Длугоша Оскольдъ и Диръ не варяги, а туземные князья, и это вѣроятно у польскаго писателя основывалось на извѣстныхъ ему спискахъ русскихъ лѣтописей. Оскольдъ и Диръ и въ Никоновской лѣтописи не изображаются варягами, ушедшими отъ Рюрика. Длугошъ объясняетъ призваніе варяжскихъ князей именно тѣмъ, что никакъ не могли согласиться на выборъ иного рода; то же встрѣчаемъ и въ Никоновскомъ сводѣ: «бысть о семъ молва велія, овѣмъ сего, овѣмъ другого хотящимъ таже совѣщавшеся послаша къ варягамъ». Длугошъ объясняетъ, что варяговъ призвала та часть русскихъ, которые избрали себѣ новыя мѣста жительства и не хотѣли быть подъ властію русскихъ, то-есть кіевскихъ князей. Подъ этою частію русскихъ на новомъ мѣстѣ жительства, Длугошъ, очевидно, разумѣетъ новгородцевъ. Не знаемъ, нашелъ ли Длугошъ въ извѣстныхъ ему спискахъ нашей лѣтописи черты прямо указывающія на то, что Новгородъ былъ колоніею южной Руси, или же вывелъ это по своимъ соображеніямъ; но ощутительные признаки сходства новгородскаго нарѣчія и говора съ южно-русскимъ, свидѣтельствуя о древней ближайшей этнографической связи Новгорода съ югомъ, наводятъ насъ на мысль, что Длугошъ въ этомъ случаѣ не былъ не правъ; что же касается до древней зависимости Новгорода отъ Кіева, какъ колоніи или пригорода отъ старѣйшаго города, то мы замѣчаемъ и въ послѣдующей болѣе ясной для насъ исторіи, что Новгородъ былъ связанъ съ Кіевомъ тѣснѣе того, чѣмъ связаны были съ послѣднимъ другія земли, и постепенно достигалъ самостоятельности. Не рѣшая вполнѣ, было ли такъ въ древнѣйшія времена (или же это возникло послѣ Владимира и Ярослава, когда Новгородъ получалъ изъ Кіева себѣ князей и обратно давалъ ихъ отъ себя Кіеву), мы можемъ признать вполнѣ вѣроятнымъ существованіе такого преданія о зависимости Новгорода отъ Кіева. Въ Никоновскомъ сводѣ есть намекъ на это. Тамъ дѣло представляется такъ, что въ Новгородѣ не всѣ добровольно покорились Рюрику, что Рюрикъ усмирялъ противъ себя оппозицію

Digitized by Google

и убивалъ своихъ противниковъ («оскорбишася новгородцы глаголюще яже быти намъ рабомъ и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того же лѣта (6372=864), уби Рюрикъ Вадима Храбраго и иныхъ многихъ изби новгородцевъ совѣтниковъ его»), но этимъ не прекратилъ сопротивленія и черезъ три года (6375), недовольные имъ бѣжали въ Кіевъ («того же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Кіевъ много новогородскихъ мужей»). Изъ этого можно видѣть, что извѣстія Никоновской лѣтописи представляютъ достаточно согласныя съ извѣстіями Длугоша. Что касается до двойственности, въ какой по этому являются Оскольдъ и Диръ, то-есть, по однимъ—пришедшими въ Кіевъ изъ дружины Рюрика чужеземцами, по другимъ — туземцами, то мы дозволяемъ себѣ догадываться, что преданія объ этихъ личностяхъ должно быть были различны, подобно тому какъ о Кіѣ существовали различныя преданія: по однимъ—онъ былъ простой перевозчикъ, по другимъ—знатный господинъ, ѣздившій въ гости къ византійскому императору. Такъ и Оскольдъ и Диръ въ воображеніи потомства представлялись то пришельцами, то туземцами. Вполнѣ было естественно, что первоначальная лѣтопись, вышедши изъ-подъ пера Сильвестра, переписывалась разными грамотѣями, которые вставляли въ нее такія преданія, какія сами слышали или какія имъ нравились; а что переписчики не были только механическими воспроизводителями написаннаго другими — въ этомъ насъ убѣждаютъ варіанты: желаніе придать княжескому роду болѣе законности должно было поддерживать преданіе о томъ, что Оскольдъ и Диръ низвергнутые и убитые первыми представителями княжескаго рода, незаконно овладѣли Кіевомъ.

Такимъ образомъ, возстановляя по изложеннымъ выше соображеніямъ смыслъ древнихъ утраченныхъ списковъ лѣтописи, мы можемъ допустить, что онъ приводитъ насъ къ такому выводу: въ Новгородѣ, находившемся подъ властію Кіева, образовалась партія недовольная этою властію и призвала на помощь иноплеменниковъ, которые сдѣлались господами. Противники ихъ убѣгали въ Кіевъ. Между Кіевомъ и Новгородомъ произошла борьба, которая кончилась тѣмъ, что Кіевъ былъ покоренъ, и тогда положено было начало новому княжескому роду, который впослѣдствіи послужилъ орудіемъ единенія для русско-славянскихъ народовъ. Въ сущности, значитъ, въ IX-мъ вѣкѣ произошло почти то же, что впослѣдствіи происходило въ концѣ X-го и началѣ XI-го вѣка два раза, именно, когда Владиміръ пригласилъ варяговъ съ Новгорода, а потомъ вмѣстѣ съ новгородцами

Digitized by Google

и чужеземною ратью овладѣлъ Кіевомъ, умертвивъ коварнымъ образомъ (какъ Олегъ—Оскольда и Дира) своего брата Ярополка, раздавалъ варягамъ города въ управленіе, подчинялъ народы и бралъ съ нихъ дань, и когда, въ другой разъ, сынъ его Ярославъ также пригласилъ варяговъ въ тотъ же Новгородъ, а потомъ вмѣстѣ съ новгородцами и чужеземною ратью овладѣлъ Кіевомъ, прогналъ Святополка, раздавалъ варягамъ города и утвердилъ власть своего рода надъ русско-славянскими землями. Вотъ здѣсь-то возникаетъ для насъ важный вопросъ. Въ исторіи человѣческихъ преданій, изустно переходящихъ изъ поколѣній въ поколѣнія, существуетъ, можно сказать, неизмѣнный и повсюду проявляющійся законъ, что событія и перемѣны, прожитыя народомъ, въ болѣе позднія времена отражаются на воспоминаніяхъ о временахъ отдаленныхъ. Мы бы могли привести безчисленное множество примѣровъ такого рода, но надѣемся, что эту мысль въ своемъ основаніи едвали кто рѣшится оспаривать. Наши великорусскія былины представляютъ этому осязательный примѣръ, такъ какъ въ нихъ съ именемъ Владимира князя Кіевскаго соединяются явленія позднѣйшихъ вѣковъ, какъ, напримѣръ, войны съ Литвою, съ татарами, взятіе и разореніе Кіева Батыемъ и проч.; точно также и еще нагляднѣе въ малорусскихъ преданіяхъ объ эпохѣ Хмельницкаго вплетаются событія временъ Залізняка и Гонты.

Извѣстно преданіе о томъ, что въ то время какъ воины идутъ въ дальній походъ, жены ихъ вступаютъ въ связь съ рабами и отъ этой связи рождаются дѣти, которыя потомъ образуютъ колонію, преданіе, находимое въ древней Греціи, является у насъ и примѣняется къ населенію Вятки въ XII-мъ вѣкѣ, но тоже самое прилагается и къ болѣе раннему событію—именно ко времени похода Владимира подъ Корсунъ, и населенная дѣтьми рабовъ колонія называется Холопьимъ-городкомъ на Мологѣ; то же является съ именемъ Валита: по Софійской лѣтописи это былъ корѣлянинъ, который два раза сдавалъ корѣльскій городокъ, одинъ разъ нѣмцамъ, другой разъ новгородцамъ; происшествіе это отнесено къ 1337-му году, въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ передѣлкахъ оно отнесено къ эпохѣ Рюрика. Такъ какъ свѣдѣнія о событіяхъ IX-го вѣка являются записанными никакъ не ранѣе второй половины XI-го, и источникомъ для записывавшихъ служили изустныя преданія, сохранившіяся въ сказаніяхъ, пѣсняхъ, воспоминаніяхъ, то сходство основныхъ чертъ въ событіяхъ относимыхъ къ IX-му вѣку, съ событіями, происходившими въ концѣ X-го и началѣ XI-го вѣка, и также сохранившимися въ изуст-

Digitized by Google

ныхъ преданіяхъ, возбуждаетъ подозрѣніе, что впечатлѣнія, произведенныя позднѣйшими событіями, отразились на воспоминаніяхъ о событіяхъ отдаленныхъ временъ. Это подозрѣніе принимаетъ болѣе силы, когда мы примемъ во вниманіе, что варяговъ, являющихся главными дѣятелями въ событіяхъ IX-го вѣка (какъ по имени, такъ и по предмету, означаемому этимъ именемъ) тогда еще не было. Если это подозрѣніе невозможно вполнѣ подтвердить несомнѣнными и неопровержимыми доводами, то все-таки оно настолько сильно, что при многихъ явныхъ несообразностяхъ, какими обставлены подробности событій IX-го вѣка, оно не дозволяетъ намъ давать преданіямъ объ этихъ событіяхъ значенія объективной исторической правды.

VII.

Преданія объ Олегѣ.

Личность Олега является въ нашей первоначальной лѣтописи вполнѣ личностію преданія, а не исторіи. Кромѣ нашей лѣтописи, мы не встрѣчаемъ нигдѣ ни малѣйшаго намека на ея существованіе, да и самъ лѣтописецъ, очевидно, имѣлъ у себя единственный письменный источникъ, гласившій ему о томъ, что на Руси когда-то жилъ князь съ такимъ именемъ—это договоръ съ греками. Договоръ этотъ указывалъ лѣтописцу время своего составленія, и это самое дало ему возможность совокуплять всѣ извѣстія, ходившія въ народѣ и приписываемыя временамъ Олега, и размѣстить ихъ по годамъ, сообразно способу писать временники, перенятому отъ византійцевъ. Самое званіе, которое дается этой личности, возбуждаетъ недоумѣніе. Олегъ является въ Кіевъ представителемъ правъ Рюрикова сына Игоря; убивая Оскольда и Дира, онъ показываетъ имъ малолѣтнаго Игоря; а потомъ дѣлается княземъ, самъ княжитъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ, Игорь живетъ у него въ Кіевѣ бездѣйственно и получаетъ княженіе только послѣ его смерти. Олегъ заключаетъ договоръ съ греками, и въ этомъ договорѣ нѣтъ даже имени Игоря. Уже однѣ эти черты такого свойства, что, вмѣсто попытокъ насильственнымъ способомъ объяснять ихъ, гораздо правильнѣе видѣть въ нихъ доказательства отсутствія исторической правды въ преданіи.

Преданія объ Олегѣ главнымъ образомъ касаются подчиненія славяно-русскихъ племенъ, войны съ Греціею и чудесной смерти Олега.

Digitized by Google

Преданія о подчиненіи славяно-русскихъ народовъ не болѣе какъ воспоминанія короткія, лишенныя поэтическихъ подробностей. Видно, что въ тѣ времена, когда составлялась лѣтопись, сохранялось представленіе о томъ, что земли, уже давно соединенныя и называвшіяся болѣе по главнымъ городамъ, были нѣкогда отдѣлены другъ отъ друга, а потомъ подчинены Кіеву, нѣкоторыя въ то же время освобождаясь отъ подчиненія козарамъ, которое, какъ и послѣдующее подчиненіе Кіеву, состояло въ одномъ платежѣ дани. Это подчиненіе Кіеву относилось преданіемъ къ временамъ Олега и соединялось съ его именемъ. Лѣтописецъ, получивъ объ этомъ свѣдѣнія изъ изустныхъ пересказовъ въ короткомъ видѣ, разставилъ слышанныя событія по годамъ, руководясь приблизительными соображеніями. Прежде всего у него поставлено подчиненіе кривичей, такъ какъ кривичи находились на дорогѣ между Новгородомъ и Кіевомъ, а потому оно отнесено ко времени ранѣе покоренія Кіева, и такъ какъ Олегу путь лежалъ на югъ, то, подчиняя на этомъ пути народы, ему естественно нужно было вмѣсто себя кого-нибудь оставить, и онъ въ Смоленскѣ и Любечѣ, по лѣтописному сказанію, оставляетъ своихъ мужей. По покореніи Кіева, Олегъ подчиняетъ древлянъ, потомъ сѣверянъ, потомъ радимичей, и у нашего лѣтописца отводится на каждый народъ по одному году (въ 6391 году случилось покореніе древлянъ, въ 6392 году сѣверянъ, а въ 6393 радимичей). Эта правильная послѣдовательность во времени отзывается искусственностію и сочиненностію. Лѣтописецъ слыхалъ отъ народа о фактѣ покоренія тѣхъ и другихъ, однихъ за другими, и разставилъ ихъ годъ за годъ послѣ кіевскаго переворота, а потомъ уже наставилъ пустыхъ годовъ, не зная чѣмъ ихъ наполнить. Что касается до способа подчиненія народовъ, то при всей скудости и короткости извѣстій, этотъ способъ таковъ, что обличаетъ свое традиціонное происхожденіе. Съ древлянами Олегъ ведетъ войну, онъ ихъ примучилъ и наложилъ на нихъ дань тяжелую — по черной куницѣ съ дыма; понятно, что въ такихъ отношеніяхъ къ древлянамъ долженъ былъ явиться въ народной памяти кіевскій богатырь, когда древляне были давніе враги полянъ. Другіе сосѣди — сѣверяне — не находились въ такихъ условіяхъ къ полянамъ, и вотъ преданіе говоритъ, что Олегъ наложилъ на нихъ легкую дань. Радимичи добровольно соглашаются платить Олегу ту дань, какую платили козарамъ. Обращеніе Олега съ послѣдними выражено совершенно въ простодушномъ тонѣ народнаго преданія.—Кому дань даете? спрашиваетъ ихъ Олегъ.—Козарамъ, отвѣчаютъ ему.—Не давайте

Digitized by Google

козарамъ, а мнѣ давайте, говоритъ Олегъ.—Радимичи соглашаются и обѣщаютъ платить Олегу дань въ томъ самомъ размѣрѣ, въ какомъ прежде платили козарамъ, по шлягу отъ рала. Не говоря уже о комичности такого факта, если его принимать въ буквальномъ смыслѣ какъ историческое событіе, извѣстіе, будто радимичи платили день козарамъ монетою, перенесено на древнѣйшее время съ признаковъ позднѣйшихъ временъ, да и то въ преувеличенномъ видѣ. При тѣхъ условіяхъ, въ какихъ радимичи должны были находиться въ IX-мъ столѣтіи, едвали возможно было платить имъ дань звонкою монетою въ такомъ размѣрѣ, да и сама лѣтопись въ другомъ мѣстѣ приводитъ болѣе сообразное съ историческою возможностію преданіе о томъ, что подчиненные козарамъ славяно-русскіе народы платили дань бѣличьими мѣхами («козара имаху на полянахъ и на сѣверянахъ и на вятичахъ по бѣлѣ вевериць съ дыма»); это извѣстіе о платежѣ дани монетою козарамъ показываетъ, что лѣтописецъ не затрудняясь вносилъ въ свою лѣтопись слышанныя имъ преданія въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ очутились спустя болѣе двухъ вѣковъ, принимая въ себя черты дальнѣйшихъ видоизмѣненій подъ вліяніемъ признаковъ и условій послѣдующей исторіи народа. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ установилъ для новгородцевъ платежъ дани варягамъ въ размѣрѣ 300 гривенъ. Но о какихъ варягахъ идетъ здѣсь рѣчь? Не думаемъ, чтобы подъ ними разумѣлись тѣ мужи, которыхъ Олегъ могъ оставить въ Новгородѣ, такъ какъ онъ сдѣлалъ это въ Смоленскѣ и Любечѣ; въ такомъ случаѣ дань давалась бы не имъ, которые бы только собирали ее по порученію другого, а князю, и притомъ лѣтописецъ едвали бы ихъ назвалъ варягами, хотя бы и считалъ ихъ людьми варяжскаго рода, а назвалъ бы онъ ихъ княжими мужами, такъ какъ они собирали бы дань въ качествѣ не чужеземцевъ а довѣренныхъ своего князя. Здѣсь по всему идетъ рѣчь о варягахъ чужихъ, и слова: «мира дѣля» указываютъ, что при этомъ размѣрѣ дани въ 300 гривенъ Новгородъ представляется платящимъ чужеземцамъ, за то, чтобъ они его не безпокоили. Извѣстіе о томъ, что новгородцы платили эту дань до смерти Ярослава, также показываетъ, что дань платилась чужимъ, а вмѣстѣ съ этимъ и сообщаетъ характеръ исторической справедливости тому, что дѣйствительно Новгородъ платилъ какую-то дань иноземцамъ, такъ какъ о томъ, что дѣлалось во времена Ярослава, свѣдѣнія могли быть, уже по сравнительной близости, достовѣрнѣе; но тутъ слѣдуетъ еще разрѣшить вопросъ: дѣйствительно ли съ древнихъ временъ платилась эта дань и по какимъ поводамъ? Можно понимать

Digitized by Google

двояко: или разумѣя подъ варягами вообще скандинавовъ, называемыхъ варягами по позднѣйшимъ признакамъ, или на самомъ дѣлѣ варяговъ — варинговъ, ходившихъ черезъ русскія земли въ Грецію. Мы думаемъ, что скорѣе надобно признать послѣднее на томъ основаніи, что если бы то была дань, отправляемая постоянно за море, то значило бы, что Новгородъ находился до смерти Ярослава въ подданствѣ у скандинавовъ. Но мы имѣемъ одно скандинавское извѣстіе (приведенное нами выше) отъ X-го вѣка, показывающее, что въ это время у скандинавовъ только сохранялось преданіе о томъ, что когда-то собираема была дань съ этихъ странъ. Скорѣе надобно допустить, что новгородцы платили что-то именно варягамъ, проходившимъ черезъ ихъ земли въ Грецію на службу, а равно и поступавшимъ на службу къ русскимъ князьямъ — Владимиру и Ярославу, «мира дѣля», то-есть за то, чтобъ они ихъ не безпокоили во время прохода; а такая дань не могла быть установлена Олегомъ, такъ какъ въ то время, сколько извѣстно, варяги не ходили въ Грецію.

Наконецъ, лѣтописецъ передаетъ намъ преданіе о томъ, что успѣвъ подчинить своей власти славяно-русскіе народы, Олегъ не могъ ничего подѣлать съ угличами и тиверцами, а только воевалъ съ ними, хотя впослѣдствіи тиверцы являются въ числѣ народовъ, идущихъ вмѣстѣ съ Олегомъ на Византію. Но послѣднее обстоятельство не значило, конечно, чтобъ Олегъ покорилъ себѣ эти народы, такъ какъ въ то время могли быть такіе случаи, что изъ того же народа, съ которымъ воевалъ Олегъ, шли удальцы за нимъ же для поживы на счетъ другихъ. Какъ бы то ни было, преданіе говорило, что народы, жившіе на югъ отъ Кіева внизъ по Днѣпру въ нынѣшней такъ-называемой Украинѣ и на Подолѣ, не подчинялись Кіеву и не легко было сладить съ ними. Замѣчательно, что южная часть Кіевской губерніи и восточная Подольской и въ послѣдующія времена остаются за предѣлами не только власти Кіева, но и вообще какъ будто власти княжескаго рода.

Изъ всего этого видно, что преданія о подчиненіи народовъ доходили до лѣтописца въ самыхъ общихъ чертахъ. Не такъ дошли до него преданія о походѣ на Византію. Здѣсь видны уже слѣды не только разсказа, но даже пѣсеннаго склада. Пересчитываются идущіе съ Олегомъ народы: черта, обычная въ героическихъ пѣснопѣніяхъ, именно въ началѣ пѣсеннаго повѣствованія, а въ числѣ народовъ помѣщаются и такіе, которые не были подчинены Олегу (Вятичи, Хорваты, Дулебы, Тиверцы). Причины войны не указывается: такъ чаще всего бываетъ въ подобнаго рода пѣснопѣніяхъ, потому что въ этомъ случаѣ пред-

Digitized by Google

полагается уже важная побудительная причина—удаль богатырская. Идетъ Олегъ и на коняхъ, и на судахъ водою — у него двѣ тысячи кораблей, а на каждомъ кораблѣ по сорокъ человѣкъ. Здѣсь число сорокъ ясно обличаетъ, въ ряду другихъ признаковъ, пѣсенный складъ разсказа, число сорокъ число типичное; въ малорусскихъ пѣсняхъ, когда описывается ополченіе, то почти всегда число войска опредѣляется въ сорокъ тысячъ: *йде на тебъ сорокъ тысячъ хороши вроди* или: зібравъ війська сорокъ тысячъ; въ великорусскихъ былинахъ мы встрѣчаемъ и сорокъ богатырей, и сорокъ валикъ, и сорокъ царей, и сорокъ тысячъ силы ратной.—Русскіе подступаютъ къ Цареграду, греки запираютъ судъ (гавань), русскіе вышли на берегъ, разоряли дворцы, сожигали церкви, ловили плѣнниковъ, рубили, разстрѣливали, бросали ихъ въ море, и многое другое дѣлали, что̀ дѣлаютъ ратные люди. Такъ повѣствуетъ лѣтописецъ, и мы не знаемъ, взято ли и переиначено это описаніе изъ пѣсеннаго разсказа, или поставлено лѣтописцемъ какъ общее мѣсто, подходящее ко всякому описанію варварскихъ набѣговъ. Скорѣе—послѣднее, такъ какъ это описаніе сходно съ византійскимъ описаніемъ варварствъ, совершавшихся русскими при Игорѣ; а съ этими извѣстіями лѣтописецъ былъ знакомъ—и относившееся къ Игорю перенесъ на Олега, какъ общее мѣсто. Но далѣе—разсказъ несомнѣнно принадлежитъ преданію или, вѣрнѣе, пѣснѣ. Олегъ приказываетъ воинамъ своимъ сдѣлать колеса и поставить на нихъ корабли; при попутномъ вѣтрѣ подняли паруса и вѣтеръ покатилъ корабли по сухопутью прямо къ Царьгороду. Подобное мы встрѣтили въ одномъ народномъ малорусскомъ: «не любо не слушай, а лгать не мѣшай». Панъ приказываетъ слугѣ болтать ему самую невообразимую чепуху (нісенітниця), и по этому поводу слѣдуютъ разные разсказы одинъ другого нелѣпѣе (напр.: «молотилъ я на дубѣ горохъ, шелуха падала, а горохъ вверхъ летѣлъ;—ѣхалъ я на кобылѣ, а сзади былъ тонеръ привязанъ, и отрубилъ онъ кобылѣ задъ; я досталъ вербовой колъ и сгрибилъ имъ отрубленный задъ къ кобылѣ; ѣду далѣе, а люди смѣются да на меня показываютъ, а у моей кобылы назади верба выросла), и въ ряду этихъ разсказовъ приводится такой: «послали меня и велѣли ѣхать по водѣ и плыть по сушѣ; я на лодку поставилъ телѣгу и поплылъ, а потомъ присталъ къ берегу, поставилъ лодку на телѣгу, и привязалъ парусъ, вѣтеръ и погналъ мою телѣгу». Видно, что этотъ образъ глубоко народный. Лѣтописецъ, передавая его въ повѣсти объ Олегѣ, прибавляетъ, что греки тогда сказали: «да это не Олегъ, а св. Димитрій, посланный отъ

Digitized by Google

Бога на насъ». Очевидно, это уже прибавка расходившейся руки книжника, записавшаго сущность преданія на свою харатью. Но далѣе: опять мы слышимъ отголосокъ древняго пѣснопѣнія. Греки убоялись и выслали къ Олегу сказать:—не губи города, будемъ дань платить сколько хочешь.—Олегъ пріостановилъ свое войско, и греки вынесли ему яства и питье; но Олегъ не принялъ предлагаемаго, догадавшись, что оно съ отравою. Подобный образъ поднесенія яства и питья съ отравою мы встрѣчаемъ въ народныхъ сказаніяхъ и при другихъ условіяхъ: такъ, въ одной малорусской сказкѣ преступная жена, чтобъ скрыть свое прелюбодѣяніе, по совѣту колдуньи ставитъ гостямъ, которые ее могутъ обличить, и вмѣстѣ съ ними своему мужу, вареники и водку, съ увѣренностію, что какъ только они наѣдятся и напьются, тотчасъ оглохнутъ и ослѣпнутъ, но одинъ изъ нихъ прозорливый узналъ коварство.—Олегъ требуетъ дани по двѣнадцать гривенъ на человѣка; число двѣнадцать — опять число символическое, обычное въ пѣсняхъ и сказкахъ, такъ какъ и число сорокъ въ каждой лодкѣ; не говоримъ уже о томъ, что количество двадцати тысячъ пудовъ серебра для такой дани въ тѣ времена едвали выдерживаетъ критику, если въ немъ искать правды дѣйствительно случившагося событія. Греки соглашаются. Олегъ отступаетъ и посылаетъ къ грекамъ своихъ мужей на переговоръ: соглашайтесь платить дань, говорятъ русскіе.—Чего хочешь? спрашиваютъ греки.—Здѣсь плеоназмъ: грекамъ уже нечего спрашивать, когда Олегъ прежде объявилъ имъ, чего онъ хочетъ. Но такой плеоназмъ совершенно сроденъ пѣсенному складу, по которому одно и то же повторяется, но съ небольшимъ видоизмѣненіемъ. Олегъ на этотъ разъ требуетъ по двѣнадцати гривенъ на ключъ. Ученые ломали себѣ головы надъ этимъ ключемъ, объясняя его то уключиною, то крюкомъ и проч. Но едва ли не вѣрнѣе мнѣніе Карамзина, разумѣвшаго здѣсь дѣйствительно замочный ключъ. Здѣсь, какъ намъ кажется, выражается остроуміе Олега. Онъ потребовалъ у грековъ столько разъ двѣнадцати гривенъ, сколько у него было ключей на корабляхъ, такъ какъ у всякаго человѣка можно было предполагать ключъ и даже у иного и не одинъ ключъ.

Ключи имѣютъ символическое значеніе въ нашей пѣсенной символикѣ. Въ сферѣ миѳическихъ воззрѣній, ключъ былъ принадлежностію солнечнаго божества, превращеннаго въ нашихъ весенннихъ пѣсняхъ въ Юрія, который отпираетъ золотымъ ключемъ небо и землю; въ пѣсняхъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ міръ домашній,—ключи—символъ домовитости; такъ въ колядкахъ щед-

Digitized by Google

рый и зажиточный хозяинъ, а еще болѣе хозяйка, изображаются съ ключами. На важное значеніе ключа въ міровоззрѣніи первобытныхъ народовъ указываетъ и то обстоятельство, что ключи были нерѣдкою находкою въ нашихъ курганныхъ раскопкахъ, иногда даже не настоящіе замочные ключи, а изображенія ключей въ видѣ украшеній. Требованіе двѣнадцати гривенъ на ключъ выражаетъ требованіе внести по двѣнадцати гривенъ въ скриню или сокровищницу каждаго воина, хозяина, носившаго при себѣ ключъ отъ своего имущества. Пѣсенный вымыселъ, такъ-сказать, разыгравшись, этимъ не довольствуется, а заставляетъ, кромѣ того, требовать еще укладовъ на города, и здѣсь же обличается разнородность преданій, доходившихъ до лѣтописца, объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, такъ какъ вмѣстѣ съ Кіевомъ, Черниговымъ, Полотскомъ, Ростовомъ и Любечемъ помѣщенъ Переяславль, который по другому преданію основанъ позже. Кромѣ поименованныхъ городовъ Олегъ требовалъ еще укладовъ и на другіе города, гдѣ сидѣли князи ему подвластные. Лаврентьевскій и Ипатскій списки забыли про Новгородъ, но списатель переяславскаго списка вспомнилъ про него, нашелъ, что Новгороду не подобало, по его значенію, находиться въ ряду, городовъ безъ названія, и поставилъ его въ числѣ поименованныхъ. И этого еще было мало для пѣсеннаго вымысла: ужъ если пользоваться отъ побѣжденныхъ, то надобно на ихъ счетъ поѣсть, попить, пороскошествовать, и вотъ Олегъ выговариваетъ у грековъ такое условіе, чтобы русскіе, приходя въ Цареградъ, брали хлѣбнаго сколько хотятъ, а гости (т.-е. торговцы) имѣли право въ теченіе шести мѣсяцевъ брать хлѣбъ, вино, овощи, мясо, рыбу и ходить въ баню, сколько угодно, а возвращаясь назадъ, брать отъ греческаго царя пищу, якоря, веревки, паруса и все, что нужно будетъ. Это совпадаетъ съ замашками пѣсенныхъ молодцовъ, которые любятъ ѣсть-пить все готовое, носить платье припасенное. Лѣтописецъ затѣмъ приводитъ ограниченія, будто бы постановленныя со стороны византійскаго правительства, но это ограниченіе оказывается перенесеннымъ на Олега съ Игоря.

Ограниченіе это состояло въ слѣдующемъ: «аще придутъ Русь бес купли, да не взимаютъ мѣсячины, да запретитъ князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творятъ пакости в селахъ и въ странѣ нашей, приходяще Русь, да витаетъ у св. Мамы (близъ церкви св. Мамонта) и послетъ царство наше и да испишутъ имена ихъ и тогда возьмутъ мѣсячное свое первое отъ города Кіева, и паки и с Чернигова и с Переяславля и прочія

Digitized by Google

грады и да входять въ градъ одними вороты со царевымъ мужемъ бес оружія, мужъ 50, да творять куплю, якоже имъ надобе, не платячи мыта ни въ чемъ же» (Лавр. 31; Ипат. 18). Все это повторяется дословно въ договорѣ Игоря и, сверхъ того, кромѣ гостей говорится еще о послахъ, которые имѣютъ право получать слебное, но вмѣсто послѣднихъ словъ: «не платячи мыта ни в чемъ же» въ Игоревомъ договорѣ стоитъ: «паки ли да исходятъ» (Лавр. 48; Ипат. 24). Замѣчательно, что извѣстіе о пищѣ и о судоходныхъ снастяхъ находитъ себѣ соотвѣтствующія черты въ договорѣ Игоря, но нѣсколько иныя. «И отходящей Руси отсюда взимаютъ отъ насъ еже надобѣ брашно на путь и еже надобѣ лодьямъ, яко же уставлено есть преже и да возвращаются с спасеніемъ въ страну свою, да не имѣютъ власти зимовать у св. Мамы» (Лавр. 48). Хотя гостямъ и дается мѣсячное, но не на шесть мѣсяцевъ, и хотя предоставляется Руси брать на дорогу въ обратный путь съѣстные припасы и снасти, но не говорится, однако, чтобъ это было даромъ; въ дѣйствительномъ договорѣ Олега, который слѣдуетъ послѣ повѣствованія о его походѣ и примиреніи и который представляется заключеннымъ уже чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ похода, нѣтъ ничего подобнаго, и потому кажется болѣе чѣмъ вѣроятно, что у лѣтописца перенесены черты, принадлежавшія времени Игоря, на время Олега, но съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Трудно рѣшить, кѣмъ это сдѣлано, самимъ ли первымъ составителемъ лѣтописнаго повѣствованія или его переписчиками, которые, какъ мы уже выше замѣчали, не всегда довольствовались скромною ролью копировщиковъ, но дозволяли себѣ всякія мудрованія; во всякомъ случаѣ видно, что записывая или переписывая народныя преданія, книжники не только пришивали къ нимъ или сшивали съ ними извѣстія, почерпнутыя изъ другихъ источниковъ, но даже переставляли черты одного лица на другое, послѣдующаго времени на раннее. Далѣе слѣдуетъ у лѣтописца извѣстіе о томъ, что обѣ стороны поклялись въ святости заключеннаго договора — греки цѣловали крестъ, а русскіе, по своему обычаю, клялись своимъ оружіемъ и своими богами Перуномъ и Волосомъ скотьимъ богомъ [1]). Черта эта едва ли могла быть заимствована

[1]) Было бы очень полезно подвергнуть строгой критикѣ этого Волоса скотья бога, въ котораго мы, быть можетъ, слишкомъ легко увѣровали, принявъ притомъ за несомнѣнную истину его тождество съ Велесомъ. Св. Власій, котораго и теперь народъ называетъ скотскимъ богомъ, подобно тому какъ Фрола и Лавра именуетъ лошадиными ботами—по самому житію этого мученика былъ каппадокійскій пастухъ, оказывалъ скоту благодѣянія при жизни и потому естественно сдѣлался покровите-

Digitized by Google

изъ преданія или (тѣмъ менѣе) изъ пѣсни, потому что, сколько намъ извѣстно, противоположность крестнаго цѣлованія и языческой клятвы отзывается тѣмъ наблюдательнымъ взглядомъ на изображаемое событіе, какого вообще народная поэзія бываетъ чуждою; за то далѣе мы встрѣчаемъ черты несомнѣнно принадлежащія старымъ преданіямъ. Олегъ приказываетъ изготовить для Руси (то-есть, для кіевлянъ) паруса паволочные, а для славянъ (новгородцевъ) кропинные. Что въ точности означало слово «кропинные», мы не беремся рѣшать и объяснять, но для насъ ясно то, что кропинные паруса были сдѣланы изъ такой ткани, которая хуже паволоки, но лучше простого толстаго холста. Отходя отъ Цареграда, русскіе повѣсили щиты свои на воротахъ, въ знакъ побѣды (въ Софійскомъ изъ Переяславской лѣтописи одинъ Олегъ вѣшаетъ свой щитъ). Когда рать русская отправилась по морю восвояси, поднялся вѣтеръ и разодралъ кропинные паруса славянъ. Тогда славяне сказали:—не даются кропинные паруса славянамъ, примемся за свои толстины. Черта эта принадлежитъ къ тѣмъ народнымъ пересмѣшкамъ одного края надъ другимъ, когда обитатели одного хотятъ выставить свое превосходство надъ обитателями другого—черта, какъ извѣстно, повторяющаяся и теперь во многихъ углахъ обширнаго русскаго міра. Что между Русью, то-есть, кіевлянами, существовали подобныя отношенія, и что кіевляне щеголяли своимъ превосходствомъ предъ новгородцами, показываетъ черта, записанная въ лѣтописи и отнесенная сравнительно къ болѣе позднему времени. Кіевляне, сражаясь за Святополка противъ Ярослава, шедшаго на нихъ съ новгородцами, насмѣхались надъ новгородцами, называя ихъ плотниками и угрожали заставить ихъ строить себѣ хоромы. Этотъ духъ видѣнъ и въ настоящемъ преданіи о парусахъ, и преданіе это, безъ сомнѣнія, сложилось въ Кіевской Руси. Олегъ,—говоритъ въ заключеніе лѣтописецъ,—прибылъ въ Кіевъ, неся съ собою золото, овощи, вина, паволоки, всякое узо-

---

лемъ скота въ санѣ святого. Совершенно естественно по законамъ русской рѣчи превратившись въ Волоса, онъ сдѣлался скотьимъ богомъ народнымъ, быть можетъ замѣнивъ собою какое-нибудь миѳологическое лицо, котораго имя и не до такой степени совпадало съ именемъ Власія. Если допустить такое толкованіе, то, конечно, какъ это мѣсто въ лѣтописи, такъ и другое въ договорѣ Святослава и наконецъ, упоминовеніе о Волосѣ скотьемъ богѣ въ житіи Владимира могутъ быть признаны сравнительно позднѣйшими вставками. И въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати было клясться воинамъ прежде своимъ оружіемъ, потомъ скотьимъ богомъ? Если у русскихъ былъ богъ „скотій“, то-есть скотоводства, то уже вѣроятно были боги и другихъ занятій, и въ томъ числѣ богъ войны, и послѣ клятвы оружіемъ приличнѣе было клясться богомъ войны, а не скота.

Digitized by Google

рочье, и прозвалъ его народъ вѣщимъ: люди были глупы, говоритъ лѣтописецъ.

Все это преданія давнія, глубоко древнія, совокупленныя около Олега, какъ могли они въ различныхъ видахъ совокупиться и около другихъ личностей. Книжники вносили ихъ изъ изустныхъ пересказовъ и пѣснопѣній гусляровъ, соединяли ихъ по своему вкусу, пришивали къ нимъ извѣстія, почерпнутыя изъ источниковъ другого рода и даже собственныя соображенія, доходившія до вымысловъ, часто очень грубыхъ. Указанный нами переносъ чертъ Игорева договора на воображаемый договоръ Олега, совсѣмъ несогласный съ приведеннымъ ниже договоромъ дѣйствительнымъ того же Олега, можетъ служить доводомъ легкаго обращенія книжника съ своими матеріалами — фактъ, конечно, менѣе рѣзкій — нелѣпаго производства новгородцевъ отъ варяговъ, куда-то устранившихъ прежнее славянское народонаселеніе Новгорода. Олегъ въ своемъ походѣ на Царьградъ носитъ на себѣ печать народнопѣсеннаго идеальнаго богатыря, наводящаго страхъ, берущаго дани громадныхъ размѣровъ, добывающаго мечемъ разныя блага, того идеала, который даетъ себя знать какъ въ остаткахъ великорусскаго былиннаго эпоса, такъ и въ малорусскихъ калядкахъ, сохраняющихъ и древніе образы, и древній пошибъ поэтическихъ пріемовъ.

То же мы видимъ и въ Святославѣ и болѣе всего во Владимирѣ. Въ цѣломъ образѣ Олега, воюющаго съ Цареградомъ, едва ли можно отыскать хоть каплю историческаго событія. Договоръ, приводимый лѣтописью въ его текстѣ, нимало не поясняетъ намъ историческаго значенія этого образа. Изъ договора даже отнюдь не слѣдуетъ, чтобы передъ его заключеніемъ происходила война, тѣмъ болѣе такая важная, какою представлена она въ лѣтописномъ разсказѣ. Въ этомъ договорѣ, напротивъ, мы встрѣчаемъ прежде всего извѣстіе о бывшей много лѣтъ любви между христіанами и Русью. Можно допустить только, что передъ тѣмъ было какое-то недоразумѣніе, но такое, однако, которое устранилось этимъ писаннымъ договоромъ. Въ греческихъ источникахъ мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека на походъ, который, если вѣрить нашему лѣтописцу, привелъ въ трепетъ Византію и принудилъ заплатить громадную контрибуцію. Между тѣмъ о другихъ походахъ русскихъ — о походѣ у насъ приписываемомъ Оскольду и Диру, о походѣ Игоря, и болѣе всего о походѣ Святослава — византійскіе источники сохранили довольно обстоятельныя извѣстія. Кромѣ фантастическаго характера войны, самое отсутствіе свѣдѣній о ней у византійцевъ

Digitized by Google

подаетъ намъ поводъ сомнѣваться въ томъ, чтобы тогда происходила война, подобная сколько-нибудь по размѣру той, какая описывается въ нашемъ домашнемъ источникѣ. На Олега перенесены идеальные вымыслы народнаго воображенія, вымыслы, которые легко можно примѣнить къ другимъ образамъ, и отчасти то, что могло дѣйствительно относиться къ другимъ существовавшимъ въ исторіи личностямъ, хотя бы даже не своимъ, а чужимъ, о которыхъ полусказочныя свѣдѣнія достигали до народнаго слуха: такіе переносы не рѣдкость въ народной поэзіи. Часто личности исторически важныя и знаменитыя почти и даже совсѣмъ забываются, а личности въ свое время вовсе неважныя по своимъ дѣяніямъ въ народной памяти озаряются лучами славы. Наша малорусская народная поэзія представляетъ этому наглядный и поучительный примѣръ. Что такое, напримѣръ, Морозенко едва уловимый въ письменныхъ памятникахъ, а между тѣмъ имя его гремитъ въ народныхъ пѣсняхъ отъ Сана до Дона и до подножія Кавказа! Славное имя Богдана Хмельницкаго стирается въ народной памяти, и героическіе подвиги его бурной эпохи совокупляются около именъ Перебейнса и Нечая! Многіе, громкіе въ историческихъ сочиненіяхъ своими дѣяніями, казацкіе гетманы совершенно неизвѣстны народной поэтической памяти, и идеаломъ казацкаго гетмана является въ народной думѣ небывалый Ганжа-Андыберъ. Забытъ человѣкъ, въ которомъ, по письменнымъ памятникамъ, мы вправѣ видѣть яркій идеалъ запорожскаго богатыря—Сирко, а народъ поетъ про какого-то запорожца Супруна. Давно ли югозападная Русь присоединена къ Россіи, а у тамошняго народа сдѣлался любимымъ героемъ этой эпохи, богатыремъ заступавшимся за народную громаду и содѣйствовавшимъ освобожденію южно-русскаго народа отъ ляховъ — генералъ Щорба (повидимому, искаженное имя вовсе незнаменитаго генерала Чорбы). Неудивительно, если и въ древней Руси ореолъ героической славы въ народной фантазіи окружилъ имя князя Олега, о которомъ, въ историческомъ отношеніи, мы не можемъ сказать ничего кромѣ того, что онъ когда-то въ X-мъ вѣкѣ жилъ и заключилъ договоръ съ греками.

Но, зная способъ перехода народныхъ сказаній, мы можемъ сомнѣваться въ томъ, чтобы этотъ Олегъ, дѣйствительно существовавшій, былъ названъ вѣщимъ въ свое время, а скорѣе на него впослѣдствіи перенесли свойства другого фантастическаго Олега, котораго собственное миѳическое имя могло жить тогда, какъ оно и до сихъ поръ живетъ въ народныхъ былинахъ подъ именемъ Вольгй. Въ самомъ дѣлѣ, имя Олега или Вольгй могло быть совсѣмъ не скандинавскимъ, какъ толковали нѣкоторые,

Digitized by Google

прибѣгая къ натяжкамъ, не литовскимъ (какъ думали, мы опираясь на то, что въ Литвѣ есть рѣка Олегъ и нѣкоторыя имена напоминающія тотъ же корень: Ольгердъ, Ольгимунтъ), а славянскимъ (ср. льгъкъ, олыгъчити, олыгъчатися, льгота, вольгота, вольготный, стар. влжѣйшій; у чеховъ встрѣчается имя Olga). Въ ряду нашихъ великорусскихъ былинъ есть замѣчательная по древности склада и глубинѣ поэтическаго смысла былина о Вольгѣ, уцѣлѣвшая въ разныхъ варіантахъ на сѣверѣ; сопоставленіе этихъ варіантовъ даетъ намъ довольно цѣльный миѳическигеройскій образъ. На немъ легло наслоеніе многихъ вѣковъ; на немъ отпечатались черты разныхъ судебъ народа, но все это не мѣшаетъ внутренней правдѣ. Воевалъ ли Вольга съ турецъ-салтаномъ, или съ Золотой Ордой или, съ индійскимъ царствомъ— онъ все одинаково идеалъ сильнаго и мудраго богатыря побѣдителя, покорителя, взимателя даней, богатыря вѣщаго, который владѣетъ силами природы; ему покорны и звѣри въ лѣсахъ и птицы въ воздухѣ, и рыбы въ водахъ, онъ умѣетъ оборачиваться въ животное, плавать подъ водою, летать по воздуху, такъ какъ въ представленіи первобытнаго человѣка для высокой мудрости нѣтъ ничего недоступнаго. При рожденіи Вольги или при его еще ребяческой прогулкѣ по землѣ произошло потрясеніе въ природѣ. Двѣнатцать лѣтъ онъ обучался всякой мудрости и дошелъ до того, что могъ плавать щукою въ водѣ, птицею летать, волкомъ бѣгать по полямъ. Онъ собралъ себѣ дружину. Онъ посылаетъ ее ловить звѣрей: дружина не могла поймать ни одного. Вольга обернулся волкомъ,—а по другому варіанту, на которомъ легло въ этомъ случаѣ вѣяніе книжныхъ понятій,—львомъ и загналъ звѣрей въ тенета свои. Приказываетъ онъ дружинѣ ловить птицъ. Дружина ловила три дня и три ночи, и ничего не поймала. Вольга обернулся въ науй птицу (ногъ—грифъ, баснословная птица) и загонялъ птицъ. Наконецъ, Вольга велитъ дружинѣ ловить въ морѣ рыбу; дружина также за три дня и три ночи не поймала ни одной рыбки. Тогда Вольга обернулся щукою и нагналъ рыбу на уловъ. Такимъ образомъ Вольга является вѣщимъ мудрецомъ въ области самыхъ первобытныхъ средствъ человѣка къ поддержанію жизни—въ области охоты и рыболовства. Вслѣдъ затѣмъ Вольга показываетъ свою вѣщую мудрость еще въ одномъ дѣлѣ, свойственномъ первобытному человѣку — въ дѣлѣ набѣга и грабежа. Онъ обращается въ птицу, но уже въ малую, летитъ въ Турецъ-землю (въ другихъ варіантахъ эта земля называется то Золотая Орда, то Индійское царство, и вѣроятно въ древности называлась Византіею, греческимъ царствомъ, куда лѣтопись по-

Digitized by Google

слала воевать своего Олега). Вольга слышитъ какъ Турецъ-Салтанъ или турецкій царь, разговоривая съ своею царицею, собирается идти на Русь войною, взять девять городовъ для своихъ девяти сыновей, а себѣ достать дорогую шубу; Вольга видитъ также, какъ турецкій царь отколотилъ свою царицу за то, что она осмѣлилась ему перечить. Потомъ Вольга обернулся горностаемъ, залѣзъ въ оружейную, испортилъ оружіе; послѣ того, обернулся волкомъ, вскочилъ въ конюшенный дворъ и перервалъ горла у лошадей. Наконецъ, онъ обратился опять въ маленькую пташку и улетѣлъ въ Кіевъ къ своей дружинѣ. Подготовивъ себѣ такимъ образомъ успѣхъ, вѣщій богатырь съ своею дружиною идетъ войною на Турецъ-землю, набираетъ тамъ полону и добычи; затѣмъ происходитъ дѣлежъ: дорого было оружіе и кони; дешевле всего цѣнились женщины.

Предъ нами раскрывается міръ глубоко-древній, бытъ звѣроловства, рыболовства и наѣздничества. Этотъ бытъ соприкасается съ міромъ цивилизаціи путемъ грабежа, какъ и было въ исторіи. Нападеніе былиннаго Вольги на Турецкую землю соотвѣтствуетъ лѣтописному нападенію Олега на Византію. Въ иной былинѣ о Вольгѣ представляется сходство съ другою половиною дѣятельности лѣтописнаго Олега. Подобно тому, какъ послѣдній представляется покоряющимъ сѣверянъ, древлянъ, радимичей, налагающимъ на нихъ дань,—и Вольга съ своею бродячею дружиною ѣздитъ за получкою по городамъ. Онъ наталкивается на другую силу—земледѣльческую, олицетворенную въ величавомъ, громадномъ образѣ Микулы Селяниновича: это имя—Микула—конечно позднѣйшее искаженіе, но его прозвище, по отчеству—Селяниновичъ, указываетъ на его значеніе осѣдлаго земледѣльческаго элемента. Дикая звѣроловная и наѣздническая мудрость Вольги оказывается безсильною передъ этимъ могучимъ элементомъ. Видитъ богатырь какъ ратай на своей соловенькой бобылкѣ вывертываетъ каменья и коренья сошкой, слышитъ какъ скрипитъ его сошка, черкаютъ омѣшики по камнямъ, и два дня Вольга догнать его не можетъ. Насилу догоняетъ онъ его на третій день къ обѣду и вступаетъ съ нимъ въ дружескій разговоръ. Узнавъ, что Вольга ѣдетъ за получкою по городамъ, ратай объясняетъ ему, что въ городахъ живутъ мужики-разбойники; заставили они его заплатить гроши подорожные за соль. Это повидимому сближаетъ бродячаго богатыря съ осѣдлымъ селяниномъ. Какъ видно, въ странѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе, — странѣ, которая представляется Русью, есть внутренніе раздоры, которыми можетъ воспользоваться дружинная шайка съ своимъ атаманомъ. Вольга

Digitized by Google

приглашаетъ Селяниновича идти съ собой въ товарищахъ. Но Селяниновичъ говоритъ, что у него сошка не обибрана. Надобно прежде выдернуть сошку изъ земли, вытрясти землю изъ омѣшиковъ, и бросить сошку за ракитовъ кустъ. Вольга приказываетъ исполнить это, сначала своей дружинѣ по частямъ ея, а потомъ всей дружинѣ вмѣстѣ, но цѣлая его дружина не могла сладить съ сошкою. Тогда самъ Селяниновичъ дѣлаетъ то, что́ нужно сдѣлать и притомъ одной рукою—тѣмъ онъ доказываетъ превосходство своей силы предъ богатыремъ и его наѣздническою шайкою.

Они поѣхали вмѣстѣ. Соловая кобылка ратая обгоняетъ богатырскаго коня Вольги. «Вонъ еслибъ эта кобылка конькомъ была, пятьсотъ рублей бы стоила».—Глупъ ты Вольга!—отвѣчаетъ ратай; еслибъ эта кобылка конькомъ была—ей бы цѣны не было. Вольга спрашиваетъ: кто онъ?—Оратай въ отвѣтъ описываетъ ему процедуру земледѣльческихъ занятій и признаки домовитости осѣдлаго селянина. Здѣсь ясно становится, что этотъ оратай Селяниновичъ есть олицетвореніе идеала земледѣльческаго общества, осѣдлаго, унаслѣдованнаго отъ отцовъ и дѣдовъ, чувствующаго въ себѣ великую силу, громадное могущество. Они доѣхали до цѣли. Вольга хочетъ получить дань съ городовъ, называемыхъ въ былинѣ Гурженцомъ и Орѣховцемъ, но жители ихъ вступаютъ въ драку. Дружина не выдержала, мостъ подломился, она тонетъ, но спѣшатъ на выручку Вольга и оратай Селяниновичъ, усмиряютъ ихъ и заставляютъ произнести тройное проклятіе на того, кто впередъ отважится вступать въ драку съ такими молодцами. Былина эта переноситъ насъ къ первичнымъ зачаткамъ государственной жизни. Народное творчество въ свойственномъ ему миѳическомъ образѣ выразило историческую правду, къ которой мы добираемся путемъ долгаго изученія и размышленія. Посреди общества уже осѣдлаго и земледѣльческаго появляется дикая, звѣроловная и наѣздническая шайка, воинственная дружина, ея предводители алчутъ дани и добычи, она живетъ грабежемъ, обираніемъ трудолюбиваго общества; все въ ней грубо, жестоко; она не уважаетъ человѣческой личности; женщина для нея дешевле коня, да и чужого для ней міра людей она не можетъ себѣ вообразить, какъ придавъ имъ свойственные себѣ варварскіе нравы; но и въ трудовомъ обществѣ есть также элементы несогласные между собою, и она находитъ себѣ подмогу въ земледѣльческой массѣ, сообщаетъ отчасти ей свой воинственный, разбойничій характеръ, но за то и отъ нея мало-по-малу заимствуетъ мирный, трудо-

Digitized by Google

вой. Такъ было въ ходѣ нашей исторіи. Какъ ни богаты вымысломъ разсказы о первыхъ временахъ нашей исторіи, но все-таки и сквозь нихъ можно доискаться исторической правды.

Откуда бы ни взялись тѣ князья, которыхъ родъ утвердился во всѣхъ русскихъ земляхъ впослѣдствіи, видно только то, что ихъ явленіе совпадало съ образованіемъ дружины, въ смыслѣ шайки, которая сначала совершенно, а съ теченіемъ времени болѣе или менѣе была стихіею отрѣзанною отъ народа, и постепенно сливалась съ нимъ. Это собственно не условливаетъ неизбѣжно чужеземнаго происхожденія самихъ князей, хотя вполнѣ согласуется съ возможностію такого происхожденія. Съ своей стороны нѣтъ необходимости неизбѣжно признавать, чтобы такая шайка состояла вначалѣ изъ иноземцевъ, хотя зерно ея очень легко могло быть иноземнымъ. Если иноземцы, какіе бы то ни было, явились на обширной почвѣ русско-славянскаго и чудского міра, нужно только, чтобъ они явились не въ качествѣ покорителей, желающихъ господствовать и подчинять чужихъ себѣ, оставаясь тѣмъ, чѣмъ пришли, нужно только, чтобъ они были просто разбойники, у которыхъ нѣтъ отечества, у которыхъ цѣль—грабежъ добыча, дань,—тогда все зависитъ отъ успѣха. При первомъ же успѣхѣ, къ нимъ начнутъ приставать туземцы; увеличеніе матеріальной силы для нихъ выгодно, а они станутъ ихъ принимать и допускать до равенства съ собою, съ каждымъ успѣхомъ масса ихъ будетъ увеличиваться; туземцы тѣмъ легче будутъ къ нимъ приставать, что имъ придется грабить не своихъ, а чужихъ, или тѣхъ кого они считаютъ чужими, и скоро иноземное зерно сотрется прилипшею къ нему массою туземнаго прироста. Съ другой стороны, если это зерно было бы и туземное, то по тому же свойству разбойничьяго духа оно будетъ открыто для прироста къ себѣ всякихъ элементовъ, и въ томъ числѣ инородныхъ. Мы видимъ, что такая шайка явилась въ Кіевѣ: образовалась ли она тамъ вслѣдствіе невѣдомыхъ намъ условій или пришла туда погромомъ извнѣ и тамъ основалась, какъ гласятъ преданія, все-таки она приняла надъ собою господство мѣстной народности, стала Русью, и образовала центръ тяготѣнія для сосѣднихъ земель, но въ ней неизбѣжно были всякіе инородные элементы, которые и видимы отчасти, и которые подавали поводъ ученымъ непремѣнно отыскивать господствующій не-славянскій элементъ.

Но въ сущности эти признаки инородности не доказываютъ ничего, потому что инородное ли было зерно или русское, результаты были одни и тѣ же. Для расширенія этой хищнической шайки, не было необходимо пополненіе ея преимущественно ино-

Digitized by Google

родными элементами, когда въ русско-славянскихъ земляхъ было много охотниковъ пополнять ее; разбойничьи шайки составлялись у насъ въ громадныхъ размѣрахъ и позже, но тогда онѣ должны были бороться съ существующею уже государственною властію; имъ не удавалось сломить эту власть, и онѣ погибали сами, иногда успѣвъ громкими дѣлами проявить себя. Но въ то отдаленное время не было никакой государственной власти, съ которою пришлось бы стать въ борьбу этой шайкѣ, а потому она невольно сама стала зародышемъ государственности. Ей надобно было содержать себя, а содержать себя она могла только оружіемъ, отнимая у другихъ то, чего ей нужно, и поэтому-то она начала нападать на сосѣдей, съ цѣлію доставить себѣ на ихъ счетъ средства къ существованію. Въ славяно-русскихъ земляхъ было нестроеніе, безладица, элементы враждебные одинъ другому; объ этомъ гласятъ и преданія, и такъ было неизбѣжно по причинѣ разъединенности и отсутствія связующихъ и примиряющихъ установленій. Повсюду были готовые примкнуть къ этой шайкѣ Микулы Селяниновичи и идти съ нею противъ своей братіи; легко было натравливать одно племя на другое племя, одинъ родъ противъ другого рода, а потому легко было примучивать ихъ и подчинять обязанности платить дани; правда, легко вспыхивало возстаніе и покушеніе свергнуть съ себя это принужденіе, но за то легко было погашать такія возстанія и уничтожать покушенія при помощи сосѣдей. Тѣ же, которые не поддавались подданству, или пытались свергнуть его, находили, при случаѣ, умѣстнымъ дѣйствовать за одно съ разбойничьею шайкою, ихъ грабившею. Такъ, по извѣстію нашей лѣтописи, Олегъ собиралъ дани съ нѣкоторыхъ народовъ, другіе же сопротивлялись ему; но какъ подчиненные, такъ и неподчиненные представляются идущими на Грецію. Если бы самый походъ Олега былъ чистымъ вымысломъ, то все-таки для насъ исторически важно то, что народное преданіе, а слѣдовательно и народное міровоззрѣніе представляетъ дѣломъ обычнымъ такой фактъ, что тѣ же, которые отбиваются отъ Олега, становятся подъ его знамя тогда, когда приходитъ случай идти грабить другихъ. Въ былинѣ Вольга называется даже не княземъ, а атаманомъ, и можно сказать, что не безъ смысла: если, конечно, между первобытными князьями Рюрикова дома и выборными атаманами казацкихъ шаекъ послѣдующихъ временъ было много различія, за то было много и сходства въ способахъ ихъ дѣятельности, да отчасти и въ самомъ отношеніи къ подвластнымъ. Вольга съ своей дружиною хочетъ брать дань съ городовъ, и достигаетъ своей цѣли при помощи оратая Селянино-

Digitized by Google

вича, именно оттого, что такому Вольгѣ съ своею дружиною легко было найти такого оратая, у котораго была своя вражда, закоренѣлая злоба къ другимъ своимъ сожителямъ, какимъ-нибудь мужикамъ гурженскимъ. Вольга, при всей своей мудрости, со всею хороброю дружиною долженъ былъ сознать надъ собою превосходство громадной силы оратая; онъ едва могъ догнать его, когда тотъ, обработывая дикіе поля, вывертывалъ коренья и каменья; Вольга съ своею дружиною не могъ сдвинуть съ мѣста сошки Селяниновича, не могъ на своемъ боевомъ конѣ опередить его соловой кобылки; и дѣйствительно — разбойничья шайка, которая завелась тогда въ русско-славянскомъ мірѣ, была въ сущности безсильна, даже ничтожна предъ земской силою этого русско-славянскаго земледѣльческаго осѣдлаго міра, еслибъ только послѣдній захотѣлъ дружно развернуть свою силу; но, какъ видно, это земледѣльческое могущество само оказалось нуждавшимся въ Вольгѣ и его дружинѣ; при всей своей коренастой крѣпости и гигантской силѣ оратай долженъ былъ платить гроши подорожные въ городахъ за соль—предметъ первой необходимости, и ничего не могла тутъ подѣлать его шалыга. Очевидно, онъ былъ враждебенъ къ мужикамъ гуржевцамъ и орѣховцамъ, но былъ самъ одинъ противъ нихъ несостоятеленъ; а только вмѣстѣ съ Вольгою задалъ имъ страху и заставилъ покориться. Былина не досказываетъ ясно того, что, однако, само собою слѣдуетъ: если для мудраго Вольги нужна была необычная сила оратая, то для этого оратая нужна была необычная мудрость Вольги. Здѣсь намъ представляется самый первичный зародышъ государства. Дружина съ княземъ, вначалѣ имѣвшая подобіе разбойничьей шайки съ атаманомъ во главѣ, содержа себя на счетъ получки даней и грабежа, естественно, для поддержанія своего существованія, должна была безпрестанно ходить на войну, нападать на кого бы то ни было, и мы знаемъ изъ другихъ иноземныхъ источниковъ о такихъ нападеніяхъ Руси, о которыхъ нѣтъ слѣдовъ въ нашей лѣтописи; изъ восточныхъ писателей мы узнаемъ о нападеніяхъ Руси на берега Каспійскаго моря, Куры, о грабежахъ въ Азербайджанѣ. Развитіе дружиннаго начала, иначе, расширеніе разбойничьей шайки было характеристическимъ явленіемъ вѣка, направленіе это все болѣе и болѣе пріобрѣтало пространства и силы; князья и сами ходили собирать дани, и своихъ мужей посылали за этимъ, и оставляли своихъ мужей съ дружиной въ разныхъ земляхъ для собранія даней, да наконецъ, и сами сильные мужи собирали по себѣ дружины и ходили за данями, какъ показываетъ примѣръ Свѣнельда,

Digitized by Google

о которомъ мы скажемъ ниже въ своемъ мѣстѣ. Такъ какъ элементовъ враждебныхъ другъ къ другу было слишкомъ много и они облегчали княжеское и дружинное дѣло, то отсюда неизбѣжно вытекало, что запросъ на присоединеніе къ дружинѣ и на совмѣстную съ нею дѣятельность сталъ превышать призывъ къ этому присоединенію, и такимъ образомъ не всѣ уже примыкавшіе къ дружинѣ составляли ея тѣло и не пользовались выгодами бывшихъ въ этомъ тѣлѣ; образовалась, кромѣ дружины, рать шедшая на помощь дружинѣ, но уже не имѣвшая того значенія, какое имѣла дружина. Микула Селяниновичъ оказалъ важное пособіе Вольгѣ, но не вошелъ въ его дружину, они разъѣхались другъ съ другомъ—обоимъ разная дорога: одному приниматься за свою сошку, вывертывать каменья и коренья, другому собирать дани и, конечно, дозволительно предположить возможность при случаѣ, что Вольга-богатырь захочетъ брать дань и съ Микулы Селяниновича, а когда послѣдній станетъ противиться, то Вольга начнетъ принуждать его вмѣстѣ съ гуржевскими и орѣховскими мужиками. Селяниновичъ, то-есть селянинъ отъ дѣда и прадѣда, земледѣлецъ, привыкшій съ дѣтства къ сохѣ, отрывался отъ своей сохи, чтобъ употребить свою крѣпкую руку на убійство и грабежи, но потомъ все-таки ворочался къ своей сохѣ, а тогда ему приходилось почувствовать и на себѣ тяжелый гнетъ той дружины, которой онъ недавно помогалъ налагать гнетъ на подобныхъ себѣ мужиковъ. Но дружина все-таки не оставалась чѣмъ-нибудь строго замкнутымъ за непереходимою чертою, протянутою между нею и народомъ, составлявшимъ примыкавшую къ ней рать точно также, какъ въ послѣдующія времена казацкія шайки хотя и составляли корпораціи отличныя отъ народной массы, которая часто приставала къ нимъ и содѣйствовала имъ, но эти корпораціи постоянно пополнялись изъ того же народа. Личныя доблести и разныя обстоятельства всегда выдѣляли людей изъ рати и вводили въ дружину. Подчиненіе того или другого русско-славянскаго племени, выражавшееся на первыхъ порахъ данью, не было тождественно съ тѣми покореніями, какія мы встрѣчаемъ въ исторіи тамъ, гдѣ приходитъ извнѣ одно племя и покоряетъ другое. У насъ было внутреннее броженіе, а не иноплеменное завоеваніе. Дружина, собиравшая дани съ племенъ, не была для нихъ чѣмъ-нибудь въ родѣ варяговъ, козаровъ или даже одноплеменныхъ ляховъ или дунайцевъ: она заключала въ себѣ слишкомъ много главныхъ этнографическихъ признаковъ, общихъ каждому изъ племенъ; инородные элементы, входившіе въ нее, не имѣли столько крѣпости и размѣра, чтобъ заявить себя от-

Digitized by Google

дѣльною силою. Господствующій элементъ въ дружинѣ былъ русскій, кіевскій, и Русь кіевская сознавала свое первенство надъ родственными русско-славянскими городами: преданіе, приписывающее Олегу наименованіе Кіева матерью городовъ русскихъ, показываетъ во всякомъ случаѣ, что въ Кіевѣ образовался такой взглядъ: Русь кіевская при случаѣ заявляла о своемъ превосходствѣ и внѣшними знаками почета, какъ видно изъ преданія о томъ, что Олегъ, при возвращеніи отъ Царьграда, приказалъ для Руси изготовить паруса изъ лучшей ткани, чѣмъ для славянъ, но Русь кіевская по отношенію и къ славянамъ новгородскимъ, и къ другимъ русско-славянскимъ племенамъ, была, при всѣхъ отличіяхъ, настолько родственна, что ея первенство было первенство домашнее, можетъ быть подъ-часъ непріятное и тяжелое, но все-таки домашнее, а не чужеземное. Притомъ же, при господствѣ русскаго, т.-е. кіевскаго элемента, въ дружинѣ, послѣдняя все-таки никогда не была, да и не могла быть герметически заперта для другихъ русскихъ племенъ. Самый разбойничій характеръ дружины, который она сохраняла замѣчательно долго, содѣйствовалъ сближенію и примиренію дружиннаго элемента съ народнымъ. Дружина брала дани, но тѣмъ и ограничивалась; затѣмъ племена жили себѣ какъ встарь, управлялись сами собою, не было того насилія и униженія народныхъ обычаевъ, которое часто является послѣдствіемъ иноземнаго завоеванія; съ другой стороны, походы и нападенія, въ которыхъ рати земскія содѣйствовали дружинѣ, соединяли ихъ взаимными интересами. Микулѣ Селяниновичу постоянно приходилось идти въ товарищи къ Вольгѣ Святославичу.

Мы не думаемъ, однако, чтобы народные поэтическіе образы въ былинахъ, приведенныхъ нами, касались исключительно одной только эпохи. Мы не думаемъ, подобно нѣкоторымъ нашимъ ученымъ, чтобы пѣсенный Вольга былъ только непосредственнымъ выраженіемъ народнаго воспоминанія объ историческомъ князѣ Олегѣ. Народная поэзія гораздо шире и произведенія ея творчества очень часто совсѣмъ не подходятъ подъ ту мѣрку, какая годится для какихъ бы то ни было историческихъ или литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ потомству на письмѣ. Обыкновенно, чѣмъ глубже поэтическіе образы въ этихъ произведеніяхъ выражаютъ духовную жизнь народа, тѣмъ менѣе они приростаютъ къ даннымъ эпохамъ, событіямъ, лицамъ. Образъ, по внѣшнимъ признакамъ, повидимому, относящійся къ опредѣленной эпохѣ, можетъ равнымъ образомъ быть выраженіемъ и для послѣдующихъ и для предшествовавшихъ эпохъ, а также

Digitized by Google

выражая въ народномъ воспоминаніи одинъ извѣстный предметъ, въ то же время можетъ выражать и другой, если между тѣмъ и другимъ есть внутренняя связь по отношенію къ народному міросозерцанію и народнымъ симпатіямъ и антипатіямъ. Дѣйствительно, образъ Вольги въ былинѣ содержитъ въ себѣ много чертъ, напоминающихъ лѣтописнаго Олега, какъ и собственное имя пѣсеннаго богатыря—одно и то же съ именемъ послѣдняго, но сущность былины можетъ также удобно приспособляться и къ гораздо древнѣйшимъ временамъ, напр., хоть бы къ Аттилѣ, къ полчищу котораго примыкали земледѣльцы, чтобы свергнуть съ себя иго «мужиковъ-злодѣевъ» именуемыхъ въ исторіи готами. Устраняя случайныя и временныя черты, мы придемъ къ тому, что признаемъ главную идею этой былины въ томъ, что бродячее воинственное полчище сознаетъ великую силу земледѣльческаго осѣдлаго общества и сближается съ нимъ потому, что у нихъ обоихъ являются общіе интересы и общіе враги. Эти враги для осѣдлаго общества могутъ быть свои, и воинственной шайкѣ представляется случай воспользоваться раздорами, съ тѣмъ чтобы употребить силу одной стороны противъ другой, но иногда эти враги осѣдлаго общества могутъ быть и чужіе, и тогда осѣдлое общество ищетъ помощи у бродячаго для своего освобожденія. Издавна въ русскомъ мірѣ посреди осѣдлаго отъ вѣковъ земледѣльческаго населенія являлись воинственные элементы, и между тою и другою стороною должны были возникать общіе сближающіе ихъ интересы, побуждающіе ко взаимному дѣйствію. Образы, подобные Вольгѣ-богатырю и Селяниновичу-оратаю, могли возникнуть очень давно. Былина о Вольгѣ вѣетъ миѳическою стариною. Вольга народной поэзіи, какъ и его товарищъ Селяниновичъ, до того титаничны, до того общепримѣнимы къ разнымъ положеніямъ, что скорѣе лѣтописный Олегъ можетъ показаться локализаціею древняго миѳологическаго представленія, въ которомъ выразилось два идеала древней человѣческой дѣятельности: война и земледѣліе, чѣмъ Вольга простымъ воспоминаніемъ о лѣтописномъ Олегѣ.

Смерть Олега въ лѣтописи носитъ признакъ древняго миѳа, примѣненнаго къ данной личности. Вѣщій Олегъ, при всей своей мудрости, успѣхахъ, могуществѣ, славѣ, не можетъ уразумѣть смысла прорицанія, голоса судьбы, не можетъ понять, что избѣгать своей судьбы не нужно, потому что невозможно. Волхвы, по его желанію знать о своемъ концѣ, предсказываютъ ему смерть отъ любимаго коня. Олегъ удаляетъ отъ себя коня, но черезъ четыре года, когда уже конь околѣлъ, осенью, Олегъ отыскиваетъ кости своего коня, и наступя ногою на черепъ, смѣется

Digitized by Google

надъ прорицателями. Вдругъ изъ черепа выползаетъ змѣя, ужаливаетъ героя въ ногу и прорицаніе сбывается. Сущность этого сказанія въ томъ, что человѣку, желающему раскрыть тайну будущаго, открывается правда, но онъ не можетъ понять ее, потому что она выражена такъ, что не все досказано, и прорицаніе сбывается тогда, когда, повидимому, уже не представляется никакой возможности, чтобъ оно сбылось. Многіе отвѣты греческихъ прорицалищъ носятъ именно такой характеръ недосказа. И многія поэтическія сказанія греческой миѳологіи содержатъ въ себѣ эту идею, давшую смыслъ древней трагедіи. Съ особенною полнотою она проявилась въ Эдипѣ: страшное прорицаніе, положенное на немъ при рожденіи сбывается, несмотря на то, что приняты были мѣры для того, чтобъ оно не сбылось. Преданія и сказанія съ такимъ смысломъ очень распространены и чрезвычайно развѣтвлены; къ нимъ принадлежитъ сказаніе о ходячемъ лѣсѣ, состоящее въ томъ, что богатырю предсказана смерть тогда, когда противъ него пойдетъ лѣсъ; богатырь не боится смерти, потому что лѣсъ ходить не можетъ, но враги его идутъ противъ него съ вѣтвями въ рукахъ и предсказаніе сбывается. Подобное тому находится въ малорусскомъ преданіи о Савѣ Чаломъ, которое отразилось даже въ нѣкоторыхъ варіантахъ пѣсни объ этомъ любимомъ народною поэзіею лицѣ. Сава былъ характерникъ (волшебникъ), и какой-то волхвъ сказалъ его врагамъ, запорожскимъ казакамъ, что его уничтожить можетъ только тотъ, кто будетъ стоять одною ногою на польской, а другою на запорожской землѣ. Тогда одинъ изъ нихъ, Игнатъ Голый набираетъ въ сапогъ запорожской земли, надѣваетъ его на одну ногу, другую оставляетъ босою и идетъ въ Польшу. Сава погибаетъ въ то время, когда, находясь въ Польшѣ, считаетъ невозможнымъ исполненіе прорицанія. Въ этомъ родѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько поразительно сходныхъ сказаній со сказаніемъ о смерти Олега. Въ скандинавскихъ сагахъ разсказывается, что богатырю Орвару Одду предсказана смерть отъ любимаго коня. Богатырь умертвилъ его, но чрезъ много лѣтъ (баснословная сага даетъ ему триста лѣтъ жизни) смерть постигаетъ Орвара отъ укушенія ящерицы, которая выползла изъ черепа его коня. Это сходство нашего преданія со скандинавскимъ не можетъ быть признакомъ перенесенія его къ намъ изъ Скандинавіи, такъ какъ оно сходно съ преданіями и такихъ странъ, куда не проникало прямое скандинавское вліяніе. Профессоръ Сухомлиновъ (см. «Основа», 1861 г. іюнь) записалъ въ глубинѣ Сербіи три преданія сходныя съ нашимъ. Одно изъ нихъ гласитъ такъ:

Digitized by Google

турскому царю докторъ предсказалъ смерть отъ любимаго коня. Царь приказалъ отвести коня въ лугъ и оставить безъ присмотра; конь осенью околѣлъ. Спустя послѣ того пять или шесть лѣтъ, царь, послѣ пира, вздумалъ прогуляться по лугу и наткнулся на голову своего коня. Онъ посмѣялся надъ прорицаніемъ, но въ это время изъ черепа выползла змѣя и ужалила его въ ногу; отъ этого царь умеръ и прорицаніе сбылось. Другое сказаніе, видоизмѣненное, перенесено на женскую особу. У царя была дочь, которой предсказали смерть отъ змѣи. Отецъ приказалъ сдѣлать ей стеклянный домъ, куда никакъ не могла заползти никакая гадина, но однажды царевнѣ захотѣлось винограду; ей принесли его, и вдругъ изъ кисти выскочила змѣя и ужалила царевну, которая и умерла. Третье сказаніе переноситъ этотъ миѳъ изъ богатырскаго и царскаго міра въ простой сельскій: дѣвушкѣ предсказана смерть отъ волка. Она всѣми силами избѣгаетъ возможности встрѣтиться съ волкомъ. Спустя девять лѣтъ, дѣвушка, уже вышедши замужъ, умерла отъ раны, нанесенной ей зубомъ убитаго волка, котораго голову она толкнула ногою. Въ нашихъ малорусскихъ сказаніяхъ есть одно также близко подходящее ко всему этому. Пану предсказывается смерть отъ дерева, растущаго въ саду у него; панъ приказалъ срубить дерево, разрубить на полѣнья и сжечь въ печкѣ, но бросая въ печь полѣнья занозилъ себѣ руку и умеръ отъ этого.

Какъ бы то ни было, только сказаніе о смерти Олега есть древній миѳъ, примѣненный къ Олегу какъ къ лицу полумиѳическому, къ которому вообще воображеніе примкнуло разные образцы героическаго эпоса. Случайность примѣненія миѳа о смерти отъ коня къ Олегу видна уже изъ того, что тогда, какъ преданіе это назначаетъ Олегу смерть въ Кіевѣ и даже указываетъ мѣсто его погребенія, другое преданіе говоритъ, что онъ умеръ въ Ладогѣ.

VIII.

Преданія объ Игорѣ и Ольгиной мести.

Князь Игорь представляется въ лѣтописи совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ Олегъ. Кромѣ договора съ греками, лѣтописецъ имѣлъ подъ рукою греческое письменное извѣстіе о его несчастномъ походѣ на Грецію, и согласно ему изобразилъ это событіе въ своемъ повѣствованіи. Но вслѣдъ затѣмъ у нашего лѣтописца слѣдуетъ описаніе событія, которое противорѣчитъ, по своему смыслу, предшествовавшему. Разбитый греками въ 941 г., Игорь въ 944

Digitized by Google

совокупилъ снова войско русскихъ народовъ: полянъ, славянъ, кривичей, и кромѣ того пригласилъ варяговъ изъ-за моря и нанялъ печенѣговъ, явившихся въ первый разъ по лѣтосчисленію русскаго лѣтописца въ 915, и собрался идти на грековъ и въ лодьяхъ и конницей. Херсонесцы (корсунцы), услышавъ объ этомъ, дали знать Роману, правившему тогда государствомъ и говорили такъ: «вотъ Русь идетъ, все море кораблями покрыли» и болгары послали сказать: «Русь идетъ и печенѣговъ наняла себѣ». Царь греческій послалъ къ Игорю лучшихъ своихъ бояръ, и тѣ говорили: «не ходи на насъ, возьми дань, какую бралъ Олегъ, придамъ еще къ этой дани». И печенѣгамъ послалъ греческій царь золота и паволоки. Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ свою дружину и передалъ ей рѣчь греческаго царя. «Если такъ говоритъ царь, — сказала дружина — то чего намъ болѣе, когда, не сражавшись, получимъ золото, серебро и паволоки. Какъ знать, кто одолѣетъ! Мы ли, они ли! А съ моремъ кто въ совѣтѣ. Это не то, что по землѣ ходить, — по глубинѣ морской: тамъ всѣмъ равная смерть!» Игорь послушалъ приговора дружины, велѣлъ печенѣгамъ воевать Болгарскую землю; а самъ взялъ у грековъ золота, серебра, паволокъ на всѣхъ своихъ воиновъ и отправился къ Кіеву во-свояси.

Это извѣстіе несогласимо съ тѣмъ, которое заимствовано у греческихъ писателей. Если греки недавно разбили русскихъ, то не могли до такой степени перепугаться ихъ новаго нашествія, особенно когда были предупреждены заранѣе и слѣдовательно могли предпринять всѣ средства и способы къ отраженію наступавшаго непріятеля. Согласиться на унизительныя условія, не бившись съ врагами, которые недавно потерпѣли пораженіе, было бы ужъ черезъ-чуръ нелѣпо, и Византія не была еще въ то время безсильною. Притомъ же самый договоръ Игоря съ греками, который внесъ лѣтописатель въ свою лѣтопись, вовсе не заключаетъ такихъ условій, о какихъ говорится въ приведенномъ разсказѣ о трусости грековъ. Очевидно, разсказъ этотъ русскаго происхожденія, и такъ какъ у лѣтописца не могло быть туземныхъ письменныхъ памятниковъ въ этомъ родѣ, современныхъ событію, то онъ, значитъ, почерпнулъ его не иначе, какъ изъ изустнаго сказанія или вѣрнѣе изъ думы, какъ можно заключать по драматичности разсказа. Въ думахъ и сказаніяхъ того времени должно быть ничего не говорилось о дѣйствительной войнѣ, веденной Игоремъ противъ грековъ, войнѣ несчастной для русскихъ, а потому лѣтописецъ передалъ объ ней иностранное свѣдѣніе; но ему, кромѣ того,

Digitized by Google

извѣстна была дума или сказаніе, гдѣ представлялось, что Игорь только собрался воевать и однимъ своимъ сборомъ на войну навелъ такой ужасъ на грековъ, что они заранѣе стали просить пощады и мира. Лѣтописецъ соединилъ два противорѣчивыя извѣстія и занесъ въ свою лѣтопись два событія, поставивъ ихъ одно за другимъ, по естественному соображенію: сначала войну, описанную греками, а потомъ сборъ Игоря на новую войну по русскому преданію. Это сопоставленіе историческаго извѣстія съ преданіемъ показываетъ намъ наглядно характеръ преданій въ сказаніяхъ и думахъ, когда эти преданія относились къ военнымъ предпріятіямъ русскихъ и къ войнамъ ихъ съ другими народами. Они были хвастливы и не только преувеличивали успѣхи, раскрашивая ихъ узорами древняго своего эпоса, но и самыя неудачи превращали въ успѣхи. Понятно, что объективной исторической правды въ нихъ было мало. Собственно это были не простонародныя пѣсни массы—пѣсни, которыя создаются всѣмъ народомъ и поются въ его массѣ; то были пѣсни и сказанія дружины, люда военнаго, распѣваемыя и сказываемыя гуслярами передъ князьями и боярами, и въ нихъ естественно обращалось вниманіе на то, чтобъ наиболѣе восхвалить подвиги предковъ. Такого рода пѣснопѣнія, какъ показываетъ ихъ содержаніе, передаваемое лѣтописцемъ, подходило болѣе всего къ нашимъ малорусскимъ думамъ, которыя хотя и принадлежатъ къ области народной поэзіи, но отличаются отъ пѣсенъ какъ особою стройностію повѣствовательнаго характера, такъ еще болѣе и тѣмъ, что поются исключительно однимъ классомъ пѣвцовъ—кобзарями. Различіе между древними пѣснопѣніями и позднѣйшими казацкими думами заключалось какъ въ формахъ и пріемахъ рѣчи, языка, такъ и въ слушателяхъ, для которыхъ онѣ пѣлись или сказывались, что зависѣло отъ иныхъ условій исторической жизни. Насколько казакъ отличался отъ дружинника, настолько разнилось и впечатлѣніе производимое на слушателей поэтическимъ произведеніемъ. Изложивъ договоръ, заключенный Игоремъ, въ его текстѣ, очевидно по переводу съ греческаго, какъ показываетъ языкъ, лѣтописецъ отъ себя разсказываетъ, что Игорь, принявъ греческихъ пословъ, съ своею дружиною произносилъ клятву въ соблюденіи договора на холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна, полагая предъ нимъ оружіе, щиты и золото, а тѣ русскіе, которые уже приняли крещеніе, присягали въ церкви св. Иліи, которой мѣстность указывается, по этому поводу, лѣтописцемъ съ замѣчательною точностію, хотя для насъ теперь уже и непонятною («иже есть

Digitized by Google

надъ ручьемъ, конецъ пасынькѣ бесѣды и казаре»). Затѣмъ, Игорь отпустилъ греческихъ пословъ, одаривъ ихъ шкурами, рабами и воскомъ.

Не трудно видѣть происхожденіе послѣдняго этого извѣстія. Церковь св. Иліи, вѣроятно, существовала на своемъ мѣстѣ и въ эпоху, когда жилъ и писалъ лѣтописецъ, хотя быть можетъ уже перестроенная; что же касается до произнесенія клятвы, то лѣтописцу по преданію было извѣстно, какъ въ язычествѣ произносилась клятва, и онъ приложилъ къ Игорю общія черты древняго русскаго языческаго быта. Точно также по преданію и по соображенію, онъ зналъ чѣмъ дарили и чѣмъ могли дарить русскіе князья иноземныхъ пословъ.

Подъ 945-мъ и 946-мъ годами у лѣтописца слѣдуетъ стройный разсказъ о смерти Игоря и о мести Ольги, разсказъ довольно живой и драматичный; видно, что лѣтописецъ передалъ здѣсь содержаніе цѣлой думы; разсказъ прерывается въ одномъ мѣстѣ собственнымъ замѣчаніемъ лѣтописца, поясняющимъ кіевскую мѣстность для его современниковъ. Дума эта, касаясь внутреннихъ событій края, болѣе исторична, чѣмъ тѣ, которыя относятся къ богатырскимъ подвигамъ противъ внѣшнихъ враговъ, по крайней мѣрѣ она воспроизводитъ дѣйствительно бытовыя черты. Таково вообще свойство подобныхъ произведеній народнаго творчества: чѣмъ болѣе ихъ предметъ переносится изъ своенародной среды на чужую почву, тѣмъ болѣе поддаются онѣ эпическимъ вымысламъ—«замышленію», какъ выразился пѣвецъ Игоря Сѣверскаго, и напротивъ, если вращаются въ нѣдрѣ своего собственнаго быта, то охотнѣе сохраняютъ характеръ «былинъ времени», отражаютъ въ себѣ дѣйствительныя условія жизни. Такія поэтическія произведенія, по отношенію къ объективной исторической правдѣ, бываютъ нерѣдко важнѣе самихъ лѣтописей, невольно своими пріемами открывая такія бытовыя черты, которыя сухой лѣтописный разсказъ опускаетъ. Благодаря этому качеству такихъ произведеній, мы узнаемъ въ наглядномъ, типическомъ очертаніи характеръ тогдашней дружины, рѣзко представляющій подобіе съ разбойничьей шайкою. Дружинное начало до того развилось, что была уже не одна только дружина княжеская, но, какъ мы уже замѣчали, около сильныхъ мужей также составлялись дружины, жившія грабежемъ, подъ названіемъ сбора даней или хожденія въ дань, и это поясняетъ намъ такія явленія, какъ набѣги русскихъ разбойничьихъ шаекъ за Кавказомъ. Такія дружины при успѣхахъ возбуждали зависть даже у княжеской. У Игоря былъ сильный мужъ Свѣнельдъ. Въ спискѣ Софійскаго

Digitized by Google

Временника приписывается ему успѣшная раздѣлка съ угличами, съ которыми трудно было бороться кіевскимъ князьямъ, хотѣвшимъ брать съ нихъ дань подобно тому, какъ брали ее съ другихъ русско-славянскихъ народовъ. Свѣнельдъ цѣлые три года стоялъ подъ городомъ Пересѣченомъ, пока не взялъ его. Угличи послѣ того двинулись къ Днѣстру изъ своихъ прежнихъ жилищъ, близкихъ къ Днѣпру. («Идоша межи во Днѣстръ (?) и сѣдоша тамо»). Извѣстіе это не только темно, но и сомнительно, такъ какъ страна ниже устья Роси внизъ по Днѣпру и на западъ отъ Днѣпра не входила послѣ того во владѣніе кіевскихъ князей, да и въ послѣдующей исторіи она почти ускользаетъ изъ вида, а было бы иначе, еслибъ на самомъ дѣлѣ Кіеву удалось тогда подчинить ее. Еще Карамзинъ съ обычною своею прозорливостію замѣтилъ, что это позднѣйшая выдумка, явившаяся съ цѣлію объяснить возвышеніе Свѣнельда. Съ другой стороны, однако, слѣдуетъ замѣтить, что дружина Свѣнельдова могла стать богаче княжеской дружины только посредствомъ какихъ-нибудь походовъ за данями, а потому если можетъ быть въ какомъ-нибудь извѣстномъ намъ древнемъ спискѣ и упоминалось объ угличахъ, то вѣроятно на самомъ дѣлѣ Свѣнельдъ пограбилъ ихъ, обогатившись данью, но едва ли покорилъ и прогналъ. Но такъ какъ извѣстіе о зависти княжеской дружины къ Свѣнельдовой очевидно взято изъ пѣснопѣнія или сказанія, то въ такомъ источникѣ легко обходилось и безъ означенія причины приводимаго факта и вѣроятнѣе всего разсказъ начинался именно такъ, какъ онъ начинается въ лѣтописи по извѣстнымъ намъ старымъ ея спискамъ: «Дружина сказала Игорю: молодцы Свѣнельдовы добыли себѣ оружіе и одежды, а мы наги; пойдемъ, князь, въ дань: и ты добудешь, и мы» и пр. Всякъ согласится, что въ этой рѣчи слышится голосъ разбойниковъ къ своему атаману, завидующихъ успѣхамъ другой шайки. Игорь отправляется въ Деревскую землю, беретъ дань больше прежней, и онъ и мужи его совершаютъ насилія надъ жителями и, набравши дани, возвращаются въ свой городъ. Но на дорогѣ захотѣлось Игорю еще походить и пособирать дани. Очевидно, ему хотѣлось избѣжать необходимости дѣлиться данью съ большимъ числомъ сопутниковъ, и потому онъ взялъ съ собой немного дружины и отправился опять въ Деревскую землю. Древляне, какъ видно, казались ему до того смирными и простоватыми, что онъ не предполагалъ никакой опасности. Но древляне на этотъ разъ собрались на совѣщаніе съ своимъ княземъ Маломъ и такъ порѣшили: повадится волкъ къ овцамъ, то, по одной овцѣ таская, все стадо погубитъ, если не убьютъ его; такъ и этотъ — всѣхъ

Digitized by Google

насъ погубитъ, когда не убьемъ его. Но прежде послали они къ Игорю съ такимъ словомъ: «Зачѣмъ идешь? вѣдь ты всю дань взялъ?» Замѣчателенъ въ этихъ словахъ тотъ взглядъ, какой имѣли древляне и вѣроятно вообще подчиненные русско-славянскіе народы на кіевскую княжескую власть. Она была для нихъ неизбѣжнымъ зломъ, приходившимъ къ нимъ извнѣ, не болѣе. Не предполагалось возможнымъ, чтобы кіевскій князь приходилъ къ нимъ въ землю зачѣмъ бы то ни было кромѣ собиранія дани, иначе, кромѣ грабежа. Впослѣдствіи уже въ христіанскія времена мы замѣчаемъ на князѣ нравственную обязанность управлять, творить расправу, защищать землю, но въ языческія времена объ этой обязанности не было и намёка, да и одно приключеніе съ Игоремъ достаточно убѣждаетъ, что тогда еще и не могло быть ничего подобнаго. Въ земляхъ были свои собственные князья, и кіевскіе не думали ихъ уничтожать, потому что политическія соображенія ихъ такъ далеко не заходили; для кіевскихъ князей и ихъ дружины было все равно, что́ бы ни дѣлалось въ землѣ, какъ бы она себѣ ни устроивалась, лишь бы имъ давали дань. Поэтому, прежде чѣмъ Игорь сталъ собирать дань, древляне уже были недовольны и возмутились уже тѣмъ, что онъ идетъ къ нимъ, такъ какъ ему незачѣмъ инымъ было ходить къ нимъ и не могъ имъ приходъ его приносить ничего кромѣ тягости. Игорь не послушался, не воротился и былъ убитъ близъ Искоростѣна. И погребли его—говоритъ лѣтопись—и есть могила его въ Деревской землѣ до сихъ поръ. Существованіе могилы (то-есть кургана), признаваемой въ народѣ Игоревою, очень важно, потому что это содѣйствовало сохраненію самого преданія о событіи въ относительно-большей свѣжести, такъ какъ можно вообще поставить правиломъ, что преданія о минувшихъ временахъ сберегаются въ памяти поколѣній долѣе и даже иногда отличаются большею близостію къ исторической правдѣ, когда онѣ связаны съ какими-нибудь вещественными остатками. Надобно предполагать, что или лѣтописецъ сократилъ свой источникъ, выпустивъ нѣкоторыя подробности, или же существовали другія преданія о смерти Игоря: такъ, въ исторіи, сочиненной по-гречески калойскимъ діакономъ Львомъ, приводится письмо греческаго императора Іоанна Цимисхія къ Святославу, въ которомъ греческій императоръ припоминаетъ русскому князю о смерти отца его Игоря и говоритъ, что Игорь былъ растерзанъ между двумя деревьями. Свѣдѣніе это въ Грецію могло зайти только изъ Руси, и это было легко, такъ какъ русскіе постоянно посѣщали Константинополь и служили въ им-

Digitized by Google

нераторскомъ войскѣ, слѣдовательно, такая черта существовала въ древнѣйшихъ разсказахъ о смерти Игоря. Она мѣстно народна и теперь повторяется въ народныхъ разсказахъ о казняхъ разбойниковъ. За смертью Игоря слѣдуетъ всѣмъ извѣстная месть Ольги. Въ ея изображеніи слышится та племенная вражда, которая (какъ очевидно изъ тона повѣствованія лѣтописи въ разныхъ ея мѣстахъ) существовала между полянами—русью и древлянами. Древніе древляне, жители дремучихъ лѣсовъ, представляются такими же глушцами и простаками, какими до сихъ поръ въ народныхъ разсказахъ слывутъ ихъ потомки полѣщуки. Глупость ихъ предполагается уже въ томъ, что они, убивъ Игоря, считаютъ возможнымъ соединить бракомъ его вдову съ своимъ княземъ Маломъ. Имя этого князя—Малъ, то-есть Малый, кажется насмѣшливое и презрительное прозвище въ смыслѣ князька или князишки. Глупость древлянъ идетъ возрастающимъ ходомъ въ этомъ сказаніи. Ольга губитъ первыхъ пословъ въ числѣ двадцати человѣкъ, приказавъ засыпать ихъ живьемъ въ ладьѣ, въ которой они, по ея же настоянію, велѣли себя нести для почета, но древляне у себя въ землѣ не догадываются, отчего послы ихъ не возвращаются домой изъ Кіева; по требованію Ольги они высылаютъ къ ней еще наилучшихъ людей своей земли. Ольга погубила и этихъ, пославъ ихъ мыться въ банѣ, а потомъ приказавъ зажечь двери бани; древляне и послѣ этого не догадались и повѣрили Ольгѣ, когда она, объявивъ, что ѣдетъ къ нимъ, приказала къ своему пріѣзду приготовить много меду надъ могилою Игоря для тризны надъ нимъ; древляне вышли на эту тризну въ числѣ пяти тысячъ. Сдѣлавъ что подобало по языческому обычаю, насыпавъ надъ Игоремъ курганъ и совершивъ тризну, кіевская княгиня ушла, сначала послуживъ древлянамъ при угощеніи, а ея молодцы перебили ихъ всѣхъ напоивши до-пьяна. Казалось бы, послѣ этого ужъ никакъ не возможно было имѣть довѣрія со стороны древлянъ, но они были такіе простаки, что еще разъ дозволили себя обмануть и окончательно погубить. Ольга, пошла на нихъ открытой войною, но не въ силахъ была взять оружіемъ города Искоростѣня, она притворяется, что уже не хочетъ болѣе мстить за своего мужа, что съ нея довольно и того, что до сихъ поръ случилось, то она хочетъ только дани, и получивъ уйдетъ во-свояси. Древляне предлагаютъ ей дань и медомъ и шкурами, но Ольга прикидывается добродушною, справедливою, объявляетъ, что не хочетъ съ нихъ большой дани не потому, что они уже и такъ истощились, а требуетъ себѣ только по три голубя и по три воробья отъ двора. Древляне съ обычною своею глупо-

Digitized by Google

ватостію и недогадливостію обрадовались этому, исполнили требованіе кіевской княгини. Тогда она приказала привязать горящую сѣру къ птичкамъ и пустить ихъ. Произошелъ всеобщій пожаръ, древляне въ переполохѣ выбѣжали изъ пылающаго города, а кіевляне по приказанію Ольги старѣйшихъ, то-есть знатнѣйшихъ древлянъ бросали въ огонь, прочихъ всѣхъ перебили. Послѣ того половина жителей Деревской земли отдана была въ рабство кіевскимъ мужамъ, другая обложена тяжелою данью, которой одна половина шла въ Кіевъ, другая въ Вышгородъ, бывшій собинымъ городомъ Ольги.

Это сказаніе имѣетъ для насъ особенную важность въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ вообще любимыя народомъ пѣснопѣнія, сказанія и воспоминанія отражаютъ и духовное состояніе этого народа. Ольга была лицо уважаемое въ воспоминаніи народа, «мудрѣйшая всѣхъ человѣкъ», какъ отозвались объ ней кіевляне при ея внукѣ. И какъ же сложилось языческое представленіе объ этой идеальной личности? Это—типъ коварства, и кровожадности. Мало того, что Ольга жестока и безжалостна; она съ особеннымъ злорадствомъ наслаждается мщеніемъ надъ безоружными, обреченными на погибель врагами. Ей доставляетъ утѣшеніе не только погубить ихъ и притомъ самымъ мучительнымъ образомъ, живьемъ зарывая въ землю, или сожигая огнемъ, — она еще передъ ихъ неминуемою погибелью ставитъ ихъ въ комическое положеніе и заставляетъ, сидя въ лодьѣ, всенародно кривляться и величаться (въ перегбѣхъ и сустугѣхъ) на посмѣяніе кіевлянамъ, а потомъ, когда ихъ бросили въ яму, она сама подходитъ къ этой ямѣ и спрашиваетъ: хороша ли вамъ честь? Трупы и огонь, и опять огонь и трупы, и наконецъ, порабощеніе цѣлаго края! Для Ольги не существуетъ ни великодушія, ни договора, ни обѣщанія! Идеалъ самый дикій, самый варварскій, и по этому идеалу мы можемъ себѣ вообразить, какова была та звѣрская разбойничья шайка, которая создавала себѣ такіе поэтическіе образы и наслаждалась ими.

Въ сказаніи объ Ольгѣ на эту личность перенесены нѣкоторыя эпическія черты народной поэзіи, которыя мы встрѣчаемъ разсѣянно въ другихъ народныхъ памятникахъ и представленіяхъ, но въ соединеніи съ образами существъ темныхъ, злыхъ, враждебныхъ, а никакъ не свѣтлыхъ, идеальныхъ и сочувственныхъ. Ея игра съ древлянскими послами нѣсколько напоминаетъ малорусскую сказку «о царевнѣ Зміивнѣ», которая заманиваетъ къ себѣ молодцовъ и сожигаетъ ихъ въ печи. Образъ сожженія въ банѣ мы также встрѣчаемъ въ велико-

Digitized by Google

русской пѣснѣ о злой свекрови, матери князя, которая не взлюбила своей невѣстки, заманила ее въ баню и тамъ сожгла раскаленными камнями. Затѣйливое сожженіе Искоростѣня посредствомъ птицъ (повторяемое въ скандинавской сагѣ въ XI-мъ вѣкѣ, о Гаральдѣ зятѣ Ярослава) есть повидимому очень старое, общераспространенное представленіе: вспомнимъ библейскую исторію Самсона съ его лисицами, которымъ онъ привязывалъ горящія головни къ хвостамъ и пускалъ ихъ по полямъ филистимлянъ. Это представленіе существовало и послѣ Ольги и теперь еще существуетъ, примѣняясь, однако, къ поступкамъ враждебныхъ и злобныхъ силъ человѣческихъ. Замѣчательно, что въ Чехіи подобное представленіе сложилось о способѣ истребленія Кіева монголами. Въ варіантахъ хроники Далимила встрѣчается такое выраженіе: «v Rusicéch Kyieva holuby dobychu» (Dalim. 219), означающее вѣроятно что-нибудь похожее на мщеніе, совершенное Ольгою надъ Искоростѣномъ, и дающее понять, что преданіе отнесенное нѣкогда ко временамъ Ольги, впослѣдствіи примѣнялось также къ эпохѣ разоренія Кіева Батыемъ. У насъ на Руси, какъ извѣстно, случались вездѣ (да и теперь къ несчастію случаются) такъ-сказать пожарныя эпидеміи; начинаются въ жилыхъ мѣстностяхъ пожары одинъ за другимъ, иногда по нѣсколько пожаровъ въ одинъ день, на жителей находитъ переполохъ, и такъ продолжается, пока не примутся энергическія мѣры осторожности; въ это время ходятъ разные разсказы о продѣлкахъ поджигателей и между прочимъ говорятъ, что поджигатели ловятъ голубей и воробьевъ, привязываютъ къ ихъ ножкамъ трутъ, птицы летятъ въ свои гнѣзда и производятъ пожаръ. Мы сами слышали такіе разсказы отъ лицъ, которыхъ никакъ невозможно заподозрить въ какомъ-нибудь знакомствѣ съ русскими лѣтописями.

Въ нашемъ сказаніи о мщеніи Ольги древляне умышленно представляются глупыми и достойными презрѣнія, но по нашимъ понятіямъ возбуждается совсѣмъ обратное впечатлѣніе. Древляне, въ противопоставленіи съ русскими князьями и ихъ дружинами, оказываются честнымъ гражданственнымъ народомъ, погибающимъ оттого, что сталкиваются съ звѣрскою шайкою разбойниковъ, и имѣютъ слабость обращаться съ нею, какъ съ себѣ подобными. Вмѣсто князей, живущихъ наѣздами и грабежами, у нихъ свои добрые князья, которые даровали своему краю благосостояніе (роспасли Деревскую землю); въ противоположность Ольгѣ, которая коварно заманиваетъ ихъ въ погибель, они до того прямодушны, что не нападаютъ нежданно на Игоря, а прежде посылаютъ къ нему, требуя, чтобы онъ оставилъ ихъ въ

Digitized by Google

покоѣ и убиваютъ его уже тогда, когда онъ не послушалъ ихъ справедливаго требованія. Ихъ попытка соединить Ольгу съ своимъ княземъ показываетъ добродушное желаніе прекратить вражду, водворить дружественныя отношенія между сосѣдями. Ихъ глупость—есть не болѣе какъ довѣріе, привычка полагаться на слово и святость договора. Судя по этому сказанію, въ которомъ былевая сторона можетъ быть вымышленная, но бытовая, безъ сомнѣнія, заключаетъ въ себѣ историческую правду—тотъ княжескій и дружинный элементъ, который призванъ былъ судьбою сдѣлаться когда-то зерномъ государственнаго тѣла, находился на гораздо низшей ступени развитія гражданскаго, чѣмъ тѣ племена, съ которыхъ онъ собиралъ дани.

IX.

Преданія о земскомъ строеніи при Ольгѣ.

Подъ 946-мъ г., вслѣдъ за сожженіемъ Искоростѣня и порабощеніемъ Деревской земли, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе о томъ, что Ольга ходила по Деревской землѣ съ своимъ сыномъ (малолѣтнымъ) и дружиною и установляла уставы и уроки, то-есть, въ какихъ мѣстахъ порабощенные древляне должны были исполнять какую повинность и въ какомъ размѣрѣ. При этомъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что тамъ остались ея становища и ловища; подъ первымъ, вѣроятно, разумѣются опредѣленно устроенныя мѣста, гдѣ слѣдовало останавливаться князьямъ или посылаемымъ отъ нихъ мужамъ для взиманія дани, подъ послѣднимъ—мѣста для охоты, такъ какъ звѣроловство было въ тѣ времена важнѣйшимъ источникомъ богатства. Вслѣдъ затѣмъ, подъ слѣдующимъ годомъ, подъ 947-мъ, мы читаемъ: «Иде Вольга Ноугороду и устави по Мстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и дани (въ Ипатскомъ: и по Лузѣ погосты и дань, и оброки), ловища ея суть по всей землѣ и знаменья (въ Ипатскомъ: и знаменія) и мѣста и поосты (въ Ипат.: погосты) и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ и есть село ея Ольжичи и до сего дне» (Лавр. 59. Ипат. 38).

На основаніяхъ, объясненныхъ выше, мы не можемъ допустить, чтобъ это извѣстіе было взято изъ какого-нибудь древняго-современнаго Ольгѣ письменнаго документа; оно также, какъ и все прочее, досталось въ лѣтопись изъ изустныхъ преданій ста-

Digitized by Google

рины, и, какъ вѣроятно, по своему предмету, въ формѣ простого воспоминанія, пріуроченнаго книжникомъ къ хронологіи по какимъ-нибудь теперь для насъ уже неуловимымъ соображеніямъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что если какое преданіе имѣетъ право на признаніе въ немъ объективной исторической правды, то именно такое, потому что оно подтверждается вещественными памятниками съ нимъ соединенными. Вѣроятно, когда лѣтописецъ заносилъ это извѣстіе въ свою лѣтопись, въ народѣ дѣйствительно приписывали Ольгѣ и признаки земскаго строенія въ означенныхъ мѣстахъ и такія вещи, какъ ея сани. Но вникнувъ въ суть подобныхъ преданій и повѣривъ ихъ аналогію съ преданіями, образовавшимися въ болѣе близкое время къ намъ, мы, однако, не станемъ слишкомъ довѣряться этому извѣстію и, по крайней мѣрѣ, принимать его за несомнѣнную правду въ буквальномъ смыслѣ. Важное сомнѣніе возникаетъ относительно путешествія Ольги на сѣверъ и устроенія погостовъ и даней по Мстѣ и Лугѣ. Дѣло въ томъ, что вглядываясь въ ходъ событій, передаваемыхъ преданіями, вошедшими въ лѣтопись, мы находимъ такія черты, которыя побуждаютъ насъ, если не признавать безусловно, то предполагать съ большимъ запасомъ вѣроятности, что новгородскій край былъ передъ тѣмъ оставленъ и не входилъ уже въ кругъ земель подчиненныхъ кіевскимъ князьямъ. Именно подъ 970 годомъ въ той же лѣтописи читается извѣстіе о томъ, какъ новгородцы пришли къ Святославу просить себѣ князя и при этомъ сказали: если не пойдете къ намъ, то мы найдемъ себѣ князя (Святославъ посади Ярополка въ Кіевѣ, а Ольга въ Деревѣхъ. Въ се же время придоша людье Новгородьстіи просяще князя собѣ: аще не поидѣте къ намъ, то налѣземъ князя собѣ). Очевидно, новгородцы обращаются къ Святославу, какъ народъ совершенно чужой, неподвластный, свободный. И Святославъ въ своемъ обращеніи къ нимъ показываетъ, что признаетъ ихъ такими. Еслибъ то кто пошелъ къ вамъ! говоритъ онъ имъ (и рече къ нимъ Святославъ: абы пошелъ кто к вамъ). Вслѣдъ затѣмъ, по наущенію дяди Владимира по матери, Добрыни, новгородцы попросили себѣ княземъ сына Святославова Владимира и взяли его къ себѣ вмѣстѣ съ его дядею Добрынею. Какъ бы мы ни ухищрялись, толкуя это извѣстіе, а простое и здоровое пониманіе вещей никакъ не представляетъ возможности согласовать такое свободное и смѣлое отношеніе новгородцевъ къ кіевскому князю съ ихъ зависимостію отъ кіевскихъ князей въ близкія времена, предшествовавшія призыву Владимира. Святославъ почелъ бы дерзкимъ бунтомъ такого

Digitized by Google

рода разговоръ съ собою, еслибы новгородцы находились у него въ подчиненіи и подданствѣ. Въ словахъ Святослава: «абы пошелъ кто квамъ»—чувствуется какая-то досада, какое-то неудовольствіе къ новгородцамъ, но все-таки какъ къ народу независимому, который ищетъ вновь сдѣлки, союза, соединенія, а не какъ къ народу, который фактически находится въ подданствѣ. На этомъ основаніи можно съ большою вѣроятностію допустить, что кіевскіе князья утратили свою власть надъ отдаленнымъ Новгородомъ, не могли ее возвратить, и, вѣроятно, занятые обращеніемъ дѣятельности съ другой стороны, не хотѣли употреблять усилій къ ея возвращенію, а теперь, когда утраченная власть сама собою возвращалась если не для кіевскаго князя, то для его рода, кіевскій князь, по прежнему опыту не надѣясь большой прочности, не слишкомъ обрадовался предложенію новгородцевъ. Такимъ образомъ, дѣлается сомнительнымъ, чтобъ за двадцать три года предъ тѣмъ кіевская княгиня въ землѣ этого народа устроивала административныя единицы и устанавливала дани, тѣмъ болѣе, что со временъ Олегова похода на Грецію, помѣщеннаго подъ 907 годомъ, когда приводится извѣстіе о надѣленіи славянъ (новгородскихъ) кропинными парусами, въ лѣтописи нѣтъ никакихъ извѣстій объ отношеніяхъ кіевскихъ князей къ новгородскому краю, исключая развѣ имени славянъ въ числѣ элементовъ, составлявшихъ полчище Игоря во время его похода на Византію. Но это ничуть не располагаетъ насъ непремѣнно дѣлать заключеніе о подчиненіи новгородскаго края Игорю, во-первыхъ, потому что и безъ всякаго подчиненія и подданства въ его полчищѣ могли быть охотники изъ славянъ, какъ и изъ всякаго другого народа; во-вторыхъ, одно голое имя славянъ не можетъ въ этомъ мѣстѣ повести къ какимъ-нибудь заключеніямъ о томъ, чтобъ дѣйствительно славяне были у Игоря въ войскѣ, такъ какъ очевидно это мѣсто не отличается точностію: въ одномъ списвѣ (Лаврентьевскомъ) значатся тиверцы, которые, по всему видно, положительно не подчинялись въ то время Кіеву, а въ Ипатскомъ спискѣ они пропущены, въ Софійскомъ же прибавлены вятичи, которыхъ нѣтъ ни въ Ипатскомъ, ни въ Лаврентьевскомъ. Обращая вниманіе на отсутствіе упоминовеній объ отношеніяхъ кіевскихъ князей къ Новгороду такое долгое время, а потомъ на появленіе въ Кіевѣ новгородцевъ въ качествѣ совершенно независимаго народа, полагаемъ, не будетъ лишено основанія, если мы въ преданіи объ Ольгиныхъ дѣяніяхъ въ новгородской землѣ усмотримъ совсѣмъ другой источникъ, вполнѣ сродный вообще натурѣ преданій такого рода. Если нерѣдко

Digitized by Google

сохраненію преданія о лицахъ и событіяхъ способствуютъ вещественные памятники, относимые къ этимъ лицамъ и событіямъ, то, съ другой стороны, часто къ славнымъ лицамъ и событіямъ воображеніе присоединяетъ такіе вещественные памятники, которые никакъ къ нимъ не относились, и слава знаменитаго лица расширяется далѣе тѣхъ предѣловъ, которые бы должна была поставить имъ ихъ вѣрная біографія.

За подобными примѣрами у насъ ходить далеко не придется. Память независимаго Великаго Новгорода почти погибла въ новгородской землѣ, но осталось отъ его древней исторіи два лица, живущія въ народныхъ воспоминаніяхъ: Марѳа Посадница и царь Иванъ Грозный. Къ имени Марѳы Посадницы примыкаетъ все, что только имѣетъ тѣнь воспоминанія о новгородской старинѣ. Темное сознаніе о былой отдѣльности и независимости Новгорода выражается представленіемъ, что когда-то тамъ господствовала Марѳа Посадница, богатая, сильная боярыня, или княгиня, которую побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ Иванъ Грозный; каждую развалину, каждое древнее зданіе съ перваго вопроса о немъ приписываютъ Марѳѣ Посадницѣ: два развалившихся дома въ Новгородѣ на Торговой сторонѣ недавно называли домами Марѳы Посадницы; ей приписывали построеніе такихъ церквей, которыхъ она, разумѣется, не строила; ей даютъ во владѣніе такія мѣстности, которыми она не владѣла; за нею признаютъ такое могущество, какого она не имѣла. Подобно тому, плывя внизъ по Волгѣ можно услышать какъ народное преданіе размѣстило по берегамъ этой рѣки бугры Стеньки Разина: тамъ, говорятъ, онъ останавливался съ своею молодецкою дружиною обѣдать; тамъ дожидался судовъ, плывшихъ по Волгѣ, чтобъ ихъ ограбить; тамъ пряталъ награбленныя сокровища, которыя и теперь лежатъ за желѣзными дверьми, за двѣнадцатью замками, заклятыя и никому недоступныя. Такихъ бугровъ могутъ указать цѣлый десятокъ, если не болѣе, потому что и новый, до тѣхъ поръ непричастный имени Стеньки Разина, бугоръ легко превращается въ бугоръ съ этимъ именемъ подъ вліяніемъ фантазіи разсказчика. И въ наше время лѣтописецъ, говоря объ этомъ историческомъ лицѣ, вправѣ былъ бы сказать: суть же становища его даже до сего дне! Въ эпоху, когда составлялась лѣтопись или записывались книжниками изустныя сказанія, со времени Ольги прошло около полутораста лѣтъ; ея имя, какъ первой христіанской княгини, было повсемѣстно уважаемымъ, священнымъ, національнымъ именемъ въ земляхъ, куда уже вступило христіанство. Естественно было приписывать ей признаки земскаго устроенія, кото-

Digitized by Google

рыхъ начала никто съ точностью не помнитъ. Существовало преданіе, что она была родомъ изъ Плескова; дѣйствительно ли историческая Ольга была уроженкою этой мѣстности, или, какъ бываетъ, впослѣдствіи преданіе по недоступнымъ намъ причинамъ назначало ей этотъ край мѣстомъ рожденія — мы не въ силахъ рѣшить, но достаточно было составиться такому преданію, чтобы впослѣдствіи явились во Псковѣ и ея сани, а по Лугѣ и по Мстѣ ея погосты, дани, оброки, тѣмъ болѣе, когда для тѣхъ, чьи выгоды соединялись съ этими учрежденіями, было столько же полезно, сколько и удобно поддерживать такое преданіе.

X.

Преданіе о крещеніи Ольги и о ея поѣздкѣ въ Константинополь.

Историческая Ольга, несомнѣнно существовавшая на свѣтѣ кіевская княгиня этого имени, дѣйствительно приняла св. крещеніе—это подтверждается какъ византійскими, такъ и западными источниками. Но о мѣстѣ крещенія ея можетъ происходить нѣкоторое сомнѣніе. Константинопольскій императоръ Константинъ Порфирородный въ своемъ сочиненіи о церемоніяхъ византійскаго двора довольно подробно описываетъ пріѣздъ русской княгини, называемой имъ испорченно Эльгою, но ни слова не говоритъ онъ о томъ, чтобы она въ это время крестилась; напротивъ, въ числѣ лицъ, составлявшихъ ея свиту, называетъ онъ священника Григорія, слѣдовательно, какъ само собою разумѣется, русская княгиня пріѣзжала въ Константинополь уже христіанкою. Это происходило въ 957 году, какъ несомнѣнно оказывается изъ того, что въ годъ пріѣзда русской княгини, по извѣстію Константина, 9-е сентября приходилось въ среду, а 18-е октября въ воскресенье. У позднѣйшаго византійскаго историка Кедрина (XI-го вѣка) есть такое извѣстіе: «Ольга княгиня русская пріѣзжала въ Константинополь, и крещеная показала свою щедрость святымъ церквамъ и одаренная императоромъ возвратилась домой». Если судить строго, то слово «крещеная» (και βαπτισουσα) можно конечно понимать такъ, что она по пріѣздѣ своемъ крестилась, но и такъ, что, будучи крещеною, она показала свою щедрость къ святымъ церквамъ. Если она крестилась въ Константинополѣ, то значитъ, она посѣщала его два раза, и первый разъ приблизительно можно опредѣлить въ 948 году, какъ можно заключить изъ того, что у Кедрина за извѣстіемъ объ Ольгѣ слѣдуетъ из-

Digitized by Google

вѣстіе о событіи, случившемся въ 949 году (именно о смерти жены Романа, соправителя Константинова).

До нашего лѣтописца дошло преданіе объ одномъ только путешествіи Ольги въ Константинополь, безъ сомнѣнія о томъ, которое, по достовѣрному показанію Константина, случилось въ 957 году, но у нашего лѣтописца оно поставлено подъ 955-мъ годомъ. Вотъ образчикъ того, какъ правильны были соображенія, по которымъ книжникъ разставлялъ по годамъ слышанныя имъ преданія. Характеръ повѣствованія объ этой поѣздкѣ и о крещеніи русской княгини, соединяемомъ съ этою поѣздкою, совершенно сказочный. Царь греческій, который въ Лаврентьевскомъ спискѣ названъ Цимисхіемъ, а въ Ипатскомъ поправленъ Константиномъ (вѣроятно, въ первоначальной редакціи онъ былъ Цимисхій, прямо съ изустнаго преданія, превратившаго Константина въ Цимисхія, такъ какъ едвали впослѣдствіи кому-нибудь нужно было превращать Константина въ Цимисхія), плѣнился ея красотой и мудростью и сказалъ ей: «тебѣ подобаетъ царствовать съ нами въ этомъ городѣ (видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удивився царь разуму ея, бесѣдова съ ней и рекъ ей: подобна еси царствовати въ градѣ съ нами». Ольга поняла въ чемъ дѣло, (разумѣвши) сказала: «я поганая; если меня хочешь крестить, то самъ крести, я иначе не крещусь». Царь крестилъ ее съ патріархомъ. И наречена была она Еленою.

Послѣ того царь сказалъ ей: «хочу взять тебя супругою» (хощу тя понять женѣ); Ольга сказала: «какъ же ты меня хочешь взять, когда самъ меня крестилъ и назвалъ дочерью. Самъ знаешь, у христіанъ нѣтъ такого закона».—«Перемудрила (перехлюкала) ты меня Ольга»,—сказалъ царь и отпустилъ ее, одаривши золотомъ, серебромъ, паволоками и многоцѣнными сосудами. Этотъ разсказъ, дышущій простотою и прелестью народнаго вымысла, приправленъ у лѣтописнаго книжника измышленными имъ рѣчами патріарха при крещеніи Ольги и при ея отпускѣ. Преданіе это, конечно, не заключаетъ въ себѣ никакой исторической правды кромѣ того, что Ольга приняла христіанство, преданіе — какъ преданіе, но замѣчательно, что лѣтописный книжникъ занесъ его въ качествѣ дѣйствительно происходившаго событія, несмотря на то, что по самой лѣтописной хронологіи выходило, что Ольга крестилась черезъ пятьдесятъ два года послѣ ея брака съ Игоремъ, слѣдовательно была никакъ не въ такомъ возрастѣ, чтобы плѣнять кого-нибудь своею красотою, не говоря уже о томъ, что царь, который предлагалъ ей руку и сердце, былъ женатъ, имѣлъ женатаго сына и былъ слишкомъ ученъ, для того чтобы

Digitized by Google

забыть о невозможности, по правиламъ церкви, вступить въ бракъ съ крестною дочерью. Народное преданіе этимъ не оканчивается. Царь греческій прислалъ къ Ольгѣ посольство напомнить ей, чтобъ она исполнила свое обѣщаніе въ признательность за подарки императорскіе, отдарила бы его рабами, воскомъ, шкурами и послала ему воиновъ въ помощь [1]). Здѣсь опять слышна прежняя языческая Ольга, обманувшая древлянъ, Ольга мудрая по варварскимъ понятіямъ, по которымъ обмануть, получить съ другого выгоды какимъ бы то ни было способомъ, значило имѣть мудрость. «Если ты—сказала она чрезъ пословъ императору—постоишь у меня на Почайнѣ столько же, сколько я стояла у тебя въ судѣ, тогда я дамъ тебѣ все это». Кромѣ того, въ этомъ вымыслѣ сказывается досада русскихъ противъ грековъ, которые, гордясь превосходствомъ своей образованности, обращались свысока и съ презрѣніемъ съ народами, которые считали варварами и безпрестанно давали имъ знать то разстояніе, которое полагали существующимъ между собою и между ними.

Изливаясь въ обычныхъ книжныхъ риторскихъ похвалахъ Ольгѣ, лѣтописецъ сообщаетъ, что она хотѣла обратить къ христіанству Святослава (бывшаго еще несовершеннолѣтнимъ), но онъ былъ склоненъ сохранить языческій нравъ, и отговариваясь тѣмъ, что дружина будетъ смѣяться, если онъ сдѣлается христіаниномъ, гнѣвался на мать свою. Едвали источника этого извѣстія мы должны искать въ народномъ преданіи. Черты эти таковы, что всего вѣроятнѣе онѣ приданы описываемымъ лицамъ книжникомъ, по соображенію съ желаніемъ пояснить положеніе Святослава при матери, такъ какъ было ему извѣстно, что, несмотря на крещеніе Ольги, Святославъ остался язычникомъ до мозга костей. Черты эти до того можно сказать обычны, что едва-ли бы сохранились въ воспоминаніяхъ объ извѣстныхъ личностяхъ, отличаемыхъ въ народномъ воображеніи. Гораздо удачнѣе заставилъ книжникъ сказать Святослава, что если бы онъ крестился, то надъ нимъ смѣялась бы дружина. Эта черта также не въ духѣ народныхъ преданій, но книжникъ, выдумавъ ее, сказалъ правду:

---

[1]) Замѣтимъ по этому поводу вообще странность и уродливость хронологіи, подъ которую лѣтописный книжникъ подводилъ событія, слышанныя имъ изъ преданій и сказаній. Игорю въ то время, когда онъ былъ убитъ древлянами, было 66 лѣтъ. Онъ женился ровно черезъ двадцать четыре года послѣ смерти своего родителя, прожилъ съ Ольгою въ супружествѣ тридцать девять лѣтъ, и только послѣ такого долговременнаго сожительства у нихъ родился Святославъ. Очевидно, если мать его вышла замужъ четырнадцати лѣтъ, то и тогда при рожденіи Святослава ей было пятьдесятъ три года отъ рожденія.

Digitized by Google

безъ сомнѣнія, для хищнической дружины, стремившейся къ грабежамъ, убійствамъ и чувственнымъ грубымъ удовольствіямъ, кругъ христіанскій съ его любовью, кротостію и воздержаніемъ долженъ былъ возбуждать смѣхъ и презрѣніе, пока этотъ кругъ былъ еще безсиленъ.

Достойно замѣчанія, что о посѣщеніи Царьграда Ольгою сохранялись впослѣдствіи такія преданія, которыхъ мы не видимъ въ лѣтописи. Такъ новгородскій архіепископъ Антоній, путешествовавшій въ Царьградъ въ концѣ XII вѣка, видѣлъ въ Софійской церкви золотое блюдо, подаренное Ольгою и, говоря объ этомъ, выразился такъ: «и блюдо велико злато служебное Олгы русской, когда взяла дань ходивши ко Царюграду» (Путеш. Ант. стр. 58). Изъ этого слѣдуетъ допустить, что объ отношеніяхъ Ольги къ Византіи существовали въ народномъ воображеніи такія черты, которыя сближали ея путешествіе съ походами Олега, Игоря и Святослава.

XI.

Преданія о Святославѣ.

Замѣчательно, что въ то время, какъ въ византійскихъ источникахъ, которые могли быть болѣе или менѣе доступны и русскимъ книжнымъ людямъ, о Святославѣ сохранились такія подробныя свѣдѣнія, какихъ нѣтъ ни о какомъ другомъ русскомъ древнемъ князѣ, въ нашей первоначальной лѣтописи мы встрѣчаемъ только то, что книжный человѣкъ могъ заимствовать изъ извѣстныхъ сказаній и, вѣроятно, пѣснопѣній. Въ повѣствованіи о Святославѣ есть даже выраженія, обличающія рѣчь поэтическихъ произведеній: это въ особенности бросается въ глаза въ описаніи образа жизни Святослава.

«Князю Святославу възрастьшю и възмужавшу нача вои совкупляти многи и храбры. И легко ходя аки пардусъ войны многи творяше, ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину или звѣрину или говядину на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ постилаше и сѣдло въ головахъ, такоже и прочіи вои его всѣ бяху. И посылаше къ странамъ глаголя: хощю на вы ити».

О нѣкоторыхъ подвигахъ Святослава лѣтописецъ вѣроятно не слыхалъ и не зналъ ничего, кромѣ голыхъ воспоминаній, получившихъ въ лѣтописи видъ намековъ или даже оглавленій

Digitized by Google

сказаніямъ, которымъ бы слѣдовало быть занесенными въ лѣтописное повѣствованіе. Такимъ образомъ, мы узнаемъ, что Святославъ ходилъ на Оку, гдѣ нашелъ вятичей и узналъ отъ нихъ, что они даютъ дань козарамъ; ходилъ на Волгу, напалъ на козаръ, разбилъ ихъ кагана, взялъ у нихъ городъ Бѣлу-Вежу (каркелъ на Дону), побѣдилъ ясовъ (ихъ считаютъ осетинцами) и касоговъ (вѣроятно атыховъ) и воротился въ Кіевъ. На этотъ походъ лѣтописецъ отвелъ ему два года (964 и 965) въ своей хронологіи, и конечно, приблизительно, такъ какъ свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ у него были очень скудны: иначе бы онъ сообщилъ какія-нибудь подробныя черты. Въ слѣдующемъ году Святославъ побѣдилъ вятичей и наложилъ на нихъ дань, а въ слѣдующемъ затѣмъ (967-мъ) помѣщенъ походъ въ Болгарію въ видѣ летучаго слуха, хотя лѣтописецъ упомянулъ о числѣ городовъ, завоеванныхъ тамъ Святославомъ, возвысивъ это число до восьмидесяти. Не беремся рѣшить, что̀ причиною такой краткости: своенравіе ли народной поэзіи, которая, по причинамъ еще не вполнѣ обслѣдованнымъ наукою, даетъ у себя съ любовью пріютъ однимъ событіямъ, а о другихъ едва сохраняетъ слабое воспоминаніе и даже скоро совсѣмъ забываетъ; или же это своенравіе случая, не давшаго повѣствователю возможности познакомиться съ произведеніями народнаго творчества, касавшимися этихъ событій, или же, наконецъ, какъ мы готовы признать, причина этой скудости въ томъ, что участвовавшіе въ восточномъ походѣ Святослава, его дружинники и соратники, при своей бродячей и, конечно, недолговѣчной жизни не успѣли распространить въ народѣ сказаній о своихъ подвигахъ и возбудить къ нимъ сочувствіе въ грядущихъ поколѣніяхъ. Сами они тотчасъ же съ своимъ вождемъ бросились въ Болгарію, а оттуда возвратилась ихъ ничтожная часть. Народъ кіевскій, не бывши самъ близкимъ очевидцемъ и свидѣтелемъ этихъ дѣлъ, не узналъ ихъ въ подробности и не успѣлъ усвоить въ своемъ поэтическомъ созерцаніи, а сцена, гдѣ происходили славныя военныя дѣла, отъ Кіева была очень далеко. Подобно тому не вошли, какъ видно, въ народныя сказанія и пѣснопѣнія тѣ подвиги русскихъ, о которыхъ насъ извѣщаютъ арабскіе писатели, подвиги совершенные еще до Святослава на востокѣ. Безъ сомнѣнія, Святославъ заходилъ такъ далеко на востокъ не первый; дорога проложена была гораздо ранѣе, хотя быть можетъ походы Святослава особенно предъ другими были громки. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ ученыхъ, которые высказывали догадку, что со времени Святослава явилось въ Черноморьѣ загадочная

Digitized by Google

Тьмутаракань; по всѣмъ вѣроятіямъ и прежде его существовалъ уже тамъ притонъ русскихъ удальцовъ, и оттуда-то, какъ должно думать, производили они свои нападенія на закавказскія земли.

При скудости извѣстій о походахъ Святослава на востокъ, народная поэзія надѣлила нашего книжника извѣстіемъ о томъ, что дѣлалось въ Кіевѣ, когда Святославъ былъ въ Болгаріи. Это разсказъ объ осадѣ печенѣгами Кіева, гдѣ заперлась Ольга съ внуками, о смѣлости и находчивости юноши, который далъ знать о голодѣ и безводьѣ воеводѣ Прѣтичу, стоявшему съ войскомъ на другой сторонѣ Днѣпра, объ освобожденіи Кіева и о братскомъ союзѣ, заключенномъ печенѣжскимъ княземъ съ Прѣтичемъ. Извѣстіе это, какъ показываетъ его содержаніе, скорѣе взято не изъ пѣсни, не изъ сказанія съ неизмѣнными поэтическими формами, а изъ изустнаго разсказа, принадлежащаго къ разряду народныхъ разсказовъ анекдотическаго свойства. Главная цѣль его изобразить глуповатость печенѣговъ и страхъ, который въ нихъ возбуждалъ Святославъ однимъ своимъ именемъ. Прѣтичъ разгоняетъ печенѣговъ не оружіемъ, а трубными звуками, которымъ помогаетъ дружный внезапный крикъ осажденныхъ. Печенѣги разбѣгаются безъ оглядки, вообразивъ, что возвращается Святославъ. Затѣмъ печенѣжскій князь приходитъ самъ къ Прѣтичу освѣдомляться, и когда Прѣтичъ солгалъ ему, сказавши, что самъ онъ мужъ княжій, а князь его идетъ сзади съ большою силою, то печенѣжскій князь сейчасъ предлагаетъ ему братство: оба врага мѣняются оружіемъ; печенѣгъ даетъ русскому коня, лукъ и стрѣлы, русскій печенѣгу—броню, щитъ и мечъ. Но въ этомъ разсказѣ, какъ часто бываетъ въ подобныхъ народныхъ разсказахъ, главной идеѣ принесена въ жертву вѣрность подробностей и весь разсказъ исполненъ несообразностей, лишающихъ его возможности быть историческою правдою. Странно кажется, что для поданія помощи кіевлянамъ Прѣтичу нуженъ былъ отрокъ, который, умѣя говорить по-печенѣжски, прошелъ чрезъ войско печенѣговъ, переплылъ Днѣпръ подъ вражескими стрѣлами и далъ знать Прѣтичу; послѣдній, стоя на берегу Днѣпра, и безъ него могъ уже знать, что надобно выручать княгиню съ княжичами, когда лѣтописецъ прежде замѣтилъ, что Прѣтичу за печенѣгами нельзя было войти въ городъ. Еще страннѣе то, что печенѣжскій князь пришелъ къ Прѣтичу одинъ предлагать братство; казалось бы, Прѣтичу въ такомъ случаѣ удобнѣе было такого незваного брата задержать и вынудить хорошія условія отъ его войска, которое продолжало стоять на Лыбеди совсѣмъ не въ дружескихъ отношеніяхъ къ кіев-

Digitized by Google

лянамъ, которымъ нельзя было и коня напоить за врагами. Конечно, все это можно объяснить разными прибавками, но мы разсматриваемъ разсказъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ передается. Кіевляне послѣ этого, говоритъ лѣтописецъ, послали къ Святославу съ укоромъ за то, что онъ отправился добывать чужую землю, а свою покинулъ, и Святославъ по этому зову спѣшитъ изъ Болгаріи и прогоняетъ печенѣговъ, но наотрѣзъ объявляетъ матери и боярамъ, что ему нелюбо жить въ Кіевѣ, что онъ хочетъ жить въ Переяславцѣ, на Дунаѣ; тамъ середа земли его, оттуда сходится къ нему всякое добро, отъ грековъ—золото, паволоки, вина, овощи различные, отъ чеховъ и угровъ—серебро и борзые кони, а изъ Руси—шкуры, медъ, воскъ и челядь. Какъ ни характеристичны эти слова, но намъ кажутся онѣ измышленіемъ лѣтописца, объясняющаго себѣ причину, почему Святославъ предпочелъ Болгарію Кіеву: для народнаго преданія или сказанія — онѣ слишкомъ отзываются разсужденіемъ, резонерствомъ.

По смерти матери, которая скончалась, по соображеніямъ лѣтописца, черезъ три дня послѣ произнесенія этихъ словъ Святославъ возвращается въ свою Болгарію, но болгары не пускаютъ его. Битва была великая, болгары одолѣвали, но Святославъ ободрилъ своихъ воиновъ и къ вечеру одолѣлъ болгаръ. Онъ взялъ оружіемъ ихъ городъ. Это, конечно, изъ преданія. Вѣроятно, къ этому времени отнести слѣдуетъ извѣстіе Льва Діакона о звѣрствѣ Святослава, который будто бы посадилъ на колъ до двадцати тысячъ человѣкъ. Далѣе въ нашей лѣтописи слѣдуетъ повѣствованіе о походѣ Святослава на грековъ. Его складъ показываетъ, что содержаніе заимствовано цѣликомъ изъ народной думы. Безъ обозначенія причины, повидимому, ради одной богатырской удали, Святославъ посылаетъ къ грекамъ свое обычное слово: «хочу на васъ идти». Черта эта соотвѣтствуетъ извѣстіямъ Льва Діакона, приводящаго два письма Святослава къ греческому императору, въ которыхъ русскій князь требуетъ дани и угрожаетъ выгнать византійцевъ въ Азію. Письма эти, очевидно, сочинены самимъ греческимъ историкомъ, вообще сочинявшимъ для своихъ героевъ рѣчи, по образцу классическихъ писателей, но несомнѣнно, что письма эти составлены сообразно тому понятію, какое авторъ получилъ о Святославѣ. У византійскихъ писателей война съ Святославомъ ведется упорно, она не кончается въ одно лѣто, прерывается на зиму, возобновляется весною и уже тогда успѣваютъ греки удалить Святослава изъ Болгаріи, но все-таки удалить съ честію, допустивъ свиданіе съ

Digitized by Google

своимъ императоромъ. Народная поэзія передѣлала событія на свой ладъ, сообразно своему хвастливому свойству прославлять героевъ стараго времени. Святославъ побѣждаетъ грековъ, а потомъ наводитъ на нихъ страхъ и заставляетъ платить дань. У Святослава всего десять тысячъ воиновъ, но онъ объявилъ грекамъ, что у него ихъ двадцать тысячъ, когда греки сознались предъ нимъ, что не могутъ устоять противъ него и спрашивали, сколько у него человѣкъ войска, чтобъ заплатить ему поголовную дань на его войско. Святославъ прибавилъ, чтобъ больше взять съ грековъ. Но греки спрашивали объ этомъ только для того, чтобъ выѣдать, сколько у него воиновъ и потомъ собрать войска гораздо больше, чѣмъ было у противника. Греки, замѣчаетъ лѣтописецъ (привыкшій къ знакомству съ ними въ Кіевѣ въ свое время и не утерпѣвшій, чтобъ не произнести своего сужденія), коварны и до сихъ поръ. Греки выставили противъ Святослава сто тысячъ. Однако съ своими десятью тысячами Святославъ побѣждаетъ и греки бѣгутъ. Черта фантастическая, вполнѣ достойная сказки или думы. Предъ этой-то битвою Святославъ произноситъ ту знаменитую рѣчь (уже намъ нѣкамо ся дѣти и проч.), которою въ насъ въ дѣтствѣ возбуждали патріотическія чувства, и затѣмъ слѣдуетъ мужественный отвѣтъ воиновъ (идѣже твоя глава, ту и свои головы сложимъ). Замѣчательно, что такого же содержанія рѣчь Святославу даетъ и Левъ Діаконъ, хотя при другихъ обстоятельствахъ, именно тогда, когда Святославу приходилось не побѣждать грековъ, а уходить изъ Болгаріи. Такое сходство вовсе не зависитъ отъ какого бы то ни было заимствованія или историческаго признака. Содержаніе этой рѣчи до того банально, до того общеходячее, что въ описаніяхъ битвъ во всѣхъ частяхъ земного шара можно встрѣтить подобное. Оно могло быть и въ народной думѣ, откуда и занесено въ лѣтопись, но полагаемъ, что у лѣтописца рѣчь эта пріукрашена позднѣйшею риторикою. Такимъ образомъ, едва-ли Святославу въ древней редакціи думы давались слова: «не посрамимъ земли русской». Это понятіе въ тѣ времена могло быть только земское, а не дружинное, и особенно должно было быть чуждымъ такой дружины, какова была Святославова. Да притомъ здѣсь Святославъ противорѣчитъ тому Святославу, который говорилъ: «нелюбо мнѣ жить въ Кіевѣ». Эта черта о землѣ если была въ народной думѣ, то могла быть включена развѣ впослѣдствіи, но всего вѣроятнѣе она явилась въ амплификаціи, сдѣланной лѣтописцемъ или тѣмъ историкомъ, съ котораго списалъ лѣтописецъ. Далѣе—повѣствованіе напоминаетъ тотъ мотивъ ма-

Digitized by Google

лорусскихъ колядокъ, о которомъ мы уже говорили выше, именно: молодецъ съ войскомъ задаетъ страху врагамъ (иногда царю турецкому); его хотятъ склонить къ миру, предлагаютъ одно, онъ дары беретъ, а мириться не хочетъ; предлагаютъ другое—беретъ, а мириться не хочетъ и идетъ дальше и хочетъ брать городъ, наконецъ, предлагаютъ третье (обыкновенно въ пѣсняхъ красавицу) и тутъ молодецъ соглашается на миръ. Святославъ идетъ прямо на столицу, разоряя городъ за городомъ; царь греческій собираетъ боляръ въ своей палатѣ и спрашиваетъ: что намъ дѣлать, не можемъ стоять противъ него? А боляре говорятъ: пошли къ нему дары, испытай, падокъ ли онъ на золото и паволоки. И царь послалъ къ нему золото и паволоки съ мудрымъ мужемъ, и говорятъ этому мудрому мужу: поглядывай ему въ глаза, на лицо, узнай, что онъ думаетъ. Мужъ мудрый взялъ дары, пришелъ къ Святославу. И говорятъ Святославу: пришли греки съ поклономъ. Онъ говоритъ: введите ихъ сюда. Пришли греки и поклонились ему, и положили передъ нимъ золото и паволоки. Святославъ и не глядитъ на нихъ, только сказалъ: схороните. Пришли греки къ царю и созвалъ царь боляръ, и говорятъ посланные: пришли мы къ нему, подали дары, а онъ не посмотрѣлъ на нихъ, велѣлъ только схоронить. Тутъ одинъ сказалъ: испытай его еще, пошли ему мечъ и другое оружіе. Принесли Святославу оружіе, онъ принялъ, началъ хвалить, говорить ласково и привѣтъ посылалъ царю. Пришли греки къ царю и разсказали. Тогда боляре сказали: о, это человѣкъ лютый, богатствъ не бережетъ, а оружіе беретъ; плати ему дань. Царь послалъ къ Святославу сказать: не ходи къ городу, возьми дань сколько хочешь. Чуть-чуть Святославъ не дошелъ до Царьграда. Взялъ онъ дары, и воротился съ славою великою въ Переяславецъ. Взялъ онъ съ грековъ и за убитыхъ своихъ людей, говорилъ: это ихъ роду будетъ.

Здѣсь, по всему видно, и оканчивалась дума. Святославъ оставался такимъ побѣдителемъ, какъ и Олегъ, какъ и Игорь, отецъ Святослава, который однимъ приготовленіемъ къ войнѣ вынудилъ у грековъ платежъ дани. Но у лѣтописца былъ договоръ Святослава съ Цимисхіемъ, изъ котораго лѣтописецъ узналъ и время совершенія описываемыхъ событій и пригналъ къ хронологіи другія, близкія тому времени событія. Изъ этого договора онъ видѣлъ, что Святославъ обязался покинуть Болгарію, слѣдовательно, послѣ того, что ему сообщала героическая дума, должно было происходить что-то такое, что заставило русскаго князя уйти. Книжникъ по собственному

Digitized by Google

соображенію объяснилъ это тѣмъ, что Святославъ разсчиталъ, что у него дружины мало, и если онъ не примирится съ царемъ, то царь можетъ его осадить, отъ Руси ему далеко, печенѣги во враждѣ съ русскими, поэтому лучше уйти въ Русь, а тамъ, совокупивъ побольше войска, двинуться къ Царьграду. Придѣлка эта сдѣлана такъ неловко, что обличаетъ себя, такъ что одно и то же повторяется не кстати. «Видѣвъ же мало дружины своея рече въ собѣ: еда како прельстивше избьютъ дружину мою и мене... бѣша бо многи погибли въ полку, и рече: поиду в Русь, приведу болѣ дружины». Послѣ этого онъ послалъ въ Деревестръ къ царю съ предложеніемъ мира и любви. Царь былъ радъ и далъ ему дары еще больше прежнихъ. Потомъ Святославъ совѣтуется съ дружиною и опять говоритъ то же, что говорилъ прежде, только нѣсколько подробнѣе о томъ, что надобно идти въ Русь, а если царь не будетъ платить дани, то онъ пойдетъ съ большимъ войскомъ на Царьградъ. Дружина согласилась, и послали лучшихъ мужей къ царю въ Деревестръ. Царь былъ радъ и тогда составили договоръ. Спрашивается: зачѣмъ повторяется нѣсколько разъ это посольство къ греческому царю, который не споритъ, не возражаетъ, а только радуется. Тонъ этого разсказа положительно отзывается книжнымъ измышленіемъ. Народная поэзія такъ хитрить не умѣетъ.

Извѣстіе о томъ, что Святославъ, возвращаясь домой, принужденъ былъ зимовать, терпя голодъ, потому что печенѣги ему не давали проходу, а потомъ былъ убитъ, и печенѣжскій князь изъ черепа его сдѣлалъ себѣ чашу для питья, конечно, могло быть заимствовано изъ преданія; но намъ кажется страннымъ сохраненіе черезъ двѣсти лѣтъ такого подробнаго признака, что на Бѣлобережьѣ, гдѣ зимовалъ Святославъ, голова лошадиная стоила пол-гривны. Едва ли такая черта сохранилась бы въ изустномъ преданіи, поэтому надо бы допустить, что или объ этомъ существовало подробное сказаніе или дума, но лѣтописецъ сократилъ ее, или же лѣтописецъ прибавилъ эту черту изустному преданію по собственному соображенію.

Digitized by Google

XII.

Междоусобія сыновей Святослава.

Описаніе этихъ событій въ нашей лѣтописи представляетъ болѣе историческихъ чертъ, нежели прежнія повѣствованія заимствованныя изъ преданій. Здѣсь книжникъ-лѣтописецъ не передаетъ цѣликомъ содержанія одного какого-нибудь поэтическаго сказанія, а составляетъ свою повѣсть изъ разныхъ слышанныхъ имъ извѣстій; на это указываетъ то, что онъ приводитъ въ связи событія, совершавшіяся въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, напр., смерть Олега въ Древлянской землѣ за пять лѣтъ до смерти Ярополка, дѣла новгородскія, захватъ Ярополковыхъ посадниковъ, исторія Рогволода и Рогнѣды, греческая черница жена Ярополка, все это хотя и состоитъ въ связи съ главными моментами событія—смертью Ярополка и покореніемъ Кіева, но зная пріемы, допускаемые народными произведеніями, едва ли можно признать, чтобы все это соединялось въ одной народной думѣ въ томъ видѣ, какъ соединено въ разсказѣ, притомъ же тонъ разсказа чисто повѣствовательный и не обличаетъ ничего сказочнаго, исключая развѣ трехъ ссорящихся братьевъ; но присущность такого образа сказочному міру не уничтожаетъ здѣсь возможности такого явленія въ исторической области. Самъ книжникъ даетъ о себѣ знать нравоучительными сужденіями по поводу коварства Блуда и рожденія Святополка; разсказъ его отличается библейскою простотою и своеобразнымъ изяществомъ, дѣлаясь увлекательнымъ отъ живости изображенія противоположныхъ характеровъ: съ одной стороны, добродушный Ярополкъ, плачущій надъ убитымъ въ битвѣ братомъ, съ другой—свирѣпый, кровожадный, чувственный Владиміръ, который перерѣзываетъ все семейство полоцкаго князя и беретъ себѣ въ жены его дочь, коварно и безжалостно умерщвляетъ брата и принуждаетъ раздѣлять съ собою ложе его беременную вдову. Тутъ лукавый предатель Блудъ; тамъ вѣрный и честный Варяжко. Участіе во всей этой трагедіи женской личности—несчастной Рогнѣды, придаетъ болѣе поэтическаго колорита этой повѣсти. Видно, что преданіе объ этой эпохѣ особенно врѣзалось въ памяти кіевлянъ, такъ что лѣтъ черезъ сто слишкомъ можно было по немъ составить описаніе, до такой степени заключающее въ себѣ живыя, внушающія довѣріе черты. Кіевляне помнили даже

Digitized by Google

мѣсто, гдѣ стоялъ Владимиръ съ своими скандинавами, и показывали ровъ оставшійся отъ тѣхъ временъ (стояше Володимеръ на Дорогожичи межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ до сего дне), а голодъ, который терпѣли сторонники Ярополка въ Роднѣ на устьѣ Роси оставилъ даже по себѣ поговорку: «бѣда ани въ Роднѣ». Кажется, не такъ трудно уразумѣть: отчего именно эта эпоха особенно врѣзалась въ народную память. Это было первое междоусобіе князей Рюрикова дома, открывшее собою рядъ другихъ, сдѣлавшихся обычнымъ явленіемъ. Съ этой стороны, оно оставило сильное впечатлѣніе; но кромѣ того, и можетъ быть еще сильнѣе, оно осталось воспоминаніемъ покоренія Кіева скандинавами, потому что это было настоящее покореніе, и иноземное господство вѣроятно дало себя чувствовать. Очевидно, успѣхъ Владимира зависѣлъ отъ однихъ скандинавовъ. Новгородцы не могли для него быть достаточною силою, и притомъ новгородцы сами вовсе не расположены были поддерживать Владимира; явное и неоспоримое доказательство тому служитъ то обстоятельство, что Владимиръ на долгое время убѣжалъ изъ Новгорода къ скандинавамъ, а новгородцы безъ него приняли къ себѣ посадниковъ Ярополка. Новгородъ, также какъ и впослѣдствіи Кіевъ, былъ покоренъ скандинавскимъ оружіемъ. Тѣмъ же оружіемъ онъ на пути въ Кіевъ завоевалъ Полоцкъ. Взявши Кіевъ, варяги считали себя господами въ немъ и потребовали большого окупа, по двѣ гривны съ человѣка. Владимиръ, по извѣстію лѣтописи, провелъ ихъ и оставивъ лучшихъ изъ нихъ, которымъ роздалъ въ управленіе города, прочихъ спровадилъ въ Грецію и будто бы при этомъ написалъ греческому царю совѣтъ разослать ихъ въ рознь, а не держать вмѣстѣ въ городѣ, иначе они надѣлаютъ также зла, какъ надѣлали на Руси. Можно сомнѣваться, писалъ ли такимъ образомъ Владимиръ, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что преданіе объ этомъ сохранялось подъ постояннымъ воспоминаніемъ о той тягости, какую русскіе переносили отъ чужеземцевъ, и, слѣдовательно, отношенія скандинавовъ къ русскимъ въ ту эпоху были таковы, какъ отношенія покорителей къ покореннымъ. Если Владимиръ, какъ повѣствуетъ лѣтопись, съумѣлъ хитрымъ образомъ отдѣлаться отъ платежа окупа съ кіевлянъ, то сдѣлалъ это только посредствомъ такой мѣры, которая облегчила городъ Кіевъ на счетъ другихъ городовъ; онъ произвелъ раздѣленіе между скандинавами; однихъ изъ нихъ приласкалъ, другіе довольствовались тѣмъ, что ихъ спровадили на службу греческимъ царямъ. Такъ какъ въ византійскихъ источникахъ мы не встрѣчаемъ еще въ то время

Digitized by Google

варяговъ, то самый фактъ отправки въ Грецію скандинавовъ, помогавшихъ Владимиру, можетъ подвергаться сомнѣнію, хотя съ другой стороны уже невозможно отрицать его.

Несмотря на историчность чертъ въ этомъ разсказѣ есть однако въ немъ и несообразности. Вообще дѣйствующія лица кажутся очень молодыми для такихъ отношеній, какія имъ придаются. Такъ, напр., Святославъ привелъ Ярополку гречанку черницу и далъ ему въ жены по причинѣ красоты ея лица. Но Святославъ жилъ всего на-всего на свѣтѣ двадцать восемь лѣтъ, слѣдовательно, Ярополкъ могъ имѣть никакъ не болѣе десяти лѣтъ отъ роду, когда получилъ отъ отца жену себѣ.

Н. Костомаровъ.

Digitized by Google

НА ПЕРЕПУТЬИ

РОМАНЪ.

Окончаніе первой части *).

На другой день я отправилась въ Завѣтное.

Я не предупредила Александра Семеновича: онъ не любилъ, чтобъ я ходила далеко одна, и сталъ бы навязывать мнѣ лошадей или провожатаго, а я знала, что и люди, и лошади въ эту рабочую пору ему самому очень нужны. Притомъ же, эта опека стѣсняла меня. Я вышла, когда онъ спалъ послѣ обѣда.

Въ Завѣтномъ я разсчитывала встрѣтить одного юношу, котораго я знала съ перваго года нашей жизни въ Калиновой; онъ былъ тогда взрослымъ бурсакомъ и на каникулахъ очень усердно устраивалъ въ церкви хоръ, въ которомъ самъ пѣлъ басомъ. Высокій, неуклюжій, худощавый съ некрасивымъ угрюмымъ лицомъ, со взглядомъ изъ подлобья, онъ, когда мы бывали у священника, дичился и все норовилъ скрыться. Потомъ бурсакъ превратился въ студента. Захаровъ, скучая въ нашемъ захолустьи и радуясь всякому новому лицу, пробовалъ для развлеченія поговорить со студентомъ, но тотъ отвѣчалъ ему коротко и неохотно и замѣтно избѣгалъ и его, и меня. У насъ онъ бывалъ рѣдко, только тогда, когда некому было привезть изъ Завѣтнаго къ тетушкѣ его мать, вдову тамошняго дьякона, жившую хозяйкой въ домѣ брата священника, который тоже давно овдовѣлъ. Въ прошломъ году засталъ его у насъ Илья Петровичъ, пріѣхавшій на нѣсколько дней къ матери передъ своей

*) См. выше: янв. 35 стр.

Digitized by Google

свадьбой. Онъ былъ сговоренъ на очень богатой купчихѣ, немолодой и некрасивой дѣвушкѣ, но, по словамъ его, очень умной и развитой; она воспитывалась въ институтѣ и потомъ долго просидѣла въ дѣвкахъ, благодаря самодурству отца, который слышать не хотѣлъ о «благородныхъ» женихахъ, а все искалъ ей своего брата купца, да покапитальнѣе; ей же хотѣлось непремѣнно человѣка образованнаго, а купцовъ она отваживала. Илья Петровичъ въ тотъ пріѣздъ къ намъ былъ очень въ духѣ, разсказывалъ новости, веселые анекдотцы. Потомъ вдругъ, не помню какимъ образомъ, разговоръ перешелъ на литературу; онъ разсказалъ между прочимъ, что недавно слышалъ, какъ одна барыня упорно отрицала достоинство произведеній Гоголя, на томъ основаніи, что у него попадаются не совсѣмъ пристойныя вещи.

— Экая дура набитая! — брякнулъ неожиданно племянникъ священника, до тѣхъ поръ упорно молчавшій.

Илья Петровичъ оглянулся на него и слегка кашлянулъ, потомъ выразилъ, что и онъ согласенъ, — Гоголь нисколько не сталъ бы ниже, еслибъ сальностей у него не было; потомъ заговорилъ о значеніи Гоголя въ нашей литературѣ и наконецъ прибавилъ, что иностранцы—дескать—признаютъ, что Гоголь—ничего себѣ, хорошій писатель.

— Да у нихъ ни одного такого нѣтъ!—порѣшилъ опять племянникъ.

— Вы и Шекспира тутъ разумѣете?—улыбаясь спросилъ Илья Петровичъ.

— И Шекспира!—отвѣчалъ тотъ рѣшительно.—Что-жъ такое Шекспиръ? Шекспиръ—подлиза...

— То-есть... что же вы этимъ хотите сказать? — спросилъ Илья Петровичъ съ нескрываемымъ уже изумленіемъ.

— А то я хочу сказать,—отвѣчалъ тотъ спокойно, но также рѣшительно,—что Шекспиръ любезенъ человѣку потому, что льститъ ему: у него подчасъ подлецъ отъявленный изображенъ такъ, что другому простому человѣку покажется лестнымъ на этого подлеца быть похожимъ! А Гоголь никому не льститъ: у него коли кто дуренъ, такъ ужъ такъ дуренъ, что всякаго стошнитъ.

Илья Петровичъ, конечно, не сталъ спорить съ этакимъ профаномъ и заговорилъ о другомъ, а меня все же заинтересовалъ немножко этотъ чудаковатый малый своими странными, дикими понятіями: мнѣ тогда начала уже нравиться оригинальность, хотя бы она проявлялась въ нѣсколько безобразной формѣ.

Digitized by Google

Я стала искать общества племянника и отчасти успѣла; онъ началъ бывать у насъ чаще, и иногда—изрѣдка, ему случалось разговориться. Онъ всегда высказывалъ въ такомъ случаѣ очень странныя для всѣхъ вещи, такъ что разъ старый священникъ перекрестился и сплюнулъ: «Хоть бы не у меня въ домѣ говорилъ ты такія страсти!»—упрекнулъ онъ, а племянникъ молча почесалъ у себя въ затылкѣ и засосалъ свою скверную папироску.

Въ этомъ году онъ пріѣхалъ худой, больной, съ страшнымъ кашлемъ и со всѣми признаками чахотки. Мать плакала, дядя качалъ головою. Я только разъ и видѣла его; у насъ онъ не былъ, а въ Завѣтное я теперь ходила рѣдко. И въ это единственное свиданіе нашe я замѣтила, что онъ опять отвыкъ отъ меня и сталъ дичиться. Сегодня я не была увѣрена, увижу ли я его.

Я вышла въ четыре часа. Жара была невыносимая. Нѣсколько разъ я должна была отдыхать гдѣ-нибудь въ тѣни и пришла въ церковь, когда вечерня уже кончалась. Священникъ по обыкновенію пригласилъ меня къ себѣ на чай. Мы вошли въ его маленькій домикъ; старуха-дьяконица встрѣтила насъ въ сѣняхъ и съ обычными привѣтствіями привела въ столовую, гдѣ кипѣлъ самоваръ. Мы сѣли пить чай, изрѣдка перекидываясь коротенькими замѣчаніями о погодѣ, о хозяйственныхъ дѣлахъ. Мнѣ прежде, бывало, несносны были эти разговоры о хозяйствѣ, въ которомъ я ничего нѣ смыслила, а сегодня я съ удивленіемъ замѣтила, что особенной скуки отъ разговоровъ такого рода не замѣчаю. «Я погружаюсь въ окружающую жизнь и начинаю съ ней мириться!» подумала я, допивая вторую чашку. А племянникъ все не являлся. Я порѣшила ужъ идти домой; какъ вдругъ онъ вошелъ въ комнату.

Онъ испугалъ меня, такъ было худо его лицо, обросшее густой черной бородой, такъ блестѣли его глаза и такъ зловѣще горѣли на щекахъ два красныхъ пятна. Длинные скомканные волосы и старое парусинное пальто, висѣвшее на немъ, какъ на вѣшалкѣ, еще усиливали общее впечатлѣніе, производимое его госпитальной фигурой. Я съ трудомъ удержалась, чтобъ не высказать моего удивленія и соболѣзнованія къ его состоянію. Мать со вздохомъ спросила его, хочетъ ли онъ чаю, подала его и все взглядывала на него, пока онъ торопливо и жадно пилъ и ѣлъ темный пшеничный хлѣбъ домашняго печенія.

Мнѣ стало жаль бѣднаго юношу!.. Я заговорила съ нимъ, въ намѣреніи добраться до одной темы, которая сильно занимала меня въ ту минуту, но онъ отвѣчалъ по обыкновенію сухо

Digitized by Google

и коротко... «Вѣрно не удастся!» подумала я и опять порѣшила идти домой; но мнѣ неожиданно посчастливилось: въ комнату ворвался его меньшой братъ — тринадцатилѣтній бурсакъ.

— Справился съ дробями?—отрывисто спросилъ его старшій братъ.

— Справился, — звонкой скороговоркой отвѣчалъ меньшой, отрѣзывая себѣ ломоть хлѣба, и убѣжалъ опять въ сѣни.

— А онъ у васъ и на каникулахъ учится?—спросила я.

— Да, въ гимназію переходитъ; нужно приготовиться,—отвѣчалъ племянникъ.

— Развѣ въ гимназіи труднѣе учиться, чѣмъ въ семинаріи?

— Не то́, что труднѣе, а иначе тамъ,—отвѣчалъ онъ.—Въ гимназіи учатъ все-таки съ нѣкоторымъ смысломъ, а въ бурсѣ одна зубрёжъ!

— Я не имѣю никакого понятія о программахъ мужскихъ заведеній,—сказала я.—Вѣдь это не то, что у насъ?

— Ну, у васъ опять особь-статья. У васъ конфектный курсъ. Возьмутъ обрывочки науки, разведутъ вдоволь сахарнымъ сиропомъ—вотъ онъ и учебный курсъ для благородныхъ дѣвицъ.

Я засмѣялась.

— Но я бы желала получить понятіе о гимназическомъ курсѣ,—продолжала я.—Нѣтъ ли у васъ программъ?

— Есть,—отвѣчалъ студентъ.—Миша! достань у меня въ столѣ гимназическую программу,—крикнулъ онъ.

— Сейчасъ,—отвѣчалъ съ крыльца звонкій голосъ.

— Я бы желала просмотрѣть ее дома. Можно ее взять, — спросила я.

— Возьмите, только не затеряйте, — отвѣчалъ онъ, подавая мнѣ принесенную мальчикомъ тетрадь.

— А вотъ Богъ дождика намъ даетъ,—сказалъ, появляясь изъ сѣней, старый священникъ.

— Будто дождь идетъ?—спросила я съ испугомъ.

— Да еще какой!—отвѣчалъ священникъ. Хотѣлъ-было на пасѣку сходить—такъ куда! На двадцати шагахъ смочило. Не даромъ такъ парило! Да вы же чего безпокоитесь? Александръ Семеновичъ вѣроятно пришлютъ за вами.

— Я не сказала ему, куда иду, — отвѣчала я, съ досадой представляя себѣ, какъ теперь встревоженъ и раздосадованъ кузенъ.

— Ну, я васъ отвезу,—сказалъ племянникъ. — Вы подождите немного; дождь сейчасъ пройдетъ; вонъ тамъ уже проясняется, — прибавилъ онъ, глядя въ окно.

Digitized by Google

Я опять сѣла на прежнее мѣсто.

— Вы говорите, что въ семинаріи плохо учатъ,—начала я о томъ же самомъ.—Вотъ вы же поступили оттуда въ университетъ.

— Поступилъ, да чего мнѣ стоилъ послѣдній годъ въ бурсѣ? Тамъ зубришь, бывало, всякую здѣшнюю чепуху, не то аттестата не дадутъ, а тутъ сознаёшь, что ничего-то ты путемъ не знаешь—начинай съ азовъ. Тутъ я здоровье свое ухлопалъ.

Старуха опять вздохнула.

— Да,—продолжалъ племянникъ.—Я въ этотъ годъ, кромѣ своей семинарской дряни, прошелъ весь гимназическій курсъ. Иной разъ чувствуешь, что не голова у тебя на плечахъ, а пятипудовая гиря—такъ отяжелѣла! А тутъ еще пища скверная, холодъ да голодъ, нечисть, клопы да разные гады, а отецъ Іаковъ—инспекторъ, хуже всякаго гада!.. Да, принялъ я тогда муки!..

Онъ задумался.

— Ну, а ему—слава Богу—легче будетъ,—прибавилъ онъ, указывая на брата... Вотъ и прояснилось!—Миша! поди-ка, запряги съ Иваномъ бураго въ телѣжку, да коврикъ вынеси,—приказалъ онъ, замѣтивъ, что я все посматриваю въ окно.

Черезъ четверть часа мы поѣхали. Прощаясь, дьяконица очень усердно благодарила меня за посѣщеніе: «разговорился съ вами, а то́ все молчитъ!» прибавила она.

Мы вышли. Племянникъ накинулъ какую-то хламиду сверхъ парусиннаго пальто, помогъ мнѣ сѣсть и сѣлъ самъ. Нѣсколько времени мы проѣхали молча, и я съ наслажденіемъ вдыхала влажный ароматъ благоуханной лѣтней ночи. Дождь только прибилъ пыль и освѣжилъ воздухъ; грязи не было, мы ѣхали мелкой рысью. Племянникъ держалъ возжи одной рукой и курилъ. Я вспомнила, какъ горячо благодарила меня дьяконица за то, что сынъ ея *разговорился* со мною, и подумала, что бѣдному юношѣ вѣрно рѣдко приходится разговориться. Онъ между тѣмъ все курилъ, да покашливалъ подозрительнымъ, скернымъ кашлемъ. Я взглянула на него; еще блѣднѣе и мертвеннѣе казалось его лицо при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца, и я съ ужасомъ и болью подумала, что черезъ годъ въ эту пору этотъ сосѣдъ мой не будетъ ужъ ни курить, ни кашлять, ни наслаждаться такою ароматною ночью, ни вспоминать свои семинарскія невзгоды!..

Мнѣ, наконецъ, страшна стала эта безмолвная поѣздка съ живымъ мертвецомъ...

— А вы опять нелюдимомъ стали!—сказала я, чтобъ прервать это тягостное молчаніе.

Digitized by Google

— Нездоровъ я крѣпко, а прежде я не былъ нелюдимомъ,— отвѣчалъ онъ. — Я, напротивъ, очень любилъ быть съ людьми, то-есть, конечно, съ людьми...

Мы помолчали.

— Вы въ прошломъ году бывали у насъ; заходите и теперь когда-нибудь,—сказала я.

— Зайду,—отвѣчалъ онъ.—То-есть, къ вамъ зайду, а не къ вашему братцу-гусару,—прибавилъ онъ.

— Отчего-жъ и не къ нему?

— Такъ. Зналъ я много ихъ брата-офицеровъ: ничего у меня съ ними общаго нѣтъ. Гусь свиньѣ не товарищъ.

Я громко засмѣялась. Мы въ это время подъѣзжали къ дому, и Александръ Семеновичъ, разговаривавшій на крыльцѣ съ какими-то мужиками, съ удивленіемъ взглянулъ на меня и продолжалъ свою бесѣду. Я поблагодарила племянника, пожала ему горячую, жесткую руку и взошла на крыльцо.

— Гдѣ это вы были, кузина?—спросилъ Александръ Семеновичъ.—Я не зналъ что́ думать и куда за вами посылать. Я разсказала, гдѣ я была.

— А это что̀ за фигура пріѣзжала съ вами?

Я объяснила и это. Онъ слегка пожалъ плечами и черезъ нѣсколько минутъ, холодно простившись со мною, пошелъ спать.

Дня два послѣ этого мы мало видѣлись съ кузеномъ, но я хорошо понимала, что у него на душѣ есть что-то противъ меня; оно проглядывало въ его обращеніи весьма замѣтно и это меня сильно возмущало. «Изволили разгнѣваться за самовольную отлучку!» объясняла я это себѣ и опять замѣчала у сѣбя то враждебное чувство, которое шевелилось во мнѣ на первыхъ порахъ моего съ нимъ знакомства. На третій день вечеромъ пріѣхалъ къ намъ Курдюмовъ; заставъ меня одну въ саду, и вѣроятно подъ вліяніемъ прелести лѣтняго вечера и такъ кстати навернувшагося tête-à-tête, онъ вдругъ нескладно и неладно, но очень рѣшительно предложилъ мнѣ руку и сердце. Меня даже тронуло это предложеніе, такъ грустно я была настроена и такъ сиротливо-одинока была послѣ размолвки съ кузеномъ! Я чрезвычайно мягко, почти—можно сказать—нѣжно высказала отказъ, такъ что Курдюмовъ не вдругъ понялъ даже, что я ему отказала.

Но послѣ этого отказа на меня еще больше нашла тоска. Другая на моемъ мѣстѣ преспокойно вышла бы замужъ и жила бы себѣ привольною жизнью, нисколько не сокрушаясь

Digitized by Google

о томъ, что у ней съ мужемъ мало общаго и что она вышла по разсчету, чтобъ пристроиться. А мнѣ-то что предстоитъ? Долго, долго маяться безъ крова и безъ дѣла—можетъ быть вѣчно такъ маяться! думала я, и съ пущимъ усердіемъ возвращаясь къ одной новой своей мысли, бралась разсматривать гимназическую программу. Но это не могло привести меня къ лучшему настроенію; напротивъ, меня еще больше забирала тоска. Всѣмъ извѣстно, какъ красиво пишутся у насъ всякія программы. Какой-то ученый сказалъ, что онъ былъ бы ученѣйшимъ человѣкомъ, еслибъ зналъ все, что требуется отъ воспитанника Пажескаго корпуса. Что же должна была подумать о гимназическомъ курсѣ я, ничего изъ пансіона невынесшая, кромѣ полусознательной болтовни на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, да разныхъ talents d'agrément? Меня пугали не только разныя алгебры да геометріи, о которыхъ я не имѣла понятія, тѣмъ болѣе, что въ наше время вездѣ считалось какъ-бы неприличнымъ для женщины — интересоваться математическими науками. — Я и грамотѣ-то сознательно не выучилась и писать безъ грамматическихъ ошибокъ стала только недавно, и то по навыку. Словомъ сказать — моя новая мысль мнѣ казалась геркулесовскимъ подвигомъ! Тутъ только я начинала подчасъ соглашаться съ ходячимъ мнѣніемъ о неравенствѣ мужскихъ и женскихъ умственныхъ силъ, такъ какъ тысячи мужчинъ ежегодно поступали въ университетъ. Я однакожъ выписала себѣ нѣсколько руководствъ на свои послѣднія деньги и порѣшила во всякомъ случаѣ попытать счастья. Это было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и до нашего захолустья долетѣли первые слухи о разрѣшеніи женщинамъ слушать университетскія лекціи. Вотъ о чемъ именно я и хотѣла переговорить съ племянникомъ.

Съ кузеномъ у насъ долго шла разладица. Послѣ свиданія моего съ Курдюмовымъ Александръ Семеновичъ началъ заговаривать со мною, будто подлаживаясь ко мнѣ, чтобъ узнать, что именно произошло у меня съ моимъ обожателемъ, но во мнѣ еще живо было то чувство негодованія и непріязни, которое возбудило во мнѣ его тогдашнее обращеніе. Я не могла такъ скоро перейти въ прежній дружелюбный тонъ. И до тѣхъ поръ такъ шло дѣло, пока не пришлось мнѣ какъ-то къ слову заговорить съ нимъ объ этомъ, и я высказала горячо, рѣзко, жестко все, что было у меня на душѣ и на умѣ. Кузенъ очень сконфузился: онъ не привыкъ анализировать своихъ поступковъ и, кажется, не придавалъ особеннаго значенія ни той встрѣчѣ,

Digitized by Google

которую сдѣлалъ мнѣ, когда я возвратилась изъ Завѣтнаго, и своему обращенію со мной въ послѣдующіе дни. Онъ какъ будто теперь только увидѣлъ дѣло въ настоящемъ его видѣ и такъ живо почувствовалъ его безобразіе, что я очень скоро съ нимъ примирилась. Но прежнія отношенія у насъ не вдругъ установились.

Какъ-то разъ передъ вечеромъ зашелъ къ намъ племянникъ. Онъ былъ на охотѣ, и такъ и ввалился въ своемъ запыленномъ до-нельзя пальто, въ огромныхъ охотничьихъ сапогахъ, съ старымъ ружьемъ за плечами и съ какимъ-то самодѣльнымъ патронташемъ. Александръ Семеновичъ поморщился-было при первомъ взглядѣ на такую неблагопристойную фигуру, но тотчасъ же овладѣлъ собою и принялъ его очень вѣжливо. Однакожъ племянникъ, какъ только очутился съ незнакомымъ человѣкомъ, по обыкновенію ушелъ въ себя и почти не проронилъ слова, пока кузена не вызвалъ зачѣмъ-то пріѣхавшій съ поля староста. Тогда только онъ заговорилъ: весело объявилъ мнѣ, что ему лучше, что онъ почти здоровъ, разсказалъ, что получилъ нѣсколько писемъ отъ товарищей, сдѣлалъ очень мѣткую и забавную характеристику кое-кого изъ этихъ товарищей и, наконецъ, перешелъ къ своей студенческой жизни. Я была очень рада, мнѣ давно хотѣлось распространиться на этотъ счетъ.

— А весело вамъ тамъ живется?—спросила я.

— Весело, когда сытъ; бѣда только, что сытъ рѣдко бываешь,—отвѣчалъ онъ.

— А уроки, репетиторство? Мнѣ кажется, студенту нужно только захотѣть—средства будутъ.

— Гмъ! да вѣдь сколько насъ-то, голодной братіи! Иной за 3 р. въ мѣсяцъ всякій день бѣгаетъ уму-разуму наставлять какое-нибудь крючковское отродье. Такъ цѣну сбили, что хоть пропадай. Разъ мы съ Крестовоздвиженскимъ да Боголѣповымъ—тоже бурсаки — цѣлый мѣсяцъ безъ сапогъ сидѣли. Сапоги-то худенькіе есть, да одни на трехъ; одинъ идетъ на лекцію или на кондиціо, а два сиди и жди! Тамъ другой идетъ поочереди. Такъ какой же тутъ заработокъ?... А разъ мы цѣлый день не ѣли: денегъ ни гроша, кредитъ-то у нашего брата извѣстно какой! Тогда Боголѣповъ пошелъ къ знакомому саечнику: «такъ и такъ, говоритъ; дай по сайкѣ на брата: умирать приходится. Какъ разживемся деньгами — отдадимъ». А онъ намъ: «Дураки, говоритъ, что съ голоду пропадаете! Сказали бы—я бы васъ накормилъ!» И точно, съ тѣхъ поръ кормилъ насъ въ го-

Digitized by Google

лодное время: по сайкѣ на брата, да щей похлебать давалъ. Тѣмъ и спасались.

Онъ замолкъ, и я не могла говорить. Какъ-то неожиданно странною и дикою показалась мнѣ картина этой голодной, бѣдственной жизни. Что за диво послѣ того это истощеніе, эта чахотка?...

— Господа! пойдемте чай пить!—сказалъ появляясь съ веселымъ лицомъ Александръ Семеновичъ, которому вѣроятно староста сообщилъ хорошія вѣсти.

— Нѣтъ, я домой,—проговорилъ племянникъ, и быстро приподнявшись едва поклонился намъ и ушелъ.

Александръ Семеновичъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Что онъ — всегда такой?—спросилъ онъ, когда племянникъ скрылся.

— Всегда такой,—отвѣчала я.

— Что же, это отъ большого ума или отъ глупости?

— Я думаю, ни отъ того, ни отъ другого; просто незнакомъ съ нашими обычаями и приличіями.

— Гмъ! сдѣлалъ кузенъ, слегка пожимая плечами.—Пойдемте пить чай, кузина!

На другой день часовъ около шести вечера, когда спала жара, Александръ Семеновичъ поѣхалъ верхомъ на сѣнокосъ, а я пошла въ поле, долго бродила и зашла отдохнуть въ ольховую рощицу. Она примыкала къ ольховой же, но вдесятеро большей рощѣ князей Борскихъ и отдѣлялась отъ нея только небольшою просѣкою: когда-то, очень давно, вся калиновская земля принадлежала имъ же, и дѣды наши были съ ними какъ-то въ родствѣ. Тетушка любила распространяться объ этомъ, и я помню, какъ она обидѣлась, когда нашъ студентъ, прислушавшись разъ къ ея объясненіямъ степеней этого родства, замѣтилъ, что про такое родство говорится: «На вашей, дескать, бабушкѣ сарафанъ горѣлъ, а нашъ дѣдушка пришелъ, да руки погрѣлъ». Недалеко отъ просѣки лежало старое срубленное дерево; хоть было очень сыро, но я такъ устала, что все-таки сѣла отдохнуть на немъ.

Я сидѣла недолго, какъ вблизи послышался трескъ сухихъ вѣтвей, шумъ шаговъ и вслѣдъ затѣмъ раздался выстрѣлъ... Я чуть не вскрикнула, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня показалась длинная фигура племянника въ его холщевомъ мѣшкѣ и съ ружьемъ въ рукахъ.

— Василій Лукичъ!—окликнула я.

Digitized by Google

Онъ изумленно оглянулся.

— А! вы!—проговорилъ онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ. — Я сейчасъ къ вамъ; вотъ только добычу свою достану.

Чрезъ минуту онъ сидѣлъ рядомъ со мною.

— Какъ это вамъ вздумалось забрести сюда?—спросилъ онъ. —Да не простудились бы вы: здѣсь вѣдь сыро.

— Нѣтъ, у меня ботинки на двойной подошвѣ. А вы все охотитесь?

— Да, страсть люблю охоту! Еще мальчишкой изъ любопытства побрелъ разъ кое-за-кѣмъ изъ здѣшнихъ дворовыхъ на охоту, да съ тѣхъ поръ и пристрастился къ ней. Помню, въ бурсѣ какимъ-то чудомъ попался къ намъ романъ Купера, что-ли; такъ мнѣ по ночамъ стали сниться саванны, американская природа, охотничьи приключенія. Казалось — побродить бы по Америкѣ, да и умереть.

Онъ замолкъ, вынулъ папиросу и закурилъ.

— Нѣтъ, я не люблю охоты,—проговорила я.

— Да оно — если разсудить благоразумно — не за что ее и любить! Убивать изъ удовольствія—это остатки варварства, остатки кровожадныхъ инстинктовъ въ природѣ человѣка. Да что подѣлаешь, если живы еще въ насъ эти инстинкты и жизнь не мѣшаетъ, а покровительствуетъ ихъ развитію! Я вотъ, и ѣсть-то дичь не люблю, а брожу голодный съ ружьемъ по цѣлымъ днямъ... Сегодня и не ѣлъ ничего. Вотъ теперь только пообѣдаю.

Онъ вынулъ изъ мѣшка нѣсколько яицъ, краюху хлѣба и большой пирогъ изъ темной пшеничной муки.

— Можетъ быть, и вы для компаніи?—спросилъ онъ, отламывая и подавая мнѣ большой кусокъ пирога.

Мнѣ очень понравилась мысль о такомъ оригинальномъ полдникѣ; я, смѣясь, взяла пирогъ и стала ѣсть съ большимъ аппетитомъ.

— Ну, а въ городѣ вы ужъ не охотитесь—некогда?—спросила я.

— Какое, и тамъ часто шляюсь. Кончились лекціи, поѣлъ— и въ поле. Иной разъ и отъ лекцій уйдешь: вѣдь не всякую стбитъ слушать. У насъ такіе профессора есть, что выѣденнаго яйца не стоятъ.

— Вы, кажется, на естественномъ факультетѣ?—спросила я.

— Да. Съизмала любилъ въ землѣ рыться, съ травой возиться, козявокъ разсматривать. Только къ этому въ университетъ и тянуло.

Digitized by Google

— А послѣ, по окончаніи курса, что вы думаете съ собою сдѣлать?—спросила я.

— Буду учителемъ. Просвѣщать юношество буду гдѣ-нибудь въ гимназіи.

Онъ опять замолкъ и задумался.

— Такъ вы, значитъ, слушали между прочимъ и Илью Петровича Боровкова! — спросила я потомъ. — Ну, что вы о немъ скажете?

— Какъ вамъ сказать? Онъ читалъ толково, слѣдилъ за наукой, но у нашего брата-студентовъ не лежала какъ-то къ нему душа. Сибаритомъ и бариномъ отъ него слишкомъ пахло!

— Отъ него-то? помилуйте!—смѣясь возразила я.—Такой либералъ, почитатель Герцена!...

Студентъ сердито засмѣялся.

— Охъ ужъ эти либералы! Нынче вѣдь всякій — и либералъ, и почитатель Герцена... Илья Петровичъ теперь совсѣмъ въ аристократы полѣзъ: прорвался губернскій предводитель, ухнулъ дворянскія денежки, а тутъ выборы подошли, что тутъ дѣлать? Имѣніе-то большое, да нынче на имѣнія охотниковъ нѣтъ, особенно съ наличными капиталами. Тутъ и подвернись Илья Петровичъ: за четверть цѣны купилъ огромное помѣстье! Теперь, говорятъ, краснорѣчиво увѣряетъ, что рано еще освобождать крестьянъ: просвѣтить-де прежде нужно, да пріучить къ труду! Они, должно быть, къ нему еще не пріучены.

— Вотъ какъ!—проговорила я, съ немного злою радостью припоминая, что и у меня душа не лежала къ этому гладкому и умному господину.

— А не простудитесь вы здѣсь?—спросила я, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ, я ко всему привыкъ—отвѣчалъ онъ.—А вы вотъ поберегитесь.

— Я не боюсь простуды, но домой ужъ пора: вечеретъ.

— Пора, такъ и пора. Я провожу васъ до деревни.

Онъ закурилъ папиросу и молча пошелъ рядомъ со мною.

— Когда же еще увидимся?—спросила я.

— Признаться—не люблю я у васъ бывать. То ли дѣло вотъ этакъ встрѣтиться!—отвѣчалъ онъ.—Эко вечеръ какой славный! — прибавилъ онъ оглядываясь.

— Скажите пожалуйста—вѣдь говорятъ и женщинамъ дозволено слушать лекціи въ университетѣ?—рѣшилась наконецъ я спросить послѣ долгаго колебанія.

Digitized by Google

— Да, дозволено,—отвѣчалъ онъ.—Только это еще недавно: ихъ мало видно пока въ аудиторіяхъ.

— Какъ же вы смотрите на это? Скажите откровенно.

— А что-жъ! это резонно. За что же женщину лишать возможности поумнѣть? Но только не скоро изъ этого прокъ выйдетъ.

— Отчего же вы такъ думаете?

— Такъ. Плоха подготовка у нашихъ женщинъ: свѣдѣній никакихъ, свѣтской чепухи, суетности—пропасть, энергіи и твердости—неоткуда взять, такъ какъ никогда она отъ нихъ не требовалась, а напротивъ возбранялась. Ну, и будутъ пока бѣгать только отъ нечего дѣлать, да якшаться съ такими студентами, которымъ тоже нечего дѣлать.

— Неужели вы не допускаете, чтобъ нашлась женщина, которая шла бы въ университетъ съ серьёзными намѣреніями?

— Нѣтъ, я допускаю это, но только въ видѣ очень рѣдкаго исключенія. А я говорилъ вообще... Послушайте, зачѣмъ вы брали у меня программу?—спохватился онъ. Ужъ не думаете ли и вы объ университетѣ?

Я до сихъ поръ очень усердно скрывала отъ всѣхъ свои планы, но тутъ мнѣ подумалось, что таиться съ этимъ человѣкомъ нѣтъ никакой надобности.

— Ну, а если это такъ—что бы вы на это сказали?—спросила и я.

— Такъ вдругъ—ничего бы и не сказалъ. Я подумалъ бы и поразспросилъ бы васъ.

— Ну, и разспрашивайте!

— Ладно. Что же собственно тянетъ васъ въ университетъ? Говоря высокимъ слогомъ—какая отрасль знанія васъ интересуетъ?

— Вотъ ужъ и вопросъ, на который мнѣ не совсѣмъ легко отвѣчать. Меня интересуетъ многое вообще, а что въ особенности—я пока еще и сама не знаю. *Теперь* я затруднилась бы выбрать себѣ факультетъ.

— Зачѣмъ же вамъ хочется въ университетъ?

Я не вдругъ отвѣтила: я до сихъ поръ не уяснила себѣ съ должной опредѣленностью, чего именно я хотѣла отъ университета и почему попасть туда казалось мнѣ такимъ великимъ благополучіемъ.

— Какъ вамъ сказать?—начала я.—Мнѣ кажется очень несправедливымъ и оскорбительнымъ, что у насъ, женщинъ, отнимаютъ возможность получать высшее образованіе. У насъ ее отни-

Digitized by Google

мают не потому только, что находят это лишним для женщины, но потому также, что не считают нас к этому способными. И вот мне хотелось бы в числе прочих доказать, что в этом ошибаются.

— А! вот оно что?—произнес он.—Значит, это из принципа женской равноправности, по-американски. А знаете ли, прошлую зиму у нас в студенческой компании трактовали раз об этом предмете, и мы все порешили, что у нас на Руси нет еще ни одной женщины, которая думала бы о равноправности женщин на американский лад, а не на Жоржъ-Сандовский... Жоржъ-Сандистокъ-то у нас много, это мы знаем.

— Странно же вы порешили?—заметила я.

— Да ведь мы съ женщинами не водимся, знаем их мало; можно сказать, только издали их видим, кроме таких, по которым об этом судить нельзя.

— Ну, что же вы скажете теперь на счет моих намерений?—настаивала я.

— Все-таки ничего не скажу. Я еще не знаю, насколько вы приготовлены...

— Я вовсе не приготовлена; мне нужно тоже начинать съ азовъ,—перебила я.

— Ого! а средства къ жизни какія у васъ будут?

— Средств—никаких. Буду заработывать; я три иностранных языка знаю, музыку...

— Ну, это вы смелое дело затеваете! Смелость, говорят, города берет, а все-таки на вашем мест я хорошенько подумалъ бы и попробовалъ бы свои силы, прежде чем сделать решительный шагъ.

— Я такъ и сделаю,—сказала я.—Когда же мы увидимся?

— А вот послезавтра дядюшка имянины свои справляет. Придете?

— Приду,—сказала я.

— Ну—и прекрасно. Тут мы и простимся. Я ведь еду на-дняхъ.

— Такъ рано! Отчего это?—спросила я.

— Я къ товарищу. Есть дело, да и обещалъ я.

Мы прошли несколько шаговъ молча.

— А жаль, что я не зналъ прежде о вашихъ планахъ,—сказалъ онъ потомъ.

— А что?

— Да вамъ безъ посторонней помощи трудновато будет

Digitized by Google

готовиться! Я пособилъ бы вамъ... Ну, вотъ вы почти дома. До свиданія.

Я пошла одна деревней. Мнѣ было и хорошо, и грустно. Хорошо мнѣ было потому, что я немного высказалась; я такъ бережно хранила въ себѣ свои мечты и надежды, такъ остерегалась дать заподозрѣть ихъ даже самому близкому человѣку, что ихъ до сихъ поръ въ самомъ дѣлѣ никто и не подозрѣвалъ. Я не замѣчала неудобства такой скрытности; но въ моей натурѣ была большая доза искренности и чистосердечія: я не могла долгое время таить въ себѣ, что-бы ни было безнаказанно. Сегодняшній разговоръ такъ облегчилъ меня! Но онъ былъ первый и въ то же время послѣдній, или по крайней мѣрѣ предпослѣдній. Отъ этого-то мнѣ было грустно!

Возвратясь, я застала Александра Семеновича за чаемъ.

Онъ, казалось, очень равнодушно выслушалъ мой разсказъ о прогулкѣ и о встрѣчѣ съ племянникомъ. У меня отлегло отъ души, мнѣ совѣстно было признаться себѣ самой, но я побаивалась такой встрѣчи, какую онъ мнѣ сдѣлалъ недавно. Я спросила также, поѣдетъ ли онъ на имянины къ священнику? Онъ отвѣчалъ, что поѣдетъ.

На другой день часовъ въ 11-ть мы подходили къ маленькому домику о. Пантелеймона. Дворъ былъ полонъ бричекъ, избитокъ, телѣжекъ: все окрестное духовенство съѣзжалось въ извѣстные дни къ старому священнику, который съ незапамятныхъ временъ былъ здѣсь благочиннымъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Священникъ встрѣчалъ гостей на крыльцѣ, дьяконица въ сѣняхъ. Племянника не было видно. Миша выглянулъ было изъ-за дверей въ сѣняхъ, гдѣ на сундукѣ онъ уписывалъ что-то очень жирное, такъ что всѣ губы у него были въ маслѣ—выглянулъ и скрылся. Мы вошли въ пріемную, полную гостей. Зять священника, высокій и приличный молодой попъ, съ достоинствомъ и любезностью раскланялся со мною и отрекомендовался Александру Семеновичу. Супруга его, тощая и манерная попадья, съ большими претензіями на бонтонность, жеманно и тонно заговорила со мною. Посрединѣ комнаты стоялъ столъ, нагруженный всяческими яствами: горы пироговъ высились на четырехъ каменныхъ блюдахъ, распространяя кругомъ аппетитный запахъ. На другомъ столѣ помѣщался поднось съ графинчиками и бутылками. Гости усердно пили и ѣли, а хозяева еще усерднѣе угощали, когда вошелъ племянникъ. Въ этой компаніи, между этими, по большей части здоровыми лицами, онъ еще

Digitized by Google

хуже казался. Матушки и батюшки обступили его, осыпая привѣтствіями, выраженіями соболѣзнованія и совѣтами; старуха-мать разсыпалась передъ всѣми въ благодарностяхъ за участіе, а онъ сѣлъ за столъ и молча принялся за пироги. Гости мало-по-малу отстали отъ него. Одна востроносая молодая попадья довольно громко замѣтила, что онъ совсѣмъ безчувственный. Александръ Семеновичъ съ зятемъ священника и однимъ нашимъ сосѣдомъ сѣлъ за маленькій столикъ и усердно угощался, взглядывая только частенько въ мою сторону.

— Не слышно ли чего новаго на счетъ... знаете, улучшенія быта? — спросилъ вполголоса отецъ Михаилъ, священническій зять.

— Ничего не слышно,—отвѣчалъ кузенъ.

— А тебѣ ничего новаго не пишутъ, Василій Лукичъ? — спросилъ опять о. Михаилъ, вообще интересовавшійся современными вопросами, и кромѣ того втайнѣ завидовавшій привилегіямъ дворянъ.

— Не слышалъ,—отвѣчалъ угрюмо племянникъ, откинувшись на спинку стула и собираясь закурить.

— Мнѣ сказывали,—все также таинственно говорилъ о. Михаилъ,—будто уже рѣшено совсѣмъ освободить.

— Н-ну! это дудки!—возразилъ нашъ сосѣдъ.

— Почему дудки?—спросилъ племянникъ.

— А потому, что у насъ еще не совсѣмъ съума сошли!— желчно и громко заговорилъ сосѣдъ.—Помилуйте! да они пахать и сѣять перестанутъ! Да они съ дубьемъ на разбой по большимъ дорогамъ пойдутъ!

— Ужъ если до сихъ поръ не ходили, такъ чего имъ тогда-то идти!

— До сихъ поръ не ходили, потому что ихъ не пускали!— горячо говорилъ сосѣдъ.—Да, наконецъ, какого улучшенія быта имъ нужно? чѣмъ имъ худо? Что трудятся они—такъ Господь всѣмъ намъ завѣщалъ въ потѣ лица трудиться.

— Мы и то трудимся въ потѣ лица: вотъ наѣлись до отвалу, дышать тяжело,—замѣтилъ племянникъ.

Я громко засмѣялась, а о. Михаилъ и его матушка скромно, но нѣсколько злорадно усмѣхнулись.

Пиръ принималъ между тѣмъ гомерическіе размѣры,—яства появлялись за яствами, бутылки за бутылками; наконецъ, внесли подносъ съ вареньями и прочими сластями: это означало если не конецъ, то перерывъ пиршества. Было около четырехъ часовъ.

Отецъ Михаилъ съ кузеномъ, съ сосѣдомъ нашимъ и какимъ-то

Digitized by Google

рыжимъ священникомъ усѣлись въ саду подъ деревьями сыграть партіи двѣ ералаша по маленькой; другое общество, наѣвшись до одуренія, разбрелось тоже, кто купаться, кто заснуть на сѣновалѣ или въ предбанникѣ, кто посидѣть гдѣ-нибудь въ тѣни.

— Катерина Александровна! хотите пройтись, — спросилъ племянникъ.

— Пойдемте,—отвѣчала я вставая.—Куда же мы пойдемъ?

— Куда хотите.

— Ну, такъ пойдемте въ паркъ. Я давно тамъ не была. И знаете—пойдемте не въ парадную часть парка, а туда—въ глушь.

— Ладно. Я и самъ больше люблю глушь.

Мы вышли въ садъ священника, гдѣ хозяинъ—страстный садоводъ — собралъ на маленькомъ пространствѣ всевозможныя, даже самыя рѣдкія растенія. Племянникъ всегда усердно помогалъ ему въ садовыхъ работахъ: на этомъ только кажется они и сходились. Изъ саду мы вышли на небольшой лужокъ, потомъ поднялись на пригорокъ, отыскали калитку, ведущую въ непроглядную глушь стараго парка, и вошли.

Прохладою пахнуло на насъ отъ этихъ длинныхъ аллей, окаймленныхъ старыми, часто столѣтними деревьями, отъ этихъ темныхъ аллей, куда никогда не заглядывало солнце. Широкія, когда-то хорошо вымощенныя, онѣ теперь были мѣстами изрыты, мѣстами совсѣмъ заросли травой. Мы прошли двѣ-три аллеи и почти не видали солнца, такъ густо заслоняла его разнообразная зелень листьевъ. Мы очутились возлѣ широкой дерновой скамьи.

— Помните—года два тому назадъ мы съ Захаровымъ набрели на васъ здѣсь?—напомнила я.—Вы спали на скамьѣ, собака Захарова залаяла, и вы, проснувшись, кажется въ душѣ изрядно насъ проклинали.

— Помню,—отвѣчалъ племянникъ.—Ну, ужъ и дивился же я тогда на васъ! Какъ вы находили о чемъ бесѣдовать цѣлыя сутки съ этимъ попугаемъ.

— Ну, полноте! съ попугаемъ! Онъ неглупый человѣкъ,— возразила я.

— Да какой онъ человѣкъ? Онъ просто ходячій бонтонъ.

Я засмѣялась.

— А что бы вы сказали,—проговорила я послѣ нѣкотораго молчанія, если бы вы узнали, что этого попугая, этотъ ходячій бонтонъ... я любила?

— Не можетъ быть!—въ крайнемъ изумленіи выговорилъ онъ. —Вы не шутите?

Digitized by Google

— Нисколько. Такъ любила, что чуть чахотку не пріобрѣла, разставшись съ нимъ. Что же вы скажете?

Онъ помолчалъ.

— Скажу, что причины этого рода симпатій еще не разъяснены, и потому, говорятъ, часто встрѣчаются привязанности совершенно неправдоподобныя. Но все же, мнѣ кажется, этими влеченіями долженъ управлять разумъ. Вы такъ молоды, а тогда были еще моложе... Мнѣ кажется — вы очень измѣнились въ эти два-три года. Теперь, вѣроятно, вы не полюбили бы Захарова?

Я подумала.

— Да, врядъ ли я могла бы его полюбить теперь,—отвѣчала я совершенно искренно.

— А какіе переходы! два года назадъ—любовь къ Захарову, а теперь—мечты объ университетѣ. Только богато одаренная натура можетъ шагать такими быстрыми шагами... Да, на васъ природа-мать не поскупилась!.. Что-жъ вы не сочетались бракомъ?

— Боялись бѣдности, недостаточно вѣрили, кажется, въ силу своей привязанности... И слава Богу, что не вѣрили и боялись!.. Вы не устали еще? здѣсь посидѣть бы.

Мы были внизу у широкаго пруда-озера, раздѣлявшаго паркъ на двѣ половины и окруженнаго высокой стѣной старыхъ деревьевъ. Тамъ-и-сямъ виднѣлись скамейки. Мы помѣстились на одной изъ нихъ подъ густой листвой столѣтняго дуба, который Захаровъ называлъ-бывало дубомъ мамврійскимъ. Мой спутникъ прислонился къ стволу его и закурилъ, и молча съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій, ароматный, немного сырой воздухъ. Потомъ онъ оглянулся и пристально, раздумчиво посмотрѣлъ на меня.

— Хорошо жить на свѣтѣ!—заговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія.—Не хотѣлось бы умирать!

— Сохрани Богъ—умирать!—живо выговорила я.

— Да!—тихо и медленно продолжалъ онъ, ласково глядя на меня.—Всякому человѣку жизнь дорога, а мнѣ, эти вотъ двѣ недѣли она еще дороже стала...

Я не отвѣчала; только сердце у меня защемило невыразимою болью и слезы выступили на глаза. Онъ еще долго и такъ же ласково глядѣлъ на меня, потомъ молча протянулъ мнѣ руку и просто, по-дружески пожалъ мою. Я боялась взглянуть на него и дать замѣтить свои слезы. Онъ, кажется, и не догадывается о близости смерти. Пусть же покойно наслаждается послѣдними хорошими днями,—думала я.

Digitized by Google

— А вѣдь намъ пора!—нѣсколько оправившись замѣтила я, чтобъ прервать тягостный tête-à-tête.

— Коли пора, такъ и пора,—отвѣчалъ онъ.—Пойдемте опять ѣсть. Это удивительно, сколько человѣкъ съѣсть можетъ, особенно когда ему больше дѣлать нечего!

Я разсмѣялась такому неожиданному переходу разговора и встала. Мы пошли другой дорогой, и когда вышли изъ парка, справа у насъ разстилалось господское поле, испещренное снопами и копнами, промежъ которыхъ, какъ муравьи, сновали косари и жницы. Я невзначай взглянула на своего спутника: его лицо, обращенное въ ту сторону, такъ же ласково глядѣло на трудящійся людъ, какъ нѣсколько минутъ назадъ на меня. Я вдругъ поняла, что этотъ съ виду черствый и грубый человѣкъ всей своей доброй душой любитъ и меня, и тотъ народъ, и всѣхъ, кто никому не мѣшаетъ на свѣтѣ...

Мы прошли нѣсколько времени молча, думая всякій свою думу.

— Кто же землю будетъ обработывать тогда?—нечаянно проговорила я, потому что въ своей дѣтской непрактичности никогда не могла прибрать отвѣтъ на этотъ всегдашній вопросъ крѣпостниковъ нашихъ.

— А они же!—указывая глазами на убиравшихъ хлѣбъ, отвѣчалъ мой спутникъ, тотчасъ смекнувшій, о чемъ я заговорила.—Они же—только доброю волею и за приличную плату.

А между тѣмъ вечерѣло; жара спала, солнце спряталось за набѣжавшую тучку. Мы повернули на священническую леваду. Работница о. Пантелеймона—рослая молодая баба, шла отъ колодца къ дому съ полными ведрами воды и перешла намъ дорогу.

— Вёдра вишь полны, Василій Лукичъ;—отозвалась она, широко улыбаясь.—Къ добру тебѣ, къ здоровью!

— Ну, славу Богу! твоими устами да медъ пить!—отвѣчалъ онъ.

— Вотъ эта Ѳедосья—это вѣдь наша крѣпостная. Какъ же! въ счетъ долга отдала матушкѣ тутъ мелкопомѣстная одна: за ней числится, а матушкѣ принадлежитъ de facto. Ну, да это еще ничего: у матушки ей житье лучше, чѣмъ было бы у барыни. А то́ вотъ этотъ сосѣдъ вашъ, что разбоемъ сегодня стращалъ, отдалъ за проценты дѣвку рябиновской попадьѣ. Попадья-то злючая-презлючая: батюшкѣ-супругу бороду клочьями рветъ. Ужъ дѣвка отъ нея бѣгала-бѣгала домой, а дома-то баринъ всякій разъ выпоретъ да назадъ къ попадьѣ и отошлетъ. Такъ дѣвка выбрала себѣ добрый сукъ, да и повѣсилась. Вонъ оно какія драмы въ нашей благодатной сельской

Digitized by Google

тишки дѣются! Вы, впрочемъ, не туманьтесь!—прибавилъ онъ, заботливо заглядывая мнѣ въ лицо.—Что тамъ они ни говори, а для такихъ драмъ послѣднія времена пришли. Можетъ, другія какія драмы заведутся, а этихъ уже не будетъ!

Мы вошли въ домъ и опять стали ѣсть и пить. Опять матушка-дьяконица забѣгала съ поклонами и упрашиваньями. Опять Ѳедосья и другая работница засуетились съ питіями и яствами. На бѣду ночь была свѣтлая, лунная; гости пиршествовали почти до полночи и ужъ тогда только, полусонные и полупьяные, почти одурѣвшіе отъ объяденія, они начали прощаться.

— Прощайте, Катерина Александровна!—сказалъ племянникъ, подавая мнѣ руку.

У меня сердце сжалось: мнѣ такъ много хотѣлось бы сказать ему при прощаніи—можетъ быть, при послѣднемъ прощаніи, но кругомъ была такая суматоха, такъ назойливо глядѣли на насъ любопытные глаза матушекъ, такъ торопился ѣхать Александръ Семеновичъ, что я только крѣпко пожала его руку и, не глядя на него, поскорѣе вышла.

Я опять осиротѣла. Не стало моего добраго товарища, не стало искреннихъ, задушевныхъ разговоровъ, къ которымъ я стала привыкать и въ которыхъ не боялась проговориться или договориться до чего неподходящаго!... И тѣмъ сильнѣе я чувствовала это сиротство свое, что у меня съ кузеномъ только съ виду все было по-прежнему, а въ сущности между имъ и мной стало что-то такое, какое-то едва замѣтное отчужденіе. Такъ прошло недѣли двѣ. Александръ Семеновичъ былъ все время что-то не веселъ или чѣмъ-то озабоченъ; онъ даже похудѣлъ и мнѣ думалось, что онъ не совсѣмъ здоровъ. Разъ вечеромъ за чаемъ къ нему пришелъ староста. Дѣло шло о важныхъ и безотлагательныхъ дѣлахъ, но кузенъ отнесся къ этому съ такою неохотою, что я окончательно пришла въ нѣкоторое безпокойство.

— Что съ вами, Александръ Семеновичъ,—спросила я, когда ушелъ староста.

— Какъ что со мной? Ничего,—возразилъ онъ.

— Да вы на себя не похожи! Вы должно-быть нездоровы.

— Нѣтъ, я здоровъ. Отчего вы въ этомъ сомнѣваетесь?

— Помилуйте! да вы совсѣмъ измѣнились: похудѣли, все молчите, даже и хозяйствомъ не интересуетесь. У васъ что-нибудь есть на душѣ нехорошее!...

Digitized by Google

Онъ помолчалъ нѣсколько времени, усердно затягиваясь дымомъ.

— Я думалъ, что вамъ до этого и дѣла нѣтъ!—сказалъ онъ потомъ.

— И вамъ не грѣшно было такъ думать!—упрекнула я.

Онъ пожалъ плечами.

— Я имѣлъ право такъ думать: въ послѣднее время вы сами совсѣмъ не та. Вы говорите со мною какъ съ человѣкомъ едва знакомымъ, или съ такимъ, который вамъ до-смерти надоѣлъ. Вы измѣнились, а не я.

Я немного задумалась.

— Если вы хотите—вы правы,—проговорила я,—но въ то же время мы оба правы: оба мы болѣе или менѣе измѣнились. И это потому, что въ нашихъ отношеніяхъ было что-то странное и не совсѣмъ естественное: намъ нужно было или остаться чужими, или сблизиться до полной откровенности; мы же считали себя друзьями, а между тѣмъ у насъ осталось много недосказаннаго...

— Ну, я не стану первый откровенничать,—угрюмо проговорилъ онъ.

Я замолчала, но что-то очень нехорошее послышалось мнѣ въ этихъ словахъ: мнѣ послышалось въ нихъ какъ-будто какое-то сознаніе своего главенства и моего подчиненія; послышалось также глухое недовольство за то, что я *не спросясь* подружилась съ *неподходящимъ* человѣкомъ, словомъ, послышалась бездна деспотизма и самодурства. «И неужели этотъ человѣкъ присвоилъ себѣ такія права на меня потому только, что я бѣдная родственница и живу въ его домѣ?»—спрашивала себя и сомнѣвалась я. И чѣмъ болѣе я объ этомъ думала, чѣмъ подробнѣе перебирала все прошедшее и настоящее нашихъ отношеній, чѣмъ пристальнѣе вникала въ его характеръ, тѣмъ болѣе разсѣивались мои сомнѣнія, тѣмъ яснѣе мнѣ дѣлалось, что эта требовательность имѣла причины менѣе предосудительныя, что она исходила изъ ревности...

Ревность считалась тогда чувствомъ естественнымъ и законнымъ, мало того — даже грандіознымъ, а почитаніе всего грандіознаго и эффектнаго въ тѣ поры еще сильно носилось въ воздухѣ, и всѣ мы болѣе или менѣе были заражены имъ. Поэтическій образъ Шекспировскаго мавра стоялъ передъ нами апоѳеозою ревности. Открытіе, сдѣланное мною касательно моего кузена, не уронило его въ моихъ глазахъ. Напротивъ—какое-то доброе чувство, чувство участія заговорило во мнѣ; я стала обращаться

Digitized by Google

съ братомъ заботливо и ласково, будто съ больнымъ. Что-то въ родѣ радости ощущала я при мысли, что меня ревнуютъ и, слѣдовательно, любятъ. Помню я, тогда въ паркѣ, на скамьѣ, когда разговоръ мой съ племянникомъ принялъ такой оборотъ, изъ котораго можно было заподозрѣть что-то въ родѣ начинающейся любви въ моемъ пріятелѣ, я только испугалась: мнѣ страшно стало за мои пріятельскія съ нимъ отношенія, которыя могли пострадать послѣ объясненія, такъ какъ при всей моей пріязни я хорошо знала, что отвѣчать ему любовью я не могу, чувство же высказанное и нераздѣляемое всегда поселяетъ разладъ между тѣми, къ кому относится...

А тутъ подошли ненастные дни, обрекшіе на постоянный tête-à-tête въ четырехъ стѣнахъ меня и кузена. Опять начались вечернія чтенія, долгіе разговоры. Мы опять сблизились. Скоро также я получила выписанныя руководства и принялась за дѣло.:. Вотъ когда я уразумѣла вполнѣ всю глубину своего невѣжества, всю нелѣпость пансіонскаго обученія, весь вредъ, наносимый этимъ обученіемъ—вредъ непоправимый! У насъ развивали одно только воображеніе да память, совершенно заглушая всѣ другія умственныя силы. У меня—напримѣръ, было меньше соображенія, чѣмъ у ребенка. Насъ учили, конечно, ариѳметикѣ, но какъ учили? Затвердишь, бывало, извѣстное ариѳметическое правило и приведенную при немъ для примѣра задачу — и прекрасно. Я знала, что $2 \times 2 = 4$, и объ остальномъ нисколько не безпокоилась. Чтобъ пройти теперь первыя четыре правила, мнѣ нужно было напрягать мозгъ невѣроятно, а практическія правила на эти задачи просто свели меня съума. Не могу выразить, какъ утомлялъ меня такой непривычный трудъ! Послѣ нѣсколькихъ часовъ этакихъ занятій, я чувствовала такое изнеможеніе, будто ворочала камни. То же, хотя въ нѣсколько меньшей степени, чувствовала я при занятіяхъ другими предметами. Вмѣсто исторіи, намъ преподавалъ мужъ m-me Trousseau какіе-то анекдотцы о разныхъ болѣе или менѣе громкихъ личностяхъ; по географіи, онъ же довольно подробно описывалъ намъ тѣ мѣста Европы, куда направляются фешіонебельные туристы и затѣмъ кратко и отрывисто упоминалъ обо всемъ другомъ. Даже физику у насъ преподавали и возили насъ нѣсколько разъ въ физическій кабинетъ мужской гимназіи въ часы, когда мы не могли тамъ встрѣтить гимназистовъ; это казалось многимъ черезъ-чуръ даже смѣлымъ нововведеніемъ, и нѣкоторые родители замѣчали m-me Trousseau, что они не хотятъ дѣлать des bas-bleus изъ ихъ дочерей. Изъ физики осталось у меня въ памяти, что насъ ставили полукругомъ,

Digitized by Google

рука за руку, возлѣ какой-то машины, затѣмъ та, которая стояла ближе, притрогивалась къ машинѣ пальцемъ, и всѣ мы чувствовали сильное и непріятное сотрясеніе. На первыхъ порахъ насъ это заняло, а потомъ и надоѣло, и казалось непріятнымъ. Я заглянула и теперь въ учебникъ физики. Господи, что это была за тарабарская грамота! Мнѣ казалось, что если я просижу за ней десять лѣтъ, то все-таки ничего изъ этого не выйдетъ. Понятно, что отъ такихъ пріятныхъ занятій пріятно было оторваться. Я всегда съ нетерпѣніемъ ждала вечера. Такъ весело было болтать о пустякахъ, такъ пріятно почитать что-нибудь легкое и художественное послѣ той, казалось мнѣ, сухой и головоломной работы.

Помню я живо одинъ вечеръ въ началѣ сентября. На дворѣ шумѣлъ вѣтеръ и дождь лилъ, какъ изъ ведра; въ трубахъ дико завывала буря. Мы сидѣли за чайнымъ столомъ. Самоваръ такъ ласково шипѣлъ, маленькія, прикрашенныя кузеномъ комнатки казались особенно уютными въ эту ненастную ночь. Мнѣ вспомнилось окончаніе эпилога въ Рудинѣ: «И да поможетъ Богъ безпріютнымъ скитальцамъ!» Я живо представила себѣ сѣдую, высокую фигуру *безпріютнаго скитальца*!.. У насъ зашелъ разговоръ о немъ. Я выразила, что мнѣ досаднѣе всего въ *Рудинѣ*— это замужество Натальи изъ угожденія мамашѣ и изъ желанія пристроиться.

— Мнѣ такъ это казалось даже ненатуральнымъ со стороны Натальи,—сказалъ Александръ Семеновичъ.—Не похожа на нее такая покорность! Вѣдь у Натальи характерецъ, ой-ой-ой!..

— Вамъ не нравятся такіе характеры!—засмѣялась я.—Вотъ жена Лежнева—та больше въ вашемъ вкусѣ.

— Съ чего вы взяли? Напротивъ, я *особенно* уважаю самостоятельныхъ женщинъ. Мнѣ овечки эти просто противны.

— Будто?—усомнилась я.

— Право такъ! Знаете—вотъ и въ васъ мнѣ очень по душѣ ваша самостоятельность.

— Это очень лестно, что вы меня такою считаете,—полусмутясь замѣтила я.

— Я васъ считаю тѣмъ, что́ вы есть,—отвѣчалъ онъ серьёзно.—А вотъ что мнѣ — признаюсь—досадно видѣть: когда вы начинаете оригинальничать...

— Я? оригинальничать? что́ вы этимъ хотите сказать?

— Да то же, что говорю. Вы для оригинальности способны на самыя неожиданныя выходки. Напримѣръ, развѣ не для ори-

Digitized by Google

гинальности вы завели дружбу съ поповскимъ племянникомъ. Ну, что у васъ съ нимъ общаго?

Я не вдругъ нашлась что отвѣчать, такъ изумило меня такое истолкованіе моихъ отношеній къ бѣдному племяннику.

— У меня съ нимъ очень много общаго,—отвѣчала я наконецъ.—Гораздо больше, чѣмъ вы думаете. Вы судите по внѣшности: я — особа хорошаго тона, онъ — неизящный и грубоватый господинъ? это такъ, но въ то же время у насъ много общаго и въ убѣжденіяхъ, и въ симпатіяхъ, а это поважнѣе манеръ и привычекъ...

— А! такъ вотъ что!—проговорилъ кузенъ со смущеніемъ, которое напрасно хотѣлъ замаскировать шуткою. — Остается, значитъ, жалѣть, что чахотка не принимаетъ во вниманіе никакихъ симпатій. Иначе бы мы честнымъ пиркомъ, да за свадебку.

— Вотъ и опять вы совсѣмъ не то говорите. Мое расположеніе къ нему было именно такого рода, что не допускало ни малѣйшей возможности тѣхъ чувствъ, которыя требуются для женитьбы. Это была дружеская пріязнь, которая никогда не перешла бы въ любовь.

— Развѣ бываетъ такого рода пріязнь между мужчиной и женщиной?—усомнился онъ.

— Что же тутъ необыкновеннаго? Развѣ вамъ не случалось подружиться съ женщиной?

Онъ немного подумалъ.

— Разъ случилось,—сказалъ онъ,—но то была старуха, т.-е. почти старуха.

— Это все равно: лѣта ничего тутъ не значатъ. — Ну, а вы хорошаго мнѣнія о моей самостоятельности, если считаете меня способною къ такимъ безобразнымъ выходкамъ—къ дружбѣ для оригинальности!

Кузенъ молча закурилъ папироску и перемѣнилъ разговоръ.

Прошло болѣе полумѣсяца ненастья и опять настали ясные дни, чудные осенніе дни, полные кроткой прелести и грусти. Я рада была оторваться отъ своихъ учебниковъ и съ наслажденіемъ бѣжала изъ душной комнаты въ поле или въ рощу. Я по цѣлымъ часамъ бродила или одна, или съ Александромъ Семеновичемъ. Онъ часто звалъ меня съ собой въ рабочее поле, толковалъ со мной о разныхъ проектируемыхъ имъ перемѣнахъ въ сельскомъ обиходѣ: о замѣнѣ допотопной трехпольной системы четырехпольною, о выгодѣ производства того или другого хлѣба, объ устройствѣ водяной

Digitized by Google

мельницы и т. п. Но я замѣчала, что во всѣхъ его предположеніяхъ и разсчетахъ участвовала неизбѣжно даровая рабочая сила.

— Ваши разсчеты не совсѣмъ вѣрны,—разъ замѣтила я ему.

— Вы все забываете, что скоро крѣпостныхъ не будетъ.

— Ну, это еще не совсѣмъ скоро: не такая эта вещь, чтобъ ее вдругъ сдѣлать,—возразилъ онъ.

— Богъ знаетъ? На это нельзя разсчитывать. Вамъ кажется что этого скоро не будетъ потому, можетъ быть, что вамъ этого не хотѣлось бы.

Кузенъ усмѣхнулся.

— Вы значитъ считаете меня ярымъ плантаторомъ?—замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, но вѣдь всѣ помѣщики боятся этой перемѣны.

— Ну, нѣтъ! Я этого не думаю. Напротивъ, я увѣренъ, что многіе ее желаютъ, хотя это и повредитъ ихъ денежнымъ интересамъ.

— А вы какъ думаете на этотъ счетъ и чего желаете?—спросила я не безъ нѣкотораго волненія.

— Я-то какъ?—сказалъ онъ, и помолчалъ.

— Вотъ видите ли, кузина,—продолжалъ онъ потомъ. Для меня, конечно, крѣпостной трудъ выгоденъ, потому что дешевъ. Съ другой стороны, мои собственно люди не могутъ пожаловаться на крайнюю нужду или на притѣсненія. Такимъ образомъ, опираясь на эти два обстоятельства, я безъ особенныхъ угрызеній совѣсти могъ бы пожелать, чтобы все осталось по старому. Но я исходилъ Россію вдоль и впоперекъ, я знаю, что́ такое крѣпостное право. Въ Малороссіи оно еще легче, но въ Великороссіи — ухъ, какъ тяжело! А ужъ въ западныхъ губерніяхъ—и не приведи Богъ, что это такое? И еслибъ меня спросили, что́ сдѣлать съ крѣпостными — оставить ли ихъ на прежнемъ положеніи, или постараться улучшить ихъ бытъ, или, наконецъ, совсѣмъ ихъ освободить, — я, не колеблясь ни минуты, подалъ бы голосъ за совершенное освобожденіе.

У меня отлегло отъ души. Я давно ужъ хотѣла и боялась завести объ этомъ разговоръ.

— Несмотря на то, что это повредило бы вашимъ матеріальнымъ интересамъ,—напомнила я.

— Несмотря на это,—подтвердилъ онъ.—Да оно не Богъ-знаетъ какъ повредитъ имъ. Конечно, на первыхъ порахъ будетъ скверно, пока не наладится все на новый ладъ. А потомъ—ничего, будемъ жить!

И слава Богу! подумала я, очень довольная тѣмъ, что, зна-

Digitized by Google

читъ, и овцы будутъ сыты, и сѣно, если не совсѣмъ, то почти совсѣмъ будетъ цѣло. А еще больше я была довольна тѣмъ, что между мной и Александромъ Семеновичемъ не будетъ разногласія по этому дѣлу, которое я стала считать необходимымъ, важнымъ, — можно сказать священнымъ.

Александра Семеновича очень удивляла и кажется огорчала перемѣна, происшедшая въ моихъ отношеніяхъ съ кузинами. Послѣ Святой мы и не видѣлись. Кузенъ не догадывался о причинахъ нашей размолвки, и мнѣ не хотѣлось говорить о ней. Кажется для того, чтобъ помирить насъ, онъ вздумалъ праздновать день своего рожденія — 10-е ноября, съѣздивъ пригласить тетушку съ кузинами, сосѣдей и Курдюмова даже. Мавра Савельевна съ ногъ сбилась съ разными печеньями, вареньями и всяческими заготовленіями. Наканунѣ празднества пріѣхала Авдотья Марковна съ кузинами. Мы очень холодно встрѣтились.

— Что же, милая племянница, не привыкла еще къ хозяйству?—колко спросила тетушка, видя, что я все-таки не принимаю участія въ хозяйственной суетѣ.

— Нѣтъ, не привыкла, тетушка!—смѣясь отвѣчала я.—Да и привыкать не хочу.

— Нельзя, нельзя!—вздохнула старуха, покачивая головой.—Это только вѣдь богатые сложа руки живутъ, а намъ нельзя?

— Да я развѣ сложа руки живу?—возразила я.—У меня въ комнатѣ — ворохъ книгъ: читаю, учусь.

Мнѣ хотѣлось подразнить старуху.

Авдотья Марковна покачала головой и отвернувшись проворчала про себя что-то въ родѣ того, что всѣхъ умнѣе — дескать не быть!

На другой день утромъ, къ намъ съѣхался весь околотокъ. Не было только отца Пантелеймона и Курдюмова, который прислалъ сказать, что у него заболѣлъ дядя. Кузины принарядились и усердно занимали гостей, стараясь показать какъ можно больше невниманія ко мнѣ и равнодушія къ тому обстоятельству, что не пріѣхалъ Курдюмовъ, который все-таки, кажется, интересовалъ ихъ. Мнѣ было ужасно скучно, не съ кѣмъ слова сказать. Тѣмъ съ бо́льшимъ усердіемъ я принялась завтракать: огромный пышный пирогъ, обставленный солеными закусками и всевозможныхъ сортовъ грибками, и видомъ, и запахомъ своимъ возбуждалъ аппетитъ у всякаго.

— Что это батюшки нѣтъ?—полюбопытствовалъ кто-то.

Digitized by Google

— Можетъ быть, треба какая; въ ихъ званіи на всякій часъ жди,—замѣтила Авдотья Марковна.

— Да, конечно; да еще къ нему вчера больной племянникъ пріѣхалъ,—сообщилъ Карлъ Иванычъ.

Я встрепенулась и стала чутко прислушиваться.

— Что же, худо ему очень или премудрости убоялся?—спросилъ-было нашъ сосѣдъ, и сейчасъ же прибавилъ: А вотъ—легокъ на поминѣ и самъ батюшка.

Священникъ показался мнѣ будто блѣднѣе обыкновеннаго. Я проворно пошла къ нему на встрѣчу.

— А что Василій Лукичъ? — спросила я, пока онъ раздѣвался въ передней.

— Плохо бѣдному! совсѣмъ плохо, — грустно проговорилъ старикъ и поспѣшилъ войти въ комнату, отыскивая глазами хозяина и особенно почтенныхъ по лѣтамъ гостей.

— Къ вамъ неожиданно племянникъ пріѣхалъ? — спросила Авдотья Марковна, къ которой онъ подошелъ прежде всего.

— И чтожъ — совсѣмъ вышелъ изъ науки или поправиться пріѣхалъ?—полюбопытствовалъ тотъ сосѣдъ, который всегда возставалъ противъ эмансипаціи.

— Нѣтъ, гдѣ ужъ ему поправляться?—качая сѣдой головой говорилъ священникъ. — Совсѣмъ на ладонъ дышетъ. Какъ пріѣхалъ, вошелъ въ комнату: вотъ, говоритъ, пріѣхалъ къ вамъ, чтобъ хоть умереть въ теплѣ, да въ холѣ, прибавилъ онъ, не то вздыхая, не то грустно усмѣхаясь.

«Вошелъ однакожъ! значитъ, не совсѣмъ еще слегъ», — подумала я въ утѣшеніе себѣ.

— Но онъ на ногахъ? не лежитъ?—спросила Авдотья Марковна.

— Только вошелъ, да и слегъ,—отвѣчалъ священникъ.—Простудился дорогою; чуть не утонулъ. Тамъ, у Бочаровки, мостъ снесло, такъ переходятъ рѣчку по льду: ѣхать-то еще нельзя. Вотъ пошелъ онъ да и окунулся...

Всѣ заахали и тотчасъ же опять усердно взялись за ѣду. Я отошла къ окну, стоя прислонилась лбомъ къ холодному стеклу и стала молча глядѣть на разстилавшуюся предъ глазами снѣжную даль. Мнѣ такъ хотѣлось перенестись черезъ эту бѣлую равнину туда, въ ту теплую горенку, куда *пріѣхалъ умирать* тотъ бѣдный юноша, о которомъ только-что равнодушно поговорили — и еще равнодушнѣе замолкли!..

— Катерина Александровна! у меня есть къ вамъ усер-

Digitized by Google

нѣйшая просьба,—проговорилъ возлѣ меня голосъ отца Пантелеймона.

— Что такое, батюшка? — спросила я, немного удивленная и такъ же, какъ и онъ, вполголоса.

— Не откажитесь навѣстить нашего больного. Другой день толкуетъ: какъ бы это съ Катериной Александровной передъ смертью еще повидаться! Христіанскій долгъ — посѣтить страждущаго.

— Я поѣду, батюшка! Когда хотите поѣду, хоть сейчасъ,— съ готовностью выговорила я.

— Нѣтъ, сейчасъ зачѣмъ же? И праздникъ у васъ, и гости такіе дорогіе: тетенька вотъ, сестрицы... А завтра, если заблагоразсудите, пожалуйста...

— Я пріѣду, батюшка, непремѣнно пріѣду,—поспѣшно проговорила я.—Передайте пожалуйста это Василію Лукичу.

Какъ-то смутно припоминается мнѣ, что было затѣмъ въ этотъ день. Много пили, ѣли, болтали о пустякахъ—все это какъ водится; дешевое вино и домашняя наливка лились рѣкой. Александръ Семеновичъ былъ вообще радушный хозяинъ и особенно любилъ такія незатѣйливыя пиршества въ большой компаніи, все равно — изъ кого бы она ни состояла, лишь бы то были простые и безцеремонные люди. Сегодня былъ онъ также очень веселъ, то и дѣло приказывалъ подать еще наливки или вина и въ этихъ пріятныхъ хлопотахъ не замѣтилъ моего настроенія. Я, впрочемъ, старалась не испортить празднество и быть, какъ всѣ, въ чемъ вѣроятно и успѣла. Помнится мнѣ еще, что кузина Маша нѣсколько разъ говорила мнѣ какія-то колкости, а Вѣра при этомъ солидно и ядовито улыбалась; мнѣ это не казалось ни непріятнымъ, ни обиднымъ: я выслушивала все также машинально, какъ пила, ѣла и разговаривала. Я думала между тѣмъ, что вотъ вѣдь всѣ здѣсь ѣдятъ, пьютъ и благоденствуютъ, а въ трехъ верстахъ можетъ быть умираетъ человѣкъ, который лучше всѣхъ ихъ... лучше всѣхъ насъ, поправилась я, и то, что онъ умираетъ, никому не мѣшаетъ благоденствовать! Мнѣ ужасно хотѣлось, чтобъ ужъ скорѣе кончился этотъ всячески тяжелый день, и я была несказанно счастлива, когда онъ наконецъ кончился, и когда, послѣ ужина, вся честная компанія, кромѣ тётушки и кузинъ, отправилась во-свояси.

На другой день послѣ ранняго обѣда, едва тронулся отъ крыльца возокъ, запряженный шершавыми разномастными лошаденками и нагруженный, кромѣ узловъ и подушекъ, всей тётуш-

Digitized by Google

киной семьей, я коротко и рѣшительно объявила кузену, что ѣду сейчасъ въ Завѣтное — и отправилась.

Съ замираніемъ сердца вошла я въ темненькія сѣни священническаго домика. Марья Никитишна—дьяконица, выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу и такъ и охватила меня обѣими руками.

— Спасибо, Катерина Александровна! спасибо, родная!—громкимъ шопотомъ говорила она, помогая мнѣ раздѣться.—Вася сегодня нѣсколько разъ ужъ про васъ спрашивалъ. Пожалуйте въ комнату, обогрѣйтесь, пока спитъ Вася: цѣлую ночь маялся, только вотъ недавно заснулъ.

Я неслышно вошла въ пріемную—въ ту самую комнату, гдѣ мы пили чай, когда я приходила за программой. Марья Никитишна выразительно показала мнѣ на низенькую затворенную дверь; я догадалась, что она указываетъ мнѣ, гдѣ лежитъ ея больной, кивнула ей головой и молча опустилась на кожаный старый диванъ. Старуха сѣла возлѣ меня; она не могла и не считала нужнымъ разговаривать и все только вздыхала. Ея похудѣвшее и сморщившееся лицо явственно и краснорѣчиво говорило, что она выстрадала въ эти дни. Мы посидѣли такъ молча около четверти часа; потомъ она встала, тихо извинилась предо мной и чрезъ нѣсколько времени возвратилась съ чашкой кофе на подносѣ и со сливками и сухарями. Все-таки вспомнила, значитъ, о долгѣ гостепріимства.

Скоро въ сосѣдней комнатѣ послышался слабый, только для материнскаго чуткаго уха уловимый шорохъ. Марья Никитишна пошла къ сыну. Я стала прислушиваться: послышался тихій говоръ.

— Пожалуйте, Катерина Александровна! Вася васъ проситъ, — выговорила старуха, появляясь въ дверяхъ.

Я встала, чувствуя, что блѣднѣю, и пошла къ больному.

Какъ я живо помню эту комнату! Маленькая-премаленькая и теплая до духоты, она такъ и обдала меня больничнымъ запахомъ; только и помѣщалось въ ней, что кровать, столикъ и стулъ! Больной лежалъ лицомъ къ двери. Онъ совсѣмъ казался бы мертвецомъ, еслибъ не блестѣли неестественнымъ блескомъ его ввалившіеся глаза. Я тихонько приблизилась къ кровати и протянула ему руку.

— Спасибо, Катерина Александровна; вотъ ужъ спасибо! сказалъ онъ. — Я ужъ думалъ, что и не увижу васъ. Садитесь вотъ здѣсь! указалъ онъ мнѣ стулъ. — Дайте наглядѣться на васъ.

Я молча и послушно опустилась на стулъ. Мнѣ очень хотѣлось сказать ему слово утѣшенія и надежды, но не выгово-

Digitized by Google

рилось такое слово. Я тихо сидѣла, не отнимая руки, которую онъ удерживалъ въ своей.

— Вотъ какъ пришлось увидѣться!—выговорилъ онъ, глядя на меня своимъ глубокимъ ласковымъ взглядомъ.—Ну, какъ вы поживаете? все ли тѣ же у васъ предположенія и планы?

— Все по-прежнему,— отвѣчала я.

— Значитъ—готовитесь. Что-жъ — успѣшно идутъ ваши занятія?

— Васенька! не разговаривай много. Вредно—говорятъ,—умоляющимъ голосомъ выговорила мать.

Онъ слегка махнулъ рукой.

— Такъ какъ же занятія?—переспросилъ онъ.

— Идутъ очень неуспѣшно,—отвѣчала я.—Подчасъ я теряю надежду, чтобъ вышло что-нибудь путное изъ всего этого. Мнѣ кажется—сверхъ силъ человѣка исполнить такую программу!

— Гмъ! да вѣдь чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ,—проговорилъ онъ.—Экая жалость, что я никуда не гожусь! у васъ гораздо скорѣе пошло бы дѣло.

— Васенька! Васенька!— тѣмъ же умоляющимъ тономъ говорила мать.

— Ну, хорошо, матушка! Я не буду разговаривать. Пусть лучше вотъ Катерина Александровна что-нибудь мнѣ разскажетъ. А вы, матушка, за это вотъ что сдѣлайте: у васъ въ кладовой есть отличное варенье изъ черной смородины, да яблочная пастила, да малина въ сахарѣ. Вы всего этого намъ сюда и дайте. И Катерина Александровна полакомится, и мнѣ можетъ быть что-нибудь по вкусу придется.

— Я сейчасъ, все это сейчасъ,—быстро и сконфуженно проговорила старуха, будто смущаясь, что она сама не придумала такой простой и нужной вещи.—Извините, Катерина Александровна!—добавила она и убѣжала.

— Теперь долго въ кладовой провозится!—проговорилъ онъ, слегка усмѣхаясь.—Вѣдь вообразила же себѣ, бѣдная, что если я разговаривать не буду, такъ и выздоровѣю... Ну, такъ значитъ насчетъ университета дѣло-то не совсѣмъ еще рѣшено?

— Какъ вамъ сказать? Оно рѣшено въ томъ смыслѣ, что я употреблю всѣ силы и средства, чтобъ дѣло осуществилось. Это единственное дѣло, единственная цѣль, которая дѣлаетъ мою жизнь для меня интересною и дорогою. Но это, конечно, можетъ быть и не удастся...

— Почему же это можетъ быть?

— Во-первыхъ, если окажусь такою бездарною, что не

Digitized by Google

съумѣю приготовиться. Это главное. А потомъ, это можетъ быть и по другимъ причинамъ; всего нельзя предвидѣть.

— Ну, а если вы приготовитесь и ничего непредвидѣннаго не случится, вы поѣдете? Какія же у васъ средства, чтобъ доѣхать и тамъ на первое время?

— Продамъ рояль хоть за безцѣнокъ, а тамъ—какъ-нибудь.

— И вы очутитесь тамъ одна, безъ средствъ, безъ друзей?.. Мы вотъ и посильнѣе васъ и лучше къ нуждѣ приготовлены—а вотъ что съ нами голодъ да холодъ дѣлаютъ? И много насъ такъ умираетъ или остается жить искалѣченными! А вы думаете пробиться? Смѣлая вы женщина? Дай Богъ вамъ успѣха!

Онъ опять помолчалъ нѣкоторое время.

— Но будьте осмотрительны,—продолжалъ онъ, мало-по малу одушевляясь.—Испытайте себя хорошенько, прежде чѣмъ рѣшитесь окончательно. Охъ! еслибъ вы знали, сколько гнетущей нужды ждетъ человѣка, который хочетъ жить трудомъ? Вы привыкли къ нѣкоторому довольству; вы по настоящему нужды-то и въ глаза не видали...

Онъ замолчалъ и взялся за грудь.

— Ради Бога, не говорите много! Успокойтесь,—упрашивала я.

— Ну, ужъ семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!—отвѣчалъ онъ, слабо усмѣхаясь;—а мы съ вами можетъ быть въ послѣдній разъ видимся. Да, поспѣшила проклятая болѣзнь. Еслибъ не она!.. Ахъ! еслибъ вы знали, сколько лишеній, сколько горя можетъ вамъ встрѣтиться! Даже самая молодость ваша—и она въ этомъ случаѣ горе!..

Онъ опять взялся за грудь и закрылъ глаза.

— Послушайте, ради Бога не будемъ говорить объ этомъ,—просила я, начиная уже желать, чтобъ скорѣе возвратилась Марья Никитишна.

— Да вы, кажется, думаете, какъ матушка, что смерть мнѣ отъ разговоровъ приключится!—возразилъ онъ, усиливаясь улыбнуться.—Ужъ все равно не жить мнѣ! А хотѣлось бы жить!.. Какою славною рисовалась мнѣ моя жизнь въ будущемъ! Вѣдь я скромничалъ, когда говорилъ вамъ, что учителемъ буду: мнѣ вѣдь профессура грезилась. И потомъ... Я часто думалъ о васъ вотъ въ это послѣднее время. Пройти жизнь рука объ руку съ такой женщиной, какъ вы — какое это счастіе! И — признаться ужъ вамъ во всемъ — *мнѣ* подчасъ грезилось, что это счастіе мнѣ дается... И вотъ...

Но онъ не договорилъ и глухо застоналъ... Я приподнялась и взглянула ему въ лицо; оно казалось мертвымъ и только стонъ

Digitized by Google

или скорѣе какое-то хрипѣніе изобличало, что онъ еще живъ. Я подумала, что онъ умираетъ...

— Марья Никитишна! идите сюда! что съ нимъ?—вскрикнула я, бросаясь въ сосѣднюю комнату, гдѣ въ эту минуту звякнула посуда.

Старуха уронила подносъ на столъ и опрометью вбѣжала къ сыну.

— Договорился!—съ горькимъ упрекомъ невольно выговорила она, и засуетилась возлѣ него.

Я вышла въ другую комнату. Голова у меня горѣла, и на душѣ было тяжело ужасно... Я стала у окна и безсознательно прислушивалась къ завыванью бури на дворѣ и къ тихой суматохѣ въ комнатѣ больного. Скоро тамъ опять стало тихо, а потомъ опять послышался тихій прерывистый говоръ. Марья Никитишна показалась въ дверяхъ.

— Пожалуйте, Катерина Александровна! опять васъ проситъ, —тоскливо, но покорно выговорила она.

Я опять вошла. Больной протянулъ мнѣ руку и глазами указалъ мнѣ на стулъ.

— Я встревожилъ васъ. Простите, — выговорилъ онъ едва слышно.

Я не нашлась отвѣтить и только молча пожала его руку. Онъ не въ силахъ былъ говорить, и мы долго просидѣли, изрѣдка перекидываясь короткимъ словомъ. Марья Никитишна усѣлась здѣсь же, въ ногахъ у сына, и больше не оставляла насъ однихъ.

Вдругъ послышался шумъ отворяющейся со двора двери.

— Братецъ изъ города вернулись!—догадалась Марья Никитишна и тихими поспѣшными шагами вышла, но скоро возвратилась.

— Александръ Семеновичъ за вами пріѣхали,—сказала она мнѣ и, обращаясь къ сыну, прибавила: — Когда обогрѣются — можно сюда попросить?

— Зачѣмъ?—раздражительно отвѣчалъ тотъ.—Я не въ состояніи гостей принимать. Прощайте ужъ, Катерина Александровна!

Я встала, и еще разъ пожала его обѣ руки.

— Я завтра пріѣду опять,—сказала я.

— Ой-ли? Ну, пріѣзжайте. А все-таки прощайте,—проговорилъ онъ тихо, пожимая то ту, то другую мою руку и глядя на меня своими блестящими глазами. Мнѣ показалось много грусти и страданія въ его прощальномъ взглядѣ.

— Нѣтъ, прощайте — скверное слово; я его никогда не говорю. До свиданія! до завтра!—настаивала я.

Digitized by Google

Мнѣ показалось, что онъ грустно усмѣхнулся. Я вышла.

— Мятель подымается. Я побоялся положиться на кучера, —сказалъ мнѣ Александръ Семеновичъ, какъ-бы объясняя причину своего пріѣзда.

Мы простились съ Марьей Никитишной, успѣвшей разъ двадцать поблагодарить меня за посѣщеніе, и сѣли въ сани.

На дворѣ былъ сильный вѣтеръ и крѣпко мела поземка.

Александръ Семеновичъ велѣлъ ѣхать пошибче. Лошади быстро помчали насъ, благо намъ ѣхать приходилось за вѣтромъ. У меня было тяжело-тяжело на душѣ; я не проронила дорогою ни одного слова, Александръ Семеновичъ тоже молчалъ, и мы молча примчались домой, пока не разыгралась настоящая мятель.

На другой день я не поѣхала въ Завѣтное; ночью у меня сдѣлался небольшой ознобъ, потомъ жаръ, такъ что я утромъ не встала съ постели, а къ полдню возвратившійся изъ Завѣтнаго нашъ мужикъ привезъ извѣстіе, что въ ночь скончался поповскій племянникъ.

Я давно знала, что ему не выздоровѣть, а вчера я убѣдилась, что онъ умретъ очень скоро, но тѣмъ не менѣе меня поразило, что онъ умеръ именно теперь, послѣ свиданія со мною и что въ послѣднія минуты меня при немъ не было. Вѣроятно, по этому мое нездоровье усилилось, такъ, что на другой день Александръ Семеновичъ предложилъ мнѣ послать за докторомъ. Я настойчиво отказалась.

Отецъ Пантелеймонъ, конечно, созвалъ весь околотокъ на похороны своего племянника. Александръ Семеновичъ тоже поѣхалъ. Я тогда встала уже съ постели, но еще чувствовала большую слабость и не выходила изъ комнаты. Тоска давила меня больше чѣмъ болѣзнь; хуже всего было то, что я будто окаменѣла—ни слезинки не проронила во всѣ эти два дня. Александръ Семеновичъ возвратился въ сумерки.

— Схоронили!—просто и грустно выговорилъ онъ, повидавшись со мною.

Я закрыла лицо руками и заплакала. Александръ Семеновичъ молча сѣлъ возлѣ меня.

— Что-жъ дѣлать, кузина!—ласково проговорилъ онъ потомъ, взявъ мою руку.—Что-жъ дѣлать? слезами его не воротишь. Вы себя-то поберегите.

Мнѣ какъ-то особенно дорого показалось въ эту минуту его доброе слово; но я не перестала плакать. То были благодатныя слезы—тѣ слезы, которыя облегчаютъ накипѣвшую горемъ душу. Мнѣ нужно было выплакаться, и послѣ слезъ стало легче.

Digitized by Google

Съ того дня мы съ кузеномъ еще дружнѣе стали. Мнѣ многое сказалось тѣмъ словомъ участія, которыя я услышала отъ него въ тяжелый для меня часъ: мнѣ имъ сказалась и добрая душа его, и способность понять чужое горе и сочувствовать ему, — а это я высоко цѣнила. Когда немного улеглось мое горе, жизнь моя пошла по-прежнему: утро въ извѣстныхъ занятіяхъ, которыя—мимоходомъ сказать—стали мнѣ болѣе и болѣе казаться тяжелыми и непріятными, послѣ обѣда—музыка или, если позволяла погода, катанье или гулянье вдвоемъ,—

Подъ вечеръ—тихій разговоръ.

Наединѣ съ собой я часто вспоминала покойнаго моего друга, часто думала о томъ, какъ хорошо было бы мнѣ и жить въ Н. и готовиться, еслибы онъ остался живъ и помогалъ бы мнѣ совѣтомъ и участіемъ. Я вспомнила также слова его о томъ, какимъ счастіемъ было бы для меня пройти жизнь рука объ руку съ такою женщиною, какая я; я соглашалась, что и мнѣ съ нимъ хорошо было бы идти рука объ руку, но... потоварищески.

Разъ, сидя у себя, я задумалась именно о томъ, какая загадочная вещь — любовь, и почему это нельзя иногда полюбить человѣка, котораго очень уважаешь и который очень дорогъ. Я вспомнила героинь Жоржа-Санда, знаменитую Лукрецію Флоріани, которая столько разъ отдавалась разнымъ негодямъ и никакъ не могла полюбить честнаго малаго—Сальватора, несмотря на его всяческія достоинства.—«Ну нѣтъ? здѣсь что-то не такъ!—думала я.—Что́ за фатумъ такой—эта вѣчная страсть то къ одному, то къ другому негодяю. Мнѣ, право, начинаетъ казаться, что роль фатума здѣсь играетъ безразборчивая распущенность. А хорошаго человѣка, конечно, не всегда можно полюбить...», порѣшила я, и очень понятно, на кого естественнымъ образомъ перешла мысль моя. «Какое счастіе любить человѣка, который думалъ и чувствовалъ бы, какъ мой покойный пріятель!» подумала я, и вдругъ Богъ вѣсть почему мнѣ пришло въ голову, что отчего же не можетъ такъ думать и чувствовать Александръ Семеновичъ?

Я не удивилась, что мнѣ это вспало на мысль. Я давно ужъ замѣчала и только не хотѣла сознаться себѣ, какого свойства моя къ нему симпатія. Она, правду сказать, меня немножко удивляла. Чтобъ гусарскій ротмистръ сдѣлался героемъ моего романа послѣ того, совершившагося во мнѣ недавно, нравственнаго переворота—этого я не ожидала, и это даже казалось мнѣ немножко обиднымъ! Но почему же человѣкъ не можетъ быть хорошею сильною на-

Digitized by Google

турою потому только, что онъ гусарскій ротмистръ? Вѣдь это тоже предразсудокъ! подумала я теперь. Мнѣ вспомнились разные разговоры съ нимъ, въ которыхъ онъ высказывалъ такія мнѣнія, которыхъ отъ гусарскаго офицера не всегда ожидаешь; вспомнилось, что онъ одинъ въ нашемъ околоткѣ не возставалъ противъ освобожденія крестьянъ, что онъ смотрѣлъ на женщину не какъ на самку и хозяйку только, и до извѣстной степени признавалъ неудовлетворительность ея положенія въ семьѣ и обществѣ. Все это казалось мнѣ хорошими задатками, которые при благопріятныхъ условіяхъ могли развиться и принести хорошій плодъ. Какая женщина того добраго стараго времени не пришла бы въ восторгъ отъ мысли быть вдохновительницей и добрымъ геніемъ любимаго человѣка!...

И вотъ именно, когда я додумалась до этого, вошелъ ко мнѣ Александръ Семеновичъ. Я не могла преодолѣть въ себѣ чувства нѣкоторой неловкости при его появленіи, точно онъ засталъ меня на мѣстѣ преступленія.

— Славный снѣжокъ выпалъ, кузина!—весело проговорилъ онъ потирая руки.—Хотите покататься?

— Нѣтъ, не хочется что-то,—отвѣчала я не глядя на него.

— Отчего? вы нездоровы? или можетъ быть сердитесь на меня?—спрашивалъ онъ, пытливо и даже какъ будто немножко робко заглядывая мнѣ въ глаза, и вѣроятно ничего дурного не увидалъ онъ въ моемъ взглядѣ.

Мы не поѣхали кататься въ тотъ день, но до сумерекъ просидѣли и проговорили въ моей комнатѣ; мы говорили какъ будто о постороннихъ и неважныхъ вещахъ, но что-то совершенно новое слышалось между строками. Съ того дня наши отношенія опять-таки измѣнились: въ нихъ не стало прежней непринужденности, за то гораздо больше стало задушевности и затаенной теплоты.

Прошло нѣсколько недѣль. Въ одинъ морозный ясный день, послѣ долгаго, славнаго катанья и послѣ чаю мы усѣлись вечеромъ читать какую-то, не помню гдѣ и кѣмъ помѣщенную, повѣсть. Въ этой повѣсти добродѣтельная героиня полюбила такого юношу, съ которымъ ей нельзя было сочетаться законнымъ бракомъ; послѣ безчисленныхъ страданій героиня, устоявшая на стезѣ добродѣтели, рѣшилась на разлуку, а бѣдный герой умеръ или сошелъ съума — что-то очень трагическое. Когда мы кончили, Александръ Семеновичъ закурилъ и задумался.

— Какъ по-вашему — она права? — спросилъ онъ.

Digitized by Google

Я молча покачала головой. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на меня, и я чувствовала, что краснѣю отъ его взгляда.

— Еслибъ васъ полюбилъ человѣкъ всѣми силами души своей, полюбилъ бы на всю жизнь, безвозвратно, и между тѣмъ обстоятельства дѣлали бы невозможною вашу женитьбу, могли ли бы вы тоже любить его полною любовью?—спросилъ онъ у меня тихимъ неровнымъ голосомъ.

Я не вдругъ ему отвѣтила: я понимала, какое значеніе будетъ имѣть мой отвѣтъ. Онъ все также пристально глядѣлъ на меня, тихо пожимая мою руку.

— Вы считаете меня неспособной на такую любовь?—тихо отвѣчала я, тоже вопросомъ.

— А вы способны?

Я не отвѣчала, и оглянувшись встрѣтилась съ его напряженнымъ взглядомъ. Я почувствовала, что кровь прилила мнѣ въ голову и молча невольно протянула ему руку, которую онъ порывисто, страстно сжалъ въ своихъ рукахъ, и прежде чѣмъ я опомнилась тысячи поцѣлуевъ покрыли мои руки и щеки, мои влажные глаза...

Еслибъ я обладала художественнымъ даромъ и строгою нравственностью писателей старой школы, я употребила бы всю силу своего таланта, чтобъ изобразить исторію своего паденія. Я распространилась бы о непреодолимой силѣ искушенія, которое заставило меня сдѣлать *роковой шагъ*, о жгучемъ раскаяніи, о пламенныхъ слезахъ и молитвахъ, которыя затѣмъ послѣдовали. Вышло бы и краснорѣчиво и наставительно. Но, увы! положа руку на сердце я должна сознаться, что не было тутъ ни непреодолимаго искушенія, ни жгучаго раскаянія, ни слезъ, ни молитвъ. Скрытая, едва подозрѣваемая симпатія моего кузена при первомъ сближеніи обратилась въ бѣшеную страсть, которой я и не ожидала, и которая увлекала и меня. Въ пылу этого увлеченія я позабыла-было всякую мысль о будущемъ, всѣ свои предположенія и планы. Я чувствовала себя только счастливой! Правда, меня смущала мысль, что новыя отношенія наши понятны окружающимъ, но это не потому, чтобъ я считала ихъ стыдомъ для себя, а потому, что неловко и непріятно допускать постороннихъ людей въ свою интимную, внутреннюю жизнь.

Такъ шли одинъ за однимъ морозные ясные зимніе дни.

Я слышала и сама думала, что удовлетворенная страсть скоро остываетъ, особенно со стороны мужчины, и эта скоротечность любви казалась мнѣ очень печальною вещью. Но здѣсь было не то: здѣсь во-очію передо мною страсть со всякимъ днемъ

Digitized by Google

все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала человѣкомъ, поглощала его всего такъ, что ничего въ немъ помимо нея не оставалось. Александръ совсѣмъ измѣнился: его хозяйственныя дѣла, предполагаемыя постройки, лошади — ничто не заботило его болѣе; все, кромѣ меня, какъ-бы не существовало для него, и чѣмъ бы онъ ни занялся, онъ занимался машинально, безъ всякаго участія къ дѣлу. Меня даже изумляла эта всепоглощаемость чувства; я не замѣчала его тѣневыхъ невыгодныхъ сторонъ. Я видѣла его силу и была вполнѣ счастлива.

Насталъ май. Веселые, ясные дни смѣнили непогожіе дни апрѣля, наша некрасивая Калинова зазеленѣла и пріубралась, тѣмъ болѣе, что вмѣсто плохонькой, мелководной рѣчки у насъ по ту сторону сада разливался широкій прудъ, на которомъ гудѣла новенькая, суетливая мельница. Александръ Семеновичъ весною опять усердно занялся хозяйствомъ. Особенно его заняла постройка мельницы: онъ частенько туда похаживалъ, и одинъ, и со мною; въ послѣднемъ случаѣ онъ шелъ туда всегда съ особеннымъ удовольствіемъ.

Но скоро я стала замѣчать въ себѣ перемѣну, мнѣ часто нездоровилось, я разлюбила дальнія прогулки и охотнѣе сидѣла на крыльцѣ или у окна въ своей комнатѣ. Къ этому присоединились другіе подозрительные симптомы... Я не стала обманывать себя и очень скоро поняла въ чемъ дѣло...

Не знаю, почему я не сразу объявила все Александру.

Разъ вечеромъ мы сидѣли въ саду подъ липою. Мавра Савельевна только-что ушла и унесла съ собой чайный приборъ. Мы оба молчали; я думала о томъ, какъ скоро улетучились извѣстныя мечты мои объ университетѣ, о серьезной умственной дѣятельности, словомъ, о необыкновенной для женщины карьерѣ. Я сама себѣ не могла хорошенько отдать отчетъ, когда и какъ онѣ улетучились. Теперь ужъ мнѣ хотѣлось только покоя, именно физическаго покоя; а потомъ хотѣлось мнѣ заглушить или совсѣмъ избыть ту тяжкую заботу о будущемъ, которая все чаще и чаще томила меня и лишала сна и покоя... Да еще хотѣлось мнѣ, чтобъ утихла бѣшеная страсть Александра, чтобъ прекратились или рѣже стали его отчаянные порывы, которые теперь не только не возбуждали во мнѣ отвѣтныхъ порывовъ, но еще раздражали меня и поселяли во мнѣ глухую и несправедливую непріязнь!.. Я оглянулась на Александра, и тѣперь съ нѣкоторымъ озлобленіемъ ожидала встрѣтить беззаботно-счастливое но

Digitized by Google

обыкновенію лицо его, но, паче чаянія, оно показалось мнѣ озабоченнымъ и невеселымъ, хорошо знакомая мнѣ морщина легла на его лбу. Я долго пристально смотрѣла на него, прежде чѣмъ онъ оглянулся.

— А? — произнесъ онъ въ разсѣянности.

— Я ничего не говорила,—отвѣчала я.

Онъ придвинулся ко мнѣ и взялъ мою руку, пожимая ее тихимъ непривычнымъ пожатіемъ. У меня отлегло отъ души: я было-испугалась, что послѣдуетъ опять страстный порывъ.

— Знаешь-ли, о чемъ я думалъ, Катя?—тихо проговорилъ онъ.—Намъ теперь такъ хорошо и такъ я счастливъ, что ничего лучшаго не желалъ бы, но все-таки наши отношенія и наше счастіе... какъ-то шатки. Мнѣ хотѣлось бы упрочить ихъ.

— То-есть, какъ же это упрочить ихъ? — спросила я.

— Катя! готова ты связать себя со мною навсегда?—спросилъ и онъ въ свою очередь.

— Да! да! тысячу разъ да!—совершенно искренно отвѣчала я, забывая всѣ свои маленькія вспышки и безпричинное озлобленіе, которое съ нѣкотораго времени, вдругъ ни съ того, ни съ сего появлялось и исчезало во мнѣ и которое до сихъ поръ мнѣ удавалось отъ него скрывать. Въ эту минуту я почувствовала, что эта вѣчная связь есть именно та тихая пристань, которой я стала прежде всего жаждать.

— Такъ намъ слѣдуетъ обвѣнчаться,—просто и рѣшительно выговорилъ онъ.

— А родство?—спросила я.

— Теперь двоюродные часто между собою женятся. Нечего дѣлать, тряхнемъ мошною.

— Еслибъ это можно было! Намъ это нужнѣе, чѣмъ ты думаешь,—сказала я, и пользуясь кстати подошедшимъ разговоромъ, я объяснила ему причины, по которымъ намъ это особенно было нужно.

Онъ не то смутился, не то обрадовался, не то испугался,—вѣрнѣе всего, что то, другое и третье разомъ.

— О! тѣмъ скорѣе это нужно!—порѣшилъ онъ послѣ первыхъ минутъ смущенія.—Я на-дняхъ ѣду въ Н. и навѣрное получу разрѣшеніе.

Я осталась одна дней на десять, — одна со своей усталостью и недомоганьями, со своей тоской и неувѣренностью въ счастливомъ окончаніи дѣла. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидала возвращенія Александра — я и выразить не могу! Когда

Digitized by Google

послѣ долгихъ часовъ тщетнаго ожиданія я заслышала знакомый звукъ колокольчика, безъ котораго онъ не ѣздилъ; я не въ силахъ была подняться съ кресла и замерла на мѣстѣ!..

Александръ объявилъ мнѣ именно то, чего мы опасались; оставалось одно—жениться безъ разрѣшенія; но для этого нужны были деньги, много денегъ, а у Александра ихъ теперь не водилось. У него даже и должишки завелись. Калиновское хозяйство, бывшее много ужъ лѣтъ въ женскихъ рукахъ, при тетушкѣ скрипѣло какъ немазанное колесо. Нитокъ, холста и молочныхъ скоповъ всегда было у нея много, но постройки дряхлѣли, мужики бѣднѣли, земля истощалась, дворовые ходили чуть не нагишомъ. Доходъ съ имѣнія, конечно, былъ ничтожный, а нужно было, необходимо нужно поисправить строенія, дать льготу мужикамъ и кое-кому изъ нихъ призанять деньженокъ для покупки скота, удобрить землю, пріодѣть дворню и, наконецъ, пріискать новые источники доходовъ. Все это, конечно, требовало издержекъ, и Александръ ѣздилъ уже раза два въ уѣздный городъ, то съ о. Пантелеймономъ, то съ Карломъ Ивановичемъ, для составленія какихъ-то заемныхъ обязательствъ. Занять у нихъ опять — было невозможно ужъ по тому одному, что, какъ извѣстно было Александру, ихъ деньги всѣ были уже помѣщены. Онъ былъ въ большомъ затрудненіи.

Но тутъ неожиданно на выручку явился Курдюмовъ.

По нѣкоторымъ язвительнымъ намекамъ кузинъ я догадалась, что подъ вліяніемъ досады на мой отказъ Курдюмовъ позволялъ себѣ дурные отзывы обо мнѣ. Я не знала, вѣрить ли этому, но во всякомъ случаѣ ни за что бы не согласилась, чтобъ Александръ просилъ у него денегъ для свадьбы. Онъ и не располагалъ у него ихъ просить; онъ поѣхалъ къ тетушкѣ Авдотьѣ Марковнѣ, чтобъ попытать, нѣтъ ли у нея какой-нибудь тысячки, сбереженной про черный день. У нея онъ встрѣтился съ Курдюмовымъ, который зазвалъ его къ себѣ и тамъ ужъ, не знаю какъ, они договорились до полной откровенности. Мало того, что Курдюмовъ предложилъ денегъ, онъ еще взялся отыскать подходящаго попа и свидѣтелей и, въ припадкѣ великодушія, предложилъ самого себя въ свидѣтели.

Мнѣ все это показалось очень щекотливымъ, но въ нашемъ положеніи было невозможно быть слишкомъ разборчивымъ на средства. Я сдалась.

А между тѣмъ, пока шли эти толки и переговоры, подошла страдная пора. Александру было необходимо приглядѣть за работами. Къ счастію все шло благополучно: травы были нѣсколько

Digitized by Google

хуже прошлогодняго, но хлѣба великолѣпны, и Александръ разсчитывалъ въ этомъ году получить хорошій доходъ. Онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа.

Разъ вечеромъ мы возвращались вдвоемъ съ ближняго поля, гдѣ только-что убрали пшеницу. На дальнія поля я ужъ не отваживалась ходить: стала скоро утомляться. Мы шли молча. Александръ разсчитывалъ, кажется, въ умѣ, сколько копенъ хлѣба будетъ у него на гумнѣ осенью; а я... я незамѣтно для себя перешла къ воспоминаніямъ недавняго, но теперь ужъ далекаго прошлаго. Мнѣ вспомнились мои замыслы; мои неясныя, чудныя мечты о какомъ-то тоже неясномъ, необычномъ, но отрадномъ будущемъ. Вспомнился и племянникъ, его глубокій, ласковый взглядъ, его остерегающая, но сочувственная рѣчь!... Мнѣ вдругъ стало невыносимо грустно, — грустно, что такъ отдалилось отъ меня это дорогое, счастливое прошлое, эти свѣтлыя мечты и надежды, этотъ добрый, разумный человѣкъ!... И неужели все это прошло безвозвратно?—подумала я. Неужели для меня потечетъ та же жизнь, что и для всѣхъ замужнихъ женщинъ, — жизнь, которая еще такъ недавно казалась мнѣ такою обидною. И что же дурного и невозможнаго для замужней женщины въ той жизни, о которой я мечтала? Съ *нимъ* я никогда не говорила обо всемъ этомъ. Почему я знаю, какъ *онъ* на это бы взглянулъ. Какое право имѣю я думать, что *онъ* сталъ бы мнѣ помѣхою?

— О чемъ ты задумалась, Катя?—спросилъ наконецъ онъ.

Я какъ будто даже вздрогнула.

— Ты хочешь знать, о чемъ я думала?—сказала я.—Сказать тебѣ *все, все?*...

— Конечно *все*,—проговорилъ онъ.—И неужели же есть еще что-нибудь недосказанное между нами?

— Есть,—отвѣчала я, и съ увлеченіемъ, съ страстнымъ пыломъ высказала ему все, чего онъ еще не зналъ и что я такъ заботливо отъ него скрывала...

— Я думала, что все это уже умерло во мнѣ,—сказала я въ заключеніе,—но оно только заглохло на время и когда-нибудь поднимется опять. Что ты скажешь объ этомъ? Признаешь ты мое право идти новой дорогой? Захочешь ты мнѣ помочь?

Онъ не вдругъ мнѣ отвѣтилъ. Я стала пристально и вопросительно вглядываться въ его лицо: оно было озабоченно и пасмурно.

— Ты спрашиваешь, признаю ли я твое право и захочу ли помочь тебѣ идти новой дорогой?—заговорилъ онъ измѣнившимся голосомъ.—Я до сихъ поръ думалъ, что для замужней женщины

Digitized by Google

есть одно право, одно призваніе, одна дорога—семейная жизнь. Когда женщинѣ предстоитъ быть матерью, ее ждетъ много заботъ, много дѣла, котораго, кромѣ нея, некому сдѣлать и безъ котораго семья не можетъ обойтись. Кромѣ того, для всякой семьи неизбѣжны заботы о своемъ матеріальномъ благосостояніи. Средства къ жизни не падаютъ съ неба; ихъ нужно добыть, а для этого требуется много хлопотъ. Когда же тутъ и какимъ образомъ, да и куда идти новой дорогой?

У меня сердце упало: онъ былъ правъ, совершенно правъ; но неужели такъ же совершенно неправа была я въ тѣхъ мечтахъ и стремленіяхъ своихъ, которыми такъ дорожила? Мнѣ не хотѣлось вдругъ сдаться.

— Но еслибъ у насъ были обезпеченныя средства, ты не возставалъ бы противъ моихъ предположеній?—спросила я.

— Не знаю, что́ было бы тогда; я никогда не думалъ объ этомъ,—отвѣчалъ онъ тѣмъ твердымъ тономъ, на который, я знала, не было аппеляцій.—Я всегда думалъ, что семейные люди живутъ другъ для друга и для своихъ дѣтей и что это — большое счастіе. И неужели тебѣ мало этого счастія?—прибавилъ онъ, съ горькимъ упрекомъ.

Я не отвѣчала и перемѣнила разговоръ, а возвратившись домой, подъ предлогомъ сильной усталости сейчасъ же ушла спать. Но я не заснула всю ночь. Съ открытыми глазами пролежала я до зари и ни о чемъ даже не думала. Мнѣ было ужасно тяжело.

На другой день только-что сѣли́ мы обѣдать, какъ послышался *малиновый звонъ* колокольчиковъ и звяканье бубенчиковъ, и къ крыльцу лихо подкатилъ хорошенькій тарантасъ.

— Курдюмовъ!—объявилъ Александръ и даже какъ будто обрадовался, можетъ быть потому, что послѣ вчерашняго разговора между нами ощущалась какая-то неловкость, а въ такихъ случаяхъ третье лицо всегда кстати.

Я нѣсколько смутилась: мы не видѣлись съ Курдюмовымъ послѣ моего отказа, и теперь вотъ пришлось увидѣться при такихъ экстренныхъ обстоятельствахъ. Но онъ нисколько не смутился. Съ ловкостью, хотя и бывшаго, но военнаго человѣка онъ раскланялся съ нами и съ бойкостью, какую я у него знала только въ первыя времена нашего знакомства, когда онъ меня еще не побаивался, онъ сѣлъ за обѣдъ и заговорилъ о чемъ попало.

Но послѣ обѣда только-что ушли люди, прибравшіе со стола, Курдюмовъ немного таинственно, но очень увѣренно началъ

Digitized by Google

разговоръ, отъ котораго я непремѣнно ушла бы заранѣе, еслибъ знала, что онъ при мнѣ начнетъ его.

— Ну, Александръ Семеновичъ, все я подѣлалъ какъ слѣдуетъ. Попа нашелъ подходящаго; ужъ подходящѣе и быть не можетъ,—проговорилъ онъ.

— А далеко это?—спросилъ Александръ, тоже нѣсколько смущенный и потому не глядя ни на кого изъ насъ.

— Нѣтъ, недалеко. Верстъ этакъ 25 будетъ, а отъ меня верстъ 15. Мигомъ долетимъ.

Александръ хотѣлъ-было что-то сказать, но ничего не выговорилъ и только усердно затянулся папироской. Мнѣ тоже было страхъ неловко и ужасно хотѣлось уйти.

— Но только объявилъ попъ, чтобъ свидѣтелей непремѣнно было четверо. Одного сейчасъ же мнѣ и пріискалъ: тамъ — сосѣдъ у него есть изъ однодворцевъ, былъ у станового писаремъ, да за пьянство и буянство прогнали. Ужъ хорошъ-то гусь долженъ быть, коли становой за пьянство прогналъ! Ну, такъ вотъ это сокровище я сейчасъ же и пріобрѣлъ: дешевле грибовъ обошелся. Другой свидѣтель на лицо,—прибавилъ онъ, бойко, по-кавалерійски, щелкнувъ каблукомъ вмѣсто шпоръ.

— А мнѣ, знаете, подчасъ приходитъ въ голову, что вѣдь съ вашей стороны это все-таки рискъ, Ѳедоръ Михайловичъ!— началъ-было, конфузясь и не находя словъ, Александръ.

— О, вздоръ какой! Гдѣ тутъ рискъ? да притомъ же— рискъ — благородное дѣло... А вотъ съ другими двумя свидѣтелями у меня сколько возни было — упаси Боже! Въ городѣ двухъ крючковъ пріискалъ. Думалъ-думалъ сначала, къ кому бы это обратиться; молодежи здѣсь нѣтъ. Престранный у насъ, знаете ли, околотокъ: я да вы — только и есть молодыхъ, а старье-то наше куда годится на такое дѣло! Я — знаете ли, кого тутъ вспомнилъ: покойнаго поповскаго племянника: онъ хоть и мужланъ былъ, а на это дѣло пригодился бы...

Но мнѣ ужъ не въ мочь стало выслушивать дальнѣйшія подробности. Я извинилась головною болью и ушла. Это памятное мнѣ имя въ связи съ именемъ какого-то пропойницы, котораго даже становой прогналъ за буянство, и все это вмѣстѣ въ связи съ тою церемоніею, которую предстояло совершить и которая должна была навѣкъ соединить мою жизнь съ другою жизнью— все это такимъ ошеломляющимъ образомъ подѣйствовало на меня, что я въ самомъ дѣлѣ какъ будто почувствовала себя нездоровою и не вышла къ чаю, несмотря на то, что вечеромъ Александръ предполагалъ спустить устроенную по моему желанію

Digitized by Google

лодку, чего я давно ждала съ нетерпѣніемъ. Признаюсь, мнѣ очень было пріятно поздно вечеромъ опять услышать *малиновый звонъ* колокольчика: Курдюмовъ, значитъ, возвращался домой.

Въ тотъ вечеръ Александръ съ Курдюмовымъ назначили день нашего вѣнчанія. Успенскій постъ начинался завтра, а на другой день Успенія мы должны были обвѣнчаться.

Александръ встревожился-было моимъ нездоровьемъ, но оно скоро прошло и онъ усердно занялся разными хлопотами, казавшимися ему необходимыми передъ свадьбой. Онъ съѣздилъ въ городъ для разныхъ нужныхъ закупокъ, привезъ винъ, провизіи, разной посуды и наконецъ кое-что для моего туалета, хотя я очень настойчиво отказывалась заготовлять себѣ какое бы то ни было приданое, и онъ покупалъ все по своему усмотрѣнію. Покончивъ всѣ эти хлопоты, понавѣдавшись нѣсколько разъ на гумно и въ поле, онъ успокоился, повеселѣлъ и весь предался той счастливой, лѣнивой праздности, которая изрѣдка такъ мила всякому русскому человѣку и которая ему, Александру, казалась просто обязательною предъ свадьбой.

За недѣлю до Успенія былъ чудный, теплый, совершенно лѣтній вечеръ; Александръ предложилъ мнѣ покататься въ лодкѣ, несмотря на то, что самъ всего теперь за меня боялся, и эта рѣшимость сѣсть со мною въ лодку была съ его стороны совершеннымъ самоотверженіемъ. Я была очень рада этой прогулкѣ и очень благодарна за это самоотверженіе. Молча сидѣла я укутанная въ платокъ заботливою рукою Александра, между тѣмъ, какъ лодка легко и весело скользила по водѣ. Мнѣ было очень хорошо! Я позабыла все, что тревожило меня въ эти дни, я ни о чемъ не думала: я чувствовала себя счастливой—и только. Я оглянулась кругомъ: какъ-то особенно привлекательною показалась мнѣ по ту сторону пруда узкая проселочная дорожка, ведущая немного на изволокъ, между желтѣющими сжатыми полями, покрытыми золотистыми копнами, и оканчивающаяся на горизонтѣ довольно высокимъ курганомъ, съ котораго открывался очень хорошенькій видъ на окрестность. Прежде я часто ходила этой дорожкой, а въ это лѣто—ни разу. Мнѣ вдругъ захотѣлось теперь дойти до того кургана. Мы пристали къ берегу и вдвоемъ пошли въ гору.

— Ты вѣрно устала? отдохнемъ здѣсь хорошенько,—ласково проговорилъ Александръ, разстилая на курганѣ свое лѣтнее пальто.

Я сѣла, и несмотря на усталость мнѣ все такъ же было хорошо. Совсѣмъ вечерѣло. Мимо насъ проѣхали запоздавшіе возы

Digitized by Google

съ хлѣбомъ, рѣзко скрыпя несмазанными колесами. Въ сторонѣ прошли утомленныя жницы съ дѣтьми на рукахъ и съ ношей за плечами... Мнѣ какъ-то стало совѣстно быть счастливой! Вотъ эти женщины никогда не бываютъ такъ счастливы!—подумала я, и въ первый разъ въ жизни живо представила себѣ, что такое должна быть усталость женщины, проведшей большую часть дня согнувшись въ три погибели и работая не покладая рукъ!

— Это ужасно;—нечаянно выговорила я.

— Что такое ужасно?—немного встревожился онъ.

Я объяснила, онъ успокоился:

— Это, конечно, тяжело,—сказалъ онъ; но гораздо меньше тяжело, чѣмъ ты думаешь: онѣ такъ къ этому привыкли.

Я покачала головою.

«Слава Богу, по крайней мѣрѣ, что въ близкомъ будущемъ ихъ ждетъ высокое счастье свободы!» утѣшила я себя, безсознательно усиливаясь отогнать горькую мысль, которая помѣшала мнѣ чувствовать то безпричинное счастіе, котораго я давно не чувствовала... Я вдохнула полной грудью ароматный воздухъ свѣжей августовской ночи. «Какъ хороша ты, мать-природа, подумала я, и какими радостями, волшебница, ты одѣляешь тѣхъ, кто видитъ и чтитъ твою могучую прелесть!...» А сумракъ и ночная тишь все гуще и гуще одѣвали землю...

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной,

тихо, вполголоса запѣла я. И въ самомъ дѣлѣ горныя вершины засыпали...

Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного:
Отдохнешь и ты!...

покончила я уже всѣмъ голосомъ, уже съ увлеченіемъ и почти со страстью, относя эту послѣднюю фразу къ той женщинѣ изъ народа, чья горькая судьба только-что омрачила было мое свѣтлое настроеніе...

— Пора домой, Катя! Свѣжо, да и адмиральскій часъ пришелъ: водочки выпить время,—проговорилъ Александръ.

Мы пошли домой. Бережно, ласково поддерживала меня твердая рука моего спутника. Я не чувствовала ни малѣйшей усталости, ночь была такъ же хороша, но мое счастливое расположеніе духа исчезло безъ слѣда. Напротивъ, на меня нашло какое-то уныніе. Словно будто оторвалось у меня что-то отъ души въ ту

Digitized by Google

минуту, какъ мнѣ напомнили, что пора домой. Мы шли молча, я думала свою думу, и вдругъ мнѣ съ поразительною ясностью представилось все значеніе и весь смыслъ того шага, на который я безповоротно рѣшилась!...

Возвратившись домой, Александръ вышелъ и плотно закусилъ, и въ довольномъ настроеніи впору сытаго человѣка вышелъ ко мнѣ на балконъ.

— Спой что-нибудь, Катя!—попросилъ онъ.—Тебѣ давеча пѣть хотѣлось.

Я покачала головой.

— Пожалуйста спой,—упрашивалъ онъ, подсаживаясь и ласкаясь ко мнѣ, что̀ съ нѣкотораго времени всегда пугало меня и приводило въ крайнее раздраженіе.

Я поспѣшно встала, пошла къ роялю и запѣла... Некрасовскую *Тройку*.

Онъ слушалъ меня сначала съ обычнымъ равнодушіемъ, потомъ сталъ прислушиваться: я выразительно *подчеркивала* подходящія слова...

Погрузишься ты въ сонъ непробудный
Будешь нянчить, работать и ѣсть...

пѣла я съ увлеченіемъ, и со странною радостью замѣчала на его лицѣ все возрастающее недоумѣніе.

И зароютъ въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь,
Безполезно угасшую силу...

но я не кончила: голосъ у меня зазвенѣлъ, слезы брызнули изъ глазъ, я выбѣжала изъ комнаты, бросилась на свою постель и зарыдала...

На другой день мы не видѣлись до вечера. Я не выходила изъ комнаты; мысли и планы самые странные, самые неожиданные тѣснились въ головѣ моей и всѣ сводились къ одному—къ страстному желанію избѣжать той вѣчной неволи, на которую я добровольно обрекла себя. То вдругъ мнѣ хотѣлось уйти куда-нибудь, куда глаза глядятъ: свѣтъ не клиномъ сошелся, думала я; куда-нибудь да приду, что-нибудь да будетъ и что̀-бы ни было—все будетъ не хуже того, что̀ мнѣ предстоитъ здѣсь. То вдругъ мнѣ хотѣлось убѣжать изъ своей темной тюрьмы въ тотъ свѣтлый рай, какимъ казался тогда намъ, провинціаламъ, Петербургъ. Къ вечеру мое волненіе усилилось; я встала съ постели и открыла окно, чтобы освѣжиться.

— Прикажете постель стлать, барышня?—появилась въ две-

Digitized by Google

рахъ моя горничная, которая показывалась уже ко мнѣ нѣсколько разъ подъ разными предлогами, лукаво заглядывая мнѣ въ лицо любопытнымъ и смышленнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, еще не пора. Я тогда позову тебя,—нехотя отвѣчала я.

— Вотъ, барышня, нынче какой нехорошій день вышелъ,—заговорила она.—Вы вотъ съ утра нездоровы, а Александръ Семеновичъ сейчасъ тоже ужасъ какъ заболѣли.

— Заболѣлъ?—спросила я съ удивленіемъ.

— Да-съ, заболѣли. Они съ утра на себя непохожи ходили, а вотъ недавно въ столовой вдругъ зашатались, чуть не упали. Мавра Савельевна подхватили. Теперь ихъ староста Иванъ Терентьичъ съ Кирюшкой уложили въ постель. Мавра Савельевна растираютъ.

— Хорошо, ступай. Я позову тебя,—проговорила я тихо.

«Да! а вотъ съ этой стороны мнѣ дѣло вовсе и не представлялось,—подумала я.—Да, я и не подумала до сихъ поръ, что будетъ съ этимъ человѣкомъ, если я его брошу. Я все только о себѣ думала... Мнѣ не слѣдовало сближаться съ нимъ, не слѣдовало допускать его привязаться ко мнѣ, если моя натура неспособна къ прочной привязанности. А я легкомысленно отдалась эфемерному чувству и теперь собираюсь убѣжать отъ человѣка, который за мою легонькую привязанность предался мнѣ всей душой, а мнѣ и въ голову не приходитъ, что уйди я—и онъ здѣсь неминуемо погибнетъ, умретъ или съума сойдетъ, или сопьется съ круга, между тѣмъ какъ я тоже можетъ быть буду погибать отъ нужды и горя въ томъ самомъ Петербургѣ, который издали кажется мнѣ обѣтованною землею. Да, и теперь, когда этого человѣка свалило съ ногъ мною причиненное горе, возлѣ него староста, и Кирюшка, и Мавра Савельевна, а я здѣсь предаюсь своимъ фантастическимъ бреднямъ».

Я рѣшительно встала и пошла къ Александру. Онъ лежалъ лицомъ къ стѣнѣ и тяжело дышалъ. Я сѣла у его кровати и не отходила отъ него, пока на другой день ему стало лучше. Я не спала двѣ ночи и была очень блѣдна; онъ упросилъ меня пойти отдохнуть, и я долго пролежала у себя, тщетно стараясь заснуть.

Къ чаю я встала и пошла къ нему. Онъ опять прилегъ, и я сѣла возлѣ него. Нѣсколько разъ я заговаривала съ нимъ, но онъ отвѣчалъ отрывисто и нехотя. Я замолчала.

— Катя! скажи мнѣ прямо, не стѣсняясь, зачѣмъ ты сбли-

Digitized by Google

зилась со мною, зачѣмъ согласилась выдти за меня замужъ?— спросилъ онъ меня наконецъ.

Я не вдругъ отвѣтила.

— Какъ зачѣмъ? Я думаю, что это тебѣ самому хорошо извѣстно и понятно,—сказала я наконецъ.

— Нѣтъ, не понятно. Женщины выходятъ замужъ по любви или по разсчету, иногда же безъ того и другого, лишь бы пристроиться. У тебя же нѣтъ ни одного изъ этихъ побужденій. Пристроиться тебѣ было бы удобнѣе за Курдюмова; любить меня... вѣдь я не слѣпой, и вижу хорошо, какъ ты меня любишь! Зачѣмъ же мы сблизились и хотимъ жениться?

— Хотѣлось бы мнѣ знать, какъ вы сами объясните себѣ это?—проговорила я не безъ иронiи.

— А очень просто,—скоро и почти весело отвѣчалъ онъ, между тѣмъ какъ лицо его имѣло такое нехорошее выраженiе, что мнѣ неловко было смотрѣть на него.—Очень просто: всякой женщинѣ нужно выдти замужъ, но бываютъ случаи, когда женщинѣ... неудобно выходить замужъ, особенно... послѣ артистической карьеры съ ея неизбѣжными вліяніями и столкновеніями и при... эмансипированныхъ убѣжденіяхъ,—продолжалъ онъ съ рѣзкимъ сарказмомъ.—Такая женщина ищетъ себѣ мужа сговорчиваго и невзыскательнаго. Такимъ, вѣроятно, и я вамъ показался.

Я широко открыла глаза и слушала-слушала эти неожиданныя слова долго послѣ того, какъ онъ пересталъ говорить.

— Ну, это другое дѣло,—заговорила я измѣнившимся голосомъ.—Но такъ какъ вы вовсе не такой удобный и сговорчивый человѣкъ, какъ я васъ вообразила, то намъ необходимо разстаться, пока есть время.

Я встала и ушла въ свою комнату.

Я никакъ не могла переварить тѣхъ неожиданныхъ словъ: слишкомъ ужъ обидными они мнѣ казались. Разрывъ неизбѣжный и совершенный казался мнѣ вещью совсѣмъ рѣшенною; оставалось обдумать, какъ привести въ исполненiе это рѣшенiе. Какъ только поулеглось мое волненiе, я стала обдумывать все это. Планъ побѣга въ Петербургъ мнѣ очень нравился; я придумала отыскать тамъ Захарова (я недавно узнала, что онъ служитъ тамъ при какомъ-то министерствѣ пятой спицей въ колесницѣ) и во имя старой дружбы попросить его пристроить меня какъ-нибудь: Петербургъ не провинцiя, дескать; тамъ не станутъ отталкивать женщину изъ-за того только, что она когда-то была актрисой! Трудно было только добраться до Петербурга, но для

Digitized by Google

этого я считала возможнымъ выпросить денегъ подъ залогъ рояля у Карла Ивановича, или у о. Пантелеймона, или наконецъ у Марьи Никитишны, которая, догадываясь о чувствѣ покойнаго сына, до сихъ поръ смотрѣла на меня съ какимъ-то благоговѣніемъ. Да, этотъ планъ мнѣ нравился, но я вспоминала о своемъ теперешнемъ положеніи—и опять руки опускались. Я понимала, что до извѣстнаго срока мнѣ нельзя искать занятій: дѣвушка въ моемъ положеніи не могла быть ни гувернанткой, ни даже актрисой. А потомъ предстояло еще большее затрудненіе... Но мнѣ нечего было раздумывать. Уйти было совершенно необходимо и я сѣла писать три письма разомъ, съ тѣмъ, чтобъ въ случаѣ неудачи перваго посылать ихъ одно послѣ другого. Но тутъ встрѣтилась задержка самая неожиданная: оказалось, что при всѣхъ усиліяхъ я никакъ не могу сообразить, каковъ долженъ быть minimum той суммы, которая мнѣ необходима, чтобъ доѣхать до Петербурга и прожить тамъ первое время. Какъ добраться въ Петербургъ, что это будетъ стоить, какъ и гдѣ помѣститься тамъ?—всѣ эти простые вопросы и неизбѣжныя подробности представлялись мнѣ такимъ головоломнымъ дѣломъ, что я съума сходила. Послѣ долгаго и безплоднаго раздумыванья я остановилась на 100 рубляхъ, не потому, что эта сумма казалась мнѣ необходимою и достаточною, а потому, что ссужая меня ею, кредиторъ мой былъ бы обезпеченъ роялемъ. Эту цифру я и проставила во всѣхъ трехъ письмахъ, и опять перешла къ подробностямъ, и опять чуть не сошла съума! Чѣмъ болѣе я думала о поѣздкѣ и о жизни въ Петербургѣ, тѣмъ яснѣе мнѣ казалось, что мнѣ предстоитъ неизбѣжная нищета, чуть-чуть не вѣрная голодная смерть или развратъ. Въ ужасѣ и отчаяніи я то вставала съ постели, то опять бросалась на подушку. Будь у меня подъ рукою что-нибудь подходящее, я, кажется, не задумалась бы покончить съ жизнью!..

На другой день, не желая возбуждать толки на кухнѣ, я порѣшила держать себя какъ ни въ чемъ не бывало, и отправивъ свою Ѳедосью съ письмомъ къ Карлу Ивановичу, вышла въ столовую, стараясь казаться такою, какъ всегда. Александръ былъ уже тамъ съ страшно осунувшимся лицомъ и съ тѣмъ же нехорошимъ выраженіемъ въ глазахъ. Въ теченіе дня мы изрѣдка перекидывались словомъ, причемъ голосъ его звучалъ совсѣмъ необычно—такъ рѣзко, жестко, отрывисто, что за одинъ этотъ звукъ его голоса я начинала его ненавидѣть. Между тѣмъ, письмо мое къ Карлу Ивановичу принесли назадъ: онъ уѣхалъ въ городъ. А на другой день былъ такой сильный дождь съ грозой,

Digitized by Google

что я не рѣшилась послать кого-нибудь въ Завѣтное. Такимъ образомъ, наступилъ канунъ Успенія.

Въ эти два дня я пришла въ самое скверное, самое безнадежное состояніе полнѣйшей апатіи, доходившей почти до потери сознанія. Я уже не возмущалась недавнимъ оскорбленіемъ, не недоумѣвала, не отчаявалась при мысли о безвыходности моего положенія; я словно окаменѣла, словно примирилась съ мыслью о необходимости убѣжать въ Петербургъ и тамъ неизбѣжно погибнуть. Вечеромъ наканунѣ Успенія, послѣ чаю, я машинально подошла къ окну, прислонилась къ стеклу и вдругъ вспомнила тотъ день, когда я узнала о послѣднемъ пріѣздѣ покойнаго племянника. Это показалось мнѣ давно-давно прошедшимъ. Я сама словно совсѣмъ другимъ человѣкомъ стала съ тѣхъ поръ!.. Блѣдная фигура со впалыми глазами, съ полною чувства и смысла, живою симпатичною рѣчью, точно живая встала передо мною. Въ послѣднее время я рѣдко-рѣдко вспоминала о немъ, и что-то въ родѣ укора совѣсти зашевелилось во мнѣ теперь!.. Останься онъ живъ, подумала я, мнѣ не пришлось бы испытывать теперь тѣ всѣ муки, которыя въ нѣсколько дней довели меня почти до сумасшествія. Убѣжавъ отсюда, я смѣло и увѣренно попросила бы его участія и помощи!.. Я готова была разрыдаться.

— Послѣ завтра шестнадцатое!—проговорилъ вдругъ Александръ нѣсколько смягченнымъ голосомъ, остановясь возлѣ меня послѣ долгаго шаганья изъ угла въ уголъ.

— Ну, и что же изъ этого?—не вдругъ выговорила я, съ трудомъ сдерживая готовое рыданье, что̀ можетъ быть онъ замѣтилъ и невѣрно себѣ объяснилъ.

— А то, что мы *не имѣемъ права* разстаться,—отвѣчалъ онъ еще тише и мягче.—*Не имѣемъ права*, еслибъ даже и хотѣли.

— Напротивъ, мы не имѣемъ права не разставаться,—съ жаромъ выговорила я.—Это было бы еще бо́льшимъ оскорбленіемъ.

— Нѣтъ, Катя! забудемъ прошлое: пусть оно больше не существуетъ для насъ,—уже съ мольбой въ голосѣ говорилъ онъ. —Такъ *должно быть*. Подумай хорошенько: ты сама найдешь, что я правъ.

Онъ хотѣлъ взять мою руку, но я отшатнулась отъ него и охватила голову руками... «Что мнѣ дѣлать? погибнуть сразу или жить—жить скверно, можетъ быть просто невыносимо? Что̀ лучше?»—спрашивала я у себя самой и не отвѣтила: въ ушахъ у меня зазвенѣло, сердце забилось...

Я очнулась у себя въ комнатѣ. Мавра Савельевна и Ѳе-

Digitized by Google

досья усердно брызгали меня водой; Александръ съ страшно измѣнившимся лицомъ стоялъ у окна. Очнувшись, я попросила, чтобъ меня оставили одну. Женщины вышли.

— Прощай, Катя! успокойся, усни,—проговорилъ Александръ. —Но все-таки подумай о томъ, что́ я тебѣ говорилъ. Это дѣло всей нашей жизни, и не нашей одной...

Я повела рукой. Онъ послушно вышелъ. А я опять предложила себѣ тотъ нерѣшенный вопросъ: погибать или жить... жалкою жизнью? Отчего же непремѣнно погибать? вѣдь бываютъ же счастливые случаи,—усомнилась-было я. Но нѣтъ! счастливые случаи часто попадаются только въ романахъ, а моя жизнь—не романъ, а тяжелая драма. На сторонѣ замужства больше шансовъ: вѣдь этою жизнью я нѣсколько мѣсяцевъ была счастлива... урезонивала я себя, изнемогая отъ потери силъ при этихъ треволненіяхъ. Потребность покоя, чисто физическаго покоя, говорила во мнѣ громче всего; на помощь ей я призвала *чувство долга*, о которомъ намекалъ Александръ, и начала склоняться къ примиренію...

Утромъ я не встала съ постели: слишкомъ ослабѣла. Передъ обѣдомъ вошелъ ко мнѣ Александръ.

— Что же, Катя?—робко спросилъ онъ послѣ минуты тягостнаго молчанія.

Я собиралась съ силами, чтобъ отвѣтить: я уже рѣшилась.

— Вы правы,—съ усиліемъ выговорила я.—Долгъ прежде всего другого, и *мы должны* примириться.

Онъ взялъ мои руки и сталъ горячо цѣловать ихъ. У меня не стало силы даже, чтобъ отнять ихъ; онъ, вѣроятно, понялъ это по-своему и съ пыломъ бѣшеной страсти осыпалъ меня горячими ласками, даже не замѣчая, что я дошла до послѣдней степени изнеможенія, что въ объятіяхъ его, можно сказать,— трупъ, а не живая женщина.

На другой день, рано утромъ, мы выѣхали изъ Калиновой съ тѣмъ чтобъ согласно данному Александромъ обѣщанію, заѣхать къ Курдюмову, гдѣ будутъ собраны свидѣтели. Мы ѣхали тихо: я не могла переносить скорой ѣзды. Денёкъ былъ сѣренькій, прохладный. Я чувствовала себя еще очень слабою и нервною, но эта тихая ѣзда въ хорошую свѣжую погоду производила на меня успокоивающее и укрѣпляющее дѣйствіе.

Курдюмовъ жилъ въ новой красивой усадьбѣ, къ которой вела небольшая, тѣнистая липовая аллея. Ему достались отъ ро-

Digitized by Google

дителей большіе, нескладные хоромы съ дряхлыми постройками; онъ сломалъ все это и выстроилъ небольшой, хорошенькій домъ съ удобными службами. Старый садъ съ трехъ сторонъ окружалъ этотъ веселый, свѣтлый домъ, внутри просто и прилично прибранный, но съ какимъ-то холостымъ или охотничьимъ запахомъ—съ запахомъ табаку, собакъ и кожи. Мы позавтракали въ обществѣ всѣхъ свидѣтелей, которыхъ Курдюмовъ угощалъ очень умѣренно, намекая, что *послѣ* за то будетъ пиръ горой.

Послѣ завтрака мы вышли садиться въ экипажъ.

— А цѣлъ ли попъ? Мы впередъ поѣдемъ: нужно его розыскать и доставить въ церковь въ сохранности, — проговорилъ Курдюмовъ.

Они тронулись, и мы за ними. Дорога шла старымъ, густымъ боромъ. Лошади тихо тянули нашъ легкій тарантасъ по сыпучему песку, чуть-чуть сырому отъ давешняго дождя. Было свѣжо, пахло сосной, и этотъ живительный запахъ словно придавалъ мнѣ силы своимъ цѣлебнымъ ароматомъ. Я веселѣе взглянула на міръ Божій и на свое положеніе. Александръ молчалъ, но его лицо дышало спокойнымъ счастіемъ: онъ въ самомъ дѣлѣ оказался способнымъ забыть недавнее прошлое.

Показались сѣренькія избы большого села и убогая церковь.

— Попъ цѣлехонекъ,—проговорилъ Курдюмовъ, встрѣчая насъ у ограды.—Александръ съ серьезнымъ видомъ пошелъ рядомъ со мной къ церкви.

По окончаніи церемоніи я горячо поблагодарила Курдюмова за его участіе и помощь—такъ горячо, что его это даже тронуло.

— Ну, ватага! живѣе въ путь-дорогу!—крикнулъ онъ своимъ товарищамъ, оправляясь отъ волненія.

Какъ только мы выѣхали въ благоуханную тишь вѣчно-зеленаго бора, какъ только опять пахнуло на насъ смолистымъ запахомъ и живительною свѣжестью, Александръ схватилъ руки мои и покрылъ ихъ безчисленными поцѣлуями. Я заглянула въ его лицо: оно говорило о такомъ полномъ, благодарномъ счастіи, что и я вдругъ будто забыла прошлое и почувствовала себя тоже какъ будто счастливою.

Н. Дмитріева.

Digitized by Google

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ

ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

Новый міръ.

I.

Варвары.

При изученіи исторіи Греціи мы замѣчаемъ, что важнѣйшія явленія, измѣнявшія этнографическій и политическій видъ страны, происходили вслѣдствіе движенія народонаселенія съ сѣвера на югъ; Греція теряетъ свою независимость вслѣдствіе усиленія на сѣверѣ полуварварскаго, полугреческаго государства Македонскаго; Римъ, уже сильный среди городовъ и народовъ Италіи, едва не погибъ вслѣдствіе движенія варваровъ съ сѣвера, галловъ; римская имперія распалась вслѣдствіе болѣе сильнаго и постояннаго движенія другихъ сѣверныхъ варваровъ — германцевъ. Римъ, въ періодъ своего роста, усиленія, велъ двѣ самыя крупныя и опас-

(*) Содержаніе первой части заключало въ себѣ древній міръ:

1) *Востокъ*.—I. Китай. II. Египетъ. III. Ассирія и Вавилонъ. IV. Финикія. V. Арійцы въ Азіи: а) индійцы; б) мидяне и персы (1868 г. дек. 676—707; 1869 г. дек. 493—503 стр.).

2) *Западъ*. — Арійцы древняго міра: а) греки; б) Римъ; в) разложеніе древняго міра и начало новаго (1869 г. дек. 504—541; 1871 г. янв. 76—99; дек. 733—760 стр.).

Digitized by Google

ныя борьбы, съ карѳагенянами на югѣ и галлами на сѣверѣ; обѣ борьбы имѣли одинакій ходъ: сначала страшная опасность грозила Риму (который, по выраженію Саллюстія, боролся съ галлами не для славы, а за существованіе), но послѣ онъ оправлялся и покорялъ своихъ враговъ. Мы должны обратить вниманіе на этихъ галловъ, которые своими нашествіями наводили ужасъ не на одинъ Римъ, но и на Грецію, и на Азію; это было племя, сплошною массою раскинувшееся на огромныхъ пространствахъ древней Европы, племя, которое послужило основою для народовъ и теперь имѣющихъ важное значеніе; наконецъ, это племя и въ древнія времена, въ своемъ языческомъ и варварскомъ бытѣ представляетъ черты, любопытныя для наблюдателя исторической жизни народовъ.

Галлы или кельты принадлежали, подобно пелазго-эллинамъ и италійцамъ, къ арійскому племени: но когда и какъ явились они въ Европу? Принимая въ соображеніе естественное, необходимое стремленіе переселяющихся народовъ занимать лучшія по природнымъ условіямъ страны; наконецъ, принимая въ соображеніе постоянное движеніе европейскихъ народовъ съ сѣвера на югъ, совершавшееся на памяти исторіи, мы должны принять, что при движеніи арійскихъ племенъ въ Европу были прежде всего заселены три южныхъ полуострова, Балканскій, Аппенинскій и Пиренейскій, съ посредствующими между ними приморскими частями, какъ, напримѣръ, южная Галлія. За этимъ первымъ движеніемъ арійскихъ племенъ, которому Греція, Италія и Испанія обязаны были своимъ населеніемъ, слѣдовало второе, движеніе кельтовъ, которые, найдя южную Европу уже занятою, должны были остановиться въ западныхъ частяхъ средней Европы, хотя не остались здѣсь въ покоѣ, но дѣлали сильныя и небезуспѣшныя попытки пробиться и на завѣтные полуострова южной Европы: такъ, они пробились въ Испанію, и послѣ долгой борьбы съ ея первоначальными насельниками, иберами, смѣшались съ ними; они пробились и въ Италію и заняли значительную ея часть.

Третьимъ движеніемъ арійскихъ племенъ въ Европу было движеніе славянъ, которые, найдя южную Европу и западныя части средней занятыми, должны были поселиться въ лучшей изъ остальныхъ частей, въ области Дуная и окрестныхъ земляхъ. Четвертымъ движеніемъ арійскихъ племенъ надобно отмѣтить движеніе литовское, и пятымъ—движеніе германцевъ, которые, не имѣя возможности въ первое время потѣснить племена, прежде пришедшія, и пробиваться чрезъ нихъ, должны были

Digitized by Google

чрезъ области нынѣшней Россіи, рѣдко населенныя финнами, двигаться на сѣверо-западъ, преимущественно, разумѣется, великими водяными путями, Днѣпромъ и также водами озернаго пространства, въ Балтійское море, населять Скандинавскій, и оттуда, побуждаемыя увеличившимся народонаселеніемъ, двигаться далѣе на югъ. Мы употребляемъ здѣсь эти извѣстныя названія—кельты, славяне, литовцы, германцы условно, обозначая ими извѣстныя части европейско-арійскаго населенія, явившіяся однѣ за другими въ извѣстныхъ мѣстностяхъ; но мы не можемъ опредѣлить, когда началось между ними то различіе, съ какими мы теперь представляемъ себѣ племена — кельтическое, славянское, литовское, германское. Хотя, разумѣется, обособленіе этихъ частей арійскаго племени въ различныхъ мѣстностяхъ Европы должно было съ самаго начала повести къ образованію племенныхъ особенностей, отразившихся на языкѣ; но мы не можемъ опредѣлить, съ какого времени эти особенности становятся рѣзки; съ какого, напримѣръ, времени кельты, славяне, литва, германцы, т.-е. арійцы съ береговъ Луары и арійцы съ береговъ Дуная, арійцы изъ Ютландіи и арійцы съ береговъ Виліи перестали понимать другъ-друга. Надобно положить, что это явленіе произошло очень не скоро, принимая въ разсчетъ продолжительное пребываніе ихъ въ самыхъ простыхъ формахъ быта. Когда они, на памяти исторіи, начали сталкиваться, то понимали ли они при этомъ другъ-друга — мы этого не знаемъ. Сами они ничего о себѣ не сказали, это были народы-дѣти, еще неговорящіе (infantes); народы возрастные, имѣвшіе съ ними дѣло, плохо различали ихъ по племенамъ, отсюда и для насъ мало возможности достигнуть этого различенія; отсюда скудные результаты многочисленныхъ изслѣдованій о племенныхъ границахъ подъ руководствомъ языка, названій мѣстныхъ и личныхъ; пойдетъ изслѣдователь искать кельтовъ—и вездѣ ихъ найдетъ; то же случится и съ тѣмъ, кто пойдетъ искать славянъ, и съ тѣмъ, кто пойдетъ искать германцевъ, уже не говоря о необходимыхъ при такомъ исканіи натяжкахъ. Слово звучитъ прямо изъ извѣстнаго языка, напримѣръ, славянскаго, — повидимому, можно успокоиться; но какъ узнать, въ какое время это слово исчезло изъ языковъ кельтическихъ и германскихъ и стало исключительно собственностью славянскихъ? а безъ этого знанія, какое ручательство для изслѣдователя, что онъ дѣйствительно попалъ на слѣды славянскаго племени? Наконецъ, смуту увеличиваетъ заимствованіе словъ, особенно собственныхъ именъ однимъ народомъ или племенемъ у другого, что могъ легко замѣчать Іорнандъ въ VI-мъ вѣкѣ. Само

Digitized by Google

собою разумѣется, что мы должны забыть ненаучныя побужденія, которыя иногда заставляли изслѣдователя стараться доказать древность пребыванія извѣстнаго племени въ Европѣ, какъ будто бы такое доисторическое или неисторическое существованіе могло что-нибудь прибавить къ исторіи народа, какъ будто бы европейская почва сама по себѣ давала какое-то благородство народамъ. Но если между арійскими племенами, позднѣе прибывшими въ Европу и населившими ея среднія и сѣверныя части, трудно провести рѣзкую границу (въ чемъ, разумѣется, виноваты народы образованные, оставившіе намъ извѣстія объ нихъ, греки и римляне, не отличавшіяся точностію своихъ показаній относительно главнаго племеннаго отличія, языка), — то рѣзко отличались эти арійскія племена средней и сѣверной Европы отъ своихъ собратій, прежде нихъ пришедшихъ въ Европу и занявшихъ южныя ея оконечности: это различіе, кромѣ языка, заключалось во внѣшнемъ видѣ и образѣ жизни. Обитатели трехъ южныхъ полуострововъ отличались сухощавостію, смуглостію, черными волосами и небольшимъ ростомъ; племена, жившія къ сѣверу отъ нихъ, отличались бѣлизною кожи, бѣлокурыми волосами, высокимъ ростомъ и вообще массивностію тѣла.

Что касается быта племенъ, то, относительно галловъ, мы имѣемъ дѣло съ народомъ, который не успѣлъ основать сколько-нибудь крѣпкаго государственнаго тѣла ни въ границахъ цѣлаго племени, ни въ границахъ извѣстныхъ частей его, несмотря на долговременное пребываніе галловъ въ однихъ и тѣхъ же странахъ. Хотя Цезарь, главный источникъ нашъ относительно быта галловъ, дѣлитъ всю независимую Галлію на три части, изъ которыхъ одну населяютъ белги, другую аквитаны, третью по-туземному кельты, а по-латыни галлы, и всѣ эти три части народонаселенія Галліи отличаются языкомъ, учрежденіями, законами; но, къ сожалѣнію, не говоритъ ни слова, въ чемъ именно состоитъ различіе: а тамъ, гдѣ говоритъ объ учрежденіяхъ (instituta), употребляетъ выраженія: *въ Галліи*, *во всей Галліи*; это ведетъ къ заключенію, что въ главныхъ чертахъ быта не было различія между белгами, аквитанами и собственно галлами, различіе заключалось въ нѣкоторыхъ второстепенностяхъ, о которыхъ Цезарь не нашелъ случая говорить.

Мы получаемъ первыя извѣстія о галлахъ, какъ о народѣ воинственномъ, толпы котораго выходятъ изъ своей страны для занятія или опустошенія другихъ странъ. Потомъ извѣстія объ этихъ движеніяхъ галльскихъ на значительное время прекращаются,

Digitized by Google

и начинается движеніе противъ галловъ съ двухъ сторонъ, со стороны цивилизованнаго Рима и со стороны варваровъ германцевъ, вслѣдствіе чего бытъ галловъ вскрывается: что же мы видимъ? Мы видимъ страну, населенную множествомъ народцевъ, изъ которыхъ сильнѣйшіе стремятся подчинить себѣ слабѣйшіе. Еще нѣсколько времени свободнаго, безпрепятственнаго внутренняго движенія, и, быть можетъ, одинъ народъ подчинилъ бы себѣ всѣ другіе и создалось бы сильное, сплоченное государство, залогъ независимаго существованія; но движеніе сильныхъ враговъ съ двухъ сторонъ застало въ Галліи дѣло объединенія только въ зародышѣ; слабая своимъ разъединеніемъ и внутреннею борьбою, происходившею вслѣдствіе начавшагося стремленія къ объединенію, Галлія не могла противиться и скоро полегла передъ сильнѣйшимъ изъ двоихъ враговъ, какими были римляне.

Если мы въ исторіи галловъ встрѣчаемъ сильныя воинственныя движенія вначалѣ и потомъ смѣнившія ихъ внутреннія войны, усобицы, то уже заключаемъ, что изъ народной массы выдавались люди, болѣе способные къ воинскимъ подвигамъ, и народонаселеніе раздѣлилось на двѣ части—вооруженную и невооруженную, причемъ первая должна была получить господство надъ второй, кормиться на ея счетъ. Храбрѣйшіе, военные вожди получаютъ все значеніе, ибо, при условіяхъ общественной неразвитости или варварства, власть принадлежитъ матеріальной силѣ, пріобрѣтается насиліемъ. Храбрый вождь окружается толпою подобныхъ ему храбрецовъ, которые подъ его знаменемъ ищутъ добычи и власти; этотъ союзъ между вождями и дружиною основанъ на взаимной помощи и защитѣ; вожди, въ челѣ дружинъ своихъ, начинаютъ усобицы съ цѣлію пріобрѣтенія большей силы и богатства; сильные борются другъ съ другомъ—горе слабымъ! они спѣшатъ пріобрѣсти безопасность, отдаваясь въ покровительство сильныхъ, и закладничество или кліентство развивается въ чрезвычайной степени. Сказанное нами представляетъ явленіе общее въ жизни народовъ. Для повѣрки приложимъ его къ галламъ, къ ихъ быту, какъ онъ описанъ у современниковъ. По Цезарю, во всей Галліи имѣли значеніе только два класса людей—жрецы (друиды) и благородные или всадники (nobiles, equites); что же касается до остального, низшаго народонаселенія, то оно было на рабскомъ положеніи (paene servorum habetur loco), не смѣя ничего предпринять сами по себѣ, не участвуя ни въ какомъ совѣщаніи. Многіе, удрученные долгами и тяжестію податей или притѣсняемые сильнѣйшими, отдавались въ рабство благороднымъ, которые получали надъ ними всѣ тѣ права, ка-

Digitized by Google

кія господа имѣютъ надъ рабами.—Чѣмъ знатнѣе и богаче кто изъ всадниковъ, тѣмъ бо́льшимъ числомъ *амбактовъ* и *кліентовъ* окруженъ онъ,—говоритъ Цезарь. Амбактами или солдурами назывались дружинники, преданные вождю до такой степени, что не соглашались переживать его; подъ кліентами надобно разумѣть такихъ закладчиковъ, которые хотя были сами изъ всадниковъ, имѣли собственность, свое хозяйство, но для пріобрѣтенія безопасности, защиты, закладывались за сильнѣйшихъ, и наконецъ третій родъ зависимыхъ людей представляли указанные выше люди изъ черни, которые, по отсутствію средствъ къ самостоятельной жизни, шли въ услуженіе, въ рабство къ богатѣйшимъ. Это явленіе объясняется совершенно нашимъ древне-русскимъ холопствомъ, а кліентство закладничествомъ.

Такимъ образомъ, въ челѣ каждаго галльскаго народца стояла шляхта (nobiles, equites), окруженная бо́льшимъ или меньшимъ числомъ амбактовъ и кліентовъ, имѣвшая болѣе или менѣе холоповъ и рабовъ, ибо войны внѣшнія и внутреннія, также и купля доставляли не добровольныхъ рабовъ, которыхъ мы отличаемъ отъ холопей, какъ отдавшихся сами собою въ рабство, по свидѣтельству источниковъ. Между шляхтою было нѣсколько людей, нѣсколько фамилій богаче, сильнѣе, чѣмъ другіе, на́большіе, главные, князья, principes, какъ ихъ называетъ Цезарь. Низшая, невооруженная часть народонаселенія, plebs, не допускалась ни до какого совѣщанія (nullo adhibetur consilio), слѣдовательно сеймы составлялись изъ одной шляхты; кромѣ сеймовъ или совѣщаній, гдѣ присутствовала вся шляхта, былъ постоянный совѣтъ, который Цезарь по-своему называетъ сенатомъ, а членовъ его сенаторами. Избирались ли эти сенаторы и ка́къ избирались — ничего неизвѣстно. Можно только видѣть отношеніе числа такъ-называемыхъ сенаторовъ къ остальному народонаселенію: галльскій народецъ нервіи, потерпѣвши отъ римлянъ страшное пораженіе, прислалъ къ Цезарю съ покорностію, и послы, описывая несчастное положеніе своего народа, говорили, что изъ 600 сенаторовъ осталось только трое, и изъ 60,000 способныхъ носить оружіе, осталось только 500 человѣкъ. У венетовъ Цезарь перебилъ всѣхъ сенаторовъ, а остальныхъ продалъ въ рабство; изъ этого видно, что Цезарь смотрѣлъ на сенаторовъ, какъ на вождей народныхъ, отъ которыхъ исходило сопротивленіе; видно, что между сенаторами были люди самые значительные и по матеріальнымъ средствамъ, и по личнымъ способностямъ. Во время той же войны Цезаря въ Галліи случилось, что нѣкоторые народцы истребили своихъ сенаторовъ, за то, что тѣ не хотѣли

Digitized by Google

возстанія противъ римлянъ. Наконецъ, приводится обычай, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ галльскихъ народцевъ, по которому не позволялось засѣдать въ сенатѣ двоимъ членамъ одной и той же фамиліи.

Кромѣ сенаторства, была высшая власть, которою облекался одинъ человѣкъ; эта власть не совсѣмъ ясно, какъ видно, представлялась Цезарю, и потому онъ употребляетъ для нея неопредѣленныя выраженія: верховная власть (summa imperii), главное начальство (principatus, magistratus, summus magistratus). За эту-то верховную власть, которою извѣстное лицо облекалось только на одинъ годъ, шла обыкновенно борьба между сильнѣйшими людьми въ народцѣ, образовывались партіи. Сильнѣйшій кліентствомъ и связями съ другими сильными людьми побѣждалъ, становился главнымъ лицомъ въ народѣ и, не довольствуясь такимъ короткимъ срокомъ власти, однимъ годомъ, стремился къ власти болѣе продолжительной и крѣпкой, къ власти царской. Цезарь, указывая у нѣкоторыхъ народцевъ высшихъ начальниковъ и обозначая ихъ власть приведенными выше именами, у другихъ прямо указываетъ царей (reges), и приводитъ также случаи, когда люди, достигшіе принципата, стремились стать царями, но были умерщвляемы. «У карнутовъ былъ знатнѣйшій человѣкъ Тасгетій, котораго предки были царями у этого народа (regnum obtinuerant). Этому Тасгетію Цезарь, за его храбрость и доброе расположеніе къ себѣ, ибо во всѣхъ войнахъ пользовался особеннымъ его содѣйствіемъ, возвратилъ достоинство предковъ. Онъ уже царствовалъ третій годъ, какъ былъ убитъ врагами». У сеноновъ Цезарь далъ царское достоинство (regem constituit) Коварину, котораго братъ и предки были царями; но Коваринъ, узнавши, что его хотятъ убить, бѣжалъ. Целтиллій, изъ народа арверновъ, достигъ принципата всей Галліи, по выраженію Цезаря, но былъ убитъ своимъ народомъ за то, что стремился къ царской власти. Какимъ образомъ Целтиллій могъ пріобрѣсти принципатъ всей Галліи—неизвѣстно; по всѣмъ вѣроятностямъ это выраженіе преувеличенное. Въ разсказѣ Цезаря о переселеніи гельветовъ упоминается о зачинщикѣ дѣла, Оргеторіксѣ, у котораго было до 10,000 людей, находившихся отъ него въ разныхъ степеняхъ зависимости, и которыхъ Цезарь, по римскимъ понятіямъ, называетъ его *фамиліею* (familia, famuli, servi). Могущественный Оргеторіксъ стремится къ верховной власти и побуждаетъ къ тому же сильныхъ людей и у другихъ народовъ галльскихъ: у сеноновъ Кастика, котораго отецъ много лѣтъ владѣлъ царствомъ (regnum obtinuerat); у гэдуевъ Думно-

Digitized by Google

рига, который тогда держалъ принципатъ у своего народа и былъ любимъ низшею частію народонаселенія (plebi acceptus erat). Это послѣднее извѣстіе показываетъ намъ общее явленіе, что люди, домогающіеся верховной власти, опираются на низшій слой народа.

Несмотря на краткость, недосказанность, неточность извѣстій о галлахъ, мы, соблюдая крайнюю осторожность, можемъ вывести заключеніе, что имѣемъ дѣло со множествомъ народцевъ, несвязанныхъ другъ съ другомъ никакою политическою связью. При общей опасности, починомъ одного или нѣсколькихъ энергическихъ лицъ, могли образовываться союзы, могла поручаться военная власть одному вождю, но эти союзы заключались на международныхъ началахъ; заключавшіе эти союзы народцы давали другъ-другу заложниковъ или аманатовъ, по обычаю господствующему у варварскихъ народовъ. Внутри каждаго народца видимъ господство вооруженной части народонаселенія надъ невооруженною, которая находится въ ничтожномъ и бѣдственномъ положеніи; сильнѣйшіе изъ вооруженнаго сословія ведутъ другъ съ другомъ борьбу за верховную власть, безопасности для слабѣйшихъ нѣтъ; и потому господствуетъ закладничество слабѣйшихъ за сильнѣйшихъ, закладничество въ разныхъ видахъ, смотря по тому, каково значеніе захребетника или кліента; но закладничество вело къ новымъ столкновеніямъ, къ новой борьбѣ, ибо выгода и честь патрона требовала не выдавать своего кліента ни въ какомъ случаѣ. Стремленіе сильнѣйшихъ, добившись до принципата, сдѣлаться царемъ обыкновенно не увѣнчивалось успѣхомъ, обыкновенно честолюбцы платили за него жизнью. Отношенія, господствовавшія между шляхтою въ отдѣльныхъ народцахъ, повторялись и въ отношеніяхъ послѣднихъ другъ къ другу. При борьбѣ народцевъ другъ съ другомъ за власть, за усиленіе, слабѣйшій народецъ входилъ въ кліентскія отношенія къ сильнѣйшему.

При такомъ хаотическомъ состояніи галльскихъ народцевъ, при постоянной борьбѣ ихъ другъ съ другомъ и при борьбѣ внутри каждаго народца между сильнѣйшими изъ шляхты, когда при всякомъ столкновеніи интересовъ дѣло рѣшалось силою, когда обиженнымъ негдѣ было искать суда, общество, по естественному и необходимому стремленію къ выходу изъ такого положенія, вызываетъ силу особаго рода, силу нравственную, нужную для установленія нѣкотораго порядка и единства, для суда, для рѣшенія дѣлъ человѣческими, а не животными, насильственными средствами, однимъ словомъ, общество, для выхода изъ ха-

Digitized by Google

отическаго состоянія вызывало жреческую власть. Галльскіе кудесники или волхвы, люди, славившіеся знаніемъ вещей, которымъ не обладали остальные, воспользовались благопріятными обстоятельствами для пріобрѣтенія жреческаго значенія, значенія истолкователей высшей воли, способныхъ произнести правый приговоръ и принести умилостивительную, угодную богамъ жертву. Во всѣхъ странахъ, гдѣ послѣ героическаго періода между народонаселеніемъ, живущимъ на большихъ пространствахъ, дѣло идетъ о выработкѣ какой-нибудь государственной формы, гдѣ начинается внутренняя борьба, производящая тотъ хаосъ, который мы встрѣчаемъ въ Галліи; во всѣхъ такихъ странахъ значеніе жрецовъ чрезвычайно усиливается, какъ это мы и видимъ въ большихъ государствахъ Азіи и Африки; тогда какъ въ Греціи и Италіи, гдѣ въ небольшихъ городахъ, установленіе извѣстнаго общественнаго строя пошло очень быстро, мы не видимъ сильнаго жреческаго класса. Въ Галліи, по словамъ Цезаря, только два класса жителей имѣли значеніе — друиды и всадники. Друиды занимаются вещами божественными, приносятъ жертвы публичныя и частныя, истолковываютъ религіозныя вещи; къ нимъ стекается большое число юношества для обученія; они пользуются большимъ почетомъ, ибо произносятъ приговоры почти по всѣмъ спорнымъ дѣламъ, публичнымъ и частнымъ: случится-ли какое-нибудь преступленіе, убійство, идетъ ли споръ о наслѣдствѣ, о межахъ—друиды рѣшаютъ дѣла, опредѣляютъ награды и наказанія, если частный человѣкъ или народъ не приметъ ихъ рѣшенія, такого отлучаютъ отъ жертвоприношеній. Это наказаніе у нихъ самое тяжелое. Отлученные считаются нечестивыми и беззаконными, ихъ всѣ чуждаются, избѣгаютъ ихъ присутствія и разговора, чтобы не заразиться отъ нихъ, ихъ жалобы на судѣ остаются безъ вниманія, они не удостоиваются никакого почета. Всѣ друиды подчинены одному начальнику; по смерти начальника ему наслѣдуетъ самый видный по достоинству, а если есть нѣсколько равныхъ, то избирается голосами друидовъ, иногда споръ рѣшается оружіемъ. Друиды въ назначенное время года собираются въ мѣсто, которое считается срединою всей Галліи: сюда сходятся всѣ, имѣющіе тяжбы и подчиняются ихъ суду и рѣшеніямъ. Начало ученія друидовъ ведутъ изъ Британіи, и желающіе обстоятельнѣе ознакомиться съ нимъ, по большей части отправляются для этого туда. Друиды не участвуютъ въ войнахъ и не платятъ податей; вслѣдствіе такихъ выгодъ многіе и добровольно идутъ въ друиды, и посылаются родителями и родственниками. Основнымъ ученіемъ друидовъ было ученіе о переселеніи

Digitized by Google

душъ, которое отнимало у галловъ страхъ смерти; кромѣ того они много толковали и передавали молодежи о звѣздахъ и движеніи ихъ, о величинѣ міра и земли, о натурѣ вещей, о могуществѣ боговъ. Но нельзя очень высоко ставить друидскую мудрость, ибо тотъ же Цезарь говоритъ намъ, что желавшіе основательнѣе изучить друидизмъ ѣздили для этого въ Британію, а извѣстно, что изъ всѣхъ галловъ жители Британіи отличались особенною дикостію; противорѣчіе уничтожается тѣмъ, что у дикихъ народовъ особенно процвѣтаетъ волшебство и кудесничество: затѣмъ-то континентальные галлы и отправлялись къ своимъ дикимъ британскимъ соплеменникамъ. Притомъ надобно замѣтить, что какъ ни высоко ставитъ Цезарь значеніе друидовъ, однако въ его разсказѣ о галльской войнѣ дѣятельности ихъ вовсе незамѣтно.

Друиды могли получить важное значеніе именно вслѣдствіе безпорядочнаго, хаотическаго состоянія галльскихъ народцевъ, а потому у нихъ не могло быть побужденій къ прекращенію этого безпорядка, побужденій содѣйствовать установленію единства и крѣпкаго правильнаго правительства въ какой бы то ни было формѣ; установленію такого правительства препятствовало положеніе низшаго сословія, которое не принимало ни въ чемъ участія, находилось почти въ рабскомъ состояніи; высшее сословіе, не чувствуя никакого давленія со стороны низшаго, не имѣло потому самому побужденій сосредоточиваться, соединять свои силы, забывать частные интересы для общаго дѣла, и потому видимъ безконечную усобицу между его членами, усобицу вредную, разрушительную, вовсе непохожую на борьбу политическихъ партій, на борьбу патриціевъ съ плебеями, которая держала въ сосредоточеніи силы обѣихъ сторонъ; только внѣшній толчокъ, внѣшняя опасность заставляли прибѣгать къ соединенію силъ, къ общему дѣйствію, къ общей власти; но опасность проходила, и все принимало прежній видъ.

Въ такомъ положеніи находились галлы, когда страшные враги съ двухъ сторонъ явились въ ихъ предѣлахъ—римляне и германцы. Галлы не только не могли съ успѣхомъ сопротивляться ни тѣмъ, ни другимъ, но еще сами пригласили ихъ къ вмѣшательству въ свои внутреннія дѣла, какъ обыкновенно бываетъ со слабыми внутренно народами, какъ бы ни была различна степень ихъ цивилизаціи. Мы уже видѣли, что въ Галліи народы, стремясь къ усиленію, вели борьбы другъ съ другомъ, причемъ слабѣйшіе, чтобы избавиться отъ насилій, закладывались за сильнѣйшіе, и такимъ образомъ нѣкоторые болѣе сильные народы являлись окруженные народцами-кліентами. Съ по-

Digitized by Google

мощію римлянъ сильно поднялся народъ гэдуи; но другіе два народа—арверны и секваны не хотѣли дать гэдуямъ усилиться, и, не имѣя возможности сладить съ ними одни, призвали на помощь германцевъ. Послѣдніе, ждавшіе перваго случая промѣнять суровыя зарейнскія страны на Галлію, явились на зовъ; гэдуи были сокрушены, но секваны недолго радовались своей побѣдѣ: призванный ими на помощь король свевовъ, Аріовистъ, утвердился у нихъ, отобралъ у нихъ третью часть земель, но и этого было ему мало. Галлы увидѣли, что имъ придется мало по малу уступить всю свою землю зарейнскимъ выходцамъ, а потому бросились къ римскому проконсулу Юлію Цезарю съ просьбою о помощи. Цезарь отогналъ германцевъ отъ границъ Галліи; но галлы испугались, что призвали къ себѣ другого господина, и вооружились противъ римлянъ, слѣдствіемъ чего было завоеваніе Цезаремъ всей Галліи, совершонное въ семь лѣтъ.

Мы не будемъ отнимать важнаго значенія у этого событія; мы замѣтимъ одно, что завоеваніе Галліи римлянами относится къ разряду войнъ народовъ, стоящихъ на высокой степени цивилизаціи, выражающейся и въ искусствѣ военномъ, съ народами варварскими, къ разряду завоеванія пруссовъ нѣмецкими рыцарями, народовъ Новаго Свѣта испанцами, завоеванія Индіи португальцами, англичанами, Сибири и странъ средней Азіи русскими, войнъ послѣднихъ съ турками и персіянами, — войнъ, гдѣ качество беретъ постоянно верхъ надъ количествомъ. Мы знаемъ, какъ толпы дикарей, вовсе не робкихъ, разбѣгались при видѣ лошадей, при ружейныхъ выстрѣлахъ: подобное тому видимъ и въ войнѣ Цезаря съ галлами. При осадѣ одного галльскаго города римляне устроили крытыя галлереи, подъ ихъ защитою террасу, построили деревянную башню, которую должно было двинуть противъ городской стѣны. Галлы, презиравшіе римлянъ за ихъ малый ростъ, смѣялись надъ строителями такихъ хитростей, которыя, находясь въ дальнемъ разстояніи отъ города, не могли, по ихъ мнѣнію, сдѣлать ему никакого вреда. И вдругъ они видятъ, что башня двигается и приближается къ стѣнамъ города: въ ужасѣ они уже не думаютъ болѣе о защитѣ и посылаютъ просить мира.

Военное искусство, которымъ римляне безконечно превосходили варваровъ, давало имъ возможность такъ скоро покорить Галлію, какъ бы ни были варвары храбры и многочисленны; но мы имѣемъ основаніе ограничить и эти два условія. По словамъ Цезаря, было время, когда галлы превосходили германцевъ храбростію, нападали на другіе народы, высылали свои колоніи за

Digitized by Google

Рейнъ; но въ его время галлы были уже не тѣ: близость римской провинціи, знакомство съ предметами роскоши, испортила ихъ, ослабивъ ихъ прежнюю храбрость, такъ что они сами не смѣли равняться въ ней съ германцами. Цивилизація подѣйствовала на галловъ разслабляющимъ, развращающимъ образомъ, но не дала имъ новыхъ средствъ, благодаря которымъ они могли бы стать въ уровень съ цивилизованными народами; они познакомились съ нѣкоторыми предметами роскоши, привозимыми къ нимъ чужими купцами, но не переняли отъ своихъ цивилизованныхъ сосѣдей военнаго искусства, не развили промышленности и торговли, чему доказательствомъ служатъ галльскіе города въ эпоху завоеванія Галліи римлянами. По словамъ Цицерона, не было ничего бѣднѣе городовъ галльскихъ. Дѣйствительно, какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, городами у галловъ назывались болѣе или менѣе обширныя огороженныя пространства, назначенныя для защиты окрестнаго народонаселенія на случай непріятельскаго нападенія, а эти случаи, какъ мы знаемъ, были очень часты въ Галліи. Городъ былъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ по своему положенію представлялъ болѣе средствъ къ защитѣ. Иногда, при нападеніи сильнаго врага, цѣлый народецъ покидалъ всѣ свои города и запирался въ одномъ городѣ, особенно укрѣпленномъ природою. Извѣстія о галльскихъ городахъ важны для насъ въ томъ отношеніи, что даютъ ключъ къ уразумѣнію подобныхъ же извѣстій о городахъ у другихъ народовъ, стоявшихъ на одинаковой бытовой ступени съ галлами. Легкость, съ какою галлы покидали, жгли свои города, указываетъ на значеніе послѣднихъ; гельветы сожгли всѣ свои города, намѣреваясь покинуть страну и поселиться въ другомъ мѣстѣ; если въ народѣ сохранилась еще возможность такихъ переселеній, то нельзя принимать ихъ городовъ въ нашемъ смыслѣ.

Народонаселеніе всей Галліи полагаютъ гадательно свыше семи милліоновъ, основываясь на цифрахъ контингентовъ, доставлявшихся отдѣльными народцами во время войны съ римлянами. Но здѣсь прежде всего является вопросъ: можно ли положиться на эти цифры? Можно ли предположить процвѣтаніе статистики среди галльскихъ народцевъ, предположить, что они съ точностію знали количество народонаселенія у себя и могли съ точностію опредѣлить, что выставятъ именно такое число войска, и кто у нихъ имѣлъ силу заставить выдти въ поле именно такое число? Достаточно было, что толпа представлялась большою; при томъ всѣ единогласно ставятъ хвастливость, способность преувеличивать въ числѣ національныхъ чертъ у галловъ; у римлянъ же не было

Digitized by Google

побужденій уменьшать цифры враговъ и тѣмъ ослаблять значеніе своихъ подвиговъ. По окончаніи войны съ Аріовистомъ, Цезарь узналъ, что народцы белгійскіе вооружаются противъ него, составили союзъ, дали другъ другу заложниковъ. Онъ поспѣшилъ предупредить ихъ и внезапно явился въ землѣ ремовъ, ближайшаго къ собственной Галліи белгійскаго народца. Застигнутые врасплохъ, ремы отправляютъ къ нему знатныхъ людей съ увѣреніями, что они нисколько не участвуютъ въ союзѣ съ остальными белгами и готовы сдѣлать все, что имъ прикажетъ римскій полководецъ. Цезарь спрашиваетъ у этихъ ремскихъ посланныхъ, каковы могутъ быть силы белговъ, и они ему начинаютъ разсказывать, что вотъ чрезвычайно сильный народъ белловаки, и по храбрости и по многочисленности своей могутъ выставить 100,000 вооруженныхъ людей и обѣщали они прислать противъ римлянъ 60,000, другіе народы обѣщали по 50,000 и т. д., такъ что выходило всего белгійскаго войска 296,000. Это-то показаніе ремовъ о белгійскихъ контингентахъ и берутъ, между прочимъ, въ основаніе выкладокъ, изъ которыхъ выходитъ, что во всей Галліи было болѣе 7,000,000 жителей. Понятно, что ремскіе посланцы, кромѣ національной страсти, должны были имѣть сильное побужденіе преувеличивать могущество белгійскаго союза, чтобы напугать римлянъ и заставить ихъ уйти; но они ошиблись въ своемъ разсчетѣ. Цезарь не ушелъ; белги явились, побились съ римлянами и вдругъ побѣжали по домамъ, и первые побѣжали знаменитые своею храбростію и многочисленностію белловаки, ибо узнали, что союзные римлянамъ гэдуи отправлены Цезаремъ для вторженія въ ихъ землю. Цезарь пошелъ по слѣдамъ бѣгущихъ и покорялъ каждый народецъ отдѣльно; когда онъ пришелъ къ белловакамъ, то этотъ знаменитый народъ вобрался со всѣми пожитками въ одинъ городъ, и когда Цезарь приблизился къ нему, то изъ воротъ вышелъ старикъ съ мольбою принять ихъ въ римское подданство.

Такъ было вначалѣ. Обратимся къ концу, когда галлы, видя послѣдствія утвержденія у себя римлянъ, рѣшились воспользоваться смутою въ Римѣ, и соединенными силами выжить поработителей, когда они пріобрѣли и вождя, способнаго стать во главѣ народнаго дѣла. Въ лѣсахъ, въ глухихъ мѣстахъ идутъ совѣщанія, бьютъ римскихъ купцовъ, людей, заготовляющихъ припасы для цезарева войска. Является вождь возстанія; но любопытно, какъ онъ является, какими средствами начинаетъ дѣло. Въ народѣ арверновъ былъ молодой человѣкъ Верцингеториксъ, сынъ упомянутаго выше Целтилла, который какъ-то достигъ прин-

Digitized by Google

ципата всей Галліи, но былъ убитъ за то, что стремился къ царской власти. Сынъ хотѣлъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы достигнуть отцовскаго значенія съ большею безопасностію. Верцингеториксъ начинаетъ дѣло какъ знатный галльскій шляхтичъ, въ челѣ своихъ кліентовъ, но остальные вельможи арвернскіе и вмѣстѣ съ ними родной дядя Верцингеторикса, не хотятъ, чтобъ сынъ шелъ по отцовскимъ слѣдамъ и мѣшаютъ ему; его выгоняютъ изъ города Герговіи. Тогда Верцингеториксъ становится вождемъ сбродной дружины, набираетъ себѣ *голутьбу* по буквальному переводу (in agris habet delectum egentium at perditorum). Состояніе Галліи чрезвычайно способствовало образованію подобныхъ шаекъ угнетеніемъ низшихъ классовъ, отсутствіемъ возможности достигать своимъ трудомъ обезпеченнаго, независимаго положенія и, наконецъ, удобствомъ къ укрытію людей, живущихъ на чужой счетъ въ дикой, малонаселенной, покрытой густыми лѣсами странѣ. Кромѣ приведеннаго извѣстія о Верцингеторикcѣ, въ разсказѣ Цезаря о галльской войнѣ мы находимъ еще любопытное извѣстіе о голутьбѣ и ея движеніяхъ: когда прежде въ землѣ венелловъ Виридовикcъ сталъ вождемъ возстанія противъ римлянъ, то къ нему изъ разныхъ мѣстъ Галліи стеклись большія толпы «погибшихъ людей и разбойниковъ, которыхъ надежда добычи и охота повоевать отвлекала отъ земледѣлія и ежедневнаго труда» (perditorum hominum latronumque, quos spes praedandi studiumque bellandi ab agricultura et cotidiano labore revocabat). Разсказывается также о Сенонцѣ Драппетѣ, который во время возстанія галловъ противъ римлянъ собралъ отовсюду погибшихъ людей, призвалъ рабовъ къ свободѣ, привлекъ изгнанниковъ изъ всѣхъ народовъ и разбойниковъ. Здѣсь очень важно извѣстіе объ изгнанникахъ, ибо усобицы за власть должны были увеличивать число изгнанниковъ; побѣжденъ и долженъ былъ оставить родину сильный человѣкъ, съ нимъ вмѣстѣ должны были осуждать себя на изгнаніе и люди ему преданные или зависимые. Знаменитый изгнанникъ естественно становился вождемъ изгнанниковъ менѣе знаменитыхъ, вождемъ всѣхъ недовольныхъ. И Верцингеторикcъ былъ изгнанъ, вслѣдствіе чего явился вождемъ сбродной дружины. Съ помощію своей новой дружины Верцингеторикcъ выгналъ изъ города своихъ противниковъ, и дружина провозгласила его царемъ. Свидѣтельство драгоцѣнное, присоединяющееся уже къ приведеннымъ нами прежде указаніямъ о значеніи дружинъ при образованіи верховной власти у первобытныхъ народовъ,—свидѣтельство, которое уясняетъ происхожденіе знаменитой дружины Ромула, плебеевъ и значеніе самого Ромула

Digitized by Google

съ товарищами, и отношенія этихъ вождей сбродной дружины къ родовикамъ, отецкимъ дѣтямъ, патриціямъ; теперь Верцингеториксъ, во главѣ своей дружины, точно также относился къ галльскимъ вельможамъ, къ шляхтѣ. Но и самъ Цезарь былъ не иное что, какъ Верцингеторикса цивилизованнаго міра, стремившійся захватить верховную власть съ помощію своей сбродной, отлично дисциплинированной дружины, ибо римскіе легіоны давно потеряли гражданскій характеръ.

Верцингеторикъ сначала имѣлъ успѣхъ; народцы начали пристават къ нему изъ ненависти къ римлянамъ, видя въ немъ человѣка, около котораго можно было сосредоточиться для успѣшной борьбы съ завоевателями; но не всѣ, во-первыхъ, хотѣли борьбы съ римлянами, не всѣ разсчитывали на возможность вести ее съ успѣхомъ; во-вторыхъ, не всѣ хотѣли вести ее подъ начальствомъ Верцингеторикса, котораго уже величали царемъ. Цезарь признаетъ въ своемъ соперникѣ величайшую энергію; но къ этой энергіи, по его словамъ, Верцингеторикъ присоединилъ величайшую строгость: жестокими казнями принуждалъ онъ нерѣшительныхъ къ дѣятельности; за важное преступленіе умерщвлялъ огнемъ и всякаго рода муками, за легкую вину обрѣзывалъ уши или выкалывалъ по одному глазу и изувѣченныхъ такимъ образомъ отсылалъ на мѣста жительства для устрашенія оставшихся. Началась борьба съ римлянами,—борьба послѣдняя, тяжелая для завоевателей. До сихъ поръ гэдуи были постоянными союзниками римлянъ; въ ихъ городъ Новіодунъ Цезарь переслалъ галльскихъ заложниковъ, съѣстные припасы, казну, обозъ, множество лошадей, закупленныхъ для войны въ Италіи и Испаніи; теперь гэдуи перешли на сторону возставшихъ, подѣлили между собою римскія деньги и лошадей, хлѣбъ, чего не могли увезти—сожгли и потопили; повсюду разсылаютъ посольства возбуждать къ возстанію, въ чемъ легко успѣваютъ, потому что въ ихъ рукахъ заложники, взятые Цезаремъ. Гэдуи входятъ въ сношеніе съ Верцингеториксомъ и стараются получить гегемонію среди возставшихъ народовъ. Но это дѣло поручается сейму, на который сходятся депутаты всѣхъ галльскихъ народцевъ, исключая троихъ. Сеймъ рѣшаетъ, что главное начальство надъ союзнымъ войскомъ должно быть передано Верцингеторикcу. Гэдуи очень оскорблены и главные изъ ихъ вельможъ, молодые люди Эпоредорикcъ и Варидомаръ, неохотно повинуются Верцингеторикcу. Послѣдній приказываетъ набрать немедленно 15,000 конницы: «пѣхоты же,—говорилъ онъ,—у меня довольно, я не дамъ сраженія, но, имѣя многочисленную конницу, очень легко будетъ перехватывать у

Digitized by Google

римлянъ продовольствіе, только уничтожайте собственные запасы и жгите зданія, и въ вознагражденіе за эти потери получите постоянное владычество и свободу». Но когда заказанная конница (мы видѣли, что онъ заказалъ 15,000) явилась, когда Верцингеториксъ увидѣлъ у себя большое войско и узналъ, что Цезарь двигается быстро къ границамъ римской провинціи (Прованса) для ея защиты, то галлъ позабылъ свою осторожность, и созвавши начальниковъ конницы объявилъ имъ, что необходимо напасть на удаляющихся римлянъ, иначе они возвратятся съ большими силами и не будетъ конца войнѣ. Галлы восторженными криками отвѣчаютъ на предложеніе своего вождя, вступаютъ в битву съ римлянами и терпятъ страшное пораженіе. Верцингеториксъ запирается въ городъ Алезію (деревня Alise — Sainte-Reigne), Цезарь осаждаетъ его; происходитъ другое конное сраженіе, въ которомъ Цезарь одерживаетъ побѣду, благодаря германцамъ, бывшимъ въ его войскѣ. Послѣ этого пораженія Верцингеториксъ тайно, ночью, отослалъ конницу по домамъ, наказавши уходившимъ всадникамъ, чтобъ каждый старался поднять свой народецъ, уговорить къ поголовному вооруженію, чтобъ спасти его, человѣка, оказавшаго такъ много заслугъ, и вмѣстѣ съ нимъ спасти 80,000 избраннаго галльскаго войска. Изъ этихъ словъ узнаемъ, что съ Верцингеториксомъ въ Алезіи было 80 т. галловъ; силы осаждающихъ считаютъ около 75,000. Всадники, распущенные по домамъ, исполнили порученіе: галльскіе вельможи собрались и опредѣлили не поголовное вооруженіе, но чтобъ каждый народъ выставилъ извѣстное количество войска: всего составилось 240,000 пѣхоты и 8,000 конницы, которые и явились, подъ начальствомъ четырехъ вождей, къ Алезіи, на выручку Верцингеторикса. Такимъ образомъ, если примемъ эти цифры за достовѣрныя, Цезарь долженъ былъ имѣть дѣло съ 320,000 слишкомъ непріятелей. Галлы шли къ Алезіи съ надеждою, что римляне побѣгутъ при первомъ появленіи такой громады; но римляне не ушли, и въ первой же битвѣ галльская громада потерпѣла пораженіе, опять благодаря германцамъ, служившимъ Цезарю. Послѣ второго пораженія пришедшіе на помощь галлы разсѣялись, и Верцингеториксъ принужденъ былъ сдаться. Послѣ этой неудачи общаго возстанія, Цезарь встрѣчалъ только частныя сопротивленія, которыя были сломлены одно за другимъ, и вся Галлія была присоединена къ римскимъ владѣніямъ.

Страна варварская была завоевана цивилизованнымъ народомъ, присоединена, какъ часть, къ огромному цѣлому. Римскій

Digitized by Google

цивилизація была перенесена въ Галлію; римское управленіе не хотѣло знать прежняго быта галловъ по народцамъ, прежнихъ отношеній одного народа къ другимъ, самостоятельныхъ народовъ къ народамъ-кліентамъ; оно располосовало всю страну по-своему, какъ ему было удобнѣе, устроило правительственные центры въ нѣкоторыхъ старыхъ галльскихъ городахъ, давъ имъ новыя названія, или построивъ для этого новые города; римское управленіе сгладило особенности, существовавшія между частями народонаселенія, прикрыло его одною форменною одеждою. Галльская шляхта заговорила по-латыни, завела у себя школы, нѣкоторые изъ знатной шляхты попали въ римскій сенатъ. Но при этомъ для насъ важно знать, какія перемѣны римское господство произвело въ экономическомъ бытѣ страны, перемѣны въ распредѣленіи богатствъ, отчего зависѣли отношенія между членами народнаго тѣла и отношеніе ихъ къ государству. Получая съ отдаленнаго Востока дорогія произведенія природы, служащія роскоши нашей пищи и одежды, нашей бытовой обстановки, мы составили себѣ понятіе о богатствѣ Востока; но внимательное изученіе Востока заставляетъ видѣть здѣсь предразсудокъ, заставляетъ замѣнить выраженіе: «богатство Востока»—выраженіемъ «бѣдность Востока». То же самое надобно допустить и относительно благосостоянія, богатства древнихъ, остатки быта которыхъ поражаютъ насъ своею художественностію и величіемъ; но освободимся отъ перваго впечатлѣнія, изучимъ подробности, и откроется другая сторона быта, откроется бѣдность его. Римъ и въ варварскія страны, ему подчинившіяся, перенесъ потребности своего государственнаго быта, своей цивилизаціи. Города, служившіе правительственными центрами, были виднѣе прежнихъ галльскихъ городовъ, явились цирки, храмы, водопроводы, дороги. Но эта великолѣпная обстановка скрывала за собою большую бѣдность, сосредоточеніе земельной собственности въ немногихъ рукахъ, тяжесть податей, отъ которыхъ бѣгутъ горожане, правители городскіе, и стремленіе правительства закрѣпостить ихъ, исчезновеніе свободнаго сельскаго населенія, усиленіе закладничества, холопства, рабства въ громадныхъ размѣрахъ. Всѣ эти явленія намъ очень знакомы: мы ихъ встрѣчаемъ въ древней до-петровской Руси и по нимъ, какъ самымъ вѣрнымъ признакамъ, заключаемъ о крайней бѣдности страны, о крайней экономической неразвитости; встрѣчая ихъ въ римской имперіи, дѣлаемъ тотъ же выводъ; видны одинакія явленія въ молодомъ, неокрѣпшемъ тѣлѣ, но имѣющемъ развиваться и крѣпнуть, и въ тѣлѣ дряхлаго человѣка, имѣющемъ разложиться, выдѣлить изъ себя новыя

Digitized by Google

тѣла, которыя начнутъ жить при той же обстановкѣ экономическаго быта, но при новыхъ условіяхъ развитія, которыя мало-помалу поведутъ къ измѣненіямъ въ экономическомъ бытѣ. Римская имперія составилась путемъ завоеванія, и здѣсь уже одна изъ главныхъ причинъ ея дряхлости, бѣдности, ибо завоеваніе предполагало опустошеніе, порабощеніе, изсякновеніе источниковъ богатства, остановку правильнаго обращенія послѣдняго, приливъ его къ нѣкоторымъ только частямъ тѣла, отсюда болѣзнь и параличъ. Вспомнимъ, что́ сдѣлали завоевательные римскіе легіоны въ Греціи, Азіи, Африкѣ, Галліи, повсюду, гдѣ проходили; вспомнимъ, какъ была опустошена, вслѣдствіе усобицъ, сама Италія, и мы узнаемъ, какую бѣдность получила римская имперія въ наслѣдство отъ уничтоженной ею республики. И въ этомъ-то бѣдномъ, малонаселенномъ государствѣ главная и нудящая потребность состояла въ содержаніи большого войска для защиты границъ, растянутыхъ на обширнѣйшихъ пространствахъ и для внутренней защиты правительства; трудно было содержать войско, трудно было набирать его: въ высшемъ слоѣ отвращеніе отъ опасной и тяжелой службы, развратъ, и отсюда слабость физическая и нравственная, безплодіе браковъ и отвращеніе къ нимъ; въ низшихъ—рабство, и среди свободныхъ—то же разслабленіе и холодность къ гражданскимъ интересамъ.

Въ составъ такой-то имперіи должна была войти Галлія, послѣдующая судьба которой особенно важна для насъ, ибо состояніе ея во время завоеванія намъ болѣе извѣстно, чѣмъ состояніе какой-либо другой римской провинціи. Народонаселеніе Галліи, если бы и было значительно до завоеванія, то сильно поубавилось отъ истребительной войны. Не говоря уже о потеряхъ во время битвъ, когда изъ 60,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, оставалось только 500 человѣкъ, встрѣчаемъ извѣстіе, что какой-нибудь народъ истребилъ самъ всѣхъ своихъ сенаторовъ, или раздраженный сопротивленіемъ побѣдитель продалъ въ рабство 53,000 человѣкъ; венеты потеряли на войнѣ всю свою молодежь, всѣхъ главныхъ гражданъ, остальные сдались побѣдителю, но Цезарь предалъ смерти сенаторовъ, а остальныхъ жителей продалъ въ рабство. По увѣщанію Верцингеторикса галлы сами истребляли свои городки. Такимъ образомъ, Галлія досталась Риму въ видѣ страны опустошенной, для возстановленія и преуспѣянія которой надобны были продолжительныя благопріятныя обстоятельства. Но объ этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ нельзя было мечтать при римскомъ управленіи. Напрасно галлы жаловались императору Августу на неслыхан-

Digitized by Google

ные грабежи его прокуратора Лицинія, который былъ самъ галлъ родомъ. Нѣкоторымъ галльскимъ народцамъ позволено было остаться независимыми въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, т.-е. при томъ извѣстномъ намъ бытѣ, который не представлялъ условій благосостоянія или движенія къ нему. При Тиберіѣ дѣла пошли еще хуже, чѣмъ при Августѣ, ибо подати увеличились, мытари (publicani) свирѣпствовали. Галлы не вытерпѣли и возстали; но возстаніе не имѣло успѣха; оба предводителя возстанія, галлы, но уже съ латинскими именами, лишили сами себя жизни. Скоро въ Ліонѣ увидали Калигулу, занимавшагося казнію лучшихъ галловъ и конфискаціею ихъ имуществъ; оставшіеся въ живыхъ должны были покупать огромною цѣною конфискованныя имущества; такимъ образомъ, Римская имперія принесла новое средство собиранія громадной земельной собственности въ однихъ рукахъ. Деньги шли на публичныя зрѣлища въ Ліонѣ и на раздачу войску. Однажды Калигула игралъ въ кости съ своими, проигралъ и потребовалъ списокъ богатѣйшихъ галловъ; отмѣтивъ извѣстное число ихъ на смертную казнь, онъ возвратился къ играющимъ съ словами: «Вы съ большимъ трудомъ выигрываете по нѣсколько драхмъ, а я вдругъ выигралъ 150 милліоновъ!» Подвиги Калигулы окончились аукціономъ, на которомъ онъ продавалъ собственныя вещи, и нѣкоторые галлы должны были разориться, если хотѣли избѣжать смерти; а послѣ аукціона было состязаніе литераторовъ латинскихъ и греческихъ, причемъ авторы дурныхъ сочиненій должны были въ наказаніе вылизывать ихъ языкомъ, если не хотѣли быть высѣченными. Галльскіе вельможи, оставшіеся въ живыхъ послѣ Калигулы, были польщены при императорѣ Клавдіѣ правомъ достигать сенаторскаго достоинства и другихъ главныхъ сановъ въ Римѣ; но за то въ Галліи императорскіе прокураторы, занимавшіеся прежде только сборомъ податей и бывшіе обыкновенно изъ вольноотпущенныхъ, получили значеніе судей. Имперія отъ старости впадала въ младенчество, и вмѣсто раздѣленія должностей стремилась къ соединенію.

Изъ двухъ классовъ народонаселенія, господствовавшихъ въ Галліи до завоеванія, шляхты и друидовъ, первый, хотя значительно истребленный войною и казнями императорскими, остался однако на верху, и даже сильнѣйшіе, богатѣйшіе его члены пріобрѣли новый почетъ и могли еще болѣе увеличить свою земельную собственность. Но друиды подверглись сильному гоненію, потому что Римъ охотно бралъ чужія божества въ свой Пантеонъ, но не позволялъ подвластнымъ народамъ имѣть исключительно принадлежавшую ему религію, что́ служило основаніемъ

Digitized by Google

его отдѣльной народности. Во время римской смуты, когда одинъ императоръ смѣнялъ другого, Галлія поднялась съ одной стороны подъ друидскимъ, съ другой — подъ шляхетскимъ знаменемъ. Галльскіе депутаты собрались въ Реймсѣ (Durocartorum) и раздѣлились на двѣ партіи—партію римскихъ приверженцевъ и партію приверженцевъ независимости. Тацитъ немногими строками вводитъ насъ въ это совѣщаніе галловъ и обнаруживаетъ предъ нами всю невозможность для Галліи независимаго существованія. Начинаетъ рѣчь любимый за свое краснорѣчіе депутатъ треверовъ, злой заводчикъ войны. Въ обдуманной рѣчи онъ изливаетъ все, что обыкновенно говорится противъ быта большихъ государствъ, изливаетъ на римскій народъ клеветы и ненависть: и этотъ ненавистникъ римскаго народа носилъ римское имя Туллій Валентинъ. Ему отвѣчалъ знатный галлъ изъ народа ремовъ—Юлій Ауспексъ, представилъ силу римскую и благодѣянія мира: «война начинается людьми худыми, а ведется съ опасностію для лучшихъ; римскіе легіоны уже надъ головами». Ауспексъ сдержалъ благоразумныхъ уваженіемъ и вѣрностію, младшихъ опасностью и страхомъ. Хвалили смѣлость Валентина, но слѣдовали совѣтамъ Ауспекса. Большую часть отклонило отъ войны соперничество провинцій: кто будетъ управлять военными дѣйствіями? Если дѣло удастся, гдѣ будетъ пребываніе правительства? Еще не было побѣды, а уже былъ раздоръ. Каждый предъявлялъ свои права и никто не хотѣлъ уступить другому. Затруднительность будущаго заставила предпочесть настоящее. Только нѣсколько белгійскихъ народцевъ рѣшились на борьбу и дорого заплатили за свою отвагу; это было послѣднее галльское возстаніе.

Всѣ люди разумные, говорилъ Цицеронъ, смотрѣли на Галлію какъ на самаго страшнаго врага для Рима. Теперь этого врага не было болѣе; страшная Галлія спокойно подчинялась римскому владычеству, романизируясь все болѣе и болѣе. Но опасность для Рима не прошла, а усилилась; у воротъ имперіи, на Рейнѣ и Дунаѣ стояли толпы другихъ варваровъ, дожидались своего времени; на Рейнѣ и Дунаѣ стояли варвары, которымъ суждено было произвести вторичное завоеваніе Рима посредствомъ его же войска, его же полководцевъ. Мы уже говорили о первомъ завоеваніи Рима его войскомъ, его полководцемъ: это произошло во времена Цезаря и Октавія Августа, послѣ кровопролитныхъ усобицъ между нѣсколькими полководцами-соперниками. Болѣе счастливый изъ нихъ сдѣлался повелителемъ Рима, оставивъ всѣ прежнія формы республиканскаго быта. Мы уже видѣли, что императорская власть въ Римѣ не была похожа на

Digitized by Google

монархіи старыхъ и новыхъ народовъ, монархіи народныя; римское императорство было тиранніею, военнымъ деспотизмомъ. Въ императорскомъ Римѣ мы не видимъ династическаго начала. Республиканское начало избранія не теряло своей силы; но кто же могъ избирать императора? Разумѣется та сила, которая была на лицо, которая заслонила собою всѣ другія силы, именно войско, которому необходимъ былъ вождь, императоръ; верховная власть была завоевана войскомъ для своего вождя, войско и должно было располагать своею добычею; въ очень рѣдкихъ только случаяхъ возможность подать свой голосъ при избраніи императора получалъ сенатъ, но сенатскій избранникъ обыкновенно не долго сохранялъ свою власть и свою жизнь. Но какъ могло войско, расположенное по отдаленнымъ краямъ имперіи, избирать императора? Разумѣется избирала, провозглашала новаго императора та часть войска, которая была ближе къ пребыванію верховной власти, такъ-называемые преторіанцы; но другіе легіоны не хотѣли уступить этой чести и выгоды преторіанцамъ, провозглашали своего вождя императоромъ; легіоны, расположенные въ противоположномъ краю, провозглашали своего, являлось нѣсколько императоровъ, начиналась усобица; побѣда рѣшала, кому изъ вождей-соперниковъ владѣть Римомъ, и это было совершенно послѣдовательно, ибо то же самое мы видимъ въ началѣ имперіи: какимъ путемъ достигали верховной власти Цезарь и Октавій-Августъ, такимъ же должны были достигать ее и преемники ихъ; гражданскаго, народнаго, историческаго корня у этой власти не было, она постоянно являлась слѣдствіемъ завоеванія.

Войско давно уже потеряло гражданскій характеръ; народнаго, по самой натурѣ римскаго государства, оно никогда не имѣло; давно уже оно превратилось въ дружину, знавшую только своего вождя и своихъ орловъ. Извѣстный поступокъ преторіанцевъ, когда они продавали императорство съ аукціона и отдали его тому, кто далъ имъ денегъ больше другихъ, всего лучше характеризуетъ римское войско временъ имперіи: такое явленіе немыслимо тамъ, гдѣ войско сохраняетъ хотя какія-нибудь связи съ народомъ и государствомъ, и очень понятно тамъ, гдѣ оно составляло совершенно отдѣльную отъ общей жизни массу, вдвинувшуюся посредствомъ насилій, завоеванія. Сначала войско составлялось изъ народонаселенія, ближайшаго къ Риму, итальянскаго; потомъ, съ оскудѣніемъ Италіи свободными жителями, набиралось изъ другихъ народовъ, болѣе или менѣе ороманившихся; наконецъ, съ постепеннымъ оскудѣніемъ жителями областей имперіи, стало набираться изъ варваровъ, сперва въ смѣшеніи, а потомъ сплошными

Digitized by Google

массами, принадлежащими къ одному народу или къ разнымъ. Чтобъ понять явленія, происходившія въ Европѣ предъ такъ-называемымъ паденіемъ Рима, не надобно забывать, что Римъ палъ, былъ завоеванъ Силлами, Цезарями, Октавіями, былъ завоеванъ ихъ легіонами, ихъ войскомъ, которое и располагало судьбами имперіи; не надобно забывать, что варвары, входившіе постепенно въ области имперіи, входили какъ войско имперіи, провозглашали и свергали императоровъ, какъ то дѣлало и прежде войско, вели усобицы, опустошали страны, наконецъ, отнимали часть земель, но все это дѣлалось и прежде, съ тяжелой руки Силлы. Намъ нужно только указать постепенное движеніе варварскаго народонаселенія въ видѣ войска. Но войско въ западной части имперіи преимущественно составлялось изъ германцевъ, и потому мы должны дѣлать наблюденія надъ этимъ племенемъ.

Мы уже говорили, что принявъ въ соображеніе естественные законы въ народныхъ движеніяхъ, стремленіе занять лучшія страны, должно признать германцевъ самыми поздними насельниками Европы изъ арійцевъ. Найдя южные полуострова, западъ Европы и страны придунайскія уже занятые другими арійцами, германцы должны были принять движеніе къ сѣверо-западу и занять Скандинавію, откуда, вытѣсняемые нуждою, должны были перейти на южный берегъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, занять нынѣшнюю сѣверную Германію. Кромѣ естественнаго желанія народа, приведеннаго въ движеніе, народа съ возбужденными силами, продолжать движеніе, искать новыхъ лучшихъ странъ, Скандинавія не могла перестать высылать лишекъ своего народонаселенія, новые выходцы тѣснили прежде поселившихся въ нынѣшней сѣверной Германіи и заставляли ихъ двигаться къ югу и юго-западу на поиски новыхъ земель. У германскихъ племенъ, какъ видно изъ словъ Іорнанда, сохранялось преданіе о Скандинавіи, какъ о фабрикѣ народовъ (officina gentium). Авангардъ германцевъ кимвры и тевтоны, наведшіе такой ужасъ на Римъ, прямо объявляли, что ищутъ земель для поселенія. Марій жестоко насмѣялся надъ ними, сказавши, что далъ имъ земли—для погребенія ихъ мертвыхъ тѣлъ. Но смѣется тотъ, кто послѣдній смѣется. Германцы не переставали требовать земель и захватывать ихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Цезарь долженъ былъ биться съ ними изъ-за Галліи. Онъ отбилъ ее у нихъ, но только до времени; побѣдитель долженъ былъ сдѣлать печальное признаніе о необыкновенной храбрости этихъ варваровъ; въ его же извѣстіяхъ о гальской войнѣ читаемъ, что въ рѣшительныя

Digitized by Google

минуты онъ былъ обязанъ побѣдою надъ галлами мужеству германцевъ, находившихся въ его войскѣ. Изъ наблюденій надъ историческою жизнію народовъ мы вывели, что три главныя условія опредѣляютъ судьбу народовъ: природа страны, гдѣ живетъ народъ, происхожденіе или племя и воспитаніе или первоначальная исторія народа. Всѣ эти три условія были благопріятны для германскаго племени; поздній приходъ его въ Европу и необходимость занять суровыя и скудныя страны ея сѣвера, содѣйствовали развитію въ этомъ племени силы и энергіи; развитіе означенныхъ качествъ пошло еще быстрѣе, когда значительная часть племени должна была искать новыхъ жилищъ, должна была предпринять долгое и опасное странствованіе, долгій и трудный подвигъ. Германцы не могли, подобно галламъ, скоро и легко занять обширную и богатую страну; первыя движенія ихъ кончились несчастно; кимвры и тевтоны потерпѣли истребительныя пораженія отъ Марія; попытки Аріовиста захватить земли въ Галліи были уничтожены Цезаремъ; германцы встрѣтили въ римлянахъ страшныхъ враговъ, которые превосходили ихъ воинскимъ искусствомъ, которые сначала не давали имъ покоя въ ихъ собственной странѣ; нужно было обороняться; при наступившемъ движеніи нужно было сначала двигаться чрезвычайно медленно, каждый шагъ впередъ дѣлать съ большимъ усиліемъ, покупать успѣхъ дорогою цѣною. Такимъ образомъ, германцы должны были пройти долгую и трудную школу, благодаря которой они воспитали въ себѣ выдержливость и пріобрѣли всѣ качества отличнаго войска, въ видѣ котораго они сначала и вошли въ составъ оскудѣвшей войскомъ римской имперіи; легкость успѣха портитъ человѣка и народъ, только трудность его развиваетъ силы и даетъ хорошее воспитаніе человѣку и народу. «Пусть нападутъ на меня,—отвѣчалъ Аріовистъ Цезарю на его угрозы: пусть нападутъ, и тогда узнаютъ храбрость народа, который въ продолженіе четырнадцати лѣтъ ни разу не входилъ подъ крышу дома». Здѣсь выразилось сознаніе подвига, ибо германцы не были кочевниками, непонимавшими пріятности имѣть домъ; они очень хорошо понимали эту пріятность, и достиженіе ея, полученіе хорошей земли для осѣдлости, поставили цѣлью своего труднаго подвига. Тацитъ такъ отозвался о Германіи: «Кто, оставивъ Азію, Африку или Италію, захочетъ пойти въ Германію, безобразную почвою, суровую климатомъ, печальную обработкою и видомъ, развѣ кому она будетъ отечествомъ?» Но дѣло въ томъ, что для германцевъ эта страна не была отечествомъ, а только перепутьемъ; чѣмъ суровѣе и печальнѣе была страна,

Digitized by Google

тѣмъ сильнѣе было въ ея жителяхъ стремленіе, какъ можно скорѣе покинуть ее, а препятствія, при этомъ встрѣчаемыя, еще болѣе усиливали стремленіе. Надобно съ большою осторожностью дѣлать выводы о характеристическихъ чертахъ племени и народовъ, ибо часто то, что считается прирожденнымъ отличіемъ, является случайностію, происходящею отъ извѣстнаго положенія народа или племени. Такъ, напримѣръ, разсуждаютъ, что галльскіе народы отличали другъ друга именами, заимствованными отъ видимой природы: это или горцы, или жители равнины или поморы; тогда какъ германскіе народы заимствовали свои названія отъ отвлеченныхъ раздѣловъ неба и назывались людьми Востока, Запада, Сѣвера, Юга. Но не надобно забывать, что галлы давно уже жили въ извѣстной странѣ, не хотѣли ее покидать и потому они усвоивали себѣ названія по мѣстностямъ, тогда какъ германцевъ исторія застаетъ въ движеніи, на поискѣ земель, гдѣ бы поселиться; стоитъ только вспомнить, напримѣръ, судьбу остъ- и вестъ-готовъ: спрашивается, отъ какой мѣстности они могли назвать себя, когда они постоянно двигались, перемѣняли мѣсто жительства? Нельзя народу называться поморянами, когда онъ то уйдетъ въ горы, то выйдетъ на равнину, далекую отъ моря.

Что касается частностей быта, то бытъ германцевъ сходенъ съ бытомъ родственныхъ имъ арійскихъ племенъ въ Европѣ, которыхъ исторія зазнала еще въ варварствѣ, какъ племени кельтическаго, такъ и славянскаго; но здѣсь не надобно упускать изъ виду того обстоятельства, что германцы были относительно недавніе пришельцы въ своей странѣ и въ постоянно воинственномъ движеніи стремились покинуть ее, что бытъ ихъ, какъ онъ намъ извѣстенъ по римскимъ описаніямъ, болѣе сходенъ съ бытомъ галловъ, когда послѣдніе, по словамъ Цезаря, были также храбры, какъ германцы, т.-е., пока они еще не успокоились въ странѣ, устремлялись изъ нея воинственными массами и наводили ужасъ на сосѣдей. Галлы временъ Цезаря имѣли уже города, хотя и въ значеніи только укрѣпленныхъ мѣстностей на случай непріятельскаго нападенія; но присутствіе этихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, какъ знакъ желанія защищать извѣстную страну, какъ *свою* страну, удержаться въ ней, равно какъ появленіе отдѣльной земельной собственности свидѣтельствуетъ, что народъ обжился въ извѣстной странѣ, сросся съ нею, не хочетъ съ нею разстаться. Германцы не жили въ городахъ, и не терпѣли жить вмѣстѣ, жили разбросанно и розно, гдѣ поправится источникъ, поле, роща. Обработываемая земля находилась въ общемъ владѣніи, и Тацитъ замѣтилъ, что этому благопріятство-

Digitized by Google

вала обширность пространства; земли было много, она не имѣла цѣны, на ея обработку, находившуюся въ грубомъ состояніи, не тратилось много труда и капитала, и потому земля не многимъ въ этомъ отношеніи отличалась отъ лѣса и луга, ибо недвижимая отдѣльная собственность начинается съ дома и земли, находящейся около него, что французскіе крестьяне до сихъ поръ называютъ *наслѣдствомъ* по преимуществу (l'héritage), затѣмъ слѣдуетъ пашенная земля, далѣе лугъ и лѣсъ.

Политическое устройство германцевъ представлялось Тациту также не вполнѣ ясно, какъ политическое устройство галловъ представлялось Цезарю. «Царей берутъ себѣ германцы по благородству происхожденія, вождей—по храбрости (reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt). Цари не самовластны и вожди сильны болѣе примѣромъ, чѣмъ властію, если дѣятельны, видны, сражаются впереди всѣхъ». Но въ другихъ мѣстахъ разсказа авторъ подлѣ слова: царь (rex) употребляетъ другое слово: начальный человѣкъ (princeps): «О дѣлахъ меньшей важности совѣщаются начальные люди (principes), о важнѣйшихъ всѣ. На общемъ совѣщаніи выслушивается царь, или начальный человѣкъ, или кто-нибудь другой, видный своею маститостію, благородствомъ, воинскими доблестями, краснорѣчіемъ; дѣйствуетъ болѣе сила убѣжденія, чѣмъ власти. Въ тѣхъ же собраніяхъ избираются начальные люди (principes) для суда, каждаго изъ такихъ судей сопровождаютъ сто человѣкъ изъ народа». Можно было бы успокоиться на этомъ указаніи значенія начальныхъ людей (principes), еслибы въ слѣдующей же главѣ не встрѣчалось слово: «И отроки могутъ получить значеніе начальныхъ людей по особенному благородству или великимъ заслугамъ предковъ». Затѣмъ слѣдуетъ знаменитое мѣсто о дружинѣ (comites, comitatus), какъ воинственная толпа сосредоточивается около богатыря, знаменитаго своими подвигами, и этотъ глава дружины называется начальнымъ человѣкомъ (princeps).

Изъ свода этихъ извѣстій оказывается, что воинственное движеніе у германцевъ, какъ и у галловъ, выдвинуло и продолжало выдвигать изъ народной массы людей храбрѣйшихъ, богатырей (robustiores), около которыхъ сосредоточивались воинственныя толпы, дружины. Быть въ дружинѣ богатыря не считалось постыднымъ; мѣсто, какое занималъ членъ дружины, опредѣлялось по волѣ вождя дружины, и между дружинниками было сильное соревнованіе, кому занимать первое мѣсто у своего начальника, а между начальными людьми (principes) сильное соперничество, у кого многочисленнѣе и храбрѣе дружина. Постоянное окруженіе большою толпою избран-

Digitized by Google

ныхъ юношей давало достоинство и силу, въ мирѣ составляло украшеніе, на войнѣ охрану. Многочисленная и храбрая дружина доставляла вождю ея славу не только въ своемъ народцѣ, но и у народовъ сосѣднихъ: къ такимъ вождямъ являлись посольства, приносились дары. Во время битвы постыдно вождю (principi) уступить дружинѣ въ храбрости, постыдно дружинѣ не сравняться въ храбрости съ вождемъ. Безчестно на всю жизнь остаться послѣ битвы живымъ, когда вождь полегъ на мѣстѣ. Вожди бьются изъ-за побѣды, дружинники за вождя. Если народъ коснѣетъ въ долгомъ мирѣ и праздности, то многіе изъ благородныхъ юношей уходятъ къ тѣмъ народамъ, которые ведутъ войну, ибо спокойствіе невыгодно: возможность содержать дружину доставляется войною, грабежомъ.

Эти-то храбрецы, собирающіе около себя дружины подобныхъ себѣ храбрецовъ, и являются начальными людьми (principes), они-то и вожди частныхъ предпріятій; храбрѣйшій изъ нихъ избирается вождемъ и для общаго предпріятія, задуманнаго цѣлымъ народомъ (duces ex virtute). Но какъ вездѣ, такъ и здѣсь, значеніе счастливаго вождя, окруженнаго многочисленною и храброю дружиною, давало ему возможность усилить свою власть, сдѣлаться царемъ (rex). Счастіе давало ему значеніе, несчастіе лишало его царскаго достоинства: Марободъ, царь маркомановъ, послѣ пораженія отъ Арминна былъ изгнанъ своимъ народомъ. Арминнъ, побѣдитель римлянъ и Маробода, былъ убитъ своими за то, что хотѣлъ сдѣлаться царемъ. Но нѣкоторымъ удавалось удержать за собою царское достоинство и поднимать своихъ дѣтей, свое потомство такъ высоко, что народы продолжали брать изъ него себѣ царей (reges ex nobilitate sumunt). Такимъ образомъ, между германскими народами у однихъ былъ царь, человѣкъ, поднимавшійся выше всѣхъ своею властію, хотя и ограниченною народнымъ собраніемъ; у другихъ не было царя, но было нѣсколько выдававшихся своею храбростію и знаменитыми предками людей, окруженныхъ болѣе или менѣе многочисленными дружинами,—то были начальные люди (principes). Тацитъ ясно различаетъ въ этомъ отношеніи германскіе народы и даетъ знать, что сила царской власти выказывалась довольно замѣтно въ одномъ случаѣ; говоря о вольноотпущенныхъ (libertini), Тацитъ замѣчаетъ: вольноотпущенные стоятъ немного выше рабовъ; рѣдко имѣютъ значеніе въ домѣ, никогда въ обществѣ, исключая только тѣ народы, которые управляются царями: тутъ они возвышаются и надъ свободными и надъ благородными; у остальныхъ народовъ ничтожность значенія вольноотпущенныхъ

Digitized by Google

служитъ доказательствомъ свободы. Изъ этихъ словъ Тацита видно, что хотя власть германскихъ царей и была ограничена, однако была довольно значительна, когда ихъ вольноотпущенники могли подниматься даже выше благородныхъ.

Когда не было войны, германцы проводили время въ охотѣ, но болѣе въ праздности, ѣдѣ и снѣ. Самый храбрый и воинственный ничего не дѣлалъ, возложивши хозяйственныя заботы на женщинъ, стариковъ и самаго безсильнаго въ семействѣ. У народа обычай приносить начальнымъ людямъ подарки, которыми тѣ и живутъ, особенно пользуются дарами сосѣднихъ народовъ: посылаются отборныя лошади, оружіе, деньги. Кромѣ этихъ даровъ продовольствіе доставлялось рабскимъ трудомъ. Простота быта условливала различіе въ бытѣ германскихъ рабовъ отъ быта рабовъ римскихъ. Для домашнихъ работъ, при ихъ немногосложности, рабъ былъ не нуженъ германцу; эти работы исполнялись женами и дѣтьми; германскій рабъ жилъ своимъ домомъ, имѣлъ свою семью и обязанъ былъ только доставить господину извѣстное количество необходимыхъ для послѣдняго вещей, хлѣба, скота, платья. Поэтому германцы рѣдко употребляли противъ своихъ рабовъ бичи и оковы; случалось господину убивать раба въ сердцахъ, какъ врага, а не въ наказаніе за проступокъ и не изъ жестокости; убійство это оставалось безнаказаннымъ. Другое положеніе рабовъ было у цивилизованныхъ римлянъ; здѣсь рабъ не имѣлъ ни семейства, ни собственности, былъ рабочею силою, отъ которой господинъ хотѣлъ получить какъ можно больше выгоды; надъ стадомъ рабовъ былъ приставленъ надсмотрщикъ, котораго безопасность и выгода состояли въ томъ, чтобъ представить господину наибольшіе результаты рабскаго труда; не имѣя ни малѣйшей выгоды для себя отъ труда, рабъ могъ быть принуждаемъ къ нему только страхомъ наказанія, физическихъ страданій и лишеній, а потому принудительныя средства къ работѣ были въ страшныхъ размѣрахъ, а страхъ предъ бѣгствомъ и возстаніемъ рабовъ увеличивалъ жестокость обращенія съ ними. Кромѣ простоты быта, уничтожающей разстояніе между господиномъ и рабомъ, уничтожающей презрѣніе перваго къ послѣднему, какъ существу низшаго разряда, на судьбу раба имѣлъ вліяніе способъ его пріобрѣтенія: варвары, каковыми были германцы, не могли пріобрѣтать рабовъ куплею, по причинѣ бѣдности своей; покупка необходимо унижала купленнаго раба до значенія вещи; господинъ, потратившій деньги на пріобрѣтеніе раба, естественно имѣлъ въ виду одно, чтобы получить хорошій процентъ съ употребленнаго капитала, тогда какъ варваръ пріі-

Digitized by Google

обрѣталъ раба преимущественно на войнѣ: это былъ непріятель, захваченный въ плѣнъ хитростію или одолѣніемъ, часто послѣ долгой борьбы; храбрый, хотя и побѣжденный, не могъ возбуждать презрѣнія въ храбромъ, а корыстнаго разсчета не было; кромѣ того нельзя отвергать, чтобы у германцевъ, какъ у галловъ, не было добровольныхъ холопей.

Говорятъ о родовомъ бытѣ у германцевъ и приводятъ указанія на него, встрѣчающіяся у Цезаря и Тацита. Цезарь говоритъ о ежегодномъ дѣлежѣ земель по родамъ (gentibus); онъ же говоритъ, что во время боя германцы становились по родамъ (generatim); Тацитъ подтверждаетъ это показаніе. Этихъ указаній отвергнуть нельзя, какъ никогда и нигдѣ нельзя отвергать силу кровной связи, стремленія родичей жить и дѣйствовать вмѣстѣ; но для насъ важно то, какое значеніе имѣлъ этотъ союзъ въ общей жизни народной, имѣлъ ли отдѣльное самоуправленіе, какъ оно устроивалось и какое значеніе имѣли родоначальники. Другое дѣло, когда говорится, что въ извѣстномъ племени каждый жилъ отдѣльно съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ и владѣлъ родомъ своимъ; другое дѣло, когда по прошествіи многихъ вѣковъ по основаніи государства мы должны встрѣтиться съ родовыми отношеніями и между владѣльцами страны, и между знатью, и между простыми людьми, гдѣ никто не былъ мыслимъ безъ рода, безъ братьевъ и племянниковъ; другое дѣло, если государство основано въ IX-мъ вѣкѣ, а въ XVIII-мъ совершеннолѣтній членъ рода находится еще въ зависимости отъ старшихъ, долженъ принять то или другое мѣсто въ государственной службѣ по ихъ рѣшенію: въ исторіи такой страны мы, разумѣется, должны обращать большое вниманіе на родовой бытъ, изучать обстоятельства, которыя условили такое долгое существованіе его въ разныхъ сферахъ. Но у германцевъ въ описываемое время находимъ ли мы такія явленія, которыя дали бы намъ право дѣлать рѣшительные выводы на счетъ родового быта? Мы не можемъ не предположить значенія кровной связи между германцами, значенія ея какъ обязанности и средства взаимной защиты какъ на войнѣ внѣшней, такъ и во всѣхъ столкновеніяхъ внутреннихъ; не можемъ не предположить, если бы даже и не имѣли ясныхъ свидѣтельствъ; но на дальнѣйшія предположенія мы не имѣемъ права, ибо извѣстія объ избраніи царей, о происхожденіи вождей и начальныхъ людей, о происхожденіи ихъ окруженія или дружины, объ избраніи судей, о характерѣ вѣча,—всѣ эти извѣстія не содержатъ въ себѣ и полунамёка на вліяніе родовыхъ отношеній. Тацитъ, указывая на крѣ-

Digitized by Google

пость родственной связи, спѣшитъ однако замѣтить, что наслѣдниками каждаго были его собственныя дѣти, а при отсутствіи дѣтей, ближайшіе родственники. Изъ всего извѣстнаго намъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ народомъ, среди котораго происходитъ сильное движеніе физическое, съ народомъ, который остановился на перепутьи, причемъ происходитъ сильная выработка дружиннаго начала; дружина даетъ движенію воинственный характеръ, воспитываетъ цѣлые народы воиновъ, снабжаетъ имперію войскомъ, даетъ ея истощеннымъ областямъ воинственное, сильное народонаселеніе, въ которомъ онѣ именно нуждались, и тѣмъ возстановляетъ потухавшую подъ властію Рима жизнь западной Европы.

Такимъ образомъ, развитіе дружиннаго начала среди германскихъ народовъ на первомъ планѣ для историка. Всякій пойметъ, что это явленіе не есть принадлежность германской народности. Галлы, когда были также храбры какъ германцы, по выраженію Цезаря, т.-е., когда были въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ исторія застала германцевъ, точно также выставили дружину, т.-е., выдѣлили изъ народной массы богатырей, окруженныхъ толпою подобныхъ храбрецовъ. Эти богатыри и потомство ихъ точно также образовали начальныхъ людей (principes); менѣе выдававшіеся подвигами, благородствомъ и богатствомъ воины носятъ у Цезаря, какъ мы видѣли, названіе всадниковъ (equites), и наконецъ толпа, неимѣющая политическаго значенія, которое все въ рукахъ всадниковъ и жрецовъ (друидовъ); въ Тацитовомъ описаніи Германіи мы не находили указанія на эту толпу, не имѣющую никакого вліянія на общественныя дѣла; воинственное движеніе, обхватившее въ это время все племя или, по крайней мѣрѣ, тѣ части его, которыя были ближе къ римскимъ границамъ и особенно выдавались въ борьбѣ, это воинственное движеніе уравнивало всѣхъ способныхъ носить оружіе, тѣмъ болѣе что простота быта, отсутствіе отдѣльной поземельной собственности также благопріятствовали этому уравненію. Но впослѣдствіи и между германцами явилось троякое раздѣленіе на благородныхъ, свободныхъ и меньшихъ людей (аделинговъ, фрилинговъ и литовъ—minorpersona), что соотвѣтствуетъ галльскимъ начальнымъ людямъ, всадникамъ и меньшимъ людямъ, безучастной въ дѣлахъ толпѣ. Намъ важно это тождество явленій, ибо оно указываетъ намъ на необходимость извѣстнаго хода развитія при извѣстныхъ условіяхъ; намъ важно наблюсти и отмѣтить эти явленія и условія, при которыхъ онѣ послѣдовали, чтобъ слѣдить за дальнѣйшими явленіями жизни европейскихъ народовъ. Тождественность явле-

Digitized by Google

ній у варваровъ различныхъ племенъ заставляетъ насъ осторожно относиться къ племеннымъ и народнымъ различіямъ, тѣмъ болѣе, что въ младенцѣ трудно уловить черты, которыя будутъ характеризовать взрослаго человѣка, выражающаго въ своемъ нравственномъ образѣ все многообразіе условій, имѣвшихъ вліяніе на окончательное опредѣленіе этого образа. Пока достаточно того, что имѣемъ дѣло съ племенами, способными къ развитію, получившими сначала хорошее воспитаніе, развившими свои силы въ продолжительномъ и многотрудномъ подвигѣ, и потому представившими уже въ колыбели, въ варварскомъ бытѣ развитіе, расчлененіе, которое при дальнѣйшихъ благопріятныхъ условіяхъ поведетъ къ сильному развитію народной жизни. Это развитіе, расчлененіе произошло именно благодаря силѣ дружиннаго начала, благодаря этому сильному упражненію юнаго народнаго тѣла, сильной гимнастикѣ, вызвавшей изъ народа лучшихъ людей, самостоятельныхъ въ сознаніи своей силы и доблести; могущественныхъ вслѣдствіе того, что около нихъ сосредоточены другія силы, притянутыя къ нимъ ихъ личными достоинствами, личными подвигами. Такихъ силъ много и каждая сила обязана считаться съ другими силами: такого рода отношенія могущественно содѣйствовали развитію тѣхъ формъ народной жизни, которыя характеризуютъ новую европейскую исторію.

Истощенныя области имперіи получаютъ свѣжее варварское народонаселеніе. Императоры, послѣ побѣдъ своихъ надъ варварами, селятъ побѣжденныхъ на пустыхъ пространствахъ въ имперіи, въ видѣ земледѣльцевъ, крѣпкихъ землѣ (колоновъ); императоры хвалятся, что варвары засѣваютъ и обработываютъ земли для римлянъ, германскіе быки возятъ плугъ по галльскимъ землямъ и римскія житницы наполняются хлѣбомъ варваровъ. Но варвары могли кормить римлянъ только въ такомъ случаѣ, еслибъ римляне составляли вооруженную силу, а варвары представляли мирный безоружный народъ. Выходило наоборотъ. У римлянъ некѣмъ было пополнять легіоновъ, и они обратились къ варварамъ. Мы видимъ, что Цезарь побѣждалъ галловъ съ помощію германцевъ; германцы участвовали и въ Фарсальской битвѣ, отнявшей у Рима свободу. Надобность въ войскѣ заставила приглашать свободныхъ варваровъ и давать имъ земли съ обязанностію нести военную службу; такіе варвары назывались лэтами. Но въ то же время римское войско наполняется варварскими богатырями, вожди которыхъ начинаютъ выдаваться впередъ, получаютъ важнѣйшія мѣста подлѣ императоровъ, являются консулами Рима; это служитъ знакомъ, что число вар-

Digitized by Google

варовъ все болѣе и болѣе увеличивается въ римскихъ войскахъ, и наконецъ они составляютъ всю силу Рима. Но, при болѣе сильномъ напорѣ варваровъ на римскія границы, служащихъ подъ римскими знаменами варваровъ стало недостаточно для защиты этихъ границъ; ихъ одноплеменники огромными толпами прорвались въ области имперіи, гдѣ они не могли встрѣтить никакого сопротивленія со стороны жителей, истощенныхъ физически и нравственно: «Никто (говоритъ современникъ) не хотѣлъ погибать, и никто не искалъ средствъ, какъ-бы спастись отъ погибели; повсюду царствуетъ непонятное нерадѣніе, бездѣйствіе, трусость; только и заботятся о томъ, какъ-бы поѣсть, попить и выспаться». Но жители областей имперіи, какъ-бы ни заботились, не могли найти средствъ для утоленія голода, жажды и для спокойнаго спанья: не имѣя чѣмъ заплатить податей, они покидали дома, чтобы не подвергнуться пыткѣ, покидали родную страну для избѣжанія казни. «Врагъ имъ не такъ страшенъ, какъ сборщикъ податей; они убѣгаютъ къ варварамъ, чтобъ спастись отъ этихъ сборщиковъ».

Римскій императоръ, для безопасности, не живетъ уже болѣе въ Римѣ, а въ Равеннѣ; но его именемъ владычествуетъ варваръ, начальникъ варварскаго ополченія, защищающаго Римъ и его императоровъ, свергающаго и возводящаго послѣднихъ по своимъ разсчетамъ; какую роль потомъ играли вожди турокъ при калифахъ, палатные меры при Меровингахъ, такую же роль играютъ вожди варваровъ при послѣднихъ римскихъ императорахъ изъ римлянъ. Наконецъ, одному изъ варварскихъ вождей наскучило мѣнять римскихъ или равеннскихъ императоровъ; онъ объявилъ, что такихъ больше не будетъ, а будетъ признавать онъ власть императора, живущаго въ Константинополѣ, его именемъ будетъ самъ управлять Италіею. Это провозглашеніе называютъ паденіемъ западной римской имперіи.

С. Соловьевъ.

Digitized by Google

МЕЖДУНАРОДНЫЙ

ТЮРЕМНЫЙ КОНГРЕССЪ

И АНГЛІЙСКІЯ ТЮРЬМЫ.

Русскій народъ всегда смотрѣлъ на арестантовъ, на каторжниковъ, съ тою всепрощающею любовью, съ тою глубокою незлобивостью и снисходительностью, какія присущи природѣ простого русскаго человѣка. Въ послѣднее время, частію вслѣдствіе болѣе вѣрнаго пониманія христіанскаго ученія, частію вслѣдствіе распространенія человѣколюбивыхъ чувствъ, лучшіе люди общества на Западѣ и у насъ, путемъ высокаго своего развитія, путемъ науки, дошли до того же, что всегда чувствовалъ нашъ народъ, называющій арестантовъ и каторжниковъ «несчастными» и «несчастненькими». Лучшіе люди признаютъ въ преступникахъ своихъ ближнихъ, своихъ братьевъ, впавшихъ въ несчастіе или въ болѣзнь, называемыя преступленіемъ, и, примиряясь съ мыслью о наказаніи, настойчиво требуютъ такого, которое въ то же время служило бы къ исправленію. Въ этомъ взглядѣ на преступленіе ничего нѣтъ новаго: безсмертныя истины, на которыхъ онъ основанъ, провозглашены міру восемнадцать съ половиною вѣковъ тому назадъ. Милосердіе и человѣколюбіе, долгое время проповѣдуемыя только въ видѣ отвлеченныхъ правилъ, теперь стремятся перейти въ жизнь и требуютъ практическаго примѣненія. Къ несчастію, переходъ отъ словъ къ дѣлу всегда былъ труденъ: прежде нежели перейти къ дѣлу, человѣчество нуждается обыкновенно въ длинномъ и сложномъ процессѣ, при по-

Digitized by Google

мощи котораго оно сначала привыкаетъ къ мысли, усвоиваетъ ее, а потомъ уже требуетъ ея исполненія. По отношенію къ нарушителямъ общественныхъ и частныхъ правъ, къ людямъ, заклейменнымъ судебными приговорами, этотъ переходъ осложнялся еще соображеніями, въ которыхъ важную роль играла древняя, полудикая мысль о необходимости возмездія. Сама наука сначала утверждала, что общество обязано только наказать человѣка, сдѣлавшаго вредъ, и поставить его въ невозможность вновь вредить ближнимъ; а общество находило, что на свѣтѣ слишкомъ много несчастныхъ людей честныхъ, чтобы позволительно было тратить время и средства на несчастныхъ воровъ, разбойниковъ и убійцъ. Ко всему этому себялюбіе прибавляло свои соображенія, и за невозможностью облагодѣтельствовать всѣхъ, не предпринимало ничего, чтобы пособить хотя нѣкоторымъ. Предполагалось, что въ наказаніи, какъ бы оно ни было жестоко и унизительно, заключается какая-то таинственная исправительная сила, и многіе тюремщики стараго времени приняли бы за насмѣшку предложеніе по-человѣчески обращаться съ каторжниками. Правда, что давно уже въ трудѣ замѣчалась великая исправительная сила; но въ то же время трудъ назначался въ наказаніе, чѣмъ, очевидно, унижалось высокое нравственное значеніе труда. Давно уже многіе даровитые писатели, изслѣдуя преступленія, очень справедливо находили множество смягчающихъ вину обстоятельствъ въ жизни каждаго преступника, но въ похвальномъ усердіи своемъ нѣкоторые изъ нихъ заходили слишкомъ далеко, и доходили почти до полнаго оправданія всякаго злого дѣянія, перенося всю вину на общество, которое не съумѣло воспитаніемъ, образованіемъ и доставленіемъ работы оградить своего сочлена отъ праздности и проступка. Но все это не прошло безслѣдно для разрѣшенія тюремнаго вопроса.

I.

Исторія тюремъ имѣетъ уже нѣсколькихъ тружениковъ, на дѣлѣ, не на словахъ только, доказавшихъ, что они преступниковъ считаютъ своими родными братьями, впавшими въ несчастіе, и всѣми силами своей честной души желаютъ имъ добра. Между ними особенно замѣчателенъ капитанъ Мэконоки, бывшій съ 1840 года директоромъ Норфокъ-Айлэндской колоніи для ссыльныхъ, изобрѣтатель системы тюремныхъ отмѣтокъ. Это былъ великій человѣкъ въ своей спеціальности, то же что Лавуазье въ химіи, что́ Коперникъ въ астрономіи. Немногія брошюры его и

Digitized by Google

статьи должны быть изучаемы всѣми, кто интересуется тюремнымъ вопросомъ, тѣмъ болѣе, что капитана Мэконоки, доказавшаго на дѣлѣ свою практичность, нельзя заподозрить въ мечтательныхъ и несбыточныхъ предположеніяхъ. Вотъ что онъ говоритъ о своей системѣ управленія арестантами:

«Я пріѣхалъ въ Норфокъ-Айлэндъ 10-го марта 1840 года и нашелъ положеніе вещей далеко не въ лучшемъ, а во многихъ отношеніяхъ еще въ худшемъ видѣ, нежели ожидалъ. Тысяча четыреста, дважды приговоренныхъ, каторжниковъ, отребье двухъ карательныхъ колоній (потому что худшіе преступники, за новыя преступленія, ссылаются сюда съ Ванъ-Дименовой Земли и изъ Новаго Южнаго Валлиса), были жестоко муштруемы цѣлый день, а на ночь загоняемы въ бараки, которые не могли сколько-нибудь удобно вмѣстить въ себѣ и половину ихъ числа. Всѣми возможными средствами постоянно ихъ чувства предавались поруганію и ихъ самоуваженіе разрушалось.

«За всякій вздоръ они подвергались жестокимъ истязаніямъ, заковывались въ наручники, или сажались на нѣсколько дней на хлѣбъ и на воду. Къ обѣду имъ не давалось ни ножей, ни вилокъ, не допускалось никакихъ удобствъ. Они рвали пищу пальцами и зубами, а пили большею частію изъ ведра. Не болѣе двухъ-третей изъ нихъ могли помѣщаться въ обѣденномъ сараѣ; остальные во всякую погоду должны были ѣсть кое-какъ, подъ навѣсомъ, надъ помойной ямой. Когда я пріѣхалъ, островъ уже пятнадцать лѣтъ былъ мѣстомъ ссылки каторжниковъ, а на немъ не было ни одной церкви. Въ теченіе семи лѣтъ туда не присылали даже священника. Не было школъ, не было книгъ, и лица каторжниковъ съ ужасающею вѣрностью отражали эту обстановку. Болѣе дьявольскаго собранія нельзя себѣ представить, и едвали когда можно видѣть что-нибудь ужаснѣе этого моря лицъ, обращенныхъ ко мнѣ, когда я въ первый разъ заговорилъ съ ними. Невозможно изложить здѣсь всѣ мѣры, которыя употреблены были мною для перерожденія этихъ людей. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что я старался всячески возбудить въ нихъ самоуваженіе, склонить ихъ собственную волю къ исправленію, строго наказывать настоящіе проступки, сокращая число проступковъ условныхъ, оставляя эти послѣдніе вовсе безъ наказанія, или смягчая ихъ до крайности; въ то же время я старался внушить своимъ помощникамъ лучшія и болѣе просвѣщенныя чувства. Я построилъ двѣ церкви, почти всякое воскресенье бывалъ у обѣдни, устроилъ школы, раздавалъ книги, давалъ награды за прилежаніе, былъ неутомимъ въ совѣтахъ и увѣща-

Digitized by Google

ніяхъ, гдѣ бы ни являлся, и всюду приходилъ одинъ и неожиданно, выказывая довѣріе и въ свою очередь стараясь его заслужить. Каждому человѣку я далъ по маленькому садику, что́ было великимъ благодѣяніемъ для прилежныхъ, но никакъ не для лѣнтяевъ; поселеннымъ въ лѣсу я помогалъ разводить свиней и домашнюю птицу: этимъ улучшалась ихъ пища и, что́ гораздо важнѣе, чрезъ обладаніе собственностью внушалось къ этому праву инстинктивное уваженіе, до крайности полезное. Полицію свою, состоявшую изъ каторжниковъ, я заинтересовалъ въ сохраненіи порядка, потому что отъ успѣшности дѣйствій моихъ полицейскихъ чиновъ зависѣло сохраненіе ими мѣстъ, которыхъ они жадно добивались. Я роздалъ артелямъ ножи, вилки, кухонную посуду, жестяные котелки и проч. Я позволилъ надзирателямъ, полиціи и другимъ отличившимся арестантамъ носить синія куртки и другія части одежды, неположенныя для каторжниковъ; и ничто лучше этого не способствовало поднятію ихъ духа, оживленію ихъ самоуваженія и утвержденію ихъ въ добрыхъ намѣреніяхъ.

«Говорили, будто весь секретъ моего управленія заключался въ снисходительности, слабости, распущенности, и что арестанты хорошо вели себя со мною только потому, что дѣлали, что́ хотѣли. Кто говоритъ это, тотъ мало знаетъ каторжниковъ. При помощи одной слабости никогда еще никто не былъ въ состояніи управлять такими людьми. Они хорошо вели себя со мною и при мнѣ потому, что я съ ними разсуждалъ и обращался не грубо; потому что они видѣли, какъ я стараюсь ихъ поднять, а не втоптать въ грязь; потому что имъ было выгодно хорошее поведеніе, и потому что они знали, что въ случаѣ дурного поступка, кромѣ осужденія товарищей, ихъ ожидаетъ строгое наказаніе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, особенно въ случаяхъ серьезныхъ преступленій, я взыскивалъ даже еще строже моихъ предмѣстниковъ, и благодаря хорошему направленію, какое удалось мнѣ вдохнуть въ каторжниковъ, я получалъ показанія въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ они обыкновенно прикрывали товарищей... Говорили, будто я сдерживалъ злыя страсти порученныхъ мнѣ людей только личнымъ моимъ вліяніемъ, и я охотно соглашаюсь, что оно было велико. Но оно было не вѣчно и прекращалось, когда люди, за истеченіемъ своихъ сроковъ, выпускались съ острова. Въ четыре года я выпустилъ обратно въ Сидней 920 дважды приговоренныхъ людей, и изъ нихъ обратно попало на островъ только 20 человѣкъ, или два процента; а изъ 580-ти, отосланныхъ обратно на Ванъ-Дименову землю, на островъ воз-

Digitized by Google

вратилось 15, или менѣе 3%. Хорошо, еслибы вездѣ было также мало рецидивистовъ: во Франціи, въ Бельгіи, въ Англіи 35% рецидивистовъ считается очень благопріятною или, по крайней мѣрѣ, обычною пропорціею. Много обыкновенно говорится о неизбѣжной взаимной нравственной порчѣ, являющейся въ большомъ скопленіи арестантовъ, и я совершенно согласенъ, что когда, при обыкновенномъ порядкѣ управленія, начальство обращается только къ самымъ дурнымъ наклонностямъ ихъ, то скопленіе арестантовъ увеличиваетъ зло. Но если мы захотимъ воспользоваться лучшими ихъ побужденіями, чего легко достигнуть при помощи извѣстной системы, не уступая въ то же время никакой доли благоразумной карательной власти, то найдемъ, что арестанты совершенно похожи на другихъ людей. Они родились для жизни въ обществѣ, и лучшія качества ихъ могутъ быть вызваны къ жизни только въ обществѣ имъ равныхъ людей, а не отдѣльно отъ общества... Въ обращеніи съ арестантами до сихъ поръ очень часто дѣлаются самыя разнообразныя ошибки, однѣ важнѣе другихъ, и къ нимъ особенно горячо привязаны лица, спеціально занимающіяся надзоромъ за арестантами. Не установляется надлежащаго различія между проступками, которыми нарушаются правила нравственности, и тѣми, которые чисто условны. Посредствомъ мелочной регламентаціи мы увеличиваемъ число этихъ послѣднихъ и преувеличиваемъ ихъ важность. Такимъ образомъ изнуряется духъ арестантовъ, истощается ихъ чувство повиновенія, потому что безпрестанно требуются отъ нихъ пустяки. Обыкновенные тюремщики довѣряютъ исключительно силѣ. Они воображаютъ, будто можно ломать людей, какъ прутья, или какъ тѣсто забивать ихъ въ каменныя формы. Высшимъ началамъ человѣческой природы они позволяютъ дремать въ своихъ тюрьмахъ; они не даютъ почвы для ихъ дѣятельности, не обращаются ни къ чему, кромѣ непосредственнаго повиновенія; не возлагаютъ на человѣка его собственной судьбы, обращаются съ нимъ, какъ съ автоматомъ и, сдѣлавъ такимъ образомъ все возможное для ослабленія человѣка, потомъ удивляются его испорченности. Развѣ весь этотъ образъ дѣйствій не есть нелѣпость? Для исправленія надо поставить человѣка въ борьбу съ препятствіями. Старая система не даетъ арестантамъ никакихъ случаевъ для борьбы, не даетъ возможности пріобрѣсти энергію и независимость характера. Тюремщикъ заставляетъ ихъ дѣйствовать и даже существовать по приказу, а потомъ, когда они впадаютъ въ проступки, вслѣдствіе искусственно привитой къ нимъ слабости, кричитъ о томъ, что исправленіе невозможно.

Digitized by Google

«Предлагаемая мною система избѣгаетъ всѣхъ этихъ ошибокъ. Она можетъ быть исправлена въ подробностяхъ, но едвали начала ея могутъ быть съ выгодою отмѣнены. Она не ведетъ къ слабости или къ безсмысленной потачкѣ; она старается дѣйствовать столько же на душу, сколько на тѣло, не столько подавлять, сколько пріобрѣсти вліяніе. Она наказываетъ преступниковъ, ставитъ ихъ въ самое горемычное положеніе, но въ то же время она даетъ имъ возможность выпутаться изъ этого положенія ихъ же собственными усиліями и самоотреченіемъ; она не старается сдѣлать это положеніе еще худшимъ посредствомъ презрѣнія, ненависти, пренебреженія, напротивъ, она уважаетъ нашу общую природу, хотя временно и павшую... По прошествіи трехъ лѣтъ моего управленія, Норфокъ-Айлэндская колонія приняла совершенно иной видъ: наступила полная безопасность для лицъ и для собственности. Офицеры, женщины, дѣти ходили по острову въ полнѣйшей безопасности; хижины, сады, кладовыя, жатвы на корню, зрѣлые плоды, иногда очень соблазнительные, разсѣяны были повсюду, и никто къ нимъ не прикасался. Признаюсь, что впослѣдствіи я самъ съ удивленіемъ вспоминалъ о томъ, что было достигнуто, какъ мнѣ ни было все это привычно. Конечно, на этомъ блестящемъ солнцѣ были и пятна, но трудно повѣрить, какъ ихъ было мало.

«Моя задача на дѣлѣ была не такъ трудна, какъ кажется. Я дѣйствовалъ *за одно* съ природой человѣка, а *не противъ* нея, какъ заведено въ другихъ тюремныхъ системахъ. Я старался лелѣять, направлять и регулировать то стремленіе къ улучшенію своего положенія, которое замѣчается въ каждомъ человѣкѣ, а въ преступникѣ можетъ быть сильнѣе, нежели во всякомъ другомъ. Подъ вліяніемъ правильныхъ началъ, они вмѣстѣ со мною стремились къ порядку и труду, тогда какъ подъ вліяніемъ одного принужденія они нерѣдко доходили до взрывовъ... Въ рядѣ принимаемыхъ мѣръ я не пренебрегалъ наказаніемъ; но я предпочиталъ оставаться въ предѣлахъ, обусловленныхъ духомъ и буквою закона, а не заходить дальше. Законъ налагаетъ заключеніе и каторжную работу, какъ воздаяніе за преступленіе; мои арестанты подвергались тому и другому въ полномъ смыслѣ слова. Каждый исполнялъ урокъ, наложенный судомъ и, сверхъ того, находилъ возможность отъ своего отдыха отнимать время для своего огорода или другихъ работъ. Но онъ былъ освобожденъ, насколько это было въ моей власти, отъ ненужнаго униженія, и пріучался смотрѣть на свои собственныя усилія, какъ на неизбѣжное средство для освобожденія и улучшенія своего быта.»

Digitized by Google

Капитанъ Мэконоки всегда утверждалъ, что на свѣтѣ нѣтъ человѣка неисправимаго, и его опытъ съ людьми, дважды приговоренными, — опытъ, успѣшность котораго засвидѣтельствована множествомъ очевидцевъ, довольно ясно доказалъ, что въ этомъ случаѣ онъ весьма мало ошибался. Онъ добился того, что освобожденные имъ изъ Норфокъ-Айлэнда арестанты гордились тѣмъ, что они были столько-то лѣтъ подъ его командой, и въ Австраліи долго лучшіе работники, заслуживавшіе наиболѣе довѣрія, назывались людьми Мэконоки. Но на Норфокъ-Айлэндѣ Мэконоки не имѣлъ возможности примѣнить изобрѣтенную имъ систему марокъ или тюремныхъ отмѣтокъ. Она, въ существѣ принятая теперь въ англійскихъ и ирландскихъ тюрьмахъ, состоитъ въ слѣдующемъ. По мнѣнію Мэконоки, «обыкновенные судебные приговоры къ тюремному заключенію на опредѣленный срокъ должны бы замѣниться опредѣленною цифрою одобрительныхъ отмѣтокъ, съ тѣмъ, чтобы цифру эту арестантъ заслужилъ прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ; приговоры, постановленные уже судомъ, онъ полагаетъ замѣнять, по опредѣленной оцѣнкѣ, суммою такихъ же отмѣтокъ за трудъ и хорошее поведеніе. Иначе сказать, вмѣсто того, чтобы приговаривать преступниковъ къ заключенію въ тюрьмѣ на столько-то мѣсяцевъ или лѣтъ, онъ предлагаетъ постановлять, чтобы они заслужили столько-то сотенъ или тысячъ одобрительныхъ марокъ, или отмѣтокъ, или балловъ. Такая замѣна не составитъ особенной выгоды для арестанта по отношенію къ продолжительности его заключенія, потому что заработать большое число отмѣтокъ можно только въ значительный періодъ времени, и если положить, что высшая дневная отмѣтка есть 6, то сумму въ шесть тысячъ балловъ нельзя заслужить скорѣе, нежели въ тысячу рабочихъ дней. Разница между двумя видами приговоровъ состояла бы въ томъ, что въ одномъ случаѣ человѣкъ можетъ выполнить или отбыть свой приговоръ только при достаточно усердной работѣ и хорошемъ поведеніи, а въ другомъ случаѣ ни того, ни другого не нужно, и одно время сдѣлаетъ все. При исполненіи приговора, опредѣляющаго срочное заключеніе, преступникъ старается только какъ-нибудь убить время, лѣнится насколько можетъ и отдѣлывается отъ работы притворною болѣзнію; когда же человѣкъ имѣетъ въ виду заработать извѣстное число отмѣтокъ, да еще когда тюремному начальству дозволено будетъ за особенно усердную работу прибавить ему два балла въ день, арестантъ будетъ трудиться усердно, упорно, настойчиво, и работа его въ самомъ дѣлѣ сдѣлается каторжною. Мэконоки доказывалъ, что исправ-

Digitized by Google

леніе преступника можетъ быть достигнуто только и исключительно крайне упорнымъ трудомъ. Въ виду длиннаго урока, состоящаго изъ суммы нѣсколькихъ тысячъ балловъ, человѣкъ научается цѣнить и время, и трудъ; онъ думаетъ о томъ, чтобы пользоваться временемъ, а не какъ-нибудь его коротать. Въ жизни арестанта является цѣль; онъ добивается отъ самого себя прилежанія, побужденіе къ дѣятельности становится нравственнымъ вмѣсто физическаго, внутреннимъ — вмѣсто наружнаго. А человѣкъ спасенъ, если онъ пріобрѣлъ многолѣтнюю привычку къ упорному, неутомимому труду.

«Далѣе, говоритъ Мэконоки, надобно стараться устроить такъ, чтобы судьба арестанта, насколько возможно, была въ собственныхъ его рукахъ, чтобы онъ могъ своими усиліями улучшить свое положеніе.

«При обыкновенной тюремной дисциплинѣ существуетъ очень важное заблужденіе, въ силу котораго отъ арестанта требуется только покорность. Въ виду невозможности улучшить свое положеніе, онъ становится неподвижнымъ, по извѣстному свойству природы человѣческой, приспособляется къ своему положенію и впадаетъ въ апатію. Напротивъ, еслибы ему предоставлено было право улучшать свое положеніе, то онъ чувствовалъ бы возлагаемыя на него лишенія съ гораздо большею силою и тѣмъ охотнѣе предавался бы труду, ведущему къ улучшенію. Только при такомъ условіи тюрьма можетъ сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ исправляющимъ учрежденіемъ. Если же къ возможности улучшенія быта прибавить возможность сокращенія срока каторжной работы, именно если посредствомъ прибавочныхъ двухъ балловъ въ день арестантъ тремя днями чрезвычайной работы заработаетъ себѣ четвертый, уже день свободы, то онъ поневолѣ привыкнетъ къ предусмотрительности: онъ за нѣсколько лѣтъ впередъ будетъ разсчитывать на наслажденіе плодами сегодняшней работы».

Не слѣдуетъ думать, чтобы Мэконоки былъ слишкомъ мечтательнымъ филантропомъ. Скорѣе, напротивъ; онъ говоритъ: «неподобающая снисходительность въ тюремныхъ порядкахъ точно также вредна, какъ и ненужная строгость. Всего вѣрнѣе: поставить арестанта въ положеніе крайней нужды, изъ которой онъ могъ бы выбраться только собственнымъ трудомъ и постояннымъ курсомъ сознательнаго самообладанія и самоотреченія». Въ другомъ мѣстѣ онъ требуетъ, «чтобы нормальнымъ продовольствіемъ арестантовъ были хлѣбъ и вода; а все, что сверхъ того, арестантъ долженъ заслужить хорошими отмѣтками, то-есть, стараніемъ въ работѣ и хорошимъ поведеніемъ»... Съ такою суро-

Digitized by Google

востью у капитана Мэконоки соединяются глубоко человѣколюбивыя начала. Онъ требуетъ, чтобы главною цѣлью наказанія было исправленіе преступника, чтобы онъ сдѣлался честнымъ, работящимъ человѣкомъ; онъ полагаетъ, что полезно учредить въ тюрьмѣ круговую поруку, раздѣливъ арестантовъ на небольшія группы и устроить ихъ сколь возможно сходно съ условіями обыкновенной семейной жизни, утверждая, что только въ обществѣ человѣкъ можетъ быть приготовленъ для общества. Наконецъ, онъ полагаетъ, что образованіе арестантовъ и ихъ религіозное развитіе составляютъ необходимыя условія исправленія.

Вотъ въ главныхъ чертахъ все, чего требовалъ Мэконоки для реформы тюремъ. Но онъ не дожилъ до приложенія своего ученія и системы отмѣтокъ или балловъ къ исправительнымъ тюрьмамъ въ Англіи. Да и рѣдко бываетъ, чтобы изобрѣтатель новыхъ началъ, или человѣкъ, съ новою мыслью приложившій старыя начала къ существующимъ учрежденіямъ, видѣлъ исполненіе своихъ предположеній. Къ исполненію новаго плана явились неожиданныя затрудненія, особенно въ недостаткѣ пониманія со стороны чиновниковъ, которые должны были исполнять систему, и въ недостаткѣ довѣрія къ неиспытанной системѣ со стороны высшихъ начальниковъ. Послѣ его смерти однако же здравыя начала, имъ проповѣданныя, стали входить въ общественное сознаніе, и когда англійскія колоніи отказались принимать ссыльно-каторжныхъ, система англійскихъ тюремъ была преобразована и значительная часть принциповъ капитана Мэконоки получила широкое и плодотворное примѣненіе. Королевская коммиссія, учрежденная въ 1863-мъ году, установила согласныя съ его требованіями главныя начала, которыя дѣйствуютъ теперь въ полной силѣ. Общественное мнѣніе въ Англіи почти совершенно довольно устройствомъ главныхъ тюремъ и находитъ ихъ достигающими предположенной цѣли. Но не безъ борьбы принята и признана удовлетворительною нынѣшняя система: общество долго не могло примириться съ тою условною свободой, которая дается арестанту на время, заработанное имъ посредствомъ прибавочныхъ балловъ. Когда же и эта условная свобода была признана не противорѣчащею ни закону, ни судебнымъ приговорамъ, то та же система вмѣстѣ съ ученіемъ Мэконоки начала находить болѣе и болѣе сторонниковъ и по другую сторону Атлантическаго океана.

Digitized by Google

II.

Въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ общественное мнѣніе давно было сильно занято вопросомъ о тюрьмахъ, имѣющимъ огромное соціальное значеніе. Исправленіе преступниковъ, приговариваемыхъ къ тюремному заключенію, въ виду того обстоятельства, что они, по отбытіи срока, вновь вступаютъ въ общество, считалось главною обязанностью тюрьмы. Но при отсутствіи централизаціи въ Америкѣ, тюрьмы въ каждомъ штатѣ устроиваются по-своему; въ одномъ штатѣ принято строжайшее одиночное заключеніе, смягчаемое только религіозною проповѣдью; въ другомъ то же преступленіе наказывается заключеніемъ въ тюрьму, гдѣ арестанты живутъ вмѣстѣ и безъ особеннаго принужденія работаютъ; а въ другихъ штатахъ принята средняя система, и пробужденное общественное мнѣніе стало требовать однообразія въ устройствѣ тюремъ, такъ какъ послѣ строгаго наказанія въ одномъ штатѣ выпускается на свободу гражданинъ всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ. Но для введенія однообразной тюремной системы нужно было найти лучшую изъ всѣхъ системъ. Для обсужденія этого важнаго дѣла образовалось «Ньюіоркское тюремное общество». Оно изучило американскія тюрьмы, сравнило ихъ достоинства и недостатки и, не довольствуясь этимъ, обратилось во всѣ концы цивилизованнаго міра, прося описаній тюремъ и установившихся въ нихъ порядковъ. Въ отвѣтъ на это воззваніе, между многими описаніями, пришла въ Нью-Іоркъ и статья гр. Соллогуба съ краткимъ очеркомъ нашихъ остроговъ и довольно подробнымъ описаніемъ устроеннаго подъ его ближайшимъ руководствомъ исправительнаго учрежденія въ Москвѣ. Въ то же время гр. Соллогубъ выразилъ мысль о томъ, что полезно было бы собрать международный конгрессъ, на которомъ всего удобнѣе было бы обсудить вопросы, такъ сильно озабочивающіе лучшихъ людей сѣвероамериканскаго общества. Эта мысль нашла себѣ сочувствіе и очень быстро распространилась. 12-го октября 1870 года въ Цинциннати собрался конгрессъ изъ лицъ, поставленныхъ весьма высоко въ сѣверо-американскомъ оффиціальномъ мірѣ и въ обществѣ. Было подвергнуто обсужденію множество вопросовъ, касающихся тюремнаго дѣла, и состоялось 37 резолюцій. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ теоретическому опредѣленію преступленія и наказанія; другія требуютъ, чтобы тюремное заключеніе было организовано непремѣнно съ цѣлью исправленія преступниковъ; третьи

Digitized by Google

повторяютъ слово въ слово то, что писалъ Мэконоки касательно обращенія съ арестантами,—принципы справедливые, разумные, человѣколюбивые; четвертые требуютъ хорошо обдуманной системы тюремныхъ отмѣтокъ, марокъ или балловъ, склоняясь болѣе къ той, которая принята въ Ирландіи и считая, повидимому, англійскую систему слишкомъ суровою; нѣкоторые, изъ похвальнаго чувства человѣколюбія, заходятъ слишкомъ далеко, желаютъ, напримѣръ, чтобы преступникъ былъ доведенъ до убѣжденія въ полезности возложеннаго на него наказанія. Въ томъ же числѣ есть нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній о недѣйствительности или даже вредѣ краткосрочныхъ приговоровъ къ тюремному заключенію въ общихъ тюрьмахъ, о вознагражденіи людей, арестованныхъ во время предварительнаго слѣдствія и оказавшихся невинными, о срокахъ заключенія за тѣ или другіе проступки и преступленія, объ участіи родителей въ издержкахъ на содержаніе впавшихъ въ преступленія дѣтей, объ ученіи арестантовъ, о гигіенѣ тюремъ и т. д. Тридцать-шестая резолюція особенно замѣчательна. Она требуетъ, чтобы для надзора за всѣми тюрьмами Соединенныхъ Штатовъ, для приведенія ихъ въ одну стройную систему, проникнутую однимъ духомъ и преслѣдующую одну общую цѣль, было учреждено одно центральное управленіе, которое будетъ все контролировать и всѣмъ руководить, безъ устраненія однако же добровольной помощи частныхъ лицъ. Но важнѣйшею заслугою цинциннатскаго конгресса было успѣшное подготовленіе къ созванію въ Лондонѣ международнаго тюремнаго конгресса.

Сколько можно судить по документамъ, цѣль этого конгресса, кромѣ во всякомъ случаѣ полезнаго личнаго знакомства между дѣятелями въ этой спеціальности и обмѣна мыслей между ними, была не совсѣмъ ясно опредѣлена. Повидимому, цинциннатскому собранію и исполнительному комитету національнаго тюремнаго общества Соединенныхъ Штатовъ хотѣлось, чтобы международный конгрессъ подтвердилъ резолюціи, постановленныя въ Цинциннати. По крайней мѣрѣ очевидно, что рядъ вопросовъ, поставленныхъ докторомъ Уайнсомъ, уполномоченнымъ Соединенныхъ Штатовъ на ожидавшемся конгрессѣ, стремился къ тому, чтобы изучить различныя системы тюремъ и виды обращенія съ арестантами. Вѣроятно, въ то же время имѣлось въ виду установить общія начала для тюремныхъ преобразованій и общія правила для содержанія арестантовъ. Въ качествѣ уполномоченнаго отъ своего правительства, докторъ Уайнсъ съ чрезвычайною

Digitized by Google

дѣятельностью заботился о созваніи конгресса, который и открылся въ Лондонѣ 3-го іюля (н. с.) 1872 года.

Со стороны правительства Великобританіи не было сдѣлано никакихъ приготовленій къ принятію конгресса. Оно смотрѣло на это дѣло, какъ на съѣздъ совершенно частныхъ лицъ, затѣянный и созываемый гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ. Рядъ вопросовъ, разосланныхъ вмѣстѣ съ приглашеніями на конгрессъ, далеко не опредѣлялъ предметовъ занятій и ихъ порядка. Поэтому тѣ изъ членовъ, которые пріѣхали заранѣе и успѣли сойтись между собою, дѣятельно занялись обсужденіемъ программы занятій и установили ее. Предположено было раздѣлить конгрессъ на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ должны были разсматриваться вопросы: 1) о томъ, какія наказанія должны быть допускаемы и какія слѣдовало бы вовсе упразднить; 2) о продолжительности сроковъ заключенія; 3) объ увеличеніи наказаній рецидивистамъ; 4) о содержаніи арестанта до суда, и 5) о выдачѣ преступниковъ. Ясно, что предметы разсужденій этого отдѣла не прямо относились вообще къ тюремному вопросу. Второй отдѣлъ касался: 1) тюремнаго законодательства; 2) администраціи и инспекціи тюремъ; 3) положенія и приготовленія лицъ, служащихъ при тюрьмахъ; 4) постройки тюремъ; 5) тюремныхъ работъ; 6) обученія въ тюрьмахъ; 7) наказаній за нарушеніе тюремной дисциплины; 8) устройства малолѣтныхъ преступниковъ, и 9) тюремной статистики. Третій отдѣлъ занимался мѣрами, принимаемыми въ пользу отбывшихъ свой срокъ арестантовъ: 1) выпускъ арестантовъ простой и условный; 2) надзоръ за выпущенными на свободу; 3) помощь, имъ оказываемая; 4) пріюты для нихъ; 5) эмиграція. Сверхъ всего этого предполагалась, что конгрессъ, уже не по отдѣленіямъ, а въ полномъ своемъ составѣ, займется разсмотрѣніемъ относительныхъ выгодъ различныхъ системъ заключенія: одиночной днемъ и ночью, или съ ночнымъ только разъединеніемъ и т. д.

Слишкомъ широкая программа, составленная на предварительныхъ совѣщаніяхъ, сдѣлалась причиною того, что ни одинъ изъ поставленныхъ вопросовъ не былъ рѣшенъ удовлетворительно, даже ни одинъ не былъ разсмотрѣнъ съ тою подробностью и многосторонностью, которыя оправдали бы съѣздъ нѣсколькихъ сотъ спеціалистовъ изъ разныхъ государствъ Европы и даже изъ разныхъ частей свѣта.

Третьяго іюля, состоялось наконецъ первое собраніе конгресса въ великолѣпномъ готическомъ залѣ Middle-Temple, подъ предсѣдательствомъ графа Карнарвона.

Digitized by Google

Собраніе было многочисленно и привлекло еще болѣе многочисленную и блестящую публику: 62 иностранные представителя, 72 представителя различныхъ частей Соединенныхъ Штатовъ, 67 представителей мировой юстиціи въ Англіи, 56 начальниковъ тюремъ, 33 представителя исправительныхъ учрежденій и 20 представителей обществъ вспомоществованія освобожденнымъ арестантамъ,—всего 310 членовъ. Въ этомъ числѣ было 12 дамъ изъ Америки и 9 англичанокъ.

Предсѣдатель началъ свою рѣчь съ порицанія своего правительства за то, что оно отказало конгрессу въ своемъ содѣйствіи и даже въ своемъ признаніи; онъ находилъ, что тюремнаго конгресса нельзя считать простымъ частнымъ съѣздомъ и напомнилъ о правительствѣ, которое въ то же время оказываю содѣйствіе и поддержку конгрессу статистическому. Далѣе, онъ указалъ на предметы занятій тюремнаго конгресса, говорилъ о недостаткахъ англійской тюремной системы, и о томъ сочувствіи, какого заслуживаютъ впавшіе въ преступленіе люди.

Графъ Герроби также сожалѣлъ, что правительство не распорядилось о принятіи членовъ конгресса съ тѣмъ почетомъ, съ какимъ они были бы приняты въ другой странѣ, выражалъ увѣренность, что члены будутъ снисходительны къ «дальнимъ островитянамъ, потомкамъ негостепріимныхъ бриттовъ», за поведеніе которыхъ онъ въ этомъ случаѣ стыдится, и предложилъ выразить душевное привѣтствіе почтеннымъ гостямъ. Это предложеніе было принято.

Но г. Гестингъ замѣтилъ, что правительство отнюдь не отказываетъ конгрессу въ своемъ содѣйствіи и въ доказательство привелъ, что майоръ Дю-Кэнъ, главный инспекторъ военныхъ и гражданскихъ тюремъ въ Англіи, присутствуетъ на конгрессѣ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Архіепископъ Мэннингъ напомнилъ членамъ, чтобы они имѣли въ виду, кромѣ удовлетворенія правосудія, и христіанскія чувства милосердія.

На слѣдующій день собраніе было назначено въ 11 часовъ утра. Излагать содержаніе каждаго засѣданія безполезно, потому что, благодаря чрезмѣрно широкой программѣ, говорилось много такого, что прямо къ тюремному дѣлу не относится или имѣетъ лишь косвенное отношеніе. Много не только дѣльныхъ, но въ высшей степени замѣчательныхъ рѣчей произнесено было о различныхъ законодательствахъ, опредѣляющихъ тюремное заключеніе на различные сроки въ видѣ кары, о пропорціональности наказанія съ преступленіемъ; говорено было съ большою

Digitized by Google

ученостью и съ большимъ практическимъ знаніемъ о смертной казни, и о тѣлесномъ наказаніи, и о многихъ другихъ грустныхъ предметахъ. Каждый членъ имѣлъ право говорить десять минутъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда предсѣдатель находилъ нужнымъ продлить это время. Послѣ произнесенія нѣсколькихъ рѣчей, вопросъ обыкновенно признавался слишкомъ сложнымъ для того, чтобы быть рѣшеннымъ въ общемъ собраніи, передавался въ коммиссію, и тѣмъ дѣло оканчивалось.

Пренія происходили въ теченіе восьми дней обыкновенно такимъ образомъ. Представитель Италіи гр. де-Фореста формулируетъ вопросъ: «Должна ли быть допускаема въ видѣ наказанія ссылка? и если—да, то какого она должна быть свойства?» и по этому поводу съ отличнымъ знаніемъ дѣла разбираетъ законодательство Италіи, Франціи, Англіи и заключаетъ, что ссылка съ картожной работой есть весьма правильное наказаніе для преступниковъ, приговоренныхъ къ пожизненной, или къ 20-ти—15-ти-лѣтней карѣ. Послѣ нѣсколькихъ краткихъ рѣчей объ этомъ дѣлѣ, гр. Соллогубъ открываетъ пренія по вопросу: «Должно ли тюремное заключеніе быть однообразно по степени строгости и различаться только по продолжительности, или должны быть допущены различные виды заключенія, и въ послѣднемъ случаѣ какіе?» Ораторъ утверждалъ, что тюрьма есть больница для излеченія нравственныхъ недуговъ, и что къ разнымъ болѣзнямъ должны быть прилагаемы различные способы и пріемы леченія. Гр. де-Фореста по этому поводу возставалъ противъ неравномѣрности наказаній, противъ различныхъ степеней строгости суда, причемъ иногда меньшее преступленіе наказывается строже нежели бо́льшее и наоборотъ, и сожалѣлъ о томъ, что не открыто нравственнаго барометра, для опредѣленія тягости преступленія градусами. Предсѣдатель отдѣла, бар. Гольцендорфъ, резюмировавъ доводы, замѣтилъ, что вопросъ очень сложенъ, и перешелъ къ постановкѣ слѣдующаго: «За извѣстныя преступленія, не предполагающія большой нравственной порчи, можетъ ли быть назначаемо простое лишеніе свободы безъ обязательной работы и безъ прикосновенія съ другого вида арестантами?» Гр. де-Фореста провелъ разницу между преступленіями, сопряженными съ большою нравственною испорченностью, и случайнымъ нарушеніемъ закона вслѣдствіе увлеченія страстью или минутнаго возбужденія. Сэръ Тендверъ подробно разсказалъ, какъ у нихъ въ Пенсильваніи вполнѣ признаются начала, развитыя гр. де-Фореста, какъ человѣкъ, совершившій закононарушеніе въ припадкѣ страсти, приговаривается къ заключенію на срокъ, со-

Digitized by Google

держится не вмѣстѣ съ другими, избавляется отъ тяжкихъ работъ и не принуждается носить тюремную одежду. Д-ръ Маутъ прибавилъ, что то же самое соблюдается въ Индіи.

Потомъ бар. Гольцендорфъ поставилъ новый вопросъ: «Можетъ ли тюремное заключеніе назначаться пожизненно?» Онъ находитъ, что, по уничтоженіи смертной казни, пожизненное заключеніе тоже должно быть уничтожено, и что во всякомъ наказаніи должно заключаться два элемента: надежда и страхъ. Г. Генсъ (Соед. Шт.) говорилъ, что пожизненный приговоръ окончательно разрушаетъ въ человѣкѣ всякую надежду, а если человѣкъ потерялъ всякую надежду, то какъ можетъ общество надѣяться на его исправленіе? И кому нужно его исправленіе, если онъ никогда не возвратится въ общество? Г. Кремье вслѣдъ затѣмъ говорилъ въ пользу смертной казни, которая окончательно прекращаетъ возможность преступныхъ дѣйствій со стороны преступника, и противъ пожизненнаго заключенія, которое не предохраняетъ общество по крайней мѣрѣ посредствомъ устрашенія. Этимъ и кончилось засѣданіе 4-го іюля соединенныхъ перваго и третьяго отдѣловъ.

Кромѣ того, что пренія велись безъ твердо установленнаго плана и что многіе изъ почтенныхъ членовъ не рѣдко произносили прекрасныя рѣчи, заключавшія въ себѣ нѣсколько словъ отвѣта на предложенный вопросъ и большія подробности о томъ, что̀ къ вопросу не относилось, но что̀ ораторамъ давно хотѣлось высказать публично, пренія замедлялись еще тѣмъ, что многія рѣчи, произнесенныя на англійскомъ языкѣ, приходилось переводить на французскій, и наоборотъ, переводить съ французскаго на англійскій. Къ этому надо прибавить, что по программѣ нѣкоторые частные вопросы тюремнаго быта разсматривались прежде установленія или по крайней мѣрѣ обсужденія болѣе общихъ вопросовъ, причемъ естественно оказывалось, что данная частность при одномъ рѣшеніи общаго вопроса имѣетъ положительное значеніе, тогда какъ при другомъ рѣшеніи она имѣетъ значеніе отрицательное.

Такимъ образомъ, надо признать, что конгрессъ вовсе не удался, если отъ него ожидались какія-нибудь вѣскія рѣшенія или резолюціи, такъ что никто не рѣшился предложить созваніе новаго конгресса въ опредѣленное время. Но такъ какъ засѣданія конгресса неизбѣжно вели за собою знакомства между членами и совершенно частный обмѣнъ мыслей, а затѣмъ англійское правительство обязательно предложило членамъ подробный обзоръ всѣхъ своихъ тюремъ, то, конечно, конгрессъ былъ въ

Digitized by Google

высшей степени полезенъ каждому, кто имѣлъ случай на немъ присутствовать.

III.

Многія изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ засѣданіяхъ и перезнакомившіяся между собою, были или извѣстными криминалистами, или замѣчательными дѣятелями по тюремной части, или благотворителями пріютовъ и исправительныхъ заведеній. При этомъ надобно упомянуть о дамахъ. Бо́льшая часть изъ нихъ переѣхала океанъ, чтобы публично заявить весьма достойныя уваженія человѣколюбивыя стремленія свои. Участіе ихъ въ конгрессѣ придавало ему своеобразный, не совсѣмъ обычный для европейскаго взгляда характеръ. Представительницы за-атлантической филантропіи вносили въ свои воззрѣнія много истинно-христіанской любви къ страждущей, вслѣдствіе преступленія, долѣ человѣчества. Между дамами замѣчательнѣе другихъ была миссъ Карпентеръ, знаменитый авторъ весьма серьезнаго и полезнаго сочиненія «Our Convicts». По ея предложенію (10 іюля), поддержанному г-жами Гау, Фэтфуль и другими дамами, конгрессъ единогласно принялъ слѣдующую резолюцію: «Было бы въ высшей степени важно, чтобы женщины были привлечены къ высшему надзору и управленію женскими тюрьмами: это будетъ вѣрнѣе всего облегчать заключеннымъ путь къ исправленію».

Изъ остальныхъ членовъ, послѣ гр. Соллогуба и д-ра Уайнса, которые вдвоемъ были дѣятельными виновниками того, что конгрессъ состоялся, нельзя не упомянуть майора Дю-Кэна, сэра Вальтера Крофтона, барона Гольцендорфа, Стевенса, графа де-Фореста, доктора Гильома, барона Макэя, Бельтрани Скаліа.

Маіоръ Дю-Кэнъ, инспекторъ военныхъ и гражданскихъ тюремъ Англіи, со всею силою глубокаго и прочнаго убѣжденія представлялъ выгоды и удобства принятой въ Англіи системы. Но онъ съ нѣсколько преувеличенною исключительностью отвергаетъ возможность вліянія человѣка на человѣка, признавая, въ дѣлѣ исправленія преступника, только значеніе труда и строжайшаго порядка.

Сэръ Вальтеръ Крофтонъ, творецъ ирландской системы заключенія, съ такою же точно силою убѣжденія выставлялъ на общее сужденіе свою систему, приписывая, впрочемъ, опять нѣсколько преувеличенное значеніе, въ дѣлѣ исправленія преступника, бесѣдамъ патеровъ и грамотности. Благотворное вліяніе религіи и просвѣщенія несомнѣнно; но нельзя приписывать слишкомъ боль-

Digitized by Google

шой исправительной силы нѣсколькимъ бесѣдамъ патера въ тюрьмѣ и первой ступени просвѣщенія, грамотности.

Бельгійскіе представители, какъ Стевенсъ и Ван-де-Вейеръ, и частію германскіе, какъ Экгардтъ, издатель тюремнаго журнала, и Штейманъ, стояли за исключительно одиночное заключеніе и съ большимъ талантомъ защищали принятую у нихъ систему. Отживающее свой короткій вѣкъ безусловно-одиночное заключеніе было представляемо ими, какъ лучшая изъ системъ, до которой дошло человѣчество. Иныхъ воззрѣній отъ нихъ ожидать не слѣдовало, такъ какъ они сами или проводили эту систему въ своихъ законодательныхъ собраніяхъ, или приводили ее въ исполненіе. Чтобы теперь отказаться отъ нея, нужно очень большое гражданское мужество, или, можетъ быть, менѣе исключительное посвященіе себя въ теченіе многихъ лѣтъ неизмѣнно одному и тому же дѣлу. Впрочемъ, надо замѣтить, что постепенно вводимыя въ строго-одиночную систему видоизмѣненія и допускаемыя на практикѣ отступленія до такой степени значительны, что она потеряла свой суровый, строгій, только по теоріи остающійся за ней характеръ.

Пренія конгресса въ первые восемь дней имѣли хотя значительный, но очень отвлеченный интересъ; въ остальные два дня они обращены были на разборъ системъ заключенія. О способѣ заключенія, при которомъ арестанты содержатся въ многолюдныхъ общихъ камерахъ безъ обязательныхъ работъ, рѣчи не было, такъ какъ въ этомъ способѣ не замѣчается никакихъ признаковъ системы. Возможенъ былъ споръ по поводу двухъ только системъ, заслуживающихъ это названіе: 1) одиночное заключеніе съ работами въ кельяхъ (целлюлярная система), и 2) ночное только разъединеніе арестантовъ, съ общими работами въ мастерскихъ или на открытомъ воздухѣ и съ соблюденіемъ молчанія во время работы (англійская и ирландская системы). Защитниками первой системы были Стевенсъ, инспекторъ тюремъ въ Бельгіи, голландцы, а за ними представители отъ Германіи, Штейманъ и Экгардтъ. За вторую систему ратовали сэръ Вальтеръ Крофтонъ и майоръ Дю-Кэнъ.

Сторонники одиночнаго заключенія утверждаютъ, что важнѣйшее зло тюрьмы состоитъ въ томъ вредномъ вліяніи, какое имѣютъ арестанты другъ на друга, и что этого вліянія, неизбѣжнаго при общихъ работахъ, можно избѣгнуть только при постоянномъ разъединеніи. Молчаніе во время работъ, говорятъ они, не соблюдается, и преступники, постоянно работая вмѣстѣ, по возвращеніи своемъ на свободу сходятся, развращаютъ одинъ

Digitized by Google

другого, рѣшаются сообща на самыя отчаянныя преступленія, и по истеченіи весьма непродолжительнаго времени опять попадаютъ въ тюрьму. Защитники увѣряютъ, что всѣ нападки на целлюлярную систему несправедливы, что состояніе здоровья арестантовъ въ одиночныхъ тюрьмахъ вполнѣ удовлетворительно, что случаи умопомѣшательства въ Лувэнской тюрьмѣ, гдѣ арестанты строго разъединены, отнюдь не чаще, нежели въ Гентѣ, гдѣ арестанты находятся въ общихъ камерахъ. Опровергая главныя нападенія на одиночную систему, защитники ея утверждаютъ, что она должна примѣняться съ слѣдующими видоизмѣненіями: 1) не налагать безчеловѣчной кары бездѣйствія, а допустить работы, причемъ одиночныя кельи отнюдь не считаются препятствіемъ не только для производства работъ, но и для обученія разнымъ ремесламъ тѣхъ изъ арестантовъ, которые поступили въ тюрьму не зная ремесла; 2) устроить правильныя школы, такъ чтобы преподаваніе слышно было цѣлому классу, но чтобъ арестанты не видѣли другъ друга, а помѣщались въ отдѣльныхъ нишахъ, точно также, какъ и при богослуженіи; 3) дозволять прогулки и хозяйственныя работы всѣмъ или многимъ арестантамъ вмѣстѣ, но надѣвать имъ на это время капюшоны съ отверстіями для глазъ, такъ чтобъ они, работая или гуляя вмѣстѣ, другъ друга не видѣли, а по возвращеніи на свободу не подчиняли вредному своему вліянію тѣхъ изъ товарищей, которые по слабости характера легко подражаютъ дурному примѣру; 4) требовать, чтобы начальникъ тюрьмы, его помощники и священникъ какъ можно чаще заходили въ кельи, бесѣдовали съ преступниками, объясняли имъ весь вредъ совершеннаго ими преступленія и необходимость исправиться, чтобы вернуться на свободу въ общество полезными дѣятелями. Такимъ образомъ, преступникъ въ одиночномъ заключеніи подверженъ только хорошему нравственному вліянію начальства и духовенства, и совершенно застрахованъ отъ дурного вліянія товарищей.

Стоимость тюремъ одиночнаго заключенія весьма значительна. Такъ, тюрьма въ Лувэнѣ обошлась въ 5,000 франковъ на каждаго арестанта, Моабитъ—до 1,000 таллеровъ. Но защитники одиночной системы возражаютъ на это, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ исправленіе порочныхъ людей и возвращеніе обществу вмѣсто нихъ честныхъ гражданъ,—не слѣдуетъ останавливаться ни передъ какими издержками, и что въ святомъ дѣлѣ меркантильныя соображенія неумѣстны.

Противники одиночнаго заключенія приводятъ не менѣе убѣдительные доводы противъ этой системы. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя

Digitized by Google

не согласиться, что строго одиночное заключеніе дѣйствуетъ на человѣка чрезвычайно сильно, такъ что приложенное съ надлежащею строгостью, оно можетъ не только заставить одуматься человѣка, закружившагося въ вихрѣ безпорядочной жизни, но и сломить волю, самую закаленную въ порокѣ и злодѣяніяхъ. Далѣе затѣмъ, одиночное заключеніе оказывается крайне противуестественнымъ. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, злая воля преступника и дурныя его наклонности поставлены въ невозможность совершить что-либо вредное. Но съ возвращеніемъ къ свободной жизни найдетъ ли онъ гдѣ-нибудь обстановку, соотвѣтственную стѣнамъ одиночной тюрьмы? Онъ будетъ предоставленъ собственной волѣ: стало быть, необходимо пріучить его въ тюрьмѣ умѣть ею распоряжаться. Если работающіе вмѣстѣ арестанты говорятъ иногда между собою, то этого неудобства трудно избѣжать и при одиночной системѣ, когда они работаютъ закрытые капюшонами, или сидятъ въ школѣ или въ церкви въ деревянныхъ нишахъ, расположенныхъ рядами. Кто знаетъ арестанта, кто знаетъ это бѣдное существо, смотрящее враждебно на всѣхъ, кто только не арестантъ,—на сторожей, на начальниковъ, на священниковъ, тотъ увѣренъ, что капюшонъ плохая защита отъ дурныхъ совѣтовъ, и что тоскующіе въ одиночномъ заключеніи, благодаря своей изощренной изобрѣтательности, непремѣнно найдутъ средства переговариваться, какъ только явится къ тому малѣйшая возможность. Если, дѣйствительно, умопомѣшательство въ лувенской тюрьмѣ стало не чаще, нежели при работѣ арестантовъ въ общихъ мастерскихъ, то это слѣдуетъ приписать не свойствамъ одиночнаго заключенія, а тому, что въ новѣйшее время строгость его значительно смягчена работою и обученіемъ. Если эта система допускаетъ и работы, и обученіе, то она уже безконечно далеко уклонилась отъ первоначальной своей мысли, не достигнувъ однако же другой цѣли. Опытъ показалъ, въ самомъ дѣлѣ, что при большихъ усиліяхъ можно устроить мастерскія и въ одиночной тюрьмѣ, въ довольно значительныхъ размѣрахъ; но тутъ встрѣчается множество затрудненій: мастеръ, обучающій ремеслу, принужденъ терять время на переходъ изъ кельи въ келью; арестанты не пользуются уроками, даваемыми ихъ товарищамъ; издержки на обзаведеніе ста одиночныхъ мастерскихъ несравненно выше обзаведенія одной большой общей мастерской на сто человѣкъ, а вслѣдствіе этого онѣ не могутъ дать тѣхъ выгодныхъ въ денежномъ отношеніи результатовъ, которые могутъ быть достигнуты въ общихъ мастерскихъ.

Digitized by Google

Капюшоны съ отверстіями для глазъ вовсе не такъ сильно разъединяютъ арестантовъ, чтобъ они не могли ни говорить между собою, ни опознаться, если потомъ встрѣтятся на свободѣ. Что касается до нравоучительныхъ бесѣдъ начальства и священниковъ, то это слѣдуетъ признать не болѣе, какъ мечтою. Въ лувенской тюрьмѣ на 600 арестантовъ полагается по штату одинъ начальникъ, два помощника его, два священника и по одному сторожу на 25 арестантовъ. Надо полагать, что посѣщеніе сторожей, и не особенно вредное арестантамъ, не можетъ однакоже принести осязательной пользы для ихъ исправленія. Затѣмъ остается только пять лицъ, посѣщенія которыхъ не могутъ быть такъ часты, чтобы принести дѣйствительную пользу. Если съ открытіемъ и закрытіемъ двери и съ переходомъ изъ одной кельи въ другую положить на каждаго арестанта по десяти минутъ, то каждое изъ лицъ тюремной администраціи можетъ посѣтить въ сутки, при десятичасовомъ трудѣ, только 60 арестантовъ, такъ что не болѣе половины всѣхъ заключенныхъ будетъ каждый день посѣщено. Но это не можетъ быть сдѣлано съ пользой. Кромѣ того, что десятиминутная бесѣда не можетъ считаться достаточною, чтобы серьезно повліять на преступника, всякій испытавшій такого рода бесѣды знаетъ очень хорошо, какъ трудно переговорить даже съ двадцатью пятью только человѣками сряду. Ежели очень сильный человѣкъ и выдержитъ такое напряженіе силъ, то можно безошибочно поручиться, что двадцать-шестому арестанту онъ скажетъ нѣчто въ родѣ того, что онъ самъ несетъ каторжный трудъ несравненно тяжеле всякаго каторжника. Для того, чтобы наставленіе было сколько-нибудь живо, задушевно, чтобъ оно не было однимъ только формальнымъ исполненіемъ обязанности, человѣкъ долженъ потратить на него нѣкоторую долю нервной дѣятельности, которая, при разнообразіи характеровъ арестантовъ, при необходимости примѣнять содержаніе бесѣды къ обстоятельствамъ жизни каждаго изъ нихъ и къ характерамъ, можетъ издержаться на десятомъ или, много, на двадцатомъ арестантѣ.

Американцы съ этимъ до такой степени согласны, что въ тѣхъ одиночныхъ тюрьмахъ, гдѣ признаны полезными посѣщенія преступниковъ и увѣщанія ихъ въ кельяхъ, допускаются всѣ лица, изъявившія желаніе помочь дѣлу улучшенія арестантовъ. Но въ этихъ добровольныхъ проповѣдникахъ оказываются большія неудобства. Такого рода дѣятельности посвящаютъ себя лица съ самыми разнообразными филантропическими взглядами и религіозными убѣжденіями, такъ что иной арестантъ или выслуши-

Digitized by Google

ваетъ въ недѣлю проповѣди семи различныхъ сектаторовъ, отыскивающихъ себѣ прозелитовъ по тюрьмамъ, или слышитъ ученія, вовсе несогласныя съ тюремными порядками и дисциплиною.

Что касается, наконецъ, до послѣдняго довода защитниковъ одиночнаго заключенія, увѣряющихъ, будто при исправленіи порочныхъ людей не слѣдуетъ принимать въ соображеніе стоимости тюремъ, то несостоятельность этого мнѣнія очевидна. Дороговизна построекъ иногда не даетъ возможности осуществить тюремную реформу, какъ бы она ни была желательна и хорошо обдумана. Такъ, Франція въ 1846-мъ году принуждена была пріостановить постройку предположенныхъ тюремъ по недостатку средствъ, и потому вся реформа до сихъ поръ еще не кончена. Точно также у насъ, если бы четыре милліона рублей, имѣющихся въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ, истрачены были на постройку тюремъ одиночнаго заключенія, то получилось бы не болѣе четырехъ или пяти тюремъ, достаточныхъ только на незначительную часть всего числа арестантовъ, содержаніе которыхъ лежитъ на нашемъ бюджетѣ.

Вообще же объ одиночной системѣ въ томъ видѣ, какъ она теперь принята въ нѣкоторыхъ государствахъ, надобно замѣтить, что и она разсчитываетъ только на трудъ, какъ на исправительную силу, а нравственное вліяніе лицъ, посѣщающихъ тюрьму, принимается въ качествѣ административной мечты, которая однакоже ничему не вредитъ.

IV.

Въ англійскихъ тюрьмахъ въ принципѣ допускается возможность нравственнаго вліянія начальства и священниковъ; въ тюрьмахъ ирландскихъ за этимъ вліяніемъ признается весьма значительная сила. По англійской и по ирландской системамъ принято, что преступникъ, осужденный судомъ на долгосрочное тюремное заключеніе (не менѣе пяти лѣтъ), долженъ начать съ того, чтобы отбыть суровый искусъ въ одиночномъ заключеніи, и именно не менѣе девяти мѣсяцевъ. Этотъ срокъ предполагается необходимымъ, чтобы сломить злую волю преступника. Первые три мѣсяца заключенія въ Ирландіи особенно тяжелы, потому что въ это время крайне умѣренная арестантская діэта ограничена совершеннымъ лишеніемъ мясной пищи. Сэръ Вальтеръ Крофтонъ полагаетъ даже, что мяса не слѣдуетъ имъ давать цѣлые восемь мѣсяцевъ и кормить лишь настолько, чтобы были

Digitized by Google

живы; онъ считаетъ, что совершенно достаточно будетъ, если болѣе питательная діэта допущена будетъ только въ послѣдній мѣсяцъ передъ приступомъ къ болѣе тяжелымъ общимъ работамъ. Сверхъ того, онъ требуетъ, чтобы въ одиночной тюрьмѣ арестантъ не обучался никакому новому для него ремеслу, во-первыхъ, потому, что заключеніе въ кельѣ назначается собственно на то, чтобы произвести на человѣка подавляющее впечатлѣніе, а ученіе новому ремеслу даетъ ему слишкомъ много развлеченія и безпрестанные разговоры съ обучающимъ мастеромъ; а во-вторыхъ, потому, что послѣ перехода къ общественнымъ работамъ, большею частію производящимся на открытомъ воздухѣ, человѣкъ забываетъ пріобрѣтенное ремесло, потому что возитъ землю, дѣлаетъ кирпичи, обтесываетъ камни и т. д. Поэтому, въ одиночной тюрьмѣ люди, незнающіе никакого рукодѣлья, занимаются только расщипываніемъ пеньки, а работаетъ что-нибудь другое только тотъ, кто знаетъ ремесло.

По отбытіи девятимѣсячнаго одиночнаго срока, арестантъ переводится въ другую тюрьму, исправительную. Исправительное значеніе тюрьмы стоитъ на первомъ планѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ англійскія колоніи отказались принимать къ себѣ каторжниковъ-поселенцевъ, правительству пришлось озаботиться средствами къ возвращенію въ общество преступниковъ, отбывшихъ постановленные судебными приговорами сроки, да, сверхъ того, къ удостовѣренію общества въ томъ, что выпущенные изъ тюремъ въ самомъ дѣлѣ исправились. Иначе общество мало-по-малу наполнялось бы отверженцами, крайне опасными какъ по первоначальной своей испорченности, такъ и еще болѣе потому, что ни одинъ фабрикантъ, ни одинъ ремесленникъ, ни одинъ фермеръ не давали бы занятій бывшимъ каторжникамъ.

Признано полезнымъ въ этихъ цѣляхъ, чтобы всѣ арестанты проводили въ кельяхъ ночь, время обѣда и отдыха, а за работой, въ школѣ, въ церкви, въ лазаретѣ оставались бы вмѣстѣ. Предполагается, по выраженію капитана Мэконохи, что къ жизни въ обществѣ человѣкъ можетъ готовиться только въ обществѣ себѣ подобныхъ. Затѣмъ положено, что только трудомъ арестантъ можетъ искупить свою вину передъ обществомъ, и что тотъ же усиленный трудъ возстановляетъ человѣка и даетъ ему привычку къ добропорядочной жизни. Ирландская система прибавляетъ къ этому требованіе отличнаго поведенія и старанія въ школѣ.

Для достиженія возможно болѣе напряженнаго труда, какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи примѣнена изобрѣтенная капитаномъ Мэконохи система марокъ или отмѣтокъ. Въ англійскихъ

Digitized by Google

тюрьмахъ арестантъ долженъ заслужить въ каждый день усердной и исправной работы 6-ть балловъ, не менѣе. Отъ лѣности, нерадѣнія, дурного поведенія эта отмѣтка можетъ быть уменьшена, и тогда арестантъ подвергается наказанію. За особенно усиленную работу отмѣтка можетъ быть возвышена, но не болѣе какъ на 2 балла. Къ этимъ двумъ прибавочнымъ баллам стремятся всѣ помышленія и старанія арестантовъ. За три дня очень ретивой работы арестантъ можетъ заработать шесть прибавочныхъ балловъ, соотвѣтствующихъ полному дню труда: на этотъ день уменьшается весь срокъ его заключенія въ исправительной тюрьмѣ. Три новые дня усиленной работы, при отличномъ поведеніи, могутъ опять дать ему по два прибавочные балла въ день, всего еще шесть балловъ, сокращающихъ срокъ заключенія еще на одинъ день. Во сто рабочихъ дней онъ *долженъ* заработать 600 балловъ, а особенно усердною работой *можетъ* заслужить еще по два балла въ день, 200 балловъ, равняющихся (200 : 6) тридцати тремъ рабочимъ днямъ. На это число заработанныхъ прибавочными баллами дней уменьшается постановленный судомъ срокъ заключенія. Такимъ образомъ, арестанту предоставлено самому, если онъ хочетъ, сократить свой срокъ заключенія, но ни въ какомъ случаѣ не болѣе, какъ на одну четверть. Ежедневно надзиратель, которому порученъ арестантъ, отмѣчаетъ число заработанныхъ балловъ, еженедѣльно число это переносится въ особую книгу, и сумма выработанныхъ нормальныхъ балловъ, вмѣстѣ съ суммою прибавочныхъ, въ концѣ каждой трети вывѣшивается на особой таблицѣ въ кельѣ арестанта.

Въ девять мѣсяцевъ строгаго одиночнаго заключенія, которыми начинается исполненіе судебнаго приговора, никакихъ отмѣтокъ не полагается. Въ остальные три мѣсяца перваго года арестантъ долженъ заработать или выкупить трудомъ не менѣе 540 балловъ; затѣмъ, если онъ приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію, ему остается до срока четыре года, въ которые онъ обязанъ заработать не менѣе 6-ти балловъ въ каждый изъ 365-ти дней каждаго года, или 2,190 балловъ въ годъ, а въ четыре года 8,760 балловъ. Вмѣстѣ съ 540 баллами за первые три мѣсяца, это составитъ сумму въ 9,300 балловъ, которые долженъ заработать арестантъ, приговоренный на пять лѣтъ тюремнаго заключенія. Съ самаго перехода изъ одиночной тюрьмы въ исправительную, онъ имѣетъ въ виду эту рѣшительную цифру. Во что бы ни стало, надо ее отработать, и не какимъ, а усиленнымъ, усерднымъ трудомъ. Въ случаѣ лѣности

Digitized by Google

арестанта ожидаетъ опять одиночное заключеніе на нѣсколько дней, сокращеніе порціи до одного фунта хлѣба въ день и кружки воды, и тѣлесное наказаніе. Напротивъ, въ случаѣ большого усердія, вмѣстѣ съ хорошимъ поведеніемъ, онъ можетъ заработать ежедневно столько прибавочныхъ балловъ, что срокъ его заключенія значительно сократится, но ни-въ какомъ случаѣ не болѣе какъ на четверть всего срока.

Начальники англійскихъ тюремъ очень довольны этою системою. Они находятъ, что такимъ образомъ человѣкъ вѣрнѣе всего исправляется. Награда въ видѣ сокращенія срока заключенія и страхъ потери нѣкотораго количества уже заработанныхъ балловъ, повидимому, весьма достаточны для того, чтобы возбуждать въ арестантахъ охоту къ усердной работѣ и предупреждать слишкомъ частыя нарушенія дисциплины.

Ближайшіе надзиратели проставляютъ ежедневно эти отмѣтки въ рабочей книгѣ, но ихъ начальство внимательно слѣдитъ, чтобы отмѣтки проставлялись правильно. Старшіе надзиратели и помощники директора тюрьмы часто просматриваютъ рабочія книжки и въ случаѣ нужды выслушиваютъ жалобы, приносимыя арестантами на пристрастіе въ опредѣленіи балловъ.

Другое поощреніе, не менѣе дѣйствительное, заключается въ томъ, что арестантамъ отчисляется нѣкоторая заработная плата. Для этого дѣлятся они на классы. Изъ одиночной тюрьмы арестантъ поступаетъ, на остальные три мѣсяца своего перваго года, въ разрядъ испытуемыхъ. Здѣсь онъ не получаетъ никакого заработка, но долженъ работать отлично, и переводится въ слѣдующій разрядъ только за такую работу, которая опредѣляется не менѣе, какъ восемью баллами, и заработать въ 90 дней не менѣе 720 балловъ. Только послѣ усердной работы онъ переводится въ третій разрядъ, гдѣ обязанъ заработать не менѣе 2,920 балловъ (считается по 8 балловъ въ день на 8 мѣсяцевъ). За отличную работу въ этомъ разрядѣ, въ его пользу записывается за каждый мѣсяцъ въ 240 балловъ по одному шиллингу (33 коп. сер.). Онъ можетъ заработать такимъ образомъ до 12 шиллинговъ (3 р. 96 к.).

Потомъ онъ переводится во второй разрядъ, гдѣ долженъ заработать также 2,920 балловъ, и тогда получаетъ по полтора шиллинга въ мѣсяцъ (50 к.). Здѣсь весь его заработокъ можетъ дойти до 18 шиллинговъ (6 р. 30 к.). Усердною работою, онъ заслуживаетъ переходъ въ первый разрядъ, гдѣ получаетъ за каждые 240 мѣсячныхъ балловъ по два съ половиною шиллинга (83 к.). Въ этомъ первомъ разрядѣ арестантъ остается столько

Digitized by Google

времени, сколько приходится отсидѣть въ тюрьмѣ, за исключеніемъ послѣдняго года, на который за отличное поведеніе въ первомъ разрядѣ, онъ перечисляется въ разрядъ спеціальный, гдѣ, кромѣ заработка перваго разряда, онъ можетъ заслужить еще прибавочныхъ денегъ до трехъ фунт. стерл. (23 р.). Какъ ни незначительны такіе заработки, они считаются однакоже достаточными для поощренія труда арестанта, а въ особенности для того, чтобы онъ, при выпускѣ изъ тюрьмы, имѣлъ возможность просуществовать до пріисканія работы, а также купить инструменты, необходимые для ремесла, усвоеннаго арестантомъ въ тюрьмѣ. На обученіе ремесламъ обращается большое вниманіе, и разнообразныя работы даютъ возможность къ развитію очень большого количества ремеслъ.

Работы производятся вмѣстѣ преимущественно государственныя, постройка укрѣпленій для инженернаго вѣдомства и доковъ для морского. При этомъ соблюдается молчаніе, т.-е. запрещаются всякіе посторонніе разговоры, но дозволяется говорить о предметахъ, относящихся до производимыхъ работъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ работъ, арестанты присутствуютъ при богослуженіи, по окончаніи котораго священникъ говоритъ краткое поученіе.

Вечеромъ же неграмотные, т.-е. неумѣющіе читать, писать и незнающіе правилъ ариѳметики, обучаются въ школѣ.

Нравственная сторона арестантскаго быта не принимается въ соображеніе. По мнѣнію руководителей англійской системы, преступникъ въ тюрьмѣ не можетъ вести себя дурно, такъ какъ у него совершенно отнята возможность дѣлать что-либо несогласное съ правилами, опредѣляющими порядокъ содержанія въ тюрьмѣ. Что же касается до выраженія своего раскаянія передъ начальствомъ или передъ духовными лицами, которыя обязаны дѣлать преступникамъ поученія, то англійская система имъ не довѣряетъ. Она полагаетъ, что слишкомъ часто закоренѣлые преступники пользуются мягкостью начальства и духовенства, чтобъ обманывать ихъ притворнымъ раскаяніемъ.

Такимъ образомъ, только трудомъ, однимъ усиленнымъ трудомъ, преступникъ выкупаетъ совершонное имъ преступленіе; причемъ выкупъ совершается ежедневно.

Digitized by Google

V.

Выкупивъ усердною работой одну четвертую часть времени, назначеннаго на тюремное заключеніе, арестантъ отпускается на свободу съ особымъ паспортомъ или отпускнымъ билетомъ, называемымъ *ticket of leave,* дающимъ ему полную возможность перемѣнять мѣсто своего пребыванія, причемъ онъ только обязанъ предъявлять означенный паспортъ полиціи той мѣстности, гдѣ онъ поселяется.

«Ticket of leave» есть дѣйствительно отпускной билетъ; бывшій арестантъ считается какъ-бы въ отпуску: если онъ совершитъ что-либо несогласное съ полицейскими постановленіями, то полиція въ правѣ тотчасъ представить его мировому судьѣ, который возвращаетъ его въ тюрьму на все то время, которое ему осталось досидѣть, то-есть, какъ-бы отбираетъ у него всѣ заработанные прибавочные баллы. Этимъ вполнѣ удовлетворяется правосудіе, въ томъ смыслѣ, что тяжесть судебнаго приговора не снимается съ преступника, несмотря ни на какую работу въ тюрьмѣ: за ничтожный проступокъ, даже за знакомство съ подозрительными людьми ticket of leave отнимается.

Съ самаго начала, при введеніи этой системы, на нее много было нападокъ; говорилось, что тюремное начальство не можетъ перерѣшать судебныхъ постановленій; но практика и строгое примѣненіе полицейскаго надзора заставили общество примириться съ условными отпусками.

Необходимое дополненіе англійской системы, безъ котораго въ сущности она совершенно невозможна, составляютъ общества попеченія надъ выпущенными арестантами, добровольно составившіяся для того, чтобы поддержать первые шаги человѣка при вступленіи его въ свободную жизнь, доставить ему мѣсто и работу.

Въ 1871-мъ году половина всѣхъ бывшихъ преступниковъ и $^2/_3$ всѣхъ преступницъ были подъ попеченіемъ этихъ обществъ.

Ирландская система въ сущности основана совершенно на тѣхъ же началахъ, какъ и англійская; вся разница заключается въ томъ, что передъ выпускомъ на свободу, съ особымъ отпускнымъ билетомъ, преступники проводятъ послѣдніе шесть мѣсяцевъ срока, на который они приговорены, въ особой тюрьмѣ, въ полусвободномъ состояніи, которое даетъ имъ возможность приготовиться, послѣ строгости тюремной жизни, къ свободѣ. Впрочемъ и англійская система приняла почти такую же мѣру, учредивъ для женщинъ особые дома призрѣнія, въ которыхъ

Digitized by Google

женщины хотя и содержатся съ меньшею строгостью, чѣмъ въ ирландскихъ полусвободныхъ тюрьмахъ, но тѣмъ не менѣе подчинены также извѣстной дисциплинѣ.

Такимъ образомъ, сущность какъ англійской, такъ ирландской системы, весьма близко другъ къ другу подходящихъ, заключается въ слѣдующемъ: 1) Первоначально въ характерѣ преступника совершается переломъ, достигаемый девятимѣсячнымъ одиночнымъ заключеніемъ. 2) Ночь и свободное отъ занятій время арестанты проводятъ въ отдѣльныхъ кельяхъ и работаютъ всѣ вмѣстѣ. 3) Преступникъ исправляется исключительно работой, при помощи которой онъ выкупаетъ до 1/4 части срока, на который онъ приговоренъ. 4) При выпускѣ, онъ увольняется по особому паспорту, съ тѣмъ, что за проступокъ можетъ быть снова административнымъ порядкомъ возвращенъ въ тюрьму. 5) Какъ въ высшей степени важное, можно сказать необходимое подспорье,—общества для покровительства освобожденнымъ преступникамъ, направляющія ихъ первые шаги при выпускѣ на свободу.

Система работъ арестантовъ вмѣстѣ, при соблюденіи молчанія, даетъ возможность обучать ихъ разнымъ мастерствамъ и, при помощи благоразумной бережливости, не только покрываетъ всѣ издержки по содержанію тюремъ, но даже даетъ значительный доходъ.

Три большія исправительныя тюрьмы въ Портландѣ, Портсмутѣ и Чатамѣ заработали правительству 149,000 фун. стерл. (1.117,000 руб.) въ 1871-мъ году, не считая въ этой суммѣ работъ хозяйственныхъ: хлѣбопеченья, варки пищи, стирки и т. п. Обошлись эти тюрьмы въ томъ же 1871-мъ году 131,000 фун. (982,500 руб.), считая въ томъ числѣ и всѣхъ тѣхъ арестантовъ, которые по болѣзни или вслѣдствіе наказаній въ карцерѣ не могли принять участія въ работахъ, а также и деньги, которыя выдаются арестантамъ, какъ пособіе на первое время ихъ жизни на свободѣ. Такимъ образомъ, вышеозначенныя три тюрьмы дали 17,000 фунт. стерл. (127,000 руб.) дохода въ 1871-мъ году.

Англійская и ирландская системы одинаково отвергаютъ одиночное заключеніе на долгіе сроки, допуская его только или для краткосрочныхъ арестантовъ, или для того, чтобы сломить волю преступника въ теченіе перваго періода долгосрочнаго заключенія.

Повидимому, англійская и ирландская системы вполнѣ достигаютъ своей цѣли, такъ какъ общее число преступниковъ въ послѣднее время замѣтно уменьшилось, хотя, надо признаться, число рецидивистовъ уменьшилось не въ той же благопріятной

Digitized by Google

степени, и, можетъ быть, относительно, даже нѣсколько увеличилось; но майоръ Дю-Кэнъ говоритъ, что если уже тюрьмы непремѣнно должны наполняться, то пусть лучше то же населеніе возвращается въ тюрьму нѣсколько разъ, нежели постоянно прибываетъ новое, а мы именно этого и достигли, уменьшивъ число вновь поступающихъ въ тюрьмы. Такъ въ каждый годъ пятилѣтія—

оканчивающагося	1859	годомъ поступило	3,042	челов.
„	1864	„ „	3,109	„
„	1869	„ „	2,587	„
Въ	1870	году „	2,015	„
„	1871	„ „	1,818	„

Точно также уменьшилось, хотя не въ столь значительной пропорціи, и число приговоренныхъ въ краткосрочныя тюрьмы. Каждый годъ пятилѣтія—

оканчивающагося	1859	годомъ, далъ по	12,536	краткосроч. арес.	
„	1864	„ „ „	11,406	„	„
„	1869	„ „ „	12,058	„	„
Въ	1870	году ихъ было	10,908	„	„
„	1871	„ „ „	10,083	„	„

Эти цифры даютъ блистательное подтвержденіе разумности и пригодности англійской тюремной системы: общія усиленныя работы днемъ съ ночнымъ разъединеніемъ арестантовъ составляютъ, какъ кажется, именно ту систему, по которой наиболѣе вѣроятно исправленіе преступника.

Разсматривая системы тюремнаго заключенія, нельзя не замѣтить, что во многихъ государствахъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи, Голландіи, Бельгіи, Германіи, Швейцаріи, достигнуты весьма замѣчательные результаты въ дѣлѣ устройства тюремъ различныхъ системъ, но нигдѣ до сихъ поръ не было составлено общаго плана всѣхъ родовъ заключенія сообразно съ различными законодательствами каждаго изъ государствъ. На общій планъ всѣхъ мѣстъ заключенія конгрессъ не обратилъ достаточнаго вниманія.

Въ нѣкоторыхъ странахъ потрачены огромныя средства на исправительныя учрежденія, а не устроены нисколько краткосрочныя тюрьмы и помѣщенія для лицъ, находящихся подъ судомъ и слѣдствіемъ.

Во многихъ государствахъ положеніе полицейскихъ арестантовъ самое жалкое. Съ другой стороны, только въ Англіи сильно развиты общества для попеченія надъ выпущенными изъ тюремъ; эти общества только начинаютъ развиваться во Франціи, Бельгіи, Швейцаріи и другихъ государствахъ.

Digitized by Google

Въ этомъ дѣлѣ должна быть установлена надлежащая соразмѣрность: нельзя устроить какую-нибудь одну часть, не обращая вниманія на все остальное. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему послужитъ наилучшимъ образомъ устроенная тюрьма исправительная, на которую правительство дѣлаетъ большія затраты, чтобъ исправлять преступниковъ, въ сущности испорченныхъ совершеннымъ неустройствомъ тюремъ краткосрочнаго заключенія? Точно также, къ чему послужитъ цѣлая система отлично устроенныхъ тюремъ, если человѣкъ, выдержавшій свой продолжительный срокъ тюремнаго заключенія, при выходѣ на свободу не найдетъ поддержки со стороны общества, которое должно всѣми силами помогать человѣку оставаться на пути труда, честности и добра. Наконецъ, если есть и отлично устроенныя тюрьмы, и общества попеченія надъ выпущенными изъ тюремъ арестантами, то все это весьма хорошія лекарства противъ болѣзней, которыя несравненно лучше и вѣрнѣе могутъ быть побѣждаемы ранѣе своего развитія мѣрами предупредительными: обществами, содержащими пріюты для бездомныхъ и впавшихъ въ преступленія дѣтей; безъ этихъ пріютовъ съ значительною долею справедливости укоръ за преступленія бывшаго бездомнаго ребенка, пришедшаго въ зрѣлый возрастъ на улицѣ, безъ всякаго призора, среди самыхъ дурныхъ примѣровъ, съ него снимается и переносится на самое общество.

Тюрьмы для краткосрочныхъ арестантовъ, находящіяся въ Англіи подъ вѣдѣніемъ мѣстныхъ учрежденій, въ графствахъ устроены неудовлетворительно: преступники содержатся въ общихъ камерахъ, съ усиленіемъ ихъ наказанія такъ-называемымъ tread-mill, родъ привода къ мельницѣ, гдѣ арестанты въ продолженіе трехъ часовъ въ сутки должны своими ногами приводить въ движеніе механизмъ.

Все остальное время арестанты остаются вмѣстѣ и имѣютъ полную возможность вредно дѣйствовать другъ на друга.

До какой степени вліяніе это дѣйствительно вредно, видно изъ того, что въ англійскихъ тюрьмахъ встрѣчаются арестанты, до двадцатилѣтняго возраста четырнадцать разъ бывшіе въ тюрьмѣ, сроками отъ 15-и дней до 6-ти мѣсяцевъ. Такія несчастныя жертвы неустройства краткосрочныхъ тюремъ непремѣнно должны кончить свою жизнь въ исправительной тюрьмѣ: такова участь, приготовленная имъ краткосрочными тюрьмами.

Необходимость преобразованія краткосрочныхъ тюремъ вполнѣ сознается въ Англіи, и хотя онѣ попрежнему остаются на иждивеніи и въ распоряженіи графствъ, но тѣмъ не менѣе централь-

Digitized by Google

ная администрація тюремъ призывается ими во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда необходимы совѣты спеціалистовъ для устройства или передѣлки какой-либо изъ тюремъ.

Для Лондона уже устроена краткосрочная тюрьма *Halloway*, въ которой приняты мѣры, чтобъ преступники въ ней не развращались, какъ въ остальныхъ подобныхъ тюрьмахъ Англіи.

Галловейская тюрьма построена для одиночнаго заключенія четырехсотъ арестантовъ. Она окончена въ 1866-мъ году, и соединяетъ въ себѣ, относительно размѣщенія, освѣщенія, отопленія и вентиляціи, всѣ новѣйшія улучшенія и изобрѣтенія. Въ ней содержатся арестанты отъ двухъ дней до двухъ лѣтъ; но несмотря на чисто целлюлярную ея постройку, преступники остаются въ кельяхъ только ночью, а днемъ во время отдохновенія и часовъ, предназначенныхъ для пищи. Все остальное время они работаютъ въ общихъ мастерскихъ, столярной, шорной, швальной, сапожной и т. п., а также на небольшомъ кирпичномъ заводѣ, такъ какъ случайно въ самой оградѣ тюрьмы оказалась глина, годная для выдѣлки кирпича, цѣна на который нынѣ въ Лондонѣ весьма высока.

Но порядокъ установленный въ этой тюрьмѣ не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ: самое названіе *исправительнаго* дома, данное Галловейской тюрьмѣ, невѣрно, такъ какъ въ два дня исправить человѣка нельзя. Сверхъ того, если уже одиночное заключеніе полезно, то именно для краткосрочныхъ, когда время не позволяетъ заняться исправленіемъ человѣка, и тѣмъ нужнѣе становится удалить его отъ всякаго вреднаго вліянія и знакомства. Нерѣдко убѣжденіе въ томъ, что преступника никто не видѣлъ, можетъ еще удержать его на добромъ пути. Именно въ этомъ случаѣ, когда нельзя надѣяться исправить, надо устрашить, а это достигается отдѣльною кельею весьма удовлетворительно.

На нѣкоторыя не совсѣмъ испорченныя натуры весьма благопріятно могутъ подѣйствовать нѣсколько скучныхъ дней или недѣль безусловнаго одиночества, въ теченіе которыхъ человѣкъ можетъ, такъ сказать, придти въ себя, одуматься.

Одиночное заключеніе для краткосрочныхъ арестантовъ имѣетъ еще ту хорошую сторону, что оно позволяетъ уменьшить сроки заключенія, и, такимъ образомъ, сократить издержки на тюрьмы. Въ то же время по возможности отстраненъ будетъ тотъ недостатокъ, который служитъ всегда довольно основательнымъ поводомъ къ нападкамъ на тюремную систему вообще: чѣмъ короче будетъ заключеніе работника (а бо́льшая часть преступниковъ

Digitized by Google

принадлежитъ къ этому классу людей), тѣмъ скорѣе онъ вернется къ труду, чтобы продолжать кормить свое семейство, иногда состоящее изъ пяти или шести душъ.

Несмотря на означенные недостатки, Галловейская тюрьма, образцовая по способу постройки и порядку содержанія, есть важный шагъ впередъ въ томъ отношеніи, что тутъ сдѣлана попытка для устройства и краткосрочныхъ тюремъ, попытка, которая нынѣ вездѣ находитъ послѣдователей. Съ устройствомъ же краткосрочныхъ тюремъ весь циклъ разныхъ тюремныхъ учрежденій въ Англіи будетъ оконченъ.

Нѣкоторые изъ членовъ тюремнаго конгресса имѣли время для осмотра англійскихъ и ирландскихъ тюремъ; къ этому даны были всѣ средства со стороны правительства чрезъ инспектора военныхъ и гражданскихъ тюремъ майора Дю-Кэна.

Изъ таблицы видны названія англійскихъ тюремъ и ихъ вмѣстимость:

Тюрьмы.		Общихъ помѣщеній.	Одиночныхъ.	Всего.	Карцеровъ.	Лазаретныхъ.	Итого.
Келейныя работы.	Мильбанкъ	140	792	932	—	71	1003
	Пентонвиль	—	1000	1000	4	22	1026
	Пертъ	—	130	130	—	—	130
	Итого	140	1922	2062	4	93	2159
Тюрьмы для общихъ работъ и для слабыхъ арестантовъ.	Портландъ	—	1466	1466	76	86	1628
	Портсмутъ	—	1255	1255	60	33	1348
	Чатамъ	—	1637	1637	74	85	1796
	Итого	—	4358	4358	210	204	4772
	Дартмутъ	296 *)	588	884	29	84	997
	Уокингъ (слабые)	274	300	574	12	150	786
	Брикстонъ (легк. раб.)	—	626	626	15	30	671
	Паркгёрстъ (слабые)	54	443	497	15	44	556
	Итого	624	1957	2581	71	308	2960
	Всѣхъ мужчинъ	764	8237	9001	285	605	9891
Для женщинъ.	Мильбанкъ	186	69	255	30	35	320
	Фульгамъ	—	276	276	15	—	291
	Уокингъ	—	708	708	27	45	780
	Всего женщинъ	186	1052	1239	72	80	1391

*) Къ концу 1872 г. будутъ готовы помѣщенія для полнаго ночного разъединенія арестантовъ.

Digitized by Google

VI.

Въ Англіи тюрьмы для одиночнаго заключенія долгосрочныхъ арестантовъ на первые девять мѣсяцевъ — Пентонвиль, Мильбанкъ, и для Шотландіи—Пертъ.

Онѣ построены еще въ то время, когда знаменитая строго-одиночная система тюремнаго заключенія считалась вполнѣ разрѣшающею тюремный вопросъ. Тюрьма строилась съ звѣздообразнымъ расположеніемъ корридоровъ, которые можно было обозрѣть изъ центра однимъ взглядомъ; на корридоры выходили двери каждой кельи, арестанты содержались въ нихъ безвыходно днемъ и ночью; наказаніе состояло въ полномъ бездѣйствіи и убійственной скукѣ. Тогда предполагалось, что однѣ стѣны могутъ исправить преступника, причемъ онъ лишался даже удовольствія видѣть какое бы то ни было человѣческое лицо, даже своего сторожа, и слышать человѣческій голосъ. Изобрѣтатели этой системы хлопотали о томъ, чтобы возможно меньшее число честныхъ людей тратило свое время на то, чтобы караулить негодяевъ.

Когда исключительно одиночная система была признана несоотвѣтствующею цѣли исправленія арестантовъ и вводилась англійская система, тюрьмы Пентонвиль и Мильбанкъ получили исключительное назначеніе: содержать преступниковъ въ первые девять мѣсяцевъ ихъ заключенія. По самому свойству наказанія, общихъ работъ въ нихъ не допускается: каждый арестантъ занятъ въ своей кельѣ тѣмъ, что относится къ извѣстному ему ремеслу, а кто не знаетъ ремесла, тотъ щиплетъ пеньку.

Въ 1869 году *Пентонвильская* тюрьма заключала въ себѣ всего 800 келій; но признано было необходимымъ увеличить ее на 328 арестантскихъ помѣщеній, такъ что къ 1871 году она состояла изъ 1,128 келій. Вся строительная работа произведена арестантами, переведенными временно изъ другихъ тюремъ, въ которыхъ допускаются общія работы. Далеко однако же не всѣ кельи были заняты: къ 1870-му году въ тюрьмѣ было 780 арестантовъ; въ теченіе года прибывало постепенно 1,522 человѣка, убывало 1,679, такъ что къ концу года осталось 597 человѣкъ. Такія большія перемѣщенія объясняются тѣмъ, что многіе отсиживали свои девяти-мѣсячные сроки и переводились въ другія тюрьмы, на тяжкія или на болѣе легкія работы, смотря по здоровью и другимъ условіямъ; прибывали же люди вновь приговоренные къ долгосрочному тюремному заключенію,

Digitized by Google

или переводились изъ другихъ тюремъ, именно изъ тюремъ общихъ работъ, спеціалисты тѣхъ работъ, которыя въ этой тюрьмѣ производились.

Тюремное населеніе по возрастамъ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ. Старѣе 65-ти лѣтъ было только два арестанта; отъ 55 до 64-хъ лѣтъ включительно 12 человѣкъ; отъ 45-ти до 54-хъ — 39 человѣкъ; отъ 35-ти до 44-хъ — 98 человѣкъ; отъ 25 до 34-хъ — 205; отъ 15 до 24-хъ — 240, и даже одинъ преступникъ моложе 15-ти лѣтъ.

Распредѣленіе тюремнаго времени слѣдующее: зимой и лѣтомъ встаютъ въ 6 часовъ утра, убираютъ и чистятъ кельи, а также сами умываются. Въ $7^1/_2$ час. завтракъ, въ 8 час. молитва въ церкви и краткое поученіе. Въ 9 час. работа. Въ часъ — обѣдъ. Въ 2 часа — опять работа. Въ $5^1/_2$ час. ужинъ. Въ 6 час.—опять работа. Въ $7^3/_4$ незнающіе грамоты идутъ въ школу, потомъ готовятъ постели и въ 9 час. засыпаютъ. Такимъ образомъ, на работу приходится всего 8 час. 15 минутъ, на ѣду 2 часа, на молитву 1 часъ, на прочія занятія $2^3/_4$ часа.

Продовольствіе арестантовъ умѣренное до крайности. Оно разсчитано такъ, чтобы человѣкъ получалъ minimum того, что необходимо ему для поддержанія существованія при работѣ. Прежде арестанты получали пищу несравненно лучшаго качества; но общественное мнѣніе въ началѣ 1860-хъ годовъ возстало противъ тюремной администраціи, которая кормила воровъ и убійцъ лучше, нежели можетъ ѣсть честный работникъ, если онъ обремененъ семействомъ. Въ удовлетвореніе требованіямъ общества, министерство внутреннихъ дѣлъ утвердило въ 1866-мъ году подробное росписаніе порцій разнаго рода арестантовъ. Діэта до такой степени скудна, что арестанты могутъ существовать только потому, что работаютъ не долго, и работа не легка. Въ опредѣленіи величины порцій участвовали врачи, такъ что наука была призвана къ услугамъ администраціи, которая имѣла въ виду отыскать minimum, не вредный для здоровья [1]).

[1]) Въ одиночномъ заключеніи, безъ ремесленной работы, человѣкъ получаетъ за завтракомъ 1 пинту, или тарелку, похлебки, сваренной изъ 4 унцій овсяной муки и полупинты молока. При ней дается хлѣбъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ день не выходило на человѣка не болѣе $1^1/_2$ русскаго фунта. Этотъ кусокъ дѣлится на три раза, на завтракъ, обѣдъ и ужинъ. На обѣдъ дается фунтъ картофелю (англійскій фунтъ нѣсколько болѣе русскаго и равняется почти 1,13 нашего фунта) и хлѣбъ. На ужинъ дается то же, что на завтракъ. Въ случаѣ наказанія человѣка заключеніемъ въ карцеръ, ему дается одинъ фунтъ (1,13) хлѣба въ день и вода, если же наказаніе карцеромъ продолжается болѣе трехъ дней, то на каждый четвертый день назначается вышеозначенная діэта одиночнаго заключенія безъ ремесленныхъ работъ.

Digitized by Google

При такой скудной діэтѣ отъ арестантовъ спрашивается однако же очень дѣятельная работа; портные, сапожники, башмачники, ткачи, дѣлатели половиковъ, столяры, плотники, каменьщики, жестяники, повара и пекари, всѣмъ есть работа, всѣ работаютъ изъ всѣхъ силъ, потому что лишеніе даже этой діэты и переводъ на простую, не ремесленную работу представляется дѣломъ по истинѣ страшнымъ. Но директоры тюремъ нимало не обманываютъ себя касательно арестантской работы и не полагаютъ, чтобы она равнялась, по напряженности, работѣ свободнаго человѣка; поэтому и цѣнятъ ее очень низко. Тѣмъ не менѣе заработокъ всей тюрьмы дошелъ въ годъ до 11,215 фун. (84,000 р.), что̀ составляетъ на человѣка по 16 ф. стерл. (около 120 руб.).

Нравственное состояніе арестантовъ видно изъ того, что изъ всего числа ихъ, перешедшихъ черезъ тюрьму, изъ 2,302 человѣкъ, 1,755 не были наказаны ни разу и не получали выговоровъ; 808 разъ наказаны были 483 человѣка. Тѣлесныхъ наказаній въ теченіе года не было.

По мнѣнію врачей, одиночное заключеніе, хотя и съ рабо-

Когда человѣкъ употребляется на ремесленныя работы, то діэта его тотчасъ улучшается. Такъ, по воскресеньямъ онъ получаетъ не 20, а 28 унцій хлѣба въ день, что составляетъ на нашъ вѣсъ (въ англійскомъ фунтѣ 16 унцій) почти два фунта на три раза. Кромѣ того, онъ получаетъ на завтракъ пол-унціи какао, сваренаго въ двухъ унціяхъ молока съ пол-унціею патоки. На русскій вѣсъ это составитъ 3¼ золотника какао, 13 золотниковъ молока и 3¼ золотниковъ патоки, а все вмѣстѣ—около полустакана какао.

Обѣдъ на каждый день различный. Въ воскресенье онъ самый скудный, такъ какъ работъ вовсе не полагается. Онъ состоитъ изъ 4 унцій или нѣсколько болѣе ¼ нашего фунта картофелю и куска хлѣба, равняющагося третьей долѣ воскресной порціи двухъ фунтовъ.

Ужинъ на каждый день одинъ и тотъ же: кисель изъ ⅛ фунта овсяной муки и одного лота патоки, сваренныхъ въ полустаканѣ (2 унціи) молока, и хлѣбъ, третья доля дневной порціи.

Въ рабочіе дни обѣдъ гораздо питательнѣе воскреснаго, а именно: въ понедѣльникъ и среду 4 унціи (нѣсколько болѣе ¼ нашего фунта) баранины, вареной въ своемъ соку, приправленной однимъ лотомъ луку, причемъ соусъ сгущается черствымъ хлѣбомъ, 1 фун. картофелю, хлѣбъ въ количествѣ третьей доли дневной порціи, состоящей въ будни изъ 20 унцій или 1½ фунта русскаго вѣса.

Во вторникъ одна пинта (тарелка) супу, сваренаго изъ 8 унцій (½ ф.) бычачьихъ костей, 2-хъ лотовъ перловой крупы и 3-хъ унцій свѣжей зелени, считая въ томъ числѣ и лукъ, 1 фунтъ картофелю; хлѣбъ.

Въ четвергъ 1 фун. пуддинга, состоящаго изъ 1½ унціи (3 лот.) почечнаго сала, ½ фунта муки и 6½ унцій воды; 1 фунтъ картофелю; хлѣбъ.

Въ пятницу и субботу ¼ фун. говядины, вареной въ собственномъ соку, съ приправами, какъ означено на понедѣльникъ, 1 фун. картофелю; хлѣбъ.

Digitized by Google

тою, не совсѣмъ благопріятно дѣйствуетъ на людей сильнаго тѣлосложенія и привычныхъ къ тяжелому труду. Старшій врачъ полагаетъ, что девятимѣсячный срокъ одиночнаго заключенія слишкомъ продолжителенъ и что его можно бы съ пользою сократить почти на половину.

Въ *Мильбанкской* тюрьмѣ было къ 1-му января 1871 г. 701 арестантъ (1,003 кельи). По новымъ приговорамъ прибыло 425 человѣкъ, отнято отпускныхъ билетовъ у 65 человѣкъ, и 138 человѣкъ переведены изъ другихъ тюремъ. Убыло переведенныхъ въ другія тюрьмы, умерло (8 челов.) и выпущено всего 1,006 человѣкъ. Осталось къ 1871 году 323 арестанта.

Женщинъ было 304; вновь приговоренныхъ поступило 273; отняты отпускные билеты у 35-ти; всего 641 арестантка. Перемѣщены въ другія тюрьмы 278; къ 1871 году осталось 363.

Между мужчинами былъ одинъ, а между женщинами двѣ моложе 15-ти лѣтъ отъ роду.

Отъ	15	до	24-хъ	было	118	мужчинъ и	97	женщинъ.
»	25	»	34-хъ	»	123	»	158	»
»	35	»	44-хъ	»	38	»	59	» и т. д.

Эти цифры подтверждаютъ извѣстный по статистикѣ преступленій фактъ, что женщины вовлекаются въ преступныя дѣянія въ позднѣйшемъ сравнительно съ мужчинами возрастѣ.

Весь тюремный заработокъ арестантовъ простирался до 2,920 фун. стерл. (21,900 р.) при цѣнахъ, опредѣляемыхъ съ крайнею умѣренностью [1]).

Женскія работы Мильбанкской тюрьмы оцѣнены въ 2,499 ф. стерл. (18,743 р.) при такой же умѣренной оцѣнкѣ [2]).

Сверхъ того въ той же Мильбанкской тюрьмѣ перебывало въ строгомъ одиночномъ заключеніи въ годъ 1,352 военные арестанта, по приговорамъ различной продолжительности, отъ 42 до 1008 дней, и къ концу года осталось ихъ 310. Они то же заработали въ теченіе года (среднимъ числомъ каждый

---

[1]) За щипанье пеньки считается полпенса или полторы копѣйки въ день; за плетеніе половиковъ 7¼ пенсовъ (22 коп.) въ день; за садовую работу 6 пенсовъ (18 к.). Работы, требующія спеціальнаго искусства, цѣнятся гораздо выше, а именно жестянники, дѣлающіе вентиляторы для тюрьмы и т. п. снаряды, считаются по 4 шил. 2¾ пенса (1 р. 48 к.); переплетчики, повара, плотники и каменьщики считаются по 2 шил. 6 пенс. (88 к.), и т. д.

[2]) За швейную работу считалось 6½ пенс. (20 к.) въ день; за вязальную работу 5 пенс. (15 к.), такъ что вязанье пары чулокъ цѣнилось въ 10 пенсовъ или въ 30 к., шитье женскаго чепчика 9 коп., шитье тиковой куртки 60 коп., парусинной 75 коп. и т. д.

Digitized by Google

день было по 330 арестантовъ) 1888 фун. стерл. (14,160 р.). Это были сапожники, портные, ткачи, повара, и многіе щипали пеньку.

Преступники, отсидѣвшіе установленные закономъ девять мѣсяцевъ одиночнаго заключенія въ тюрьмахъ первой категоріи, переводятся въ другія тюрьмы, съ ночнымъ разъединеніемъ и съ общими работами днемъ. Такой порядокъ въ Англіи допускается потому, что онъ тамъ образовался исторически, какъ-бы самъ собою, такъ какъ тюрьмы строились разновременно и не по одному общему плану. Правительство, которое имѣло бы въ виду установить вновь планъ всѣхъ тюремъ въ государствѣ, безъ сомнѣнія, опредѣлило бы содержаніе арестантовъ въ теченіе девяти первыхъ мѣсяцевъ срока въ тѣхъ же самыхъ тюрьмахъ, гдѣ они впослѣдствіи будутъ работать и во все остальное время своего заключенія. При удобствахъ англійскихъ путей сообщенія и сравнительно незначительныхъ тамошнихъ разстояніяхъ, подобное перемѣщеніе арестантовъ не представляетъ однако же большого неудобства.

Когда арестантъ высидѣлъ девятимѣсячный срокъ въ одиночной тюрьмѣ съ келейными работами (и очень немногими внѣшними, въ самой тюрьмѣ), и въ то же время довольно здоровъ и силенъ для тяжелыхъ работъ, онъ переводится въ Портсмутъ, Портландъ или Чатамъ. Эти три тюрьмы устроены съ кельями для одиночнаго разъединенія арестантовъ и общихъ работъ днемъ. Въ Портсмутѣ 1,348, въ Портландѣ 1,628 келій, въ Чатамѣ 1,796 келій. Онѣ устроены по одному образцу и описаніе одной тюрьмы можетъ служить въ то же время описаніемъ всѣхъ остальныхъ.

Портсмутская тюрьма состоитъ изъ ряда строеній, имѣющихъ одинъ и тотъ же характеръ, хотя построенныхъ въ разное время, сообразно постоянно увеличивавшемуся числу арестантовъ, которое сдѣлалось чувствительно въ особенности послѣ 1856 года, когда прекращена была высылка преступниковъ въ колоніи.

Рядъ флигелей заключающихъ въ себѣ отдѣльныя кельи для преступниковъ, лазаретъ, канцелярія, кухня, ванны, церковь, цейхгаузы и другія хозяйственныя постройки, окружены общею оградой съ однимъ въѣздомъ. Помѣщенія для начальника тюрьмы, всего штата начальствующихъ лицъ и сторожей вынесены за ограду. Каждый изъ флигелей, построенныхъ для одиночнаго заключенія, имѣетъ до 250 помѣщеній при почти совершенно одинаковомъ типѣ. Кельи расположены въ три этажа, съ чугун-

Digitized by Google

ными галлереями и лѣстницами; въ нѣкоторыхъ изъ флигелей разъединенія сдѣланы металлическія, въ другихъ же каменныя, но весьма легкой кладки. Во всѣхъ кельяхъ металлическія двери, дающія возможность сторожу, черезъ небольшое отверстіе, наблюдать за арестантомъ. Кельи весьма хорошо вентилированы, снабжены ватеръ-клозетомъ, отопляются нагрѣтымъ воздухомъ, идущимъ отъ общей топки. Въ каждой кельѣ кровать съ постельнымъ бѣльемъ (на день она складывается, чтобъ арестантъ не могъ ею пользоваться), стулъ, столъ, жестяная посуда, библія и двѣ или три другія книги, выданныя изъ общей библіотеки священникомъ. Всѣ строенія освѣщаются газомъ.

Кухня, хлѣбопекарня, прачешная, снабжены всѣми возможными механическими приспособленіями и содержатся съ замѣчательною чистотою.

Начальство тюрьмы состоитъ изъ начальника (750 ф. с. [5.620 р.] годового жалованья и квартиры) и двухъ его помощниковъ (450 и 350 ф. с. [3,375 р. и 2,625 р.] годового жалованья). Всѣ они военные, два первые въ чинѣ капитана, третій—поручикъ; двухъ протестантскихъ священниковъ, одного католическаго и двухъ школьныхъ учителей.

Надзиратели раздѣляются на три класса:

1) Старшіе, на которыхъ возлагается общее начальство надъ всѣми арестантами въ одномъ изъ флигелей, или наблюденіе за отдѣльными службами по хозяйству или по работамъ.

2) Сторожа, по одному на 25 человѣкъ арестантовъ. Они остаются съ ввѣренными имъ людьми цѣлый день, отъ перваго звонка, пробуждающаго тюрьму, до послѣдняго, послѣ чего наступаетъ ночное дежурство, всего одинъ сторожъ на флигель.

3) Часовые, которые выходятъ на службу съ ружьями; изъ нихъ полагается одинъ постъ у воротъ, остальные оцѣпляютъ мѣсто общихъ работъ. Отъ войскъ никакихъ карауловъ не назначается.

Кромѣ того на одного изъ надзирателей возлагается обязанность общаго фельдфебеля на всю тюрьму. Онъ передаетъ всѣ приказанія начальника тюрьмы или дежурнаго помощника. Онъ же принимаетъ на себя общее начальство въ тюрьмѣ или на работахъ, когда начальникъ и его помощники находятся въ отсутствіи. По положенію своему и по степени развитія это лицо, хотя изъ нижнихъ чиновъ, но поставлено скорѣе въ должность полкового адъютанта. Надзиратели получаютъ по 6 фунт. въ мѣсяцъ (540 р. въ годъ), сторожа по 4 ф. въ мѣсяцъ или 360 р. въ годъ; часовые по 2 ф. въ мѣсяцъ или 180 р. въ

Digitized by Google

годъ, при готовомъ платьѣ, которое они обязаны носить только на службѣ, и съ извѣстною, но измѣняющеюся суммою на продовольствіе.

Кромѣ того каждый изъ нихъ имѣетъ весьма хорошую семейную квартиру.

Бо́льшая часть сторожей, въ особенности надзиратели, люди пожилые, семейные, почти всѣ изъ унтеръ-офицеровъ инженерныхъ, артиллерійскихъ и морскихъ, люди развитые, весьма добросовѣстно несутъ службу крайне тяжелую. Это весьма надежный элементъ, дающій полную возможность начальнику тюрьмы разсчитывать, что общія инструкціи и постановленія, и особыя приказанія, будутъ исполняемы съ точностью.

Нельзя не замѣтить, что штатъ высшихъ чиновниковъ на тюрьму въ 1,400 человѣкъ недостаточенъ; и дѣйствительно, какъ начальнику, такъ и его помощникамъ трудно, если не совершенно невозможно, знать 1,400 человѣкъ. Эта цифра несогласна съ основаніями, принятыми во всѣхъ пенитенціарныхъ теоріяхъ. Въ одномъ изъ засѣданій конгресса было опредѣлено, послѣ продолжительныхъ преній, въ которыхъ принимали участіе многіе изъ извѣстныхъ практиковъ, что число арестантовъ никакъ не должно превышать въ тюрьмѣ 600 человѣкъ.

Въ исправительныхъ учрежденіяхъ англійскихъ принято такое значительное число преступниковъ съ цѣлью имѣть возможность производить большія государственныя работы, для которыхъ необходимо большое число рабочихъ. Но нельзя не согласиться, что дѣйствительно трудно вести исправленіе людей начальнику тюрьмы, если у него болѣе 600 человѣкъ.

При необходимости имѣть болѣе значительное число рукъ для производства важныхъ работъ, какъ, напримѣръ, при постройкѣ доковъ, можно было бы соединить двѣ или три тюрьмы, съ однимъ общимъ инспекторомъ работъ, и пожалуй съ общими хозяйственными учрежденіями. Нѣкоторое увеличеніе издержекъ не можетъ служить препятствіемъ, такъ какъ нынѣ доказано въ Англіи, что заработки исправительныхъ учрежденій не только покрываютъ всѣ расходы на содержаніе тюремъ, но даже даютъ значительный доходъ.

Англійская система не побоялась громадныхъ скопленій арестантовъ, главнымъ образомъ на томъ основаніи, что при исправленіи преступника тамъ преимущественно разсчитывается на работу, которая одна, по мнѣнію руководителей англійской системы, способна возродить человѣка.

Digitized by Google

При описанной выше системѣ выкупа арестантами части времени своего заключенія работою, можно было вполнѣ надѣяться, что они будутъ трудиться усердно, и на этомъ основаніи предпринять рядъ значительныхъ сооруженій. День портсмутскихъ арестантовъ распредѣленъ почти такъ же, какъ говорено было выше по поводу Пентонвильской тюрьмы, съ тою только разницею, что большая часть портсмутскихъ работъ производится на открытомъ воздухѣ, и потому въ лѣтнее время можно было опредѣлить для работы 10 часовъ, а въ зимнее — только 7 часовъ 25 минутъ.

Продовольствіе людей нѣсколько обильнѣе; но все-таки принципъ сохраняется тотъ же: давать людямъ лишь крайне необходимое для поддержанія ихъ силъ [1]).

Здоровье арестантовъ обыкновенно очень удовлетворительно. Въ теченіе цѣлаго 1871 года среднее число арестантовъ каждый день было 1,218 человѣкъ. Случаевъ смерти въ теченіе всего года было только семь. Изъ нихъ пять человѣкъ умерли отъ чахотки, одинъ отъ паралича и одинъ раздавленъ упавшею тяжестью. Среднее количество больныхъ, лежавшихъ ежедневно въ лазаретѣ, было 37 человѣкъ, или на сто почти не болѣе трехъ. Всѣхъ больныхъ въ лазаретѣ было 663 человѣка. Такое благопріятное отношеніе числа больныхъ къ числу здоровыхъ слѣдуетъ приписать какъ большой заботливости медицинскихъ чиновъ о соблюденіи гигіеническихъ правилъ въ тюрьмѣ, такъ и постановленію, въ силу котораго тюремное начальство можетъ отсылать болѣе или менѣе нездоровыхъ или слабыхъ людей въ другія тюрьмы, какъ Уокингъ и Паркгёрстъ, назначенныя исключительно для слабыхъ и престарѣлыхъ арестантовъ.

Медицинскіе чины доносятъ ежемѣсячно и за каждые три мѣсяца, но не начальству своей тюрьмы, а общему начальнику тюремъ по опредѣленной формѣ, всѣ подробности о больныхъ въ лазаретѣ, а также обо всемъ, что касается гигіеническихъ условій тюрьмы: 1) о температурѣ въ кельяхъ и въ другихъ ча-

---

[1]) Завтракъ на всѣ дни тотъ же что въ Пентонвилѣ; но хлѣба дается болѣе, именно 168 унцій (а тамъ 148 унцій) въ недѣлю, или каждый день по 23 унціи, а въ воскресенье 30 унцій. Прибавляется такимъ образомъ всего 3 унціи или пятая доля русскаго фунта въ день за тяжкую работу. Воскресный обѣдъ тотъ же, что въ Пентонвилѣ; но хлѣба отпускается больше, именно третья доля 30-ти унцій, десять унцій или ровно $^2/_3$ русскаго фунта.

Въ прочіе дни прибавляется по одной унціи мяса или костей на человѣка, а на каждые сто человѣкъ отпускается по $^3/_4$ унціи перцу. Ужинъ состоитъ изъ того же овсянаго киселя, что въ Пентонвилѣ, и въ такомъ же количествѣ.

Digitized by Google

стяхъ тюрьмы; о томъ, правильно ли дѣйствуетъ аппаратъ отопляющій тюрьму, а также аппаратъ вентиляціи, понимаютъ ли правильно свое дѣло люди, приставленные для управленія ими, и хорошо ли они свое дѣло исполняютъ. 2) Достаточно ли арестанты имѣютъ воды и хорошаго ли она качества. 3) Хорошаго ли качества была пища, и если были перемѣны въ ней, то какія именно. 4) Согласно ли съ установленнымъ порядкомъ происходило приготовленіе пищи и была ли она надлежащимъ образомъ сварена и прожарена. 5) Достаточны ли были средства для поддержанія чистоплотности арестантовъ, ихъ постелей и одежды. 6) Не было ли въ теченіе трехъ мѣсяцевъ вреда отъ какой-нибудь неисправности въ дренажѣ и водостокахъ, или отъ недостаточной чистоты ватерклозетовъ и другихъ частей тюрьмы. 7) Нѣтъ ли въ тюрьмѣ, а также по сосѣдству, какихъ вредныхъ условій, неблагопріятно дѣйствующихъ на здоровье, и если есть, то какія могутъ быть приняты противъ нихъ мѣры. 8) Въ какомъ положеніи квартиры надзирателей, сторожей и часовыхъ по отношенію къ чистотѣ, водостокамъ, водоснабженію, тѣснотѣ или простору помѣщеній.

Весь тюремный бытъ устроенъ и распредѣленъ такимъ образомъ, чтобы какъ можно менѣе терялось времени и при раздачѣ пищи, и при выходѣ на работу, и при возвращеніи, а потому всякое движеніе въ тюрьмѣ производится по разъ принятому порядку, въ ногу, и очень ускореннымъ шагомъ. Разноска пищи дѣлается, подъ наблюденіемъ сторожа, двумя арестантами, съ быстротою и точностью, напоминающими часовой механизмъ.

При раздачѣ пищи, если арестантъ недоволенъ своею порціею, находя ее по вѣсу не вѣрно отпущенною, онъ имѣетъ право пожаловаться и немедленно, на имѣющихся въ каждомъ флигелѣ вѣсахъ, провѣряется порція, и въ случаѣ недостаточности тутъ же дополняется; въ случаѣ же, если окажется хотя малый излишекъ, онъ отнимается.

Быстрота и точность движеній доведены до того, что, по сдѣланнымъ неоднократно опытамъ, всѣ арестанты выходятъ на дворъ въ теченіе семи минутъ. Поэтому опасеніе, будто пожаръ могъ бы случайно захватить арестантовъ и погубить ихъ всѣхъ, беззащитно запертыхъ по кельямъ, оказалось неимѣющимъ достаточнаго основанія.

Люди выходятъ на работу по возможности въ составѣ отдѣленій, съ тѣми унтеръ-офицерами, которымъ они поручены въ тюрьмѣ, но съ нѣкоторыми исключеніями, зависящими отъ предстоящихъ работъ.

Digitized by Google

На дворѣ, куда предварительно собираются всѣ арестанты, выставлены нумера партій и число арестантовъ, которые должны выдти на извѣстную работу. Арестанты быстро выпускаются изъ своихъ келій сторожами, и потомъ выстраиваются каждый противъ того мѣста, гдѣ собирается партія, къ которой онъ принадлежитъ. Когда всѣ выстроились на дворѣ, каждая партія проходитъ, съ своимъ сторожемъ во главѣ, мимо надзирателя, докладывая ему на ходу куда идетъ и сколько именно людей въ партіи.

Точно такой же порядокъ соблюдается при возвращеніи людей съ работы. Такимъ образомъ, надзиратель имѣетъ постоянно возможность провѣрить, всѣ ли люди по наряду вышли на работу и всѣ ли надлежащимъ порядкомъ воротились въ тюрьму. Самыя работы производятся въ близкомъ разстояніи отъ тюрьмы: строятся огромные доки, предназначенные для укрытія значительной части англійскаго флота (такого же рода колоссальныя работы производятся въ Чатамѣ и Портландѣ).

Все мѣсто, предназначенное для работъ, окружено досчатымъ заборомъ не выше $1^1/_4$ сажени. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заборъ дѣлаетъ завороты или находится на болѣе возвышенныхъ пунктахъ, поставлены на высокихъ столбахъ будки, имѣющія приблизительно видъ тѣхъ вышекъ, которыя употреблялись казаками на кавказскихъ линіяхъ. Въ этихъ будкахъ расположены часовыми сторожа третьей категоріи; люди эти вооружены штуцерами и съ возвышенныхъ своихъ точекъ немедленно могутъ дать выстрѣлъ по всякому арестанту, который сдѣлалъ бы покушеніе на побѣгъ. Кромѣ того они снабжены семафорными знаками, въ родѣ употребляемыхъ при стрѣлочныхъ будкахъ на желѣзныхъ дорогахъ. При помощи весьма несложныхъ сигналовъ, часовые могутъ передать о всякомъ случившемся происшествіи немедленно по всей линіи. Покушенія къ побѣгамъ, впрочемъ, весьма рѣдки; арестанты, покусившіеся на побѣгъ, выходятъ на работу въ цѣпяхъ и въ платьѣ особаго цвѣта (желтаго). Точно также одѣваются въ особый цвѣтъ люди, сдѣлавшіе грубость своему сторожу или одному изъ начальствующихъ лицъ въ тюрьмѣ. Синій же цвѣтъ платья дается людямъ такъ-называемаго спеціальнаго класса, т.-е. лучшимъ изъ тѣхъ, которые предназначаются къ выпуску. Эти люди работаютъ не особой партіей подъ наблюденіемъ сторожа, а отдѣльно, или при особыхъ спеціальныхъ занятіяхъ, или служатъ инструкторами тѣхъ рабочихъ, которые при поступленіи въ тюрьму не знали предназначаемой имъ работы.

Различные цвѣта одежды оказываются очень удобными, по-

Digitized by Google

тому что даютъ возможность какъ часовымъ на вышкахъ, такъ и сторожамъ вообще издали наблюдать за людьми различныхъ категорій и въ особенности за тѣми, которыхъ предшествовавшее поведеніе требуетъ болѣе тщательнаго присмотра.

Партіи рабочихъ подъ начальствомъ своихъ сторожей ведутся къ мѣсту работъ, тамъ поступаютъ въ общее распоряженіе особаго старшаго надзирателя, на котораго возлагается веденіе работъ какой-нибудь особой отрасли. Въ Портсмутской тюрьмѣ такихъ старшихъ надзирателей пятеро; они исключительно избираются изъ людей, хорошо изучившихъ ту спеціальность, которая имъ поручается.

Въ Портсмутѣ на одного изъ нихъ возлагается кирпичный заводъ, на другого земляныя работы въ докахъ, на третьяго каменныя работы тамъ же, на четвертаго наблюденіе за рабочими въ мастерскихъ, слесарной, столярной, и проч., на пятаго, наблюденіе за работами, производимыми арестантами по постройкѣ особаго зданія для квартиръ сторожей.

Въ Портсмутѣ главныя силы были направлены на кирпичный заводъ, и только часть работъ доковъ производится арестантами; но это потому, что нѣкоторыя изъ портсмутскихъ доковъ предполагается окончить не болѣе какъ черезъ четыре года, слѣдовательно оказалось болѣе выгоднымъ употреблять на постройки доковъ наемныхъ рабочихъ, а силы арестантовъ сосредоточить преимущественно на кирпичномъ заводѣ; въ Чатамѣ же и Портландѣ производятся ими одними и всѣ остальныя работы.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, экономія отъ замѣщенія вольныхъ рабочихъ арестантами слѣдующая:

При черныхъ работахъ	80%
» столярныхъ.	60 »
» каменныхъ	40 »

Арестантскія работы оказываются столь выгодными, во-первыхъ, потому, что арестантовъ приходилось бы кормить и безъ работы; сверхъ того, каждый изъ заключенныхъ старается какъ можно скорѣе выкупить часть времени, на которое онъ приговоренъ, а къ работамъ примѣнены всевозможныя механическія приспособленія.

Кирпичный заводъ, на который постоянно выходятъ ежедневно 500 человѣкъ, работаетъ съ большимъ успѣхомъ; въ прошломъ году онъ выработалъ до 20.000,000 кирпича, въ нынѣшнемъ до 25.000,000.

Digitized by Google

Глина съ пескомъ мѣсится на особыхъ мельницахъ, кирпичъ выходитъ сформованный, помощью особой машины, большимъ длиннымъ кускомъ, разрѣзается механизмомъ на 12 частей и увозится на вагонетахъ въ сушильню. Сырой кирпичъ обжигается въ цилиндрическихъ печахъ съ высокими трубами; топка производится все время, такъ какъ работа постоянно идетъ по секторамъ.

Въ одномъ изъ секторовъ кирпичъ складывается и сушится; въ другомъ обжигается посредствомъ особеннаго рода устроенной топки; въ третьемъ простываетъ, а изъ четвертаго уже охлажденный вынимается. Подвозъ глины и песку къ кирпичному заводу, подвозъ кирпича къ мѣстамъ, гдѣ выкладываются стѣны доковъ, вывозъ и подвозъ земли въ мѣстахъ выемки и насыпи, перевозка портландскаго камня, производятся на особыхъ вагонахъ легкими паровозами, такъ какъ рельсы уложены по всѣмъ направленіямъ, гдѣ приходится двигать грузъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже арестанты перевозятся въ особо устроенныхъ вагонетахъ, когда необходимо быстро передвинуть партію рабочихъ съ одного мѣста на другое, и для подвоза тѣхъ партій, которымъ изъ тюрьмы приходится идти на дальнее разстояніе, такъ какъ работы вообще раскинуты на большое пространство, заключающее въ себѣ по крайней мѣрѣ три квадр. версты.

Кромѣ означенныхъ рельсовыхъ приспособленій, во многихъ мѣстахъ устроены краны, какъ для разгрузки получаемаго портландскаго камня, такъ для передвиженія его въ самыхъ докахъ. Кромѣ того всѣ сваи вбиваются при помощи копра, приводимаго въ движеніе локомобилемъ. Однимъ словомъ, вездѣ гдѣ ручной трудъ можетъ быть замѣненъ механическимъ, всюду это приведено въ исполненіе, и этимъ объясняется то огромное количество работы, которое производится ежегодно арестантами.

Въ той же оградѣ, отдѣляющей мѣсто, гдѣ работаютъ арестанты, находятся мастерскія значительныхъ размѣровъ, такъ какъ въ нихъ работаютъ до 120 арестантовъ: столярная, кузнечная, слесарная и механическая. Въ нихъ дѣлаются всѣ инструменты, необходимые для многоразличныхъ работъ, производимыхъ въ докахъ, а также всевозможныя части и принадлежности построекъ. Подрядчикъ ставитъ только лѣсъ и металлъ, а затѣмъ изъ нихъ выдѣлываются руками арестантовъ самые многоразличные, иногда сложные инструменты и части.

Портсмутская тюрьма выработала въ 1871-мъ году 344,506½ фунт. стерл. (2.583,795 р.); за исключеніемъ же всѣхъ издержекъ, дала чистаго дохода 47,744 фунт. (357,879 р.). Это дѣй-

Digitized by Google

ствительно значительный результатъ, достигнутый тюремною администраціей, и нельзя не сознаться, что невозможно лучше устроить дѣло производства работъ арестантами.

Такіе результаты достигнуты не только въ Портсмутѣ, но также и въ другихъ тюрьмахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ бо́льшая часть арестантовъ не знала никакого ремесла передъ поступленіемъ въ исправительное учрежденіе.

Въ тюрьмѣ научились ремесламъ 1,650 человѣкъ и изъ нихъ образовались: хлѣбопеки, корзинщики, кузнецы, переплетчики, кирпичники, плотники, каменьщики, цыновщики, столяры, трубочисты, повара, бочары, машинисты, вязальщики, штукатуры, лудильщики, печатники, камнепильщики, лѣсопильщики, сапожники, кровельщики, каменотесы, портные, токари и ткачи.

Но не одна Портсмутская тюрьма дала такіе блистательные результаты; работы мола въ Портландѣ, длиною въ двѣ мили, при глубинѣ 50 и 60 футовъ, работы доковъ и укрѣпленій въ Чатамѣ, могутъ по истинѣ стать на ряду самыхъ замѣчательныхъ искусственныхъ сооруженій.

Этими работами достигнуты три результата:

1) Устрашеніе тѣхъ преступниковъ, которые должны видѣть въ тяжелыхъ работахъ дѣйствительно сильное наказаніе.

2) Улучшеніе преступника работою, которою онъ выкупаетъ часть срока наказанія.

3) Весьма значительная часть издержекъ на тюрьмы покрывается деньгами, выработанными арестантами, несмотря на то, что двѣ тюрьмы, Паркгёрстъ и Уокингъ, заняты преимущественно арестантами почти совершенно неспособными къ тяжелымъ внѣшнимъ работамъ по своему болѣзненному состоянію, и которыхъ можно употреблять только во внутреннихъ мастерскихъ, портняжныхъ, сапожныхъ, шорныхъ и т. п.

Вся стоимость правительственныхъ тюремъ въ 1871-мъ году была 313,633 фунт. стерл. (2,352,248 р.), выручено же арестантами 228,244 ф. (1,711,830 р.); такимъ образомъ, тюрьмы боплись въ 1871 г. только 85,389 фунт. (640,417 р.), или ; ф. 10 шил. (63 р. 50 к.) стоилъ каждый арестантъ.

Но если принять въ соображеніе только три тюрьмы, портландскую, чатамскую и портсмутскую, то онѣ дали въ 1871 г. 49,745 ф. (1,122,087 р.), стоили же только 131,985 фунт. 989,895 р.); такимъ образомъ чистый доходъ отъ этихъ трехъ юремъ былъ 17,759 фунт. (133,192 руб.) *).

*) Работы, производимыя арестантами, опредѣлены съ величайшею точностью англійскими инженерами. Они не упустили изъ виду ни одного вида расхода, возни-

Digitized by Google

Нельзя не обратить особеннаго вниманія на развитіе кирпичнаго производства: въ послѣдніе четыре года въ Портсмутѣ и въ Чатамѣ арестанты сдѣлали болѣе 77 милліоновъ кирпича. Отъ этого постройки значительно удешевились, такъ что возведенныя въ послѣднее время 1,800 келій обошлись правительству, при арестантскомъ трудѣ, только въ 93,000 фунт. стерлинговъ

кающаго изъ арестантской работы. Такъ, на государство упадаетъ расходъ на надзоръ за арестантами, когда они работаютъ не въ тюрьмѣ. Разсчитано, что содержаніе всей стражи портландской тюрьмы (223 человѣка) обходится правительству въ 17,178 фунт. стерл. въ годъ, или каждый человѣкъ по 4 ш. 3 п. (1 р. 50 коп.) въ день, а считая одни рабочіе дни по 5 шил. (1 р. 75 к.) въ день. Такъ какъ одинъ стражъ полагается на десять арестантовъ, то стража каждаго арестанта обходится въ день около 20 к. При замѣчательной дешевизнѣ работы, замѣчается однако же, что строительная работа арестантовъ ничѣмъ не хуже, а можетъ быть лучше такой же точно постройки вольныхъ рабочихъ. Имѣются въ арестантской работѣ и невыгоды: такъ они работаютъ не довольно долго; ихъ работа должна пріостанавливаться въ туманное время во избѣжаніе побѣговъ; они не могутъ быть употреблены въ дѣло лишніе два-три часа, въ случаѣ экстренной надобности; ихъ нельзя употреблять въ дѣло по-одиночкѣ, такъ какъ въ такомъ случаѣ надзоръ былъ бы слишкомъ затруднителенъ. Несмотря на это арестантскій трудъ очень выгоденъ. И вотъ сравненіе: въ Портландѣ строился казематъ по подряду, и обошелся:

Матеріалъ (купленный)	46%
Работа (вольнонаемная)	31 „
Надзоръ (кромѣ наблюдателей отъ военнаго вѣдомства)	5 „
Инструменты	3 „
Процентъ на затраченный капиталъ	2 „
Барышъ подрядчика	13 „
	100 „

Такая же точно постройка возведена была въ Портландѣ арестантами, и стоимость ея оказалась слѣдующею:

Матеріалъ (тоже купленный)	46%
Работа, 1/3-цѣны вольной работы	10 „
Надзоръ	5 „
Инструменты (въ такомъ же количествѣ, но они употребляются втрое долѣе 3×3=9 проц.)	9 „
Процентъ на капиталъ (за время втрое продолжительнѣйшее, но 3 на сто 2×3⅓=⅔)	3⅔.
Выгода (остатокъ)	26⅔.
	100

Но въ этомъ случаѣ нельзя считать процента на капиталъ, а также и цѣны работы, такъ какъ ни то, ни другое не платятся военнымъ вѣдомствомъ, такъ что вся выгода военнаго вѣдомства будетъ (26⅔+3⅓+10)=40 процентовъ.

Такъ какъ арестантскій трудъ выгоденъ, то выгода будетъ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе онъ употребляется. Но вышеприведенныя цифры относятся къ фортамъ, на

Digitized by Google

(698,000 р.), тогда какъ по подряду онѣ стоили бы 165,000 фун. стерл. (1,237,000 р.). Арестантскіе кирпичные заводы дали 72,000 фунт. стерл. (540,000 р.) сбереженія, и каждая келья обошлась въ 387 р. вмѣсто 687 р. Изъ всего числа арестантовъ, употреблявшихся на работы въ 1871 г., по крайней мѣрѣ три четверти выучились различнымъ мастерствамъ въ тюрьмахъ, что, по возвращеніи на свободу, дастъ имъ возможность зарабатывать себѣ честнымъ образомъ средства къ жизни.

Грамотность составляетъ въ тюрьмахъ серьёзную задачу: каждый долгосрочный арестантъ долженъ быть грамотнымъ; но требованія въ этомъ отношеніи довольно умѣренны. Если арестантъ можетъ прочесть обыкновенный небольшой параграфъ легкаго повѣствовательнаго языка, можетъ написать по диктовкѣ небольшое предложеніе, если онъ знаетъ первыя четыре правила ариѳметики и рѣшаетъ нетрудныя задачи, заключающія въ себѣ мѣры, вѣсы и деньги, то онъ перестаетъ ходить въ школу и получаетъ изъ тюремной библіотеки книги въ свою келью. Экзамены въ школѣ англійской тюрьмы происходятъ два раза въ годъ, подъ наблюденіемъ капеллана тюрьмы, который признается инспекторомъ школы. Отмѣтки ставятся по шести разрядамъ; изъ нихъ первый—чтеніе односложныхъ словъ, послѣдній—чтеніе небольшого параграфа обыкновеннаго повѣствовательнаго слога. По ариѳметикѣ первый разрядъ — сложеніе и вычитаніе чиселъ до двадцати, послѣдній — простыя дѣйствія надъ именованными числами.

постройку которыхъ кирпичъ и камень покупались; но еслибы кирпичъ дѣлался, а камень тесался посредствомъ болѣе дешеваго труда, то выгоды кирпичнаго завода присоединились бы къ выгодамъ постройки, такъ что арестантская работа оказалась бы выгоднѣе подрядной на 54%.

Содержаніе арестанта обходится правительству среднимъ счетомъ (не считая расхода на стражу при работѣ внѣ тюрьмы) 1 шил. 8 пенс. (63 к.) въ день. Каждый день онъ сработаетъ, по оцѣнкѣ сравнительно съ вольной работой, на 1 шил. 7 пенс. (59½ к.), надзоръ за нимъ обойдется въ 6 пенс. (20 к.). Въ казематированномъ фортѣ цѣнность работы по вольной цѣнѣ составляетъ 31%, да баришъ подрядчика 13% всей стоимости работы.

Въ рукахъ арестанта инструменты употребляются втрое дольше, стало-быть обходятся въ 9% вмѣсто 3-хъ, а на нихъ теряется 6%.

Такъ, оцѣнивая работу арестанта, надо полагать, что онъ наработаетъ на 1 ш. 7 пенс., а за вычетомъ 6-ти пенсовъ надзора, на 1 шил. 1 пенс., да сохранится 13% подрядчика, равныхъ 8-ми пенс., изъ коихъ надо вычесть 6% траты на инструментъ, или 3½ пенса.

Въ итогѣ отъ работы арестанта очистится всего 1 шил. 5½ пенс., тогда какъ его содержаніе стоитъ 1 шил. 8 пенсовъ,

Digitized by Google

VII.

Не слѣдуетъ, однако, полагать, чтобы въ этой картинѣ тюремнаго быта, дышащей строжайшимъ порядкомъ, обдуманною системой и стройною, невозмутимою дисциплиной, основанной на лучшихъ человѣческихъ чувствахъ, не было ни тѣней, ни штенъ. Чувства нѣкоторыхъ арестантовъ до того глубоко испорчены, инстинкты до того искажены и ожесточеніе такъ сильно, что на нихъ не дѣйствуютъ ни увѣщанія священниковъ, ни тюремная дисциплина, ни возможность заработывать прибавочныя отмѣтки, чтобы сократить свой срокъ заключенія, ни страхъ тѣлеснаго наказанія, ни страхъ передъ строго одиночнымъ заключеніемъ. Есть арестанты, которые пробуютъ всѣ возможныя средства, чтобъ уклониться отъ труда; но такъ какъ простая лѣность наказывается, послѣ отнятія всѣхъ заработанныхъ балловъ, заключеніемъ въ одиночную келью и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно назначается штрафная діэта, всего только фунтъ хлѣба на цѣлый день, то на подобную спекуляцію мало кто рѣшается, испытавъ ее однажды. Притворная болѣзнь кажется многимъ изъ несчастныхъ хорошимъ средствомъ, чтобъ избавиться отъ работы. Но тюремные врачи знаютъ свое дѣло, и для арестантовъ, подозрѣваемыхъ въ притворствѣ, имѣются рядомъ съ лазаретомъ особыя кельи, гдѣ медицина, часто безъ большого труда, открываетъ нехитрое изобрѣтеніе каторжника и высылаетъ его вновь на каторжный трудъ. Нерѣдко ей случается открывать даже случаи притворнаго покушенія на самоубійство, и тогда вслѣдъ за исцѣленіемъ какой-нибудь легкой раны, нанесенной по горлу, мнимому самоубійцѣ назначается наказаніе, и тотчасъ онъ поступаетъ въ работу, непрерывную, правильную, строго разграниченную.

Одинъ изъ тюремныхъ капелановъ, именно портландскій, въ своемъ отчетѣ говоритъ, что онъ навѣщалъ арестантовъ, сидѣвшихъ въ карцерахъ на сроки отъ одного до 28-ми дней, и находитъ эту обязанность иногда въ высшей степени тяжкою и безнадежною. Ему попадались арестанты, которыхъ заносчивость и буйность въ поступкахъ и словахъ приводили его иногда въ ужасъ. Ихъ, повидимому, не страшитъ никакое, даже самое строгое наказаніе. Они какъ будто гордятся тѣмъ, что надъ ними тяготѣетъ рука правосудія, и хвалятся своимъ стыдомъ. Ихъ примѣръ очень вреденъ для другихъ; бывали случаи, что буйные мятежные крики заключенныхъ въ одиночныя кельи людей ихъ

Digitized by Google

такое вліяніе на ихъ сосѣдей, что они точно также ожесточались, и слова самой кроткой христіанской проповѣди встрѣчали съ ругательствами. Почтенный капелланъ говоритъ, что, къ счастію, число такихъ людей весьма незначительно, не болѣе двѣнадцати на всю портландскую тюрьму; но должно замѣтить, что эта цифра составляетъ почти цѣлый процентъ всего тюремнаго населенія.

При этомъ нельзя не упомянуть объ общемъ впечатлѣніи, производимомъ англійскою исправительною тюрьмою. Масса людей движется въ ногу, скорымъ шагомъ, на работу; другая масса передвигаетъ тяжесть; третья нагружаетъ вагонеты тюремной желѣзной дороги. Все это лица суровыя, угрюмыя, глубоко озлобленныя и многія дѣйствительно свирѣпыя. Закоренѣлость во злѣ до такой степени рѣзко и ясно вырѣзана на каждомъ лицѣ, что задача, предстоящая тюремному начальству, исправленіе, невольно кажется неисполнимою. Посѣтитель тюрьмы видитъ, что арестанты безусловно и непримиримо ненавидятъ все и всѣхъ, и пасмурныя лица ихъ выражаютъ это съ дикою ясностью. Тотъ, кто имѣлъ случай часто видѣть русскихъ арестантовъ, при сравненіи ихъ съ англійскими невольно призадумается: откуда эта поразительная разница? Почему нашъ каторжникъ возлѣ англійскаго (рѣчь идетъ въ обоихъ случаяхъ о большинствѣ) кажется простодушнымъ ягненкомъ возлѣ озлобленной гіены? Натура ли славянская до такой степени мягче англо-саксонской, что даже преступленіе, возникшее изъ всеуравнивающихъ праздности, лѣности и разврата, не такъ глубоко погружаетъ одного преступника въ пучину зла, какъ другого? Существуетъ ли такая громадная разница между цивилизаціями англійской и нашей, что ея выкидыши, преступники, остаются тамъ на низшей, сравнительно, степени? Или тѣмъ неумолимѣе и неизгладимѣе печать отверженія ложится на лицѣ отступника отъ цивилизаціи, чѣмъ выше сама цивилизація, отъ законовъ которой онъ отрекся? Или общественный строй, тамъ несравненно разумнѣе и тверже подтягивающій человѣка, чѣмъ у насъ, и налагающій на него гораздо больше заботъ, обязанностей и правъ, дѣлаетъ то, что сбросившій съ себя общественныя путы падаетъ глубже, и самое зло совершенствуется въ свою сторону тамъ, гдѣ наиболѣе совершенна цивилизація? Какъ бы то ни было, но видъ работающихъ или отдыхающихъ англійскихъ арестантовъ способенъ привести въ содроганіе человѣка, знакомаго съ простодушнымъ и нѣсколько простоватымъ русскимъ арестантомъ, въ содроганіе по поводу ужасающей закоснѣлости, до какой можетъ

Digitized by Google

дойти существо, созданное по образу и подобію Божію. И никакого нѣтъ сомнѣнія, что только такіе люди, какъ англійскіе арестанты, способны вынести англійскую тюремную систему. Если бы десять русскихъ каторжниковъ перемѣстить въ Портмутъ или въ Чатамъ, то можетъ быть двое или трое въ состояніи были бы перетерпѣть тамъ годъ; остальные или зачахли бы или рѣшились бы на новыя тяжкія преступленія, чтобы только покончить съ невыносимыми для нихъ порядками.

Изъ этого слѣдуетъ только заключить, что тюрьма, вполнѣ удовлетворяющая своей цѣли въ одной странѣ, достигшая тамъ блестящихъ и самыхъ утѣшительныхъ результатовъ, не можетъ быть цѣликомъ и безъ надлежащихъ приспособленій переносима въ другую страну, если между обѣими существуетъ значительная разница въ этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ.

Надо однако же замѣтить, что по теперешнему виду англійскихъ арестантовъ нельзя судить о томъ, что будетъ впослѣдствіи, когда до тюремъ будутъ доходить арестанты, находящіеся теперь еще въ малолѣтствѣ. Англійское общество убѣждено, что уменьшится ихъ количество и даже ихъ свойство. Въ послѣднее время Англія покрылась и продолжаетъ покрываться пріютами для дѣтей, брошенныхъ родителями, и исправительными школами для дѣтей, впавшихъ въ проступки и преступленія. Вліяніе этихъ школъ и пріютовъ, несомнѣнно, будетъ въ высшей степени благодѣтельно: само общество принялось за исправленіе того зла, которое замѣчается имъ въ общественной жизни, и, не довольствуясь наказаніемъ преступника и возможнымъ его исправленіемъ въ тюрьмѣ, стремится къ предупрежденію преступленія. Для этой цѣли брошеннымъ дѣтямъ дается элементарное образованіе, они пріучаются къ труду, а дѣти, вовлеченные въ проступки праздностью, или часто бездомностью, или дурными примѣрами, предохраняются ученьемъ и трудомъ отъ возврата къ дурной жизни. Нынѣшнее поколѣніе арестантовъ исправительныхъ тюремъ состоитъ большею частію изъ людей, въ дѣтствѣ сидѣвшихъ нѣсколько разъ въ общихъ тюрьмахъ, сначала за проступки, потомъ за незначительныя преступленія, и, безъ образованія, безъ работы, безъ покровительства, спускаясь по лѣстницѣ порока, дошедшихъ до тяжкихъ преступленій. Теперь впавшій въ проступокъ ребенокъ попадаетъ въ исправительную школу и выдерживается тамъ въ строгомъ искусѣ ученья, труда, и конечно не вовсе лишенъ ласки. Теперь бездомное дитя не рискуетъ, какъ прежде, попасть въ общество подобныхъ ему бѣдняковъ и мало-по-малу вступить на путь

Digitized by Google

порока: оно принимается въ пріютъ и черезъ нѣсколько лѣтъ выпускается приготовленнымъ къ трудовой жизни.

VIII.

Въ *Дартмутской* тюрьмѣ (на 997 арестантовъ) въ прошедшемъ году содержалось среднимъ числомъ 880 человѣкъ. Въ ней, какъ и во всѣхъ остальныхъ исправительныхъ тюрьмахъ, работа составляетъ главный способъ исправленія арестантовъ. Но здѣсь работы значительно легче, чѣмъ въ трехъ главныхъ тюрьмахъ, потому что сюда назначаются изъ одиночныхъ тюремъ люди болѣе слабые здоровьемъ. Здѣсь арестанты заняты рѣзкою торфа, корчеваніемъ пней, копаньемъ канавъ и вообще фермерскими работами на довольно обширной, осушенной изъ-подъ болота равнинѣ. Въ то же время здѣсь введены сапожное и портняжное мастерства. Въ годъ шьется болѣе десяти тысячъ паръ сапоговъ и тысячи паръ башмаковъ, такъ что эти два вида работъ даютъ болѣе 2.700 фунт. стерл. (20.000 р.) въ годъ.

Сѣнокосной земли 150 акровъ (70 десятинъ); подъ зерновымъ хлѣбомъ 36 акровъ (16 десятинъ); въ обыкновенной на англійскихъ фермахъ пропорціи сѣется турнепсъ, морковь, капуста и прочіе виды хозяйственныхъ растеній. На послѣдней выставкѣ въ графствѣ они получили премію. Рогатаго скота разныхъ возрастовъ содержится 168 головъ; 50 овецъ, 11 свиней, 15 лошадей. Отъ продажи скота получается ежегодно до 500 фунт. стерл. (3.750 р.). Работою на фермѣ арестанты заработали правительству 2.515 фунт. стерл. (18.862 р.); на ремонтѣ тюремныхъ зданій 3.219 фунт. стерл. (24.142 р.); на мастерствахъ 3.507 фунт. стерл. (26.300 р.) и на тюремно-хозяйственныхъ работахъ 2.879 фунт. стерл. (21.592 р.), а всего 12.122 фунт. стерл. (90.896 р.).

Въ *Брикстонской* тюрьмѣ (670 келій) было 504 арестанта. Всѣмъ имъ давалась довольно легкая работа: 120 человѣкъ шили сапоги и сюртуки для лондонской полиціи, а также для тюремъ. Всѣ они заработали 4,982 фун. стерл. (37,365 руб.) при среднемъ числѣ арестантовъ, доходившемъ до 486 человѣкъ, т.-е по $10^1/_4$ фунт. стерл. на человѣка, или по 77 рублей.

Паркёрстъ есть тюрьма на 556 слабыхъ и престарѣлыхъ арестантовъ. Она расположена въ одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей острова Уайта и пользуется самымъ здоровымъ въ цѣлой Англіи климатомъ. Въ 1871-мъ году содержалось

Digitized by Google

тамъ среднимъ счетомъ по 468 арестантовъ. Они тоже работаютъ, хотя далеко не такъ успѣшно, какъ въ другихъ тюрьмахъ. Семьдесятъ человѣкъ обработываютъ землю, но не фермерскимъ, а огороднымъ порядкомъ; ручной же работой приготовлено до 70,000 кирпичей; 130 человѣкъ занимались сапожнымъ и портняжнымъ дѣломъ. Вся работа этой тюрьмы дала правительству почти 9,000 фунт. стерл. (66,000 руб.), именно болѣе 1,200 фунт. стерл. (9,000 руб.) на огородѣ, до 3,800 фун. стерл. (29,000 руб.) по увеличенію тюремныхъ зданій, до 750 фун. стерл. (5,630 руб.) за ремесленныя работы и болѣе 3,000 фун. стерл. (22,500 руб.) за работы тюремно-хозяйственныя.

Уокингъ—тюрьма для неспособныхъ къ тюремнымъ работамъ 736 арестантовъ и 780 арестантокъ: мужчины заработали правительству до 9,840 фун. стерл. (73,800 руб.); но въ этой суммѣ заключается работа здоровыхъ и сильныхъ арестантовъ, переведенныхъ на время изъ другихъ тюремъ, для окончанія постройки женской половины.

Въ прошломъ году женщинъ было 682. Онѣ заработали правительству 3,429 фунт. стерл. (25,717 руб.) на ремесленной работѣ и 1,406 фунт. стерл. (10,545 руб.) на занятіяхъ тюремно-хозяйственныхъ.

Фулгамъ есть тюрьма для однѣхъ женщинъ, на 290 арестантокъ; но среднимъ числомъ содержалось ихъ 134. Ихъ работа оцѣнена въ 1,900 фун. стерл. (14,200 руб.), именно тюремно-хозяйственная въ 400 фун. стерл. (3,000 руб.) и ремесленная въ 1,500 фун. стерл. (11,200 руб.).

Кстати, нельзя не упомянуть о спеціально-военныхъ тюрьмахъ, расположенныхъ въ Портсмутѣ и Ольдершотѣ, хотя онѣ, такъ сказать, доживаютъ послѣдніе свои дни. Принятые въ нихъ порядки чрезвычайно устарѣли, тюремное начальство сознаетъ это очень хорошо, и инспекторъ военныхъ и гражданскихъ тюремъ майоръ Дю-Кэнъ ходатайствуетъ о необходимыхъ измѣненіяхъ. По-видимому, дѣло приметъ такой оборотъ, что спеціально военныя тюрьмы будутъ упразднены совершенно, потому что въ тюрьмахъ гражданскихъ введена дисциплина достаточно строгая и для военныхъ арестантовъ. Предполагается впредь краткосрочныхъ военныхъ арестантовъ посылать въ Мильбанкъ и Пентонвиль, съ тѣмъ, чтобы они тамъ отработывали свои сроки на ряду со всѣми арестантами. Точно также и для военныхъ преступниковъ, приговариваемыхъ на продолжительные сроки тюремнаго заключенія, будетъ опредѣляемо содержаніе въ тюрьмахъ съ арестантами гражданскаго вѣдомства. Это тѣмъ болѣе естественно, что долго-

Digitized by Google

срочные военные арестанты при самомъ произнесеніи приговоровъ будутъ исключаемы изъ списковъ, съ тѣмъ чтобы подъ знамена они болѣе не возвращались. При вводимыхъ въ англійскихъ войскахъ краткихъ срокахъ службы иначе и быть не можетъ, и для арміи невозможно сохранять въ своихъ рядахъ солдата, впавшаго въ такое тяжкое преступленіе, что слѣдствіемъ его было долгосрочное тюремное заключеніе.

Преобразованіе военныхъ тюремъ будетъ совершаться постепенно. И теперь уже въ нихъ введено ночное разъединеніе и работы днемъ вмѣстѣ большого числа арестантовъ. Различныя мастерства приняты въ военныхъ тюрьмахъ, также какъ и въ гражданскихъ: сапожное, портняжное, шорное, и т. п.; невнающіе никакого мастерства щиплютъ пеньку. Но въ дополненіе и въ видѣ отягощенія наказанія, военные арестанты подвергаются ежедневно странному упражненію перекладыванья ядеръ. Оно заключается вотъ въ чемъ: арестанты по командѣ выходятъ на обширный тюремный дворъ и становятся очень просторными рядами въ нѣсколько шеренгъ. Передъ каждымъ арестантомъ лежитъ на землѣ двѣнадцати-фунтовое ядро. По командѣ арестанты наклоняются, берутъ каждый свое ядро, выпрямляются дѣлаютъ на лѣво кругомъ, шагъ впередъ, и опускаютъ ядро на землю. По новой командѣ они опять наклоняются, берутъ свои ядра, выпрямляются, дѣлаютъ на лѣво кругомъ, шагъ впередъ, и снова опускаютъ ядра на землю. Это странное упражненіе продолжается довольно быстрымъ, строго установленнымъ темпомъ, полтора часа утромъ и полтора часа вечеромъ. Для исправляющихся двѣнадцати-фунтовыя ядра замѣняются девяти-фунтовыми.

Такая гимнастика, оскорбительная для человѣческаго достоинства по своей безполезности, въ скоромъ времени будетъ вовсе отмѣнена и сдѣлается невозможною, когда между военными и гражданскими арестантами исчезнетъ всякая разница и всѣ они будутъ употребляемы на полезный производительный трудъ, сохраняющій государству значительныя суммы расходовъ.

IX.

Ирландская система тюремнаго заключенія, введенная сэромъ Вальтеромъ Крофтономъ и очень имъ восхваляемая, основана въ существѣ на тѣхъ же самыхъ началахъ Мэконоки, на которыхъ построена система англійская. Точно также первые девять мѣсяцевъ долгосрочнаго заключенія проводятся въ одиночествѣ за

Digitized by Google

работой; тюрьма, для этой цѣли устроенная, есть Маунтджой. Потомъ арестантъ поступаетъ въ исправительную тюрьму, Спайкъ-Айлэндъ, и посредствомъ усиленной работы можетъ сократить свой срокъ приблизительно на одну его четверть. Разница существуетъ въ двухъ пунктахъ: 1) система тюремныхъ отмѣтокъ принята иная, нежели въ Англіи, и 2) принята одна лишняя переходная ступень отъ тюрьмы къ свободѣ.

Отмѣтки составляютъ не шесть или восемь балловъ каждый день, какъ въ Англіи, а девять балловъ въ мѣсяцъ. При опредѣленіи отмѣтокъ, въ Англіи, поведеніе арестанта и успѣхи его въ классахъ вовсе не принимаются въ соображеніе, тогда какъ въ Ирландіи и то и другое имѣетъ одинаковое значеніе съ трудомъ. Въ этомъ случаѣ сэръ Вальтеръ Крофтонъ не согласенъ съ майоромъ Дю-Кэномъ. Первый въ защиту своей системы утверждаетъ, что одной работы мало, что онъ даетъ хорошія отмѣтки въ поведеніи не за притворное смиреніе и покорность, а въ самомъ дѣлѣ за то, что хорошо, что успѣхи въ ученіи ручаются ему въ томъ, что человѣкъ совсѣмъ опомнился, что мысли его приняли другое направленіе, получили новый складъ, относятся къ иному порядку, а это уже огромное ручательство не въ исправленіи, конечно, а въ томъ, что исправленіе становится возможнымъ. Второй выражаетъ, что арестанту не должно быть оставляемо ни минуты времени на то, чтобы такъ или иначе вести себя внѣ работы, и что отличная работа, заслуживающая восьми балловъ, требуетъ того, чтобы человѣкъ погрузился въ нее весь безъ остатка. Что же касается до грамотности, то онъ встрѣчалъ множество неисправимыхъ негодяевъ, сдѣлавшихся превосходными грамотѣями. На сторонѣ ирландской системы имѣется, повидимому, преимущество въ томъ отношеніи, что рабочая отмѣтка, а также отмѣтки по поведенію и ученью, назначаются за цѣлый мѣсяцъ, слѣдовательно въ теченіе довольно продолжительнаго времени поддерживается вниманіе арестанта къ самому себѣ, такъ-сказать, его наблюденіе за собою.

Переходная ступень отъ тюрьмы къ свободѣ составляетъ весьма счастливое примѣненіе заботливости просвѣщенныхъ филантроповъ о судьбѣ впавшихъ въ преступленіе младшихъ братій. Сэръ Вальтеръ Крофтонъ полагалъ, что для человѣка нѣтъ ничего опаснѣе перехода отъ заключенія, въ которомъ онъ вовсе былъ лишенъ воли и возможности сдѣлать что-нибудь противузаконное и избавленъ отъ соблазновъ, къ положенію, въ которомъ и соблазны со всѣхъ сторонъ, и легкая возможность всяческихъ отступленій, и навязчивость дурныхъ и вредныхъ зна-

Digitized by Google

комствъ. Онъ создалъ замѣчательное учрежденіе Лёскъ (Lusk), гдѣ арестанты (92 человѣка), отличными баллами сократившіе сроки своего заключенія, готовятся къ условной свободѣ, то-есть къ отпуску по извѣстному отпускному билету (ticket of leave). Здѣсь они только на ночь запираются въ казармахъ, но днемъ работаютъ свободно, безъ цѣпей, безъ запоровъ и безъ ограды. Говорятъ, что въ началѣ многіе арестанты, выгадавъ отличными баллами года два-три изъ назначеннаго закономъ срока и заработавъ небольшія деньги, до крайности боялись Лёска, выражая именно опасеніе, что они не въ состояніи будутъ выдержать такой свободы, убѣгутъ, и этимъ потеряютъ всѣ выгоды, пріобрѣтенныя отличнымъ поведеніемъ, ученьемъ и усердною работою. Послѣдствія показали однако же, что эти опасенія именно были ручательствомъ исправленія: съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Лёскъ, изъ него не было ни одного побѣга.

По наружному виду это не иное что, какъ большая ферма, въ которой содержится 92 работника. Директоръ фермы ведетъ работы по самымъ усовершенствованнымъ агрономическимъ способамъ, примѣняя къ дѣлу наилучшія машины, содержа наивыгоднѣйшія породы скота. Арестанты, въ которыхъ посѣтителю трудно видѣть арестантовъ, работая съ величайшимъ усердіемъ, иногда въ одиночку, на удаленныхъ поляхъ фермы, въ опредѣленное время возвращаются въ свою тюрьму и назавтра опять работаютъ, получая за самый тяжкій трудъ только семнадцать копѣекъ въ недѣлю.

Система не побоялась подвергнуть исправляющихся арестантовъ даже этому виду искушенія: опытъ показалъ, что на эти карманныя деньги бо́льшая часть арестантовъ покупаетъ хлѣбъ; стало быть тюрьма въ Лёскѣ, устроенная для того, чтобы дать бывшимъ преступникамъ возможность окрѣпнуть духомъ въ полусвободномъ состояніи, далеко не балуетъ своихъ арестантовъ и привязываетъ ихъ къ себѣ не цѣпями, не веревками, не запорами, а чѣмъ-то другимъ, именно тѣмъ, что составляетъ важнѣйшій элементъ исправленія: развившимися за время тюремнаго заключенія предусмотрительностью, бережливостью, умѣньемъ владѣть собою. Бывшій преступникъ, заработавшій себѣ посредствомъ прибавочныхъ балловъ сокращеніе срока заключенія на нѣсколько лѣтъ, пріучается беречь этотъ заработокъ, боится его потерять какимъ-нибудь отступленіемъ отъ установленныхъ въ Лёскѣ правилъ. Онъ уже умѣетъ бороться съ искушеніемъ, потому что не пропиваетъ свои 17 копѣекъ карманныхъ денегъ, а предпочитаетъ подкрѣпить себя болѣе существеннымъ и прочнымъ обра-

Digitized by Google

зомъ, хлѣбомъ. Довѣріе къ арестантамъ доходитъ до того, что тюремное начальство посылаетъ ихъ иногда съ порученіями въ Дублинъ, на разстояніе двадцати верстъ; товарищи даютъ такимъ счастливцамъ свои карманныя деньги и тоже даютъ имъ порученія: не бывало примѣра, чтобы Лёскскій арестантъ злоупотребилъ оказаннымъ ему довѣріемъ.

Итакъ, образцовое учрежденіе это представляется крайне полезнымъ: бывшіе преступники работаютъ на открытомъ воздухѣ и становятся несравненно здоровѣе, чѣмъ въ Спайкъ-Айлэндѣ, обыкновенной многолюдной исправительной тюрьмѣ, подобной Чатамской; сверхъ того они пріобрѣтаютъ множество полезныхъ свѣдѣній по части земледѣлія и практически узнаютъ улучшенные агрономическіе способы, которые неизбѣжно пригодятся имъ въ такой земледѣльческой странѣ, какъ Ирландія. Но главная цѣль, достигаемая такимъ превосходнымъ учрежденіемъ, какъ Лёскъ, заключается въ пріученіи долгосрочнаго арестанта мало-по-малу пользоваться свободой и въ примиреніи публики съ мыслью о возможности безопасно пользоваться услугами бывшихъ преступниковъ и каторжниковъ. Это послѣднее обстоятельство требовало настойчивыхъ, высоко-христіанскихъ усилій со стороны сэра Вальтера Крофтона. Вводя свою систему, онъ сильно былъ озабоченъ пріисканіемъ хорошихъ мѣстъ для людей, которые выпускаются изъ тюрьмы по отпускному билету. Онъ зналъ, что злые люди изъ бывшихъ, а чаще еще изъ будущихъ каторжниковъ, у самыхъ дверей тюрьмы ожидаютъ отпускаемаго для того, чтобы сначала отпраздновать его освобожденіе и мало-по-малу вовлечь его на ту дорогу, съ которой тюрьма въ продолженіе многихъ лѣтъ старалась его свести. Но публика относилась недовѣрчиво къ его филантропическимъ стремленіямъ: многіе фермеры не только не хотѣли принимать къ себѣ въ работники бывшихъ каторжниковъ, но еще смѣялись Крофтону въ лицо по поводу его предложеній, или просто не пускали его къ себѣ въ домъ, какъ неблагонадежнаго человѣка. Его высоко-христіанское подвижничество началось съ 1856 г., и въ теченіе многихъ лѣтъ увѣнчалось полнѣйшимъ успѣхомъ: бывшіе преступники, удостоившіеся отпускного билета и рекомендаціи сэра Вальтера Крофтона, принимались охотно, какъ самые благонадежные по прилежанію и честности работники. Теперь этотъ исполнитель въ теченіе длиннаго ряда годовъ ирландской системы заключенія оставилъ службу, но продолжаетъ принимать дѣятельное участіе въ тюремно-исправительныхъ дѣлахъ, и на конгрессѣ голосъ его

Digitized by Google

всѣми выслушивался съ тѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживалъ по своей опытности и любви къ дѣлу.

Вальтеръ Крофтонъ достигъ того, что количество преступленій въ Ирландіи уменьшилось въ поразительной степени, точно также, какъ и число рецидивистовъ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

		Изъ нихъ обвинены въ такихъ преступленіяхъ:
Въ 1854 г. было	3,933 арестанта.	710 человѣкъ.
„ 1855 „ „	3,427 „	518 „
„ 1856 „ „	3,209 „	389 „
„ 1857 „ „	2,614 „	426 „
„ 1858 „ „	2,277 „	358 „
„ 1859 „ „	1,773 „	322 „
„ 1860 „ „	1,631 „	331 „
„ 1861 „ „	1,492 „	368 „
„ 1862 „ „	1,314 „	592 „
„ 1863 „ „	1,575 „	511 „
„ 1864 „ „	1,768 „	407 „
„ 1865 „ „	1,776 „	299 „
„ 1866 „ „	1,637 „	265 „
„ 1867 „ „	1,431 „	296 „
„ 1868 „ „	1,335 „	246 „
„ 1869 „ „	1,325 „	191 „
„ 1870 „ „	1,290 „	245 „
„ 1871 „ „	1,228 „	219 „

Но противъ доставляемыхъ по этимъ рубрикамъ статистическихъ цифръ противники ирландской системы возражаютъ, что онѣ ничего не доказываютъ, такъ какъ большое число бывшихъ арестантовъ Крофтона попадаетъ, съ громадными волнами переселенцовъ, въ Америку и впадаетъ въ свои рецидивы тамъ, за океаномъ. Да сверхъ того,—прибавляютъ антагонисты,—кельты гораздо мягче англо-саксонцевъ, арестанты не имѣютъ въ Ирландіи того свирѣпо-озлобленнаго вида и характера, какъ въ Англіи, и потому ничего нѣтъ мудренаго, что они легче англичанъ поддаются исправляющему вліянію установленныхъ для этой цѣли учрежденій. Но если въ первомъ изъ этихъ двухъ возраженій есть своя доля правды, то второе не есть возраженіе, а подтвержденіе: каковъ бы ни былъ кельтскій характеръ въ сравненіи съ англо-саксонскимъ, ирландская система, очевидно, приходится совершенно впору къ той средѣ, въ которой она принята и, стало быть, достигаетъ своей цѣли.

Нельзя не замѣтить, что совершенное отсутствіе въ Ирландіи, также какъ и въ Англіи, свободныхъ земель крайне затрудняло Крофтона, какъ и теперь затрудняетъ общества, составившіяся для покровительства освобожденныхъ изъ тюремъ бывшихъ пре-

Digitized by Google

ступниковъ. Эти люди несутъ въ покровительственныя общества свои скудные тюремные заработки, или просятъ о непосредственной передачѣ своихъ денегъ въ эти общества и ожидаютъ, чтобы на рынкѣ, переполненномъ предложеніемъ труда, открылась возможность и имъ пристроить свои закаленныя въ тюремной работѣ силы. Еслибы подобная система, съ надлежащимъ приспособленіемъ, принята была, напр., у насъ, гдѣ количество свободныхъ земель (въ сибирскихъ губерніяхъ) находится въ избыткѣ, то она съ великою пользою замѣнила бы безсистемный видъ самостоятельнаго и послѣдовательнаго наказанія, называемаго поселеніемъ, и окончившіе свои сроки люди могли бы быть пристраиваемы безъ особенной трудности.

X.

Такимъ образомъ, изъ всего изложеннаго видно, что главнымъ основаніемъ для англійской и ирландской системъ исправительныхъ тюремъ служитъ та мысль, что преступленіе должно быть искуплено постояннымъ производительнымъ, и притомъ усиленнымъ трудомъ.

Поступая въ тюрьму, преступникъ сначала проводитъ девять мѣсяцевъ въ строгомъ одиночномъ заключеніи, соединенномъ съ безпрестанною тяжелою работою; потомъ онъ переводится въ другую тюрьму, гдѣ уже работаетъ въ обществѣ другихъ заключенныхъ и отдѣляется отъ нихъ только на ночь; наконецъ, сокративъ, прибавочными баллами, около $^1/_4$ опредѣленнаго ему судебнымъ приговоромъ срока заключенія, арестантъ выпускается на условную свободу и состоитъ нѣкоторое время подъ надзоромъ полиціи, пользуясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, покровительствомъ частнаго общества, главная забота котораго заключается въ томъ, чтобы пріискать освобожденному изъ тюрьмы работу и тѣмъ предохранить его отъ новаго преступленія.

Но при всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ англійской и ирландской тюремныхъ системъ, системы эти не отличаются полнотою, и для того, чтобы онѣ приносили государству и обществу всю ту пользу, какую слѣдуетъ ожидать отъ нихъ, необходимо дополнить ихъ, что, впрочемъ, и сознается уже въ Англіи правильно и систематически устроенными тюрьмами для содержанія лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ и судомъ, а также и приговариваемыхъ на короткіе сроки заключенія.

Поэтому, еслибы у насъ предстояло коренное преобразованіе нашихъ тюремъ, то можно было бы въ значительной степени вос-

Digitized by Google

пользоваться опытами, произведенными въ Англіи, не примѣняя, конечно, къ этому дѣлу всѣ стороны выработанной тамъ системы, такъ какъ подобное примѣненіе не всегда и не вездѣ было бы возможно.

Такъ, напримѣръ, къ преобразованію нашихъ тюремъ можно приступить не ранѣе, какъ по установленіи общаго и стройнаго плана предупредительно-карательныхъ учрежденій, и въ этомъ дѣлѣ правительство могло бы воспользоваться посильною помощью и содѣйствіемъ самого общества; безъ живого участія этого послѣдняго едвали мыслимо удовлетворительное устройство пріютовъ для бездомныхъ дѣтей и исправительныхъ школъ для дѣтей, впавшихъ въ преступленія, т.-е. такихъ учрежденій, для успѣшнаго веденія которыхъ болѣе всего необходимы внутреннее призваніе, особенное терпѣніе, снисходительность и врожденная любовь къ дѣтямъ,—однимъ словомъ,—такія качества, которыя не могутъ быть оплачены никакимъ жалованьемъ и не всегда встрѣчаются въ лицѣ административныхъ агентовъ. Только при подобныхъ условіяхъ обстановки исправительныхъ школъ и пріютовъ, учрежденія эти могутъ оказать извѣстную долю пользы и привести къ желаемымъ результатамъ—къ уменьшенію числа преступленій.

Затѣмъ правительству, уже одному, безъ содѣйствія общества, предстояло бы устройство:

1) целлюлярныхъ тюремъ для краткосрочныхъ арестантовъ;

2) такихъ же одиночныхъ тюремъ для лицъ, находящихся подъ судомъ и слѣдствіемъ;

3) исправительныхъ тюремъ, съ ночнымъ разобщеніемъ арестантовъ и общими ихъ работами, съ отдѣленіями для одиночнаго заключенія, на первое время, вновь прибывающихъ въ тюрьму арестантовъ, и—

4) полусвободныхъ мастерскихъ и земледѣльческихъ хуторовъ.

Необходимыя на устройство означенныхъ тюремныхъ учрежденій издержки далеко не такъ велики, чтобы не соотвѣтствовали тѣмъ средствамъ, какія правительство можетъ обратить на это дѣло. Во-первыхъ, число арестантовъ должно въ значительной степени уменьшиться уже по одному тому, что болѣе строгій порядокъ содержанія заключенныхъ въ тюрьмахъ позволитъ сократить продолжительность сроковъ тюремнаго заключенія; во-вторыхъ, съ преобразованіемъ тюремъ на новыхъ основаніяхъ, должно сократиться также и самое число случаевъ преступленій, ибо тюрьмы не будутъ уже служить, какъ нынѣ,—чѣмъ-то въ родѣ школъ всевозможныхъ пороковъ, гдѣ, вслѣдствіе смѣшенія арестантовъ различныхъ категорій,—изъ людей, сравнительно, малоразвращенныхъ, а иногда и совершенно неиспорченныхъ, какъ, напримѣръ,

Digitized by Google

нѣкоторая часть подсудимыхъ и подслѣдственныхъ арестантовъ,—подготовлялся значительный контингентъ будущихъ преступниковъ; въ-третьихъ, наконецъ,—можетъ быть признано будетъ возможнымъ и у насъ дать болѣе широкое примѣненіе началу отпусковъ подслѣдственныхъ арестантовъ подъ поручительство. Судебное вѣдомство съумѣетъ, конечно, найти и назначить предѣлы, до которыхъ это начало можетъ быть распространено, безъ ущерба для правосудія; примѣненіе же этого правила на практикѣ послужитъ къ уменьшенію, въ значительной степени, числа арестантовъ, содержащихся въ тюрьмахъ, и слѣдовательно сократитъ издержки, потребныя на устройство тюремныхъ помѣщеній.

Но при всемъ томъ, какъ бы ни было значительно подобное сокращеніе числа арестантовъ, все-таки общая цифра заключенныхъ въ тюрьмахъ будетъ очень велика, и потому, въ видахъ возможнаго уменьшенія расходовъ на устройство тюремъ, было бы весьма полезно примѣнить къ этому дѣлу трудъ самихъ арестантовъ, насколько это позволятъ различныя мѣстныя особенности и обстоятельства.

По примѣру военнаго вѣдомства, которое, при устройствѣ своихъ исправительныхъ ротъ, на дѣлѣ доказало,—съ какими незначительными, сравнительно, средствами могутъ быть, при широкомъ примѣненіи арестантскаго труда, произведены обширныя постройки и передѣлки тюремныхъ зданій, подъ помѣщеніе гражданскихъ тюремъ могли бы быть обращены нѣкоторыя изъ находящихся почти повсюду, по всей Россіи, казенныхъ зданій или частныя упраздненныя фабрики и заводы, или же, наконецъ, существующіе тюремные замки и остроги, которые при устройствѣ въ нихъ, трудомъ самихъ арестантовъ, ночного разъединенія и при другихъ необходимыхъ приспособленіяхъ, будутъ вполнѣ соотвѣтствовать своему назначенію. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда для помѣщенія тюрьмы представится необходимымъ возводить всѣ постройки вновь, избранную для того мѣстность можно оградить каменнымъ или даже деревяннымъ заборомъ, и построивъ въ этой оградѣ бараки для помѣщенія арестантовъ и караула, производить всѣ работы, начиная отъ выдѣлки кирпича, необходимаго на постройки, и кончая мельчайшими столярными и слесарными подѣлками, трудомъ арестантовъ, при возможно ограниченномъ участіи въ этихъ работахъ вольнонаемныхъ мастеровыхъ. Точно такой же способъ можетъ быть примѣняемъ и къ работамъ при возведеніи новыхъ флигелей, для камеръ одиночнаго заключенія, при перестройкѣ и приспособленіи подъ помѣщеніе тюрьмы зданій, уже существующихъ.

Digitized by Google

При общемъ преобразованіи нашей тюремной системы нельзя будетъ, конечно, вводить въ наши тюрьмы всѣ порядки, принятые въ тюрьмахъ англійскихъ. Девятимѣсячный срокъ одиночнаго заключенія, положенный въ Англіи до перехода арестанта къ общимъ работамъ, у насъ будетъ вѣроятно признанъ слишкомъ продолжительнымъ, поэтому не представляется и надобности устроивать для такихъ девятимѣсячныхъ сроковъ отдѣльныхъ тюремъ; но всѣ періоды заключенія, какіе будутъ установлены въ исправительной системѣ, могутъ быть проводимы арестантами въ одной и той же тюрьмѣ, и развѣ полезно будетъ отдѣлить только полусвободную мастерскую и земледѣльческій хуторъ, переводя ихъ въ другое зданіе и мѣсто, или даже въ другой уѣздъ.

Опытъ и внимательное наблюденіе характера русскаго арестанта укажутъ, въ какой мѣрѣ можно будетъ воспользоваться, примѣнительно къ тюремному заключенію, артельными привычками нашими и другими отличительными чертами характера русскаго человѣка.

Наконецъ, найдено ли будетъ возможнымъ, или нѣтъ, отпускать арестантовъ на условную свободу раньше истеченія постановленнаго приговоромъ срока, во всякомъ случаѣ необходимо будетъ, для увѣнчанія тюремнаго дѣла, участіе общества по устройству надзора за выпущенными на свободу арестантами. Комитеты для покровительства бѣднякамъ, отработавшимъ въ тюрьмѣ свой срокъ, чтобы не дать имъ, по неимѣнію занятія, опять впасть въ преступленіе, будутъ нѣкотораго рода нравственными карантинами, непропускающими въ зараженное товарищество людей, искупившихъ свою вину передъ обществомъ посредствомъ каторжнаго труда. Это поприще полезной дѣятельности благотворительныхъ лицъ могло бы быть теперь же указано нѣкоторымъ изъ тюремныхъ комитетовъ: если бы они обратились въ общества для покровительства освобожденнымъ арестантамъ, то они оказали бы несравненно бо́льшія услуги, нежели можно ожидать отъ ихъ нынѣшняго, иногда несвоевременнаго, вмѣшательства въ тюремную администрацію.

Въ наше время мы имѣемъ право разсчитывать, что такое полное и всестороннее переустройство нашихъ тюремъ, съ принятіемъ всѣхъ и предупредительныхъ и покровительственныхъ мѣръ—не за горами, потому что, надобно думать, сто́роны, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, и у насъ всегда готовы на добро.

М. Анненковъ.

Digitized by Google

ПРОМЕТЕЙ

Изъ Байрона.

Не съ равнодушіемъ, какъ боги,
Титанъ безсмертный, ты глядѣлъ
На человѣческій удѣлъ,
Его напасти и тревоги.
Ты насъ любилъ; но что-жъ тебѣ
Наградой было? Лишь страданья,
Въ упорной и нѣмой борьбѣ,
Борьбѣ, не знавшей упованья, —
Оковы, коршунъ и скала...
Всѣ скорби душъ непобѣдимыхъ
Душа твоя пережила:
Жестокость мукъ, никѣмъ незримыхъ,
Весь гнётъ тоски, которой стонъ
Въ груди страдальца подавлялся,
Чтобъ Зевса вѣстникъ и шпіонъ
Не услыхалъ... И ты боялся,
Чтобъ даже эха легкій звукъ
Не выдалъ небу тайныхъ мукъ.
Борьбу страданія и воли,
Титанъ! извѣдалъ ты до дна:
На свѣтѣ нѣтъ мрачнѣе доли —
Средь пытки въ гробъ ведетъ она.

Digitized by Google

И вотъ, царь неба непреклонный,
Злой деспотизмъ судьбы глухой,
Капризъ всевластной силы, склонной
Творить существъ несчастныхъ рой —
Тебѣ и въ смерти отказали, —
И въ этомъ благѣ! — и вѣнцомъ
Безсмертья жалкаго вѣнчали!
Но ты не слабымъ былъ бойцомъ,
И перенесъ свой жребій твердо.
Все, что́ громометатель гордый
Исторгнуть могъ изъ устъ нѣмыхъ,
Была угроза—голосъ рока,
И съ ней весь ужасъ мукъ твоихъ
Проникнулъ въ грудь его глубоко.
Какъ ясно твой провидѣлъ взоръ
Судьбу звѣзды его случайной;
Но ты не подѣлился тайной,
И будто смертный приговоръ
Слова твои ему звучали!
Раскаянье и блѣдный страхъ
Имъ овладѣли... Задрожали
Перуны въ трепетныхъ рукахъ!
Твое святое престу́пленье —
Въ томъ, что ты былъ добра пророкъ,
Что ты, давъ людямъ наставленья,
Изгнать часть бѣдствій имъ помогъ,
И человѣка духъ унылый
Довѣрьемъ къ разуму поднялъ;
Но ты, при всѣхъ гоненьяхъ силы,
Примѣръ намъ мощный завѣщалъ —
Въ отпорѣ стойкомъ злобѣ дикой
И въ твердости души великой,
Сломить которой не могли
Всѣ гро́зы неба и земли.
Для смертнаго, въ твоей судьбинѣ —
Вѣсть силъ и участи его:
Какъ ты, онъ частью божество,
Токъ ясныхъ водъ, бѣгущій въ тинѣ.
И онъ способенъ жребій свой
Предузнавать—свои мученья,
Напоръ бѣды и споръ съ бѣдой,

Digitized by Google

Дни одинокаго томленья, —
Все, отъ чего ему оплотъ
Духъ мощи собственной даетъ,
Духъ равносильный всѣмъ страданьямъ...
И въ немъ есть воля, есть сознанье
Высокихъ, вѣчныхъ правъ своихъ, —
То чувство, что́ и въ пыткахъ злыхъ
Не остается безъ награды —
Глубокой внутренней отрады, —
Всечасно крѣпнетъ средь обидъ,
Въ бореньи доблестномъ мужаетъ
И въ битву радостно спѣшитъ
И смерть въ побѣду претворяетъ.

В. Марковъ.

Digitized by Google

РУССКІЕ

ВЪ

ГАЛИЦІИ

Литературныя и политическія замѣтки.

III *)

Только послѣ долгихъ испытаній русины замѣтили наконецъ, что надеждъ на центральное правительство возлагать больше нечего, на Россію тѣмъ паче, и тогда между галицкими руководящими людьми стала укрѣпляться идея, что опоры для патріотической дѣятельности надо искать подъ ногами, въ собственномъ краѣ. Эта идея повела къ новымъ исканіямъ путей, не всегда удачнымъ, но мало-по-малу изъ нея стали вытекать и такія дѣйствія, которыя подаютъ надежду на лучшій исходъ борьбы за русскій народъ и народность въ Галиціи, чѣмъ тѣ, какія мы видѣли до сихъ поръ. Для выхода изъ какого-либо положенія, надо прежде всего сознаніе этого положенія. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ очень важнымъ слова вице-маршала сейма галицкаго, совѣтника г. Лавровскаго, о результатахъ его наблюденій надъ положеніемъ національнаго вопроса въ Чехіи и Галиціи. «Когда въ 1871 г. я былъ въ Прагѣ, то имѣлъ случай разговаривать съ чешскими политическими дѣятелями. Чехи говорили: «Вы, русины, хотите ѣздить на конѣ высокой политики, а русскіе избиратели выбираютъ поляковъ депутатами. До такой степени они

*) См. выше: янв. 115 стр.

Digitized by Google

не имѣютъ понятія о правахъ своей народности! Въ чемъ же ваша сила? Пока мы, чехи, на народъ нашъ съ увѣренностію не могли разсчитывать, мы не вели оппозиціи противъ нѣмцевъ. Мы просили: дайте намъ школу; а давали намъ одну,—мы требовали другой. Такъ мы добивались разъ одного, другой—другого, и старались прежде всего просвѣтить нашъ народъ. Теперь мы уже сидимъ на конѣ высокой политики, но у насъ чехъ нѣмца въ послы не выбираетъ, и бытъ матеріальный у насъ не такой, какъ у васъ. Такъ и вамъ надо стараться силы ваши укрѣпить просвѣщеніемъ народа и поднять его благосостояніе». Въ объясненіе того обстоятельства, что русинскіе крестьяне выбираютъ польскихъ депутатовъ, надо сказать, что съ тѣхъ поръ какъ администрація перестала поддерживать на выборахъ русинскихъ депутатовъ-священниковъ, это явленіе стало неизбѣжнымъ: сами патріотическія газеты русинскія, въ томъ числѣ и «Слово», плачутся, что за бочку водки крестьяне выбираютъ помѣщиковъ (дѣдичей) депутатами (на послѣднихъ выборахъ въ сельскихъ округахъ восточной, т.-е. русинской Галиціи, было выбрано 18 поляковъ-помѣщиковъ), или же такихъ изъ себя, которые не имѣютъ ни подготовки, ни характера, чтобъ держать себя независимо на сеймѣ. Поляки поэтому тамъ, гдѣ не могутъ провести своего кандидата изъ помѣщиковъ, поддерживаютъ такихъ кандидатовъ изъ «хлоповъ» и даже выбираютъ ихъ депутатами въ вѣнскій рейхсратъ, если на какой округъ нѣтъ своего кандидата. Разумѣется, что такіе «хлопы», не понимая нѣмецкаго языка, только то и дѣлаютъ, что получаютъ суточныя деньги. Галицкіе литераторы и политики изъ духовныхъ ужасно злятся поэтому на своихъ «хлоповъ» вообще, т.-е. на свой собственный народъ, честя ихъ подъ-часъ выраженіями не лучше извѣстнаго «быдла»—польскихъ пановъ. Но надо вспомнить, что въ то время, когда устроивался бытъ крестьянъ, галицкіе духовные были въ большой силѣ «у Цезаря», однакожъ за помѣщиками оставлено не только исключительное владѣніе лѣсами и выпасами, но и право продажи водки (пропинація), т.-е. крестьяне поставлены въ весьма тяжелую зависимость отъ помѣщиковъ. Поздно только спохватились духовные представители галицкаго народа и два раза, правда, подавали петиціи императору, указывающія на невыгоду для русскаго народа разрѣшенія вопроса о выпасахъ,—но эти прошенія канули въ архивахъ вѣнскихъ канцелярій, да и вообще, какъ мы видѣли, петицій о такихъ «низкихъ» и «матеріальныхъ, хлопскихъ» вопросахъ было очень мало сравнительно съ адрессами, петиціями и т. п., о вопросахъ

Digitized by Google

высокой политики. Если посмотрѣть на избирательные манифесты и рѣчи святоюрскихъ политиковъ тѣхъ временъ, когда они были въ большой силѣ, то не найдете много заботъ о такихъ матеріяхъ, а найдете развѣ аргументы въ родѣ того, что «слѣдуетъ слушаться батюшки»,—а «поляки не уважаютъ русской вѣры и батюшекъ»; слѣдуетъ слушаться кесаря, а поляки идутъ противъ кесаря, поддерживая враговъ его и т. д. Мудрено ли, что крестьянинъ, мало понимающій въ конституціонныхъ вопросахъ, видя, что теперь кесарь назначаетъ поляковъ министрами, намѣстниками и т. д., слушается польскихъ чиновниковъ, и испытавъ мало пользы отъ того, что онъ «слушался батюшки», подаетъ голосъ въ пользу пана за нѣсколько вязанокъ дровъ да за стаканъ водки? Онъ все-таки употребляетъ эти дрова и водку для себя, т.-е. получаетъ хоть что-нибудь. Святоюрцамъ всего менѣе прилично бы было говорить съ презрѣніемъ о «хлопахъ», а лучше постараться привлечь ихъ къ себѣ болѣе дѣйствительными мѣрами, чѣмъ до сихъ поръ; между тѣмъ до сихъ поръ галицко-русскіе патріоты не воспользовались даже всѣми средствами вліянія на народъ, какія имъ даетъ австрійская конституція: такъ, напримѣръ, только недавно обратили они вниманіе на то, что эта конституція даетъ имъ возможность собирать народныя сходки, которыя, напримѣръ, у чеховъ дошли до грандіознаго развитія,—и почти на этихъ дняхъ только собрана была сходка въ Бедриковцахъ, и то крестьянскимъ депутатомъ г. Войчукомъ, который скоро за тѣмъ умеръ, какъ подозрѣваютъ даже отъ отравы; сходка эта постановила ходатайствовать объ избитомъ уже вопросѣ объ раздѣленіи Галиціи, но вмѣстѣ и о пересмотрѣ законовъ о пропинаціи. Но сколько времени упущено и съ 1848 г., и съ 1861, и даже съ 1867 года!

Вотъ это-то ясное сознаніе своего политическаго безсилія и безплодности ѣзды на конѣ высокой политики, въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ, побудило въ 1870 г. нѣсколькихъ изъ болѣе вліятельныхъ депутатовъ русинскихъ договориться съ поляками объ условіяхъ согласной политики по вопросу объ отношеніяхъ Галиціи къ имперіи. Во главѣ этихъ депутатовъ стали г. Лавровскій, всегда принадлежавшій къ такъ-называемымъ политикамъ, или умѣреннымъ, и о. Наумовичъ, который всегда принадлежалъ къ такъ-называемымъ «твердымъ», и на «бокалъ» которому, въ знакъ сочувствія за его рѣзкія рѣчи противъ поляковъ и выраженія надеждъ на Россію, у насъ собирали въ 866—67 г. деньги. Впрочемъ, Наумовичъ несравненно больше другихъ своихъ собратовъ заботился о народѣ, издавая для него

Digitized by Google

еженедѣльныя газеты, составляя сельско-хозяйственныя статьи и брошюры, хотя и церковною правописью и шрифтомъ, но чистымъ народнымъ языкомъ (и такому человѣку бокалъ хотѣли поднести тѣ самые люди, которые обзывали г. Костомарова орудіемъ польской интриги за намѣреніе печатать тѣмъ же языкомъ книги для народа въ южной Россіи!) Предложеніе гг. Наумовича и Лавровскаго было, впрочемъ, подписано 30-ю депутатами русскими, т.-е. почти всѣми наличными силами русскими въ львовскомъ сеймѣ. Отъ имени этихъ депутатовъ представилъ г. Лавровскій въ 1869 г. цѣлый проектъ условій, на которыхъ русинскіе депутаты соглашаются не протестовать противъ извѣстной «резолюціи» львовскаго сейма объ автономіи Галиціи. Условія эти касаются главнымъ образомъ употребленія русскаго языка въ администраціи и судѣ округовъ чисто русинскихъ и смѣшанныхъ (т.-е. такихъ, въ коихъ русиновъ не меньше $^1/_5$), а особливо устройства народнаго образованія на *русскомъ* языкѣ. По этому проекту въ школахъ первоначальныхъ языкомъ преподаванія признается языкъ большинства населенія,—меньшинству здѣсь, какъ и вообще, предоставляется завести параллельные классы. Во всякомъ случаѣ въ смѣшанныхъ мѣстностяхъ учитель долженъ знать оба языка, польскій и русскій. Нормальная школа въ Львовѣ должна имѣть языкомъ преподаванія — русскій. Въ Львовѣ должна быть учреждена одна высшая семинарія съ русскимъ языкомъ; въ Станиславовѣ тоже, а пока вездѣ въ провинціяхъ заведутся учительскія семинаріи, приготовительныя школы въ Львовѣ, Бучачѣ и Перемышлѣ будутъ имѣть языкомъ преподаванія языкъ русскій. Изъ гимназій львовская академическая, въ которой и теперь въ низшемъ отдѣленіи преподается по-русски, русскій языкъ долженъ ввестись постепенно во всѣхъ классахъ, а въ гимназіяхъ въ Станиславовѣ, въ Перемышлѣ Бережанахъ, Самборѣ и Тарнополѣ, въ которыхъ теперь преподается русинамъ только русскій языкъ, натурально по-русски, должны были основаться во всѣхъ классахъ два отдѣла,—одинъ польскій, другой русскій. Для составленія и одобренія русскихъ учебниковъ должна быть устроена особая коммиссія, подъ надзоромъ общей земской школьной рады, изъ одного лица назначеннаго этой радой, какъ предсѣдателя, изъ профессора русскаго языка и литературы въ львовскомъ университетѣ, двухъ членовъ товарищества ученаго «Просвіта», двухъ членовъ товарищества «Галицкая русская Матица» и трехъ членовъ выбранныхъ предыдущими лицами. Въ университетѣ львовскомъ оба мѣстные языка признаются равноправными, и теперь же должны быть

Digitized by Google

открыты каѳедры съ русскимъ языкомъ: на юридическомъ факультетѣ по всѣмъ предметамъ, по которымъ требуется экзаменъ на званіе судьи (теперь есть двѣ каѳедры русскія на юридическомъ факультетѣ), на философскомъ: каѳедра русскаго языка и литературы (есть), философіи, классической филологіи, всеобщей исторіи, мѣстной исторіи, математики, физики и естественныхъ наукъ. Для наблюденія за неприкосновенностью правъ русскаго языка долженъ быть выбираемъ непремѣнный членъ изъ русиновъ въ постоянный комитетъ галицкаго сейма.

Мы нарочно привели существенныя статьи изъ предложенныхъ русскими депутатами условій, по принятіи которыхъ они соглашались поддерживать извѣстную резолюцію польскаго большинства объ автономіи Галиціи, — такъ какъ нѣкоторыя наши изданія, не познакомивъ нашу публику съ самою сущностію этихъ условій, набросили тѣнь на эту попытку соглашенія русиновъ съ поляками только по одному тому, что это—соглашеніе. Нашимъ политиканамъ извѣстнаго сорта за словами «соглашеніе съ поляками» сейчасъ же кажется «польская интрига», и притомъ направленная во вредъ Россіи,—а потому они голословно осудили попытку этого соглашенія и свернули ее на украинофиловъ. Точно будто русинамъ нечего и дѣлать какъ спорить съ поляками и притомъ платонически, безъ всякой выгоды для себя, какъ было до сихъ поръ, и точно русины живутъ прежде всего не для самихъ себя, а для такой или другой системы, принятой относительно поляковъ въ Россіи? Замѣтимъ при этомъ, что кто желаетъ добра національнымъ стремленіямъ русиновъ въ Галиціи, тотъ именно долженъ всего болѣе уберегаться отъ поставленія ихъ отношеній въ Галиціи съ поляками и нашихъ съ поляками въ царствѣ польскомъ въ зависимость между собою. У насъ кн. Черкасскій, въ отвѣтъ на рѣчь Ригера въ Москвѣ въ 1867-мъ г., о необходимости примиренія русскихъ съ поляками, сказалъ при рукоплесканіяхъ присутствовавшихъ москвичей, что исторія рѣшила безповоротно вопросъ о полномъ слитіи царства польскаго съ Россіей, но что если поляки хотятъ примиренія съ русскими въ Россіи, такъ пусть начнутъ съ признанія правъ русскихъ въ Галиціи. Въ духѣ этихъ словъ у насъ пишутъ весьма многіе изъ органовъ печати. А между тѣмъ въ этихъ словахъ находится не только рѣзкое противорѣчіе, но и опасное именно для русиновъ сопоставленіе,—ибо и поляки могутъ въ свою очередь сказать, что не признаютъ правъ послѣднихъ, пока не будутъ признаны права поляковъ въ Россіи, и могутъ не только не соглашаться на такія во всякомъ случаѣ

Digitized by Google

нѣскія уступки, которыя изложены въ вышеприведенномъ проектѣ соглашенія, но даже, чтобъ привести положеніе русиновъ въ Галиціи въ полное соотвѣтствіе съ положеніемъ поляковъ въ царствѣ польскомъ, замѣнить польскимъ языкомъ русскій языкъ, употребляемый теперь въ народныхъ школахъ въ восточной Галиціи, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, и уничтожить тѣ три каѳедры русскія, какія есть въ львовскомъ университетѣ. Къ сожалѣнію, именно поставленіе отношеній поляковъ и русскихъ въ Галиціи въ связь съ отношеніями ихъ въ Россіи имѣло отчасти вліяніе на неуспѣхъ предположеннаго въ 1869 г. соглашенія. Сначала сеймъ львовскій одобрилъ въ принципѣ соглашеніе, и чтобъ показать готовность удовлетворить духовныя потребности русиновъ, назначилъ пособіе въ три тысячи гульденовъ театру русскому, въ которомъ отказывалъ въ 1865 г., и кромѣ того обществу «Просвіта» 1000, и журналу «Учитель» 500 гульд. Впрочемъ, вообще изъ поведенія сейма не видно было, чтобъ онъ совершенно былъ убѣжденъ въ необходимости серьезныхъ уступокъ русинамъ. Разсмотрѣніе предложеній русинскихъ депутатовъ было возложено сеймомъ на постоянный комитетъ, которому было поручено составить коммиссію изъ компетентныхъ людей, поляковъ и русскихъ. Въ коммиссію эту было приглашено 8 поляковъ, депутатовъ сейма, профессоровъ университета и директоровъ училищъ, и 7 русиновъ: вице-предсѣдатель сейма Ю. Лавровскій, проф. Шараневичъ, крылошанинъ Петрушевичъ, кр. Павликовъ, директоръ академической гимназіи Ильницкій, учитель Вахнянинъ и докторъ Сушкевичъ.

Скоро оказалось, что ни у поляковъ не было желанія дать серьезныя уступки русинамъ, ни у послѣднихъ еще не отпала охота ѣздить на конѣ высокой политики и высокихъ вопросовъ, и что еще хуже, русины обнаружили крайній недостатокъ того политическаго такта, которымъ, напр., въ такой большой степени владѣютъ чешскія партіи. Мы уже отчасти упоминали о раздѣленіяхъ на партіи между русинами, изъ коихъ выдвигаются наиболѣе ясно различно называемыя двѣ партіи: старыхъ и молодыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, твердыхъ и мягкихъ, святоюрцевъ и народовцевъ, москвофиловъ и украинофиловъ и т. п., и скажемъ дальше объ этомъ еще нѣсколько словъ. А теперь замѣтимъ, что раздраженіе между партіями таково, что «старые» подавали въ 1870-мъ г. голоса за поляковъ, только бы не прошелъ въ сеймъ депутатомъ г. Лавровскій, который въ это время присоединился къ «молодымъ». Когда внесенъ былъ 30-ю русскими депутатами проектъ соглашенія съ поляками, всѣ партіи,

Digitized by Google

казалось, рѣшились поддержать его единодушно. «Слово», признанное передъ тѣмъ еще разъ органомъ института лавры ставропигіальной, «Русской Матицы» и крылошанъ святого Юрія,— говорило о проектѣ въ такихъ словахъ, которыя мы нарочно приведемъ въ подлинникѣ, чтобы наши читатели видѣли на примѣрѣ, какую цѣну надо придавать мнѣніямъ самого «Слова» и покровительствующихъ ему нашихъ газетъ о литературномъ единствѣ Галиціи съ Россіей: «Дуже (очень) ошибаются тіи изъ нашихъ родимцевъ (земляковъ), которыи думаютъ, що выступленіе г. Лавровскаго и Наумовича въ 3-мъ засѣданіи сойма съ предложеніемъ поразумѣніяся съ поляками послѣдувало за выразнымъ препорученіемъ гр. Бейста, и приклоннаго, якъ извѣстно, не только польскому дѣлу, но и польскимъ мечтамъ. На щастье дѣло стоитъ совершенно инакше. Наши руски послы поняли важность нынѣшней ситуаціи, якъ належитъ и прійшли къ тому заключенію, що отъ цислитанскаго правительства и отъ г. Бейста народъ рускій ніякои защиты надѣятися не можетъ: противно... Мы можемъ имѣти нашу будущность, если не упадемъ подъ ноги иноплеменникамъ, но яко одинъ мужъ станемъ вразъ съ другими славянскими народами въ защитѣ единоспасительной для Австріи федеративной системы. Потребу поразумѣніяся съ поляками выразила еще Русь подъ днемъ 18-го юнія сего года въ своемъ протестѣ въ «Словѣ» противъ празднованія уніи люблинской, но она жадала, чтобы ініціятива выйшла отъ поляковъ. Польскій журналъ «Czas» выразно жалѣе, что ініціятива не выйшла отъ поляковъ... Съ поляками мы уже довольно навраждовалися, и щожь маемъ изъ той вражды? Нѣмцамъ централистамъ мы наслужилися такожъ больше, якъ довольно, бо до омерзѣнія, и якуюжъ надгороду маемъ за нашу вѣрну службу? При поразумѣніи съ поляками, що нынѣ стратимъ? Голый разбою не боится, но зыскати можемъ много, если твердымъ компромисомъ, забезпечивши себѣ права индивидуальности нашой народной, пойдемъ вразъ съ ними и другими славянами противъ равно всѣмъ намъ погубной нѣмецкой централизаціи» («Слово», 1867, № 76).

Черезъ нѣсколько времени «Слово» потревожилось статьями объ этомъ соглашеніи, появившимися въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ» и «Варшавскомъ Дневникѣ», думая, по обыкновенію заграничной печати, столь вредному и для Россіи и для западныхъ славянъ, что голоса газетъ такого направленія выражаютъ собою мнѣніе не только общества, но и правительства въ Россіи, а оставить надежды на помощь послѣдней все-таки было трудно «Слову», такъ много объ этомъ читавшему и пи-

Digitized by Google

савшему. Поэтому уже въ № 80-мъ «Слово» заявило, что оно не приняло вѣсть о предложеніи г. Лавровскаго (уже о г. Наумовичѣ не упоминается) съ восторгомъ, а въ № 82-мъ заявило неудовольствіе на малость требованій русскихъ депутатовъ и на рѣчь г. Лавровскаго, которая, по словамъ львовской газеты, «указывала, яко бы русскій (теперь опять съ двумя *с*) народъ въ Галиціи изнемогъ до такой степени, что его существованіе зависитъ только отъ польской милости», и т. д.,—а черезъ нѣсколько времени «Слово» уже не щадило выраженій противъ коммиссіи, назначенной постояннымъ комитетомъ сейма и противъ ея проектовъ. Львовская газета раздѣлила въ это время русиновъ на «твердыхъ» и «мягкихъ», именуя «твердыми» только своихъ, и такъ разклассифицировала русскихъ членовъ упомянутой коммиссіи: «три отъявленныхъ украинофила, два середину (?) держащихъ (Шароневичъ и Лавровскій) и только двое «твердыхъ русиновъ», искреннихъ приверженцевъ Руси коренной»,—(оба упомянутые выше крылошанина); а потомъ и органъ «твердыхъ русиновъ» сталъ представлять и все дѣло соглашенія затѣей «украинофиловъ», несмотря на то, что въ коммиссіи всѣ русскіе члены, т.-е. и оба крылошанина подавали голоса за одинаковыя предложенія. Полемика органа столькихъ важныхъ въ Галиціи церковныхъ учрежденій противъ работъ въ коммиссіи для соглашенія русиновъ съ поляками, разумѣется, ослабила вѣсъ ея въ глазахъ поляковъ, а ссылки «Слова» на русскія газеты, враждебныя существованію польской народности, давали полякамъ, не желавшимъ искренняго соглашенія съ русинами (желала его только небольшая партія, такъ-называемая краковская, и демократы-федералисты, предводимые Смолкой, а не желала партія Земяковскаго, т.-е. бюрократически-аристократическое большинство польскихъ депутатовъ),—давали поводъ толковать объ опасности дѣлать русинамъ уступки, которые поведутъ только къ «омосковленію» Галиціи. Попытки достигнуть соглашенія и между партіями среди русиновъ, иниціативу которой взялъ на себя митрополитъ Сембратовичъ, не привели ни къ чему: сначала обѣ партіи выказали готовность соглашенія,—и «молодые русины», которые составляли уже большинство въ «Бесѣдѣ русской», выбрали въ знакъ примиренія въ комитетъ ея нѣсколькихъ членовъ изъ «старыхъ»,—но скоро старые выключили молодыхъ изъ общества «Русская Рада», въ которомъ составляли большинство.

Не состоялось соглашеніе между молодыми и старыми оттого, что вмѣсто того, чтобъ говорить о практическихъ вопросахъ, на которыхъ обѣ стороны могли согласиться въ образѣ дѣйствій,—

Digitized by Google

обѣ *сейчасъ же* подняли все тотъ же злосчастный вопросъ: что такое русины? По приглашенію митрополита, товарищество «Просвіта» отъ имени «молодыхъ» представило записку, въ которой объясняло, что главный корень раздѣленія, существующаго между русинскими партіями, заключается въ томъ, что кружокъ «Слова» отступилъ отъ формулы 1848 г., что русины суть часть 15-ти-милліоннаго малорусскаго племени, и провозгласило тожество русиновъ съ великоруссами, въ противность какъ прежнимъ своимъ словамъ, такъ и мнѣніямъ о малорусскомъ языкѣ авторитетовъ филологіи, не только западно-славянскихъ, какъ Шафарикъ, г. Миклошичъ и др., и малорусскихъ, какъ г. Максимовичъ, и русинскихъ, какъ г. Головацкій, но и самихъ великоруссовъ, какъ г. П. Лавровскій. Представители молодыхъ признавали такимъ образомъ раскольниками старыхъ и требовали, для возстановленія мира, возвратиться къ формулѣ 1848 г. Конечно, на такомъ синтетическомъ полѣ соглашенія нигдѣ и никогда не достигаются,—а въ Галиціи, гдѣ, собственно говоря, никто хорошенько не знаетъ не только того, что такое Россія вообще, или Великороссія, но даже Малороссія, тѣмъ паче. Русинамъ просто слѣдовало бы обратиться къ своимъ элементарнымъ дѣламъ, въ коихъ они могли бы и помириться. Но это случится развѣ тогда, когда или галичане дойдутъ до окончательнаго излеченія отъ страсти предпочитать высокія и далекія матеріи низкимъ и близкимъ, или узнаютъ Россію и Малороссію получше, или хоть сознаются, что они вовсе ихъ не знаютъ. Но до такого состоянія и теперь еще далеко галичанамъ, а нѣсколько времени назадъ было еще дальше,—оттого всякаго рода попытки соглашенія между галицкими партіями приводили только къ новымъ раздорамъ. Въ отвѣтъ на программу «Просвіта» партія старыхъ своей оффиціальной программы не представила, вѣроятно, потому, что иные считали неполитичнымъ въ Австріи признаться въ солидарности съ филологическими идеями «Слова»,—другіе же, среди духовныхъ особенно, сами имѣли больше всего наклонности избѣгать общенія со всякаго рода живыми силами и языками и держаться строго австро-рутенскихъ идей. Дѣло ограничилось только тѣмъ, что «Слово» напало на программу «молодыхъ», обозвавъ ихъ «мягкими» и измѣнниками русскому народу. Да и самъ митрополитъ и его приближенные не очень-то принимали къ сердцу соглашеніе между русскими партіями, изъ коихъ и къ народовцамъ они не имѣли большой симпатіи,—по причинамъ, о которыхъ скажемъ ниже,—и обусловили это соглашеніе тѣмъ, чтобъ обѣ партіи признали митрополита политическимъ вождемъ руси-

Digitized by Google

новъ, къ чему именно «молодые» русины большой наклонности не имѣли.

Между тѣмъ, упомянутая коммиссія медленно выработывала проектъ соглашенія. Впрочемъ, и коммиссія начала работу съ конца, который предвѣщалъ мало добраго,—а именно съ теоретическаго вопроса и съ предрѣшенія будущаго,—съ вопроса, что такое галицкіе русины и въ какихъ отношеніяхъ они должны стоять къ другимъ народамъ. Вопросъ этотъ подняли прежде всего поляки. Если бы русины радикально излечились отъ страсти ѣздить на конѣ высокой политики, они должны бы были, въ особенности въ переговорахъ съ чужими, безусловно отказаться отъ всякихъ поползновеній и зазываній на дорогу политическаго синтеза, а ограничиться политическимъ анализомъ, т.-е., заявленіемъ практическихъ требованій отъ предержащей польской власти, предоставляя себѣ и своему народу употребить тѣ уступки, которыя они должны были получить, какъ сами и ихъ народъ счелъ бы это для себя выгоднымъ. На вопросъ и поляковъ: кто вы такіе качественно?—русинскіе политики, если хотѣли оставаться политиками, т.-е. людьми практическими, могли отвѣчать только въ такомъ родѣ:—это намъ знать, да вообще людямъ, спеціально занимающимся этнографіей,—а для васъ довольно и того, что насъ столько-то и что мы, чувствуя свою разницу отъ васъ, желаемъ себѣ другого положенія, правового, особыхъ средствъ для нашего образованія и т. п.,—такъ и будемъ говорить о томъ, сколько вы теперь можете уступить намъ этихъ правъ и этихъ средствъ, для того, чтобъ мы не противудѣйствовали вашимъ теперешнимъ стремленіямъ получить автономію для края, населеннаго вами и нами. Но вмѣсто того, чтобъ прямо приступить къ обсужденію практическихъ требованій, изложенныхъ въ программѣ русинскихъ депутатовъ, коммиссія занялась теоретическими вопросами: польскій членъ ея, проф. Кабатъ, предложилъ поставить во главу согдашенія положеніе, что «Галицкая Русь признаетъ себя на будущее время единою и нераздѣльною частію съ Краковомъ». Такъ какъ подобная формула давала поводъ къ толкованіямъ, въ родѣ тѣхъ, какія были въ безусловной силѣ у поляковъ между 1848 и 1853 г., что русинъ только разновидность полякa, какъ и мазуръ, и что собственно «нѣтъ Руси» (niema Rusi),—то, очевидно, что русины не могли допустить и мысли о соглашеніи, по принятіи подобной формулы, а потому она почти единогласно (13 противъ 2) была отвергнута коммиссіей. Вмѣсто нея принята, 14-ю голосами противъ одного, формула 1848 г. въ отвѣтъ на во-

Digitized by Google

просъ,—что такое русины?—а именно, что «народъ *русскій* признается за особое 15-ти-милліонное племя славянское, отдѣльное отъ польскаго и московскаго». Въ пользу этой формулы подали голоса не только тѣ члены, которыхъ «Слово» называло украинофилами и середину держащими, но тѣ, которыхъ оно звало твердыми. Не будемъ говорить о польскихъ членахъ коммиссіи (со стороны поляковъ это уже большой прогрессъ съ 1848 г., что у нихъ нашлись люди, которые признали наконецъ, что Русь въ Галиціи есть, и отдѣльная отъ Польши),—но не можемъ не сказать, что русскіе члены ея, какъ внося подобныя формулы, такъ и подавая за нихъ голоса, явили себя филологами и этнографами, но никакъ не историками, а всего менѣе политиками, какими они только и должны были быть въ коммиссіи, назначенной не ученымъ обществомъ, а политическимъ учрежденіемъ, какъ постоянный комитетъ львовскаго сейма.

Основаніями для той формулы, служатъ мнѣнія вышепоименованныхъ ученыхъ о самостоятельности малорусскаго языка, коего галицкое нарѣчіе составляетъ одинъ изъ видовъ. Но эти чисто филологическія мнѣнія не ведутъ за собою непремѣнно не только политическихъ, но даже и литературныхъ послѣдствій,—потому что не только политическая особность извѣстной части народности или ея цѣлаго, но даже и литературная, не зависитъ отъ одной только языковой и бытовой особности ея, видной для спеціалистовъ-филологовъ; особность политическая, и даже литературная, зависитъ, кромѣ этнографическихъ и филологическихъ условій, еще и отъ многихъ другихъ: историческихъ, религіозныхъ, экономическихъ, культурныхъ,—а главнымъ образомъ, отъ воли самого народа, проистекающей изъ сознанія, что ему полезно, нужно, пріятно,—или какъ бы тамъ ни было,—быть въ единствѣ, политическомъ или литературномъ, съ другимъ народомъ, или въ раздѣльности. А въ данномъ случаѣ на вопросъ объ отношеніяхъ (сходствѣ и различіи) галичанъ къ полякамъ и великоруссамъ, малороссовъ къ полякамъ и великоруссамъ, самихъ галичанъ къ остальнымъ малороссамъ, имѣло вліяніе столько условій историческихъ и культурныхъ, что рѣшить всѣ возникающіе въ этихъ отношеніяхъ вопросы только одними филологическими наблюденіями надъ языками поименованныхъ племенъ, нѣтъ никакой возможности.

Начать съ того, что галичане дѣйствительно этнографически и филологически вполнѣ составляютъ часть малорусскаго племени. Но правовое, бытовое, экономическое, литературное состояніе ихъ такъ отлично отъ состоянія малороссовъ, что если

Digitized by Google

взять галичанъ какъ они есть, «живьемъ»,—то они окажутся въ иномъ отношеніи больше похожи на поляковъ, словаковъ и т. д., чѣмъ на нашихъ малороссовъ. Конечно, единство политической жизни галичанъ съ малороссами возможно только или вслѣдствіе трудно-вообразимой международной катастрофы, или какъ результатъ долговременной жизни, которая, можетъ быть, измѣнитъ и малороссовъ и галичанъ такъ, что они не будутъ похожи на теперешнихъ. О политическихъ отношеніяхъ галичанъ къ великоруссамъ теперь и говорить серьезно нечего,— потому что этихъ отношеній не было со временъ Владимірка Хитраго и Ярослава Осьмомысла, князей, прозвища которыхъ показываютъ, что когда-то и галичане были очень тонкими для своего времени политиками. Для Россіи въ политическомъ отношеніи нѣтъ галичанъ, а есть Австрія, — и кромѣ болтуновъ никто серьезно не думалъ, чтобы Россія заботилась о томъ, какъ-бы присоединить къ себѣ Галицію, а еще менѣе, чтобы и Австрія могла думать присоединить какую-нибудь часть Россіи. Хотя и въ меньшей степени, но то же самое надо сказать и о литературныхъ отношеніяхъ галичанъ, малороссовъ, великороссовъ, поляковъ.

Всѣ вышеназванные наши ученые признаютъ малорусскій языкъ такимъ же совершенно самостоятельнымъ славянскимъ нарѣчіемъ, какъ и великорусское, сербское, польское и т. д.,—но даже эти самые ученые несогласны касательно практическихъ выводовъ по вопросу о малорусской литературѣ: такъ, самъ г. Максимовичъ, — правда, очень давно, — выражалъ мнѣніе, что въ Малороссіи попытки писать по-малорусски будутъ всегда искусственными, хотя при этомъ же совѣтовалъ галичанамъ именно писать по-малорусски, потому что для нихъ это существенная основа живой литературы, такъ какъ это единственный для галичанъ живой русскій народный языкъ («Кіевлянинъ», 1841 г., и письмо къ галицкимъ литераторамъ въ 1848 году, напечатанное въ «Галичанинѣ», ч. II, стр. 107); что же до святоюрскаго литературнаго синкретизма, то г. Максимовичъ отзывается о немъ такъ: «Отъ своего отбиваются, а къ великорусскому не пристаютъ и плаваютъ между ними на искусственной серединѣ, весьма неблагопріятной ихъ поэзіи». Г-нъ П. Лавровскій, признавая самостоятельность малорусскаго нарѣчія, однакожъ, принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которые и всѣмъ славянамъ совѣтуютъ принять тотъ литературный языкъ, который галичане называютъ «московскимъ» и т. д. Очевидно, что вопросъ о самостоятельности какой-либо литературы, или близости

Digitized by Google

ея, или даже единства съ другою, рѣшается далеко не одними только теоретическими наблюденіями надъ извѣстнымъ нарѣчіемъ, а обусловливается всею совокупностію обстановки народной и общественной жизни, и особенно жизненною потребностію въ извѣстной литературѣ. Такъ, въ Малороссіи языкъ народа всегда былъ болѣе или менѣе такой же, какъ и теперь,—но писатели малоруссы XVI — XVII вѣковъ употребляли церковный и даже польскій и латинскій языкъ, внося въ свои писанія малороссіанизмы больше невольно, — потомъ, начиная съ Дмитрія Ростовскаго, стали переходить отъ церковно-славянскаго къ великорусскому, а потомъ, отъ Богдановича и Капниста, стали писать выработавшимся въ Россіи послѣ Ломоносова на основѣ великорусскаго нарѣчія литературнымъ языкомъ, которымъ писана бо́льшая часть и такъ уважаемыхъ галицкими народовцами сочиненій гг. Костомарова, Кулиша и др., потому что публику такого рода сочиненія могутъ найти только будучи написаны на общемъ всему образованному обществу въ Россіи, и потому, что та жизнь, которая описывается въ сочиненіяхъ Капниста, Гоголя и др. подобныхъ писателей-малороссовъ, употребляетъ для своихъ потребъ этотъ самый языкъ съ небольшими варіаціями по провинціямъ. И только, когда жизнь породила новыя задачи и потребности въ литературѣ, а именно изображенія жизни народной, потребность сближенія высшихъ классовъ съ низшими, потребность проведенія знаній въ народѣ въ самой удобной формѣ, тогда явилась, и сначала безсознательно, а потомъ и болѣе сознательныя попытки писать на малорусскомъ народномъ языкѣ, аналогическая такой же потребности и въ великорусскомъ обществѣ. Куда дальше поведетъ жизнь вопросъ о сближеніи литературнаго языка съ простонароднымъ въ сѣверной и южной Россіи, — посмотримъ, но только онъ рѣшится не одними только филологическими законами, а всею совокупностію народной и политической жизни въ Россіи, и скорѣе всего въ пользу преобладанія центростремительной (русской) силы надъ центробѣжными (великорусской и малорусской).

Что касается до Галиціи, то такъ какъ тамъ дѣйствительно языкъ народа есть собственно нарѣчіе малорусскаго, то все писанное живымъ малорусскимъ языкомъ въ Россіи, изображающее ли жизнь народа или передающее общечеловѣческія идеи, или знанія, тамъ принимается, какъ свое, родное: такъ мы видимъ, что тамъ начало театру, которому поляки потому и отказывали въ субсидіи изъ земскихъ суммъ, что называли его «московскимъ», положили начало малорусскія пьесы Котляревскаго,

Digitized by Google

Гоголя-отца, Квитки, Ильченки, Кукаренко, которыя и до сихъ поръ составляютъ большинство въ репертуарѣ русскаго театра въ Галиціи; такъ, въ настоящемъ году товарищество «Просвіта» пріобрѣло 500 экземпляровъ изданнаго въ Россіи популярнаго изложенія физической географіи «Де-що просвіт Божій» и т. п. Такъ, наоборотъ, писанное въ Галиціи популярнымъ языкомъ можетъ быть принято легко и въ Малороссіи. Но условія исторіи и быта Галиціи съ XVIII-го вѣка были настолько не схожи съ жизнью въ Малороссіи, что всѣ отношенія даже въ народѣ, а особенно въ высшихъ классахъ, болѣе тронутыя политическою и общественною исторіей,—а не вытекающія только изъ этнографіи,—въ Галиціи вовсе не похожи на малороссійскія. А потому и литература галицкая, выражающая эту жизнь болѣе историческихъ слоевъ населенія, гораздо дальше отъ умовъ и интересовъ образованныхъ малороссовъ, чѣмъ та, которая у галичанъ называется россійскою и великорусскою. Не говоря уже о содержаніи, а даже языкъ, напримѣръ, самыхъ украинофильскихъ журналовъ галицкихъ образованному малороссіянину подъчасъ даже трудно понятенъ, несмотря на то, что галичане пишутъ грамматикой и фонетикой малороссійской, тогда какъ тотъ же малороссіянинъ, конечно, читаетъ, какъ свое и близкое, какой-нибудь «Вѣстникъ Европы» или «Отечественныя Записки», несмотря на то, что эти, какъ говорятъ въ Галиціи, «великорусскіе» или «московскіе» журналы пишутъ грамматикой и фонетикой гораздо ближайшей къ великорусской, чѣмъ къ малорусской.

Вотъ этого-то именно факта и того закона, что литературу дѣлаетъ именно вся совокупность жизни, а не одни только этнографическо-филологическія условія, и не знаютъ галицкіе украинофилы, а потому, какъ только поднимется у нихъ вопросъ литературный,—сейчасъ принимаются говорить во имя 15-ти милліоновъ *русскаго* народа, изъ коихъ 12 находятся совсѣмъ не въ тѣхъ жизненныхъ условіяхъ, въ какихъ живутъ галичане. Въ свою очередь галицкіе «москвофилы», «панрусисты» и наши покровители ихъ, вслѣдствіе того же невниманія къ закону, въ такихъ случаяхъ поднимаютъ толки о единой литературѣ единаго русскаго народа и языка, ссылаясь на другихъ филологовъ и этнографовъ, которые называютъ галичанъ частію великаго 50—60-милліоннаго русскаго народа, а потому и вмѣняютъ имъ и единую съ нами литературу, забывая, что если разность условій жизни произвела такую разницу между обществомъ въ Малороссіи и Галичинѣ, то эта разница между гали-

Digitized by Google

чанами и великоруссами должна быть еще больше, что и дѣйствительно подтверждается тѣмъ, что надъ содержаніемъ и языкомъ писаній гг. Дѣдицкихъ смѣются великоруссы, даже и тѣ, которые печатно похваляютъ панрусскія стремленія «Слова».

Говоря это, мы не думаемъ засуживать галицкихъ русскихъ навѣки, на участь особаго австро-рутенскаго народа, подобно галицкимъ клерикаламъ, — намъ эта доктрина о «рутенцяхъ» особенно тѣмъ и противна, что эти клерикалы вмѣстѣ съ тѣмъ засуживаютъ народъ русинскій на умственное рабство уніатскому духовенству и бюрократіи; мы не отрицаемъ, что существуютъ и теперь точки соприкосновенія нравственныхъ и общественныхъ интересовъ между Галиціей и Малороссіей, и даже всей Россіей, и думаемъ, что количество этихъ связей будетъ со временемъ рости все больше, повинуясь дѣйствію степеней народнаго сродства, т.-е. Галиція именно черезъ Малороссію все больше придетъ въ связь и со всею Россіей. Мы только считаемъ, на основаніи фактическихъ наблюденій, безъ предвзятыхъ идей, надъ политикой и литературой въ Галиціи, что толки о полномъ единствѣ литературы и политики Галиціи даже съ Малороссіей, а особенно со всею Россіей, пока не основаны на пониманіи практическихъ интересовъ. Это постоянное расширеніе литературнаго вопроса въ Галиціи за ея предѣлы, — въ чемъ повинны одинаково и галицкіе москвофилы, и галицкіе украинофилы, и наши ихъ покровители, — это обсуживаніе литературнаго вопроса галицкаго не на почвѣ реальныхъ потребностей галицкаго народа и общества, а на теоретическихъ грамматическихъ соображеніяхъ или дилетантски-политическихъ фразахъ и фантазіяхъ, есть собственно преждевременная ѣзда на «конѣ высшей политики», которая, кромѣ вреда, ничего не можетъ принести галицкому народу и зарождающемуся обществу въ его борьбѣ за сохраненіе и развитіе русской народности въ Галиціи. А между тѣмъ, эта безплодная ѣзда на конѣ теоріи и фразъ политическихъ сейчасъ начинается и въ Галиціи, и у насъ, какъ только въ Галиціи поднимается какой-либо жизненный вопросъ, напримѣръ, какъ вопросъ о соглашеніи съ поляками на условіяхъ уступокъ русинамъ школъ, гимназій и каѳедръ въ университетѣ. Такъ случилось и въ коммисіи, назначенной для разсмотрѣнія предложеній 30-ти русскихъ депутатовъ.

Какъ мы видѣли, кромѣ одного польскаго члена, всѣ остальные члены коммиссіи, и поляки, и «москвофилы», или «твердые» русины, и «отъявленные украинофилы», или «мягкіе русины» и «средніе» подали голоса за формулу, что русины считаются за

Digitized by Google

народъ особый отъ поляковъ и великоруссовъ, или «москалей». Но скоро оказалось, что самое поднятіе такого теоретическаго вопроса было ошибкой со всѣхъ сторонъ, — кромѣ, быть можетъ, тѣхъ изъ поляковъ, которые только желали затянуть дѣло разсужденіями, а не хотѣли искренняго соглашенія съ русинами. Кружокъ «Слова» обидѣлся противорѣчіями его новымъ этнографическимъ теоріямъ и, выразивъ справедливо сожалѣніе, что коммиссія вмѣсто того, чтобъ заняться разборомъ требованій 30-ти депутатовъ, обратилась сейчасъ же къ опредѣленію разницы между русинами и москалями,—пожаловался довольно безтактно на то, что коммиссія не признала галичанъ «коренными русскими»,— какъ будто малоруссы прямые потомки тѣхъ «русовъ», которые положили начало и Россіи, не такіе же «коренные русскіе», какъ и москвичи. Поляки начали упрекать русиновъ въ неискренности, указывая на то, что представители партіи святоюрцевъ подаютъ въ сеймѣ и въ коммиссіи голоса за проектъ соглашенія между русинами и поляками, а органъ ихъ въ печати ведетъ полемику противъ него. Другіе изъ поляковъ выразили недовольство формулой, которая прямо признала русиновъ народомъ отдѣльнымъ отъ поляковъ, и говорили, что такимъ образомъ de jure признано раздѣленіе Галиціи, которому они всегда такъ сопротивлялись, и что, если привести въ исполненіе предложенія коммиссіи, которая пошла въ подробностяхъ даже нѣсколько дальше въ пользу русиновъ, чѣмъ предложеніе 30-ти депутатовъ,—тогда это раздѣленіе произойдетъ и de facto.

Опредѣленіе коммиссіи, что русины составляютъ отдѣльный народъ и отъ великоруссовъ, нисколько не успокоивало поляковъ, изъ которыхъ многіе говорили въ сеймѣ, что допустить русскій языкъ въ университетъ львовскій — значитъ открыть въ немъ «московскія каѳедры» (Dziennik Polski): такъ какъ для поляковъ малорусскій ли, великорусскій ли языкъ — равно представляются «московскими» въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется у поляковъ. Указывая на то, что «Слово» раздѣляетъ мнѣнія, существующія у насъ объ обрусеніи Польши, — поляки тѣмъ паче говорили, что уступки русинамъ — шагъ къ уничтоженію поляковъ и въ Галиціи. По поводу опредѣленій коммиссіи нѣкоторые польскіе ораторы и часть журналистики (Dziennik Lwowski) возобновили прежнія жалобы на украинофильство галицкое и «хлопоманію» украинофиловъ въ Россіи,— и въ опредѣленіи, что галичане часть малорусскаго народа, усмотрѣли и эту хлопоманію и сепаратизмъ отъ королевства Галицко-Володимірскаго и Великаго княжества Кракова; а слѣдо-

Digitized by Google

вательно и отъ Австріи. Русинскіе ораторы въ сеймѣ пробовали успокоить польскія опасенія доводами, что дѣйствительно языкъ русиновъ близокъ къ тому, которымъ говорятъ въ Россіи и даже пишутъ въ Москвѣ, что послѣднее произошло отъ того, что и самая цивилизація и литература въ Россіи пошла съ юга, изъ Кіева, но что такое сходство не должно служить поводомъ оставлять галицко-русское населеніе безъ образованія на его родномъ языкѣ. Въ заведенной въ 1871-мъ г., съ пособіемъ отъ г. Лавровскаго и, кажется, отъ министерства, газетѣ «Основа», органѣ партіи «политиковъ» и «умѣренныхъ», русинскій публицистъ пробовалъ успокоить поляковъ и австрійскую бюрократію протестомъ противъ того, зачѣмъ называютъ галицкую народную партію «украинцами» и «украинофилами» и тѣмъ «денунціютъ», что они «за Украиной» тянутъ «за Россіей»,—и предлагали, если ужъ такъ, называть галичанъ «мало-украинцами» въ отличіе отъ «великоукраинцевъ», находящихся въ Россіи! Но такія успокоенія помогали мало, такъ какъ полякамъ очень хорошо извѣстны отношенія къ нимъ украинцевъ и украинофиловъ, и прежде и теперь. Даже тѣ изъ польскихъ журналовъ, которые высказывались за соглашеніе съ русинами (какъ, напримѣръ, Kraj), все-таки не становились на прямую и откровенную точку зрѣнія. Не забывая Польши въ предѣлахъ 1772 г., они понимали соглашеніе съ русинами, какъ признаніе и со стороны послѣднихъ этой Польши, а потому, напр., во время съѣзда поляковъ въ Львовѣ въ 1871 г., требовали, чтобъ русины прислали своихъ представителей, для привѣтствія гостей изъ Познани, Силезіи и т. п. «Основа», правда, помѣстила статью, въ которой въ общихъ выраженіяхъ наговорила вѣжливостей и добрыхъ пожеланій стремленіямъ поляковъ къ національной свободѣ и независимости, но не выразила никакихъ обѣщаній со стороны русиновъ.

Около этого времени вступившее въ должность министерство Гогенварта освѣжило опять надежды поляковъ, которые хотѣли явиться передъ правительствомъ, оппозиціей и познанскими гостями единодушными, и предложили принять участіе въ съѣздѣ и «фракціи Лавровскаго». Но г. Лавровскій и другіе приглашенные на съѣздъ (гг. Ильницкій, Партицкій, Климковичъ, Романчукъ, Вахнянинъ) отвѣчали, что русины не фракція, а національность, а потому и не примутъ участія ни въ какомъ политическомъ актѣ, пока не будетъ на дѣлѣ признана равноправность обоихъ народовъ въ Галиціи. На съѣздѣ польскомъ никто изъ русиновъ не былъ, если не считать русиномъ г. Костецкаго изъ

Digitized by Google

редакціи «Gazeta Narodowa», который такой же русинъ, какъ и гр. Голуховскій и всякій полякъ родомъ изъ западной Руси,— и по обычаю установленному на такіе случаи у поляковъ представлялъ собою олицетвореніе вольнаго союза Руси и Польши. Настоящимъ русинамъ, absentibus, было прочитано внушеніе однимъ шлезакомъ (силезцемъ) о томъ, что они должны быть благодарны памяти Казиміра Великаго и Стефана Баторія, а еврей г. Варшаверъ развилъ теорію, что русинъ и мазуръ—это тотъ же полякъ. Но все-таки обнаружившееся въ виду съѣзда и министерства Гогенварта оживленіе политическихъ надеждъ у поляковъ заставляло ихъ не раздражать русиновъ, а потому нѣкоторыя польскія газеты не разъ возвращались къ темѣ соглашенія съ русинами,—но миролюбивыя фразы этихъ газетъ сопровождались обычными оговорками, искаженіемъ исторіи, а главное, явнымъ недовѣріемъ и чуть не отвращеніемъ отъ русинскаго народа. Польскіе журналы говорили, что поляки готовы уступить «настоящимъ русинамъ», а не «москалямъ»,—а «Kraj», газета чаще другихъ польскихъ позволяющая себѣ отступать отъ ортодоксальной польско-національныхъ фразъ, хотя и высказывалась за необходимость соглашенія съ русинами, но обращаясь къ событіямъ 1862—1863 г., разсказывала небывалыя исторіи, какъ братски относилась польская молодежь къ украинскому народу и какъ этотъ народъ заплатилъ полякамъ неблагодарностью. Конечно, русины, особенно народная партія, очень хорошо понимали всю цѣну подобныхъ фразъ, а потому и не обнаруживали особенной вѣры въ обѣщанія поляковъ сдѣлать уступки русскому элементу, на основаніи предположеній вышеупомянутой коммиссіи, особенно послѣ того какъ центральное правительство признало автономію Галиціи на основаніи извѣстной резолюціи, которую министерство Гогенварта объявило нѣкоторымъ образомъ правительственной программой по галицкому вопросу.

Такимъ образомъ, завершеніе переговоровъ о соглашеніи и тѣмъ уступокъ русинамъ, которое должно было бы предшествовать принятію и русинами въ львовскомъ сеймѣ, и въ Вѣнѣ, резолюціи, отодвигалось въ долгій ящикъ. Отговорки поляковъ, что они не могутъ ничего ни дать, ни обѣщать положительнаго, пока не знаютъ навѣрно что будутъ имѣть сами, не могутъ быть признаны искренними, такъ какъ многія изъ вышеприведенныхъ требованій русиновъ, напр., касающіяся гимназій, не выходятъ изъ предѣловъ компетенціи львовскаго сейма. Между тѣмъ и министерство, не желая ничего дѣлать въ пользу русиновъ безъ поляковъ, не только не предпринимало ничего въ предѣлахъ своей власти, напр., и

Digitized by Google

университетѣ львовскомъ, въ которомъ оно могло открывать русскія каѳедры, но даже не приводило въ исполненіе распоряженія своего предшественника о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ половины предметовъ въ смѣшанныхъ учительскихъ семинаріяхъ въ Львовѣ, Тарнополѣ и Станиславовѣ. Поляки вѣрили, что и безъ русиновъ они своего добьются, и даже если не отъ федералистическаго министерства графа Гогенварта, то отъ централистической оппозиціи, которая, въ случаѣ паденія гр. Гогенварта, станетъ правительствомъ, а потому и мало интересовались поддержкой русиновъ, политическая сила которыхъ имъ вовсе не была страшна въ виду того, что, какъ мы говорили, на послѣднихъ выборахъ даже въ 16-ти сельскихъ округахъ восточной Галиціи были выбраны депутатами помѣщики, т.-е. поляки. Въ виду неискренности поляковъ, даже партія народовцевъ въ Галиціи, которая-было признала главою своей г. Лавровскаго и органомъ «Основу», — стала выражать свое неудовольствіе на слишкомъ уже «политичное» поведеніе этого журнала, который изъ всѣхъ силъ старался поддержать ладъ между русинами и поляками и увѣрить первыхъ, что огражденіе правъ своей народности они скорѣе получатъ отъ львовскаго сейма, чѣмъ отъ нѣмецкихъ централистовъ и искусственнаго вѣнскаго рейхсрата, составленнаго по конституціи 1867 г. Послѣднее, пожалуй, было говорено и справедливо, если бы было сказано съ нѣкоторыми оговорками: вѣнскіе централисты точно только, что-называется, кормили русиновъ обѣщаніями, — но вѣдь и львовское польское большинство дѣлало то же самое, или еще хуже, принимало мѣры, особенно черезъ школьный совѣтъ, къ стѣсненію русиновъ. Отказаться отъ надеждъ на вѣнскихъ централистовъ было полезно,— одною надеждою на чужія силы меньше, значитъ все-таки ближе къ мысли, что надѣяться надо только на себя; сосредоточить же борьбу у себя въ краѣ, въ мѣстномъ сеймѣ — полезно въ виду сосредоточенія работы. Но только все-таки для полученія результатовъ усилій патріотическихъ надо усилить свою работу и придти къ идеѣ, что и тутъ и въ своемъ краѣ, въ его сеймѣ только тогда получишь уступки, когда пріобрѣтешь силу бо́льшую чѣмъ теперь, когда число русскихъ депутатовъ станетъ больше и т. д. А, слѣдовательно, русскій органъ, который звалъ русиновъ бросить надежды на вѣнскихъ централистовъ и не сопротивляться признанію автономіи Галиціи, долженъ былъ выступить съ болѣе энергическою внутреннею программой, меньше политичничать, меньше возлагать надежды на милосердіе польскаго большинства и на весьма сомнительное обращеніе части польской аристократіи

Digitized by Google

изъ восточной Галиціи къ благосклонному отношенію къ русской народности, къ образованію чего-то въ родѣ «исторической шляхты» чешскаго сейма, — чѣмъ это дѣлала «Основа» и ея патронъ г. Лавровскій. А потому болѣе энергическая часть народной партіи стала неодобрительно относиться къ «Основѣ» и «политикамъ».

Что касается до партіи святоюрской, то она, давно уже высказавши черезъ свой органъ «Слово» полное недовѣріе къ тому чтобъ автономія Галиціи могла послужить въ пользу русинамъ, теперь при новой перемѣнѣ министерства еще разъ попробовала обратиться непосредственно къ центральной власти. Образовавшееся въ это время политическое общество «Руска Рада» изъ 500 членовъ, отправило депутацію къ министерству Гогенварта съ адресомъ къ палатамъ противъ резолюціи галицкаго сейма объ автономіи Галиціи,—какъ «вредной русинскому народу» и (опять-таки!) ослабляющей силу и единство монархіи. Для удовлетворенія русинскаго народа рада просила: пересмотра конституціи о представительствѣ 1861 года, прямыхъ выборовъ въ рейхсратъ и закона о національностяхъ. Впрочемъ, гр. Павликовъ, котораго мы видѣли членомъ коммиссіи соглашенія, и который теперь стоялъ во главѣ депутаціи «Русской Рады», началъ свою рѣчь графу Гогенварту съ страннаго заявленія, «что русины имѣютъ довѣріе къ министерству и его программѣ, — (тогда какъ гр. Гогенвартъ выражалъ мнѣніе, что принимаетъ «резолюцію», какъ министерскую программу), и что такъ какъ министерство стоитъ выше партій и желаетъ мира внутренняго и проведенія § 19 конституціи (т.-е. равноправности народностей), то и русская программа гармонируетъ съ стремленіемъ министерства. Гр. Гогенвартъ отвѣчалъ: «меня чрезвычайно радуетъ, что ваша политическая программа, *какъ кажется*, согласна съ нашею (dass Ihr politisches Programm mit unserem in Einklang zu stehen *scheint*), и я былъ бы весьма радъ, еслибъ могъ увидѣть исполненными ваши желанія». Хотя изъ другихъ министровъ Шефле и прямѣе выразилъ, что министерство желаетъ равноправности всѣхъ народностей,—но въ концѣ концовъ Гогенвартовское и Иричковское (Иричекъ, какъ мы говорили, принималъ участіе въ проектѣ введенія въ Галиціи латинской азбуки вмѣсто кириловской) *scheint* и *wenn ich könnte* въ реальномъ смыслѣ было равно нулю: ибо, если министерство обѣщало поддерживать автономію Галиціи, на основаніи резолюціи сейма, значитъ отъ себя не могло ничего сдѣлать въ пользу русиновъ. Этотъ нуль приправлялся, впрочемъ, довольно резоннымъ совѣтомъ: добивайтесь своихъ правъ въ галицкомъ сеймѣ, — но это было тоже самое, что́ уже русины слышали еще отъ федералиста

Digitized by Google

Белькреди и потомъ отъ новоконституціонныхъ централистовъ школы Бейста, которые готовы были кинуть полякамъ автономію, лишь бы отлучить ихъ отъ союза съ остальными славянами.

Пойти противъ министерства Гогенварта — но, во-первыхъ, не въ нравахъ крылошанъ идти противъ властей предержащихъ; во-вторыхъ, это значитъ уже явно измѣнить славянскому знамени, а въ-третьихъ, все-равно протестъ слабой партіи ровно ни къ чему не ведетъ. Поэтому, когда начались переговоры гр. Гогенварта съ поляками и чехами, «Слово» объявило, что хотя русины и не ждутъ ничего добраго отъ автономіи Галиціи, но и протестовать больше не будутъ, мемуаровъ и адрессовъ ни министерству, ни коронѣ, ни рейхсрату подавать не будутъ, — что молъ довольно подавалось такихъ адрессовъ, но пользы изъ нихъ русинамъ не было. Это значило признаться, что 23 года политической дѣятельности партіи, нѣкогда немалочисленной, равны нулю. Сознаніе непріятное, но во всякомъ случаѣ полезное, какъ всякое сознаніе факта и отверженіе «насъ возвышающихъ обмановъ», — хотя бы еще это сознаніе и не повело за собою принятія ясной программы къ выходу изъ настоящаго безотраднаго положенія. Пока, впрочемъ, святоюрская партія держится именно только одной отрицательной стороны упомянутаго сознанія; — она воздержалась отъ оппозиціи министерству Гогенварта, но пока и не вступала вновь на путь поддержки централистической партіи, взявшей верхъ послѣ паденія этого министерства, потому что и централистическая партія тотчасъ вступила въ соглашеніе съ поляками, хотя все-таки до сихъ поръ вопросъ объ автономіи Галичины не рѣшенъ въ вѣнскомъ рейхсратѣ. Изрѣдка нѣмецко-централистическая печать, ворча на слишкомъ большія требованія поляковъ, вспоминаетъ о русинахъ, какъ объ элементѣ, который не очень-то сочувствуетъ польской резолюціи, но это ворчаніе не ведетъ къ практическимъ послѣдствіямъ въ пользу русиновъ.

Мало того, говоря объ элементахъ не-польскихъ въ Галиціи, вѣнская централистическая печать и ораторы рейхсрата упоминаютъ, какъ «народность», угнетаемую поляками, кромѣ русиновъ, еще и евреевъ. И дѣйствительно евреи, чего добраго, дѣйствительно выступятъ послѣ новыхъ выборовъ, какъ новая «народность» въ Галиціи. Политика евреевъ всюду одна и та же: становиться на сторонѣ сильнаго, для того, чтобъ въ этомъ союзѣ преслѣдовать свои интересы, которые, по самому существу дѣла, конечно, не могутъ быть интересами извѣстныхъ политическихъ, національныхъ и т. п. теоретическихъ началъ. До сихъ поръ евреи въ Галиціи были на сторонѣ польской аристократіи, гос-

Digitized by Google

подство которой помогало имъ эксплуатировать и народъ русскій и польскій и самую аристократію. На сторонѣ русиновъ они никогда не были, да и быть не могутъ, такъ какъ русины долго еще будутъ политически слабы и такъ какъ всякая русинская партія, volens-nolens, больше или меньше, но должна быть демократическою, а поднятіе «демоса» есть уменьшеніе возможности эксплуатаціи его евреями. Но мало-по-малу во всѣхъ славянскихъ земляхъ евреи становятся союзниками нѣмецкой партіи, по мѣрѣ того, какъ эта партія становится правительственною,—а нѣмецкая партія, конечно, рада принять въ себя ловкое и по-нѣмецки говорящее племя. Поэтому-то галицкіе евреи, овладѣвая, благодаря гнету польской аристократіи надъ народомъ какъ русскимъ, такъ и польскимъ, благодаря неразвитости народа, результату этого гнета, твердой позиціей въ Галиціи и видѣ торговли въ городахъ шинковъ, арендъ и во многихъ мѣстахъ покупкѣ земли въ селахъ, теперь начинаютъ пользоваться конституціей и положеніемъ своимъ въ Галиціи, чтобъ проникнуть и въ сеймъ, и обращаютъ на себя вниманіе политиковъ и публицистовъ нѣмецко-централистической партіи, заключающей уже въ себѣ не мало еврейскаго элемента.

Какъ средство противъ всякаго федерализма, партія централистовъ выдумала прямые выборы въ рейхсратъ. Поляки боятся этихъ прямыхъ выборовъ, опасаясь въ такомъ случаѣ усиленія русиновъ. И дѣйствительно, такъ какъ выборъ депутатовъ въ рейхсратъ не будетъ зависѣть отъ польскаго большинства въ львовскомъ сеймѣ, то число русскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ должно увеличиться. Но чтобъ оно увеличилось въ первыхъ порахъ въ особенности, очень значительно, на это вѣроятности мало: если русскіе крестьяне выбираютъ часто польскихъ пановъ въ львовскій сеймъ, и притомъ, какъ говорятъ согласно объ русскія партіи въ Галиціи, подаютъ свои голоса за воду: то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они будутъ посылать поляковъ и въ вѣнскій рейхсратъ. Правда, степень политическаго развитія русиновъ можетъ подняться современемъ, но тогда и въ львовскомъ сеймѣ будетъ другое отношеніе числа и качества русскихъ депутатовъ къ польскимъ. Притомъ же русины,—изъ которыхъ не только «старые», но и «молодые», кажется, слишкомъ много возлагаютъ надежды на прямые выборы и поэтому все-таки и на вѣнскихъ централистовъ разныхъ оттѣнковъ,—рядомъ съ согласіемъ на прямые выборы, изобрѣтеніе централистовъ, желаютъ и закона о національностяхъ такого самаго, какой выработали чехи съ гр. Гогенвартомъ для земель

Digitized by Google

богемской короны. Но, противъ такого закона не только пойдутъ поляки, но и нѣмцы, потому что не хотятъ его ни для Богеміи съ Моравіей, ни для Штиріи и земель, гдѣ нѣмцы перемѣшаны съ словинцами, ни для южнаго Тироля, итальянскаго, такъ что при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, развѣ очень не скоро и рейхсратъ, вышедшій изъ прямыхъ выборовъ, послужитъ русинамъ и другимъ слабымъ народностямъ. Любопытно, что когда въ Галиціи была послѣдняя избирательная борьба, въ Львовѣ выступилъ кандидатомъ еврей г. Гонигсманъ, бывшій уже депутатомъ Бродъ,—и которому совершенно индифферентны интересы и русскихъ и поляковъ. На избирательномъ собраніи г. Гонигсманъ объявилъ, что онъ не будетъ стоять за автономію Галиціи, а за прямые выборы въ рейхсратъ. Такою политикою евреи снискиваютъ поддержку централистической партіи, и пріобрѣтаютъ голоса и русиновъ, и вѣроятно они не отчаиваются, что прямое избирательство не послужитъ имъ [1]). Выступленіе евреевъ на политическую арену въ Галиціи, несомнѣнно, измѣнитъ до сихъ поръ бывшіе у русиновъ и поляковъ способы постановки политическихъ вопросовъ. Что до русинскаго народа, то это выступленіе, конечно, только усилитъ его политическую придавленность,—и должно еще болѣе заставить русинскихъ политиковъ перемѣнить способъ своей дѣятельности, направивъ ее прямѣе на народъ.

Такимъ образомъ, цѣлый рядъ горькихъ неудачъ и неожиданностей привелъ въ Галиціи только къ обличенію несостоятельности дѣятельности той партіи, которая выдвинута была событіями послѣ 1848 г., партіи клерикальной, которая искала опоры себѣ не у себя дома, въ народѣ, а далеко, въ Вѣнѣ или Москвѣ, которая не смотрѣла на политику, какъ на служеніе народу, а какъ на прислуживаніе бюрократическому правительству. Почти въ такой же степени послѣдніе годы обличили несостоятельность и той болѣе свѣтской и болѣе молодой части галицкихъ политиковъ, преимущественно состоящей изъ чиновниковъ, выдвинувшихся въ вѣкъ гармоніи русиновъ съ вѣнскою бюрократіей,—той части, которая убѣдившись въ безплодности надеждъ на силы, лежащія внѣ края, и увидѣвши что въ самой бюрократіи беретъ перевѣсъ польская аристократія, — обратились за опорою для національныхъ стремленій въ свой край, но только возложили надежды не столько на свой народъ, и на медленную, но вѣрную работу надъ своимъ народомъ, сколько

---

[1]) Г. Гонигсманъ получилъ 1140 голосовъ, полякъ Ясинскій 1900; за Гонигсмана голосовали и русины, которыхъ впрочемъ между львовскими избирателями мало.

Digitized by Google

на уступчивость чужого польско-аристократическаго элемента. Немного выигралъ русскій народъ въ Галиціи изъ ожесточенной борьбы святоюрцевъ съ поляками и ихъ усердной службы передъ вѣнскими централистами, но немного выигралъ онъ и изъ толковъ о соглашеніи съ поляками и уклончивости и лавированія передъ послѣдними министерствами въ Вѣнѣ и польскимъ большинствомъ въ Львовѣ галицкихъ «политиковъ», въ родѣ г. Лавровскаго. Собственно говоря, единственныя реальныя уступки, какихъ добился послѣдній отъ поляковъ въ 1870 г., были упомянутыя выше субсидіи изъ земскихъ суммъ театру русскому и педагогическому обществу «Просвіта» и журналу «Учитель», за «постановленіе объ уступкѣ и русинамъ четырехъ высшихъ классовъ львовской академической гимназіи, которую вотировалъ, по предложенію г. Лавровскаго львовскій сеймъ въ 1871-мъ г.,—хотя и связалъ ее съ предложеніемъ о закрытіи нѣмецкой гимназіи. Правда, что сознаніе преждевременности ѣзды на конѣ высшей политики, къ которому должны были придти послѣ 25-лѣтней безплодной политической эквилибристики благоразумнѣйшіе между русинскими дѣятелями, — есть во всякомъ случаѣ важное, хотя и дорого купленное пріобрѣтеніе. Правда также, что народныя школы, три каѳедры въ университетѣ,— полученныя русинами за вѣрную службу отъ министерства Баха и Шмерлинга, театръ, основанный въ 1863 на частныя средства съ помощью поляковъ, которые желали на зло «Москвѣ» привлечь на свою сторону русиновъ, но потомъ напали на него какъ на «московскій» и согласились упрочить его существованіе пособіемъ изъ земскихъ суммъ, наконецъ, гимназія въ Львовѣ и русскіе классы въ другихъ гимназіяхъ въ восточной Галиціи, — все это немаловажныя орудія для борьбы за національность, для развитія народа и для приготовленія лучшей опоры и политической силы, чѣмъ та, которой искали русинскіе политиканы до сихъ поръ. Правда также, что австрійская конституція даетъ и другія средства для работы въ пользу народа и народности, кромѣ борьбы въ сеймѣ и рейхсратѣ, — а именно свободу печати, право сходокъ и образованія ассоціацій,— и мы видимъ именно ту особенную пользу въ парламентскихъ и политическихъ неудачахъ галицкихъ политиковъ, что эти неудачи заставили мыслящихъ людей среди галичанъ обратить болѣе серьёзное вниманіе на другія орудія борьбы за народность, посредствомъ поднятія умственнаго и матеріальнаго благостостоянія народа, орудія, какія бросали имъ то нѣмецкая бюрократія, то польская аристократія, и какія имъ даетъ австрійская конститу-

Digitized by Google

ція. Уже и теперь видно, что взявшись серьёзно за эти орудія, русины успѣютъ больше, чѣмъ до сихъ поръ успѣли парламентской и публицистической эквилибристикой, и приготовятъ себѣ болѣе прочную почву и для парламентской дѣятельности.

Впрочемъ, послѣднія вѣсти изъ Галиціи показываютъ, что тамошніе политики не устояли на томъ намѣреніи удержаться на время отъ активнаго политиканства, какъ то можно было предполагать, судя по разочарованному тону ихъ органовъ печати. Но выступленіе галицкихъ депутатовъ вновь на сцену политическихъ представленій не принесло ничего новаго, а было только конвульсивнымъ или рефлексивнымъ движеніемъ по издавна установленному образцу,—и въ концѣ-концовъ только еще больше обнаружило численную слабость, отсутствіе организаціи и послѣдовательности идей,—т.-е., въ суммѣ, политическое ничтожество русинскихъ вождей.

Хотя не только «Основа», но и «Слово» высказали, какъ мы видѣли, полное сознаніе безплодности прежняго служенія русиновъ нѣмецкой централистической партіи, однакожъ вступленіе этой послѣдней, — и притомъ именно той, которая и «пожертвовала русиновъ полякамъ», — въ управленіе послѣ гр. Гогенварта потянуло опять русинскихъ политиковъ на старую дорогу. Въ теченіе 1872 г. «русская рада» вызвала около 300 протестовъ русинскихъ сельскихъ громадъ противъ польской резолюціи, — дѣятельность, какую одобрилъ и органъ «молодыхъ» «Правда». Она справедливо укоряя органъ г. Лавровскаго «Основу» въ слишкомъ розовыхъ надеждахъ на поляковъ, съ своей стороны тоже, непонятно, почему, выразила мнѣніе, что еслибъ русины поэнергичнѣе высказали свои требованія въ Вѣнѣ, то «нѣмцы» заставили бы поляковъ уладиться съ русинами, прежде чѣмъ согласились бы принять польскую резолюцію;— между тѣмъ «нѣмцамъ», т.-е. централистамъ, только потому послѣдняя и не совсѣмъ удобна, что можетъ служить прецендентомъ для другихъ земель, и найди они вмѣстѣ съ поляками такую форму, которая, давая полякамъ автономію, не безпокоила бы гегемонію нѣмцевъ въ другихъ краяхъ (что, вѣроятно, и случится), то они и не станутъ упорствовать въ уступкахъ полякамъ, а всего менѣе заботиться о русинахъ. Подачу петицій противъ резолюціи польской русскими громадами можно бы было счесть за небезполезную вещь, не только какъ заявленіе передъ политическимъ міромъ, что въ Галиціи существуютъ не одни поляки, но и какъ возбужденіе политической критики въ русскихъ массахъ,—особенно еслибы эта критика направлялась на практиче-

Digitized by Google

скіе вопросы и еслибы политическіе учители русскихъ селянъ, предлагая народу подписывать протесты противъ резолюціи, затрогивали какое-нибудь живое для народа дѣло. Но на самомъ дѣлѣ, галицкій селянинъ, присоединяясь къ протесту «русской рады», выставлялъ себя только поборникомъ «единства австрійскаго государства», т.-е. принципа, отъ коего ему ни тепло, ни холодно, и вопросъ о которомъ ему врядъ ли и ясенъ.

На послѣднихъ засѣданіяхъ галицкаго сейма, русинскіе депутаты еще рѣшительнѣе выступили на служеніе правительству централистической нѣмецкой партіи. Они внесли предложеніе о введеніи прямыхъ выборовъ въ рейхсратъ, — т.-е. о томъ, что составляетъ теперь конекъ «вѣрно конституціонныхъ» нѣмцевъ. Но подъ этимъ предложеніемъ оказалось всего только 25 подписей (въ томъ числѣ митрополита), а при подачѣ голосовъ противъ 101 польскихъ депутатовъ, голосовавшихъ, конечно, отрицательно, за русинское предложеніе оказалось всего 19, изъ коихъ два принадлежатъ польскимъ крестьянамъ (фактъ, который показываетъ справедливость нашихъ словъ о возможности союза русинскихъ депутатовъ съ польскими крестьянами, еслибы первые выступили съ живыми вопросами), и двое, кажется, евреямъ. Когда обсуждался проектъ адреса отъ сейма, долженствовавшій напомнить правительству о резолюціи, однакожъ такъ, втобъ выставленіемъ ясныхъ федеральныхъ началъ не задѣть и нынѣшнее министерство, — большинство русинскихъ депутатовъ удалилось изъ сейма, объявивъ нежеланіе принимать участіе въ обсужденіи предложеній, идущихъ противъ единства государства. И на этотъ разъ число этихъ защитниковъ централизма было жалко: изъ залы вышло всего 15 человѣкъ. Какъ ни мало оказалось русиновъ въ послѣднемъ сеймѣ, но и среди этого ничтожнаго числа обнаружились разногласія: къ удалившимся изъ залы сейма централистамъ не присоединились гг. Лавровскій и Качала и нѣсколько человѣкъ изъ крестьянъ,—вѣроятно, изъ числа записимыхъ отъ поляковъ. Гг. Лавровскій и Качала впрочемъ высказались одинаково и противъ централизма своихъ соотечественниковъ, и противъ недостаточно яснаго провозглашенія федеральныхъ идей въ польскомъ адресѣ, который они обвиняли въ противорѣчіи съ адресомъ, поданнымъ при гр. Гогенвартѣ. Г. Лавровскій говорилъ, что Галиція можетъ получить вполнѣ прочную автономію только при «всеобщемъ соглашеніи» всѣхъ земель и народовъ Цислейтаніи; г. Качала развилъ еще подробнѣе славянофильскія идеи о необходимости солидарности всѣхъ славянъ въ Австріи, упрекалъ поляковъ, что они вступаютъ въ союзъ

Digitized by Google

скорѣе съ нѣмецкими централистами, чѣмъ съ славянскою оппозиціей, только бы добиться исключительныхъ правъ себѣ и не давать уступокъ русинамъ, — и побуждаютъ черезъ то и русиновъ бросаться въ руки централистовъ, только бы помѣшать неблагопріятной имъ автономіи Галиціи; ораторъ заключилъ мыслью, что централисты не имѣютъ въ виду дать прочныя уступки полякамъ, а только затягиваютъ время, и что только при общемъ федерализмѣ австрійскихъ народовъ можетъ утвердиться и автономія поляковъ и Галиціи. Съ похвальными мыслями гг. Лавровскаго и Качалы согласился отчасти изъ польскихъ ораторовъ одинъ только кн. Чарторискій, который упрекалъ своихъ соотечественниковъ въ отсутствіи принциповъ дѣятельности. Отвѣчая на эти упреки, полякъ г. Зибликевичъ развилъ весьма характерную теорію, которой держится польское большинство сейма: онъ сказалъ, что нѣтъ никакой надобности въ тѣхъ прочныхъ началахъ обще-австрійской политики, которыхъ требуетъ отъ польскихъ депутатовъ кн. Чарторискій,—что главное: добиться своей цѣли—автономіи Галиціи, а этой цѣли можно добиться и безъ союза съ обще-австрійскими федералистами, съ цѣлями коихъ не во всемъ сходятся цѣли поляковъ. Г. Зибликевичъ спросилъ: развѣ вы не возьмете автономіи для Галиціи только потому, что и Чехія и Моравія не получаютъ ея?—и (что еще важнѣе) развѣ и теперь (при господствѣ теперешней конституціи) не вся земля полонизирована?

Рѣчь г. Зибликевича, скромный тонъ польскаго адреса, который и прямыхъ выборовъ въ рейхсратъ не допускаетъ только безъ согласія галицкаго сейма,—все это позволяетъ предположить съ достовѣрностію, что изъ новаго служенія русинскихъ представителей нѣмецкимъ централистамъ не выйдетъ никакой пользы для русскаго народа въ Галиціи. Нѣмецкія газеты въ Вѣнѣ, правда, опять вынули изъ старыхъ воспоминаній эпѣтетъ для русиновъ *die dem Reiche treue ruthenische Bevölkerung*, но, ворча на поляковъ, все же довольны тѣмъ, что они не думаютъ провозглашать федерализма для всей Австріи и что одинъ изъ главнѣйшихъ представителей польскаго большинства, г. Грохольскій высказался ясно, что онъ никогда не согласится съ совѣтами г-на Качалы — отказаться, подобно чехамъ, отъ участія въ нынѣшнемъ рейхстагѣ, и обсуждаютъ условія, при которыхъ возможно соглашеніе и новыхъ плановъ централистической партіи съ видами поляковъ, какъ соглашены были изобрѣтенія 1867 г. Конечно, соглашеніе это не замедлитъ состояться,—и «вѣрные русины» еще разъ останутся ни съ чѣмъ. И это будетъ совершенно естественно, потому что кто

Digitized by Google

такъ входитъ въ соглашеніе съ 15-ю человѣками, когда есть возможность согласиться съ 100?

Если изреченіе одного англичанина XVII в., — что для того, чтобъ дѣла пошли лучше, надо, чтобъ они пошли хуже,—имѣетъ какой-нибудь смыслъ въ политикѣ, то послѣднее собраніе галицкаго сейма должно внушать самыя хорошія ожиданія на улучшеніе дѣлъ нашихъ соплеменниковъ въ Галиціи. Хуже того положенія, которое обнаружило это собраніе, для нашихъ соплеменниковъ уже и выдумать трудно. Мы видѣли, какъ жалко число депутатовъ русинскихъ, выступавшихъ солидарно. Не менѣе жалка и степень такта ими обнаруженнаго. Выступленіе съ предложеніемъ о прямыхъ выборахъ — то-есть явная услужливость нѣмецко-централистической партіи,—есть явное противорѣчіе тѣмъ славянофильскимъ идеямъ, которыя высказывались галицкими политиками съ 1866 года, и которыя снискали имъ благорасположеніе и нашихъ славянофиловъ, и націоналовъ. Это выступленіе должно вызвать не расположеніе къ русинамъ всей не очень малочисленной партіи федералистовъ и staatsrechtliche Opposition вообще, а славянъ въ особенности [1]). И эта партія, какъ и нѣмецкіе централисты, не особенно много обнаруживала внимательности къ русинамъ и предпочитала привлечь на свою сторону болѣе сильныхъ поляковъ, — но все-таки она хоть изрѣдка да обращала ободрительное слово къ русинамъ, но все-таки въ ея принципахъ находится соглашеніе со всѣми краями и народами Австріи, а слѣдовательно и съ русинами. Теперь же русины сами разрываютъ съ нею, являясь самыми предупредительными слугами ея враговъ. Для польскаго большинства послѣднее предложеніе большинства русинскихъ депутатовъ есть послѣдній и самый удобный предлогъ похоронить весь вопросъ о соглашеніи съ русинами, то-есть, отказаться отъ всѣхъ обѣщанныхъ имъ, въ случаѣ полученія Галиціей автономіи, уступокъ. Оговорка оратора русинскаго г. Ковальскаго, что прямые выборы не могутъ быть введены противъ желанія сейма, не послужитъ, конечно, къ смяг-

---

[1]) Любопытно, что наши славяноревнители, привыкшіе почерпать свѣдѣнія и мнѣнія о Галиціи исключительно изъ „Слова“, продолжаютъ похваливать русинскихъ политиковъ, представляемыхъ этой газетой, и въ то же время не нахвалятся и чехами, которые такъ упорно противятся всякимъ метаморфозамъ централизма. Любопытно также, что наши славяноревнительныя газеты даже и не упомянули о рѣчахъ и предложеніяхъ гг. Лавровскаго и Качалы, такъ какъ эти господа не принадлежатъ къ числу восхваляемыхъ „Словомъ“. А между тѣмъ, если было на послѣднихъ засѣданіяхъ сейма въ Львовѣ что-либо славянофильскаго, такъ это, конечно, рѣчи г. Лавровскаго и особенно г. Качалы.

Digitized by Google

ченію поляковъ,—а, какъ всякій признакъ «забѣганія нашимъ и вашимъ», то-есть, признакъ отсутствія самоуваженія и силы, можетъ только послужить къ вящшему, если можно, нравственному униженію русинскихъ политиковъ. Послѣднее собраніе Львовскаго сейма показало, правда, довольно симпатическое явленіе: это прямо федералистическія и славянофильскія рѣчи гг. Лавровскаго и Качалы,—но и эти рѣчи представляютъ болѣе pia desideria, чѣмъ практическія политическія программы: у нихъ нѣтъ подъ ногами никакой почвы. Ихъ рѣчи для того поколѣнія поляковъ, которое правитъ теперь дѣлами въ Галиціи, — гласъ вопіющаго въ пустынѣ; русиновъ же, которые бы согласились съ этою программою въ сеймѣ, кромѣ самихъ двухъ ораторовъ, нѣтъ. Сами братья-славяне предпочтутъ уговариваться скорѣе съ поляками, чѣмъ съ русинами. Славянофильство для славянофильства, братство для братства, федерализмъ для федерализма можетъ занимать двухъ-трехъ дилеттантовъ; для того же, чтобъ какая-нибудь политическая сила сдѣлала изъ этихъ идей свою программу, надо чтобъ она видѣла въ томъ свою выгоду, — чтобъ кто-нибудь вступилъ въ споръ съ другимъ, надо чтобъ этотъ споръ представлялъ практическій интересъ. Что поляки не обнаруживаютъ желанія, во что-бы то ни стало разрывать съ вѣнскимъ рейхсратомъ ради одного братства славянскаго,—это совершенно естественно, такъ какъ поляки и безъ того надѣются добиться того, что́ имъ нужно. Съ другой стороны, если чехи рѣшаются на совершенное отрицаніе централистической конституціи и вѣнскаго рейхсрата и могутъ надѣяться на успѣхъ свой оппозиціи, то, конечно, только потому, что сначала обезпечили за собою большую силу въ своей странѣ, и эта сила ищетъ внѣ себя союзниковъ то же между сильными и, конечно, русинами интересуется мало,—а добившись власти, о нихъ и не вспомнитъ, если они будутъ по-прежнему слабы. Вотъ потому-то одного прекраснодушія, однихъ несомнѣнно симпатическихъ рѣчей, каковы послѣднія рѣчи гг. Качалы и Лавровскаго, галичанамъ мало. При централистической ли, при автономной конституціи Австріи и Галиціи, русинскимъ политикамъ надо сначала увеличить и организовать силу своего народа,—а тогда она претворитъ въ свою пользу всякую конституцію; тогда только можно будетъ серьёзно говорить и объ общеавстрійскихъ программахъ и о союзахъ съ другими силами.

Такимъ образомъ, послѣдніе годы галицкой политической жизни привели, можно сказать, къ полному банкротству политическихъ вождей русинскаго народа. Количественная ничтожность, отсутствіе принциповъ, непослѣдовательность, отсутствіе такта

Digitized by Google

и дисциплины и въ результатѣ безплодность всѣхъ замысловъ и экспериментовъ — вотъ что обличило послѣднее время въ положеніи галицко-русскихъ политиковъ. Все это было, впрочемъ, необходимымъ послѣдствіемъ политической неразвитости и культурной отсталости галицко-русскаго общества,—и въ этомъ отношеніи, та полнота банкротства галицко-русскихъ политиковъ, которую мы видимъ въ послѣднее время, имѣетъ свои утѣшительныя стороны, какъ всякое обличеніе, какъ бы оно горько и тяжело ни было. Это политическое банкротство должно навести все, что еще, или уже есть живого въ галицко-русскомъ обществѣ, на мысли о необходимости вниманія къ другимъ сферамъ и средствамъ патріотической дѣятельности, о необходимости приготовительныхъ работъ къ тому, чтобъ съ достоинствомъ выступить на политическую сцену. По счастію, тѣ слова разочарованія, какія мы видѣли у представителей разныхъ галицкихъ кружковъ, разочарованія въ прежнихъ пріемахъ политическихъ, указываютъ на наступленіе въ галицко-русскомъ обществѣ спасительнаго сознанія своего положенія, на наступленіе кризиса; по счастію также, австрійскіе государственные порядки,—хотя и выработанные не галичанами,—при всей ихъ несправедливости въ отношеніи къ русинамъ, даютъ однакожъ просторъ для такой дѣятельности галицкихъ патріотовъ, которая обѣщаетъ больше успѣха въ будущемъ, чѣмъ двадцатипятилѣтнее политиканство,—безъ опоры въ народѣ, безъ науки и безъ просвѣщенія.

М. Т-овъ.

Digitized by Google

ПИСЧЕБУМАЖНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

и

ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ *).

Съ тѣхъ поръ какъ книга и газета сдѣлались насущною потребностію каждаго мало-мальски образованнаго человѣка, а грамотность признается въ однихъ странахъ безусловно-обязательною, а въ другихъ положительно желательною принадлежностью каждаго, бумага также сдѣлалась предметомъ такого обширнаго и неограниченнаго потребленія, которое трудно опредѣлить въ настоящемъ и предвидѣть въ будущемъ. Размѣръ потребленія бумаги справедливо признается вообще мѣриломъ образованности страны. Соотвѣтственно возрастающему повсюду потребленію бумаги, писчебумажное производство принимало все болѣе и болѣе широкіе размѣры и совершенствовалось

*) Источниками къ настоящему изслѣдованію послужили: Geschichte der Technologie seit der Mitte des 18-ten Jahrhunderts, von Karl Karmarsch. München. 1872. стр. 732—769.—Exposition universelle de Londres de 1862. Rapports des membres de la section française du jury international, t. 8-me, стр. 411—451.—Oesterreichischer Bericht über die internationale Ausstellung in London. 1862. стр. 538—546.—Exposition Universelle de 1867 à Paris. Rapports du jury international t. 2-me, стр. 15—17; 103—136.—Bericht über die Weltausstellung in Paris im Jahre 1867, herausgegeben durch das K. Oesterreichische Central-Comité 1869. 1 Band, стр. 82—85. VIII, 247—262. — Reports on the Paris Universal Exhibition 1867. V. II. London, 1868 стр. 135—148. — Paris Universal Exhibition of 1867. Catalogues of the british section, стр. 57—59. — Обзоръ парижской всемірной выставки 1867. Выпускъ V. О хлопчатобумажномъ и писчебумажномъ производствѣ А. Шерера. 1868. стр. 63—85. — Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи. III; т. статья: Писчебумажное производство, В. Потѣхина стр. 99—175.—Die Industrie Russlands von Friedrich Matthäi. Leipzig, 1872 стр. 387—403. — Die Zolltarife aller Länder, von Otto Hübner.—Труды Коммиссіи Высочайше учрежденной для пересмотра таможеннаго тарифа въ 1867 году. 1868 ч. I. стр. 674—696.—Виды внѣшней торговли.—Отчетъ о всероссійской мануфактурной выставкѣ 1870 г. въ С.-Петербургѣ. 1871.—Очерки производства бумаги изъ дерева, Н. П. Мельникова. 1872.

Digitized by Google

въ пріемахъ и способахъ обработки. Въ теченіи нынѣшняго столѣтія производство это достигло въ западной Европѣ такого развитія и улучшенія, что на всемірныхъ выставкахъ, лондонской 1862 года и парижской 1867 г., эксперты не могли указать никакихъ новыхъ крупныхъ и существенныхъ успѣховъ по этой отрасли фабрикаціи, потому что химія и механика въ приложеніи своемъ къ ней какъ-бы сказали свое послѣднее слово. Онѣ могли отмѣтить лишь нѣкоторыя усовершенствованія въ деталяхъ и засвидѣтельствовать о повсемѣстномъ распространеніи и усиленіи машиннаго производства бумаги и о бо́льшемъ совершенствѣ химическихъ процессовъ, при помощи которыхъ даже негодный въ прежнее время матеріалъ можетъ быть нынѣ обращаемъ на обыкновенныя сорты бумаги, а дурное тряпье, шедшее прежде для изготовленія грубой бумаги, можетъ быть превращаемо въ хорошую бѣлую бумагу. Но въ то же время и тѣ же самыя выставки обнаружили, что этой промышленности приходится бороться въ настоящее время съ большими препятствіями, вслѣдствіе несоразмѣрности между спросомъ и предложеніемъ сырого матеріала и происходящаго оттого возвышенія цѣнъ, какъ на сырье, такъ и на готовыя издѣлія. Эти затрудненія начинаютъ въ послѣднее время обнаруживаться и у насъ въ Россіи, выражаясь въ дороговизнѣ тряпья и бумаги и отражаясь самымъ невыгоднымъ образомъ на многочисленныхъ потребителяхъ этого товара. Поэтому, разсмотрѣніе современнаго положенія и главныхъ условій писчебумажнаго производства представляется дѣломъ нелишеннымъ въ настоящее время интереса.

Главнымъ и наилучшимъ матеріаломъ для выдѣлки писчей бумаги всегда и вездѣ было и безъ сомнѣнія долго останется тряпье, преимущественно льняное, хотя въ странахъ съ особенно развитою хлопчатобумажною фабрикаціею, особенно въ Англіи, и хлопчатобумажное тряпье идетъ въ дѣло въ большихъ количествахъ. О размѣрахъ потребленія тряпья разными странами существуютъ нѣкоторыя не безъинтересныя, хотя нѣсколько отрывочныя и вѣроятно только приблизительныя свѣдѣнія. Такъ, въ Англію, кромѣ собираемаго внутри страны и отчасти вывозимаго въ размѣрѣ полумилліона пудовъ тряпья, ввозится еще 1 1/2 мил. пудовъ тряпья изъ разныхъ странъ, и въ томъ числѣ около 100 тыс. пудовъ изъ Россіи. Во Франціи расходуется на выдѣлку бумаги до 7 милл. пуд. тряпья; въ Бельгіи милліонъ пудовъ туземнаго и 100,000 п. привозимаго изъ Гамбурга, Швеціи и въ маломъ количествѣ (1 1/2 тыс. пуд.) изъ Рос-

Digitized by Google

сіи. Австрія все собираемое внутри страны тряпье переработываетъ на собственныхъ фабрикахъ.

Громадный спросъ на тряпье для туземнаго производства въ прежнее время побуждалъ большую часть правительствъ или запрещать совершенно вывозъ тряпья, или затруднять его высокими отпускными пошлинами. Система эта въ настоящее время покинута почти всюду, вслѣдствіе невыгодныхъ послѣдствій, возникающихъ отъ безусловнаго запрещенія. Такое запрещеніе сохранилось лишь въ Испаніи и Португаліи. Но и совершенно безпошлинный вывозъ тряпья мы видимъ только въ Англіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи и Бельгіи, въ послѣдней лишь съ 1-го января 1868 года. Франція также только недавно, со времени заключенія торговыхъ трактатовъ, отступилась отъ своей прежней запретительной системы, и пошлина съ вывоза тряпья, пониженная съ 1866 г. до 9 фр. со 100 килограммовъ, нынѣ доведена лишь до 4 фр., т.-е. около 20 коп. съ пуда. Въ Германскомъ Таможенномъ Союзѣ и въ Австріи пошлина составляетъ 3 гульдена съ центнера, т.-е. 60 к. съ пуда. Въ Голландіи со 100 ф. всякаго тряпья, кромѣ чисто шерстяного, взимается 5 гульденовъ, или 40 к. съ пуда, съ шерстяного же половина. Даже въ Швейцаріи съ центнера брутто взимается 2 франка, т.-е. около 17 к. съ пуда.

Въ Россіи, въ видахъ покровительства и поддержанія туземной писчебумажной промышленности, тряпье сначала облагалось высокою отпускною пошлиною, какъ по тарифу 1757 г., 13 к. съ рубля, а затѣмъ было совершенно запрещено къ отпуску — въ теченіе 68 лѣтъ, съ 1782 г. по 1850 г., когда тряпье было дозволено къ вывозу. Тарифомъ 1857 года тряпье было обложено отпускною пошлиною въ 60 к. съ пуда, кромѣ черноморскихъ и азовскихъ портовъ, гдѣ взималось съ него по 20 к. съ пуда. Затѣмъ, въ 1864 и 1865 годахъ, пошлина съ тряпья вывозимаго чрезъ западную сухопутную границу понижена до 30 к. какъ въ видахъ ограниченія контрабанды, такъ и для доставленія бѣднѣйшему классу заниматься сборомъ тряпья въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно, за неимѣніемъ по близости писчебумажныхъ фабрикъ, не можетъ находить никакого сбыта. Несмотря на неоднократныя ходатайства съ одной стороны писчебумажныхъ фабрикантовъ о совершенномъ запрещеніи вывоза тряпья, или объ обложеніи его возвышенной пошлиной, до 1 руб., напр., съ пуда, съ другой—лицъ торгующихъ тряпьемъ объ освобожденіи этого товара отъ всякой пошлины, при послѣднемъ пересмотрѣ таможеннаго тарифа въ 1868 г. пошлина съ вывоза тряпья оставлена безъ измѣненія для сухопутной границы, либавскаго, азовскихъ и черноморскихъ портовъ, и понижена до 45 к. съ пуда для прочихъ балтійскихъ и бѣломорскихъ.

Digitized by Google

При дѣйствіи тарифа 1850 г., maximum вывоза едва доходилъ до 40 тыс. пудовъ въ годъ, въ 1856 году; подъ вліяніемъ тарифа 1857 года, вывозъ возросъ до 773 т. пуд. въ 1866 г.; затѣмъ упалъ въ 1867 г. до 470 т. п., а въ 1868 г. до 403 т. п.; съ 1869 г. началось опять усиленіе вывоза: въ 1869 г. вывезено было 548 т. п., въ 1870 г.—777 т. п.; въ 1871 г. было опять уменьшеніе до 658 т. п.

Наибольшее количество тряпья направляется черезъ сухопутную границу (543 т. п. въ 1870 г. и 498 т. п. въ 1871 г.), преимущественно чрезъ Юрбургскую (292 т. п.) и Вержболовскую таможни (155 т. п.); чрезъ балтійскіе порты вывозится лишь третья часть всего отпуска (234 т. п. въ 1870 г. и 153 т. п. въ 1871 г.); изъ черноморскихъ портовъ вывозится по пятилѣтней сложности не болѣе 6,000 пуд.; maximum вывоза — 18 т. п., былъ въ 1867 г. Наибольшая часть вывозимаго тряпья идетъ въ Пруссію; въ 1871 г. было туда вывезено 498 т. п.; затѣмъ слѣдуетъ Англія — 82 т. п., и Соединенные Штаты Сѣверной Америки—67½ т. п.; въ Швецію отправлено въ 1871 г. 8,826 п., во Францію 1,335 п.; отпускъ въ прочія страны считался десятками и сотнями пудовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что количество вывоза тряпья изъ Россіи находилось въ прямой зависимости отъ цѣнъ, стоявшихъ на тряпье въ западной Европѣ, и отъ бо́льшаго или меньшаго недостатка, который въ немъ ощущался, и который лишь отчасти умѣрялся разными суррогатами. Но сборъ тряпья и торговля имъ у насъ далеко не имѣютъ еще той правильной организаціи, до которой они доведены въ западной Европѣ. Во Франціи, напр., и преимущественно въ Парижѣ, болѣе 100 т. рукъ занимаются сборомъ тряпья, причемъ тряпичники раздѣляются на нѣсколько корпорацій или артелей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой опредѣленный районъ и не имѣетъ права заходить въ чужой. Собранныя ветошки сбываются тряпичниками особымъ скупщикамъ и собираются въ особо устроенныхъ складочныхъ мѣстахъ, гдѣ производится самая тщательная сортировка тряпья и устанавливаются цѣны на нихъ.

У насъ сборомъ тряпья занимаются преимущественно такъ-называемые ходебщики и коробочники изъ крестьянъ. Взявъ въ долгъ или на деньги небольшое количество щепетильнаго товара, сборщикъ отправляется на лошади по деревнямъ и тамъ обмѣниваетъ свой незатѣйливый товаръ на тряпье. Сборъ продолжается во все свободное отъ полевыхъ работъ время. Въ рѣдкій удачный день собирается пудовъ пять; обыкновенно же сборъ бываетъ гораздо менѣе, и въ теченіе года сборщикъ наберетъ не болѣе 250 пудовъ. Набравъ пудовъ 20 или 30, онъ передаетъ тряпье скупщику, у котораго бралъ свой товаръ, а тотъ въ свою очередь перепродаетъ полученное тряпье

Digitized by Google

болѣе капитальному торговцу. Послѣдній доставляетъ тряпье на фабрику или продаетъ его купцамъ, занимающимся торговлей уже значительными партіями. Собираніе ветошемъ по городамъ ограничивается почти исключительно Петербургомъ и Москвою, но и здѣсь оно часто подвергалось различнымъ полицейскимъ стѣсненіямъ, такъ что, собственно говоря, тряпичниковъ у насъ не существуетъ, несмотря на то, что правительство еще съ прошедшаго столѣтія старалось поощрять всячески сборъ тряпья, какъ видно изъ указовъ Петра, который приглашалъ представлять въ канцелярію полиціймейстера всякое тряпье и получать за то деньги изъ кабинета Его Величества, а также предписывалъ сборъ старой негодной бумаги, для передѣла ея въ годную на казенной бумажной фабрикѣ. Распоряженія эти потверждались и при императрицахъ Аннѣ и Елисаветѣ.

Общее количество тряпья, необходимаго для удовлетворенія производства нашихъ фабрикъ, простирающагося, какъ увидимъ далѣе, по мнѣнію московскаго купечества до 1.800,000 пудовъ въ годъ, должно равняться $2^1/_2$ милліонамъ пуд., потому что при выдѣлкѣ низшихъ сортовъ изъ пуда тряпья получается бумаги отъ 26 до 27 фунтовъ, а при выдѣлкѣ среднихъ и высшихъ, бѣленыхъ химически сортовъ, получается бумаги отъ 21 до 24 фунтовъ. Количество $2^1/_2$ милл. пудовъ могло бы быть легко добыто въ Россіи, потому что, полагая на каждаго жителя въ Россіи, по самому умѣренному разсчету, менѣе чѣмъ въ половину противъ того, что полагается во Франціи (7 фунтовъ на человѣка)—именно 3 фунта, количество тряпья, которое можетъ быть добываемо въ Россіи, составитъ свыше 5 мил. пудовъ. Но при такой организаціи тряпичнаго дѣла едвали собирается у насъ все это количество тряпья. Гораздо вѣроятнѣе, что сборъ не превышаетъ и $3^1/_2$ милл. пудовъ, т.-е. количества ежегодной потребности туземнаго производства бумаги и вывоза тряпья за границу. Главную массу нашего тряпья составляетъ льняное тряпье, потому что главнымъ поставщикомъ его служитъ сельское населеніе, которое носитъ почти исключительно льняную одежду; въ городахъ же, гдѣ потребляется болѣе всего хлопчатобумажныхъ издѣлій, почти вовсе не собирается тряпья.

Тряпье наше поступаетъ въ торговлю несортированнымъ, потому что фабриканты, частію изъ опасенія переплаты за сортированное тряпье, частію вслѣдствіе разнообразія своего производства предпочитаютъ производить операцію сортировки у себя на фабрикѣ. Отъ этого они нерѣдко дѣлаются сами до нѣкоторой степени торговцами тряпья, будучи вынуждены сбывать часть тряпья имъ негоднаго. Обстоятельство это отчасти служитъ къ пониженію цѣнъ на наше тряпье за границей. Русское тряпье, которое вывозилось евреями

Digitized by Google

по западной сухопутной границѣ въ прежнее время съ пониженною пошлиною въ 30 к. съ пуда, обыкновенно сортируется, очищается и прессуется въ Мемелѣ и Кёнисбергѣ тамошними скупщиками, и затѣмъ перепродается съ значительнымъ барышемъ подъ именемъ прусскаго тряпья. Подобнымъ же образомъ и въ южныхъ портахъ греки спекулировали на русскомъ тряпьѣ и выдавали его заграницею за итальянское. Отъ этого страдали особенно русскіе торговцы тряпьемъ, отправлявшіе его съ возвышенною пошлиною въ 60 к., чрезъ балтійскіе порты, потому что, при цѣнѣ на пудъ тряпья въ Петербургѣ 1 р. 60 к., они не могли соперничать съ тряпьемъ, стоившимъ въ Кёнисбергѣ 1 р. 75 к.

Уже въ 1865-мъ году замѣчено было возвышеніе на 15% цѣнъ на тряпье, и хотя впослѣдствіи онѣ снова понизились, но съ прошедшаго года замѣчается опять значительное ихъ возвышеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что это есть отраженіе той дороговизны сырого матеріала на европейскихъ рынкахъ, которая вызывается недостаткомъ этого матеріала, и которая сама вызываетъ распространеніе разнаго рода суррогатовъ въ писчебумажной фабрикаціи. Нынѣшняя цѣна тряпы въ Россіи—1 руб. 50 коп. до 1 руб. 75 коп. и даже 1 руб. 90 коп. за пудъ; между тѣмъ заграницей средняя цѣна тряпья отъ 8 до 10 гульденовъ за центнеръ полубѣлаго тряпья, и отъ 6 до 8½ гульденовъ за центнеръ низшихъ сортовъ.

Попытка къ замѣнѣ въ писчебумажной фабрикаціи льняныхъ и хлопчато-бумажныхъ ветошекъ разнаго рода суррогатами началась еще въ минувшемъ столѣтіи, какъ это можно видѣть изъ „Исторіи Технологіи“ профессора Кармарша; но серьёзное значеніе получили эти опыты лишь въ наше время, особенно въ послѣдніе годы; всѣ выставки служатъ наилучшимъ тому доказательствомъ. Въ одной Англіи, въ продолженіе послѣднихъ 25 лѣтъ, выдано было по этой части болѣе 150 привилегій, даже въ Россіи выдано уже ихъ 14. Не только разнородныя волокнистыя растенія были испытываемы съ этою цѣлью, но даже разные остатки животнаго происхожденія, какъ кожаные обрѣзки, были употреблены въ дѣло. Преимущество признано однако за растительными веществами, потому что почти каждое растеніе волокнистаго свойства способно служить матеріаломъ для выдѣлки бумаги, если волокна его достаточно крѣпки, легко бѣлятся, и если при этомъ оно растетъ въ достаточномъ изобиліи, можетъ быть дешево пріобрѣтаемо и въ достаточномъ количествѣ примѣшиваемо къ бумажной массѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что число суррогатовъ тряпья еще далеко не исчерпано, но уже въ настоящее время, по мнѣнію фран-

Digitized by Google

цузскихъ экспертовъ послѣдней парижской выставки, потребленіе суррогатовъ тряпья составляетъ около 10% всей перерабатываемой бумажной массы.

Нынѣ почти каждая страна усвоила себѣ тотъ изъ суррогатовъ, которымъ она можетъ снабжать себя по наиболѣе выгоднымъ цѣнамъ. Такъ, Англія отдаетъ предпочтеніе травянистому растенію эспарто (spartium segnarum или stipa tenuissima), которое растетъ въ изобиліи въ горныхъ мѣстностяхъ по испанскимъ и африканскимъ берегамъ Средиземнаго моря. Въ испанскихъ портахъ, и преимущественно въ алмерійскомъ, она продается по 35 коп. за пудъ. Еще въ 1862-мъ году въ Англію ввезено было лишь 528,000 пудовъ эспарто и другихъ растительныхъ веществъ; затѣмъ въ 1864-мъ году—2.700,000 пудовъ, въ 1865-мъ году—3.300,000 пудовъ, въ 1866-мъ году—2.200,000 пудовъ; главную статью привоза составляло эспарто. Во Франціи фабриканты считаютъ болѣе выгоднымъ суррогатомъ солому: въ особенности она идетъ въ большомъ количествѣ для приготовленія оберточной и картузной бумаги, которая хотя и сохраняетъ желтоватый оттѣнокъ, но отличается необходимою прочностію.

Кромѣ соломы ржаной и пшеничной была испытана въ Австріи, на казенной фабрикѣ въ Шлосмюлѣ, и солома кукурузная, но расходы для ея переработки оказались слишкомъ значительными.

Но самымъ распространеннымъ и выгоднымъ суррогатомъ тряпья считается въ настоящее время на континентѣ дерево, особенно въ Германіи, и съ тѣхъ поръ какъ виртембергскій фабрикантъ Фельтеръ изъ Гейденгейма, постоянно улучшая изобрѣтенную Келлеромъ въ Саксоніи, въ 1846-мъ году, машину для измельченія дерева, довелъ ее наконецъ до замѣчательнаго совершенства. Съ помощью этой машины получается древесная масса различной тонкости, въ теченіи суточной работы, въ количествѣ до 3 пудовъ изъ 12 или 15 пудовъ дерева, высушеннаго при обыкновенной температурѣ. Эта древесная масса прессуется, упаковывается въ холщевые мѣшки и продается въ Германіи по $4^1/_2$ до 6 талеровъ за центнеръ въ 50 килограммовъ, то-есть по 2 руб. за пудъ. На приготовленіе подобной массы особенно пригодны осина, липа, ель, сосна. Примѣсь древесной массы для среднихъ и простыхъ сортовъ писчей и печатной бумаги можетъ простираться отъ 15 до 50%, безъ значительнаго измѣненія прочности и сгибаемости листа; для простыхъ сортовъ отъ 50 до 70 процентовъ, а для обойной бумаги и для папки отъ 50 до 80 процентовъ. Такимъ образомъ, страны, богатыя лѣсомъ и водою, не только соединяютъ въ себѣ всѣ условія для водворенія у себя съ выгодою бумажной фабрикаціи, но и могутъ дѣлаться поставщиками бумажно-древесной массы для другихъ фабрикъ, находящихся въ

Digitized by Google

менѣе выгодныхъ условіяхъ. Въ Германіи почти нѣтъ фабрики, которая бы не употребляла нынѣ древесной массы въ видѣ примѣси къ тряпью. Изъ австрійскаго отчета о парижской выставкѣ 1867 г. видно, что въ послѣдніе годы установлено было болѣе 150 фельтеровскихъ машинъ, и съ помощью ихъ изготовляется ежегодно около 500,000 центнеровъ древесной массы. Въ Англіи и въ Швеціи способъ Фельтера также нашелъ себѣ уже примѣненіе; въ Сѣверной же Америкѣ, при дешевизнѣ горючаго матеріала и химическихъ веществъ, употребляется древесная масса, получаемая изъ дерева путемъ выварки измельченнаго въ щепы дерева съ сильными щелочами въ вращающихся паровыхъ котлахъ. На парижской выставкѣ 1867 г. были образцы бумажной массы съ фабрики Джессень и Мура въ Филадельфіи, изъ чистой сосновой массы, отличнаго качества и по необыкновенно низкой цѣнѣ, 70 фр. за 100 килограммовъ.

Въ Россіи первое примѣненіе дерева къ писчебумажному производству было сдѣлано на Славутинской фабрикѣ князя Сангушко въ Волынской губерніи, для выдѣлки сахарной оберточной бумаги, въ концѣ 1850-хъ годовъ; но въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, по свѣдѣніямъ собраннымъ технологомъ Н. П. Мельниковымъ и обнародованнымъ имъ въ недавно изданной вторымъ изданіемъ брошюрѣ: „Очерки производства бумаги изъ дерева въ Россіи“,—уже 11 фабрикъ изготовляютъ древесную массу, въ томъ числѣ находятся 3 въ Волынской губ., 2 въ Московской, 2 въ Финляндіи и по одной въ Новгородской, Могилевской, Виленской, Петербургской; сверхъ того строятся еще 4: 2 въ Петербургской губерніи, по одной въ Московской и Новгородской, для приготовленія древесно-бумажной массы.

Общее количество получаемой теперь въ Россіи древесной массы г. Мельниковъ полагаетъ въ 100,000 пудовъ, изъ коихъ около половины получается на фабрикѣ г. Пастбурга, въ Новгородской губерніи, близъ станціи Окуловки. Часть этой массы употребляется на самой фабрикѣ для выдѣлки 70,000 пудовъ сахарной и картонной бумаги, другая же часть сбывается въ видѣ сухой массы или тонкаго бумажнаго листа въ Петербургъ и Москву, по 2 р. за пудъ безъ провоза. Для полученія древесной массы у насъ употребляются преимущественно: ель въ Финляндіи, осина и сосна въ другихъ губерніяхъ. Лучшая масса выдѣлывается изъ осины. Изъ древесной массы у насъ приготовляются преимущественно оберточная, сахарная и печатная бумага только для газетъ, и самые низкіе сорты писчей бумаги. Приготовленіе оберточной бумаги считается невыгоднымъ, потому что цѣнность ея равна или даже ниже цѣнности древесной массы. При дешевизнѣ дерева, обиліи воды во многихъ мѣстностяхъ Россіи и при об-

Digitized by Google

мирности спроса на бумагу, выдѣлка древесной бумажной массы легко можетъ сдѣлаться выгоднымъ предпріятіемъ даже для небольшихъ капиталовъ.

Но какъ бы ни было обширно примѣненіе суррогатовъ тряпья, оно еще не представляетъ конечнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ писчебумажнаго производства. Оно находитъ достаточное себѣ оправданіе лишь въ примѣненіи его къ выдѣлкѣ низшихъ сортовъ бумаги, какъ картузная, оберточная, печатная для газетъ и дешевыхъ школьныхъ или народныхъ изданій, которыхъ долговѣчность не превышаетъ въ первомъ случаѣ нѣсколькихъ дней, а въ послѣднемъ немногихъ мѣсяцевъ; для солидныхъ же изданій, или для письменныхъ актовъ, которые должны пережить много поколѣній, нельзя довольствоваться столь недолговѣчною бумагою, какъ выдѣлываемая съ примѣсью разныхъ суррогатовъ. Поэтому первымъ успѣхомъ фабрикаціи, какъ справедливо замѣчено во французскомъ отчетѣ по лондонской выставкѣ 1862 года, должно быть признано возможно большее усовершенствованіе выдѣлки высшихъ сортовъ писчей и печатной бумаги; цѣль же эта достигается несравненно удобнѣе и дешевле при употребленіи только хорошаго тряпья, нежели при примѣшиваніи соломы и древесины, потому что въ послѣднемъ случаѣ требуется несравненно большее употребленіе разныхъ химическихъ веществъ, которыя не вездѣ и не всегда доступны.

Англія давно уже стала во главѣ всемірнаго писчебумажнаго производства, и въ этомъ отношеніи она столько же обязана вкусу англійскихъ потребителей этого товара и спросу ихъ на высшіе, хотя и болѣе дорогіе сорта бумаги, сколько и отличному устройству своихъ фабрикъ, искусству рабочихъ, дешевизнѣ каменнаго угля и всѣхъ матеріаловъ потребляемыхъ въ громадномъ количествѣ при обработкѣ бумаги, особенно изъ суррогатовъ тряпья, а также удобству и дешевизнѣ морской доставки этихъ суррогатовъ. Англія первая ввела у себя, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, машинный способъ выдѣлки бумаги, изобрѣтенный во Франціи Луи Робером, но долго не находившій тамъ примѣненія.

По переписи 1861 года писчебумажное дѣло занимало въ Англіи съ Шотландіею и Ирландіею до 400 фабрикантовъ и около 18,000 рабочихъ, которые, смотря по роду своихъ занятій, при 10—12 часовой суточной работѣ, получаютъ отъ 11 до 22 шил. заработной платы въ недѣлю. Уже въ концѣ 50-хъ годовъ разсчитывали, что Англія въ предшествующія 25 лѣтъ утроила свое производство и довела его до цифры 6 мил. пудовъ въ годъ, что, за вычетомъ 10%

Digitized by Google

на заграничный вывозъ, составляло около 7½ фунтовъ ежегоднаго потребленія бумаги на каждаго жителя. Уничтоженіе съ 1861 года, по предложенію Гладстона, пошлины, которою обложено было прежде въ Англіи внутреннее производство бумаги въ размѣрѣ одного пенни (2½ коп.) съ фунта, имѣло результатомъ еще болѣе громадное развитіе и усовершенствованіе писчебумажнаго производства въ Англіи, чему много содѣйствовало въ то же время распространеніе дешевыхъ журналовъ и газетъ. Одновременное уничтоженіе ввозныхъ пошлинъ съ иностранной бумаги, послѣдовавшее вслѣдствіе заключенія Англіею торговыхъ трактатовъ съ разными государствами, вызвало усиленный привозъ иностранной бумаги. Съ 1860 по 1865 г. привозъ этотъ увеличился въ 6½ разъ, именно съ 33,000 до 215,000 квинталовъ; но ввозъ этотъ ограничился преимущественно малоцѣнными сортами бумаги, которыхъ Англія почти совсѣмъ не производитъ: съ 102 т. ф. стер. общая цѣнность ввоза возросла лишь до 436 т. ф. ст.; между тѣмъ отпускъ бумаги изъ Англіи также возросъ, хотя и не въ той прогрессіи какъ ввозъ: въ 5 лѣтъ онъ увеличился съ 672 т. до 846 т. пудъ, а по цѣнности остался почти безъ измѣненія, потому что въ 1860-мъ г. онъ равнялся 450½ т. ф. ст., а въ 1865 г. 447½ т. ф. ст. Такимъ образомъ, вывозъ изъ Англіи ограничивается преимущественно высшими сортами бумаги. Вообще англійская бумага отличается необыкновенною крѣпостью, чистотою, гладкостью и глянцовитостію, что̀ составляетъ результатъ тщательной подготовки и обработки первообразнаго матеріала, удорожающихъ самую стоимость производства и цѣну бумаги.

Франція уступаетъ Англіи какъ количествомъ, такъ и качествомъ производимой бумаги, хотя въ ней дѣйствуетъ, кромѣ 140 заведеній съ ручными устройствами, до 500 бумагодѣлательныхъ машинъ, и занято этимъ производствомъ до 34,000 рукъ. Общее количество производства достигаетъ до 130 мил. килограммовъ, изъ коихъ около 7-ми мил. вывозится ежегодно за границу и въ томъ числѣ преимущественно въ Англію.

Привозъ иностранной бумаги во Францію ограничивается лишь 190 т. килограммовъ. За Франціей, и въ особенности за Парижемъ, остается до сихъ поръ пальма первенства въ производствѣ такъ-называемыхъ papiers de fantaisie, которые отличаются художественностію отдѣлки и находятъ обширное примѣненіе, благодаря требованіямъ моды, роскоши и развитію изящнаго вкуса въ переплетномъ дѣлѣ, въ кондитерскихъ заведеніяхъ, аптекахъ и т. п. Въ одномъ Парижѣ, до войны, было занято этою фабрикаціею болѣе 1,200 человѣкъ, и изготовлялось на 7 мил. фр. papiers de fantaisie.

Digitized by Google

Германія уже 10 лѣтъ тому назадъ представляла обширный рынокъ для сбыта бумаги, потому что для 3,000 журналовъ и газетъ, издававшихся, и для 8-ми или 10-ти тысячъ книгъ, выходившихъ въ ней, требовалось не менѣе 800 мил. листовъ бумаги ежегодно. На 230 фабрикахъ, при 276 машинахъ и 500 ручныхъ снарядахъ, выдѣлывалось уже въ то время болѣе 146 мил. фунтовъ бумаги, изъ коихъ 96 мил. отпускалось за границу; привозъ иностранной бумаги простирался лишь до 25 мил. фунтовъ. Главное средоточіе писчебумажной фабрикаціи въ сѣверной Германіи находится въ рейнскихъ провинціяхъ, преимущественно въ городѣ Дюренѣ, близъ Кёльна. Нѣкоторыя изъ дюренскихъ фабрикъ имѣютъ по три и по четыре бумагодѣлательныхъ машины и располагаютъ движителями въ 400 и 500 силъ. Значительная часть издѣлій дюренскихъ фабрикъ идетъ за границу. Вообще нѣмецкія писчебумажныя издѣлія уступаютъ развѣ только англійскимъ въ бѣлизнѣ, отъ французскихъ же отличаются весьма мало, а по цѣнѣ несравненно доступнѣе какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Въ южной Германіи особеннымъ развитіемъ писчебумажнаго производства отличается Виртембергъ, гдѣ находится 20 фабрикъ съ 28-ю бумагодѣлательными машинами и 29 заведеній съ ручными аппаратами.

Австрія не отступаетъ отъ Германскаго союза въ производствѣ бумаги и старается примѣнять у себя всѣ новѣйшія усовершенствованія по этой части, чтобы конкуррировать на всемірномъ рынкѣ съ своими соперниками. На 265 фабрикахъ, числившихся въ 1865 г., выдѣлывалось до 2 мил. пуд. бумаги, цѣнностью въ 8 мил. руб. До 450,000 пудовъ изъ этого количества вывозилось за границу, преимущественно въ Германію и даже въ Англію, и въ значительной мѣрѣ также на востокъ и въ заатлантическія страны. Австрія начинаетъ производить въ значительномъ количествѣ даже мелкія роскошныя издѣлія, articles de fantaisie, и съ успѣхомъ соперничаетъ въ этомъ отношеніи даже съ Франціею, какъ это доказала парижская выставка 1867 года. Привозъ иностранной бумаги въ Австрію не болѣе 100 т. пудовъ.

Писчебумажная промышленность Бельгіи получила въ послѣднее время также громадное развитіе. Еще въ 30-хъ годахъ страна эта снабжалась преимущественно бумагою французскаго и голландскаго издѣлія, а нынѣ она производитъ около $2^1/_2$ мил. пудовъ бумаги самыхъ разнообразныхъ сортовъ, неуступающихъ французскимъ, и двѣ трети своихъ издѣлій, на сумму 10 мил. франковъ, сбываетъ за границу, преимущественно въ Англію, сама же получаетъ изъ-за границы не болѣе какъ на 1 мил. франковъ.

Digitized by Google

При всей отрывочности, разнохарактерности и неудобосравнимости приведенныхъ данныхъ, относящихся притомъ къ разнымъ эпохамъ, о производительности въ писчебумажномъ дѣлѣ пяти наиболѣе промышленныхъ странъ Европы: Англіи, Франціи, Германіи, Австріи и Бельгіи, нельзя не признать факта громадности этого производства и постояннаго, притомъ весьма быстраго его возрастанія.

Россія хотя не можетъ соперничать съ названными странами, ни количествомъ потребленія бумаги, ни размѣрами своего производства, представляетъ однако быстрое возрастаніе и того и другого. Какъ ни сомнительны собираемыя у насъ оффиціальнымъ путемъ статистическія данныя о производительности фабрикъ, тѣмъ не менѣе сравненіе ихъ, въ связи съ цифрами привоза и отпуска у насъ бумаги, даетъ довольно ясное, приблизительное понятіе о значеніи нашего производства и потребленія бумаги.

Начавшись еще въ XVII-мъ столѣтіи слабыми и неудачными попытками, промышленность эта получила нѣкоторое развитіе при Петрѣ Великомъ, но мало улучшалась въ началѣ, съ одной стороны потому, что частная инициатива встрѣчала сильное и опасное для себя соперничество въ неразсчетливомъ казенномъ производствѣ учрежденныхъ въ разное время правительственныхъ фабрикъ, съ другой—потому, что чрезмѣрное таможенное покровительство, вполнѣ ограждая туземную промышленность отъ иностранной конкурренціи, не поощряло тѣмъ самымъ никакого стремленія къ улучшенію.

Въ половинѣ XVII-го столѣтія производство бумаги на 13-ти фабрикахъ простиралось до 120 тыс. стопъ; въ началѣ XIX-го столѣтія, на 64-хъ фабрикахъ, при 7,000 рабочихъ, до 500 слишкомъ тыс. стопъ; въ половинѣ XIX-го столѣтія, въ 1850 г., на 158 фабрикахъ до $1^1/_2$ мил. стопъ, цѣнностью въ 4 мил. рублей. Въ 1862-мъ году число фабрикъ увеличилось до 165, рабочихъ до 12-ти т. человѣкъ, а производство до 2.666,000 стопъ, цѣнностью въ $5^1/_2$ мил. рублей. Нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя оффиціальнымъ путемъ въ самое послѣднее время, обнаруживаютъ нѣкоторое уменьшеніе какъ въ числѣ фабрикъ и рабочихъ, такъ и въ цѣнности производства. Такъ, по свѣдѣніямъ „Ежегодника министерства финансовъ“ за 1866 г., по „Атласу“ г. Тимирязева за 1867 г. и по „Временнику“ 1872 года центральнаго статистическаго комитета за 1868 годъ, оказывается, что въ эти годы было:

	фабрикъ	рабочихъ	выработано на сумму
въ 1866-мъ г. . .	135	8,427	4.991,000 руб.
— 1867 — . .	134	8,054	5.522,000 —
— 1868 — . .	132	7,238	5.052,000 —

Digitized by Google

Хотя нѣкоторое уменьшеніе въ числѣ фабрикъ, вслѣдствіе закрытія мелкихъ заведеній, невыдерживавшихъ соперничества съ хорошо организованными, крупными фабриками, и вслѣдствіе того, частію же и вслѣдствіе развитія машиннаго производства бумаги, уменьшеніе и въ числѣ рабочихъ, возможно, но уменьшеніе общаго количества и цѣнности выдѣлываемыхъ писчебумажныхъ издѣлій мало вѣроятно, и потому сдѣланная г. Тимирязевымъ въ примѣчаніи къ его таблицамъ оговорка, что выведенный имъ итогъ 5½ мил. руб. годовой цѣнности производства долженъ быть увеличенъ по крайней мѣрѣ на 40%, т.-е. до 8 мил. руб., вполнѣ основательна. Московское купечество въ 1867-мъ году, принимая количество производимой въ Россіи бумаги въ 1.800,000 пуд., соглашалось также, что цифра общей стоимости писчебумажныхъ издѣлій скорѣе можетъ быть принимаема въ 6.200,000 руб., нежели въ 4½ милліон. рублей, какъ показывали собранныя отъ фабрикантовъ свѣдѣнія.

Производство бумаги распредѣлялось, по свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета за 1868 годъ, между 35 губерніями Европейской Россіи; но сверхъ того имѣются еще три фабрики въ Сибири, 16 въ Привислянскомъ краѣ и 7 въ Финляндіи, съ 1,132 рабочими и общей цифрой производства въ 761,165 руб. Нѣкоторыя изъ финляндскихъ и польскихъ фабрикъ весьма замѣчательны по своему устройству и качеству своихъ издѣлій, какъ, напр., Эпштейна въ Варшавѣ, Френкеля и сына въ Таммерфорсѣ, и Тервакоской акціонерной компаніи, въ Тавастгуской губерніи.

Если цифры нашей оффиціальной статистики и показываютъ, повидимому, нѣкоторый застой въ производствѣ фабрикъ собственно Европейской Россіи, безъ Финляндіи и Привислянскаго края, то сравненіе производительности главнѣйшихъ фабрикъ, по болѣе достовѣрнымъ показаніямъ выставочныхъ каталоговъ, обнаруживаютъ замѣчательное развитіе ихъ производства.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ 11 фабрикъ, Гончарова и Троицко-Кондровской компаніи въ Калужской губерніи, Рижской акціонерной, Покровской и Печаткина, въ Петербургской губерніи, Сумкина, въ Вологодской, Пастбурга—въ Новгородской, Рудакова—въ Витебской, Френкеля, Эпштейна и Тервакоской компаніи, занимали 2,254 рабочихъ, располагали паровыми и водяными двигателями въ 528 силъ и выдѣлывали издѣлій на 1.777,000 р. Въ 1870 году тѣ же фабрики имѣли уже 3,088 рабочихъ, 1,588 водяныхъ и паровыхъ силъ и производятъ на 3.232,000 руб. Нѣтъ сомнѣнія, что и другія фабрики, въ особенности такія, какъ, напр., братьевъ Варгунинныхъ, слѣдовали тому же прогрессивному движенію.

Digitized by Google

Все производимое въ Россіи количество бумаги потребляется внутри страны, потому что вывозъ за границу производится главнѣйше по азіатской границѣ и не превышаетъ 50 тыс. стопъ, по европейской же границѣ вывозъ совершенно ничтожный, потому что въ 1867 г. отпущено было писчей и оберточной бумаги 672 пуда, въ 1868 г.—49 пуд., въ 1869 г.—9,773 пуда, въ 1870 г.—532 пуда и въ 1871 г.—4,203 пуда.

Привозъ къ намъ бумаги писчей, печатной и оберточной по европейской торговлѣ гораздо значительнѣе вывоза: онъ составлялъ въ 1867 г.—22,835 пуд., въ 1868 г.—22,217, въ 1869 г.—15,928, въ 1870 г.—14,640, въ 1871 г.—22,000 пудовъ.

Бумага долгое время пользовалась у насъ высокимъ охранительнымъ тарифомъ. Пониженіе въ 1850-мъ г. таможенныхъ пошлинъ до 10 р. съ пуда, несмотря на то, что это составляло отъ 60 до 100% для тонкой бумаги и до 200% для обыкновенной, сразу возвысило привозъ до 9,757 пудовъ въ 1851—53 годахъ; пониженіе въ 1857 г. этой пошлины до 6 р. моремъ и до 5 р. сухопутно возвысило привозъ въ 1862—64 годахъ до 11½ тыс. пудовъ, пониженіе же затѣмъ пошлинъ для бумаги непроклеенной, т.-е. по преимуществу печатной и оберточной до 2 р., и для проклеенной, т.-е. писчей и почтовой до 3 р., не имѣло ощутительнаго вліянія на привозъ къ намъ бумаги, безъ сомнѣнія, потому, что и эта пошлина оказывается еще высокою для такого вѣскаго продукта, какъ бумага.

Но если нашъ обмѣнъ съ западной Европой бумагой еще ничтоженъ, за то эта торговля съ Финляндіей постоянно возрастаетъ: нашъ отпускъ бумаги въ Финляндію представлялъ въ 1866 году—1,660 пуд. на 6,972 р., въ 1870 г.—4,073 пуд. на 25,294 руб., въ 1871 г.—4,285 п. на 26,745 руб. Привозъ же къ намъ бумаги изъ Финляндіи простирался въ 1866 г. на 140,315 руб., въ 1870 г.—37,328 пуд. на 179,958 р., въ 1871 г.—70,815 пуд. на 308,116 р.

Какъ распредѣляется у насъ потребленіе бумаги, опредѣлить съ точностію очень трудно. Можно дать только весьма общія указанія по этому предмету. Такъ, московское купечество предполагало, что треть всего производимаго количества, т.-е. 600,000 пуд., идетъ на оберточную бумагу, и при этомъ въ доказательство приводило разсчетъ употребленія бумаги для обертки сахара. Считая производство сахара въ 3⅓ мил. пуд. и полагая по 2 головы на пудъ, и по 4 листа на голову, оказывалось, что для обертки сахара нужно болѣе 26⅔ мил. листовъ или болѣе 60 т. пуд. Но по новѣйшимъ свѣдѣніямъ оказывается, что дѣйствительное производство сахара-сырца достигаетъ у насъ цифры 10 мил. пуд. Полагая даже, что только 9 мил. пуд. рафинируется, мы получимъ 18 мил. головъ сахару, для которыхъ

Digitized by Google

потребуется 72 мил. листовъ или около 140,000 стопъ оберточной бумаги, что составитъ болѣе 150 т. пуд. Съ развитіемъ внутренней торговли увеличивается потребность и другихъ сортовъ оберточной бумаги.

Потребителями печатной бумаги являются у насъ около 400 періодическихъ изданій, въ томъ числѣ 32 ежедневныхъ газеты, 56 изданій ежемѣсячныхъ и до 300 выходящихъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ,—предполагая среднее число подписчиковъ для первыхъ по 3,000, для вторыхъ—по 1,000 и для третьихъ—по 300, и считая для вторыхъ и третьихъ кругомъ лишь по 10 листовъ въ мѣсяцъ, мы можемъ, кажется, безъ преувеличенія положить общее число потребности въ бумагѣ для газетъ и журналовъ около 100,000 стопъ или 60,000 пудовъ *).

Что касается книгъ, то, принимая въ соображеніе, что въ теченіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ, съ 20-го августа по 28-е октября 1872 года, какъ видно изъ „Указателя по дѣламъ печати", въ Россіи напечатано 420 книгъ, а въ теченіе 5-ти лѣтъ, 1865—1870 годовъ, только въ Петербургѣ и Москвѣ вышло 14,610 сочиненій, можно полагать, что у насъ ежегодно во всей Россіи издается около 3,000 книгъ. Хотя значительную часть составляютъ книги беллетристическаго и учебнаго содержанія, которыя печатаются въ огромныхъ количествахъ экземпляровъ, до 5-ти и даже до 10,000, но, принимая во вниманіе, что между ними есть не мало и брошюръ и сочиненій серьезнаго содержанія, издаваемыхъ въ весьма ограниченномъ числѣ въ 200—300 экземпляровъ, мы не ошибемся, принявъ 20 за среднюю цифру листовъ на каждую книгу и 1,200 или одинъ заводъ за среднюю цифру числа экземпляровъ. При такомъ разсчетѣ общая потребность въ бумагѣ для книгопечатанія будетъ простираться до 120,000 стопъ или около 70,000 пудовъ.

Потребность въ писчей бумагѣ опредѣлить несравненно труднѣе. Одна цифра отправленныхъ по почтѣ частныхъ писемъ въ первое полугодіе 1872 года простиралась до 17½ мил., слѣдовательно, есть основаніе предполагать ее въ годъ въ 35 мил. и если считать и вѣсъ ея въ ту же цифру лотовъ, а со скидкою на сургучъ, въ 32 мил. лотовъ, то вѣсъ бумаги въ ней заключающійся будетъ простираться до 25,000 пуд.; но частная потребность въ бумагѣ не ограничивается въ обиходѣ внутренней жизни одними письмами, пересылаемыми по почтѣ; она имѣетъ еще и множество другихъ приложеній въ

*) Мы полагаемъ, что эта цифра скорѣе можетъ быть ниже, нежели выше дѣйствительности, такъ какъ, напримѣръ, на изданіе нашего журнала въ годъ потребляется бумаги до 6,460 ординарныхъ стопъ, включая сюда и обычные 3% на порчу, что составитъ вѣсомъ около 3,400 пудъ. *Ред.*

Digitized by Google

жизни. Достаточно указать на то количество бумаги, которое исписывается одними для черновыхъ прошеній по таможенымъ и другимъ судебнымъ дѣламъ, другими по ихъ служебнымъ и литературнымъ занятіямъ, третьими при домашнемъ и школьномъ обученіи дѣтей, не говоря уже о другихъ потребностяхъ. Достаточно принять въ соображеніе, что почти все идущее въ печать должно быть сперва написано на обыкновенной бумагѣ, исключая перепечатокъ, извлеченій и послѣдующихъ изданій, и что у насъ существовало въ 1869 г. 21,351 учебное заведеніе съ 829,000 учащихся. Если по самому умѣренному разсчету положить десть бумаги въ годъ на каждаго грамотнаго человѣка, то и это уже составитъ около 700,000 стопъ въ годъ.

Немаловажнымъ потребителемъ является у насъ само правительство. Опредѣлить въ точности цифру потребленія бумаги всѣми присутственными мѣстами довольно трудно, хотя казалось бы эту цифру легко прослѣдить по отчетамъ государственнаго контроля, слагая цифры расхода на канцелярскіе матеріалы и выдѣляя изъ нея извѣстную часть на бумагу; но этотъ способъ вычисленія оказывается неудобнымъ, потому что по системѣ составленія нѣкоторыхъ бюджетовъ съ цифрой расхода на канцелярскіе матеріалы соединяется иногда и цифра расхода на содержаніе сторожей, писцовъ и т. п. Другой путь вычисленія будетъ, кажется, проще и короче. Число казенныхъ пакетовъ, отправленныхъ по почтѣ въ 1866 году, равнялось 19½ мил., а вѣсомъ 68 мил. лотовъ или почти 50,000 пудовъ. Предполагая, что не-почтовая или городская корреспонденція присутственныхъ мѣстъ между собою и съ частными лицами не превышаетъ даже ихъ почтовой корреспонденціи, а внутренняя переписка на снятіе копій или отпусковъ съ внѣшней переписки, на составленіе черновыхъ бумагъ, на разнаго рода справки, записки, извлеченія, доклады, журналы, реестры, бухгалтерскія книги и т. п., также на печатаніе разнаго рода записокъ на проклеенной бумагѣ, для высшихъ учрежденій и коммиссій, только вчетверо противъ вышеозначенной цифры, и увеличивая полученную цифру 300,000 пудовъ на 20%, сообразно возрастанію казенной корреспонденціи съ 1861 года по 1866 г. на такой же процентъ, мы получимъ цифру 360,000 пудовъ, что составитъ вѣроятно не менѣе 700,000 стопъ бумаги. Этотъ разсчетъ можно признать по всей вѣроятности скорѣе уменьшеннымъ, нежели преувеличеннымъ.

Если принять цифру расхода бумаги въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, въ волостныхъ правленіяхъ, въ разныхъ акціонерныхъ и коммерческихъ компаніяхъ равною цифрѣ потребленія казенныхъ учрежденій, то вся потребность бумаги, по нашимъ разсчетамъ, опредѣлится:

Digitized by Google

Для газетъ и журналовъ . . .	60,000 пуд.
— книгъ	70,000 —
— частной жизни и школъ .	350,000 —
— казенныхъ учрежденій . .	360,000 —
— общественныхъ учрежденій.	360,000 —
— оберточной бумаги . . .	600,000 —
	1.800,000 пуд.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣйствительности каждый изъ вышеозначенныхъ видовъ потребленія несравненно значительнѣе, и что нынѣшнее потребленіе гораздо значительнѣе того, которое было вычислено московскимъ купечествомъ пять лѣтъ тому назадъ.

Наши бумажныя издѣлія не безъ успѣха занимали мѣсто на послѣднихъ всемірныхъ выставкахъ, хотя и не могли сравниваться съ лучшими издѣліями Англіи, Франціи и Германіи. По крайней мѣрѣ, по отзывамъ австрійскаго и французскаго отчетовъ по выставкѣ 1867 года, въ русскомъ отдѣлѣ можно было отмѣтить значительныя улучшенія, особенно если принять въ соображеніе удаленіе Россіи отъ центровъ новѣйшей цивилизаціи и затрудненія, испытываемыя ею при введеніи въ своихъ внутреннихъ губерніяхъ новыхъ усовершенствованныхъ машинъ и разнаго рода новыхъ химическихъ процессовъ. Но сортировка тряпья и проклейка бумаги найдены иностранными экспертами въ русскихъ издѣліяхъ не довольно тщательными, а цѣны на нихъ слишкомъ высокими и несоразмѣрными съ цѣнами на соотвѣтствующіе сорты бумаги, особенно нѣмецкаго происхожденія.

Равнымъ образомъ, и оффиціальный отчетъ о всероссійской мануфактурной выставкѣ 1870 года, хотя и признаетъ общими чертами настоящаго положенія у насъ писчебумажнаго дѣла почти повсемѣстную замѣну цѣлаго ряда разнородныхъ устарѣлыхъ приборовъ другими болѣе усовершенствованными машинами и аппаратами, преимущественно по части варки и промывки тряпья, и замѣтное стремленіе къ усвоенію суррогатовъ, замѣняющихъ тряпье, но въ то же время указываетъ, что самую слабую сторону нашего писчебумажнаго дѣла, по отзыву экспертовъ, составляетъ неудовлетворительная проклейка бумаги, и что самые точные опыты въ отношеніи крѣпости бумаги изобличили замѣчательную разность, часто не въ пользу издѣлій, даже отличающихся наиболѣе привлекательными наружными качествами: бѣлизною, сатинировкою и хорошею проклейкою. Причина легкаго разрыва бумаги заключается или въ дурномъ качествѣ тряпья, или въ дурной его подготовкѣ.

Digitized by Google

Что касается цѣнъ на русскую бумагу, то онѣ, сравнительно своего достоинства, немного ниже англійскихъ и гораздо выше нѣмецкихъ и французскихъ. Такъ, по каталогу выставки 1870 года фабрика Варгунинныхъ производитъ писчую бумагу по цѣнѣ отъ 12 до 25 коп. за фунтъ, почтовую — отъ 18 до 25 коп., печатную по 13, 14 и 15 коп. Извѣстная же фабрика Кована и К° въ Валлейфилдѣ близъ Эдинбурга производитъ бумагу писчую и почтовую отъ 20 до 35 коп. за фунтъ, а печатную отъ 15 до 27 к. Очень низкихъ сортовъ англійскія фабрики почти не производятъ. Между тѣмъ на выставкѣ 1862 года были французскіе образцы весьма хорошей писчей бумаги фабрики Іоганна въ Аннанѣ цѣною по 17 коп. за фунтъ, а австрійскія цѣною лучшіе сорты писчей бумаги по 25 коп., хорошіе по 16 коп. за фунтъ.

Что цѣны на бумагу въ Россіи не только высоки, относительно достоинства бумаги, и не только не понижаются съ успѣхами фабрикаціи, а скорѣе возвышаются, это извѣстно всякому кто имѣлъ дѣло въ послѣдніе годы съ печатаніемъ книгъ, журналовъ и газетъ. Одно простое сопоставленіе цѣны на стопу бумаги нашихъ главнѣйшихъ писчебумажныхъ фабрикъ наглядно говоритъ о слабомъ пониженіи этихъ цѣнъ:

На фабрикахъ

	Варгунинныхъ.			Троицко-Кондровскихъ.			Печатникова.		Покровскаго	
	1862 [1]	1867	1872	1862	1867	1870	1862	1870	1862	1870
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Писчей	отъ 1 50 до 7 25	отъ 1 30 до 6 60	— — — —	отъ 1 20 до 7 50	отъ 1 15 до 5 25	отъ 1 90 до 5 50	отъ 1 15 до 7 50	отъ 2 40 до 3 60	— — — —	отъ 3 50 до 6 —
Почтовой	отъ 2 40 до 8 —	отъ 2 40 до 6 60	отъ 3 50 до 10 50	отъ 5 — до 6 —	отъ 4 20 до 7 —	отъ 5 — до 6 —	отъ 4 75 до 7 50	отъ 2 25 до 3 60	— — — —	отъ 2 80 до 5 50
Печатной	отъ 2 40 до 5 50	отъ 3 75 до 4 20	отъ 2 60 до 8 —	отъ 2 70 до — —	отъ 2 28 до 3 30	отъ 2 40 до 2 70	— — — —	отъ 2 50 до 9 —	отъ 2 50 до 5 —	отъ 2 90 до 4 65

Для сравненія стоимости у насъ бумаги изъ тряпья и его суррогатовъ, могутъ отчасти служить слѣдующія данныя о цѣнахъ бумаги на заводѣ Пусловскихъ въ Виленской губерніи, въ 1867 г. по указателю русскаго отдѣла на парижской выставкѣ.

---

[1]) Цѣны за 1862 годъ взяты изъ обзора мануф. промышл., за 1867 годъ, изъ указателя русскаго отдѣла парижской выставки, за 1870 годъ, изъ каталога петербургской выставки, за 1872 годъ, по существующимъ въ торговлѣ цѣнамъ.

Digitized by Google

Цѣны были обозначены въ этомъ указателѣ для—

бумаги	писчей	изъ	льняного	тряпья	за	стопу	1	р.	10	к.	до	5	р. — к.
„	„	„	хлоп.-бум.	„	„	„	—	„	—	„	„	2	„ 47 „
„	„	„	пакли	„	„	„	—	„	41	„	„	1	„ 87 „
„	„	„	мочалы	„	„	„	—	„	—	„	„	1	„ 19 „
„	„	„	соломы	„	„	„	—	„	—	„	„	—	„ 64 „
„	„	„	дерева	„	„	„	—	„	—	„	„	1	„ 10 „

Оберточная бумага изъ соломы 80 коп.
„ „ „ дерева 90 „

На заводѣ въ Полянахъ, Волынской губерніи, сахарная бумага выдѣлывается съ примѣсью 30% древесной массы и 8—10% глины, продается по 3 руб. и по 3 руб. 50 коп. за стопу; на заводѣ Пастбурга въ Новгородской губерніи по 3 руб. 40 коп. и по 3 руб. 80 коп.

Конечно, эти цифры и указанія не достаточно полны, но фактъ дороговизны бумаги никому не безъизвѣстенъ. И не только бумага дорога, но нерѣдко, что и за деньги нельзя ее достать. Бываютъ случаи остановокъ въ печатаніи цѣлыхъ изданій, если не сдѣланъ заблаговременный запасъ бумаги; потому что фабриканты, старясь обезпечивать себя контрактами на большія поставки одного сорта бумаги для большихъ изданій и газетъ, мало заботятся объ удовлетвореніи болѣе мелкихъ требованій разныхъ типографій.

На основаніи всего сказаннаго можно кажется придти къ заключенію, что хотя развитіе писчебумажнаго дѣла у насъ и подвигается впередъ, но спросъ на издѣлія этого рода возрастаетъ быстрѣе, нежели идетъ это развитіе, и нынѣшнее производство недостаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей этого рода. Между тѣмъ факты распространенія у насъ грамотности, школьнаго образованія, письменныхъ сношеній, литературной дѣятельности, и неуменьшенія оффиціальной и неоффиціальной внутренней и внѣшней переписки въ многочисленныхъ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ достаточно убѣдительно доказываютъ, какъ широко еще можетъ быть поприще для развитія писчебумажнаго дѣла въ Россіи. Наконецъ, и по удовлетвореніи всѣхъ внутреннихъ потребностей страны останется еще обширный всемірный рынокъ. Англія, Австрія и иныя страны давно уже снабжаютъ другія части свѣта своими и чужими писчебумажными издѣліями. И у насъ сбытъ бумаги въ Азію превышаетъ сбытъ въ Европу.

Но трудно намъ соперничать съ Европой на иностранныхъ рынкахъ, пока цѣны у насъ высоки, а производство не достигло полнаго совершенства. Прежде всего мы должны озаботиться, чтобъ

Digitized by Google

удовлетворить всѣмъ нашимъ собственнымъ внутреннимъ потребностямъ. Дороговизна бумаги ложится у насъ тяжелымъ бременемъ и на развитіе образованности, потому что она удорожаетъ книги, и на государственный бюджетъ, потому что правительство само есть одинъ изъ главныхъ потребителей бумаги.

Обыкновенно главной причиной дороговизны бумаги выставляется вообще высокая стоимость у насъ всякаго производства, по причинѣ дороговизны кредита, машинъ и химическихъ веществъ, и сверхъ того по случаю возвышенія цѣнъ на тряпье и недостаточности его вслѣдствіе вывоза заграницу въ значительномъ количествѣ. Для противодѣйствія послѣднему заявляется обыкновенно желаніе запретить или обложить высокой пошлиной, въ 1 руб., вывозъ тряпья. Что касается кредита, то нынѣ уже значительно облегчилось пользованіе имъ, съ тѣхъ поръ какъ размножились частные коммерческіе и разнаго рода банки; усилившуюся дороговизну машинъ — фабриканты сами накликали на себя, добившись своимъ ходатайствомъ установленія пошлинъ на машины для фабричнаго производства; что же касается тряпья, то хотя факта вздорожанія отрицать и нельзя, но все же Россія представляетъ еще обширный запасъ этого матеріала. Необходима болѣе правильная организація сбора тряпья; если бы за это взялась правильно организованная компанія, съ агентами въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, то безъ сомнѣнія дѣло пошло бы лучше, нежели при нынѣшней патріархальной системѣ сбора тряпья. Запрещеніе же вывоза тряпья или обложеніе его высокою пошлиною несомнѣнно могла бы лишь сократить сборъ тряпья, усилить контрабанду, и затруднить еще болѣе внутреннюю фабрикацію.

Наконецъ, несмотря на всю значительность сдѣланнаго въ 1868 году пониженія пошлинъ съ иностранной бумаги до 3 и 2 руб. съ пуда, нельзя не признать желательнымъ, въ видахъ усиленія конкурренціи и возбужденія къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ, еще нѣкотораго пониженія этой пошлины. Такимъ образомъ, единственными средствами противъ существующей у насъ дороговизны бумаги слѣдуетъ признать: 1) возможно большее привлеченіе солидныхъ и значительныхъ капиталовъ къ этому выгодному и надолго обезпеченному въ будущемъ дѣлу; 2) введеніе путемъ частной инціативы болѣе правильнаго сбора и разбора тряпья по всей Россіи; 3) сохраненіе нынѣшней умѣренной вывозной пошлины на тряпье; 4) дальнѣйшее и дѣйствительное пониженіе ввозной пошлины на иностранную бумагу, потому что привозъ ея ничтоженъ въ сравненіи съ внутреннимъ производствомъ, которое опять недостаточно для удовлетворенія всѣхъ требованій нашего рынка; и 5) усовершенствованіе

Digitized by Google

въ выдѣлкѣ высшихъ сортовъ бумаги и введеніе въ большихъ размѣрахъ суррогатовъ тряпья и особенно дерева, для низшихъ. Лишь совокупнымъ дѣйствіемъ этихъ средствъ можно довести у насъ производство бумаги до того размѣра, на которомъ оно стоитъ въ западной Европѣ, и отстранить тѣ упреки, которыхъ наши издѣлія заслуживали отъ всѣхъ экспертныхъ коммиссій на выставкахъ; въ будущемъ же, развитію у насъ писчебумажнаго дѣла предстоитъ весьма широкое поприще,—если подумать, что въ настоящую минуту на каждаго жителя въ Россіи приходится въ годъ всего около *1 фунта* бумаги, тогда какъ въ Англіи на каждаго жителя считаютъ среднимъ числомъ $7^1/_2$ фунтовъ; и при этомъ необходимо еще замѣтить, что правительственныя и общественныя учрежденія, вмѣстѣ съ оберточной бумагой, потребляютъ болѣе двухъ третей всей массы, такъ что собственно на одного человѣка въ Россіи приходится едва-едва полфунта!

W.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое февраля, 1873.

Государственная роспись на 1873-й годъ.—Вопросъ объ издержкахъ взиманія.—Возрастаніе доходовъ и расходовъ.—Обложеніе податныхъ сословій.—Экономическое положеніе податной массы.—Балансъ росписи.—Отчетъ контроля за 1871-й годъ.—Сверхсмѣтныя ассигнованія.—Экстраординарные рессурсы.—Необходимость возстановленія денежной системы.—Мнѣніе адмирала Мордвинова о паденіи бумажныхъ денегъ.

Наступившій годъ предполагаетъ въ отношеніи финансовомъ слѣдовать примѣру своего предшественника, быть хорошимъ хозяиномъ, который не производитъ расходовъ сверхъ наличныхъ своихъ средствъ и исправно сводитъ свои счеты. Финансовая роспись на 1873-й годъ, опубликованная въ прошломъ мѣсяцѣ, является безъ дефицита, какъ и предшествовавшая ей роспись. Бюджетъ на 1872-й годъ предвидѣлъ превышеніе доходовъ надъ расходами въ 384 т. руб.; бюджетъ на 1873-й годъ предвидитъ превышеніе доходовъ надъ расходами въ 27 1/2 т. руб. При обсужденіи прошлогодней росписи, мы достаточно распространились насчетъ условности и неважности въ финансовомъ отношеніи той или другой цифры незначительнаго превышенія въ доходахъ, которые непремѣнно превзойдутъ предположенія росписи, какъ то удостовѣряется опытомъ,—сравнительно съ расходами, которые тоже непремѣнно превзойдутъ предположенія росписи вслѣдствіе сверхсмѣтныхъ ассигнованій. Въ виду этихъ обстоятельствъ, въ финансовомъ отношеніи неважно, что превышеніе доходовъ нынѣ предвидится только въ 27 1/2 т. р., а не въ 384 т. р. Важнымъ фактомъ, именно въ финансовомъ отношеніи, былъ бы вообще фактъ, что дефицита не предусматривается, что, стало быть, Россія, если не случится ничего чрезвычайнаго, имѣетъ достаточно средствъ для удовлетворенія всѣхъ своихъ государственныхъ потребностей. Фактъ этотъ, собственно говоря, мы должны признать на основаніи двухъ бюджетовъ 1872 и 1873 гг., и признаёмъ его, до позднѣйшаго окон-

Digitized by Google

чательнаго удостовѣренія въ немъ. Это позднѣйшее удостовѣреніе, необходимость котораго и заставила насъ сейчасъ выразиться въ формѣ условной, можетъ быть двоякое: отчетъ государственнаго контроля по дѣйствительному исполненію смѣтъ 1872 года, который составится къ концу нынѣшняго года, можетъ оправдать предвидѣніе первой бездефицитной росписи, именно бюджета 1872 года. Если въ этомъ отчетѣ мы найдемъ, что всѣ расходы дѣйствительно были покрыты смѣтнымъ ассигнованіемъ и возрастаніемъ обыкновенныхъ, т.-е. дѣйствительныхъ доходовъ государства, въ такомъ случаѣ фактъ, что средства государства достаточны для удовлетворенія всѣхъ признанныхъ бюджетомъ потребностей его, будетъ удостовѣренъ для насъ убѣжденіемъ вполнѣ компетентнаго учрежденія, то-есть государственнаго контроля. А если впослѣдствіи, когда-нибудь будетъ признано возможнымъ отдавать отчетъ и о дѣйствительномъ состояніи къ концу года чрезвычайныхъ рессурсовъ казначейства за границею, въ видѣ включенныхъ и невключенныхъ въ желѣзнодорожный фондъ наличныхъ суммъ отъ облигацій реализованныхъ и въ видѣ бумагъ еще нереализованныхъ, тогда получатся полныя свѣдѣнія для сужденія о нашемъ финансовомъ хозяйствѣ за годъ, и тогда фактъ достаточности средствъ государства для исполненія бюджета выяснится намъ вполнѣ уже въ собственномъ нашемъ убѣжденіи.

До тѣхъ поръ, отсутствію дефицита въ двухъ послѣдовательныхъ росписяхъ мы должны придавать значеніе только ипотетическое, въ отношеніи финансовомъ, и видѣть въ немъ главнымъ образомъ не финансовый фактъ, а признакъ улучшенія въ пріемахъ по составленію росписи. Такъ мы взглянули на этотъ фактъ въ прошломъ году, такъ смотримъ на него и нынѣ. Улучшеніе пріемовъ по составленію росписи сдѣлало и на нынѣшній разъ успѣхъ въ точнѣйшемъ даже чѣмъ въ прошломъ году опредѣленіи ежегоднаго возрастанія дохода, съ удержаніемъ другихъ улучшеній прошлаго года, какъ-то: по уменьшенію цифры недобора и исключенію условной цифры счетныхъ остатковъ. Но за то на нынѣшній годъ роспись является и съ значительнымъ несовершенствомъ въ техническомъ отношеніи, съ отступленіемъ назадъ на цѣлое десятилѣтіе, въ одномъ изъ весьма существенныхъ пріемовъ по составленію бюджета. Мы говоримъ объ исключеніи изъ бюджета на 1873-й годъ цифры издержекъ взиманія доходовъ. Вслѣдствіе такого исключенія, въ бюджетѣ этомъ являются только валовыя цифры государственныхъ доходовъ, цифры же чистаго дохода не показано, и въ раздѣлѣ расходовъ издержки взиманія не показаны отдѣльно отъ общихъ расходовъ государственнаго управленія.

Digitized by Google

О такомъ пропускѣ, который, повторяемъ, представляетъ отступленіе назадъ—нельзя не пожалѣть, тѣмъ болѣе, что мы затрудняемся объяснить его себѣ. Правда, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", гдѣ явилась роспись, напечатано было особое „сообщеніе", подъ заглавіемъ: „объ исключеніи изъ государственной росписи рубрикъ, въ коихъ исчислялись издержки взиманія". Но объясненіе это, довольно обстоятельное, не вполнѣ вывело насъ изъ недоумѣнія: для чего понадобилось исключать издержки взиманія изъ росписи? Быть можетъ, еслибы объясненіе было короче, то оно болѣе удовлетворило бы насъ. Еслибъ было сказано просто, что цифры издержекъ взиманія оказались невѣрными, а потому исключаются впредь до провѣрки, то намъ оставалось бы только пожалѣть о невѣрности и ждать болѣе вѣрныхъ цифръ. Но „сообщеніе" на этомъ не останавливается: идетъ далѣе и какъ-бы отрицаетъ вообще пользу показанія издержекъ взиманія въ росписяхъ, съ чѣмъ согласиться довольно трудно, если придавать росписямъ значеніе не только счетное, но и финансовое, то-есть, если видѣть въ росписи не только счетный перечень видовъ доходовъ и расходовъ, но и финансовый документъ, свидѣтельство о видахъ на общее положеніе финансовъ въ предстоящемъ году. Этотъ послѣдній характеръ, безспорно, долженъ принадлежать росписямъ и представлять собою даже главное ихъ значеніе, если не для насъ, то-есть не для общества, которое, повторяемъ, не имѣетъ нѣкоторыхъ данныхъ для положительнаго сужденія о достоинствахъ бюджета, то во всякомъ случаѣ для того высшаго учрежденія, которое окончательно разсматриваетъ и дебатируетъ бюджеты.

Мы же, то-есть общество, чѣмъ менѣе доступно для насъ положительное сужденіе о бюджетѣ, какъ о свидѣтельствѣ финансоваго положенія государства, даже и при всѣхъ тѣхъ улучшеніяхъ, способствовавшихъ ясности, какія были введены въ росписи досель, тѣмъ болѣе мы должны сожалѣть объ устраненіи одного изъ существеннѣйшихъ улучшеній, о приведеніи вновь цифръ бюджета къ валовую неясность. Чѣмъ болѣе наше сужденіе о достоинствахъ одной росписи сравнительно съ другою, по необходимости, сводится къ сравненію пріемовъ употребленныхъ для ихъ составленія, тѣмъ большее вниманіе мы должны обратить на совершенно неожиданную замѣну пріема улучшеннаго пріемомъ — старымъ, давно оставленнымъ, и разъясненіе оффиціальной газеты въ этомъ случаѣ не разрѣшаетъ нашего недоумѣнія въ особенности потому, что какъ-бы полемизируетъ противъ пользы вообще показанія доходовъ по росписи въ чистомъ видѣ. Вотъ почему мы должны именно вслѣдствіе „сообщенія" не ограничиться легкимъ отношеніемъ къ этой особен-

Digitized by Google

сти нынѣшняго бюджета, но разсмотрѣть вопросъ объ издержкахъ взиманія въ росписяхъ, выражаясь юридически—„по существу“.

Вопросъ этотъ имѣетъ значеніе не только въ прямомъ примѣненіи къ государственной росписи, но и къ бюджетамъ общественныхъ управленій, городскихъ и земскихъ, которымъ форма принятая для росписи государственной должна служить образцомъ. Министерство финансовъ, какъ мы слышали, еще въ 1868-мъ году пришло къ убѣжденію, что въ росписяхъ показывать издержекъ взиманія не слѣдуетъ, оставляя нерѣшеннымъ даже вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли показывать ихъ въ финансовыхъ смѣтахъ, хотя склонялось къ тому, чтобы и въ отдѣльныхъ смѣтахъ издержекъ взиманія не показывать, а исчислять ихъ только въ контрольныхъ отчетахъ по исполненію росписи. Если предположеніе это не осуществилось до сихъ поръ, то надо полагать, что съ того времени и до сихъ поръ на это не было получено согласія государственнаго контроля; догадку свою мы основываемъ на той очевидности, что такое важное измѣненіе не могло быть введено въ роспись безъ согласія контроля. Такимъ образомъ, если нынѣ, то-есть по прошествіи 4-хъ лѣтъ, измѣненіе это и состоялось, то надо полагать, оно состоялось только потому, что въ настоящее время контроль согласился на измѣненіе, предположенное еще въ 1868 году.

Дѣло въ томъ, что выдѣленіе издержекъ взиманія въ особыя рубрики въ росписи и смѣтахъ, а затѣмъ повѣрка цифры валового дохода, была мыслью, которой придавалъ особую важность покойный государственный контролеръ В. А. Татариновъ, который не находилъ и особыхъ трудностей для опредѣленія цифръ издержекъ по взиманію. Въ своихъ печатныхъ запискахъ о государственной отчетности въ Пруссіи и во Франціи, онъ высказываетъ убѣжденіе въ возможности тщательнаго отдѣленія издержекъ взиманія отъ цифръ общихъ расходовъ именно въ смѣтахъ. Въ запискѣ объ отчетности во Франціи онъ такъ опредѣляетъ пользу этого выдѣленія: „нельзя достаточно одобрить правило исчислять отдѣльно издержки по взиманію каждой отрасли доходовъ, такъ какъ этимъ только способомъ можно оцѣнить достоинство налога, въ отношеніи его прямой или чистой производимости“.

Впрочемъ, примѣръ Пруссіи, Франціи, Австріи и самъ по себѣ достаточно показываетъ, что выдѣленіе издержекъ взиманія въ росписяхъ признано полезнымъ не только у насъ. Еслибы у насъ еще шла впервые рѣчь о томъ, слѣдовало ли бы подражать этимъ примѣрамъ и еслибы въ такомъ случаѣ министерство финансовъ возразило, что оно предвидитъ невозможность составлять, хотя бы приблизительно,

Digitized by Google

вѣрное исчисленіе издержекъ взиманія въ росписяхъ, то это было бы другое дѣло. Но вѣдь работа эта у насъ уже дѣлалась, и въ росписи уже показывались издержки взиманія, согласно съ мыслью покойнаго государственнаго контролера. Для чего же—казалось бы—вдругъ исключать ихъ? Такъ, въ росписи 1872 года мы находили цифру доходовъ обыкновенныхъ въ 470¾ милл. р. и рядомъ цифру издержекъ до 45½ милл. р. по взиманію этихъ доходовъ; затѣмъ чистый доходъ казны и опредѣлялся для насъ цифрою примѣрно въ 425½ милл. р. Нынѣ же мы видимъ въ росписи только валовую цифру обыкновенныхъ доходовъ 495¼ милл., а какая часть этой суммы приблизительно должна уйти на самое взиманіе этихъ доходовъ мы не знаемъ, не знаемъ затѣмъ и цифры предполагаемаго чистаго дохода. Можемъ ли мы для этого попрежнему выдѣлять изъ валовой цифры цифру 45½ милл., или соотвѣтственно возрастанію суммы дохода мы должны отдѣлять изъ него больше, какъ то естественно, и приблизительно сколько; затѣмъ—по каждой отрасли дохода—возрастаетъ ли его „производимость", по выраженію В. А. Татаринова, или уменьшается вслѣдствіе наростанія издержекъ на администрацію—ничего этого мы знать не можемъ. Но это не бѣда, что *мы* не можемъ: въ такомъ же положеніи, естественно, находилось и само то высшее учрежденіе, которое дебатировало роспись.

Для чего же, повторяемъ, отмѣнено вдругъ то, что уже дѣлалось, для чего отказались отъ весьма полезной работы, которою занимались уже 10 лѣтъ, такъ что особенно затруднительною теперь она и быть не могла? За разъясненіемъ обратимся опять къ статьѣ, напечатанной въ „Правительственномъ Вѣстникѣ".

Статья приводитъ въ основаніе для исключенія изъ росписи издержекъ взиманія неточность цифры этихъ издержекъ, во-первыхъ, „по причинѣ отсутствія надежныхъ основаній для опредѣленія, какіе именно расходы должны быть относимы къ разряду означенныхъ издержекъ"; во-вторыхъ, потому что цифры издержекъ взиманія въ росписи и смѣтахъ показывались „лишь на основаніи предположеній, хотя и по возможности достовѣрныхъ, однако часто измѣняющихся, особенно при многочисленныхъ со стороны разныхъ вѣдомствъ сверхсмѣтныхъ кредитахъ". При такой неточности цифръ взиманія, исчисленіе ихъ между тѣмъ „замедляетъ и затрудняетъ окончательное составленіе росписи". „По этимъ соображеніямъ рѣшено издержки взиманія исключить изъ росписи окончательно, а затѣмъ вопросъ, слѣдуетъ ли ихъ исключать и изъ отдѣльныхъ смѣтъ, будетъ еще обсуждаться. Тѣмъ не менѣе, мы надѣемся, что впослѣдствіи само министерство финансовъ признаетъ необходимымъ возвратиться къ порядку существовавшему съ 1862 года, то-есть къ показанію из-

Digitized by Google

держекъ взиманія въ самой росписи. Главные поводы къ тому, главные аргументы въ пользу такого возстановленія уже указаны выше въ очевидно-справедливомъ мнѣніи В. А. Татаринова, поддерживаемомъ и примѣромъ другихъ государствъ. Что касается возраженій статьи „Правительственнаго Вѣстника", то они современемъ должны представиться самому министерству финансовъ не выдерживающими никакого сравненія съ аргументомъ преобразователя системы нашей государственной отчетности, въ пользу показанія издержекъ взиманія въ смѣтахъ.

Положимъ, дѣйствительно по нѣкоторымъ отраслямъ государственныхъ доходовъ можетъ представляться въ отдѣльныхъ случаяхъ сомнѣніе, слѣдуетъ ли относить къ издержкамъ взиманія доходовъ такіе расходы на управленіе, которые обусловливаются еще и посторонними причинами, сверхъ самого взиманія дохода. Скажемъ, напр., что издержки по содержанію приговоренныхъ къ заключенію за корчемство хотя и вытекаютъ изъ необходимости оберегать взиманіе питейнаго сбора, но могутъ и не быть относимы къ этимъ издержкамъ, а опять, строго говоря, могутъ и быть причисляемы къ нимъ. Но вѣдь подобныя сомнѣнія могутъ возникать именно только по отдѣльнымъ, преимущественно мелочнымъ случаямъ. Развѣ изъ неизбѣжности такихъ случаевъ необходимо слѣдуетъ, что изъ винно-акцизнаго дохода не слѣдуетъ выдѣлять издержекъ на содержаніе акцизнаго вѣдомства, изъ таможеннаго дохода—расходовъ на содержаніе таможенныхъ управленій и стражи, изъ почтоваго дохода—расхода по содержанію почтъ и почтовыхъ управленій? Слишкомъ ясно, что въ главныхъ чертахъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, какіе именно расходы должны быть относимы къ издержкамъ взиманія, а только главныя черты и важны для обсужденія общихъ выводовъ росписи.

Другое обстоятельство, указанное статьей, именно, что цифры издержекъ взиманія въ росписяхъ и смѣтахъ показывались неточныя, потому что были только предполагаемыя, а затѣмъ подвергались измѣненіямъ вслѣдствіе сверхсмѣтныхъ требованій разныхъ вѣдомствъ, —это обстоятельство, говоримъ мы, относится ко всѣмъ рѣшительно цифрамъ росписи, которыя всѣ основаны на предположеніяхъ—кромѣ цифры кредитныхъ платежей года—и всегда измѣняются въ теченіе года подъ вліяніемъ сверхсмѣтныхъ требованій. Слѣдуетъ ли изъ этого, что вся роспись не нужна, по неточности предполагаемыхъ цифръ? Мало того. Замѣтимъ, что вѣроятность неточности для всѣхъ цифръ расходовъ и доходовъ значительнѣе, чѣмъ именно для цифръ издержекъ взиманія, потому что расходы на взиманіе, идущіе, главнымъ образомъ, на содержаніе управленій, большей частью опредѣ-

Digitized by Google

ляются нормальной цифрою штатовъ, между тѣмъ какъ расходы хозяйственные, напримѣръ, военнаго министерства зависятъ отъ непредвидимыхъ съ точностью торговыхъ цѣнъ. Это очевидно и a priori, и подтверждается отчетностью. Отчетъ государственнаго контроля за 1871 годъ показываетъ, что сверхсмѣтныхъ ассигнованій на потребности одного военнаго министерства было до 5½ мил. р., между тѣмъ, какъ такихъ же ассигнованій на потребности самого министерства финансовъ, въ вѣдѣніи котораго, главнымъ образомъ, состоятъ управленія, взимающія доходы, было вдвое меньше, т.-е. до 2¼ мил. р. Стало быть, возраженіе статьи, что издержекъ по взиманію доходовъ въ росписи показывать не слѣдуетъ потому, что цифра ихъ только предполагательная, подлежащая измѣненію, относится съ большей вѣрностью ко всѣмъ цифрамъ росписи. Что же касается мелкихъ невѣрностей при сомнѣніи, относить ли къ этимъ издержкамъ какой-либо частный расходъ, то неужели подобныя сомнѣнія могли умножиться теперь, послѣ того, какъ эта классификація расходовъ дѣлалась уже безпрепятственно въ теченіе 10 лѣтъ; неужели этого времени было мало, чтобы устранить такъ или иначе мелкія сомнѣнія, и опытъ, вмѣсто того чтобы разъяснить, что́ должно считаться издержками взиманія, а что́ относится къ общимъ расходамъ, наоборотъ, такъ запуталъ это дѣло, что именно теперь послѣ 10-ти лѣтъ оказалось необходимымъ внезапно и даже не ожидая рѣшенія общаго вопроса объ издержкахъ взиманія—исключить ихъ изъ росписи?

То, что́ сейчасъ сказано о сомнѣніяхъ, въ бо́льшей еще степени относится и вообще къ „замедленію и затрудненію“ росписей исключеніемъ издержекъ взиманія. Эти замедленія и затрудненія, во-первыхъ, должны были уменьшиться, а не увеличиться послѣ 10-лѣтняго опыта, а во-вторыхъ, едва ли и цѣли самой росписи соотвѣтствуетъ мысль пожертвовать существенною частью росписи для ускоренія ея составленія. Статья говоритъ еще: „Роспись есть лишь сопоставленіе предстоящихъ государству въ теченіе года расходовъ съ тѣми средствами, которыя находятся въ его распоряженіи для покрытія сихъ расходовъ, и потому не имѣется существенной нужды въ какихъ-либо дальнѣйшихъ болѣе подробныхъ указаніяхъ на свойство тѣхъ или другихъ изъ входящихъ въ ея составъ расходовъ и на отношеніе чистаго дохода къ валовому.“ Опредѣленіе это, кажется, не вполнѣ точно; во всякомъ случаѣ, если роспись есть только „сопоставленіе“ расходовъ съ средствами, то сопоставленіе никакъ не случайное, не пассивное, потому что если бы оно было такимъ, то расходы никогда не сходились бы въ росписи на равной цифрѣ съ доходами, обыкновенными и чрезвычайными. Въ томъ-то и дѣло, что

Digitized by Google

роспись представляетъ провѣрку доходовъ и соотвѣтствующую этой провѣркѣ критику тѣхъ расходовъ, которые могутъ быть отсрочены или умѣрены. Роспись сама не имѣетъ существеннаго отличія отъ финансовыхъ смѣтъ; она сама представляетъ общую смѣту, годовой штатъ всего государственнаго хозяйства. А при обсужденіи такого опредѣлительнаго штата, до утвержденія его, совершенно необходимо знать цифры чистаго, а не только валового дохода. Вотъ тѣ соображенія, которыя внушаютъ намъ мысль, что впослѣдствіи само министерство финансовъ, еслибы нынѣшній контроль и не настаивалъ на возстановленіи прежняго порядка, вѣроятно, само возвратится къ нему вслѣдствіе справедливыхъ желаній, какія возникнутъ при самомъ обсужденіи послѣдующихъ бюджетовъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію бюджета на 1873 годъ въ томъ видѣ, какъ онъ составленъ, то-есть въ *валовыхъ* цифрахъ. Здѣсь на первомъ же мѣстѣ намъ представляется важное преимущество въ составленіи нынѣшней росписи въ сравненіи съ прежними. Цифра обыкновенныхъ, т.-е. дѣйствительныхъ доходовъ 1873 года принята въ $495^1/_4$ мил. р. Въ прошлогодней росписи валовая цифра этихъ доходовъ была около $470^3/_4$ милл. р. Итакъ, возвышеніе дохода за годъ теперь предусмотрѣно до $24^1/_2$ милл. руб. Между тѣмъ, та же разница по росписямъ 1872 года противъ 1871 года была только $16^1/_2$ милл. р. Годичные отчеты контроля показываютъ, что доходовъ поступаетъ около 30-ти милл. болѣе противъ бюджетнаго предположенія. Изъ нынѣшняго отчета контроля (за 1871-й годъ) узнаемъ, что дохода въ томъ году поступило на $37^1/_2$ милл. болѣе, чѣмъ сколько предположено было въ росписи (1871 года). Постоянное, огромное превышеніе дѣйствительнаго поступленія дохода противъ предположеній росписи подавало поводъ предполагать, что роспись нарочно исчисляетъ доходъ гораздо ниже, чѣмъ слѣдовало бы, для того, чтобы показаніемъ излишка доходовъ передъ смѣтными расходами не вызвать расходовъ сверхсмѣтныхъ. Такой разсчетъ, собственно говоря, былъ бы странень, даже еслибы можно было скрыть его отъ прочихъ вѣдомствъ, такъ какъ всѣ вѣдомства должны бы быть равно заинтересованы въ благосостояніи русскихъ финансовъ. Но ясно, что всѣмъ вѣдомствамъ точно также, какъ и обществу, былъ извѣстенъ фактъ, что дохода дѣйствительно поступитъ гораздо больше, чѣмъ показано по росписи. Сверхсмѣтныя ассигнованія шли своимъ чередомъ, но за то въ концѣ контрольнаго года оказывался блестящій результатъ: вся масса сверхсмѣтныхъ ассигнованій, или почти вся, покрывалась какъ-бы неожиданнымъ, необыкновеннымъ наростаніемъ дѣйствительно поступившаго дохода. Въ росписяхъ пред-

Digitized by Google

видѣлся небольшой дефицитъ; къ нему присоединялось въ теченіе года милліоновъ на тридцать сверхсмѣтныхъ расходовъ, а между тѣмъ благодаря непредвидѣнному возрастанію доходовъ, удавалось къ концѣ года, при помощи нѣкоторыхъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ, еще уменьшить тотъ дефицитъ, какой былъ предвидѣнъ росписью.

Такой результатъ имѣлъ въ себѣ, дѣйствительно, нѣчто волшебное; неприготовленному читателю этихъ цифръ приходилось сказать себѣ, что велика экономическая сила, неисчерпаемо богатство Россіи, когда благодаря ему можно, несмотря на 30 милліоновъ непредвидѣнныхъ расходовъ, еще поправить финансовое положеніе государства сверхъ всякихъ ожиданій. Но вотъ этотъ-то результатъ, какъ мы не разъ говорили, былъ скорѣе вреденъ, чѣмъ ободрителенъ. Онъ лишилъ роспись нѣкоторой доли достовѣрности, пріучалъ общество преувеличивать себѣ рессурсы государства, а между тѣмъ самъ былъ призраченъ. Поэтому, въ точнѣйшемъ опредѣленіи самой росписью возрастанія нашего дохода, которому вполнѣ соотвѣтствуетъ возрастаніе и нашего расхода, такъ что ничего особенно-обаятельнаго тутъ усмотрѣть нельзя,—мы и видимъ существенное улучшеніе одного изъ пріемовъ росписей.

Вообще же цифру возрастанія обыкновенныхъ доходовъ на 24½ милл. мы все-таки не можемъ принять за окончательную, такъ какъ знаемъ, съ одной стороны, что въ прошлой росписи предвидѣлось возрастаніе на 16½ милл., стало быть теперь доходъ взятъ точнѣе только на около 8 милл., а съ другой стороны, что доходовъ поступаетъ въ дѣйствительности на 30 или на 40 милл. больше, чѣмъ предусматривали прежнія росписи. За то мы не можемъ не признать окончательною цифру обыкновенныхъ расходовъ, которая показана теперь около 494¼ милл., что̀ съ цифрою на недоборъ въ податяхъ (1 милл.) и равняется почти суммѣ обыкновенныхъ доходовъ (разница 27 т. р. и представляетъ излишекъ дохода). Это—цифра, которая уже не можетъ уменьшиться иначе, какъ по счетамъ, вслѣдствіе временныхъ недотребованій, а напротивъ, увеличится по примѣру прежнихъ лѣтъ весьма значительными сверхсмѣтными перетребованіями. А такъ какъ возрастаніе доходовъ на этотъ разъ уже по росписи опредѣлено нѣсколько точнѣе противъ прошлаго года, то настолько же можетъ оказаться менѣе непредвидѣннаго возрастанія доходовъ, которое даетъ средство покрыть сверхсмѣтныя требованія. Но пусть бы вслѣдствіе того по отчету контроля за 1873 годъ оказался хотя бы дефицитъ, положимъ на 8 милл. больше, чѣмъ за 1872 г., это вѣдь измѣнитъ только нашъ способъ исчисленія, наши счеты, но нисколько не измѣнитъ сущности дѣла. Сущность же дѣла, очевидно,

Digitized by Google

въ томъ, что ежегодное возрастаніе доходовъ государства фактъ весьма благопріятный, насколько онъ свидѣтельствуетъ о возрастаніи производительныхъ силъ и потребленія, а не объ одномъ удешевленіи кредитнаго рубля; ежегодное же возрастаніе расходовъ, въ равной степени, фактъ неблагопріятный. Но тотъ счетный результатъ, то различіе въ исчисленіи, о которомъ мы сейчасъ говорили, все-таки было бы хорошо въ смыслѣ приведенія данныхъ о нашемъ дѣйствительномъ положеніи въ бо́льшую ясность. Намъ кажется, что всего лучше было бы въ росписи увеличить цифру ожидаемаго дохода милліоновъ на 30 и показывать на сторонѣ расходовъ тѣ же 30 милліоновъ отчисляемыми въ „дополнительный бюджетъ“ (budget réctificatif et extraordinaire). Затѣмъ, контрольные отчеты показывали бы намъ по истеченіи года, насколько мы дѣйствительно ошиблись въ предположеніяхъ, то-есть насколько цифра сверхсмѣтныхъ ассигнованій превзошла ту, какую мы приняли въ росписи по даннымъ за прежніе годы.

Въ частности, по 29-ти статьямъ нынѣшней росписи ожидается увеличеніе дохода противъ прошлогодней, около $24\frac{1}{2}$ милл. р., а по 7-ми статьямъ доходъ уменьшается противъ прошлогодняго предвидѣнія на 3 милл. р. Повышеніе доходовъ предвидится по главному нашему доходу, а именно по налогу съ питей (слишкомъ на 4 милл. р.). Значительное возвышеніе (сверхъ $1\frac{3}{4}$ милл. р.) предвидится по акцизу съ табаку, по акцизу съ свеклосахарнаго производства (до $1\frac{1}{2}$ милл.), по гербовымъ и актовымъ сборамъ (почти 2 милл.) и въ доходѣ отъ желѣзныхъ дорогъ (на около $1\frac{1}{4}$ милл.). Но главное возвышеніе дохода предвидится въ таможенномъ сборѣ, который увеличенъ противъ прошлаго года на $7\frac{3}{4}$ милл. р. Мы пропускаемъ менѣе крупныя цифры, а также и всѣ тѣ, въ которыхъ обнаруживается не возвышеніе дохода, а только причисленіе къ нему изъ какой-либо иной статьи, какъ, напр., по продажѣ казенныхъ имуществъ, которая увеличивается оттого, что крестьяне западныхъ губерній платятъ теперь выкупные платежи вмѣсто оброчной подати, которой сумма соотвѣтственно уменьшалась.

Увеличеніе суммы обыкновенныхъ расходовъ предвидится противъ прошлаго года на $24\frac{1}{2}$ милл. р. Увеличеніе происходитъ главнымъ образомъ по смѣтѣ военнаго министерства (на 9 милл.), которая съ $156\frac{1}{2}$ милл. возрастаетъ теперь до $165\frac{1}{2}$ милл. р., несмотря на то, что перевооруженіе пѣхоты окончено, и что новыхъ работъ по по возведенію укрѣпленій, судя по росписи, нынѣ уже не предполагается, такъ какъ на постройку и вмѣстѣ содержаніе укрѣпленій, зданій и помѣщеніе войскъ назначается теперь всего какихъ-нибудь 200 т. р. болѣе, чѣмъ по предшествовавшей смѣтѣ (менѣе $15\frac{1}{4}$

Digitized by Google

милл. вмѣсто почти 15 милл.). Въ расходахъ морского министерства замѣчательно усиленіе ассигнованія на кораблестроительныя работы на свыше 2 милл. Морскому министерству уже въ 1871 году былъ открытъ кредитъ до 3 милл., собственно на расходы по черноморскому флоту. Затѣмъ, по росписи 1872 года на кораблестроеніе было назначено до 4½ милл., а теперь назначается болѣе 6½ милл. р., такъ что эта статья расхода составляетъ цѣлую четверть всего бюджета морского министерства; при такихъ средствахъ надо надѣяться, что черноморскій флотъ возобновится скоро. Увеличеніе расходовъ министерства финансовъ по росписи 1873 г. не важно; но весьма важно увеличеніе платежей по государственному долгу на болѣе 4½ милл. р., которое произошло отъ новаго выпуска консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ. Въ настоящее время сумма нашихъ ежегодныхъ платежей по государственнымъ долгамъ превзошла уже 90 милл. рублей (91 милл.), причемъ не надо упускать изъ виду, что главный нашъ государственный долгъ—безпроцентный. Если бы для возстановленія своей монетной системы мы предприняли обратить этотъ безпроцентный долгъ въ консолидированный четырехпроцентный, то исключивъ изъ суммы кредитныхъ билетовъ нашъ наличный металлическій запасъ, остальная сумма потребовала бы ежегодной уплаты процентовъ болѣе 20 милл. рублей, и такимъ образомъ вся сумма ежегодныхъ платежей по нашимъ долгамъ составила бы около 110—120 милл. рублей. Для сравненія замѣтимъ, что Англія, которая безпроцентнаго долга не имѣетъ, платитъ ежегодно по долгамъ около 180 милл. р.

Изъ увеличенія расходовъ по другимъ вѣдомствамъ мы упомянемъ только лишній милліонъ по министерству народнаго просвѣщенія. Въ счетъ этого милліона входятъ и тѣ слишкомъ 300 тысячъ рублей, которыя показываются въ росписи на содержаніе уѣздныхъ, приходскихъ, начальныхъ училищъ и особыхъ учебныхъ заведеній, но которыя по всей вѣроятности представляютъ усиленія расхода не на содержаніе всѣхъ этихъ училищъ, а только на управленіе ими, на инспекцію и расходы канцелярій инспекторскихъ училищныхъ совѣтовъ, такъ какъ извѣстно, что министерство ходатайствовало о назначеніи съ этой цѣлью вновь 399 тысячъ рублей.

Министръ финансовъ въ объяснительной запискѣ къ росписи 1873 года высказываетъ убѣжденіе въ „прочности предположеній увеличенія доходовъ“, и въ этой прочности, дѣйствительно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ доходы въ предшествовавшіе годы увеличивались въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ 1868 на 1869 годъ на 36 милл., 1869—1870 годъ—на 23 милл., 1870—1871

Digitized by Google

годъ на 28 милліоновъ, и уже въ 1871 году достигли такой цифры (508 милліоновъ), которая превышаетъ на 13 милл. цифру доходовъ нынѣ предположенную по росписи. Относительно результатовъ исполненія росписи 1872 года точныхъ свѣдѣній еще не имѣется, но записка удостовѣряетъ общій фактъ, что поступленіе доходовъ въ 1872 году дало возможность „покрыть всѣ требовавшіеся расходы, несмотря на значительное увеличеніе ихъ противъ смѣтныхъ назначеній, не прибѣгая ни къ усиленію налоговъ, ни къ средствамъ кредита".

Показавъ предполагаемый балансъ 1873 года съ излишкомъ доходовъ на 27½ тыс. руб., министръ финансовъ и нынѣ высказываетъ убѣжденіе, что „при возрастаніи народнаго благосостоянія и соотвѣтственномъ увеличеніи государственныхъ доходовъ, постоянное уравновѣшеніе расходовъ съ поступленіями дастъ твердое основаніе, какъ къ полному и правильному удовлетворенію потребностей государственныхъ, такъ и къ прочному положенію финансовъ государства". Эти слова и послужатъ темою для дальнѣйшихъ взглядовъ нашихъ: 1) на увеличеніе государственныхъ доходовъ въ связи съ вопросомъ о возрастаніи народнаго благосостоянія; 2) на уравновѣшеніе расходовъ съ поступленіями, и 3) на необходимость согласить удовлетвореніе потребностей государственныхъ съ установленіемъ прочной системы финансовъ.

О постоянномъ возвышеніи суммы доходовъ мы уже упоминали въ этой статьѣ не разъ, приводя и цифры его съ году на годъ. Нельзя не замѣтить, что половина всего увеличенія доходовъ за послѣдніе годы приходится на налогъ съ вина. Крупнѣйшія изъ статей нашего дохода, какъ извѣстно, питейный доходъ (162 милл.; приводимъ цифры валовыя 1873 года), подати (96 милл.), и таможенныя пошлины (43 милл.). Сложивъ только эти милліонныя цифры, мы получимъ 301 милл., т.-е. гораздо бо́льшую часть всего итога доходовъ, остальные виды котораго даютъ вмѣстѣ только 169 милл. Но легко замѣтить, что изъ итога слишкомъ 300 милл. руб., производимыхъ тремя главными источниками, ⅚ падаютъ непосредственно на податныя сословія. Если же мы выдѣлимъ изъ росписи всѣ тѣ доходы, которые падаютъ исключительно на податныя сословія, то-есть: подати, питейный доходъ (изъ котораго на иныя сословія приходится ничтожная часть), соляной, оброкъ съ государственныхъ крестьянъ, выкупъ отъ рекрутства, то получимъ 274½ милл. руб. Затѣмъ, въ прочихъ сборахъ податныя сословія участвуютъ наравнѣ съ прочими; правда, въ таможенномъ доходѣ, напр., участіе ихъ слабѣе, чѣмъ участіе другихъ сословій, но за то есть еще государственный земскій сборъ,

Digitized by Google

который падаетъ главной своей тяжестью на податныя сословія. Но, сверхъ того, значительно бо́льшую часть всего бюджета, т.-е. 274 1/2 милл. изъ 495 1/4 милл. руб., уплачиваютъ они одни, почти безъ участія прочихъ сословій. Если же изъ всей суммы доходовъ исключить регаліи и др. поступленія, а взять одну сумму налоговъ 357 3/4 милл. руб. и присоединить къ ней непоказываемыя въ этой суммѣ оброки съ государственныхъ крестьянъ и выкупъ отъ рекрутства, т.-е около 3 1/2 милл., то окончательный выводъ представится намъ въ слѣдующемъ видѣ: изъ всей массы налоговъ, опредѣляющейся приблизительно цифрою 361 1/4 милл., податныя сословія *одни* уплачиваютъ 274 1/2 милл., да сверхъ того уплачиваютъ и остальную часть вмѣстѣ съ прочими сословіями.

Если мы бросимъ теперь взглядъ на условія быта нашей податной массы за послѣднее 12-лѣтіе, то увидимъ, что за этотъ періодъ были многія утѣшительныя явленія, которыя должны бы были, повидимому, значительно увеличить благосостояніе этой массы. Длинный рядъ годовъ мира не требовалъ отъ Россіи усиленныхъ наборовъ, натуральная рекрутская повинность могла быть легче, и не нужно было увеличенія налоговъ для войны. Отмѣна крѣпостного права ввела въ наши села вольный трудъ, устранила произволъ помѣщиковъ надъ личностью людей, и нынѣшніе 18-ти-лѣтніе крестьяне уже не испытали на себѣ прежней барщины. Постройка огромной сѣти желѣзныхъ дорогъ создала вдругъ разные заработки и увеличила до неслыханныхъ размѣровъ заработную плату, а по мѣрѣ окончанія дорогъ являлись для рабочихъ людей удобные, дешевые и скорые способы передвиженія, чтобы предлагать свой трудъ тамъ, гдѣ онъ лучше оплачивается. Въ то же время новые пути заграничной торговли возвысили значительно цѣны на хлѣбъ и на другія сельскія произведенія. Все это, казалось бы, должно было значительно возвысить благосостояніе народа, улучшить его жилища, одежду, пищу, умножить количество скота и повести къ образованію у крестьянъ капиталовъ. Между тѣмъ, приходится съ прискорбіемъ сознаться, по отзыву людей близко знакомыхъ съ современнымъ бытомъ народа, что такихъ послѣдствій, указанныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ не появилось, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, частныхъ случаевъ. Въ общемъ же, преобладающемъ видѣ, крестьяне наши находятся въ экономическомъ отношеніи въ положеніи не лучшемъ, чѣмъ они были за 30 и даже 40 лѣтъ. Жилища ихъ въ общей массѣ не улучшились. Громадная масса народа живетъ попрежнему, какъ дикари, въ курныхъ избахъ, гдѣ въ тѣсномъ пространствѣ, среди закопченныхъ дымомъ стѣнъ, въ тулупахъ на полатяхъ и скамьяхъ, спитъ цѣлое семейство и тутъ же находится мелкій скотъ

Digitized by Google

и птица. Въ цѣлыхъ мѣстностяхъ неизвѣстны бани, а люди парятся изрѣдка въ печахъ. Перемѣна бѣлья, изрѣдка даже, считается роскошью. Хлѣбъ, часто съ примѣсью мякины и сорныхъ травъ, щи безъ мяса, и кислое молоко, составляютъ обыкновенную пищу. Количество скота и домашней птицы у крестьянъ положительно уменьшилось. Для доказательства этого не нужны цѣлые ряды статистическихъ цифръ. Уменьшеніе скота такъ значительно, что при поѣздкѣ по Россіи оно поражаетъ всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ прежнимъ положеніемъ русскаго крестьянина.

Наконецъ, физическое состояніе его, здоровье, силы, развитіе мускуловъ, долговѣчность скорѣе уменьшились, чѣмъ увеличились. Теперь невозможно было бы производить рекрутскіе наборы по прежнимъ правиламъ, и люди, которые подходятъ подъ мѣрку прежнихъ требованій, представляютъ рѣдкое исключеніе. Нѣкогда распространенное у насъ мнѣніе о крѣпости, богатырскихъ силахъ и несокрушимомъ здоровьѣ русскаго крестьянина оказывается положительно ошибочнымъ. Быть можетъ и внушено-то оно было въ видѣ утѣшенія изнѣженному барству, незнавшему труда, что на исполненіе дѣйствительно исполинскихъ работъ были созданы природою и богатырскія силы, между тѣмъ, какъ по нуждѣ и слабый несетъ тяжелую ношу, хотя силы его при этомъ и надрываются. Съ того времени, какъ стали появляться въ нашихъ деревняхъ врачи и образованныя акушерки, мы начали узнавать, въ какихъ страшныхъ размѣрахъ господствуютъ тамъ болѣзни, какъ громадна смертность, какъ ничтожна, сравнительно съ другими народами, средняя жизнь, какъ мало людей достигаетъ старости и какъ поразительно-велико общее худосочіе.

Все это несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что улучшенія, сдѣланныя правительствомъ въ теченіе послѣднихъ 12-ти лѣтъ, клонились къ возвышенію благосостоянія массы и дѣйствительно дали ей два сильныхъ рычага для поправленія быта, именно: свободу труда и постройку желѣзныхъ дорогъ. Чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что, несмотря на эти улучшенія, экономическое положеніе податной массы не улучшилось? Нѣтъ возможности объяснить его иначе, какъ тягостью податей, лежащихъ на массѣ, такъ какъ результатовъ столь крупныхъ и общихъ невозможно же объяснять такими причинами, какъ нерадѣніе и пьянство. Въ общности, нигдѣ человѣкъ себѣ не врагъ, и если будетъ имѣть средства улучшить свое положеніе, то навѣрное ими воспользуется. О непосильной тягости, представляемой выкупными платежами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, мы говорили недавно въ январьскомъ обозрѣніи. Оно вызвало письмо къ намъ изъ Витебской губерніи, сообщающее нѣсколько любопытныхъ

Digitized by Google

фактовъ. Уѣздъ, въ которомъ живетъ авторъ письма, не богатъ, но крестьяне въ немъ пользуются льготой въ размѣрахъ выкупныхъ платежей, какая предоставлена вообще крестьянамъ западныхъ губерній. Мы высказывали мнѣніе, что едвали были примѣры, чтобы крестьяне выплачивали полностью впередъ всю выкупную сумму за свои участки, хотя изъ отчета контроля мы и видимъ, что внесеніе выкупныхъ платежей впередъ за годъ нерѣдко въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они не слишкомъ несоразмѣрны. Нашъ корреспондентъ сообщаетъ, что сосѣдніе ему крестьяне дѣйствительно выкупаютъ свои участки, которые въ тѣхъ мѣстахъ бываютъ до 20-ти десятинъ полевой и усадебной земли на дворъ, а выкупные платежи за нихъ не превышаютъ 50 р. въ годъ. Крестьяне, по словамъ письма, побуждаются къ выкупу какъ желаніемъ пріобрѣсть выкупомъ право раздѣла земли, такъ и стремленіемъ освободиться отъ взысканія съ нихъ выкупныхъ платежей въ такое время, когда они еще не могутъ или находятъ невыгоднымъ продавать ленъ. Вслѣдствіе одновременнаго принужденія всей массы тамошнихъ крестьянъ ко взносу выкупныхъ платежей, они бываютъ вынуждены поголовно продавать свой ленъ по низкой цѣнѣ, такъ какъ цѣна на ленъ при такомъ явленіи падаетъ. Еще одно побужденіе къ обращенію своихъ сбереженій въ уплату капитала выкупа, приводимое нашимъ корреспондентомъ, хотя представляетъ, очевидно, исключеніе, но весьма характерно для обрисовки общаго быта нашихъ крестьянъ: страхъ быть ограбленнымъ разбойниками („случай здѣсь нерѣдкій“, замѣчаетъ авторъ) побуждаетъ въ настоящую минуту одного крестьянина внести въ казначейство 500 р. своихъ сбереженій въ уплату капитальной суммы за свой участокъ. Итакъ, примѣры внесенія крестьянами капитала выкупной суммы впередъ бываютъ, когда у нихъ есть средства. Не надо забывать, замѣтимъ мы, что въ западныхъ губерніяхъ средняя стоимость выкупной десятины представляетъ всего 18 р., между тѣмъ какъ въ остальной Россіи она слишкомъ 31 р.; стоимость средняго душевого участка крестьянскаго надѣла въ западныхъ губерніяхъ опредѣляется въ 64 р., а въ остальной Россіи — въ 105 р.

Итакъ, при всемъ нерадѣніи и пьянствѣ, въ которыхъ упрекаютъ нашего крестьянина, и упрекаютъ не безъ основанія, все-таки оказывается, что когда ему представляются средства улучшить свое положеніе, онъ пользуется этими средствами, готовъ сдѣлать пожертвованіе въ настоящемъ для будущаго. Но бѣда въ томъ, что въ общей массѣ, въ общемъ уровнѣ, средствъ-то нѣтъ, и какія же пожертвованія можетъ сдѣлать для улучшенія своего быта тотъ, кто ѣстъ мякину или уплачиваетъ подати продажею послѣдней коровы? Даже и въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ тягость выкупныхъ пла-

Digitized by Google

тежей съ политическою цѣлью уменьшена противъ великорусскихъ губерній, и съ которыхъ въ 1871 году, по особому повелѣнію, сложено еще податныхъ недоимокъ на 1½ мил. руб. тягость всѣхъ податей, вмѣстѣ взятыхъ, все-таки слишкомъ велика, такъ что въ тѣхъ изъ западныхъ губерній, въ которыхъ земля бѣдна, экономическое положеніе крестьянъ въ общемъ не только не блестяще, но совсѣмъ наоборотъ, и клонится къ еще большему упадку, какъ о томъ свидѣтельствуетъ фактъ, что Могилевская губернія стоитъ второю послѣ Смоленской по цифрѣ недоимокъ въ выкупныхъ платежахъ. Ковенская губернія оказывается одною изъ первыхъ по цифрѣ недоимокъ въ податяхъ, въ спискѣ каковыхъ недоимокъ Могилевская губернія занимаетъ уже мѣсто выше Смоленской. Тотъ самый корреспондентъ, который взялся за перо для того, чтобы сообщить намъ, что въ его мѣстности весьма благопріятный фактъ—внесеніе выкупныхъ платежей полностью впередъ дѣйствительно бываетъ, оканчиваетъ свое письмо слѣдующею картиною: „Въ заключеніе я долженъ передать общее здѣсь мнѣніе, что если бы не ленъ, то выкупныхъ ежегодныхъ платежей не поступило бы со двора *ни рубля*, несмотря на всѣ мѣры взысканія; ленъ все вывозитъ. Личное землевладѣніе и право продажи участковъ ведетъ къ тому, что пролетаріатъ, то-есть число батраковъ увеличивается съ году на годъ. Чуть какой-нибудь крестьянинъ сдѣлается, по здѣшнему выраженію, *слабъ*, т.-е. умрутъ рабочіе члены его семейства или цѣлый годъ хвораютъ (это бываетъ), или пьянствуютъ, и уже волостное начальство, изъ желанія спастись отъ штрафовъ за нерадѣніе по взысканію—вынуждаетъ неисправнаго плательщика *уступить* свой участокъ другому. Крестьянинъ *соглашается* и идетъ въ батраки, а участокъ его, по акту, явленному въ волостномъ правленіи, гдѣ за него росписывается волостной писарь, пріобрѣтается отдѣлившимся членомъ большой хаты или владѣльцемъ другой хаты. Такъ, у насъ есть деревни, сдѣлавшіяся изъ пяти дворовъ—въ два двора, то-есть: два домохозяина скупили у остальныхъ ихъ участки, тѣ пошли въ батраки, а они остались собственниками земель этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, число батраковъ годъ отъ году ростетъ и ростетъ тѣмъ легче, что если крестьянинъ разъ уступилъ землю или отошелъ отъ хаты, то-есть изъ семейства, то этимъ потерялъ всякую возможность когда-либо получить свою землю обратно. Губернское начальство и мировыя учрежденія отсылаютъ его съ искомъ о возвращеніи земли въ общія судебныя мѣста, т.-е. въ палату гражданскаго и уголовнаго суда, что равняется полному отказу, а съ искомъ о водвореніи въ хату или семейство въ волостной судъ, который дѣлить землю не вправѣ, да и самый искъ нерѣдко превышаетъ 100 р. Владѣлецъ же хаты

Digitized by Google

принимать человѣка, особенно съ большимъ семействомъ, часто не хочетъ, и общество не принуждаетъ его къ тому, ибо желающій приписаться не имѣетъ права требовать отъ общества земли на свою часть".

Обстоятельства, на которыя указываетъ нашъ корреспондентъ, имѣютъ и свое особое значеніе, независимо отъ подтвержденія тягости податного бремени даже и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западныхъ, привилегированныхъ относительно выкупа, губерній: они указываютъ на извѣстные недостатки единичнаго, подворнаго землевладѣнія. Но оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, мы приводимъ это письмо въ доказательство, что лѣностью и пьянствомъ нельзя объяснять столь общаго явленія, какъ повсемѣстный застой, а мѣстами положительное ухудшеніе экономическаго быта податной массы. Крестьяне рады бы дѣлать сбереженія, и когда ихъ имѣютъ, уплачиваютъ даже впередъ выкупную сумму, но въ огромномъ большинствѣ сбереженій у нихъ совсѣмъ и возникнуть не можетъ. Чѣмъ же объяснить затѣмъ ихъ экономическій застой и упадокъ, какъ не высотою налоговъ? Итакъ, говоря о возрастаніи государственныхъ доходовъ въ связи съ вопросомъ о возрастаніи общаго благосостоянія, мы приходимъ къ логически неизбѣжному выводу изъ сопоставленія приведенныхъ фактовъ: доходы ежегодно возрастаютъ на сумму отъ 20 до 30 милліоновъ; между тѣмъ главная часть доходовъ продолжаетъ оставаться исключительно на податныхъ сословіяхъ, которыхъ положеніе вслѣдствіе того не улучшается, но отчасти ухудшается; бо́льшая часть всего возрастанія доходовъ приходится на доходъ питейный, который въ теченіе послѣдняго *пятилѣтія* возросъ на $30^1/_2\%$; этому возрастанію дохода нисколько не противорѣчитъ фактъ застоя или ухудшенія въ бытѣ податной массы. Стало быть необходимо, хотя часть изъ возрастающихъ доходовъ обратить на то, чтобы облегчить податной массѣ то бремя, которое лежитъ исключительно на ней. Какъ бы ни было справедливо само по себѣ возраженіе, что и расходы наши возрастаютъ одинаково съ доходами, но вѣдь въ расходахъ еще возможенъ выборъ; а нѣтъ ни одного расхода, хотя бы то на образованіе новыхъ батарей съ 9-ти-фунтовыми пушками или на отстройку черноморскаго флота, чѣмъ такой расходъ, который вызывался бы потребностью охранить бытъ податной массы отъ упадка, а стало быть и главную податную силу Россіи, главный источникъ всѣхъ ея средствъ, какъ государства, отъ истощенія. Такое бѣдственное явленіе имѣло бы значеніе, въ сравненіе съ которымъ никакъ не могъ бы идти ни тотъ прибавокъ къ силѣ Россіи, который выражался бы хотя черноморскимъ флотомъ и десятками новыхъ батарей, не го-

Digitized by Google

воря уже о такихъ новыхъ расходахъ, какъ тотъ, который назначенъ къ усиленію собственно инспекціи надъ начальными школами.

Расходы увеличиваются, это несомнѣнно, но повторимъ, что между расходами возможенъ выборъ: одни болѣе нужны, другіе менѣе. Это тоже не подлежитъ сомнѣнію, и самое выраженіе, употребляемое министерствомъ финансовъ: „уравновѣшеніе расходовъ съ поступленіями", самое требованіе государственнаго контроля о возможномъ „ограниченіи" сверхсмѣтныхъ расходовъ со стороны разныхъ вѣдомствъ —требованіи, которое вслѣдствіе отчетовъ контроля за 1870 и 1871 годы подтверждено было дважды верховною властью—предполагаютъ, что разборъ расходовъ зависитъ до- нѣкоторой степени отъ насъ самихъ, что не всѣ расходы, о которыхъ поступаютъ ходатайства, въ самомъ дѣлѣ безусловно необходимы и неотлагательны. Стало быть, возраженіе, что одновременно съ доходами растутъ и расходы, не имѣетъ безусловнаго и рѣшающаго значенія. Объ этой сторонѣ финансоваго положенія, т.-е. объ уравновѣшеніи расходовъ съ поступленіями мы будемъ говорить теперь, основываясь на послѣднемъ отчетѣ государственнаго контроля, по исполненію росписи за 1871 годъ, а также и предшествующихъ контрольныхъ отчетахъ.

Здѣсь мы должны обратить вниманіе главнымъ образомъ на балансъ по нынѣшней росписи, въ виду контрольныхъ данныхъ и на вопросъ о сверхсмѣтныхъ кредитахъ, такъ какъ эти именно кредиты и нарушаютъ равновѣсіе бюджета. Выше сказано, что балансъ росписи 1873 года сведенъ съ излишкомъ дохода въ 27,672 рубля. Но при этомъ въ нынѣшнюю роспись, какъ и вообще во всѣ наши росписи, не включено средствъ на расходы сверхсмѣтные и авансовые. Сверхсмѣтныхъ расходовъ въ 1871 году произведено было до 41 1/2 милл. руб., т.-е. почти на 9% всего итога обыкновенныхъ расходовъ назначенныхъ по росписи 1871 г. (469 милл.). Правда, отчетъ контроля принимаетъ сумму сверхсмѣтныхъ безвозвратныхъ назначеній 1871 г. только въ 35 1/2 милл. руб., объясняя, что часть ассигнованій сверхъ смѣты сдѣлана съ условіемъ возврата; но вѣдь расходъ произведенъ все-таки въ 1871 году, а потому и долженъ быть причисленъ, если не къ сверхсмѣтнымъ, то къ дополнительнымъ расходамъ этого года. На томъ же основаніи и сумму дополнительныхъ и сверхсмѣтныхъ назначеній 1870 и 1869 годовъ мы принимаемъ въ 40 1/2 милл. и въ 43 3/4 милл. Въ предшествующіе этимъ годы: 1868, 1867 и 1866-й цифра сверхсмѣтныхъ ассигнованій начала-было значительно уменьшаться, а именно съ 1866 на 1867 годъ она вдругъ упала съ почти 50 милліоновъ (49 милл. 945 тыс.) на 32 1/2 милл., вслѣдствіе введенія новой смѣтной системы. Нынѣшній отчетъ контроля, срав-

Digitized by Google

нивая цифры сверхсмѣтныхъ ассигнованій только за пять лѣтъ, не привелъ этой цифры громаднаго уменьшенія вслѣдствіе введенія новой смѣтной системы. Но уже съ 1869 года цифра сверхсмѣтныхъ и дополнительныхъ ассигнованій вновь возрасла. Но сверхсмѣтныя ассигнованія представляютъ еще не весь тотъ излишекъ, который требуется въ теченіе финансоваго года къ отпуску сверхъ опредѣленій смѣты этого года; сюда слѣдуетъ еще присоединить тѣ суммы, которыя расходуются авансомъ въ счетъ смѣты будущаго года. Такихъ суммъ расходовалось до 1870 года обыкновенно около 13 милл. руб.; въ 1870 же году 17 милл. За 1871-й годъ мы не находимъ о нихъ свѣдѣнія въ отчетѣ контроля. Авансовые расходы частью представляютъ собою то, что̀ расходуется впередъ на потребности будущаго года; напр., выдается задатокъ подрядчику по работѣ, которая назначена въ предстоящемъ году; эти расходы за то уже не потребуются въ будущемъ году. Но не всѣ расходы въ счетъ будущей смѣты таковы: многіе изъ нихъ имѣютъ просто характеръ дополнительныхъ кредитовъ для текущаго года, производимыхъ въ иной формѣ для того, чтобы избѣгнуть испрошенія сверхсмѣтнаго кредита, какъ по долговременности такого испрошенія, такъ и по бо́льшей легкости произвесть расходъ, не испрашивая сверхсмѣтнаго кредита. Таковы преимущественно строительные расходы въ счетъ будущей смѣты, такъ какъ перенесеніе строительныхъ расходовъ изъ одной смѣты въ другую допускается. Подобные расходы въ счетъ будущей смѣты хотя и вносятся въ нее, но нисколько не уменьшаютъ затѣмъ будущее ассигнованіе. Они просто присоединяются къ итогу потребностей въ слѣдующемъ году и неизбѣжно усиливаютъ этотъ итогъ.

Еслибы мы сложили расходы сверхсмѣтные, дополнительные и авансовые вмѣстѣ, то получили бы за годъ цифру болѣе 50 милл. рублей такихъ расходовъ, которые въ дѣйствительности производятся въ теченіе финансоваго года сверхъ предвидѣній росписи. Само собою разумѣется, что это уже совершенно измѣнило бы балансъ предположенный въ росписи, и повело бы къ заключенію ея дефицитомъ даже и несмотря на непридвидѣнное возрастаніе поступленій. Поступленія превзошли предвидѣнія росписи въ 1871 году на 37½ милл. руб. Но вся масса сверхсмѣтныхъ и дополнительныхъ расходовъ за годъ составила 41½ милл. Мы знаемъ, что контроль свелъ отчетъ за этотъ годъ съ излишкомъ поступленій противъ расходовъ въ 8½ милл руб., и со свободнымъ остаткомъ въ 4½ милл., „который можетъ служить источникомъ для удовлетворенія потребностей послѣдующихъ лѣтъ“. Мы вовсе не намѣрены оспаривать такого результата, если слѣдовать тому разсчету, какимъ приводитъ къ этому результату контроль. Но разсчетъ этотъ слишкомъ сложенъ

Digitized by Google

и потому не можетъ быть ясенъ. Въ него входятъ слѣдующіе элементы: пассивъ: 1) поступленіе обыкновенныхъ доходовъ 508 милл.; 2) остатки отъ росписи 1869 года до 4½ милл.; 3) „свободные" остатки отъ росписи 1870 года до 5½ милл.; активъ: 1) произведенныхъ въ 1871 году расходовъ болѣе 480¾ милл.; 2) оставшихся невыполненными расходовъ 1871 года болѣе 18¾ милл., и 3) неудовлетворенныхъ расходовъ прежняго до 1871 года времени болѣе 13½ милл. руб. Изъ такого разсчета и выходитъ совершенно основательно свободный остатокъ 4½ милл. руб. Но если принять въ соображеніе просто тѣ два факта, что сверхсмѣтныхъ ассигнованій было, какъ показано (на стр. 49) въ контрольномъ отчетѣ 41½ милл., а поступленій было болѣе противъ смѣты на 37½ милл., какъ видно (на стр. 4), то результатъ показываетъ, что когда-нибудь легко можетъ случиться и такъ, что излишекъ расхода превзойдетъ излишекъ поступленій. Хотя при счетѣ остатковъ отъ прежнихъ смѣтъ и предстоящихъ уплатъ и оказывается несомнѣнно свободный остатокъ 1871 года, но тѣмъ не менѣе фактъ, на который мы только-что указали, а именно, что сумма сверхсмѣтныхъ назначеній въ 1871 году превысила тоже на около 4 милліона сверхсмѣтное возвышеніе дохода, имѣетъ реальное значеніе.

Нельзя достаточно настаивать на ограниченіи сверхсмѣтныхъ требованій; но ограниченіе ихъ вновь вмѣнено всѣмъ вѣдомствамъ въ обязанность верховной властью. Для достиженія этой цѣли казалось бы полезнымъ сверхъ того, во-первыхъ, устранить по возможности удовлетвореніе какихъ-либо расходовъ въ счетъ будущей смѣты; во-вторыхъ, сколько возможно затруднить самое испрошеніе сверхсмѣтныхъ кредитовъ. Сверхсмѣтные кредиты могутъ открываться только или по разсмотрѣніи ихъ государственнымъ совѣтомъ или безъ такого обсужденія, только на основаніи дѣйствующихъ узаконеній. Ассигнованіе сверхсмѣтныхъ кредитовъ на основаніи „дѣйствующихъ узаконеній" представляетъ незначительную сумму, такъ какъ сюда по закону подходятъ только кредиты недостигающіе 1000 р., которые могутъ быть испрашиваемы вѣдомствами прямо по сношенію съ министромъ финансовъ помимо государственнаго совѣта, и то еще съ указаніемъ источника въ видѣ остатковъ. Остальные сверхсмѣтные кредиты должны быть обсуждаемы въ государственномъ совѣтѣ именно для провѣрки ихъ неотложности. Затѣмъ, само собою разумѣется, могутъ быть случаи, въ которыхъ допущено будетъ изъятіе изъ закона, то-есть ассигнованіе сверхсмѣтнаго кредита въ видѣ изъятія, безъ предварительнаго обсужденія. Такіе случаи могутъ быть и само собою разумѣется, что отъ усмотрѣнія верховной власти вполнѣ зависитъ разрѣшать или не разрѣшать по-

Digitized by Google

добныя изъятія. Таковы, напр., суммы на извѣстное Государю Императору употребленіе, а также выдачи истекающія изъ непосредственной высочайшей милости, какъ-то награды войскамъ за смотры, которыя смѣтою не предвидятся и по самому роду своему вовсе и не требуютъ разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ до пожалованія такихъ наградъ. Но, спрашивается, всѣ ли сверхсмѣтныя ассигнованія, которыя могутъ быть испрашиваемы путемъ такого изъятія, именно таковы, что они непосредственно истекаютъ изъ благоусмотрѣнія или милости верховной власти, а стало быть и не подлежатъ, по самому роду своему, обсужденію высшаго въ государствѣ совѣщательнаго учрежденія? Во всякомъ случаѣ, очевидно, что изъятія не должны бы въ размѣрахъ своихъ превосходить соблюденія правила. Положительныхъ данныхъ для сужденія о томъ, какой процентъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій проходитъ путемъ установленнымъ правилами, мы не можемъ имѣть. Но позволяемъ себѣ указать на пользу строгаго соблюденія правила во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые по существу своему нисколько не истекаютъ изъ непосредственнаго усмотрѣнія верховной власти.

Замѣчательно, что значительнѣйшая часть сверхсмѣтныхъ ассигнованій 1871 года приходится на долю самого министерства финансовъ; правда, изъ этой общей суммы бо́льшая часть относилась къ расходамъ другихъ вѣдомствъ, но все-таки болѣе 2 милл. р. были испрошены сверхсмѣтно на потребности самого министерства финансовъ. За 1870-й годъ на свои потребности испрошено было этимъ министерствомъ менѣе милліона, а въ 1871 году болѣе милліона. Въ числѣ этой суммы мы находимъ почти ½ милл. на награды и проценты вознагражденія чинамъ министерства, до 150 т. р. на содержаніе управленій министерства, 70 т. р. на устройство помѣщеній этихъ же управленій. Но если роспись не могла предвидѣть такихъ расходовъ, какъ на устройство помѣщеній и награды чиновникамъ министерства финансовъ, то удивляться ли затѣмъ, что военному министерству потребовалось сверхъ смѣты до 5½ милл. рублей? Вѣдь цѣны на провіантъ и расходы по приготовленію оружія гораздо труднѣе предусмотрѣть, чѣмъ перестройку помѣщеній для казенныхъ палатъ, а отложить покупку провіанта для войскъ менѣе удобно, чѣмъ выдачу наградъ чиновникамъ сверхъ смѣты.

Въ заключеніе нашихъ замѣчаній на вопросъ объ уравновѣшеніи расходовъ съ поступленіями, для которыхъ намъ послужилъ матеріаломъ отчетъ контроля по исполненію росписи 1871 года, скажемъ еще нѣсколько словъ о составѣ какъ нашей отчетности, такъ и нашей росписи. Въ нынѣшнемъ контрольномъ отчетѣ мы впервые

Digitized by Google

нашли подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣла по выкупной операціи, и этими свѣдѣніями воспользовались уже въ предшествующемъ обозрѣніи. Но, спрашивается, почему платежи по выкупнымъ свидѣтельствамъ и $5^1/_2$% рентѣ не показываются въ росписяхъ? Положимъ, расходъ на эти платежи подлежитъ постепенно возврату изъ выкупныхъ платежей крестьянъ, но выкупныя свидѣтельства составляютъ все-таки государственный долгъ. Вѣдь показывается же въ росписи расходъ на уплату процентовъ и погашенія консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ, о которомъ сказано въ объяснительной запискѣ министра финансовъ, что „расходъ этотъ подлежитъ постепенному возврату, сообразно обязательствамъ обществъ означенныхъ дорогъ и имѣетъ характеръ ссуды". Но и платежи по выкупнымъ свидѣтельствамъ имѣютъ такой же характеръ. Впрочемъ, при обсужденіи росписи является вообще много вопросовъ, которыхъ краткая объяснительная записка, къ ней приложенная, не разрѣшаетъ. Для того, чтобы роспись и отчетъ по исполненію предшествующей смѣты давали возможность положительно судить о состояніи нашихъ финансовыхъ средствъ за извѣстный періодъ, не достаетъ, какъ мы уже не разъ говорили, свѣдѣній о финансовыхъ средствахъ реализованныхъ и нереализованныхъ, но всегда могущихъ быть реализованными, какими мы къ извѣстному сроку располагали за границей. Въ отчетахъ по исполненію росписей приводятся весьма обстоятельныя свѣдѣнія о движеніи суммъ желѣзно-дорожнаго фонда. Изъ этихъ свѣдѣній (приложеніе 13) мы узнаемъ, что по приходу въ этомъ фондѣ въ теченіе 1871 года состояло $108^1/_2$ милл. р., а израсходовано было въ теченіе того же года около $62^1/_2$ милл., такъ что въ наличности къ 1 января 1872 оставалось бы около $45^3/_4$ милл., но какъ желѣзнодорожный фондъ не возвратилъ въ общія средства казначейства около 5 милл. поступившихъ изъ этихъ средствъ въ фондъ, то въ дѣйствительности наличность желѣзнодорожнаго фонда къ 1 января 1872 года составляла $50^3/_4$ милл. Но вѣдь эта наличность далеко еще не представляетъ суммы всѣхъ акцій и облигацій, реализованныхъ и нереализованныхъ, которыя между тѣмъ находились въ распоряженіи министерства финансовъ. Могло быть и такъ, что сумма этихъ средствъ, сверхъ приведенной наличности желѣзнодорожнаго фонда, къ 1 января 1872 года представляла, по нарицательной цѣнѣ бумагъ, сумму вдвое, вчетверо бо́льше. Итакъ, какъ ни подробны свѣдѣнія, представляемыя публикуемою у насъ нынѣ отчетностью, они все еще не даютъ ключа къ всесторонней оцѣнкѣ нашего финансоваго положенія. Этимъ мы не хотимъ сказать, что полной отчетности не существуетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что окончательные выводы излагаются въ отчетахъ госу-

Digitized by Google

дарственнаго контроля не по исполненію росписи, а о дѣйствіяхъ самого контролера за годъ, представляемыхъ каждый разъ нѣсколькими мѣсяцами послѣ отчетовъ контроля по исполненію росписи.

Общій выводъ въ послѣднихъ опубликованныхъ росписи и отчетѣ весьма благопріятенъ: роспись на 1873 г. предвидитъ излишекъ дохода, отчетъ за 1871 годъ показываетъ свободный остатокъ, а объяснительная записка министра финансовъ удостовѣряетъ, что и за 1872-й годъ всѣ расходы покрылись поступленіями. Такія благопріятныя обстоятельства неизбѣжно наводятъ на мысль, указываемую самимъ министромъ финансовъ о необходимости „согласить удовлетвореніе потребностей государственныхъ съ установленіемъ прочной системы финансовъ", что́ и составляетъ третій предметъ предлагаемыхъ нами замѣчаній. Никто не станетъ оспаривать, что для установленія прочной системы финансовъ прежде всего требуется возстановленіе правильной денежной системы, иными словами, устраненіе неразмѣнности нашего кредитнаго рубля. Но когда же и можно предпринять такое дѣло, какъ не въ то время, когда отъ послѣдней войны мы отдохнули уже цѣлыхъ 17 лѣтъ, а новой войны не предвидится, время, когда доходы ежегодно превышаютъ ожиданія росписи болѣе чѣмъ на 30 милл. рублей? Народу не дано знать, что́ еще сулитъ ему исторія; откладывая далѣе возстановленіе нашей кредитной единицы цѣнности, мы можемъ отсрочить ее до такой поры, когда насъ постигла бы быть можетъ новая война, неизбѣжно сопровождаемая чрезвычайными займами. Что же тогда сталось бы съ нашимъ кредитнымъ рублемъ?

Доказывать всю необходимость воспользоваться увеличеніемъ государственныхъ доходовъ для возстановленія денежной системы какими-либо новыми аргументами было бы излишне. Лучше всего будетъ напомнить, что на эту необходимость указывалъ уже весьма основательно, въ 1816 году, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Россіи въ нынѣшнемъ столѣтіи, адмиралъ Мордвиновъ. „Изъ всѣхъ наиболѣе государственное казначейство разстроивающихъ мѣръ,—говорилъ Мордвиновъ государственному совѣту,—признано уже вреднѣйшею излишество бумажной монеты противъ должнаго количества, удерживающаго единство монеты. Съ сим единствомъ тѣсно сопряжены: достоинство имуществъ, успѣхъ промышленности, надежный ходъ торговли, взаимное довѣріе, внутренняя тишина, довольство частное и богатство общественное. Превышеніе мѣры въ выпускахъ бумажной монеты, по строгой правдѣ, не можетъ иначе быть представляемо какъ въ видѣ непримѣтнаго похищенія частей изъ имущества каждаго... Исправленіе финансовъ нашихъ

Digitized by Google

зависитъ единственно отъ воли правительства, но воли твердой, неизмѣнной и постоянной въ выполненіи.... Посреди бесѣдъ, о чемъ нынѣ разглагольствуютъ? Чѣмъ рѣчь каждаго растворяется и умы и сердца горечью наполняетъ? Жалобою на дороговизну, на ущербъ капиталовъ, на умаленіе имущества для удовлетворенія необходимо нужнымъ издержкамъ. Богатый жалуется, что содѣлался скуднымъ, избыточный недостаточнымъ, довольный нуждающимся, и гласъ многочисленнаго народа громокъ и убѣдителенъ!... И такъ, каждая упускаемая нынѣ нами минута къ пресѣченію сего нравственнаго зла очевидно уготовляетъ бѣдствіе для государства величайшее и къ преодолѣнію затруднительнѣйшее. Упущеніе тѣмъ болѣе укоряющее, что отъ рѣшимости воли единственно зависитъ возстановленіе благоденствія".

Правда, Мордвиновъ говорилъ такъ о томъ времени, когда ассигнаціи упали до четверти своей цѣны; „рубль, достояніе каждаго", какъ выражался ораторъ, уменьшился до четверти своей стоимости, и Мордвиновъ могъ по справедливости сказать, что это вело къ бѣдствію не только матеріальному, но и нравственному. Въ наше время, мы имѣемъ дѣло со зломъ, конечно, гораздо меньшихъ размѣровъ. Кредитный рубль упалъ всего на одну пятую часть изъ своей цѣнности, то-есть въ пятнадцать разъ менѣе, чѣмъ въ то время, но тѣмъ не менѣе мы должны допустить, что выраженія, употребленныя Мордвиновымъ въ 1816 году, примѣнимы и къ нынѣшнему нашему положенію, хотя бы и въ одной пятнадцатой части всей ихъ строгости.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля 1873.

Князь Бисмаркъ и графъ Роонъ.—Современное положеніе католицизма и протестантизма.—Пасторъ Кокрель.—Пасторъ Шантръ.—Пасторъ Зидовъ.—Епископъ Воганъ.—Архіепископъ Маннингъ.—Епископъ Дюпанлу.—Законъ о совѣтѣ просвѣщенія во Франціи.—Побѣды Ж. Симона.—Смерть Наполеона III.

Перемѣны, происшедшія въ послѣднее время въ прусскомъ министерствѣ, возбудили множество толковъ во всей европейской печати и особенно въ германской, отголоски которой читатели найдутъ ниже въ нашей корреспонденціи изъ Берлина. Министерскіе кризисы въ смыслѣ парламентскомъ въ Пруссіи почти неизвѣстны. Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ десяти можно указать только на два примѣра удаленія министровъ, нелюбимыхъ представительствомъ страны; но и оба эти примѣра, то-есть увольненіе сперва графа Цуръ-Липпе, и потомъ фонъ-Мюлера, едва-ли бы представились, еслибы оба эти сановника не надоѣли самому Бисмарку. Что же сказать объ увольненіи самого Бисмарка отъ должности прусскаго министра-президента? Онъ былъ назначенъ на этотъ постъ тогда, когда подобное назначеніе было прямымъ вызовомъ палатѣ депутатовъ; онъ былъ уволенъ отъ этой должности теперь, когда пріобрѣлъ громадную популярность и имѣлъ большинство палаты въ полномъ своемъ распоряженіи. Но не съ этой точки зрѣнія преимущественно обсуждала нынѣшнія перемѣны европейская печать. Что министерскій кризисъ въ Пруссіи долженъ имѣть не-парламентское происхожденіе и значеніе, въ этомъ никто не сомнѣвался. Что назначеніе на должность министра-президента графа Роона, вмѣсто князя Бисмарка, и само по себѣ вовсе не означало, будто отнынѣ весь кабинетъ будетъ имѣть чисто-роонoвскій характеръ,—это хорошо сознавала по крайней мѣрѣ печать прусская, которой было извѣстно, что и прежде кабинетъ не имѣлъ характера чисто-бисмарковскаго; что прусскій кабинетъ вовсе не обязанъ имѣть составъ совершенно однородный; что

Digitized by Google

въ немъ издавна уживались другъ съ другомъ и люди разномыслящіе, и что въ числѣ прусскихъ министровъ бывали одновременно не только люди довольно различныхъ убѣжденій, но и люди, которые ни къ какой политической партіи не принадлежали, и что̀ совершенно немыслимо въ странахъ чисто парламентскихъ. Прусскую, а отчасти и всю германскую печать, поэтому, интересовало не то, чтобы уяснить себѣ, какой общій колоритъ будетъ принадлежать министерству, а то, чтобы угадать изъ совершившихся фактовъ, чье вліяніе въ средѣ окружающей императора усилилось и чье ослабло. Вотъ почему оцѣнка перемѣны въ министерствѣ производилась въ видѣ баланса разныхъ внѣшнихъ фактовъ. Съ одной стороны, увольненіе Бисмарка отъ должности министра-президента было объясняемо его собственнымъ желаніемъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья; но, съ другой стороны было также извѣстно, что и графъ Роонъ подавалъ самъ прошеніе объ отставкѣ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, которое однако не помѣшало ему вслѣдъ затѣмъ, сохранивъ званіе военнаго министра, принять еще и должность министра-президента. Пожалованіе графу Роону чина фельдмаршала за войну, которая кончилась уже почти два года тому назадъ, представлялось какъ явный знакъ возвышенія Роона въ милости императора, и стало быть и возрастанія вліянія этого министра. Но вѣдь почти одновременно и князь Бисмаркъ получилъ высшую въ Пруссіи награду — алмазные знаки ордена Чернаго Орла, при такомъ рескриптѣ, въ которомъ императоръ съ благородной скромностью прямо относилъ осуществленіе германскаго единства къ заслугѣ своего канцлера; какого же еще бо́льшаго знака милости къ нему, а стало быть и его могущества, можно было требовать? Но въ то же время замѣчали, что князь Бисмаркъ не присутствовалъ ни на орденскомъ праздникѣ, который составляетъ большое придворное торжество въ Берлинѣ, ни на придворно-военномъ праздникѣ въ Потсдамѣ, по случаю разстановки въ тамошней придворной церкви орловъ и знаменъ взятыхъ у французовъ въ послѣднюю войну, и что, получивъ алмазные знаки Чернаго Орла, онъ не торопился, хотя бы по этому случаю, пріѣхать въ Берлинъ для благодарственной аудіенціи, а продолжалъ охотиться въ своемъ Лауэнбургскомъ имѣніи. Если человѣкъ пропускаетъ такой рядъ торжествъ, какъ день коронованія и вмѣстѣ провозглашеніе имперіи, праздникъ орденовъ и праздникъ знаменъ, то, казалось инымъ, не можетъ быть, чтобы этотъ человѣкъ въ данную минуту сознавалъ за собой отмѣнную милость и особое вліяніе. Такимъ образомъ, балансъ внѣшнихъ признаковъ сводился скорѣе къ тому, что звѣзда Бисмарка въ послѣднее время блестѣла менѣе ярко, хотя и украшенная брилліантами.

Digitized by Google

Разъясненія дѣла изъ „компетентныхъ источниковъ“ были впрочемъ столь же неблагонадежны, какъ и изъ другихъ источниковъ, „вольныхъ“. Такъ или иначе, публикѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Бисмаркъ не одобрялъ всего хода дѣлъ съ внесеніемъ окружного положенія въ верхнюю палату и съ назначеніемъ въ эту палату 24-хъ новыхъ членовъ, для „усиленія“ ея. Сдѣлалось извѣстно, что все это дѣло было поведено вопреки взглядамъ Бисмарка; что, по мнѣнію его, слѣдовало не назначать въ палату господъ нѣсколько новыхъ членовъ для принужденнаго проведенія окружной реформы, но сперва произвесть преобразованіе самой этой палаты, а уже потомъ внесть въ нее проектъ окружнаго преобразованія и затѣмъ всѣ проекты новыхъ законовъ изготовленные министромъ духовныхъ дѣлъ Фалькомъ. Между тѣмъ, оффиціозная печать во все время, пока продолжались затрудненія съ палатою господъ, давала понять, будто министерство въ этомъ случаѣ дѣйствовало въ полномъ согласіи съ княземъ Бисмаркомъ, и что если онъ не является самъ изъ Померанія для поддержки графа Эйленбурга, то только потому что считаетъ это излишнимъ. Когда все это сдѣлалось извѣстнымъ, тогда публика рѣшительно отказалась долѣе давать какую-либо вѣру оффиціозной печати, которая утверждала, что замѣна Бисмарка Роономъ ничего не означаетъ, что Бисмаркъ остается попрежнему „руководящимъ геніемъ“ прусской внутренней политики. Оффиціозная печать, въ свою очередь, въ виду такого недовѣрія, стала ограничиваться ироническимъ опроверженіемъ тѣхъ комментаріевъ о министерскомъ кризисѣ, которые появлялись въ печати независимой, но сама замкнулась въ молчаніе. При этомъ случаѣ произошли такіе случаи, что „Кёльнская“ газета заявила, что напрасно усиливаются придавать ей оффиціозное значеніе, котораго она никогда не имѣла, а „Сѣверогерманская“ газета, уже несомнѣнно оффиціозная и почти полуоффиціальная, насчитала „дюжину“ различныхъ объясненій кризиса, ходившихъ въ печати, объявила, что всѣ они находятся въ „напряженныхъ отношеніяхъ къ истинѣ“ (auf gespanntem Fusse mit der Wahrheit), и сама отказалась дать какое-либо опроверженіе ихъ въ частностяхъ.

Изъ непосредственныхъ объясненій самихъ министровъ, то-есть какъ Роона, такъ и Бисмарка, въ палатѣ буквально слѣдовало бы заключить, что никакого значенія замѣна послѣдняго первымъ имѣть не будетъ. Роонъ объявилъ, что и подъ его предсѣдательствомъ прусское министерство останется кабинетомъ Бисмарка, а Бисмаркъ, по возвращеніи своемъ изъ Лауэнбурга, объявилъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ только потому оставилъ это предсѣдательство, что его ослабѣвшія силы, а также и потеря одного весьма способнаго чиновника

Digitized by Google

въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, принудили канцлера сложить съ себя то бремя, которое доселѣ почти удвоивало его работу. Бисмаркъ при этомъ сказалъ, что «продолжительное разногласіе между прусскимъ министерствомъ и имперскимъ канцлеромъ само по себѣ невозможно; что онъ сохранилъ и теперь возможность въ рѣшительныхъ случаяхъ высказать свое veto, такъ какъ остался министромъ иностранныхъ дѣлъ Пруссіи; но что между нимъ и Роономъ нѣтъ разногласій, и что онъ вполнѣ готовъ раздѣлять отвѣтственность министерства и впредь». Но извѣстно, что подобныя увѣренія обыкновенно не принимаются обществомъ буквально. Къ тому же Бисмаркъ, въ этой рѣчи (въ отвѣтъ на прямой запросъ Ласкера о степени его солидарности съ прусскимъ министерствомъ, по поводу обсужденія бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ), какъ нарочно употребилъ свое обычное увѣреніе: «дѣло это гораздо проще, чѣмъ думаютъ»,—увѣреніе, которое можно найти почти въ каждой изъ его рѣчей, произнесенныхъ по поводу вопросовъ нисколько не «простыхъ».

Само собою разумѣется, что только дѣйствія могутъ разъяснить, имѣетъ ли значеніе перемѣна, послѣдовавшая въ кабинетѣ. Что Бисмаркъ въ своемъ качествѣ канцлера, а сверхъ того въ силу значенія своей личности, не будетъ совсѣмъ устраненъ отъ вліянія на прусскія дѣла, это несомнѣнно. Но ясно также и то, что предсѣдательство графа Роона въ совѣтѣ министровъ не будетъ только номинальное, такъ какъ управленіе военнымъ министерствомъ фактически перешло въ руки генерала Камеке, назначеннаго управляющимъ этимъ министерствомъ въ помощь графу Роону.

Въ приведенной своей рѣчи, князь Бисмаркъ коснулся и вопроса о солидарности всѣхъ членовъ кабинета. На вопросъ Ласкера, считаетъ ли онъ себя отвѣтственнымъ только за дѣйствія своего вѣдомства или же за дѣйствія всего министерства, князь Бисмаркъ, какъ человѣкъ парламентскаго воспитанія, не могъ отвѣчать иначе какъ утвердительно, въ смыслѣ общей солидарности министерства. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ Бисмаркъ, какъ то съ нимъ нерѣдко случается, сказалъ болѣе, чѣмъ сколько требовалось. Ласкеръ желалъ только знать, продолжаетъ ли самъ Бисмаркъ лично считать себя впредь солидарнымъ съ прусскими министрами, состоящими отнынѣ подъ предводительствомъ фельдмаршала Роона; Бисмаркъ же не только подтвердилъ собственно это, но и высказался вообще въ смыслѣ круговой отвѣтственности министровъ, которая дѣйствительно предполагается парламентскимъ образомъ правленія. Но въ этомъ случаѣ, въ лицѣ Бисмарка говорилъ болѣе вообще парламентскій министръ, чѣмъ спеціально министръ прусскій. Дѣло въ томъ,

Digitized by Google

что круговая отвѣтственность и солидарность министровъ предполагаетъ однородный составъ кабинета, предполагаетъ, что всѣ они представляютъ группу людей взятыхъ изъ опредѣленной парламентской партіи, а не случайное собраніе людей назначенныхъ въ разное время по совершенно различнымъ соображеніямъ. Возможно ли для политическаго дѣятеля быть солидарнымъ съ человѣкомъ иныхъ убѣжденій, а тѣмъ болѣе отвѣчать за дѣйствія, которыхъ министръ прямо не одобряетъ? Но объ отвѣтственности здѣсь нѣтъ и повода говорить. Въ смыслѣ парламентскомъ отвѣтственность министровъ разумѣется исключительно какъ отвѣтственность передъ народнымъ представительствомъ. Такой отвѣтственности министровъ въ Пруссіи вовсе не существуетъ. Что касается солидарности, то гораздо ближе къ прусскимъ обстоятельствамъ отнесся къ этому вопросу графъ Эйленбургъ, когда вслѣдствіе назначенія Роона его, графа Эйленбурга, спросили: какъ же будетъ приводиться въ исполненіе окружное преобразованіе, когда извѣстно, что новый министръ-президентъ былъ противъ этой реформы, и въ палатѣ господъ подалъ голосъ противъ того проекта, который теперь, съ маловажными измѣненіями, долженъ быть вводимъ въ дѣйствіе подъ его главнымъ руководствомъ, какъ главы кабинета? Графъ Эйленбургъ отвѣчалъ на это между прочимъ, что преобразованіе окружнаго управленія относится къ вѣдомству министра внутреннихъ дѣлъ, то-есть его, Эйленбурга, а не министра-президента, и что теперь, когда законъ утвержденъ, онъ будетъ приводиться въ исполненіе безпрепятственно подъ руководствомъ его, Эйленбурга. Вообще же говоря, парламентскія условія не вполнѣ строго примѣнимы къ обстоятельствамъ существующимъ въ Пруссіи, а потому можетъ, пожалуй, случиться и такъ, что министерство Роона будетъ то же самое, чѣмъ было министерство Бисмарка, тѣмъ болѣе, что давно ли же въ самомъ дѣлѣ и самъ Бисмаркъ сталъ считаться либераломъ, хотя бы относительно Роона? Впрочемъ, однимъ изъ послѣдствій министерской перемѣны было все-таки то, что самый либеральный изъ всѣхъ новыхъ проектовъ-законовъ выработанныхъ къ нынѣшней сессіи, именно проектъ закона о введеніи обязательности гражданскаго брака, уже отложенъ на неопредѣленное время.

Изъ тѣхъ проектовъ законовъ, которые дѣйствительно были внесены въ прусскій сеймъ, заслуживаютъ вниманія четыре такъ-называемыхъ закона Фалька, т.-е. министра духовныхъ дѣлъ: всѣ они имѣютъ цѣлью точнѣйшее опредѣленіе отношеній церкви къ государству и—съ однимъ исключеніемъ—всѣ скорѣе запутываютъ, чѣмъ упрощаютъ эти отношенія. Мы уже не разъ высказывали нашъ взглядъ

Digitized by Google

на борьбу съ клерикалами, предпринятую княземъ Бисмаркомъ, которому Фалькъ служитъ органомъ въ этомъ дѣлѣ. Единственное вѣрное и прочное орудіе государства противъ захватовъ и властолюбія католической іерархіи, это—полнѣйшее игнорированіе со стороны государства всякихъ правъ и притязаній католицизма. Такое игнорированіе было бы именно полнымъ осуществленіемъ принципа о взаимной свободѣ церкви и государства, принципа, отъ котораго Италія въ настоящее время нѣсколько отклонилась *въ пользу* духовенства—вслѣдствіе особенностей своего положенія во вновь занятомъ Римѣ, а Пруссія отклоняется весьма значительно *въ ущербъ* свободѣ церкви. Правда и то, что принципъ Кавура былъ первоначально поставленъ въ такомъ государствѣ, гдѣ правительственная власть рѣшительно уже отреклась отъ мысли, что въ государствѣ не должно быть никакой силы внѣ самого правительства. Прусское правительство еще далеко не столь рѣшительно порвало свои связи съ прошлымъ, и встрѣчая нынѣ впервые на своемъ пути католическую іерархію въ видѣ враждебнаго лагеря, заботится не столько о томъ, чтобы обезопасить отъ нея общество, сколько о томъ, чтобы разрушить эту силу. Средствомъ къ тому логично избрано уничтоженіе въ католической іерархіи дисциплины, такъ какъ одна безусловная дисциплина и даетъ этой іерархіи возможность вести борьбу съ государствомъ. Одинъ изъ законовъ Фалька предполагаетъ учрежденіе королевскаго суда для духовныхъ дѣлъ, съ цѣлью ограничить произволъ церковной власти въ наложеніи наказаній. Этотъ законъ имѣетъ цѣлью не только оградить гражданъ вообще отъ всякихъ послѣдствій такихъ духовныхъ каръ, которымъ они не желали бы подчиняться, но и непосредственно защитить низшее духовенство отъ произвола епископовъ, такъ что новому суду прямо придется разбирать: согласно или несогласно *съ церковными правилами* въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наложена та или другая кара. Такимъ образомъ, свѣтская власть окончательно запутается во внутреннія церковныя отношенія, и мы увидимъ въ Пруссіи свѣтскій судъ, который будетъ основывать свои рѣшенія на такомъ или иномъ пониманіи опредѣленій вселенскихъ соборовъ и вообще на каноническомъ правѣ, согласуя его, однако, съ правомъ общимъ. Этотъ законъ даетъ опредѣленіе того, что признается дисциплинарной духовной властью и старается, безуспѣшно, конечно, установить границы для этой власти, признавая фактъ простого „произвола“ поводомъ къ кассаціи. Что касается „согласныхъ съ церковными правилами“ (kirchenordnungsmässig) взысканій, въ тѣхъ формахъ и предѣлахъ, какія закономъ признаются, то настоящій законъ объявляетъ жела-

Digitized by Google

ніе поддерживать духовно-дисциплинарную власть въ такихъ, наложенныхъ ею, „правильныхъ“ карахъ.

Другой законо-проектъ Фалька посвященъ спеціально отстраненію злоупотребленій тою же духовной властью уже не противъ духовныхъ, а противъ государства, и въ этомъ проектѣ предполагается предоставить государству власть не признавать оффиціально въ такомъ-то званіи священника или епископа, замѣченныхъ въ нѣсколькихъ правонарушеніяхъ противъ государства. Такимъ образомъ, священникъ неправящійся мѣстной свѣтской власти, если онъ стоитъ во главѣ прихода, и епископъ, если у него есть епархія, могутъ просто по распоряженію свѣтской власти быть смѣняемы со своихъ духовныхъ должностей. Третій законо-проектъ касается образованія духовныхъ лицъ и предоставленія имъ мѣстъ, и усиливая надзоръ государства за преподаваніемъ въ духовныхъ школахъ, въ то же время старается обезпечить лучшія, высшія духовныя мѣста за такими духовными лицами, которыя получили высшую степень образованія. Мысль сама по себѣ совершенно вѣрная; но, спрашивается, кто проситъ правительство заботиться о возвышеніи уровня учености въ католическомъ духовенствѣ, и если глава католической церкви предпочитаетъ ученью — неученье, то съ какой стати государству сортировать духовныхъ по ихъ успѣхамъ въ наукахъ?

Мы сказали выше, что законо-проекты эти ведутъ только къ большей запутанности отношеній между государствомъ и церковью, но оговоримся — за однимъ исключеніемъ. Исключеніе представляетъ четвертый проектъ закона, который обезпечиваетъ всякому полнѣйшую свободу выходить изъ состава всякой церкви, всякаго вѣроисповѣданія и избирать себѣ другое. Это и есть единственный либеральный изъ новыхъ законовъ; но онъ можетъ имѣть цѣну развѣ для монаховъ и вообще духовныхъ, желающихъ сложить съ себя санъ. Что же касается гражданъ вообще, то законъ этотъ немного прибавляетъ къ порядку уже существующему, такъ какъ въ Пруссіи соблюдается дѣйствительная вѣротерпимость, а дѣйствительная вѣротерпимость состоитъ не въ томъ, что мусульманину позволено имѣть мечеть, а еврею синагогу, но въ томъ именно, что всякому лицу, принадлежащему къ господствующей вѣрѣ, дозволено во всякое время избрать себѣ иную вѣру.

При первоначальномъ обсужденіи этого послѣдняго закона-проекта, клерикалъ Рейхеншпергеръ высказалъ желаніе, чтобы ограждена была неприкосновенность исповѣданія дѣтей при переходѣ ихъ родителей или воспитателей въ иную вѣру. Но кто же помѣшаетъ дѣтямъ впослѣдствіи держаться любой церкви, когда существуетъ дѣйствительная вѣротерпимость? За исключеніемъ этого послѣдняго

Digitized by Google

закона, прочіе, по нашему убѣжденію, представляютъ менѣе шагъ впередъ, чѣмъ шагъ назадъ, или, по меньшей мѣрѣ, *въ сторону* отъ пути раціональнаго. Лучшая практическая критика ихъ, впрочемъ, представляется уже тѣмъ самымъ фактомъ, что для осуществленія ихъ оказывается необходимымъ первоначально измѣнить и съузить тѣ постановленія прусской конституціи, которыя обезпечивали полную самостоятельность церквамъ всѣхъ вѣроисповѣданій.

Защитники вмѣшательства государства въ дѣла церковныя, — а ихъ не мало въ настоящее время въ Германіи—обыкновенно оправдываютъ необходимость такого вмѣшательства тѣми измѣненіями, какія произошли нынѣ внутри самыхъ церквей, причемъ главнымъ образомъ указывается на новый догматъ о непогрѣшимости папы. Но, казалось бы, новѣйшія теченія внутри церквей какъ католической, такъ и протестантскихъ скорѣе должны бы внушить государству мысль объ устраненіи себя отъ дѣла церквей, въ виду все несомнѣнно возрастающей безопасности государства отъ захватовъ со стороны церквей именно вслѣдствіе внутренняго ослабленія ихъ новѣйшими измѣненіями. Католикамъ издавна было трудно слѣпо вѣровать во все, во что имъ предлагала вѣрить духовная іерархія. Но эта трудность обратилась въ невозможность вслѣдствіе тѣхъ нововведеній, которыя Пій IX-й придумалъ возложить, въ видѣ дополнительнаго бремени, на вѣрующее усердіе своей обширной паствы. Оставимъ въ сторонѣ канонизацію разныхъ новыхъ святыхъ и провозглашеніе догмата безпорочнаго зачатія. Но усердію католиковъ предлагалось безостановочно увѣровать въ нѣчто новое, все болѣе и болѣе трудное: въ догматическую необходимость свѣтской власти папы и въ вѣчность кары, долженствующей постигнуть итальянскихъ патріотовъ; въ гибельность для души всѣхъ началъ свободы, исчисленныхъ и осужденныхъ въ знаменитомъ Syllabus; наконецъ, въ непогрѣшимость догматическихъ и нравственныхъ толкованій папы въ промежуткахъ между вселенскими соборами, которые созывать можетъ только папа, стало быть въ безусловную диктатуру папъ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Вся исторія обсужденія и провозглашенія догмата непогрѣшимости показываетъ, до какой степени онъ смущалъ католическій міръ, до какой степени все усердіе и желаніе вѣрить во все предписанное истощались въ виду такой новой, чрезмѣрной требовательности. Неужели же можно полагать, что это измѣненіе могло повести къ усиленію фанатизма въ мірѣ католическомъ? не очевидно ли, напротивъ, что оно прямо повело къ усиленію индифферентизма. Слишкомъ уже много требуется отъ человѣка, и онъ не въ силахъ заплатить этотъ новый нравственный налогъ въ видѣ новой умственной жертвы.

Digitized by Google

Оно такъ и было въ дѣйствительности. Въ чисто-католическихъ странахъ, каковы: Испанія, Италія и Франція, новый догматъ не вызвалъ даже отрицанія въ массахъ. Только нѣсколько человѣкъ духовныхъ же протестовали. Видно не таково уже теперь время, какъ то, когда царствовалъ великій Лудовикъ, когда Франція и Нидерланды были глубоко встревожены столь малымъ (сравнительно съ нынѣшнимъ) догматическимъ явленіемъ, какъ осужденіе „янсенизма", то-есть теоріи о пріобрѣтеніи благодати. Придворныя партіи pro и contra, различное отношеніе къ этому дѣлу Фенелона и Боссюэ, гоненіе на Port Royal, волненіе въ самомъ литературномъ мірѣ, въ мірѣ Расина и Буало, les Provinciales—блестящее произведеніе Паскаля, направленное противъ іезуитовъ—вотъ какъ сильно и разнообразно отразился въ то время тотъ маленькій догматическій coup-d'Etat іезуитовъ, который былъ ничто въ сравненіи съ нынѣшними ихъ нововведеніями. Почему же то общество было такъ чувствительно къ догматическимъ нововведеніямъ? Потому именно, отвѣтимъ, что оно несравненно серьёзнѣе нынѣшняго принимало догматическую сторону церкви, а стало быть и было гораздо болѣе фанатично, чѣмъ современное католическое общество. Тѣхъ, кто такъ чутко относился къ догматическому осужденію либеральной янсенистской мысли, и самая отмѣна нантскаго эдикта и самыя „драгонады, возмущали не болѣе, чѣмъ принужденіе собственной ихъ совѣсти. То, что дѣлали отецъ Леттелье, г-жа Мэнтенонъ и министръ Лувуа, не касалось самихъ вѣрующихъ католиковъ, но осужденіе янсенистскаго принципа касалось именно ихъ самихъ, то-есть затрогивало ихъ совѣсть.

Совсѣмъ не то мы видимъ нынѣ. Нѣчто подобное драгонадамъ теперь совершенно невозможно; подобныя дѣла не нашли бы себѣ даже „драгуновъ" для исполненія; между тѣмъ какъ у самого папы отнято „наслѣдіе св. Петра", и ту самую скалу, которую „не одолѣютъ врата ада", одолѣли католическія же, исключительно изъ католиковъ состоявшія войска и водрузили на ней тѣ знамена, которыя, по признанію папы, равняются знаменамъ являющимся въ послѣдней пѣсни Дантова ада: Vexilla Regis prodeunt Inferni. Но за то и такой чисто-нравственный, догматическій фактъ, какъ новое стѣсненіе совѣсти провозглашеніемъ догмата непогрѣшимости,—стѣсненіе безъ всякаго сравненія бо́льшее, чѣмъ осужденіе янсенизма въ свое время, не вызываетъ нынѣ въ католическомъ обществѣ никакого волненія. Движеніе старокатоликовъ возникло и развилось сколько-нибудь серьёзно только въ Германіи и въ нѣмецкихъ кантонахъ Швейцаріи, и то потому, что оно получило характеръ „національнаго" движенія. Въ другихъ же католическихъ земляхъ противъ

Digitized by Google

новаго догмата раздались только немногіе протесты отдѣльныхъ духовныхъ лицъ. Замѣчательно, что еще противъ осужденія папою итальянскаго движенія и потомъ противъ „Силлабуса“ протестъ въ католичествѣ былъ сильнѣе. Что̀ это означаетъ? Безъ сомнѣнія то, что чрезмѣрное напряженіе, до котораго довели іезуиты догматическую требовательность, просто истощили религіозную силу, силу вѣрованія, подобно тому, какъ чрезмѣрные налоги истощаютъ платежную силу. Результатомъ было разореніе, то-есть, въ смыслѣ религіозномъ—ослабленіе религіознаго чувства, индифферентизмъ.

Теперь спрашивается, требуется ли именно въ виду такого положенія дѣлъ, такой внутренней перемѣны въ католичествѣ, усиленіе вмѣшательства свѣтской власти въ его дѣла? Очевидно — нѣтъ. Ясно, что такое вмѣшательство именно отнынѣ становится безполезнѣе, но можетъ стать и вреднымъ, потому что именно оно, это вмѣшательство, одно еще въ состояніи, пожалуй, и оживить до нѣкоторой степени фанатизмъ, который всегда возбуждается внесеніемъ свѣтскихъ каръ въ дѣла внутренняго, умственнаго влеченія или предпочтенія.

Но, говоря о новѣйшихъ перемѣнахъ или теченіяхъ въ средѣ церквей на Западѣ, мы имѣемъ въ виду не одно католичество. И въ протестантствѣ въ послѣднее время усилилось до весьма серьёзныхъ размѣровъ такое теченіе, которое дѣлаетъ особенно безполезнымъ и даже вреднымъ всякое вмѣшательство государственной власти въ дѣла̀ церковныя. Въ сѣверной Германіи, французской Швейцаріи, въ кальвинизмѣ французскомъ вообще, также и въ Англіи уже довольно давно существуетъ религіозное направленіе въ смыслѣ неограниченной свободы истолкованія библіи. О Соединенныхъ Штатахъ мы уже не говоримъ; тамъ религіозный вопросъ не имѣетъ отношенія къ міру политическому, такъ какъ государство тамъ не раздаетъ приходовъ и не утверждаетъ проповѣдниковъ и духовниковъ въ ихъ санахъ и званіяхъ. Вотъ почему тамъ, въ Америкѣ, религіозный вопросъ, безпрерывно возбуждаясь, немедленно же и рѣшается самымъ благополучнымъ образомъ. Новая вѣра, возникающая такъ сказать ежедневно, вовсе не силится завладѣть, при помощи союзной полиціи, старыми церквами. Каждый основатель новаго толка долженъ основать и новую церковь, въ смыслѣ не только нравственномъ, но и буквально-матеріальномъ: долженъ нанять или выстроить помѣщеніе для своего культа, при помощи достаточныхъ прозелитовъ, и затѣмъ, обложивъ прихожанъ извѣстнымъ сборомъ за посѣщеніе мѣста этого культа, отправляетъ его безпрепятственно. За то и приверженцамъ „старыхъ церквей“, старовѣрамъ всѣхъ толковъ не приходится требовать себѣ помощи союзной полиціи для охра-

Digitized by Google

ненія чистоты обрядовъ въ церквахъ, къ коимъ они привыкли. Пережать новыхъ толковниковъ они могутъ не иначе, какъ проповѣдуя противъ нихъ въ собственной своей средѣ или, пожалуй, обходя зданія, посвященныя новымъ толкамъ, хотя бы и открещиваясь отъ нихъ.

Но въ Старомъ Свѣтѣ, гдѣ церковныя учрежденія и сами по себѣ, и въ особенности въ школѣ, доселѣ тѣсно еще связаны отношеніями къ государству, всякая борьба толковъ отражается въ затруднительномъ для государства положеніи: что̀ признавать и чего не признавать? Мало того; не только государство, но и сами общества становятся иногда въ такое положеніе потому, что проповѣдники новаго толка, вмѣсто того чтобы прямо основать новую церковь и въ смыслѣ вѣры и въ смыслѣ каменнаго или деревяннаго зданія, упорствуютъ продолжать проповѣдывалось. Протестантизмъ идетъ путемъ противоположнымъ католицизму, но точно также идетъ къ крайнему развитію, къ крайнему выводу, съ которымъ непремѣнно совпадаетъ индифферентизмъ. Какъ католицизмъ довелъ до крайности свой принципъ обязательнаго, догматическаго авторитета, обративъ его въ единоличную диктатуру, такъ протестантизмъ свой принципъ реформы и свободы отъ авторитета внѣ писанія доводитъ нынѣ уже до такой реформы, которая уничтожаетъ церковь въ смыслѣ культа, до такой свободы истолкованія самаго писанія, которая устраняетъ изъ христіанства коренной его принципъ.

Само собою разумѣется, что чѣмъ болѣе свободы, научности, умственнаго свѣта вносится въ дѣло убѣжденія, тѣмъ убѣжденіе это становится искреннѣе и человѣчнѣе. Но вѣдь есть убѣжденія, которыя по самому существу своему прямо несовмѣстны съ идеею культа церкви, наконецъ, особаго духовнаго сословія вообще. Для философіи, для поэзіи, для нравственности вовсе не нужно особыхъ присяжныхъ, оффиціальныхъ, государствомъ признаваемыхъ, снабжаемыхъ дипломами на званіе философовъ, поэтовъ и моралистовъ. Между тѣмъ, новое теченіе въ европейскомъ протестантствѣ впадаетъ именно въ ту ошибку, что не пролагаетъ себѣ пути помимо существующихъ церквей, корпорацій, мѣстъ и окладовъ, а хочетъ восторжествовать въ старыхъ церквахъ, признанныхъ государствомъ, корпораціяхъ и съ удержаніемъ прежнихъ мѣстъ и окладовъ.

Вотъ откуда возникаетъ затрудненіе прежде всего для государства, конечно, но потомъ и для общества. Что̀ и кого признавать далѣе? Мы говоримъ здѣсь не о подраздѣленіяхъ протестантизма на разныя секты; не говоримъ и о тѣхъ случаяхъ, когда протестантскія общины, принадлежавшія къ евангелическому, реформатскому,

Digitized by Google

англиканскому или методистскому исповѣданіямъ, сами отпадаютъ отъ нихъ или уклоняются, отрицая возможность въ протестантизмѣ какого-либо общеобязательнаго символа вѣры. Примѣры такихъ уклоненій цѣлыхъ общинъ въ новые толки неновы и удобно могутъ быть подведены просто подъ образованіе новыхъ сектъ, которыя затѣмъ и управляются сами безъ затрудненія для государства. Мы говоримъ собственно о такихъ новыхъ примѣрахъ, когда отдѣльныя духовныя лица, занимающія въ томъ или другомъ, оффиціально признанномъ, видѣ протестантизма опредѣленную должность, мѣсто, проповѣдуютъ нѣчто новое, несогласное съ существовавшимъ въ исповѣданіи взглядомъ, и притомъ заявляютъ свое право оставаться, по-прежнему, въ томъ же исповѣданіи, въ той же церкви, на томъ же мѣстѣ. Подобный примѣръ подалъ въ пятидесятыхъ годахъ епископъ въ одной изъ англійскихъ колоній, докторъ Коленсо, принявшій участіе въ извѣстномъ сборникѣ Essays and Reviews, который затѣмъ былъ осужденъ многими епископами англиканской церкви, какъ простиравшій, по ихъ мнѣнію, слишкомъ далеко свободу въ изложеніи откровенія. Непосредственный начальникъ этого епископа даже объявилъ было его смѣненнымъ съ мѣста, но д-ръ Коленсо мѣста своего оставлять не хотѣлъ, а считалъ себя вправѣ оставаться въ англиканской церкви, такъ какъ она допускаетъ свободу разумѣнія текстовъ. Подобная же исторія происходила въ послѣдніе годы въ средѣ парижской реформатской общины, гдѣ пасторъ Кокрель зашелъ на пути раціонализма слишкомъ далеко, по мнѣнію стариковъ, и въ особенности одного весьма сердитаго и властолюбиваго старика—Гизо, бывшаго долгое время первымъ министромъ Лудовика-Филиппа. Гизо собиралъ для сужденія по этому дѣлу нѣчто въ родѣ реформатскаго собора, и въ концѣ концовъ достигъ удаленія пастора Кокреля изъ той реформатской церкви, въ которой онъ упорно оставался. Недавно во французской Швейцаріи былъ подобный же случай, но имѣвшій исходъ противоположный. Пасторъ Шантръ составилъ катихизисъ, въ которомъ отрицается основной догматъ христіанства, и тѣмъ не только не вознамѣрился отдѣлиться отъ существующей реформатской церкви, но наоборотъ, разсчитывалъ именно на свое положеніе въ этой церкви, для того, чтобы усилить свою пропаганду, предположивъ ввесть свой катихизисъ къ преподаванію въ школахъ. Нѣкоторые прихожане возстали противъ такого намѣренія; дѣло поступило на разсмотрѣніе консисторіи, которая сперва запретила вводить катихизисъ въ школы, но потомъ, когда составъ ея измѣнился вслѣдствіе новыхъ выборовъ, одобрила катихизисъ Шантра. Что остается дѣлать въ такомъ случаѣ послѣдователямъ прежняго толка въ исповѣданіи? Подчиниться; но какъ подчиниться

Digitized by Google

въ дѣлѣ вѣры такому распоряженію, которое измѣняетъ эту вѣру, и между тѣмъ не основано ни на какомъ авторитетѣ (рѣшеніе консисторіи состоялось большинствомъ всего 2-хъ голосовъ). Очевидно, остается старому толку прежней церкви выдти изъ самихъ себя, назваться какъ-нибудь иначе, такъ какъ и имя ихъ и храмъ присвоены нынѣ новымъ толкованіемъ, которое прежде казалось богоотступничествомъ.

Подобный примѣръ недавно надѣлалъ много шуму въ Берлинѣ. Извѣстный проповѣдникъ, пасторъ Зидовъ уже пятьдесятъ лѣтъ проповѣдывалъ все въ той же церкви въ Берлинѣ и пріобрѣлъ большую популярность и общее уваженіе. Въ послѣднее время проповѣди его обратили на себя особое вниманіе королевской консисторіи провинціи Бранденбурга, какъ выражающія такія воззрѣнія, которыя несовмѣстны съ самымъ основнымъ догматомъ христіанства вообще. Пасторъ Зидовъ продолжалъ свои проповѣди, и въ силу свободы разумѣнія, признаваемой протестантизмомъ, продолжалъ считать себя принадлежащимъ къ евангелической церкви, а стало быть не думалъ и отказаться отъ своего мѣста, потому что это значило бы, по его мнѣнію, отречься отъ обязанности проводить вѣрныя религіозныя воззрѣнія. Наконецъ, королевская консисторія постановила удалить его отъ должности и предписала ему немедленно прекратить свою проповѣдническую дѣятельность. Здѣсь особенно замѣчательно то обстоятельство, что такое рѣшеніе было постановлено въ консисторіи большинствомъ только *одного* голоса, т.-е 5-ю противъ 4-хъ, и притомъ въ меньшинствѣ оказались именно единственные два ученыхъ богослова бывшіе въ консисторіи, профессоръ Земинъ и докторъ Брикнеръ, генералъ-суперинтендентъ. Это обстоятельство мы признаемъ важнѣе всѣхъ прочихъ вотъ почему: нельзя не признать, что крайнее направленіе въ смыслѣ полной свободы религіознаго ученія отъ всякой догматики должно быть весьма сильно въ настоящее время въ протестантствѣ, когда берлинская консисторія почти на половину защищаетъ проповѣдь такихъ взглядовъ, которые отвергаютъ самый основной догматъ христіанства, и въ числѣ этой половины членовъ, стоящей стало быть за полную свободу толкованія, находится самъ генералъ-суперинтендентъ.

И дѣйствительно, вслѣдъ за рѣшеніемъ консисторіи двѣнадцать извѣстныхъ приходскихъ проповѣдниковъ въ Берлинѣ прислали въ консисторію и обнародовали въ газетахъ протестъ, въ которомъ объявляютъ, что и они держались и держатся воззрѣній Зидова, и намѣрены впредь излагать ихъ въ церкви и школѣ. Сверхъ того, родители дѣтей, которыхъ Зидовъ былъ законоучителемъ (приготовлялъ ихъ къ конфирмаціи) просили высшую инстанцію разрѣшить пастору

Digitized by Google

Зидову окончить съ ихъ дѣтьми прерванное удаленіемъ его приготовленіе къ причастію. Наконецъ, вся либеральная печать единодушно возстала въ защиту Зидова противъ консисторскаго православія (Orthodoxie).

Нельзя не признать, что въ дѣлѣ почтеннаго пастора всѣ сочувствія клонятся къ его личности; ясно, что человѣкъ, за котораго такъ сильно вступается общество, долженъ быть достоинъ уваженія и не заслуживаетъ такой кары, какъ насильственное изгнаніе изъ церкви, въ которой онъ проповѣдывалъ полвѣка. Но этотъ примѣръ показываетъ, какъ сильно уже въ германскомъ протестантствѣ то направленіе, которое очевидно превращаетъ религію въ нравственную философію. Можно утверждать, что большинство молодыхъ проповѣдниковъ уже принадлежитъ къ этому направленію или склоняется къ нему. Мы здѣсь не судимъ о дѣлахъ вѣры и не намъ принадлежитъ доказывать или оспаривать превосходство нравственной философіи надъ догматикою. Мы ищемъ въ этомъ дѣлѣ только политической стороны и коснулись его только для вывода политическаго же свойства. Политическій же выводъ изъ сказаннаго можетъ быть одинъ: замѣна догматики нравственною философіею въ церкви отниметъ у церкви, въ смыслѣ общественной и іерархической организаціи, всякую силу. Торжество нравственной философіи надъ догматикою есть, иными словами, именно полное установленіе индифферентизма въ смыслѣ *религіозномъ*.

Итакъ, протестантизмъ въ наше время, продолжая идти путемъ противуположнымъ католицизму, путемъ анализа и свободы, ведетъ общество къ крайней точкѣ, къ религіозному индифферентизму, къ которому католичество съ своей стороны ведетъ общество путемъ непомѣрнаго отрицанія всякаго анализа, всякой свободы и преувеличеніемъ начала авторитета до единоличной непогрѣшимости. Въ такое ли время, особенно необходимо со стороны государства вмѣшательство во внутреннія дѣла церквей, въ такое ли время, когда церковная сила на Западѣ, въ обоихъ своихъ развѣтвленіяхъ, несомнѣнно идетъ къ упадку, можно выставлять ее опасною для государства?

Правда, объ опасности этой свидѣтельствуетъ князь Бисмаркъ. Но князь Бисмаркъ видитъ опасность въ существованіи всякаго элемента въ государствѣ, котораго онъ не можетъ ни покорить, ни отлить въ форму удобоуправляемости. Всякій такой элементъ онъ преслѣдуетъ. Онъ побудилъ Фалька ограничить въ Познани употребленіе въ школахъ польскаго языка; онъ недавно жаловался императору на камергера королевы за то, что тотъ будто бы поддерживаетъ своими деньгами агитацію въ Силезіи и еще за то, что онъ уплатилъ изъ своихъ денегъ пеню, наложенную на ка-

Digitized by Google

кого-то поляка за дерзкія слова противъ величества. Спрашивается, не все ли равно кто уплатилъ пеню, и развѣ званіе камергера дѣлаетъ человѣка болѣе солидарнымъ съ министерствомъ, чѣмъ сами министры въ Пруссіи солидарны другъ съ другомъ? Къ тому же, что значитъ „поддерживать деньгами интриги?“ Вѣдь это можно сказать о всякомъ частномъ человѣкѣ, носящемъ званіе камергера или нѣтъ, который устроилъ политическую сходку или издалъ политическую брошюру. Но Бисмарку ненавистно все то, что хотя бы и нисколько не опасно, но держитъ себя въ сторонѣ, не покоряется ему, не поддается его „нравственнымъ завоеваніямъ“ и сохраняетъ свою собственную, хотя бы и не большую, но самостоятельную силу. Такъ, говорятъ, онъ вошелъ уже въ негласные переговоры съ производительными обществами, основанными Лассалемъ, относительно предоставленія имъ изъ казны значительной ссуды, съ которою они, разумѣется, подчинились бы правительственному контролю.

Такъ и относительно духовенства и ультрамонтанства вообще. Бисмаркъ не можетъ не знать, что ультрамонтанство обезсиливаетъ католичество; но онъ, наоборотъ, указываетъ въ ультрамонтанствѣ страшную опасность и предлагаетъ такіе противъ него законы, которые запутаютъ свѣтскую власть въ нескончаемыя препирательства съ духовною властью о церковныхъ дѣлахъ. И вотъ, католическіе епископы уже вновь собираются на конференцію въ Фульдѣ съ цѣлью протестовать противъ этихъ законовъ; затѣмъ могутъ послѣдовать мѣры противъ епископовъ и т. д., однимъ словомъ, если еще въ настоящее время, что-нибудь можетъ разогрѣть фанатизмъ, то скорѣе всего именно такая придирчивость и запутанность отношеній. Протестантское „православіе“ съ своей стороны тоже крайне недовольно этими законами, и извѣстный Герлахъ, знаменитый въ свое время „обозрѣватель“ „Крестовой газеты“, недавно избранный въ прусскую палату депутатовъ, посвятилъ первую свою рѣчь противъ законовъ, истекающихъ изъ иниціативы того государственнаго мужа, который нѣкогда такъ упорно и безусловно отстаивалъ „христіанскую миссію государства.“ А между тѣмъ реформы дѣйствительно нужныя, давно указываемыя потребностями времени: развитіе конституціи въ смыслѣ учрежденія отвѣтственнаго министерства, предоставленіе одной палатѣ депутатовъ права утвержденія бюджета, опредѣленіе порядка исхода изъ новыхъ конституціонныхъ столкновеній, запрещеніе всякихъ расходовъ, производимыхъ впередъ *въ предположеніи* поздѣйшаго утвержденія ихъ сеймомъ (какъ нынѣ расходъ на преобразованіе артиллеріи) и т. п.—такъ и остаются въ области desiderata. Преобразованіе окружнаго управленія, за которымъ, надо надѣяться, послѣдуетъ и реформа управленія провинціями, повидимому,

Digitized by Google

такъ и представляетъ nec plus ultra настоящаго царствованія въ Пруссіи.

Мы не отрицаемъ, что ультрамонтанство, да и вообще католическая іерархія, на которыхъ ополчился Бисмаркъ, сами по себѣ заслужили всякую revanche противъ нихъ со стороны государства. Мы утверждаемъ только, что такая revanche безполезна и вредна. Іерархія же вполнѣ ее заслужила. Не припоминая старыхъ, всѣмъ извѣстныхъ ея захватовъ и притязаній, достаточно справиться съ настоящимъ, чтобъ убѣдиться, что никакой пощадой, терпимостью, снисходительностью со стороны государства католицизмъ, въ лицѣ своихъ вождей-іерарховъ, никогда не удовольствуется; что самъ онъ *всегда* будетъ стараться поработить государство себѣ, хотя и все съ меньшимъ успѣхомъ, конечно, по мѣрѣ паденія его силъ.

Одинъ католическій епископъ въ Англіи, докторъ Вогант недавно произнесъ рѣчь въ томъ смыслѣ, что чѣмъ болѣе въ протестантствѣ увеличивается разномысліе, тѣмъ болѣе возрастаетъ цѣнность католическаго единомыслія. Но остроумный прелатъ не прибавилъ, что католичество за то дѣлаетъ все болѣе и болѣе для того, чтобы въ немъ наконецъ никакого „мыслія“ не было, и что цѣнность того единомыслія, въ силу котораго большинство католиковъ принуждено махнуть рукой на свои догматы и вовсе о нихъ не заботиться—едва ли можетъ быть отнесена къ цѣнностямъ ходящимъ по высокому курсу, къ цѣнностямъ, qui font prime. А до какой степени іезуиты и ихъ свѣтскіе друзья стремятся поставить каждаго католика въ такую нравственную невозможность, объ этомъ мы справимся у другого, англійскаго же епископа. Графъ Денбей (Denbigh), англійскій пэръ, католикъ, сказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ ‹прежде католикъ, а уже потомъ англичанинъ›. Недавно епископъ Маннингъ (о которомъ сказываютъ, что онъ потому часто говоритъ публично, что все еще не получилъ желаемой кардинальской шапки) произнесъ рѣчь въ Шеффильдѣ, въ которой между прочимъ напомнилъ слова благороднаго графа и вполнѣ одобрилъ ихъ. ‹Слова тѣ упрекали въ противорѣчіи патріотическому чувству›, сказалъ Маннингъ. ‹Но развѣ протестанты не говорятъ то же самое—я прежде всего христіанинъ, а уже затѣмъ—англичанинъ›. Въ рѣчи своей епископъ утверждалъ, что католики, дѣйствительно, и не могутъ быть безусловно солидарны съ государствомъ. ‹Нынѣшнее государство возникло, отождествляя себя съ государствомъ; связь эта теперь разорвана до такой степени, что новѣйшее время уже пришло къ тому величайшему изъ всѣхъ обмановъ (impositions), который называется *свободная* церковь въ свободномъ государствѣ. Могутъ ли католики, которые вѣрятъ, что церковь одна, отождествлять

Digitized by Google

себя съ такимъ государствомъ, которое допускаетъ въ себѣ на равной степени всѣ вѣры и всѣ формы богослуженія? Могутъ ли они сочувствовать государству, которое благопріятствуетъ развитію образованія свѣтскаго (въ ущербъ духовному)?» Вотъ что говорилъ теперь, въ 1873-мъ году, въ Англіи, глава католической церкви той страны. Католичество не хочетъ признанія, отвергаетъ терпимость; оно открыто провозглашаетъ, что будетъ всегда бороться за порабощеніе себѣ всего, а вовсе не за собственную свою свободу—какъ утверждаютъ нынѣ стѣсненные католическіе епископы въ Германіи. Но что же дѣлать государству противъ этого? Неужели отвѣчать свѣтскимъ нападеніемъ на нападеніе духовное? Очевидно—нѣтъ. Государство гораздо вѣрнѣе обезопаситъ себя, именно осуществивъ тотъ «величайшій обманъ», который называется свободою государства отъ всякихъ отношеній къ церкви. Итальянскія палаты недавно утвердили проектъ закона, которымъ совершенно отмѣняются богословскіе факультеты при университетахъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати государству воспитывать богослововъ преимущественно такой, а не иной церкви, и особенно той, которая современемъ обратитъ этихъ, воспитанныхъ государствомъ богослововъ, на борьбу съ нимъ, на провозглашеніе теоріи несочувствія и несолидарности гражданъ съ законами, которые охраняютъ жизнь, свободу и развитіе? Вотъ мѣры подобныя этой, истекающія изъ того же принципа, и надежнѣе всякой борьбы свѣтскаго съ духовнымъ, которая уподобляется борьбѣ звѣря съ птицею.

Перейдемъ теперь къ другому примѣру стремленій католической іерархіи, къ захватамъ. Монсиньоръ Дюпанлу́, епископъ орлеанскій—не іезуитъ. Сколько извѣстно, онъ даже не особенно расположенъ къ черной мантіи, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ человѣка замѣчательнаго по таланту и учености. Тѣмъ не менѣе, монсиньоръ Дюпанлу́ едвали не усматриваетъ прямо звѣря извѣстнаго нумера—въ французскомъ университетѣ, то-есть во всемъ вѣдомствѣ свѣтскаго преподаванія во Франціи. Герцогъ Вроль предложилъ возстановить *совѣтъ* народнаго просвѣщенія, существовавшій въ силу закона 1850 года, но съ тѣмъ, чтобы этотъ совѣтъ состоялъ не только изъ чиновниковъ, но также и изъ членовъ независимыхъ отъ министра. Въ томъ видѣ, какъ составъ этого совѣта опредѣлился дальнѣйшими преніями, въ немъ должны засѣдать и представители судебнаго сословія, и епископы и, наконецъ, четыре члена изъ среды самого національнаго собранія. Такимъ образомъ, въ составъ совѣта, съ которымъ министру народнаго просвѣщенія придется считаться, включены, во-первыхъ,—политика, которой казалось бы тамъ вовсе не мѣсто, а во-вторыхъ, духовная іерархія, то-есть прямой врагъ

Digitized by Google

свѣтскихъ училищъ. Присутствіе епископовъ объясняется тѣмъ, что этому совѣту будутъ подчинены не одни училища вѣдомства народнаго просвѣщенія, но вообще всѣ школы, въ числѣ общаго числа которыхъ духовенству принадлежитъ едва ли не бо́льшая часть. Какъ бы то ни было, нельзя предвидѣть ничего хорошаго отъ соединенія въ государственномъ учрежденіи представителей двухъ властей, которыя находятся въ полной враждѣ между собою въ дѣлѣ обученія юношества. Хотя за такое смѣшанное образованіе совѣта просвѣщенія сталъ ученый Вашеро́, высказывая при этомъ такое соображеніе, что пусть лучше борьба происходитъ въ стѣнахъ совѣта, чѣмъ внѣ его,—но принципъ остается тѣмъ не менѣе фальшивымъ. Борьба внѣ стѣнъ совѣта фактъ неизбѣжный; основывать же учрежденіе, которое будетъ оффиціальнымъ очагомъ этой борьбы, весьма непрактично, не говоря уже о томъ, что смѣшивать обѣ власти вообще совершенно нераціонально. Высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія, учреждаемый теперь во Франціи, будетъ нѣчто въ родѣ того, что́ предполагалось къ учрежденію у насъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, какъ о томъ было разсказано во „Внутреннемъ обозрѣніи“ декабрьской книги.

Само собою разумѣется, что и французскій министръ народнаго просвѣщенія не былъ расположенъ въ пользу такого учрежденія. Но Жюль Симонъ въ настоящемъ случаѣ находился совсѣмъ въ иномъ положеніи, чѣмъ нашъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинъ. Послѣдній встрѣтился съ подобнымъ проектомъ при самомъ началѣ своей дѣятельности, стало быть тогда, когда его голосъ казался убѣдительнѣе другихъ. Между тѣмъ Ж. Симонъ встрѣтился съ подобнымъ проектомъ въ такое время, когда національное собраніе, то-есть большинство, ищетъ только случая, чтобы низвергнуть этого министра. Ж. Симонъ можетъ удерживать свой постъ не иначе какъ уступками, и вотъ въ вопросѣ о самомъ учрежденіи совѣта онъ уступилъ. Но тѣмъ сильнѣе онъ возсталъ противъ того опредѣленія, которое, учреждая постоянный комитетъ совѣта, предоставляло самому совѣту избраніе всѣхъ членовъ этого комитета. Постоянный комитетъ будетъ имѣть возможность стѣснять всѣ распоряженія министра, и еслибы онъ состоялъ изъ лицъ прямо враждебныхъ министру, то произошло бы нѣчто странное: учрежденіе, состоящее изъ безотвѣтственныхъ членовъ могло бы принудить министра къ извѣстному образу дѣйствій, за которыя отвѣтственность лежала бы на министрѣ. Этимъ, любезнымъ собранію принципомъ министерской отвѣтственности, Ж. Симонъ и одержалъ побѣду надъ правою стороной большинствомъ 353 голосовъ противъ 314; въ засѣданіи 18-го января было рѣшено, что члены постояннаго комитета

Digitized by Google

совѣта просвѣщенія будутъ назначаемы правительствомъ. Самый же составъ совѣта опредѣляется новымъ закономъ такимъ образомъ: президентъ—министръ народнаго просвѣщенія, четыре члена національнаго собранія, избранные этимъ собраніемъ, одинъ членъ отъ войскъ, назначаемый военнымъ министромъ, и одинъ отъ флота, по назначенію морского министра, четыре архіепископа или епископа, одинъ уполномоченный реформатской церкви, и одинъ — церкви аугсбургскаго исповѣданія (лютеранскаго), одинъ изъ еврейской консисторіи, два члена верховнаго кассаціоннаго суда, три члена французскаго института, одинъ членъ французской коллегіи, по одному представителю отъ четырехъ факультетовъ: права, медицины, наукъ (реальныхъ) и словесности (филологіи); наконецъ, по одному члену отъ совѣтовъ торговли, искусствъ и мануфактуры, земледѣлія. Всѣ эти члены избираются тѣми учрежденіями, которыхъ они являются представителями. Постоянный комитетъ совѣта будетъ состоять изъ семи членовъ его, принадлежащихъ къ учебному вѣдомству, по избранію правительства.

Въ этомъ вопросѣ Ж. Симонъ хотя и уступилъ, но невполнѣ, такъ какъ ему удалось отстоять именно непосредственно-административный интересъ въ способѣ назначенія членовъ постояннаго комитета. Но правая сторона имѣла въ запасѣ другой „подарокъ“ нелюбимому ею министру. Ж. Симонъ издалъ въ сентябрѣ циркуляръ, которымъ предписывалъ мѣстнымъ начальствамъ убавить нѣсколько въ гимназіяхъ сочиненій латинскихъ стиховъ и тому подобныя упражненія и, не пренебрегая древними языками, обратить все-таки болѣе вниманія на изученіе языковъ живыхъ, чѣмъ какъ было доселѣ. Основная мысль этого распоряженія была остроумно и совершенно вѣрно выражена министромъ такимъ образомъ: „У насъ доселѣ учили древнимъ языкамъ такъ, какъ слѣдуетъ учить языкамъ живымъ, а живымъ такъ, какъ подобаетъ учить языкамъ древнимъ“. Членъ правой стороны Жонстонъ сдѣлалъ запросъ объ этомъ циркулярѣ, утверждая, что измѣненіе учебной программы измѣняетъ и программы экзаменовъ, которыхъ министръ произвольно измѣнять не имѣлъ права. Поэтому Жонстонъ предложилъ для заключенія преній по своему запросу такую форму перехода къ очередному порядку: „Принимая во вниманіе, что въ силу закона 1850 года министръ не имѣлъ права своей властью вводить измѣненій въ экзаменаціонныя программы, собраніе порицаетъ его циркуляръ 27-го сентября и переходитъ къ очередному порядку.“ Вотъ на эту-то тему и произнесъ свою обвинительную рѣчь монсиньоръ Дюпанлу. Университетъ—главное зло, а не самъ Ж. Симонъ, какъ бы неодобрителенъ ни былъ этотъ министръ. Университетъ, то-есть владычество государства въ

Digitized by Google

школѣ — вотъ главное зло, потому что владычество это можетъ перейти въ руки только человѣка, который и оттиснетъ на этомъ учрежденіи роковую цифру 666. Епископъ орлеанскій впрочемъ не говорилъ этого; онъ даже не назвалъ ни Симона, ни кого другого. Но таково было направленіе его рѣчи, и когда онъ характеризовалъ грядущаго губителя, то глаза всѣхъ въ собраніи устремились на знаменитаго Литтрé. „Если одинъ министръ — говорилъ монсиньоръ Дюпанлу,—можетъ такимъ образомъ измѣнять всю учебную систему, то не имѣемъ ли мы основанія предвидѣть, что́ случится, если когда-либо обстоятельства приведутъ къ министерству одного изъ тѣхъ людей, которыхъ.... уваженіе запрещаетъ мнѣ назвать, и которыхъ ученія представляютъ ниспроверженіе всѣхъ чтимыхъ нами преданій!“ Разумѣется, г. Дюпанлу́ слишкомъ умент, чтобы казнить Симона за то, что министромъ просвѣщенія можетъ когда-либо быть Литтрѐ. Итакъ, смыслъ его рѣчи былъ тотъ, что министру просвѣщенія не надо давать власти, и чѣмъ болѣе ограничивать эту власть, которая есть зло, тѣмъ лучше! Однако, благодаря легкости и увертливости Ж. Симона (plus de souplesse que de naïveté et plus d'art que de franchise—такъ аттестовалъ его, напримѣръ, монсиньоръ Дюпанлу), состоялось большинство противъ первенства голосованія по предложенію Жонстона. Тогда крайняя правая, видя, что сраженіе проигрывается, прибѣгла къ обычной своей въ тактикѣ случаяхъ подобныхъ, именно—массою воздержалась отъ подачи голосовъ. Вслѣдствіе того, собраніе большинствомъ 420 голосовъ противъ 35 приняло форму перехода къ порядку, предложенную Кристофлемъ, то-есть, безъ всякой оговорки, и—Ж. Симонъ остался на мѣстѣ. Затѣмъ онъ взялъ отпускъ, чтобы нѣсколько отдохнуть на лаврахъ, которыхъ едва ли самъ ожидалъ.

Эти побѣды Ж. Симона и представляли за истекшій мѣсяцъ единственные крупные *совершившіеся* факты во Франціи. Все остальное, чѣмъ занималось общество, относилось къ категоріи предположеній, а именно: на чемъ состоится соглашеніе коммиссіи Тридцати съ Тьеромъ, и состоится ли возвѣщенное вновь, въ послѣднее время, примиреніе двухъ отраслей бурбонской фамиліи (la maison de France). Коммиссія Тридцати, какъ слышно, торгуется съ Тьеромъ относительно степени его дальнѣйшаго участія въ преніяхъ національнаго собранія. На учрежденіе второй палаты — впрочемъ *послѣ* того, какъ нынѣшнее собраніе признаетъ нужнымъ разойтись—коммиссія, говорятъ, соглашается; но будетъ ли Тьеръ имѣть право лично участвовать въ преніяхъ по запросамъ, или только по петиціямъ, или только по учредительнымъ законамъ? Излишне было бы теперь излагать и оцѣнивать всѣ предполагаемые по этому предмету комбинаціи.

Digitized by Google

Первымъ событіемъ 1873 года, имѣющимъ дѣйствительно историческое значеніе—по справедливому замѣчанію „Кёльнской Газеты", была смерть Наполеона III. 9-го января н. с. кончилъ свою жизнь въ изгнаніи тотъ человѣкъ, который сперва возвратилъ Франціи первое мѣсто въ средѣ европейскихъ державъ, а потомъ привелъ ее къ паденію и 18-ть лѣтъ держалъ страну въ опекѣ, принявъ на себя одного невозможную отвѣтственность въ ея судьбахъ; по всей справедливости, онъ одинъ долженъ нести и передъ судомъ исторіи всю отвѣтственность за роковой результатъ своей опеки. Бонапартистская партія, со смертію своего главы, перестала имѣть значеніе въ настоящую минуту, хотя „Наполеонъ IV" (графъ Піеррфонъ, по имени великолѣпнаго замка XIII-го столѣтія, нѣкогда принадлежавшаго герцогамъ орлеанскимъ и возобновленнаго Наполеономъ III) можетъ сдѣлаться конкуррентомъ небезопаснымъ для будущихъ правительствъ Франціи, если Франція не извлечетъ всей пользы, какую могла бы извлечь изъ двухъ послѣднихъ погромовъ, и не откажется надолго отъ достиженія цѣлей государственнаго развитія путемъ революціонныхъ скачковъ отъ одного деспотизма къ другому, иногда еще худшему.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 января, 1873.

Политическій кризисъ въ Пруссіи.

Нельзя не признать, что Пруссія въ настоящій моментъ переживаетъ серьёзный кризисъ. Разсужденія прессы и парламентскіе дебаты не даютъ объ немъ истиннаго понятія — онъ гораздо серьёзнѣе. Устраненіе этого кризиса въ настоящее время можетъ быть только временное: онъ наступитъ снова и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не придутъ въ порядокъ общественныя дѣла, потрясенныя въ корнѣ основаніемъ германской имперіи. Настоящій кризисъ значительно усложняется сверхъ того тѣмъ, что на мѣсто прежней политической оппозиціи, трактующей объ извѣстныхъ, совершенно опредѣленныхъ правахъ, выступило движеніе, стремящееся къ преобразованію главнымъ образомъ общества, а не политическаго государственнаго устройства. Чтобы объяснить себѣ это движеніе, слѣдуетъ бросить взглядъ на то, что ему предшествовало. Открывъ при-

Digitized by Google

чины его, мы съ бо́льшей пользой можемъ заняться разсматриваніемъ того, что́ происходитъ передъ нашими глазами, которымъ представляется одинъ хаосъ страстей, предразсудковъ, теорій и заблужденій.

Новая политическая жизнь Германіи начинается съ 1815 года. Она вся занята, въ политическомъ отношеніи, созданіемъ конституціонной системы. Со времени второго парижскаго мира началось развитіе представительной системы на всемъ континентѣ, и особенно въ Германіи. Правда, что многія государства рейнскаго союза получили конституцію еще во времена Наполеона, но настоящая цѣль этихъ конституцій состояла въ нанесеніи окончательнаго удара остаткамъ могущества старыхъ феодальныхъ сословій и въ упроченіи власти государя, такъ какъ новымъ сословіямъ не было предоставлено, ни по закону, ни на дѣлѣ, рѣшающаго вліянія на законодательство. Образцомъ для нѣмецкихъ конституцій послужила французская хартія 14-го іюня 1814 года. Будучи снимкомъ, по внѣшней формѣ, съ англійскихъ учрежденій, эта хартія признаетъ право участія народа въ законодательствѣ, предоставляетъ народному представительству право петицій и обжалованія, право иниціативы, а также право представлять жалобы на министровъ, за королемъ же оставляетъ право одобрять и санкціонировать рѣшенія національнаго собранія; въ рукахъ его соединена кромѣ того вся администрація и исполнительная власть. Народное представительство состояло изъ двухъ камеръ. Эта хартія нашла подражателей между средними и мелкими нѣмецкими государствами; такъ, по ея образцу, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, получили конституціи Нассау въ 1814, Люксембургъ въ 1816, Баварія и Баденъ въ 1818, Вюртембергъ и Ганноверъ въ 1819, Гессенъ-Дармштадтъ и Брауншвейгъ въ 1820, Саксенъ-Кобургъ въ 1821 году. Въ этихъ государствахъ недоставало аристократическо-консервативнаго элемента для образованія первыхъ камеръ, а вторыя камеры составлялись не посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, но по сословіямъ, то-есть изъ депутатовъ отъ дворянъ, городовъ и крестьянства. Тѣмъ не менѣе бывали интересныя политическія пренія; Баденъ былъ разсадникомъ либераловъ, главнѣйшіе представители которыхъ, Роттекъ и Велькеръ, пріобрѣли можно сказать всемірную извѣстность. Всеобщая исторія Роттека, появившаяся въ 1812 — 1826 годахъ, разошлась въ одной Германіи болѣе чѣмъ въ 10,000 экземплярахъ и была переведена на англійскій, французскій, итальянскій, датскій и польскій языки. Горячая любовь къ свободѣ и правдѣ придавала его языку неотразимую силу, его сужденіямъ большую рѣзкость. Онъ разсматривалъ предметы не съ объективнымъ спокойствіемъ, а подъ вліяніемъ собственнаго впечатлѣнія, и такъ какъ онъ писалъ во времена политическаго гнета, ощущаемаго

Digitized by Google

всѣми, тр его вдохновенныя апологіи свободы вполнѣ удовлетворяли требованіямъ публики.

Чтобы получить понятіе о положеніи дѣлъ, при которыхъ дѣйствовалъ Роттекъ, слѣдуетъ припомнить, что въ 1819-мъ году, когда онъ началъ свою парламентскую дѣятельность, либеральной партіи приходилось еще бороться за отмѣну барщины. Правда, она боролась также и за такія вещи, которыя и по настоящее время не достигнуты, какъ, напримѣръ, за законъ объ отвѣтственности министровъ, для осуществленія котораго она требовала чрезвычайнаго, призываемаго для каждаго даннаго случая, суда присяжныхъ.

Политическимъ идеаломъ либераловъ того времени была французская конституція. Хотя вообще нѣмецкій народъ любитъ критиковать, а въ данномъ случаѣ и не требовалось особенной прозорливости, чтобы усмотрѣть слабыя стороны французской конституціи, особенно послѣ перваго ея банкротства, іюльской революціи,—тѣмъ не менѣе мелкія нѣмецкія государства настолько были ослѣплены подвижностью и блестящимъ разнообразіемъ французской жизни, разлитой на сравнительно громадномъ пространствѣ и проникнутой духомъ національности, что не были въ состояніи относиться къ ней критически. Почтеніе ко всему французскому, несмотря на наполеоновскія угнетенія, было присуще всѣмъ нѣмцамъ.

Іюльская революція дала новый толчокъ конституціонной жизни. Десятилѣтіе отъ 1830 — 1840 года принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ періодовъ французской исторіи. Конституціонный механизмъ дѣйствовалъ, повидимому, прекрасно, но движеніе, которое должно было увлечь за собой и Германію, затихло. Въ Пруссіи, во время послѣдняго десятилѣтія царствованія Фридриха-Вильгельма III, наступила такая политическая тишь, какой не было никогда; въ Ганноверѣ была отмѣнена существующая конституція, въ Кургессенѣ властвовалъ безгранично министръ Гассенпфлугъ, надѣлавшій столько зла, что воспоминанія о немъ принадлежатъ къ числу самыхъ грустныхъ и ненавистныхъ въ нѣмецкой исторіи. Политическими науками не занимались ни въ теоріи, ни на практикѣ, и недостатокъ въ опытности отразился весьма невыгодно на обоихъ великихъ парламентскихъ собраніяхъ, появившихся въ Германіи въ 1848 году: на франкфуртскомъ парламентѣ и прусскомъ національномъ собраніи. Оба парламента вырабатывали конституцію совершенно по французскому образцу; конституція, выработанная прусскимъ національнымъ собраніемъ, была чистѣйшимъ подражаніемъ бельгійской 1831 года.

Когда въ концѣ 1848 г. наступила снова реакція во всей Германіи, времена уже весьма измѣнились. Хотя политическая свобода и была по возможности урѣзана всѣми правительствами, но опытъ

Digitized by Google

не прошелъ даромъ для современниковъ происшедшихъ событій; благодаря развитію сношеній сдѣлалось невозможнымъ поставить вновь преграду обмѣну мыслей, политическимъ сужденіямъ. Времена сильнѣйшей реакціи послѣ 1848 года были, въ сравненіи съ положеніемъ дѣлъ до этого года, истиннымъ раемъ свободы. Съ университетскихъ каѳедръ, въ парламентскихъ собраніяхъ, въ газетахъ, журналахъ и книгахъ, повсюду разбирались вопросы общественнаго права, и хотя реакціонеры, поддерживаемые правительствомъ, могли громче говорить, чѣмъ ихъ противники, тѣмъ не менѣе были слышны голоса и этихъ послѣднихъ.

Принципъ равновѣсія властей былъ опровергнутъ. Центръ тяжести правительства долженъ на что-нибудь опираться: система равновѣсія, считавшаяся высшимъ совершенствомъ государственнаго искусства, дважды оказалась несостоятельной на дѣлѣ во Франціи, и будучи подвергнута критикѣ, было научно опровергнута. Измѣненію ходячихъ понятій много способствовало изученіе англійскихъ учрежденій; въ этомъ отношеніи помогъ весьма много Гнейстъ, который своими тонкими изслѣдованіями произвелъ глубокое впечатлѣніе, вліяніе котораго сказывается до настоящаго времени.

Новыя идеи уже проникли мало-по-малу въ образованные классы, когда въ 1863-мъ году наступилъ періодъ творческой дѣятельности прусской политики. 1864-й годъ принесъ немало успѣха. Штурмъ дюппельскихъ шанцевъ и переходъ черезъ Альзенъ составляютъ эру переворота въ общественномъ мнѣніи и популярности Бисмарка. Успѣхи на войнѣ и въ дипломатіи были причиной паденія *партіи прогрессистовъ*, преобладавшей въ 1866-мъ году въ палатѣ депутатовъ, и возникновенія партіи національно-либераловъ, сначала только поддерживавшей внѣшнюю политику Бисмарка, но впослѣдствіи поклонявшейся ему, какъ богу. Эта партія приняла быстро громадные размѣры, и я не брошу въ нее камнемъ, потому что только жертвою нѣкоторыми старыми принципами возможно было достигнуть соглашенія между парламентомъ и правительствомъ, соглашенія, необходимаго для основанія имперской конституціи для Германіи и спасенія, вѣрнѣе, возстановленія въ полной силѣ, сильно пострадавшей во время десятилѣтней борьбы конституціи Пруссіи.

Вернувшись съ войны, князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, началъ борьбу съ ультрамонтанами, сигналомъ къ которой послужили дебаты по поводу адресса, происходившіе въ сессіи рейхстага 1871 года; борьба эта приняла въ настоящее время громадные размѣры. Первымъ ударомъ, который былъ нанесенъ ультрамонтанамъ,—былъ законъ по поводу злоупотребленія каѳедры, изданный рейхстагомъ; затѣмъ борьба была перенесена въ Пруссію, и началось съ того, что

Digitized by Google

былъ принятъ законъ о надзорѣ за училищами. Вы безъ сомнѣнія помните изъ моихъ корреспонденцій того времени, какой борьбы стоило провести этотъ законъ въ палатѣ господъ: Бисмаркъ долженъ былъ употребить при этомъ все свое вліяніе. Съ этого времени (февраль прошлаго года) съ княземъ произошла страшная перемѣна, причиной которой были, повидимому, интриги, сплетенныя противъ него ультрамонтанами и проникшія до весьма высокихъ сферъ. Эти интриги не составляли никогда тайны: Бисмаркъ обвинилъ въ нихъ въ публичномъ засѣданіи палаты депутатовъ (9-го февраля 1872 г.) депутата Виндгорста, бывшаго министра короля ганноверскаго Георга V. Въ то время разсказывалось много пикантныхъ подробностей объ этихъ интригахъ. Что подобныя интриги не прекращались ни на минуту—это извѣстно, а что они продолжаются и теперь, такъ это видно изъ замѣчательнаго заявленія, помѣщеннаго княземъ Бисмаркомъ, за собственнымъ подписомъ, 9-го января въ Имперскомъ и Государственномъ указателѣ, въ которомъ онъ положительно утверждаетъ, что одинъ приближенный ко двору камергеръ (одни называютъ графа фонъ-Нессельроде-Эресгофена, другіе графа Ульриха фонъ-Шафтгоча) поддерживаетъ ультрамонтанскую агитацію денежными средствами, и что онъ докладывалъ объ этомъ императору, который пожелалъ самъ произнести по этому дѣлу рѣшеніе. Это заявленіе было сдѣлано съ цѣлью опровергнуть одинъ разсказъ, который нѣсколько дней раньше приводился въ газетахъ и по которому Бисмаркъ жаловался на словахъ императору на неумѣстно щедраго камергера и получилъ слѣдующій отвѣтъ:—Считайте, любезный Бисмаркъ, что вы мнѣ объ этотъ предметѣ ничего не сообщали, потому что N. N. особенный любимецъ моей жены!—Послѣ заявленія князя Бисмарка въ Государственномъ Указателѣ, рѣшеніе по этому предмету ожидается съ большимъ нетерпѣніемъ.

Было необходимо войти въ эти подробности, какъ-бы маловажны они ни казались, потому что ими объясняется перемѣна въ характерѣ Бисмарка. Надняхъ я прочелъ случайно въ біографіи Питта (Четемъ) слѣдующее мѣсто: „Дѣло было вскорѣ снова миролюбиво улажено, но замѣтили, что Питтъ принималъ все болѣе повелительный, нестерпимый тонъ... Товарищи по министерству жаловались на его деспотическое, недовѣрчивое и нетерпящее противорѣчія настроеніе духа, которое дѣйствовало тѣмъ вреднѣе, что между различными частями министерства и безъ того не было особеннаго согласія". Я былъ изумленъ, прочтя это, и спрашивалъ себя: относится это дѣйствительно къ Питту и 1766 году, или къ Бисмарку и 1872? Эти слова, отнесенныя къ Питту, до мелочей подходятъ къ Бисмарку; личности, стоящія близко къ канцлеру и глубоко его уважающія, признаютъ, что

Digitized by Google

его раздражительность, происходящая частью отъ физическаго разстройства, даетъ себя сильно чувствовать при занятіяхъ дѣлами. Разстройство канцлера выразилось ясно въ первый разъ въ его продолжительномъ отсутствіи, прерванномъ въ сентябрѣ на короткій срокъ—на время свиданія трехъ императоровъ. Слѣдуетъ упомянуть для полноты изложенія еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое можетъ служить нѣкоторымъ разъясненіемъ положенія князя Бисмарка и которое многіе считаютъ весьма важнымъ, а именно, что князь недоволенъ слишкомъ медленнымъ ходомъ развитія имперіи. Мнѣ кажется, такое мнѣніе неосновательнымъ уже потому, что Бисмаркъ неоднократно, особенно послѣ 1866 года, доказывалъ нетерпѣливымъ въ своихъ требованіяхъ національно-либераламъ, что онъ умѣетъ быть терпѣливымъ даже при достиженіи любимыхъ политическихъ цѣлей. Мало вѣроятно, чтобы онъ въ этомъ отношеніи измѣнился, да и никакихъ серьезныхъ симптомовъ реакціи противъ объединенія не было замѣтно. Такого рода факты, какъ случившійся въ Баваріи, гдѣ король Лудвигъ упрекнулъ жителей одного маленькаго городка за слишкомъ большой энтузіазмъ, съ которымъ они встрѣтили наслѣднаго принца германской имперіи и за то, что они выставили при его встрѣчѣ черно-красно-бѣлые флаги (цвѣта имперіи) — есть неизбѣжное слѣдствіе непривычки къ новому положенію.

Напротивъ того, я считаю возможнымъ, что Бисмаркъ не одобряетъ партикуляристскихъ стремленій *въ Пруссіи*. Отъ его проницательности не ускользнуло, хотя самъ онъ и держался всегда прусской точки зрѣнія, что для полнаго объединенія Германіи необходимо, чтобы „Пруссія сплотилась съ Германіей“, т.-е., чтобы она утратила свои особенности и вошла въ составъ Германіи. Противъ этого орудуютъ двѣ самыя противуположныя партіи: строго-консерваторы и демократы. Первые ненавидятъ въ глубинѣ своего сердца вообще все новое устройство Германіи, какъ плодъ либеральнаго и революціоннаго духа, вторые не перестаютъ усматривать въ организаціи германской имперіи ловушку, разставленную Бисмаркомъ для конституціонализма, и ни за что не хотятъ уступить правъ, которыя даетъ имъ прусская конституція. Бисмаркъ принадлежитъ къ числу людей, которые не выставляютъ программъ, а дѣйствуютъ. Въ 1848-мъ году демократы требовали, чтобы Пруссія слилась съ Германіей, а юная „Крестовая газета“ обозвала черно-красно-золотую кокарду, символъ единства, которую надѣли солдаты всѣхъ нѣмецкихъ армій послѣ мартовскихъ дней, цвѣткомъ курослѣпа (*Kuhblumen*), и Пруссія вмѣсто того, чтобы слиться съ Германіей, впала въ реакцію. Бисмаркъ защищался противъ обвиненія въ намѣреніи слить Пруссію съ Германіей, но принципъ полнаго равноправія нѣмецкихъ государствъ и

Digitized by Google

племенъ въ союзѣ есть не что иное, какъ такое сліяніе. Партикуляризмъ есть порожденіе высокомѣрія, потому что онъ разрѣшаетъ всякому считать себя за самаго знатнаго, лучшаго и благороднаго, и смотрѣть на остальныхъ съ пренебреженіемъ, и такое высокомѣріе составляетъ характерную черту прусскаго „юнкера". Онъ, какъ Цезарь, лучше готовъ быть первымъ на своемъ клочкѣ земли, чѣмъ вторымъ въ Берлинѣ. Онъ не можетъ помириться съ мыслью, что теперь южно-германецъ, какъ членъ имперіи, можетъ быть облеченъ высокими постами, которые въ Пруссіи считались достояніемъ юнкера. Множество подобныхъ мелочей даютъ себя чувствовать, и будучи устремлены всѣ вмѣстѣ въ одну цѣль, они могутъ стать силой. Союзъ и въ то же время первенство прусскаго *племени* (я говорю: племени, въ отличіе отъ прусскаго государства) немыслимы вмѣстѣ, потому что остальныя племена будутъ постоянно возставать противъ такого первенства.

Можетъ быть, князь Бисмаркъ и предвидѣлъ грозящую въ этомъ направленіи опасность, но въ такомъ случаѣ ему слѣдуетъ сознаться, что онъ самъ отчасти ее создалъ. Положимъ, что истинно конституціонное устройство германской имперіи въ настоящее время невозможно, потому что оно страшно замедлило бы ходъ и безъ того весьма сложнаго механизма, но ничто не мѣшало расширить и точнѣе опредѣлить права парламентскаго представительства, ничто не мѣшало также принять такъ-называемыя основныя права, которымъ придаютъ такое громадное значеніе многіе либералы. Затѣмъ, теперь уже сказывается одна ошибка, настоящее значеніе которой поймется лишь впослѣдствіи,—это слишкомъ короткій періодъ засѣданій рейхстага, который какъ-бы мелькаетъ передъ глазами народа и немедленно уступаетъ мѣсто отдѣльнымъ представительствамъ. Князю Бисмарку весьма нравилось, что рейхстагъ такъ быстро работаетъ и періоды его засѣданій продолжаются не долго (причина этого заключается въ томъ, что члены рейхстага не получаютъ суточныхъ и потому стараются по возможности сократить свое дорогое пребываніе въ столицѣ), и онъ не обратилъ вниманія на выгодную сторону этой системы для своихъ цѣлей. Парламентскіе труды лежатъ по большей части какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ отдѣльныхъ ландтагахъ, на однихъ и тѣхъ же лицахъ: наиболѣе выдающіеся политики по крайней мѣрѣ почти всѣ безъ исключенія участвуютъ и тамъ и тутъ. Совершенно естественно, что они даютъ предпочтеніе тому парламенту, которому посвящаютъ большую часть времени, и я замѣтилъ на опытѣ, что многія личности, сами несознающія происшедшей въ нихъ перемѣны, послѣ перваго засѣданія рейхстага смотрѣли на палату депутатовъ, какъ на нѣчто второстепенное, теперь же

Digitized by Google

въ пылу борьбы едва помышляютъ о рейхстагѣ. Такое предпочтеніе спеціально прусскому элементу надъ германскимъ и составляетъ характерную черту настоящаго положенія дѣлъ. Я считалъ необходимымъ указать на этотъ пунктъ прежде, чѣмъ перейти къ главной темѣ настоящаго письма—министерскому кризису, о которомъ читателямъ „Вѣстника Европы" уже представленъ былъ отчетъ въ иностранномъ обозрѣніи январьской книжки, но который я намѣренъ значительно дополнить въ нѣкоторыхъ частяхъ, и который и по настоящее время еще не пришелъ къ концу.

Какъ извѣстно этотъ кризисъ связанъ съ законо-проектомъ объ окружной реформѣ. Этотъ законъ былъ внесенъ въ палату депутатовъ 23-го декабря 1871 года, послѣ того какъ онъ былъ одобренъ министерскимъ совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ Бисмарка. Законопроектъ долго оставался въ средѣ той коммиссіи палаты депутатовъ, которой поручено было обсудить его и только 16-го марта 1871 г начались пренія о немъ, въ засѣданіи *in plenum*, которыя длились до 18-го марта. Въ этихъ преніяхъ Бисмаркъ опять не принималъ никакого участія; мало того, выказывалъ равнодушіе и даже какъ-бы отчужденіе къ новому закону, въ чемъ по справедливости могли упрекать его другіе министры и въ особенности графъ Эйленбургъ, потому что когда законъ одобренъ былъ въ совѣтѣ министровъ, подъ предсѣдательствомъ князя Бисмарка, то этотъ послѣдній объявилъ себя солидарнымъ съ политикой своихъ собратовъ. Теперь онъ, такъ сказать, предоставлялъ ихъ на произволъ судьбы, и на долю графа Эйленбурга выпадала неособенно легкая и вовсе непріятная обязанность выносить на своихъ плечахъ бурю, поднятую реакціонернымъ большинствомъ палаты господъ, которая, начиная съ 22-го и по 31-е октября, немилосердно уродовала окружное положеніе. Во время этой борьбы министръ продолжалъ держать себя чрезвычайно сдержанно, но рѣзкость нападокъ и по всей вѣроятности еще и другая причина, къ которой я сейчасъ перейду, вызвали съ его стороны рѣшительный образъ дѣйствія. Онъ разгорячился и началъ высказываться о необходимости проведенія закона и требовать назначенія новыхъ пэровъ.

31-го октября, палата господъ отвергла окружной законъ даже въ той формѣ, какую выработала ему ея собственная коммиссія; 30-го ноября, король подписалъ указъ, который призывалъ въ палату господъ 24 новыхъ пэра, а 1-го января графъ Роонъ назначенъ былъ министромъ-президентомъ. Эти числа достаточно показываютъ, какая тѣсная связь должна существовать между этими событіями; стараясь освѣтить ихъ, я пользуюсь тѣмъ, что помню о настроеніи тѣхъ дней, о носившихся слухахъ, равно какъ и тѣмъ, что несомнѣнно выте-

Digitized by Google

кается изъ позднѣйшихъ разоблаченій. Князь Бисмаркъ снова оставилъ своихъ собратовъ дѣйствовать безъ него и только бросилъ мысль о необходимости полнаго преобразованія палаты господъ и именно въ такой формѣ, чтобы элементы прежняго государственнаго совѣта, то-есть нотабли чиновничества, были приняты въ палату. Но затѣмъ дѣло стало, и министры не знали хорошенько, какъ имъ отнестись къ этому замѣчанію, потому что князь Бисмаркъ зачастую выскажетъ какую-нибудь подобную идею и затѣмъ броситъ ее. Между министрами было мало единодушія: Эйленбургъ хотѣлъ возможно многочисленнаго назначенія новыхъ пэровъ, Роонъ же по возможности ограниченнаго, и наконецъ состоялось соглашеніе, по которому остановились на 25-ти пэрахъ, но назначено было всего 24, потому что одинъ отказался, и не дали себѣ труда или не нашли времени пріискать ему замѣну. Хотя при существовавшихъ обстоятельствахъ этого числа пэровъ и было достаточно, чтобы заставить палату подчиниться волѣ короля, котораго она не желала раздражить до конца, но оно не могло произвести реформы въ палатѣ господъ. Послѣдняя осталась такою, какою была всегда. Назначеніе пэровъ, какъ уже было упомянуто, произошло 30-го ноября; 4-го декабря, министръ земледѣлія фонъ-Зельховъ, нежелавшій назначенія новыхъ пэровъ, подалъ въ отставку; около того же самаго времени графъ Роонъ отправился въ свое помѣстье Гютергоцъ, просилъ короля уволить его отъ службы и разсказывалъ во всеуслышаніе, что не желаетъ больше заниматься дѣлами. 9-го числа, палата господъ приняла окружной законъ; 14-го ч., опять Бисмаркъ прибылъ изъ Варцина и потребовалъ облегченія въ своихъ занятіяхъ, причемъ отказывался отъ предсѣдательства въ прусскомъ министерствѣ и желалъ лишь сохранить въ прусскомъ кабинетѣ званіе министра иностранныхъ дѣлъ. Просьба его была исполнена, и король издалъ по этому случаю указъ 31-го декабря, въ которомъ постановлялъ, что старѣйшій изъ министровъ долженъ отнынѣ предсѣдательствовать въ министерствѣ. Что слова служатъ на то, чтобы скрывать мысли—это всѣмъ извѣстный фактъ. Но, на этотъ разъ случилось такъ, что тотъ, кто говорилъ, самъ не понималъ своихъ словъ. Вы знаете, при какихъ обстоятельствахъ основалась *„Provinzial-Correspondenz“?* Въ 1863-мъ году, когда внутреннее столкновеніе розыгралось не на шутку, число консерваторовъ въ палатѣ господъ уменьшилось до 12-ти, а вся пресса, за исключеніемъ двухъ-трехъ газетъ, стояла на сторонѣ оппозиціи,—правительство нашло необходимымъ „просвѣтить“ страну.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ существуетъ такъ-называемое „Литературное бюро“, состоящее изъ одного редактора и нѣсколькихъ сотрудниковъ (присяжныхъ журналистовъ), которыхъ обя-

Digitized by Google

занность заключается въ томъ, чтобы просматривать значительнѣйшія отечественныя и иностранныя газеты и дѣлать изъ нихъ извлеченія, которыя затѣмъ представляются различнымъ министерствамъ и властямъ, заинтересованнымъ въ нихъ. Если сообщенныя извѣстія невѣрны или неточны, то они исправляются заинтересованными въ дѣлѣ властями, что̀ можетъ происходить двоякимъ путемъ: или опроверженіе печатается непосредственно въ оффиціальныхъ или полу-оффиціальныхъ газетахъ, или же корреспонденты, связанные съ литературнымъ бюро̀, сообщаютъ опроверженіе въ различныя газеты, въ которыхъ участвуютъ, какъ сотрудники. Въ первые годы существованія министерства Мантейфеля, всѣ занятія литературнаго бюро ограничивались подобными опроверженіями. Но вскорѣ замѣчено было, что однообразный тонъ этихъ опроверженій надоѣдаетъ публикѣ, и вотъ было постановлено, что тѣ изъ корреспондентовъ, которые этого пожелаютъ, могутъ ежедневно собирать свѣдѣнія въ литературномъ бюро, которыми они затѣмъ могутъ пользоваться въ своихъ письмахъ, но лишь при томъ условіи, чтобы держаться духа правительства. Такъ какъ въ Пруссіи служебныя тайны строго сохраняются, то для независимаго журналиста, когда у него нѣтъ связи съ оффиціальнымъ міромъ, весьма трудно получить достовѣрныя свѣдѣнія, и оффиціозные журналисты, которымъ такъ сказать жареныя куропатки сами въ ротъ валятся, имѣютъ передъ ними большія преимущества. Многія газеты поэтому старались залучить подобныхъ корреспондентовъ, ради свѣжихъ новостей, другимъ они бывали навязываемы (въ реакціонное время). Въ послѣднихъ случаяхъ редакціямъ угрожали карательными мѣрами и дѣйствительно карали ихъ конфискаціями и процессами, пока наконецъ онѣ не рѣшались пригласить оффиціознаго корреспондента, и такимъ образомъ случалось, что во многихъ газетахъ, принадлежавшихъ рѣшительно къ оппозиціи, одинъ изъ корреспондентовъ прехрабро защищалъ политику правительства. Такая система существовала въ шестидесятыхъ годахъ, во время внутренняго кризиса, и даже по минованіи его многія газеты удержали при себѣ такихъ корреспондентовъ, ради свѣжихъ извѣстій. Прежде, конечно, литературное бюро особенно покровительствовало сторонникамъ правительства или по крайней мѣрѣ умѣреннымъ органамъ. Теперь едвали существуетъ подобное различіе. Понятно, что эта система обоюдоострая. Погоня за новостями, ради того, чтобы сообщать вѣрныя свѣдѣнія публикѣ, совершенно разумна, да и тѣ газеты, которыя сообщаютъ о тайнахъ внутренняго управленія и о тѣхъ мѣрахъ, которыя правительство имѣетъ въ виду провести,— насчитываютъ всего больше подписчиковъ; разумно также объяснять образъ дѣйствія правительства и привлекать на его сторону обще-

Digitized by Google

ственное мнѣніе; но въ печальныя времена реакціи, когда преслѣдуется плохая политика, оно можетъ служить также и къ искаженію общественнаго мнѣнія. По-моему всего желаннѣе полная независимость прессы, и я считаю большой ошибкой со стороны газетъ, что онѣ пріучаютъ публику къ такого рода новостямъ. Нѣкоторыя, которыя этого не дѣлаютъ, тѣмъ не менѣе стоятъ превосходно. У „Vossische Zeitung", напримѣръ, которая избѣгаетъ всякаго оффиціознаго сообщенія и вслѣдствіе этого естественно нѣсколько опаздываетъ съ иными новостями, тѣмъ не менѣе кругъ читателей постоянно растетъ, и она самая распространенная изъ большихъ берлинскихъ газетъ. „National Zeitung" слѣдуетъ тому же самому принципу. Переходя къ оффиціознымъ корреспондентамъ, замѣчу, что нѣкоторымъ журналистамъ, которые пользуются особымъ расположеніемъ редактора литературнаго бюро́, дѣлаются иногда такія сообщенія, которыхъ не удостоивается масса оффиціозныхъ. Такіе господа, статьи которыхъ встрѣчаешь иногда на страницахъ „Кёльнской", „Аугсбургской" и другихъ большихъ газетъ, зовутся на языкѣ независимыхъ корреспондентовъ,—которые, понятно, не особенно дружелюбно смотрятъ на оффиціозныхъ,—оберъ-оффиціозными корреспондентами. Но не слѣдуетъ смѣшивать съ оффиціозными корреспондентами литературнаго бюро довѣренныхъ лицъ министерства иностранныхъ дѣлъ, которыхъ прямо или косвенно вдохновляетъ самъ Бисмаркъ. Такъ напр., статья, напечатанная въ „Кёльнской газетѣ", отъ 10-го января, подъ заглавіемъ: „О внутренней исторіи прусскаго кризиса", которая произвела такую громадную сенсацію, исходила непосредственно изъ лагеря Бисмарка, а въ „Сѣверо-германской газетѣ", которая вообще всего ближе стоитъ къ Бисмарку, но не можетъ не подчиняться требованіямъ новаго министра-президента Роона, свѣдѣнія, сообщаемыя въ той статьѣ, названы были лживыми.

Такимъ образомъ, публика могла наслаждаться неслыханнымъ зрѣлищемъ: оффиціозные журналисты лагеря Бисмарка и оффиціозные журналисты лагеря Роона-Эйленбурга въ теченіе недѣли осыпали другъ друга всевозможными пререканіями.

Но я удалился отъ „Provinzial-Correspondenz". Эта газета была основана въ 1863-мъ году. Она появляется разъ въ недѣлю, содержитъ одну или двѣ передовыхъ статьи и нѣкоторыя фактическія сообщенія во время парламентскихъ сессій, а также и рѣчи, произносимыя министрами. Подписки на нея не существуетъ, но она разсылается даромъ газетамъ, властямъ, и особенно въ провинціи до сельскихъ старостъ включительно. Такъ какъ она вполнѣ оффиціальнаго характера, то всѣ ея сообщенія живо интересуютъ прессу, и по четвергамъ (она выходитъ всегда по средамъ) здѣшнія газеты наполняютъ

Digitized by Google

большею частію свои столбцы извлеченіями изъ „Provinzial-Correspondenz", которая въ сознаніи своей важности присвоила себѣ какой-то патетическій глубокомысленный тонъ оракула, который долженъ казаться весьма комическимъ для всякаго свѣжаго человѣка. Итакъ, эта всегда столь хорошо извѣщенная „Provinzial-Correspondenz", писала отъ 27-го декабря, послѣ того какъ сообщила высочайшій указъ, которымъ Бисмаркъ увольнялся отъ званія президента министровъ и предсѣдательство въ кабинетѣ министровъ передавалось старѣйшему изъ нихъ, слѣдующее:

„Прусское министерство, даже послѣ увольненія князя Бисмарка отъ званія формальнаго президента, должно оставаться министерствомъ Бисмарка. Ни одинъ изъ остальныхъ министровъ не можетъ обойтись безъ этого высокаго руководителя; всѣ они ожидаютъ и требуютъ въ нѣкоторомъ родѣ, что имперскій канцлеръ, — который по внѣшности будетъ имѣть съ ними сношенія лишь въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, — останется тѣмъ не менѣе во всѣхъ важныхъ политическихъ вопросахъ ихъ президентомъ; они будутъ впредь, какъ и до сихъ поръ, считать своей высшей и почетнѣйшей политической задачей облегчать во всѣхъ отношеніяхъ великому государственному человѣку, который въ послѣднія десять лѣтъ сообщилъ печать своего мощнаго генія всей прусской и нѣмецкой политикѣ, проведеніе его великихъ задачъ для блага общаго отечества.

„Но такъ какъ князь Бисмаркъ долженъ оставаться и на будущее время душой министерства, то поэтому не можетъ и не долженъ быть назначенъ *специально и лично никто другой въ президенты министерства:* высочайшій указъ имѣетъ въ виду лишь то, чтобы теперешній старѣйшій изъ министровъ принялъ на себя предсѣдательство въ министерствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ его текущія дѣловыя задачи".

Четыре дня спустя, 1-го января 1873-го г. послѣдовало *специальное и личное* назначеніе графа Роона въ министры-президенты. Промахъ былъ такъ великъ, что еслибы „Provinzial-Correspondenz" окаменѣла отъ досады, то, я думаю, никто бы этому не удивился. Но кромѣ комической, дѣло имѣло еще и свою серьёзную сторону, такъ какъ изъ аргументаціи „Provinzial-Correspondenz" можно было вывести то заключеніе, что министерство Роона по своимъ стремленіямъ будетъ отличаться отъ министерства Бисмарка. Но еще поразительнѣе въ промахѣ „Provinzial-Correspondenz" представлялось слѣдующее: что она въ такомъ важномъ вопросѣ послѣдовала не собственнымъ внушеніямъ — это очевидно; а такъ какъ свѣдѣнія свои она могла черпать лишь у министра внутреннихъ дѣлъ, то очевидно также и то, что перемѣна въ политикѣ произошла помимо

Digitized by Google

его вѣдома, потому что въ противномъ случаѣ онъ могъ бы предупредить оффиціальный органъ и не допустить его зайти такъ далеко. Другимъ естественнымъ послѣдствіемъ было то, что во всемъ этомъ публика усмотрѣла побѣду реакціоннаго направленія, такъ какъ графъ Эйленбургъ былъ рѣшительнымъ приверженцемъ окружнаго положенія, графъ же Роонъ относился къ нему по меньшей мѣрѣ вяло; графъ Эйленбургъ требовалъ и проводилъ назначеніе новыхъ пэровъ, графъ же Роонъ этому противился. Всѣ эти соображенія, подкрѣпляемыя еще тѣмъ обстоятельствомъ, что эта перемѣна произошла въ отсутствіе палатъ и безъ всякаго съ ними соглашенія— и что такимъ образомъ ярко выказалась какъ жалка и слаба конституціонная жизнь въ Пруссіи, — произвели всеобщее тоскливое настроеніе, которое смѣнилось сильнымъ волненіемъ, когда засѣданія палатъ, отсроченныя по случаю рождественскихъ каникулъ, снова возобновились.

Въ засѣданіи 7-го января, на которомъ присутствовалъ изъ министровъ только графъ Эйленбургъ, Ласкеръ воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы возбудить этотъ вопросъ и высказать свое недовѣріе. Докторъ Вирховъ сдѣлалъ это въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Министръ оспаривалъ всѣ ихъ положенія и утверждалъ, что направленіе министерства отнюдь не измѣнилось. Въ слѣдующемъ засѣданіи появился графъ Роонъ, отсутствіе котораго на первомъ сильно порицалось, и подтвердилъ заявленіе Эйленбурга, но во всякомъ случаѣ отнюдь не положительными безспорными аргументами, такъ какъ напиралъ главнымъ образомъ на свою честность и на свой патріотизмъ, въ которомъ никто и не сомнѣвался. Но какъ бы то ни было, а всѣ эти объясненія далеко не разъяснили дѣла. Также и вышеупомянутая статья „Кёльнской газеты“ не разъясняетъ его вполнѣ. Фактическаго сообщаетъ она только то, что князь Бисмаркъ давно уже желалъ произвести радикальную реформу палаты господъ, и что онъ потому только холодно относился къ окружному положенію и отвергалъ назначеніе новыхъ пэровъ, что это послѣднее могло только отсрочить необходимую реформу. Но князь проигралъ дѣло и по винѣ графа Эйленбурга, а потому увидѣлъ себя вынужденнымъ потребовать увольненія. Онъ рѣшилъ при этомъ прервать *всякое* сношеніе съ прусскимъ министерствомъ, въ случаѣ еслибы президентомъ его былъ назначенъ его рѣшительный противникъ, графъ Эйленбургъ. Поэтому онъ рѣшился войти въ соглашеніе съ графомъ Роономъ: „Оба лица, гласитъ статья, быстро поняли другъ друга. Графъ Роонъ, не взирая на свои консервативныя стремленія, давно уже сталъ приверженцемъ политики имперскаго канцлера“. Указывая на взаимныя услуги этихъ двухъ людей, статья

Digitized by Google

заключаетъ слѣдующими словами: „Словомъ, между ними установился тѣсный союзъ и дружеское соглашеніе, благодаря которому часть первоначальной программы Бисмарка можетъ немедленно осуществиться; другая же, безъ ущерба для будущаго, отложена на нѣкоторое время".

Противъ этой статьи протестовала „Сѣверо-германская газета" и самъ графъ Роонъ, въ засѣданіи палаты отъ 17/5 января. Но не взирая на случайно или намѣренно вкравшіяся въ нее неточности, она все же содержитъ драгоцѣнныя указанія. Во-первыхъ, она констатируетъ соперничество между Бисмаркомъ и Эйленбургомъ, которое, конечно, давно уже было извѣстно, но никогда не заявлялось такимъ положительнымъ образомъ. Наконецъ, она объясняетъ промахъ *„Provinzial-Correspondenz"*: графъ Эйленбургъ очевидно полагалъ, что *онъ* будетъ назначенъ министромъ-президентомъ, и затѣмъ утѣшался мыслью, что если не онъ, то по крайней мѣрѣ и никто другой не будетъ „спеціально и лично" назначенъ министромъ-президентомъ. Но изъ того самаго, что графъ Эйленбургъ такъ терпѣливо перенесъ то, что другому показалось бы оскорбительнымъ, можно вывести заключеніе, что графъ Роонъ отнюдь не такъ близокъ съ канцлеромъ, какъ на это намекаетъ „Кёльнская газета". Очевидно, дѣло объясняется скорѣе слѣдующимъ образомъ: три министра: Бисмаркъ, Роонъ и Эйленбургъ, не взирая на разницу въ ихъ заслугахъ, пользуются одинаковой благосклонностью короля. Этотъ послѣдній не желаетъ разстаться ни съ кѣмъ изъ нихъ, и Эйленбургъ и Роонъ, составивъ собственную политическую программу, одержали временную побѣду надъ Бисмаркомъ. Многіе, конечно, полагаютъ, что это есть не что иное, какъ тонкая дипломатическая уловка со стороны Бисмарка, который лишь затѣмъ вышелъ изъ министерства, чтобы поставить это послѣднее въ затруднительное положеніе, изъ котораго оно не съумѣетъ выпутаться безъ его помощи. Но я считаю такую комбинацію недостойной такого крупнаго государственнаго человѣка, каковъ Бисмаркъ. Кромѣ того, какъ Роонъ, такъ и Эйленбургъ, настолько опытные и умные люди, что съумѣютъ избѣжать этого подводнаго камня и остаться на хорошей ногѣ съ палатой депутатовъ. Кромѣ того, они заявили, что все министерство солидарно съ *церковно-политическими* законами, съ которыхъ начинается борьба противъ ультрамонтанства черезъ посредство министра народнаго просвѣщенія Фалька, въ честности котораго никто не сомнѣвается и который при каждомъ случаѣ доказывалъ свое свободомысліе.

Дѣло идетъ о четырехъ законахъ и именно о законѣ, касательно образованія и назначенія священниковъ, о законѣ, касательно цер-

Digitized by Google

ковной дисциплинарной власти и учрежденія королевской судебной палаты для разбирательства церковныхъ дѣлъ, о законѣ, касательно границъ права примѣненія церковныхъ наказаній, и о законѣ, касательно перемѣны вѣроисповѣданія. Министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій защищалъ эти законы, изъ которыхъ третій былъ внесенъ въ палату вскорѣ послѣ ея открытія, въ блистательной рѣчи, принятой съ большимъ сочувствіемъ. Изъ четырехъ законо-проектовъ всего проще послѣдній. Отнынѣ можно заявить передъ судомъ о перемѣнѣ вѣроисповѣданія и получить о томъ свидѣтельство, которое стóитъ всего 5 зильбергрошей и освобождаетъ отъ всѣхъ обязательствъ, кромѣ такихъ, которыя связаны съ поземельнымъ владѣніемъ. До сихъ поръ считалось вообще справедливымъ и установлено было многими резолюціями верховнаго трибунала, чтобы члены признанной церкви при перемѣнѣ вѣроисповѣданія или послѣ присоединенія къ такимъ религіознымъ обществамъ, которыя только терпятся государствомъ, не освобождались отъ обязательства раздѣлять приходскія повинности, лежащія на ихъ бывшей церкви. Слѣдовательно, старо-католики находятся теперь повсемѣстно въ такомъ положеніи, что обязаны платить повинности церкви признающей догматъ непогрѣшимости, отъ которой они отдѣлились. Законъ о границахъ права примѣненія церковныхъ наказаній вызванъ отлученіями отъ церкви, къ которымъ прибѣгали въ новѣйшее время епископы, чтобы добиться признанія догмата непогрѣшимости. Выяснилось, что при теперешнемъ законодательствѣ государство не имѣетъ никакого средства противодѣйствовать подобнымъ мѣрамъ, и поэтому новый законъ опредѣляетъ, что отнынѣ никакой служитель церкви не имѣетъ права употреблять никакихъ карательныхъ мѣръ, которыя не принадлежатъ къ чисто-религіозной области. Точно также запрещено подвергать наказаніямъ за такія дѣйствія, къ которымъ обязываютъ государственные законы, какъ, напр., за отправленіе обязанностей избирателя, и наконецъ запрещено публичное объявленіе этихъ наказаній. Этотъ законъ простъ и ясенъ и предназначенъ для особыхъ случаевъ.

Но гораздо важнѣе реформа, которая преобразовываетъ всѣ отношенія между государствомъ и церковью и которую должны произвести два послѣднихъ закона: законъ образованія и назначенія духовныхъ лицъ, и законъ о церковной дисциплинарной власти. Этими двумя законами открывается борьба между Германіей и Римомъ,—борьба на жизнь и на смерть, и можно желать только одного, чтобы правительство не ослабѣло въ этой борьбѣ. Министръ народнаго просвѣщенія высказалъ въ своей рѣчи все великое значеніе этой борьбы. „Самой *настоятельной* потребностью,—сказалъ онъ между

Digitized by Google

прочимъ,—оказалось регулировать отношенія къ духовенству и главнымъ образомъ къ католическому духовенству. Именно въ его средѣ произошла такая поразительная перемѣна, если сравнить настоящее положеніе дѣлъ съ тѣмъ, какое было всего одно поколѣніе тому назадъ, какой быть можетъ не найдешь ни въ какой другой сферѣ. Духовенство стало зависимымъ, нравственно и матеріально, отъ такихъ властей, которыя живутъ внѣ Германіи и которымъ поэтому чуждо національное сознаніе. Оно находится въ нравственной зависимости, вслѣдствіе своего образованія, въ матеріальной—вслѣдствіе своего положенія. И такому-то духовенству государство, по крайней мѣрѣ въ послѣднія двадцать лѣтъ, предоставляло совершенно безпрепятственно дѣйствовать въ такихъ сферахъ, гдѣ оно можетъ самымъ ощутительнымъ образомъ вредить интересамъ государства или нарушать ихъ. Правительство проникнуто убѣжденіемъ, что тутъ необходимо произвести преобразованіе, посредствомъ *радикальнаго измѣненія существующихъ отношеній*". Такъ говорилъ министръ. О существующихъ въ настоящее время отношеніяхъ трактуется при изложеніи мотивовъ, сопровождающихъ законо-проектъ. Обстоятельства такъ сложились съ 1848 г., что государство лишено въ настоящее время всякаго контроля надъ образованіемъ духовенства. Одни епископы рѣшаютъ вопросъ объ образованіи священниковъ; въ ихъ вѣдѣніи находятся экзамены, а находящіяся въ ихъ управленіи семинаріи для мальчиковъ, семинаріи для конвиктовъ и клерикальныя и священническія семинаріи, куда они принимаютъ воспитателей и учителей почти безъ содѣйствія государства, даютъ имъ въ руки такое орудіе, помощью котораго они не только направляютъ все научное и богословское образованіе, но и формируютъ характеръ подростающаго духовенства, причемъ государству не принадлежитъ даже право надзора надъ церковными учрежденіями и учебными заведеніями. Въ новѣйшее время эти церковныя учебныя и воспитательныя заведенія весьма умножились и обнимаютъ всѣ ступени образованія, начиная съ гимназическаго и кончая тѣмъ, которое требуется для вступленія въ духовную должность. Въ законо-проектѣ помѣщенъ обзоръ этихъ учрежденій. Пруссія распадается на 13 епископствъ или епархій, а именно: Кёльнскую, Трирскую, Падерборнскую, Мюнстерскую, Бреславльскую, Эрмландскую, Кульмскую, Познанскую и Гнезенскую, Гильдесгеймскую, Лимбургскую, Оснабрюкскую, Фульда и Фрибургскую. Въ каждой изъ этихъ епархій существуетъ по меньшей мѣрѣ одна священническая или клерикальная семинарія, а въ Падерборнской, Мюнстерской и Познанской епархіяхъ даже по двѣ; въ Кёльнской кромѣ того существуютъ 4 семинаріи для конвиктовъ; въ Трирѣ—1 конвиктская семинарія, въ Па-

Digitized by Google

дерборнѣ 1 семинарія для конвиктовъ и 2 семинаріи для мальчиковъ; въ Мюнстерѣ 2 семинаріи для конвиктовъ и 2 семинаріи для мальчиковъ; въ Бреславлѣ 1 семинарія для конвиктовъ и 1 семинарія для мальчиковъ; въ Оснабрюкѣ 2 семинаріи для конвиктовъ; въ Кульмѣ 1 семинарія для мальчиковъ, въ Лимбургѣ 2, а въ Фрейбургѣ даже 6 семинарій для мальчиковъ. За весьма немногими исключеніями всѣ директора и учителя въ этихъ заведеніяхъ священники, и слѣдовательно свѣтскія науки изгнаны изъ нихъ окончательно. Опасности подобной системы воспитанія признаются даже самими католиками; изъ нея проистекаетъ полнѣйшая зависимость отъ Рима.

Новые законо-проекты предназначены для устраненія всѣхъ этихъ золъ. Духовенству должна быть предоставлена независимость на почвѣ національнаго образованія; внутренняя свобода должна повести къ устраненію внѣшней зависимости. Для этого необходимы обширныя и прочныя основы въ образованіи духовенства. Съ этою цѣлью въ законо-проектѣ, кромѣ правильнаго гимназическаго образованія, имѣется еще въ виду трехгодичный курсъ въ какомъ-либо изъ нѣмецкихъ университетовъ. Мѣсто университета можетъ также занять и семинарія, но лишь такая, которая будетъ признана правительствомъ равнозначущею съ университетомъ. Это право можетъ быть даровано лишь для существующихъ уже въ Пруссіи семинарій и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ университета, и имѣть силу лишь для тѣхъ епархій, для которыхъ предназначено заведеніе. Дальнѣйшимъ результатомъ принциповъ, выработанныхъ въ новыхъ законо-проектахъ, является то, что государство оставляетъ за собою право экзаменовать духовныхъ лицъ. „Какъ бы ни сложилась церковь,—сказалъ министръ народнаго просвѣщенія относительно этого пункта,—но священнослужитель остается въ самомъ обширнѣйшемъ смыслѣ народнымъ учителемъ, и только ради государства и ради народа правительство считаетъ необходимымъ требовать отъ него дѣйствительнаго, всеобщаго образованія. Вслѣдствіе этого самого требуетъ оно также и надзора за воспитательными заведеніями и отмѣняетъ семинаріи для конвиктовъ и мальчиковъ, въ которыхъ мальчики и юноши съ самаго дѣтства отчуждались отъ жизни націи, къ которой они принадлежатъ".

Послѣдній законо-проектъ касается дисциплинарной власти духовенства. Этотъ законъ, который подобно всѣмъ остальнымъ столько же касается евангелической церкви, какъ и католической, но для второй болѣе чѣмъ для первой будетъ имѣть практическое значеніе,—распадается на три отдѣла. Въ первомъ проводятся общія демаркаціонныя линіи, внутри которыхъ церковная дисциплинарная власть сохраняетъ свое полное примѣненіе. Во второмъ отдѣлѣ опре-

Digitized by Google

дѣляются тѣ случаи, въ которыхъ государственнымъ властямъ предоставляется право отмѣнять рѣшенія церковныхъ властей, превышающія ихъ компетентность и противодѣйствовать ихъ практическому примѣненію тѣми средствами, которыми располагаетъ государственная исполнительная власть. Въ третьемъ отдѣлѣ упоминается о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ государство по собственной иниціативѣ можетъ употребить свою власть противъ церковныхъ сановниковъ за присужденіе этими послѣдними своихъ подчиненныхъ къ дисциплинарнымъ наказаніямъ. Къ этимъ тремъ отдѣламъ примыкаетъ еще четвертый, но онъ составляетъ собственно особый законо-проектъ, а именно: объ учрежденіи королевской судебной палаты для разбирательства церковныхъ дѣлъ. Эта палата разбираетъ въ послѣдней инстанціи апелляціонныя жалобы подчиненныхъ церковныхъ властей на свое начальство за присужденныя послѣднимъ дисциплинарныя наказанія, равно какъ и споры между государственными и церковными властями.

Въ частности законъ опредѣляетъ между прочимъ слѣдующее: церковная дисциплинарная власть можетъ примѣняться лишь *нѣмецкими* церковными властями. Церковныя наказанія, которыя направлены противъ свободы и имущества, должны быть налагаемы лишь послѣ допроса обвиняемому. Удаленію отъ должности долженъ предшествовать правильный судебный процессъ. Тѣлесное наказаніе не допускается въ числѣ церковныхъ дисциплинарныхъ мѣръ. Денежный штрафъ не долженъ превышать тридцати талеровъ, или если мѣсячное жалованье выше этого, то не превышать этой цифры. Лишеніе свободы можетъ производиться лишь посредствомъ заключенія въ спеціальныхъ заведеніяхъ, называемыхъ *Demeriten Anstalt*, отъ латинскаго слова *demereri*, и играющихъ роль духовныхъ исправительныхъ заведеній. Срокъ заключенія не долженъ превышать трехъ мѣсяцевъ, не можетъ быть продленнымъ противъ воли заключеннаго, и, наконецъ, заключеніе въ иностранномъ *Demeriten Anstalt* не допускается. *Demeriten Anstalt'ы* подчинены государственному надзору. Ихъ внутренніе порядки должны быть одобрены оберъ-президентомъ провинціи. Этому послѣднему дано право осматривать эти заведенія; ему должно быть сообщено въ промежутокъ 24-хъ часовъ о пріемѣ заключеннаго, равно какъ и о каждомъ церковномъ дисциплинарномъ приговорѣ, если дѣло идетъ о денежномъ штрафѣ въ размѣрѣ, превышающемъ 20 талеровъ или о заключеніи въ *Demeriten Anstalt* на срокъ свыше 14-ти дней. Присужденный можетъ аппеллировать противъ всякаго дисциплинарнаго приговора. Королевская судебная палата для разбирательства церковныхъ дѣлъ состоитъ изъ 11-ти членовъ. Президентъ и по меньшей мѣрѣ 5 другихъ членовъ должны быть

Digitized by Google

настоящіе юристы. Судебное производство ведется гласно и устно, и аппеллирующіе, равно какъ и церковныя власти, противъ которыхъ аппеллируется, равно призываются къ допросу.

Если вы пробѣжите эти опредѣленія, которыя представляютъ лишь краткое извлеченіе изъ обширнѣйшихъ законо-проектовъ, то поймете то безграничное ожесточеніе, которымъ преисполнены ультрамонтаны. Католическая церковь въ Пруссіи пользовалась до сихъ поръ такой неограниченной, безусловной свободой, какъ ни въ какомъ иномъ государствѣ, потому что никакое другое не отказывалось отъ права надзора. Эти же законы ставятъ надъ ней неусыпнаго государственнаго надсмотрщика. Всякому станетъ тяжело, кто вчера еще гулялъ на свободѣ, и кому сегодня вдругъ говорятъ, что отнынѣ онъ будетъ ходить на привязи, для того, чтобы онъ не могъ вредить. Но во всякомъ случаѣ нельзя не признать клеветой, если станутъ утверждать, что эти законы стѣсняютъ свободу совѣсти у католиковъ. Этого вовсе нѣтъ, и если въ Римѣ ежегодно изобрѣтается по новому догмату, то правительство никому не мѣшаетъ въ него вѣрить, но оно не можетъ долѣе терпѣть, чтобы католическая церковь все болѣе и болѣе становилась *государствомъ въ государствѣ*, пользовалась бы такою же властью, какъ и свѣтское государство, благодаря своему громадному вліянію на массы и благодаря системѣ полнѣйшаго абсолютизма, на которомъ построена вся ея организація, вслѣдствіе чего вся масса духовныхъ повинуется, какъ одинъ человѣкъ, всякому приказанію, исходящему изъ Рима.

За исключеніемъ клерикальной партіи, законо-проекты, внесенные въ палату депутатовъ, находятъ только одного противника: въ прессѣ въ лицѣ газеты *Volkszeitung*, а въ палатѣ депутатовъ въ лицѣ владѣльца вышеназванной весьма распространенной и вліятельной газеты, депутата Дункера.

Volkszeitung объявила, что эти законо-проекты составляютъ возвратъ къ религіозному абсолютизму. Она также признаетъ, что величайшей ошибкой реакціонной эпохи было освобожденіе католической церкви отъ всякаго государственнаго надзора, но она хочетъ, чтобы приняты были *прямыя* мѣры для отвращенія существующаго зла, а не совершались измѣненія въ конституціи. Она находитъ, напримѣръ, законъ о перемѣнѣ вѣроисповѣданія хорошимъ; она находитъ правильнымъ, чтобы католическое духовенство, пока оно получаетъ средства или даже непосредственное жалованье отъ государства, подвергалось бы и государственному экзамену; она считаетъ, что упраздненіе семинарій для мальчиковъ—настоятельнѣйшая необходимость, но законо-проекты все-таки ей не нравятся. Невольно приходитъ въ голову, что разъ *Volkszeitung* одобряетъ такъ много

Digitized by Google

пунктовъ въ правительственныхъ предложеніяхъ, то могла бы нѣсколько мягче отзываться о всѣхъ законо-проектахъ въ совокупности. Совсѣмъ тѣмъ я отнюдь не отрицаю, что въ ея взглядѣ есть извѣстная доля основательности; нельзя не согласиться съ ней, когда она, напримѣръ, находитъ опасной чрезвычайную власть, которую предоставляютъ законы такимъ должностнымъ лицамъ, какъ оберъ-президентъ, и спрашиваетъ, какое дѣйствіе будутъ имѣть такіе законы, если министромъ вѣроисповѣданій будетъ какой-нибудь Раумеръ, оберъ-президентами Клейстъ-Ретцовъ или Зенфтъ-Пильзахъ, а членами королевской судебной палаты Шталь, Уденъ или Герлахъ!

Этой самой точки зрѣнія держался депутатъ Дункеръ въ рѣчи, которую онъ говорилъ 17-го ч., по поводу этихъ законовъ. Онъ не оспариваетъ у государства права надзора, но находитъ, что это право заходитъ слишкомъ далеко въ вышеупомянутыхъ законахъ. Ему кажется, напримѣръ, сомнительнымъ, чтобы государство имѣло право требовать отъ духовенства извѣстнаго научнаго образованія. Государству должно быть все равно, если въ какомъ-нибудь религіозномъ обществѣ проявится стремленіе слѣдовать скорѣе руководству простыхъ, набожныхъ людей, чѣмъ ученыхъ богослововъ. По его мнѣнію, весьма опасна та статья, въ силу которой оберъ-президенту предоставляется право противиться назначенію какого-нибудь священника, и рѣшеніе вопроса предоставляется министру. Если въ настоящее время въ Пруссіи министръ вѣроисповѣданій такой человѣкъ, которому можно предоставить подобныя права, то никто не можетъ поручиться за то, какъ долго онъ будетъ пользоваться этими правами. При подобныхъ мѣропріятіяхъ мы должны искать своей силы въ учрежденіяхъ, а не въ людяхъ. Либеральная партія давно уже внесла въ свою программу отдѣленіе государства отъ церкви. Выраженіе это звучитъ чѣмъ-то старомоднымъ, потому что воображаютъ, что нынѣ пришли къ болѣе глубокому познанію вещей. Во всякомъ случаѣ это выраженіе не обнимаетъ собою всей совокупности даннаго законодательства, оно является лишь лозунгомъ, чтобы легче можно было столковаться; оно указываетъ путь, по которому должно слѣдовать законодательство, а настоящіе законо-проекты уклоняются съ этого пути. Чтобы установить настоящій миръ въ германской имперіи, не существуетъ иного пути, кромѣ полнѣйшаго разграниченія между государствомъ и церковью, возстановленія свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Государству принадлежитъ право высшаго надзора и право законодательства и въ церковныхъ дѣлахъ, но оно должно воспользоваться имъ прежде всего затѣмъ, чтобы постановить, какимъ образомъ „церковь“, упоминаемая въ конституціи, проявляетъ свою волю. Кому принадлежитъ право

Digitized by Google

самоуправленія? Папѣ, епископамъ или общинамъ? Здѣсь должно рѣшить правительство, и оно могло бы постановить, что необходимо общинное представительство, дабы религіозныя общества могли выражать свою волю.

Въ этомъ вопросѣ Дункеръ отдѣлился отъ своихъ друзей прогрессивной партіи. Все, что только можно возразить противъ его аргументовъ, было высказано его другомъ Вирховымъ въ превосходной рѣчи, которая имѣетъ тѣмъ сильнѣйшее значеніе, что Вирховъ былъ постояннымъ и неизмѣннымъ борцомъ за религіозную свободу, и не можетъ быть заподозрѣнъ въ томъ, что относится къ подобнымъ вещамъ легкомысленно. Я приведу здѣсь лишь одно мѣсто изъ его рѣчи, которое, по моему мнѣнію, исчерпываетъ всѣ причины, заставляющія либераловъ идти за одно съ правительствомъ. „Мы не закрываемъ глазъ,—сказалъ ораторъ,—на то, что этотъ законъ даетъ опасную власть въ руки реакціонному правительству. Но чтобы правильно оцѣнить законъ, мы должны ясно понять, въ какомъ положеніи находится католическая церковь. Она есть результатъ развитія тысячелѣтней идеи, которая нашла свой крайній выводъ въ Ватиканѣ. Съ этой идеей германскій духъ искони пришелъ въ столкновеніе. Когда папа возложилъ германскую корону на главу Карла Великаго, тогда еще не существовало этого столкновенія и въ зародышѣ. Тогда еще церковь была представительницей всего культурнаго движенія; этой чести мы никогда у нея не оспаривали и не станемъ оспаривать. Только тогда, когда научно-образованная свѣтская власть, выраженіемъ которой были величайшіе герои Германіи Гогенштауфены, и именно великій императоръ Фридрихъ II-й, опередила ее, начались новѣйшія гоненія противъ еретиковъ. Гогенштауфены покорились, и церковь все болѣе и болѣе начала усвоивать характеръ ультрамонтанства. Коллегія кардиналовъ стала составляться почти исключительно изъ итальянцевъ; въ папы стали избираться мало-по-малу только итальянцы. Это итальянское папство нашло себѣ исходъ въ ватиканскихъ постановленіяхъ и навѣки разрушило основаніе для сношеній съ самымъ благосклоннымъ государствомъ. Ни одно еще государство не относилось такъ благосклонно къ католической церкви, какъ Пруссія, и совсѣмъ тѣмъ оказалось невозможнымъ избѣжать столкновеній, и не взирая на всю умѣренность государства, епископы нашли такіе пункты, на которыхъ отвергли всякое соглашеніе, потому что желали удержать за собой безусловную свободу. А положеніе, которое принимаетъ папа, какъ политическое лицо, весьма опасно для Пруссіи. Во Франціи всѣ партіи разсчитываютъ на ультрамонтанство, какъ на фактора возмездія Германіи".

Digitized by Google

Свои собственные политическіе взгляды ораторъ высказалъ въ послѣдней части своей рѣчи, въ которой онъ объявилъ, что хотя ему пріятнѣе бы было, если бы правительство избрало рычагомъ реформъ общинное устройство, что́ было бы единственнымъ раціональнымъ путемъ къ рѣшенію вопроса, но что онъ смотритъ на законопроекты, какъ на шагъ впередъ въ дѣлѣ отдѣленія государства отъ церкви, и потому будетъ поддерживать ихъ.

На этомъ я покончу. Всѣ четыре закона переданы въ коммиссію, отъ которой нужно ожидать, что она устранитъ нѣсколько опасныхъ пунктовъ. Быть можетъ, обсужденіе это такъ затянется, что законы не успѣютъ пройти въ настоящую сессію, но толчокъ данъ, и можно съ увѣренностью сказать, что движеніе пріостановится не прежде, чѣмъ отношенія между государствомъ и церковью будутъ установлены. Мнѣ казалось совершенно необходимымъ охарактеризовать въ главномъ эти законы, потому что по своей важности они займутъ первое мѣсто въ современной политикѣ. Теперь перехожу къ общему состоянію внутренней и внѣшней политики. Что касается послѣдней, то я оставлю въ сторонѣ всё, что относится до Россіи, потому что Германія, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, повидимому, мало интересуется этими дѣлами, и ограничусь только тѣмъ, что касается непосредственно Германіи: разоблаченіями герцога Грамона, смертью Наполеона III-го, отношеніями Пруссіи съ одной стороны къ Франціи, съ другой къ Австріи, и затѣмъ ко всѣмъ державамъ вообще.

Содержаніе вышеупомянутыхъ разоблаченій можетъ быть исчерпано въ настоящее время въ нѣсколькихъ словахъ. Графъ Бейстъ, съ 1866 года не покидалъ мысли объ отплатѣ Пруссіи и, находясь постоянно въ интимныхъ отношеніяхъ съ Франціей, считалъ себя въ 1870-мъ году близкимъ къ цѣли. Не подстрекая прямо Францію, онъ увѣрялъ французскихъ государственныхъ людей въ полной симпатіи Австріи и даже указывалъ въ перспективѣ на возможность фактической поддержки, причемъ удержалъ за собой право только тогда принять положительное рѣшеніе, когда увидитъ, въ какую сторону наклоняются вѣсы военнаго счастья. Хотя онъ и былъ вполнѣ убѣжденъ въ военномъ превосходствѣ Франціи, но агенты его не преминули сообщить ему о плохомъ ея вооруженіи. Когда вопросъ объ успѣхѣ войны былъ для Франціи рѣшенъ, онъ съ каждымъ новымъ пораженіемъ отступалъ назадъ и, наконецъ, совсѣмъ притаилъ свои обѣщанія. Такая политика, основанная на лукавствѣ, совершенно неразумна, потому что не обязываетъ никого. Присоединится ли выжидающій къ побѣдителю, на сторону котораго склонилось счастье, онъ будетъ навѣрно весьма холодно встрѣченъ этимъ послѣднимъ съ дружбой такого рода; нейтралитетъ не будетъ также

Digitized by Google

поставленъ ему въ заслугу. Можетъ быть кто-нибудь думаетъ, что Пруссія питаетъ благодарность къ Австріи за нейтралитетъ? Конечно, нѣтъ. Она не касается этого пункта и весьма довольна, что между обоими государствами существуютъ сносно-дружественныя отношенія, но не признаетъ себя обязанной чувствовать благодарность, а скорѣе чувствуетъ недовѣріе и расположена быть осторожной въ подобныхъ случаяхъ. Прежде всего приходитъ въ голову, что герцогъ Грамонъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ политическихъ страстей, раскрывая политику Бейста 1870 года. Но онъ пользовался перомъ и совѣтами Руэра, поэтому возможно, что этотъ тонкій политикъ имѣлъ въ виду посредствомъ разоблаченія вызвать разладъ между Австріей и Пруссіей. Этотъ разсчетъ не удался по той простой причинѣ, которую герцогъ Грамонъ могъ бы самъ сказать, а именно потому, что прусскому правительству еще лѣтомъ 1870 года были совершенно точно извѣстны не только намѣренія Франціи, но и намѣренія Австріи.

По этому поводу разсказывается теперь весьма интересный анекдотъ: Бисмаркъ, во время кровавой битвы подъ Гравелотомъ, гораздо менѣе опасался пораженія, нежели объявленія войны Австріей, которая, во всякомъ случаѣ, дала бы войнѣ другое направленіе. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ, это было послѣднимъ рѣшительнымъ моментомъ какъ для Австріи, такъ и для Германіи.

Смерть Наполеона, конечно, не произвела того впечатлѣнія, какое она произвела бы нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ на высотѣ своего могущества. Тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе было весьма сильно, и оно напомнило о той ролѣ, какую онъ игралъ въ теченіи двадцати лѣтъ. Что касается политическихъ послѣдствій его смерти, то ближайшимъ изъ нихъ было ослабленіе наполеоновской партіи и усиленіе правительства Тьера. Такое усиленіе пока насъ нисколько не пугаетъ, потому что положеніе дѣлъ во Франціи еще настолько мало обезпечено, что никакое правительство не можетъ и помышлять о скорой войнѣ съ Германіей. Отношенія между Франціей и Германіей ничѣмъ особенно не помрачены, но въ высшей степени холодны. Вслѣдствіе этой холодности, надо полагать, 19-го января происходило особенно торжественно перенесеніе отбитыхъ въ послѣдней войнѣ знаменъ изъ здѣшняго арсенала въ гарнизонную церковь въ Потсдамѣ; въ 1866-мъ году, установка на мѣсто трофеевъ войны съ Австріей обошлась безъ всякаго шума. Въ своей рѣчи къ депутаціи императоръ упомянулъ даже о „нашихъ врагахъ“, въ чемъ многіе усмотрѣли неодобрительный намекъ на поведеніе французской націи.

Digitized by Google

Чтобы дополнить картину положенія дѣлъ, я намѣренъ бросить взглядъ на явленія, которыя, не имѣя собственно политическаго характера, выступаютъ въ настоящее время на первый планъ. Прежде всего бросается въ глаза опасность отъ нравственнаго упадка между чиновничествомъ и въ высшемъ обществѣ, причина котораго лежитъ во внезапномъ наплывѣ богатства послѣ войны. Къ этому непосредственно примыкаетъ квартирный вопросъ, реакціонерное стремленіе противъ экономическихъ законоположеній послѣдняго десятилѣтія и быстрое расширеніе школы соціалистовъ, которая, не выработавъ ничего положительнаго, указала только на то, что государство не можетъ держаться принципа *laissez-aller*, *laisser-faire* и, напротивъ, должно надзирать за экономическимъ движеніемъ и обязано вмѣшиваться тамъ, гдѣ выступаетъ наружу зло.

Противъ системы основанія предпріятій возсталъ, въ засѣданіи депутатовъ 3-го декабря, Ласкеръ, человѣкъ безукоризненной честности и весьма талантливый. Превращеніе промышленныхъ учрежденій въ акціонерныя общества весьма распространилось послѣ окончанія войны; учредители такихъ обществъ — въ томъ числѣ извѣстные банкиры—стали безъ стыда обирать публику такими способами, которые граничатъ съ мошенничествомъ. Способъ ихъ, какъ извѣстно, весьма простъ: даніое учрежденіе оцѣняется гораздо выше его стоимости, и барыши дѣлятся между продавцемъ, учредителями и посредниками при сдѣлкѣ. Ласкеръ требовалъ, чтобы министръ юстиціи предписалъ прокурорамъ преслѣдовать подобныя мошенническія сдѣлки. Онъ произнесъ рѣчь, которая произвела сильное впечатлѣніе.

Въ засѣданіи 19-го декабря онъ снова вернулся къ этому предмету и изложилъ свою финансово-политическую программу: ассоціація капитала и совокупная дѣятельность многихъ лицъ для промышленныхъ цѣлей можетъ играть весьма важную роль въ экономической жизни, но нѣтъ надобности, чтобы ассоціація непремѣнно являлась въ той формѣ, въ какой является въ настоящее время, именно въ формѣ акціонерныхъ обществъ, въ которыхъ отдѣльные участники обыкновенно мало заботятся о процвѣтаніи предпріятія, а, напротивъ, напрягаютъ все свое вниманіе на то, какъ бы побольше нажить въ одинъ годъ. Слѣдуетъ обсудить, насколько цѣлесообразно было свести всѣ формы ассоціаціи къ акціонернымъ обществамъ, которыя въ настоящее время даютъ поводъ къ весьма печальнымъ явленіямъ и грозятъ кризисомъ.

Въ засѣданіи 14-го января Ласкеръ указалъ на злоупотребленія, которыми сопровождаются раздачи концессій на желѣзныя дороги и и уличилъ тайнаго совѣтника Вагенера въ томъ, что онъ, пользуясь

Digitized by Google

своимъ вліяніемъ, получилъ концессію, которую немедленно продалъ; на это обвиненіе Вагенеръ, повидимому, не въ состояніи ничего возразить.

Надо надѣяться, что гласность удержитъ зло отъ дальнѣйшаго развитія. Предварительно правительство внесло проектъ весьма полезнаго закона, которымъ воспрещается чиновникамъ принимать должности съ жалованьемъ при акціонерныхъ обществахъ.

Легкая и громадная нажива произвела большія соціальныя перемѣны въ финансовыхъ кружкахъ. Во главѣ общества стоятъ учредитель и банкиръ, и если присоединить къ нимъ директоровъ банковъ и высшихъ чиновниковъ этихъ учрежденій, получающихъ блестящее жалованье, то число ихъ достигаетъ до нѣсколькихъ тысячъ въ одномъ Берлинѣ. Они занимаютъ самыя громадныя квартиры, собираютъ самое блестящее общество, обладаютъ лучшими экипажами, и затемняютъ дворянъ, офицеровъ и чиновниковъ. Способный приказчикъ получаетъ болѣе министра. Такое положеніе должно возбуждать зависть. Средніе классы страдаютъ при этомъ больше всѣхъ, потому что низшіе, заработывая много денегъ, становятся опять слишкомъ требовательны. Оба класса имѣютъ общій недугъ, это дороговизна квартиръ. Цѣнность домовъ страшно поднялась, и тѣ, кто ихъ покупаетъ, принуждены возвышать наемную плату; конца этому не предвидится. Въ 1816-мъ году въ Берлинѣ было 40,588 квартиръ, изъ которыхъ 23,622 или 58,20% съ годовой платой ниже 30-ти талеровъ; 6,874 или 16,94% отъ 31 — 50-ти талеровъ; 5,615 или 13,83% отъ 51—100 талеровъ; 3,077 или 7,58% отъ 101—200: 829 или 2,04% отъ 201—300 талеровъ; 286 или 0,71% отъ 301—400; 126 или 0,31% отъ 400—500; 125 или 0,31% отъ 500—1000: и 34 или 0,08% выше 1000 талеровъ; Въ настоящее время, квартиръ послѣдней категоріи 2,740 или 1,58%, предпослѣдней 6,910 или 4%, отъ 4 — 500 талеровъ 4141 или 2,39%, отъ 301 — 400 талеровъ 6,907 или 3,99%, отъ 201—300 талеровъ 12,766 или 7,38%, отъ 101—200 талеровъ 36,120 или 20,88%, отъ 51—100 талеровъ 66,261 или 38,30%, отъ 31 — 50 талеровъ 28,624 или 16,55%, и ниже 30 талеровъ 8,524 или 4,93%, при общемъ числѣ квартиръ 175,003. Эти цифры доказываютъ постоянное уменьшеніе числа дешевыхъ квартиръ, даже если принять въ соображеніе упадокъ цѣнности денегъ. Брухъ вычислилъ, что 50 лѣтъ тому назадъ около 12—15% дохода тратилось на наемъ помѣщенія, теперь же тратится 25—30%. Политико-экономы не могутъ придумать, какъ помочь горю; появляются отъ времени до времени весьма курьёзныя предложенія, какъ, напримѣръ, переводъ собственности домовладѣльцевъ въ руки города, или болѣе умѣренныя, какъ обязательная по-

Digitized by Google

стройка фабрикантами помѣщеній для рабочихъ, присутственными мѣстами—для чиновниковъ. Акціонерныя общества, основанныя съ цѣлью устройства дешевыхъ квартиръ, строятъ дорогія или спекулируютъ мѣстами подъ постройки.

Такимъ образомъ, несомнѣнное благосостояніе не лишено своихъ темныхъ сторонъ, даже въ матеріальномъ отношеніи. Отличный знатокъ денежныхъ дѣлъ Швейцеръ приводитъ въ своемъ „Ежегодникѣ“ мнѣніе, что народное благосостояніе, съ точки зрѣнія накопленія капиталовъ, не возрасло, а упало. Въ политической жизни все новое находится пока только въ начинаніи, прочно достигнутаго ничего нѣтъ; существуетъ даже мнѣніе, что достигнутое какъ внутри, такъ и внѣ, придется еще снова отстаивать. Болѣзнь нашего наслѣднаго принца навела на мысль, какое значеніе имѣетъ личность человѣка, и кто знаетъ, какія неожиданности можетъ принести новый годъ. Утѣшительно то обстоятельство, что прежняя распря между политическими партіями стихла, и что въ случаѣ какого-нибудь крупнаго событія можно съ достовѣрностью предвидѣть образованіе одной сплоченной умѣренно-либеральной партіи, которая поддержитъ разумное національное правительство, даже если у страны и не будетъ болѣе того блестящаго вождя, которому оно обязано главнымъ образомъ успѣхами 1870 года.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ

17-го января 1873 г.

Географическія изслѣдованія въ Италіи.

Недавно изданъ у насъ, въ Туринѣ, великолѣпный томъ путешествій маркиза Джанмартино Арконати, подъ заглавіемъ: *Diario d'un viaggio nell' Arabia Petrea*, и это изданіе наводитъ меня на мысль познакомить читателя вообще съ нашими географическими изслѣдованіями за послѣднее время. Маркизъ Джанмартино Арконати—Висконти—членъ итальянскаго географическаго общества. Ему уже былъ знакомъ Египетъ, въ которомъ онъ прожилъ нѣсколько времени со своей матерью и осмотрѣлъ Бѣлый Нилъ. Научившись новѣйшему арабскому языку, онъ задумалъ посѣтить Аравію и вошелъ въ соглашеніе съ ученымъ итальянскимъ обществомъ, чтобы сдѣлать свое путешествіе по возможности полезнымъ для естественныхъ наукъ,

Digitized by Google

археологіи и географіи. Въ концѣ сентября 1864 г. онъ отправился на Востокъ съ единственнымъ товарищемъ, живописцемъ Е. Метцмахеромъ. Но кромѣ товарища, Арконати могъ похвалиться личнымъ мужествомъ, предпріимчивымъ духомъ и туго набитымъ кошелькомъ (говорятъ, что одно напечатаніе дневника стоило Арконати 150,000 франковъ; положимъ, что эта цифра преувеличена, но все же она можетъ дать понятіе о великолѣпіи изданія тѣмъ, которые его не видали). Кромѣ Аравіи маркизъ побывалъ еще въ Палестинѣ. Переѣхавъ черезъ Суэцъ, онъ посѣтилъ такъ-называемый фонтанъ Моисея и направился къ горѣ Синай, снарядивъ на собственный счетъ довольно значительный караванъ. Послѣ Синая второй станціей его былъ замокъ Агабахъ, гдѣ онъ перемѣнилъ караванъ. Изъ Агабаха съ третьимъ караваномъ посѣтилъ Пе́тру и оттуда вступилъ въ Палестину. Эти три станціи, Синай, Агабахъ и Пе́тра описаны съ живописной правдивостью. Молодой путешественникъ знакомитъ насъ въ разсказахъ съ алчностью большинства бедуиновъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Ведя разсказъ въ формѣ дневника, путешественникъ могъ день за днемъ записывать впечатлѣнія, производимыя на него зрѣлищемъ аравійской природы во время его долгихъ и утомительныхъ странствованій. Онъ даетъ возможность читателю самому составить родъ геологической и живописной карты Аравіи, которая при всей своей монотонности отличается иногда удивительнымъ разнообразіемъ. По временамъ путешественникъ останавливается, чтобы охотиться за какими-нибудь невиданными насѣкомыми, или же затѣмъ, чтобы собирать неизвѣстныя еще раковины на берегахъ Чермнаго моря или Аравійскаго залива. Затѣмъ описаніе римскихъ развалинъ Пе́тры представляетъ особый интересъ. Арконати всегда разсказываетъ и описываетъ съ простотой и спокойствіемъ. Онъ воздерживается отъ искушенія, которому такъ часто поддаются путешественники, оживить свои описанія чудесными происшествіями, созданными болѣе ихъ воображеніемъ. Арконати не встрѣтилъ во время своихъ странствованій по пустынямъ Аравіи ни единаго льва. Его путешествіе вообще не отличается богатствомъ происшествій, а потому и полезнѣе для чтенія. Въ нашъ положительный вѣкъ путешествія могутъ быть описываемы лишь двоякимъ образомъ: или на манеръ Дюма́, который не внушаетъ довѣрія, но развлекаетъ, или на манеръ Арконати, который внушаетъ довѣріе и поучителенъ. Чтобы дать понятіе о его разсказѣ, я приведу небольшой отрывокъ, относящійся къ его пребыванію въ Агабахѣ: „На берегу произошло великое событіе: я принесъ свою лодку изъ гуттаперчи и раздулъ ее всенародно. Начальство, гарнизонъ и населеніе присутствовали при этой операціи. Я ускользнулъ отъ всеобщаго восторга, удалив-

Digitized by Google

шись отъ береговъ, и проплывъ нѣкоторое время, бросилъ весло, предоставивъ теченію нести меня въ глубину залива, при дуновеніи теплаго южнаго вѣтерка. Такимъ образомъ, я провелъ восхитительныя минуты, любуясь моремъ, небомъ чистымъ и яснымъ, берегами, на которыхъ зеленѣли пальмы, и горами, которыя утопали къ югу въ лучистомъ туманѣ. Когда я вернулся на берегъ, толпа уже разошлась, набережная опустѣла; нашелъ подъ пальмами только Метцмахера, который спалъ, и П., который читалъ книгу. Эта группа пальмъ была всѣми признана какъ-бы нѣкотораго рода салономъ, какъ-бы какимъ-то *buen retiro*. День прошелъ на водѣ и близъ воды; катанье на лодкѣ шло въ перемежку съ купаньемъ. Съ какимъ наслажденіемъ я отдыхалъ подъ тѣнью пальмъ, въ простѣйшемъ и удобнѣйшемъ изъ костюмовъ, ласкаемый теплымъ вѣтеркомъ, убаюкиваемый ропотомъ волнъ, которыя тихо разбивались о берегъ, съ полузакрытыми глазами, уносясь мысленно въ тотъ фантастическій міръ, въ которомъ человѣкъ наполовину бодрствуетъ, наполовину спитъ. Въ умѣ моемъ проносились трудности, перенесенныя во время путешествія, томительные дни, проведенные на солнечномъ припекѣ, я наслаждался этой тѣнистой прохладой и радовался тому, что я доволенъ. Блаженны эти благословенныя страны, пригрѣваемыя солнцемъ и свободныя отъ докучной толпы; блаженны климаты, гдѣ не знаютъ ни тумановъ, ни холода, и люди почти незнакомы съ одеждой. Вечеромъ происходило большое собраніе въ палаткѣ П. Тамъ, Абу-Набутъ и Могаметъ соединили свое искусство, чтобы приготовить великолѣпный пиръ. Кромѣ моихъ двухъ спутниковъ здѣсь находился губернаторъ и шейхъ Могаметъ-Ібнъ-Тадъ. Они ѣли помощью вилокъ и ножей, чтобы оказать намъ честь, но едва притрогивались къ блюдамъ, на восточный ладъ: разговаривали они шопотомъ и передавали блюда, почти не притронувшись къ нимъ. Затѣмъ приступили къ тѣмъ комплиментамъ, которые въ употребленіи у восточныхъ народовъ, но не допускаются нашими общественными приличіями и которыя я не смѣю назвать, но которые выхваляетъ и описываетъ Ибнъ-Батута. Это своеобразная манера выражать, что пиръ былъ обиленъ, а купанья отличны. Отрыжка шла въ перемежку съ комплиментами, въ родѣ слѣдующаго: „Я восхищаюсь не столько пиромъ, сколько твоимъ лицомъ“ и проч. въ этомъ родѣ.

Раковины, которыя привезъ въ Европу маркизъ Арконати изъ своего путешествія по Аравіи, описаны талантливымъ молодымъ генуэзскимъ натуралистомъ, профессоромъ Артуромъ Иссель, въ его *Malacologia del Mare Rosso*.

Самъ Иссель совершилъ интересное плаваніе по Черному морю въ Богосъ; его описаніе было издано въ нынѣшнемъ году миланскимъ

Digitized by Google

издателемъ Эмиліо Тревъ, который приготовляетъ также въ итальянскомъ переводѣ и почти одновременно съ французскимъ текстомъ *Tour du monde* Эдуарда Шартона. Путешествіе Исселя имѣетъ такое научное значеніе, что заслуживаетъ серьезной оцѣнки. Авторъ говоритъ, послѣ краткаго вступленія: „Нѣсколько времени тому назадъ падре Стелла, піемонтскій миссіонеръ, пользующійся большимъ авторитетомъ въ Абиссиніи, гдѣ онъ жилъ долгіе годы, собралъ въ землѣ богосовъ горсть итальянцевъ, занимавшихся земледѣліемъ и торговлей, и задался мыслію надѣлить Италію колоніей. Хорошо понимая, что силы его не соотвѣтствуютъ такому предпріятію, и отчаявшись устранить одинъ всѣ препятствія къ его осуществленію, онъ неоднократно обращался за помощью и покровительствомъ къ метрополіи. Хотя онъ и встрѣчалъ поощренія и обѣщанія, но всѣ усилія его оставались тщетными. Наконецъ, позднѣе, когда, благодаря прорытію новаго египетскаго канала, сношенія съ азіатскимъ и африканскимъ востокомъ стали легче, въ Италіи почувствовали полезность возобновить на берегахъ Аравійскаго залива древнія торговыя сношенія, которыя уже послужили нѣкогда для насъ источникомъ славы и богатства;—итальянское географическое общество, припомнивъ о великодушныхъ усиліяхъ Стеллы, взяло на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. Съ согласія королевскаго правительства оно послало въ землю богосовъ двоихъ изъ своихъ членовъ, съ порученіемъ посѣтить поселившихся тамъ итальянцевъ, справиться объ ихъ образѣ жизни, объ ихъ нуждахъ и изучить особенности страны и ея произведенія, какъ съ научной точки зрѣнія, такъ и относительно того, возможно ли и полезно ли основать національное поселеніе. Почетная миссія эта была возложена на маркиза Орацію Антинори и доктора Одоардо Беккари; первый—знаменитый орнитологъ, прославившійся своимъ замѣчательнымъ путешествіемъ въ центральную Африку; другой—смѣлый изслѣдователь острова Борнео, прославившійся также нѣсколькими замѣчательными ботаническими сочиненіями. Въ это самое время и я рѣшился отправиться на Черное море, чтобы заняться изученіемъ какъ ископаемыми, такъ и живыми раковинами, а также и затѣмъ, чтобы составить естественно-историческую коллекцію для генуэзскаго музея. Вслѣдствіе этого я присоединился къ экспедиціи съ намѣреніемъ заняться морскими животными, а также и геологіей и минералогіей, если представится къ тому возможность".

Артуръ Иссель—профессоръ геологіи и минералогіи въ генуэзскомъ университетѣ. Онъ получилъ даровой билетъ на пароходѣ „Африка", принадлежащемъ компаніи Рубатино, въ Генуѣ, которая, какъ скоро былъ открытъ Суэзскій каналъ, установила ежемѣсячныя торговыя

Digitized by Google

сообщенія между Генуэй и Бомбейемъ [1]). Профессоръ Иссель былъ высаженъ съ парохода компаніи Рубаттино въ Аденѣ. Онъ сѣлъ на пароходъ въ Геную, вмѣстѣ съ ботаникомъ Беккари, который вернулся въ настоящее время въ Бомбей, чтобы продолжать свои ботаническія изслѣдованія. Пароходъ „Африка“ проходя мимо Ливорно, захватилъ профессора Джузеппе Сапето, піемонтца, который жилъ нѣсколько лѣтъ на Востокѣ среди арабовъ и абиссинцевъ, и который направлялся въ бухту Ассабъ, чтобы вступить во владѣніе, отъ имени общества Рубаттино и на счетъ итальянскаго правительства, территоріей, объ уступкѣ которой онъ уже условился передъ тѣмъ. Въ Суэцѣ къ Беккари и Исселю присоединился маркизъ Орацio Антинори изъ Перуджіи, неустрашимый изслѣдователь областей сѣверной и центральной Африки, дѣльный орнитологъ, одинъ изъ главныхъ основателей итальянскаго географическаго общества, о которомъ скажу послѣ нѣсколько словъ; онъ живетъ въ настоящую минуту въ Римѣ. „Африка“ проникла въ бухту Ассобе или Саба, на берегахъ которой Италія пріобрѣла территорію, съ цѣлью основать не въ далекомъ будущемъ морскую станцію для удобства итальянскихъ судовъ и иностранныхъ мореплавателей по Черному морю.

И вотъ, какимъ способомъ совершилось пріобрѣтеніе упомянутой территоріи, отъ имени итальянскаго правительства. Нѣкоторые путешественники, пишетъ профессоръ Иссель, хвалятъ добросовѣстность, простоту, прямодушіе дикихъ народовъ, въ среду которыхъ еще не проникали пороки и испорченность европейской цивилизаціи. По истинѣ, эти добродѣтели несвойственны данахилямъ. Они старались всѣми средствами измѣнить къ своей выгодѣ условія, которыя уже были сдѣланы по части уступки земли Ассабъ, и только послѣ долгихъ и скучныхъ споровъ профессору Сапето [2]) удалось добиться, чтобы они не нарушали договора. По общему уговору съ обѣихъ сторонъ условились, чтобы проданная территорія ограничивалась двумя пунктами (отдаленными другъ отъ друга на три мили) и расположенными первое передъ островкомъ Дамакіе, а второе напротивъ Сеннабіара, и доходящими въ ширину до склона горы Ганга. Другое затрудненіе представилось въ дѣлѣ уплаты. Данахили не знаютъ другой монеты, кромѣ австрійскихъ талеровъ съ изображе-

---

[1]) Статистика за 1870 г. показываетъ, что за этотъ годъ черезъ Суэзскій каналъ прошло 491 судно, изъ которыхъ 314 англійскихъ, 74 французскихъ, 33 египетскихъ, 26 австрійскихъ, 18 турецкихъ, 10 итальянскихъ, 3 португальскихъ, 3 испанскихъ, 3 голландскихъ, 2 американскихъ, 2 русскихъ, 1 греческое, 1 датское и 1 изъ Занзибара.

[2]) Профессоръ Сапето, авторъ книги: *„Viaggio a missione cattolica fra i Mensa i Bogos e gli Hobob“*, издана въ Римѣ въ 1857 г.

Digitized by Google

нiемъ Маріи-Терезіи, и не захотѣли принять ту сумму, которую имъ предлагали на фунты стерлинговъ. Но профессоръ Сапето добился отсрочки, которая позволила ему съѣздить въ Аденъ и размѣнять свои деньги на талеры, а тѣмъ временемъ далъ небольшой залогъ. 13-го марта 1870 г., когда выполнены были всѣ формальности и покупка совершена, раздались въ бухтѣ Ассабъ пушечные выстрѣлы, которыми привѣтствовалось веселое событіе, и появилось трехцвѣтное знамя, впервые водруженное на новой итальянской землѣ. Антинори, Беккари и Иссель неутомимо трудились въ окрестностяхъ Адена, Ассаба, Массаны и Керена, собирая свои ученыя коллекціи. Одинъ Антинори собралъ 96 шкуръ, 147 скелетовъ, 28 череповъ млекопитающихъ 37-ми видовъ, 22 скелета птицъ, 264 штуки пресмыкающихся, 3,220 насѣкомыхъ и проч. и проч. Вся эта драгоцѣнная коллекція была сдана въ естественно-историческій музей въ Генуѣ. Беккари собралъ 304 вида растеній тайнобрачныхъ и 298 растеній явнобрачныхъ, найденныхъ имъ въ землѣ богосовъ. Двое изъ этихъ растеній были названы *Hydnora johannis* и *Hydnora bogosensis*. Профессоръ Иссель привезъ въ Геную 925 экземпляровъ рыбъ 84-хъ видовъ, 11,600 экземпляровъ раковинъ и морскихъ моллюсковъ изъ Чернаго моря, счетомъ около 600 видовъ, 550 экземпляровъ сухопутныхъ раковинъ 50-ти видовъ, 100 полиповъ 30-ти видовъ и, наконецъ, цѣлый рядъ образцовъ минераловъ и около 50-ти видовъ ископаемыхъ.

Каково бы ни было политическое значеніе, которое можно признавать за африканской экспедиціей, предпринятой итальянскимъ географическимъ обществомъ, несомнѣнно, что научное значеніе ея велико и можетъ служить доказательствомъ, что современные итальянцы отнюдь не утратили издревле присущихъ имъ качествъ смѣлыхъ и любознательныхъ путешественниковъ; эта любознательность вызвала кругосвѣтное путешествіе корабля *Magenta*, капитаномъ котораго былъ Витторіо Арминіонъ; онъ взялъ на свой корабль натуралистовъ, которые оказали большія заслуги по части естественныхъ наукъ и географическихъ изслѣдованій; итальянское географическое общество наградило въ нынѣшнемъ году золотой медалью кавалера Арминіона за это продолжительное и успѣшное путешествіе. Другое путешествіе, менѣе знаменитое, но нелишенное интереса, это то, какое совершаетъ въ настоящую минуту вокругъ свѣта ломбардецъ Энрико Безано. Послѣднія письма его писаны имъ у нашихъ антиподовъ и сообщаютъ самыя любопытныя и интересныя свѣдѣнія о Новой-Зеландіи. Другой итальянецъ, офицеръ нашего военнаго флота, отправился нынѣшнимъ лѣтомъ вмѣстѣ съ шведской экспедиціей къ сѣверному полюсу.

Digitized by Google

Наше географическое общество основано въ 1867 г. и существуетъ своими средствами безъ всякой протекціи или субсидіи отъ правительства. Я присутствовалъ при его основаніи, когда оно не насчитывало и 50 членовъ. Въ настоящее время оно уже насчитываетъ около 1,300 членовъ,—это удивительное явленіе въ Италіи, гдѣ духъ ассоціаціи вообще мало развитъ, и тѣмъ удивительнѣе, что права членовъ ничтожны сравнительно съ ихъ ежегоднымъ взносомъ. Этотъ взносъ простирается до двадцати франковъ въ годъ и быть можетъ показался бы незначительнымъ въ Россіи, но въ Италіи, при существующихъ экономическихъ условіяхъ, онъ великъ. Члены, дѣлающіе такой взносъ, пользуются слѣдующими правами: 1) называться членами; 2) участвовать въ засѣданіяхъ общества; 3) получать бюллетени общества. Что касается титула члена, то онъ ничего не означаетъ, такъ какъ всякій, кто можетъ располагать 20 фр., можетъ записаться въ члены. Что касается засѣданій общества, то девятьдесятыхъ членовъ не могутъ въ нихъ участвовать, потому что живутъ слишкомъ далеко, а бюллетени составляютъ въ годъ не болѣе какъ всего одинъ томъ, который можно достать у любого книгопродавца за 5 или 6 франковъ. Поэтому нельзя думать, чтобы какіе-нибудь личные интересы заставляли итальянцевъ поступать въ члены нашего географическаго общества. Ими могутъ двигать и дѣйствительно двигаютъ лишь общественные и научные интересы, и вотъ настоящая причина, почему итальянское географическое общество процвѣтаетъ. Было бы заблужденіемъ полагать, что въ Италіи легко возбудить и въ особенности поддерживать подобный интересъ; для отчизны было сдѣлано и безъ того не мало: кровь, силы, богатства—все приносилось до сихъ поръ на алтарь отечества. Наука еще не настолько развита въ Италіи, и не настолько оцѣняется, чтобы такое значительное число людей могло собраться исключительно ради научныхъ интересовъ. Слѣдовательно, необходимо приписать двумъ мотивамъ, общественному и научному, честь успѣховъ итальянскаго общества, а главное, усиліямъ достойнаго человѣка, который съумѣлъ ихъ вызвать,—основателя итальянскаго географическаго общества, командора Кристофоро Негри. Синьоръ Негри—старый ломбардскій профессоръ, который успѣшно преподавалъ до 1848 г. горное право въ Падуанскомъ университетѣ. Онъ пріобрѣлъ замѣчательныя свѣдѣнія по части минералогіи и геологіи, и хотя, конечно, президентъ итальянскаго географическаго общества не пользуется такимъ авторитетомъ, какъ покойный Мурчисонъ, бывшій президентъ англійскаго общества, но все же считается хорошимъ спеціалистомъ. Кромѣ того, Негри получилъ замѣчательное литературное образованіе и отлично владѣетъ латинскимъ языкомъ, а потому зачастую доставляетъ себѣ удоволь-

Digitized by Google

ствіе пересыпать латинскими фразами свои президентскія рѣчи. Онъ знаетъ также и исторію; послѣднюю, однако, онъ изучилъ, преподаетъ и пишетъ столь же поверхностно, какъ и добрякъ Ролленъ, приводящій въ восторгъ однѣхъ нашихъ монахинь. Прибывъ въ Пьемонтъ послѣ 1848 г., онъ вступилъ въ тогдашнее министерство иностранныхъ дѣлъ, куда его пригласилъ Массимо д'Азеліо, бывшій министръ и его старинный знакомый по Милану. Онъ былъ сдѣланъ консуломъ и въ скоромъ времени произведенъ въ консулы перваго класса и назначенъ генеральнымъ инспекторомъ всѣхъ консульствъ. Въ этомъ званіи ему пришлось много путешествовать, много видѣть, и онъ получилъ особенный вкусъ къ географическимъ занятіямъ. Этимъ послѣднимъ онъ посвятилъ всю свою дѣятельность и пожелалъ заинтересовать въ нихъ правительство и страну. Съ этой цѣлью, онъ написалъ много статей и велъ литературную и политическую полемику въ туринскихъ газетахъ. Когда столица была перенесена въ Флоренцію, то синьоръ Негри пожелалъ вызвать къ жизни итальянское географическое общество. То же самое затѣвали и бывшій министръ земледѣлія и торговли и экс-префектъ венеціанскій, Луиджи Торелли и синьоръ Чезаре Корренти, которые признали необходимымъ присоединиться къ болѣе практическому и широкому плану Негри. Послѣднему оказалъ дѣятельное содѣйствіе маркизъ Орацio Антинори. Негри по своему высокому служебному положенію находился въ сношеніяхъ со всѣми консульствами и посольствами и, кромѣ того, насчитывалъ много друзей въ парламентѣ и въ университетѣ. Антинори въ своихъ путешествіяхъ познакомился со многими лицами, которыя могли служить своими совѣтами и помощью зарождающемуся итальянскому обществу. Рѣшено было слить два отдѣльныхъ общества въ одно, и Негри избранъ былъ въ президенты, Корренти въ вице-президенты, а Антинори въ дѣлопроизводители. Тогда Негри выказалъ поразительную дѣятельность и усердіе: писалъ массу писемъ, публиковалъ статьи за статьями, которыя, не взирая на проскакивавшія въ нихъ латинскія фразы, возбуждали нѣкотораго рода восторгъ во всѣхъ, кто ихъ читалъ, и въ скоромъ времени первоначальное число членовъ, простиравшееся до 50, возросло до 400.

Послѣ этого судьба общества могла считаться обезпеченной, потому что мода сдѣлала все остальное. Съ каждымъ годомъ число членовъ увеличивалось. Всего какихъ-нибудь пять лѣтъ какъ существуетъ общество, а число его членовъ, какъ я уже говорилъ, возросло до 1,300. Эта цифра громадна для частнаго общества, недающаго никакихъ преимуществъ. Конечно, если меня спросятъ, каковы были до сихъ поръ научныя заслуги этого общества, то я не

Digitized by Google

могу указать на то, чтобы они были значительны; все его дѣло пока ограничивалось заботами о своей организаціи и о собраніи небольшого независимаго капитала, который могъ бы служить общественнымъ фондомъ. Главной заботой президента Негри въ пятилѣтній срокъ своего президентства было увеличить число членовъ общества, умножить его капиталъ и распространить его извѣстность. Говорю: извѣстность, а не славу, потому что слава ученаго общества пріобрѣтается только хорошими учеными сочиненіями и важными учеными предпріятіями. Что касается перваго, то бюллетени итальянскаго географическаго общества до сихъ поръ были довольно слабы; что касается второго, то до сихъ поръ оно не имѣло возможности много сдѣлать, хотя и нѣтъ недостатка въ желаніи. Золотая медаль, данная въ нынѣшнемъ году полковнику Туле за его сочиненіе о *Марко Поло*, и другая, данная Витторіо Арминіону за путешествіе, совершенное на *Magenta*, и титулъ почетныхъ членовъ, данный нѣкоторымъ знаменитымъ иностраннымъ географамъ еще не могутъ доказать значенія общества. Кристофоро Негри совершилъ чудо, создавъ колосса; но для того, чтобы онъ продолжалъ существовать, необходимо, чтобы онъ постоянно росъ, а я сильно опасаюсь, что ростъ его остановится послѣ того, какъ общество перенеслось въ Римъ, а Негри, оставшійся во Флоренціи, принужденъ былъ отказаться отъ президентства. Вице-президентъ Корренти несомнѣнно человѣкъ способный, но ему недостаетъ твердости характера, чтобы дать серьёзное и опредѣленное направленіе великому учрежденію. Къ тому же, есть опасность, что безъ Негри многіе члены покинутъ общество, а новые администраторы, чтобы удовлетворить желаніямъ тѣхъ, кто хочетъ, чтобы общество было роскошно обставлено, растратятъ тотъ общественный фондъ, который Негри желалъ сдѣлать неприкосновеннымъ. Но оставимъ мрачныя предсказанія, такъ какъ я заговорилъ о географическомъ обществѣ вовсе не затѣмъ, чтобы пропѣть ему *реквіемъ*, но, напротивъ, чтобы дать читателямъ новое доказательство нашей жизненности и возможности добиться у насъ хорошихъ научныхъ результатовъ, при хорошемъ направленіи. Страна не неблагодарна къ тѣмъ, кто желаетъ ей добра; не взирая на тяжкія экономическія условія, которыя ее давятъ, она готова подчасъ на послѣднія жертвы на пользу общаго дѣла. Поэтому я не раздѣляю мрачнаго взгляда на состояніе итальянской нравственности, которое приводитъ въ своей статьѣ профессоръ Паскуале Виллари о школѣ въ Италіи въ связи съ соціальнымъ вопросомъ [1]). Глядя впередъ, видишь, что дѣйствительно еще много осталось пути впереди,

[1]) Эта статья появилась въ *Nuova Antologia* въ ноябрьскомъ нумерѣ.

Digitized by Google

но оглядываясь назадъ, замѣчаешь, что много уже пройдено въ послѣдніе годы.

Окончу письмо краткимъ сообщеніемъ, касающимся косвенно географическихъ изслѣдованій. Въ скоромъ времени выйдетъ первый „Ежегодникъ“ маленькаго итальянскаго общества изученія Востока, основаннаго въ нынѣшнемъ году и предсѣдательствуемаго знаменитымъ знатокомъ арабскаго языка и арабскихъ древностей Микеле Амари. Надняхъ, вышелъ послѣдній томъ его замѣчательной исторіи сицилійскихъ мусульманъ. Маленькое это общество насчитываетъ всего 44 члена; послѣднимъ записанъ Эрнестъ Ренанъ, который, будучи проѣздомъ во Флоренціи пожелалъ къ нему присоединиться. Изученію Востока должна была бы содѣйствовать такъ-называемая азіатская коллегія въ Неаполѣ (бывшая китайская коллегія), гдѣ, согласно программѣ, должны были бы преподаваться восточные языки, но на самомъ дѣлѣ преподается маленькимъ индусамъ и китайцамъ чтеніе молитвъ на плохомъ латинскомъ языкѣ, дабы, возвратясь въ свое отечество, они могли проповѣдывать религію Ватикана, приспособленную къ пониманію ихъ соотечественниковъ, столь же фанатично преданныхъ своимъ старымъ идоламъ, сколь равнодушныхъ къ новымъ идоламъ, которыми усердно угощаетъ ихъ бѣдный фантазіей Западъ.

D. G.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Екатерина II, по ея письмамъ.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Сбп. 1872. Томъ IX, 536 стр., и Т. X, 477 стр.

Годъ тому назадъ мы имѣли случай анализировать содержаніе перваго тома екатерининскихъ бумагъ (VII т. Сборника); онѣ, безспорно, проливаютъ много свѣта на давно минувшую эпоху, которая пробуждала нѣкогда столь живительныя и задушевныя воспоминанія нашихъ дѣдовъ и отцовъ. „Русское Историческое Общество“ даритъ теперь историческую науку еще двумя новыми книгами Сборника. Десятый томъ обнимаетъ почти семилѣтіе собственно екатерининскаго времени, и доводитъ событія до начала 1771 года. Этотъ періодъ составляетъ, конечно, самое блестящее и богатое время всесторонней дѣятельности Екатерины, которая, окончательно утвер-

Digitized by Google

дившись на престолѣ, съ полнымъ влеченіемъ и неослабною энергіею, будучи въ самой зрѣлой порѣ своего развитія, предалась всесторонним преобразованіямъ, задуманнымъ ею въ тиши, подъ вліяніемъ всей интеллигенціи XVIII-го столѣтія. Первое мѣсто, по значительности и силѣ почина, конечно, принадлежитъ законодательнымъ предначертаніямъ и выполненіямъ.

Мы не разъ указывали на скудость нашихъ отечественныхъ историческихъ трудовъ. Но наша отечественная исторія не можетъ также похвастаться и богатствомъ сырого историческаго матеріала; многое погибло безвозвратно, другое, и въ большинствѣ, до поры до времени ютится въ пыли и плѣсени архивовъ; наконецъ, немалая часть, можетъ быть капитальная и во всякомъ случаѣ необыкновенно интересная, покоится или пропадаетъ въ разныхъ тайникахъ и захолустьяхъ нашего обширнаго отечества. Потому-то необыкновенно важны и плодотворны труды обществъ и частныхъ лицъ, которыя неустанно занимаются труднымъ и мало привлекательнымъ составленіемъ сборниковъ матеріаловъ, хотя бы по большей части и неподведенныхъ ни подъ какую систему, слѣдуя, иногда уже слишкомъ усердно, извѣстной поговоркѣ: „вали все въ кучу—послѣ разберутъ“. Но особенное значеніе получаетъ такая работа, когда историческій матеріалъ извлекается изъ самыхъ достовѣрныхъ и компетентныхъ источниковъ, а именно, изъ государственныхъ архивовъ.

Эпоха Екатерины II, такъ блестяще заканчивающая въ XVIII-мъ столѣтіи Петровскую коренную и всестороннюю реформу, столь замѣчательна, что всякое новое свѣдѣніе о ней драгоцѣнно для пониманія громкаго 35-ти-лѣтія „богоподобной царицы Киргизъ-кайсацкой орды“, а „Сборникъ Русскаго Историческаго Общества“ составленъ изъ собственныхъ бумагъ Екатерины, хранящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, публикѣ сообщаются далеко не всѣ находящіеся на лицо документы, что̀ уже чувствуется изъ замѣтнаго пропуска дипломатическихъ дѣлъ, напримѣръ, по жизненному въ то время польскому вопросу. Напрасно также ожидаешь интимной переписки между матерью и сыномъ; равно, нѣтъ никакихъ обсужденій воспитательно-образовательнаго плана Бецкаго. Въ X-мъ томѣ собрано до 434 статей, состоящихъ большею частью изъ писемъ и записокъ, дополняемыхъ множествомъ собственноручныхъ примѣчаній императрицы къ самыхъ разнообразнымъ проектамъ и постановленіямъ. Весь матеріалъ по существу своему распредѣляется на два отдѣла: первый заключаетъ законодательный періодъ, до 1769 года, а второй обнимаетъ начало первой турецкой войны, т.-е. до марта 1771 г., чѣмъ и заканчивается упомянутый томъ Сборника. Оба от-

Digitized by Google

дѣла имѣютъ то общее, что относятся къ апогеѣ екатерининской славы, когда ничто не заставляло императрицу круто повернуть съ ея первоначальнаго философско-либеральнаго направленія, тогда еще составлявшаго личное, искреннее, непоколебимое убѣжденіе Екатерины; когда Екатерина была еще подъ живымъ впечатлѣніемъ той Россіи, которую она только-что приняла въ свое управленіе и положеніе которой она сама изображала такъ: „Приняла я Россію въ странномъ положеніи между ни миромъ, ни войною, обремененную долгомъ въ 17 милліоновъ, отъ чего только царилъ всеобщій разладъ. Ни единый человѣкъ въ государствѣ не то чтобъ зналъ, сколько казнѣ было дохода, ниже не вѣдалъ званій доходовъ разныхъ. Повсюду народъ приносилъ жалобу на лихоимство, взятки, притѣсненія и неправосудіе разныхъ правительствъ, а наипаче приказныхъ служителей. Всѣ вѣтви коммерціи почти отданы были частнымъ людямъ на откупъ. Флотъ былъ въ упущеніи, армія въ разстройствѣ, крѣпости развалились. Въ сенатѣ иногда сами не знали о чемъ судятъ. Тюрьмы были наполнены колодниками. Къ заводамъ приписанныхъ крестьянъ я нашла 42,000 въ явномъ ослушаніи и открытомъ бунтѣ. Монастырскихъ крестьянъ и самыхъ помѣщичьихъ почиталось до 150,000, кои отложились отъ послушанія. Повѣренности же къ правительству никто не имѣлъ. Жестокія пытки и наказанія за бездѣлицу, какъ за тяжкое наказаніе, ожесточили умы. Политическія же обстоятельства были таковы, что сверхъ сего еще мы ожидали пришествія татаръ на Украйну, къ масляницѣ".

Большинство писемъ Екатерины въ Сборникѣ, свыше ста, обращено къ гр. Н. И. Панину, который пользовался уваженіемъ и довѣріемъ императрицы, какъ воспитатель Павла Петровича. Она наполняла свои недлинныя посланія заботами о здоровьи, объ успѣхахъ и вообще о занятіяхъ сына, которому она нерѣдко предоставляла почетъ награжденія знаками ордена св. Анны, за самыя разнообразныя заслуги. Притомъ Екатерина не пропускала ни одного письма, въ которомъ не было бы выраженія особенной ея довѣренности къ уму и опытности Н. И. Панина; вездѣ видно большое личное расположеніе, добродушіе императрицы, ея находчивость, наблюдательность и даже юморъ.

Описывая морскіе маневры въ Кронштадтѣ, императрица не безъ иронiи сообщаетъ Панину: „У насъ въ излишествѣ кораблей и людей, но мы не имѣемъ ни флота, ни моряковъ.... Эта пустѣйшая экспедиція походила на флотъ выходящій каждый годъ изъ Голландіи для ловли сельдей". Посѣтивши Ладожскій каналъ, она пишетъ: „Каналъ прекрасенъ, но заброшенъ". Предпринявши свою поѣздку на востокъ, къ предѣламъ Азіи, Екатерина извѣщаетъ Панина изъ

Digitized by Google

Ярославля: „Изволь-ко мнѣ прислать дѣла, я весьма праздно живу". Далѣе, изъ Костромы: „Завтра поѣду отселѣ, а иноплеменниковъ (иностранныхъ пословъ) отпущу къ Москвѣ. Они вамъ скажутъ, какъ здѣсь принята была". Изъ Нижняго: „Сей городъ ситуаціею прекрасенъ, а строеніемъ мерзокъ, только поправится скоро (проектированными казенными зданіями)". Изъ Чебоксаръ, разсуждая объ Англіи въ случаѣ смерти Чатама, Екатерина прибавляетъ: „Теперь ракомъ идутъ, а тогда вовсе безъ уваженія уже будутъ". По выѣздѣ изъ рѣчки Казанки, государыня такъ отзывается о мѣстномъ населеніи: „Здѣсь народъ по всей Волгѣ богатъ и весьма сытъ, и хотя цѣны вездѣ высокія, но всѣ хлѣбъ ѣдятъ и никто не жалуется и нужду не терпитъ". Осмотрѣвши развалины Болгаръ, она пишетъ: „Одинъ гонитель, казанскій архіерей Лука, при покойной императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, позавидовалъ и многое разломалъ, а изъ иныхъ построилъ церковь, погреба и подъ монастырь занялъ, хотя Петра I-го указъ есть, чтобъ не вредить и не ломать сію древность". На возвратномъ пути въ Москву, изъ Мурома, Екатерина замѣчаетъ: „Земли часъ отъ часу хуже; селенія чаще и ни пяди земли нѣтъ, коя бы не была разработана, и en dépit du miserable abbé Giot, нигдѣ голоду нѣтъ; мужики же говорятъ: нынѣ на все Богъ далъ цѣну, хлѣбъ дорогъ и лошади дороги и все дорого, и за то Богу благодарятъ". Получивши письмо отъ сына, императрица отвѣчаетъ Панину: „Voilà une lettre éloquente, mâle, d'un style noble et remplie des sentiments que je souhaite qu'il ait de toute façon; je n'ose assez me persuader qu'il l'ait écrit tout seul; c'est presque trop pour son âge; mais vous me le dites, je dois le croire et je vous en félicite de tout mon coeur". По возвращеніи своемъ, она пишетъ изъ Петергофа: „Сыну моему прошу кланяться, а вамъ обоимъ желаю здравствовать; думаю что вамъ теперь не безъ скуки въ Царскомъ Селѣ и что безъ меня пусто, и для того спѣшу къ вамъ писать". Со времени турецкой войны, императрица въ своихъ письмахъ къ Панину прекращаетъ эту интимность и задушевность. Она всецѣло увлекается новою страстью славолюбія, которая, по ея собственному сознанію, заставляетъ ее до болѣе удобнаго времени отложить еще недавно любимое свое дѣтище—составленіе Уложенія.

Необыкновенный тактъ императрицы, ея умѣнье обращаться съ каждымъ по его характеру, понятіямъ, значенію и заслугамъ, еще болѣе замѣчается въ 18-ти письмахъ, адресованныхъ ею къ Вольтеру. Екатерина заискиваетъ въ немъ, ухаживаетъ за нимъ, льститъ ему, дорожитъ его совѣтами и указаніями, сообщаетъ ему довѣрчиво всѣ свои начинанія. Она вполнѣ сознаетъ что фернейскій мудрецъ

Digitized by Google

составляетъ дѣйствительную силу въ Европѣ. Охотно принимая сама лестныя похвалы отъ Вольтера, императрица въ своихъ отвѣтахъ весьма искусно умѣетъ похвалить и себя, указываетъ на цѣлесообразность своихъ предначертаній и на спокойное, семейное, неподдѣльное благоденствіе своихъ подданныхъ, подъ управленіемъ ея благой, неустанной заботливости. Мало того, шутливою, едва замѣтною ироніею она коритъ образованную, многоопытную и многовѣковую Европу лучшимъ бытомъ и благоденствіемъ своего молодого, неопытнаго, во всѣхъ отношеніяхъ отсталаго народа. Отдавая справедливость Монтескьё, Екатерина однако очень недвусмысленно выставляетъ несравненное, безспорное превосходство ею задуманныхъ учрежденій надъ вѣковыми законодательствами романо-германской Европы. Потому, не безъ затаеннаго самодовольствія она сообщаетъ своему собесѣднику всѣ обиды и очевидную слабость дряхлѣющей Порты, свои дѣятельныя приготовленія къ борьбѣ не на жизнь, а на смерть, объ устройствѣ азовской флотиліи, о плаваніи русскаго флота въ водамъ Средиземнаго моря, о появленіи его у береговъ Греціи, гдѣ скоро побѣда увѣнчиваетъ и извиняетъ ея рискованную смѣлость.

Та же любезность, то же умѣнье выставлять себя незамѣтно въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, хваля другихъ, замѣчаются въ ея немногихъ письмахъ къ Даламберу и Мармонтелю; „Велизарій“ послѣдняго былъ полученъ императрицею во время ея восточнаго путешествія; нимало не мѣшкая, она по главамъ раздѣлила знаменитое сочиненіе между 11-ью своими спутниками, и сама вмѣстѣ съ ними шутя и быстро окончила весь переводъ.

Совершенно особенный интересъ представляютъ 17 писемъ Екатерины къ госпожѣ Бельке въ Гамбургѣ, къ бывшей подругѣ ея матери, а потому знавшей ее съ юношескихъ лѣтъ. Простота, задушевность, любезность наполняютъ эти вполнѣ приватныя и интимныя посланія, тонъ которыхъ не менѣе того измѣняется, когда войнолюбивая государыня съ такимъ нескрываемымъ самодовольствіемъ сообщаетъ о своихъ въ самомъ дѣлѣ изумительныхъ побѣдахъ надъ турками и на сушѣ и на морѣ.

Философскія убѣжденія выработали въ Екатеринѣ достаточно ясныя понятія о вѣротерпимости, особенно въ Россіи, при ея разнародномъ составѣ инородцевъ и иновѣрцевъ. Эти вполнѣ гуманныя начала выражаются въ письмахъ къ умному и образованному тверскому архіерею Дмитрію Сѣченову. Изъ Нижняго, во время своего путешествія, императрица пишетъ къ нему: „Во всемъ здѣшнемъ духовенствѣ примѣчается духъ гоненія. Сія же епархія кажется весьма достойна особливаго примѣчанія, ибо число правовѣрныхъ думаю меньше, нежели число иновѣрныхъ и раскольниковъ; итакъ,

Digitized by Google

кажется, нужнѣе всего здѣсь имѣть священство просвѣщенное ученіемъ, нрава кроткаго и добраго житія, кои бы тихостью, проповѣдью и безпорочностью добронравнаго ученія подкрѣпляли во всякомъ случаѣ евангельское слово... Раскольники говорили, что священники съ ними обходятся какъ съ басурманами..... Вашему преосвященству извѣстно сколь кротость пастыря все сіе превратить можетъ: ибо одинъ человѣкъ слабостью и несмотрѣніемъ иногда то испортитъ, что насилу въ 20 лѣтъ поправить можно". Получивши прошеніе отъ гернгутеровъ, государыня пишетъ къ Сѣченову: „Депутаты гернгутскіе утверждаютъ, что ихъ ученіе лишь разнствуетъ отъ лютерскихъ одними обрядами; того ради прошу васъ преосвященный выслушать ихъ и потомъ дать мнѣ знать ваше мнѣніе". Заботясь о возвращеніи нашихъ раскольниковъ бѣжавшихъ, отъ гоненій при Аннѣ и Елизаветѣ, Екатерина обращается къ Сѣченову: „Письмо отъ нашихъ переселившихся въ Польшу раскольниковъ посылаю, и весьма желаю о семъ знать ваше мнѣніе. Ихъ до 300,000, и нѣтъ надежды, чтобъ они возвратились въ Россію, еще менѣе, къ православію, покамѣсть они тамъ. Я бы желала изыскать способы къ тому и другому".

Философствующая императрица, переписывавшаяся съ Вольтеромъ и Даламберомъ, принимавшая съ благодарностью и смиреніемъ, но съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, избраніе свое въ члены берлинской академіи, желая на дѣлѣ подтвердить молву о своей мудрости, рѣшилась осуществить свое высокое назначеніе сѣверной Семирамиды. Повсюду въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ она хотѣла водворить и утвердить гуманныя начала, столь зрѣло ею обдуманныя и усвоенныя изученіемъ сочиненій энциклопедистовъ и постоянною перепиской съ современными мудрецами. Но всѣ эти высшія основы разума и неопровержимыя истины далеко не мѣшали ей установлять бюрократизмъ въ ея разнородномъ государствѣ, для приведенія его къ единству, централизаціи.

Такъ, еще въ началѣ своего царствованія Екатерина назначила Румянцева управителемъ Малороссіи. Она уполномочила его составить докладъ о разныхъ мѣропріятіяхъ, относящихся къ подвѣдомственному ему краю, гдѣ столько было своеобычнаго, унаслѣдованнаго отъ гетманщины. Надлежало ограничить владѣльческія права на города, устроить вовсе неизвѣстную полицію, равно какъ и правильную почту, привести въ порядокъ церковныя и гетманскія маетности, устроить школы, госпитали и богадѣльни „къ спасенію иногда несчастливыхъ женщинъ". Всѣ 19 статей весьма обстоятельнаго доклада Румянцева сопровождаются помѣтками и собственно-

Digitized by Google

ручными замѣчаніями императрицы, отличающимися весьма здравымъ смысломъ и практичностью.

Руководимая вполнѣ либеральными и гуманными чувствами, Екатерина разсматривала многіе приговоры и рѣшенія, и въ своихъ помѣткахъ постоянно выказывала не только строгую, нелицепріятную справедливость, но давала широкое мѣсто помилованію, ослабленію наказаній, принимая въ уваженіе слабость человѣческой природы, гнётъ и неотразимость независящихъ, посторонннихъ обстоятельствъ. Въ особенности разумно и категорически мягкосердечіе государыни выразилось въ ея „Наставленіи потомкамъ", по случаю разсмотрѣнія ею дѣла о Волынскомъ: „Странно,—пишетъ она,—какъ роду человѣческому пришло на умъ лучше утвердительнѣе вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодною кровью... Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнилъ... Еслибъ я увидѣла что онъ неспособенъ къ дѣламъ, я-бъ ему сказала, или дала разумѣть, не огорчая же его: будь счастливъ и доволенъ, а ты мнѣ не надобенъ! Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены; изволь мѣрить по сей аршинъ". Руководимая такими истинно христіанскими правилами, Екатерина никакъ не соглашалась предать пыткѣ извѣстную злодѣйку Салтычиху, а требовала, чтобъ ее привели къ сознанію убѣжденіями духовнаго покаянія.

Будучи сама высоко образованною, и при помощи Бецкаго удачно начавъ вводить образованіе въ темныхъ массахъ своего народа, Екатерина во всемъ шла по великимъ слѣдамъ Петра, а потому въ особенности заботилась объ имъ устроенной академіи. Императрица видѣла всю неурядицу этого средоточія просвѣщенія, и вполнѣ понимала корыстнаго, мелкаго и себялюбиваго Тауберта, главнѣйшаго виновника плачевнаго состоянія академіи, далеко не процвѣтавшей при фаворитскомъ управленіи К. Разумовскаго. Екатерина пишетъ: „Тожъ выкралъ (книги Брюса). Видно что у нихъ (въ академіи) безпорядица не менѣе какъ въ послѣдней воеводской канцеляріи; но таковыхъ воеводъ смѣняютъ нынѣ отчасти". Для поднятія значенія высшаго учебнаго и ученаго заведенія, Екатерина не жалѣетъ никакихъ средствъ и снова приглашаетъ знаменитаго Эйлера съ его сыновьями. „Я увѣрена—пишетъ государыня—что моя академія возродится изъ пепла отъ такого важнаго пріобрѣтенія, и заранѣе поздравляю себя съ тѣмъ, что возвратила Россіи этого великаго человѣка". — Прельщенная здравымъ сочиненіемъ Беккаріи, она хлопочетъ какъ бы привлечь его въ Россію; для себя лично она пріобрѣтаетъ библіотеку Дидро, и по этому поводу завязываетъ чрезвычайно оживленную переписку съ Даламберомъ. Но, подобно Петру, созна-

Digitized by Google

вая, что лучшими проводниками образованія могутъ быть одни лишь русскіе, она отправляетъ въ лейпцигскій университетъ 15 молодыхъ дворянъ, между которыми находился злосчастный впослѣдствіи Радищевъ. Для этихъ будущихъ образователей она собственноручно пишетъ инструкцію, заключающую предметы для обученія, присмотръ инспекторскій, порядокъ занятіямъ, разбирательство ссоръ и недоразумѣній между учащимися, покупку книгъ, составъ прислуги, отчетъ объ успѣхахъ. Содержаніе, по тогдашнему времени, назначено совершенно достаточное, сначала по 800, а впослѣдствіи по 1000 рублей на каждаго воспитанника. Но не во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ была полная удача. Инспекторомъ надъ молодыми дворянами былъ назначенъ жадный, злобный, вздорный и безтолковый Бакумъ, который не только дрался съ юношами, но нахально рапортовалъ о своихъ истязаніяхъ, и маскируя сбивчивостью недобросовѣстность своихъ запаздывавшихъ денежныхъ отчетовъ, успѣлъ присвоить себѣ до 20,000 р. изъ казенныхъ денегъ.

„Наказъ“, очень понятно, составлялъ гордость, любимое дѣтище Екатерины. Потому она пожелала передать его на критическое обсужденіе Вольтеру и Даламберу: при кажущемся смиреніи она искусно выставляла сама достоинства труда, такъ добросовѣстно позаимствованнаго у Монтескьё. Но опять-таки понимая, что ея законы предназначены для русскихъ, она сообщала свой „Наказъ“ для разсмотрѣнія многимъ изъ своихъ приближенныхъ. Въ Сборникѣ приведены сужденія Баскакова, Сумарокова и Бибикова: мнѣнія послѣдняго, хотя очень основательныя, остались безъ примѣчаній государыни.

Признавая необходимость тѣлесныхъ наказаній, Баскаковъ боится, что многіе проступки останутся безнаказанными, по протекціи или по привилегіямъ; на это императрица возражаетъ: „Сказано что всѣ подъ однимъ закономъ“. На замѣчаніе о примѣненіи пытокъ „въ необходимыхъ случаяхъ, которыя надобно означить именно“, Екатерина пишетъ: „О семъ слышать не можно, и казусъ не казусъ, гдѣ человѣчество страждетъ“. На совѣтъ, въ тяжкихъ преступленіяхъ обязать „выбирать судей изъ назначенныхъ правительствомъ многихъ къ тому особъ“, государыня рѣшаетъ: „Вѣдь не къ слѣдствію, но къ сентенціи выберутъ, а сіе одна формалитета“.

Самолюбивый Сумароковъ, желавшій прослыть русскимъ Вольтеромъ, выказалъ вполнѣ татарское настроеніе далеко уже не либеральными замѣчаніями о „Наказѣ“. Онъ возстаетъ противъ преимуществъ дарованныхъ депутатамъ, приводя причину, „что правосудію изъятія нѣтъ“. Екатерина пишетъ: „Сія работа (законодательная) требуетъ отмѣннаго ободряющаго духа“. Сумароковъ утверждаетъ, что боль-

Digitized by Google

шинство голосовъ истины не утверждаетъ; государыня пишетъ: „Большинство истину не утверждаетъ, а только показываетъ желаніе большинства". На требованіе Сумароковымъ кары законовъ ему отвѣчаетъ: „Изображеніе (воображеніе) въ поэтѣ работаетъ, а связи въ мысляхъ понять у него тяжело". Сумароковъ полагаетъ несправедливымъ наказывать дѣтей за проступки родителей, а ему въ отвѣтъ: „Остро сказано, а у насъ написано просто". Подобно почти всѣмъ своимъ современникамъ, Сумароковъ упрямо держится за крѣпостное право, какъ за крайнюю и неизбѣжную необходимость, чуть не какъ за обоюдное благо: „сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ". Екатерина лаконически приписываетъ: „Имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи". Въ заключеніе мудрствованій русскаго барина, императрица пишетъ: „Г. Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ".

„Наказъ" нѣсколько разъ переписывался подъ наблюденіемъ императрицы, которая его исправляла, измѣняла, дополняла, обогащала его собственноручными приписками. Такихъ отрывочныхъ списковъ приведено нѣсколько въ Сборникѣ.

Выписываемъ нѣсколько наиболѣе характеристическихъ статей:

64. «Надлежитъ чтобы законы, по колику возможно, предохраняли безопасность каждаго особаго гражданина».

65. «Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобъ быть всѣмъ подверженнымъ тѣмъ же законамъ».

72. «Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ».

75. «Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа происходящее отъ мнѣнія, что всякій изъ нихъ собственно наслаждается безопасностью».

260. «Великое злоупотребленіе есть, когда оно въ одно время и личное и существенное».

262. «Всякій человѣкъ долженъ имѣть пищу и одежду по своему состоянію».

263. «Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобъ рабы и въ старости и въ болѣзни не были оставлены».

264. «Надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ (рабовъ) жизни».

267. «Въ россійской Финляндіи выбранные 7 и 8 крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ о всякихъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный способъ можно бы употребить для уменьшенія домашней суровости помѣщика или слугъ имъ посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное».

270. «Благоразумно предостерегаться сколь возможно, чтобъ не сдѣлать законы страшными и ужасными».

278. «Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества, и привесть ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли купить сами себѣ свободу».

280. «Вразумительно всякому, что состояніе рабовъ больше должно имѣть выгодъ въ союзѣ гражданскомъ, нежели въ союзѣ государственномъ».

Въ Парижѣ, какъ извѣстно, французская цензура запретила „Наказъ", какъ книгу неблагонамѣренную и возмутительную.

Digitized by Google

Обнародованіи манифестъ отъ 14-го декабря 1766 г., приглашавшій подданныхъ объ избраніи депутатовъ въ Коммиссію Уложенія, императрица неослабно трудилась надъ такъ счастливо задуманнымъ великимъ дѣломъ. Сама составляла инструкціи для выборовъ, для губернаторовъ, для порядка открытія собранія и веденія преній; обозначала составъ разныхъ коммиссій и опредѣляла ихъ дѣятельность. Но ея ожиданія далеко не оправдались. Разнокалиберная толпа депутатовъ въ большинствѣ не была на уровнѣ своего положенія, и императрицѣ пришлось сказать: „Я имъ велѣла сдѣлать россійской имперіи законы, а они дѣлаютъ апологію моимъ качествамъ“. Скоро между депутатами обнаружилась рознь, духъ сепаратизма, и императрицѣ пришлось, напр. лифляндскимъ депутатамъ, давать предостереженія въ родѣ слѣдующаго: „Въ Лифляндіи стараются обратить учрежденіе въ тяжебное дѣло... Они подданные россійской имперіи, а я не лифляндская императрица, а всероссійская... Посмотрю какъ коммиссія не согласится: что сдѣлаютъ, все же то противно моему обряду“.

Еще передъ открытіемъ Коммиссіи Уложенія, Екатерина совершила путешествіе (отъ 26-го апрѣля до 16-го іюня 1767 г.) на востокъ, въ Казань и Симбирскъ, которое было несравненно полезнѣе тріумфальнаго шествія ея на югъ, 20 лѣтъ спустя. Письма императрицы къ Панину полны живыхъ впечатлѣній любознательной, наблюдательной и даже остроумной путешественницы. Извѣстно, что сердце ея не лежало къ Москвѣ, и о ней она отзывалась, что „до скуки многолюдна“; коснувшись внезапнаго отъѣзда въ монастырь Маріи-Терезіи, по случаю смерти ея мужа и столь же быстраго ея возвращенія въ Вѣну, императрица прибавляетъ: „у насъ на Москвѣ много есть подобныхъ барынь“. Возвратившись въ любимое Царское Село, Екатерина жалуется, что „проѣхала 29 дурныхъ станцій и дворцовъ, изъ которыхъ я не выключаю дворца первостоличнаго города; Петербургъ раемъ кажется въ разсужденіи Испагана (прозвище данное ею Москвѣ)“. Совершая путешествіе водою, государыня восхищалась красотою волжскихъ береговъ, богатствомъ прибрежныхъ селъ, азіатскимъ характеромъ Казани, гдѣ „мужики свѣчи давали“, чтобъ ставить передъ нею. Не ускользнула отъ ея вниманія тучная черноземная полоса, плодородіе края, которое невольно заставляло ее думать, почему же, съ самаго ея вступленія на престолъ, увеличивалась дороговизна на хлѣбъ и прочіе припасы.

Начало турецкой войны не представило составителямъ Сборника никакого объяснительнаго документа. И для императрицы она оказалась совершенно непредвидѣнною. Съ свойственнымъ ей усердіемъ она занялась составленіемъ проектовъ кампаніи, распредѣленіемъ

Digitized by Google

армій, устройствомъ флотиліи на Азовскомъ морѣ, отправкою флота изъ Кронштадта къ берегамъ Греціи. Понятно, что затѣмъ внѣшнія дѣла должны были значительно пріостановить и затормазить развитіе прежнихъ внутреннихъ предначертаній. Прежде всего пріостановилось дѣло Комиссіи Уложенія. Екатерина пишетъ Вольтеру: „Наши законы разработываются потихоньку. Справедливо что это дѣлается теперь дѣломъ второстепеннымъ... Работа надъ Уложеньемъ немного замедлилась отъ всѣхъ этихъ военныхъ дѣйствій".

Сравнительно съ X-мъ томомъ, томъ девятый Сборника представляетъ уже интересъ второстепенный. Въ немъ мы находимъ корреспонденцію изъ архива дворца въ Павловскѣ, переписку относительно несостоявшагося брака шведскаго короля съ великою княжною Александрою Павловною, письма Румянцова къ Панину, Чарторискаго къ Новосильцову, Апраксина, Салтыкова и Румянцова къ И. И. Шувалову.

Изъ Павловскаго архива заимствовано до 120-ти писемъ Екатерины II къ Павлу Петровичу и его супругѣ Маріи Ѳедоровнѣ. Одни изъ этихъ писемъ она писала во время своего путешествія въ Бѣлоруссію въ 1780 г., другія же, когда великій князь вмѣстѣ съ супругою путешествовали по Европѣ въ 1781—82 г. Императрица является тутъ передъ нами въ ея тѣсномъ, интимномъ, совершенно безыскуственномъ семейномъ кружку. Сколько простоты и задушевности въ этихъ неутомимыхъ посланіяхъ! Какая нѣжная заботливость ея о милыхъ внукахъ! Какъ ее тревожитъ малѣйшее замедленіе отъ нихъ извѣстій! Съ какою любовью она передаетъ все, что дѣлается съ сыновьями августѣйшей четы: она до малѣйшей подробности описываетъ ихъ жизнь, занятія, игры, развлеченія, недуги, ученье. Она посылаетъ путешествующимъ тетради, которыя она пишетъ для внуковъ; она препровождаетъ родителямъ книги, по которымъ учится ихъ старшій сынъ, ея возлюбленный внукъ Александръ. Не касаясь никогда политики, она наполняетъ свои письма шуточками, поговорками; живо рисуетъ мѣстности, которыя никогда не видала; рѣзко очерчиваетъ людей, народы, правленія; никогда не упускаетъ случая, чтобъ съ выгодной стороны противупоставить заграничнымъ мѣстностямъ свою Россію, свой Петербургъ, свое Царское Село, и всѣмъ этимъ гордится какъ своимъ произведеніемъ.

Переписка относительно несостоявшагося брака Густава-Адольфа IV съ великою княжною Александрою Павловною извлечена изъ семейнаго архива бароновъ Будбергъ. Собраніе заключаетъ 60 писемъ, приложеній и объяснительныхъ статей. Пробѣгая эту образцовую и талантливую переписку, невольно поражаешься, такъ-сказать, закономъ перспективы для каждаго историческаго факта. Всѣ эти цѣлыхъ 200 страницъ посвящены одному происшествію, которое въ общей

Digitized by Google

исторіи займетъ едва одну замѣтную строку, и въ спеціальномъ сочиненіи не болѣе какъ страницу. Переписка относится къ самому послѣднему году царствованія императрицы Екатерины. Государыня во многомъ уже измѣнила свои воззрѣнія и убѣжденія со времени французской революціи. Неожиданная и страшная катастрофа, постигшая монархію Лудовика XIV, особенно сильно поразила рыцарственнаго шведскаго короля Густава III, который сталъ даже собираться въ походъ противъ якобинцевъ. Екатерина ему сочувствовала, и потому задумала приблизить его къ себѣ родственными узами и охотно приняла предложеніе выдать свою внучку за его наслѣдника. Но другого рода катастрофа постигла и монархію Густава-Вазы: Анкерштромъ убилъ на балу Густава III, а за несовершеннолѣтняго его сына вступилъ въ управленіе его дядя, Карлъ Зюдерманландскій. Руководясь совѣтами своего любимца, министра Рейтерхольма, онъ сблизился съ республиканскою Франціею, обнаружилъ вражду къ Россіи, и желая разорвать съ нею всякую связь, объявилъ невѣстою молодого короля принцессу мекленбургскую. Екатерина, предвидѣвшая затрудненія въ Польшѣ и Турціи, старалась однако сохранить добрыя отношенія къ Швеціи, и не теряла надежды осуществить прежній планъ. Это чрезвычайно деликатное дѣло она поручила генералу Будбергу, который встрѣтилъ въ Стокгольмѣ всеобщую непріязнь, и лишь при помощи странствующаго швейцарца, могъ вліять на молодого короля, къ которому его не допускали. Только настойчивость и твердость русскаго посланника, значительныя вооруженія Россіи на финляндской границѣ, заставили регента и его министра согласиться на желаніе императрицы видѣть у себя въ Петербургѣ Густава IV. Дѣла приняли самый благопріятный оборотъ, какъ вдругъ молодой король объявилъ, что онъ не соглашается подписать условіе, по которому его будущая супруга должна оставаться въ православіи. Хотя Густавъ IV уѣхалъ и по пріѣздѣ предоставилъ духовному собранію обсужденіе религіознаго вопроса, но Екатерина съ необыкновенною настойчивостью продолжала руководить своего посла и поддерживала переговоры. Она скончалась 6-го ноября, а послѣ ея смерти переговоры были поручены хвастливому, опрометчивому Головкину, который своею поспѣшностью окончательно испортилъ все дѣло. Александра Павловна вышла замужъ за венгерскаго Палатина, а Густавъ IV женился на принцессѣ баденской, сестрѣ Елизаветы Алексѣевны, супруги императора Александра Павловича.

Переписка Румянцова съ Н. И. Панинымъ касается, во-первыхъ, пограничной службы въ Малороссіи, отъ Кубани до Днѣстра, а во-вторыхъ, событій турецкой войны въ 1771-мъ году.

Три письма прежняго любимца императора Александра I, Чар-

Digitized by Google

торискаго къ Новосильцеву, относятся къ знаменитому періоду отъ изгнанія французовъ изъ Россіи до взятія Парижа. Они наполнены желаніемъ возстановленія Польши въ прежнихъ ея границахъ и ненависти къ хитрой, недобросовѣстной и недальновидной политикѣ Меттерниха. Любопытно сужденіе Чарторискаго объ Аракчеевѣ: „Отличный человѣкъ, съ которымъ легко работается; онъ очень порядочный человѣкъ, съ которымъ, несмотря на манеры, очень пріятно имѣть дѣло.“

Въ заключеніе, упомянемъ переписку съ И. И. Шуваловымъ, во время семилѣтней войны, главнѣйшихъ русскихъ полководцевъ. Апраксинъ подобострастно заискиваетъ у сильнаго временщика, особенно, когда, по милости Бестужева, онъ попалъ въ бѣду послѣ своей побѣды надъ пруссаками при Эгерисдорфѣ. Несравненно оригинальнѣе и поучительнѣе извѣстія Салтыкова, который жестоко и не безъ юмора караетъ нашихъ союзниковъ австрійцевъ: „Г. Даунъ чудный человѣкъ; изволите усмотрѣть изъ журнала: хотѣлъ удержать принца Генриха—того пропустилъ; короля побить подшедъ—пошолъ прочь, и что день то вѣсти; своими маршами и контрмаршами не только все лѣто туне пропустилъ, но и королю прусскому свободныя руки оставилъ... Г. Лаудонъ человѣкъ честный и храбрый, да сколько они намъ помогли, такъ и безъ нихъ то же было, да у нихъ Лаудоновъ мало... А мы наги и босы. У насъ надобенъ командиръ чужестранный.“— Въ такомъ же почти тонѣ написаны умныя письма П. А. Румянцова.

Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. *А. фонъ-Фрикенъ*. Москва, 1872, 189 стр.

По крайнему недостатку памятниковъ первоначальнаго развитія христіанства до Константина Великаго, необыкновенный интересъ представляетъ всякая попытка связать это важное міровое событіе съ общимъ ходомъ исторіи человѣчества, и нельзя не согласиться съ авторомъ, что „памятники искусства, которые вообще гораздо труднѣе впослѣдствіи измѣнить или поддѣлать съ какой бы то ни было цѣлью, чѣмъ памятники литературы, остаются самыми надежными свидѣтелями, самыми вѣрными представителями времени и общества, которыя ихъ создали“.

Признавая несомнѣнное вліяніе природы на характеръ вѣрованій, авторъ объясняетъ упадокъ классическаго искусства вліяніемъ вычурнаго, трансцендентальнаго Востока, развившаго въ Константинополѣ строгій и сухой пошибъ византизма. Къ этому присоединяется и другое важное обстоятельство, ниже приводимое самимъ авторомъ,

Digitized by Google

что съ IV-го вѣка усиливается среди христіанства новый элементъ аскетизма, который, подобно своему первообразу, іудаизму, проникнувшись односторонностью и неподатливостью крайняго ригоризма, сталъ усиленно возставать противъ всего языческаго, не щадя никакихъ его дѣйствительно высокихъ, изящныхъ, образцовыхъ произведеній. Такимъ гоненіемъ всего прошлаго объясняется вполнѣ распространеніе суроваго византизма въ Италіи и въ франкогерманскомъ мірѣ, разумѣется, съ своеобразными оттѣнками и особенностями, которыя такъ рѣзко отличаютъ подвижной Западъ отъ неподвижнаго Востока. Этотъ послѣдній, въ продолженіе многихъ вѣковъ, испыталъ столько иновѣрческихъ нашествій и завоеваній, что памятники искусства первобытнаго христіанства почти всѣ утратились или исказились, и требуютъ почти коренного возстановленія. Западъ, въ свою очередь вынесшій четырехъ-вѣковой погромъ нашествія варваровъ, скорѣе пришелъ въ себя, а потому самому скорѣе и легче могъ реставрировать многіе остатки прошлаго, тѣмъ легче, что самое число такихъ памятниковъ было несравненно многочисленнѣе.

А. фонъ-Фрикенъ, пользуясь преимущественно трудами Джіована Батиста Росси и его брата Микель-Стефано, добросовѣстно разработалъ важный вопросъ о римскихъ катакомбахъ, Колумбомъ которыхъ былъ ученый и пытливый Антоніо Бозіо (1576—1630), удачно приложившій аналитическій и сравнительный методы къ изученію памятниковъ первыхъ вѣковъ христіанства.

Катакомбы или пещеры, задолго до историческихъ временъ бывшія жилищемъ еще неразвитаго и неустановившагося человѣка, также съ незапамятныхъ временъ служили мѣстомъ погребенія для покойниковъ. Отъ этрусковъ обычай хоронить въ подземельяхъ перешелъ въ древній Римъ, гдѣ позже подъ вліяніемъ грековъ стали сожигать трупы, не покидая впрочемъ праотеческаго способа ни для отдѣльныхъ лицъ, ни для многихъ провинціальныхъ общинъ. Къ концу республики, а особенно во времена имперіи, по мѣрѣ сближенія съ инородцами, погребеніе въ землѣ дѣлалось всеобщнѣе. Вѣротерпимость римлянъ такъ была широка, что не только они дозволяли разнымъ культамъ исполнять свои обряды, но не колебались чуждыхъ боговъ помѣщать среди своихъ божествъ, лишь бы иновѣрческія сборища не имѣли политическаго характера, клонящагося ко вреду государственнаго строя.

Іудеи, начавшіе селиться въ Римѣ со временъ возвращенія Помпея изъ Азіи, исполняли свои обряды и имѣли свои криптъ для умершихъ. Христіане, долго съ ними смѣшиваемые, а потомъ считавшіеся расколомъ іудаизма, гораздо быстрѣе умножались, пріобрѣтая послѣдователей не только между массою рабовъ и низшаго класса, но

Digitized by Google

между знатными матронами, нерѣдко пронося свое ученіе во дворцы цезарей. Исполняя свои обряды наравнѣ съ другими, они имѣли кладбища, которыя считали мѣстомъ успокоенія въ ожиданіи призванія къ лучшей, вѣчной жизни. Потому они всегда искали удаленія отъ язычниковъ и заботились, чтобъ каждый усопшій имѣлъ свое особенное покоище. Мавзолей или гробница частнаго достаточнаго лица служила исходомъ усыпальницы. Лѣстница вела въ подземелье, гдѣ вырывались въ мягкой почвѣ галлереи, пересѣкавшіяся подъ прямыми углами, съ высѣченными гробницами по бокамъ въ нѣсколько ярусовъ, закрытыми плитою съ надписями и символическими знаками. На перекресткахъ находились болѣе пространныя камеры, которыя покрывались фресками символическаго содержанія. Тутъ же помѣщалась гробница мученика, надъ которою совершалось священнодѣйствіе. Отдушины (luminaria) возобновляли спертый воздухъ, но давали мало свѣта, который замѣнялся лампадами, особенно умножавшимися во время торжествъ или обычныхъ служеній. Эти усыпальницы, разбросанныя за чертою Рима въ числѣ болѣе 40-ка, на протяженіи слишкомъ 800 верстъ, нерѣдко въ два-три яруса, изрѣдка сообщаясь другъ съ другомъ, вовсе не были унаслѣдованы отъ другихъ культовъ, какъ то полагали протестантскіе ученые, а всѣ были прорыты самими христіанами въ продолженіе почти цѣлыхъ трехъ вѣковъ. Чѣмъ древнѣе катакомба, тѣмъ фрески и изваянія ближе къ классическому стилю, отъ котораго заимствовались изображенія и аттрибуты. Наравнѣ съ прочими иновѣрцами находясь подъ контролемъ римской администраціи, христіане пользовались совершенною неприкосновенностью своихъ усыпальницъ, до которыхъ долго не касались преслѣдователи новаго ученія. Первое систематическое гоненіе поднялъ Траянъ, который въ христіанахъ увидалъ тайное общество, непокорное и враждебное существующему правительству. Но все-таки его преслѣдованія не касались катакомбъ, гдѣ христіане продолжали собираться надъ костями мучениковъ въ камерахъ, которыя все болѣе и болѣе принимали характеръ церквей, а потому старательно и великолѣпно украшались фресками и изваяніями. Александръ Северъ, поощряемый своею матерью, дозволилъ христіанамъ строить наружные храмы. Но послѣ краткаго періода свободы наступило время жестокаго гоненія Деція, а по указу Валеріана началось преслѣдованіе въ самыхъ катакомбахъ. Всего жесточе было десятилѣтнее ожесточенное гоненіе при Діоклеціанѣ. Въ эту годину скорби христіане, не имѣя уже наружныхъ входовъ, потаенно спускались въ катакомбы, заваливали мусоромъ изъ вновь вырываемыхъ нижнихъ галлерей, нерѣдко встрѣчаясь съ чуждыми подземельями, откуда попадали предметы чуж-

Digitized by Google

дыхъ вѣрованій, такъ озадачивавшихъ изслѣдователей этой первобытной древности христіанства. Но и въ этотъ скорбный періодъ христіане проникали въ катакомбы для погребенія мучениковъ и умершихъ, равно какъ для общенія и богослуженія. Константинъ Великій положилъ конецъ этому времени тяжкихъ и кровавыхъ испытаній. Надъ гробницами мучениковъ стали сооружаться церкви (basilicæ) и часовни (cellæ); кости мучениковъ стали выноситься изъ катакомбъ, которыя все болѣе и болѣе стали приходить въ запустѣніе, а покойниковъ начали класть въ погостахъ вокругъ церквей. Позже разоренія Алариха, Гензериха, готовъ при Юстиніанѣ, лонгобардовъ въ VIII-мъ столѣтіи окончательно заставили забыть древнія убѣжища христіанъ, и катакомбы случайно были открыты вновь монахами въ XIV-мъ столѣтіи.

А. фонъ-Фрикенъ обѣщаетъ вторую часть своего весьма интереснаго труда, намѣреваясь въ ней объяснить религіозныя изображенія, символы и надписи первыхъ христіанъ, и изслѣдовать составленіе главныхъ типовъ и исторіи христіанскаго искусства съ появленія его въ катакомбахъ до окончательнаго преобразованія въ византійскій стиль.

Корабль Ретвизанъ. Годъ въ Европѣ и на европейскихъ моряхъ. Путевыя впечатлѣнія и воспоминанія, *Д. В. Григоровича.* Спб., 1873.

Нѣтъ ничего труднѣе какъ описывать край многоизвѣстный, хотя бы по слуху; къ тому все избитое надо передать такъ, чтобъ возбудить дѣйствительный интересъ въ читателяхъ. Самъ знаешь хорошо, что не откроешь Америки, а все-таки приходится занимать и назидать почтеннѣйшую публику. Впрочемъ, наша литература, нуждающаяся во многихъ дѣльныхъ и капитальныхъ сочиненіяхъ, пожалуй, можетъ (большею частью въ переводахъ) представить кое-какія и даже удовлетворительныя описанія далекихъ, неизвѣстныхъ, совершенно чуждыхъ для насъ странъ; за то почти ничего нѣтъ дѣльнаго и руководящаго для ознакомленія съ Европою, такъ что приходится ограничиваться дорожниками, и опять переводными, и очень немногими сочиненіями, такъ что волей-неволей мы должны привѣтствовать трудъ Д. В. Григоровича, пятнадцать лѣтъ тому назадъ совершившаго плаваніе по европейскимъ морямъ изъ Кронштадта въ Ниццу.

Не разъ замѣчалось, что русскіе какъ-то не умѣютъ путешествовать (все мерещится, какъ гр. Соллогубъ приводилъ, ѣзда изъ Казани въ Мордасы), увлекаясь старинною заботою о пресыщеніи мамона, такъ что среди плѣнительнѣйшей обстановки благодушный

Digitized by Google

россіянинъ инстинктивно и неудержимо взываетъ: „Господа, вспомните, что мы сегодня не завтракали. Нечего ждать пріѣзда пассажировъ; надо на просторѣ спѣшить избавить себя отъ такой опасной конкурренціи; начнутъ ѣсть—намъ меньше останется! Пойдемте-ко въ буфетъ и распорядимся заблаговременно"... Къ животной жизни мы привыкли какъ медвѣдь къ спячкѣ, и она идетъ поперегъ всѣхъ нашихъ самыхъ благихъ и искреннихъ начинаній. А тутъ глядишь, только-что заблагодушествовался въ какой-нибудь каширской глуши, вдругъ какъ снѣгъ на голову летитъ приглашеніе отправиться странствовать по морямъ Европы, да еще насчетъ морского вѣдомства. Стряхнувши сонливую апатію, вваливаешься въ тарантасъ, пересаживаешься на чугунку, летишь въ Питеръ, въ Кронштадтъ, посѣщаешь на разставаніи знакомыхъ и друзей, второпяхъ накупаешь бѣлья, платья, бездѣлушекъ, гидовъ, картъ, книгъ и всякой дряни,—и вотъ подготовка окончена: пары разведены и лихой „Ретвизанъ" уноситъ отъ родимыхъ береговъ, и остается лишь благодушествовать! Вотъ причина, почему большинство нашихъ туристовъ, фланеровъ, кругосвѣтныхъ плавателей, вообще путешественниковъ, надѣляющихъ почти равнодушную публику своими *впечатлѣніями* и *воспоминаніями*, настойчиво остаются чисто субъективными, а встрѣчающіеся предметы, мимо идущихъ людей, схватываютъ исключительно съ ихъ объективной стороны. Повидимому, все въ этихъ словоизверженіяхъ и ладно, и складно, есть мысли и картины, а какъ пообдумаете все хорошенько, и убѣдитесь, что самой-то жизни и недостаетъ. Не будь прописано, что „Ретвизанъ" плавалъ въ 1858 году, по ходу разсказа вамъ и въ голову не пришло бы это обстоятельство: нигдѣ не подмѣчено ни политическаго настроенія, ни общественнаго движенія, ни оттѣнковъ жизни разныхъ народностей, встрѣчавшихся на пути.

Пока волны непривѣтливой и далеко невзрачной Балтики раскачиваютъ военный пароходъ, присяжный туристъ присматривается къ экипажу, снующему сверху внизъ и снизу вверхъ, и приходитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ: «На кораблѣ прежде всего васъ поражаетъ полнѣйшее отсутствіе той узкой, оскорбляющей человѣческое достоинство дисциплины, которая требуетъ безусловнаго уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, совершеннаго оцѣпенѣнія младшаго передъ старшимъ... Русскій же матросъ есть существо соединяющее въ себѣ силу буйвола, ловкость обезьяны, живучесть кошки и терпѣніе русскаго простолюдина... нѣтъ, мало этого, терпѣніе матроса». Все это пожалуй прекрасно; а между тѣмъ вы только мелькомъ видите лица, и напрасно силитесь схватить общій колоритъ картины, которая остается безъ тѣней и безъ перспективы.

Digitized by Google

Напрасно вы ждете чего-нибудь солиднаго при посѣщеніи Гамбурга (все-таки первостатейнаго морского центра мало-мореплавательной Германіи), который охарактеризованъ, какъ „расплывшійся отъ богатства и жиру лавочникъ, у котораго отецъ нѣмецъ, а мать жидовка...“ Бури и непогода уносятъ „Ретвизанъ“ отъ береговъ Англіи, заставляя его укрыться на продолжительную стоянку въ Брестѣ, этомъ второмъ средоточіи морскихъ силъ, мореплаванія и жизни каторжныхъ во Франціи. Все это минуется, и благодушный россіянинъ спѣшитъ въ водоворотъ парижскихъ наслажденій, въ концѣ концовъ заставляющихъ высказать задушевную исповѣдь: „живешь—бранишь Парижъ не на животъ, а на смерть, а уѣхать не хочется“.

Испанія такъ непохожа на остальную Европу и по климату, и по производительности, и по характеру жителей, — она невольно пробуждаетъ какой-то ошеломляющій, опьяняющій восторгъ, близкій къ галлюцинаціямъ. Самостоятельность, энергія, вѣжливость и гостепріимство испанца, никогда не знавшаго рабства, сердечно располагаютъ васъ къ этому своеобразному, но далеко неразвитому народу. Женщины сводятъ съума своимъ неподражаемымъ кокетствомъ, еще болѣе поражаютъ васъ своею обходительностью и совершенною свободою дѣйствій. „Нѣтъ ничего предосудительнаго заговорить съ незнакомымъ мужчиною. Это объясняется свободой, которою пользуются женщины; объясняется также простотою нравовъ и непринужденностью, существующею въ отношеніяхъ между обоими полами. Приторная стыдливость, мѣшающая называть вещи и чувства настоящимъ именемъ, жеманство и кривляніе замѣняются здѣсь самою простодушною, естественною откровенностью“.

Насилу вырвавшись изъ соблазнительныхъ впечатлѣній пламенной Андалузіи, гдѣ простота нравовъ не помѣшала, въ силу вещей и желѣзныхъ дорогъ, прадѣдовскому ханжеству преобразиться въ полный индифферентизмъ, Д. В. Григоровичъ спѣшитъ въ Ниццу, гдѣ попадаетъ въ среду соотечественниковъ, которые не прочь на чуждой почвѣ устроить свой клубъ, который, конечно, скандально разстроивается, благодаря манерности и неуступчивости дамъ-основательницъ: «Люди лѣзутъ изъ кожи и платятъ большія деньги, чтобъ вырваться какъ-нибудь изъ Морской и Малой Конюшенной, и достигнувъ такой цѣли, т.-е. пріѣхавъ сюда (въ Ниццу) напримѣръ, снова хлопочутъ и даютъ деньги, чтобъ вновь осуществить Морскую и Малую Конюшенную“.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Литературная дѣятельность во время французской революціи.

Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution 1789 — 1794. Zur Culturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts, von *Ferdinand Lotheissen*. Wien, Carl Gerold's Sohn, 1872. (Литература и общество во Франціи во время революціи 1789—1794. Соч. *Фердинанда Лотхейссена*).

Книга Лотхейссена даетъ весьма интересное и занимательное чтеніе, и несмотря на то, что нѣкоторая часть ея являлась въ формѣ фельетоновъ въ вѣнской газетѣ „Neue Freie Presse", она не лишена научнаго значенія. Въ нѣмецкой литературѣ есть только два важныхъ сочиненія, касающіяся французской литературы революціоннаго времени, но одно изъ нихъ—Гетнера—служитъ лишь введеніемъ въ революціонную литературу, а другое — Юліана Шмидта—говоритъ объ этой литературѣ лишь въ введеніи къ главному предмету, о которомъ пишетъ авторъ. Во Франціи литературная исторія революціи отлично обработана Марономъ, но въ этой исторіи литературные факты разсматриваются безотносительно къ политической дѣятельности страны. Лотхейссенъ полагаетъ, напротивъ, что въ описаніи столь бурнаго времени, какъ французская революція, исторію литературы необходимо связывать съ исторіей культуры вообще. И въ его „культурномъ очеркѣ" литература дѣйствительно излагается совокупно съ политическими и общественными фактами. Лотхейссенъ разсматриваетъ литературу во всѣхъ ея видахъ и слѣдитъ за вліяніемъ ея на всѣхъ поприщахъ политической и общественной жизни: онъ проникаетъ и на трибуну представительныхъ собраній того времени, и въ театръ, и въ редакціи газетъ, и въ тюрьмы, прислушивается къ пѣснямъ въ народныхъ сборищахъ, въ полкахъ, ищетъ идеаловъ въ тогдашней наукѣ и поэзіи. Всѣ эти розыски и изслѣдованія автора даютъ въ концѣ концовъ весьма любопытную характеристику революціоннаго періода, насколько періодъ этотъ отражался въ тогдашней литературѣ.

Въ то время живой политической жизни французская литература была захвачена врасплохъ: въ ней не выработались еще политическіе нравы, она не понимала своего политическаго значенія и не

Digitized by Google

умѣла приводить къ благополучному примирительному исходу разные вопросы, которые ждали рѣшенія на политической аренѣ. Абсолютизмъ французскихъ Бурбоновъ до-революціоннаго періода нисколько не способствовалъ развитію въ литературныхъ дѣятеляхъ чувства свободы и независимости, которое одно способно сдерживать ихъ, съ одной стороны—отъ излишнихъ увлеченій своими идеалами, а съ другой—отъ рабской и покорной услужливости передъ политическою силою дня; напротивъ, французскіе короли надѣялись держать всю періодическую литературу въ своихъ рукахъ. Штурмъ Бастиліи 14-го іюля 1789 года считается началомъ французской революціи. Печать пріобрѣла свободу, но, неприготовленная прежними порядками и прежнею политическою жизнью къ новому положенію, она и на свободѣ осталась такою же рабою ежедневной политики, какою была прежде, съ тою только разницею, что при прежнемъ режимѣ она должна была служить произволу правительства, а теперь стала слѣпымъ орудіемъ партій и личныхъ честолюбій. Такъ какъ абсолютизмъ налагалъ свою тяжелую руку на всѣ поприща жизни, то и литературная дѣятельность, во всѣхъ ея видахъ, приняла одинъ и тотъ же оппозиціонный, воинственный, агитирующій характеръ: вездѣ литература являлась орудіемъ возбужденія страстей, а не примиренія противоположныхъ воззрѣній.

Но не одно непосредственное правительственное давленіе только развивало въ литературныхъ дѣятеляхъ сильную злобу и раздраженіе противъ существовавшаго порядка вещей, а весь вообще государственный строй, который находился въ полномъ распаденіи. Несмотря на свое историческое право, на поддержаніе принципа: „государство—это я“, самъ король на дѣлѣ былъ безъ власти. Хотя короля и окружалъ ослѣпительный блескъ раболѣпнаго двора, хотя въ самомъ управленіи все держалось старыхъ формъ, но духъ въ обществѣ былъ уже не тотъ, и даже въ кружкáхъ самой аристократіи и высшаго чиновничества стала проникать политическая философія совсѣмъ иного рода. Правда, отъ времени до времени сажали въ Бастилію безъ суда и слѣдствія, и почти наканунѣ революціи одинъ несчастный поплатился своею головою за то, что выставилъ на углахъ улицъ пасквиль на короля; — но это были, — говоритъ Лотхейссенъ — „послѣднія судороги умиравшей власти, которая даже въ своихъ высшихъ исполнителяхъ не имѣла болѣе вѣрной опоры“. Лудовикъ XVI былъ король слабый, и потому, несмотря на свою добрую волю, не могъ улучшить положенія королевской власти, достаточно скомпрометтированной его предшественниками, правленіемъ которыхъ руководила прихоть какой-нибудь Помпадуръ или

Digitized by Google

Дюбарри. Людовикъ XVI-й былъ тоже игрушкою разныхъ временщиковъ.

Однако кризисъ можно было бы разрѣшить и мирнымъ, не-революціоннымъ путемъ, какъ разрѣшился онъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ въ Англіи, гдѣ высшіе классы серьезнѣе смотрѣли на политическую жизнь своей страны и усердно заботились о благосостояніи и правахъ всего народа. Во Франціи, напротивъ, какъ аристократія, такъ и духовенство хлопотали только о сохраненіи своихъ привилегій и, ради этихъ привилегій, раболѣпствовали передъ администраціей, нисколько не думая о голодавшихъ въ то время и стонавшихъ подъ тяжестью налоговъ и повинностей народныхъ массахъ.

Между тѣмъ, средній классъ, который одинъ заключалъ въ себѣ здоровыя силы, все болѣе и болѣе выступалъ на политическую арену, поучаясь у тогдашнихъ философовъ разнымъ теоріямъ государственной жизни. Самъ средній классъ постепенно разростался, и ко времени революціи въ него входило уже все низшее дворянство, судебное сословіе и вся буржуазія. Благодаря этому классу людей и безпечности аристократіи и духовенства, могла создаться вліятельная литература XVIII-го вѣка. Когда Монтескьё въ своемъ „Духѣ Законовъ“ указалъ на англійскую конституцію, это показалось почти дерзостью въ тогдашнихъ правительственныхъ сферахъ, но авторъ нашелъ тѣмъ не менѣе горячихъ приверженцевъ. За Монтескьё слѣдовалъ Вольтеръ, который, впрочемъ, какъ придворный, мало нападалъ на абсолютизмъ, но его нападки на церковь и на господствовавшія среди нея суевѣрія произвели несомнѣнно важный переворотъ въ воззрѣніяхъ общества на свои отношенія къ духовенству. Энциклопедисты шли еще далѣе въ своихъ нападеніяхъ на господствовавшія религіи. Другіе занимались теоріей лучшаго государственнаго устройства и вопросомъ объ уничтоженіи всевозможныхъ административныхъ злоупотребленій, или улучшеніемъ финансовъ, либо поднятіемъ нравственнаго уровня народныхъ массъ. Вскорѣ со всѣхъ сторонъ стали раздаваться крики, требовавшіе реформъ. Начиная съ короля и до послѣдняго гражданина, всѣ проникались убѣжденіемъ, что что-нибудь сдѣлать нужно, а между тѣмъ правительство все медлило и колебалось, а общество распадалось все болѣе рѣзкимъ образомъ на разныя партіи съ болѣе или менѣе опредѣленною программою. Развитію страстнаго духа въ литературѣ особенно способствовало появленіе на сцену ярыхъ защитниковъ монархическаго абсолютизма, которые пользовались покровительствомъ властей. Весьма интереснымъ явленіемъ среди этихъ защитниковъ былъ нѣкто Лэнгé (Linguet), основавшій свою газету въ 1774-мъ году. Это былъ человѣкъ не безъ дарованій, но онъ ненавидѣлъ

Digitized by Google

общество, въ которомъ жилъ, и потому его лучшимъ наслажденіемъ было разбивать и уничтожать всѣ любимыя идеи либеральныхъ современниковъ. Онъ ратовалъ и противъ Монтескьё, и противъ Вольтера, и противъ энциклопедистовъ. Въ своей „Теоріи гражданскихъ законовъ“ онъ доказываетъ, что безъ крѣпостного права, безъ рѣзко раздѣленныхъ классовъ не можетъ существовать ни одно государство, что такъ ужъ самимъ Богомъ положено, чтобы одни люди были свободными господами, которымъ можно наслаждаться жизнью, и чтобы другіе были крѣпостными первыхъ и трудились для ихъ благоденствія. Крѣпостное право, увѣрялъ онъ—необходимое зло. Отправляясь съ этой точки зрѣнія, Лэнгé въ политическомъ устройствѣ страны надѣлялъ короля ничѣмъ неограниченною властью. Король, по его мнѣнію, владѣетъ народомъ на томъ же самомъ правѣ, на какомъ его подданные владѣютъ своими полями и скотомъ. Только одинъ деспотизмъ приноситъ счастіе народамъ, ибо только при деспотизмѣ возможно истинное равенство гражданъ. Лэнгé и слышать не хочетъ о конституціонномъ устройствѣ, и клянетъ всѣ ученія о живомъ участіи народа въ законодательствѣ и администраціи. Всѣхъ, кто несогласенъ съ его мнѣніемъ, Лэнге обвинялъ въ государственной измѣнѣ и предлагалъ ихъ заточать въ Бастилію; но такъ какъ онъ въ то же время самъ иногда производилъ жестокіе нападки на министровъ, то въ концѣ концовъ самъ попалъ въ Бастилію.

Само собою разумѣется, что писатели противоположнаго лагеря, раздражаемые, сверхъ того, постоянными преслѣдованіями, не оставались въ долгу и рыли яму не только абсолютизму, но монархіи вообще, и даже всякому прочному порядку вещей.

Правительство, между тѣмъ, не съумѣло встать во главѣ реформистскаго движенія; въ его политикѣ не было никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ: оно готово было отмѣнить крѣпостное право, но не знало, какимъ путемъ идти потомъ. Общество требовало полнаго обновленія, и только полное обновленіе могло удовлетворить его и возбудить въ немъ преданность къ династіи, но правительство шло на уступки лишь съ заднею мыслью снова возстановить деспотизмъ при первомъ удобномъ случаѣ. Отсюда безпрестанныя колебанія. Одинъ изъ крупныхъ публицистовъ этого времени, Малле-дю-Панъ, пишетъ объ этихъ колебаніяхъ въ декабрѣ 1788 года въ своемъ дневникѣ: „Со дня на день мѣняются въ Версалѣ система и идеи о политикѣ. Ни правилъ, ни принциповъ. Солнце освѣщаетъ каждые три дня новый взглядъ въ Версалѣ. Тревоги, слабости, полная неспособность“.

Однако, вскорѣ, когда всѣ реакціонерныя средства истощились и удержать новое движеніе или повернуть его вспять оказалось не-

Digitized by Google

возможнымъ, пришлось-таки обратиться къ народу; но это обращеніе было сдѣлано столь поспѣшно, что когда депутаты отъ разныхъ сословій собрались въ общее собраніе, то они не нашли никакой правительственной программы, и имъ самимъ пришлось составить программу своей дѣятельности. Вотъ почему, когда въ маѣ 1789 года чины провозгласили себя учредительнымъ собраніемъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ открыли путь революціи. Въ іюлѣ была разрушена Бастилія, а за нею пошло разрушеніе и другихъ привилегій королевской власти. Литература вдругъ стала могущественнымъ орудіемъ политической агитаціи: въ ней, какъ и во всемъ, отразились какъ въ зеркалѣ всѣ добрыя и дурныя наклонности тогдашняго общества: съ одной стороны — одушевленіе и самоотверженіе, съ другой — страсть къ наслажденіямъ и ненависть къ людямъ. Идеалы, которые выставляла революція въ рѣчахъ Мирабо и сочиненіяхъ Вольнея и Кондорсѣ, плохо вязались съ практическою дѣятельностью тогдашней литературы.

Вольней видитъ въ невѣжествѣ и корыстолюбіи двухъ главныхъ враговъ человѣчества, и потому ставитъ главной задачей революціи борьбу противъ этихъ деморализующихъ вліяній. Подобно Кондорсѣ, онъ вѣритъ въ нравственное совершенствованіе людей и говоритъ во имя блага всего человѣчества. Кондорсѣ тоже мечтаетъ о подготовленіи человѣческаго рода къ высшему существованію. Даже преслѣдуемый своими политическими врагами и приговоренный къ смерти, онъ продолжалъ вѣрить, что настанутъ лучшія времена для человѣчества, такъ какъ человѣческой натурѣ присуща любовь къ ближнему. Скрываясь отъ своихъ гонителей, онъ пишетъ въ своемъ жалкомъ убѣжищѣ „Историческую картину развитія человѣческаго духа“, гдѣ съ исторіей въ рукахъ авторъ доказываетъ непрерывный прогрессъ цивилизаціи и затѣмъ набрасываетъ очеркъ будущей счастливой жизни на земномъ шарѣ. Онъ предвидитъ возможность равномѣрнаго распространенія образованія и культуры по всѣмъ странамъ свѣта; тогда исчезнетъ всякое зависимое состояніе, униженіе и бѣдность, и люди будутъ настолько просвѣщены, что станутъ жить согласно съ требованіями разума, а глупость и нищета, составляющія теперь обычное состояніе, въ которомъ живетъ теперь бо́льшая часть человѣчества, будутъ лишь случайностями. Кондорсѣ предвѣщалъ широкое развитіе науки, облагороженіе нравственности и увеличеніе духовныхъ силъ человѣка. Кондорсѣ и Вольней — оба чуждаются всякой военной славы; сама жизнь людей въ обществѣ должна пріобрѣсть въ будущемъ бо́льшую безопасность и продолжительность.

Вотъ какъ высоко мечтали революціонные идеалисты о способности людей къ нравственному совершенствованію, и эти ихъ мысли

Digitized by Google

очень часто раздавались во всей періодической литературѣ того времени, но только средства къ осуществленію этихъ мыслей были совсѣмъ иного рода. Эти средства были все тѣ же жалкія средства прежняго деспотизма: декреты и насилія.

Періодическая литература пріобрѣла во время революціи быстрое и громадное развитіе: въ короткій періодъ, четырехъ лѣтъ (1789 по 1793), было основано болѣе тысячи газетъ,—въ одномъ Парижѣ насчитывали около 1790 года до 64-хъ газетъ; правда, всѣ онѣ издавались не въ нынѣшнихъ размѣрахъ, а по бо́льшей части въ четвертъ или въ восьмую долю листа, но цифра ихъ все-таки весьма значительная, особенно для того времени. До революціи агитація велась обыкновенно брошюрами, но послѣ брошюрная пропаганда ослабѣваетъ, и все бросается въ газетную дѣятельность. Сама газетная литература дѣлается вскорѣ воспитательницею особаго разряда писателей, которые въ концѣ концовъ низвели ее на самую низшую степень образованности, честности и таланта. Даже Мара (Marat) въ своемъ „Другѣ народа“ жаловался на этихъ людей, „которые поступили бы лучше, еслибы ходили во главѣ нищихъ къ національному собранію побуждать его заботиться по крайней мѣрѣ о хлѣбѣ послѣ того, какъ оно лишило нуждающихся всякаго имущества, ради удовлетворенія піявокъ государства“. Съ тѣмъ же ожесточеніемъ говоритъ о скудоуміи и нравственной распущенности литераторовъ того времени другой крупный современный писатель — Малле-дю-Панъ. „Это не сословіе — пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ—это безпорядочная голодная масса, въ которой только немногіе пользовались хорошимъ матеріальнымъ положеніемъ, а большинство же погибало въ нищетѣ.“ „Парижъ кишилъ писаками, приказчиками, адвокатами, солдатами“, которые всѣ лѣзли въ литераторы и едва не умирая съ голоду, не стыдились нищенствовать, но все-таки писали брошюры.

Въ политическомъ отношеніи вообще, пресса раздѣлилась тогда на двѣ большія партіи: монархическую и республиканскую. Попытка образовать среднюю партію не удалась, и пресса, съ какою вели свою борьбу республиканцы и монархисты, становилась все сильнѣе и распространялась все шире. Не въ газетной литературѣ только шла эта борьба: она шла вездѣ—и въ частной жизни, и въ общественной, и съ каѳедръ и съ трибунъ, и на театральныхъ подмосткахъ, и на уличныхъ мостовыхъ. „Ожесточеннѣе этой борьбы никогда нигдѣ не было; пресса, разумѣется, не только вовлеклась въ нее, но еще, въ силу тогдашняго положенія вещей, должна была раздувать еще больше пламя всеобщаго озлобленія. То, что дѣлало устное слово въ собраніяхъ и на политическихъ сходкахъ, то самое тво-

Digitized by Google

рила пресса, печатное слово, въ каждомъ городѣ, въ каждой общинѣ, въ каждомъ домѣ всей страны“ (стр. 82).

Республиканская пресса имѣла сначала многія преимущества передъ ройялистскою. Сначала она держала себя умѣреннѣе послѣдней, такъ какъ именно ройялисты первые стали требовать „головъ“ для возстановленія порядка. Самая видная изъ монархическихъ газетъ называлась въ шутку: „Дѣянія Апостоловъ“ (Actes des Apôtres), такъ какъ подъ апостолами разумѣлись „апостолы новой свободы.“ Монархисты не хотѣли уступить ничего и отвѣчали на всѣ требованія республиканцевъ остротами и сарказмами. Сотрудники „Actes des Apôtres“ столь легко относились къ своему дѣлу, что составляли свой журналъ въ одномъ изъ Пале-рояльскихъ ресторановъ. Тамъ, подъ вліяніемъ возбужденнаго веселаго настроенія духа, съ расгоряченною виномъ головою, собесѣдники вели пріятные, но саркастическіе разговоры о своихъ врагахъ,—эти разговоры набрасывались кѣмъ-нибудь на бумагу и затѣмъ становились основою слѣдующаго нумера газеты. Но подобными остротами нельзя побѣждать революціи, нельзя побѣждать ихъ и тѣми рѣзкими выходками, которыя позволяла себѣ монархическая пресса. „Именно эта ройялистская пресса — говоритъ Лотхейссенъ — первая стала грозить своимъ противникамъ кровавымъ возмездіемъ; она-то постоянно взывала къ грубой силѣ и открыто приглашала правительство къ государственному перевороту, — она требовала казней и конфискацій цѣлыми массами, и такимъ образомъ подрывала всякое довѣріе. Редакція „Дѣянія Апостоловъ“ въ одинъ прекрасный день заявила, что она требуетъ отъ ожидаемой ею, близкой уже контръ-революціи не менѣе шестисотъ головъ извѣстныхъ вождей народа. Какъ эта монархическая газета, такъ и другія подавали непріятельскимъ войскамъ, стоявшимъ на границѣ Франціи, совѣты о томъ, какъ имъ легче достичь Парижа. Въ этихъ же газетахъ печатались письма эмигрантовъ, въ которыхъ открыто высказывались надежды на удачу иностраннаго нашествія, и при этомъ монархисты обѣщали затянуть веселую „Ça ira“ (пѣснь противъ аристократовъ) на свой ладъ. Одна монархическая пѣсенка требуетъ для Франціи полторы тысячи висѣлицъ, которыя стали бы свидѣтельствовать о „кротости и энергическомъ надзорѣ императора“—это къ нѣмецкому императору обращалась пѣсенка! — „Le journal de la cour et de la ville“ убѣждалъ однажды національную гвардію немедленно взяться за оружіе, взять штурмомъ гнусное логовище якобинцевъ и вырѣзать ихъ всѣхъ, до послѣдняго человѣка. Во всѣхъ этихъ выходкахъ ройялистовъ уже можно было предвидѣть страшную междоусобную войну между обѣими партіями. Республиканцы не отставали отъ мо-

Digitized by Google

нархистовъ въ угрозахъ, и къ сожалѣнію привели ихъ даже въ исполненіе, когда власть перешла въ ихъ руки.

Изъ республиканскихъ газетъ съ большимъ тактомъ и умѣньемъ вела себя лишь одна газета: „Парижская Революція", пока она издавалась подъ редакціей Лусталó (Loustalot), который къ несчастію вскорѣ умеръ, на 28-мъ году отъ рожденія, въ сентябрѣ 1790. „Другіе превосходили его талантомъ, блестящею діалектикою и ловкими оборотами рѣчи, но какъ патріотъ, какъ честный, вѣрный своимъ убѣжденіямъ человѣкъ, Лусталó не уступалъ никому. Даже во времена самаго сильнаго возбужденія, Лусталó сохранялъ свой ясный взглядъ и смѣло смотрѣлъ въ будущее. Уже въ августѣ 1789 года предостерегалъ онъ республиканцевъ отъ безпечнаго довѣрія и бездѣятельности и удивительно предсказалъ близкое будущее Франціи. „Мы — писалъ онъ — быстро перешли изъ рабства къ свободѣ, но мы спѣшимъ еще быстрѣе изъ свободы обратно въ рабство. Восхваленіемъ, которое расточаютъ народу за его дѣла, только усыпляютъ его, и затѣмъ забавляютъ празднествами, процессіями, мундирами." Въ учрежденіи національной гвардіи онъ замѣчаетъ новую опасность и предвѣщаетъ еще большій деспотизмъ, но въ новой формѣ. Увѣряютъ, что Лусталó умеръ подъ вліяніемъ извѣстій объ убійствахъ въ Нанси, которыя показали ему ту пропасть, куда неудержимо стремилось тогдашнее французское общество. Газета Лусталó расходилась въ 200 тысячахъ экземплярахъ, между тѣмъ какъ вся монархическая пресса имѣла не болѣе 20-ти тысячъ подписчиковъ. Французскіе историки говорили о дѣятельности Лусталo весьма мало, и только въ настоящее время, когда благоразуміе и умѣренность проникли въ республиканскую партію, издали, наконецъ, хотя плохо—безъ достаточныхъ историческихъ объясненій—многія статьи изъ его газеты. Органъ Гамбетты „République Française" однако рекомендуетъ теперь своимъ приверженцамъ и вообще всѣмъ республиканскимъ публицистамъ взять въ образецъ своей политической дѣятельности газетную дѣятельность Лусталó.

Что касается до другихъ прославленныхъ политическихъ писателей революціонной эпохи: Камилла Дюмулэна, Жана-Поля-Марá, Сюло, Малле-дю-Пана, и особенно Гебера (Hébert),—всѣ эти „матадоры прессы", какъ называетъ ихъ Лотхейссенъ, отличались легкомысліемъ и скуднымъ образованіемъ; всѣ они больше увлекались своими самолюбивыми мечтами, своими личными интересами, иногда однимъ настроеніемъ минуты, но не серьёзнымъ исполненіемъ своего общественнаго долга. Такъ, Дюмулэнъ, натура не жесткая и не свирѣпая, тѣмъ не менѣе возбуждалъ своихъ согражданъ ко всякимъ жестокостямъ и звѣрствамъ. Въ концѣ 1789 года онъ призываетъ

Digitized by Google

всѣхъ, въ своей брошюрѣ: „Свободная Франція“, становиться на сторону революціи, обѣщая имъ богатую добычу. Самъ онъ готовъ жертвовать жизнью въ пользу свободы, но массы, увѣряетъ онъ, могутъ двинуться лишь подъ вліяніемъ энергическихъ побужденій матеріальнаго свойства,—и вотъ онъ насчитываетъ до сорока тысячъ дворцовъ и замковъ, громадныя помѣстья аристократіи и т. п., которое все попадетъ, въ случаѣ побѣды, въ руки народа и будетъ раздѣлено. Въ другой статьѣ онъ провозглашаетъ: „Когда нѣтъ больше справедливости, когда ничтожное меньшинство тѣснитъ народную массу, тогда, по-моему, нѣтъ иного закона, кромѣ мести“. Въ „Фонарѣ“ Дюмулэнъ начинаетъ говорить еще рѣзче: „Нѣкоторые философы осмѣливаются порицать народъ невполнѣ, если въ нѣкоторыхъ, рѣдкихъ случаяхъ, народъ захватываетъ диктатуру на 24 часа и аппеллируетъ къ „Фонарю.“ Въ другомъ нумерѣ „Фонаря“, онъ желаетъ, подобно старику Катону, постоянно твердившему въ римскомъ сенатѣ о необходимости разрушить Карѳагенъ, постоянно твердить о необходимости сравнять Версаль (гдѣ жилъ король) съ лицомъ земли. Когда открылась война съ иностранцами, „Фонарь“ сдѣлалъ серьёзное предложеніе издать декретъ о томъ, что Франція будетъ вѣшать, какъ бандитовъ, всѣхъ непріятельскихъ солдатъ, которые попадутъ въ плѣнъ, и что каждому дезертиру изъ непріятельскаго лагеря, который принесетъ съ собою голову своего начальника, будетъ выдана награда; Дюмулэнъ предлагаетъ при этомъ тарифъ за каждую непріятельскую голову, начиная съ маршала и кончая простымъ солдатомъ. Чему приписать всѣ подобные совѣты Дюмулэна, какъ не крайнему легкомыслію съ одной стороны, и самолюбивому желанію пооригинальничать съ другой; а между тѣмъ всѣ эти воззванія къ звѣрскому насилію, къ безнравственнымъ поступкамъ дѣлали свое дѣло, ослабляли въ общественномъ мнѣніи всѣ основы терпимости и человѣколюбія, и подготовляли постепенно открытый путь терроризму. Дюмулэнъ понялъ это только тогда, когда уже было поздно. Въ послѣдней своей газетѣ „Vieux Cordelier“ онъ сталъ было проповѣдывать уваженіе къ законамъ и милосердіе къ заблуждающимся, но въ то время уже господствовалъ Геберъ съ своимъ „Père Duchene“, и голова самого Дюмулэна погибла подъ гильотиною за то, что она впала въ „измѣну милосердія“.

Мара́ былъ такой же неудавшійся человѣкъ, какъ и Дюмулэнъ, но только безсердечный, свирѣпый. До изданія своего „Друга народа“, онъ написалъ множество сочиненій по анатоміи и физіологіи, физикѣ и метафизикѣ, и даже одинъ романъ, который, впрочемъ, обнародованъ лишь въ 1847-мъ году, но во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ ему не удалось сказать ничего особеннаго, ничего такого, чѣмъ бы

Digitized by Google

могло удовлетвориться его честолюбіе. Свои неудачи онъ приписывалъ, конечно, образованному обществу, къ которому и питалъ поэтому страшную ненависть. Но вотъ явилась возможность вліять на народныя массы, серьёзно обиженныя тѣмъ же самымъ обществомъ, и Мара́ воспользовался, разумѣется, этою возможностью какъ только могъ. Уже въ первый годъ своей дѣятельности онъ потребовалъ воздвигнуть на Тюльерійскомъ дворѣ восемьсотъ висѣлицъ для истребленія всѣхъ измѣнниковъ, и особенно Мирабо. Въ слѣдующемъ году онъ уже взываетъ въ своей газетѣ и на особомъ листѣ, который былъ прибитъ на углахъ улицъ:—„Дѣлать нечего, необходимо пожертвовать пятью или шестью стами головъ, чтобы обезпечить странѣ спокойствіе, свободу и счастье". Вскорѣ затѣмъ Мара́ хочетъ уже не шестьсотъ, а шесть тысячъ головъ: генераловъ, министровъ, мэровъ, общинныхъ совѣтниковъ, всего парижскаго генеральнаго штаба, и все это во имя человѣколюбія, спокойствія и счастья! До самой своей смерти (его умертвила Шарлотта Кордэ 13-го іюля 1794) Мара́ оставался вѣренъ своимъ ученіямъ: наступившій терроръ его не смущалъ, такъ какъ въ своихъ свирѣпыхъ воззваніяхъ онъ являлся тѣмъ самымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. „Его одушевляло, говоритъ Лотхейссенъ, только одно чувство—ненависть, только одно стремленіе—ввести по принципамъ Руссо новый общественный порядокъ, изъ котораго должно быть устранено всякое неравенство, и въ которомъ невозможна никакая несправедливость. Ему было ясно, что старый міръ долженъ быть разрушенъ, но это нисколько не ужасало его. Безжалостный, неподкупный, пренебрегающій богатствомъ и чинами, скрывающійся въ ночной тьмѣ, но знавшій все-таки о всемъ, что́ происходило на бѣломъ свѣтѣ, онъ представляется какимъ-то легендарнымъ существомъ, и было немало такихъ людей, которые не хотѣли вѣрить въ самое существованіе такого человѣка, какъ Мара́" (стр. 105).

Въ монархическомъ лагерѣ былъ тоже писатель, подобный Мара́ по своимъ рѣзкимъ и варварскимъ предложеніямъ относительно веденія борьбы съ республиканцами,—его такъ и звали: „Мара́ аристократіи"; но характеръ этого человѣка былъ совсѣмъ противоположнаго свойства. Это былъ Сюло́ (Suleau). У него мы не находимъ никакихъ желаній преобразовать міръ на новый ладъ,— онъ не мечетъ громовъ противъ пороковъ и злоупотребленій. Сюло принимаетъ міръ такимъ, каковъ онъ есть,—пусть онъ себѣ дуренъ, развращенъ, испорченъ, но къ чему плакать, когда можно смѣяться, отчего не пользоваться въ свое удовольствіе нашею недолгою жизнью! Благодаря философіи этого рода, онъ сталъ врагомъ всякихъ реформъ и возненавидѣлъ революцію тою же слѣпою ненавистью, какъ ненавидѣлъ Мара́

Digitized by Google

все аристократическое. Его высшимъ наслажденіемъ было доводить враговъ своихъ до высшей степени раздраженія;—онъ нападалъ на нихъ съ яростью быка, раздраженнаго краснымъ знаменемъ. Не на бумагѣ только ратовалъ онъ противъ своихъ литературныхъ соперниковъ, но вездѣ, гдѣ только могъ. Однажды, попадается ему на улицѣ разносчикъ революціоннаго листа, Сюло бросается на разносчика, бьетъ его, и потомъ пишетъ къ полицейскому начальнику, что „имѣетъ честь извѣстить, что онъ только-что доставилъ себѣ удовольствіе еще разъ совершить преступленіе противъ *„народнаго величества“*. Его арестуютъ, но по освобожденіи Сюло проситъ у тюремщика контрмарку, такъ какъ онъ думаетъ вернуться назадъ въ скоромъ времени. Онъ не боится, во время казни маркиза Фавра (Favras), вмѣшаться въ кровожадную толпу и крикнуть осужденному, который стоялъ на эшафотѣ, что его казнь будетъ отмщена. Этого мало, — онъ преспокойно поѣхалъ въ Кобленцъ къ эмигрантамъ и потомъ вернулся назадъ, но уже разочарованный. „Разумъ и опытъ убѣдили меня,—пишетъ онъ въ 1792 году,—что человѣкъ, который безъ нужды жертвуетъ собою неопредѣленнымъ интересамъ общества, есть просто тварь съ извращенными инстинктами, которая рано или поздно карается чужою несправедливостью и неблагодарностью“. Въ августѣ того же года, когда народъ вторгся въ Тюльери, Сюло погибъ подъ кинжаломъ дикой фанатичной женщины возлѣ парижской ратуши, куда пробирался Сюло въ мундирѣ національной гвардіи.

Другой литературный представитель монархической партіи, проповѣдникъ нравственности и безпристрастія, представитель создавшейся средней партіи, Малле-дю-Панъ—въ сущности былъ человѣкъ Маратовскаго закала. Онъ былъ талантливъ, остроуменъ; привыкшій къ политической борьбѣ въ своей родинѣ, въ Швейцаріи, онъ внесъ въ свою дѣятельность во Франціи множество практическихъ соображеній, но, какъ у потомка аристократической фамиліи, въ которой господствовалъ духъ Кальвина, его политическіе взгляды ограничивались весьма узкимъ горизонтомъ. Малле-дю-Панъ хотѣлъ спокойной свободы и постепеннаго прогресса, но безъ уничтоженія извѣстныхъ привилегій; онъ заботился объ общемъ благѣ, насколько это послѣднее служитъ обезпеченіемъ личнаго благосостоянія; онъ отмѣриваетъ и взвѣшиваетъ всѣ выгоды и невыгоды общаго блага безъ всякаго увлеченія, безъ всякой наклонности къ идеализаціи. Неудивительно, поэтому, что онъ становится въ ряды противниковъ революціи, и свою приверженность къ монархическому началу доводитъ до того, что ѣдетъ весною 1792 года въ лагерь нѣмецкаго императора съ тайными порученіями отъ монархистовъ. Затѣмъ онъ уже

Digitized by Google

не возвращается во Францію, но пишетъ цѣлые мемуары прусскому королю и лорду Элджину, гдѣ старается убѣдить ихъ энергически продолжать войну противъ Франціи. Что въ Парижѣ и провинціи происходили ужасы, противъ которыхъ могъ возставать всякій благоразумный человѣкъ,—это такъ; но въ Малле-дю-Панѣ эти ужасы возбуждали такой страхъ и столько слѣпой ненависти, что онъ не видѣлъ, какъ своими мемуарами онъ жертвуетъ сотнями тысячъ людей ради спасенія тысячи. „Какъ близокъ — справедливо восклицаетъ Лотхейссенъ—какъ близокъ этотъ моральный, разсудительный человѣкъ къ столь ненавистному для него Марату. Этотъ буйно требовалъ смерти аристократамъ для того, чтобы избѣжать войны и сохранить кровь плебеевъ, — такъ тотъ накрикивалъ войну и смерть безчисленнымъ плебеямъ, чтобы освободить аристократовъ, находившихся въ опасности". Но надежды Малле не сбылись; революція завоевала даже его родной городъ, и несчастный публицистъ долженъ былъ искать спасенія въ Англіи, гдѣ онъ и умеръ 10-го мая 1800 года.

Но не въ одной прессѣ играли тогда главную роль люди, требовавшіе насилій и гоненій противъ своихъ соперниковъ. Насиліе проповѣдывалось повсюду: и съ ораторскихъ трибунъ, и съ театральныхъ подмостковъ, и въ уличныхъ пѣсняхъ, и въ прозѣ, и въ стихахъ. Лотхейссенъ посвящаетъ цѣлую главу революціонному краснорѣчію, въ которой есть немало примѣровъ угрозы насиліемъ; самъ Мирабо употреблялъ подобныя угрозы для убѣжденія національнаго собранія въ необходимости принять тотъ или другой правительственный проектъ. Что же касается до театра, то тамъ и актеры и писатели принуждены были подчиниться вкусамъ собиравшейся публики, которая рукоплескала и шикала не игрѣ актеровъ, а словамъ пьесы. Само собою разумѣется, что авторы только потому подчинялись вкусамъ публики, что не обладали ни оригинальностью концепціи, ни поэтическимъ талантомъ. Огромный успѣхъ имѣла, напримѣръ, въ то время, драма Мари-Жозефа Шенье: „Карлъ IX или школа королей", которую теперь никто не въ силахъ прочесть до конца. Понятно, что въ ту эпоху, когда вмѣсто книгъ были только памфлеты, всякая трагедія должна была стать политическою статьею, а всякая комедія—сатирою низшаго сорта. И это было какъ въ тѣхъ театрахъ, гдѣ собиралась главнымъ образомъ плебейская публика, такъ и въ тѣхъ, которые посѣщались аристократами: въ однихъ рукоплескали всему, что отзывалось революціоннымъ, въ другихъ любили фразы, въ родѣ того, что „короли выше своей судьбы", какъ въ Лагарповомъ „Эдипѣ". И тамъ, и тутъ возбужденная публика требовала, чтобы оркестры играли любимыя пѣсни партій, и сама пѣла

Digitized by Google

ихъ подъ звуки оркестра. „Съ теченіемъ времени театръ сталъ ежедневнымъ полемъ битвы; въ него ходили не затѣмъ, чтобы найти тамъ возбужденіе и возвышеніе духа,—поэзія и актеры стали постороннимъ предметомъ: политическая горячка не допускала никакихъ иныхъ интересовъ, и театръ тоже долженъ былъ служить политической борьбѣ. Публика играла вмѣстѣ съ актерами и чувствовала себя довольною лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда могла шумѣть и кричать сколько ей угодно, и даже окровавленныя головы были тамъ нерѣдкимъ явленіемъ. Одна газета съ горькою насмѣшкою предложила „господамъ зрителямъ“ ходить въ театръ не иначе, какъ съ ружьями, пистолетами и саблями, чтобы обѣ партіи могли основательно разрѣшать тамъ сложные пункты своихъ политическихъ воззрѣній“ (стр. 137).

Наступленіе террора положило конецъ всѣмъ спорамъ какъ въ театрѣ, такъ и въ прессѣ, ибо тогда все смолкло, и какъ театръ, такъ и пресса только служили интересамъ террористовъ;—само ораторское искусство погибло, ибо къ чему краснорѣчіе, когда главнымъ аргументомъ во всѣхъ вопросахъ и дѣлахъ являлась холодная, безотвѣтная и быстрая гильотина. Поэзія исчезла изъ жизни образованнаго общества, печальные звуки ея раздавались только въ тюрьмахъ, да пѣлъ еще народъ. До народа гильотина почти не касалась,—онъ чувствовалъ себя гораздо свободнѣе прежняго, онъ чувствовалъ себя въ нѣкоторой степени господиномъ, и онъ пѣлъ... пѣлъ больше чѣмъ когда-либо. „Подъ оглушительные звуки Марсельёзы или тогда толпы еще необученныхъ солдатъ на войну съ иностранцами,—на улицахъ пѣла буйная масса свою грозную: „Ça ira“; вездѣ раздавались звуки „національной Карманьолы“, подъ мелодію которой люди пускались въ бѣшеный плясъ. Пѣли въ лагеряхъ, на всѣхъ празднествахъ и собраніяхъ, даже въ тюрьмахъ и на дорогѣ къ смертной казни. Жирондисты обнялись и спѣли нѣсколько куплетовъ „Марсельёзы“, когда ихъ позвали на эшафотъ; даже вокругъ эшафота пьяная дикая чернь пѣла свою страшную карманьолу“.

Какъ бы то ни было, въ этой литературѣ, да еще въ лирическихъ произведеніяхъ тюремъ были звуки дѣйствительной поэзіи. Надъ всѣмъ обществомъ стояла черная туча смерти, и только смерть возбуждала фантазію къ поэтическимъ думамъ. И замѣчательно: какъ на улицахъ, въ войскахъ, такъ и въ тюрьмахъ смерть не возбуждала ни въ комъ отчаянія; всѣ готовились къ ней, шли ей на встрѣчу гордо, смѣло и безпечно; на дорогѣ къ смерти, всѣхъ одушевляла какая-нибудь великая идея, интересы которой казались людямъ выше, дороже интересовъ ихъ собственной жизни. Никто изъ всѣхъ этихъ воодушевленныхъ людей не умиралъ одинъ, безъ сочувствія со сто-

Digitized by Google

роны окружающихъ: тѣ дрались съ иностранцами за независимость и свободу отечества, другіе шли на казнь за дѣло своей партіи, своего кружка́, за свои убѣжденія, находившія тысячи сторонниковъ въ разныхъ слояхъ общества. Всѣ вѣрили въ успѣхъ своего дѣла, и всѣмъ казалось, что они умираютъ лишь наканунѣ торжества ихъ идеи, что идея все-таки восторжествуетъ. Это ихъ утѣшало и ободряло въ минуту самой смерти. Дюкарно́, одинъ изъ погибшихъ, вѣрно выразилъ общее настроеніе погибавшихъ подъ гильотиною, сказавъ:

Le crime seul fait la honte
Et ce n'est pas l'échafaud.

„Какъ жили они, эти замѣчательные сыны восемнадцатаго вѣка, такъ и умирали: веселые, восторженные, преданные, но скептическіе, невѣрующіе въ дальнѣйшее существованіе души. Ихъ послѣднею мыслью было отечество, свобода, человѣчество. Чуждые всякаго мелочного эгоизма, они рѣдко находили въ жестокой судьбѣ, ихъ постигавшей, поводъ къ горькимъ и злостнымъ жалобамъ; но не звучитъ въ этихъ арестантскихъ пѣсняхъ ни одинъ звукъ христіанскаго смиренія, ни одинъ кликъ твердой вѣры и надежды на Бога. Они спускаются въ могилу, какъ стоики и философы временъ язычества" (стр 240).

На этомъ мы заканчиваемъ наше описаніе революціонной литературы по Лотхейссену. Картина тогдашней прессы далеко не гармонируетъ съ идеалами революціи, какіе высказывали Вольней и Кондорсе́. Пресса не успѣла дать направленіе политическимъ движеніямъ своего времени, но сама стала самымъ дѣятельнымъ орудіемъ страстей, волновавшихъ сердца тогдашнихъ политическихъ дѣятелей. Абсолютистскій строй государственной жизни прежняго времени пріучилъ литературу къ вѣрѣ въ одно насиліе, въ успѣхъ, новая идея свободы не успѣла вдругъ вывесть ее изъ этой вѣры, и вотъ, когда наступила политическая горячка, въ литературѣ не оказалось ни одной крупной силы, которая могла бы своимъ авторитетомъ и талантомъ сдержать порывы легкомыслія и празднаго восторга въ должныхъ границахъ.

Digitized by Google

Leçons élémentaires d'hygiène, rédigées d'après le programme adopté par le ministre de l'instruction publique à l'usage des établissements d'enseignement secondaire, par *V. Cornil*, professeur agrégé à la Faculté de médecine, médecin des hôpitaux de Paris. Avec 27 figures dans le texte. Paris, Germer Baillière, 1873. (*Элементарныя лекціи гигіены, составленныя В. Корнилемъ*).

Книжка профессора Корниля не представляетъ ничего особеннаго въ научномъ отношеніи, но весьма удовлетворительно достигаетъ той цѣли, которую авторъ имѣлъ въ виду: то-есть дать старшему классу лицеистовъ (по нашему: гимназистовъ) всѣ важнѣйшія свѣдѣнія для сохраненія здоровья, какими только можетъ снабжать людей новѣйшая гигіена. Такъ какъ гигіену нельзя преподавать безъ предварительнаго ознакомленія слушателей съ основными данными физіологіи, химіи и анатоміи, и такъ какъ эти предметы не преподаются во французскихъ лицеяхъ, то Корниль внесъ въ свои лекціи и эти предметы, разумѣется, въ самомъ элементарномъ видѣ.

Счастливая мысль о введеніи преподаванія гигіены въ старшій классъ лицеевъ принадлежитъ парижской медицинской академіи, которая обратилась съ нею къ нынѣшнему министру народнаго просвѣщенія Жюлю Симону, вообще потрясшему, какъ извѣстно, во Франціи клерикально-классическую систему общественнаго образованія и издавшему особый декретъ съ подробною программою шести лекцій преподаванія гигіены въ лицеяхъ. Корниль слѣдовалъ программѣ во всѣхъ пунктахъ, и въ шесть лекцій успѣлъ преподать всю гигіену.

Министерская программа интересна не только какъ простая новинка, но и по ея стремленію познакомить юношество съ общественными фактами, весьма заслуживающими вниманія каждаго образованнаго гражданина, но которые тѣмъ не менѣе остаются, почти во всей Европѣ, внѣ границъ общественнаго, школьнаго образованія. Министерская программа тѣмъ именно особенно замѣчательна, что она вызываетъ юношей на размышленіе объ общественной солидарности всѣхъ классовъ народа, и богатыхъ, и бѣдныхъ, въ такомъ важномъ вопросѣ жизни, какъ здоровье. Бѣдность и невѣжество—вотъ два главныхъ врага общественной гигіены, и такъ какъ эти враги вредятъ здоровью не бѣдныхъ и невѣжественныхъ классовъ только, а всему обществу вообще, то возбужденіе въ молодомъ поколѣніи богатой части общества, хотя одного гигіеническаго интереса къ бѣдности и невѣжеству должно принести добрые плоды развитіемъ въ образованныхъ и богатыхъ классахъ стремленія, если не уничтожить, то по крайней мѣрѣ положить возможно узкіе предѣлы бѣдности и невѣжеству народной массы, и улучшить этимъ путемъ гигіеническую обстановку бѣдныхъ классовъ.

Съ другой стороны, введеніе преподаванія гигіены въ высшій классъ лицеевъ важно и для самихъ юношей въ индивидуальномъ

Digitized by Google

отношеніи, особенно во Франціи, гдѣ лицеисты проводятъ всю свою жизнь въ лицеяхъ, подъ постояннымъ надзоромъ начальства. Выйдя изъ лицея, молодой человѣкъ, съ радости, что очутился наконецъ *на своей волѣ*, бросается въ разныя удовольствія и вообще ведетъ свою жизнь какъ попало, нисколько не заботясь о своемъ здоровьѣ. Чувствуя въ себѣ «силы избытокъ», и лишенный всякихъ гигіеническихъ познаній, онъ считаетъ источникъ этихъ силъ неистощимымъ, и потому не обращаетъ никакого вниманія на состояніе своего здоровья. Иной разстроиваетъ свое здоровье излишними удовольствіями, другой — излишними трудами; тотъ впадаетъ въ болѣзни по неумѣнію управлять своимъ пищевареніемъ, другой истощаетъ себя чрезмѣрнымъ упражненіемъ какой-нибудь другой системы органовъ,— иные падаютъ жертвою эпидеміи или заразы, противъ которой не успѣли принять гигіеническихъ мѣръ.

Министерская программа заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, индивидуальную (*частную*, какъ называютъ врачи) гигіену, а общественная входитъ въ нея лишь ради объясненія зависимости личнаго здоровья человѣка отъ гигіеническихъ условій всего общества. Для большей ясности, мы приводимъ эту замѣчательную программу вполнѣ:

Первая лекція. — О гигіенѣ, ея цѣли и средствахъ. Объ атмосферѣ съ точки зрѣнія ея вліянія на здоровье (воздухъ, свѣтъ, теплота, электричество, сухость, влажность, вѣтры). Главныя перемѣны въ воздухѣ (климаты, эндеміи, эпидеміи).

Вторая лекція. — О жилищахъ (почва, мѣстоположеніе, провѣтриваніе, топка, освѣщеніе, опрятность). Причины нездоровости жилища.—Одежда: перемѣна ея съ возрастами, временами года, климатомъ и погодою. Заботы о тѣлѣ: косметическія средства, омыванія вообще.

Третья лекція. — Пища: свойство и достоинство разныхъ питательныхъ веществъ и ихъ соотношенія съ возрастами, темпераментами, профессіями, климатомъ; условія хорошаго пищеваренія. Питательные консервы; поддѣлка и фальсификація пищевыхъ веществъ; порядокъ въ употребленіи пищи.

Четвертая лекція. — Напитки: воды для питья и ихъ достоинства; ихъ поддѣлка и способы предупрежденія и исправленія ея. Сохраненія воды для питья. — Бродильные напитки: вино, сидръ, спирты, ликеры, кофе, чай.

Пятая лекція. — Гигіена чувствъ: бдѣніе и сонъ, работы умственныя и ручныя.

Шестая лекція. — Движеніе и отдыхъ; гимнастика, Особыя упражненія: верховая ѣзда, фехтованіе, танцы.

Digitized by Google

НОВѢЙШАЯ ПОЛЬСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г. Въ ноябрьской книгѣ вашего журнала была помѣщена замѣтка г-на П-ча, „Польская пресса въ 1872 году". Авторъ ея, правда, сталъ въ сторонѣ отъ господствующаго у насъ по польскимъ дѣламъ направленія „національно-либеральной печати", которое всегда нападаетъ на „еврейско-австрійскую" и „прусско-еврейскую" прессу, „прижимающую нашихъ братьевъ-славянъ къ стѣнѣ", и въ то же время само у себя занимается тѣмъ же искусствомъ;—но при всемъ томъ г-нъ П-чъ, по моему мнѣнію, не избѣгнулъ нѣкоторыхъ недоразумѣній при оцѣнкѣ состоянія и характера современной польской печати, какъ выраженія умственныхъ и нравственныхъ интересовъ современнаго польскаго общества. Между тѣмъ, намъ, русскимъ, и полезно, и необходимо имѣть настоящія и точныя свѣдѣнія по этому вопросу, а не поддѣлки съ фабрики „Московскихъ Вѣдомостей" и имъ подобныхъ. Вотъ почему я и прошу позволенія обратиться къ вашему журналу съ поправкой къ замѣткѣ г-на П-ча.

Фактическія данныя авторъ замѣтки почерпнулъ главнымъ образомъ изъ литературнаго календаря: „Warszawski Rocznik literacki. Warsz. 1872". Къ сожалѣнію, въ этомъ изданіи невозможно ему было найти надлежащихъ указаній на то умственное движеніе, которое съ нѣкотораго времени начинаетъ здѣсь сильно заявлять себя. Замѣчательно упорный обскурантизмъ польскаго общества, его нравственная апатія, сильная привязанность къ археологической пыли, къ традиціямъ, болѣзненная мечтательность и экзальтированность,—все это факты настолько же несомнѣнные, насколько понятные, какъ логическое послѣдствіе историческихъ условій, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложилась вся польская жизнь. Аристократизмъ и клерикализмъ, которые, подобно Бурбонамъ, ничего обыкновенно не забываютъ и ничему не выучиваются, относятся враждебно ко всякой новой и живой мысли, ко всякому новому движенію, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ. Въ свое время испыталъ это Мицкевичъ, какъ представитель романтизма въ польской литературѣ, заплѣснѣвѣвшей-было въ тискахъ холоднаго и безжизненнаго псевдо-классицизма. Но вражда къ Мицкевичу со стороны современ-

Digitized by Google

ной ему польской критики, непризнававшей въ немъ первоначально никакого даже поэтическаго дарованія, вскорѣ уступила мѣсто поклоненію и обожанію, когда критика протерла себѣ глаза и усмотрѣла, что романтизмъ, по самой своей натурѣ, съ гораздо бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ классицизмъ, ведетъ къ той же цѣли, т.-е. къ вящшему опоэтизированію всѣхъ шляхетскихъ традицій, къ апоѳеозѣ всего прошлаго и безвозвратно умершаго. Такимъ образомъ, направленіе въ литературѣ и наукѣ, которое создано было Мицкевичемъ и его школою, въ свою очередь окаменѣло, и такъ осталось до нашихъ дней, вполнѣ удовлетворяя польскую мысль, всегда склонную къ туманной мечтательности и экзальтаціи. Апатія, неподвижность, обскурантизмъ—все это только безпрерывный сонъ, исполненный неясныхъ, иногда увлекательныхъ, иногда потрясающихъ грёзъ, столь свойственныхъ польской натурѣ, даже къ живымъ и ощутительнымъ фактамъ жизни склонной относиться иногда какъ къ грёзамъ... О трезвомъ взглядѣ на жизнь и ея задачи, о реальныхъ и неотступныхъ требованіяхъ времени, о трудѣ и знаніи меньше всего можно говорить, когда говорится о польскомъ обществѣ. Оно воспитано на молитвахъ и балладахъ, выросло оно между часовней и шляхетскимъ салономъ, со всею ихъ исключительностію. Вотъ чѣмъ объясняется то незавидное состояніе польской письменности, въ которомъ она находится и въ настоящее время, если не по количеству, то по качеству ея произведеній.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, нетребующихъ даже подробнаго развитія, становится понятнымъ и яснымъ значеніе того исполненаго энергіи, силы и жизни умственнаго движенія, которое начинаетъ пробуждаться въ извѣстной и лучшей части здѣшней интеллигенціи. Большинство здѣшней прессы, если не вся мѣстная повременная печать, относится къ этому движенію враждебно и съ нескрываемой ненавистью, послѣ того, какъ умышленное и продолжительное игнорированіе не убило его въ самомъ зародышѣ. Представителемъ этого движенія служитъ избранный кружокъ молодыхъ польскихъ писателей, а органомъ—еженедѣльный журналъ „Przegląd Tygodniowy“.

Въ чемъ же состоитъ это движеніе, каковъ его характеръ и направленіе? Враждебная ему пресса, хорошо понимая мѣстное общество, которое, при своей малоразвитости, особенно пугается звуковъ и словъ, подобно купчихѣ Островскаго, которую слова „металлъ звенящій“ и „жупелъ“ приводятъ въ трепетъ—старается инсинуировать и утверждаетъ, что „Przegląd Tygodniowy“ проповѣдуетъ матеріализмъ и нигилизмъ. Извѣстно, что на голословныя обвиненія вообще отвѣчать легко и трудно. Трудно—потому что если обвине-

Digitized by Google

ніе дѣлается только ради обвиненія и съ предвзятою мыслію, то его не опровергнешь и не отразишь никакими доводами, какова бы ни была ихъ сила; легко—особенно въ настоящемъ случаѣ, потому что ничто такъ не противно исторически сложившемуся польскому міровоззрѣнію, какъ матеріализмъ и всякій нигилизмъ, а „Przegląd Tygodniowy“ есть все-таки продуктъ, возникшій на мѣстной почвѣ и питающійся ея соками, только соками здоровыми и живительными. Благодаря нелѣпости подобныхъ обвиненій, этотъ молодой журналъ отвѣчаетъ на нихъ съ спокойною ироніей и, въ то же время, опредѣляетъ собственное свое направленіе и свои задачи, не вдаваясь ни въ какія полемическія препирательства по поводу подобныхъ нападеній. „Съ нѣкотораго времени,—говоритъ этотъ журналъ,—многія варшавскія изданія страшатъ своихъ читателей извѣстіемъ, что въ нашей прессѣ организовалась партія *нигилистовъ*. Прозвище это даютъ обыкновенно тѣмъ, кто стремится къ низверженію существующаго порядка и всѣхъ его основъ! Но такихъ людей напрасно мы стараемся отыскать между нашею пишущею братіею. По неволѣ приходишь къ заключенію, что у насъ существуетъ, но только особенный родъ нигилистовъ, а именно: такъ какъ слово *nihil* значитъ *ничего*, то наши нигилисты, во-первыхъ, *ничего* не знаютъ; во-вторыхъ, *ничего* сами не дѣлаютъ; въ-третьихъ, другимъ не даютъ *ничего* дѣлать; въ-четвертыхъ, хотятъ и требуютъ, чтобы никто за это имъ *ничего* не говорилъ; въ-пятыхъ, чтобы *ничего* не измѣнялось никогда; въ-шестыхъ, чтобы *ничто* не тревожило и не прерывало ихъ блаженнаго сна; въ-седьмыхъ, чтобы *ничто* не мѣшало имъ спокойно совершать пищевареніе и пр. и пр. Увы, такими нигилистами, дѣйствительно, кишитъ варшавская печать!..“ Самый этотъ отвѣтъ опредѣляетъ отчасти тѣ задачи, которыя характеризуютъ новое умственное движеніе. Оно силится пробудить апатичное общество отъ спячки, расшевелить дремлющія его силы, снять съ него плѣсень невѣжества, обскурантизма, исключительности и фанатизма, указываетъ ему на необходимость упорнаго труда и реальнаго знанія и отрѣшенности отъ болѣзненной мечтательности и безсмысленной экзальтаціи. Исходя изъ началъ современнаго научнаго позитивизма, который, какъ извѣстно, ничего не отвергая и не враждуя съ идеализмомъ, ограничивается воспріятіемъ и изслѣдованіемъ того, что доступно опытно-научному и логическому анализу, новое движеніе, о которомъ идетъ рѣчь, отрѣшаясь отъ всякихъ увлеченій политическаго и ультра-національнаго свойства, принимаетъ жизнь, какъ она есть, положеніе общества—какъ оно сложилось, и силится работать во имя насущныхъ нуждъ этого общества, насколько въ данныхъ обстоятельствахъ это возможно. Мы видимъ здѣсь приложеніе научнаго позитивнаго ме-

Digitized by Google

тода къ реальнымъ вопросамъ жизни: въ наукѣ имѣетъ значеніе лишь то, что доступно опытному и логическому анализу, а въ жизни лишь то, что можетъ имѣть практическое приложеніе въ данныхъ обстоятельствахъ. Такова сущность программы, которой слѣдуетъ „Przegląd Tygodniowy", и потому никакъ нельзя утверждать, какъ это дѣлаетъ г. П-чъ, что журналъ этотъ „имѣетъ значеніе лишь отрицательное и еще не выработалъ для себя опредѣленной программы." Напротивъ, программа его вполнѣ ясна, совершенно опредѣленна и строго-логическая, и въ этой-то ясности и опредѣленности программы заключается одно изъ главныхъ его достоинствъ.

Существенный характеръ новаго умственнаго движенія, мы сказали, состоитъ въ томъ, что оно силится пробудить въ обществѣ потребность положительнаго знанія, которое ему такъ чуждо, направить его нравственныя и умственныя силы на насущныя задачи и требованія жизни, на вопросы промышленные и экономическіе, усматривая въ нихъ главное основаніе всякаго вообще культурнаго развитія. Само собою разумѣется, что на этой дорогѣ оно наталкивается на застарѣвшія привычки, на глубоко укоренившіеся нравы и на самый жгучій для мѣстнаго общества вопросъ о вѣрности старинѣ, объ уваженіи къ историческимъ традиціямъ. По самой натурѣ своей, это движеніе дѣйствительно стоитъ на почвѣ отчасти нейтральной, чуждой какой бы то ни было исключительности, но опять-таки въ этомъ его заслуга и залогъ несомнѣннаго успѣха. Оно враждебно относится ко всему, что̀ узко, исключительно, обскурантно и что̀ можетъ тормазить культурное и прогрессивное развитіе общества; но подобныхъ тормазовъ едва ли, гдѣ бы то ни было, найдется больше, чѣмъ въ польскомъ мірѣ, воззрѣніи и жизни—и вотъ inde irae! Безъ сомнѣнія, задачи новаго движенія плохо гармонируютъ съ узкостію и исключительностію клерикальныхъ и аристократическихъ традицій, но собственно отношеніе новаго движенія къ этимъ традиціямъ больше индифферентно, чѣмъ враждебно, и вполнѣ можетъ быть охарактеризовано извѣстнымъ стихомъ:

Мертвый мирно въ гробѣ спи,
Жизнью пользуйся живущій.

Сами по себѣ традиціи не составляютъ исторіи, а чаще всего подъ маскою яко-бы историческихъ традицій скрывается простой предразсудокъ и вредное старовѣрство, силящееся удержаться въ жизни, наукѣ и искусствѣ, во вредъ дальнѣйшему ихъ развитію. „Przegląd Tygodniowy" считаетъ невозможнымъ разорвать всякую связь съ прошлымъ и отрѣшиться отъ исторической почвы, но самимъ традиціямъ онъ не придаетъ чисто историческаго смысла и

Digitized by Google

значенія и признаетъ вліяніе ихъ на жизнь чаще вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Онъ говоритъ своимъ оппонентамъ: „Каждая историческая эпоха оставила намъ свои традиціи, но которыя же изъ нихъ должны быть признаны лучшими и на которыхъ мы должны остановиться, принявъ ихъ за фундаментъ, для построенія на немъ зданія современной жизни и дальнѣйшаго ея развитія? Должны ли мы признать руководящимъ для насъ началомъ наши милыя традиціи изъ эпохи преслѣдованія иновѣрцевъ, или изъ эпохи звѣрскаго угнетенія крестьянъ?.." На подобные вопросы отвѣчать трудно, да на нихъ никто и не отвѣчаетъ, но они отлично характеризуютъ отношеніе молодой польской интеллигенціи къ мѣстнымъ старовѣрамъ, для которыхъ священно и неприкосновенно все то, что отзывается традиціей.

Каждый нумеръ этого прекраснаго журнала исполненъ живѣйшаго интереса, потому что затрогиваетъ самые насущные вопросы дня, ежеминутно шевеля и тревожа апатичное общество, заставляя его мыслить, побуждая къ труду и разумной производительной дѣятельности. Отъ характера домашняго воспитанія дѣтей до раціональнаго хозяйства, отъ научной и литературной критики до книгопродавческаго дѣла—обо всемъ говоритъ, всего касается этотъ энергическій и разумный органъ, и говоритъ бойко, основательно, талантливо, съ силою крѣпкаго убѣжденія, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Съ живымъ и постояннымъ сочувствіемъ относится онъ также ко всѣмъ свѣтлымъ явленіямъ русской науки, литературы и жизни, всякій разъ отмѣчая ихъ и указывая на своихъ исполненныхъ силы и жизни страницахъ. — „Отчего вы не ищете прямого сближенія съ представителями русской науки и литературы?" спросилъ я одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ этого журнала.—„Мы находимся между двухъ огней, отвѣчалъ онъ:—съ одной стороны, преслѣдуетъ насъ домашняя ненависть, съ другой — національная вражда, холодное пренебреженіе и недовѣріе. Для насъ весьма желательно было бы подобное сближеніе въ интересахъ общей пользы и прогресса, но, на бѣду, мы не можемъ ожидать, чтобы въ основаніе такого сближенія легло что-либо похожее на равноправность, даже въ чисто научномъ и литературномъ отношеніи, а внѣ этого условія сближеніе не можетъ быть искреннимъ". Къ сожалѣнію, въ словахъ этихъ немало правды.

На это новое движеніе необходимо смотрѣть какъ на фактъ общественный, имѣющій серьезное значеніе, обѣщающее богатые и утѣшительные результаты, въ смыслѣ ослабленія и уничтоженія узкой мѣстной исключительности, являющейся прямымъ послѣдствіемъ умственнаго застоя. Не взирая на враждебное отношеніе къ этому движенію со стороны органовъ варшавской печати, они волей-неволей начинаютъ подчиняться его вліянію и какъ будто пробуждаются

Digitized by Google

отъ сна, хотя и выражаютъ при этомъ глубокое неудовольствіе противъ грубыхъ толчковъ, нарушающихъ ихъ старческій сонъ. Возникаютъ новые органы, весьма близкіе по направленію и программѣ къ журналу „Przegląd Tygodniowy“:—какова „Niwa“, отчасти преобразованный „Opiekun Domowy“ и нѣкоторые иные, которые если и враждуютъ съ редакціей журнала „Przegląd“, то это, сколько мнѣ кажется, зависитъ только отъ простыхъ недоразумѣній, которыя легко могутъ разъясниться; нѣкоторое же несогласіе въ принципахъ не составляетъ еще большой бѣды, а хорошо то, что органы эти тоже стараются отрѣшиться отъ всякой мечтательности и безплодныхъ политическихъ грёзъ и увлеченій, и все вниманіе сосредоточиваютъ на реальныхъ и насущныхъ вопросахъ жизни. Въ этомъ отношеніи благотворное вліяніе журнала „Przegląd Tygodniowy“ на значительную часть здѣшней печати не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вліяніе это не ограничивается варшавскою печатью, но идетъ дальше и чувствуется даже въ Галиціи. Краковскій корреспондентъ „Калишанина“, одной изъ здѣшнихъ провинціальныхъ газетъ, сообщаетъ, что въ Краковѣ сталъ недавно выходить журналъ „Pochodnia“ (Факелъ), имѣющій программу, близко подходящую къ программѣ варшавскаго журнала „Przegląd Tygodniowy“. Корреспондентъ прибавляетъ: „Насколько можно судить по первымъ вышедшимъ нумерамъ, слѣдуетъ ожидать, что „Pochodnia“ будетъ имѣть серьезный успѣхъ, если постоянно съ такою же рѣшительностію и смѣлостію будетъ нападать на темныя стороны краковскаго общества. Мнѣ извѣстно, что „Pochodnia“ редактируется людьми молодого поколѣнія, исполненными энергіи и любви къ своему дѣлу. Само собою разумѣется, что журналъ этотъ на первыхъ же порахъ возбудилъ противъ себя крики негодованія и пріобрѣлъ много враговъ“. Привѣтствуя его появленіе, „Przegląd Tygodniowy“ замѣчаетъ: „мы боимся не шутя, чтобы „Pochodnia“ не испытала той горькой судьбы, которую испытали мы; мы боимся, чтобы, подобно намъ, въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ она не умирала голодною смертію, въ ожиданіи поддержки со стороны той части общества, которая, стряхнувъ съ себя плѣсень обскурантизма и предразсудковъ, поняла наконецъ, что единственное для нея спасеніе состоитъ въ упорномъ трудѣ и постоянномъ движеніи впередъ. Искренно желаемъ „Факелу“ успѣха и совѣтуемъ ему вооружиться желѣзнымъ терпѣніемъ“. Признаніе и совѣтъ крайне характеристичны... Семь лѣтъ журналъ умиралъ голодною смертію, борясь съ равнодушіемъ публики! Только искреннія и глубокія убѣжденія могутъ переносить подобныя испытанія, и потому-то успѣхъ новаго умственнаго движенія, преодолѣвшаго всевозможныя невзгоды, со всѣми благотворными его результатами, стоитъ внѣ всякаго со-

Digitized by Google

мнѣнія. Мы считали своею обязанностію остановиться дольше на характерѣ новаго движенія, потому что признаемъ за нимъ многознаменательное значеніе и усматриваемъ въ немъ крупный общественный фактъ. Въ настоящее время этотъ, семь лѣтъ умиравшій голодною смертію, журналъ имѣетъ значительное число подписчиковъ и обширный кругъ читателей. Отвѣтственнымъ редакторомъ его считается г. А. Вислицкій, которому принадлежитъ также и честь быть его основателемъ.

О большинствѣ остальныхъ органовъ здѣшней печати было бы излишне распространяться: о нихъ можно сказать только, что они смиренно влачатъ свое незавидное и безцвѣтное существованіе. Къ особенностямъ здѣшней журналистики, между прочимъ, принадлежитъ еще и то, что въ послѣднее время въ ней начинаетъ принимать дѣятельное участіе мѣстный еврейскій элементъ. Фактъ этотъ многіе признаютъ не очень утѣшительнымъ и даже тревожнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе продажность и крайнюю безнравственность вѣнской журналистики, важнѣйшіе органы которой, какъ извѣстно, находятся въ рукахъ евреевъ, то подобныя опасенія, быть можетъ, не лишены основанія... Растлѣвающее вліяніе евреевъ вообще на нѣмецкую журналистику очень вѣрно охарактеризовалъ недавно Палацкій въ предисловіи къ третьему тому своихъ историческихъ трудовъ.

Къ болѣе крупнымъ литературнымъ явленіямъ за послѣднее время принадлежитъ романъ Крашевскаго: „Мачиха“, печатавшійся въ фельетонѣ „Варшавской Газеты“ и недавно оконченный. Романъ этотъ причисляется здѣшнею критикою къ однимъ изъ лучшихъ произведеній этого талантливаго и плодовитаго писателя. Само собою разумѣется, что похвалы эти слѣдуетъ относить больше къ художественной сторонѣ романа, чѣмъ къ его идеѣ. Писатель этотъ черезчуръ любитъ копаться въ пыли чисто-шляхетскихъ традицій и воодушевляться идеями, имѣющими очень мало общаго съ современными требованіями жизни и искусства. Говорятъ, впрочемъ, что романъ этотъ вскорѣ появится въ русскомъ переводѣ.

Въ той же „Варшавской Газетѣ“ помѣщенъ былъ недавно чрезвычайно интересный разсказъ о сибирскихъ приключеніяхъ одного ссыльнаго поляка, нѣкоего г. ***.

Но возвратимся къ „Przegląd Tygodniowy“ и остановимся на немъ, такъ какъ тѣ принципы и идеи, которыхъ онъ служитъ выразителемъ и которые со дня на день распространяются въ обществѣ шире и шире, ломая всѣ преграды, представляемыя національною исключительностію, шляхетскимъ и клерикальнымъ мракобѣсіемъ — равносильны цѣлому перевороту. При этомъ я желалъ бы по возможности еще

Digitized by Google

точнѣе и рельефнѣе опредѣлить характеръ новаго умственнаго движенія и значеніе борьбы молодого польскаго поколѣнія съ старымъ,— предметъ такой, надъ которымъ намъ, русскимъ, невозможно не остановиться, станемъ ли мы смотрѣть на польскій вопросъ съ ложно и узко понимаемой точки зрѣнія русицизма, или съ другой, болѣе правильной и широкой точки зрѣнія общихъ интересовъ.

Существенный смыслъ и характеръ этого движенія, какъ я уже замѣтилъ, составляютъ принципы, легшіе въ основаніе научнаго позитивизма,—принципы, перенесенные изъ теоріи въ практику. Раціонализмъ и позитивизмъ вовсе не то, что матеріализмъ и утилитаризмъ; смѣшивать эти два понятія, значило бы доказывать только непониманіе основныхъ задачъ позитивизма. Тѣмъ не менѣе, въ приложеніи къ жизни, позитивное направленіе очень легко можетъ быть смѣшиваемо съ сухимъ утилитаризмомъ и бездушнымъ матеріализмомъ. Обстоятельствомъ этимъ обыкновенно стараются пользоваться тѣ, которые почему-либо не симпатизируютъ умственному движенію современнаго польскаго молодого поколѣнія, но такіе борцы за безусловный идеализмъ (разумѣется, только въ теоріи, такъ какъ на практикѣ горячіе идеалисты чаще всего бываютъ самыми холодными позитивистами)—обманываютъ только самихъ себя.

Научно-позитивный методъ, въ приложеніи къ жизни, въ данныхъ обстоятельствахъ есть единственно разумный методъ. Его можно опредѣлить слѣдующею формулой: „Если жизнь даетъ очень немного, то слѣдуетъ извлекать изъ нея все то, что̀ она можетъ дать, вовсе не помышляя и не заботясь о томъ, что̀ она могла бы дать при другихъ обстоятельствахъ. Прочь всякія мечтанія и увлеченія, которыя не спасаютъ, но губятъ; остается сосредоточиться на томъ, что доступно и достижимо". Собственно говоря, иного выхода не оставалось современному польскому обществу и особенно его молодому поколѣнію, какъ подобный путь, скромный, но простой и ясный, — а главное, достижимый; потому что нѣтъ такого положенія въ жизни, нѣтъ такого состоянія общества, когда бы и къ которому подобный практическій методъ былъ неприложимъ, какъ бы глубоко ни было паденіе этого общества и какъ бы ни казалось безвыходнымъ и безнадежнымъ это положеніе.

Очень естественно, что въ сознаніи молодого поколѣнія, прежде всего, возникла настоятельная и неизбѣжная потребность знанія, науки. Въ неутомимомъ и неусыпномъ трудѣ должна сосредоточиться вся его жизнь, всѣ силы духа; въ знаніи, въ умственномъ и нравственномъ развитіи—лучшіе и завѣтные идеалы. Знаніе—сила. Пробужденіе общества отъ апатіи, борьба съ невѣжествомъ, предразсудками и всякою исключительностью доступны только при помощи

Digitized by Google

знанія, при помощи распространенія знанія и свѣта въ массахъ. Я взялъ бы на себя задачу не по силамъ, еслибы вздумалъ приблизительно опредѣлить уже въ настоящую минуту результаты этого умственнаго движенія, этого стремленія общества къ положительному знанію, благодаря импульсу и иниціативѣ лучшихъ представителей современной польской генераціи,—для этого подъ рукой у меня нѣтъ необходимыхъ статистическихъ данныхъ. Но вотъ характеристическое наблюденіе, сдѣланное едвали не самою ультра-консервативною изъ здѣшнихъ газетъ, т.-е. „Варшавскою Газетою". Привожу цѣликомъ это характеристическое мѣсто: „Прошедшіе праздники (Рождества Христова) очень мало напоминаютъ собою прежнее время. Нынѣче мы не тѣ, что были прежде. Праздничныя угощенія ограничиваются нынѣ скромнымъ кружкомъ родныхъ и ближайшихъ знакомыхъ; о панскихъ фестиваляхъ вовсе не слышно. Чаще всего нынѣче каждый старается проводить праздничное время въ кругу семейства, отгораживая себя отъ всего остальнаго міра, желая ему, впрочемъ, всевозможныхъ благъ. Понятно, что семейное начало выигрываетъ отъ этого немало.

„Прошло и для торговцевъ время надеждъ и ожиданій. Кому какой достался праздничный подарокъ... о томъ я не знаю, да едва ли знаетъ кто-нибудь, хотя статистика передпраздничнаго торговаго движенія была бы поучительна и весьма любопытна; но такая статистика вовсе не существуетъ, между тѣмъ какъ о состояніи своихъ торговыхъ дѣлъ обыкновенно продавцы говорить откровенно не любятъ и на вопросы даютъ слишкомъ неопредѣленные и уклончивые отвѣты. Однако, на основаніи извѣстныхъ данныхъ, можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ и выводамъ: 1) съ нѣкотораго времени предпраздничное торговое движеніе у насъ съ году на годъ уменьшается; 2) это замѣтно больше въ провинціи, чѣмъ въ самой Варшавѣ, и 3) по отношенію къ провинціи, нужно предположить одно изъ двухъ: или она сдѣлалась воздержнѣе и разсудительнѣе, или бѣднѣе матеріальными средствами, чѣмъ было прежде. Вообще, въ нынѣшнемъ году цифра пріѣзжихъ въ Варшаву за закупками въ предпраздничное время была гораздо скромнѣе цифры прежнихъ лѣтъ. Но такое постепенное уменьшеніе цифры предпраздничныхъ покупателей съ году на годъ замѣчается уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Продавцы, торгующіе особенно колоніальнымъ и краснымъ товаромъ, очень жалуются на застой. Розовыя предположенія многихъ изъ нихъ далеко не оправдались....

„Что же это доказываетъ? Я уже сказалъ, что причиною неоправдавшихся купеческихъ надеждъ и ожиданій служитъ необычная воздержность или необычная разсудительность со стороны пуб-

Digitized by Google

лики. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что немаловажную роль при этомъ играетъ уменьшеніе матеріальныхъ средствъ. Послѣднее обстоятельство могло бы показаться тревожнымъ, если бы не тотъ утѣшительный фактъ, что противъ этого зла существуетъ надежное средство и что общество ищетъ его въ самообладаніи, въ трудѣ и внушеніяхъ разсудка. Фактъ этотъ доказывается непривычнымъ движеніемъ и оживленіемъ книжной торговли. Многіе не заглядывали къ виноторговцамъ, но заходили въ книжные магазины. Могу поручиться, что многіе изъ тѣхъ, которые въ прежнее время весело и шумно проводили праздничное время, нынѣче скромненько отправлялись въ книжные магазины и, вмѣсто питій и сластей, покупали пищу духовную, съ которою прежде встрѣчались черезчуръ рѣдко. Нынѣче не рѣдкость услышать такой афоризмъ: „нужно учиться!“ Дѣйствительно, книгопродавческое дѣло нынѣче у насъ развивается, и развивается какъ разъ въ обратно-пропорціональномъ отношеніи сокращенію и уменьшенію торговаго оживленія, которыя замѣчаются по отношенію къ предметамъ роскоши и щегольства“.... Фактъ поучительный и краснорѣчивый.

Что мѣстная печать сильно оживляется и развивается, это доказывается уже тѣмъ, что въ самой Варшавѣ въ настоящее время издается слишкомъ тридцать газетъ и журналовъ, существуетъ также нѣсколько частныхъ провинціальныхъ періодическихъ изданій, прекрасно редактируемыхъ. Кромѣ того, разныя книгопродавческія фирмы недавно пустили въ продажу новыя изданія полнаго собранія сочиненій болѣе извѣстныхъ и замѣчательныхъ писателей. Такъ, вновь изданы сочиненія: Крашевскаго, Корженевскаго, Бродзинскаго, Кондратовича (Сырокомля), Вильконскаго и др. По поводу этихъ изданій оживилась литературная критика, въ борьбѣ мнѣній выяснились новые взгляды, требованія и художественныя задачи. Что касается собственно до варшавской періодической прессы, то большинство органовъ ея отличается — нужно сказать правду — положительною безцвѣтностію, вслѣдствіе рутинной преданности старымъ литературнымъ преданіямъ и враждебнаго отношенія къ задачамъ современности и новымъ требованіямъ жизни. „Еженедѣльное Обозрѣніе“, т.-е. „Przegląd Tygodniowy“ справедливо называетъ эти органы „тридцатью мумiями, которыхъ каменныя уста могутъ издавать только безжизненные звуки“. Въ числѣ этихъ органовъ есть нѣсколько иллюстрированныхъ, каковы: „Tygodnik Illustrowany“ (Иллюстрированный Еженедѣльникъ); „Kłosy“ (Колосья); „Wędrowiec“ (Путешественникъ) и недавно почившій отъ дѣлъ своихъ, послѣ годичнаго существованія, „Wieniec“ (Вѣнокъ). Не касаясь характера и направленія этихъ изданій, которыя нужно отнести къ разряду „старовѣрче-

Digitized by Google

скихъ", нельзя не обратить вниманія на внѣшнюю ихъ сторону, на изящество и художественное совершенство политипажей. По истинѣ— это прелесть! Несомнѣнно, что гравировальное искусство, т.-е. рѣзьба на мѣди, на стали, на деревѣ, а также литографія находятся здѣсь, въ Варшавѣ, на высокой степени развитія. Посмотрите на эти художественные политипажи и гравюры, на эту чистую, легкую, изящную законченность и отдѣлку, на эти тонкіе и мягкіе переливы свѣта и тѣни! Взявши въ руки иной иллюстрированный журналъ, невольно почувствуешь досаду и сожалѣніе, что такіе художественные и прелестные рисунки украшаютъ собою часто крайне безцвѣтныя и безсодержательныя страницы. Но верхомъ совершенства въ этомъ отношеніи можетъ послужить, предпринятое недавно одною изъ книгопродавческихъ фирмъ, изданіе Библіи съ рисунками Густава Дорѣ. Въ окнахъ книжныхъ магазиновъ выставлены пробные листы этого роскошнаго, великолѣпнаго и истинно художественнаго изданія. Можно съ увѣренностью сказать, что какъ въ художественномъ, такъ и въ типографскомъ отношеніяхъ ничего совершеннѣе не сдѣлаютъ ни въ Лондонѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Лейпцигѣ.

Однако, ни значительное относительно количество органовъ періодической прессы, ни обиліе изданій произведеній изящной и художественной литературы не опредѣляютъ и не характеризуютъ пробуждающагося въ мѣстномъ обществѣ умственнаго движенія. Оно отличается болѣе реальнымъ, положительнымъ и серьезнымъ направленіемъ. „Нужно учиться"—говорятъ поляки, и они учатся, переводя на польскій языкъ всѣ болѣе замѣчательныя произведенія западноевропейской научной литературы и популяризируя, въ доступныхъ изданіяхъ, результаты, добытые современною европейскою наукою. И въ этомъ отношеніи впереди всѣхъ идетъ „Еженедѣльное Обозрѣніе". Къ программѣ этого журнала на 1873 г. приложено слѣдующее объявленіе, которое считаю не лишнимъ привести здѣсь въ извлеченіи: „Самая необходимая для насъ вещь—*знаніе*. Для пріобрѣтенія знанія необходимы *хорошія книги*, которыя должны быть столько же дешевы, сколько хлѣбъ насущный. Редакція нашего журнала рѣшилась доставить читающей публикѣ, въ польскомъ переводѣ, дешевыя и хорошія книги, именно: за 5 руб. сер. она даетъ 50 томовъ чисто-*научныхъ* сочиненій, отъ философіи до наукъ прикладныхъ, т.-е. по 10-ти коп. за каждый томъ. Изданіе наше обниметъ собою по возможности всѣ сферы знанія и будетъ заключать все, что есть лучшаго въ иностранныхъ литературахъ, причемъ обращено будетъ вниманіе на возможную ясность и доступность изложенія". Затѣмъ слѣдуетъ подробный списокъ всѣмъ сочиненіямъ, которыя составятъ собою сказанные 50 томовъ. Тутъ встрѣчаются имена Милля, Герб.

Digitized by Google

Спенсера, Тэна, Дрэпера, Карпантье, Фребеля, Смайльса, Фаредея и многихъ другихъ; есть и русскія имена, какъ-то: Сѣченова и др. Нужно замѣтить, хотя это очевидно и само по себѣ, что тутъ нѣтъ ни слѣда какой бы то ни было спекуляціи, ибо дешевле 10-ти коп. сер. за томъ научнаго содержанія невозможно ничего себѣ вообразить. Отсутствіе спекуляціи видно и изъ того, что редакція не дѣлаетъ никакой разницы между подписчиками и неподписчиками на свой журналъ, такъ что изданіе 50-ти томовъ популярно-научныхъ сочиненій вовсе не находится въ связи и не имѣетъ ничего общаго съ изданіемъ самого журнала. Но приведенное выше объявленіе равносильно было набатному колоколу. Изъ соперничества и конкурренціи, многія варшавскія изданія выпустили объявленія, гласящія, что въ наступившемъ 1873-мъ году они, за ничтожную прибавку къ подписной цѣнѣ, дадутъ своимъ подписчикамъ множество разныхъ литературныхъ и научныхъ приложеній, но только своимъ подписчикамъ; а одинъ журналъ, именно „Иллюстрированный Еженедѣльникъ"—увѣряетъ, что для своихъ подписчиковъ онъ устроитъ въ наступившемъ году даже лотерею!.. Можно ожидать, что опять-таки изъ конкурренціи, иной какой-либо журналъ, или газета, выдумаетъ еще получше что-нибудь, устроитъ для своихъ подписчиковъ, напримѣръ, bal masqué съ танцами... Дѣло въ томъ, что имѣя свою, очень обширную типографію, редакція сказаннаго журнала располагаетъ не малымъ количествомъ всякаго залежавшагося печатнаго хлама, и вотъ этотъ-то хламъ редакція четыре раза въ годъ будетъ розыгрывать въ пользу своихъ подписчиковъ. Счастливый подписчикъ можетъ сразу выиграть цѣлую библіотеку, состоящую не меньше какъ изъ 150-ти томовъ... Заманчиво!

Къ числу достойныхъ вниманія научно-литературныхъ предпріятій нужно отнести также „Библіотеку позитивной философіи", которая должна обнять лучшія произведенія болѣе извѣстныхъ представителей западно-европейскаго позитивизма. „Библіотека" издается при другомъ прогрессивномъ журналѣ, весьма близкомъ по программѣ къ „Еженедѣльному Обозрѣнію", именно при двухнедѣльномъ журналѣ „Niwa" (Нива); редакцію „Библіотеки" взялъ на себя молодой ученый г. Охоровичъ, который въ вышедшемъ уже первомъ нумерѣ помѣстилъ, въ видѣ предисловія, дѣльно написанный взглядъ на характеръ и значеніе позитивной философіи. Замѣчательнѣе и комичнѣе всего то, что, изъ ненависти къ неугомонному „Еженедѣльному Обозрѣнію", мѣстные старовѣры относятся весьма якобы сочувственно къ „Нивѣ" и съ любезно-снисходительною улыбкою привѣтствуютъ ея „Библіотеку". Фельетонистъ „Варшавской Газеты" пишетъ о ней слѣдующее: „...Не могу не упомянуть о двухъ пер-

Digitized by Google

выхъ нумерахъ „Библіотеки позитивной философіи", изъ коихъ въ первомъ помѣщена статья г. Охоровича, опредѣляющая значеніе и характеръ этой философіи. Говорю о ней не въ качествѣ критика (sic), такъ какъ не имѣю желанія вдаваться въ критику, да она не имѣетъ ничего общаго съ моими письмами. Я желалъ бы лишь обратить вниманіе на то, что въ статьѣ этой читатели найдутъ, хотя общій, но отнюдь не произвольный взглядъ на позитивизмъ. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Охоровича можетъ быть полезенъ для тѣхъ особенно, которые понятіе о позитивизмѣ получили изъ пятыхъ и десятыхъ рукъ... Слѣдуетъ прибавить, что наши журнальные крикуны, распинающіеся за позитивизмъ, не имѣютъ о немъ никакого сколько-нибудь опредѣленнаго понятія. Они принимаютъ его за матеріализмъ *(неправда)*, уничтожающій все, что только напоминаетъ *о духѣ*, откуда бы ни исходило вѣяніе этого духа,—*изъ могилы или изъ жизни*. Трудъ г. Охоровича неизбѣжно умѣритъ горячку позитивизма и убѣдитъ многихъ, что позитивизмъ не заключаетъ въ себѣ ничего ужаснаго *(еще бы!)*, что онъ есть не что иное, какъ извѣстный научный методъ, своего рода философская доктрина..." Вся эта тирада, есть не что иное, какъ камешекъ, съ притворной небрежностію брошенный въ огородъ „Еженедѣльнаго Обозрѣнія"; но весь комизмъ тутъ въ томъ, что почтенный фельетонистъ, очевидно, самъ только лишь теперь изъ сказанной статьи получилъ кое-какое понятіе о позитивизмѣ и убѣдился, что „чортъ далеко не такъ страшенъ, какъ его малюютъ". Изъ-за чего же такая вражда къ „Еженедѣльному Обозрѣнію?" Неужели за отрицаніе „духа, вѣющаго изъ могилы?.."

Такъ, въ борьбѣ противоположныхъ мнѣній и стремленій, при сознаніи съ одной стороны современныхъ требованій жизни и при слѣпой привязанности къ рутинѣ съ другой, въ столкновеніи молодыхъ силъ и порывовъ съ самодовольнымъ обскурантизмомъ традиціонности и апатіей національнаго старовѣрчества, вскормленнаго на безплодномъ и безсодержательномъ идеализмѣ, развившемся до болѣзненной экзальтаціи, до идіосинкразіи—мы видимъ и здѣсь то же самое, что видимъ, хотя при иныхъ обстоятельствахъ и въ иной формѣ, у себя, что видимъ при подобныхъ обстоятельствахъ вездѣ, т.-е. отсутствіе прямоты и искренности на сторонѣ, сознающей свое безсиліе, удары изъ-за угла и сваливаніе съ больной головы на здоровую... Само собою разумѣется, что результаты борьбы не подлежатъ сомнѣнію и, конечно, ничто и особенно подобные полемическіе пріемы не спасутъ стороны слабой, носящей въ самой себѣ зародыши разложенія. Но то, что исполнено силы и жизни—должно жить и будетъ жить, желательно ли въ этомъ сознаться, или не

Digitized by Google

желательно. Вникая ближе въ сущность современнаго умственнаго движенія, объявшаго нынѣшнее польское молодое поколѣніе, легко убѣдиться, что движеніе это направлено почти исключительно на насущные, положительные и практическіе вопросы жизни, съ полнѣйшимъ отреченіемъ *отъ мертвеннаго духа, встающаго изъ могилъ*, отъ всякихъ безплодныхъ мечтаній и увлеченій. Поднять мѣстную культуру до уровня культуры европейской—такова цѣль завѣтныхъ стремленій современной польской генераціи. Въ основаніи общественнаго развитія должны лежать науки точныя, прикладныя, знаніе реальное, какъ главные двигатели успѣховъ промышленности, хозяйства, торговли, ремеслъ, экономіи и индустріи, безъ которыхъ немыслимо общественное благосостояніе и, слѣдовательно, самая культура. Спокойная и мирная жизнь, благопріятныя условія быта, накопленіе матеріальнаго и умственнаго капитала возможны только при помощи основательнаго знанія, при упорномъ и продолжительномъ общественномъ трудѣ, и достигаются исключительно путемъ индукціи. Жизнь слагается изъ мелочей, и потому величайшая ошибка — терять время на широкіе взгляды, искать недостижимыхъ идеаловъ, увлекаться мечтами и несбыточными надеждами, пренебрегая насущными, мелкими интересами и потребностями жизни. Такой взглядъ на жизнь и ея задачи, обусловливаемый политическимъ состояніемъ общества, — весьма однако далекъ отъ матеріализма: обыденная, ежедневная жизнь, съ ея горемъ и радостями, заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе истинной поэзіи, чѣмъ идеалистическія галлюцинаціи, и несравненно болѣе „духа“, чѣмъ элегическая мечтательность, ищущая „духа“ среди могилъ. При такомъ направленіи общественной мысли и общественныхъ стремленій является возможность полезнаго и производительнаго труда, обусловливающаго собою довольство и благосостояніе, въ жизни водворяется порядокъ и ладъ, ведущіе къ накопленію нравственнаго и умственнаго капитала,—все же это вмѣстѣ взятое составляетъ собою то, что́ мы называемъ *культурою*. Культурированное общество имѣетъ еще ту завидную особенность, что оно способно къ самодѣятельности и самопомощи. По отношенію къ здѣшней окраинѣ, обстоятельства такъ именно сложились, что поляки по-неволѣ должны искать спасенія только въ самодѣятельности и самопомощи, тогда какъ у насъ, во внутреннихъ губерніяхъ, даже богатые землевладѣльцы и собственники бросаютъ свои имѣнія и ищутъ выгодныхъ мѣстъ на государственной службѣ. Массы образованныхъ молодыхъ людей, выпускаемыхъ ежегодно здѣшними учебными заведеніями, имѣя для себя закрытый по большей части доступъ въ государственную службу, принуждены инымъ путемъ добывать себѣ средства къ жизни; и они

Digitized by Google

пріучаются добывать ихъ, прилагая свой трудъ и знаніе къ частнымъ предпріятіямъ и дѣламъ, къ промышленности, торговлѣ, ремесламъ, литературѣ и искусствамъ, могущественно вліяя такимъ образомъ на развитіе и возвышеніе уровня мѣстной культуры. Нужно быть слѣпымъ, чтобы этого не видѣть. Въ самой Варшавѣ есть много роскоши, есть много безъисходнаго горя и нищеты, но гораздо болѣе умѣреннаго довольства, скромнаго благосостоянія и чрезвычайно много неутомимаго, упорнаго труда, промышленно-экономическаго, ремесленнаго и торговаго. Дѣятельная, трудолюбивая жизнь города доказывается всегдашнимъ оживленіемъ и движеніемъ на его улицахъ, которыя съ году на годъ болѣе и болѣе расширяются и украшаются; относительно же благосостоянія его населенія видно изъ того, что во всѣхъ мѣстахъ общественныхъ собраній, которыхъ здѣсь очень много, вы всегда найдете, особенно въ праздничное время, массы народа. Все это народъ трудящійся, работающій за ремесленнымъ станкомъ, за купеческою или банкирскою конторкой, ищущій въ праздничное время отдыха и развлеченія. Въ иные дни улицы города бываютъ почти непроходимы отъ движущихся массъ народа, отъ множества общественныхъ и частныхъ экипажей; на гуляньяхъ же и въ театрахъ, особенно въ лѣтнее время, когда Варшава имѣетъ нѣсколько театровъ въ публичныхъ садахъ, подъ открытымъ небомъ—бываетъ просто давка. И откуда, подумаешь, беретъ деньги весь этотъ народъ, большею частію неслужащій и безчиновный.... Главное, что среди этихъ массъ вы нигдѣ не наткнетесь на такъ-называемый *скандалъ*, нигдѣ не увидите пьянаго и не замѣтите разгула широкой натуры, хотя славянская натура поляка отнюдь не уже и не мельче нашей, русской. Быть можетъ, приличіе и порядокъ, господствующіе на здѣшнихъ общественныхъ собраніяхъ, зависятъ во многомъ отъ предусмотрительности здѣшней дѣйствительно образцовой и интеллигентной полиціи; тѣмъ не менѣе, самыя массы не чужды чувства приличія, сдержанности и порядочности, свойственныхъ людямъ болѣе или менѣе образованнымъ, которымъ нечужды извѣстные установившіеся нравы и привычки.

На томъ слѣдовало бы мнѣ и покончить настоящее письмо, если бы не являлся неизбѣжный вопросъ всякій разъ, какъ заговоришь о польскихъ дѣлахъ: причемъ же тутъ обрусеніе? Каковы его успѣхи?

На подобный вопросъ отвѣчать крайне не легко—и, во-первыхъ, слѣдуетъ опредѣлить, что́ требуется понимать подъ словомъ „обрусеніе?“ Какъ ни выворачивайте этотъ вопросъ, съ какой стороны къ нему ни подходите, вы непремѣнно придете къ тому, что весь вопросъ сводится на распространеніе собственно только русскаго языка

Digitized by Google

за неимѣніемъ у насъ пока иного нравственнаго капитала... Въ этомъ отношеніи, могу увѣрить, успѣхи значительны и превосходятъ всякія ожиданія, благодаря образцовому порядку и превосходной организаціи учебнаго дѣла въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ, и тому обстоятельству, что всѣ предметы излагаются на русскомъ языкѣ. Говорю это съ совершеннѣйшимъ безпристрастіемъ и съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ въ очевидной истинѣ того, что говорю. Но выводить изъ этого обстоятельства какія-либо крайнія заключенія— было бы весьма ошибочно. Для русскаго языка поляки *никогда не откажутся отъ собственнаго языка, литературы и культуры*. Истина эта сознана даже такими компетентными лицами, какъ бывшій ректоръ здѣшняго университета г. Лавровскій, который въ истекшемъ году, на праздникѣ Кирилла и Меѳодія, прямо высказалъ убѣжденіе, что „искусственное обрусеніе поляковъ немыслимо и невозможно", и что вовсе не такова должна быть задача русскихъ дѣятелей въ здѣшнемъ краѣ. Подобный отзывъ нашего ученаго, да еще доктора славяно-русской филологіи, сходенъ аналогически съ отзывомъ Палацкаго, который надежды нашихъ славянофиловъ на то, что чехи усвоятъ себѣ когда-либо русскій языкъ, отказавшись отъ родного, называетъ „мечтаніями, которыя такъ и останутся мечтаніями".

Наши отношенія къ привислянскому краю должны быть неизбѣжно запечатлѣны двоякимъ характеромъ, именно: какъ къ вопросу внутреннему, государственному, и какъ къ вопросу общеславянскому, ибо таковъ вопросъ этотъ по своей натурѣ и сущности, такимъ онъ является въ сознаніи всего славянства, и отъ нашего отношенія къ этому вопросу, какъ къ таковому, зависятъ симпатіи и отношеніе всего славянства къ намъ самимъ, какъ къ великой славянской державѣ,—желателенъ ли намъ, или нежелателенъ подобный исходъ дѣла. Отношеніе же наше къ польскому вопросу, какъ къ общеславянскому, можетъ выражаться не иначе, какъ неприкосновенностью съ нашей стороны къ мѣстнымъ отличіямъ и этнографическимъ особенностямъ края.

Я постараюсь другой разъ коснуться ближе этого предмета.

Л. Л.

Варшава, 15/27 января, 1873.

Digitized by Google

НЕКРОЛОГЪ.

Дмитрій Ивановичъ Каченовскій.

Необширенъ кругъ русскихъ ученыхъ и людей мысли, а смерть еще вырываетъ преждевременно лучшихъ дѣятелей изъ ихъ среды. Прошедшій годъ былъ въ этомъ отношеніи особенно тяжелъ, и заключился онъ горестной утратой, которая постигла харьковскій университетъ со смертію Дмитрія Ивановича Каченовскаго, профессора международнаго права. Изнурительная чахотка свела его въ могилу.

Покойному Дм. Ив. едва минуло 45 лѣтъ, 8-го декабря 1872 г., а наканунѣ смерти, 20-го декабря, исполнилось двадцать три года его профессорской дѣятельности. Онъ вспомнилъ объ этомъ въ небольшомъ кружкѣ собравшихся къ нему посѣтителей, и выслушалъ ихъ добрыя пожеланія, чтобы съ наступленіемъ весны силы его укрѣпились. На другой день, 21-го декабря, въ 6 час. утра его не стало.

Дм. Ив. Каченовскій родился 8-го декабря 1827 г., въ Карачевѣ, Орловской губерніи, остался сиротою въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и, къ счастью, на рукахъ у матери, которая умѣла понять, что живой, острый, даровитый ребенокъ найдетъ себѣ мѣсто среди болѣе счастливо поставленныхъ людей, если только дать ему образованіе. Опредѣливъ сына на казенный счетъ въ канцелярское училище въ гор. Орлѣ, она открыла ему путь, на которомъ рано обозначилось его призваніе. Переведенный за отличные успѣхи изъ канцелярскаго училища въ харьковскую гимназію, тогда единственную въ городѣ, бѣдный сирота не переставалъ обращать на себя вниманіе дарованіями и успѣхами, окончилъ прекрасно курсъ въ гимназіи и удивилъ своихъ учителей при окончательномъ экзаменѣ обширною памятью и необыкновенными, сравнительно, свѣдѣніями по географіи. Съ неменьшимъ успѣхомъ прошелъ онъ университетскій курсъ, по окончаніи его оставленъ для приготовленія къ профессорскому званію и, по ходатайству харьковскаго университета, освобожденъ отъ обязанности прослужить извѣстный срокъ по министерству внутреннихъ дѣлъ за свое воспитаніе на счетъ этого учрежденія. Въ тѣ времена не было ни стипендіатовъ, ни приватъ-доцентовъ. Будущему профессору надо было кое-какъ жить уроками и въ то же время готовиться къ магистерскому экзамену. Тѣмъ не менѣе, молодой ученый въ одинъ

Digitized by Google

годъ успѣлъ съ честью выдержать свой экзаменъ и получилъ мѣсто адъюнкта-профессора международнаго права (въ 1849 г.). Отсюда начинается рядъ постоянныхъ и непрерывныхъ его занятій и тѣхъ литературныхъ трудовъ, которые доставили ему извѣстность далеко за тѣсными предѣлами его аудиторіи.

Кто не пережилъ самъ того періода, когда Дм. Ив. Каченовскому выпало на долю работать и дѣйствовать (1848—1855), тотъ не можетъ представить себѣ препятствій, на каждомъ шагу окружавшихъ подобнаго ему молодого профессора, съ независимымъ образомъ мыслей, съ горячею, безграничною любовью къ своей наукѣ, стоявшей въ тѣсной связи съ щекотливыми вопросами политики и общественной жизни. Надо было много энергіи и нравственныхъ силъ, гражданскаго мужества, чтобы остаться вѣрнымъ своимъ стремленіямъ въ той средѣ, гдѣ поставила его судьба. Достаточно припомнить одинъ фактъ изъ этого періода его жизни. Въ Харьковѣ онъ не могъ держать экзамена на степень доктора и долженъ былъ просить о пособіи для поѣздки въ Москву подъ предлогомъ дополненія своей докторской диссертаціи новыми матеріалами, которыхъ онъ не находитъ въ Харьковѣ. По представленію тогдашняго генералъ-губернатора и попечителя С. А. Кокошкина, онъ достигъ своей цѣли. Со времени этой поѣздки и публичнаго диспута въ Москвѣ начинаются связи Дмитрія Ивановича съ Грановскимъ и его друзьями, не ослабѣвшія со смертію почтеннаго московскаго ученаго. Покойный Дм. Ив. остался вѣренъ имъ до гроба, какъ доказываютъ письма, полученныя въ теченіи первыхъ десяти дней послѣ его кончины.

Поѣздка за границу была новымъ и большимъ событіемъ въ жизни покойнаго. Девять лѣтъ онъ ждалъ этого счастья, и только въ 1858-мъ г. открылся предъ нимъ путь туда, куда давно манила его жажда знанія. Во время этой первой и самой счастливой своей поѣздки, онъ вступилъ въ знакомство и дружескія сношенія со многими учеными Германіи, Франціи и Англіи. Впослѣдствіи поѣздки его заграницу повторялись. Въ два-три года разъ онъ чувствовалъ потребность подышать тою широкою общественною атмосферою, которой онъ не находилъ кругомъ себя, освѣжиться въ болѣе свободномъ царствѣ мысли и отдохнуть или принять участіе въ дѣятельности того обширнаго ученаго кружка, какой былъ невозможенъ въ провинціальномъ городѣ.

Жизнь покойнаго Дм. Ив. Каченовскаго, какъ всякаго ученаго, за рѣдкими исключеніями, не богата внѣшними событіями. Очертить же его личность вполнѣ можно было бы только тогда, если заглянуть въ тотъ внутренній міръ, въ которомъ онъ жилъ по преимуществу, и коснуться той неустанной работы мысли и нравственной тре-

Digitized by Google

вогн, которая имъ пережита. У насъ осталось въ памяти то, что говорилъ покойный объ этой сторонѣ своей жизни, кажется, словами Грановскаго: „Мы всѣ помятые, надломленные люди. На *неизбѣжную* борьбу мы потратили слишкомъ много силъ. Теперь стало жить легче, и жилось бы, кажется, и хотѣлось бы жить, да насъ не надолго достанетъ." Стоя далеко отъ центра практической дѣятельности, покойный никогда не оставался равнодушнымъ или безучастнымъ зрителемъ совершавшихся вокругъ него событій и, слѣдя за послѣдними преобразованіями въ нашемъ отечествѣ, откликался на каждое изъ нихъ словомъ или посильнымъ дѣломъ. Публичныя лекціи при введеніи судебной реформы, живое участіе въ чтеніяхъ на пользу школъ и женской гимназіи въ Харьковѣ, не менѣе дѣятельное участіе въ обществѣ для пособія бѣднымъ студентамъ — вотъ чѣмъ выражалось всегда его сочувствіе. Мы помнимъ, съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ онъ введеніе земства, съ какимъ, можно сказать, благоговѣйнымъ чувствомъ приступалъ къ исполненію обязанностей присяжнаго, когда ему въ первый разъ выпала очередь. Давно ознакомившись съ судомъ присяжныхъ въ Англіи, изучая подробно и внимательно плодотворное и широкое вліяніе этого института на общество, онъ считалъ его лучшимъ пріобрѣтеніемъ нашего законодательства въ ряду послѣднихъ реформъ.

Время у Д. И. Каченовскаго было распредѣлено строго, съ необыкновенною точностью, и потому у него было время на все. Кто хотѣлъ съ нимъ вмѣстѣ отправиться на литературный или музыкальный вечеръ, тому надо было не пропустить условной минуты, чтобы найти его дома. Только при такой точности возможно было сдѣлать столько, сколько онъ успѣвалъ, и найти время для любимыхъ имъ музыкальныхъ занятій, для чтенія лучшихъ произведеній иностранной литературы или для изученія испанскаго языка, которымъ одно время онъ занимался съ большимъ увлеченіемъ. Покойный слѣдилъ также за своею родною литературою, зналъ ее прекрасно и не пропускалъ ни одного новаго замѣчательнаго произведенія. Но онъ былъ врагъ литературнаго неряшества и всего писаннаго на скорую руку, небрежно, слогомъ телеграммъ. За то къ себѣ онъ былъ необыкновенно строгъ, пересматривалъ не одинъ разъ каждую свою статью, назначаемую къ печати, и писалъ просто, ясно, убѣдительно.

Перечень главныхъ его ученыхъ и литературныхъ трудовъ приведенъ профессоромъ А. Н. Стояновымъ въ „Харьк. Вѣдом." (30-го декабря, 1872 г., № 197). „Докторская его диссертація, о каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ,—говоритъ Стояновъ,—составила капитальное пріобрѣтеніе для литературы международнаго права. Встрѣченная серьезною и въ то же время лестною рецензіею извѣстнаго гер-

Digitized by Google

манскаго публициста Вурма, переведенная на англійскій языкъ докт. Праттомъ (адвокатомъ бывшей лондонской корпораціи Doctor's Commons), книга эта цитуется теперь лучшими публицистами Англіи, Франціи и Германіи". Съ своей стороны, мы укажемъ еще на одну особенность этого, перваго по времени, ученаго труда Дм. Ив. Каченовскаго, особенность, замѣченную немногими. Различныя перемѣны въ духѣ гуманности и улучшенія въ призовомъ судопроизводствѣ, а также смягченія, введенныя въ военномъ морскомъ правѣ за послѣднее время (около 1856 г.), были предугаданы авторомъ или же высказаны въ видѣ пожеланій, какъ требованія (постулаты) основныхъ началъ международнаго права.

Приведемъ, далѣе, другіе его ученые труды. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ" были напечатаны и потомъ изданы отдѣльно (въ небольшомъ числѣ экземпляровъ): 1) „Взглядъ на исторію политическихъ наукъ въ Европѣ", 1859 года; 2) „Даніилъ Вебстеръ"; этотъ біографическій этюдъ переведенъ по-французски и изданъ въ Брюсселѣ. Въ Запискахъ лондонскаго юридическаго общества (Papers of the Juridical Society) помѣщены два его мемуара: „О современномъ состояніи международнаго права въ Европѣ" (1859 и 1862 гг.). Отдѣльно изданы: 1) „О современномъ состояніи политическихъ наукъ на западѣ Европы и въ Россіи". Харьковъ. 1862 г.; 2) „Курсъ международнаго права" всего два выпуска. Оба переведены на англійскій языкъ докт. Праттомъ; но, кажется, не напечатаны, за смертью переводчика. Позднѣйшими работами его были: 1) „Старые флорентинскіе мастера" (въ „Вѣстникѣ Европы", 1869 г., авг. и окт.); и 2) Разборъ изданнаго въ прошломъ году сочиненія Ипполита Пасси: „О формахъ правленія", помѣщенный въ бельгійскомъ журналѣ „Revue de droit international".

Въ этотъ перечень не входятъ многіе очерки и журнальныя статьи, которыя помѣщались, нерѣдко безъ имени автора, въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Кромѣ того, въ бумагахъ покойнаго (еще неразобранныхъ) осталось значительное число лекцій, замѣтокъ и начатыхъ статей. Изъ числа первыхъ, часть курса государственнаго права европейскихъ державъ, какъ говорилъ покойный, можетъ быть напечатана съ незначительными поправками. Монографія о Микель-Анджело, кажется, почти окончена, и вышеупомянутая статья о флорентинскихъ мастерахъ служила введеніемъ къ ней.

Незадолго до смерти, Дмитрій Ивановичъ выразилъ желаніе, чтобы близкіе товарищи позаботились о пересмотрѣ его рукописей и издали то, что найдутъ въ нихъ годнаго къ печати. Воля покойнаго будетъ исполнена...

Digitized by Google

Забвеніе—общій удѣлъ умершихъ; но, мы увѣрены, оно не скоро коснется этой свѣжей, преждевременной могилы и этого имени, дорогого всѣмъ, кто близко зналъ Д. И. Каченовскаго, горячо его любилъ, какъ друга, или глубоко уважалъ, какъ человѣка. Лучшая похвала покойному невольно сложилась въ устахъ его почтенной старушки-матери, когда она, удрученная горемъ, въ минуты скорби, пала на колѣни и громко произнесла: „Благодарю тебя, Господи, за то, что Ты далъ мнѣ счастье — двадцать лѣтъ прожить съ нимъ, съ такимъ сыномъ, который никогда и ничѣмъ себя не запятналъ".

Я. Б.

Харьковъ, 10-го января, 1873 года.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 20-го ноября 1872 года.

1) Отклонены ходатайства четырехъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.

2) Выдано 50 руб. вдовѣ писателя, находящейся въ бѣдности.

3) На воспитаніе сына покойнаго писателя положено отпускать ежемѣсячно по 15 рублей.

4) На основаніи пункта *е* § 5 устава Общества, положено выдавать по 20 руб. въ мѣсяцъ молодой переводчицѣ, неимѣющей никакихъ средствъ къ жизни, впредь до окончанія ею курса наукъ.

Засѣданіе комитета 4-го декабря 1872 года.

1) Выдано въ пособіе двумъ, находящимся въ бѣдности литераторамъ: одному—25 руб., и другому 50 руб.

2) На уплату долговъ одной писательницы отпущено—100 руб. и на погребеніе писателя 50 руб.

3) Назначена пенсія въ 300 руб. вдовѣ писателя.

4) Отклонены ходатайства трехъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ тѣмъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.

5) Выдано 75 руб. тяжко-больному писателю.

6) Взамѣнъ выбывающихъ 2 февраля 1873 г. членовъ комитета К. Д. Кавелина, П. М. Ковалевскаго, В. П. Гаевскаго, Н. Н. Тютчева, и на мѣсто покойнаго Б. И. Утина избраны слѣдующіе кандидаты въ члены комитета: М. М. Стасюлевичъ, Г. Г. Данилевичъ,

Digitized by Google

О. Ѳ. Миллеръ, М. Б. Чистяковъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, И. А. Гончаровъ, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, В. М. Жемчужниковъ, В. И. Вешняковъ и А. Н. Плещеевъ.

Отчетъ казначея за ноябрь.

Къ 1-му ноября состояло на лицо 56,584 р. 87 коп. Въ ноябрѣ поступили взносы 6-ти членовъ Общества на 150 р. Израсходовано: на пенсіи 4-мъ семействамъ 306 руб.; на воспитаніе 155 р., на единовременныя пособія 3-мъ лицамъ 150 р.; а всего 611 р. Къ 1-му декабря въ кассѣ 56,123 р. 87 к., въ томъ числѣ процентными бумагами 53,140 р., на текущемъ счету 2,920 р. 24 к., деньгами 73 р. 63 к.

II. Подписка на памятникъ Пушкина.

(Отъ Высочайше учрежденнаго комитета для сооруженія памятника Пушкину.)

Согласно напечатаннымъ въ вѣдомостяхъ объявленіямъ комитета, пожертвованій поступило за время съ открытія въ апрѣлѣ 1871 г. дѣйствій комитета по 1-е сентября 1872 г. . . . . 39,711 р. 60½ к.

Затѣмъ въ теченіе сентября и октября доставлено:

а) Наличными деньгами . . . . . 562 р. 50 к.

б) Квитанціями главнаго, губернскихъ и уѣздныхъ казначействъ . . . . 1,683 „ 75 „

———— 2,246 р. 25 к.

Всего. . . . . 41,957 р. 85½ к.

По подпискѣ 1860 г. прежде собраны и находятся въ Государственномъ Банкѣ, съ процентами. . . . . 18,254 „ — „

Всего по 1-е ноября 1872 г. 60,211 р. 85½ к.

По сборнымъ книжкамъ въ сентябрѣ и октябрѣ поступило:

Отъ К. А. Петерсона — 93 р.; въ томъ числѣ отъ гр. А. Стенбокъ-Фермора—50 руб., отъ гр. Нестицъ—15 р. и отъ неизвѣстнаго 10 р. Отъ управляющаго пермскою казенною палатою—10 руб. Отъ областнаго правленія Войска Донскаго—8 р. 72 к. Отъ управляю-

Digitized by Google

щаго государственными имуществами Херсонской губерніи и Бессарабской области—11 р. Отъ т. сов. И. Д. Делянова—329 р. 38 коп. Отъ начальника Люблинской губерніи—59 р. 57½ к. коп. Отъ ставропольскаго губернатора—57 р. 35 коп. Отъ предсѣдателя кишиневскаго окружнаго суда—144 р. 91 к. Отъ управляющаго акцизными сборами Кіевской губерніи—371 р. 97½ коп.; въ томъ числѣ: отъ П. Е. Манчтета—10 р. и отъ неизвѣстнаго—10 р. Отъ управляющаго московскою контрольною палатою — 46 р. 89 к. Отъ начальника радзивиловскаго таможеннаго округа 93 р. 49 к. Отъ попечителя кіевскаго учебнаго округа—217 р. 49 к. Отъ Н. Н. Селифонтова—34 р.; въ томъ числѣ: отъ А. Д. — 15 р. отъ С. Д. Ширяева—86 р.; въ томъ числѣ: отъ С. Д. Ширяева—25 р., отъ Н. Смирнова — 10 р. и отъ Швецова—10 р. Отъ управляющаго акцизными сборами Харьковской губерніи—200 р.; въ томъ числѣ: отъ І. Бенкеръ—20 р., отъ Д. Кузнецова—10 р., отъ неизвѣстныхъ—30 р., отъ П. Михайловской—11 р., отъ Н. П. Трузсона—40 р. Отъ П. П. Семенова — 35 р. 50 к., въ томъ числѣ: отъ Н. Штиглица—10 р. Отъ И. П. Келера—114 р.; въ томъ числѣ: отъ Асташева—25 руб., отъ неизвѣстнаго — 9 р., отъ М. Ѳ. Зичи—50 р., отъ В. Мятлева — 10 р., отъ Н. Скалона — 10 руб. и отъ И. Келера—10 р. Отъ московской городской распорядительной думы—115 р. 27 к. Отъ Н. П. Литвинова—200 р.; въ томъ числѣ: отъ Нѣкто—10 р., отъ неизвѣстнаго — 10 р., отъ Нассонъ — 15 р., отъ Понасова — 10 р., отъ неизвѣстнаго — 10 р., отъ Любимовыхъ 111 р. 70 к.

Кромѣ того, помимо сборныхъ книжекъ, при особыхъ объявленіяхъ въ сентябрѣ и октябрѣ доставлено: отъ пермскаго губернатора—16 р. 70 к.; отъ пристава 2-го стана Евпаторійскаго уѣзда—1 руб.—Всего по 1-е ноября собрано 60,211 руб. 85½ к.

Къ сему комитетъ долгомъ считаетъ присовокупить, что такъ какъ конкурсъ на памятникъ уже открытъ и потому въ непродолжительномъ времени предвидится закрытіе подписки, то было бы весьма желательно, чтобъ лица, обязательно принявшія на себя трудъ участія въ сборѣ пожертвованій и еще не возвратившія подписныхъ книжекъ, благоволили доставить ихъ вмѣстѣ съ собранными деньгами, либо въ IV-е отдѣленіе собственной Его Величества Канцеляріи, либо тѣмъ членамъ комитета, отъ которыхъ получили книжки.

Digitized by Google

Пожертвованія еще принимаются въ редакціяхъ главныхъ газетъ, а также въ книжныхъ магазинахъ: въ С.-Петербургѣ — А. Ѳ. Базунова, И. И. Глазунова и Я. А. Исакова; въ Москвѣ — А. И. Глазунова и И. Г. Соловьева.

ПОПРАВКИ.

Въ январьской книгѣ просятъ исправить:

Стран.	Строч.	Напечатано	Вмѣсто:
140	4 св.	Ловчакъ	Ливчакъ
444	14 сн.	Лонгинскому	Ланчинскому

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ, 1873.

Книга первая. — Январь.

	стр.
Преданія первоначальной русской лѣтописи.—I—V.—Н. И. КОСТОМАРОВА.	5
На перепутьи.—Романъ.—Часть первая.—Н. ДМИТРІЕВОЙ	85
Переговоры князя Меншикова въ Константинополѣ.—По подлиннымъ документамъ.—М. И. БОГДАНОВИЧА	88
Русскіе въ Галиціи.—Литературныя и политическія замѣтки.—I-II.—М. Т—ОВЪ	115
Поэзія.—Стихотв. Я. П. ПОЛОНСКАГО	153
Новая Вѣна и ея самоуправленіе.—I-VIII.—Бар. Н. А. КОРФА	156
Практическая философія XIX-го вѣка.—Les discours de M. le Prince de Bismarck.—I-III.—А. Б.	195
Стихотворенія.—I. Эдвардъ.—II. Про подвигъ слышалъ я.—III. Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь.—Гр. А. К. ТОЛСТОГО	257
Странники или Бѣгуны въ русскомъ расколѣ.—III. Организація секты.—А. И. РОЗОВА	262
Эскизы итальянскаго общества.—I.—АНЖЕЛО ДЕ-ГУБЕРНАТИСЪ	296
Критика.—Новая книга о государственномъ кредитѣ.—Государственный кредитъ. Очеркъ возрастанія государственнаго долга въ Англіи и Франціи. М. М. Алексѣенко.—И. К—НЪ	309
Хроника.—О высшемъ образованіи женщины.—По поводу полемики пр. Бишофа съ пр. Вёмертомъ и Германомъ.—С. П. ЛОВЦОВА	324
Внутреннее Обозрѣніе.—Прошедшій годъ.—Жизнь общественная и административная.—Три десятилѣтія, и отпечатокъ ихъ въ современной прессѣ.—Послѣдніе результаты крестьянской реформы, по современному положенію крестьянскаго надѣла.—Выкупная операція.—Вопросъ о выкупныхъ платежахъ и податяхъ.—Интересы земледѣлія.—Реальныя училища и земство	347
Повальное пьянство и мѣры противъ него.—Н. А. ТИЗЕНГАУЗЕНА	382
Иностранное Обозрѣніе.—Окружная реформа въ Пруссіи.—Министерскій кризисъ.—Письмо императора-короля.—Борьба съ католицизмомъ.—Уступки Тьера большинству.—Избирательная реформа въ Австріи.—Испанскія дѣла.—Невольничество въ колоніяхъ.—Посланіе президента Гранта къ конгрессу	407
Корреспонденція изъ Парижа.—Тьеръ и „правая“.—Н.	423
Русская Литература.—Наша исторіографія.—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXII: Исторія Россіи въ цар. имп. Елисаветы Петровны, т. II.—С. Соловьева	439
Новыя книги.—Азбука, графа Л. Н. Толстого	450
Иностранная Литература.—Экономическіе успѣхи современной Англіи.—History of British Commerce and of the economic progress of the British nation, 1763—1870. By Leone Levi	457
Извѣстія.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	476

Digitized by Google

Книга вторая. — Февраль.

стр.

Алексѣй Словодинъ. — Семейная исторія. — Часть четвертая. — П. АЛЬМИНСКАГО 451

Преданія первоначальной русской лѣтописи.—VI-XII.—Н. И. КОСТОМАРОВА. 570

На перепутьи.—Романъ.—Окончаніе первой части.—Н. ДМИТРІЕВОЙ . . . 625

Наблюденія надъ историческою жизнію народовъ. — Часть вторая. — Новый міръ.—I.—С. М. СОЛОВЬЕВА 675

Международный тюремный конгрессъ и англійскія тюрьмы.—I-X. — М. Н. АНЕНКОВА 706

Прометей.—Изъ Байрона.—В. В. МАРКОВА 766

Русскіе въ Галиціи.—Литературныя и политическія замѣтки.—III.—М. Т—ОВЪ. 769

Хроника.—Писчебумажное производство и его современное положеніе.—W. . 799

Внутреннее Обозрѣніе.—Государственная роспись на 1873-й годъ. — Вопросъ объ издержкахъ взиманія.—Возрастаніе доходовъ и расходовъ. — Обложеніе податныхъ сословій.—Экономическое положеніе податной массы.—Балансъ росписи.—Отчетъ контроля за 1871-й годъ.—Сверхсмѣтныя ассигнованія.—Экстраординарные ресурсы.—Необходимость возстановленія денежной системы.—Мнѣніе адмирала Мордвинова о паденіи бумажныхъ денегъ 808

Иностранное Обозрѣніе.—Князь Бисмаркъ и графъ Роонъ.—Современное положеніе католицизма и протестантизма. — Пасторъ Кокрель. — Пасторъ Шантръ.—Пасторъ Зидовъ. — Епископъ Воганъ. — Архіепископъ Маннингъ.—Епископъ Дюпанлу.—Законъ о совѣтѣ просвѣщенія во Франціи.—Побѣды Ж. Симона.—Смерть Наполеона III. 844

Корреспонденція изъ Берлина. — Политическій кризисъ въ Пруссіи. — К. . . 864

Корреспонденція изъ Флоренціи. — Географическія изслѣдованія въ Италіи.—D. G. 889

Русская Литература.—Екатерина II, по ея письмамъ.—Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. IX и X 898

Новыя книги. — Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. А. фонъ-Фрикенъ. — Корабль „Ретвизанъ“. Годъ въ Европѣ и на европейскихъ моряхъ. Путевыя впечатлѣнія и воспоминанія. Д. В. Григоровича 910

Иностранная Литература.—Литературная дѣятельность во время французской революціи.—Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution, 1789—1794, v. Lotheissen 916

Новыя Книги. — Leçons élémentaires d'hygiène à l'usage des établissements d'enseignement secondaire, par V. Cornil 930

Новѣйшая польская журналистика.—Письмо къ редактору.—Л. Л. 932

Некрологъ.—Дмитрій Ивановичъ Каченовскій.—Я. Б. 945

Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—II. Подписка на памятникъ Пушкину. 953

Библіографическій Листокъ.

Digitized by Google

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Францъ Кутлеръ. Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина В. Пер. съ 3-го изд. И. К. Васильева. М. 1872, стр. 911. Ц. 7 р.

При крайней бѣдности у насъ художественной литературы, извѣстная книга Кутлера, добросовѣстно переведенная, послужитъ не мало тѣмъ изъ нашихъ художниковъ, талантъ которыхъ, какъ то часто случается, не имѣетъ опоры въ научной подготовкѣ. Переходъ отъ классической живописи къ христіанской разработанъ у него тщательно: тексту недостаетъ только объяснительныхъ рисунковъ. Гораздо слабѣе изложена средневѣковая живопись съ вліяніемъ на нее готическій стиль крестовыхъ походовъ и мавританскаго искусства. Лучшую часть книги составляетъ изложеніе живописи въ эпоху „возрожденія", и преимущественно итальянской школы. За то обзоръ новѣйшихъ школъ сведенъ почти на степень номенклатуры. Русская живопись ограничивается Брюлловымъ и Айвазовскимъ, и русскому переводчику слѣдовало бы дополнить этотъ отдѣлъ, пренебреженный иностраннымъ авторомъ, писавшимъ для своей публики,—какъ то дѣлаютъ вообще внимательные переводчики руководствъ и по другимъ предметамъ, такъ какъ всегда извѣстія о Россіи въ иностранныхъ руководствахъ остаются на заднемъ планѣ.

Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Соч. Мигуеля Сервантеса Сааведры. Пер. съ испанск. В. Карелина. Изд. 2-ое. Спб. 1873, стр. 663. Ц. 4 руб.

Вниманіе публики къ русскому переводу безсмертнаго произведенія Сервантеса выразилось во второмъ его изданіи, но слѣдовало бы и переводчику проникнуться такимъ же уваженіемъ къ подлиннику и при второмъ изданіи исправить первое изданіе, освободивъ его отъ безконечныхъ періодовъ и обветшалыхъ словъ, затрудняющихъ чтеніе, а иногда и смыслъ. Вообще, у насъ переводы дѣлаются, какъ часто строются желѣзныя дороги посредствомъ концессій: на переводѣ читаешь довольно извѣстное имя, а производство самаго перевода сдается въ руки болѣе дешёвыя и менѣе опытныя, и потому неудивительно, что переводы являются у насъ столь часто плохими и ненадежными проводниками для публики, а читатель рискуетъ потратить свое время и деньги на знакомство съ пародіею на оригиналъ. Въ русскомъ переводѣ Донъ-Кихота мы встрѣчаемъ по крайней мѣрѣ приличныя картинки, а не пятна,—и то заслуга; но цѣна, и притомъ для второго изданія, весьма высока.

Техническая школа ремеслъ, искусствъ и промысловъ, доступная для всѣхъ сословій. Составл. подъ редакціею инж.-техн. Гомановскаго. Въ 4-хъ частяхъ, съ 315 рисунками въ текстѣ. Москва. 1873, стр. 117, 121, 103 и 131.

Изданіе предназначается въ руководство для промышленныхъ заведеній и ремесленныхъ училищъ, и составлено частнымъ обществомъ московскихъ техниковъ, но на этотъ разъ соединеніе силъ, повидимому, не послужило въ пользу. Помимо языка, уже слишкомъ ремесленнаго, безконечныхъ опечатокъ, путаницы въ строкахъ, руководство является разнопестрою компиляціею изъ случайно выбранныхъ и невнимательно переведенныхъ брошюръ и статей, причемъ составители руководства, очевидно, сами ничѣмъ не руководствовались. Остается оцѣнить одно доброе желаніе составителей восполнить недостатокъ у насъ популярныхъ книгъ къ распространенію полезныхъ свѣдѣній, но это желаніе такъ и осталось желаніемъ. Политипажи, которыми снабжено руководство, не только могли, но и должны бы быть къ наше время несравненно лучше.

Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—54 гг. Дневникъ *Н. В. Буссе*. Спб. 1872, стр. 164. Ц. 1 р. 25 к.

Нашимъ читателямъ знакомъ въ цѣлости этотъ посмертный трудъ автора, обращающій на себя вниманіе въ настоящее время, какъ одно изъ немногихъ описаній мѣстности, предназначаемой для раціональнаго устройства ссылки. Въ отдѣльномъ изданіи обращаетъ на себя вниманіе отвѣтъ одного изъ родственниковъ автора гг. Невольскому и Рудановскому, писавшимъ возраженія на дневникъ Буссе. Но все это дѣло не имѣетъ никакого общественнаго интереса, и значеніе труда автора нисколько не зависитъ отъ хода преній по возбужденнымъ имъ вопросамъ личнаго характера. Читавшіе замѣчанія противниковъ автора найдутъ въ объясненіи его родственника фактическое опроверженіе ихъ доводовъ по пунктамъ.

Разсказы изъ русской исторіи. *Б. А. Павловича*. Изд. Кожанчикова. Спб. 1873, стр. 341. Ц. 2 р.

Какъ книга для дѣтскаго чтенія, сборникъ г. Павловича весьма удовлетворителенъ, по своему тексту, а равно и по иллюстраціямъ, приложеннымъ къ тексту. Автора можно упрекнуть развѣ за то, что онъ не коснулся всѣхъ важнѣйшихъ моментовъ исторіи, какъ того слѣдовало бы ожидать, и напримѣръ, въ его сборникѣ мы не находимъ ни памятной эпохи смутнаго времени, ни вѣка Екатерины II, опущеннаго цѣликомъ! Издатель не позаботился сдѣлать оглавленія къ содержанію книги.

Очерки ирландской жизни. Изъ записокъ Ст. Тренча. Перев. съ англ. 1873, стр. 319. Ц. 1 р. 25 к.

Ирландія знакома намъ только по той безпокойной политической ролѣ, которую она играетъ въ исторіи Англіи, но что именно осуждаетъ ее на такую роль—мы знаемъ мало, и то знаемъ болѣе по англійской беллетристикѣ послѣдняго времени. Записки Тренча, жившаго много лѣтъ въ Ирландіи, даютъ любопытную и безпристрастную оцѣнку дѣйствительнаго внутренняго быта этой страны, безъ знакомства съ которымъ никогда нельзя понять политическихъ ея треволненій подъ управленіемъ правительства, принципы котораго возбуждаютъ въ Европѣ восторги и удивленіе, а въ Ирландіи—бунты. Книга читается весьма легко, благодаря картинности изложенія, неиспорченнаго русскимъ переводчикомъ.

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1873-МЪ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

I.—**Въ С.-Петербургѣ:** 1) *Безъ доставки* на домъ **15** руб. **50** коп. — 2) *Съ доставкою* по городской почтѣ **16** р.

II.—**Въ Москвѣ:** 1) Съ пересылкою *чрезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева* **16** р. 2) Съ пересылкою *чрезъ Газетную Экспедицію* **17** р.

III.—**Въ губерніи:** Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію **17** р.

IV.—**Заграницею:** За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: a) **2** руб.—въ *Германію* и *Австрію*; b) **3** р.—въ *Бельгію, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества*; c) **4** р.—во *Францію* и *Данію*; d) **5** р.—въ *Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію* и *Грецію*; e) **6** р.—въ *Швейцарію*; f) **7** р.—въ *Италію*.

1.—*ПОДПИСКА* принимается: a) отъ городскихъ подписчиковъ, въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; b) Иногородніе и иностранные высылаютъ по *почтѣ* исключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имени, отчества, фамиліи и того *почтоваго учрежденія*, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

2.—*ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе.—По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородніе — въ городскіе 50 коп.

3.—*ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, пересылается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ слѣдующею почтою, но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція не можетъ будетъ предварительно снестись съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не ранѣе полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишается возможности удовлетворить подписчика.—Точно также Редакція не можетъ удовлетворять жалобы тѣхъ подписчиковъ, которые, въ противность первому условію подписки, требуютъ высылки журнала на такія станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. пр., 30.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google